

А.И. ОСМАНОВ

**ДАГЕСТАН В XX ВЕКЕ:
ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ
РЕГИОНАЛЬНОГО
РАЗВИТИЯ**

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАГЕСТАНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
ОРДЕНА «ЗНАК ПОЧЕТА» ИНСТИТУТ ИСТОРИИ,
АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

А.И. ОСМАНОВ

**ДАГЕСТАН В XX ВЕКЕ:
ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ
РЕГИОНАЛЬНОГО
РАЗВИТИЯ**

В двух книгах

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАГЕСТАНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
ОРДЕНА «ЗНАК ПОЧЕТА» ИНСТИТУТ ИСТОРИИ,
АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

А.И. ОСМАНОВ

**Общественно-политическая жизнь
и социо-культурное развитие
народов Дагестана**

Книга вторая

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ЦН РАН

instituteofhistory.ru

ББК 63.3 (2Р-6Д) + 65.9 (2Р-6Д)
УДК94 (470.67) +33
О-74

Рекомендовано к изданию ученым советом Института ИАЭ ДНЦ РАН
30 ноября 2007г.

Рецензенты:

Г. А. Искендеров, д.и.н., проф., заслуженный деятель науки РД

Б. Б. Булатов, д.и.н., проф., заслуженный деятель науки РД

Османов А.И.

Дагестан в XX веке: Исторический опыт регионального развития: В 2-х кн. Кн.2.: Общественно-политическая жизнь и социо-культурное развитие народов Дагестана. – Махачкала: ООО «ДИНЭМ», 2007. – 622 с.

ББК 63.3 (2Р-6Д) + 65.9 (2Р-6Д)
УДК94 (470.67) +33

instituteofhistory.ru

Во второй книге монографического исследования «Дагестан в XX веке: исторический опыт регионального развития» освещены вопросы общественно-политической жизни и социо-культурного развития народов одного из многонациональных регионов страны. Многообразие рассматриваемых проблем, новые подходы и осмысление истории XX века, впервые прослеживаемые в течение столетия без строгого его деления, как это было принято в советской историографии, на досоветский и советский периоды, позволяют понять, что в политической, культурной и социальной жизни России и ее регионов произошли не менее глубокие изменения, чем в промышленности и сельском хозяйстве. Книга рассчитана на специалистов и студентов исторических факультетов вузов, на всех, интересующихся историей.

ISBN 5-91446-005-8

© Османов А.И., 2007
© ООО «ДИНЭМ», 2007

ПРЕДИСЛОВИЕ

Во второй книге монографического исследования «Дагестан в XX веке: исторический опыт регионального развития» освещаются вопросы общественно-политической жизни, социально-экономического и культурного развития Дагестана, рассматриваются основные этапы и направления роста духовного потенциала общества и личности, состояние народного просвещения, экономические, политические и социальные факторы роста художественной культуры и искусства, формирование творческой интеллигенции и подготовка научных кадров, изменения в социальной сфере, распределение духовных и материальных благ и услуг. Они показаны на материалах одного многонационального региона, на общероссийском историческом фоне, что позволяет выявить и полнее раскрыть взаимосвязь судеб дагестанских народов с судьбами русского и других народов России.

Многообразие рассматриваемых проблем, недостаточная изученность многих из них, новые подходы и осмысление истории XX века, впервые прослеживаемые в течение столетия без строгого его деления, как это было принято в советской историографии, на досоветский и советский периоды, позволяют понять, что модернизационные процессы в экономике, особенно в промышленности России и ее окраин, начатые в конце XIX – начале XX века, хотя на иной экономической основе и политической платформе, с иными задачами, были продолжены в советское время и получили бурное развитие во всех сферах народного хозяйства. Следует отметить, что в политическом развитии страны и ее регионов, в культурной и социальной жизни общества произошли не менее глубокие изменения, чем в промышленности и сельском хозяйстве.

При рассмотрении этих проблем автор старался, как и в первой книге, избегать облегченного изложения отдельных периодов и аспектов истории, отказаться от свойственной советской историографии апологетики, замалчивания в силу конъюнктурных соображений негативных фактов, отступлений от исторической правды, сокрытия конкретных недостатков и допущенных ошибок. Однако такой отказ вовсе не означает, что автор присоединяется к тем, кто представляет себе советскую историографию как «монумент сомнительной ценности, где наиболее масштабные оценки исторических явлений XX века подчинялись строгим идеологическим и политическим доминантам». ¹ Хотя в таком высказывании и есть доля истины, однако нельзя сводить всю советскую историографию к единому монументу, поскольку в ней были представлены различные оценки и подходы к оценке достижений Советского государства, многие из которых разделяли, а сегодня еще больше разделяют и зарубежные ученые.

При изложении материала автор старался учитывать существующие в литературе различные мнения, использовать все наиболее ценное и научно достоверное, что было в трудах и публикациях предшественников по рас-

смастриваемым проблемам. Их данные, как правило, сверялись и уточнялись с аналогичными сведениями, содержащимися в других источниках и трудах исследователей.

При подготовке монографии к изданию большую помощь оказали мои коллеги по работе М.Дж. Бутаев, Г.Ш. Каймаразов, Г.А. Искендеров, Г.И. Какагасанов, Э.М. Далгат, Ю.М. Лысенко, а также сотрудники Центра истории Дагестана, которым выражаю искреннюю признательность.

ГЛАВА V

XX ВЕК: ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ ДАГЕСТАНА

В первой книге издаваемой в двух книгах работы «Дагестан в XX веке: исторический опыт регионального развития» было рассмотрено экономическое развитие Дагестана в двадцатом столетии. Но экономика неотделима от политики и политической системы, состояния общественного сознания, нравственного и культурного уровня населения, жизни и поведения людей, многих других сторон жизнедеятельности человека. Перемены в политике сказываются на экономике, а экономика влияет на политику. Более того, марксистское учение относилось к базису, на котором покоилась вся политическая, идеологическая и культурная надстройка. В то же время распад Советского Союза, демонтаж социализма в бывших социалистических странах и республиках, как утверждает известный российский экономист академик О.Т. Богомолов, «демонстрирует несомненное первенство идеологии и политики над экономикой»².

Хотя в мире, особенно в России, к концу XX века и произошли крупные изменения в социально-экономическом развитии многих стран, их экономическое положение в значительной мере влияло и влияет на социальную среду. Можно согласиться с тем, что намного возросла роль в общественном развитии политико-культурной и идеологической надстройки. Об этом свидетельствует и опыт России, перед которой в начале века стояли подобные теоретические проблемы, ответы на которые дала сама практика социалистического строительства в СССР.

Распространение марксистского учения в России в конце XIX – начале XX века не только было связано с деятельностью одной, пусть даже самой выдающейся личности, как это ныне стараются преподнести некоторые политики, но и объяснялось обострением на рубеже двух веков противоречий, оvoidственных капиталистической системе. Монополитические союзы, характерные для империалистической стадии развития капитализма, высасывали все жизненные соки из народов слаборазвитых стран.

Вступившая на путь капиталистического развития Россия вначале представляла страну наиболее резких социально-экономических контрастов, в которой соседствовали «... самое отсталое землевладение, самая дикая деревня – самый передовой промышленный и финансовый капитализм»³. На исходе XIX века Россия оставалась аграрной страной, где из 125,6 млн. человек 93,7 млн., или 75% населения, было занято в сельском хозяйстве. Но она быстро шла по пути индустриального развития, чему в немалой степени способствовал, если говорить о роли личности в истории, видный государственный деятель России С.Ю. Витте, рассматривавший индустриализацию не только как важный фактор экономического роста, но и стабилизацию политической обстановки⁴.

Однако этого не произошло. Более того, с переходом России на империалистический путь развития общественные противоречия в стране значительно обострились. Россия стала источником обогащения более развитых в экономическом отношении стран, которые, вкладывая в российскую экономику все больше капиталов, получали высокие прибыли, вызвавшие недовольство не только зарождающейся буржуазии, но и рабочих.

Росло недовольство русского крестьянства полукрепостническим режимом в деревне. На страже крепостнических порядков стояло царское правительство с огромной армией и бюрократическим аппаратом, с презрением относившееся к трудящимся массам и проводившее по отношению к нерусским народам шовинистическую политику.

Все это делало неизбежным революционный взрыв. Неожиданно для самодержавия и для революционеров по России и особенно черноземной полосе Украины в 1902 г. прокатилась волна крестьянских восстаний, сопровождавшихся захватом помещичьих земель, поджогами усадеб и т.п. Они ознаменовали вступление на историческую арену нового крестьянина – крестьянина эпохи революции⁵.

В авангарде революционного движения выступил пролетариат, в начале XX века представлявший собой большую политическую силу. На крупных капиталистических предприятиях России было занято около 3 млн. рабочих, и их численность с каждым годом увеличивалась. Высокая концентрация рабочих на крупных капиталистических предприятиях способствовала более быстрому созреванию их классового сознания и сплочению для революционной борьбы⁶.

Борьба рабочих, начатая с экономических стачек, жестоко подавлялась царскими войсками и полицией, подводя их к пониманию необходимости политической борьбы. Выстрелы против безоружной толпы пробуждали у рабочих лютую вражду к угнетателям.

Рабочее движение России обращалось к многолетнему опыту борьбы рабочих западно-европейских и других стран, изучало и перенимало из него все ценное. В силу указанных и ряда других причин пролетариат России отличался самой высокой в мире революционностью и оказывал большое влияние на освободительную борьбу других народов, и в первую очередь тех из них, которые входили в состав Российской империи.

§ 1. Вовлечение Дагестана в общероссийский рынок и обострение политических противоречий в общественной жизни

Развитие капитализма вширь захватило постепенно и национальные окраины России. Он проникал и в Дагестан, но здесь еще сильны были патриархально-феодалные пережитки, которые мешали и тормозили развитие капитализма. Если в России крестьянская реформа 1861 г. отменила феодальную зависимость крестьян, то в Дагестане такие отношения были упразднены с большим запозданием – лишь в 1913 г.

Тем не менее, капиталистические отношения пробивали себе дорогу и в Дагестане, чему способствовали завершение строительства Владикавказской железной дороги и Петровского морского порта. В экономику Дагестана проникал не только российский, но через Россию и иностранный капитал. Со строительством промышленных предприятий появились первые отряды рабочих. Формирование рабочего класса происходило главным образом за счет выходцев из центральных районов России. Их ряды пополняли дагестанцы. Передовой частью формировавшегося рабочего класса были железнодорожники, текстильщики и работники морского порта.

По подсчетам Г.И. Милованова, к 1917 г. общее количество рабочих, занятых в промышленности и на транспорте Дагестана, достигло 10 тыс. человек. В сельском хозяйстве было занято до 15 тыс. и на сезонных работах – около 21 тыс. человек⁷.

Условия жизни и труда рабочих были крайне тяжелыми. Даже сильно урезанное фабрично-заводское законодательство, действовавшее в центральных районах России, не распространялось на национальные окраины. Рабочий день не имел определенных предельных часов, и рабочие вынуждены были, чтобы заработать хоть небольшие гроши, трудиться порой по 18 часов в сутки. Женский и детский труд из-за его дешевизны был привлекательным для предпринимателей, старавшихся почаще прибегать к их найму, поэтому немалую часть рабочих в дореволюционное время составляли женщины и дети.

На мелких предприятиях Дагестана с небольшой численностью работников не было никакой охраны труда, и произвол их владельцев не знал границ. За малейший проступок рабочего подвергали штрафу, сумма которого порой доходила до четверти его заработка. Получивший на производстве травму мог быть уволен без пособия на лечение.

Промышленное развитие Дагестана было только на начальном этапе, и в целом он оставался аграрной окраиной России. Само сельскохозяйственное производство, где сильны были феодально-патриархальные пережитки, было отсталым и полунатуральным. До 1913 г. из 380 тыс. десятин частновладельческой земли бекам и крупным землевладельцам Дагестана принадлежали более 270 тыс. десятин, зажиточным крестьянам, купцам и мещанам – свыше 100 тыс. десятин. Около 70 тыс. зависимых крестьян обязаны были нести в пользу беков многочисленные повинности и платить подати⁸.

Распределение земли между различными группами населения было далеко не равномерным. По данным 1913 г. на одно помещичье хозяйство приходилось более 400 га земли, в то время как на душу горской бедноты в среднем выпадало по 7,5 дес. на двор⁹. Хотя основной производительной силой в сельском хозяйстве и было мелкое крестьянство, однако основными собственниками средств производства оставались беки, крупные землевладельцы и овцеводы, интересы которых царское правительство старалось не ущемлять. В то же время они не могли приспособиться к развивавшимся товарно-денежным, рыночным отношениям и в этих условиях пытались выжить за счет усиления угнетения крестьян, наложения на них повинностей. Сословно-поземельной комиссии, проверявшей осенью 1910 г. положение

райатов Северного Табасарана, они жаловались: «Они (беки) имели власть в руках, пользовались поддержкой русской администрации и делали с нами, что хотели, увеличивали самовольно повинности, гнали нас на работы на их поля при помощи своих нукеров».

Кроме таких повинностей, крестьяне должны были уплачивать земские сборы, государственный поземельный налог и оброчную подать. Их размеры для многих крестьян были непосильны, о чем свидетельствуют все увеличивавшиеся недоимки по налогам и сборам, которые в 1908 г. составили более 609 тыс. руб.¹⁰

Тяжелым бременем на крестьян ложились многочисленные трудовые повинности. Чаще всего их приходилось нести в разгар сельскохозяйственных работ, когда каждый день был дорог для крестьян. К числу таких повинностей относились наиболее распространенные: дорожная, подводная, квартирная, а также конвоирование арестованных и др. Один из характерных примеров. Если в 1907 г. для отбытия дорожной повинности под административным нажимом удалось вывести 77975 человек на полный день, то в 1913 г. их число увеличилось до 121229 человек¹¹.

Особенно безысходным было положение многочисленной группы безземельного крестьянства. В поисках лучшей доли многие безземельные крестьяне горных районов Дагестана уходили на заработки в промышленные центры Кавказа и России. В 1913 г. количество отходников перевалило за 90 тыс. человек¹². Только в нефтяной промышленности Баку, куда в поисках работы стекались рабочие из многих регионов России, трудилось 7,2 тыс. дагестанцев. Их можно было встретить также на нефтяных промыслах Грозного и Майкопа, на Владикавказской железной дороге, на промышленных предприятиях других городов Юга России¹³.

Пройдя фабрично-заводскую школу на крупных для своего времени предприятиях, отходники уже не представляли из себя прежнюю безропотную мелкокрестьянскую массу и по возвращении домой призывали крестьян поднимать голос в защиту своих интересов, для решения своих земельных требований.

Немало горцев было занято на кустарных промыслах. В 1914 г. около 130 тыс. человек работали в кустарном производстве. Несмотря на распространение товаров фабрично-заводского производства, изделия дагестанских народных умельцев пользовались спросом не только в области, но и в России и за рубежом.

По своему социальному составу население Дагестана, насчитывающее на 1 января 1913 г. 693 тыс. человек¹⁴, делилось в основном на две группы: городской и сельский пролетариат (беднота) с одной стороны и помещиков, крупных земледельцев и скотоводов, сельскую и зарождающуюся городскую буржуазию с другой. Среднее крестьянство, кустарей и мелких торговцев, т.е. наиболее многочисленную прослойку, можно было отнести к третьей группе, являвшейся благоприятной почвой для зарождения и развития мелкобуржуазных течений и партий.

Численность городской буржуазии была незначительной и представлена в основном в торговле. В 1905 г. число купцов в Темир-Хан-Шуре доходило до 389 человек, в Порт-Петровске – до 417 человек¹⁵. По своей экономической мощи и национальному составу она была разношерстной и не обрела в городской политической жизни серьезного веса и влияния. Все это накладывало свой отпечаток на политическое положение дагестанского общества, развитие революционных событий в крае.

Недовольство рабочих и крестьян выливалось в разные формы протестного движения. Первые выступления рабочих Дагестана носили стихийный характер и были направлены на защиту своих экономических интересов, на улучшение условий жизни и труда. Одно из таких выступлений произошло в июне 1902 г. на рыбных промыслах около Порт-Петровска. Недовольство рыбаков вызвала задержка выдачи зарплаты, и они отказались выйти на работу¹⁶.

В том же году забастовку объявили рабочие бондарного завода братьев Рябичевых в г. Порт-Петровске. На этом заводе работало до 200 рабочих, прибывших из Астрахани. Они стали получать такую же зарплату, как и рабочие других бондарных заводов, что было наполовину меньше, чем в Астрахани. Недовольные этим рабочие объявили забастовку и потребовали от владельца завода увеличения заработной платы на 50% и улучшения своих жилищных условий. Попытки уговорить бондарей прекратить забастовку не дали результатов, и владельцы завода согласились увеличить зарплату на 40% и оплатить им за 6 дней вынужденного прогула. Вслед за ними на повышение зарплаты вынуждены были пойти и хозяева других бондарных предприятий. Это была первая крупная победа порт-петровских бондарей¹⁷.

Забастовки перекинулись и на другие рыбные промыслы. Рыбаки рыбных промыслов Дербентского района, жестоко эксплуатируемые не только рыбопромышленниками, но и скупщиками рыбы, 6 июня 1902 г. выступили против открытого грабежа¹⁸. В апреле 1903 г. забастовали рабочие рыбных промыслов близ Дербента, которые также добились удовлетворения своих требований об увеличении заработной платы. В забастовочном движении участвовали и текстильщики¹⁹.

На выступления рабочих Дагестана оказывали влияние и события на Кавказе, особенно организованные выходы рабочих на Первомайские демонстрации. Как писала газета «Искра», выступления тифлисского пролетариата 22 апреля 1901 г., накануне Первомая, «являются исторически значительными для всего Кавказа: с этого дня на Кавказе начинается открытое революционное движение»²⁰.

Распространение в Дагестане революционных идей. Эти годы были отмечены попытками российских социал-демократических кружков выйти за пределы узкокружковой работы и вести пропаганду идей революции среди широких слоев рабочих, ремесленников, проводить их сходки, распространять среди них революционные листовки. В 1902–1903 гг. в Северо-Кавказском крае (Ростов, Новороссийск, Тихорецк, Екатеринодар, Армавир и др.) прокатилась волна революционных выступлений²¹.

Очень большую роль в распространении революционных идей на Северном Кавказе, в том числе и в Дагестане, играли русские рабочие, составлявшие основное ядро местных отрядов пролетариата. Среди постоянных рабочих Дагестана их численность составляла 15–20%, а на ряде крупных предприятий была значительно выше. В Порт-Петровском отделении железной дороги работали 1575 русских и из числа представителей других народов 25 рабочих. На фабрике «Каспийская мануфактура» в составе постоянных рабочих русских было 244 человека и 118 горцев²².

Наиболее активными застрельщиками выступлений рабочих становились те из них, кто был выслан в Дагестан из центральных губерний за участие в революционном движении. В 1900 г. в Порт-Петровске появились двое текстильщиков из Вышнего Волочка, замеченные в революционной пропаганде. Здесь они устроились на фабрике «Каспийская мануфактура». За ними был установлен негласный надзор полиции, но тем не менее они продолжали свою революционную пропаганду и на новом месте.

В том же году служащий акцизного ведомства Дербента В.Г. Гамбаров, также состоявший под негласным надзором полиции, был замечен в проведении у себя дома и на квартирах своих друзей сходок, на которых пропагандировались революционные идеи. В октябре он переехал в Порт-Петровск, где также продолжил «антиправительственную агитацию»²³.

Привлекавшийся в Казани к дознанию по делу о социал-демократической пропаганде среди рабочих В.К. Надежкин в мае 1901 г. переехал в Дагестан. Здесь за ним была установлена полицейская слежка, которая доносила, что он ведет «осторожную революционную агитацию»²⁴.

В Дербенте, Порт-Петровске и Темир-Хан-Шуре в те годы проживало несколько десятков лиц, в основном выходцев из других губерний России, находившихся под негласным надзором полиции. Несмотря на слежку, они не прекращали свою революционную деятельность.

В выступлениях рабочих в те годы не было слышно голоса малочисленного дагестанского пролетариата, разбросанного по мелким предприятиям и кустарным мастерским. Они готовы были трудиться и за мизерную плату, лишь бы устроиться на какую-нибудь работу. Более активные из них уходили на заработки, где их жизнь была не легче.

Новым этапом революционного движения в Дагестане стало создание социал-демократических организаций. В Терской области, куда относился и Хасавюртовский округ, и в Дагестане социал-демократические организации были созданы при помощи Бакинского, Тифлисского, Кавказского и Астраханского комитетов РСДРП. В конце 1904 г. по указанию Бакинского комитета РСДРП грозненская социал-демократическая организация командировала свою делегацию для создания в Дагестане первой социал-демократической организации. Благодаря ее усилиям в Порт-Петровске была создана первая в Дагестане социал-демократическая организация, оказавшая под влиянием большевистских организаций Грозного и Баку²⁵.

Известный революционер-большевик, описывая в своих воспоминаниях работу Бакинского комитета РСДРП накануне первой русской революции,

указывал: «Работа в городе и в промыслово-заводских районах, даже в некоторых уездах становится на широкую ногу: распространяем свое влияние даже на Дагестан (Дербент, Петровск)»²⁶.

В распространении революционных идей в Дагестане принимали участие отходники-дагестанцы из Баку и Грозного. Из числа бакинских рабочих-дагестанцев выдвинулись известные революционеры К.-М. Агасиев (член РСДРП с 1901 г.), М. Айдинбеков (член РСДРП с 1903 г.) и другие. Для привлечения к революционной борьбе трудящихся-мусульман в составе Бакинского комитета РСДРП(б) по инициативе К.-М. Агасиева и М. Айдинбекова осенью 1904 г. была создана организация «Гуммет» («Энергия»). Но, учитывая многонациональный характер бакинского пролетариата, по инициативе К.-М. Агасиева и А.М. Османова была создана еще одна организация под названием «Фарук» («Поборник справедливости»). Она также должна была вести пропаганду среди рабочих-горцев Дагестана. Однако она не успела сколько-нибудь развернуть работу – помешали наступившая в стране реакция, репрессии и высылка из Баку К.-М. Агасиева²⁷.

Революционное влияние на рабочих Порт-Петровска, Дербента, Темир-Хан-Шуры оказывали распространяемые среди них листовки Бакинского, Тифлисского, Терско-Дагестанского и Астраханского комитетов РСДРП. Большинство листовок, распространенных в 1904 г., было направлено против капиталистического гнета и Русско-японской войны. В листовке «Так ли воюем», распространявшейся Бакинским комитетом РСДРП летом 1904 г. в Петровске, разоблачались захватнические устремления царизма в войне. Листовка заканчивалась призывами: «Долой самодержавие! Долой войну!». В других листовках описывалось тяжелое положение рабочих, выход из которого революционеры уже тогда видели в свержении царизма²⁸.

Социал-демократические кружки и организации Северного Кавказа распространяли в Дагестане марксистскую и иную литературу, поступавшую в Россию от заграничной русской социал-демократической эмиграции. Еще в конце XIX века губернатор Дагестанской области писал, что некая Бологовская по поручению заграничной эмиграции занимается доставкой нелегальной литературы и ныне «... находится где-то на Кавказе»²⁹.

В 1904 г. в Петровске полиция конфисковала 35 фунтов революционной литературы. Тем, кто пытается сегодня представить большевистское движение как узкий круг революционеров, мало связанных с родной почвой и достигших известности благодаря финансовой поддержке зарубежных разведок, можно сообщить о таком малоизвестном, но многозначительном факте, как обнаружение в Петровске работы В.И.Ленина «Объяснение закона о штрафах», часто налажавшихся капиталистами на рабочих за малейшие проступки³⁰.

Малочисленный рабочий класс Дагестана не был изолирован от революционных выступлений российского пролетариата, рабочих маевки и сходок. Такие выступления участились в 1903 – 1904 гг., и они отмечены в Петровске и других городах Северного Кавказа. На сходках рабочих Петровска выступали ораторы из Баку.

Русско-японская война, окончившаяся поражением России, вызвала недовольство среди широких слоев рабочих и крестьян. Попытки царского правительства организовать среди дагестанских крестьян, не подлежащих призыву в армию, запись добровольцев, в целом провалилась. «Добровольцы» в армию поступили лишь из 1/3 горских сел³¹.

Дагестанские крестьяне выражали недовольство не только мерами по набору добровольцев в действующую армию и сбором средств на продолжение войны, но и налогами и повинностями, которые они должны были платить казне и отбывать бекам. Крестьянская беднота Кайтаго-Табасаранского округа отказывалась платить налоги и отбывать повинности, что вынудило наместника Кавказского края признать, что «отбывание многочисленных повинностей в пользу беков и казны служит поводом к нередким недоразумениям между сторонами»³².

Действительно, они были нередки. Крестьянство волновалось. В том же источнике сообщалось, что в большинстве селений Дагестана «почти прекращено выполнение в отношении беков каких-либо повинностей, и такое положение существует уже более девяти лет, причем, хотя некоторые беки и подавали жалобы по этому поводу администрации, но сами были против принятия репрессивных мер из боязни восстания»³³.

Однако выступления как крестьян, так и рабочих носили разрозненный характер. Большинство рабочих Дагестана стояло в стороне от революционной борьбы. Их выступления носили стихийный характер. В протестном движении крестьян содержались требования не только отмены повинностей, но и удовлетворения их земельных нужд. Но они также выступали разрозненно, не было революционной организации, способной направить борьбу рабочих и крестьян в единое русло.

Положение менялось по мере нарастания революционной борьбы трудящихся, апофеозом которой стала революция 1905–1907 гг. Началом первой русской революции послужили события 9(22) января 1905 г. в Петербурге, когда мирно шествующие к царскому дворцу демонстранты были расстреляны полицией. Весть о кровавом преступлении царизма вызвала бурные выступления рабочих. Волна протеста, захлестнувшая крупные рабочие центры, докатилась и до Кавказа. Как отмечалось в одном из полицейских донесений, «все сознательное население Кавказа чутко прислушивается к великим историческим событиям, совершающимся в России, и ко всему происходившему в Государственной думе»³⁴.

«...К новой жизни и к борьбе за азбучные права человека, за демократию...»³⁵ проснулось и население Дагестана. В донесении директора департамента полиции от 3 февраля 1905 г. сообщалось, что «...в Петровске Дагестанской области среди фабрично-заводских рабочих замечается брожение, могущее перейти в ближайшем будущем в забастовку»³⁶.

Но забастовка здесь не заставила себя долго ждать. Она началась 16 февраля. В забастовке приняло участие более 1700 текстильщиков и рабочих других профессий. Большим влиянием среди них пользовались большевики,

что признавали и представители черносотенных организаций. Руководитель одной из них писал: «Нам сильно мешают здешние социал-демократы».³⁷

Царское правительство пыталось отвлечь трудящихся от революционной борьбы разговорами об ожидаемых реформах в Кавказском крае, проведении выборов в земство. Призывы властей о проведении выборов успеха не имели. На земском совещании в Дагестане не было представителей Андийского и Даргинского округов, а представители Казикумухского округа явились лишь для того, чтобы объявить о своем несогласии проводить выборы. Большинство населения отказалось от участия в сельских и окружных собраниях по выборам в земство. Начальник Гунибского округа удрученно писал, что «несмотря на принятые деятельные меры, огромное большинство населения округа отнеслось к проскинуемой реформе несочувственно и с нескрываемым недоверием»³⁸.

Сельские общества не только не доверяли реформам, но и обращались с многочисленными заявлениями к наместнику Кавказа и губернатору Дагестанской области, протестуя против произвола властей, взяточничества беков и чиновников царской администрации. Однако такие обращения оставались без ответа. Доведенные до отчаяния, крестьяне переходили к активным действиям. 1 апреля 1905 г. жители селения Атлыбоюн захватили земельный участок Кокрек, принадлежавший князю Тарковскому. Тяжба из-за этого участка шла несколько лет, однако власти поддержали землевладельца. Крестьянам не помог и наместник Кавказа, к которому они обратились, и тогда крестьяне захватили его. Против них была направлена сотня Дагестанского конного полка, которая освободила участок³⁹.

Под влиянием этих событий крестьяне и других аулов приступили к вырубке лесов, поджогу помещичьих имений, разорению бекских кутанов. Под угрозой таких выступлений Тарковский вынужден был уступить крестьянам спорную землю. Это событие можно рассматривать как первую победу крестьян над беками⁴⁰.

Всероссийская политическая стачка (октябрь 1905 г.) и царский манифест. К осени 1905 г. революционное движение в стране поднялось на новую ступень. В октябре на Московско-Казанской железной дороге произошла забастовка рабочих, положившая начало Всероссийской политической стачке, принявшей невиданный ранее размах. 12 октября бастовало уже 12 железных дорог страны⁴¹.

В октябрьские дни Союз служащих и рабочих кавказских железных дорог призвал железнодорожников к забастовке и выпустил листовку, в которой были изложены их основные требования: «Долой царское самодержавие!», «Да здравствует демократическая республика!».

Дербентские железнодорожники 18 октября провели митинг, на котором выступили и делегаты, приехавшие из Ростова-на-Дону. Такие митинги прошли и в Петровске⁴². На них звучали требования усилить борьбу с царским самодержавием. Активную роль в проведении таких выступлений играли профсоюзы. Почти на каждой крупной станции создавалось бюро союза железнодорожных служащих и рабочих.

Напуганный широким размахом революционного движения в стране и стремясь внести раскол в ряды борющегося народа, царь Николай II 17 октября издал манифест, в котором лицемерно обещал демократические свободы и созыв законодательной думы. Он утвердил программу С.Ю. Витте о создании условий для осуществления всеобщего избирательного права, нормирования рабочего дня и т. д. С.Ю. Витте был назначен председателем правительства⁴³.

Манифест позволил царизму выиграть время, продлить свое существование. В стране он был встречен противоречиво. Либеральная буржуазия ликovala и поспешила объявить революцию законченной. На схожие позиции стали меньшевики и эсеры. Меньшевики кое-где предлагали прекратить железнодорожную забастовку, в то время как съезд эсеров Северо-Кавказского края не рекомендовал местным крестьянам прибегать к насильственным способам захвата земель. Большевики разъясняли массам, что царский манифест – это обман народа, и призывали не поддаваясь царским посулам продолжать борьбу⁴⁴.

В работу по разоблачению маневров царского правительства включилась порт-петровская группа РСДРП. На митинге рабочих руководители группы Казаринов и Головачевский в своих выступлениях раскрыли характер манифеста как меры, рассчитанной на расправу с революционным народом.

В Темир-Хан-Шуре местная группа РСДРП 23 октября организовала демонстрацию, на которую вышли рабочие с красным флагом с надписью: «Да здравствует созыв Учредительного собрания». К демонстрантам присоединились и солдаты темирханшуринского гарнизона. Во время их шествия распространялись листовки группы РСДРП⁴⁵.

В митингах и демонстрациях по разоблачению «дарованных свобод» приняла участие учащаяся молодежь Темир-Хан-Шуры. Здесь, как и в других городах Северного Кавказа, к таким выступлениям присоединились и крестьяне из близлежащих сел и солдаты местных гарнизонов.

Местные власти пытались отвлечь молодежь и горожан от революционных выступлений, используя различные средства. В Темир-Хан-Шуре власти решили дать демонстрантам военный оркестр и разрешили им организовать панихиду «об убитых рабочих борцах за свободу»⁴⁶.

Царский манифест не оправдал полностью надежд, которые возлагались на него правящей верхушкой. Революционное движение после издания манифеста не ослабло, а приняло еще больший размах. Московский Совет рабочих депутатов по предложению большевиков постановил объявить всеобщую политическую стачку, которая началась 7 декабря 1905 г. Всеобщая стачка перекинулась и на Северный Кавказ. Одними из первых в нее включились владикавказские железнодорожники. В ночь с 8 на 9 декабря по дороге было прекращено движение всех поездов⁴⁷.

9 декабря железнодорожники станции Дербент прекратили работу. 12 декабря к ним присоединились и железнодорожники Порт-Петровского отделения железной дороги. Хозяевами положения на станциях стали железнодорожники. Движение поездов они разрешали лишь для снабжения продо-

вольствием местного населения и бастующих. В Дербенте, как и на других станциях, проходили митинги, создавались вооруженные дружины, шла подготовка к вооруженному восстанию.

Оно началось 9 декабря в Москве и быстро перекинулось в другие города. 13 декабря к восстанию присоединились железнодорожники и рабочие Ростова, возглавляемые большевиками. Но после занятия царскими войсками ростовского вокзала в тот же день восставшие лишились связи с линейными бюро железнодорожных служащих и рабочих. Поэтому руководство вооруженной борьбой железнодорожников было переведено в Миперальные Воды.

Линейные станции предприняли меры для оказания помощи Ростову. В Петровске на собрании рабочих также обсуждался вопрос о помощи восставшим в Ростове.

Несмотря на принимаемые меры, другие города и станции не смогли оказать Ростову реальной помощи и здесь, как и в Москве, 23 декабря восстание было подавлено. Терская область была объявлена на военном положении. В край были направлены воинские поезда, восстанавливалось движение на Владикавказской железной дороге. 26–28 декабря возобновилось движение поездов между Петровском и Дербентом⁴⁸.

После поражения декабрьского вооруженного восстания деятельность дагестанских групп РСДРП, ранее сосредоточенная в основном в городах, вышла за их пределы. Члены темирханшуринской группы стали выезжать в селения, проводить пропагандистскую работу непосредственно с крестьянскими массами. Одним из активных организаторов этой работы был студент Сорбоннского университета (Париж) Д.А. Коркмасов, в начале революции 1905 г. вернувшийся в Дагестан. Выступая в мае 1905 г. перед собравшимися в Темир-Хан-Шуриинской джума-мечети крестьянами из соседних аулов, он убеждал их более активно выступать, как и в России, за свое социальное освобождение, отказаться от выполнения повинностей и уплаты податей бекско-помещичьей верхушке, отобрать у них земли. В прокламации «Точите кинжалы», одним из авторов которой он был, содержались те же требования. По его инициативе был создан крестьянский центр, сыгравший большую роль в разъяснении и пропаганде этих идей и организации крестьянских выступлений⁴⁹. Листовки, призывавшие к выступлениям, были обнаружены в аулах Унцукуль и Балаханы.

Как сообщал начальник Аварского округа начальнику полиции Кавказа, распространением листовок в Унцукуле занимался уроженец этого селения, студент Петербургского института путей сообщения Махач Дахадаев. Приехавший в Дагестан после закрытия института осенью 1905 г. 30 декабря он выступил на сельском сходе унцукульцев и призывал их не платить податей и захватить земли, отобранные в казну⁵⁰. По возвращении в Темир-Хан-Шуру 8 января 1906 г. он тут же был арестован.

Арестам подверглись и другие участники революционного движения. 8 февраля был произведен обыск у членов темирханшуринской группы РСДРП П.И. Ковалева, Д.А. Коркмасова и др. Было обнаружено много листовок и нелегальной литературы. Ковалев и Коркмасов также были арестованы⁵¹.

В силу сложившейся на Кавказе революционной ситуации, непрекращающихся волнений крестьянских масс царское правительство вынуждено было в 1905 г. пойти на восстановление в крае наместничества, упраздненного в 1882 г. в связи с включением его в общую административную систему России. Наместником Кавказа был назначен граф И.И.Воронцов-Дашков, который задумал провести реформы, затрагивавшие почти все основные сферы жизнедеятельности народов Кавказа. Он полагал необходимым усилить местное самоуправление, расширив его функции в качестве исполнительной власти, ввести земства и земское представительство на выборной основе в совет при наместнике, выдвинул программу управления Кавказским краем, подчеркнув в качестве ее основных направлений решение земельного и национального вопросов⁵².

Однако предлагаемые Воронцовым-Дашковым реформы не удовлетворяли многих. Его реформаторская деятельность резко критиковалась в Государственной думе, со стороны правительства и на страницах прессы, ее не поддерживали основные массы трудящихся, которые, несмотря на массовые аресты, продолжали выражать свое недовольство. Уже в январе 1906 г. власти были обеспокоены тем, что в Петровске и Дербенте замечалось «опасное брожение умов», угрожающее новой забастовкой. Поэтому к этим городам были подтянуты войска «ввиду могущих быть железнодорожных беспорядков»⁵³.

Дагестанские социал-демократы активизировали работу среди солдат военных гарнизонов, расположенных в Темир-Хан-Шуре, Хунзахе, Гунибе, Дешлагаре (Сергокала). Эту работу возглавили военные бюро, созданные в 1906 г. при темирханшуринской и портпетровской группах РСДРП. В 83-м Самурском пехотном полку, расположенном в урочище Дешлагар, был создан социал-демократический кружок, поддерживавший связь с Бакинским комитетом РСДРП. Кружок распространял среди солдат листовки Бакинского и Кавказского союзных комитетов, портпетровской и темирханшуринской групп РСДРП, а также большевистские газеты.

Не без влияния большевистской пропаганды в воинских частях начались волнения. В 21-м летучем артиллерийском полку в Порт-Петровске солдаты отказались выполнить приказ своего командира о выходе на занятия. Но даже после ареста зачинщиков солдаты не выполнили приказа.

Волнения начались и в других воинских частях, в том числе в выдвинутых для охраны железной дороги. Солдаты 254-го Темир-Хан-Шуринского резервного батальона выставили командованию свои требования и избрали делегатов для передачи этих требований. Однако делегаты были арестованы. Темирханшуринская группа РСДРП обратилась к солдатам с листовкой, призывавшей к поддержке нижних чинов⁵⁴.

Наиболее значительным фактом в революционных событиях 1905–1907 гг. в Дагестане было восстание солдат 83-го Самурского полка. 17 июля 1906 г. солдаты убили командира полка и нескольких офицеров.

Причины восстания разъясняла издававшаяся тогда газета «Рядовой», орган Бакинского комитета РСДРП. В ней отмечалось: «Каждый день солда-

ты получали письма из дома, из деревни от отцов, матерей, жен, которые им писали, как они голодают, как их секут, сажают в тюрьмы и расстреливают. Не вытерпела душа солдата, и он вылил свое горе на своих командиров и офицеров, которые его били по лицу, сажали за каждую малость на гауптвахту, вырывали из полка самых лучших товарищей и солдат, сажали их в тюрьмы и отсылали в дисциплинарные батальоны»⁵⁵.

Руководимые унтер-офицером Самойленко, а также рядовыми Яковенко, Петровым и другими, солдаты окружили гауптвахту и освободили арестованных товарищей. Караулы заняли почтово-телеграфную контору и пути, ведущие к ближайшим станциям железных дорог. Их спрашивали о причинах восстания, они отвечали: разгон Госдумы, офицеры – изменники, служат угнетающему их режиму, требовали свободу себе и Родине.

Восстание продолжалось два дня. У восставших не было ясных планов, и прибывшими воинскими частями они были легко «усмирены». Восстание было жестоко подавлено. Его руководители Самойленко, Голубятников, Нога, Чусов были расстреляны. 149 человек были приговорены к различным срокам тюремного заключения⁵⁶.

Недовольство населения властями было всеобщим, и, несмотря на карательные меры, революционные выступления имели место и на глухих окраинах. Уже в период отступления первой российской революции состоялись забастовки моряков Каспийского флота. После длительной забастовки с 10 марта по 25 апреля 1907 г. моряки добились удовлетворения своих требований и лишь после этого приступили к работе. Бастовали и рабочие бондарных предприятий Порт-Петровска, хотя и менее успешно, чем моряки⁵⁷.

Хотя революционные выступления шли на убыль, однако в городах продолжались митинги рабочих, выдвигавших требования о свержении царского самодержавия. На них нередко собиралось много рабочих. 9 июня 1906 г. на митинге в Дербенте собралось 200 человек. В Петровске митинги устраивались, по сообщениям тех лет, почти ежедневно. Они проводились на станции Петровск-Кавказский, куда приезжали митингующие в битком набитых поездах, представлявшие в основном рабочих. По национальному составу митингующие были выходцами из различных народов. Порядок на всех митингах, если судить по газетной публикации, был образцовым⁵⁸.

Среди участников таких митингов было немало крестьян, собиравшихся из близлежащих аулов. Рабочие помогали им яснее понять суть происшедших политических событий, осознать ведущую роль рабочего класса в классовой борьбе. Этому способствовало и то, что рабочие все чаще стали принимать участие и выступать на сельских сходах крестьян.

Большевики Дагестана усилили агитационную работу среди крестьян. Дагестанский комитет РСДРП в листовке «Дагестанским бусурманам», написанной в декабре 1906 г. на одном из дагестанских языков, разъяснял крестьянским массам, что, участвуя в выборах II Государственной думы, надо добиваться, чтобы в ней были представлены депутаты, принадлежащие к той партии, которая не признает ни власти, ни закона, ни монархии. Дербентская группа убеждала крестьянские массы, что «ни царь, ни правительство, ни

помещики не дадут крестьянам земли, ее можно получить в результате революционной борьбы»⁵⁹.

Несмотря на усиливавшийся разгул реакции, рабочее движение на Северном Кавказе, в том числе и в Дагестане, в 1907 г. продолжалось. Социал-демократические организации Северного Кавказа (Грозненская и Ставропольская) накануне 1 мая 1907 г. выпустили и распространили среди рабочих специальные листовки, призывавшие их к празднованию 1 мая, проведению массовых сходок, а также забастовок. Листовки распространялись и в Дербенте. Забастовки были проведены на нефтяных промыслах Берикея, мастерских товарищества «Нобель» в Дагестане. Эти стачки свидетельствовали о том, что в стачечную борьбу включаются новые прослойки рабочих, которые раньше были в стороне от революционных выступлений.

Власти в который раз прибегли к решительным мерам, чтобы сорвать забастовки. Начатая 10 мая всеобщая забастовка извозчиков была сорвана решительными действиями полиции, а главные ее зачинщики были арестованы⁶⁰.

Это были как бы последние выступления пролетариата, поднявшегося на классовую борьбу против самодержавия и буржуазии, нещадно их эксплуатировавших. После поражения первой российской революции наступил период реакции, ознаменовавшийся жестоким подавлением всякого свободолюбия. Царизм развернул в стране широкую кампанию репрессий и гонений на революционные организации трудящихся.

Положение общественных объединений в годы революции. Возникшие в Дагестане и на Терекке накануне первой российской революции социал-демократические организации оказались под ударами черносотенной реакции и переживали большие трудности. Удары реакции были также направлены против профсоюзных и рабочих организаций.

Репрессии не сломили социал-демократов, не прекратили их революционную деятельность. В условиях жестокого террора Бакинский комитет продолжал выпускать листовки, призывавшие рабочих отстаивать свои революционные завоевания, протестовать против их ликвидации. В Дагестане и на Терекке среди рабочих и солдат распространялись листовки Бакинского комитета РСДРП. Среди них живой отклик находили содержащиеся в листовках разоблачения антинародной политики царского правительства. В них отмечалось, что «царизм попирает ногами им же установленные законы... Но народ... должен встать на защиту своих прав и добиться созыва полномочного народного представительства, т. е. Учредительного собрания, на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования»⁶¹.

Большую работу в годы реакции проводила портпетровская группа РСДРП, которую возглавлял И.В. Малыгин. Она имела налаженные связи с Бакинским комитетом РСДРП, получала оттуда листовки и газеты, которые распространялись среди рабочих и солдат. На это указывал и начальник Бакинского жандармского управления, который доносил высокому начальству: «... Жители г. Петровска Яков и Григорий Петренко, Никита Лазарев, Иван Малыгин и Гарбунов и другие принадлежат РСДРП, получают через Лазаре-

ва из Баку нелегальную литературу, ведут пропаганду в пределах программы РСДРП и не только среди местного населения г. Петровска, но и среди низших чинов, квартировавших в Петровске и Дербенте»⁶².

Несмотря на постоянные преследования властей, социал-демократические организации Северного Кавказа не теряли между собой связи, в трудное время помогали друг другу. Если какая-то организация вынуждена была прекратить по каким-то причинам выпуск листовок, то их ей доставляли другие организации. Такая связь существовала между петровской, темирханшуринской, грозненской, владикавказской организациями, социал-демократическими комитетами РСДРП Закавказья. Обмен происходил не только листовками, но и газетами, другой литературой⁶³.

Из опыта революционной борьбы 1905–1907 гг. социал-демократические организации Северного Кавказа извлекли необходимые уроки и предприняли шаги к объединению своих сил, в первую очередь параллельно работавших на Кавказе фракций большевиков и меньшевиков, наиболее известных политических организаций. С этой целью в середине 1906 г. была созвана конференция Терско-Дагестанского комитета РСДРП, в которой приняли участие представители социал-демократических групп Грозного, Владикавказа, Пятигорска, Моздока, Порт-Петровска, Дербента и Кизляра. Конференция избрала новый орган – Терско-Дагестанский союз РСДРП⁶⁴. Однако и после объединения идейная борьба между большевистскими и меньшевистскими организациями Терской и Дагестанской областей продолжалась, что ослабляло их усилия в борьбе за свержение царского самодержавия. В то же время она привела к усилению в крае роли большевиков, выступавших за объединение всех революционных сил в борьбе за решение этой главной задачи.

Первая российская революция потерпела поражение, но, несмотря на это, она оказала огромное революционное влияние на трудящихся страны. Революция явилась проверкой боевых сил рабочего класса и крестьянства, способствовала пробуждению политического самосознания трудящихся масс.

Как развивались в Дагестане капиталистические отношения по мере его вовлечения в общероссийский рынок, так и классовые бои дагестанских рабочих разворачивались под влиянием революционного движения в России. Демонстрации, собрания, забастовки, вооруженные выступления солдат в Дагестане часто происходили спонтанно, без тесной и надежной связи с более мощными выступлениями пролетариата Ростова, Грозного, Новороссийска, Сочи, рабочих Владикавказской железной дороги. После подавления в декабре 1905 г. вооруженного восстания в Москве революционные выступления на окраинах пошли на спад. Несмотря на недостаточную решительность пролетариата, революция расшатала основы царского самодержавия и способствовала сближению народов России в борьбе против общего врага.

Сказывалось также отсутствие единого центра, объединяющего все революционные силы. В городах пропагандистская работа проводилась чаще русскими революционерами, в том числе родившимися и выросшими в Даге-

стане, приехавшими или служившими здесь в воинских гарнизонах, нередко мало знакомыми с местными условиями либо связанными с дагестанцами. Активных участников революционного движения из числа дагестанцев было сравнительно мало. Тем не менее, представители русского и дагестанских народов, такие как П.И. Ковалев, И.В. Ковалев, Д.А. Коркмасов, М. Дахадаев, сыграли большую роль в организации революционных выступлений русских рабочих и дагестанских крестьян. Характеризуя их роль в событиях тех лет, руководитель дагестанских большевиков У.Д. Буйнакский в 1918 г. писал: «... Махач Дахадаев и Джалалутдин Коркмасов еще в революции 1905 года в глазах дагестанцев были олицетворением свободы и уничтожения всех проклятых устоев, вдвойне давивших дагестанцев»⁶⁵. Но таких известных революционных деятелей было недостаточно, и это влияло как на масштабы, так и на характер выступлений рабочих и крестьян, составлявших подавляющую часть дагестанского населения.

Одна из причин поражения революции заключалась и в более медленной раскатке крестьянских масс, активизировавшихся лишь после подавления выступлений пролетариата. Рабочему классу не удалось объединить в один революционный поток крестьянские и солдатские выступления, национально-освободительные движения на окраинах. Первое боевое крещение рабочего класса России показало, что при всей его малочисленности он может возглавить борьбу против капиталистической эксплуатации трудящихся и победить в этой схватке. В этом смысле первая российская революция стала большой школой и для трудящихся Дагестана.

После поражения первой российской революции наступил период реакции, отразившейся на всех сферах общественно-политической жизни страны и тяжело повлиявшей на положение национальных окраин. 3 июня 1907 г. царь разогнал VII Государственную думу, вошедшую в историю как «третьеиюньский переворот». Был издан новый избирательный закон о выборах, имевший целью создать послушную Думу, опирающуюся на помещиков и буржуазию.

Уже на четвертый день после разгона Государственной думы наместник царя на Кавказе ввел в крае чрезвычайное положение. Все губернии и области Кавказа, включая и Владикавказскую железную дорогу, были объявлены либо «на военном положении, либо в чрезвычайной охране»⁶⁶. Военные гарнизоны, расквартированные в городах и округах Дагестана, как и другие области и губернии Кавказа, были усилены.

Были приняты меры к ограничению избирательных прав населения национальных окраин. Если Дагестан и Закатальский округ во II Государственной думе были представлены четырьмя депутатами, то в III Думу они могли избирать лишь одного. В Дагестанской области был усилен жандармский террор.

Напуганные забастовками и выступлениями рабочих, капиталисты предприняли меры, направленные на недопущение новых волнений среди своих работников. На железной дороге, нефтяных и рыбных промыслах, на фабрике «Каспийская мануфактура» и др. за счет предприятий были введены

должности полицейских, призванных бдительно следить за работниками и не допускать повторения событий 1905–1906 гг.

Революция 1905–1907 гг. не решила основных проблем политического и социально-экономического развития России. После третьеиюньского переворота наступает период реакции, отразившийся на всех сферах жизни общества, в том числе и национальных окраин. В Дагестане, как и по всей стране, наступление на политические права трудящихся сопровождалось ухудшением их экономического положения. Опомнившись после революции, хозяева поспешили отобрать у рабочих все те уступки, на которые они пошли под давлением их забастовок. Крупная фабрика «Каспийская мануфактура», насчитывавшая более 700 рабочих и вырабатывавшая в 1903 г. продукции (в основном бязи, пользовавшейся большим спросом у местного населения) на сумму в 813312 тыс. руб., долгие годы бездействовала, пока в 1907 г. не перешла в руки азербайджанского нефтепромышленника Г. Тагиева, а затем в 1909 г. немецкого купца Кноппа⁶⁷. Многие текстильщики, оставшись без работы, оказались на грани нищеты.

Наряду с сокращением работников, наступление на жизненный уровень рабочих шло также по линии сокращения их зарплаты и увеличения продолжительности рабочего дня. Годовое содержание машиниста железной дороги за 1907–1908 гг. снизилось в среднем на 13%, кондукторов – на 9,2%, временных рабочих и служащих – на 21%, поденщиков – на 10,4%, мастеровых – на 16%. Зарботки горнорабочих сократились с 73 коп. в 1904 г. до 70 коп. в 1909 г.⁶⁸

В Дагестане широко использовались и скрытые формы и приемы снижения зарботков рабочих: выдача части их зарплаты талонами для приобретения продуктов и товаров в заводских лавках, где цены были выше рыночных, задержка выплат и другие меры.

Не сокращалась, а сохранялась и продолжала расти высокая продолжительность рабочего дня на всех промышленных предприятиях, особенно мелких, которых в Дагестане было значительно больше, чем крупных. У рабочих пивоваренных заводов рабочий день длился 12–14 часов в сутки, работников табачных предприятий – по 10 часов, консервщиков – по 11 часов. Судовым командам общества «Кавказ и Меркурий» приходилось работать по 16 и более часов в сутки. Матросы Каспийского торгового флота, добившиеся у своих хозяев каких-то уступок после длительной забастовки, вынуждены были работать с раннего утра и до самой ночи без смены и праздничных дней, которых было и так мало. От зари и дотемна трудились рабочие рыбных промыслов. Продолжительность рабочего дня на предприятиях Дагестана была выше, чем по стране⁶⁹.

Тяжелые условия труда, плохие жилищные условия, отсутствие медицинского обслуживания, высокая заболеваемость из-за некачественного питания, не отвечающего физиологическим потребностям человека, — все это вместе взятое толкало рабочих на борьбу за свое выживание.

Но даже в период наиболее высокого развития промышленности, приходившийся на довоенные годы, удельный вес рабочих Дагестана оставался

незначительным, и подавляющую часть населения составляли крестьяне. В городах проживало 12,6% населения, а в сельской местности – 87,4%⁷⁰. Их положение в условиях сохранения феодально-крепостнических пережитков и зависимых отношений от крупных землевладельцев и овцеводов оставалось крайне тяжелым.

Это сознавала и царская администрация. На Кавказе один из ее высоких чинов директор канцелярии заместителя царя Н. Петерсон, характеризуя отношения между беками и райятами, в августе 1910 г. писал: «Можно сказать безошибочно, что райяты были предоставлены полному бесконтрольному усмотрению беков и их управляющих и приближенных»⁷¹.

Зная о положении райятов, тем не менее царское правительство, не желая ущемлять интересы беков и полуфеодалов, затягивало решение вопроса об освобождении от их гнета райятов, наиболее значительную группу зависимых крестьян Дагестана. Беднейшие крестьяне подвергались притеснениям со стороны должностных лиц сельской администрации, занимавшихся поборами и захватывавших крестьянские и общинные земли.

Но и в годы реакции, несмотря на то, что ряды социал-демократических организаций, выразителей интересов трудящихся масс, поделели, они не прекращали свою революционную деятельность. Большая доля работы в социал-демократических организациях выпала на руководителя портпетровской группы РСДРП И.В. Малыгина. В середине 1907 г. он выезжал в Баку, где договорился об организации регулярной отправки в Порт-Петровск изданий Бакинского комитета РСДРП и посылке в Дагестан своих представителей для оказания помощи в постановке партийной работы.

Осенью 1907 г. И. Малыгин принял участие в работе V конференции Терско-Дагестанского союза РСДРП, проведенной в г. Грозном. Конференция особое внимание обратила на необходимость укрепления партийных организаций в Терской и Дагестанской областях. Для укрепления партийного влияния на трудящиеся массы большое значение имело решение конференции о восстановлении профсоюзов, разгромленных в годы реакции.

Отделения профсоюзов железнодорожников на крупных станциях, в том числе в Порт-Петровске и Дербенте, были восстановлены в 1910 г. В июне 1910 г. профсоюзам удалось поднять на забастовку рабочих Порт-Петровского бондарного завода. Вслед за ними в сентябре забастовку объявили портовые рабочие, которые требовали повышения заработной платы⁷².

Серьезным пополнением для портпетровской группы РСДРП стало прибытие в Петровск для прохождения военной службы члена петербургской большевистской организации Гольдберга. Численность членов портпетровской группы выросла до полутора десятка человек. Однако в мае 1911 г. были арестованы ее активные члены, а И.В. Малыгин в административном порядке был выслан в Сибирь. Но оставшиеся члены группы продолжали работу⁷³.

Несмотря на жестокую расправу над восставшими солдатами 83-го Самурского полка, спокойствия в воинских частях, расположенных в Дагестане, не было. В одном из перехваченных жандармерией в апреле 1910 г. писем

членов подпольной социал-демократической группы, насчитывающей в своем составе до 50 человек, сообщалось, что читающих их литературу было более 250 человек. На всех желающих читать литературы не хватало.

Социал-демократические организации функционировали и в других воинских частях. В Хунзахской военной крепости в социал-демократической группе насчитывалось до 200 человек. Такие группы были в Гунибском резервном батальоне, в 255 и 254-м резервных батальонах, расположенных в Порт-Петровске и Темир-Хан-Шуре. В этих воинских частях под влиянием пропагандистской работы этих групп среди солдат отмечалось «брожение, внушающее опасение»⁷⁴.

С лета 1908 г. властям удалось сбить рабочие и крестьянские волнения, однако требования трудящихся масс остались нерешенными, грозя новыми их выступлениями. Со второй половины 1910 г. в стране было заметно некоторое оживление рабочего движения, которое активизировалось с весны 1912 г. после кровавых событий на Ленских золотых приисках в Сибири, где 4 апреля 1912 г. были расстреляны бастовавшие рабочие⁷⁵.

1912 г. и для рабочих Дагестана начинался с забастовок. В начале 1912 г. забастовали бондари Петровска. Забастовка длилась семь недель и была прекращена после удовлетворения некоторых требований бастующих. Такой же организованный характер носило их выступление в январе 1913 г. Это отмечала газета «Правда», которая в номере за 23 января 1913 г. писала: «Настроение у рабочих бодрое... Места бастующих под бойкотом»⁷⁶.

В течение 1913–1916 гг. на бондарных заводах происходило по несколько забастовок в год. Они имели место и на рыбных промыслах Дагестана. Весной 1914 г. на рыбных промыслах Кайтаго-Табасаранского округа, на которых было занято свыше 4 тыс. рабочих, была проведена серия забастовок с экономическими требованиями. Летом в забастовочную борьбу включились моряки и грузчики Петровского отделения Каспийского торгового флота.

В годы нового революционного подъема в стране рабочие Дагестана, несмотря на свою малочисленность и недостаточную организованность, проявили заметную активность, отмеченную в центральном периодическом органе РСДРП газете «Правда». Всего за 1910–1914 гг. рабочими было проведено около 40 забастовок, в которых приняло участие свыше 10 тыс. человек⁷⁷.

Тяжелое экономическое положение, политическое бесправие и произвол представителей колониальных властей и местных начальников толкали крестьян на протестное движение, принимавшее разные формы: письменные и устные заявления и жалобы в различные структуры власти, отказ от выполнения феодальных повинностей и податей, открытые вооруженные выступления и др.

Наибольшей остроты крестьянские выступления достигли в Кайтаго-Табасаранском, Кюринском, Темир-Хан-Шуруинском и Казикумухском округах. В 1908–1910 гг. зависимое райятское население Кайтаго-Табасаранского округа отказалось нести бекские повинности и стало захватывать и распаивать земли беков. Против бекско-помещичьей эксплуатации активно высту-

пали крестьяне-райяты таких крупных сел, как Карадаглы, Падар, Деличобан, Татляр, Рукель, Зиль, Марага, Верхнее Казанище, Кумторкала, Доргели Кайтаго-Табасаранского и Темир-Хан-Шурина округов.

Для подавления выступлений крестьян-райятов были двинуты воинские части, что привело в ряде мест к столкновению их с «бунтовщиками». Столкнувшись с такой упорной борьбой райятов за свои права, царизм вынужден был в 1913 г. провести крестьянскую реформу. С 1 января 1913 г. все зависимые поселяне Дагестанской области и Закатальского округа были освобождены от всех повинностей⁷⁸. Это была важная победа наиболее зависимой части крестьян, добившихся ее в длительной и упорной антифеодальной борьбе.

Наиболее массовым явилось движение крестьян, известное в литературе как антиписарское. Оно было направлено против введения в Дагестане делопроизводства на русском языке, осуществляемого военно-колониальными, насильственными методами. Одновременно с этим проводилась реформа сельского управления с подчинением его царской администрации.

Реформа и изменение делопроизводства были встречены враждебно в самых широких слоях дагестанского населения. В конце 1913 г. горцы избрали своих делегатов для поездки в Тифлис и Петербург, чтобы ходатайствовать не менять язык делопроизводства в сельских управлениях. Однако в начале 1914 г. эта делегация была арестована в Порт-Петровске, что еще больше обострило обстановку. Жители ряда сел начали громить сельские управления, изымать из сельских канцелярий документы и другие материалы, отказываться от содержания писарей. В феврале 1914 г. начались волнения в селениях Хунзах, Гимры, Унцукуль, Кумух, Н. Казанище и др.

12 марта несколько тысяч горцев двинулось в Темир-Хан-Шуру, чтобы добиться отмены указа о введении делопроизводства на русском языке. Они были остановлены солдатами Дагестанского конного полка и ротой Новобаязетского полка, выступившими во главе с губернатором области. К вечеру противники нового делопроизводства – горцы были отброшены от областного центра и утром 14 марта рассеяны.

Встретив сильное и организованное сопротивление, власти тем не менее вынуждены были сначала приостановить действие указа, а затем вовсе отменить его⁷⁹. Была одержана победа, явившаяся результатом организованного отпора трудящихся царизму.

Партии и общественные объединения Дагестана в годы революционного подъема. Возобновилась революционная деятельность разгромленных социал-демократических организаций. К середине 1912 г. с помощью Бакинского комитета РСДРП в Дагестане была восстановлена социал-демократическая группа РСДРП. По воспоминаниям старого большевика М.В. Есейнина, вернувшегося в Порт-Петровск в апреле 1912 г., здесь мало осталось старых партийных работников. Тон в партийной работе задавали молодые партийцы И.А. Котров, И.Т. Маскин, Артамохов-старший, Ф. Усанов и другие, которые были связаны с Бакинским комитетом РСДРП.

Революционное движение, разраставшееся в стране, перекинулось и на окраины. В Баку с 28 мая по 19 июня 1914 г. проходила всеобщая забастовка рабочих. Участие в ней принял и многотысячный отряд дагестанцев, работавших на нефтепромыслах. В одной из корреспонденций газеты «Правда», выходявшей тогда под названием «Трудовая правда», говорилось, что в Бакинском нефтяном районе «бастуют вместе с другими и татары, армяне, лезгины»⁸⁰.

Большое влияние на борьбу трудящихся масс оказывали видные революционные деятели Дагестана. Среди сельского населения пропагандистскую работу проводила начавшая складываться молодая дагестанская интеллигенция. В предвоенные годы в этой работе особо отличились М. Дахадаев, С.И. Габиев, М.А. Далгат, С.-С.У. Казбеков, А.Ф. Исмаилов, М.Т. Ахундов, Г.А. Нахибашев.

Широкую известность в Дагестане приобрели депутаты Государственной думы России разных созывов от Дагестанской области и Закатальского округа М.М. Далгат и И.-Б. Гайдаров. Они резко критиковали политику царизма по крестьянскому и другим вопросам, но вместе с тем рассматривали присоединение Дагестана к России как разумное и прогрессивное явление, позволившее приобщить горцев к передовой экономике и культуре, что осознали и сами крестьянские массы. Но чтобы нерусские народы еще больше любили Россию и стали ее патриотами, необходимо создать им нормальные условия жизни, они требовали считаться с их национальными интересами⁸¹. Годы революционного подъема привели к созданию в Дагестане культурно-просветительных организаций, поддерживавших революционные выступления. В областном центре сложилась небольшая группа учащихся реального училища и женской гимназии, в которой активную роль играли А. Алхазов, Тату Булач, Г. Саидов. В 1914 г. была осуществлена постановка пьесы Г. Саидова «Лудильщики», остро бичевавшая представителей эксплуататорской верхушки и пользовавшаяся огромной популярностью среди трудящихся⁸².

Следует отметить, что центральные большевистские издания часто писали о Дагестане и других кавказских регионах, поддерживали революционный дух рабочих национальных окраин. Они пользовались их доверием и, несмотря на запреты, распространялись среди рабочих. «Правду» регулярно получали в Петровске, здесь и в Дербенте был начат сбор средств в поддержку большевистской газеты.

Необходимость издания газет понимали и дагестанские революционеры. Первым за это дело взялся Саид Габиев, окончивший в 1911 г. Санкт-Петербургский университет и в 1905 г. принимавший участие в революционных событиях в Санкт-Петербурге и Владикавказе. В 1912 г. в столице Российской империи он организовал издание еженедельной газеты «Заря Дагестана» на русском языке. Затем она была переименована в «Мусульманскую газету», которая стала распространяться не только в Дагестане, но также в Средней Азии, Татари и Башкирии. Газеты выступали поборниками просвещения и дружбы народов, отстаивали интересы народов национальных окраин России и сыграли заметную роль в революционном движении⁸³.

Перед Первой мировой войной в Дагестане, как и во всей России, наметился революционный подъем, грозивший серьезными политическими последствиями. Но в развитие политических событий вмешалась Первая мировая война, принявшая глобальные для своего времени масштабы и сильно сказавшаяся на мировом развитии.

§ 2. Первая мировая война и Февральская революция в судьбах Дагестана

Первая мировая война, в орбиту которой были вовлечены 38 государств, началась в августе 1914 г. и разделила мир на два лагеря. Россия вступила в войну в союзе с государствами Антанты – Англией и Францией. Им противостоял Тройственный союз в лице Германии, Австро-Венгрии и Италии, напавших на черноморские порты России. Турция, мечтавшая о возвращении своих утраченных позиций на Черном море и в Крыму, примкнула к Тройственному союзу.

Таким образом, война непосредственно коснулась Кавказа и, следовательно, Дагестана. Возник Кавказский фронт, считавшийся второстепенным, но он был опасен тем, что Турция надеялась и немало делала для того, чтобы поднять мусульманское население Дагестана и Северного Кавказа против России⁸⁴.

Естественно, эти замыслы вызывали опасения царской России, еще не забывшей крупное выступление горцев Дагестана и Чечни в связи с началом в 1877 г. Русско-турецкой войны, которое охватило почти все округа Дагестана, за исключением Темир-Хан-Шуринского, и было жестоко подавлено царским правительством. Руководители и активные участники восстания в количестве 300 человек были казнены, 4875 человек выселены во внутренние губернии России⁸⁵.

С этими событиями и опасениями, связанными с ними, можно увязывать заявление депутата Государственной думы М.М. Далгата, сделанное им 30 октября 1914 г. В частности, напоминая о выступлении горцев в 1877 г., он говорил: «С 1877 года отношение горцев к России резко изменилось. Дагестанцы узнали русского человека и прониклись к нему уважением. В горах сильно сознание экономической выгоды принадлежности к русскому гражданству».⁸⁶

Тем не менее, царское правительство было озабочено тем, как поведут себя беспокойные горцы по отношению к единой Турции, воюющей против России. На ослабление возможного такого влияния была направлена акция, предпринятая на высшем государственном уровне. Во время поездки царя Николая II на считавшийся второстепенным кавказский театр военных действий по пути он остановился на станции Дербент. Императорский поезд прибыл туда 25 ноября 1914 г. Для встречи Николая II на перроне собрались губернатор Дагестанской области генерал-лейтенант Вольский, представители русского, армянского, мусульманского, еврейского духовенств, а также делегация от населения области, состоявшая из почетных лиц всех округов,

сельских старшин и лиц, служивших ранее в собственном Его Императорского Величества конвое. Во главе этой делегации находились старший представитель шамхальского рода Зубаирбек Тарковский и житель селения Хунзах майор Кади-Магомед Гитиновасов. На встрече была представлена и делегация г. Дербента во главе с городским старостой И.Н. Хуцесовым. Во встрече участвовали уполномоченные от учебных заведений Дербента: женской гимназии, реального училища, школы садоводства, виноделия и огородничества, городского 4-классного училища, железнодорожного училища и 1-классного городского училища. Собрались также горожане и жители ближайших селений, заполнившие весь перрон и прилегающие улицы.

Встреча по количеству и составу встречающих была достаточно представительной и проходила по заранее распisanной буквально по нотам режиссуре. Император Николай II вышел на перрон и принял рапорт от губернатора области. Его приветствовали от православного духовенства протоиерей О. Шанавадзе и армянского духовенства священник Т. Вартамянц. Затем император остановился перед делегацией мусульманского духовенства. Областной кади Чопалаев приветствовал его на кумыкском языке. От делегации населения области З. Тарковский преподнес императору хлеб-соль на деревянном блюде и от имени дагестанцев на кумыкском языке выразил верно-подданные чувства «своему горячо обожаемому царю». В ответ Николай II поручил передать населению, что он всегда был уверен в преданности и верности ему дагестанского народа и рад тому, что два полка дагестанцев храбро и стойко сражаются на западе.

Напоследок городской староста Хуцесов поднес государю хлеб-соль и передал 20000 руб. на военные нужды, за что получил благодарность. После этого император, приветствуемый пением гимна и криками восторженной толпы, проследовал перед встречавшими. В зале вокзального ресторана в его честь был дан обед. Вечером он отбыл из Дербента.

При возвращении с Кавказского фронта 3 декабря 1914 г. император не стал останавливаться в Дербенте, хотя на перроне вокзала и собрались встречающие его. Остановка поезда была сделана напротив домика Петра I, который государь посетил и осмотрел. После этого он отбыл⁸⁷.

Хотя приезд царя в Дагестан не принес особого улучшения положения его народов, но на кавказском театре военных действий произошел перелом. В 1915 г. русская армия начала наступательные операции и в 1916 г. овладела Эрзерумом и Трапезундом.

Отмечая некоторое сочувствие, проявленное мусульманами Кавказа к Турции, царизм тем не менее не доверял оружия горцам Дагестана, заменив им военную службу на воинский налог. За определенное вознаграждение среди дагестанцев проводился набор добровольцев. С начала войны на фронте находились 2 дагестанских полка добровольцев, но они нуждались в постоянном пополнении. Несмотря на то, что горцы-добровольцы и их семьи пользовались значительными льготами, желающих пойти на службу в добровольческие полки становилось все меньше.

Война тяжело отразилась на промышленности России, особенно на промышленности таких ее окраин, как Дагестан, где она делала только первые робкие шаги. Если по стране в целом стоимость продукции фабрично-заводской промышленности выросла на 13,7%, то в Дагестане она упала на 11,3%. В 1916 г. фабрично-заводское производство еще более сократилось.

Серьезное сокращение производства произошло в горно-заводской промышленности. Из 45 скважин, действовавших до войны, 34 не функционировали. Добыча ртути вовсе прекратилась. Если и возросла добыча серы и соли, то она занимала небольшой удельный вес в общем объеме промышленного производства и не могла восполнить потери, понесенные сокращением производства в других отраслях промышленности.

Почти вся фабрично-заводская промышленность области была переведена на военные рельсы. Многие крупные и мелкие предприятия производили продукцию, необходимую для нужд фронта.

Железная дорога оказалась не подготовленной к возросшим в условиях военного времени перевозкам грузов. Более того, в первые же месяцы пропускная способность Владикавказской железной дороги сократилась на 20–30%.

В трудном положении оказалось и сельское хозяйство области. За 1913–1917 гг. посевные площади сократились на 30%. Уменьшилось применение удобрений, машин и сельскохозяйственных орудий, не хватало тягловой силы, рабочих рук. Сбор зерновых в области резко упал. Уменьшилось поголовье скота. Все это тяжело отразилось на положении крестьянства, продовольственном и сырьевом снабжении городов и на положении рабочих⁸⁸.

Война привела к резкому ухудшению экономического положения рабочих и связанному с этим обострению классово-политической борьбы. Наступление на экономические права рабочих шло по линии увеличения продолжительности рабочего времени. Это происходило по двум направлениям – прямое увеличение рабочего дня и расширение сверхурочных часов составило более 22 тыс.⁸⁹

Хотя в военные годы и имело место повышение номинальной заработной платы, однако оно было мизерным и было связано с так называемыми военными пособиями. Но эти пособия были ничтожны и колебались в разных отраслях от 3 – 5 до 20 руб. Если учесть катастрофический рост цен на промышленные и продовольственные товары, на топливо и квартиры, рост размеров штрафов, вычетов, взысканий и других поборов, то реальная заработная плата рабочих была далека от номинальной и не обеспечивала минимальные потребности рабочей семьи.

В связи с сокращением производства многие рабочие были уволены и их семьи остались без куска хлеба. Если в начале 1915 г. в Петровске насчитывалось 1068 фабрично-заводских рабочих, то к концу 1916 г. их количество сократилось и составило только 806 человек. Как отмечал фабричный инспектор Дагестанской и Терской областей, «появляется целая армия безработных рабочих, которая при прогрессирующей дороговизне может вызвать нежелательные явления. Положение рабочих действительно безысходное»⁹⁰.

Не только рабочие, но и крестьяне, основная трудящаяся масса, оказались в тяжелом положении. Падение урожайности сельскохозяйственных культур, сокращение посевных площадей и поголовья скота в трудные военные годы происходили в первую очередь у беднейших крестьян, составлявших большую часть крестьянского населения Дагестана. С введением в 1916 г. в действие указа «О привлечении реквизиционным порядком на время настоящей войны освобожденных от воинской повинности инородцев империи» положение крестьян еще более усугубилось. В соответствии с этим указом местным органам власти предоставлялось право принудительно мобилизовывать горцев-мусульман на сооружение оборонительных объектов, а также на другие тыловые работы. Мобилизация крестьян проводилась вместе с реквизицией лошадей и подвод. Одновременно росли налоги на крестьян. Более чем на 100% увеличились прямые и косвенные налоги. Поземельный налог с крестьян в первый же год войны был увеличен наполовину, оброчная повинность – на 11%. Были введены новые повинности. Все это вело к возрастающему обнищанию крестьянского населения⁹¹.

Все более усиливающийся в годы войны экономический и колониальный гнет стал достаточной основой для нового обострения политической ситуации в крае.

В 1916 г. в Дагестане, как и по всей стране, стало нарастать стачечное движение рабочих. Первыми стачку начали текстильщики фабрики «Каспийская мануфактура» Петровска. Забастовка началась 2 мая, неоднократно прерывалась и возобновлялась, поскольку администрация фабрики не соглашалась с требованиями рабочих о повышении заработной платы. 16 июня объявили забастовку рабочие типографии и табачной фабрики. Вслед за ними 18 августа в забастовочное движение включились рабочие бондарного завода «Рыбак».

Однако цены росли, и в начале 1917 г. забастовки вспыхнули с новой силой. В конце января рабочие фабрики «Каспийская мануфактура» вновь забастовали и потребовали увеличения заработной платы. Вслед за ними в забастовочное движение включились рабочие бондарных предприятий⁹².

Забастовками рабочих в 1916–1917 гг. руководили или активно участвовали в них социал-демократические группы. Забастовкой бондарей руководила социал-демократическая группа, в которую входили Н.Г. Ермошкин, Швырков и Стройнов, которые были связаны с Астраханской социал-демократической организацией. Руководителями выступлений ткачей Петровска власти считали М.-Н. Гаджиева, Е.А. Климову, А. Скрипникова и приехавшего из Баку Н.А. Телепина.

Росло недовольство своим положением и крестьянства, особенно усилившееся в связи с проведением в жизнь правительственного распоряжения о принудительной реквизиции подвод, мобилизации на тыловые работы мужчин, достигших 18-летнего возраста. Когда 5 июля 1916 г. в селении Аксай Хасавюртовского округа власти объявили о необходимости выставить 190 подвод с возчиками, население отказалось выполнять это распоряжение.

Большевики под руководством З.Н. Батырмурзаева использовали это событие для оказания организованного сопротивления властям, которые попытались силой собрать возчиков и подводы. Жители на это ответили восстанием. На их подавление были направлены три роты солдат и одна сотня казаков. Их встретили вооруженные жители села. Произошла стычка, были убитые и раненые. Более 20 человек были преданы военно-полевому суду, а жители селения были обложены продовольственным налогом.

Под влиянием Аксаевского восстания выступили и жители Караногайского приставства. Брожение наметилось и среди жителей других округов Дагестана и Северного Кавказа. Все это вынудило царизм отступить и приостановить реквизиции⁹³.

Начало политического кризиса в стране. Рабочее движение в стране, принявшее в начале 1917 г. небывалый размах, свидетельствовало о том, что политический кризис достиг своего апогея, вступил в свою высшую стадию. В январе – феврале в стране бастовало 650 тыс. рабочих. Большинство из них приобрели опыт революционной борьбы на политических стачках и были решительно настроены на победу, на свержение царского самодержавия.

В первых рядах рабочего движения шел пролетариат Петрограда, который 25 февраля 1917 г. начал всеобщую забастовку, главными лозунгами которой были: «Все под красные знамена революции! Долой царскую монархию! Да здравствует 8-часовой рабочий день! Долой войну! Вся помещичья земля народу!»

Стачечная борьба нарастала с каждым днем. Начались столкновения с полицией. Появились раненые и убитые. Царские власти, опасаясь развития событий, запросили пополнение с фронта. Николай II передал из ставки по прямому проводу приказание: «Повелеваю завтра же прекратить в столице беспорядки»⁹⁴.

Но царь не отдавал себе отчета в том, что происходит. В февральско-мартовские дни 1917 г. вокруг него и его правительства образовался настоящий вакуум, и не случайно 2 марта 1917 г. в дневнике последнего императора появилась запись: «Кругом измена и трусость, и обман»⁹⁵.

От царя отшатнулись все – командующие фронтами, министры, сановники. Россия вступила в Первую мировую войну как великая мировая держава с одной из самых сильных армий мира, а вышла из нее, потеряв свое былое величие, свой престиж, опустившись до уровня страны, с которой не считались уже ни противники, ни бывшие союзники. Все рухнуло – императорский режим, армия, экономика, международный престиж, система общественных отношений и нравственных ценностей.

27 февраля восстание охватило всю столицу. Восставшие рабочие захватили арсенал и вооружились. Солдаты стали переходить на сторону восставших. К вечеру более 60 тыс. солдат гарнизона присоединились к восставшему народу. Так в ходе революционных боев сложился союз рабочих и крестьян, одетых в солдатские шинели.

Вечером 27 февраля в Таврическом дворце стали собираться делегаты, избранные на предприятиях и в воинских частях. Делегаты от рабочих и сол-

дат создали единую революционную организацию – Совет рабочих и солдатских депутатов. Создание новых революционных органов было поддержано и на местах. Во всех губерниях и в большей части уездных городов были избраны советы рабочих и солдатских депутатов.

Но рядом с Советом возникло Временное правительство, представлявшее орган господства буржуазии и помещиков. При первых же известиях о победе революции в столице Государственная дума избрала Временный комитет, которому поручила водворение порядка в столице. Комитет послал делегацию на фронт и к Николаю II, чтобы уговорить его отказаться от власти в пользу своего сына. Это требование поддержали и командующие всеми фронтами, заявившие Николаю II, что они не ручаются за армию. Царь подписал манифест, в котором отказался от власти, и за себя, и за сына в пользу своего брата Михаила.

Временный комитет Государственной думы вступил в переговоры с Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов о создании Временного правительства, с чем последний согласился. На основе этого соглашения 2 марта было создано буржуазное Временное правительство под председательством князя Г.Е. Львова. Большинство министров состояли в партии октябристов и кадетов. В состав правительства вошел трудовик А. Керенский, никем не делегированный, а введенный буржуазией⁹⁶.

Февральская революция была крутым переходом от беззакония и террора к широкой политической свободе. По своему характеру она была буржуазно-демократической. После крушения монархии для всех политических партий и их лидеров впервые в российской истории открылась возможность прихода к власти. С февраля по октябрь 1917 г. политическую борьбу за власть вели более 50 партий. Особенно заметную роль в политике играли партии кадетов, меньшевиков, эсеров, большевиков. Формирование политических структур происходило в необычных условиях, когда в стране создавалось двоевластие – Временного правительства и Советов⁹⁷.

Выход из сложившейся в стране обстановки двоевластия В.И. Ленин, вернувшийся в Россию 3 апреля, видел в том, чтобы путем разъяснительной работы завоевать большинство в Советах, изгнать оттуда эсеров и меньшевиков, изменить политику Советов, мирными средствами добиться создания большевистского советского правительства. В его работе «О задачах пролетариата в данной революции» был намечен обоснованный курс на мирное развитие революции: «Пока мы в меньшинстве, мы ведем работу критики и выяснения ошибок, проповедуя в то же время необходимость перехода всей государственной власти к Советам рабочих депутатов, чтобы массы опытом избавились от своих ошибок»⁹⁸.

Однако дальнейшие события показали, что мирное развитие революции в тех конкретных условиях оказалось невозможным. Буржуазно-помещичьи круги, пришедшие к власти, не решали требования трудящихся масс и не собирались, не только добровольно отдавать власть, а принимали все меры, чтобы ее укрепить и защитить.

Тем временем весть о свержении царизма быстро облетела всю страну. Угнетенные народы национальных окраин весть о крушении царского режима восприняли с огромной радостью и надеждой на удовлетворение своих требований о национальном и социальном освобождении. Однако местные правящие круги пытались помешать распространению среди населения сообщений из столицы. Губернатор Дагестанской области старался скрыть от общественности сообщение о свержении царизма, тем не менее ему это не удалось. 5 марта в Порт-Петровске прошли митинги рабочих и городских жителей. Демонстрациями и многолюдными митингами была встречена весть о свержении царского режима в Темир-Хан-Шуре, Петровске, Дербенте, Хасавюрте и Кизляре. Из подполья вышли все члены оппозиционных партийных групп, возникли профсоюзные организации. Большевики и меньшевики работали в объединенных организациях РСДРП, поскольку их сил было мало. В них преобладали меньшевики. Значительным влиянием среди городских жителей и солдат пользовались эсеры.

В Дагестане, как и в центре, установилось двоевластие. 9 марта 1917 г. в Темир-Хан-Шуре был создан Временный областной исполнительный комитет. В него вошли представители буржуазии, помещиков, мусульманского духовенства и интеллигенции. В их числе были инженер З. Темирханов (председатель), князь Н.Тарковский, помещики Д. Апашев и Г. Юсуфзанов, крупный овцевод, клерикал Н. Гоцинский, фабрикант, первопечатник М.-М. Мавраев, ученый-арабист М.-К. Дибиров, адвокаты Г. Бамматов и А. Гасанов, чиновник Б. Саидов, агроном П. Эмиров, юрист А. Далгат и др. Позже состав исполкома пополнился именами таких известных политических деятелей, как Д. Коркмасов, М. Дахадаев, А. Тахо-Годи, С. Габиев и др.

Еще раньше городской совет возник в Дербенте. По получении 3 марта сообщения о Февральской революции рабочие и солдаты обезоружили полицейских и предложили царским чиновникам оставить посты. Вечером на привокзальной площади был созван митинг, в котором приняли участие и рабочие ближайших рыбных промыслов. На митинге выступил большевик Д.Пугин.

На другой день железнодорожники создали Совет рабочих депутатов. Вскоре он объединился с Советом солдатских и офицерских депутатов и стал называться Совет рабочих и солдатских депутатов. Одновременно с ними в Дербенте возник Гражданский исполком, в который вошли представители городской буржуазии и помещиков. Возглавил исполком начальник местного военного гарнизона Малышевский, представитель кадетской партии, поддерживающей Временное правительство⁹⁹.

11 марта был образован Порт-Петровский Совет рабочих депутатов. Возник и Совет солдатских и офицерских депутатов. Оба Совета вскоре были объединены в Совет рабочих и солдатских депутатов. Во всех Советах Дагестана, как и на Северном Кавказе, преобладали меньшевики и эсеры, представители интеллигенции, поддерживавшие эти партии. Входили туда и большевики, но они были в меньшинстве. Во главе руководящих органов Со-

ветов рабочих и солдатских депутатов стояли меньшевики и эсеры. Почти все Советы выступили в поддержку Временного правительства.

Наряду с советами в городах стали возникать разного рода националистические организации, объединявшие по этническому признаку представителей различных национальностей. В одном только Дербенте были организованы армянский, еврейский, грузинский, польский национальные комитеты. Такие же комитеты имелись в Порт-Петровске, Кизляре, Хасавюрте. Националистическая пропаганда, проводимая ими, мешала и тормозила интернациональное сплочение трудящихся Дагестана, к чему призывали большевики¹⁰⁰.

Временный областной исполнительный комитет не торопился осуществлять какие-либо революционные преобразования и выступать со своей программой. Более того, он старался сохранить старые порядки управления в области. В первое время у власти оставался губернатор, который утверждал постановления областного исполкома. В городах оставались и функционировали городские думы и управы, в округах командовали прежние начальники.

В конце марта 1917 г., когда функции наместника царя на Кавказе перешли к органу Временного правительства – Особому Закавказскому комитету, какие-то перемены произошли и в Дагестане. Озаком 6 апреля для управления Дагестанской областью образовал особый комиссариат в составе бывших депутатов Государственной думы М. Далгата и И. Гайдарова и одного лица, представителя областного исполкома. Под давлением сверху Дагестанский областной исполком принял решение об отстранении от власти начальников округов и других работников, а также губернатора области и его помощников¹⁰¹.

Областной исполком, являвшийся органом Временного правительства, не выполнил ни одного обещания, связанного с улучшением бедственного положения трудовых масс области¹⁰². Газета «Известия Бакинского Совета» 11 апреля 1917 г. писала: «Власть на местах захватывают люди, ничего общего с новым строем не имеющие. Бывшие уездные начальники, мировые посредники, приставы, которые при старом строе душили и грабили народ, являются и сегодня хозяевами положения... Еще хуже обстоит дело в Дагестанской области, где кучка чиновников при старом губернаторе захватила власть и держит в подчинении и невзведении все население области»¹⁰³.

Такая картина наблюдалась и на всем Северном Кавказе. Как отмечал Г.К. Орджоникидзе, «Февральская революция почти не коснулась Северного Кавказа, произошла незначительная смена административных сил»¹⁰⁴.

Отношение Временного правительства к решению аграрного вопроса. Одно из главных требований крестьян – земельный вопрос – не решался. Временное правительство стремилось сохранить до созыва Учредительного собрания прежние земельные отношения, объясняя этим желание соблюдать правовую преемственность государственного строя. Однако под давлением быстро менявшейся экономической и политической ситуации (особенно после попытки военного переворота, предпринятого Корниловым) оно вынуждено было предпринять какие-то шаги для правового реформи-

вания аграрных отношений. Был подготовлен законопроект о временной приостановке и запрещении частных сделок на землю. Вопреки сложившейся процедуре и в чрезвычайном порядке 1 июля 1917 г. было введено «Постановление Временного правительства о приостановлении действием некоторых узаконений о крестьянском землевладении и землепользовании положения о землеустройстве, а также об упразднении землеустроительных комиссий», которое подписали министр-председатель А. Керенский и министр земледелия В. Чернов. Постановление фактически приостанавливало до решения земельного вопроса Учредительным собранием производство дел по составлению, утверждению и выдаче удостоверительных актов на многие виды земельной собственности.

Постановление Временного правительства упраздняло существующую региональную инфраструктуру местных (губернских и уездных) земельных комиссий, заменяя ее новым типом учреждений – земельными комитетами. Это означало радикальное изменение аграрной политики, направленной теперь не на разрешение земельного вопроса на местах, а на сбор информации и разработку всеобъемлющей аграрной реформы¹⁰⁵.

Действия Временного правительства, состоявшего в основном из представителей русской буржуазии, подтверждали подозрительность, которую проявляли рабочие по отношению к таким классам. Американский экономист и социолог Уильям Инглиш Уоллинг, побывавший в России и написавший очерк о первой российской революции, опубликованный в 1908 г. в Нью-Йорке под названием «Благовест России», дает описание состояния духа русских рабочих: «Они (рабочие) видели, что даже при самом свободном правительстве, если оно окажется в руках других социальных классов, им, возможно, придется по-прежнему голодать»¹⁰⁶.

Как будто это было сказано про Временное правительство, которое появилось более десяти лет тому назад после первого опыта рабочих и крестьян взять власть в свои руки, и который тогда не удался. Но и новая власть, пришедшая на смену свергнутому царскому самодержавию, не решала главные требования трудящихся масс, что обостряло и без того сложную политическую ситуацию.

В связи с ростом революционных настроений среди рабочих и крестьян Дагестана спешили объединить свои силы и его помещичье-клерикальные круги. В начале сентября они организовали в Темир-Хан-Шуре Дагестанский областной милли (национальный) комитет. Своей программой они объявили защиту жизненных интересов горских народов. Однако в дальнейшем милликомитет вмешивался в решение политических вопросов, оказывал давление на областную исполком, организовал свою вооруженную силу – шариатскую милицию, созданную по примеру существовавшей до него религиозной организации «Джамаатуль-Исламия» (общество ислама)¹⁰⁷.

Особое место в революционных событиях тех лет заняла Дагестанская социалистическая группа, созданная по инициативе М. Дахадаева и Д. Коркмасова в мае 1917 г. в Темир-Хан-Шуре, объединившая вокруг себя высокообразованных представителей дагестанских народов, неоднородных по своим

партийным убеждениям или партийной принадлежности, но хорошо известных в народе как революционеры. Характеризуя социалистическую группу, ее цели и задачи, в июне 1918 г. М. Дахадаев говорил: «Да будет вам, товарищи члены Совета, известно, что не со вчерашнего дня мы держали в своих руках красное знамя.

Среди нас есть и левые эсеры, есть и большевики, есть и независимые социалисты, но нас было здесь всегда так мало, что количественно мы могли быть сильны, лишь будучи объединенными в одну группу»¹⁰⁸.

В социалистическую группу входили М. Хизроев, С. Габиев, А. Тахо-Годи, А. Зульпукаров и др., которые были тесно связаны с горским крестьянством. Они пользовались широкой известностью и популярностью в Темир-Хан-Шурином, Аварском, Андийском, Даргинском, Гунибском и Казикумском округах. Немало сторонников у социалистической группы было в городах, особенно в областном центре. Она выступала за проведение революционно-демократических преобразований и хотя не всегда была последовательна в проведении таких реформ, однако объективно она способствовала классовой дифференциации горского общества и помогала созданию национальных резервов социалистической революции¹⁰⁹.

Наиболее революционную часть студенческой молодежи объединяло созданное в мае 1917 г. в Темир-Хан-Шуре Дагестанское просветительно-агитационное бюро. Руководство бюро осуществляли большевики У. Буйнакский и Г. Саидов. Активное участие в работе группы принимали С.-С. Казбеков, Г. Далгат, З. Батырмурзаев, М. Ахундов, А. Закуев и др. Они проводили в городах и аулах митинги и собрания, издавали и распространяли листовки и прокламации. По их инициативе начали издаваться журналы и газеты на местных языках: «Танг-Чолпан» на кумыкском, «Заман» на аварском и «Илчи» на лакском¹¹⁰, распространявшиеся не только в городах, но и аулах Дагестана. Бюро считало своей главной задачей разъяснение народным массам смысла происходивших в стране и Дагестане событий, защиту интересов трудового народа, проведение в рабочую среду принципов социализма, решение земельного вопроса в интересах крестьян, признавало все пункты программы Российской социал-демократической рабочей партии, хотя и не уточняло своей принадлежности к большевикам или меньшевикам. Программа бюро в виде обращения была опубликована в газетах «Время», «Илчи», «Заман» на русском, лакском, кумыкском и аварском языках¹¹¹.

Кроме указанных газет левого направления, в Темир-Хан-Шуре издавались также газеты «Аваристан» на аварском языке под редакцией М.-М. Мавраева, «Мусават» на кумыкском языке, «Джаридату Дагестан» на арабском языке под редакцией А. Каяева. С августа 1917 г. газета «Илчи» стала выходить под названием «Чанна цуку» («Утренняя звезда») на лакском языке под редакцией А. Закуева (Курди). Среди горцев Южного Дагестана распространялась газета «Гуммет», издававшаяся в Баку. В журнале «Танг-Чолпан» и в газетах публиковались, кроме политических статей на тему дня, литературно-художественные произведения, защищавшие свободу,

пришедшую с севера, т.е. из России, они были направлены на пробуждение горской бедноты, углубление и расширение завоеваний революции¹¹².

Под влиянием Февральской революции активизируются революционные выступления учащейся молодежи. Газета «Время» в номере от 5 июня 1917 г. с тревогой отмечала, что «учащаяся молодежь в старших классах начала заметно волноваться. Нужны были необыкновенные усилия и крайняя осторожность со стороны начальства и преподающих, чтобы не вылилось все переживаемое в те или другие нежелательные формы»¹¹³. Несмотря на предпринимаемые меры, «нежелательные формы» в виде массового отсутствия на уроках и ухода с уроков, требования увольнения монархически настроенных руководителей учащихся и выступления в других формах имели место в Порт-Петровске, Темир-Хан-Шуре, Дербенте.

Национально-освободительная борьба в Дагестане представляла, как и в других национальных регионах Северного Кавказа, крайне сложное явление. В ней участвовали различные социальные группы, которые преследовали свои цели, часто отличающиеся от общедагестанских задач и требований основных масс трудящихся. Местная буржуазия была слабее русской буржуазии, тем не менее, опираясь на поддержку центра, часть дагестанской интеллигенции и духовенства захватила власть в свои руки.

Классовая дифференциация общества отразилась и на расстановке социальных прослоек внутри областного исполкома. В нем прослеживались такие группировки, как сторонники Временного правительства, опирающиеся на русскую буржуазию, местная буржуазно-помещичья верхушка, добивавшаяся создания под своим руководством независимой республики, клерикалы во главе с Н. Гоцинским, мечтавшие о создании под протекторатом Турции исламской монархии, и социалисты, отражавшие интересы наиболее широких масс народа.

На мере нарастания революционного движения в Дагестане социальные течения старались привлечь на свою сторону все более широкий круг сторонников. Во второй половине апреля в Темир-Хан-Шуре о себе заявили представители помещичье-клерикальных слоев, основав «Джамиат уль-Исламие» (в переводе с арабского – общество исламистов). Оно издавало свою газету «Джаридат уль-Дагестан» (на арабском языке). Мусульманские комитеты появились в Порт-Петровске и Дербенте¹¹⁴.

Ослабление влияния и авторитета Временного правительства привело к ухудшению социально-экономического положения трудящихся, усилению на окраинах центробежных сил, старающихся воспользоваться слабостью центра и создать независимые государства. Такие попытки предпринимались и в многонациональном Северном Кавказе. В марте 1917 г. во Владикавказе было проведено собрание горской интеллигенции, которое решило в мае провести съезд горских народов Северного Кавказа для решения вопроса о создании независимого государства. К предстоящему съезду были подготовлены проекты политической платформы и программы, конституции и др. документы, необходимые для создания нового государственного образования. Были

разосланы письма о выборах делегатов на съезд по одному делегату от 5000 человек.

Первый съезд горских народов прошел 1–10 мая 1917 г. во Владикавказе. На съезде присутствовало около 300 человек делегатов и гостей, избранных и приглашенных от губерний, краев и областей Северного Кавказа. От Дагестана было избрано 63 делегата. На съезде был избран Временный центральный комитет, с ноября 1917 г. названный горским правительством. В его состав были избраны А.-М. (Тапа) Чермоев (Чечня), В.-Г. Джабагиев (Ингушетия), Б. Шаханов (Балкария), П. Коцев (Кабарда), от Дагестана: бывший член III Государственной думы И. Гайдаров, Н. Тарковский, Р. Капланов, Н. Гоцинский, А. Далгат, Б. Далгат и др. В работе съезда приняли участие известные дагестанские революционеры Д. Кокмасов, А. Тахо-Годи и С. Габиев. Последний выступил на съезде с докладом о народном образовании¹¹⁵.

Съезд обратился с приветствиями в адрес Государственной думы и Временного правительства. В резолюции об отношении к Временному правительству съезд признал «... необходимым всемерно поддерживать все начинания Временного правительства...». Съезд постановил всецело присоединиться к российской демократии, требующей завершения войны без аннексий и контрибуций. По аграрному вопросу, признавая, что «земля должна принадлежать трудящемуся населению», съезд, однако, счел необходимым решение земельного вопроса, учитывая его сложность и серьезность политической ситуации, предоставить Учредительному собранию. Вместе с тем съезд посчитал, что все земли, занимаемые ногайцами, караногайцами и туркменами Терской, Кубанской и Дагестанской областей, Ставропольской и Черноморской губерний, еще до созыва Учредительного собрания должны быть «признаны неотъемлемой собственностью перечисленных племен».

Была принята Конституция Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана, базирующаяся на федеративной основе. Центральный комитет избирался в составе 17 членов, в том числе 6 членов от Дагестанской, 6 – от Терской, 2 – от Кубанской области и Черноморской губернии, 1 – от Закатальского округа, 1 – от абхазского народа и 1 – от Ставропольской губернии¹¹⁶.

Главным достижением съезда можно считать провозглашение им создания Союза объединенных горцев, хотя до реального решения этой задачи было далеко. По признанию подполковника царской службы Б. Кузнецова, к весне 1918 г. власть правительства Горской республики распространялась только на часть Дагестана. Не все аулы, особенно граничившие с Чечней, признавали новорожденную республику¹¹⁷.

Важнейший для горских народов Северного Кавказа аграрный вопрос съезд не стал долго рассматривать, передав его на усмотрение Учредительного собрания. Он не дал ответа на многие жгучие вопросы времени, но и те, которые обсуждались (аграрный, продовольственный, народного просвещения, духовного управления), не стали предметом серьезного и продуманного подхода и принятия конкретных решений. Продолжающиеся и после съезда разбои, конфликты между некоторыми народами грозили подорвать отноше-

ния горцев и русского населения. Приближение выборов в Учредительное собрание побудило Центральный комитет Союза объединенных горцев созвать второй съезд в августе 1917 г. в высокогорном селении Анди.

Выбор места проведения этого съезда муфтий Северного Кавказа и Дагестана Н. Гоцинский объяснял тем, чтобы «в дебрях гор, вдали от войск и городов», «без давления со стороны» обсудить нужды горцев, их проблемы. За этими объяснениями тщательно скрывались далеко идущие планы Гоцинского и тогдашнего его сподвижника шейха Узун-Хаджи, которые хотели добиться учреждения имамата и провозглашения Гоцинского имамом, что он планировал еще до съезда. По свидетельству М. Дибирова, одного из активных политических деятелей того времени, еще в начале июля 1917 г. Гоцинский позвал к себе Узун-Хаджи и сказал ему: «Теперь мы получили свободу действий, мы можем делать все, что хотим... Давай объединим свои усилия, введем шариат, а для управления народом по шариату изберем имама»¹¹⁸.

Теперь, когда Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана под давлением мусульманского духовенства согласился провести съезд в сел. Анди, у Гоцинского и его последователей появилась надежда на создание в Дагестане исламской республики с присоединением в состав имамата и других районов Северного Кавказа.

Повестка дня работы съезда была сформулирована так, что главным вопросом, подлежащим рассмотрению, становился вопрос о духовных делах мусульман, поставленный под номером один. Если судить о предсъездовской обстановке и месте его проведения, все это затевалось ради обсуждения этого первого вопроса, хотя другие вопросы вызывали не меньший интерес: это 2) организация народных сил против анархии и контрреволюции, народная милиция; 3) борьба с разбоями; 4) организация Совета крестьянских депутатов и земельных комитетов и др. вопросы.

Однако провести съезд и обсудить назревшие задачи не удалось. Назначенный на 2 августа 1917 г. в сел. Анди съезд горцев Дагестана и Северного Кавказа так и не состоялся из-за отсутствия значительного числа делегатов. Но на границе Андийского округа собралось большое число чеченского населения, среди которых прошел слух о выборе имама. К ним поехал начальник Аварского округа Н. Гоцинский, который выступил перед ними и объяснил им современное положение и планы съезда объединенных горцев. Как арабист и знаток шариата он был избран муфтием Чечни и Дагестана. После этого в сел. Анди было проведено совещание с участием большого числа духовенства, которое потребовало для всех дагестанцев в пределах Дагестана шариат. После этого участники совещания разошлись¹¹⁹.

Несостоявшийся II съезд Союза объединенных горцев в Анди решено было, как сообщала газета «Горская жизнь»¹²⁰ в № 11 от 10 сентября 1917 г., провести во Владикавказе 20 сентября 1917 г. На съезд вносились те же вопросы, которые предполагалось рассмотреть на съезде в Анди.

Переход Временного правительства к политике «твердого порядка», растущие экономические и политические трудности показали, что Временное правительство не способно было справиться с ними. Против состоявшейся в

Петрограде 4-5 июля демонстрации рабочих и солдат были применены войска. Кадеты подталкивали Временное правительство перейти к политике «твердого порядка», а финансово-промышленные круги обеспечивали материальную подготовку установления в стране военной диктатуры. Выбор на роль диктатора пал на верховного главнокомандующего Л.Г. Корнилова¹²¹.

24 августа 1917 г. корниловские войска начали движение на Петроград. 28 августа был создан комитет народной борьбы с контрреволюцией из представителей меньшевиков, эсеров и большевиков. Большую роль в подавлении корниловщины сыграл переход на сторону революции так называемой «дикой дивизии», состоявшей из кабардинцев, осетин, черкесов и других народов. В составе этой дивизии были и два дагестанских конных полка. В дивизию была послана делегация горцев, которая провела среди солдат разъяснительную работу. Узнав о планах контрреволюционеров, солдаты «дикой дивизии» отказались выступить против революции, арестовали своих офицеров, а наиболее реакционных из них расстреляли. Это событие стало достоянием армии и фронта, рабочих и крестьян и способствовало развитию революции¹²².

Развертывающаяся по стране революционная борьба способствовала расширению и углублению разрыва между верхушечными и угнетенными слоями горского населения, все резче обнажалась дифференциация между двумя лагерями, происходила группировка классовых сил, росли и укреплялись большевистские организации. Среди портпетровских ткачей на фабрике «Каспийская мануфактура» возникла большевистская организация, руководимая Я.В. Коробовым. Такие же организации возникли на бондарных заводах, железной дороге, в 220-м пехотном запасном полку, дислоцировавшемся в Порт-Петровске. По инициативе большевистской фракции Порт-Петровского Совета в июле 1917 г. было созвано общее собрание большевиков города, на котором был избран комитет РСДРП(б).

В сентябре 1917 г. после приезда в Порт-Петровск У.Д. Буйнакского здесь был образован городской комитет партии большевиков. В комитет вошли У. Буйнакский, А. Сельтенов, А. Магомедов, А. Исмаилов, А. Кондратенко. Бакинская организация РСДРП(б), имевшая давние связи с большевиками Дагестана, послала на помощь дербентским и портпетровским большевикам Аникина и Аниера. С Кавказского фронта прибыли большевики И. Котров, И. Маскин, Артамохов и другие, усилившие местные партийные силы¹²³.

В июле 1917 г. в Порт-Петровске по инициативе вернувшихся с фронта Ермошкина, Швыркова, Подойницына, студента Багдасарова-Дурасьянца, З. Захарочкина и других была создана партийная группа, состоявшая из эсеров-максималистов. В группу входило около 100 членов, к ним примкнули отколовшиеся от правых эсеров после июльских событий (неудавшаяся попытка государственного переворота, предпринятого верховным главнокомандующим генералом Л.Г. Корниловым) левые эсеры. Максималисты вместе с левыми эсерами пользовались определенным влиянием среди мелко-

буржуазных слоев. Большевики блокировались с максималистами в борьбе за массы против меньшевиков и эсеров.

Социал-демократическое движение имело широкую базу и в Дербенте. Большую роль в пропаганде социал-демократических идей здесь сыграл учитель гимназии большевик Я.Л. Маркус. Дербентская организация РСДРП(б) возникла на базе вышедшего из подполья социал-демократического кружка правдивов, созданного еще до Февральской революции большевиками Я.Л. Маркусом, И.А. Котровым, Д.Н. Пугиным и др. В апреле 1917 г. по инициативе Д.Н. Пугина, И.А. Котрова, И.Т. Маскина и при помощи представителей Бакинского комитета РСДРП(б) в Дербенте была создана самостоятельная организация РСДРП(б). Если при ее создании в ней было 15 членов, то к концу года их численность увеличилась почти до 50 человек¹²⁴.

По решению собрания дербентские большевики командировали Д.Пугина в Баку для уточнения Бакинским комитетом РСДРП(б) планов совместных действий и получения инструкций. По предложению Бакинского комитета РСДРП(б) дербентские большевики послали на турецкий фронт И. Котрова и Д. Веретенникова для ведения агитации среди солдат. Вместо выбывшего Котрова в состав городского комитета был избран Г. Никитин, который как представитель большевистской организации был избран и в Совет рабочих и солдатских депутатов. Большевистская организация Дербента имела связи и с ЦК РСДРП(б), получала от него марксистскую литературу. В Дербенте и среди крестьян Южного Дагестана агитационно-просветительскую работу проводила большевистская организация «Гуммет», созданная в Баку еще в годы первой российской революции¹²⁵.

В Дербенте возникла и эсеровская организация, которая быстро росла за счет мелкобуржуазных слоев и претендовала на руководство в Дербентском Совете рабочих и солдатских депутатов. Эсеры по ряду вопросов занимали сходные с меньшевиками позиции. Так, они совместно выступали в поддержку Временного правительства и борьбы против большевиков¹²⁶.

Большевики были слабо представлены в областном центре – Темир-Хан-Шуре. Лишь после Февральской революции здесь возникла объединенная организация РСДРП. С приездом У. Буйнакского положение здесь изменилось. Была создана отдельная большевистская группа в составе Г. Саидова, З. Батырмурзаева, Е. Гоголева, А. Исмаилова и др., работавшая под руководством У. Буйнакского. Небольшие большевистские группы функционировали также в Хасавюрте и Кизляре Терской области. Они были связаны с грозненской, владикавказской и ставропольской большевистскими организациями, руководимыми С.М. Кировым и Н.А. Анисимовым¹²⁷.

Хотя в городах Дагестана и функционировали большевистские организации или группы, однако не было областной большевистской организации, объединяющей и направляющей их усилия на решение важнейших политических задач. Таких единых органов не имели и другие политические партии и движения, что помогало консервативным и правым политическим силам удерживать власть в своих руках.

После Февральской революции в Дагестане возобновилась и деятельность профессиональных союзов. Одним из первых в апреле 1917 г. в Петровске возник профсоюз бондарей. Рабочие бондарного завода Тагиева, мастеровских общества «Рыбак» и других предприятий, на которых насчитывалось около 600 человек, на своем собрании решили создать профсоюзную организацию и избрали правление из 5 человек. Председателем был избран Кленин. В программе профсоюза бондарей были требования установления 8-часового рабочего дня, увеличения зарплаты, оплаты за дни болезни и стоимости лечения рабочих.

Профсоюзы появлялись и на других предприятиях города. Созданный одновременно с профсоюзом бондарей профсоюз металлистов объединял рабочих и служащих гвоздильного завода, канатной фабрики, электростанции, холодильника, пивоваренного завода. В рядах профсоюза металлистов было до 250 членов. Председателем профсоюза вначале был избран Н. Луцикович, затем его возглавил Л. Фрибус¹²⁸.

С первых дней деятельности профсоюз металлистов проявил настойчивость в решении своих программных требований. На ряде предприятий был установлен 8-часовой рабочий день. Для безработных членов профсоюза и их семей была открыта столовая. Членам профсоюза отпускались обеды на дом по твердой цене. При столовой была открыта небольшая библиотека. Но даже такие минимальные социальные завоевания служили хорошим примером и активизировали профсоюзное движение и на других предприятиях. Так, возникли профсоюзы работников печатного дела, водников и моряков, почтово-телеграфных служащих, текстильщиков и др.¹²⁹

Широкий характер приняло профсоюзное движение в Дербенте, где профсоюзы объединяли рабочих и служащих железной дороги, рыбных промыслов и других предприятий. При профсоюзе железнодорожников был создан объединенный профсоюз под названием Союз всех профессиональностей, объединявший рабочих всех предприятий. 27 мая 1917 г. была проведена конференция этого профсоюза, в которой участвовали 148 делегатов и более 100 приглашенных рабочих. Союз быстро рос и укреплялся. На 1 октября 1917 г. его численность увеличилась вдвое и составила около 1000 человек. При Союзе всех профессиональностей была создана также большевистская фракция, оказывавшая влияние на его деятельность и формирование программных требований.

Профсоюзы были организованы также в городах Темир-Хан-Шуре (союз почтовых работников) и Кизляре (союз железнодорожников). Их численность была сравнительно небольшой и их деятельность ограничивалась вопросами труда и быта¹³⁰.

Все активнее стали выступать за удовлетворение своих земельных требований и дагестанские крестьяне. В мае 1917 г. вновь выступили крестьяне Унцукуля, возмущенные бесконечными обещаниями участкового исполкома вернуть обществу так называемые казенные земли. Вооруженные чем попало крестьяне напали на резиденцию исполкома и прогнали комиссара. Тут

же они избрали свой крестьянский совет, который принял решение о передаче обществу этих земель и использовании их¹³¹.

В апреле – мае крупные крестьянские волнения произошли в Южном Дагестане. В Кайтаго-Табасаранском округе крестьяне самовольно захватывают и распахивают помещичьи земли, угоняют скот. Табасаранские беки обратились за помощью в областной исполком, который быстро откликнулся на просьбу беков. Областной комиссар И. Гайдаров по телеграфу потребовал от окружного комиссара «принять меры к ограждению интересов владельцев»¹³². В апреле беднота Чонтаула восстала против произвола помещиков Озековых и Мелконовых и захватила их земли. Опять областные власти приказали направить туда карательный отряд для подавления самочинных действий.

Карательные действия не останавливали крестьян. В соседнем с Чонтаулом селении Шамхал-Янгиюрт крестьяне захватили и распахали земли князей Тарковских, представитель рода которых Н. Тарковский входил в состав областного исполкома.

Недовольство новой властью росло повсеместно. Трудящиеся крестьяне, осуждая антинародную политику областного исполкома, предъявляли к нему решительные требования. Общество селения Ругуджа на своем съезде постановило отстранить от должностей окружных и участковых комиссаров, кадиев и членов судов, ибо «они не имеют стремления к благоустройству населения... Они добились должностей не для того, чтобы водворить порядок и справедливость среди населения, а для того, чтобы набрать побольше добра для себя... А потому требуем немедленного удаления их»¹³³.

Дагестан переживал, как видно из приведенных фактов, сложную внутреннюю борьбу: размежевание сил по классовым интересам происходило медленно, влияние мусульманской религии на крестьянские массы оставалось еще достаточно сильным. По словам У. Буйнакского, сначала все шло «под знаком временного восстановления старого... у дагестанцев все решается, принимается и отвергается постольку, поскольку то или иное подходит под понимание шариата»¹³⁴.

Сложившейся политической ситуацией решило воспользоваться мусульманское духовенство, которое стремилось укрепить свои позиции в политической жизни не только Дагестана, но и Северного Кавказа. Н. Гоцинский, провозглашенный в августе 1917 г. собравшимися в Ведено чеченцами муфтием, 4 ноября 1917 г. обратился с посланием к мусульманам. В нем он приказывал всем сельским муллам немедленно приступить к обучению прихожан обрядам ислама, призывал поддерживать Центральный комитет Союза объединенных горцев, принять решительные меры против разбойников, воров, убийц, для борьбы с ними избрать из своей среды «особых богобоязненных лиц», способных вести с ними неутомимую борьбу и проводить в жизнь правила шариата. Всем обществам предлагалось создать добровольческую милицию. Окружные комиссары и сельские старшины обязывались содействовать избранным лицам, в противном случае муфтий грозился устранить их от занимаемой должности¹³⁵.

Н. Гоцинский с помощью другого религиозного авторитета Дагестана Узун-Хаджи, известного и в Чечне, добивался создания исламского государства и признания себя имамом Северного Кавказа. Как пишет в своих воспоминаниях царский полковник, осетин-мусульманин Борис Байтуганов, в годы Гражданской войны воевавший против денкинцев и большевиков, когда в августе 1917 г. появились слухи о готовящемся появлении в Чечне нового «имам», то Чеченский исполнительный комитет постановил не придавать этим слухам «никакого значения». Чеченский исполком предупредил, что если эта затея состоится, то «весь чеченский народ, не шадя жизни, восстанет против такой преступной авантюры»¹³⁶.

Были приняты предупредительные меры против возможного развития событий. В сентябре 1917 г. был создан вооруженный отряд, 10 октября организован Чеченский комитет защиты завоеваний революции во главе с А. Мутушевским, выдвинутым кандидатом на выборах в Учредительное собрание от чеченского народа.

Тем не менее, Н. Гоцинский в начале ноября 1917 г. в сопровождении группы всадников появился в Чечне и остановился в Гудермесе. Чеченцы из соседних селений, оповещенные о прибытии муфтия, собрались около кургана. С трибуны, специально выстроенной по случаю его прибытия, с пространной речью выступил Н. Гоцинский, призвавший собравшихся стать на страже революции и благ свободы. В самых резких выражениях он клеймил грабежи и насилия, принявшие за последнее время массовый характер. Поскольку шариат предписывает самые суровые меры борьбы с посягателями на чужую собственность, муфтий обещал проводить эти меры «с суровой беспощадностью и неуклонностью». «Пусть знают все, – говорил он, – что каждый, посягнувший на имущество русского или казака, будет подвергнут смертной казни; каждому, кто произведет кражу у мусульманина, будет отсечена рука; убитых или казненных грабителей и разбойников не будут хоронить согласно обрядам нашей религии, а будут зарывать, как нечистую падаль вне кладбища»¹³⁷.

Сколь бы суровыми ни были предлагаемые меры, но они были встречены собравшимися восторженно. Голодающее население Чечни и Дагестана готово было пойти на самые крайние меры для того, чтобы спасти людей от голодной смерти. Не случайно Центральный комитет на своем заседании 25 ноября 1917 г. обсуждал вопрос о продовольственной нужде в Дагестане. Он признал желательным объединить Терскую и Дагестанскую области «в продовольственном отношении», снять заставы между двумя областями, не допускать вывоза хлеба из Терской области на север и реквизировать у скупщиков хлебные запасы для отправки в Дагестан. 28 ноября Центральный комитет обратился к горцам Северного Кавказа с призывом помочь Дагестану, где «нет ни зерна, ни муки». Сообщалось, что за собранный хлеб будут уплачены деньги. Также было обещано своевременно проинструктировать, как организовать закупку и доставку хлеба¹³⁸.

Трудно судить о характере и объеме помощи Дагестану, поскольку таких данных нет. Но, видимо, она была не такой значительной, так как эконо-

мическое положение трудящихся оставалось тяжелым и население других регионов края само нуждалось в помощи. В то же время это свидетельствовало о незначительном влиянии и авторитете объединенного Союза горцев Северного Кавказа, о слабости его связей с населением.

Этим решил воспользоваться Особый Закавказский революционный комитет, который принял постановление о распространении своей деятельности на Северный Кавказ. Такое решение не осталось без внимания Центрального комитета Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана. Его член и председатель Тифлисского мусульманского комитета Г. Бамматов обратился к председателю Кавказского временного революционного комитета Е.П. Гегечкори с открытым письмом (газета «Время», 20 сентября 1917 г.). В обращении был протест против попыток организовать кавказский революционный комитет из числа только двух партий – социал-демократов и социалистов-революционеров без учета интересов мусульманского населения, он указывал, что социал-демократическая партия может претендовать на руководство только в пределах одной Грузии, где она наиболее организована и сильна. А в мусульманских и в армянских массах партия влиянием не пользовалась – «мусульманская часть Западного Закавказья, все Восточное Закавказье и весь Северный Кавказ находятся вне сферы влияния социалистических партий».

Г. Бамматов недооценивал происходившее в крестьянской массе, наиболее подверженной влиянию мусульманской религии, классовое размежевание: ее беднейшая часть как раз и восприняла социалистические идеи. Вместе с тем он явно преувеличил роль Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана, который якобы всецело руководит политической жизнью края.

Г. Бамматов признавал деятельность Особого Закавказского комитета неудовлетворительной. Руководствуясь экономическими, политическими, этнографическими и географическими соображениями, он от имени Центрального комитета Союза объединенных горцев и Тифлисского мусульманского комитета отвергал попытки воссоединить Северный Кавказ с Закавказьем и выражал «категорический протест против проектированного Временным кавказским революционным комитетом порядка реорганизации краевой правительственной власти»¹³⁹.

Октябрьская революция – выдающееся событие в истории народов России. В обстановке ухудшающегося экономического положения населения, выступлений крестьян с земельными требованиями, подавления корниловского мятежа, общего роста недовольства трудящихся в стране усиливается влияние большевиков и происходит ослабление позиций их противников – эсеров и меньшевиков. В этих условиях вопрос о вооруженном восстании, поставленный руководителем РСДРП(б) В.И. Лениным в его тезисах «Политическое положение», написанных еще к VI съезду партии большевиков (26 июля – 3 августа 1917 г.), теперь приобретал решающее значение.

На заседаниях ЦК РСДРП(б), состоявшихся 10 и 16 октября, Ленин сумел убедить его членов в необходимости вооруженного восстания. Против

этого предложения проголосовали только Каменев и Зиновьев. С этого момента большевистский ЦК развернул подготовку к вооруженному восстанию. При Петроградском Совете, председателем которого был Л. Троцкий, был создан Военно-революционный комитет¹⁴⁰.

Чувствуя надвигающуюся опасность, главнокомандующий Петроградским военным округом Полковников 19 октября издал приказ, требуя от подчиненных ему воинских частей не допускать уличных манифестаций, митингов и процессий, немедленно пресекать всеми имеющимися вооруженными силами вооруженные выступления и погромы. В Совете республики А. Керенский заверял, что Временное правительство, во главе которого он стоял, вполне осведомлено о большевистской пропаганде и что оно достаточно сильно, чтобы справиться с любой демонстрацией¹⁴¹.

Но Керенский явно недооценивал расстановку политических сил и развитие событий. Попытки правительства остановить революционное выступление рабочих и солдат оказались запоздалыми и безрезультатными. Утром 25 октября 1917 г. Военно-революционный комитет от имени Петроградского Совета объявил Временное правительство низложенным.

Вечером того же дня открылся II Всероссийский съезд Советов, на котором были представлены делегаты от 402 Советов России. Из 670 делегатов съезда 390 были большевиками, 160 – эсерами, 72 – меньшевиками. Съезд объявил о переходе власти к Советам. Большинство делегатов поддержали это решение.

На съезде были утверждены Декрет о мире, предлагавший всем странам – участникам войны, их народам и правительствам немедленно начать переговоры о мире, Декрет о земле, составленный на основе 242 крестьянских наказов, отменявший помещичью собственность на землю и вводивший принцип уравнительного землепользования. Съезд сформировал новый состав Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, председателем которого был избран Л. Каменев. В его состав вошли 62 большевика, 29 левых эсеров, 6 социал-демократов-интернационалистов, 3 украинских социалиста и 1 максималист. Съезд сформировал и первое советское правительство – Совет Народных Комиссаров. Главой правительства стал Ленин, встреченный на съезде «громовой овацией»¹⁴². В отличие от ВЦИК Совнарком был однопартийным.

2(15) ноября 1917 г. была опубликована «Декларация прав народов России», в которой были провозглашены основные принципы национальной политики РСДРП(б). Вслед за этим 5(18) декабря в печати появилось обращение «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока», подписанное председателем Совета Народных Комиссаров РСФСР В.И. Лениным и народным комиссаром по делам национальностей И.В. Сталиным. Эти документы имели большое значение для приобщения трудящихся окраин к советской власти.

С Октябрьской революции 1917 г. началась новая эпоха в истории народов Российской империи. Однако с первых ее дней и по сей день предпринимаются попытки низвести значимость Октябрьской революции до уровня

рядового события, заговора, переворота, осуществленного небольшой кучкой большевиков, захвативших власть с помощью немецких денег.

Если бы это было действительно так, то стоявшая у власти помещичье-буржуазная верхушка, испытывавшая беспредельную ярость к такому «перевороту», быстро бы справилась с этим. Она не смирилась и попыталась расправиться с пришедшими к власти большевиками. Но из этого ничего не получилось. На второй день после перехода власти к Советам – 8 ноября газета «Воля народа» опубликовала приказ, выпущенный Керенским в Пскове: «Наступившая смута, вызванная безумием большевиков, ставит государство наше на край гибели...» – предрекал позорно бежавший из столицы от революции бывший премьер бывшего Временного правительства. Революция, победившая почти без пролития крови, быстро распространялась по стране. Уже в первую же неделю советская власть установилась в таких крупнейших городах, как Ярославль, Казань, Царицын, Баку и во многих других.

Октябрь в Дагестане. Рабочие и беднота Дагестана с воодушевлением встретили весть о переходе власти в руки рабоче-крестьянских Советов в Петрограде. Как только было получено сообщение о переходе власти в Петрограде к Советам, 25 октября (7 ноября) состоялось заседание Порт-Петровского Совета рабочих и солдатских депутатов с участием представителей политических партий и общественных организаций Дагестана. Сообщение председателя Совета Немсадзе о захвате власти в Петрограде большевиками было встречено аплодисментами. Однако эсеры, меньшевики и представители буржуазных и мелкобуржуазных слоев, составлявшие большинство в Совете, не признали власти Советов, фактически выступив против большевиков, предлагавших принять такую резолюцию. В то же время влияние большевиков на Петровский Совет и воинский гарнизон города было значительным. На том же заседании Совета по предложению эсеров и меньшевиков был избран комитет спасения революции, состоявший в основном из большевиков и их сторонников. Не случайно предложение большевиков успешно прошло на двухтысячном митинге солдат гарнизона, проведенном 1 ноября. Участники митинга, горячо приветствуя «героический петроградский пролетариат и гарнизон», приняли резолюцию «Вся власть Советам! Да здравствует русская революция! Да здравствует мир между народами!»¹⁴³.

В октябре состоялись заседания Дербентского и Темир-Хан-Шуринского Советов рабочих и солдатских депутатов. Оба Совета, в которых большевики были представлены в меньшинстве, обсудив вопрос о победе Октябрьской революции в Петрограде, не признали власти Советов.

Однако такие решения Советов не были поддержаны рабочими и солдатами. 28 октября (10 ноября) 1917 г. в Дербенте прошел общегородской митинг рабочих-железнодорожников, бондарей, строителей и др., посвященный победе Октябрьской революции. Собравшиеся приветствовали новую власть и заклеили тех, кто выступал против Советов. Митинг был разогнан с помощью двух рот 281-й Уфимской и 262-й Оренбургской дружин¹⁴⁴.

В центре революционного рабочего движения в Дагестане был пролетариат Порт-Петровска, среди которого было много русских. Для оказания

помощи местным силам в Порт-Петровск приехал М.А. Анисимов, председатель Грозненского Совета рабочих и солдатских депутатов, делегат VI съезда РСДРП(б) и II Всероссийского съезда Советов, активный участник вооруженного восстания в Петрограде. 7 (20) ноября он выступил с докладом о победе Октябрьской социалистической революции на заседании Порт-Петровского Совета рабочих и солдатских депутатов, который признал переход власти в руки Советов и постановил: «Вся власть отныне должна принадлежать трудовому народу»¹⁴⁵.

Буквально на другой день, 8 ноября, Порт-Петровский Совет провел новое заседание с привлечением широкого актива (около 60 человек) для обсуждения текущего момента и создания Военно-революционного комитета города Порт-Петровска и пригородного района. В состав комитета вошли 18 большевиков. Его возглавил большевик У. Буйнакский, который в своем выступлении заявил: «Отныне судьбу жителей ущелий и скал, судьбу всех трудящихся Дагестана будут решать не царские чиновники, не министры Временного правительства, не шейхи и богачи, а вы сами... объявляя вам о создании Петровского военно-революционного комитета, о создании Советской власти в Дагестане, я призываю вас сплотиться вокруг него и дать дружный отпор всем попыткам врагов Советской власти, помогать трудящимся строить свою жизнь, как они хотят»¹⁴⁶.

Эти слова, прозвучавшие из уст человека, принадлежавшего к древнему роду шамхалов Тарковских, получившего высшее юридическое образование в Московском государственном университете и там же прошедшего школу революционной борьбы, имели в Дагестане особую значимость, и к ним внимательно прислушивались. Под руководством У. Буйнакского Порт-Петровский военревком начал активные действия по распространению своего влияния не только в Порт-Петровске и его пригородном районе, но и на весь Дагестан. Военно-революционный комитет принял письмо-воззвание ко всем трудящимся Дагестана, которое зачитывалось и принималось на митингах рабочих города, а также и сельских сходах, посвященных победе Октябрьской революции.

В ноябре 1917 г. был создан и Дербентский военно-революционный комитет. Порт-Петровский и Дербентский военно-революционные комитеты наладили связи с терскими большевиками, а также с Грозненским окружным военно-революционным комитетом¹⁴⁷.

Победа советской власти в двух крупных городах Дагестана служила верным признаком роста влияния большевиков и падения роли Дагестанского областного исполкома, доживавшего последние дни своего существования. Это было подтверждено и на выборах в Учредительное собрание, состоявшихся 26 – 28 ноября 1917 г. по Терско-Дагестанскому избирательному округу. Политическими партиями на выборы были выставлены одиннадцать списков кандидатов в депутаты Учредительного собрания. За все списки было подано всего 18610 голосов. Голоса избирателей распределились следующим образом: за список № 1 Терского казачьего войска было подано 3003 голоса; № 2 трудовой народно-социалистической партии – 53 голоса; № 3

Дагестанского мусульманского национального комитета – 69 голосов; № 4 социал-демократической рабочей партии (объединенной, т.е. большевиков и меньшевиков. – А.О.) – 458 голосов; № 5 партии народной свободы – 4408 голосов; № 6 партии кабардинского и балкарского народа и русского населения Нальчикского округа – 15 голосов; № 7 партии большевиков – 8218 голосов; № 8 партии социалистов-революционеров – 1768 голосов; № 9 чеченского и ингушского народов – 322 голоса; № 10 украинцев – 209 голосов; № 11 Дагестанской социалистической группы – 28 голосов¹⁴⁸.

Как видно из этих данных, большевистская партия по количеству поданных за нее голосов значительно опережала все другие партии. Из 18610 человек, принявших участие в голосовании, за левые партии в общей сложности проголосовало около 10,5 тыс. человек. Эти данные показывают, что голосование проходило не по этническим соображениям или религиозным мотивам, а по партийной принадлежности, идейным соображениям. В то же время целый ряд скороспелых партий и движений, возникших в ходе предвыборной борьбы, не получили серьезной поддержки среди избирателей, и после выборов они исчезли с политической арены.

Контрреволюция, напуганная ростом влияния левых сил на политическую жизнь Северного Кавказа, встала на путь подавления и истребления демократии в крае. Собравшиеся в декабре 1917 г. в Тифлисе делегаты рабочих, железнодорожников и солдат, прибывшие туда из Северного Кавказа и Баку, обрисовали тяжелую картину из-за свирепствовавшей на Северном Кавказе контрреволюции. Жертвами боины, устроенной контрреволюционерами, стали десятки тысяч рабочего и «иногороднего» населения Грозного. Около Петровска были приостановлены поезда, шедшие с хлебом для Закавказья. Население Закавказья оказалось под угрозой голода. Хлеб не получала армия, стоявшая на Кавказском фронте. Газета «Бакинский рабочий», опубликовавшая эту информацию, отмечала, что кровь грозненских рабочих, муки и страдания русского населения Северного Кавказа на совести оборонцев из красного центра, требовавших доведения войны до победного конца, на совести тех, кто не желает признать власти Совета Народных Комиссаров, кто поддерживает контрреволюционеров – карауловых и калединых¹⁴⁹.

Для того чтобы предотвратить наступление реакции, Порт-Петровский Совет и его военно-революционный комитет стали вооружать членов партии большевиков и сочувствующих им. Они организовали сбор средств на приобретение оружия, создавали красногвардейские дружины как вооруженную силу советской власти. За счет оружия подлежащих демобилизации солдат 220-го запасного полка, дислоцировавшегося в городе, были вооружены моряки, бондари, металлисты. Оружие добывалось с воинских эшелонов, проходивших через городскую железнодорожную станцию.

В январе 1918 г. в Порт-Петровске был сформирован интернациональный полк Красной гвардии. И когда выступившие против советской власти горцы под командой Н. Гоцинского вторглись в Темир-Хан-Шуру и намеревались двинуться на Порт-Петровск, они были остановлены интернациональным полком. В результате проведенной среди них У. Буйнакским,

М. Дахадаевым, Д. Коркмасовым, З. Захарочкиным разъяснительной работы многие отказались от намеченного похода, а некоторые из вооруженных горцев влились в ряды Красной гвардии. К ним присоединилось и подразделение солдат 220-го полка. В городе была создана рабочая дружина, которая также влилась в полк Красной гвардии. Командиром полка был назначен Н.Г. Ермошкин, начальником штаба – Г. Далгат.

Порт-Петровский военно-революционный комитет создавал вооруженные отряды не только в городе, но и в селениях¹⁵⁰. Его влияние распространялось и усиливалось как благодаря созданным им вооруженным отрядам, так и принятым революционным мерам по национализации рыбных промыслов, фабрик и заводов. Они расширили и укрепили социальную базу военно-революционного комитета.

Капиталисты и помещики захватили власть и образовали на Дону и Северном Кавказе донское, терско-дагестанское и кубанское правительства. Они принялись формировать национальные полки, чтобы с их помощью сокрушить советскую власть. Учитывая все это, революционный краевой Совет Кавказской армии 1 января 1918 г. издал приказ, подписанный видными деятелями партии большевиков, председателем Совета Г.Н. Коргановым, секретарем Совета И.В. Малыгиным, в котором солдат, рабочих и крестьян предостерегали не поддаваться на хитрую уловку врагов революции, пытающихся там, где они пришли к власти, формировать национальные полки. Совет Кавказской армии трудящихся призвал к единению и сплочению в борьбе против помещиков и капиталистов, сохранению существующей интернациональной организации войск¹⁵¹. Выступая за сохранение единой армии, в то же время ВРК Кавказской армии напоминал, что Совет Народных Комиссаров «твердо отстаивает... право каждого угнетенного народа всеобщим и свободным голосованием решить, хочет ли он образовать независимое государство или быть в государственном союзе или в едином государстве с тем или другим соседним народом. Это право должно принадлежать на Кавказе армянам, грузинам, татарам, горцам и проч.»

Национальный вопрос, являющийся одним из важнейших программных требований РСДРП(б), хотя и рассматривался различными временными правительствами, возникшими после Февральской революции в центре и на местах, однако не решался, как и другие требования трудящихся масс. Он мог быть решен только советской властью, на установлении которой настаивали рабочие.

Такие требования выдвигали не только рабочие промышленных центров Дагестана, но и дагестанские отходники, работающие на нефтяных промыслах Баку. В январе 1918 г. ими был проведен целый ряд собраний, инициаторами и организаторами которых были известные в Дагестане и Баку рабочие-большевики К.-М. Агасиев, М. Айдинбеков, С. Сулейманов, Н. Магарамов, Г. Мурсалов, А. Османов и др.¹⁵²

Первое из таких собраний состоялось 6 января в Балаханах. Рабочие-дагестанцы протестовали против организации терско-дагестанского правительства, состоявшего из помещиков и капиталистов, и требовали создания

рабоче-крестьянского правительства. Они приветствовали Совет Народных Комиссаров России и призывали всех поддержать это правительство. На собрании рабочих-дагестанцев, проведенном 10 января в г. Баку, с докладом о положении в Дагестане выступил К.-М. Агасиев. По его докладу была принята резолюция, в которой раскрывалась контрреволюционная сущность «терско-дагестанского правительства» и содержался призыв к его свержению и созданию на местах Советов рабочих и крестьянских депутатов. Обсудив вопрос об организации «Фарук», созданной еще в 1907 г. при Бакинском комитете РСДРП(б), собрание решило возобновить ее деятельность¹⁵³.

Бакинские рабочие-дагестанцы стали инициаторами проведения 15 января собрания рабочих Бакинской, Елизаветпольской, Тифлисской губерний и Дагестанской области, в котором приняли участие около 80 человек. На собрании был обсужден вопрос о положении в Дагестанской области, с докладом по которому выступил К.-М. Агасиев. В резолюции собрания отмечалось, что правящие на Кавказе партии ведут шовинистическую политику, создают национальные воинские формирования и вместо того, чтобы «сплотиться с революционным Петроградом», они решили отделиться от России. Участники собрания призвали немедленно образовать на Кавказе Советы крестьянских депутатов, создать Красную гвардию из сознательных рабочих и крестьян всех национальностей и передать всю власть Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

В резолюции собрания особое внимание было уделено положению в Дагестане. Выражая протест против создания самозванного дагестанского правительства, участники собрания призвали дагестанских рабочих и крестьян выступить против контрреволюционного правительства, создавать крестьянские советы, которые немедленно должны проводить в жизнь декрет Совета Народных Комиссаров¹⁵⁴.

Аналогичные требования звучали и на других собраниях, которые прошли вслед за этими. 18 января в Балаханах состоялось собрание рабочих различных национальностей, работающих на нефтепромыслах Мирзоева и соседних нефтепромыслах, в котором приняли участие 300 человек. Перед собравшимися выступили Микоян на русском и армянском языках, Эфендиев на мусульманском [тюркском] языке и Мухтадыр [Айдинбеков] – на лезгинском языке. Собрание также осудило шовинистическую политику Закавказского комиссариата, потребовало его роспуска и передачи всей власти в крае Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Против организации национальных полков, являющихся орудием в руках капиталистов, помещиков, беков, выступили рабочие-лезгины, которые обсудили положение на Кавказе на своем собрании 28 января. Они призвали вместо национальных полков создавать интернациональные воинские формирования, способные защитить интересы рабочих и крестьян¹⁵⁵.

Хотя эти требования и звучали в Баку, но они доходили до рабочих и крестьян Дагестана как через большевиков-дагестанцев, работающих в Азербайджане и часто навещающих на родину, так и печатные издания. В «Известиях Бакинского Совета рабочих и солдатских депутатов», получае-

мых и в Дагестане, 20 февраля 1918 г. было опубликовано обращение временного чрезвычайного комиссара Совнаркома по делам Кавказа С.Г. Шаумяна «Ко всем Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, ко всем рабочим, солдатам и крестьянам Кавказа». В нем отмечалось, что хотя в России свергнута оборонческая буржуазно-помещичья власть, однако она продолжает еще жить на Кавказе, где Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов или не существуют, или низведены до роли придатков реакционных оборонческих организаций, играющих роль национальных правительств, готовых задушить даже те свободы, которые завоевали трудящиеся после Февральской революции.

Как указывалось в обращении, политика Закавказского комиссариата подвела Кавказ к краю пропасти. Отчаявшиеся мусульманское крестьянство подняло восстание и безжалостно истребляло своих ханов, беков и агаларов. Единственный выход из тупика, как подчеркивалось в обращении, – это создание на Кавказе советской власти, которая утверждается по всей стране.

Обращение заканчивалось оптимистическим призывом к рабочим, солдатам и крестьянам Кавказа взяться за устройство своей жизни, создание интернациональных рабоче-крестьянских правительств, которые «в тесном единении с российскими советскими центрами и с Советом Народных Комиссаров положат конец контрреволюции на Кавказе и поведут рабочее и крестьянское население края к светлому будущему, к царству социализма»¹⁵⁶.

Захватившие власть представители помещичье-буржуазных кругов как Кавказа, так и Дагестана не только не собирались передавать власть Советам рабочих и крестьянских депутатов с их программой национализации фабрик, заводов и земель, но и предпринимали все меры к разгону тех из них, которые возникли на местах.

Еще более грозные события разворачивались в Дагестане. Поднявшая голову горская контрреволюция собирала силы во главе с самозванным имамом, яростным противником социалистов и всех, кто его не признавал Н. Гоцинским и Узун-Хаджи, поднявшим знамя «газавата» не столько против большевиков, о которых не имел понятия, сколько против всех вообще «неверных и грозившим «повесить на первом папавшемся дереве каждого, кто пишет слева направо»¹⁵⁷. Они стремились установить в крае шариатскую монархию. В первую очередь они решили захватить власть в Темир-Хан-Шуре и распространить ее на весь Дагестан. 13 января 1918 г. собравшиеся под знамена Н. Гоцинского горцы двинулись на Темир-Хан-Шуру. По информации очевидца этих событий З. Батырмурзаева, опубликованной в журнале «Танг-Чолпан», лишь 22 января они дошли до города и вечером вошли в него. В казармах Темир-Хан-Шуры было размещено более 9 тыс. вооруженных горцев¹⁵⁸.

Направляясь в областной центр, Н. Гоцинский и Узун-Хаджи обещали горцам, многие из которых не имели хлеба и голодали, были раздеты и разуты, богатую добычу за счет ограбления плоскостных селений. На первых порах отряды Н. Гоцинского были вооружены оружием, захваченным им совместно с К. Алихановым в Хунзахской крепости. Но его было недостаточно,

и многие горцы были вооружены чем попало: кинжалами, шашками, нарезным оружием, кремневыми ружьями¹⁵⁹.

Всем было очевидно, что продовольствие и оружие они будут искать на равнине, в Порт-Петровске, других городах и селениях. Чтобы опередить события, не дать возможности повстанцам осуществить свои планы, Порт-Петровский воснно-революционный комитет направил в Темир-Хан-Шуру красногвардейский отряд во главе с У. Буйнакским и З. Захарочкиным. В Темир-Хан-Шуре они, а также находившиеся там Д. Коркмасов и М. Дахадаев выступили перед горожанами и окрестным населением, разъясняя цели и задачи, которые решает советская власть. На верующих горцев определенное влияние оказало и то, что солдаты Красной гвардии на голове носили красные фески, распространенный головной убор в единоверной Турции. Поддавшись уговорам известных в Дагестане политических деятелей и учитывая наличие у большевиков хорошо вооруженной по сравнению с горцами воинской силы, они в своем большинстве вернулись в горы.

Большую роль в сплочении всех революционных сил имели выступления большевиков на третьем областном съезде, проведенном в январе 1918 г. в Темир-Хан-Шуре. Выступая против выпада председателя Дагестанского областного Совета З. Темирханова, недовольного революционным влиянием, оказываемым порт-петровскими рабочими и Красной гвардией на население, У. Буйнакский говорил: «Солдаты сюда пришли не для того, чтобы вмешаться во внутренние дела Дагестана. Они совместно с Порт-Петровским Совдепом и трудящимися мусульманами работают в тесной спайке; они слышали, что из гор прибыли с войском Нажмутдин Гоцинский и Узун-Хаджи с целью изгнания Дагестанского областного Совета; красногвардейцы решили помочь областному исполкому, если только он нуждается в этой поддержке»¹⁶⁰.

Хотя положение областного Совета было и шатким, он не обрагился за помощью к большевикам. Но такая помощь вряд ли им и помогла бы. Внутри самого облизполкома не было прежнего единства. Областной эмиссар эсер Б. Шаханов, ссылаясь на то, что его мало кто слушает, заявил, что он еще с первого января просил освободить его от работы в областном комиссариате. Такое же заявление о нежелании работать сделал на съезде и известный в те годы политический деятель Г. Бамматов¹⁶¹.

Несмотря на уменьшение рядов контрреволюционных сил, представители мусульманского духовенства не теряли надежды на утверждение в Дагестане шариатской монархии. Была предпринята попытка утверждения муфтия Н. Гоцинского в правах имама на так называемом «съезде алимов» (ученых), который проводился с 31 января по 3 февраля 1918 г. в Темир-Хан-Шуре.

На съезде алимов председатель милли-комитета Д. Апашев внес предложение о создании имамата во главе с Н. Гоцинским. В противовес этому Д. Коркмасов и М. Дахадаев предложили духовным главой мусульман Дагестана (шейх-уль-исламом) избрать А.-Х. Акушинского – одного из демократически настроенных представителей мусульманского духовенства¹⁶². Одна-

ко идея имамата по-прежнему импонировала части мусульманского духовенства, готового силой оружия утвердить духовное управление горцами. К этой идее склонялся и Дагестанский областной Совет, который обсуждал этот вопрос на своем заседании. Исполком областного Совета вопреки возражениям некоторых общественных организаций, в том числе социалистической группы, предписал командиру 2-го конного полка 23 марта выступить против Порт-Петровского военревкома, подавить советскую власть и восстановить в городе порядок.

Против революционного Порт-Петровска были брошены значительные силы. Вооруженные отряды Н. Гоцинского внезапным нападением осадили областной центр со стороны горы Анджи-Арка. Дагестанские конные полки стали главной опорой горской контрреволюции, хотя Военно-революционный комитет Порт-Петровского Совета и создал на горе оборонительный рубеж, но их силы были неравны. Интернациональный полк Красной гвардии и рабочие отряды не смогли отразить натиск превосходящих сил противника и вынуждены были отступить. Бойцы полка покинули Дагестан и перебрались в Астрахань. В городе начались повальные грабежи, бесчинства и надругательства, была учинена резня армян, проводились аресты рабочих¹⁶³.

О положении, которое сложилось в то время в Дагестане и крае, Б. Кузнецов горестно сообщал: «Жизнь во всем настолько расстроена, что никто не знал, кому подчиняться...». Подвоз хлеба и продуктов из Хасавюртовского округа по Владикавказской железной дороге был прекращен и жители Дагестана доедали свой кукурузный хлеб, смешанный с соломой». Главной денежной валютой были «закавказские бонны», выпускаемые под обеспечение нефтяных богатств азербайджанским правительством, из Астрахани снабжали обильно керенками. Горцы сразу поняли, что самой твердой валютой является винтовка с патронами, с которыми можно достать все.

Три дня в неделю в соответствии с установками трех религиозных конфессий были объявлены нерабочими – пятница у мусульман, суббота – у евреев и воскресенье у русских. Занятия в школах не проводились, работники начинали рабочую неделю со вторника «и никакой продуктивности не было ни в чем»¹⁶⁴.

Против разрушительных тенденций выступил Порт-Петровский городской комитет РСДРП(б), который не подчинился новой власти и стал собирать силы для подготовки отпора контрреволюции. На крупных предприятиях создавались отряды рабочих. Эту работу проводили среди бондарей И. Артамохов, которому удалось организовать отряд из 75 человек, среди моряков и рыбаков – Сергунин и Мезинов, среди текстильщиков – Я.В. Коробов, среди железнодорожников – С.В. Лагода. Крупный отряд в 100 человек удалось создать таркинцу Д.А. Атаеву, который привлек людей из пригородных кумыкских аулов. В общей сложности городской комитет РСДРП(б) мог поднять на борьбу с контрреволюционными силами более 500 человек, но их было мало, чтобы освободить город¹⁶⁵.

Со свержением в Порт-Петровске советской власти Баку и Астрахань оказались в тяжелом положении. В телеграмме Астраханского военно-революционного комитета, направленной всем селам, станицам, хуторам и аулам Астраханского края, отмечалось: «Петровск занят контрреволюционными войсками. Баку отрезан, хлеб получался Астраханью из Петровска, мазут и нефть из Баку. Неполучение этих продуктов грозит голодом Астраханскому краю, остановкой пароходного движения, промыслов и вообще всей промышленности в Терской области. Этими войсками вырезывается население станиц и сел...»¹⁶⁶. Астраханский ВРК призывал всех, кому дорога свобода и благосостояние края, спешить в Астрахань на помощь Кавказу.

По указанию Центрального Комитета РСДРП(б) и Совнаркома РСФСР астраханские и бакинские большевистские организации приняли меры по оказанию помощи в деле освобождения Порт-Петровска от контрреволюционных войск. В Астрахани проводились собрания и митинги рабочих, на которых выступали как прибывшие из Петровска большевики, так и местные партийные и советские работники. Была организована запись добровольцев для формируемого здесь экспедиционного отряда в количестве 1000 человек. Объединенное собрание представителей всех профсоюзов г. Астрахани, состоявшееся 29 марта 1918 г., заслушав доклад У. Буйнакского о положении в Порт-Петровске, решило провести ряд собраний и митингов по союзам «для создания теперь же добровольческой Красной Армии на предмет посылки таковой в г. Порт-Петровск и немедленно открыть запись добровольцев»¹⁶⁷.

В состав формируемого экспедиционного отряда были включены и эвакуированные из Порт-Петровска части интернационального полка Красной гвардии. Отряд был вооружен 6 орудиями и 20 пулеметами¹⁶⁸.

Вопрос о событиях в Петровске рассматривался и на заседании Совета рабочих, солдатских и матросских депутатов Бакинского района, состоявшемся 28 марта 1918 г. С кратким сообщением о положении в Петровске выступил П.А.Джапаридзе. Совет поручил исполнительному комитету «принять меры к очищению Петровска от засевших там банд, т.к. они могут отрезать хлеб для г. Баку».¹⁶⁹ В марте 1918 г. мусаватисты, опираясь на полки «дикой дивизии», попытались свергнуть Бакинский Совет, но получили решительный отпор от бакинского пролетариата. В течение трех дней вооруженные силы Бакинского Совета под руководством комитета революционной обороны разгромили мусаватистов. Полки «дикой дивизии» были разоружены и изгнаны.

Тем временем им на помощь спешили контрреволюционные силы из Дагестана. В Темир-Хан-Шуре вопрос о помощи мусаватистам рассматривался на расширенном совещании областного исполкома ...милли-комитета. Было принято решение послать на помощь мусаватистам два полка, оснащенных артиллерией и пулеметами. Во все округа были отправлены телеграммы, призывающие спешить «на помощь мусульманам Баку – единовверным братьям»¹⁷⁰. Дагестанский исполком обратился с письмом к бакинским мусаватистам, выражая готовность помочь им в свержении советской власти. В Баку были двинуты значительные воинские силы под руководством

Н. Гоцинского и командованием полковников Д. Мусалаева и М. Джафарова, насчитывающих более 1500 регулярных войск и несколько тысяч ополченцев, набранных в округах.

К ним обратились бакинские большевики не допустить кровопролития, но получили отказ. Тогда на станцию Баладжары, где остановились горские отряды, была направлена делегация из числа бакинских рабочих-мусульман во главе с П.А. Джапаридзе для разъяснения обманутым горцам контрреволюционного характера затеи, организованной дагестанскими националистами под флагом защиты мусульман. Но переговоры не дали результатов, и контрреволюционеры начали войну против вооруженных сил Бакинского Совета, от которых получили решительный отпор. Потерпев поражение под Баладжарами и Хурдаланом, горские контрреволюционные силы отступили¹⁷¹.

Эти события позволили бакинским и астраханским большевикам усилить и ускорить свою помощь Порт-Петровску. Чрезвычайный комиссар Совнаркома РСФСР по делам Кавказа С.Г. Шаумян 13 апреля сообщал Ленину, что бакинские и астраханские большевики планируют освобождение Порт-Петровска. Уже 17 апреля в Порт-Петровск выступили Бакинский красногвардейский отряд и 36-й пограничный Туркестанский революционный полк с вооруженными военными судами и канонеркой «Ардаган».

19 апреля к 10 час. утра экспедиционный отряд достиг рыбных промыслов «Турали» и высадился там. Ночью начались наступления на Петровск, и 20 апреля Петровск был освобожден. 22 апреля в городе был восстановлен Военно-революционный комитет во главе с У.Д. Буйнакским.

Контрреволюционные силы предпринимали попытки вновь захватить Петровск, но они были разбиты еще на подступах к городу. Положение города укрепилось после прибытия сюда 27 апреля Астраханского отряда.

24–25 апреля другим бакинским отрядом, который возглавили Г. Стурва, К.-М. Агасиев и др., при активной поддержке трудящихся города от контрреволюционных сил был освобожден Дербент¹⁷².

Но эти поражения не образумили контрреволюционеров, которые готовили новое наступление на Порт-Петровск, чтобы попытаться вновь свергнуть там советскую власть. Получив сведения, что из Порт-Петровска уходит 36-й Туркестанский полк и там остаются только рота Астраханского отряда Красной Армии и вооруженная рабочая дружина под командованием И.Т. Маскина, штаб генерала Халилова – Гоцинского стянул к городу большие силы: остатки двух дагестанских полков и отрядов Гоцинского, новый набор ополченцев из округов – всего более 10 тыс. человек. Военными действиями руководили офицеры царской армии Н. Тарковский и М. Джафаров, имевшие опыт руководства военными действиями на фронтах Первой мировой войны.

Утром 27 апреля 1918 г. объединенные силы контрреволюции начали наступление на Порт-Петровск. Их встретили не выведенный из города Туркестанский полк в составе Астраханского отряда, насчитывавшего 1000 бойцов, Бакинский отряд (700 человек), а также более 700 портпетровских рабо-

чих-красногвардейцев. Наступавшие отряды Гоцинского и других руководителей контрреволюционных сил были разгромлены, их остатки отступили в горы.

§ 3. Установление в Дагестане советской власти

2 мая части Красной Армии и восставших всадников первого Дагестанского полка объединенными силами разогнали руководителей Дагестанского областного исполкома и милли-комитета и освободили Темир-Хан-Шуру¹⁷³. В тот же день на совместном совещании представителей Порт-Петровского военревкома и Красной гвардии был обсужден доклад У. Буйнакского о текущем моменте. На этом совещании был создан Дагестанский областной военно-революционный комитет. В его состав вошли Д. Коркмасов (председатель), Г.С. Саидов (заместитель председателя) и члены У. Буйнакский, М. Дахадаев (военный комиссар), З. Батырмурзаев (комиссар бюро по печати), М. Хизроев (комиссар финансов), С. Габиев, А. Исмаилов, А. Абдулмеджидов и др.¹⁷⁴

В тот же день Военно-революционный комитет Дагестана обратился с воззванием к гражданам области. Своей важнейшей задачей он провозгласил полное освобождение трудового народа от всякого гнета беков, князей и богачей, установление прочного мира между всеми национальностями на основе свободы, равенства и братства, немедленную передачу казенных, бекских, чанкских и крупных частновладельческих земель, пастбищных гор и лесов в руки трудового народа Дагестана.

В первом своем обращении Военно-революционный комитет достаточно четко выразил свое отношение к религии, отвечающее интересам мусульманского населения. В этой части отмечалось, что Военно-революционный комитет не посягает ни на основы ислама (шариата), ни на нравы и обычаи Дагестана, ни на честь и достоинство его и немедленно приступает к организации духовного правления и шариатского суда во всем Дагестане¹⁷⁵.

Ни одна партия и ни одна политическая сила Дагестана не имела такой программы, как эта, отвечающей интересам самых широких масс трудящихся. Программа советской власти была поддержана как трудящимися, так и значительной частью мусульманского духовенства. Поэтому шейх-уль-ислам Дагестана А.-Х. Акушинский не только поддержал большевиков, но и обратился с воззванием к гражданам, населяющим Дагестан, Терскую область и Северный Кавказ, в котором указывал, что, рассмотрев условия большевиков, как духовное лицо он не нашел оснований вести против них войну, «так как они ничего дурного не хотят». Он призывал «братьев по вере, горцев, отказать от войны и всяких волнений. Эта война губительна для нас во всех отношениях»¹⁷⁶.

После победы советской власти в Темир-Хан-Шуре она стала создаваться в городах и округах Дагестана. 8 мая областной Военревком сообщил округам, что в Дагестане отныне действует власть народных комиссаров

РСФСР. Военревкомы стали организовываться в округах и городах. В Дербенте взамен временного революционного комитета был создан Комитет революционной обороны города и его района.

В мае в Кумухе был создан окружной военно-революционный комитет, который освободил от власти представителей местной организации милли-комитета. Но ее сторонники пригласили на помощь отряды Узун-Хаджи и турецко-немецких интервентов, которые разогнали Советы и вновь вернулись к власти, однако не надолго. В начале июня части Красной Армии разгромили их и восстановили в округе советскую власть. Военревкомы стали организовываться в округах, на участках, в аулах, селениях Дагестана.

Система ревкомов, которая начала создаваться в Дагестане в апреле-мае 1918 г., имела целью, как и в целом по стране, защиту завоеваний социалистической революции и укрепление союза рабочего и трудящегося классов. Они возникли в один из трудных периодов истории, и их появление было связано с той революционной ситуацией, которая сложилась в Дагестане, на Северном Кавказе и в целом по стране.

Однако не дремали и контрреволюционные силы, которые торопились, пока Советы не укрепились по всему Дагестану, объединить свои ряды и вернуть власть в свои руки. Функционирующие на Северном Кавказе Центральный комитет Союза объединенных горцев, Юго-восточный союз, горское правительство, терско-дагестанское правительство, Дагестанский областной исполком, Дагестанский милли-комитет и другие националистические силы горного края, старавшиеся активно влиять на дагестанские народы, сумели втянуть их в орбиту своей недалеконвидной и бесперспективной политики.

Руководители Горской республики, пользуясь благоприятной для них, как они считали, международной обстановкой, решили за спиной своих народов пойти на отделение Северного Кавказа от Советской России и на международной конференции в г. Батуми¹⁷⁷, которую намечалось провести в мае 1918 г., поставить советское правительство перед свершившимся фактом. С этой целью Центральный комитет Союза горцев, входивший формально в состав Юго-восточного союза казачьих войск горцев Кавказа и вольных народов степей, организовал делегацию Дагестана и Северного Кавказа в составе Г. Бамматова (председатель), Т. Чермоева, З. Темирханова и М.-К. Дибирова для участия в работе конференции.

В апреле делегация выехала в Тифлис и затем в Константинополь, чтобы до созыва конференции успеть провести переговоры с Закавказским сеймом и оттоманским правительством и заручиться их поддержкой в вопросе об отделении Северного Кавказа от России. В Тифлисе проявили некоторую осторожность к просьбам горского правительства, где хотели бы решить вопросы отделения Закавказья и Северного Кавказа одновременно, что было бы возможно при объединении Горской республики и Закавказского сейма. Но поскольку этого не было, то Закавказский сейм согласился сообщить руководителю оттоманского правительства о том, что «закавказская де-

легация не имеет никаких возражений против участия горцев в заседаниях конференции»¹⁷⁸.

Более благоприятная встреча делегацию Северного Кавказа и Дагестана ждала в Константинополе. 28 апреля 1918 г. главнокомандующий турецкой армией на Кавказском фронте Вехиб-Махмуд-паша телеграфировал председателю закавказского правительства о том, что «Северный Кавказ объявил свою независимость и ратифицировал ее перед императорским правительством и другими державами» и что «императорское оттоманское правительство признало независимость закавказского правительства и сообщило об этом своим союзникам»¹⁷⁹.

Вслед за этим за спиной северокавказских народов и вопреки их мнению в г. Батуми, где проходила международная конференция, 11 мая была провозглашена декларация «Об объявлении независимости республики Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (Горской республики)», которая была подписана Абдулмеджидом (Тапа) Чермоевым и Гайдаром Бамматовым¹⁸⁰. В ней указывалось, что «Союз горцев Кавказа решает отделиться от России и образовать независимое государство».

По мысли несостоявшихся политиков, далеких от реалий того времени, территория нового государства должна была иметь на севере те же самые границы, которые имели области и провинции Дагестана, Терека, Ставрополя, Кубани, т.е. включать территории между Каспийским и Черным морями. Подробности декларации инициаторы создания независимости Горской республики собирались определить не с Советской Россией, а с закавказским правительством, как будто Россия не имела никакого отношения к решению таких судьбоносных для кавказских народов вопросов. В этом, прежде всего, была вся нереальность этой неразумной затеи, что показала и ближайшая практика.

Правда, руководители Горской республики решили поставить перед свершившимся фактом Совет Народных Комиссаров РСФСР и направили ему 13 мая официальную ноту, переданную через германского посла в Москве Мирбаха, видимо, надеясь, что Советы примирятся с этим. По содержанию нота была аналогична декларации горского правительства и встретила резкое возражение российского правительства. Совнарком РСФСР обратился с протестом, который был направлен германскому послу в Москве Мирбаху. В нем говорилось, что в Грузии, Армении и Азербайджане против отделения Закавказья от России выступают многие политические деятели и широкие массы трудящихся. Не согласны с этим были народы и племена Черноморского побережья Кубани, Терека и Дагестана, которые давно уже высказались на своих демократических организованных съездах за неразрывную связь с Российской Федерацией. Против попытки небольшой кучки попирать волю широких слоев своего народа, подчеркивалось в ноте, советская власть будет выступать самым решительным образом¹⁸¹.

Отношение советского правительства к предпринимаемым правительствами Закавказья и Горской республики мерам по отделению от России подтвердил и нарком по делам национальностей И.В. Сталин. В статье «Поло-

жение на Кавказе», опубликованной в газете «Правда» 23 мая 1918 г., он писал: «... Закавказское «правительство» устанавливает «сношения» с турко-германскими «освободителями», а северо-кавказское правительство – с закавказским. Дело ясное. Авантюристы Северного Кавказа, разочаровавшись в англо-французах, рассчитывают теперь на врагов последних. А так как рвение турко-германцев к захватам не знает пределов, надо думать, что не исключена возможность «соглашения» северо-кавказских искателей приключений с турко-германскими «освободителями».

Учитывая возможность таких соглашений, Сталин предупреждал, что при таком обороте событий «советской власти придется мобилизовать все силы для защиты народов Северного Кавказа от возможных захватнических событий»¹⁸².

Последующие события показали, что молодое советское правительство правильно угадало захватнические амбиции западных стран. Немецкий генерал Фон Лоссов на Батумской конференции поставил вопрос об образовании правительства Северного Кавказа и Дагестана с последующим признанием его представителями держав, принимавших участие в конференции¹⁸³.

Но немецкий генерал опоздал со своими предложениями. Еще в конце апреля – начале мая 1918 г. Дагестанский областной исполком и милликомитет потерпели поражение. Обосновавшиеся в Темир-Хан-Шуре члены ЦК Союза объединенных горцев Кавказа быстро перекочевали в Тифлис и устроились там под крылышком Закавказского сейма. Делегация Северного Кавказа и Дагестана еще в Константинополе получила весть о поражении в Дагестане своих соратников, стала добиваться помощи от оттоманского правительства и германского штаба для борьбы против «большевистских при-теснений», чинимых в Дагестане.

Создание Советов на Северном Кавказе. Советы приходили к власти по всему Северному Кавказу. 13 января 1918 г. в Моздоке собрался I съезд народов Терека, который поддержал большевиков и избрал Терский-Народный Совет. Опираясь на него, большевики в марте создали в Пятигорске II съезд народов Терека, на который прибыли представители многих горских народов, в том числе 12 делегатов от Хасавюртовского округа и 3 делегата от Кизляра. Съезд направил Ленину телеграмму о признании рабоче-крестьянской власти и образовал Терскую народную республику в составе РСФСР. Совнарком республики приступил к активной деятельности по упрочению советской власти на Тереке, которая утвердилась здесь повсеместно весной 1918 г.¹⁸⁴

В Дагестане события развивались несколько иначе. Здесь советская власть победила в городах и некоторых округах. Разгромленные под Порт-Петровском и изгнанные из Темир-Хан-Шуры отряды горской контрреволюции отступили в горы и стали собирать новые силы для борьбы с Советами. Глава горской контрреволюции самопровозглашенный имам Н. Гоцинский рассылал в горные аулы свои фирманы, призывая правоверных к газавату против «нсервных», как они называли большевиков. В середине мая 1918 г. в Гунибе был созван съезд, в работе которого приняли участие все

бежавшие от советской власти руководители контрреволюции, в том числе русские белогвардейские офицеры Бурун и Лапин.

На что был нацелен съезд, видно из вопросов, которые он рассматривал: о мобилизации горцев в армию; о мобилизации средств, продовольствия, лошадей, тягловой силы; о форме управления; об организации общего наступления на Темир-Хан-Шуру.

Повестка дня съезда не оставляла сомнений в характере принятых им решений. По первому вопросу было принято решение о мобилизации всего мужского населения Гунибского и Аварского округов, в которых обосновались избежавшие разгрома контрреволюционеры, возрастной ценз призываемых в армию был в пределах от 17 до 55 лет. До каждого аула были доведены контрольные цифры по количеству призываемых. Они должны были быть вооружены одним из видов оружия: винтовкой, карабином или берданкой и иметь при себе не менее 20 патронов. Продовольственное обеспечение мобилизованных возлагалось на сельские общества.

Вопрос о создании управленческой структуры был отложен до согласования его с Закавказским сеймом и германо-турецким штабом. До решения этого вопроса вся полнота власти в районах, оказавшихся под властью контрреволюционных сил, была передана Н. Гоцинскому.

Силы контрреволюции состояли из отрядов Гоцинского и шейха Узун-Хаджи, действовавших в горах и районе Хасавюрта, отряда полковника Алиханова, отрядов князей Тарковского, Каплановых и других. В этих формированиях использовались и бывшие турецкие офицеры и аскеры. Командующим общим наступлением на Темир-Хан-Шуру был назначен полковник Х.Арацханов¹⁸⁵.

Как сообщалось в газете «Известия Совета рабочих, красноармейских, матросских и крестьянских депутатов» Бакинского района за 26 июня 1918 г., Гоцинский двинул свои отряды в сторону Темир-Хан-Шуры, чтобы оттуда выйти на плоскость. Но эти планы расстроило наступление против них Астраханского отряда Красной Армии. К тому же большинство аулов, расположенных по пути движения имамовцев, оказались или нейтральны или определенно стояли на стороне советской власти. В других аулах население раскололось на два лагеря, показывая свою классовую дифференциацию. Число сторонников Гоцинского уменьшалось. Селение Хунзах, имевшее орудия и боевое снаряжение, отказало ему в выдаче не только оружия, но и боеприпасов.

На помощь Гоцинскому торопился Узун-Хаджи, который, разгромив советские военные силы и разрушив Хасавюрт, двинулся с большим отрядом в Казикумухский округ. В середине мая он захватил Кумух и разогнал окружной ревком. Далее Узун-Хаджи пытался через Даргинский округ выйти к Дженгутаю на соединение с Гоцинским, но дорогу ему преградил даргинский краснопартизанский отряд. Попытки Узун-Хаджи уговорить даргинцев пропустить его мюридов, идущих бить «неверных», т.е. большевиков, не увенчались успехом: краснопартизанский отряд отказался от переговоров и заставил его вернуться обратно.

На другой день в той же газете сообщалось, что вернувшийся в Кумух Узун-Хаджи и там не удержался долго. Вне Кумуха ни одно селение не признавало его. В Кумухе население не захотело оплатить расходы по содержанию «армии» Узун-Хаджи. На этой почве возник конфликт между сторонниками и противниками Узун-Хаджи, и он ушел из Кумуха, оставив там созданный им комитет, которого никто не признавал. В заключение газета отмечала, что авторитет Узун-Хаджи падает¹⁸⁶.

Падало влияние не только Узун-Хаджи, но и Гоцинского, всех, кто поднял оружие на советскую власть. Тем не менее положение в Дагестане оставалось тяжелым. На 10 июля 1918 г. только города Дербент, Петровск и Темир-Хан-Шура и расположенные вблизи них села были в руках советской власти. Главные силы контрреволюционеров находились в горах, в районах западного Дагестана, у аулов Дылым, Зубутль и Луковец. В селении Костек также находились отряды Гоцинского. Из гор совершались налеты крупных отрядов на аулы, признавшие советскую власть. Советы располагали силами, составлявшими до 3000 штыков, которых было недостаточно, учитывая сильную растянутость фронта. Положение осложнялось начавшимся наступлением турецко-германских войск на Баку¹⁸⁷.

Турецко-германские планы по свержению Советов на Кавказе. 4 июня 1918 г. между турками и меньшевистским правительством Грузии был заключен договор о «мире и дружбе», по которому, кроме территориальных уступок, грузинская сторона обязывалась предоставить Турции право беспрепятственной перевозки по грузинским дорогам турецких войск, военного снаряжения и других грузов. Договор открывал дорогу турецким и союзным с ними немецким войскам в Грузию и возможность вплотную приблизиться к границам Азербайджана, Дагестана, Терской и Кубанской республик, на территориях которых власть в основном принадлежала Советам.

Горское правительство Союза горцев Северного Кавказа и Дагестана добивалось признания его независимости дружественными Османской империи государствами. Германия как союзник Турции готова была поддержать ее политику на Кавказе, имея в виду свои стратегические интересы. Германия вместе с союзниками, участвовавшими на конференции, через своего посла в Москве Мирбаха официально обратилась к российскому правительству об отделении Северного Кавказа от России и признании независимости горского правительства¹⁸⁸. Поддержка вновь образовавшихся на Кавказе прозападных правительств позволила бы Германии под предлогом защиты прав суверенитета новых государств более открыто вмешиваться в их внутренние дела, поддерживать там местные контрреволюционные силы, подогревать антисоветские выступления, что на практике и происходило.

Организованный в марте 1918 г. в Баку мусаватистский мятеж был подготовлен не без помощи турецких эмиссаров, что подтверждалось и тем, что он был приурочен к наступлению турецкой армии на советский Баку. Турецкие планы не противоречили и интересам Германии, мечтавшей с помощью своего союзника иметь доступ к нефтяным богатствам Азербайджана. Одна-

ко в мартовских боях мусаватисты были разбиты, что серьезно подорвало далеко идущие планы турецко-германских интервентов.

Все же это не остановило захватнических устремлений немецко-турецких интервентов, решивших воспользоваться тем тяжелым положением, в котором оказалась Советская Россия, осажденная внутренней контрреволюцией и внешней интервенцией. Усилив турецкую армию немецкими инструкторами, пополнив ее мусульманскими дивизиями, правящие круги Германии нацелили эти силы против Кавказской Красной Армии, на захват Баку и Дагестана. Для их приема в горах Гюдинский вел панисламистскую и пантюркистскую агитацию. В своих выступлениях перед мусульманскими массами он призывал алимов, шейхов, всех узденей помочь ему в освобождении мусульман от обид и притеснений советской власти. Другим козырем в его выступлениях был призыв объединяться под общим флагом ислама и защищать мусульман от гяуров – большевиков.

Приход турецких аскеров поддерживали буржуазно-националистическая интеллигенция, кулацко-мулльские элементы и часть горского населения, поверившая в агитацию пантюркистов, объяснивших приход турецкой армии освободительной миссией от «нsverных». Активную агитацию такого характера проводила также младотурецкая партия «Иттихад ва Тараки». Иттихадисты создавали ячейки своей партии в горах, всех мусульман, способных носить оружие, призывали к борьбе против тех, кто не поддерживает турецкую армию.

В мае 1918 г. в Стамбуле при активной поддержке партии «Иттихад ва Тараки» был создан комитет Северокавказского благотворительного общества. Общество издало свою программу на турецком языке, выпустив ее массовым тиражом. Главную свою программную задачу общество видело в том, чтобы «при помощи поддержки османского правительства сохранить и упрочить гармонический союз и дружбу различных народов и племен Северного Кавказа, объявивших свою независимость, жить в пределах полного согласия и союза с османским правительством»¹⁸⁹.

Дагестанские иттихадисты активно распространяли пантюркистскую литературу в горах. По требованию активистов партии «Иттихад» закрывались советские школы и открывались «начальные мужские школы», где преподавание велось на турецком языке. По предложению Северокавказского благотворительного общества турецкое правительство утвердило государственным языком для Северного Кавказа турецкий язык. Правда, турецкие чиновники «разрешили» народам Северного Кавказа вести судопроизводство на арабском языке на основе шариа.

Все эти мероприятия были направлены на то, чтобы укрепить в Дагестане и на Северном Кавказе турецкое присутствие, ослабить здесь былое влияние могущественного северного соседа, вырвать с корнем широко распространявшиеся в крас большевистские идеи.

Шла подготовка к оккупации Дагестана и других регионов Северного Кавказа турецкими войсками. Главнокомандующий «мусульманской армией на Кавказе Нури-паша» назначил генерала Юсуфа Иззет-пашу командующим

войсками «правительства республики горцев», обеспечивая их всеми видами вооружения, техники и средствами передвижения¹⁹⁰.

В начале июня 1918 г. через Нуху (Азербайджан) и Салатавский перевал в Дагестан двинулся разведывательный отряд турок. Вместе с отрядом шел целый штат турецких каймакамов из военных чинов турецкой армии, подготовленных для исполнения обязанностей начальников уездов и округов, а также членов горского правительства и других представителей дагестанских народов, убежавших в Турцию после установления в Дагестане советской власти.

В течение июня штаб турецкого военного отряда наладил связь со всеми округами Дагестана, в которых еще не была установлена советская власть. В наиболее «неблагонадежные» округа, к которым были отнесены Самурский, Казикумухский и частично Кюринский и Кайтаго-Табасаранский, каймакамами (начальниками) были назначены военные чины турецкой армии. В трех округах – Гунибском, Аварском и Андийском, где находились основные силы дагестанской контрреволюции, руководить ими были допущены местные кадры. Но и там каймакамами командовал штаб турецкого отряда, расположившийся в Гунибе¹⁹¹.

Турецкие интервенты, опираясь на военную мощь Германии, вынашивали далеко идущие планы по присоединению всех мусульманских районов Кавказа, захвату Средней Азии, выходу к Туркестану и расширению нового Османского государства до Афганистана и Китая.

Опорным пунктом в борьбе против усиливающейся турецкой интервенции на Кавказе стал советский Баку, где попытки мусаватистов еще в марте поднять антисоветский мятеж провалились. Бакинские большевики во главе с Шаумяном, Джапаридзе, Наримановым и другими противниками новой турецкой угрозы решили «...создать реальную силу вокруг Совета и, опираясь на российскую революционную власть и на Советы Северного Кавказа, оборонять себя и распространять свое влияние и свою мощь на всю территорию Закавказья»¹⁹².

Большую работу по организации и укреплению своих вооруженных сил проводил Дагестанский областной ревком. Он начал формирование двух полков Красной Армии. Набор людей в ее ряды проводился на основе рекомендаций большевистских и профсоюзных организаций. В известиях, издаваемых Порт-Петровским, Дербентским Советами, газете «Ишчи халк» были опубликованы обращение Дагестанского ревкома о создании Красной Армии и информационные материалы о ходе этой работы. Обращение ревкома, адресованное рабочим и крестьянам, завершалось призывом «...записывайтесь в революционную мусульманскую Красную Армию, встаньте под Красное знамя, окрашенное кровью тысяч принесших себя в жертву революции!»¹⁹³.

Учитывая характер той революционной эпохи и тонкий расчет на религиозные чувства мусульманского населения, которое призывали не в чуждую им, а в свою мусульманскую армию, был обеспечен тот горячий отклик, который встретило обращение большевиков. Обращение было подкреплено активной работой военных отделов Советов по набору частей Красной Армии.

В ее рядах, когда 11 июня 1918 г. был издан приказ областного ревкома о создании дагестанской Красной Армии, насчитывалось около 6 тыс. бойцов. В ее состав входили: астраханско-петровский отряд В.Ляхова, 1-й Дагестанский конный полк Тимошина, отряды Г. Далгата, С.-С. Казбекова, М. Османова и мелкие отряды крестьян из селений Кумторкала, Утамыш, Мюрего, Цудахар, Кумух, Н. Дженгутай, Джемикент и др.¹⁹⁴

Угроза внешней интервенции, как всегда, сплачивала народы Дагестана, поднимала их на борьбу с непрошеными гостями. Еще 5 июня в своей радиogramме в Баку чрезвычайный комиссар Дагестанской области В. Нанейшвили сообщал: «Положение в Дагестанской области открывает блестящие перспективы. Один за другим аулы поднимаются против имама. Есть возможность быстро ликвидировать контрреволюцию в Дагестанской области, но для этого требуется напряжение всех боковых сил. Победа над контрреволюцией, безусловно, восстановит железнодорожное сообщение и устранил продовольственный кризис в Баку»¹⁹⁵.

Поступающие с мест сообщения также свидетельствовали об успешной совместной борьбе Красной Армии и трудящихся Дагестана против объединенных сил горской контрреволюции и турецких интервентов. Штаб военно-революционной обороны Порт-Петровска в июне сообщал в Москву Реввоенсовету и в Баку комиссару по военно-морским делам Бакинского Совнаркома Г.Н.Корганову: «Бои у Чирюрта развиваются весьма успешно и победоносно для нас. В 12 аулах Терской и Дагестанской областей у границ Сулака признали Советскую власть и образовали Красную Армию в числе 600 всадников, которые сражаются в ее рядах. Советские войска сражаются рядом с товарищами дагестанцами, и последние бои кровью связали нас в борьбе за интернациональную народную власть».

Именно идея создания народной власти была той главной движущей силой, которая объединяла различные народы в ее создании и отстаивании. Тот же экспедиционный отряд, который формировался в Астрахани, был представлен различными народами и в Дагестане пополнялся представителями местных народов. Командир отряда В. Ляхов в начале июля сообщал в Астраханский краевой военный комиссариат: «...В настоящее время отряд переформируется в полк, три четверти которого составляют местные силы Дагестана. Нуждаемся в оружии, обмундировании, инструкторах»¹⁹⁶.

Нужда в оружии ощущалась повсеместно, и без такой помощи трудно было рассчитывать на окончательный разгром горской контрреволюции. Председатель Бакинского Совнаркома С. Шаумян, получив телеграмму от военного комиссара Дагревкома М. Дахадаева об испытываемых Дагестаном трудностях по вооружению Красной Армии, телеграфировал В.И.Ленину: «Для того, чтобы покончить с бандами Гоцинского и приобщить Дагестан к Советской власти, необходимо завершить организацию Красной Армии, для этого требуется вооружение, броневики, и притом спешно»¹⁹⁷. По распоряжению Ленина из Астрахани и Северного Кавказа в Дагестан были направлены армейские части, вооружение и деньги.

Положение, которое складывалось в Дагестане, серьезно беспокоило турецкие круги, которые поддерживали горское правительство. Турция активизировала свое военное вмешательство в Дагестане и на Северном Кавказе. Для содействия горскому правительству в Турции было подготовлено около 3-х тыс. армейских инструкторов. На его нужды было отпущено 150 тыс. руб. по твердому курсу.

Горское правительство и штаб интервентов во главе с Иззет-пашой усилили внимание на поддержку оставшихся в горах контрреволюционных сил, руководимых Гоцинским, Узун-Хаджи, Арацхановым и другими. Турки взяли на себя общее руководство всеми операциями, создали фронты и распределили каждому отряду свой район действия. Они были обеспечены турецкими военными инструкторами, немецким вооружением и боеприпасами. С укреплением контрреволюционных отрядов и назначением в них своих представителей турецкий штаб организовал повсеместное наступление против советской власти в Дагестане¹⁹⁸.

И без того сложное положение советской власти еще более осложнялось, когда с юга по морю и железной дороге в Дагестан двинулась хорошо вооруженная часть Л. Бичерахова, самочинно снятая им с Кавказского фронта. Оголив часть фронта, Л. Бичерахов дал возможность туркам войскам непосредственно угрожать Баку. Как отмечал английский генерал Дейстервиль, «не предприми Бичерахов своего рокового похода на север... город никогда бы не пал»¹⁹⁹.

Наступление турецких войск на Баку и возможность вторжения вооруженных сил Л. Бичерахова в Дагестан создали для советской власти серьезную угрозу, против которой надо было предпринимать решительные меры. 2 августа был издан приказ по комиссариату Северо-Кавказского военного округа о создании для руководства временными действиями в Дагестанской области военного совета с чрезвычайными полномочиями. Военный совет возглавил М. Дахадаев – военный комиссар Дагревкома.

Тем же приказом был создан еще один военный совет во главе с чрезвычайным комиссаром Дагестанской области В. Нанейшвили. Территорией его деятельности были определены по железной дороге Петровск – Дербент и прилегающие районы²⁰⁰.

Чрезвычайный военный совет Дагестана опубликовал 7 августа в «Известиях Темир-Хан-Шуринского Совета...» постановление о мерах борьбы с провокационными слухами, распространяемыми по городу. В частности, там отмечался характер этих слухов: как будто Порт-Петровск уже занят «бандами Бичерахова» и что они движутся в Темир-Хан-Шуру, а работники советских учреждений разбегаются. Военный совет предупреждал, что все замеченные в распространении таких слухов будут арестовываться и предаваться военно-полевому суду, «а открыто распространяющие такие «официальные» сведения будут расстреливаться на месте»²⁰¹.

Опровергая эти слухи, Советы в то же время проводили работу по формированию своих вооруженных сил. В Темир-Хан-Шуре создавались 2 конных полка, вооруженные отряды формировались в Чирюрте, Кизилпорте,

Карлантиорте, Костеке, Аксае, Эндирее, Ботаюрте и других селениях. Но вновь создаваемые военные формирования и крестьянские отряды были плохо вооружены, часть выделяемого центром оружия запаздывала или застревала по дороге в Дагестан. В конце июля Дагестанский областной исполком командировал в Баку к С. Шаумяну члена президиума Совета С. Габиева. Хотя Бакинский Совет сам находился в трудном положении, тем не менее он выделил для Дагестана 30 млн. руб. и вооружение. Однако из-за падения Бакинской коммуны это решение не было выполнено²⁰².

Одновременно исполком Совета командировал в Астрахань члена президиума П. Ковалева с просьбой о выделении денег и оружия. Но оружия у них не оказалось, хотя деньги в размере 15 млн. руб. они выделили.

Ковалев вместе с находившимся там А.Д. Исмаиловым выехал в Царицын, надеясь на получение оружия, крайне необходимого ввиду нарастающей бичераховской опасности. Уже 3 августа отряд Л. Бичерахова напал на Дербент и разогнал там советскую власть. В этой связи было созвано экстренное заседание Порт-Петровского комитета РСДРП (б) и исполкома для обсуждения создавшегося положения. По итогам обсуждения была принята резолюция, в которой полковник Бичерахов за явную англофильскую деятельность был объявлен изменником и предателем революции. С другой стороны, было заявлено, что никаких других ориентаций «кроме ориентации на Советскую власть как в центре, так и на местах не признаем и что всякая попытка к ниспровержению таковой встретит с нашей стороны самый решительный и неуклонный отпор»²⁰³. Но сам Л. Бичерахов пытался представить свою роль в лучшем свете. Еще начиная движение на север, он хотел показать себя как жертву большевистских притеснений, выдавал себя «за патриота» и «демократа». Для этого ему приходилось беззастенчиво врать, лавировать. До личного состава своего отряда он довел приказ, в котором утверждал, что «в Баку переворот. Большевики от власти отстранены. Власть по воле народа взял Каспийский флот, установив диктатуру. Мне предложен пост главнокомандующего войсками Кавказа, сухопутными и морскими. Баку еще обороняется. В Баку уже начали прибывать английские войска. 5 августа и к нам в Хачмас и Дербент должны прийти английские войска. На помощь нам идут терцы»²⁰⁴.

Чтобы притупить бдительность большевиков, разжечь межнациональную рознь, как-то оправдать свою предательскую роль в революции перед своими же подчиненными, Бичерахов всем командирам частей разъяснял, что «в Дербенте и Петровске сидят комиссары, поставленные бывшими комиссарами, и хотят нас уничтожить... Задача отряда идти в Петровск. Что бы то ни было, Петровск должен быть занят нами»²⁰⁵.

И они шли. Тем более они были лучше вооружены и оснащены, чем обороняющиеся части Красной Армии и дагестанских рабоче-крестьянских отрядов. К началу вторжения в Дагестан в отряде Бичерахова насчитывалось более 3000 штыков и сабель. Отряд располагал сильной артиллерией, 4 броневиками, 2 бронепоездами, 2 военными кораблями «Карс» и «Ардаган», приданными ему бакинской «диктатурой Центрокаспия».

По пути на Дербент и Порт-Петровск Л. Бичерахов путем обмана и щедрых обещаний старался привлечь на свою сторону все антисоветские силы. В районе станции Худат он установил контакт с отрядом полковника Мамедова, насчитывавшим более 500 человек и ведущим антисоветскую борьбу в Южном Дагестане. Они договорились о совместном наступлении на Дербент.

Под напором объединенных сил бичераховцев красноармейские части в составе двух батальонов дербентского гарнизона и подоспевшего на помощь в сопровождении блиндированного поезда с одним батальоном Петровского полка вынуждены были 3 августа оставить Дербент. Часть членов Дербентского Совета выехала в Порт-Петровск за помощью²⁰⁶.

В сложившихся условиях помощь была нужна не только Дербенту, но и Порт-Петровску. По решению Порт-Петровского комитета РСДРП(б) и исполкома Совета председатель Совета У. Буйнакский был командирован в Астрахань и Москву за помощью.

Вместе с тем военный совет стал принимать срочные меры по оказанию помощи Дербенту. И сму на выручку из Темир-Хан-Шуры был отправлен 1-й Дагестанский конный полк под командованием В. Ляхова. Совместно с частями дербентского гарнизона и Петровского батальона части прибывшего полка 7 августа разбили противника, захватили штаб бичераховцев с 11 офицерами и освободили Дербент. Командир полка В. Ляхов 8 августа телеграфировал военному комиссару Северо-Кавказского военного округа Н. Анисимову: «Только что полком разбита банда, окружившая Дербент, находившаяся под командованием полковника Мамедова»²⁰⁷.

Тем временем Ляхов, находившийся в районе Худат, собирал все свои оставшиеся силы для нового штурма Дербента. 15 августа ударом с суши и с моря они вновь заняли город, хотя и понесли большие потери.

Смириться с потерей крупной железнодорожной станции и важного узлового пункта на пути к Баку не могли не только в Дагестане, но и в центре. Без промедления были приняты меры по сосредоточению под Дербентом ударной группы войск, способной разбить бичераховцев и освободить город. В районе Мамедкалы стали сосредотачиваться отступившие из Дербента воинские подразделения, сюда же были подтянуты Царицынский полк, присланные из Астрахани и Царицына отряды. К этим силам были подключены партизанские отряды, прибывшие из селений Губден, Утамыш, Урахи, Мекеге и др., в их организации большую роль сыграли Г. Далгат, М. Мусаев, Х. Мустафаев и т.д. Во главе этих частей стали Нанейшвили и Дахадаев²⁰⁸.

Начиная с 10 августа в районе Мамедкалы разгорелись жаркие схватки, в которых с обеих сторон участвовали большие силы. Но бичераховцы имели некоторый перевес в технике и офицерских кадрах. В то же время отдельные части, распропагандированные агентами Бичерахова, отказались занимать позиции и воевать против бичераховцев. С ними в переговоры вступили некоторые части Царицынского полка, их вынуждены были расформировать. Поддались бичераховской пропаганде отдельные части 1-го Дагестанского

конного полка. Все это привело к неудачам и поражению красноармейских частей.

После неудачи под Мамедкалой красноармейские войска вели ожесточенные сражения с бичераховцами у населенных пунктов Каякент, Избербаш, Манас. Однако в связи с активизацией нацелившихся на Порт-Петровск отрядов Гоцинского и необходимостью его укрепления полк Тимошинина и некоторые партизанские отряды были отозваны к Петровску, чем воспользовались бичераховцы, которые усилили наступление на Порт-Петровск.

Положение крупного промышленного центра Дагестана осложнилось. Чрезвычайный комиссар по Дагестанской области В. Нанейшвили, председатель исполкома областного Совета Д. Коркмасов и военный комиссар М. Дахадаев обратились к военному совету в Царицын с радиотелеграммой, в которой сообщали: «Под угрозой удара со стороны Бичерахова стоит Порт-Петровск. Господство на море Бакинского флота, узость береговой полосы дает огромный шанс противнику... необходимо из Царицына и Астрахани спешно, не теряя ни одной минуты, выдвинуть значительный боевой флот для совместных с нами действий... Подтверждаем все телеграммы о помощи живой силой и техническими средствами, данные Вам Порт-Петровским военным советом... допущение соединения Бичерахова с терской казачьей контрреволюцией отрезает весь Кавказ, а борьба еще возможна и обязательна»²⁰⁹.

Дагестанские руководители сознавали большую роль, которую играл Порт-Петровск, и потому так остро ставили вопросы укрепления его оборонноспособности. О положении на Кавказе сообщалось в Москву В.И. Ленину. Из телеграммы В.И. Ленина от 23 августа 1918 г. председателю Туркестанского совнаркома видна его большая озабоченность положением Кавказа. По его личному указанию для защиты Баку, куда высадились англичане, был послан Ленинский полк, который принял активное участие в обороне Кизляра²¹⁰.

Находившийся в Царицыне И. Сталин в обращении к В.И. Ленину, характеризуя тяжелое положение, переживаемое Кавказом, указывал на характер помощи, которая необходима, чтобы сохранить и упрочить там советскую власть. Он писал: «Идет борьба за юг и Каспий. Для оставления за собой всего этого района (а его можно оставить за собой) необходимо иметь всего несколько миноносцев легкого типа и штуки две подводных лодок... Умоляю Вас разбить все преграды и тем облегчить двинуть вперед дело немедленного получения требуемого. Баку, Туркестан, Северный Кавказ будут (безусловно!) нашими, если немедля будут удовлетворены требования»²¹¹.

По просьбе председателя Порт-Петровского Совета З. Захарочкина отряд Джорова, направленный из Царицына на помощь Баку, 9 августа был оставлен в Порт-Петровске «для формирования пулеметных команд и батарей»²¹² из-за недостатка артиллеристов и пулеметчиков в местном гарнизоне.

Помощь, получаемая из центра и из Царицына, Астрахани, была недостаточной для отпора вооруженных сил, выставленных Бичераховым и Гоцинским против местных воинских частей. Она часто запаздывала, а порой и

вовсе не доходила до Дагестана. Этому помешали и контрреволюционное восстание, вспыхнувшее в Астрахани 15 августа, и находившиеся на Каспии английские корабли, не допускавшие подвоза военных грузов.

Большевики подтягивали все силы к Порт-Петровску, где решалась судьба всего Советского Дагестана, даже оголяя другие фронты. Крупные воинские части были сняты с Темир-Хан-Шурина фронта и направлены в помощь Петровску. В конце августа, когда бичераховские войска начали наступление из района Манаса на Порт-Петровск, М. Дахадаев приказал штабу аркаского фронта выделить отряд в 500 человек и направить их в Петровск. С Чирюрговского фронта, испытывавшего нехватку воинских сил, был снят отряд З. Авербуха и направлен на борьбу с бичераховцами. Кроме того, вооруженные отряды формировались в Темир-Хан-Шуре, Кумторкале, Дженгутасе и других местах²¹³. Однако плохо вооруженные и не прошедшие даже строевой подготовки крестьянские отряды не смогли долго противостоять хорошо вооруженным воинским частям регулярной армии.

Тем не менее имеющиеся в городе части Красной Армии вместе с отрядами рабочих и крестьян упорно защищали город. В обороне Петровска участвовал интернациональный отряд, в своем большинстве сформированный из числа венгерских и других зарубежных революционеров. Они до конца обороняли город и, когда его покинули последние советские отряды, остались и погибли в неравной борьбе²¹⁴.

Начатые 27–28 августа наступательные действия бичераховцев встретили упорное сопротивление. Убедившись, что наступление принимает затяжной характер и при подходе помощи из Астрахани и Царицына может обернуться поражением, Бичерахов предпринимает попытки обманом добиться своих целей. Выдавая себя за демократа и государственника, он требует от Дагестанского облисполкома пропустить его отряд через Порт-Петровск на Терек.

Одновременно вступает в переговоры с М. Дахадаевым, которому заявляет, что движение, во главе которого он (Дахадаев. — А.О.) стоит, преследует цель сохранения в Дагестане российской государственности. В ответ на это М. Дахадаев объявил, что он «самый рьяный сторонник российской государственной идеи» и ориентируется «на революционную Россию»²¹⁵.

Начав переговоры о мире, Бичерахов продолжал наращивать усилия по захвату Петровска. Приказывая своим войскам занять город, он заверял их, что ему гарантирована помощь не менее 10 тыс. человек с Северного Кавказа. Ко второму сентября в Петровске сложилась крайне тяжелая обстановка. Город был окружен плотным кольцом войск Бичерахова, занявших все командные высоты. С моря он был блокирован военными кораблями, не пропускавшими даже малых рыбацких лодок ни из Петровска, ни в Петровск²¹⁶.

Оказавшись в таком трудном положении, представители Порт-Петровского военного округа поехали в Дагестанский областной совет в Темир-Хан-Шуру для его ознакомления с положением, создавшимся в Порт-Петровске. Экстренное совещание по этому поводу состоялось 30–31 августа.

Отмечая безвыходное положение, совещание решило немедленно эвакуировать город.

Для переговоров об условиях переезда отряда Бичерахова через Дагестан к нему была послана делегация в составе большевиков М. Хизроева и П. Ковалева. По пути к штабу Бичерахова к делегации присоединились эсер Козлов и меньшевик Герасимов. 2 сентября делегация заключила с ним соглашение, вошедшее в историю под названием «делового контакта».

Еще в ноябре 1918 г. по свежим следам событий член президиума Дагестанского областного совета С.И. Габиев писал о «деловом контакте»: «Мир заключен. Бичерахов брал на себя как бы всю защиту Дагестана от турок, а Советская власть оставалась такой, как была со всеми советскими работниками. Но не прошло и двух недель, как Бичерахов, втайне готовивший удар в спину Советской власти, заключил договор с главарями контрреволюционных банд, офицерами Тарковским и другими»²¹⁷.

С. Габиев хорошо знал того, о ком писал. Как только Бичерахов разогнал Советы, так на другой же день он начал репрессии. Особенно жестокая расправа была учинена над представителями партийных и советских органов Дербента и Петровска. В Дербенте арестовали известных партийных и советских деятелей А. Эрлиха, В. Бешенцева, И. Кобякова, Г. Канделаки и др. Они были вывезены в Порт-Петровск и там расстреляны. В Дербентском районе были схвачены и убиты Г. Таги-Заде, М. Гаджиев и ряд других деятелей²¹⁸. Некоторые из таких деятелей спаслись от расстрела, скрывшись в городе или районе.

Чтобы успокоить большевиков и советских работников, при вступлении в Порт-Петровск были расклеены листовки с обращением Бичерахова к населению с обещанием, что никого преследовать не будет и в которых содержалась просьба всем явиться на регистрацию. Но в тот же день были схвачены и расстреляны командир 1-го Дагестанского полка В. Ляхов, члены Порт-Петровского Совета Анпер, Лагода, Осканов. При облаве был окружен И. Котров, который застрелился, чтобы не попасть в руки врагов. За речкой Молоканка была расстреляна группа венгров, которых, прежде чем расстрелять, заставили копать себе могилы. Расстрелу подверглась и часть больных, лежавших в казармах города.

В черном списке, составленном для Бичерахова и подписанном им «изолировать», значились фамилии У. Буйнакского, Д.Н. Ермошкина, Д. Казбанова, Я. Браилковского, К. Мезикова, Л. Фрибуса, К. Полина, Д. Атаева, Н. Тутышкина, Д. Онанова, Н. Луциковича, З. Захарочкина, И. Маскина, М. Косицина, А. Магомедова, Д. Пугина, Н. Гавриленко, З. Авербуха и др., активно участвовавших в работе Советов. Многие из них избежали ареста и впоследствии сыграли большую роль в установлении советской власти в Дагестане.

Бичераховцы прибегли к арестам и тех красноармейцев, которые остались в городе и отказались служить им. Тюрьма города была переполнена такими арестантами, и, чтобы как-то разгрузить ее, 97 арестованных красноармейцев выслали в Закаспийскую область, к пескам²¹⁹.

Захват Бичераховым Порт-Петровска и расправа над большевиками и советскими работниками пришлось по душе горскому правительству, готовому ради этого объединиться с кем угодно. Оно старалось привлечь Бичерахова на свою сторону для борьбы за освобождение всей территории Горской республики от моря до моря. Эти вопросы обсуждались на тайных переговорах, которые состоялись 16 сентября между главнокомандующим войсками и флотом Кавказа, как именовал себя к этому времени Л. Бичерахов, и командующим войсками горского правительства Н. Тарковским. Ими был заключен договор о совместной борьбе против советской власти. Войскам Тарковского разрешался вход в Темир-Хан-Шуру, с помощью которых до создания областной власти он устанавливал военную диктатуру. В благодарность Тарковский должен был отозвать с фронта в тыл подчиняющиеся ему турецкие войска.

По требованию Бичерахова областное временное правительство должно было изолировать и выдать ему при первом же требовании следующих лиц из числа активных советских деятелей: Дахадаева, Коркмасова, Хизроева, Саидова, Буйнакского, Захарочкина, Тутышкина, Нанейшвили, Эфендиева, Воронина, Ковалева, Заяца²²⁰. По сравнению с прежним списком Бичерахова в этом списке появились и новые имена. Многих из них бичераховцам так и не удалось арестовать и расправиться с ними. Теперь они пытались осуществить свои черные планы с помощью Н. Тарковского.

Пользуясь такой в целом благоприятной для него обстановкой и опираясь на договор, заключенный с Тарковским, с которым он поделил власть в Дагестане, Бичерахов решил укрепить свое положение в Петровске, а затем двинуть свои войска на Терек, чтобы открыть дорогу на Северный Кавказ. Он издал приказ об аресте руководителей Дагестанского областного исполкома и разоружении красноармейских частей и рабочих вооруженных отрядов.

Не дожидаясь начала арестов, группа советских работников во главе с Д. Коркмасовым и В. Нанейшвили скрылась в районе селения Кумторкала. М. Дахадаев решил пробраться в горы, чтобы объединить сторонников советской власти и готовить новые силы для борьбы с контрреволюцией. Однако около селения В. Дженгутай в результате устроенной засады он был схвачен и убит²²¹. По этому случаю 12 октября Г.К. Орджоникидзе телеграфировал В. И. Ленину о гибели «популярнейшего советского работника» Дахадаева.

Положение, которое сложилось в Дагестане после падения советской власти, было подробно охарактеризовано в статье У.Д. Буйнакского, опубликованной 31 октября 1918 г. в «Известиях» ВЦИК. В ней, в частности, отмечалось, что в «свободолюбивом Дагестане, благодаря его оторванности от центра, господствуют два полковника: диктатор Дагестана (как он именуется) князь Нух-бек Тарковский и главнокомандующий сухопутными и морскими силами, изменник и контрреволюционер наймит Бичерахов. Советский Дагестан поистине понес большие потери».

Вскрывая причины падения советской власти, он указывал, что горстка советских работников Дагестана, «окруженная со всех сторон врагами – с гор имамовцы и турецкие агенты, со стороны Петровска англичане и Бичерахов,.. не могла долго сражаться еще, по-видимому, и потому, что некоторые оказались соглашателями»²²².

Но были и другие причины, которые привели к падению советской власти в Дагестане. Прежде всего надо отметить, что малочисленные партийные организации не были объединены в единый общепартийный центр, способный привлечь на свою сторону все революционные силы и возглавить их борьбу против контрреволюции. В руководстве этой борьбы не хватало единства действий, требуемого в сложившихся обстоятельствах.

Большевики из-за своей малочисленности и нехватки зрелых политических организаторов не успели охватить своим влиянием всю горскую бедноту, установить союз рабочих с нею. Большинство бедняцко-средняцких масс подпало под влияние мусульманского духовенства и феодально-помещичьей верхушки. Этим силам удалось вовлечь часть крестьян в антисоветские вооруженные выступления.

Надо сказать, что из-за удаленности Дагестана от центра, наличия в полыхающей огнем Гражданской войны России других фронтов, требующих не меньшего внимания, центр не мог помочь всем в той мере, которая позволила бы быстро ликвидировать очаги конфликтов. Но без такой помощи Дагестан не мог собственными силами разгромить окончательно бичераховские войска, неплохо экипированные, имевшие большой опыт ведения военных действий и рвавшиеся для налаживания прямых связей с белоказачьими воинскими частями, также ведущими активные военные действия против Советов на всем Северном Кавказе.

Имея в виду положение Дагестана и возможные для него последствия при утверждении Советов на Кавказе, в своем обращении У. Буйнакский просил без промедления оказать помощь красноармейским отрядам, скрывшимся в горах, помочь дагестанскому крестьянству, что стало бы цементирующей основой в укреплении отношений отсталого, заброшенного Дагестана с Россией. « Я уверен, – писал он, – что выражу чаяния и интересы дагестанской бедноты, если скажу: «Побольше внимания Дагестану. Советская Россия не может и не должна нас забывать; мы ждем скорой и решительной поддержки»²²³. Это был крик души гражданина и большого друга России, коммуниста, стоявшего на интернационалистических позициях.

Тем временем Л. Бичерахов принимал меры для укрепления своей власти в Порт-Петровске. После занятия Баку турецкими войсками он пригласил созданную там «диктатуру Центрокаспия» в захваченный им Петровск. Стараясь придать своей диктатуре «законность», он с помощью «диктатуры Центрокаспия», моздокского правительства, закаспийской эсеровской учредилки, под наблюдением штабов Деникина и английской миссии созвал в Порт-Петровске Кавказско-Каспийский краевой съезд «народных» представителей. Этот-то съезд разношерстных представителей ни географически, ни

административно, ни территориально не объяснимого Кавказско-Каспийского края должен был придать «законность» диктатуре Бичерахова.

Продолжая политику угроз и демагогических обещаний, Бичерахов все шире прибегал к политике силы, активно возрождал прежние порядки. Особенную ненависть он питал к большевикам. Без всяких оснований люди могли быть обвинены в «большевизме» и подвергнуты репрессиям. В захваченных бичераховцами Дербенте и Петровске, в ряде аулов проводились меры по успокоению и наведению порядка. Вместе с тем для ослабления растущего недовольства трудящихся масс Бичерахов издавал приказы о принятии мер против фактов насилия и грабежей, чинимых его же военнослужащими.

Однако репрессии не только не приводили к успокоению и порядку, а наоборот, порождали недовольство и возмущение среди трудящихся масс, отголоски которого доходили и до самого Бичерахова, который потребовал от командования своего корабля «Арсу» срочно направиться в порт Энзели и заставить все воинские части, находящиеся там, без промедления направиться в Порт-Петровск, где он чувствовал себя не совсем прочно, как отмечалось в обзоре информационного отдела Народного комиссариата по делам национальностей от 30 сентября 1918 г.²²⁴

Вместе с тем нельзя было недооценивать Л. Бичерахова, который, как и прежде, оставался одним из серьезных противников советской власти. В одной из телеграмм комиссару Северо-Кавказского военного округа Н. Анисимову Бичерахов был охарактеризован как опытный противник, командовавший хорошо организованным и значительным отрядом, хорошо вооруженным и имеющим средние и дальнбойные орудия. Выступая на съезде народов Терска, С.И.Габиев говорил: « Товарищи, вы измучились от бичераховщины, вы поняли ее смысл и отшатнулись от него, но есть много трудовых казаков, которые еще идут за ним... Я говорю о Лазаре Бичерахов-ве»²²⁵.

Большевики указывали на опасность бичераховщины, под которой понимались объединенные силы английского агента полковника Лазаря Бичерахова и его брата, главаря терской контрреволюции Георгия Бичерахова, и развернули большую работу по ее разоблачению и организации отпора. В первых числах августа 1918 г. Порт-Петровский комитет РСДРП(б) провел собрание представителей профсоюзов текстильщиков, бондарей, водников, железнодорожников, медицинских работников, связистов и др. С осуждением бичераховцев, ставших на путь антисоветской борьбы, выступили многие из числа собравшихся. Совещание приняло воззвание к рабочим, призывавшее их к вооруженному выступлению против белоказачьей контрреволюции. Большевики шли дальше и призывали для отпора бичераховцам создавать вооруженные отряды рабочих и деревенской бедноты.

Для руководства военными действиями в Дагестанской области комиссар Северо-Кавказского военного округа Н.А. Анисимов издал приказ о создании военного совета с чрезвычайными полномочиями. Кроме того, учитывая особо важное значение Порт-Петровска, был создан и Порт-петровский военный совет. Районами деятельности совета были определены железнодорожная линия Порт-Петровск – Дербент и прилегающие территории²²⁶.

В то же время местными силами разгромить бичераховцев и восстановить советскую власть было труднейшей задачей не только потому, что они были лучше организованы и хорошо вооружены, но и из-за ухудшения положения вокруг республики. В соседнем Баку хозяйничали английские империалисты, оказывавшие щедрую помощь Л. Бичерахову, настолько щедрую, что он мог поделиться этим и со своим братом Г. Бичераховым, посылая ему подкрепление техникой, снаряжением, вооружением и деньгами. Получавший эту помощь Г. Бичерахов даже признавался, что казачье-крестьянское движение, как он называл свое движение, пытаясь по примеру брата заваливать его и выдать за народное, поддерживалось главным образом средствами, отпускавшимися ему братом, орудуящим на Каспийском побережье на английскую валюту. В сентябре 1918 г. он получил от брата 2 млн. руб. в дар Терскому войску с обещанием последнего оказывать такую помощь ежемесячно²²⁷.

Помощь, поступавшая большевикам из Москвы, Баку, Астрахани, Царицына и других промышленных рабочих центров, часто запаздывала или же доставлялась в недостаточных объемах, объясняемых трудностями, которые испытывали эти центры и вся страна, охваченная пламенем Гражданской войны, т. к. и там не хватало оружия, продовольствия и всего того, что необходимо для решительного отпора офицерским корпусам и солдатским массам антисоветских вооруженных сил, в которые были мобилизованы обманутые крестьянские массы.

В такой обстановке бичераховцами были предприняты меры к тому, чтобы соединиться с белоказачьими отрядами Северного Кавказа. 5 августа бичераховские казачьи отряды напали на Владикавказ, где проходил съезд народов Терека. Они сумели захватить пригороды Владикавказа. На борьбу с бичераховцами поднялись не только местные силы, но и отряды из Ингушетии, Грузии, Грозного. Объединенными усилиями наступавшие воинские части Г. Бичерахова были разбиты и 18 августа город был освобожден.

В эти же дни бичераховцами были спровоцированы антисоветские мятежи в Грозном и Кизляре. 9 августа брат Лазаря, Георгий Бичерахов, бывший тогда председателем Моздокского казачье-крестьянского совета, потребовал от красноармейских частей г. Грозного в 24 часа сдать все оружие, броневики и выдать большевиков. Грозненский Совет выдвинул встречный ультиматум – разоружить казачьи части и в суточный срок сдать все оружие²²⁸.

В ответ бичераховцы начали обстрел города и 18 августа заняли старые промыслы. Хотя силы защитников города были незначительны, тем не менее они не только выдержали натиск 12-тысячной армии белоказачьих войск, но и нанесли им большой урон.

В развернувшихся сражениях с отрядами бичераховцев большую роль сыграла шестимесячная оборона Кизляра. Белогвардейцы подступили к городу еще в июле и потребовали немедленно распустить Совет и имевшийся там отряд красновардейцев. Но город не подчинился и готовился к обороне. С этой целью были образованы штаб обороны и военный совет. Председа-

телем военного совета был А.Ф. Хорошев, начальником штаба – полковник С.С. Шевелев, комиссаром – Б.П. Шеболдаев.

Численность наступающих на город доходила до 6000 человек. Против них противостояли 750–800 защитников, но противник не смог захватить город с ходу. На помощь им Л. Бичерахов послал отряд в 1500 человек при 6 орудиях, 14 пулеметах, 2 бронированных автомобилях и отряд добровольцев из станицы Александрийской. К тому же он выделил им десятки миллионов рублей из тех средств, которыми он сам щедро финансировался командованием союзных держав.

Но все это не помогло, город продолжал героически обороняться. В сентябре осажденному городу пришла помощь из Астрахани. До конца месяца сюда прибыли отряд конницы, Латышский полк, части железного полка, затем Ленинский полк и другие части. Они были пополнены еще воинскими частями XII армии, также переброшенными из Астрахани.

С помощью подоспевших сил защитники города 14 октября разбили бичераховцев. Однако на этом бои не прекратились. На помощь бичераховцам поспешили белогвардейские части полковника Урчушина и отряд Слесарева, посланный сюда Л. Бичераховым.

Но и новые силы не помогли белоказачьим частям. Кизляр обороняли рабочие и крестьяне, боровшиеся за свое социальное освобождение. В обороне города участвовали и дагестанцы. Особо проявил себя взвод Агаджанова. Благодаря усилиям защитников города и подошедших воинских частей XII Красной Армии город выстоял и победил. Остатки разбитых бичераховцев отступили в Порт-Петровск.

Шестимесячная оборона Кизляра сыграла огромную роль в событиях Гражданской войны. Она оттянула на себя значительные силы белогвардейцев, осаждавших Владикавказ и Грозный, сорвала их планы объединить контрреволюционеров Северного Кавказа и Закавказья в борьбе против советской власти. За героизм и мужество, проявленные защитниками города, Реввоенсовет Кавказского фронта присвоил Кизляру звание «города-героя»²²⁹.

Появление в Дагестане первых турецких воинских сил. Трудности борьбы с бичераховщиной, ставшей серьезной угрозой для народов Северного Кавказа, объяснялись тем, что выступление трудящихся против своего главного противника развертывалось в условиях борьбы между сторонниками английской и турецкой ориентации, мешающих объединению революционных сил. Поскольку турецкие войска вели войну не только против большевиков, но и бичераховцев, то известная часть населения симпатизировала турецким «спасателям», за которых они себя выдавали.

Еще до прибытия в Дагестан регулярных турецких частей в июне сюда по просьбе горских правителей были посланы 500 турецких инструкторов во главе с Исмаил-Хаки-бесем. Они через Елисаветполь и Ахты вступили в Кумух. До Кумуха дошли 370 человек, остальные 130 человек остались в пути. Из Кумуха они проследовали на Дженгутайский фронт, а штаб отряда устроился в Хунзахе.

Турецкий десант проявил большую активность. Кроме насаждения в горных округах начальников (каймакамов), они взялись за создание здесь военных формирований. Вслед за инструкторами в Дагестан с благословения горского правительства двинулись регулярные турецкие формирования. Для советской власти в Дагестане и на Северном Кавказе горское правительство и турецкие интервенты стали представлять большую опасность, чем бичераховские войска. Указывая на это, 24 ноября Г.К. Орджоникидзе писал, что теперь на Терек с войной идет горский Бичерахов – Чермоев, у которого было около 10–12 тыс. турецких войск и другие наймиты²³⁰.

Бичерахов был оттеснен, когда в Дагестан вторглась турецкая дивизия во главе с Иззет-пашой и в сопровождении горских правителей. 6 сентября 1918 г. турецкие войска заняли Дербент, 24 октября – Темир-Хан-Шуру, где им был устроен пышный прием. Вскоре они двинулись к Петровску. Хотя Бичерахов уверял, что, несмотря на близость фронтов, их положение устойчивое, однако сопротивление было недолгим. 8 ноября под натиском турецких войск и ополчения горцев бичераховцы покинули Порт-Петровск и на 15 паромов приплыли в порт Энзели, к своим английским хозяевам²³¹.

Бичераховцы ушли, но за ними остался кровавый след жестоких расправ, чинимых ими с особой ненавистью против большевиков и активных деятелей советской власти, независимо от их религиозной или национальной принадлежности. Ими были расстреляны Н. Ермошкин, З. Захарочкин, а также венгры, австрийцы, болгары, немцы из интернационального отряда, убит Г. Корнешов, погиб Н. Котров, застреливший себя, чтобы не попасться в руки бичераховцев. В Порт-Петровске, в небольшом тогда по численности жителей городе, было арестовано более 300 человек.

В Дербенте бичераховцы расправились с руководителями большевиков, в садах они расстреляли 245 рабочих-дагестанцев. На железнодорожном разъезде агенты бичераховской контрразведки прикончили попавших в их руки 3 горцев, на станции Мамедкала до смерти замучили 4 горцев, у которых они нашли перочинные ножи. В селении Уллу-Буйнак белоказачки схватили 270 мирных жителей и по дороге в Порт-Петровск 63 человека из них они расстреляли. 27 октября 1918 г. по приказу начальника бичераховской контрразведки были убиты 42 горца.

Факты бесчинств разгулявшихся бичераховцев принимали такие формы, что умолчать об этом не могли и сами их руководители. Командир казачьей сотни Гацунаев 7 октября приказывал «принять решительные меры против безобразий, чинимых пьяными казаками и солдатами...». В одном из своих приказов сам главнокомандующий Бичерахов требовал: «Чтобы сегодня же были выданы три пулеметчика, три дня безобразившие в гостинице, ограбившие ее и бежавшие»...²³²

Этот список зверств Бичерахова и его подручных можно было бы продолжить. Их было значительно больше, чем здесь приведено по отдельным городам и населенным пунктам. Еще тогда он пытался запутать следы, перекаладывая наказание строптивых на других, передавая захваченных ими активных революционеров местным палачам. Схваченный бичераховцами вид-

ный дагестанский революционер, участвовавший в революционном движении со времени первой российской революции, К.-М. Агасиев был выдан ими горским контрреволюционерам селения Касумкент и недалеко от этого селения расстрелян в октябре 1918 г.

Есть и другая версия убийства К.-М. Агасиева. Скрывавшийся в подполье Агасиев был схвачен пантюристами, выдан каймакаму Кюринского округа и по решению шариатского суда расстрелян у ханского моста за селением Касумкент²³³.

С поражением бичераховцев на авансцену политической жизни Дагестана все активнее выдвигаются турецкие аскеры, успевшие с помощью прибывших сюда ранее своих инструкторов создать соответствующую базу и политическую благоприятную обстановку для приема прибывающих зарубежных воинских частей. Казикумухский милли-комитет организовал вооруженный отряд в количестве 150 человек. Самурский окружной милли-комитет по указке турецких эмиссаров проводил набор добровольцев в армию, в селении Ахты открыл школу младших командиров. В Гунибе был расположен большой отряд турецких войск, функционировали турецкий лазарет, казначейство, был назначен комендант с 10–12 аскерами. В Аксае они сумели создать кавалерийский полк. В Хунзахе, где находился в первое время штаб турецких войск, был сформирован полк, завербованный из дагестанцев. Командиром полка был назначен турецкий офицер Ахмедбей. Путем насильственной вербовки турецкие интервенты надеялись организовать в Дагестане пехотную дивизию. В их планы входило создание такой же дивизии в Ингушетии²³⁴.

Укрепив в Дагестане свои позиции и заручившись поддержкой горского правительства, турецкие войска повели себя не как спасители мусульман, как они хотели себя представить, а как не менее жестокие захватчики, чем бичераховцы. Никакие мусульманские заповеди их не могли остановить, они грабили местное население, отнимая у них последнее. Один только Казикумухский округ был обложен контрибуцией в размере 150 тыс. руб. золотом. Были арестованы и брошены в тюрьму 80 человек. Для вящей остротки были повешены горцы из селений Дучи, Убра, Цудахар и др.

Тяжелой повинностью для горцев стало их требование мобилизовать во вновь создаваемые вооруженные отряды одного человека от 10 дворов, что в расчете на каждый округ составляло не менее 400–500 человек. Турки таким способом собирались мобилизовать во вновь создаваемые дагестанские воинские части более 8500 человек. Но население не выполняло требование турецких военачальников, рассматривая их как оккупантов. Чтобы выполнить разрядку, им приходилось вместе со своей жандармерией чуть ли не с бою брать каждое селение и вынуждать их жителей выделять установленное количество ополченцев. Особенно упорное сопротивление при мобилизации людей в армию турецкие аскеры встретили в селениях Доргели, Н. Дженгутай, Кадар, жители которых не пустили их к себе. Как гласит документ тех лет, «попытки турок мобилизовать жителей не увенчались большим успехом».

Жители кумыкских селений Батаюрт, Андрейаул и Темираул, относящиеся не только к одной с турками мусульманской вере, но и имеющие очень схожие с ними языки, вообще отказались от мобилизации своих жителей в турецкую армию²³⁵.

Малейшее сопротивление дагестанцев встречало решительные меры интервентов. Особенно активно они преследовали большевиков. В Кюринском округе по указанию начальника (каймакама) округа Такаютдинбея были казнены большевики К. Агасиев, С. Сулейманов, Г. Мурсалов, Л. Рахманов и др.²³⁶

На таких и других фактах горцы начали все больше сознавать, что к ним пришли не добрые соседи, заинтересованные помочь, а интервенты, планирующие установить в Дагестане протурецкий оккупационный режим. Чтобы как-то сбить выступления трудящихся против турецких оккупантов, горское правительство и представители турецкой армии организовали масштабную пропагандистскую кампанию, пытаясь придать миролюбивый и дружественный характер акции, предпринятой Османской империей.

Печать тех лет, находившаяся в руках дагестанской контрреволюции, писала: «Что же касается прихода в Дагестан турок, то нужно думать, что у них голова работает не хуже, чем у наших скептиков, видящих в этом приходе оккупантов».

И тогда и после близкого знакомства с турками скептиков, относившихся к ним как к оккупантам, было немало и становилось больше, хотя некоторые политические деятели и пытались оправдать их появление в Дагестане. Председатель дагестанского милли-комитета Д. Апашев говорил, что «мусульмане давно мечтали видеть своих единоверцев-турок»²³⁷.

Пытался успокоить дагестанцев, недовольных турецким вторжением, и сам главнокомандующий турецкими аскерами, который убеждал население в том, что «... мы пришли сюда не для оккупации и завоеваний, а для защиты свободы кавказских мусульман. Это мой ответ всем, кто распускает неверные слухи о нашем прибытии в Дагестан»²³⁸.

В подтверждение своих намерений он провозгласил «демократическую» декларацию о свободе действий профсоюзов и политических партий. Но тут же эти свободы отменялись приказом самого же Юсуфа-Иззет-паши своим войскам, разрешающим им в течение трех суток грабить и производить экзекуции жителей непокорных аулов. За сопротивление или убийство одного турецкого захватчика полагалось расстреливать трех горцев.

Одновременно они пытались создать видимость проведения «демократических» преобразований горского общества. Вместе с горским правительством, не пользовавшимся «в народе никакой популярностью и даже вряд ли известным широким слоям»²³⁹ населения, турецкие оккупанты решили инсценировать созыв Дагестанского областного Совета народных депутатов. Но из этой затеи ничего не вышло. Им не удалось созвать такой совет, ибо дни турецкой оккупации были уже сочтены.

Как в Азербайджане, так и в Дагестане нарастала борьба против турецких аскеров. Их спасти не могли ни местные продажные правительства, ни

иттихадисты. Вымушгрованные аскеры под нарастающим недовольством местного населения из-за непрерывных и непосильных разверсток чувствовали себя все более неуютно и стали морально разлагаться, дезертировать.

Положение Дагестана и международная обстановка складывались против турок. В самой Турции происходили революционные выступления трудящихся, усилившие опасения османского правительства по поводу возможности поражения в войне. Это заставило турецкое правительство спешно добиваться аннулирования военного союза с Германией и заключения перемирия с Антантой. Еще до этих событий 20 сентября 1918 г. Брест-Литовский договор России с Турцией был аннулирован, что фактически отменило мирные отношения с османским правительством.

Из войны вышли и другие союзники Германии – Болгария и Австро-Венгрия. В сложившихся условиях российское правительство аннулировало Брестский мир, прекратило платежи по контрибуции Германии и получило большую свободу для оказания открытой военной, политической и иной поддержки и помощи народам Украины, Белоруссии, Северного Кавказа и Закавказья.

Поражение австро-германо-турецких и болгарских союзников в Первой мировой войне, победа ноябрьской революции в Германии поставили в крайне тяжелое положение турецких оккупантов в Дагестане и вынудили их обратиться в поголовное бегство и оставить все вооружение и имущество. 17 ноября горское правительство заключило договор с главнокомандующим турецкой армией Юсуфом-Иззет-папой о предоставлении прав и привилегий тем турецким офицерам, которые останутся на службе в армии горского правительства. Согласно договору, они должны были получать на два чина выше того, который каждый из них имел в турецкой армии, и получать жалованье в четыре раза выше того, что они получали в турецкой армии²⁴⁰.

Так бесславно закончилось пребывание турецких оккупантов в Дагестане, направленных сюда с далеко идущими планами по отторжению дагестанских народов от России и подчинению их Турции. Этим прежде всего объясняется то, что народы Дагестана, распознавшие захватнические планы османского правительства, восприняли появление турецкой армии здесь как оккупацию. Если судить о международно-правовых основах введения в Дагестан турецких войск, то его оценить иначе, как оккупация, нельзя. Как уже отмечалось, Горская республика от имени народов Северного Кавказа и Дагестана, живущих между Черным и Каспийским морями в составе Российской Федерации, обратилась в конце апреля 1918 г. к турецкому правительству и ратифицировала независимость Горской республики, которая должна была быть тесно связана экономическими и военными узами с Турцией и государствами Центральной Европы²⁴¹.

9 мая аналогичное обращение было сделано поверенному в делах Австро-Венгрии в Турции барону Чилаки и председателю германской делегации на Батумской конференции союзных держав генералу фон Лоссову. Того же 9 мая копия обращений Горской республики к председателям осман-

ской и германской делегаций в Батуми была препровождена еще 6 мая председателю закавказской делегации, прибывшей на конференцию.

После признания оттоманским правительством независимости Горской республики и последовавших за этим переговоров с другими делегациями, представленными на конференции, руководители горского правительства, за спиной России проводившие эти переговоры, решили поставить ее перед фактом и 13 мая передать через германского посла в Москве графа Мирбаха ноту правительству РСФСР об объявлении независимости Горской республики и отделении ее от России. Принимая решение о создании независимой Горской республики и отделении ее от России, ее руководители ссылались на конституционно признанное право наций на самоопределение народов РСФСР, которое они пытались реализовать неконституционными путями. Это была попытка, как подчеркивалось в ноте протеста Совнаркома РСФСР германскому правительству от 16 мая, «небольшой кучки пожать волю широких слоев своего народа, а также узурпации власти этой кучкой...»²⁴², против чего советская власть выступила с решительным протестом. Протесты шли не только от правительства, но и от народов Грузии, Армении, Азербайджана, Северного Кавказа и Дагестана.

Требовавшие признания независимости Закавказской республики и республики горцев делегации этих республик на конференции 17 мая получили от председателя германской делегации ответ, напомнивший им о международно-правовых формах и путях решения таких вопросов. В его письме сообщалось об инструкциях, полученных им от канцлера Германии, которые сводились к следующему: Германия не может признать независимости Закавказья до тех пор, пока Россия не признает это государство независимым. Германия изъявляла готовность принять на себя посредничество в целях достижения согласия между Россией и Закавказьем в этом вопросе, но не более.

В письме еще раз напоминалось, что признание Закавказья Германией не зависит от иных условий, кроме признания отделения Закавказья от России московским правительством. Аналогичное письмо было отправлено и Г. Бамматову²⁴³.

Германия, имевшая союзнические отношения с Турцией и восставшая против России, тем менее не была заинтересована в чрезмерном росте политического влияния своего союзника на Кавказе. Она сама имела серьезные виды на Кавказский регион и не случайно вводила свои пусть и небольшие воинские силы в Грузию, Азербайджан и Дагестан. Но судьба интервентов была одинакова – им пришлось ретироваться, поскольку революционные бури не обошли и эти страны. Борьба трудящихся Дагестана против турецко-германских интервентов облегчалась тем, что международный империализм был расколот на два лагеря, находившихся в мертвой схватке друг с другом и не забывавших о своих интересах. В этих условиях помощь России, в составе которой были народы Северного Кавказа, имела решающее значение в разгроме интервентов.

Борьба трудящихся Дагестана против горского правительства и английских интервентов. Дипломатические игры горского правительства. Теряя последние остатки доверия трудящихся масс, горское правительство старалось получить международное признание и укрепить свое шатанувшееся положение. В конце ноября 1918 г. министр иностранных дел горского правительства Г. Бамматов совершил вояж в Швейцарию, где завязал сношения, как он писал в своем сообщении об итогах поездки, с миссиями Англии, Франции, Америки, Италии, Японии и др. Пытался также добиться разрешения на поездку в Париж и Лондон. Париж на эту просьбу вообще не откликнулся, и настроение Франции, как он определил, «было не в нашу пользу». Бамматов приходил к неутешительному для себя выводу, что Англия и Франция «желают реставрации великой России», что его не устраивало. Правда, в этом он ошибался.

Америка, Япония, Италия, на взгляд Бамматова, платонически сочувствовали, но все они кивали на Лондон, от которого все зависело, однако он тянул с ответом. Лишь 14 декабря Лондон сообщил, что нет необходимости в приезде Бамматова к ним, но заверил, что изучит вопрос со всем вниманием. Наконец 6 декабря английскому посланнику в Швейцарии было поручено дать определенный ответ на просьбу горцев об оказании им «политического и материального содействия в целях обеспечения их независимости и в борьбе с большевизмом»²⁴⁴ (подчеркнуто нами. – А.О.).

А. Бамматов, не получив безоговорочной и полной поддержки своих планов по признанию независимости Горской республики, был крайне раздосадован и грозился, что если «английское правительство этой помощи оказать нам не может, мы будем искать пути примирения с большевизмом... Я принимаю меры для установления связи с большевиками».

В конце своего сообщения, направленного горскому правительству из Вены, он давал некоторые рекомендации. Поскольку от Европы нельзя ожидать вмешательства в крупном масштабе в русские дела, то не следует, как он считал, игнорировать большевиков, которые получают технику и инструкторов из Германии. Далее он предлагал предпринять шаги к сближению с Закавказьем и впустить представителям Англии, что при признании независимости Горской республики можно будет принять их помощь для борьбы с большевизмом. Но в то же время он допускал возможность войти в связь с большевиками для решения главной задачи – отделения от России. И последнее, он порекомендовал пока поддерживать дружеские отношения с Деникиным²⁴⁵.

После ухода турок из Дагестана горское правительство на время оказалось один на один с трудовыми массами. Хотя некоторые представители турецкой армии в соответствии с договором с ее главнокомандующим Юсуф-Иззет-пашой и остались на службе у горского правительства, которое надеялось с их помощью удержать власть в своих руках, но с каждым днем его влияние падало. Широкие массы, убедившись в контрреволюционной сущности горского правительства, горского только по названию, а по сути стремившегося в турецко-западные объятия, изгоняли на местах его представите-

лей, искали поддержки у Красной Армии и большевиков. Ушедшие в подполье большевики налаживали связи, воссоздавали революционные органы власти. В сел. Кумторкала, неподалеку от Порт-Петровска, начал функционировать временный военный совет, наметивший своими ближайшими задачами создание вооруженных отрядов и с помощью 11 армии восстановить советскую власть. Подпольные организации начали действовать в Хасавюртовском, Даргинском, Кюринском, Аварском, Самурском и Казикумухском округах. В феврале 1919 г. в Казикумухском округе крестьяне ссл. Унчукатль подняли восстание и убили начальника округа. Был образован ревком, при нем создан вооруженный отряд. Ревком просуществовал и осуществлял свои властные функции до вторжения в Дагестан деникинских войск. В других округах также усиливалось недовольство трудящихся масс горским правительством и его подручными, однако они не собирались уходить с политической авансцены²⁴⁶, и с ними горское правительство впоследствии пыталось объединиться для борьбы с большевизмом, но Деникин, боровшийся за единую и неделимую Россию, решительно отказался от такого союза.

Тут следует заметить, что это была беспринципная политика, направленная на достижение независимости любыми путями и средствами и объединение всех политических сил, в том числе таких последовательно монархических, как А.И. Деникин. Через призму этой политики красной нитью проходила ненависть к большевикам, свергнувшим господствующие классы и лишившим экономической основы их господство. Горское правительство не предлагало и не имело ни программы, ни реального плана решения наболевших проблем трудящихся масс и, естественно, ни тогда, ни после не было поддержано ими.

Раскрывая беспринципность и продажность лидеров горского правительства, газета «Народная власть», орган Терского областного народного Совета, писала в те дни: «Эти люди – деятели реакции, они придерживались вначале империалистической Германии и Турции, а в настоящее время являются слугами Англии. С брюха они перевернулись на спину, налицо полнейшая беспринципность. Они довят минуту, являются политиками момента, то есть авантюристами»²⁴⁷.

Политические хитросплетения «правительства Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана» тогда же были разоблачены на общегорском съезде Терской республики в составе представителей чеченского, ингушского, кабардинского, осетинского и балкарского народов. На объединенном заседании съезда, состоявшемся 25 ноября 1918 г., была принята резолюция, в которой отмечалось: 1) стремления горского самозванного правительства идут вразрез с интересами трудового русского населения; 2) создание независимой от России Горской республики в настоящее время не осуществимо ни по культурным данным, ни по экономическому положению горских народов; 3) образовавшаяся в крае советская власть предоставляет каждой народности полное право на самоопределение и приступила к передаче земли трудовому народу без всякого выкупа на началах уравнительного землепользования. Не поддержать такую программу горцы не могли, и они

выражали готовность вести борьбу против самозванного горского правительства²⁴⁸.

Неизвестно, были ли знакомы руководители горского правительства с этим решением, но независимо от этого не приходится сомневаться, что они продолжили бы и продолжали борьбу с советской властью, с большевиками.

После поражения Германии в Первой мировой войне Антанта активизировала свою деятельность, направленную на подавление революционного движения в России и ликвидацию Советов. Иностранные интервенты и внутреннего контрреволюция на этот раз объектом для нанесения главного удара по Советской России избрали юг страны. 17 ноября 1918 г. английские войска оккупировали Баку, 23 декабря они высадились в Батуми и 25 декабря вступили в Тифлис, плотно опоясав Дагестан с юга и с юго-западной стороны²⁴⁹.

Военную миссию союзников в Азербайджане и Грузии возглавил генерал В.М. Томсон, принявший активное участие в делах Дагестана. 27 ноября Томсон обратился с письмом к правительству Горской республики, в котором предлагалось «образовать коалиционное правительство» и объединиться для борьбы против большевиков. Он требовал помочь союзникам держать связь с армией Деникина и через ингушей добиться освобождения британской миссии, задержанной большевиками во Владикавказе²⁵⁰.

В те же дни в Баку были проведены переговоры между делегациями правительства Горской республики и союзных держав. Союзные державы обещали поддержать правительство Горской республики «в его работе установления порядка и спокойствия» на своей территории и внести на рассмотрение Парижской мировой конференции держав Антанты вопрос о предоставлении независимости Горской республике²⁵¹.

Горское правительство поторопилось сформировать правительство, которое они считали коалиционным, но оно состояло в основном из имущественных классов и частично горской интеллигенции, защищавших их интересы. 17 декабря председателем правительства Горской республики был избран Пшемахо Коцев. По его предложению кабинет министров был сформирован 19 декабря в следующем составе: военный министр – полковник, князь Н. Тарковский, министр иностранных дел – Г. Бамматов, внутренних дел – Р. Капланов, финансов – В. Джабагиев, торговли, промышленности и продовольствия – Б. Малачиханов, путей сообщения – И. Гайдаров, народного просвещения – Н. Шахсуваров, земледелия и государственных имуществ – А. Бутаев. Портфели министров (юстиции, труда, призрения и государственного контроля) были сохранены для представителей казаков и крестьян Терского Северо-Кавказского края. Сообщая сведения о составе вновь сформированного правительства командующему британскими войсками на Кавказе В. Томсону, представитель Горской республики при правительстве Азербайджанской республики А. Кантемиров выражал надежду, что союзное командование окажет поддержку вновь сформированному органу, и заверял его, что Горская республика готова предоставить в распоряжение союзников

все свои силы во имя тех задач, которые они решают и которые будут решаться в интересах граждан Горской республики²⁵².

Не без содействия английской миссии правительству Горской республики поторопилось помочь и правительство Азербайджанской республики. Между ними 28 ноября 1918 г. был заключен договор о выделении Горской республике беспроцентного кредита в 10 млн. руб. с возвратом его в течение 2 лет. В счет этого кредита Горская республика успела получить до 29 ноября 3 млн. руб.²⁵³

В накладе не остался и руководитель английской миссии Томсон, который, пользуясь любезностью горского правительства, направил в Дагестан представителя английской миссии полковника Роуландсона, инструктировав его следующим образом. Сфера северокавказского правительства должна быть ограничена на севере Ростовско-Петровской железной дорогой. Железная дорога Баку – Петровск и далее к Ростову, как далеко сейчас возможно, а также порты Петровск и Дербент будут под контролем союзников. Генерал (бывший царский полковник) Г. Бичерахов должен был сделать Петровск своей базой и все русские военные силы севернее Ростовско-Петровской железной дороги, т.е. Терской области, должны были быть подчинены ему. Напоследок указывалось на главную задачу, которую должны были решать как северокавказское правительство, так и генерал Бичерахов, – это мобилизация своих военных сил на борьбу против большевиков. Роуландсону поручалось дать указание северо-кавказскому правительству мобилизовать все силы на борьбу против большевиков, обеспечивать активные совместные действия против них всех партий²⁵⁴. Горское правительство, обосновавшееся в Темир-Хан-Шуре, стало ревностно исполнять требование Томсона о совместной борьбе с большевиками не только с помощью бичераховцев, но и деникинцев. В начале февраля 1919 г., когда А. Деникин двинул свои войска на Северный Кавказ и Дагестан, делегация правительства Горской республики обратилась с заявлением к главнокомандующему вооруженными силами юга России с заявлением, в котором указывалось, что оно заключило соглашение с отрядом Колесникова о совместных действиях против большевиков. Кроме того, правительство вошло в особое соглашение с представителем Добровольческой армии в г. Баку генералом Эрдели и помогало им как воинскими частями, так и вооружением и финансами. В первых числах февраля была завершена подготовка этих сил, и они были выдвинуты для решения поставленных им задач по очищению края от большевиков.

Однако Добровольческая армия, сетовала делегация, как только заняла горскую территорию, не ограничилась очищением края от большевиков, а взяла на себя функции управления, назначив генерал-губернаторов Терской и Дагестанской областей. И самое главное, с чем не могло согласиться горское правительство: это делалось в то время, когда существовала местная власть, признанная и английским командованием. Хотя особая делегация горского правительства ездил в Екатеринодар для того, чтобы встретиться с генералом А. Деникиным и попытаться с ним договориться, однако он даже не принял ее, и делегация вынуждена была вернуться.

Несмотря на унижительное положение, в которое было поставлено горское правительство, оно не прекращало своих попыток договориться с Деникиным. Председатель горского правительства П. Коцев выезжал в Баку и встречался там с представителем Добровольческой армии генералом Эрдели. Внимательно выслушав жалобы Коцева, он заявил, что Добрармия не была осведомлена об образовании горского правительства, и обещал принять меры к тому, чтобы уладить конфликт и наладить добрососедские отношения²⁵⁵.

В паутину, сплетенную представителями горского правительства и английскими дипломатами, попались они сами. Не считаясь с обращениями не только горского правительства, но и командования английскими войсками, Добровольческая армия продолжала свое наступление. Более того, назначенный Деникиным командующий войсками Терско-Дагестанского края генерал В.П. Ляхов предложил горскому правительству отказаться от власти и расформировать горскую армию. Взамен нее он требовал формирования новых воинских частей и включения их в состав Добровольческой армии. Но парламент Горской республики не пошел на это, что означало бы его политическую смерть²⁵⁶.

В то же время командование английских войск, ранее заверявшее горское правительство о том, что Деникин не будет допущен в пределы Горской республики, уклонилось от выполнения своих обещаний. Более того, миссия союзников во главе с полковником Роуландсоном, обосновавшаяся в Темир-Хан-Шуре, покинула Дагестан и вернулась в Баку, оставив без поддержки растерявшихся и не пользовавшихся доверием дагестанских народов деятелей горского правительства.

В газете «Северный Кавказ» 2 марта 1919 г. было опубликовано интервью представителя Горской республики А. Кантемирова, подписанное псевдонимом «Азербайджан». В нем подробно объяснялось отношение горского правительства к Деникину, его готовность помогать ему вести борьбу с большевиками. Несмотря на согласие горского правительства сотрудничать с Деникиным, Добровольческая армия, как указывалось в интервью, продолжала свое наступление на Северном Кавказе, подтверждая его намерения о возрождении «единой и нераздельной России» и похоронив надежды на признание независимости Горской республики от России. В интервью выражалось опасение за возможные отрицательные последствия, которые может вызвать агрессивная политика Добровольческой армии на Кавказе, особенно на фоне отношения советской власти к решению национального вопроса. Представитель горского правительства напоминал, что через комиссара юга Г.К. Орджоникидзе Советская Россия обещала предоставить Горской республике полную независимость. Хотя он считал это ловким маневром со стороны большевиков, тем не менее понимал, как будет воспринято это сообщение народными массами Дагестана. Свое интервью представитель заключал надеждой, что кавказским республикам удастся выйти из заколдованного круга, в котором они топчутся, и экономические и политические интересы народов Кавказа будут обеспечены²⁵⁷. Он был прав в одном – их интересы

были обеспечены, но не Горской республикой, доживавшей последние дни, а советской властью.

Однако, несмотря на протесты горского правительства, Добровольческая армия «вероломно вторглась, как отмечалось в заявлении дипломатического представителя правительства Горской республики, с которым он выступал 5 марта 1919 г., в пределы республики под видом борьбы с большевизмом». В заявлении отмечалось, что, помимо воли горского правительства, народы Северного Кавказа выступают с оружием против Добровольческой армии²⁵⁸.

За событиями на юге пристально следили партия большевиков и советское правительство, которые принимали меры для оказания помощи народам Кавказа в их борьбе с врагами советской власти. В политических кругах страны понимали, что внутренняя контрреволюция и иностранные интервенты для нанесения главного удара на данном этапе избрали юг страны. В этой связи глава правительства РСФСР В.И. Ленин осенью 1918 г. указывал: «На укрепление Южного фронта, на создание и вооружение более могучей Красной Армии, чем теперь, необходимо обратить самое усиленное внимание»²⁵⁹.

Когда Реввоенсовет Каспийско-Кавказского фронта обратился к Ленину с просьбой об оказании помощи, 12 ноября 1918 г. он ответил: «Все возможное делается. Налегайте на дружную работу, на оздоровление Совета и профессиональных союзов в Астрахани... налегайте на военное дело и завоевание Каспия, равно помогая Северо-Кавказской армии...»²⁶⁰.

По этому и другим обращениям В.И. Ленин принял меры для отправки вооружения и снаряжения для Каспийско-Кавказского фронта и управления Астраханско-Каспийской флотилией.

Совнарком России, 12 декабря 1918 г. рассмотрев вопрос об оказании помощи Терской республике, решил выделить в распоряжение Терского областного совета 30 млн. руб. и приступить немедленно к постройке железнодорожных путей от Грозного в Червленое и от Кизляра до Старотеречной. На строительство железных дорог, имеющих большое значение и для Дагестана, было выделено 22 млн. руб.

В Гражданской войне на юге было обращено серьезное внимание на улучшение прямых связей центральных органов власти с регионами. Еще 28 октября 1918 г. отдел горцев Наркомнаца обратился к председателю ВЦИК Я.М. Свердлову с докладом о положении на Северном Кавказе и предложением о создании единого краевого органа власти на Северном Кавказе. В соответствии с этим предложением при ВЦИК была создана коллегия (комиссия) в составе Буйнакского, Алиева и Кубатиева. 4 ноября 1918 г. У.Д. Буйнакский выехал в Астрахань, где организовал кавалерийский полк, а затем оттуда выехал в Дагестан и стал руководить подпольной работой. В конце ноября Умар Алиев и Умар Кубатиев прибыли во Владикавказ и под руководством Г.К. Орджоникидзе проводили работу среди горских масс²⁶¹.

Переход государств Антанты после окончания Первой мировой войны к открытым военным действиям на Кавказе пробудил у деятелей Горской республики новые надежды на осуществление своих антинародных планов. В

одном из документов того времени, характеризующем положение Порт-Петровска, отмечалось, что англичан в Дагестане еще нет, власть в руках Тарковского, рабочие союзы разогнаны, трудящиеся массы ожидают советских войск²⁶².

Хотя в Дагестане в конце 1918 г. английские войска еще не появились, но английская миссия совместно с горским правительством стремилась создать из числа горцев вооруженные силы, готовые помочь в осуществлении их планов по оккупации горного края. С этой целью они объявили мобилизацию в армию мужчин некоторых возрастов. С этим предложением представители англичан выступили на съезде народов Дагестана, проведенном в начале февраля 1919 г. Они просили дать военные кадры для борьбы с «русскими», обещая за это предоставить полную самостоятельность, снаряжение, вооруженную помощь и материальные блага. При обсуждении этого вопроса на съезде возникли бурные разногласия, но большинством голосов предложение англичан было отклонено.

Получив отпор в Дагестане, англичане решили опираться на все контрреволюционные силы Северного Кавказа и с их помощью решить главную свою задачу – ликвидировать советскую власть и расправиться с большевиками. Для этого они вернули в Дагестан бичераховцев, которые в конце 1918 г. стали главной силой в борьбе с большевиками. Во главе всех антисоветских сил был назначен глава английской миссии полковник Роулансон.

Наступление Добровольческой армии Деникина на Дагестан. В то же время севернее Дагестана в начале 1919 г. под командованием генерала А.И. Деникина стала складываться другая мощная антисоветская группировка, получившая в духе времени более демократическое название Добровольческой армии, хотя добровольцы – офицеры не придерживались, как и главнокомандующий армией, демократических традиций, а были известны своей крайней жестокостью. Белогвардейцы «добровольцы» во Владикавказе закопали 17 тыс. расстрелянных, больных тифом пленных красноармейцев, среди которых было еще много живых. В Грозном ими было повешено свыше 2-х тыс. человек. Среди них были женщины, старики и даже дети. Насилие и грабежи, куда бы они ни вступали, стали нормой их поведения.

Заявляя о стремлении к справедливому разрешению аграрного и национального вопроса, деникинцы восстанавливали дореволюционные порядки и административный аппарат. Под лозунгом «единой и неделимой» России они стремились ликвидировать везде Советы и захватить государственную власть.

В январе 1919 г. Добровольческая армия и белоказачьи отряды и части объединились в так называемые вооруженные силы юга России под командованием генерала Деникина. 8 февраля 1919 г. Добровольческая армия, уже завоевавшая среди горцев дурную славу, вторглась в пределы Терской республики, оказавшись рядом с Дагестаном²⁶³. В мае 1919 г. деникинцы были уже в Дагестане. Они захватили города Петровск, Дербент и Хасавюрт, в которых стояли по 2 батальона, слабо оснащенных обмундированием и воору-

жением и недовольных Деникиным, что выражалось и в росте среди них дезертирства.

Несмотря на малочисленность своих вооруженных сил, деникинцы воспользовались слабостью горского правительства, многие представители которого разбежались. Деникинцы разогнали горское правительство и назначили полковника М. Халилова «правителем Дагестана».

Среди населения деникинцы не пользовались доверием. Рабочие и жители Петровска проводили забастовки и акты неповиновения властям, требуя освобождения своих арестованных товарищей. Разрозненные выступления рабочих не давали необходимого результата, сказывалось отсутствие единого центра, объединяющего все революционные силы на борьбу с местной контрреволюцией и малочисленными деникинскими силами. Правда, в случае осложнения они могли опираться на силы английских интервентов, которые не раз заявляли о желании объединить все антибольшевистские силы. В городе было около 3000 индусов, служивших в английских частях. В их распоряжении было 6 собранных и 8 несобранных аэропланов, 2 орудия. Имелись еще боевые суда, крейсирующие в Каспийском море. Поскольку между англичанами и индусами существовали напряженные отношения, то командный состав, особенно на судах, был подобран из числа англичан. Если к этим силам добавить остатки дагестанских конных полков, продолжавших служить новому «правителю» Дагестана, то набиралось немало сил, которых рабочие и крестьяне только своими усилиями скинуть не могли²⁶⁴.

Газета «Набат» в номере за 7 июля 1919 г. так описывала положение в Петровске: «...Все контрреволюционные элементы сгруппировались вокруг царского генерала Деникина. Жизнь в городе замерла. Участились грабежи и убийства. После 8 час. вечера обыватели, боясь быть ограбленными, не выходят из домов. Всюду по городу развеваются трехцветные николаевские флаги. Деятельность рабочих организаций приостановлена, многие товарищи арестованы и сидят в тюрьме, несколько человек из них расстреляны. Безработица увеличивается»²⁶⁵.

К июлю численность белогвардейских частей значительно увеличилась. По данным Кавказского краевого комитета РКП(б), в Дагестане контрреволюция располагала следующими силами: в Темир-Хан-Шуре – 3 сотни казаков с 250 штыками и с вооружением в 8 пулеметов, 4 горных орудия, шамилевский батальон в 700 штыков, Дагестанский конный полк в 600 штыков и 200 сабель, 2 полевых орудия; в Петровске – казаки, караульная рота в 170 штыков, одна рота терского батальона в 90 штыков при 2-х орудиях, 4-х пулеметах и 25 человек охраны. Английские силы состояли из 250 индусов, 30 человек охраны морских берегов порта, 40 человек флотской роты, 30 человек охраны морских береговых орудий. В Петровске-Кавказском также располагались английские силы в 100 человек из индусов, имевших 4 пулемета, 5 годных и 4 негодных аэроплана, 60 легчиков и 4 военных судна. Здесь же располагалась рота Шамилевского батальона в 100 человек.

В Дербенте стояли следующие воинские силы: батальон терских казаков в 250 штыков и конная сотня в 500 шашек, 4 пулемета и 1 бомбомет с

командой в 35 человек. В Хасавюрте стояли 2 сотни казаков, 190 штыков и 2 роты Апшеронского полка, 180 штыков, 4 пулемета и Апшеронский полк и пулеметная команда.

Небольшие силы деникинцев и дагестанской контрреволюции располагались в районе Буйнак – Каякент, на Манасском посту. Многие воинские части, мобилизованные из Дагестана, проявляли недовольство и легко могли перейти на сторону красных. Общее настроение дагестанцев, служивших в этих частях, местного населения и даже казаков было не в пользу Добровольческой армии. Среди солдат и казаков проявлялось недоверие к своим начальникам и сведениям, передаваемым газетами²⁶⁶.

Несмотря на рост недовольства солдат Добровольческой армии и местного населения, безоружные и неорганизованные рабочие и крестьяне своими силами не смогли бы разоружить и разгромить контрреволюционеров. Силы были слишком неравны. Они надеялись и ждали помощи из России.

Всенародная борьба против деникинцев и горского правительства. В этой обстановке центр не оставлял без внимания и поддержки Дагестан. Направленный из Москвы в Дагестан У. Буйнакский по пути останавливался в Астрахани, где принял участие в формировании полка для посылки на помощь горцам. В начале февраля 1919 г. он прибыл в Дагестан. Положение в Дагестане Буйнакский хорошо знал и сразу же по приезде взялся за создание единого общепартийного центра, отсутствие которого серьезно отражалось на деятельности малочисленных партийных организаций Дагестана.

В середине февраля в селении Кумторкала нелегально проходила первая Дагестанская областная конференция большевиков. В ней приняли участие У.Д. Буйнакский, Е.Г. Гоголев (Темир-Хан-Шура), Я.В. Коробов, Д. Атаев (Порт-Петровск), С. Дрожин (Дербент), М.М. Колышкин, Н.И. Ротенко (Петровск-Кавказский), М. Далгат, З.Н. Батырмурзаев (Хасавюрт), М.-М. Хизроев, Д.Э. Коркмасов (лидеры социалистической группы), Амир Гаджиев (Кумторкала), Г. Саидов, А. Исмаилов, Г. Далгат и другие, всего 18 участников. Они представляли не только партийные организации, но и все, как один, были активными участниками революционного движения.

Решения конференции были направлены на активизацию борьбы трудящихся масс против интервентов, горского правительства и деникинцев, на подготовку вооруженного восстания солдат и трудящихся масс и восстановление советской власти. Для выполнения принятых решений, объединения партийных организаций был избран Дагестанский областной комитет РКП(б), председателем которого стал У. Буйнакский и секретарем М. Далгат²⁶⁷.

Большевики и приехавшие «...из разных концов России партийные работники различных течений», объединившись «в единую коммунистическую организацию», повели агитацию среди населения, обратив особое внимание на аулы. За короткий срок им удалось привлечь на свою сторону многие аулы и фактически восстановить в них советскую власть²⁶⁸.

Для проведения агитационно-пропагандистской работы среди крестьян в округа были направлены представители Дагестанского подпольного обкома

партии. Как вспоминал впоследствии секретарь подпольного обкома партии М. Далгат, «Кумторкала... стала нашим революционным штабом, центром коммунистической агитации и пропаганды. Сюда стекались со всех аулов наши старые товарищи, испытанные революционеры. Здесь получали распоряжения и отсюда разезжались во все аулы поднимать бедноту на борьбу с помещиками и капиталистами»²⁶⁹.

Благодаря такой целенаправленной и активной работе большевиков удалось поднять на борьбу за свое социальное освобождение не только бедноту, но и все здоровые силы дагестанских народов. Во многих аулах Дагестана вышли из подполья члены сельских коммунистических ячеек, а там где их не было, стали создаваться новые ячейки, активно включавшиеся в борьбу за изгнание деникинцев и английских интервентов, восстановление советской власти.

Ни одна политическая партия не проводила такую масштабную агитационно-массовую работу, так тесно не общалась с массами, как большевистская партия. Чтобы судить о масштабах большевистского влияния на крестьян, достаточно перечислить хотя бы наиболее крупные аулы, в которых в тот период действовали коммунистические ячейки: селения Утамыш, Мюрего Кайтаго-Табасаранского округа; Кадар, Доргели, Кумторкала, Н. Джунгутай, Н. Казанище, Тарки Темир-Хан-Шурина округа; Леваши, Акуша, Цудахар, Урахи, Мекеги Даргинского округа; Кумух, Унчукатль, Шовкра, Хулиса, Тухчар Казикумухского округа; Андрейаул, Аксай, Ботаюрт, Темираул, Дылым Хасавюртовского округа, а также ряд селений Андийского, Гунибского, Аварского, Кюринского и Самурского округов²⁷⁰. Сельские партийные ячейки были во всех 9 округах Дагестанской и в одном округе Терской областей. Большевики, выходящие из целого ряда этих селений, были избраны в состав Дагестанского подпольного обкома РКП(б).

В округах активизировалась работа по подготовке всенародного выступления против горского правительства. В Казикумухском округе был проведен окружной съезд лакской бедноты, который решил национализировать все оружие, оставшееся от турецких аскеров. Комиссия, созданная для проведения в жизнь этого решения, сразу же приступила к сбору оружия. Большевики собранное оружие раздали формируемому вооруженному отряду. В отряд было решено выделять по одному человеку от каждого двора. В селениях Унчукатль и Шовкра коммунистические ячейки мобилизовали в вооруженные отряды всех, кто владел оружием.

Мероприятия по подготовке к вооруженному восстанию обсуждались на нелегальных совещаниях представителей округов, проведенных представителями Дагестанского подпольного обкома партии в селениях Н. Казанище, Кумторкала, Кадар, в г. Темир-Хан-Шуре. В совещании в Н. Казанище, которым руководили У. Буйнакский и Д. Коркмасов, приняли участие члены Дагестанского обкома партии РКП(б), командиры подпольных сельских вооруженных отрядов – всего 160 человек. Было решено активизировать агитационно-разъяснительную работу, от имени совещания составить письма с

возвращением к трудящимся горцам подняться на вооруженную борьбу, взять на учет все подпольные вооруженные силы²⁷¹.

Положение на Северном Кавказе и в Дагестане было под постоянным вниманием центральных органов страны. На заседании Совета Народных Комиссаров РСФСР 10 июля 1919 г. был заслушан доклад чрезвычайного комиссара юга Г.К. Орджоникидзе «Год Гражданской войны на Северном Кавказе», свидетельствующий о прекрасном знании в центре положения, сложившегося в крае на рассматриваемый период. В докладе, в частности, отмечалось, что горское правительство, распространившее свою власть с помощью турецких аскеров на некоторые округа, «быстро стало терять свое влияние, а наши товарищи Буйнакский и Коркмасов стали фактической властью... В настоящее время Северный Кавказ до границы Бакинской губернии находится формально под властью Деникина, фактически же в его руках находится узкая полоса железной дороги, а по ту и по эту сторону железной дороги – несколько волостей горцев. Горцы живут своей жизнью и никакой деникинской власти не признают. Все горцы ждут с нетерпением прихода большевиков»²⁷².

В Дагестане шла усиленная подготовка к свержению горского правительства, которое теряло последние остатки своего влияния на горные массы. Неуютно становилось ему и в городах Дагестана. 29 апреля 1919 г. Шамиль-калинский²⁷³ (в 1918 г. Порт-Петровск был переименован в Шамиль-Кала) совет профессиональных союзов телеграфировал Совету Министров Горской республики о своем решении поддержать требования союза железнодорожников, заявивших о проведении забастовки. Их поддержал и профессиональный союз почтово-телеграфных служащих. Они настаивали повысить оклады, получаемые почтово-телеграфными служащими, гарантировать не сокращать штаты, без согласия работников не переводить их на работу в другие учреждения, удовлетворить требования, предъявляемые железнодорожниками и центральным стачкомом города Петровска. Забастовавшие работники среди других союзов также находили понимание и поддержку²⁷⁴.

Наблюдая рост революционных, просоветских настроений среди трудящихся масс, в целом их положение, председатель Дагестанского обкома партии У. Буйнакский 1 мая 1919 г. информировал Г.К. Орджоникидзе и других работников Терского Народного Совета: «... Петровск и Шура – накануне Советской власти... Как только мы выступим и займем Шуру и Петровск, то тотчас же двинем наши силы к вам на помощь. Силы у нас солидные...»²⁷⁵.

Это понимали и в горском правительстве, которое поторопилось, пока его не прогнали, заключить соглашение с Деникиным и с английскими интервентами о расправе над большевиками, организаторами подготовки вооруженного восстания против горского правительства. Командующий английскими войсками в Порт-Петровске в письме от 24 апреля торопил принять решительные меры против большевиков в городах и селениях, в первую очередь разгромить и обезглавить Дагестанский подпольный обком партии. 13 мая командир Дагестанского конного полка, размещенного в Темир-Хан-

Шуре, получил приказ военного министра Горской республики Тарковского об аресте членов подпольного обкома партии и других коммунистов, собравшихся на объединенное заседание обкома партии и Военного совета в Темир-Хан-Шуре, по улице Апшеронской, в доме А.-В. Гаджи-Магома-оглы. Собравшиеся были застигнуты врасплох и арестованы²⁷⁶.

Среди арестованных были такие видные деятели большевистской организации Дагестана, как руководитель Дагестанского подпольного обкома РКП(б) У. Буйнакский и его члены А. Исмаилов, С. Абдулхалимов, А. Меджидов, А. Алиев и др. В числе арестованных были и О. Лещинский, направленный Центральным Комитетом партии в помощь Дагестанскому обкому партии, члены Военного совета, В. Тимошев – всего 35 человек.

Арестованным были предъявлены обвинения в том, что они, начиная с 1918 г. по сговору между собой и другими лицами способствовали войскам Советской республики в ее военных действиях против Добровольческой армии и союзных с нею войск.

Были предприняты меры к освобождению арестованных. Член бюро Кавказского краевого и Бакинского комитетов РКП(б) 22 мая сообщал, что вооруженное крестьянство напало на Шуру с требованием освободить арестованных, но нападавшие были отброшены. «Нами посланы уже туда товарищи для выяснения положения, – информировал он о принимаемых мерах, – восстановления организации и принятия мер к освобождению товарищей»²⁷⁷.

Из Асрахани в Дагестан прибыла группа партийно-советских работников во главе с Б. Шеболдаевым, чтобы помочь в освобождении арестованных большевиков. Повстанческие отряды, сформированные в Дагестане под командованием М. Османова, А. Меджидова, В. Гавриленко, по дороге в Темир-Хан-Шуру получили сообщение, что Буйнакский и его товарищи будут освобождены на другой же день и, поверив лживым обещаниям, вернулись в Н. Джугутай²⁷⁸.

Арест видных руководителей повстанческого движения явился тяжелым ударом для большевистской организации и всех трудящихся Дагестана. Этим воспользовались горское правительство и деникинцы. Усилилось вмешательство английских интервентов не только в дагестанские, но и северокавказские дела. Поражение XI Северо-Кавказской армии под ударами деникинцев, отступление полураздетой и наполовину больной армии в тяжелых зимних условиях было неоправданным риском, создавшим условия для временного торжества контрреволюции.

К концу февраля 1919 г. в Кизляре, куда стянулись почти вся XI армия, части XII армии со штабами, конный полк легендарного Кочубея, создалась тяжелая обстановка. Кизляр стал последним островком советской власти на Кавказе. В городе не было продовольствия, боеприпасов, часть войск болела тифом. Отступление и моральный упадок в частях XI армии негативно отразились на войсках Кизлярского фронта. Дальнейшая оборона города стала невозможной.

Учитывая сложившуюся тяжелую обстановку, 4 февраля командование красноармейских частей решило оставить город. Вслед за ними в Кизляр во-

шли деникинцы. Они сразу же начали расправу над оставшимися в городе ранеными и больными участниками обороны города и их семьями. Были установлены три виселицы²⁷⁹, но и их не хватало, чтобы повесить большевиков и красноармейцев, их поддерживавших горожан. Немало людей было повешено на деревьях в городском саду²⁸⁰. Были схвачены и повешены председатель Кизлярского Совета А. Доценко, большевики Бахметьев, Зуев, Давыдов, учитель Куратов.

Несмотря на жестокие меры, деникинцы полностью подавить сопротивление кизлярцев так и не смогли. Около 400 человек во главе с большевиками ушли в камыши, где в низовьях Терека они создали партизанский штаб и продолжали борьбу против деникинцев.

С ними наладил связь З. Батырмурзасев, который с группой товарищей собирался организовать в районе Бабаюрта и соседних аулах партизанский отряд. Штаб в помощь ему выделил несколько красноармейцев и выдал 5 тыс. руб. Батырмурзасев вместе с представителями кизлярских партизан созвал в Бабаюрте съезд бедноты многих аулов Хасавюртовского округа. На съезде был создан Чеченско-Кумыкский военно-революционный комитет во главе с З. Батырмурзасевым. Комитет работал в контакте с большевиками, Советом обороны Северного Кавказа и Дагестана, а также держал связь с кизлярскими партизанами²⁸¹.

Главным в деникинском наступлении в южном направлении оставалось овладение Порт-Петровском и дальнейшее продвижение в сторону Баку, где небольшие части, введенные туда, не справлялись с этой задачей. В корреспонденции газеты «Набат» от 25 мая 1919 г. отмечалось, что с 20 мая со стороны Грозного в Петровск стали прибывать деникинцы, продвигавшиеся вначале по шоссе, а затем и по железной дороге. В составе наступавших были казачьи и терские части и офицерская сотня. 23 мая в сторону Дербента прошел блиндированный поезд деникинцев, усилив тревожное ожидание горожан.

Но им не пришлось долго ждать, на второй же день Добровольческая армия показала себя, свой жестокий характер произвольными грабежами, обысками, пьянством и насилием над местным населением. Особенно лютовала сотня корниловского «полка смерти», известная своей жестокостью.

Еще более развернутую картину жестокости деникинского режима газета «Набат» дала в номере за 28 мая. В ней отмечалось, что «Петровск и Дербент, занятые деникинской бандой, представляют кромешный ад. Временные господа положения, участники карательных экспедиций при Николае Кровавом умело расправляются с рабочими. Расстрелы, виселицы и «тесные галстуки» выводят в «расход» рабочих, обвиняя их в большевизме. Массовый расстрел, бесшабашный пьяный разгул и грабеж офицерской банды возбуждают население, которое ждет момента для расправы с разбойниками»²⁸².

О расправах деникинцев писала не большевистская газета, и авторы таких публикаций не были большевиками, чтобы подозревать их в преувеличении масштабов и характера деникинских репрессий. И нельзя ставить на одну доску, как теперь пытаются это делать некоторые исследователи, белый и

красный террор, не соглашаясь при этом с теми, кто считает, что красный террор был вынужденным и стал ответной реакцией на действия белогвардейцев и интервентов.²⁸³ Если по поводу белогвардейцев как-то можно поспорить, то как такое можно сказать об интервентах, которые вторглись в Россию и вмешались во внутренние дела российских народов, прикрываясь в ряде случаев какими-то фигурными листочками, но чаще не имея для этого какого-либо оправдания. Но и другие антибольшевистские, антисоветские выступления не были нацелены на будущее своих народов, а вели к возврату старого, осточертевшего всем народам строя. Однако отстоять прогнивший режим они не могли путем убеждения и пытались сделать это насильем, жестокими мерами, вызывая ответную реакцию.

Характерно, как только в Дагестане утвердилась антинародная власть, она сразу же начала беспокоиться о том, чтобы вернуть господам их прежние земли, имущество и другое владение. В объявлении горского правительства, помещенном в той же газете «Набат» за 18 июня 1919 г., звучало требование: «Земли, насильственно захваченные, должны быть немедленно возвращены хозяевам». Кто выражал «неповиновение властям надлежащим, довели страну, благодаря выступлениям безответственных и порочных лиц и групп до полной анархии...», тем правительство грозило, что не остановится ни перед какими средствами, вплоть до посылки воинских экспедиций. В случае уклонения зачинщиков беспорядков от задержания предлагалось арестовать их ближайших родственников²⁸⁴.

Прежние хозяева также требовали возвращения им национализированных у них земель и другого имущества или их стоимости. С прошением к временному правителю Дагестана обращался подполковник, князь Али Казаналипов. В частности, в нем он писал: «Жители селения Чонтаул во время советской власти и большевистских захватов в 1918 г. насильственным путем отобрали от нас наш рыбный промысел на реке Старый Сулак под сел. Костек». Тщательно подсчитав свои убытки, которые он понес в результате национализации промысла, составившие 28000 руб., заявитель просил взыскать с общества сел. Чонтаул эту сумму в свою пользу. Попутно князь доносил правителю Дагестана, что «общество сел. Чонтаул продолжает оставаться во главе со своим старшиной Джамав Хасаевым на платформе большевизма и продолжает делать захваты у соседних землевладельцев»²⁸⁵.

Поскольку иск Казаналипова оставался неудовлетворенным, 17 июля он вновь обратился к правителю Дагестана с прежней просьбой. Но сумму своих убытков он уточнил и добавил к ним и те убытки, которые были нанесены ему с января по июнь 1919 г. В результате общая сумма убытков выросла до 672000 руб. В новом заявлении появились и фамилии тех, кто являлся сторниками большевиков. Их он насчитал 28 человек²⁸⁶. Судьба их неизвестна, но думается, что власти ими заинтересовались и приняли против них хотя бы превентивные меры. Оставить без внимания большевистскую опасность власти в те годы не могли.

Подобные обращения поступали и от других лиц, вкусивших сытую жизнь при царском строе. Командир 2-го Дагестанского стрелкового баталь-

она Магомедов рапортовал командиру Дагестанской стрелковой бригады для сообщения генералу Халилову о том, что большевики основали свое гнездо в урочище Дешлагар и что язва большевизма распространяется далее в соседние аулы. В телеграмме-рапорте указывалось, что на местах должностные лица не проявляют достаточной инициативы и до сих пор не отобрали винтовки, выданные большевиками из петровского склада.

В этой обстановке монархическое офицерство во главе с генералом Халиловым, опиравшееся на англо-деникинских оккупантов, 24 мая распустило горское правительство на неопределенное время и в тот же день образовало временное правительство во главе с генералом Халиловым. Многие министры и депутаты «горского парламента» во главе с Коцевым, Цаликовым, Бамматовым, Кантемировым и другими нашли приют у мусаватистов Азербайджана и меньшевиков Грузии²⁸⁷.

Власть в Дагестане оказалась в руках послушного английским интервентам и деникинским белогвардейцам правителя генерала Халилова, готового, как писала газета «Вестник», очистить «в самый кратчайший срок города и их окрестности от порочных людей». Чтобы Халилов не ошибался и взялся за очищение городов не от кого попало, а от большевиков, командующий войсками Терско-Дагестанского края генерал Эрдели на собрании в г. Темир-Хан-Шуре заявил, что деникинское командование не будет вмешиваться во внутреннюю жизнь Дагестана, оно «будет требовать от Дагестана лишь совместную борьбу с большевизмом». То же самое твердил и представитель английской миссии при Добровольческой армии полковник Роуландсон, говоривший в унисон с Деникиным: «Правительство Англии поддерживает генерала Деникина и его цели. Цели его – уничтожение большевизма, возрождение великой неделимой России»²⁸⁸.

Такое единство целей внутренних и зарубежных контрреволюционных сил развязало им руки, активизировало их усилия в борьбе с большевизмом. Революционные организации трудящихся были разогнаны. Национализированные помещичье-кулацкие земли возвращались их прежним хозяевам. Революционные выступления трудящихся жестко преследовались. По указке деникинского командования генерал Халилов сформировал конный полк и несколько стрелковых батальонов для отправки их на фронт против советской власти. Состав Добровольческой армии, сформировавшейся в основном из царских офицеров, по мере роста потерь, понесенных на фронтах Гражданской войны, пополнялся за счет местных казачьих и воинских частей, используемых главным образом для проведения карательных экспедиций. С этой целью и все воинские части Дагестана, как и Северного Кавказа, вошли в состав Добровольческой армии.

Но и без дагестанских подкреплений силы деникинцев были значительны. В Петровском порту стояли деникинские военные корабли «Карс», «Ардаган», а также сухопутные войска в количестве более 4-х тыс. штыков и сабель.

Правитель Халилов, выполняя волю своих английских и белогвардейских хозяев, создал в округах управления, которые возглавили представители

белогвардейского офицерства. Они стояли на страже интересов белогвардейского движения и вели решительную борьбу с большевиками, выступающими за установление советской власти²⁸⁹. Располагая такими силами, денкинцы вкупе со своими вассалами в лице правителя Халилова и английскими покровителями вели себя в Дагестане самонадеянно и развязали беспощадный террор. Реквизиция и контрибуция явились основой денкинской политики. Их карательные отряды прошли по многим непокорным аулам Дагестана, предавая их огню и разрушениям, грабежам и насилиям. Газета «Вестник Дагестана», официоз временного правительства, возглавляемого Халиловым, понимая растущее недовольство денкинцами, вынуждена была сообщать об их массовых злодеяниях. В номере за 21 октября 1919 г. газета писала: «То, что позволяли себе казаки в горах, в особенности в сел. Доргели, не поддается описанию. Они снимали с женщин кольца, браслеты, серьги, ожерелья. Они оскорбляли жен в присутствии мужей, дочерей – при родителях, сестер – при братьях»²⁹⁰. Такие деяния были глубоко оскорбительны и нетерпимы для любого дагестанского мужчины.

Бесчинства денкинцев не знали границ. Ими были сожжены аулы Кадар, Доргели, Губден. Виселицы, массовые расстрелы рабочих, крестьян, обвиняемых в большевизме, бесшабашный пьяный разгул и грабежи стали обычным делом. Карательные отряды добрались до аулов Гуниб, Хунзах, Ахты, Кумух и других, располагавших крепостными сооружениями и уже потому представлявших для денкинцев потенциальную опасность. Каратели и здесь проводили предупредительно-профилактические меры, направленные на усмирение непокорных горцев. Спасаясь от карателей, более 7 тыс. человек из Кумыкской плоскости бежало в горы.

Опасаясь появления денкинских карателей в плоскостных селениях и их разорения, представители верхушечных прослоек и мусульманского духовенства агитировали население не выступать против денкинцев и не давать им повода для принятия жестких мер. Когда в селении Ботаярт Хасавюртовского округа появился отряд З. Батырмурзаева, известного революционера и писателя-драматурга, то сельская верхушка, опасаясь прихода денкинцев и их расправы, попросила его покинуть их село. Когда он не согласился, они арестовали его и расстреляли²⁹¹. В те же дни от рук денкинских палачей погиб и его отец, выдающийся писатель и просветитель кумыкского народа Нухай Батырмурзаев. Их трупы нашли в яме около станции Хасавюрт, куда были свалены трупы и других, расстрелянных денкинцами.

Расстрелы без суда и следствия стали повсеместным явлением, и чтобы создать хотя бы видимость какой-то законности и правопорядка, несколько приукрасить фасад военно-полицейского режима, установленного в Дагестане, и притупить бдительность трудящихся масс, был учрежден главный военно-шариатский суд. И первым крупным делом, проведение которого денкинцами было поручено военно-шариатскому суду, стал «процесс» над дагестанскими коммунистами, вошедший в историю как «суд палачей Дагестана над коммунистами». Под таким названием обвинительный акт главного во-

енно-шариатского суда был опубликован в бакинской газете «Молот» 15 июля 1919 г., навечно пригвоздив к позорному столбу имена палачей.

К материалам суда было предпослано небольшое редакционное предисловие. В нем отмечалось: «Мы помещаем полностью обвинительный акт, предъявленный коммунистическим борцам Дагестана добровольческим командованием и их подлыми агентами, наймитами, генералами, полковниками, предавшими свободный Дагестан правовому господству Деникина... Суд и следствие, назначенные для виду над горскими коммунистами, являются сплошной издевательской комедией. Участь их предрешена в кабинетах черных генералов...русские выделены из общего списка обвиняемых. Они переданы в непосредственное распоряжение добровольческих опричников. Какая участь ждет их, не приходится гадать. Но и дагестанцы коммунисты... не избежат той же участи революционеров, понавших в лапы реакции. Никого не может обмануть гнусная комедия холопско - «шариатского» суда»²⁹².

Как отмечала газета, коммунисты Дагестана достойно вели себя на суде. Судебный процесс они фактически превратили в суд над английскими империалистами, белогвардейцами и их холопами – правителем и членами временного правительства. В своем последнем слове на суде руководитель дагестанских коммунистов говорил: «... Вы расстреляете меня и тысячу, подобных мне, но ту идею, которая живет в нашем народе, ее вы не сумеете расстрелять. Я смело иду навстречу палачам и твердо уверен, что возмездие близко и лучи освобождения проникнут в веками порабощенные ущелья гор Дагестана... Я твердо убежден в победе Советской власти и Коммунистической партии и готов умереть за их торжество»²⁹³.

На одном этом примере можно убедиться в том, каков был накал классовой борьбы в Дагестане, когда ради идеи отец шел на сына, брат на брата. Выходец из княжеского рода Тарковских, руководитель дагестанских коммунистов, У. Буйнакский выступал против всего того, что олицетворял уходящий в прошлое, прогнивший строй князей, помещиков, буржуазии, который защищал его сородич, министр обороны временного правительства князь Н. Тарковский.

Денкинцы и их наймит, «повелитель» Дагестана генерал Халилов сознавали, что у них остается мало времени повелевать, и торопились обезглавить поднимающееся против них мощной волной народное восстание. Послушный их воле, но вырядившийся в дагестанскую черкеску, военно-шариатский суд на своем заседании 18 июля 1919 г. приговорил к смертной казни Уллубия Буйнакского, Саида Абдулгалимова, Абдулмеджида Алиева, Абдурахмана Исмаилова и Абдул-Вагаба Магомаева. Дело Оскара Лещинского, видного деятеля партии, арестованного вместе со всеми, было выделено в особое производство и передано в военно-полевой суд, поспешивший также вынести ему смертный приговор²⁹⁴. Остальные из арестованных в количестве 23 человек были приговорены к различным срокам каторжных работ²⁹⁵.

На рассвете 16 августа 1919 г. втайне на бронепоезде вывезли У. Буйнакского и четырех его товарищей, вместе с ним приговоренных к расстрелу,

подальше от Петровска, к глухой станции Темиргое и расстреляли их недалеко от железнодорожного вокзала²⁹⁶. В августе 1919 г. был схвачен агентами контрреволюции отважный революционер, один из видных борцов за установление советской власти Гарун Саидов. Когда речь шла о коммунистах, деникинский суд был безоговорочен и беспощаден. Он был приговорен к смертной казни, которая сразу же была приведена в исполнение²⁹⁷.

После расправы над коммунистами, руководителями антиденикинского движения и революционных выступлений трудящихся против халиловского временного правительства, оставшиеся на свободе члены Дагестанского обкома партии и военного совета отступили в горы и обосновались в селении Леваша Даргинского округа. Они восстановили связь с подпольными сельскими и городскими партийными организациями и группами. В Левашах была налажена деятельность Дагестанского обкома партии. В помощь дагестанским большевикам Реввоенсовет XI армии командировал в Дагестан в качестве своего представителя Б.П. Шеболдаева, хорошо знавшего как Кавказ, так и Дагестан с 1917 г.²⁹⁸

В активную борьбу с Добровольческой армией вступали сторонники и последователи шейха-уль-ислама А.-Г. Акушинского. Хорошо знавшая положение в Дагестане бакинская газета «Молот» 31 июля 1919 г. писала, что борьба с повстанцами Акушинского в Дагестане принимает затяжной характер. Деникинским частям, действующим против повстанцев, деятельную помощь оказывают так называемые «правительственные» войска – несколько рот, оставшихся еще от горского правительства. Они состояли в большинстве из дагестанского офицерства, облагодетельствованного еще при царизме и оказавшего помощь Халилову в свержении горского правительства.

Первый крупный бой повстанцев с частями Добровольческой армии произошел у селения Дженгутай. Слабо вооруженные и менее организованные, чем регулярные деникинские части, повстанцы, несмотря на беззаветную храбрость, потерпели серьезное поражение и отступили к селению Кадар. Убедившись в значительном перевесе вооруженных сил противника, повстанцы перешли от наступательной тактики к оборонительной.

Одновременно добровольческие отряды совместно с частями Халилова окружили крупное селение Кумторкала, ставшее одним из опорных пунктов большевиков и центром антиденикинского движения. Селение было окружено значительными силами, и потому его жители вынуждены были согласиться с предъявленным им ультиматумом и сдать оружие²⁹⁹.

Какие меры приходилось принимать правителям Дагестана, чтобы добиться «послушания» от непокорных крестьян, сообщалось в очередном номере той же газеты «Молот». Добровольческая армия Деникина, накопившая опыт грабежа и разграбления десятков аулов в Кабарде, Осетии, Ингушетии и Чечне, приступила к этой грязной работе и в Дагестане. И здесь целые аулы, не пожелавшие смириться с «благами», которые им обещала Добровольческая армия, были преданы огню и грабежу. Аулы Нижний и Верхний Дженгутай, Доргели и Кадар были уничтожены бомбардировками из аэропланов и обстрелами из пушек. Уцелевшее имущество жителей аулов, вплоть

до женской и детской одежды, было разграблено добровольцами. Оставшиеся в живых старики были признаны военнопленными и согнаны в Темир-Хан-Шуру.

В то же время на страницах реакционных буржуазных газет можно было читать жалобы о действиях красных комиссаров, якобы творимых ими поджогах, грабежах и насилиях красноармейцев. И кто не был знаком с действительным поведением красных, «принимают на веру ложь буржуазной прессы, рассчитывающей вообще на провокацию и на односторонне-тенденциозное освещение фактов» – утверждала газета. Ведь за время нахождения социалистов у власти в Дагестане не было ни одного случая расстрела или расправы с контрреволюционным офицерством, семьи которых благополучно проживали в Темир-Хан-Шуре. Газетная информация, подписанная псевдонимом «Горец», заключала, что... «в действительности же красные в тысячу раз гуманнее и человечнее, чем «спасители народа» из лагеря добрармии»³⁰⁰.

Если даже допустить, что эта небольшая заметка была написана коммунистом или человеком, симпатизировавшим Коммунистической партии и потому постаравшимся как можно негативнее показать деяния белогвардейцев, трудно не поверить приведенным фактам. Ведь весь путь деникинцев через Кабарду, Осетию, Ингушетию и Чечню отмечен не менее тяжкими преступлениями.

Об актах насилия деникинцев над мирным населением писали не только газеты, об этом сообщали откровенно и они сами. Начальник деникинской разведки в своем донесении командованию, находящемуся в Таганроге, сообщал: «Многие селения прибрежной полосы Дагестана содействуют мятежникам. Беря в свои руки обеспечение нашего господства в этом районе, полагаю уничтожить все селения, жители которых укрывают мятежников или выступают против наших частей»³⁰¹. Если подумать всерьез, то как можно было такими насильственными мерами приручить свободолюбивых горцев и возродить «единую, неделимую Россию». Естественно, после таких расправ сопротивление горцев разгоралось с новой силой.

Нельзя сказать, что большевики не расправлялись со своими противниками. Такое утверждение тоже было бы ошибкой. Но такие проступки, когда они становились общеизвестными, часто рассматривались как нарушения революционной законности, с наказанием виновных, допустивших их.

Хотя враги народа жестоко расправились с видными деятелями Дагестанской областной партийной организации РКП(б) и активными борцами за власть Советов в Дагестане, это не сломило волю коммунистов к свержению Временного правительства и изгнанию деникинцев. В начале сентября 1919 г. Дагестанский областной комитет обратился к трудящимся Дагестана с призывом подняться на борьбу с Добровольческой армией. В воззвании отмечалось, что за два с лишним года свержения царизма дагестанские народы стали свидетелями сплошного предательства и измены лакеев – русских офицеров, беков и богатых людей Дагестана, которые унизили святую память великого имама Шамиля, выдвинув в качестве его преемника крупного

овцевода лжеимама Н. Гоцинского, пролившего потоки крови бедноты и причинившего неисчислимые бедствия народу. Беки и офицеры Дагестана, говорилось в воззвании, устами Гоцинского уверяли народ, что они защищают исламскую религию и его свободу, но лживость их заверений стала ясна всем, когда они во главе с князем Н. Тарковским и генералом Халиловым перед приходом турок пригласили генерала Бичерахова.

После ухода турок было организовано горское правительство, члены которого оказались подкупленными агентами Деникина. Большевики всегда предупреждали народ, что беки, офицеры, богачи предадут его в самую критическую минуту, что подтвердилось и в данном случае. Поэтому Дагестанский обком партии призывал весь народ Дагестана подняться на решительную и беспощадную борьбу против деникинцев и всех офицеров и беков, торгующих своей совестью, религией, свободой и всем, что чтит народ. Большевики призывали, не дожидаясь установления советской власти в центре, создавать сельские Советы, из представителей сельских Советов организовывать окружные Советы и на окружных съездах выбирать своих уполномоченных в областной Совет³⁰².

Тяжелое положение трудящихся, непрерывные грабежи и насилия деникинско-халиловских отрядов над беззащитным населением, насильственная мобилизация горцев и отправка необученных солдат против воставшего народа – такие сообщения поступали отовсюду, свидетельствуя о широком недовольстве народных масс. Газета «Рабочий путь» в номере за 7 сентября 1919 г. информировала, что доведенный до отчаяния безоружный, «обезглавленный» народ восстал и пошел на отчаянную схватку. Прибывшие в Баку жители Дагестана сообщали, что восстание охватило всю его горную часть. В ауле Хаджал-Махи восставшие разбили и изгнали отряд своего Иуды – полковника Магомедова. В Левашах была отчаянная схватка между населением и гарнизоном. Казаки были разбиты и бежали в Темир-Хан-Шуру. Находившийся под арестом народный вождь А.-Г. Акушинский был освобожден, были выпущены и другие арестованные. Восстание перекинулось и в Аварию, до этого занимавшую пассивную позицию³⁰³. Деникинская разведка в своем донесении от 8 сентября с тревогой отмсчала, что восстание в Дагестане принимает стихийный характер и охватывает все новые районы. Ночью повстанцы пошли в атаку для захвата Дербента, но были отброшены деникинскими частями. Но к вечеру наступление повстанцев усилилось, мусульмане и городская милиция примкнули к восставшим, и деникинцы вынуждены были оставить «черную» часть города³⁰⁴.

В Казикумухском округе повстанцы задержали на границе начальника округа, пытавшегося скрыться. Казачий гарнизон в 50 человек был обезоружен и содержался на правах военнопленных. Было захвачено 4 тыс. винтовок, 2 пулемета и масса патронов. В Мекегинском ущелье был разбит казачий отряд и захвачено много казаков. После этого успеха повстанцы спустились с гор и захватили Дешлагар³⁰⁵.

Обеспокоенный тревожным положением в Дагестане, Деникин еще 9 сентября телеграфировал генералу Эрдели: «Из последних донесений видно,

что части, действуя маленькими отрядами без определенного плана, дали возможность повстанцам Дагестана сорганизоваться и вести планомерную борьбу с нашими войсками, в результате налицо печальные результаты...»³⁰⁶. Боевому и опытному генералу царской армии, действовавшему прямолинейно и беспощадно ради возрождения в прежнем имперском духе «единой, неделимой России», не дано было понять, что ошибки, приведшие к печальным результатам, заключались не в тактических просчетах и что в борьбе с народом никакая тактика и стратегия не могли помочь. Поэтому остались невыполненными и не могли выполняться требования Деникина «...напряжения всех сил, быстрой ликвидации разрастающегося восстания...», мобилизации всех, кого можно, и ведения боевых действий планомерно и крупными частями³⁰⁷.

Повстанцы на первом этапе всенародной борьбы против деникинцев не сумели довести до конца успешно начатое восстание. Они не выдержали натиска хорошо вооруженного противника, который втрое превосходил повстанцев не только военной техникой, но и располагал опытными офицерскими кадрами, имел палаженное материально-техническое обеспечение, организацию войск. Людские ресурсы деникинских частей были усилены воинскими формированиями временного правительства Халилова и мобилизациями среди мирного населения. Деникинцев поддерживали английские интервенты. Представитель английской миссии в Закавказье Роуландсон заявлял: «... Англия помогает Деникину снаряжением, танками, аэропланами, пушками, пулеметами и будет помогать ему до исполнения его цели... Будет очень жалко, если придется обратить это оружие против горцев, и их аулы будут разрушены, как это было с Левашами, Дургели и другими гнездами большевизма»³⁰⁸.

В сентябре Роуландсон обратился к представителям Ингушетии, Чечни и Дагестана и к тем, кто мог поддержать их в борьбе против Деникина. Он объявил им, что правительство Англии поддерживает генерала Деникина и его цели. Чтобы у них не было двусмысленностей в понимании того, о каких целях идет речь, он добавлял: «Цели генерала Деникина – уничтожение большевизма, возрождение неделимой России и широкое самоопределение русских народов». Попутно он осведомил представителей Ингушетии, Чечни и Дагестана, видимо, для того, чтобы они не питали надежд на получение помощи от Грузии и Азербайджана в своей борьбе против деникинцев, поскольку предупреждены, чтобы помогали Деникину в борьбе с большевиками. Иначе их действия будут рассматриваться Англией как акт недоброжелательства к союзникам.

Представитель английской миссии был очень обеспокоен тем, что в Грузии и Азербайджане, оказывается, есть те, которые поддерживают восстание, поднятое в Дагестане и Чечне. В этом он не ошибался, таких было очень много и их становилось все больше. Они были не прочь поднять такое же восстание и установить советскую власть.

Обращение Роуландсона завершалось на оптимистической ноте. Он уверял представителей восставших народов Ингушетии, Чечни и Дагестана,

что конец большевизма близок, войска Деникина уже находятся в 300 верстах от Москвы и Россия, очищенная огнем и кровью, станет великой и неделимой³⁰⁹. И хотя он грозился немедленным наказанием всех, кто будет мешать этому, это не помогло. Народы всего Кавказа не послушались его и не дали ему возможности взять Москву.

Вместе с тем материальная и моральная поддержка, оказанная Англией Деникину в тот период, помогли ему одержать победу над слабовооруженными и недостаточно организованными повстанцами. Горцы, проявлявшие на поле боя чудеса храбрости, в силу отсутствия единого руководства оказывались в меньшинстве перед противником, наступавшим крупными воинскими частями, натиск которых они не всегда выдерживали. Восстание начиналось часто там, где деникинские отряды проводили карательные экспедиции против жителей тех или иных аулов, и пока к ним приходила помощь из соседних аулов, они успевали подавить выступление.

Июльское восстание произошло вначале в центральном районе Дагестана, но когда повстанцы под давлением превосходящих сил противника вынуждены были отступить, в бой вступили повстанцы Южного и Северного Дагестана. Разбить разрозненные силы повстанцев, к тому же не имевших в отличие от противника не только пушек, аэропланов, но даже и пулеметов, не представляло большого труда для регулярных воинских частей, что и произошло.

Однако первое антиденикинское выступление горцев имело огромное значение для отвлечения основных сил Деникина, наступавших на Москву и Астрахань. Генерал Эрдели, рисуя тяжелое положение своих войск, настойчиво просил Деникина: «Все силы, имеющиеся в моем распоряжении в южном районе, привлечены к решению боевых задач в Дагестане... Необходимо весьма срочно выслать пополнение из офицеров и казаков»³¹⁰.

Насилия и издевательства деникинцев и их дагестанских пособников усиливались. Поборы и контрибуции, настойчиво проводимая мобилизация горцев вызывали общее нарастающее недовольство трудящихся масс. На сельских сходах население выражало свое отрицательное отношение к деникинцам и решимость бороться с захватчиками до конца.

Хотя восстание считалось подавленным, но разрозненные выступления продолжались. Начиная с сентября такие выступления активизировались и приобретали все более масштабный характер. Каждая попытка деникинцев укрепиться в том или ином месте встречала решительный отпор горцев. Когда 7 сентября для отвоевания Левашей – важного узлового пункта на пути из равнинного к горному Дагестану был направлен крупный карательный отряд, тут же собрался повстанцы Урахи, Мекеги, Девга и других селений, чтобы дать отпор деникинцам.

Повстанцы под руководством Г. Далгата, О. Османова, Р. Нурова и Х. Мустафаева, вооруженные в основном шашками, кинжалами и частично винтовками, оказали упорное сопротивление деникинским войскам. В жестоких боях на Мекегинском перевале и в долине Аякака они разгромили хорошо вооруженного противника.

Как писала газета «Вестник Дагестана», издаваемая деникинцами, в том бою они понесли тяжелые потери: погибли 44 офицера, в том числе командир карательного отряда полковник Лавров, и 681 казак. Повстанцы захватили 19 пулеметов, 6 орудий, около тысячи винтовок, 60 арб с патронами и снарядами, много продовольствия и медикаментов, лошадей и т. д. Этот успех окрылил горцев и имел большое значение для повышения их боевого духа, роста повстанческого движения.

Крупные выступления произошли в Гунибском и Аварском округах, где находились сильные деникинские гарнизоны. Попытка хунзахского гарнизона прорваться в Темир-Хан-Шуру не удалась, путь им преградили повстанцы. Тогда части хунзахского и казикумухского гарнизонов решили соединиться с гунибским и общими силами (примерно 500 деникинцев при 40 офицерах) выбраться в Темир-Хан-Шуру. Однако в многочисленных сражениях на пути в Темир-Хан-Шуру деникинские воинские части в основном были уничтожены и до намеченной цели дошли лишь жалкие их остатки³¹¹.

Деникинцы не успевали подавить восстание в одном округе, как оно начиналось в другом или же повторялось в том же самом. Горцы не могли смириться с насилием, грабежами, расстрелами, которыми сопровождался их приход, и вновь брались за оружие. В Самурском округе мобилизация людей в армию проводилась под угрозой принятия жестоких репрессий против тех, кто отказывается от службы. Начальник округа полковник Т. Магомедов требовал выставить добровольцев от каждого двора, обеспечив его конем, винтовкой с патронами и одной буркой. На крестьянские хозяйства это ложилось непосильным бременем и вызывало всеобщее возмущение.

В Кюринском округе от возмущения перешли к активным действиям против деникинцев. Здесь под руководством большевиков были проведены три съезда представителей аулов, на которых обсуждались вопросы подготовки и проведения восстания. Были сформированы отряды, вооруженные ружьями и кинжалами. 29 августа они захватили Касумкент, уничтожив находившийся там военный гарнизон. Был создан съезд представителей повстанцев, на котором избрали временный окружной ревком.

Повстанцы, окрыленные успехом, решили подготовить наступление на Белиджи и Дербент, где были сосредоточены более крупные силы деникинцев. Для этого они не только решили объединить все силы округа, но и связались с руководителями антиденикинского движения Самурского, Кайтаго-Табасаранского и Даргинского округов. Для участия в этом наступлении из Самурского округа пришли 450 человек, Кайтаго-Табасаранского – 500 человек и Даргинского – 200 человек. Для участия в этом походе собралось около 7 тыс. партизан. По мере продвижения к Дербенту к повстанцам присоединялись и другие повстанческие отряды.

С самого начала второе восстание приобрело более организованный и масштабный характер. Если в первом восстании в повстанческие отряды мобилизация шла из расчета один человек от десяти дворов с оружием и обмундированием, то во втором восстании, начавшемся в конце августа – начале сентября, решено было, чтобы на борьбу против деникинцев встали

почти все, способные носить оружие. Восстание, таким образом, приняло общенародный характер и было направлено на разгром деникинцев, вызывавших всеобщее недовольство.

Основной движущей силой восстания были широкие народные массы, рабочий класс и трудовое крестьянство³¹². Раскрывая характер восстания горцев, Кавказский крайком РКП(б) в докладах в ЦК РКП(б) писал: «В настоящее время Дагестан объят восстанием... Настроение населения разбито по классам и округам. Беднейшие классы настроены наиболее непримиримо и готовы сражаться до последней капли крови; более зажиточные (мелкая буржуазия) колеблются и готовы помириться с казаками при условии известных уступок со стороны Деникина»; интеллигенция держится в стороне от восстания. Помещики и беки целиком на стороне Деникина. Ближайшие к морю плоскостные округа, как испытавшие наибольшую тяжесть казачьего ига, настроены непримиримо... Более удаленные горные округа... более склонны идти на уступки»³¹³.

В докладе отмечалась и роль духовенства, его видных деятелей в антиденикинских выступлениях. Указывая, что наиболее известные духовные деятели, такие как А.-Г. Акушинский, Узун-Хаджи и Ибрагим-Хаджи Гунибский играли в восстании важную роль, в докладе обращалось внимание на их непоследовательность. Они пытались ограничить цели восстания и свести его лишь к освобождению Дагестана от «гяуров» (неверных) и на этом завершить его. Хотя к большевикам мусульманское духовенство в целом было настроено отрицательно, но в той конкретной обстановке оно шло на сотрудничество с ними.

В горском межделие была представлена и мало кому известная мелкобуржуазная партия, видевшая свою задачу в восстановлении Горской республики. Среди населения эта партия не пользовалась какой-либо поддержкой.

В том же докладе подчеркивалось, что наиболее влиятельной среди горцев политической силой была Коммунистическая партия, хотя ее руководство и было обезглавлено. Оставшиеся в живых известные деятели Дагестанского подпольного обкома партии перебрались в Баку и оттуда налаживали свои связи с массами. В сентябре они вернулись в Дагестан и приступили к созданию новых и восстановлению прежних местных партийных организаций. Это не встречало больших трудностей, поскольку настроение в широких массах крестьянства плоскостных и ближних к побережью Каспийского моря округов было большевистское. В их лице большевики имели твердую опору³¹⁴.

Просматривается еще одна характерная черта борьбы, которую вели дагестанские народы против деникинцев. Она превратилась в общенародную освободительную войну против не только «чужих» казаков – белогвардейцев, но и «своих» горцев – контрреволюционеров. К концу сентября в восстании участвовали все округа Дагестана, за исключением Аварского и Андийского. Под влиянием полковника К. Алиханова Аварский округ не примкнул к вос-

станию. Андийский округ поддержал восстание в Чечне, которое было начато еще раньше, и его возглавлял известный и в Дагестане Узун-хаджи³¹⁵.

Разгром деникинцев и восстановление советской власти. Антиденикинское восстание в Дагестане было начато в сложное и трудное время, когда страну осадил со всех сторон вооруженные силы интервентов и белогвардейцев. Главной ударной силой контрреволюции стала Добровольческая армия Деникина, щедро финансируемая и снабжаемая ее зарубежными покровителями. Военный министр Англии У. Черчилль 10 октября 1919 г. телеграфировал адмиралу Колчаку, что английский кабинет по его просьбе выделяет 14,5 млн. фунтов стерлингов на покупку снаряжения и вооружения для генерала Деникина. Одновременно отмечалось, что британская миссия на юге России будет состоять из 2000 офицеров и сержантов³¹⁶. О характере деятельности этой миссии в Дагестане выше уже говорилось.

Еще ошутимее была помощь оружием, оказываемая Антантой деникинцам. Представитель Деникина в Париже генерал Щербачев 15 октября сообщал, что для деникинцев из Англии было отправлено 150 тыс. и из Румынии – 80 тыс. винтовок. Из Армении деникинцы получили еще 70 тыс. винтовок. Такую же помощь белогвардейцам оказывали и правящие круги Франции.

Противостоять такой мощной ударной силе внутренней и внешней контрреволюции, как Добровольческая армия, было трудно не только Дагестану, но и России с ее разоренной экономикой и расстроеным транспортом, к тому же оставшейся без ряда военно-промышленных центров. Разрастающееся в Дагестане антиденикинское движение остро нуждалось в материально-финансовой и военно-технической помощи. Все обращения из Дагестана в центр и край содержали просьбы именно такого характера. Представитель Кавказского краевого РКП(б) В.Н. Нанейшвили обращался в Астрахань к С.М. Кирову. В телеграмме он проинформировал его о положении в Грузии, Азербайджане и в Дагестане. В частности, он отмечал: «...Движение в Дагестане и вообще в горах ширится и крепнет... Движением охвачен весь Дагестан целиком... Но для продолжения борьбы Дагестану крайне необходимы деньги (и много) для содержания организуемых регулярных частей, оружие и патроны к ним в большом количестве»³¹⁷.

В обращении к Центральному Комитету РКП(б), Совнаркому, Советской России также ставились вопросы значительного усиления помощи горцам, воюющим против хорошо вооруженной деникинской армии почти безоружными, имея лишь кинжалы, ружья и в лучшем случае винтовки, и то добытые в бою. Поэтому крайком партии просил ЦК РКП(б) оказывать горцам систематическую помощь людьми, деньгами, обмундированием и оружием.

Краевой комитет РКП(б) просил Центральный Комитет и Совнарком РСФСР прислать подводные лодки или в крайнем случае обеспечить их появление у кавказских берегов при наступлении на Порт-Петровск и Дербент, отправить 10 тыс. винтовок и 10 млн. патронов, согласовать действия астраханской армии с действиями чеченской при наступлении на Кизляр и т.д.³¹⁸

Помощь оказывалась, но она часто задерживалась, и поступала часто значительно меньше, чем даже запрашивалась, и в не очень больших объемах. По крайней мере, она была меньше того, что получала деникинская армия из западных стран и Америки.

Нередко дагестанским повстанцам приходилось добывать оружие в бою. В номере от 23 сентября газета «Беднота» информировала своих читателей, что после разгрома казачьих частей в районе Дешлагара было захвачено у противника 13 орудий, много снарядов, винтовок и патронов, 27 пулеметов и под Касумкентом – 12 пулеметов, 200 винтовок, 15 лошадей и большое число патронов³¹⁹.

Из информации, полученной из Касумкента и опубликованной в газете «Азербайджан» 25 сентября 1919 г., видно, что в Касумкенте были перебиты 150 казаков и мобилизованных ими новобранцев. Из Дербента на помощь к касумкентскому гарнизону было послано подкрепление, которое также было уничтожено. Спаслось только несколько человек³²⁰.

В телеграмме С.М. Кирова В.И. Ленину 16 октября сообщалось, что в ряде боев повстанцами Дагестана захвачено 16 орудий, десятки пулеметов, более 3 млн. патронов. Были уничтожены воинские гарнизоны, расположенные в горных округах, в боях были убиты до 3 тыс. казаков³²¹.

Добытое в боях оружие не снимало проблему вооружения восставших. Повстанцам постоянно не хватало оружия. Но несмотря на это, они дали священную клятву решительно вести неравную борьбу до окончательного изгнания палачей и угнетателей народа Дагестана или с честью умереть – общал корреспондент, обратившийся в газету «Азербайджан»³²².

Восстание против деникинцев разрасталось в Чечне и Ингушетии. 28 сентября под Грозным разыгралось крупное сражение между горскими повстанческими частями и четырьмя полками корпуса Шкуро. Эти полки были сняты с главного направления движения корпуса, нацеленного на взятие Москвы, и переброшены на юг для подавления восстания. В этом бою были взяты большие трофеи: 28 орудий, 31 пулемет, много пулеметов, огромное количество патронов, обоз. Остатки добровольцев отступили к Кизляру.

К 7 октября повстанцами были очищены от деникинцев все укрепленные населенные пункты, заняты города Грозный, Темир-Хан-Шура и Дербент, который продолжал обстреливаться кораблями деникинцев. За ними оставался Порт-Петровск, но в его окрестностях уже шли бои³²³.

Повстанцам трудно было освободить город с ходу, поскольку в нем находились значительные силы белогвардейцев: 2 гарнизона в составе 2800 человек, 4 аэроплана, способные вести бомбардировки с воздуха, 14 военных судов, находящихся у острова Чечень и в Петровском порту. Всего по линии Темир-Хан-Шура – Петровск было расположено около 5 тыс. войск, которых деникинское командование могло быстро собрать и провести крупные операции для разгрома восставших аулов и округов. Необходимо было объединить силы повстанцев, чтобы дать решительный отпор белогвардейцам³²⁴.

С этой целью 19 октября 1919 г. в селении Леваша под предводительством шейх-уль-ислама Али-Гаджи Акушинского состоялось чрезвычайное

собрание предводителей борющихся на фронтах групп, которые решили в интересах спасения родины от анархии и нашествия врага организовать Совет обороны Дагестана. Он создавался временно, до образования высшего органа управления Дагестаном для объединения народных сил на борьбу с Деникиным.

Совет обороны Дагестана обратился к народам и войскам с призывом объединить свои силы для солидарной и организованной работы по защите родины, установления сознательной дисциплины в армии и для честного исполнения гражданского долга населением³²⁵.

Буквально на другой день 20 октября Совет обороны Дагестана обсудил вопрос о создании постоянного войска и его вооружении. На этом же заседании был утвержден проект постановления об объявлении мобилизации в Дагестане³²⁶. По округам были переданы распоряжения о проведении мобилизации и сборе средств у населения на приобретение оружия. Совет обороны Дагестана постановил собрать с каждого владельца крупного магазина двести патронов, владельца маленького магазина – 100 патронов, с каждого дома по 5 патронов для винтовок. Срок сбора патронов или средств на их приобретение устанавливался в 6 дней³²⁷.

Газета «Беднота» 23 октября 1919 г. информировала своих читателей о всеобщем восстании на Кавказе горских народов – дагестанцев, ингушей, чеченцев, кабардинцев. Все слои горских народов, доведенных до отчаяния зверствами деникинцев, отказались платить контрибуцию, дать требуемые полки для борьбы против советской власти и бросились в бой с офицерскими казачьими регулярными частями, решив победить или умереть. Всеобщий энтузиазм, доходивший до фанатизма, сообщила газета, охватил также женщин, детей и стариков, на которых ложится снабжение повстанческих отрядов³²⁸.

Выступая 30 октября на пленуме Астраханского городского Совета депутатов и губисполкома, С.М. Киров отмечал, что на Северном Кавказе все «находится сейчас там в рядах революционных войск. Поднялся, буквально, весь народ... Особенно сильно сказались варварство Деникина. И если они дали клятву умереть в борьбе с Деникиным, то значит не от хорошей жизни»³²⁹.

Несмотря на повсеместное выступление горцев против белогвардейцев, из-за недостатка оружия и плохой организованности они несли большие потери. Обладая превосходством в вооружении, деникинцы стремились отвоевать ранее сданные ими позиции, улучшить и укрепить свое военное присутствие в Дагестане. 7 ноября 1919 г. конные и пехотные части Добровольческой армии повели наступление со стороны Манаса на крупный населенный пункт Карабудахкент и захватили его к 2 часам дня. Оставшиеся в селе мужчины были насильственно мобилизованы в армию.

На другой день деникинцы начали наступление на селение Губден. Жители села послали навстречу наступающим 5 человек парламентариев с белыми флагами, но они были зарублены белогвардейцами. Когда «добровольцы» вошли в селение, то губденцы вступили с ними в рукопашную

схватку. После больших потерь повстанцы отступили и оставили селение. 9 ноября деникинцы продолжили дальнейшее наступление и захватили селения Дешлагар и Буйнак.

Но 11 ноября этим селениям подоспела помощь. Повстанцы освободили занятые белогвардейцами селения. При занятии Губдена дагестанские повстанцы захватили в плен 195 человек казаков.

Безоружным повстанцам трудно было удержать в своих руках завоеванные позиции. Случаев перехода селений из одних рук в другие было множество, что подчеркивало остроту борьбы, которую вели не на жизнь, а на смерть. На Дербентском фронте деникинцы 15 ноября повели наступление крупными силами под прикрытием артиллерийского огня с моря и суши. Партизанские и красноармейские части вынуждены были отступить к селению Рукель.

Но деникинцы недолго радовались своим успехам, 17 ноября повстанцы и красноармейские отряды начали наступление на Дербент, где были сосредоточены значительные силы противника. В бою участвовал аэроплан, который был сбит.

Вот так, часто с переменным успехом шли бои. Но уже и наиболее ярые приверженцы Деникина чувствовали, что дни его сочтены. Дагестанцы все активнее включались в борьбу против Добровольческой армии, которую они в конце концов прогонят из Дагестана. Известный приверженец Деникина, царский офицер К. Алиханов, державший в своих руках Аварский округ, опасаясь за свою судьбу ввиду поворота в настроениях аварцев, бежал из крепости Хунзах в Темир-Хан-Шуру³³⁰.

Паника и разложение наблюдались не только среди сторонников, но и офицерской верхушки Добровольческой армии. В одном из разведдонесений в штаб Волжско-Каспийской военной флотилии 7 декабря 1919 г. сообщалось: «В Петровске почти каждую ночь поднимается стрельба и паника, неизвестно кем и почему... Офицерство кутит и пьянствует, что называется, во всю, кроме того занимается грабежами... за последнее время участились массовые случаи дезертирства офицеров». Все это возмущало и усиливало недовольство солдат, казаков и части офицерства. Настроение крестьян, рабочих и бедноты пробольшевистское, они, говорилось в донесении, ждут прихода красных³³¹.

Эти настроения усиливались и проявляли себя даже среди горцев, которые подпали под власть так называемого эмира Узун-Хаджи, утвердившего свою власть в горах Чечни, Ингушетии и частично Дагестана. В докладе командующего Красной Армией Н. Гикало в Реввоенсовет XI армии от 1 января 1920 г. говорилось: «Все горцы: дагестанцы, чеченцы, ингуши, кабардинцы знают, что спаситель их есть Советская власть, и с нетерпением ждут прихода Красной Армии»³³².

Это были не случайные наблюдения и поспешные выводы, а основанные на реальных фактах оценки. В то время в горах среди горцев находился отряд Красной Армии численностью до 1000 человек. Несмотря на попытки правительства эмирата, находившегося под турецким протекторатом, разо-

ружить отряд красноармейцев ему не удалось. Воинские части эмирата не выступили против отряда, несмотря на отданный приказ. Горцы активно выступили бы против Добровольческой армии, если бы они имели необходимое оружие. Отсутствие оружия и денег сдерживало их революционный порыв.

Разложение среди Добровольческой армии, рост недовольства населения белогвардейцами вынуждали деникинцев, чувствовавших приближение своей агонии, принимать все меры к удержанию и сохранению в Дагестане своей власти. 1 января 1920 г. Деникин телеграфировал командующему белогвардейскими частями на Северном Кавказе: «Ввиду значения Петровска, как единственной нашей базы, приказываю принять все меры к удержанию этого порта». Понимая, что выполнить приказ вряд ли удастся, в случае захвата Петровска он приказывал своим частям перейти в Баку, предварительно уведомив правительство Азербайджана, что этот акт не преследует никаких агрессивных целей и вызван необходимостью решить задачу сохранения флота для продолжения борьбы с большевиками на Каспийском море³³³. Даже в этих условиях он не забывал о своей главной цели – покончить с большевиками.

Сил для обороны Петровска у деникинцев оставалось все меньше. Из сообщения газеты «Азербайджан» от 19 января Дербент оказался в трудном положении. Восставшие дагестанцы при помощи 8 дальноточных орудий перерезали сообщение между Дербентом и Петровском. Направленные из Петровска на помощь Дербенту два бронепоезда с добровольцами под обстрелом из дальноточных орудий вынуждены были повернуть обратно. В самом Дербенте оставались небольшие части Добровольческой армии в 400 человек, с 20 пулеметами и 6 пушками³³⁴.

Тем временем коммунисты Дербента и Дербентского фронта готовились к восстановлению в городе советской власти. 20 января состоялось заседание Комитета РКП(б) Дербентского фронта, на котором рассматривался вопрос о мерах по освобождению Дербента. После обмена мнениями всех присутствующих на собрании было решено сразу по занятии Дербента образовать революционный комитет и приступить к подготовке созыва Совета рабочих и горский депутатов. Тут были намечены кандидаты в члены ревкома³³⁵.

Наконец утром 25 марта 1920 г., как сообщал начальник охраны азербайджанских железных дорог начальнику генерального штаба войск мусавитетского правительства Азербайджана, русские большевики вместе с дагестанцами начали наступление на город Дербент. После 3-часового боя деникинцы обратились к наступавшим, что они готовы сдать, но только туркам. Им это было разрешено³³⁶.

Повстанческое движение активизировалось и в других районах Дагестана. В переговорах по прямому проводу 29 января с С.М. Кировым командующий экспедиционным корпусом Ю.П. Бутягин докладывал, что красноармейский отряд, находившийся в его подчинении, занял кумыкскую линию от Александрьевской станицы по берегу Терека и по железной дороге от Хасавюрта, не доходя до Петровска, и очень радушно принят кумыками, уста-

новившими по аулам советскую власть. В разговоре выражалась мысль, что с приходом такого сильного отряда политическая ситуация, сильно колеблющаяся под ногами у шеболдаевского отряда из горцев, в районе Темир-Хан-Шуры окрепнет. Шеболдаев, опираясь на этот отряд, может противодействовать турецкому представителю Нури-паше, пытавшемуся перетянуть Шеболдаева на свою сторону. Опять для развития успеха, как считал Бутягин, нужны были деньги, особенно в советских купонах, которые предпочитает местное население³³⁷.

Нури-паша, получив от азербайджанского правительства значительные денежные средства, стал проводить независимую от Совета обороны Дагестана политику и добиваться всей полноты власти. Его политика была направлена против большевиков. Он отстранил от исполнения обязанностей уполномоченного Кайтаго-Табасаранского округа члена Дагестанского обкома РКП(б) М.Т. Ахундова, который 18 февраля 1920 г. сообщил об этом политическому комиссару при Нури-паше С. Дударову. В тот же день находившийся в сел. Башлы С. Дударов написал ему письмо с предупреждением, что при повторении таких случаев Нури-паша будет лишен полномочий главнокомандующего.

Отношения между Нури-пашой и Советом обороны резко обострились. 21 февраля 1920 г. Совет обороны постановил лишить Нури-пашу звания главнокомандующего, как не подчинившегося его власти. Ему было предложено выдворить из Дагестана турецких офицеров-инструкторов. Дагестанский обком поручил политическому комиссару М.Т. Франту ведение борьбы против Нури-паши.

Однако не все в Совете обороны стояли на таких принципиальных позициях и по отношению к нему проводили либеральную политику. Член Дагестанского обкома РКП(б) Б. Шеболдаев, М. Далгат и С.С. Казбеков 29 февраля обратились с письмом к политкомиссарам Кайтаго-Табасаранского фронта С. Дударову, М.Ахундову и А. Эфендиеву, в котором указывали на излишний либерализм Д. Коркмасова, проявляемый им по отношению к турецкому офицерству.

На ошибки, допущенные по отношению к Нури-паше, указывал и Кавказский крайком РКП(б) в специальном письме, переданном в Дагестанский обком РКП(б), где говорилось, что Нури-паша является агентом азербайджанского правительства, и поэтому поручил ликвидировать его контрреволюционную деятельность и изгнать из пределов Кавказа. Более того, Дагестанский обком РКП(б) располагал достоверными фактами о сношениях турецких офицеров с деникинцами и готовящейся ими акции к захвату власти в Дагестане.

В связи с недостатком продовольствия, теплой одежды для обеспечения своих войск, А.-Г. Акушинский также склонялся к мысли о необходимости вступить в переговоры с деникинцами об условиях перемирия. Ведение переговоров он поручил Нури-паше. От председателя Дагобкома РКП(б) Д. Коркмасова Акушинский потребовал не мешать этому. Однако исполком Совета обороны, обсудив предложение, отклонил его как предательское³³⁸.

Командующий Темирханшуринским фронтом Казим-бей 5 марта был приглашен на вечернее заседание Совета обороны для объяснения начатых им тайных контактов с деникинцами. Получив приглашение, он понял, что против него могут быть приняты серьезные меры, и поделился своими сомнениями с Нури-пашой, который поддержал его.

Казим-бей решил опередить события и ночью прибыл в Леваши, окружил дом, в котором проходило заседание Совета обороны и арестовал руководителя, членов Совета и Дагестанского обкома РКП(б) Д. Коркмасова, С.-С. Казбекова, С. Дударова, М. Ахундова, Ш. Доветова, Б. Гаджиева, У. Алиева.

Во время ареста С.-С. Казбеков оказал сопротивление и по дороге в селение Урму его избили и расстреляли. Остальных также собирались расстрелять. Однако в Урме с тысячами своих бойцов появился А.-Г. Акушинский, который потребовал от Казим-бея освободить арестованных. Тот вынужден был подчиниться и освободить их. Он сам бежал в Какамахи, где его окружили плотным кольцом. Бросив две гранаты в окруживших его и сам получив ранение, он все-таки сумел вырваться из кольца и бежал в Азербайджан, а затем уехал в Турцию³³⁹.

Казим-бей, по своему характеру обладавший диктаторскими замашками, сорвал маску с турецких офицеров как спасителей Дагестана и помог народам Дагестана убедиться в том, что ждать от них освобождения не приходится.

Совет обороны и Дагестанский обком РКП(б) извлекли уроки из авантюры Казим-бея и приняли меры к изоляции турецких офицеров и добились их выдворения из Дагестана.

Под влиянием антитурецких настроений А.-Г. Акушинский вынужден был высказаться за изгнание турецких аскеров из Дагестана. Подобное высказывание имело большое влияние на принятие совещанием радикальных мер, способствовавших окончательному изгнанию из Дагестана и Северного Кавказа турецких аскеров³⁴⁰.

Против злодеяний Казим-бея и других решительно выступил Дербентский фронтовой комитет РКП(б), который созвал в селении Джалган экстренное совещание с участием старших красных командиров полка. Было принято решение немедленно арестовать всех турецких офицеров, для чего создать специальный смешанный отряд из русских и горских партизан и направить его в Маджалис для ареста Нури-паши. Но когда отряд прибыл туда, Нури-паши там не оказалось, еще 22 марта он бежал через горы в Азербайджан.

На Дербентском фронте были арестованы все турецкие офицеры во главе с Фуат-беєм, и их заменили дагестанцами. На Какашуринском участке отряд особого назначения, созданный большевиками, арестовал турецких офицеров, а командовавшего местными повстанческими силами Шукри-бея тут же расстрелял.

После убийства Казбекова Совет обороны Дагестана был обновлен и реорганизован. Он стал называться Революционным Советом обороны Се-

верного Кавказа. В новый состав Совета вошли Д. Коркмасов (председатель), М. Рамазанов (военный комиссар), Б. Алхасов (комиссар продовольствия), Ш. Доветов (председатель Военно-революционного комитета), О. Османов (комиссар внутренних дел), В. Гавриленко (командующий войсками), Мерземвский (комиссар почт и телеграфов), Ю. Молла-Магомедов (комиссар промышленности), А. Гусейнов (комиссар железных дорог), М. Далгат (комиссар финансов) и У. Алиев (комиссар просвещения) – всего 11 человек.

Характер реорганизации Совета свидетельствовал, что она проводилась с уверенностью скорого завершения Гражданской войны и создания органа, способного сразу же переключиться на решение задач мирного времени. Уверенность большевиков в скорой победе над врагами подкреплялась и наличием к тому времени в Дагестане двухтысячного коммунистического отряда и более 10-ти тыс. других войск. К тому же им на помощь спешила Красная Армия³⁴¹.

Реввоенсовет XI армии 20 марта 1920 г. издал приказ, согласно которому Н. Гикало силами своего отряда предлагалось занять Гудермес, а отряду А. Хорошева, восставшего под Кизляром, занять Хасавюрт. По распоряжению Г.К. Орджоникидзе другие части армии должны были занять Владикавказ и к 1 апреля сосредоточить свои главные силы в районе Гудермеса и Хасавюрта. Экспедиционному корпусу XI армии совместно с отрядом Гикало было приказано 28 марта овладеть Хасавюртом, что было выполнено успешно. В телеграмме в РВС Кавказского фронта С.М. Киров писал: «Восставшие против Деникина и эмирства кумыки почти хозяева в полосе от Хасавюрта до Петровска»³⁴².

При подходе Красной Армии к границам Дагестана обком РКП(б) дал задание повстанческим отрядам, чтобы они перешли в наступление на Дербент и Темир-Хан-Шуру, тем самым облегчая Красной Армии освобождение Порт-Петровска. 25 марта повстанческие части освободили Дербент. В боях за Дербент отличился I Дагестанский полк, составленный в основном из партизан Кюринского округа. За боевые заслуги при освобождении города от белогвардейцев полк был награжден почетным революционным знаменем³⁴³.

Революционный Совет обороны 25 марта организовал наступление повстанцев на Темир-Хан-Шуру. К повстанцам присоединился отряд хунзахских партизан. 27 марта Темир-Хан-Шура была взята штурмом.

Вслед за Темир-Хан-Шурой настал черед Порт-Петровска. Деникинские офицерские части после упорных боев под селением Атлы-Буюн были разгромлены Армией свободы и особым экспедиционным корпусом XI армии. 28 марта 1920 г. красноармейские и повстанческие части вступили в Порт-Петровск.

При отступлении из Петровска деникинцы подготовили взрыв города. С этой целью был сформирован специальный поезд из 8 вагонов, наполненных взрывчаткой. Взорвать поезд прямо на станции должен был машинист паровоза М.Г. Хутинаев, родом из Осетии. Однако он проявил большое мужество и героизм и увел поезд далеко от города, к станции Уйташ и спас город от больших разрушений, которые могли произойти после взрыва³⁴⁴.

В антиденикинской борьбе особо отличились отряды селений Чох, Согратль, Салта, Ругуджа, Шалиб, Ириб, Хоточ, Кегер, Гиблиб Гунибского округа; Кумторкала, Нижнее Казанише, Кадар, Доргели, Нижний Дженгутай, Чиркей, Губден, Карабудахкент Темир-Хан-Шуринского округа; Унчукатль, Шовкра, Хулиσμα, Тухчар, Чуртах Кази-Кумухского округа; Урахи, Леваша, Хаджалмахи, Цудахар, Мекеги, Дешлагар, Мюрего Даргинского округа; Маджалис, Мугатыр Кайтаго-Табасаранского округа; все аулы Гюнейского и Кутуркюринского участков Кюринского округа; ряд аулов Самурского округа; Аксай, Котанаул, Ботаюрт, Бабаюрт, Ауховский и Салатавский участки Хасавюртовского округа Терской области; Анди, Годобери, Карата, Ахвах Андийского округа³⁴⁵.

По случаю освобождения Дагестана от деникинцев 2 апреля 1920 г. в Темир-Хан-Шуре был проведен парад победы. На параде в одном строю прошли части XI Красной Армии и Армии свободы, созданной в Дагестане. Победы добились в совместной борьбе русский народ и народы Дагестана, говорящие на разных языках, но хорошо понимавшие друг друга. Подчеркивая эту мысль, выступавший на параде представитель Красной Армии говорил: «Мы поняли друг друга, несмотря на то, что говорили на разных языках, поняли общую идею»³⁴⁶.

Когда еще шла антиденикинская борьба, продолжавшаяся с июля 1919 г. по март 1920 г., В.И. Ленин писал, особо отмечая роль Кавказа в той войне: «Мы твердо уверены в нашей победе над Юденичем и Деникиным. Не удастся им восстановить царской и помещичьей власти. Не бывает этому! Крестьяне восстают уже в тылу Деникина. На Кавказе ярким пламенем горит восстание против Деникина»³⁴⁷.

Глубоко символично, что еще тогда, в период всенародной борьбы дагестанцев против белогвардейских белоказачьих войск Деникина, в печати Дагестан был назван «Красным». Газета «Новый мир» писала: «Уже 7-й месяц, как горные аулы Красного Дагестана сражаются с черной реакцией Деникина, пытающегося вновь накинуть петлю на шею свободных горцев. В невероятно тяжелых условиях, при отсутствии продовольствия, одежды, оружия и других необходимых припасов, Красный Дагестан гордо отстаивает свою свободу»³⁴⁸.

Тяжело пришлось генералу Деникину из-за восставшего против него Дагестана, что он и сам признал в своих воспоминаниях. В период своего наступления на Москву он вынужден был перебросить на юг дивизию генерала Шкуро. В Порт-Петровск были переброшены деникинские воинские части из Владикавказа и Грозного. Это подорвало боевой наступательный дух деникинской армии, подступившей достаточно близко к Москве, и помогло Красной Армии разгромить довольно сильного, поддерживаемого всей Антантой противника.

Вместе с тем главной, решающей силой, разгромившей не только внутренних белогвардейцев, но и иностранных интервентов, была Красная Армия, в составе которой против контрреволюционных офицеров воевали и такие генералы, как прославленный герой Первой мировой войны А.А. Бруси-

лов. В тяжелое для советской власти время, когда в 1920 г. части Красной Армии вели бои с польскими войсками Пилсудского, вторгшимися на территорию Советской России, он не только сам стал сотрудничать с большевиками, но и призвал других офицеров к этому. Объясняя мотивы своего поступка, А.А. Брусиллов писал: «Я видел, что ни одна партия не обещает народу того, что сулят большевики: немедленно мир и немедленно дележ земли. Для меня было очевидно, что вся солдатская масса обязательно станет за большевиками»³⁴⁹.

Красная Армия оказала большую помощь в установлении советской власти и на национальных окраинах, в том числе на Кавказе. В этом смысле можно как-то понять современных исследователей, пишущих о том, что советская власть на Кавказ была принесена на штыках Красной Армии. Но они при этом упускают из виду, что Красная Армия не смогла бы занести сюда и утвердить здесь советскую власть, если бы народы Кавказа не поняли и не приняли бы ее как свою власть. Тогда Красную Армию ждала бы в Дагестане судьба Добровольческой армии и других контрреволюционных сил.

В дни освобождения Дагестана значение этого события, как и других событий этого ряда, глубоко и точно подметил член Реввоенсовета Кавказской армии Г.К. Орджоникидзе. 2 апреля 1920 г. из Грозного в Москву он телеграфировал В.И. Ленину: «...Осетины, ингуши, кабардинцы, дагестанцы, балкарцы проникнуты полным сознанием могущественности Советской власти и безграничным доверием к ней. Революционное настроение масс во многих местах достигает такого напряжения, что еще задолго до прихода к ним Красной Армии население по собственной инициативе сбрасывает власть белых, избирает ревкомы, состоящие исключительно из одних коммунистов...»³⁵⁰.

Активный участник Гражданской войны на Кавказе и видный деятель Советского государства А.И. Микоян в 1925 г. писал: «В те тяжелые дни, когда белые полчища Деникина занимали один за другим подступы к пролетарской столице – Красной Москве, дагестанские народы, эти славные горные орлы, оказали величайшую помощь зажатым в контрреволюционные тиски русским рабочим и крестьянам: они подняли знамя всенародного восстания в тылу Деникина, они открыли ему новый фронт, отвлекая его силы, и помешали продвижению его банд вперед на Советскую республику».

Затянувшаяся Гражданская война в Дагестане, начавшаяся здесь несколько позже, чем в России, продолжалась в горном крае и после вторичного установления советской власти. В нее были вовлечены все классовые и социальные прослойки дагестанского общества, в ней участвовали рабочие, крупная и мелкая буржуазия, крестьяне, мусульманское духовенство, немногочисленная интеллигенция. Навести порядок в Дагестане старались и собравшие под белые знамена остатки царской армии, объединившиеся во имя спасения «единой и неделимой» России вокруг Деникина и под его командованием. Эти контрреволюционные силы, которым активно помогали страны Антанты, стали самыми последовательными, яркими и беспощадными врагами трудящихся масс и советской власти.

Развязали Гражданскую войну те, кто потерял власть и богатство в результате бескровной Октябрьской революции и установления советской власти, которая лишила их всего. Поэтому они ненавидели эту власть и хотели задушить ее на корню, прибегая к жестокому и кровавому «белому» террору против всех ее сторонников.

Советская власть защищалась и вынуждена была прибегать к ответному «красному» террору. В первое время она старалась избегать репрессий даже в отношении ярых антисоветчиков. Члены Временного правительства, не раз принимавшие жестокие меры против революционных выступлений трудящихся, после свержения не были арестованы, Учредительное собрание было распущено без применения к нему административных и иных репрессий, белые генералы были отпущены под честное слово не бороться против советской власти. Однако некоторые из них нарушили свое слово и приняли активное участие в антисоветской борьбе, подавлении выступлений рабочих и крестьян. Во все времена и в любой стране Гражданская война приносила взаимную ненависть и неоправданную жестокость, вела к правовому произволу, что подтвердилось и на примере России, где она проявила себя в форме «белого» и «красного» террора. В Дагестане, как и в России, что видно и из приведенных примеров, «белый» террор был более масштабным и более жестоким, чем «красный», в его осуществлении участвовали как внутренние политические силы, так и зарубежные и «внутренние» интервенты.

По окончании Гражданской войны главные вдохновители и организаторы антисоветских движений задавались вопросом, что же привело большевиков к власти на Северном Кавказе. Л. Бичерахов, снявший с Кавказского фронта подчиненные ему воинские части и по пути домой осевший в Дагестане для восстановления прежних порядков, в 1924 г. из Парижа отправил секретную записку польской разведке. В ней он писал, что такие известные по тем временам деятели, как кумык Г. Бамматов, ингуш В.-Г. Джабагиев, кабардинец Т. Коцев, черкес А. Намитоков, чеченец Т. Чермоев и др., ничего, кроме дезорганизации, в «освободительное» движение не внесли, большевики взяли власть из их слабых рук, а в эмиграции они стали врагами.

Упомянутый Б. Байтуган, выступивший в декабре 1927 г. в Чехословакии с докладом «Ошибки горской интеллигенции в прошлом», причины краха идеи горской независимости предлагал искать прежде всего в горской интеллигенции: «Отсутствие единой национальной доктрины, отсутствие организованности и опыта в работе среди своего народа, а главное, недоверие масс, не знавших собственной интеллигенции, лишили эту последнюю того влияния и значения, какое она могла бы при иных условиях иметь в деле национального освобождения», – писал он. Молодежь оказалась в таком положении, когда она не знала, с кого брать пример, в результате чего она не была подготовлена к восприятию событий после 1917 г., и горская интеллигенция, носившаяся с идеей горской независимости, попала в положение вождей без армии. Один из лидеров Горской республики Г. Бамматов полагал, что события 1917 г. «застали народы Кавказа не готовыми к требованиям, которые им предъявила история...»³⁵¹.

Кое с какими из этих утверждений можно и согласиться. В частности, народные массы не доверяли тем представителям интеллигенции, которые не решили ни одно из их требований, в то же время агитировали их к созданию под протекторатом Турции и западных стран Горской республики, в которой предполагалось объединить все народы Северного Кавказа между Черным и Каспийским морями. Удивляет политическая наивность руководителей этой разнородной республики, пытавшихся объединить народы, находящиеся на различном уровне социально-экономического и политического развития и отличающиеся своими традициями.

Большевики пришли к власти потому, что они предложили программу, которая отвечала интересам большинства населения, прежде всего трудящихся России. Они верили и жизнь доказала, что их программа выведет Россию из того глубочайшего кризиса, в котором она оказалась и откроет всем россиянам, независимо от их социальной и национальной принадлежности, путь к светлому будущему. Хотя в Гражданской войне участвовали многие партии и политические силы, однако победителем из нее вышли большевики и их сторонники, провозгласившие своей важнейшей задачей строительство социализма. Выступавшие на стороне антисоветского движения свергнутые господствовавшие буржуазно-помещичьи классы, развязавшие в стране Гражданскую войну и надеявшиеся с помощью стран Антанты вернуть себе политическую власть, крупно просчитались. Этот просчет дорого обошелся не только антисоветским силам, но и всему народу. «Победа Советской власти не стала окончательной победой революционных сил России в ее Гражданской войне». Окончательная консолидация российского общества не достигнута и сейчас, по прошествии 90 лет после начала Гражданской войны в России»³⁵².

Создание советских органов и мероприятия по упрочению советской власти. После установления советской власти в Дагестане необходимо было решать трудные задачи по восстановлению пришедшего в упадок за годы Гражданской войны народного хозяйства, окончательному разгрому орудовавших в горах контрреволюционных сил, созданию подлинно народных органов власти – Советов рабочих и крестьянских депутатов. Однако для проведения выборов в Советы следовало разъяснить цели и задачи советской власти, создать условия, необходимые для участия трудящихся в выборах и свободного выражения своего волеизъявления. Таких условий в то время еще не было, и поэтому на освобожденной территории выборы в Советы сразу не проводились, а назначались чрезвычайные органы диктатуры пролетариата – революционные комитеты. Они создавались на основании «Положения о революционных комитетах, образуемых в местностях, освобожденных от неприятеля, в прифронтовом тылу», принятого 24 октября 1919 г. ВЦИК и Советом рабоче-крестьянской обороны в Дагестане после восстановления»³⁵³.

Первые революционные комитеты советской власти были созданы в городах Дербенте, Темир-Хан-Шуре и Порт-Петровске. Существующие городские управы были упразднены. 27 марта Совет обороны Северного Кавказа и Дагестана переехал в Темир-Хан-Шуру. На первых же заседаниях Совета

обороны после переезда в областной центр обсуждались вопросы, связанные с организацией власти в центре и на местах. Во все округа Дагестанской области и Хасавюртовский округ Терской области были направлены уполномоченные Совета обороны. 11 апреля 1920 г. Совет обороны был переименован в Революционный комитет Дагестана.

Председателем Дагревкома был назначен Дж. Коркмасов. В его состав вошли С. Дударов (зам. председателя), М. Далгат, О. Османов, Б. Шеболдаев, М. Ахундов, М. Энеев, С. Габиев, А. Эфендиев и Ю.-М.М. Мола-Оглы³⁵⁴. Революционный комитет с учетом многонационального характера Дагестана был составлен из представителей разных народов, в том числе из русских. Все они прошли школу революционной борьбы и имели широкую известность среди широких слоев населения. Среди них были и те, которые получили высшее образование в престижных российских и зарубежных вузах. Г.К. Орджоникидзе в беседе с сотрудниками ДонРОСТА отмечал, что «организация Советской власти проходит с большим успехом. Организованы кбардино-балкарский, чеченский, ингушский, осетинский и дагестанский ревкомы. Все ревкомы состояли из представителей этих народов. В области внутреннего управления представлен полнейший простор»³⁵⁵. И это была правда. Как тогда, так и после Коммунистическая партия и советская власть уделяли постоянное внимание подготовке и выдвижению в национальных округах местных кадров, решению ими внутренних вопросов.

Первые шаги в деятельности Дагревкома были направлены на создание на всех уровнях новых советских органов – ревкомов. Во все округа, участки и аулы были направлены уполномоченные Дагревкома, партийные и армейские работники.

На смену революционным комитетам как временным органам должны были прийти выборные органы – Советы. В августе 1920 г. Дагестанским областным бюро РКП(б), которое приняло план мероприятий по подготовке к выборам Советов депутатов трудящихся, было намечено проведение «месяца горской бедноты». С этой целью в округа были направлены более 200 работников из областных партийных, советских и армейских органов. Им надлежало разъяснить населению цели и задачи новых органов народовластия, организации материальной и продовольственной помощи горской бедноте, агитировать население к вступлению в ряды Красной Армии. «Месяц горской бедноты», проведенный в сентябре – октябре 1920 г., съезды красных партизан, в которых принимали участие десятки тысяч крестьян, сыграли большую роль в политическом просвещении населения, мобилизации его на борьбу за дальнейшее укрепление советской власти в Дагестане. В период проведения первого месячника в ряды Красной Армии влились более 20 тыс. дагестанцев³⁵⁶. Такие массовые мероприятия, проводимые для расширения и укрепления связей советской власти с широкими слоями трудящихся масс, были новым явлением в политической жизни Дагестана, сыгравшим положительную роль.

Однако проведение выборов в Советы пришлось отложить в связи с антисоветским мятежом, начинавшимся в горах Дагестана. Одной из его при-

чин послужили и ошибки, допущенные при осуществлении продовольственной разверстки. Дагоблпродком предъявлял населению жесточайшие требования о сдаче десятков тысяч пудов хлеба, кур, яиц, скота, фруктов, шерсти, рассылая по округам нереальные наряды, в том числе и по тем округам, где еще не была установлена советская власть. Даргинский округ в течение одной недели должен был сдать 10 тыс. пудов пшеницы, 20 тыс. пудов кукурузы, 5 тыс. кусков сукна и т.д. В период проведения продразверстки было предписано до выполнения установленных нарядов не выдавать населению ни соли, ни керосина, хотя они и имелись на продовольственных складах.

Эти недостатки вызывали недовольство особенно среди горцев, которые были обеспечены своим хлебом в лучшем случае на 2–3 месяца³⁵⁷. Меншевицкое правительство Грузии, ведущее антисоветскую политику, поощряло и поддерживало горцев в их антисоветских выступлениях.

В этой обстановке главное внимание Дагревкома было обращено на создание и укрепление местных революционных органов власти.

4 марта 1920 г. на заседании Дагревкома были образованы окружные ревкомы в Кази-Кумухском, Кайтаго-Табасаранском, Аварском, Андийском, Кюринском, Хасавюртовском, Даргинском округах, в которых до этого они не были созданы. В остальных 3-х округах их не успели создать до этого³⁵⁸. После образования окружных ревкомов в этих округах приступили к приему дел от прежних структур власти, чтобы безотлагательно начать мирное строительство.

Революционный комитет Порт-Петровска 31 марта 1920 г. принял постановление о роспуске городской думы и предложил городскому голове подготовить дела для сдачи ревкому. Для этого была создана комиссия, которой необходимо было до 3 апреля сдать все дела. Для восстановления и налаживания хозяйственной жизни города решено было создать при ревкоме отделы: народного хозяйства, продовольствия, здравоохранения, финансового, социального обеспечения, внутренний земельный, труда и народного образования – всего 8 отделов³⁵⁹. В конце марта – начале апреля революционный Совет обороны принял обращение к трудовому населению Дагестана, в котором призвал трудящихся сплотить свои ряды вокруг его местных органов и оказать им всемерную поддержку в борьбе за восстановление народного хозяйства и повышение благосостояния народа. Совет обороны, следуя указаниям В.И. Ленина, высказанным им в телеграмме от 2 апреля 1920 г. Реввоенсовету Кавказского фронта о том, что «надо действовать осторожно и обязательно проявлять максимум доброжелательности к мусульманам, особенно при вступлении в Дагестан»³⁶⁰, заявил о своем намерении «не вмешиваться в религиозные дела и священный шариат»³⁶¹.

Активную роль в повышении культурно-образовательного уровня мусульман России, проведении среди них агитационно-массовой работы, издания на языках мусульманских народов политических брошюр, декретов, постановлений и распоряжений советской власти играло Центральное бюро мусульманских коммунистических организаций. Бюро было создано 19 ноября 1918 г. При нем был образован отдел международной пропаганды среди на-

родностей Востока, при котором функционировали 10 секций, в том числе секция горцев Кавказа. Бюро имело свои типографии, издавало политическую литературу для киргизов, калмыков, крымских татар. В 1920 г. бюро приступило к созданию типографий для издания литературы на азербайджанском и дагестанских языках³⁶².

Такая литература особенно необходима была в таких регионах, как Дагестан, где значительная часть населения выражала опасения, что советская власть может запретить соблюдение религиозных обрядов. В приветствии Северокавказского ревкома народам Северного Кавказа и Дагестана в связи с их освобождением от денкинцев и образованием Дагревкома отмечалось, что слухи о запрещении советской властью религии и шариата распространяются ее врагами и являются грубой клеветой. Трудящимся разъяснялось, что советская власть и Красная Армия хотят только того, чтобы освободить угнетенные народы от порабощения их кем бы то ни было.

«Религию, нравы, ваши обычаи, весь внутренний уклад горцев Советская власть оставляет в полной неприкосновенности и сделает все к тому, чтобы горцы Северного Кавказа стали истинно свободными в своем национальном развитии и самоопределении.

Советская власть представляет всем горским народам возможность самоопределяться» – говорилось в приветствии Северо-Кавказского ревкома, подписанном такими видными военачальниками и политическими деятелями Советской России того времени, как командующий Кавказским фронтом Тухачевский, член революционного Военного совета фронта и председатель Северо-Кавказского фронта Орджоникидзе, член революционного Военного совета XI армии и член Северо-Кавказского ревкома Киров³⁶³.

Такие обращения и заверения, высказываемые представителями партийных, советских органов, военачальников, разного уровня, не могли не повлиять на население, особенно на ту его часть, которая ожидала от революционных властей решения своих проблем. Первые же мероприятия революционных комитетов Дагестана с момента их создания были направлены на рассмотрение и решение жизненно важных задач трудящихся. На заседании революционного Совета обороны Северного Кавказа, на котором был заслушан доклад председателя Дербентского ревкома, была выражена глубокая благодарность дербентцам «за их деятельную и полезную работу»³⁶⁴. Одновременно Совет обороны решил два важных для дербентцев вопроса: налоговую на население города контрибуцию было разрешено предоставить в полное распоряжение Дербентского ревкома, и последнему было дано право на товарообмен с Азербайджаном и Северным Кавказом³⁶⁵.

Революционный Совет обороны Северного Кавказа и Дагестана считал, учитывая острую нехватку в Дагестане специалистов, необходимым всех их привлекать на советскую работу, если они не участвовали в антисоветских выступлениях и не служили в Добровольческой армии. В постановлении Революционного Совета обороны, принятом на 28 марта 1920 г. по предложению его председателя Дж. Кокмасова, говорилось: «Предоставить право всем заведующим отделами приглашать интеллигентных работников – спе-

циалистов, не принимавших активных выступлений против Советской власти и за Добровольческую армию, к работе на соответствующие должности»³⁶⁶.

На том же заседании военный отдел, допуская, видимо, злоупотребления своим положением, был предупрежден, что подведомственные ему работники и красноармейцы не имеют «права производить аресты и обыски», т.е. заниматься вопросами, отнесенными к компетенции контрразведки.

Совет обороны Северного Кавказа и Дагестана, хотя и назывался революционным, тем не менее допускал не свойственные для того революционного времени терпимость и лояльность по отношению к бывшим членам суда, созданного в период денкинской оккупации и осудившего сурово, вплоть до высшей меры наказания, многих советских работников. Тех из них, кто оставался в Темир-Хан-Шуре, решено было подвергнуть предварительному аресту до предания революционному шариатскому суду³⁶⁷. Однако по мере обострения классовой борьбы и после создания в Дагестане ЧК репрессии против участников антисоветских выступлений усугублялись и они стали применяться порой без судебного разбирательства.

На советскую работу в первое время разрешалось приглашать и офицеров Добровольческой армии, активно воевавшей против Советов. Однако, прежде чем принять их на службу, необходимо было проверить через контрразведку поведение и политическую лояльность таких лиц.

Такой порядок отбора на военную службу офицеров был вполне объясним, ведь трудящиеся Дагестана хорошо еще помнили, как Добровольческая армия, состоявшая в основном из офицерских кадров, пыталась восстановить старые порядки, не останавливаясь перед применением против мирного населения самых современных видов оружия, имевшихся у нее. Но на гражданскую службу старые специалисты привлекались без таких особых проверок, как для офицеров. И в последующие годы их продолжали привлекать на советскую работу, хотя правила их приема несколько менялись, а временами и ужесточались. Но тем специалистам, которые были лояльны к советской власти, не было отказа, и их знания, опыт использовались, начиная с первых лет советской власти.

Вместе с тем некоторое недоверчивое отношение к специалистам дореволюционного периода продолжалось и подпитывалось теми фактами, которые были в те времена у всех на слуху и о которых говорилось на различных совещаниях и официальных мероприятиях. На экстренном заседании Дагестанского ревкома (2 мая 1920 г.) член Северо-Кавказского ревкома С. Габиев, человек высокообразованный и информированный, отмечал, что среди населения Дагестана распространяются упорные слухи о том, что якобы советская власть будет производить поголовные обыски, реквизиции и конфискации, не считаясь ни с чем. Призывая бороться с такими провокационными слухами, разъясняя в печати политику советской власти через информацию, обращения и заявления, он в то же время рекомендовал быть более осторожным в вопросе о национализации фабрик и заводов. Понимая, что одними этими мерами ликвидировать источники таких слухов не удастся, он предла-

гал в экстренном порядке обсудить «вопрос об арестах контрреволюционеров»³⁶⁸.

Как бы в подтверждение предложений С. Габиева 1-й съезд сельской бедноты и сельских революционных комитетов Дагестана, состоявшийся 2 июля 1920 г. в Темир-Хан-Шуре, отмечал: «Беки, кулаки и спекулянты, не желая расстаться с прежним своим положением, пытаются мутить бедноту Дагестана и подлой провокацией и обманом пытаются натравить их на свою же рабоче-крестьянскую власть»³⁶⁹.

Беднота хорошо понимала корень зла, источник всех социальных конфликтов – это богатство, материальные блага, которые она требовала поделить между всеми. Съезд недвусмысленно постановил «... отнять у угнетателей богатство, которым они пользуются для своих темных дел, и передать эти богатства в общее пользование»³⁷⁰.

Можно как-то понять требования дагестанской бедноты, которая в ходе Гражданской войны оказалась в ужаснейшей нищете. Когда наркомнац РСФСР И.В. Сталин через Г.К. Орджоникидзе обратился к революционным комитетам национальных регионов Северного Кавказа с просьбой сообщить об экономическом и политическом положении горцев и мерах, необходимых для улучшения их жизни, президиум Дагестанского революционного комитета 12 сентября телеграфировал ему: «Трехлетняя гражданская борьба до того истощила Дагестан, что горская беднота питается травой, продает своих детей, разводится с женщинами. Полное отсутствие мануфактуры вынуждает горцев одеваться в шкуры, а женщины почти голые сидят дома. На этой почве развиваются болезни, массовые смертельные случаи, самоубийства и недовольство. Голод угрожает и будущему году, так как всаханые поля остаются незасеянными вследствие отсутствия семян. Выезжает в Москву делегация во главе с товарищем Коркмасовым, которая сделает Вам подробный доклад»³⁷¹.

В горных округах были отмечены спутники голода и бедственного положения населения – эпидемические заболевания. Из Андийского округа сообщалось, что в округе свирепствует тиф и другие эпидемические болезни, в некоторых аулах вымирали целые семьи, и помочь им не было врачей. Срочно надо было открывать несколько лазаретов и бань, направить в округ врачей, сестер, медицинских работников, оказать материальную и финансовую помощь³⁷².

Совнарком РСФСР был в курсе трудностей, с которыми столкнулся Дагестанский ревком с первых дней своей деятельности. Председатель Совнаркома В.И. Ленин на ходатайство Г.К. Орджоникидзе об оказании помощи Дагестану сразу же откликнулся: «Объявите горцам, что на ближайшем заседании Совнаркома будет проведена денежная помощь пострадавшим горцам (пострадавшим от денкинцев. – А.О.), а пока разрешено выдавать им в счет будущих ассигнаций 200 миллионов»³⁷³.

Из этой суммы, предназначенной Дагестану, 100 млн. выделялись на восстановление разрушенных аулов. 50 млн. руб. были получены Дагестаном

мом еще до конца сентября. Как сообщал Орджоникидзе, остальная сумма также должна была быть выделена без отсрочки³⁷⁴.

Учитывая бедственное положение дагестанских народов, соседний Азербайджан решил помочь Дагестану. Революционный комитет Азербайджана вынес решение о передаче в распоряжение Дагревкома 5 млн. руб., 35 тыс. аршин бязи, 5 вагонов сахара, 2 вагона чая, 11 вагонов риса, 1 вагон мыла, 5 вагонов кишмиша, 1000 пудов бумаги и другого имущества³⁷⁵.

Помощь соседей, ярко иллюстрирующая революционную солидарность кавказских народов, стала поступать сразу же после принятия решения Революционным комитетом Азербайджана. Однако масштабы бедствия, постигшего дагестанские народы, были столь значительны, что одновременные поставки продуктов, семян, мануфактуры от дружественных соседей не могли снять все проблемы. Необходимо было преодолеть трудности с помощью центра. Но для налаживания связей, организации Дагестану военной и другой помощи, решения правовых вопросов центру требовалось время, которого не хватало.

Антисоветское восстание Н. Гоцинского. Трудностями, с которыми столкнулся Советский Дагестан, решили воспользоваться как зарубежные антисоветские силы так и дагестанские контрреволюционеры, отсиживающиеся в Грузии. Они решили перейти к активным действиям против советской власти в Дагестане и других регионах России.

В ряде горных округов Дагестана к осени политическая ситуация значительно обострилась. Как сообщал 3 сентября 1920 г. военный комиссар Дагестана Смирнов начальнику оперативного отдела XI Красной Армии, в горах были начаты антисоветские действия отряда Н. Гоцинского. 31 августа, в святой для всех мусульман день Курбан-байрама, он вышел из пещеры, где прятался, и появился в мечети селения Хуштада. Оттуда за собой он увлек человек 100–150 и, подняв белый флаг, направился в сторону Грузии. Когда он проходил через селение Тондо, то его встретили старики и просили не проходить через селение. Это не остановило спешившего Гоцинского, который торопился в Грузию за поддержкой. Через час после его ухода из села местная молодежь организовала погоню за ним и обратила в бегство его отряд, захватив 30 человек в плен. Для преследования Н. Гоцинского из Ботлиха был направлен отряд милиции, который захватил часть его людей, но из-за своей малочисленности не стал дальше преследовать их.

Попад в Грузию, Гоцинский встретился там с 3 представителями грузинского меньшевистского правительства, которое было заинтересовано в поддержке такой видной среди контрреволюционеров политической фигуры Дагестана, имевшей опыт антисоветской борьбы. Они надеялись, что Гоцинский поможет меньшевикам Грузии убить сразу двух зайцев: присоединить к себе Закатальский округ и Дидоевский и Анцухский участки Дагестана и поднять в Дагестане антисоветское восстание и свергнуть советскую власть³⁷⁶.

Все это было в интересах укрепления меньшевистской власти в Грузии и закрепления ее призрачной независимости от России. Кое-что грузинским

меньшевикам удалось. Находившийся в Грузии полковник К. Алиханов и Н. Гоцинский сумели договориться о проведении в районе Бежта нечто подобное съезду представителей Дагестана. Как у части участников съезда, так и у населения высокогорных округов призывы Гоцинского, как и прежде обращавшегося к ним в качестве имама, находили отклик и поддержку. В Тифлисе были организованы «комитеты спасения» Азербайджана, Горской республики и т. д. Их агенты под видом спекулянтов разъезжали по всему Кавказу, подготавливая антисоветские восстания. В Кистинском ущелье Грузии 22 августа 1920 г. было проведено собрание почетных стариков и руководителей «туземных масс», на котором был избран «Комитет содействия горцам и терским казакам по их освобождению от большевиков»³⁷⁷.

Кроме того, в самой Грузии было немало политических сил, заинтересованных в дестабилизации обстановки в Дагестане, его десоветизации и отторжении от Советской России. Дело в том, что Грузия претендовала, как писал 3 сентября в своей докладной записке в Дагревком чрезвычайный комиссар Аварского и Гунибского округов М. Хизроев, «... с одной стороны на Закатальский округ, а с другой на Дидоевский и Анцухский участки Дагестана. Агитация среди населения этих участков ведется с таким расчетом, чтобы создать видимость добровольного присоединения со стороны самого населения, для этого тайные агенты из среды местного населения пишут тайные приговоры, в которых грузинские власти извещаются о желании населения данного общества присоединиться к Грузинской республике»³⁷⁸.

За спиной меньшевистской Грузии стояли страны Антанты, которые превратили ее в базу внутренних и зарубежных контрреволюционных сил. Мусаватисты, представители горского правительства и бывшие горские «правители» нашли приют в Грузии, откуда им легче было пробраться в Азербайджан, Дагестан и Северный Кавказ и вести там подрывную работу против Советов.

Начавшийся в Дагестане антисоветский мятеж был на руку странам Антанты, мечтавшим вместе с засевшими в Крыму остатками врангелевских частей создать новый мощный очаг контрреволюции, способный отбросить большевиков за Сулак, освободить нагорный Дагестан и Азербайджан. На Кавказе сложилось тяжелое положение: в Эриване была свергнута советская власть, в Азербайджане проводилась активная антисоветская агитация мусаватистов, в Дагестане было начато восстание, которое было поддержано меньшевиками Грузии. Эти связи тогда еще разоблачила газета «Советский юг». В номере от 3 октября 1920 г. она писала: «На первый день Курбан-байрама Нажмутдин Гоцинский пытался поднять восстание против Советской власти под религиозными лозунгами. Попытка, однако, не удалась. За ним пошли лишь кулаки и небольшая кучка фанатиков, которых разогнала и частью уничтожила организовавшаяся горская молодежь. Гоцинский с небольшой кучкой оставшихся людей ушел на территорию Грузии, где связался с полковником К. Алихановым, в Телавском уезде с помощью грузинского правительства сформировавшим конный отряд в 500 человек из числа дагестанских, азербайджанских и других офицеров»³⁷⁹. Он намеревался про-

браться в Дагестан со своим отрядом через Анцухо-Капучинский участок и там поднять восстание горцев.

В последних числах августа активизировался и Н. Гоцинский, которого его помощник и фактический руководитель восстания полковник М. Джафаров характеризовал как самого богатого человека, способного подкупом или другими средствами подчинить себе людей и заставить их слушаться. Он проводил усиленную агитацию среди населения Андийского округа, до этого отличавшегося лояльностью к советской власти³⁸⁰.

В начале октября в Андийском округе стал действовать отряд силой до одной тысячи человек. Главари и ядро отряда прибыли во главе с Дервиш-Хаджи, сыном К. Алиханова. Сам Н. Гоцинский двинулся из Бежта по Аварскому Койсу, разослав по аулам приказ, чтобы 15–50-летние мужчины собирались в районе Хиндаха для получения оружия и патронов. К 4 октября под командованием Н. Гоцинского в Гидатле оказался отряд в количестве 1000 человек и у селения Тлох – около 400 человек.

По данным войсковой разведки от 24 сентября, в районе Гонода Гунибского округа действовал отряд Н. Магомы в 150 сабель. Главарь отряда также рассылал по селениям воззвания, призывая мусульман объединяться для борьбы с советской властью³⁸¹.

Все антисоветские силы и формируемые ими отряды снабжались из Грузии деньгами, оружием и людьми. Без такой поддержки, финансовой подпитки и военной помощи Грузии ни Гоцинский, ни Алиханов не смогли бы собрать какие-либо реальные силы. По мере их продвижения по Дагестану к ним присоединялись все новые силы горцев, и антисоветское движение приобретало все более опасный характер.

С начала мятежа как местные, так и областные, краевые и центральные органы стали интересоваться тем, как же это произошло, в чем его причины. Группа советских работников, уроженцев Андийского округа, командированная туда 1 октября, в своей докладной в областной центр отмечала: «... в течение 6 месяцев почти никакая советская работа в округе не велась». «Собес и правком, через которые Советская власть могла себя зарекомендовать ... совершенно не проявили себя»³⁸². Собес ни одной копейки не выдал населению, продкомом не было отпущено ни одного фунта керосина, ни одного фунта хлеба и других продуктов.

Кроме социальных и бытовых проблем, связанных с Гражданской войной, трудящиеся Дагестана сталкивались с бесчинствами отдельных отрядов Красной Армии, пришедших на помощь дагестанцам в их борьбе против деникинцев, некоторых отрядов «Армии Свободы Дагестана», а также с рядом антизаконных действий органов ЧК. Отдельные методы и стиль работы ЧК провоцировали население, безобразное поведение отдельных партийных и советских работников, как местных, так и присланных из других краев и областей, подрывал доверие населения к советской власти, нанесли серьезный урон тому большому влиянию, которым пользовалась партия большевиков, завоеванному ею в борьбе с деникинцами.

Были и такие, которые объясняли причины восстания прямолинейными действиями представителей советской власти, везде и всюду стремившихся проводить российскую политику, не считаясь с местными особенностями. Доказывая, что антисоветское восстание не было «вспышкой недовольных», ответственный Кавбюро ЦК РКП(б) в своей докладной в январе 1921 г. писал, что нельзя указать на одну какую-нибудь причину как главную, вызвавшую восстание, и что оно является результатом целой суммы различных обстоятельств. Он подчеркивал, что прямолинейной советизации в политике Дагревкома не было. Тяжелое продовольственное положение горцев и ошибки в политике партии и Советов лишь помогли врагам революции вовлечь в антисоветское восстание отсталую часть населения³⁸³.

В своей антисоветской пропаганде контрреволюционеры часто прибегали к помощи различных слухов и домыслов, для которых, как указывал С.М. Киров, почва в горах в то время была чрезвычайно богата³⁸⁴. Надежды на невежество и фанатизм отсталой части горских масс, руководители восстания распространяли слухи один нелепее другого, но, тем не менее, становящиеся порой причиной кровавых столкновений. В Самурском округе были обеспокоены сведениями, поступившими во внутренний отдел окружного ревкома о том, что некоторые селения горного магала, расположенные на границе с Закатальской губернией Азербайджана, поддались «злостной ханско-бекской провокации» и собираются примкнуть к контрреволюционному движению. 10 июня 1920 г. была организована проверка этих сигналов, однако они не подтвердились³⁸⁵.

Еще более злостные слухи распространяли организаторы антисоветского восстания. Ставленник Н. Гоцинского, председатель Дидоевского участка ревкома М. Дибир, вставший в открытую оппозицию к власти, пустил слух, что будто бы идут большевики и на своем пути грабят и уничтожают всех, арестовывают без суда алимов, зажиточных и лучших людей³⁸⁶. Хотя провокация была неверной и абсурдной, находились люди, верившие в такие нелепицы.

Подобными средствами не брезговал и сам Н. Гоцинский, престиж которого был значительно подмочен в связи с выступлениями против советской власти в предыдущие годы. Он, к примеру, усиленно рассылал по разным округам письма с делегациями, чтобы они любыми средствами, в том числе обманом, привлекали на его сторону как можно больше сторонников. Они рассказывали слушателям о наличии у них «неисчислимых сил». В письмах, состряпанных от имени обществ аулов, занятых последователями Гоцинского и рассылаемых в другие округа, утверждалось, что большевики стараются уничтожить умных ученых и религиозных деятелей и всех мужчин до 15-летнего возраста. Сообщалось также, что из-за таких репрессий многие ученые спрятались или убежали. А те, кто остался, решили сообщить свои планы Гоцинскому, Алиханову и Саид-беку – внуку Шамиля, находящемуся в Тифлисе. «Все великие державы, – утверждалось в письмах-обращениях, – признали нашу независимость и назначили Саид-бека королем всего Дагестана, Грузии и Армении»³⁸⁷.

С такими обращениями выступал сам Н. Гоцинский и его окружение. В частности, Гоцинский писал, что его поддерживают семь великих государей мира, что с ним идут грузинские, турецкие и английские войска. Если и была правда в этом воззвании, то она заключалась в том, что страны Антланты поддерживали через Грузию отряды Гоцинского и за счет этой помощи он сколотил свои отряды и вооружил их.

В Дагестане отряды Гоцинского и того же Алиханова пополнились в основном за счет тех, кто участвовал в их прежних антисоветских выступлениях, или же тех, кто попался на удочку их антисоветской пропаганды, они призывали создать исламскую республику, основанную на шариае.

В горах им противостояли небольшие силы красных партизан, объединенных в отряды, и незначительное число красноармейских частей. Это дало возможность отрядам Гоцинского – Алиханова развить наступление в глубь Дагестана и к октябрю 1920 г. захватить значительную территорию Аварского, Гунибского и Андийского округов, осадить крепости Гуниб, Хунзах и Ботлих, создав угрозу всему нагорному Дагестану.

Положение в Дагестане и на Кавказе, где также имели место антисоветские выступления, стало объектом пристального внимания руководства страны. В телеграмме Г.К. Орджоникидзе 9 сентября 1920 г. В.И. Ленин требовал от Реввоенсовета Кавказского фронта быстрейшей и полной ликвидации всех банд и остатков белогвардейщины на Кавказе и Кубани, что он рассматривал как дело общегосударственной важности. Поэтому Ленин требовал от Орджоникидзе чаще информировать его о положении дел на Кавказе ³⁸⁸

Учитывая большую роль, которую сыграл Дагестан на Кавказе, и то значение, которое придавал В.И. Ленин подавлению антисоветского мятежа, Орджоникидзе часто приезжал в горный край, проводил совещания ответственных работников, съезды представителей дагестанской бедноты, вникал во все дела, выступал на таких встречах, вдохновлял его народы на борьбу с теми контрреволюционными силами, которые призывали их на новые жертвы, чтобы надеть на них прежнее ярмо.

Участвуя в работе I-го съезда народов Востока в Баку, Г.К. Орджоникидзе вместе с представителями Дагестана, также присхавшими на съезд, рассматривал и решал вопросы, связанные с положением в Дагестане. Получив первые тревожные сигналы об антисоветских выступлениях в Дагестане, по согласованию с Кавбюро ЦК РКП(б) 6 сентября он принимает решение об оставлении в Баку Дж. Коркмасова, избранного членом президиума Совета действия на Востоке, и введении в состав Дагестанского ревкома члена Совтрударма, лично ему известного С. Габиева. В период отсутствия председателя Дагревкома Дж. Коркмасова Габиев должен был исполнять обязанности председателя Дагревкома.

Одновременно в горы, где разгоралось восстание, решено было направить представителя Дагревкома. Эта задача была возложена на находившегося там же Н. Самурского – заведующего отделом внутренних дел Дагревкома. С этой задачей он справился успешно.

В те же дни было принято распоряжение Г.К. Орджоникидзе, уже как члена Реввоенсовета Кавказского фронта, о направлении в Дагестан частей Красной Армии. В связи с особой сложностью и важностью обстановки в Дагестане поздно вечером 6 октября туда спецпоездом выезжают Г.К. Орджоникидзе, командарм XI Красной Армии А. Геккер, Дж. Коркмасов, М. Павлович и Исмаил Хаки. Утром следующего дня они отправились в сел. Леваши, где 9 октября проводился съезд горской бедноты Дагестана. ³⁸⁹

Съезд, на который съехалось несколько тысяч человек, проходил под открытым небом. На съезде выступил Г.К. Орджоникидзе, который говорил как всегда, убедительно и ярко: «Но вот вас, вольных горцев, вновь зовут на новые жертвы. Всплывшие на поверхность Нажмутдин Гоцинский, Кайтмас Алиханов и другие... организуют предательское дело... В прошлом году на вас наседали Эрдели, Колчак приближался к Волге, Юденич к Петрограду, Деникин к Волге. Казалось, все кончено... но свершилось чудо. Колчак катится по огромной Сибири и расстреливается у стен Иркутска. Деникин уплывает на английском пароходе...»

Уцелевшие от этого разгрома мелкие сыщики, вроде алихановых, гоцинских, ищут спасения в меньшевистской Грузии и теперь выползают вновь. Подкрепленные баронскими деньгами, они врываются в Дагестан, поднимают некоторые аулы. Но нам не страшны эти искатели наживы и приключений. Мы побеждаем своей великой правдой. И нет такой силы в мире, которая могла бы восторжествовать над нашей правдой!» ³⁹⁰

Эти впечатляющие слова, сказанные видным революционером, были восприняты участниками съезда с удовлетворением и вызвали ответную реакцию. Съезд представителей бедноты заверил Г.К. Орджоникидзе, что «дагестанская беднота раздавит пресмыкающуюся гадину, снова пытающуюся захватить нашу территорию, как она уже не раз громила белые и черные банды в течение трех лет».

Напоминая о разгроме прошлых антисоветских выступлений, съезд просил Г.К. Орджоникидзе «поставить на вид грузинскому правительству и организаторам контрреволюционных шаек в лице так называемого горского правительства и других наемников Деникина и Врангеля и потребовать от грузинского правительства немедленно же положить конец дальнейшим преступным авантюрам против Красного Дагестана и вторжения в Красный Дагестан разбойничьих банд, организующихся на территории Грузии» ³⁹¹.

Съезд дагестанской бедноты свидетельствовал, что на авансцене не только дагестанской, но и кавказской политической жизни появляется новая сила, активно заявившая о себе, – беднота. Такие встречи учили бедноту не только активнее выступать, но и отстаивать свои интересы, за сложными жизненными перипетиями и политическими столкновениями распознавать своих врагов и выбирать своих друзей.

Однако одними ширококешательными политическими заявлениями и шапкозакидательскими настроениями справиться с вооруженными отрядами, пусть по количеству и немногочисленными, но собравшими резко недовольных своим социальным положением и тем, что они теряют, было нелегко

задачей и требовало мобилизации всех сил, в том числе военных, против мятежников.

Вместо этого Дагестанский ревком и областное бюро РКП(б) были заняты групповой борьбой и выяснением политической линии и методов борьбы с антисоветскими выступлениями. Это особенно четко проявилось на совещании ответственных работников Дагревкома, областного бюро РКП(б) с представителями военных организаций, состоявшемся 30 сентября 1920 г., на котором рассматривался вопрос о положении в Дагестане в связи с восстанием в горах. С докладом по этому вопросу выступил военком Дагестана Смирнов, который информировал участников собрания о том, что в горах появился отряд в 500–600 человек, сформированный в Грузии не из числа дагестанцев, а из бывших офицеров и солдат регулярных частей, вооруженных не только винтовками и личным оружием, но и пулеметами.

При обсуждении этого как будто ясного вопроса разгорелись серьезные разногласия, мешающие делу. Вместо того чтобы объединить все силы на борьбу против антисоветского мятежа, участники совещания никак не могли договориться о том, какими силами надо вести с ними борьбу. Представители военных организаций и ЧК считали необходимым вести с ними борьбу силами красноармейских частей, которых в то время в Дагестане было мало, без участия в подавлении восстания местного населения (Смирнов, Квириг).

Некоторые руководящие работники области (Коркмасов, Самурский), наоборот, надеялись сами справиться с решением этой трудной задачи, выступили с предложением «оттянуть из гор красноармейские части» и вести «партизанскую войну».

В тех конкретных условиях, когда в горах разворачивались серьезные военные события, оба способа ведения борьбы с мятежниками были непригодны. Первый вариант мог быть воспринят как недоверие к местным и революционным силам и привести к их изоляции при решении будущей задачи – ликвидации восстания. В то же время это могло придать антисоветскому выступлению характер национальной борьбы, что было бы в интересах восставших.

Второй способ, предлагаемый руководителями Дагестана, вызвал бы с одной стороны, недоверие населения к Красной Армии, как будто бы она не хочет помочь, с другой – затянуло бы ликвидацию разрастающегося мятежа. Несмотря на подобные разногласия, совещание пришло к единому мнению о необходимости ведения борьбы с антисоветским восстанием объединенными силами частей Красной Армии и красных партизан, мобилизованных из всех округов Дагестана³⁹².

Указанная выше группа советских работников, проверившая положение в Андийском округе, еще 1 октября предупреждала областной центр об отсутствии в округе «реальной и надежной силы, хотя бы милиционеров» и что попытки собрать такие силы результатов не дали, в связи с чем просила «в целях спешной и скорейшей ликвидации авантюры Кайтмаза» дать две роты русских красноармейцев. Они настойчиво напоминали, что эта мера

«должна быть принята и претворена в жизнь как можно скорее. Затяжка для нас не желательна и может повлечь за собой неприятные последствия»³⁹³. То, что беспокоило советских работников, хорошо знавших положение на местах, случилось: восстание в Андийском, Гунибском и Аварском округах разрасталось. 3 октября повстанцы заняли Ботлих. Связь с гарнизоном Хунзаха была нарушена. Гарнизону Гуниба 8 октября пришлось отбиваться от повстанцев. Противник повел наступление двумя отрядами. Отряд под командованием Алиханова вел наступление на Хунзах, имея целью поднять восстание в северной части Андийского и Аварского округов и Чечни. Другой отряд под командованием Гоцинского также наступал в сторону Хунзаха по Аваро-Кахетинской дороге³⁹⁴.

В начале октября в помощь гарнизонам Гуниба и Хунзаха, осажденным повстанцами, командование воинскими частями с привлечением областной милиции создало два отряда – Гунибский и Хунзахский. Хунзахский отряд в составе 33-го батальона внутренней охраны с резервным эскадром областной милиции и взводом артиллерии по приказу командования 9 октября вышел из Темир-Хан-Шуры и направился на выполнение задания. 13 октября отряд был еще усилен, в его состав был включен 283-й стрелковый полк. 30 октября окрыленные повстанцы развернули наступательные действия. По мере продвижения отряд, насчитывающий около 700 человек, был окружен и уничтожен³⁹⁵.

Отряды Гоцинского и Алиханова рассчитывали, что к ним присоединятся жители тех аулов, которые поддались агитации мятежников о международной поддержке антисоветского движения горцев, скором падении Советов и создании вместо них более понятной и отвечающей интересам мусульман, как они считали, исламской республики. Часть вступивших в их ряды соглашалась на такой шаг, боясь осуждения и наказания, которые применялись к таким «вероотступникам».

В своей антисоветской, антикоммунистической пропаганде Гоцинский, Алиханов и их подручные использовали ошибки, допускаемые большевиками и Советами. Активный участник и один из руководителей всех антисоветских выступлений полковник М. Джафаров в своих мемуарах приводил факты, которые имели место, хотя и не были столь распространенными, как он о них пишет. В частности, он отмечает «... злоупотребление властью со стороны окружных комиссаров, невероятное взяточничество. Комиссары были хуже, чем начальники округов раньше. Разверстку, особенно на кур, масло, яйца... бесчинства отрядов ЧК, массовые аресты и расстрелы, поборы...»³⁹⁶.

Многие из этих фактов, свидетельствующих о серьезных нарушениях существовавших тогда законов, допускались не только партсоветскими работниками по их незнанию, хоть и таких было немало, но и теми, кто обязан был их знать. Активный участник борьбы за советскую власть в Дагестане Г.А. Гаджиев рассказывал своему сыну В.Г. Гаджиеву, доктору исторических наук, об одном из таких эпизодов Гражданской войны. Во время приезда И.В. Сталина и Г.К. Орджоникидзе в ноябре 1920 г. в Дагестан они остановились в доме, где жил С.И. Габиев. Г. Гаджиев, дежуривший в доме, стал

свидетелем тяжелого случая. Рано утром к ним туда пришел начальник Темир-Хан-Шурина ЧК и радостно доложил высокому руководству о том, что за ночь он расстрелял 40 темирханшуринцев. Орджоникидзе возмущен таким поступком и ударом кулака сбил его с ног, продолжая избивать и дальше. Лишь Сталин остановил его, сказав, что не надо так поступать, а надо послать его в Ростов, чтобы там разобрались.

Этих и других подобных фактов было немало, что озлобляло людей, подталкивало их в ряды противников советской власти. Пополняя по дороге свои ряды, мятежники в первых числах октября окружили крепость Хунзах, 3 октября они заняли Ботлих и 9 октября к крепости Гуниб подошли крупные силы мятежников и окружили его. Укрепление оказалось в тяжелом положении³⁹⁷. Теперь речь уже шла не только о положении отдельных укреплений, оказавшихся в руках или в окружении мятежников, но и о судьбе советской власти, которую самонадеянно думали ликвидировать руководители антисоветского движения, что им не удавалось даже в более благоприятных условиях в предыдущие годы. У руководителей страны и Советского Дагестана не было сомнений в том, что антисоветские силы будут разгромлены, и они принимали для этого необходимые меры. Вернувшись из Левашей в Темир-Хан-Шуру, Г. Орджоникидзе провел здесь срочное совещание, на котором был обсужден доклад военкома Дагестана о мерах, принимаемых для ликвидации антисоветского движения. 10 октября с его участием состоялось заседание Дагестанского областного бюро РКП(б), которое приняло постановление о мобилизации $\frac{3}{4}$ коммунистов и комсомольцев на борьбу с отрядами Гоцинского и Алиханова и командировании в округа большой группы ответственных партийных и советских работников для проведения в жизнь этого постановления и оказания помощи местным партийным и советским работникам в их работе³⁹⁸.

По всему Дагестану развернулась работа по мобилизации коммунистов и комсомольцев на борьбу с мятежниками. На съезде коммунистических ячеек Гунибского округа, проведенном 14 октября 1920 г., было принято решение: «Для скорейшей ликвидации фронта вести усиленную агитацию за вступление в Красную Армию добровольцами и, чтобы личным примером поддержать колеблющихся, первыми записаться в ряды Красной Армии»³⁹⁹.

Печать тех лет сообщала об успешном прохождении мобилизации коммунистов и комсомольцев и формировании краснопартизанских отрядов. В течение нескольких дней в Темир-Хан-Шурина округе было мобилизовано свыше 300 человек, из Кюринского округа 1000 человек. 500 человек решили добровольно вступить в ряды краснопартизанских отрядов.

В Даргинском и Казии-Кумухском округах жители аулов, соседних с Гунибским и Аварским округами, решили вооружиться и охранять свои границы, чтобы не дать возможности мятежникам проникнуть на территорию своего округа и попытаться вести антисоветскую агитацию⁴⁰⁰.

Даже курсанты, направлявшиеся в Москву на учебу, обсудив на своем собрании положение в Дагестане, обратились в областное бюро РКП(б) с заявлением, чтобы их направили на фронт «для борьбы с предателем дагестан-

ской бедноты, наймитом казачьего генерала Врангеля и грузинских меньшевиков – Нажмутудином Гоцинским»⁴⁰¹.

Отмечая успешную мобилизацию добровольцев на борьбу против антисоветского движения как результат правильности политической линии партии, Г.К. Орджоникидзе подчеркивал в своем докладе на красном совещании коммунистических организаций Дона и Кавказа, что громадное добровольческое движение даст около 800 человек для борьбы за советскую власть.

В ответ на запрос В.И. Ленина, озабоченного положением в Дагестане и на Кавказе, И.В. Сталин телеграфировал ему 26 октября, что ликвидация повстанцев в Дагестане идет также успешно, тысячи добровольцев вступили в наши ряды и вышибли вместе с нашими частями контрреволюционных повстанцев⁴⁰².

Большая массово-политическая и мобилизационно-организаторская работа партийных, советских органов, героические усилия воинов Красной Армии, красных партизан, милицейских сил начали приносить первые впечатляющие успехи. К 10 ноября были освобождены крепости Гуниб и Хунзах. Г.К. Орджоникидзе, пристально следивший за событиями, которые происходили тогда в Дагестане, как только узнал об освобождении Гуниба 19 октября, телеграфировал из Баку председателю Дагревкома С.И. Габиеву: «Приветствуем красных партизан, красные войска и ревком с большим успехом. Освобождение Гуниба является делом первостепенной важности. Оно показывает, что провокация Гоцинского и компании не только не коснулась сердца дагестанских бедняков, а, наоборот, воспламенила их порыв к свободе, свету советской власти. Уверены, что недалеко и полное освобождение всего Дагестана от провокаторов, беков, кулаков и прочих насильников над дагестанской беднотой»⁴⁰³.

В телеграмме обращают на себя внимание два момента. Первый то, что Г. Орджоникидзе подчеркнул большую роль в освобождении Гуниба дагестанских партизан и Дагестанского ревкома, местных сил. И второй – то, что им была выражена непоколебимая вера в скорое освобождение Дагестана, что и подтвердилось достаточно быстро.

§ 4. Образование Дагестанской АССР

Предоставление автономии народам национальных окраин России рассматривалось как одна из важнейших задач Коммунистической партии и советской власти. Работа в этом направлении была начата еще в начале 1919 г. 20 марта 1919 г. было подписано «Соглашение Центральной Советской власти с башкирским правительством о Советской автономии» – Башкирской Автономной Советской Социалистической Республики. После нее была образована Татарская АССР⁴⁰⁴. В октябре 1920 г. Политбюро ЦК РКП(б) обсудило и приняло постановление «О задачах РКП(б) в местностях, населенных восточными народами», проект которого был написан В.И. Лениным. В постановлении говорилось: «Признать необходимым проведение в жизнь авто-

номии, в соответствующих конкретным условиям формах, для тех восточных национальностей, которые не имеют еще автономных учреждений...»⁴⁰⁵.

Однако в Дагестане и на Северном Кавказе, пока шла ожесточенная Гражданская война, решение вопроса о государственном устройстве национальных регионов все откладывалось. Как только накал классовых боев несколько поутих, Коммунистическая партия внесла на повестку дня этот острый вопрос, решение которого ждали народы края. В октябре 1920 г. ЦК РКП(б) принял решение об образовании на Северном Кавказе двух республик — Терской (Горской) и Дагестанской⁴⁰⁶. Кавказское бюро ЦК РКП(б) решило рассмотреть на краевом совещании коммунистических организаций наряду с другими и вопрос о национальной политике. Совещание проходило с 27 по 29 октября. В нем принял участие и выступил с докладом о политическом положении в России наркомнац РСФСР И.В. Сталин. Доклад о политическом положении края сделал Г.К. Орджоникидзе. Представители Дагестанской областной организации РКП(б) в этом совещании не приняли участия в связи с продолжавшимся антисоветским мятежом в горах. Совещание признало своевременность образования «Терской и Дагестанской горских советских республик типа Башкирской Советской республики»⁴⁰⁷.

В начале ноября в соответствии с решением Кавказского бюро ЦК РКП(б) Орджоникидзе телеграфировал Дагестанскому ревкому о проведении 10 ноября съезда народов Дагестана для рассмотрения вопроса о предоставлении автономии Дагестану. Под руководством С.М. Кирова и Г.К. Орджоникидзе была начата подготовка к проведению съезда народов Терской и Дагестанской областей.

В связи с разногласиями, возникшими среди ответственных работников Дагестанской области по вопросу о государственном устройстве Дагестана, съезд был перенесен на 13 ноября. Председатель Дагревкома Д.А. Коркмасов, назначенный советником полпредства РСФСР в Турции, к этому времени должен был выехать в Москву, но С.И. Габиев, учитывая «момент особой важности» и сложившуюся обстановку вокруг решения вопроса о предоставлении автономии, просил Орджоникидзе оставить Коркмасова для работы в Дагестане до созыва съезда⁴⁰⁸.

Однако, узнав, что Г.К. Орджоникидзе из Баку поехал во Владикавказ на конференцию партийных организаций Северного Кавказа без остановки в Порт-Петровске, Д. Коркмасов и С. Габиев обратились к нему со следующей телеграммой: «... Насколько необходим приезд наших делегатов, в частности нас, ввиду переживаемого момента (восстания), вообще, ликвидируемого нашими силами переброской всех работников округа... Мы просим Вас настоятельно убедить товарища Сталина приехать сюда с Вами. Коркмасов, Габиев»⁴⁰⁹.

Предложения руководителей республики были приняты. Орджоникидзе отвечал: «Обе записки получены. Никому выезжать во Владикавказ не нужно. Сталин будет у Вас...»⁴¹⁰. В связи с этим Коркмасову было предложено не выезжать, а остаться в Дагестане.

Вопрос о проведении съезда в условиях продолжавшейся Гражданской войны был рискованным шагом, но в политическом плане он оказался правильным и выигрышным. Чтобы снять всякие сомнения, Орджоникидзе вновь обратился в Дагестанский ревком и сообщил: «Решено созвать съезд народов Терской области 15/XI, а съезд народов Дагестана 10/XI. Сообщите, сумеете ли к этому сроку созвать съезд. На съезде Сталин будет декларировать автономию»⁴¹¹.

По переписке Орджоникидзе с руководством Дагревкома видно, что сроки подготовки и проведения съезда его очень беспокоили. Коркмасов и Габиев заверили его о том, что «съезд будет созван в указанный день. Хотя считаем его не совсем благоприятным для этого. Выборы должны производиться из трудовых элементов, как они происходили в 1918 году. Возбуждаемый вопрос требует, — напоминали они, — совместного обсуждения с Вами. Съезд может состояться и до окончательной ликвидации меньшевистской авантюры».

Тем не менее, несмотря на заверение руководителей Дагревкома, у Орджоникидзе возникали все новые вопросы. Он писал: «Насколько быстро можно надеяться на быструю ликвидацию? Как настроение масс? Как съезд? Может быть, данный момент не подходящий? Может быть, нужно отложить до ликвидации?... Ваше мнение?...»⁴¹²

Из этой переписки видно, что руководители страны и края очень ответственно подходили к рассмотрению таких важных политических вопросов и принимали по ним решения с учетом мнения местных органов власти. Видимо, уверенные заверения руководителей Дагревкома и успехи в борьбе с повстанцами убедили их в необходимости проведения съезда. К планируемому сроку организационные вопросы его проведения были завершены, и 10 ноября все избранные делегаты прибыли в Темир-Хан-Шуру. Но в связи с тем, что Сталин и Орджоникидзе в этот день находились в Баку, Дагревком наметил до начала съезда созвать совещание ответственных работников, начало его работы было отложено на 13 ноября⁴¹³.

По уточнению сроков проведения съезда народов Дагестана Дагревком разослал окружным ревкомам уведомление о дате созыва съезда и проведении выборов делегатов на съезд из расчета один делегат на 5 тыс. населения. Выборы были свободными, однако враги Советской власти к выборам не допускались⁴¹⁴.

В ходе подготовки к съезду среди ответственных работников выявились разные точки зрения по вопросу о формах государственного устройства Дагестана. Приезжие работники, слабо знакомые с местными условиями, выступали против предоставления Дагестану автономии. Они обвиняли местных работников в национализме и шовинизме. На этих позициях стоял и Н. Самурский, хотя и по другим соображениям. Он считал, что дагестанская беднота думает не об автономии, а об улучшении своего экономического положения. В то же время для создания автономий, как он указывал, отсутствуют опытные и честные работники. И наконец, свою позицию Самурский обосновал тем, что провозглашение автономии даст повод сказать о слабости

советской власти⁴¹⁵. Были и такие работники, которые толковали понятие автономии так широко, как предоставление полной независимости.

Обозначившиеся противоречивые подходы к решению этого вопроса побудили провести его обсуждение еще до начала съезда на совещании ответственных работников с участием И.В. Сталина и Г.К. Орджоникидзе. На этом совещании после дискуссий была принята резолюция, одобряющая решение ЦК РКП(б) о создании Терской и Дагестанской республик, положившее конец дискуссиям, затеянным противниками автономии. Чрезвычайный съезд народов Дагестана, названный так с учетом тех сложных условий, в которых его пришлось проводить, и его огромной важности для судеб дагестанских народов, открылся вечером 13 ноября в дагестанском областном центре – г. Темир-Хан-Шуре. На съезд съехались 300 делегатов и представителей округов. Провести выборы в тех округах, в которых продолжались столкновения между красными партизанами, красноармейскими частями с одной стороны, и антисоветскими повстанческими отрядами, с другой, не удалось. Однако несмотря на эти издержки, на съезде были представлены делегаты большинства населения Дагестана.

На съезде с небольшой, но произведшей, как отмечалось в печати, на его делегатов большое впечатление речью выступил наркомнац РСФСР И.В. Сталин, который напомнил, что решение вопроса, волнующего дагестанский народ, затягивалось в связи с занятостью советского правительства войной против внешних врагов на юге и западе. После разгрома армии Врангеля и заключения мира с Польшей советское правительство получило возможность непосредственно заняться вопросом автономии Дагестана.

В своем выступлении он подчеркивал: «Дагестан должен управляться согласно своим особенностям, своему быту, обычаям... Правительство России предоставляет каждому народу полное право управляться на основании своих законов и обычаев... Советское правительство – первое правительство, которое добровольно дает Дагестану автономию»⁴¹⁶. В выступлении Сталина были затронуты и другие аспекты вопросов, связанных с предоставлением Дагестану автономии: предоставление ему права на внутреннее самоуправление, сохранение шариата как правомочного, обычного права, подготовка из среды местного населения честных и преданных своему народу работников, которым можно будет верить все органы управления Дагестаном, как хозяйственные, так и административные. Именно таким путем, как указывал Сталин, советская власть хочет помочь дагестанским народам подняться над темнотой и невежеством, в которую бросила их старая Россия. Никакой другой цели, кроме поднятия Дагестана на высшую культурную ступень, советская власть не имеет, утверждал он. В предоставлении широкой автономии национальным регионам в решении внутренних вопросов он видел путь решения национального вопроса не только в многонациональном Дагестане, но и в Туркестане, Киргизской и Татарской республиках, ранее получивших статус автономных.

Но Дагестан, как и другие автономии, сможет сохранить свою свободу в тесном союзе с Россией, заверял наркомнац России делегатов съезда.

Эта мысль прозвучала и в выступлении хорошо известного в Дагестане Г.К. Орджоникидзе, который, как было ему свойственно, горячо и страстно убеждал представителей дагестанского народа: «... отныне от вас зависит устроить свою жизнь. Советская Дагестанская республика дает вам полную возможность успешного развития... объявление Дагестана автономной республикой не отделяет его от России, не отдает его англичанам и другим врагам трудящихся, наоборот, оно скрепляет связь с Советской Федерацией, с братскими русским и азербайджанским народами»⁴¹⁷.

Выступления двух видных общественно-политических государственных деятелей России, затронувших наиболее важные, судьбоносные вопросы дагестанских народов, были восприняты делегатами съезда с большим удовлетворением, что проявилось и в единодушно принятой ими резолюции. В ней отмечалось, что съезд, «... выслушав декларацию народного комиссара по делам национальностей товарища Сталина об автономии Советской Дагестанской республики, выражает свой глубокий восторг и полное удовлетворение этому доверию, выраженному рабоче-крестьянской Россией дагестанскому народу этим великим историческим актом». Съезд высказал твердую уверенность в том, что «союз с трудовыми народами Советской России вырастает в вечные, мощные, неразрывные узы братства и взаимной солидарности на весь долгий путь борьбы и победоносного творчества новой жизни»⁴¹⁸.

Легитимно созданный чрезвычайный съезд народов Дагестана, облеченный доверием дагестанских трудящихся, устремившихся к новой жизни, принял решение, сыгравшее огромную роль в судьбах его народов и означившее новую эру в их жизни. Провозглашение автономии Дагестана, несмотря на продолжавшуюся Гражданскую войну и вопреки некоторым успехам контрреволюционеров, имело важное значение для укрепления здесь советской власти, а также для развития революционного процесса, как отмечалось на съезде, на Востоке. Выступивший на съезде его участник М. Павлович говорил: «... по моему глубокому убеждению, провозглашение автономии Дагестана – независимо от своего огромного местного значения – громким эхом отзовется на всем мусульманском мире и еще прочнее свяжет Восток с Россией»⁴¹⁹.

Буквально через пять дней после провозглашения автономии Дагестана 18 декабря 1920 г. председатель Великого национального собрания Турции М. Кемаль обратился по радио к В.И. Ленину, в котором одобрял решение советского правительства о предоставлении автономии Дагестану и горским народам, которое, по его мнению, «будет бесспорно иметь прекрасное влияние на отношение советских масс к мусульманским массам...».

В ответной телеграмме В.И. Ленин подтвердил, что Советская Россия предоставляет автономию всем народам на ее территории и поддерживает образование ими местных республик⁴²⁰. Такие взаимные обмены руководителями двух республик способствовали улучшению их взаимоотношений, росту международного авторитета России, утверждению советской власти на всем Кавказе. Руководство страны усилило свое внимание к политическим

событиям, происходившим и Дагестане и на Кавказе, к ликвидации остатков антисоветских выступлений.

13 ноября, в день проведения съезда дагестанских народов, В.И. Ленин по телеграфу запросил И.В. Сталина о ходе борьбы с бандами. В частности, он уточнял, верны ли сведения о том, что у них свыше 20 тыс. штыков и сабель, достаточны ли назначенные на Кавказский фронт подкрепления, каково состояние отношений с Грузией и Арменией и как их уладить и по другим вопросам⁴²¹.

Такое внимание руководителя государства к делам в Дагестане и на Кавказе было неслучайным. Несмотря на провозглашение автономии Дагестана, положение здесь оставалось трудным. В селении Ботлих повторилась трагедия, не менее тяжелая, чем в Араканском ущелье. 18 ноября здесь крупные силы банды, во главе которой стояли Гоцинский и полковник Джафаров и Шамилев, окружили и почти полностью уничтожили первый, образцовой дисциплины полк, пришедший сюда из Грозного. Восставшими было захвачено около 17 тыс. аршин мануфактуры, тысяча пудов риса около 200 пудов пшеницы и другой продукции, посланной советским правительством вместе с полком в помощь горской бедноте.

Неожиданный успех вдохновил повстанцев, и они перешли в наступление. В первых числах декабря 1920 г. ими вновь были окружены крепости Хунзах и Гуниб, 10 декабря они заняли сел. Хаджал-Махи и стали угрожать жителям сел. Леваши⁴²².

Как докладывал из Порт-Петровска ответственный инструктор Кавказского бюро ЦК РКП(б) Решель, в Дагестане восстанием были охвачены Аварский, Гунибский, Андийский округа и часть Даргинского округа. Повстанцы, действовавшие раньше отдельными бандами, в последнее время, судя по их операциям, постепенно кем-то спланивались и объединялись. Во главе их по-прежнему стояли Гоцинский и Алихапов, в поддержку которых был приглашен внук Шамиля Саид-бек. Его прочили даже на роль имама Дагестана и Чечни, но он отказался от такой почетной обязанности, однако, тем не менее, активно поддерживал повстанцев и старался помочь им. 4 января 1921 г. Саид-бек приехал в селение Анди, где было проведено собрание, на которое пригласили по 4–10 делегатов от каждого аула Андийского округа и некоторых аулов Веденского округа Чечни.

На собрании было принято решение: поднять восстание в Чечне, для проведения там соответствующей работы направить туда дагестанскую делегацию с включением в ее состав и чеченцев. Собрать все силы и попытаться захватить селение Хунзах и крепость, а если и это не удастся, направить на Ахвахский участок и разгромить там просоветские силы, чтобы открыть дорогу в Грузию, в поддержке которой очень нуждались повстанцы⁴²³.

Активизировались эмигрировавшие в Турцию и разгромленные ранее руководители антисоветского движения в Дагестане и на Северном Кавказе. В Константинополе был образован «Кавказский комитет», в который вошли от Дагестана генерал Халилов, от Кабарды – князь Бекович-Черкасский, Осетии – Хабаев и т.д. Комитет поставил своей целью объединение всех мусуль-

ман против своего главного врага – большевиков. Для достижения своих целей они по-прежнему готовы были объединиться с любыми антибольшевистскими силами и намеревались создать под Константинополем лагерь для поселения всех мусульманских беженцев, чтобы иметь под рукой силы, которые можно было бы направить на помощь антисоветским выступлениям.

Константинопольская пресса уделяла много внимания положению на Кавказе, она широко освещала восстание в Дагестане и участие в нем Саид-бека⁴²⁴.

Однако, несмотря на помощь повстанцам со стороны зарубежных стран и соседней Грузии, они все больше и больше теряли свое влияние. Более того, против них поднимались местные краснопартизанские отряды, которые решительно вытесняли их не только из населенных пунктов, но и крепостей. На совещании, проведенном областным бюро РКП(б) 12 декабря 1920 г. с участием представителей военного командования, были рассмотрены неотложные меры по ликвидации бандитизма в горах, привлечению для выполнения этой задачи красноармейских частей.

На нем большое внимание было уделено усилению и улучшению политико-воспитательной работы среди населения, принято воззвание на аварском языке, распространяемое в тех округах, где действовали повстанческие отряды. Одновременно Дагревком и областные бюро РКП(б) обратились в Реввоенсовет Кавказского фронта с просьбой оказать военную помощь. В конце ноября 1920 г. в Дагестан были направлены 32-я стрелковая дивизия, 52-я стрелковая бригада, 2-я московская бригада курсантов, в начале января 1921 г. – 14 дивизия и др.⁴²⁵

Все эти части подтягивались поближе к округам, где происходили военные действия. Кроме того, к началу декабря 1920 г. были организованы 12 партизанских отрядов, общая численность которых доходила до 10 тыс. человек. Высокой организованностью и боеспособностью отличились отряды: Даргинский, которым руководили А. Богатырев и М. Карабудагов, Темир-Хан-Шуринский – руководитель А. Лапин, Гунибский – М. Омаров-Чохский, Хунзахский – М. Атаев, Ахтынский – А. Эфендиев, сводный отряд – К. Карась и др.⁴²⁶ К 20 числам декабря в Леваши была создана ударная группа красных войск. Краснопартизанские отряды были включены в состав общевойсковых соединений, приняты на военный учет и приравнены во всех отношениях к регулярным частям Красной Армии, что повысило их боеспособность⁴²⁷.

Все активнее стали вести борьбу с повстанцами краснопартизанские отряды горных округов. Ахвахский партизанский отряд Ш. Салихова воевал с повстанцами у селений Занаты и Тляну, Горского моста и у входа в Ахвахское ущелье. Отряд успешно воевал с противником. В сторону Ботлиха наступали отряды Красной Армии, двигавшиеся сюда через селения Ведено и Дылым. Как указывал комиссар Ахвахского партизанского отряда, вида наступление значительных сил Красной Армии и красных партизан, восставшие пали духом. Дидоевцы бросили свой участок фронта и ушли к себе. Ка-

ратинский участок держался пассивно и не выступил против красноармейских частей и краснопартизанских отрядов⁴²⁸.

Правда, в январе 1921 г. остатки контрреволюционных банд во главе в Саид-беком сумели поднять восстание в Чечне. Для их разгрома приказом Реввоенсовета Кавказского фронта от 25 января 1925 г. была создана Терско-дагестанская группа, перед которой была поставлена задача окончательного разгрома мятежников.

Решение этой задачи ускорили и облегчили события в Грузии. Здесь под руководством большевистских организаций в начале февраля произошло вооруженное восстание против меньшевистского правительства. Был организован революционный комитет Грузии, который обратился за помощью к правительству России. По решению ЦК РКП(б) и распоряжению В.И. Ленина части XI Красной Армии пришли на помощь трудящимся Грузии. 25 февраля 1921 г. войска Красной Армии вступили в Тифлис. 26 февраля ревком Грузии издал приказ о низложении по требованию трудящихся меньшевистского правительства и о переходе государственной власти в руки ревкома. В результате очаг всевозможных антисоветских авантюр, организуемых меньшевистским правительством Грузии в интересах стран Антанты, был ликвидирован⁴²⁹.

Это событие с удовлетворением было встречено в Дагестане. В газете «Советский Дагестан» от 27 февраля 1921 г. вышла передовая, посвященная этому событию и специальная подборка статей под общим символическим заголовком «Белый Тифлис пал. Да здравствует красный Тифлис». В городах и селениях прошли митинги и собрания.

Свержение меньшевистской власти в Грузии, советизация Азербайджана и Армении, ликвидация очагов восстаний на Дону, Кубани и Северном Кавказе способствовали окончательному подавлению антисоветского движения в Дагестане и упрочнению здесь советской власти. К 15 марта 1921 г. воинские части Красной армии и отряды красных партизан подавили и уничтожили сопротивление повстанцев. Только около 300 человек во главе с руководителями повстанческих отрядов скрылись в горах. Лишь в мае месяце они были уничтожены⁴³⁰.

Наиболее видная фигура в антисоветском движении тех лет Гоцинский сумел скрыться в горах Чечни и прожить до 1925 г., продолжая вынашивать планы по объединению антисоветских сил и созданию исламской республики. Его авантюристические идеи были изложены в так называемой «Ноте Гоцинского», в которой он требовал объединения всех мусульман России и создания под протекторатом Турции исламской республики⁴³¹. Однако, как вспоминал бывший в те годы секретарем Северо-Кавказского крайкома партии А.И. Микоян, его успели обезвредить, выманив из пещеры, в которой он скрывался, судить и расстрелять.

Итоги и уроки Гражданской войны. Трудящиеся Дагестана завоевали и отстояли советскую власть в трудной, упорной и длительной Гражданской войне с феодально-клерикальными и националистическими силами, владетельными беками и ханами, малочисленной, но экономически крепну-

щей буржуазией, воспринимаемой на быденном уровне как противостояние между бедными и богатыми, угнетенными и угнетателями. Но эта борьба носила многоплановый характер, осложняя выяснение и изучение расстановки и соотношения борющихся сил. В Дагестане картина Гражданской войны не сводилась к противостоянию только указанных классовых сил, в ней участвовали еще и регулярные войсковые соединения Красной Армии, белогвардейские воинские части (бичераховские и деникинские части), турецкие аскеры, приглашенные якобы для борьбы с бичераховцами и деникинцами, но ставшие непрошеными гостями. Все, кто выступал против большевиков и советской власти, пользовались поддержкой как моральной, так и материальной Германии, Великобритании, США и Турции. Этот антисоветский блок поддерживала и меньшевистская Грузия. Столкновение таких различных сил происходило в самой обостренной форме. С обеих сторон оказывалось жестокое принуждение, побежденных брать в плен не торопились, расстрелы после боя часто применяли как белые, так и красные.

Всякая война связана с жертвами, но жертвы Гражданской войны, когда брат шел на брата, воспринимались вдвойне тяжелее, чем война против какого-то другого народа, к которой население заранее подготавливалось мощным пропагандистским аппаратом. Дополнительные мучительные переживания воюющих были связаны с тем, что все они, за исключением зарубежных интервентов, будучи гражданами России, болезненно воспринимали войну со своими согражданами. Это накладывало отпечаток на психологию воюющих, приводило к разраставшемуся на фронте и в тылу моральному разложению.

Если к этому учесть и затяжной характер Гражданской войны в Дагестане, длившейся с небольшими перерывами с конца 1917 и до конца марта 1921 г., т.е. более трех лет, то можно понять те огромные физические и моральные страдания, которые выпали на долю дагестанских народов, осознать те огромные материальные и людские потери, которые они понесли. Однако людские потери в той войне пока нигде еще не подсчитаны, хотя после Гражданской войны была создана специальная комиссия для сбора материалов по ее истории. После ареста членов этой комиссии в 30-е гг. материалы вместе с арестованными оказались в архивах КГБ и там они тщательно спрятаны или же затерялись.

В воспоминаниях М.Г. Атаева, командира Хунзахского партизанского отряда, отважно восставшего в 1921 г. против наступающих на Хунзах повстанцев Гоцинского, приводятся данные о том, что в период этого антисоветского мятежа на полях сражений погибло свыше 7000 человек⁴³². Эти данные были опубликованы в газете «Красный Дагестан» 1 апреля 1925 г. Однако они ни тогда, ни позже не подвергались сомнению, хотя и не приводились в последующих многочисленных публикациях и научных изданиях. Ясно одно, что людские потери были еще большими, ведь в приведенном факте отражены лишь данные за последний этап Гражданской войны, длившейся всего 7 месяцев. Для Дагестана с населением около 636 тыс. человек в 1917 г.⁴³³ людские потери за годы Гражданской войны, а также ее последствия, сказыва-

вавшиеся многие годы на увеличении смертности и падении рождаемости среди населения, были значительны и тяжело отразились на его развитии.

Столь существенные потери объяснялись еще и тем, что мирному населению, защищавшему свою свободу, приходилось воевать с хорошо организованными и лучше вооруженными силами, такими как бичераховские и денкинские регулярные части, войска турецких, германских и британских интервентов.

Чрезвычайные меры против контрреволюционеров носили вынужденный и временный характер, и применялись они в период наибольшего обострения классово-политической борьбы. Когда противостояние между господствующими и эксплуатируемыми классами несколько приутихло, то наиболее одиозные меры отменялись. Уже в январе 1920 г., когда еще не закончилась Гражданская война, ВЦИК и Совнарком приняли решение об отмене смертной казни.

Следовало бы помнить об этом. А таких мер, которые свидетельствовали о вынужденном характере чрезвычайных мер и стремлении советской власти ослабить их применение или вообще отказаться от них, было много.

Однако все это не означает, что строительство новой жизни проходило гладко, без ошибок и нарушений законности и правопорядка. Коренная ломка старой модели политической, экономической и духовной жизни общества ущемляла интересы господствовавших высших прослоек, которые воспринимали все мероприятия советской власти, направленные на лишение их прежних привилегий, враждебно и долго продолжали находиться в оппозиции к ней.

Гражданская война нанесла Дагестану и тяжелые материальные потери, негативно отразившиеся на его экономике. Многие населенные пункты, хозяйственные и гражданские объекты были разрушены в ходе военных действий, экономическая жизнь горцев в значительной мере была подорвана так, что приходилось многое начинать заново.

Дагестанское общество, как и страна в целом, раскололось на «красных» и «белых», цели которых были диаметрально противоположны, и между ними шла жестокая, бескомпромиссная борьба. Потери с двух сторон были масштабны и невосполнимы, белый и красный террор имел тяжелые последствия.

Можно соглашаться с тем, что всякая война, даже самая справедливая, противна человеческой природе. Вместе с тем не выдерживают критики и рассуждения вроде того, что все участники войны в одинаковой степени виновны в ее развязывании, а в данном конкретном случае в стремлении переложить ответственность за все последствия в равной мере на «красных» и на «белых».

Если на события Гражданской войны смотреть с точки зрения, кто виноват в ее начале и как это происходило, то можно отметить следующее.

Народ, вершитель своей судьбы, совершил в 1917 г. Октябрьскую революцию, в ходе которой к власти пришли большевики. Захватив власть, они начали социалистические преобразования, с чем не смирилась буржуазно-политическая верхушка Российской империи, которая стала на путь террора

и заговоров. Им на помощь пришли и господствующие классы стран Антанты. Их совместными усилиями в центре России, на Украине, в Беларуси, на Кавказе и в Средней Азии были организованы и осуществлялись заговоры, саботажи, террористические акты, диверсии, раздувалось пламя Гражданской войны.

В первое время отношения советской власти к контрреволюционерам было более или менее терпимым, к ним применялись такие меры воздействия, как их выдворение, конфискация имущества, лишение продовольственных карточек и т.д. Было немало случаев, когда даже злейших врагов отпустили под честное слово, что они не будут вести борьбу против советской власти. Однако они, оказавшись на свободе, возобновляли активную антисоветскую деятельность.

В этом смысле прав был В.И. Ленин, который писал, что красный террор был вынужденной ответной реакцией на действия белогвардейцев и интервентов⁴³⁴. Первый председатель ВЧК, сподвижник Ленина Ф.Э. Дзержинский убеждал русских капиталистов: «Мы вовсе не стремимся уничтожить всех тех, кто раньше был капиталистом, мы приглашаем их к себе на службу, но при этом говорим: будьте честными, не вносите в наши ряды развала, и вы будете уравнены со всеми трудящимися»⁴³⁵.

Открытая борьба между бедными и богатыми, между угнетенными и угнетателями коснулась всего Дагестана, в нее были вовлечены многие слои и прослойки дагестанского общества.

В начальный период классовой схватки значительная часть обманутой бедноты поддержала богатых. В 1918 г. в своем обращении к дагестанскому народу Махач Дахадаев писал: «... когда мы... разъясняли народу, Нажмутдин, ханы, помещики и их приспешники всеми мерами пытались свергнуть дагестанский народ в пожар. Они склонили на свою сторону большую часть бедноты, которая из-за отсталости и невежественности не могла разобраться в происходящих событиях»⁴³⁶.

В классовой борьбе, разворачивавшейся и в Дагестане под красным флагом за утверждение социалистических идей, наибольшую революционную последовательность проявляли рабочие. Однако они были малочисленны и сосредоточены в городе. В силу чего и слабых связей с крестьянством они одни не могли играть ведущую роль в революционном движении и подавлении антисоветского мятежа.

Эта роль выпала на долю бедноты, занимавшей высокий удельный вес в составе дагестанского крестьянства. Она в целом поддерживала большевиков, их пропаганду, предусматривавшую предоставление народам национальных окраин права на самоопределение и решение аграрного вопроса. Крестьянство в союзе с русским рабочим классом подавило сопротивление классовых врагов и установило в Дагестане советскую власть, явившуюся важной вехой в развитии национальной государственности горцев.

Опыт первых лет создания и затем восстановления советской власти в Дагестане показал, что крестьянские Советы являются той формой политической власти, которая отвечает жизненным интересам крестьянских масс.

Г.К. Орджоникидзе, много занимавшийся вопросами советского строительства в Северо-Кавказском крае, был убежден, что советская власть есть именно та форма политической власти, которая отвечает насущным интересам местного крестьянства. «У нас, — говорил он, — имеется богатейший опыт советского строительства на Кавказе, среди горцев, где совершенно отсутствует промышленный пролетариат, и где, казалось бы, нет никакой почвы для советской власти... Но опыт двух лет блестяще доказал всю жизнеспособность советской власти среди горского населения»⁴³⁷.

Жизненность и привлекательность для крестьянских масс Дагестана советских идей показала их борьба с деникинцами, попытавшимися восстановить единую и неделимую Россию под самодержавным скипетром. В приказе Реввоенсовета по войскам Юго-Восточного фронта от 18 декабря 1919 г. отмечалось: «Бойцы революции! На Кавказе вспыхнуло восстание против Деникина. Восставшие горцы Дагестана разбили наголову карательную экспедицию войск корпуса Шкуро и захватили Темир-Хан-Шуру, Дербент и Грозный»⁴³⁸.

Первое восстание трудящихся Дагестана против деникинской армии не только отвлекло на себя крупные силы белых (до 10 – 15 тыс. человек⁴³⁹), наступавших на Москву, но, по признанию самого А. И. Деникина, подорвало их моральное состояние. Однако, несмотря на большие потери, которые несла Добровольческая армия на Кавказе, Деникин пытался сохранить в Дагестане свои позиции, чтобы не лишиться помощи англичан из Баку и Закавказья и ослабить блокаду Астрахани с моря.

Заслуги трудящихся Дагестана в борьбе против деникинцев еще тогда были высоко оценены. Осенью 1919 г. ВЦИК РСФСР вручил армии Советов обороны Дагестана Красное знамя с надписью «Революционным горским войскам от Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов»⁴⁴⁰.

В дни, когда Дагестан отмечал 5-летие установления советской власти, бывший тогда секретарем Северо-Кавказского крайкома партии и сам участник Гражданской войны на Кавказе А.И. Микоян напоминал о героической борьбе трудящихся Дагестана в годы Гражданской войны. В своем приветствии он писал: «В тяжелые дни, когда белые полчища Деникина занимали один за другим подступы к пролетарской столице – Красной Москве, дагестанские народы, эти славные горные орлы, оказали величайшую помощь загнанным в контрреволюционные тиски русским рабочим и крестьянам. Народы Дагестана подняли знамя всенародного восстания в тылу Деникина. Они открыли ему новый фронт, отвлекли его силы, помешали продвижению его банд на Советскую Россию»⁴⁴¹.

Во главе всенародного движения дагестанцев против внутренних и внешних контрреволюционеров оказались политические и духовные деятели, имевшие хорошее образование, прошедшие школу революционной борьбы, участвуя в классовых сражениях рабочих и крестьян как в Дагестане, так и в центре, пользовавшиеся огромным доверием трудящихся. Некоторые из них были известны не только в Дагестане, но и в России. Их знали, им доверяли

видные деятели Коммунистической партии и Советского государства, которые привлекали их к решению как внутренних, так и международных проблем. Один из первых руководителей Дагестанского ревкома и правительства Дагестана Дж. Коркмасов был привлечен к переговорам по подготовке первого советско-турецкого договора. Нарком иностранных дел Г. Чичерин 7 ноября 1920 г. поручил Мдивани, Коркмасову и Шахтактинскому вести переговоры и заключить соглашение с представителями турецкого национального правительства по вопросу о приостановлении военных действий между Турцией и Арменией. Благодаря их посредничеству военные действия турок были приостановлены⁴⁴².

Наметившееся сближение между Советской Россией и Турцией завершилось подписанием в Москве 16 марта 1921 г. договора «О дружбе и взаимопомощи России и Турции». Договор подписали от Правительства Российской Социалистической Федеративной Советской Республики народный комиссар иностранных дел и член Всероссийского исполнительного комитета Г. Чичерин и член ВЦИК и председатель правительства Дагестана Джелал-Эд-Дин Коркмасов. От правительства Великого национального собрания Турции под договором подписались: Юсуф Кемаль-бей, народный комиссар по народному хозяйству Великого национального собрания Турции, Риза Нур-бей, народный комиссар просвещения Великого национального собрания и чрезвычайный и полномочный посол Великого национального собрания Турции Али Фуад-паша. Эти документы свидетельствуют о высокой чести, которой был удостоен Дж. Коркмасов, подписывая очень важный для нашей страны документ, положивший начало дружеским отношениям и сотрудничеству между Россией и Турцией⁴⁴³.

Образование Дагестанской Автономной Советской Социалистической Республики. Как внешняя, так и внутренняя политика советской власти на Кавказе и Ближнем Востоке способствовала стабилизации обстановки, позволяла более активно решать вопросы хозяйственного строительства и развития национальных окраин. Еще до окончания Гражданской войны необходимо было решить ряд организационных вопросов, связанных с созданием автономной республики, которые не были решены на чрезвычайном съезде народов Дагестана, так как они входили в компетенцию Российской Федерации. С этой целью на съезде была избрана специальная делегация в составе Дж. Коркмасова, С. Габиева и А. Тахо-Годи. Из-за продолжавшегося контрреволюционного восстания в горах член ревкома С. Габиев, остающийся председателем Дагревкома, в связи с поездкой Коркмасова в Москву, был заменен М. Хизроевым⁴⁴⁴. Дагестанская делегация совместно с Наркоматом по делам национальностей подготовила предложения по созданию Дагестанской АССР. 20 января 1921 г. Президиум ВЦИК принял Декрет об образовании Дагестанской АССР, в котором указывалось, что Дагестанская АССР образуется как часть РСФСР в составе 10 округов.

В период нахождения дагестанской делегации в Москве 21 февраля с ее членами встречался и беседовал В.И. Ленин. Для себя он сделал записи о не-

отложных нуждах горцев и принял меры, чтобы они были как можно быстрее удовлетворены⁴⁴⁵.

Республика создавалась, как видно из декрета ВЦИК, на правах автономии, однако соглашаться с этим республиканские органы не спешили. Дагестанский ревком, рассмотрев этот вопрос на своем заседании 24 февраля, постановил «отныне именовать Дагестанскую область – Дагестанской Социалистической Республикой и в официальных актах всюду писать ДССР»⁴⁴⁶, претендуя тем самым на более высокий статус республики. В первое время официальные органы Дагестана так и писали название республики, однако это противоречило декрету и не было принято.

В честь учреждения автономии Дагестана и Первомайского праздника Революционный комитет ДАССР своим декретом от 1 мая объявил амнистию всем политическим преступникам, совершившим преступления по отношению к бедноте, которые и сами относились к бедноте. Объявляя амнистию, Дагревком призвал всех амнистированных приступить «к мирной работе», к строительству новой жизни», что послужило бы добрым предзнаменованием в стабилизации обстановки в республике.

В связи с образованием ДАССР важной политической задачей стал переход от системы назначаемых органов власти (ревкомов) к выборным органам власти – к Советам, являющимся политической основой Советского государства⁴⁴⁷. Для решения этой задачи необходимо было провести учредительный съезд Советов, подготовке и проведению которого большое внимание уделяли партийные и советские органы. Как писала газета «Советский Дагестан» в номере от 31 августа 1921 г., «Дагестан вступает в этом году (ближайшие месяцы) в одну из важнейших фаз советского строительства».

То, что уже давно проделано в советских республиках, раньше Дагестана освободившихся от власти эксплуататоров, теперь намечается к проведению у нас в Дагестане».

К концу ноября 1921 г. кампания по выборам окружных Советов в Дагестане закончилась почти по всем округам и здесь шла работа по подготовке и проведению 1-го Вседагестанского съезда Советов.

В выборах окружных Советов, по данным 7 округов, приняли участие 72405 избирателей из общего числа в 163750 человек, или 44,3%. В сельские Советы были избраны 2565 человек. Участие женщин в выборах было слабым. Голосовать пришли 11797 женщин, а в сельские Советы не было избрано ни одной женщины⁴⁴⁸. Эти факты показывали неравноправное положение женщин в обществе. Но советская власть добилась в дальнейшем более активного вовлечения женщин в общественно-политическую жизнь.

Социальный состав членов сельсоветов был крестьянско-рабочим. 2183 члена сельсоветов были из крестьян и 382 – из рабочих. В состав сельсоветов коммунистов было избрано 399 человек и из других партий – 17 человек⁴⁴⁹. Это был большой успех Дагестанской партийной организации, влияние и авторитет которой за годы Гражданской войны значительно выросли и окрепли. Если в сентябре 1920 г. в ее рядах числилось 1856 членов и кандидатов и насчитывалось 76 партийных ячеек, то эти показатели за два месяца (ноябрь–

декабрь) значительно выросли и составили 2261 член и кандидат, а количество ячеек увеличилось до 142⁴⁵⁰. Другой какой-либо подобной партии, вышедшей из Гражданской войны, несмотря на большие потери, еще более окрепшей, в Дагестане не было.

Переход от ревкомов к Советам завершился проведением в начале декабря 1921 г. первого Вседагестанского учредительного съезда Советов, который вступительным словом открыл первый председатель Дагестанского ревкома Дж. Коркмасов.

С приветственным словом к трудящимся Дагестана от имени азербайджанских рабочих и крестьян обратился председатель Совнаркома Азербайджана Н. Нариманов, выступивший на азербайджанском и русском языках. В духе своего времени Нариманов закончил свою речь заверением готовности азербайджанских рабочих и крестьян вместе с дагестанскими трудящимися выступить против мировой контрреволюции⁴⁵¹.

Приветствия съезду поступили от защитников Дагестана – Красной Армии, красных воинов Азербайджана, Дагсовпрофа, Дагестанского комитета РКСМ, красных партизан, проходившей в эти дни первой партийной конференции ЦИК Азербайджана и лично от Г.К. Орджоникидзе, не забывавшего поддерживать и вдохновить дагестанцев⁴⁵².

Это, что касается официальной части работы первого съезда избранных дагестанских народов, призванных решать судьбоносные вопросы Дагестана. Была и другая, более официальная часть работы съезда, заполненная рассмотрением и решением конкретных и жизненно важных вопросов. На съезде были заслушаны доклады – отчеты председателя Дагревкома, наркоматов финансов, юстиции, труда, наркомпроса, социального обеспечения, здравоохранения, рабоче-крестьянской инспекции, внутренних дел, статистического управления, управления почты и телеграфа, Дагестанского совнархоза и шариятского суда.

За этими отчетами вырисовывалась общая картина того положения, в котором оказался Дагестан в период после окончания Гражданской войны. В них говорилось и о мерах, необходимых для того, чтобы восстановить и поднять экономическую жизнь края⁴⁵³.

Важнейшим решением съезда, выраженным лаконично, буквально в одном предложении, но имевшим историческое значение, явилось принятие первой Конституции Дагестанской Автономной Советской Социалистической Республики. В нем говорилось: «Заслушав доклад председателя Дагревкома товарища Коркмасова о проекте конституции ДССР, Вседагестанский учредительный съезд Советов утверждает проект конституции целиком без изменений».

Правда, в постановлении содержалась и другая, более прагматичная часть, в которой будущему ЦИК Дагестана поручалось «ускорить разрешение вопроса о границах с Азербайджаном, Грузией, Горской республикой и пограничными областями РСФСР, дабы присоединить к ДССР спорные территории, входившие до покорения Кавказа в состав Дагестана...»⁴⁵⁴. В существующей литературе этот вопрос как-то не озвучивался, хотя для мало-

земельного Дагестана он представлял не только территориально-экономический, но и политический интерес в смысле объединения в составе молодой республики родственных народов, разделенных насильственной политикой царского самодержавия. За годы советской власти частично эти проблемы были решены. Поэтому далеко не правы современные публицисты и политики, заявляющие, что проблемы подобного рода достались нынешней России от советской власти, их породившей. Она пыталась решить эти проблемы, возникшие при царской России, однако ей не все из них удалось снять полностью.

Первая Конституция ДАССР 1921 г. была разработана в соответствии с Конституцией РСФСР 1918 г., но она не была ее простым копированием. Конституция законодательно закрепила достижения советской власти в Дагестане. В первой статье Конституции Дагестан объявлялся республикой Советов. Государственная власть в республике, как подчеркивалось в статье 5, принадлежала только трудящимся.

Конституция признала «равные права за гражданами, независимо от их религии, расовой и национальной принадлежности»⁴⁵⁵. Однако отдельные лица и группы могли быть лишены политических прав, которые могли быть использованы «ими в ущерб интересам Социалистической Республики»⁴⁵⁶. Избирателям предоставлялось право отзыва депутатов. В ней были зафиксированы конституционные права граждан и другие вопросы. С принятием Конституции, избранием ЦИК Дагестана и образованием Совнаркома ДАССР в декабре 1921 г. в Дагестане завершалась важная работа по переходу от временных органов власти к постоянным – Советам на всех уровнях. Новые органы власти сыграли большую роль в становлении и укреплении национальной государственности дагестанских народов, утверждении государственно-правовой основы нового общественного строя.

Организация государственных и партийных органов власти Дагестана и их деятельность. В Конституции ДАССР 1921 г. была установлена новая система органов государственной власти и управления республики, в которой Вседагестанский съезд Советов являлся высшей властью. Он формировался из числа представителей городских Советов из расчета 1 депутат на 1000 избирателей и из представителей окружных съездов из расчета 1 делегат на 5000 избирателей. Вседагестанский съезд Советов избрал Центральный Исполнительный Комитет из 50 человек. В последующие годы количественный состав ЦИК изменялся в сторону увеличения.

ЦИК Советов Дагестана образовал Совет Народных Комиссаров Дагестана для управления делами Дагестана и народные комиссариаты для руководства отдельными отраслями народного хозяйства. Было образовано 12 народных комиссариатов, которые возглавляли члены Совнаркома. Ряд народных комиссариатов ДАССР: продовольствия, финансов, труда, рабоче-крестьянской инспекции, Совет народного хозяйства, отдел путей сообщения, а также центральное Дагестанское статистическое управление находилось в двойном подчинении – соответствующих народных комиссариатов РСФСР и Совнаркома ДАССР. Наркомы указанных наркоматов, а также председа-

тель ДагЧКа, дагвоенком и заведующий центральным Дагестанским статистическим управлением назначались по соглашению Совнаркома ДАССР с соответствующими народными комиссариатами РСФСР и утверждались ЦИКом ДАССР. Члены коллегий, образуемых при наркоматах, утверждались Совнаркомом ДАССР⁴⁵⁷.

Первый Вседагестанский съезд Советов, в котором принимали участие 269 делегатов от городов и округов республики, был создан как организационный и потому получил название «учредительный». Однако по количеству, важности и разнообразию рассмотренных вопросов, на что пришлось затратить времени более чем неделю, начиная с 1 по 7 декабря 1921 г., съезд вышел далеко за рамки «организационного». Съезд подвел черту под деятельностью ревкомов в Дагестане, принял первую Конституцию ДАССР, успел рассмотреть такие важные для республики вопросы, как восстановление народного хозяйства, ликвидация последствий голода, вместо продрозверстки переход к продовольственному налогу, восстановление разрушенных городов и аулов, культурное строительство, повышение политической активности трудящихся, и указал пути их решения.

Завершая свою работу, съезд избрал Центральный Исполнительный Комитет ДАССР. Непосредственно вслед за съездом состоялась первая организационная сессия ЦИК ДАССР, избравшая президиум ЦИК во главе с Н. Самурским и образовавшая правительство республики – Совет Народных Комиссаров (СНК) ДАССР во главе с Дж. Коркмасовым⁴⁵⁸.

После съезда были сформированы наркоматы, управления и другие структуры законодательной и исполнительной власти, создавались партийные и общественные организации, охватившие и вовлекавшие в общественно-политическую жизнь республики наиболее активную часть общества. В руководящие республиканские властные структуры Дагестана были выдвинуты наиболее подготовленные кадры, имевшие хорошую образовательную базу и получившие необходимую политическую закалку, участвуя и возглавляя революционные выступления трудящихся. Впервые после вхождения Дагестана в состав России представители дагестанских народов получили доступ в представительные органы власти и возможность решать государственные вопросы в пределах тех полномочий, которые получила республика в соответствии с Конституцией ДАССР. Если до образования ДАССР Дагестанская область вместе с другими областями юга России подпадала под общее руководство Революционного совета Армии труда Юго-Востока, созданного для всемерного содействия местным органам власти и установления их прочной связи с центром, то после ее создания связь республиканских органов с Ревсовтрудармом ослабла. Государственные органы Дагестана все более расширяли непосредственные связи с центральными органами РСФСР⁴⁵⁹.

Коммунистическая партия и советское правительство оказывали помощь автономиям, избравшим путь совместного сотрудничества в борьбе за строительство социалистического общества. Однако, учитывая, что дагестанским народам такое строительство приходилось вести в сложной социально-

политической обстановке, в условиях сохранения феодально-патриархальных пережитков, наличия влиятельного духовенства, В.И. Ленин советовал в письме кавказским коммунистам, написанном им 14 апреля 1921 г., не торопиться события, вести более осторожную и гибкую политику. Он подчеркивал: «Более медленный, более осторожный, более систематический переход к социализму — вот что возможно и необходимо для республик Кавказа в отличие от РСФСР»⁴⁶⁰.

Хотя с победой Октябрьской революции в нашей стране и был уничтожен национальный гнет, но ряд республик, в их числе и Дагестан, значительно отставал от Центральной России в своем политическом, экономическом и культурном развитии. X съезд РКП(б) поставил как важнейшую задачу ликвидировать отсталость национальных окраин и помочь им догнать ушедшую вперед Центральную Россию⁴⁶¹. Один из путей в решении этой задачи съезд видел в создании промышленности на национальных окраинах с помощью народов тех республик, которые располагали более развитой индустрией. По уровню своего промышленного развития, экономическим возможностям, природным ресурсам и большому отряду рабочего класса, закаленного в революционной борьбе, эта задача прежде всего выпала на Россию, русский рабочий класс.

В этих документах были определены конкретные направления деятельности партийных и советских органов республики, направленные на восстановление народного хозяйства, повышение политической активности трудящихся, укрепление их партийных и общественных организаций, коренизацию советского аппарата. Большую роль в укреплении партийных рядов сыграла перерегистрация коммунистов. В первых числах июля 1921 г. этот вопрос был рассмотрен и решен на пленуме Дагестанского обкома РКП(б). Для проведения перерегистрации были подобраны и утверждены специальные комиссии, была разработана и разослана в партийные организации инструкция. Перерегистрация была проведена в городах в апреле–мае и в сельских округах — в июне–августе 1921 г. Перерегистрацию прошли 330 коммунистов, объединенных в 260 ячеек.

Вслед за этим было проведено очищение рядов партии от неустойчивых, нечестных и бюрократившихся элементов. Чистка партии проводилась с участием беспартийных трудящихся. В ходе чистки Дагестанская партийная организация исключила из своих рядов 994 человека⁴⁶². Хотя при проведении чистки были допущены и некоторые ошибки, в целом это мероприятие сыграло положительную роль и способствовало оздоровлению партийной организации, укреплению ее сплоченности.

Переход к нэпу и усиление партийно-политической и культурно-массовой работы. В соответствии с решениями X съезда партии страна осуществляла крутой поворот от политики продовольственной разверстки, заменив ее продовольственным налогом. В условиях новой экономической политики формы и методы партийного и государственного руководства хозяйственным строительством, идейное и организационное укрепление партийных организаций приобрели важнейшее значение. Это объяснялось и тем, что

строительство первого в мире социалистического государства осуществлялось в капиталистическом окружении, все еще надеявшемся на провал советского опыта и готовом всеми мерами помочь внутренним антисоветским силам свалить советское правительство. Их надежды подогревались и тем, что в связи с переходом к нэпу внутри страны усилилась опасность возрождения буржуазной идеологии. Буржуазная интеллигенция восприняла новую экономическую политику как свидетельство кризиса большевизма, с ней она связывала свои надежды на превращение Советского государства в парламентарную республику буржуазного типа. Открыто и замаскированно, под видом улучшения социализма буржуазные идеологи и их подпевалы развернули критику социализма, пытались посеять среди трудящихся недоверие к политике Коммунистической партии, внушить им мысль о непрочности советской власти.

Настораживало и то, что введение нэпа породило у некоторых членов партии уныние и растерянность. XI съезд РКП(б) вынужден был констатировать: «Работа партии в условиях новой экономической политики приводит к новым сложным явлениям. Часть «коммунистов» крестьян с мелкобуржуазной психологией начинает отходить от партии, ибо партия только стесняет их как мелких хозяев. Мелкобуржуазная волна тянет за собой некоторые другие элементы и даже неустойчивых рабочих. Среди некоторых, преимущественно непролетарских элементов наблюдаются упадочные настроения, дезертирство из партии и т.п.»⁴⁶³.

В этой обстановке вопросы теоретической подготовки коммунистов, их идейной закалки, усвоения ими объективных законов общественного развития, всегда занимавшие важное место в деятельности партии, в переходный период приобретали особое значение и остроту, тем более что на совещании секретарей окружных и районных комитетов РКП(б) и РКСМ Дагестана, состоявшемся в августе 1922 г., отмечалось, что новая экономическая политика не усвоена многими коммунистами, слабо поставлена ее пропаганда среди трудящихся.

Одним из важнейших средств идейно-политической закалки коммунистов становилась система партийного просвещения. Получили распространение кружки по изучению марксизма-ленинизма и политграмоты. В 1924 г. в республике функционировали 12 партийных школ и 10 деревенских школ передвижек. В них занималось около 600 коммунистов и 190 комсомольцев и беспартийных. Кроме того, действовали 46 различных кружков, в которых обучалось 807 коммунистов и 325 комсомольцев и беспартийных.

Для подготовки партийных работников в республике была создана совпартшкола, в которой в 1924 г. обучалось 25 членов партии и 43 комсомольца и беспартийных.

Кадры партийных и советских работников готовились и за пределами республики. В Коммунистическом университете трудящихся Востока (КУТВ) и Университете им. Я.М. Свердлова в 1923 г. обучалось 45 представителей народов Дагестана. В дальнейшем прием дагестанцев в эти вузы был увеличен⁴⁶⁴.

В январе 1924 г. тяжелое горе обрушилось на коммунистов и трудящихся страны – после тяжелой болезни на 54 году жизни скончался основатель большевистской партии, руководитель Советского государства В.И. Ленин. Сообщение об этом поступило в Махачкалу 22 января вечером. На другой день было опубликовано обращение Дагестанского обкома РКП(б) «К организациям РКП, рабочим, горцам и всем трудящимся Дагестанской Социалистической Советской Республики». Извещая коммунистов, всех жителей республики, областной комитет партии призвал их проявлять в эти траурные дни твердость, выдержку, сплоченность, неуклонно и последовательно осуществлять заветы вождя.

В ответ на тяжелую утрату партии тысячи рабочих и крестьян изъявили желание встать в ее ряды. Партия, отвечая стремлению рабочих и крестьян, объявила трехмесячную политическую кампанию по пополнению своих рядов, получившую название ленинского призыва⁴⁶⁵.

В этой связи Дагестанский обком партии в своем циркулярном письме от 16 марта 1924 г. предложил всем партийным организациям проводить прием в партию по ленинскому призыву на общих собраниях ячеек в торжественной обстановке. На таких собраниях рекомендовалось знакомить рабочих, батраков с историей партии, ее программой, широко показывая революционную деятельность и роль В.И. Ленина как основателя и вождя партии⁴⁶⁶.

Ленинский призыв в партию был завершён к 1 августа 1924 г. Всего по Дагестану за период проведения ленинского призыва в партию вступили 610 рабочих и батраков. В результате ленинского призыва произошло не только количественное увеличение рядов областной парторганизации, но и улучшение ее качественного состава. В 1924 г. из 2362 членов и кандидатов в члены партии 982 человека были рабочими и 949 крестьянами. Рост областной партийной организации шел в основном за счет представителей местных народов. Если в начале 1922 г. в партии из числа местных народов состояли 500 человек, то к 1 сентября 1924 г. их число увеличилось до 1147 человек⁴⁶⁷.

Несмотря на требовательное отношение к тем, кто хотел вступить в ряды партии, кто на деле доказал свое вступление в нее не ради получения каких-то выгод, а во имя строительства коммунизма, численность Дагестанской областной партийной организации из года в год росла. На 1 января 1929 г. в областной парторганизации насчитывалось 3810 членов и 3069 кандидатов, всего 6879 человек против 1630 человек на июль 1920 г.⁴⁶⁸ Высокие темпы роста рядов Дагестанской областной парторганизации свидетельствовали о росте ее авторитета.

С установлением советской власти партия большое внимание уделяла идейно-политическому воспитанию кадров и всех коммунистов. Она добивалась того, чтобы коммунисты в своей личной и общественной жизни являлись примером, вдохновляющим трудящиеся массы в борьбе за переустройство жизни и утверждение честных и справедливых отношений между людьми. Газета «Порт-Петровский пролетарий» в номере за 10 апреля 1921 г. в передовице подчеркивала, что каждый коммунист обязан быть в гуще масс и повседневно учиться марксизму, он должен проходить курс партий.

В области советского строительства в национальных районах X и XI съезды ВКП(б) поставили задачу приблизить Советы к массам, сделать их более национальными по составу, развить и укрепить национально-советскую государственность, близкую и понятную трудящимся⁴⁶⁹.

Большую роль в советском строительстве играла массово разъяснительная работа среди трудящихся крестьян, имеющих слабое представление о характере и задачах Советов как представительных органов власти.

Наиболее распространенной формой политического просвещения масс в первые годы советского строительства были митинги. В связи с тем, что для проведения идейно-политической работы в массах среди дагестанцев было мало подготовленных работников, большую роль в проведении митингов и других мероприятий играли политотделы красноармейских частей.

Митинги проводились на улицах и площадях, на заводах и фабриках, в клубах и театрах, везде, где можно было собрать трудящихся. К выступлениям на этих мероприятиях привлекались не только армейские политработники, но и местные партийные и советские кадры.

Тематика докладов, лекций и выступлений на собраниях и митингах отвечала злобе дня, отражала интересы и запросы слушателей, представлявших в основном крестьянское население. Их характер и проблематику можно проследить по таким фактам. В Даргинском округе крестьянам были прочитаны доклады на темы: «Что такое советская власть?», «Задачи Советской власти», «Зачем пришла в Дагестан Красная Армия, «Ревкомы и Советы», «О хлебной разверстке» и др. В Казикумухском округе были проведены лекции и беседы на темы: «Сущность советской власти, что она дала трудящимся и ее очередные задачи», «Красная Армия и ее задачи в Дагестане», «О земельной политике», «О разлуке», «О просвещении», «О социальном обеспечении». В Гунибском, Аварском и других округах тематика собраний и митингов посвящалась примерно тем же злободневным крестьянским проблемам.

Митинги крестьян собирали много людей. В феврале 1921 г. в аулах Гунибского округа было проведено 10 митингов, на которых присутствовало более тысячи человек. В Аварском округе только за первую неделю марта были проведены 8 митингов и одно собрание, в которых в каждом из них принимали участие по 200–250 человек. В Андийском округе в апреле–мае было проведено 18 митингов и несколько собраний, в которых участвовали около 3 тыс. человек⁴⁷⁰.

Политотделы Красной Армии оказывали помощь в налаживании на местах партийной и советской работы. В начале 1921 г. воины 52-го полка московских курсантов сумели агитировать крестьян и жителей селения Манас создать коммунистическую ячейку. Под влиянием их агитации в ячейку записались 12 человек. Объясняя свои побуждения к созданию ячейки, на организационном собрании они приняли резолюцию, в которой отмечалось: «Единственная власть, которая обратила внимание на нашу темноту, на нашу отсталость, которая хочет осветить наши умы, открыть наши слепые глаза, – это Советская власть»⁴⁷¹. Эти слова писались не под чью-то диктовку, в них

были выражены мысли и чаяния крестьян, которые поверили в советскую власть и поэтому готовы были в нужный момент всеми силами защищать ее.

Многие работники политотделов Красной Армии, встречаясь с местными жителями, старались объяснить им в доходчивой форме сущность и задачи Советов как защитников трудящихся масс. 13 марта 1921 г. после занятия аула Чирката Андийского округа частями Красной Армии состоялось собрание аульчан, на котором обсудили вопросы о задачах советской власти в Дагестане, о роли ревкома, о текущих задачах. Каждый вопрос, вынесенный на собрание после освобождения аула от контрреволюционеров, был один острее другого.

На собрании выступил заместитель комиссара 3-го полка курсантов, освобождавших аул, Кирильцев, который говорил: «В задачи Советской власти вообще, и, в частности, Красной Армии, входит помочь дагестанской бедноте освободиться от помещиков, барановодов, ханов и беков. Советская власть заботится о просвещении бедняков Дагестана. Она будет открывать школы на мусульманском языке.

Задача Советской власти всех сделать грамотными. Советская власть будет помогать беднякам Дагестана»⁴⁷².

Его речь переводилась на местные языки под одобрительные возгласы присутствующих. Иначе она и не могла восприниматься, ведь эти требования выдвигала и дагестанская беднота.

Однако ее требования не сразу могли быть удовлетворены в силу унаследованной от прошлого отсталости Дагестана, наличия остатков докапиталистических отношений и натурального характера скотоводческого хозяйства, религиозного фанатизма части крестьянского населения. Преодоление патриархально-феодалных пережитков находилось в прямой зависимости от классового самосознания и организованности дагестанской бедноты.

В то же время в этих условиях вырастали новые побеги от неликвидированного до конца в Дагестане бандитизма. В 1924 г. в Дагестане и других автономиях Северного Кавказа были совершены 627 бандитских налетов. В сентябре 1925 г. в результате совместной чекистско-войсковой операции сотрудников дагестанского, чеченского, владикавказского, кабардино-балкарского ОГПУ и частей Красной Армии были разгромлены остатки банд. В период операции были задержаны 309 активных вожаков и активных участников банд, изъято около 3 тыс. единиц огнестрельного оружия⁴⁷³.

Среди них были и остатки банд Гоцинского, до конца своей жизни продолжавшего плести все новые интриги против советской власти, хотя еще в 1923 г. он получил серьезное предупреждение многих дагестанских духовных алимов. 20 ноября 1923 г. в селении Кахиб Гунибского округа был созван съезд шейхов, кадиев, ученых-арабистов и представителей Гунибского, Лакского, Аварского и Андийского округов, в котором принимали участие 76 алимов и несколько сот человек, представителей этих округов. По одному из главных вопросов съезда — о Н. Гоцинском и об отношении к нему и его деяниям — съезд заявил, что за период с начала 1918 г. и до конца 1920 г. все убедились в том, что самозванный имам Гоцинский есть злой дух, «который

кроме несчастий, осиротения, овдовения и всяких других бедствий, ничего населению не дал»⁴⁷⁴.

Съезд признал, что Гоцинский изменил дагестанскому народу и всем мусульманам мира, он пролил безвинную кровь и потому заслуживает сурового наказания путем забрасывания камнями. Ему было объявлено проклятие⁴⁷⁵. Но с этим он не считался и продолжал активную антисоветскую борьбу.

В начале 1924 г. Гоцинский провел съезд контрреволюционной верхушки ряда горных округов и с ее помощью надеялся поднять новое вооруженное выступление против советской власти. В мечтах некоторые представители духовенства, поддерживавшие Гоцинского, распространяли его воззвания. Под его началом действовала банда численностью до 300 человек, которая совершала налеты на аулы⁴⁷⁶. Несмотря на это, сегодня можно встретить публикации, авторы которых, облачаясь в тогу ученых, предлагают «ради справедливости, ради грядущих поколений... вызволить из небытия...»⁴⁷⁷ имена таких контрреволюционных деятелей, как Н. Гоцинский, которые пролили немало крови дагестанцев, боровшихся за установление советской власти в Дагестане и помогавших им русских парней, пришедших вместе с частями Красной Армии.

Большую роль в предупреждении бандитских вооруженных вылазок сыграло и разоружение населения от скопившегося у него оружия, применяемого не только для личной защиты, но и для расправы с политическими противниками. В 1926–1928 гг. в Дагестане, Ингушетии, Чечне, Осетии, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии было проведено разоружение населения. Центральный Комитет партии, партийные и советские органы республики уделяли большое внимание проведению этого мероприятия. По Дагестану была создана комиссия ЦК ВКП(б) в составе А.С. Бубнова, Дж. Коркмасова, Н. Самурского, И.П. Уборевича и Е.Г. Евдокимова. Разоружение было проведено с 4 по 11 сентября в основном силами ОГПУ и воинских частей, с широким привлечением партийно-советского актива. При разоружении было изъято 60 тыс. единиц оружия военного образца и оставлено у населения 15 тыс. единиц зарегистрированного оружия. Хотя при проведении разоружения и были отмечены отдельные вооруженные выступления, однако благодаря большой разъяснительной работе и привлечению к проводимой кампании значительных сил она была проведена более или менее безболезненно⁴⁷⁸.

Антисоветские выступления продолжали пользоваться поддержкой дагестанской эмиграции. В дополнение к прежде созданным в Константинополе различным комитетам и центру возникали новые. Там функционировал созданный в конце 1922 г. частью горских и азербайджанских эмигрантов комитет освобождения Азербайджана и Северного Кавказа. Князья Н. и А. Тарковские, А. Хан-Аварский и другие создали горский монархический центр. Программа монархистов предусматривала борьбу за ликвидацию советской власти, вхождение Дагестана в состав несуществующей Российской империи на правах самостоятельной административной единицы, ут-

верждение частной собственности, создание широкой сети мусульманских школ т. д.

Эмигрантские организации стремились объединить враждебные советской власти силы как внутри Дагестана, так и за его пределами. Особенно большую активность в этом плане проявляли Саидбек Шамиль, А. Хан-Аварский, Тарковские, которые засылали в Дагестан своих людей, а кому удавалось, приезжали и сами⁴⁷⁹. Но в Дагестане оставалось все меньше людей, на которых они могли опереться, чтобы поднять их на выступления против советской власти.

По-прежнему большие надежды на дагестанских контрреволюционеров возлагали грузинские меньшевики. Глава грузинского эмигрантского меньшевистского «правительства» Жордания, развернувший активную деятельность по подготовке вооруженного антисоветского выступления в Грузии, требовал от своих сторонников не начинать восстания без поддержки дагестанских контрреволюционеров. В письме из-за кордона он указывал: «Наилучшая боевая сила – это горцы, на которых нужно обратить серьезное внимание»⁴⁸⁰.

Но надежды его не оправдались. Когда в августе-сентябре 1924 г. в Грузии произошло кулацко-меньшевистское восстание, охватившее некоторые уезды, оно не нашло поддержки не только в Дагестане, но и в самой Грузии. Эти события со всей очевидностью показали, что основные массы трудящихся находятся на стороне советской власти и не склонны поддерживать различные авантюристические выступления.

Вместе с тем эти события продемонстрировали, что необходимо активизировать массово-разъяснительную работу среди трудящихся крестьян, привлечь их к советской и общественно-политической работе. В этой связи среди руководства партийной организации республики муссировали предложения о создании специальной бедняцкой организации типа «Дагестан мискин халк». В 1925 г. этот вопрос был поставлен и перед Центральным Комитетом ВКП(б). Для изучения положения дел в Дагестанской партийной организации сюда был направлен инструктор Центрального Комитета. После его обследования вопрос рассматривался в ЦК ВКП(б), который заслушал выводы по итогам обследования инструктором и доклад секретаря Дагестанского обкома М. Далгата. По итогам обсуждения Центральный Комитет 5 июня 1925 г. направил письмо всем коммунистам Дагестана. Одним из серьезных недостатков в работе Дагестанской партийной организации, как это отмечалось в письме, было недостаточное внимание к работе в ауле, медленное усвоение политики партии в деревне, а также неполное применение ее к национальным условиям в Дагестане. Центральный Комитет призвал Дагестанский обком партии более активно заниматься аулом, оживить связи с местными партийными организациями как путем созыва совещаний, так и более частого выезда на места членов и инструкторов обкома партии⁴⁸¹.

Этому вопросу ЦК РКП(б) придавал столь большое значение, что для его рассмотрения еще в ноябре 1919 г. провел Первое Всероссийское совещание по работе в деревне. В документах совещания указывалось, что зада-

чей настоящего момента является в первую очередь первичная работа по организации коммунистических ячеек в деревне⁴⁸².

И в последующие годы Центральный Комитет партии не раз возвращался к обсуждению этого вопроса. На октябрьском (1925 г.) Пленуме ЦК ВКП(б) Политбюро ЦК ВКП(б) поручило обсудить вопрос о работе бедняцких организаций в национальных восточных окраинах и предложил проводить особые собрания бедноты, приступить к организации в селах, волостях и районах групп бедняков⁴⁸³.

Эти решения по вопросу, в постановке которого проявила инициативу Дагестанская партийная организация, имели для коммунистов республики большое значение. Дагестанский обком партии принял меры, чтобы усилить партийно-массовую работу в ауле. Члены обкома партии, ЦИК и Совнаркома ДАССР, ответственные работники наркоматов и других республиканских учреждений были командированы на три месяца не только для изучения положения на местах, но и оказания помощи местным партийным и советским организациям для оживления работы с беднотой и середняцкими слоями крестьянства. Ряд опытных работников был рекомендован на постоянную работу среди крестьян в сельской местности.

Особенно активизировалась работа в ауле перед выборами в местные Советы. В январе были проведены расширенные пленумы окружных исполкомов, на которых были рассмотрены их задачи в переизборной кампании по выборам Советов. Во всех аулах были проведены собрания батраков, бедняков и середняков, как рекомендовал Центральный Комитет в своем постановлении. На них обсуждались вопросы о работе сельсовета, о предстоящих переизборах Советов, о кандидатах в члены будущих Советов, о союзе батраков, бедняков и середняков. В некоторых округах были проведены конференции беспартийных бедняков и середняков⁴⁸⁴.

Такое неизменное внимание Коммунистической партии к работе в дагестанском ауле объяснялось тем, что последний находился под сильным влиянием мусульманского духовенства. Хотя декрет советской власти «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» был принят еще в январе 1918 г., однако его применение в Дагестане задерживалось. Более того, учитывая высокую степень религиозности населения, власти, наряду с созданием советских судов, сохранили здесь и шариатские суды, которые были упразднены постановлением ЦИК и СНК ДАССР лишь 18 апреля 1927 г.⁴⁸⁵ Духовенству было разрешено преподавание детям в мечетях мусульманского вероучения, что представляло возможность религиозного влияния на детское мирознание. Как писал А. Тахо-Годи, «советская школа в Дагестане ряд лет изживала из своих недр Коран и примерно к 1924 г. изжила его, сохранив в своих стенах бывших... учителей-арабистов»⁴⁸⁶.

Центральный Комитет партии при решении таких важных вопросов не торопился прибегать к запретам. На основании директивы ЦК Юго-Восточное бюро РКП(б) 17 мая 1924 г. разослало циркуляр Дагестанскому обкому партии, как и другим партийным организациям, в котором предлага-

ло «не чинить препятствия групповому преподаванию мусульманского вероучения в мечетях детям, окончившим советскую школу 1 ступени...»⁴⁸⁷.

Однако, несмотря на встречные шаги советской власти, духовенство продолжало выступать последовательным противником не только советской школы, но и других мероприятий, проводимых советской властью. В многоконфессиональном Дагестане религиозный фактор продолжал играть большую роль в общественной жизни. В 20-е гг. в республике имелось 2010 мечетей, 8 синагог, 19 православных церквей. Они оказывали влияние не только на взрослое население, но и на неокрепшее сознание детей. Только в 1500 мечетских школах учились 45000 детей, в то время когда светских школ в республике было 183 с 13 тысячами учащихся. Духовные деятели активно выступали против попыток ограничить их прерогативы.

Когда органы власти в 1926 г. начали кампанию по изъятию вакуфного имущества и передаче его кресткомам, то она встретила открытое сопротивление духовенства. В 1926–1927 гг. в Дагестане было зарегистрировано около 150 выступлений против изъятия вакуфного имущества⁴⁸⁸.

Такие факты показывали, что партийные организации республики не добились перелома в работе с беднотой и в целом с крестьянством и влияние духовенства на крестьянские массы было серьезным фактором в жизни дагестанского аула.

Очередная проверка, проведенная в январе 1927 г. ответственным инструктором ЦК ВКП(б) Пшеницыным, показала, что работа с беднотой в Дагестане была поставлена неудовлетворительно. Более того, он отмечал, что «... в нагорной части Дагестана эта работа совершенно отсутствовала»⁴⁸⁹.

На эти недостатки было указано в принятом по итогам проверки постановлении секретариата ЦК ВКП(б) от 4 марта 1927 г. Такое внимание Центрального Комитета партии к работе партийных организаций Дагестана с батрацко-бедняцкими массами было далеко не случайным. Ведь в Дагестане численность батрацких хозяйств доходила до 37105, или около 135 тыс. батраков, составлявших 21,2% всего крестьянства⁴⁹⁰.

Усиление партийно-политической работы среди батрацко-бедняцких масс, вовлечение их в общественно-политическую жизнь, улучшение экономического положения беднейших слоев крестьянства были программной задачей Коммунистической партии и советской власти. Советское государство принимало меры для правовой и экономической защиты бедноты. Для батраков были установлены 8-часовой рабочий день, гарантированная ежемесячная зарплата, социальное страхование, оплачиваемые выходные дни. Для того чтобы обеспечить за сельскохозяйственными рабочими эти права, было предусмотрено обязательное заключение трудового договора при найме с последующей регистрацией его в сельсовете. Однако эти законодательные акты не всегда выполнялись и соблюдались. При найме работников многие работодатели избегали заключения трудовых договоров. На начало 1929 г. из учтенных в республике 21486 батраков (а их было значительно больше, как указано выше) договора были заключены только с 9277, или 43,1%⁴⁹¹. В конце 1928 г. Дагестанский обком партии провел совещание секретарей ауль-

ских ячеек и инструкторов райкомов партии, на котором особое внимание было обращено на улучшение работы с батрачеством и беднотой, а также вопросам их культурного и политического роста, участия в общественной жизни. В марте 1929 г. обком партии потребовал от районных комитетов партии усилить разъяснительную работу среди батрацко-бедняцких слоев по вопросам трудового законодательства, охвата трудовыми договорами, сплочения и организации бедняцких групп⁴⁹².

Результативность этой работы, степень влияния партии на крестьянские массы, как на чаше весов, показали себя в период проведения перевыборов сельсоветов в 1928–1929 гг. Кулачество и духовенство, используя свои экономические возможности и духовное влияние на значительные массы крестьянства, пытались провести выборы в своих интересах, обеспечить избрание в сельские Советы своих представителей. С этой целью использовались различные средства: террористические акции против аульских активистов, убийства, выдвижение в состав сельсоветов представителей своего рода, дошедшее до того, что, как отмечало бюро Гунибского райкома партии, в ауле Кикунь «родовая борьба полностью подменила классовую, резко расколол аул на две неравные части не по классовому признаку, а по родам...»⁴⁹³.

Особенно активно аульская верхушка выступала, как и на предыдущих выборах, против выдвижения в состав сельсоветов женщин-горянок, их участия в общественно-политической жизни аула. В ауле Мекеги Даргинского округа на собрании по выборам сельсовета кулаки и их ставленники выступали против кандидатуры батраков и бедняков, предлагавших избрать председателем сельсовета женщину, члена ВЛКСМ⁴⁹⁴.

Активную борьбу против избранной в начале 1929 г. председателем сельсовета сел. Халимбакаул Буйнакского района У. Керимовой повели зажиточные слои села. Жалобами и заявлениями в адрес районных и республиканских организаций они добивались снятия ее с работы. Лишь после вмешательства обкома партии она была восстановлена в должности⁴⁹⁵.

Решение женского вопроса в Дагестане было сопряжено с большими трудностями. Феодально-патриархальные пережитки, религиозный фанатизм отсталой части населения тормозили раскрепощение женщин-горянок, вовлечение их в строительство новой жизни.

Поэтому важное значение имели меры по правовой защите женщин. Вторая сессия ДагЦИКа V созыва (октябрь 1925 г.) заслушала специальный доклад о правовых нормах женщин-горянок и приняла соответствующее постановление. Сессия подтвердила, что на женщину-горянку распространяются все декреты и постановления советской власти о привлечении ее к политической жизни, законы о труде женщин и охране материнства. Женщинам наравне с мужчинами были предоставлены одинаковые наследственные права, чего она была лишена по шариату. Калым строго воспрещался, вплоть до привлечения к уголовной ответственности за дачу и принятие калыма. По закону каралось и многоженство⁴⁹⁶.

Трудности в решении женского вопроса, обусловленные специфическими особенностями республики, потребовали от партийных организаций

определить такие формы и методы работы с женской массой, которые больше всего учитывали бы местные особенности и соответствовали им. В республике получили развитие такие формы работы, как сабли горянок, женские клубы, девичьи комсомольские ячейки, женские кустарные артели и т.д. Для обучения девушек стали открываться специальные интернаты горянок. В 1925 г. таких интернатов было два, в которых обучалось 80 горянок за государственной счет местных учреждений⁴⁹⁷.

Одним из действенных средств вовлечения женщин в общественную жизнь в условиях Дагестана стали съезды, конференции женщин, делегатские собрания. В течение 1920–1925 гг. было проведено 4 съезда женщин Дагестана. Широкое распространение получили делегатские собрания, созданные не только в городах и окружных центрах, но и в отдаленных горских аулах. Роль делегатских собраний не сводилась лишь к обсуждению животрепещущих женских проблем, а выходила далеко за эти рамки, постепенно втягивая женщин в деятельность партийных, советских, общественных организаций. В 1925 г. членами партии состояли 374 женщины, из них 183 горянки, в профсоюзах состояла 3341 женщина, из них 1000 горянок. В кооперации было 2973 женщины, из них 935 горянок, и в артелях было объединено 1580 женщин, в основном горянок, на различные выборные должности были избраны 262 женщины⁴⁹⁸.

Учитывая, что Дагестан испытывает серьезные трудности в кадровом обеспечении, Центральный Комитет партии направлял в горный край хороших организаторов женского движения. На съездах женщин Дагестана горянки с благодарностью отзывались о культурно-воспитательной работе В.Н. Николасвой, Е.М. Дагаевой, И.И. Судаковой и других, направленных в Дагестан ЦК ВКП(б) и много сделавших для их приобщения к общественно-политической жизни. Уже в 1926 г. в республике насчитывалось 446 женщин – членов партии, 775 женщин комсомолок. В советских органах работали 143 и в кресткомах – 235 женщин⁴⁹⁹.

Женский актив занимался не только политическим их просвещением, ознакомлением с политической и экономической жизнью страны и республики, но и ликвидацией неграмотности среди женщин. Делегатки для проведения такой работы прикреплялись к женским общежитиям в городах и определенным участкам аулов, чтобы быть ближе к женщинам и их заботам, помочь им становиться активными членами общества, участвовать в общественной жизни. Кроме того, при партийных организациях были созданы отделы по работе среди женщин, сыгравшие большую роль в вовлечении женщин в общественно-политическую жизнь аулов, округов и городов⁵⁰⁰.

Большую работу по вовлечению в общественную жизнь женской молодежи, девушек-горянок проводил комсомол Дагестана. В 1924 г. был проведен месячник «Девушка – в Союз». Каждый комсомолец должен был вести массово-разъяснительную работу среди своих сестер, родственниц, близких. На собрании кюринской комсомольской ячейки, обсуждавшей этот вопрос, было принято следующее решение: «Ввиду того, что работа по вовлечению

девушек в комсомол является центральным вопросом, мы, комсомольцы, обязуемся водить на собрания своих сестер и жен»⁵⁰¹.

В условиях Дагестана того периода одной из специфических форм вовлечения девушек в общественную жизнь оказались девичьи комсомольские ячейки. Девичья комсомольская ячейка, организованная в 1925 г. при касумкентской школе, стала инициатором преподавания в ней русского языка, члены ячейки проводили среди учащихся беседы о комсомоле, а также на политические темы, вовлекали девушек в ряды ВЛКСМ. В 1926 г. в республике имелось 10 девичьих комсомольских ячеек, в рядах областной комсомольской организации насчитывалось 242 члена и 353 кандидата в члены комсомола из числа девушек-горянок.

На комсомол возлагалась задача не только вовлечения в общественно-политическую жизнь девушек, но и всей молодежи. IV Всероссийский съезд РКСМ (сентябрь 1921 г.) призвал комсомольские организации шире привлекать молодежь к восстановлению промышленности и сельского хозяйства, к укреплению ячеек в деревне, вовлечению в комсомол бедняцкой и батрацкой молодежи, повышению ее культурно-технического уровня⁵⁰².

Комсомол Дагестана, первые ячейки которого стали созываться в Дагестане в 1918–1919 гг., в годы Гражданской войны сыграл большую роль в борьбе против антисоветских выступлений. Областная комсомольская организация была создана на комсомольской конференции, состоявшейся в июне 1920 г. в г. Темир-Хан-Шуре. Секретарем обкома комсомола была избрана Тату Булач⁵⁰³, под влиянием У. Буйнакского активно включившаяся в революционное движение в Дагестане.

С первых дней своего создания комсомол Дагестана активно взялся за решение конкретных задач. В начале 1921 г. комсомольцы были застрельщиками субботников, организуемых под лозунгом «Все силы молодежи на борьбу с хозяйственной разрухой». На субботниках, проводимых в выходные дни без всякой оплаты, участвовало большинство городских комсомольцев, они собирали металлический лом, ремонтировали железнодорожные пути, разгружали вагоны.

В связи с голодом в Поволжье и Дагестане комсомольцы организовывали Недели помощи голодающим, собирали деньги и вещи в помощь голодающим, проводили субботники по устройству детских домов, подвозу им топлива и т.д. Городские комсомольские ячейки проводили вечера и концерты, ставили спектакли, сборы от которых поступали в пользу голодающих.

Комсомольцы городов Махачкалы, Буйнакса, Дербента, Хасавюрта помогали восстановлению и подъему сельского хозяйства. Они посылали в селения уборочные отряды, сельскохозяйственные дружины, деревенские библиотечки, помогали сельской молодежи создавать комсомольские ячейки.

На фабрике имени III Интернационала, в Махачкалинском морском порту, на рыбоконсервном заводе, на заводе «Дагестанские огни» и на других промышленных предприятиях в 1929–1930 гг. появились первые молодежные бригады, отличившиеся своим ударным трудом. Многие молодежные бригады были охвачены социалистическим соревнованием⁵⁰⁴.

Большая роль выпала на долю дагестанских профсоюзов в организации борьбы рабочих против царского самодержавия в годы Гражданской войны. Профсоюзы должны были сыграть и еще большую роль в восстановлении народного хозяйства.

IV Всероссийский съезд профсоюзов (май 1921 г.) первоначальными задачами признал активное участие профессиональных союзов в восстановлении производительных сил, в подъеме сельского хозяйства, промышленности и транспорта.

Руководствуясь решениями IV Всероссийского съезда профсоюзов, II съезд профсоюзов Дагестана (сентябрь 1921 г.) предложил профсоюзным организациям республики добиваться более широкого вовлечения рабочих, трудящихся масс в хозяйственно-культурное строительство. Одной из форм работы профсоюзных организаций, обеспечивающих активное участие рабочих в управлении производством, стали производственные совещания. Они проводились на всех предприятиях, во всех отраслях промышленности и оказывали всемерное содействие хозяйственникам в подъеме производства, в борьбе с бесхозяйственностью и бесконтрольностью.

В условиях голода и острой нехватки у трудящихся одежды и обуви, профсоюзы провели большую работу по оказанию материальной помощи рабочим и служащим. В течение двух месяцев (февраль-март 1921 г.) они распределили между профсоюзами для удовлетворения остро нуждающихся членов профсоюзов более 78 тыс. аршин бязи, а также кожу для обуви, мыло, керосин и другие предметы⁵⁰⁵.

В деле защиты интересов рабочих, урегулирования условий труда большое значение имели коллективные договоры, заключаемые профсоюзами с администрацией как государственных, так и с хозяевами частных предприятий. Высоко оценивая значение колдоговоров, III съезд профсоюзов Дагестана потребовал «немедленно приступить к заключению коллективных договоров как с государственно-хозяйственными органами, так и с частными предпринимателями и учреждениями. Считать обязательным заключение коллективных договоров на всех частных предприятиях и в учреждениях, насчитывающих свыше 5 рабочих и служащих. В случае отказа предпринимателя от заключения договора проводить таковые в принудительном порядке через НК труда»⁵⁰⁶.

О характере этой работы можно судить по таким данным. Только в течение десяти месяцев 1925 г. было заключено 317 коллективных договоров, которые охватили примерно 75% всех работающих. По линии профсоюзов Рабземлеса договорами были охвачены 1712 членов профсоюзов, в том числе 1021 батрак. При найме батраков по договору профсоюзы следили, чтобы средняя зарплата батрака составляла не менее 15–16 руб. в месяц в денежном выражении, что в натуральном выражении в год примерно 2 годовалых бычка. 2 пары белья, пара ботинок, костюм, питание и оплата квартиры⁵⁰⁷. Однако многие батраки нанимались на работу без заключения таких договоров и получали значительно меньше.

Профсоюзные организации проводили обследование предприятий, проверяли выполнение ими условий коллективных договоров. Такие проверки выявили немало случаев нарушений условий труда, ущемление интересов рабочих со стороны администрации и владельцев предприятий. Профсоюзы тут же на месте принимали меры к устранению выявленных нарушений, улучшению условий труда рабочих. Из 472 обращений и жалоб, поступивших в инспекцию труда, 75% были разрешены в пользу рабочих.

В восстановительный период профсоюзы Дагестана организационно окрепли, усилились их связи с трудящимися массами. На 1 июля 1925 г. в республике было 10 губотделов, учпрофсоюз, окротделение профсоюзов, 2 месткома на правах губотделов, 5 губместкомов, 4 райпрофбюро и 9 объединенных месткомов, местных комитетов уездных отделений было 315. Число членов профсоюзов составляло около 20 тыс. человек⁵⁰⁸.

Вовлечение в социалистическое строительство крестьянских масс.

Своего рода крестьянскими профсоюзами служили кресткомы, созданные по декрету советского правительства от 14 мая 1921 г. В их задачу входило: оказание помощи батрацко-бедняцким хозяйствам, организация помощи крестьянам при стихийных бедствиях и неурожаях, забота о вдовах и сиротах, семьях красных партизан. Важное место в их деятельности занимало восстановление и развитие сельского хозяйства.

В условиях Дагестана, где первые кресткомы появились в 1923 г., их роль усилилась еще и тем обстоятельством, что, кроме взносов, к ним поступали также закят и вакуфы в виде земли, скота, зерна, денежных средств, которыми раньше пользовалось мусульманское духовенство. Муллы всеми силами пытались сохранить за собой этот источник своих доходов. В сел. Шамхал-Янгикюрт Махачкалинского района муллы проводили тайные собрания, агитируя крестьян сдавать закят и вакуфы не кресткому, а духовенству.

Однако, несмотря на усиленную агитацию духовенства, крестьяне предпочитали сдавать закят и вакуфы кресткомам. Первый съезд кресткомов Дербентского района (апрель 1925 г.), учитывая факт бесконтрольного использования духовенством закят и вакуфов, вносимых на нужды бедняков, признал «вполнне своевременным и целесообразным в будущем этого рода отчисления делать не духовенству, а кресткомам для оказания помощи действительно нуждающимся»⁵⁰⁹.

Увеличивались посевы, засеваемые крестьянами в фонд кресткомов. Если весной 1924 г. в фонд кресткомов было запаханно под яровые 370 десятин, то через год под посевы было подготовлено 1100 десятин. Кресткомам были переданы 80 садов, принадлежавших бежавшим контрреволюционерам. Махачкалинским, Кизлярским и Дербентским КОВ (Крестьянские общества взаимопомощи) были приобретены первые тракторы⁵¹⁰.

К октябрю 1926 г. вакуфы были переданы кресткомам полностью в Махачкалинском районе и частично в Хасавюртовском, Самурском и Кюринском округах. Даже в отдаленных высокогорных районах, где сильно было религиозное влияние на массы, горцы предпочитали передавать вакуфные земли и закят не духовенству, а кресткомам. В Аварском округе к началу

1926 г. кресткомы располагали 135 десятинами вакуфных земель, в Андийском – 71 десятиной, в Гунибском – 76 десятинами земли и 28 десятинами леса, в Даргинском – 82 десятинами земли и т.д.⁵¹¹

Многие жизненно важные вопросы крестьян рассматривались и решались на крестьянских конференциях и беспартийных собраниях. Одной из таких важнейших задач в Дагестане было проведение земельной реформы, потребовавшей от советской власти вдумчивой и терпеливой разъяснительной работы, огромных капитальных вложений, большого труда. Конференции и собрания не только знакомили трудовое крестьянство с задачами земельно-водной реформы, ставшей важнейшей задачей всей республики на многие годы, но и являлись для него большой школой политического воспитания, объединения и сплочения для решительной борьбы с аульской верхушкой, всеми силами пытавшейся сохранить свою былую экономическую базу. Эта борьба приводила к дальнейшему размежеванию классовых сил в ауле, подрывала почву под теми, кто под предлогом «родового мира» пытался увести бедноту от отстаивания своих интересов.

Оказывая давление на кулачество через налоги, кредиты, машиноснабжение, земельную политику, помогая бедноте через кресткомы, советская власть добивалась не только ослабленная экономической мощи зажиточных хозяйств, вытесняя его отдельные группы, но и уменьшения его политического влияния на аул, что в условиях Дагестана имело важнейшее, если не решающее значение в поддержке трудящимися крестьянами политики Коммунистической партии.

Широкий характер принял безвозмездный труд крестьян, организованно выходявших по решению беспартийных и партийных собраний на субботники. В.И. Ленин еще 12 февраля 1921 г. на приеме дагестанской делегации отметил: «Субботники привились»⁵¹². Два этих слова говорили о многом. Они не только привились, но и в последующие годы приняли массовый характер. Если в первые годы после Гражданской войны субботники проводились для восстановления аулов, то в последующем с их помощью восстанавливали и оросительные каналы и системы, осуществляли другие виды работ, требовавшие привлечения большого числа рабочих рук.

Крестьяне начинали ремонтировать и восстанавливать свои аульские каналы, а потом приступили и к строительству крупного оросительного канала, ставшего общedaгестанской задачей. На собрании партийной ячейки селения Голотль Аварского округа решено было провести 14 июня 1921 г. субботник по очистке канала. На субботник вышли все жители аула. За один день они очистили канал протяженностью 9 верст. В августе на субботник по очистке общественного канала также дружно вышли жители Карабудахкента. 7, 9, 14 мая субботники по ремонту и очистке каналов были проведены в селениях Куркент, Алкадар, Юхари-Стал, Ашага-Стал и Орота-Стал Кюринского округа. В них участвовало более 4000 крестьян. Субботник был проведен и по восстановлению главного в округе канала, из которого орошалось более 50 тыс. десятин земель⁵¹³. Опыт проведения этих и других субботников позволил правительству Дагестана приступить к строительству крупнейшего

оросительного канала от Сулака до Махачкалы протяженностью 70 км. Выступая на общем собрании коммунистов гарнизона г. Буйнакса, состоявшимся 5 октября 1921 г., председатель Совнаркома ДАССР Дж. Кокмасов так обосновал важность этой стройки: «Прорытие Сулакского канала своим орошением даст бедному крестьянству на будущий год миллион пудов хлеба, чем мы еще раз докажем, что можем бороться не только на кровавом фронте, но и на фронте труда»⁵¹⁴.

Впоследствии эту стройку сравнивали с египетскими пирамидами, но их строили подневольные рабы. В Дагестане строительство канала превратилось во всенародное дело, в нем участвовали красноармейцы (и не случайно одно из первых собраний, посвященных проведению субботников по строительству канала, было проведено в буйнакском гарнизоне), крестьяне, рабочие городов, представители интеллигенции. Это было как бы откликом на письменное обращение руководителя Советского государства В.И. Ленина к коммунистам Азербайджана, Грузии, Армении, Дагестана и Горской республики, написанное им 14 апреля 1921 г. Он подчеркивал: «Сразу постараться улучшить положение крестьян и начать крупные работы по электрификации, орошению. Орошение больше всего нужно и больше всего пересоздаст край, возродит его, похоронит прошлое, укрепит переход к социализму»⁵¹⁵.

В письме В.И. Ленина обращалось внимание на решение наиболее крупных и важнейших задач, стоявших перед республиками Кавказа, вставшими на путь социалистического строительства. Оно было пронизано глубоким пониманием и знанием Лениным тех трудностей, которые возникнут перед каждой республикой при их решении. Письмо воспринималось трудящимися каждой республики так, как будто он обратился именно к ним. Этим можно объяснить тот энтузиазм дагестанских народов, который они проявили, приступая к строительству канала, способного обеспечить оросительной водой десятки тысяч гектаров земель. На строительство канала выходили целыми аулами из разных округов Дагестана. Люди шли на строительство отведенных им участков со знаменами и песнями, как на праздник. В отдельные дни на трассу строящегося канала выходило до 40 тыс. человек⁵¹⁶. Без всякого вознаграждения они трудились более двух лет на строительстве канала, пока не завершили его в 1923 г. В том же году за самоотверженный труд по строительству канала ДАССР 12 февраля первой среди других республик была награждена только что учрежденным орденом Трудового Красного Знамени.

Более широкий круг вопросов рассматривался на крестьянских конференциях. На конференции крестьян Курахского участка Кюринского округа, состоявшейся в начале 1924 г., обсуждалось сразу несколько больших вопросов: международное положение, земельная политика советской власти, финансово-налоговая политика ДАССР, работа сельскохозяйственной кооперации. Ко всему этому на конференции был заслушан доклад и на такую сутобо политическую проблему, как «Заветы Ильича». И резолюция по этому докладу была принята, такая, которая имела не менее политическое звучание, чем заслушанный доклад. В ней говорилось: «Конференция в лице беспартийных

масс считает своим долгом в настоящий момент как никогда теснее связаться с партработниками на местах в деле укрепления основ рабоче-крестьянского правительства и пополнения рядов РКП(б) честными сознательными крестьянами от сохи, чем ускорит осуществление в жизни заветов мирового вождя пролетариата».

Конференция Мекегинского участка Даргинского округа (май 1923 г.) приветствовала советскую власть в лице ее земельных органов уже по-другому, хотя в целом и политическому вопросу – за ее содействие крестьянству в деле поднятия сельского хозяйства. В Лакском округе беднота приветствовала советскую власть за ее решения о вовлечении крестьянских масс в советское строительство.

Эти отклики, эти бесхитростные резюме крестьян, представляющих на конференции разные округа и разные народы, свидетельствовали о росте их доверия к советской власти, поддержке принимаемых ими решений по самым разным аспектам политической и экономической жизни⁵¹⁷.

Коммунистическая партия создавала разветвленную систему политических и общественных организаций, чтобы охватить все общество своим идейным влиянием. 4 августа 1924 г. было принято постановление Оргбюро ЦК РКП(б), в котором отмечалось, что развертывающееся детское коммунистическое движение должно было стать предметом особого внимания со стороны партии и комсомола. Действительно, начиная с февраля 1922 г. в столице страны появились первые отряды юных пионеров. 19 мая 1922 г. Всероссийская конференция, рассмотрев вопрос о пионерском движении, приняла решение об установлении единой системы организации детского коммунистического движения на основе опыта пионерских отрядов Москвы. Эта дата вошла в историю как день рождения пионерской организации в стране⁵¹⁸.

Комсомольские организации развернули большую работу по созданию пионерских отрядов по всей стране. В Дагестане пионерское движение зародилось в начале 1924 г. и приняло высокие темпы развития. Если на 1 января 1924 г. в республике функционировал один пионерский отряд, объединявший около 60 пионеров, то к 1 января 1926 г. число отрядов возросло до 76 и они объединили более трех тысяч пионеров. Они возникли во всех городах и округах⁵¹⁹.

Однако в сельской местности пионерские отряды состояли в основном из мальчиков, охват ими девочек был незначительным. Учитывая это, Дагестанский обком комсомола и Дагбюро юных пионеров усилили среди них разъяснительную работу. Кроме того, было принято решение о создании пионерских отрядов, состоявших исключительно из девочек. Такие отряды появились в селениях Ахты Самурского, Кумух Лакского и в Буйнакском округах. Создание таких специфических пионерских отрядов помогло обеспечить массовое вступление девочек в пионеры.

О характере деятельности первых пионерских отрядов можно судить и по таким примерам. Они стали регулярно проводить сборы, организовывать встречи, прогулки, экскурсии.

В Даргинском округе пионеры провели 22 сбора, на которых их участников знакомили с законами пионерского движения. Они с гордостью докладывали на сборах, что у них в округе пионеры учатся в школе.

Успехи были и у хасавюртовских пионеров. За сентябрь – ноябрь 1924 г. провели около 100 отрядных и звеньевых сборов, 60 бесед, 4 вечера, около 20 экскурсий и прогулок. В Махачкале, где было 26 отрядов, функционировал пионерский клуб, ставший центром всей внешкольной работы пионерских отрядов города. Клуб организовывал различные экскурсии на промышленные предприятия города. Пионеры могли ознакомиться в самом клубе с различными моделями машин, диаграммами, плакатами, отображавшими жизнь и революционную борьбу рабочих и крестьян. Некоторые отряды ставили спектакли, которые показывали не только учащимся, но и населению ближайших населенных пунктов⁵²⁰.

Так начиналось пионерское движение, распространившееся по всей стране и охватившее миллионы детей, оказав большое влияние на их воспитание.

За короткий срок была создана довольно стройная и всеохватывающая система из партийных, советских, профсоюзных, комсомольских и пионерских организаций, крестьянских комитетов (кресткомов), крестьянских конференций и беспартийных собраний, призванных решать одну из главных задач – задачу коммунистического воспитания трудящихся, учащихся школ, студентов вузов и всего населения. Эта система охватывала все без исключения коллективы, доходила вплоть до самых малочисленных, если в них насчитывалось даже 2–3 человека.

Большое значение для дальнейшего развития народов страны имело образование первого в мире многонационального социалистического государства – Союза Советских Социалистических Республик. Рождение такого государства стало фактом на I Всесоюзном съезде Советов, состоявшемся 30 декабря 1922 г. в Москве.

Решение вопросов административно-территориального устройства республики. Важнейшие принципы национально-государственного строительства и новой Конституции были намечены XII съездом РКП(б) (апрель 1923 г.), который принял резолюцию по национальному вопросу. 31 января 1924 г. II съезд Советов СССР утвердил новую Конституцию СССР, воплотившую принципы братства и дружбы равноправных народов.

Создание СССР и принятие Конституции СССР привели к известному изменению правового положения автономных республик. Хотя они и не входили непосредственно в состав СССР, а являлись частями соответствующих союзных республик, но в то же время всем национальностям, организованным как автономные единицы, давались со стороны Союза определенные гарантии их прав прежде – всего в виде представительства в высшем органе СССР. Кроме предоставляемых им пропорционально количеству населения мест на общесоюзном съезде Советов и в союзном Совете ЦИК СССР, в Совете Национальностей ЦИК СССР каждая автономная республика имела пять представителей, а каждая автономная область – по одному.

XII съезд партии рассмотрел и вопрос об административно-территориальном делении страны. Отметив несоответствие деления новым политическим и экономическим потребностям страны, съезд подчеркнул, что введение новой территориальной системы требует осторожного подхода и большого срока для своего окончательного проведения⁵²¹. Поэтому прежние территориальные единицы сохранялись в стране значительное время и после установления советской власти. XII съезд партии, учитывая сложность проведения нового районирования, предложил для накопления практического опыта провести территориальную реорганизацию в двух районах страны. Одним из них явился Северный Кавказ. В 1925 г. Северо-Кавказский край объединял все горские автономии края за исключением Дагестана, который, исходя из экономической и политической целесообразности, отстаивал свое право прямого вхождения и обращения в федеральные и союзные структуры. С этим мнением посчитались, и единственный из национальных автономий края, который не был включен в состав вновь образованной красной административной структуры, был Дагестан.

Приведенные факты показывают, что в 20-е гг. в Дагестане несколько, позднее, чем во многих регионах страны, перешедших к советскому строительству, было завершено создание системы государственных структур и общественно-политических организаций, руководствовавшихся в своей работе идеологией и партийной программой по строительству социалистического общественного строя. Более конкретные направления этой деятельности разрабатывались и уточнялись на съездах, пленумах Коммунистической партии и съезда Советов. Принятые на высокопартийном и государственном уровне решения доводились оперативно до всех и становились обязательными к выполнению всеми республиками, краевыми, областными и местными партийными, государственными и общественными органами. Единственная в стране партия, пришедшая к руководству, все крепче становилась у государственного руля.

Общественно-политическая жизнь в Дагестане в конце 20–30-е гг. После окончания Гражданской войны, образования Дагестанской АССР и перехода к новой экономической политике, введенной в республике несколько позднее, чем в центре страны, она стала на путь устойчивого и стабильного развития экономики. Основную задачу эпа В.И. Ленин видел в установлении «... смычки между той новой экономикой, которую мы начали строить ... и крестьянской экономикой, которой живут миллионы и миллионы крестьян»⁵²². Новая экономическая политика в первые годы ее осуществления сыграла большую роль в восстановлении и подъеме хозяйственной жизни, укреплении союза пролетариата и крестьянства, оздоровлении общественно-политической жизни горцев таких национальных окраин, как Дагестан. Газета «Красный Дагестан» в номере от 20 сентября 1925 г. отмечала: «...разрушенная во время империалистической и гражданской войны дагестанская промышленность, национализированная в 1920 г. почти без оборотных средств, не только восстановлена в довоенном размере, но и значительно

расширена оборудованием новых предприятий и находится на пути дальнейшего развития».

Темпы ее развития нарастали. Если в 1928 г. объем продукции промышленности Дагестана составил 32,5 млн. руб., то в 1932 г., с которого начинается летопись советских пятилеток, он вырос до 68,8 млн. руб., или на 36,3 млн. руб. Высокие темпы промышленного производства наметились во всех сферах промышленности, в том числе в тяжелой промышленности, которая не имела в Дагестане серьезной базы. В 1927–1928 гг. она произвела 40% продукции народного хозяйства республики.

Положительные сдвиги наметились и в восстановлении сельского хозяйства, хотя этот процесс здесь происходил несколько медленнее, чем в промышленности. Если в 1927–1928 гг. сельским хозяйством Дагестана было произведено валовой продукции на 61,3 млн. руб., то в 1932 г. его производство увеличилось до 69,3 млн., или на 8 млн. руб.⁵²³, что значительно меньше показателей промышленного развития.

Несмотря на некоторые успехи, сельское хозяйство переживало серьезные трудности, как будто доказывая, что даже в условиях свободы от эксплуатации со стороны помещиков, крупного капитала и царизма «мелким хозяйствам из нужды не выйти»⁵²⁴. Хотя 1926–1927 годы были и благоприятными по урожайности, однако мелкокрестьянские хозяйства не только не обеспечивали растущие потребности промышленности и городского населения в хлебе, но и личные нужды. Уже к началу 1928 г. страна стала испытывать нехватку хлеба и хлебопродуктов. В январе его дефицит составил 128 млн. пудов, что привело к значительному подорожанию цен на хлеб.

Страна оказалась перед дилеммой, по какому пути направить развитие сельского хозяйства, чтобы снять возникшие проблемы. Эта задача стала объектом острых дискуссий и обсуждений на различных уровнях и с участием партийных, государственных деятелей, ученых и политологов. Конец дискуссиям положил XV съезд ВКП(б) (декабрь 1927 г.), взявший курс на коллективизацию сельского хозяйства. В его решениях подчеркивалось: «...Партия признает неотложным широко развернуть пропаганду необходимости и выгоды для крестьянства постепенного перехода к крупному общественному сельскому хозяйству и всемерное поощрение на практике имеющихся уже и заметно растущих элементов крупного коллективного хозяйства в деревне»⁵²⁵. На решение этой важнейшей задачи были нацелены усилия всех партийных и общественных структур страны. Созидательная деятельность трудящихся направлялась Коммунистической партией, оказавшейся единственной политической партией, крепнувшей и развивающейся вместе со всей страной. Заметные изменения происходили и в качественном составе, в структуре низовых партийных звеньев национальных отрядов ВКП(б), характеризовавшихся ростом их численности и влияния среди масс. На 10 января 1927 г. в рядах Дагестанской областной партийной организации насчитывался 2481 член и 2351 кандидат в члены партии. По социальному положению из числа членов партии 43,4% были рабочими, 25% – крестьянами, 26,6% – служащими. Ремесленники и прочие составляли 5%. В составе

кандидатов в члены партии было рабочих 40,7%, крестьян – 29,4%, служащих – 26,4, ремесленников и прочих – 3,5%. Малочисленной оставалась и сеть партийных ячеек. На начало 1927 г. в республике функционировали 148 ячеек и 12 кандидатских групп, в том числе 22 рабочие ячейки, 95 деревенских, 28 учрежденческих, 2 ячейки учебных заведений и 1 военная ячейка⁵²⁶.

Организационно-партийная и советская работа. Малочисленность партийных ячеек, коммунистов на фоне их общего слабого политического и общеобразовательного уровня затрудняла распространение партийного влияния на массы, особенно крестьянские, когда одна партийная ячейка приходилась более чем на 30 аулов. В Кюринском округе на 79 тыс. жителей насчитывалось всего 10 партячеек, объединявших 197 коммунистов, в Хасавюртовском округе на 69 тыс. жителей – 9 ячеек с тем же количеством коммунистов⁵²⁷. Не лучше было положение и в других округах.

В тех условиях партия уделяла большое внимание укреплению своих рядов, пополнению их за счет передовой части рабочих, батраков, бедняков. По решению ЦК ВКП(б) к 10-й годовщине Октября был проведен октябрьский призыв в партию. В период призыва только по Махачкалинской и Дербентской парторганизациям было подано 247 заявлений. Отбор был строгий. Из числа подавших заявления кандидатами в члены партии были приняты 122 рабочих.

На укрепление рядов партии, улучшение ее состава была направлена вторая партийная чистка, проведенная по решению объединенного Пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) (апрель 1929 г.), одобренному XVI Всесоюзной партконференцией. Чистка парторганизаций началась осенью 1929 г. и в основном была завершена к началу 1930 г. Общая численность исключенных до проведения XI Дагестанской областной партконференции (июнь 1930 г.) общая численность исключенных составила около 13%⁵²⁸, предъявленной к коммунистам в период чистки, что свидетельствовало о высокой требовательности.

Но несмотря на высокие требования к кандидатам в партию, строгие чистки, в последующие годы отмечается стабильный рост Дагестанской областной парторганизации. Успехи в социалистическом строительстве, разъяснения среди трудящихся масс политики партии, рост ее авторитета сопровождались ростом тяги рабочих и беднейших слоев крестьянства в партию. Однако среди вступающих в партию было немало и тех, кто стремился в ее ряды из карьеристских соображений. К началу 1933 г. в рядах областной парторганизации насчитывалось 13842 члена и кандидата в члены партии, из них 7085 кандидатов в члены партии⁵²⁹.

Большое место в жизни общества занимали вопросы советского строительства, совершенствования советского аппарата. Крупным событием стало принятие на XII Всероссийском съезде Советов (май 1925 г.) новой Конституции РСФСР, дополненной главой об автономных республиках и областях.

На основе новой Конституции РСФСР была разработана и утверждена на VI Вседагестанском съезде Советов (5 апреля 1927 г.) Конституция ДАССР. В соответствии с Конституцией Дагестанской Автономной Советской Социалистической Республики носителем высшей власти в ней являлся

Вседагестанский съезд Советов. Местными органами власти были окружные, районные съезды Советов, аульские Советы и их исполнительные комитеты.

Усилению роли местных органов власти способствовал и переход к новой системе административно-территориального устройства, осуществленный в республике в 1929 г. Проект нового административно-территориального деления Дагестана, подготовленный с широким участием трудящихся, рассматривался на расширенном заседании Президиума ЦИК ДАССР 23 сентября 1928 г., который был одобрен пленумом Дагестанского обкома партии и IV сессией ЦИКа VI созыва и утвержден окончательно Президиумом ВЦИК 3 июня 1929 г. Вместо округов было установлено 26 районов и временно 2 подрайона. В 1930 г. 2 этих подрайона были преобразованы в районы и создан новый Цунтинский район⁵³⁰.

Новое административно-территориальное деление учитывало экономические, национальные, географические особенности республики и было направлено на подъем экономического и культурного уровня населения, имело целью приблизить к нему аппарат управления. Советская власть стремилась обеспечить интересы отдельных народностей, не исключая малочисленные, путем организации территориальных единиц по национальному признаку. Из 29 районов, имевшихся к 1931 г., 24 района имели абсолютное преобладание одной народности. Были образованы новые районы для таких малочисленных народностей, как табасаранцы, рутульцы, дидойцы и т. д.

Создавались и однонациональные сельсоветы. В Бабаюртовском районе были выделены Львовский и Люксембургский сельсоветы для немцев, в Шелковском – Кобийский сельсовет для осетин-хуторян. Для улучшения обслуживания национальных меньшинств Президиум ДагЦИКа выделил специального уполномоченного по работе среди немцев⁵³¹.

Высшим органом власти согласно «Положению о районных съездах Советов и районных исполнительных комитетах ДАССР», утвержденному VII Вседагестанским съездом Советов (апрель 1924 г.), являлся районный съезд Советов. Он состоял из представителей всех сельских Советов из расчета один делегат на 100 избирателей⁵³².

К компетенции районных съездов относились разрешение вопросов, имеющих местное значение, рассмотрение и утверждение планов народного хозяйства и социально-культурного строительства района. Районный съезд избирал делегатов на Вседагестанский съезд Советов и в районный исполнительный комитет, рассматривал и утверждал районный бюджет и отчет об его исполнении, отчеты райисполкома о его деятельности.

На период между съездами Советов высшим органом власти на территории данного района являлся районный исполнительный комитет, который был ответственен перед районным съездом Советов и подчинялся Вседагестанскому съезду, а также ЦИКу и его президиуму. Для руководства текущей работой из состава райисполкома избирался президиум⁵³³.

Расширение прав и укрепление районных исполкомов как важного звена в системе местных органов власти привели к необходимости усиления районного аппарата работниками, способными решать задачи, стоявшие на

новом этапе советского строительства. За счет привлечения специалистов и организаторов было произведено увеличение штатов райисполкома. Все это сопровождалось улучшением руководства районами со стороны республиканских организаций, выразившимся в усилении живой связи, оказании практической помощи, укреплении районов квалифицированными кадрами.

Особенно большое внимание уделялось подготовке кадров из числа местных народностей, коренизации советского аппарата. Организация различных курсов по подготовке и переподготовке окружных и районных работников, перевод делопроизводства в сельских административных, судебных и других органах власти на родные языки, замена арабской письменности латинизированным алфавитом способствовали достижению значительных перемен в этом направлении. В 1930 г. процент работников из коренных народностей в центральном аппарате составил 35, в районном – 70 и в сельском – около 100%.

Однако практика укомплектования аппарата советских органов главным образом по признакам социально-классовой принадлежности имела негативные стороны. Среди выдвиженцев из числа батраков и бедняков оказывалось немало людей без образования, некомпетентных. Должности начальников милиции и их помощников, заведующих земельными отделами райисполкомов были укомплектованы преимущественно бывшими красными партизанами, не имевшими соответствующей специальной подготовки. Среди представителей сельсоветов 33% были неграмотны⁵³⁴.

Укрепление районного звена советского аппарата было дополнено мероприятиями по улучшению работы сельских Советов. Главное внимание в системе этих мер было обращено на оживление работы батрацко-бедняцких групп при сельсоветах, повышение роли батрачества, бедноты и женщин в практической деятельности Советов, избрание в их состав наиболее авторитетных и т.д. Важнейшими заботами сельских Советов стали вопросы улучшения культурно-бытового обслуживания колхозного населения, широкое развертывание школ крестьянской молодежи, охват школьной сетью детей, ликвидация неграмотности и т.д.

Все это способствовало росту авторитета Советов, повышению политической активности трудящихся масс. Значительно выросла активность избирателей в период выборов кампаний. Если в 1924 г. в выборах Советов участвовали 30,3% избирателей, то в 1931 г. доля избирателей, принявших участие в выборах, повысилась до 64,2%⁵³⁵.

В связи с усилением роли и расширением масштабов хозяйственной и культурной деятельности Советов одной из важнейших задач становится вовлечение в управление все новых масс трудящихся. Большое внимание на эти вопросы было обращено на IX Дагестанской областной партийной конференции (ноябрь 1927 г.), обсудившей очередные задачи партии по работе в деревне. Указывая на имевшиеся недостатки в работе Советов: слабое вовлечение в их работу трудящихся масс крестьян, нерегулярную отчетность перед избирателями, недостаточное руководство их работой со стороны окружных исполкомов, недостатки в организации и работе секций и комиссий при сель-

ских Советах и т.д., конференция приняла развернутое постановление. В нем, в частности, подчеркивалось: «Для закрепления бедняцко-средняцкого блока и направления в советское русло политической активности, проявленной в особенности в последнюю перевыборную кампанию Советов, необходимо добиться решительного перелома в их работе: как-то налаживания регулярной отчетности перед населением, организационного оформления и поднятия работы секций-комиссий, коллективной работы Советов, вовлечения всех членов Советов и беспартийного крестьянского актива в работу секций и комиссий, соблюдения принципов советской демократии и твердого проведения революционной законности»⁵³⁶.

Задачам повышения политической и общественной активности трудящихся крестьян служили создание групп бедноты, созыв бедняцких собраний. Группы бедноты создавались при сельских Советах, а также других выборных органах.

Деятельность общественных организаций. В реконструктивный период усиливается роль профсоюзов в защите интересов трудящихся масс, в борьбе за улучшение условий труда, удешевление хозяйственного и государственного аппарата, снижение себестоимости продукции, экономии средств. Эти вопросы были учтены при заключении в 1926 г. коллективных договоров. На съездах рабочих полиграфического производства, союза строительных рабочих, на IV пленуме Дагсовпрофа (октябрь 1926 г.) рассматривались вопросы усиления режима экономии и рационализации производства⁵³⁷.

Все более активную роль в решении этих задач играли производственные совещания, контрольные комиссии. В апреле мае 1928 г. Дагсовпроф совместно с редакцией газеты «Красный Дагестан» провел общественный смотр работы производственных совещаний. Проведение смотра привело к оживлению работы производственных совещаний, более активному участию в них рабочих. В работе совещаний стали участвовать до 40–50% рабочих, на них рассматривались злободневные вопросы жизни рабочих коллективов⁵³⁸.

Итоги смотра были подтверждены на конференции производственных совещаний. Такие конференции проводились и в последующем.

Профсоюзы республики участвовали в обсуждении контрольных цифр, промфинпланов, смет, бюджетов, балансов, а также в подготовке первого пятилетнего плана. Их представители участвовали при обсуждении важных народнохозяйственных вопросов в руководящих органах республики – Дагестанском совнархозе, Госплане, Наркомфине ДАССР и др. На заседаниях президиума и пленума Дагсовпрофа, на профсоюзных (республиканских и отраслевых) конференциях рассматривались хозяйственные вопросы, заслушивались доклады хозяйственных руководителей⁵³⁹. Профсоюзы проводили большую работу по организации социалистического соревнования, заключению договоров между соревнующимися коллективами и бригадами. Только с мая по октябрь 1929 г. было заключено 197 договоров на соревнование, социалистическим соревнованием были охвачены 153 предприятия и учреждения республики.

По инициативе Дагсовпрофа в Дагестане, начиная с 1 октября 1930 г. стал проводиться День ударника. Президиум Дагсовпрофа обратился ко всем трудящимся республики с призывом отметить День ударника успешным завершением второго года пятилетки, увеличением числа соревнующихся, ударников, передовиков производства. Не только отдельные рабочие, но и целые коллективы откликнулись на обращение профсоюзов, многие коллективы брали на себя повышенные обязательства и рапортовали об их выполнении.

Важное место в деятельности профсоюзов занимали вопросы улучшения материально-бытовых условий рабочих и служащих, повышения их культурного уровня. Профсоюзы добивались совместно с советскими, хозяйственными органами введения на предприятиях сдельной оплаты труда, ликвидации уравниловки в зарплате, перехода предприятий на семичасовой рабочий день в соответствии с принятыми в 1927 г. решениями правительства. В 1932 г. около 80% рабочих было переведено на сдельную оплату труда, переход на которую на предприятиях имел важное значение для роста производительности труда и повышения зарплаты при одновременном сокращении рабочего дня.

В поле деятельности профсоюзов немалое место занимали вопросы улучшения жилищных условий рабочих, организации торговли, охраны труда и здоровья, трудоустройства безработных и ликвидации безработицы, неграмотности, просвещения масс, создания разветвленной системы профсоюзных клубов, библиотек, других учреждений культуры. Вместе с тем в деятельности профсоюзов в этом направлении имелись и существенные недостатки. Как отмечал X съезд профсоюзов Дагестана (март 1932 г.), «самой отставшей в Дагестане является работа профорганов в области повседневного улучшения материально-бытовых и культурных условий работающих. Далеко не все профорганизации осознали свою величайшую ответственность за эту работу!»⁵⁴⁰

Несмотря на отдельные недостатки и упущения, профсоюзное движение в Дагестане набирало силы, стало одной из влиятельных и представительных общественных организаций. Это прежде всего проявилось в росте численности членов профсоюзов. Если в 1925 г. профсоюзы Дагестана насчитывали 18217 членов, то в 1932 г. их численность увеличилась до 65 тыс. человек. Очень высокими темпами росла численность членов профсоюзов из числа местных народностей. Если в 1925 г. доля членов профсоюзов из числа местных народностей составляла 20,7%, то в 1932 г. она поднялась до 54,2%⁵⁴¹.

Активное участие в решении хозяйственно-политических задач реконструктивного периода принимал комсомол республики. Важнейшее место в деятельности комсомольских организаций, как и партийных, занимали вопросы мобилизации молодежи на реконструкцию промышленности, строительство новых предприятий, внедрение в сельское хозяйство передовой агротехники, кооперирование трудящихся крестьян. В постановлении второго пленума Дагестанского обкома партии (февраль 1926 г.) основные задачи

комсомола на селе были определены предельно сжато и емко: «Основное направление организации ВЛКСМ в деревне должно идти по линии общеполитической работы: агропропаганды словом и делом, кооперирования трудящихся, защиты экономических интересов батрачества и полупролетарских элементов»⁵⁴².

В решениях VIII съезда комсомола Дагестана (сентябрь 1925 г.), XI областной комсомольской конференции (май 1929 г.) были определены задачи комсомольских организаций по вовлечению комсомольцев и молодежи в кооперативы, проведению земельно-водной реформы, реконструкции сельского хозяйства. На районных и окружных комсомольских конференциях обсуждались вопросы о ходе коллективизации, увеличении посевных площадей, подъеме урожайности сельскохозяйственных культур, участии юношей и девушек в колхозном движении. XI областная комсомольская конференция призвала «всю молодежь сплотить свои силы вокруг Дагестанской организации ВКП(б) и оказать ей максимальную помощь, сделав вопросы земельно-водной реформы и социалистической реконструкции сельского хозяйства стержнем своей работы»⁵⁴³.

Выполняя эти решения, аульские и сельские ячейки комсомола, особенно там, где не было партийных ячеек, выступали инициаторами создания крестьянских кооперативов в области сбыта, снабжения и кредита, товариществ по совместной обработке земли, сельскохозяйственных артелей. В ауле Киша Дахадаевского района комсомольская ячейка предложила всем комсомольцам вступить в колхоз и каждому сагитировать в колхоз еще по три баграка и бедняка.

В станицах Старогладковская, Ново-Серебряковка и Верхне-Задоевская Кизлярского округа сельхозартели были организованы комсомольцами. В станице Червленая 10 хозяйств комсомольцев объединялись в коммуны и вовлекали туда еще 5 крестьянских хозяйств. В сел. Ачикулак Ачикулакского района в декабре 1929 г. возникла комсомольская коммуна «Прогресс», в которую вошло 12 человек.

По решению ЦК ВЛКСМ осенью 1929 г. был проведен массовый поход комсомола за урожай и коллективизацию. Среди комсомольских ячеек Дагестана проводилось соревнование за лучшее проведение похода, вовлечение молодежи в колхозы, мобилизацию их усилий на повышение урожайности сельскохозяйственных культур, подъем колхозной экономики. В дни урожая и коллективизации, проводимых и в последующие годы, велась разъяснительная работа, организовывались сельскохозяйственные выставки, на которых демонстрировались достижения лучших колхозов и крестьян-единоличников. Успешными формами в борьбе со всеобщей неграмотностью стали культпоходы, месячники по ликвидации неграмотности. Такой месячник обкомом комсомола был объявлен с 15 сентября 1928 г. Первой на призыв обкома комсомола откликнулась махачкалинская городская комсомольская организация, 28 сентября направившая в аулы группу комсомольских активистов для оказания помощи местным ячейкам в ликвидации неграмот-

ности, организации ячеек общества «Долой неграмотность». Подобные выезды проводились и другими комсомольскими организациями⁵⁴⁴.

Комсомолы и молодежь промышленных предприятий принимали участие в работе производственных совещаний. 40–52% молодых рабочих участвовали в работе производственных совещаний, через них и через фабрично-заводские комитеты они оказывали влияние на решение производственных вопросов, защиты прав и интересов рабочей молодежи⁵⁴⁵.

К решению хозяйственных задач привлекалась и пионерская организация Дагестана. К этой работе прежде всего подключились пионерские организации городов Махачкалы, Дербента, Буйнакса, Хасавюрта. Они создали 30 бригад по оказанию посильной помощи труженикам села в сборе и подготовке семян к севу, проведению уборки и хлебозаготовок. Они вели также агитацию среди населения, убеждая крестьян вступить в колхозы.

В начале 1930 г. пионерская организация республики заключила договор с Наркоматом земледелия Дагестана об оказании помощи колхозам. В течение 10 месяцев 1931 г. пионеры вовлекли в колхозы 532 единоличника, отсортировали 4220 пудов зерна, провели 88 субботников в помощь колхозам, организовали уход за 400 телятами, создали ударные пионерские бригады по проверке готовности колхозов и совхозов к севу⁵⁴⁶.

Большую работу по кооперированию крестьянства проводили кресткомы. С каждым годом экономическая база кресткомов росла, они оказывали все большую помощь нуждающимся крестьянам. В 1927 г. в Дагестане насчитывалось 16 окружных и 712 сельских кресткомов, они располагали натуральными и денежными фондами на сумму в 300 тыс. руб., а также семенным фондом в 11 тыс. пудов. Количество сельскохозяйственных машин, которыми располагали кресткомы, увеличилось с 14 в 1926 г. до 141 в 1929 г. Благодаря чему в 1928 г. крестьяне вспахали около 1500 дес. земли.

Кресткомы выдали крестьянам возвратных ссуд на 22,075 руб., оказали трудовую помощь 18 тыс. бедняцких хозяйств на сумму в 60 тыс. руб., принимали активное участие в кооперировании крестьян за счет своих средств. С помощью комитетов взаимопомощи и на их средства было кооперировано свыше 14 тыс. хозяйств. В 1928 г. кресткомы оказали помощь в создании 45 коллективных хозяйств, объединявших 820 бедняков и батраков. Значительно окрепла их материальная база, в своем распоряжении они имели 110 объектов (мельницы, соляные озера, каменоломни, лечебный источник, виноградные и фруктовые сады, сельскохозяйственные машины и т.д.)⁵⁴⁷.

Комитеты взаимопомощи не ограничивали свои задачи оказанием помощи бедняцко-батрацким массам, а проводили работу по их объединению, развитию кооперативно-колхозного движения, улучшению экономического положения крестьянства. Они сыграли немалую роль в подрыве экономического и политического влияния духовенства и аульской верхушки на крестьянские массы.

По значимости, масштабности и разносторонности наиболее весомой была систематическая культурная, организационная и политическая помощь рабочего класса дагестанскому крестьянству. Рабочие не ограничивались

разъяснением бедняцко-средняцким массам политики Коммунистической партии по социалистической переделке аула, а активно помогали в создании и укреплении колхозов, приобретении сельхозмашин, их ремонте, строительстве в подшефных аулах школ, изб-читален, детских яслей, в открытии и организации работы медпунктов. В этой работе особенно отличились рабочие Махачкалы, Буйнакса и др. городов. В августе 1929 г., когда колхозное движение несколько оживилось, шефские ячейки (были созданы и такие ячейки) рыбоконсервного, бондарного заводов, холодильника № 1 Махачкалы организовали субботник в пользу подшефного Агачаула. Рабочие этих предприятий передали крестьянам аула сенокосилку, 170 кос, 40 аробных колес, 50 граблей, водяной насос, лошадь, племенного быка, а также 150 книг и 300 штук белья⁵⁴⁸.

Рабочие Махачкалы не ограничивали свою помощь только населению ближайших к городу аулов, но и помогали другим и более дальним аулам. В период весеннего сева 1929 г. для оказания помощи крестьянам было создано 16 ударных рабочих бригад. Они были укомплектованы такими работниками, которые могли оказать крестьянам реальную помощь. В состав бригад входили кузнецы, плотники, слесари, агрономы, профсоюзные и партийные работники предприятий.

Бригада № 3, командированная в сел. Ярыксу-аух Хасавюртовского округа, отремонтировала 43 плуга, провела собрание бедноты, помогла выявить скрытый зажиточными хозяйствами от обложения сельхозналога скот. Одна из этих бригад в составе 12 человек побывала в еще более отдаленном горном ауле Урма Буйнакского района и помогла крестьянам в сборе семенного материала, ремонте сельхозинвентаря. В районах аула работало еще 5 бригад, организованных из рабочих Буйнакса⁵⁴⁹.

Шефская работа проводилась и рабочими других городов республики. В каждом из них функционировали шефские общества, которые координировали и организовывали шефскую работу. В 1929 г. были созданы 32 шефские ячейки, объединявшие 2735 членов⁵⁵⁰. Их шефская помощь способствовала развитию колхозного движения и укреплению экономики колхозов.

Налоговая и земельная политика государства. Все более классовую направленность приобретала и налоговая политика государства, которая с каждым годом усиливала налоговое бремя, падавшие на зажиточные хозяйства, освобождая или облегчая от налогового обложения значительную часть деревенской бедноты и предоставляя все больше льгот середняцким хозяйствам. Манифест ЦИК СССР к 10-летию юбилею Октября предусматривал освобождение от налогообложения по экономической маломощности 35% крестьянских хозяйств.

В соответствии с решениями XV съезда партии о переходе к прогрессивно-колхозному обложению ЦИК и СНК СССР 28 апреля 1928 г. приняли новый закон о едином сельскохозяйственном налоге на 1928/29 год, который предусматривал усиление льгот коллективным хозяйствам и резкое увеличение обложения сельхозналогом сельской буржуазии. По закону было введено индивидуальное обложение, которое крепко ударило по кулацким хозяйст-

вам. При этом максимальная ставка обложения была повышена с 25 до 30%. Индивидуальное обложение применялось по отношению к тем хозяйствам, которые отличались высоким уровнем и нетрудовым характером своих доходов. Их численность не должна была превышать 2-3% к общему числу хозяйств⁵⁵¹.

Налоговая политика, с одной стороны, как будто приобретала более справедливый характер, с другой же – под давлением налогового прессы некоторая часть зажиточных хозяйств шла к упадку и разорялась, переходила в экономически более низшие группы крестьянства, пополняя ряды недовольных советской властью. Вместе с тем в силу трудностей, связанных с учетом доходов в сельском хозяйстве, имели место случаи, когда зажиточная часть аула, привлекаемая к обложению по внешним признакам хозяйства, оказывалась недообложенной. К тому же отдельные аульские хозяйства ухитрялись скрывать от учета часть доходов и недооблагались налогом. Из учтенных в республике 8419 кулацких хозяйств, или 4,8% к общему числу крестьянских дворов, к обложению налогами в индивидуальном порядке были привлечены только 0,58% всех крестьянских хозяйств, или около 12 % кулацких хозяйств⁵⁵².

Трудности в налогообложении были связаны и с недостатками в налоговой политике. Закон о едином сельхозналоге на 1928/29 год четко не разграничивал, какие хозяйства и по каким признакам привлекать к индивидуальному обложению, что усугубляло сложности по установлению твердых заданий именно этой категории крестьян и сопровождалось ростом недовольства среди них.

Эти недостатки были устранены законом о едином сельхозналоге, принятом Постановлением ЦИК и СНК СССР от 8 февраля 1929 г. «О едином сельхозналоге и облегчении обложения середняцкого хозяйства», а также изданным вслед за этим положением о едином сельхозналоге на 1929/30 год. Общая сумма сельхозналога была уменьшена с 425 млн. руб. в 1928/29 году до 375 млн. руб. в 1929/30 сельскохозяйственном году. Значительная скидка по налогообложению была сделана для середняцких хозяйств. Они составляли 60,4% крестьянских хозяйств и уплатили 70,4% всего налога, а 2,8% кулацких хозяйств уплатили 29,6% общей суммы налога⁵⁵³.

В соответствии с новым сельхозналогом налогообложение было сокращено и для крестьянских хозяйств Дагестана. Вырученные при этом средства крестьяне могли использовать по своему усмотрению на удовлетворение личных потребностей или на развитие своего хозяйства.

Важным шагом в ослаблении экономической мощи и политического влияния аульской верхушки была земельная политика Советского государства. В апреле 1928 г. III сессия ЦИК СССР утвердила новый закон о землепользовании и землеустройстве. В нем предусматривалось ограничение земельных прав кулачества. У кулаков, сдающих землю в аренду, земля отбиралась. Лишенным избирательных прав землю давали в последнюю очередь. Новое наступление на неограниченные в прошлом свои земельные права кулаки не могли взирать спокойно. Приступая к национализации помещицкой

земли и другой собственности, а также изъятию вакуффов, партия учитывала возросшее классовое самосознание широких слоев трудового крестьянства, их растущее недовольство сохранением за феодально-клерикальными элементами значительных земельных массивов⁵⁵⁴. Без такой поддержки проведение этой политики было бы обречено на провал.

Совнарком ДАССР в апреле 1927 г. принял постановление о выселении бывших помещиков и изъятии у них имущества. Это был довольно серьезный удар по остаткам крупных помещичьих хозяйств, попутно ослабивший в ауле и позиции зажиточных хозяйств. Созданная для выполнения этого постановления Совнаркома ДАССР комиссия взяла на учет 204 хозяйства помещиков и наиболее крупных земельных собственников. По решению правительства из числа учтенных хозяйств были выселены лишь 58 помещиков и крупных земельных собственников. 51 помещик был оставлен на прежнем месте жительства с сохранением имущества, 95 хозяйств не были затронуты⁵⁵⁵.

У бывших помещичьих хозяйств было изъято 36 тыс. овец, в том числе около 27 тыс. овец тонкорунных пород, 1233 головы крупного рогатого скота, 139 лошадей, сельскохозяйственные орудия и инвентарь⁵⁵⁶. Все это было передано в основном организуемым новым овцеводческим совхозам и частично распределено среди крестьян. Однако, как свидетельствуют документы тех лет, многое из того, что распределялось прежде всего в поддержку создаваемых советских и коллективных хозяйств большей частью разбазаривалось и бесследно исчезало.

Вместе с тем следует отметить, что земельно-водная реформа в Дагестане проводилась постепенно, по мере подготовленности широких крестьянских масс к ее проведению. В ходе ЗВР аналогичные меры коснулись другой крупной аульской верхушки – 890 крупных скотоводов-полуфеодалов. Если до реформы они имели 21983 головы лошадей и крупного рогатого скота⁵⁵⁷, 366680 голов овец и 15397 га земли, то после ее проведения у них осталось 2314 голов лошадей и крупного рогатого скота, 13172 головы овец, 3104 га земли. Фактически они были низведены на уровень средних крестьянских сословий и потеряли прежний апломб, затаив глубокое недовольство советской властью, которая, как им казалось, так бесцеремонно обошлась с ними, хотя и дала им возможность до 1927 г. сохранить свои прежние богатство и имущество.

К ослаблению экономической базы и прежнего политического влияния на аул было направлено и изъятие вакуфного имущества, основную долю которого составляла земля. 23 февраля 1927 г. ЦИК и СНК ДАССР приняли постановление об изъятии вакуфного имущества, в основном принадлежавшего мечетям.

С октября 1926 г. по апрель 1927 г. у мечетей было изъято 6416 дес. земли, 101 дес. садов, 1111 дес. пастбищ, 962,5 дес. сенокосов, 8222 головы овец, 308 голов крупного рогатого скота, 37 голов рабочего скота, 42 мельницы, 103 дома и т.д. Изъятое вакуфное имущество передавалось в распоряжение комитетов крестьянской взаимопомощи. На вакуфные средства крест-

комы приобрели 10 тракторов, организовали 6 зерноочистительных пунктов, которые обслуживали бедняков и маломощных середняков на льготных условиях или вовсе бесплатно. Самым значительным из этих мер была передача кресткомы дагестанской бедноте 5500 дес. вакуфной земли⁵⁵⁸.

Однако изъятие вакуфов не всегда и не везде проходило безболезненно, оно встречало сопротивление. Более того, в ряде мест были острые открытые выступления верующих крестьян против этих мер государства. Для проведения такой работы Даргинский окружной исполком командировал в село Наскент помощника начальника милиции и трех милиционеров. Вся их разъяснительная работа свелась к тому, что они созвали сход и предложили конфисковать все вакуфное имущество и передать кресткомы. Когда собравшиеся отказались выполнить их требование, они арестовали 14 человек и отправили в райцентр – сел. Леваши.

На другой день туда явились 200 человек, требуя освобождения арестованных. Лишь после терпеливой разъяснительной работы удалось уговорить собравшихся разойтись и разрешить передать вакуфы кресткомы.

К верующим принимались и другие более жесткие меры. Без их согласия закрывали мечети, передавали их под культурно-просветительные учреждения, конфисковывали внутреннюю утварь мечети, где бывали и дорогие ковры. В Касумкентском районе подобным образом были закрыты и переданы под культурные и другие учреждения 32 мечети. Это привело к массовому недовольству населения района, где состоялось до 15 открытых выступлений против конфискации вакуфного имущества⁵⁵⁹.

Реакция властей на такие выступления была жесткой. К широкомасштабным репрессиям пришлось прибегнуть, начиная с хлебозаготовительных трудностей 1928 г. Уже к началу 1928 г. страна начала испытывать нехватку хлеба. В январе его дефицит составил 128 млн. пудов⁵⁶⁰. В 1929 г. страна вынуждена была перейти на картонную систему снабжения и распределения продовольствия и товаров. Норма хлеба вначале была установлена до 500 г на работающего едока в день, а затем она снижалась до 400–300 г. Детям до 3 лет полагалось 160 г в день, а безработным 100 г.⁵⁶¹

В этой обстановке государство попыталось собрать хлеб у крестьян при помощи административно-судебных мер. К тем, кто злобно уклонялся от хлебозаготовок и не выполнял задания по продаже хлеба государству, стала применяться 107 статья Уголовного кодекса РСФСР, предусматривающая конфискацию хлеба у таких хозяйств и привлечение их к уголовной ответственности. В хлебозаготовительной кампании 1929 г. только по Дагестану было возбуждено 164 дела, и по ним осуждены на различные сроки 128 человек⁵⁶².

По мере роста колхозного движения обстановка в дагестанском ауле накалялась. Как отмечала X Дагестанская областная партконференция (апрель 1929 г.), в связи с наступлением на экономические и политические позиции кулака классовая борьба в ауле принимала более острые формы. Летом 1929 г. в Андийском округе была ликвидирована организация, которая по сведениям, полученным правоохранительными органами, готовила антисо-

ветское восстание. Такая же судьба постигла контрреволюционные группировки, созданные в Акушинском районе.

13 августа 1929 г. бюро Дагестанского обкома партии вновь вернулось к вопросу о борьбе с антисоветскими элементами. На бюро были намечены меры, направленные на ликвидацию контрреволюционных групп и организаций и усиление разъяснительной работы среди бедняцко-середняцких масс.

Массовое колхозное движение: ошибки и перегибы. Все это на фоне успехов колхозного движения по стране подстегнуло коллективизацию и в Дагестане. В октябре 1929 г. крестьяне таких крупных аулов Буйнакского района, как В. Казанище, Буглен и Муслимаул, объявили о переходе на сплошную коллективизацию. Опираясь на эти показатели, Буйнакский райком ВКП(б) в конце октября принял решение о сплошной коллективизации района с охватом к XII годовщине Октябрьской революции 50% крестьянских хозяйств колхозами. Руководители района торопились отрапортовать к октябрьским праздникам об успешном ходе колхозного строительства.

Такую же торопливость проявляли и другие районы, всеми силами и средствами форсируя коллективизацию крестьян. Крупные аулы и села Хасавюртовского, Махачкалинского и Кизлярского районов переходили на сплошную коллективизацию⁵⁶³.

После таких победных реляций трудно было остановить начавшееся своего рода соревнование между селениями и районами по наращиванию темпов коллективизации. С 1 октября по 31 декабря 1929 г. число колхозов увеличилось с 363 до 425, а хозяйств в них с 5606, или 3,3% к общему числу, до 16224, или 9,1%⁵⁶⁴. Еще более высокий рост колхозного движения был отмечен к 20 марта 1930 г. К этому времени количество коллективизированных крестьянских хозяйств увеличилось до 31 тыс., или почти в 2 раза. Целые аулы и даже отдельные районы, включая даже горные, переходили на сплошную коллективизацию⁵⁶⁵.

Партия и государство немало делали для поддержки колхозного движения: наращивались поставки селу тракторов и сельхозмашин, выделялись им кредиты на укрепление материально-технической базы, открывались центральные, республиканские и районные курсы по подготовке организаторов, руководителей, механизаторов, специалистов массовых квалификаций для крупных коллективных хозяйств, осуществлялась шефская помощь рабочим, направлялись в деревню по решению ЦК ВКП(б) 25 тыс. рабочих из промышленных центров и местных предприятий (в Дагестан из центра было направлено более 14 и местных предприятий – 33 человека)⁵⁶⁶.

Несмотря на принимаемые на государственном и партийном уровне меры, коллективизация шла трудно, переживала то бурный подъем, то тяжелый спад, в зависимости от перемен, происходивших в настроениях крестьян. Значительное влияние на их настроения оказывали кулацко-зажиточные элементы деревни, авторитет которых хотя и падал, но оставался высоким.

Председатель ЦИК СССР М.И. Калинин, часто встречавшийся с крестьянами не только Центральной России, но и национальных окраин, бывав-

ший и в Дагестане, отмечал следующие формы и методы антиколхозной борьбы кулачества:

«Первый этап, когда среди крестьянства начинает усиленно бродить мысль об организации колхоза. В это время кулак ведет бешеную агитацию против колхозов, распространяя против них всякие небывлицы вроде того, что это есть «крепостное право».

Второй этап, когда колхоз, несмотря на кулацкую агитацию, все-таки организовался. Тогда кулак пускает в ход террор и поджоги.

Третий этап, когда колхоз окреп и великолепно ведет свою работу. Теперь кулак «сменяет гнев на милость» и сам устремляется в колхоз, чтобы разлагать его изнутри»⁵⁶⁷.

Сегодня, когда идет переосмысление истории советского прошлого и некоторые исследователи готовы отрицать не только имевшую место классовую борьбу в ауле, но и даже наличие какого-либо кулацкого сопротивления колхозному движению, стоит прислушаться к мнению М.И. Калинина, не понаслышке знавшего деревенскую жизнь. Он как будто знал и то, что происходит в Дагестане. По крайней мере, к его высказыванию можно приложить и заявление кулака У.Е. Любименко о вступлении в колхоз сел. Озек-Суат Ачикулакского района Дагестана. В заявлении он писал: «...Товарищи, граждане и гражданки, прошу вас убедительно принять в колхоз. Товарищи, иду к вам я навстречу и желаю сдать свою худобу для блага колхоза... семейство у меня 2 души, хозяйство: овец 225 шт., скотины – 2 бычка по 1 году, 2 коровы, 2 телка, 1 линейка...»⁵⁶⁸.

Однако заявление одного из представителей зажиточных крестьян еще не означало признания ими своего поражения в противостоянии колхозам как новой формы ведения хозяйства, противоположной привычному им укладу жизни. Отсюда и та острота борьбы, которая велась вокруг колхозов, самой идеи коллективизации. В Дагестане к этой борьбе присоединялись и представители мусульманского духовенства. В ряде случаев они не только участвовали, но и возглавляли антиколхозные выступления крестьян.

Формы этой борьбы были разнообразны – от антиколхозной агитации, роспуска нелепых слухов до террористических актов против колхозных и советских активистов, разгона колхозов и местных Советов, организации вооруженных выступлений.

При антиколхозной агитации кулаки и муллы часто обращались к религиозным чувствам крестьян. В сел. Великент Дербентского района они распускали слухи, что колхозникам будет запрещено верить в Бога, в колхозе жены и дети будут общие, хлеб будет выдаваться из общей пекарни, колхозникам запретят печь хлеб дома и другие нелепицы⁵⁶⁹. В селении Хамаматюрт Бабаюртовского района всех вступающих в колхозы предупреждали, что они будут наказаны на том свете. Вступление в колхоз приравнивалось отречению от религии.

Центральным Комитетом партии был принят ряд мер, направленных на усиление борьбы с мелкой сельской буржуазией. Конкретные предложения о политике партии по отношению к кулачеству были разработаны комиссией

Политбюро ЦК ВКП(б), созданной в начале декабря 1929 г. Она пришла к мнению, что в связи с переходом к сплошной коллективизации такая мера, как недопущение кулачества в колхозы и его исключение из колхозов, недостаточна, «что сама жизнь поставила вопрос о ликвидации кулачества, об экспроприации всех его средств производства, о раскулачивании»⁵⁷⁰.

На основе обсуждения предложений на местах комиссия Политбюро ЦК партии разработала предложения о темпах и сроках коллективизации. Она пришла к выводу, что переход к коллективным формам хозяйствования завершится в течение пятилетия во всех республиках, краях и областях, за исключением некоторых районов.

Основные положения и рекомендации комиссии вошли в постановление ЦК ВКП(б) от 5 января 1930 г. «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству», в котором впервые официально была провозглашена политика ликвидации кулачества как класса. Переход к такой политике в постановлении объяснялся тем, что в стране созданы условия для замены кулацкого производства хлеба производством колхозов и совхозов. Этот момент, имеющий решающее значение для всего народного хозяйства, давал партии основание для перехода от политики ограничения и вытеснения кулачества к его ликвидации как класса⁵⁷¹.

Однако новые подходы к кулачеству, провозглашенные в этом постановлении, не означали, что речь шла о его физическом уничтожении, как это пытаются трактовать ныне те, кто обращается к этим документам. Речь в данном случае шла о ликвидации сельской буржуазии как класса, изменении социально-экономического уклада деревни, уничтожении экономической основы, которая питала и рождала деревенскую эксплуататорскую прослойку. Кулаки лишались, и об этом открыто писалось в постановлении, всех средств производства. Конфискованное у них имущество передавалось колхозам и совхозам.

Конкретные материалы по осуществлению политики ликвидации кулачества как класса были предусмотрены в постановлении ЦК ВКП(б) от 30 января и директиве СНК и ЦИК СССР от 4 февраля 1930 г.⁵⁷²

Были установлены три категории кулаков. К первой категории были отнесены кулаки-организаторы антисоветских выступлений и террористических актов. По решению судов они подлежали изоляции.

Ко второй категории были отнесены крупные кулаки, которые хотя и менее активно, но оказывали сопротивление и отказывались подчиняться порядкам сплошной коллективизации. По решению сельских сходов и местных Советов по утверждению окрисполкомами они подлежали выселению в отдаленные местности Советского Союза или в определенные места в пределах края.

Остальные кулаки, готовые подчиниться мероприятиям советской власти, составляли третью категорию и не подлежали выселению.

В целом так стройно и как-то несколько буднично выглядели законодательные акты партии и Советского государства на бумаге, хотя в них речь и шла не о тысячах, а миллионах советских граждан, лишившихся при приме-

нении этих актов не только своего местожительства и имущества, но и политических прав, оставаясь долгие годы изгоями общества.

Принимаемые против кулаков меры усугублялись еще и тем, что при проведении их в жизнь многие партийные организации не всегда придерживались строго регламентированных в решениях ЦК ВКП(б), ЦИК и СНК СССР методов и сроков их осуществления. В постановлении ЦК ВКП(б) «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству» Дагестан был отнесен к третьей группе районов, где коллективизация основных масс крестьян предусматривалась в более поздние, чем в целом по стране, сроки. К такому рубежу эти районы могли подойти к концу первой пятилетки.

Однако, не принимая во внимание установленных партией заданий и сроков их выполнения, бюро Дагестанского обкома партии 15 января 1930 г., через десять дней после постановления Центрального Комитета партии, принимает постановление о разработке практических мероприятий по раскулачиванию⁵⁷³. Нарушалось важнейшее требование директив партийных и советских органов – проводить политику ликвидации кулачества как класса в связи с коллективизацией.

Формально это требование в Дагестане как будто соблюдалось. Еще в конце 1929 г. районами сплошной коллективизации были объявлены те, где колхозное движение делало первые шаги. Бригада обкома партии, проверявшая высокогорный Кахибский район, отмечала, что в начале 1930 г. он был провозглашен районом сплошной коллективизации, хотя в октябре 1929 г. здесь не было «даже простейших видов объединений индивидуальных хозяйств в коллективные»⁵⁷⁴. Районом сплошной коллективизации считался и соседний Чародинский район, хотя и здесь еще не было условий для массового колхозного движения. Крестьян загоняли в колхозы, угрожая им лишением избирательных прав и арестами.

Искусственное насаждение колхозов практиковалось и в других районах. Благодаря такой негодной практике некоторые горные районы опережали по темпам коллективизации равнинные районы, располагавшие значительно лучшими стартовыми условиями для развития колхозного движения. В горном Касумкентском районе к 20 января было коллективизировано 66% крестьянских хозяйств или больше, чем в ряде равнинных районов⁵⁷⁵. Настроение на быстрое завершение коллективизации и ликвидации кулачества как класса нашло отражение и на пленуме Дагестанского обкома партии, состоявшемся 20 января 1930 г. В докладе секретаря обкома ВКП(б) Муравьева «О выполнении Дагпарторганизацией решений ЦК по докладу Дагобкома ВКП(б) от 14. 09. 1928 г.» был поставлен вопрос о проведении раскулачивания в равнинных и предгорных районах, перешедших на сплошную коллективизацию, и подготовке условий в горах. Однако некоторые участники пленума не соглашались даже с такой постановкой вопроса и требовали еще более ускорить темпы коллективизации и ликвидации кулачества как класса. Секретарь Кизлярского райкома партии говорил на пленуме, что «надо выкорчевать капитализм как в городе, так и в деревне, что нужно нажать на ку-

лака и уничтожить его как класс. Если мы выполним это, мы выполним все директивы»⁵⁷⁶.

Если такое простодушное, прямолинейное понимание директив партии было свойственно партийным лидерам, то что можно говорить о ее рядовых членах. Эти взгляды разделяли и советские руководители. Председатель Хасавюртовского райисполкома Гусейнов на том же пленуме обкома партии считал необходимым форсировать колхозное движение в горных районах, хотя эта задача не была решена и на равнине.

На таких же ошибочных позициях стоял и председатель Совнаркома ДАССР Д. Коркмасов. «Перед нами такая перспектива, – говорил он на пленуме, – что сплошная коллективизация плоскости будет проведена в 1930 г., а в 1931 г. весь Дагестан превратится в район сплошной коллективизации»⁵⁷⁷.

Хотя эти требования и были отвергнуты, однако пленум Дагобкома ВКП(б) предложил немедленно приступить к полной ликвидации кулацких, помещичьих и феодально-крепостнических хозяйств в районах сплошной коллективизации. В районах, где колхозное строительство развито в недостаточной степени, должны быть выселены немедленно помещичьи, феодально-родовые главари и наиболее реакционная часть кулачества. В постановлении указывалось также на необходимость осуществления сплошной коллективизации, не исключая горную часть Дагестана.

Вслед за пленумом обкома партии состоялась 4-я сессия VIII созыва ЦИК ДАССР (30 января – 1 февраля 1930 г.), которая обсудила доклад наркома земледелия М. Шарапилова «Об основных задачах сельхозкампании 1930 г.», в котором главной задачей сельхозкампании провозглашалась политика ликвидации кулачества как класса. При этом докладчик предлагал выселить с гор всех кулаков⁵⁷⁸.

Многие участники пленума обкома партии принимали участие и в этом совещании. Поэтому и постановление сессии ЦИК было однотипным с партийным и ориентировало советские органы на переход к политике ликвидации кулачества как класса.

В том же январе месяце решением бюро Дагестанского обкома партии была создана Центральная комиссия по учету и изъятию кулацких хозяйств. Комиссия придерживалась, как и большинство республиканского партийно-советского актива, быстрейшего завершения коллективизации и ликвидации кулачества и особо не заботилась о доскональной проверке положения дел на местах. В результате многие районы, формально перешедшие к сплошной коллективизации, оказались в числе успешно коллективизированных районов.

В начале февраля комиссия объявила районами сплошной коллективизации Кизлярский, Шелковской, Ачикулакский, Хасавюртовский, Бабаюртовский, Махачкалинский, Буйнакский, Дербентский, Коркмаскалинский, Касумкентский и Гунибский районы, хотя большинство колхозов в них существовало лишь на бумаге.

Соответствующие комиссии создавались в районах республики в составе представителя Центральной комиссии, секретаря райкома партии,

председателя райисполкома, уполномоченного ГПУ, заведующего отделом земледелия, представителей крупных колхозов или кустовых колхозных объединений⁵⁷⁹. Кроме того, надо было создавать и сельские комиссии из уполномоченного района, председателя сельсовета, секретарей партийной и комсомольской ячеек, представителей от колхозов, групп бедноты и батрачкама.

Как будто были соблюдены все формальности: был учтен процент коллективизации, достигнут необходимый высокий уровень охвата крестьян колхозами, были утверждены полагающиеся для решения этих вопросов центральная, районные и сельские комиссии, приняты и разосланы инструкции, касающиеся проведения выселения кулацких хозяйств и изъятия их имущества. На основе решений Центральной комиссии к выселению было намечено 1500 кулацких хозяйств. Они должны были быть обеспечены личными вещами, элементарными средствами производства, им разрешалось иметь при себе 500 руб. денег на одно хозяйство⁵⁸⁰.

Гладко было на бумаге, но при осуществлении выселения кулаков допускались многочисленные отступления от как будто твердо установленных и обязательных правил проведения коллективизации и ликвидации кулачества как класса. Не везде колхозное движение опиралось на мнение крестьян, их решение, многие колхозы существовали лишь формально, к категории кулацких хозяйств были отнесены и отдельные середняцкие хозяйства. Переход к раскулачиванию, начатый по решению Дагестанского обкома партии и Центральной комиссии по ликвидации кулачества и приобретавший повсеместный характер, был преждевременным для большинства районов республики и вызвал недовольство части горского крестьянства. Созданные под административным нажимом колхозы стали распадаться, наблюдался отток из колхозов.

Центральный Комитет ВКП(б), получив с мест сигналы о подобных недостатках в колхозном строительстве, 30 января 1930 г. направил всем партийным организациям письмо, в котором резко осудил ошибочную практику раскулачивания вне связи с колхозным движением. В нем указывалось: «С мест получают сведения, говорящие о том, что организации в ряде районов бросили дело коллективизации и сосредоточили свои усилия на раскулачивании. ЦК разъясняет, что такая политика в корне неправильна. ЦК указывает, что политика партии состоит не в голом раскулачивании, а в развитии колхозного движения, результатом и частью которого является раскулачивание. ЦК требует, чтобы раскулачивание не проводилось вне связи с ростом колхозного движения, чтобы центр был перенесен на строительство новых колхозов, опирающееся на действительно массовое движение бедноты и середняков. ЦК напоминает, что только такая установка обеспечивает правильное проведение политики партии»⁵⁸¹.

Вслед за этим 11–16 февраля ЦК ВКП(б) провел совещание по этим вопросам, в котором приняли участие секретари ЦК партии Азербайджана, Грузии, Армении, Узбекистана, Таджикистана, Дагестанского, Бурятско-Монгольского, Киргизского обкомов, Закрайкома, Средазбюро ЦК и другие⁵⁸².

На основе работы совещания 20 февраля 1930 г. было принято постановление ЦК ВКП(б) «О коллективизации и борьбе с кулачеством в национальных экономически отсталых районах». Однако оно не было опубликовано в печати, но его содержание было изложено в передовой статье газеты «Правда» за 27 февраля 1930 г. Учитывая большую культурную отсталость национальных республик, малочисленность рабочего класса, значительно меньшее, чем в центральных районах, влияние советской власти и Коммунистической партии на крестьянские массы и слабую изоляцию местного кулачества, ЦК партии ставил в этих районах задачу не сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса, а развития всех видов кооперации и простейших форм коллективных объединений, подготовки условий для массовой коллективизации.

Хотя по отношению к кулачеству было рекомендовано проводить политику его ограничения и вытеснения в тех формах, которые практиковались в стране до перехода к политике ликвидации эксплуататорских классов, однако тут же напоминалось, что эта политика применялась уже в новых условиях, когда основным лозунгом партии стала ликвидация кулачества как класса и в отсталых районах шли к осуществлению этого лозунга. Поэтому предлагалось при осуществлении политики ограничения и вытеснения кулацких хозяйств учитывать эти изменившиеся условия и вести решительную борьбу с попытками кулацкого саботажа и вредительства, применяя строгие меры, вплоть до конфискации имущества кулаков, злостно не выполнявших постановление правительства, разбазаривавших и уничтожавших свое имущество.

Такое разъяснение развязывало руки тем местным партийным руководителям, которые были не прочь форсировать темпы коллективизации и ликвидации кулачества как класса, чтобы быстрее выполнить задания партии и правительства. Этим они умело воспользовались. 19 февраля 1930 г. на бюро Дагестанского обкома партии были обсуждены итоги совещания представителей национальных и экономически отсталых районов при ЦК партии. Бюро обкома партии поручило Центральной комиссии по учету и изъятию кулацких хозяйств в соответствии с указаниями ЦК ВКП(б) пересмотреть списки районов сплошной коллективизации. Решениями ЦК партии по национальным республикам был установлен ограниченный контингент кулаков первой категории, превышать который запрещалось. По Дагестану такой контингент был установлен в 350 человек⁵⁸³.

Центральная комиссия по изъятию и ликвидации кулачества Дагестана пересмотрела районы сплошной коллективизации и отнесла к их числу лишь 4 района: Махачкалинский, Хасавюртовский, Бабаюртовский и Буйнакский. В этих районах намечалось раскулачить 210 кулацких хозяйств первой категории.

Оставшуюся часть кулацких в 140 хозяйств от установленного задания решено было набрать в Ачикулакском, Шелковском и Кизлярском районах, которые, хотя и не перешли к сплошной коллективизации, но имели, как считала комиссия, все предпосылки для этого. Кроме того, комиссия опасалась,

что в соседней с этими районами Терской области проводилось раскулачивание, которое могло повлиять на поведение кулачества указанных районов. Допускать этого комиссия не собиралась.

Мероприятия по раскулачиванию и выселению указанного количества кулацких хозяйств были проведены до 15 марта. В связи с успешным завершением этих мероприятий комиссия по учету и изъятию кулачества решением бюро обкома партии от 17 марта 1930 г. была распущена.

Имевшие место ошибки и перегибы в колхозном строительстве и связанное с этим недовольство крестьянских масс кулачеством и мусульманское духовенство стремились направить в антиколхозное, антисоветское русло, придать их спонтанным выступлениям более организованный характер. Под влиянием нетерпимых извращений политики партии в деревне в ряде мест (отдельные округа Украины, горные районы Северного Кавказа, некоторые районы Казахстана) состоялись вооруженные антисоветские выступления, спровоцированные кулачеством, местами и духовенством.

Первые сигналы такого рода организованных выступлениях поступили из высокогорного Дагестана 11 марта 1930 г. В некоторых аулах Дидовского участка Цумадинского района произошли антисоветские вооруженные выступления, руководимые кулачеством и духовенством. Повстанцы требовали прекращения изъятия вакуфного и мечетского имущества, освобождения арестованных контрреволюционеров. На собраниях крестьян под давлением кулацкой агитации были приняты решения об удалении из аулов партийных и советских работников.

В том же месяце антиколхозное выступление произошло в селении Хамаматпорт Бабаюртовского района, где темпы коллективизации были значительно выше, чем в других районах. Их выступление было поддержано и в ряде других селений района. Выступление приобретало террористический характер, выступившие насильственно начали разгонять колхозы, убили председателя одной из сельхозартелей⁵⁸⁴.

К антиколхозным выступлениям кулачество и духовенство старались подстрекать и женщин, бесправное положение которых в прошлом, их обреченность на домашний труд давали благодатную почву для агитации. При этом их уверяли, что советская власть, проявлявшая о них такую заботу и внимание, не посмеет применить против них какие-либо решительные меры. Когда на собрании в сел. Евигар Касумкентского района обсуждался вопрос о создании колхоза, то женщины, видимо, заранее приглашенные и подготовленные соответствующим образом, выступили против его организации, избивли председателя сельсовета и разгромили медпункт. Это выступление нашло отклик и в Табасаранском районе, где в райцентре Тинит из разных аулов собралось около 700 человек, которые потребовали распустить колхоз⁵⁸⁵.

Наиболее значительный и организованный характер приняло антиколхозное выступление крестьян под руководством шейха Штульского, охватившее три крупных горных района Южного Дагестана: Курахский, Касумкентский и Табасаранский. Во всех аулах, где произошли эти выступления,

были освобождены от работы председатели сельсоветов и других организаций, взамен которых назначались, как и в дореволюционное время, старшины аулов. Ими был убит секретарь Касумкентского райкома партии Ю. Герейханов.

Такие же выступления, и не с меньшими жертвами, имели место в Хасавюртовском, Буйнакском, Махачкалинском, Кизлярском и других районах. Жертвами террора стали секретарь партийной ячейки сел. Кака-Шура Буйнакского района И. Базалаев и председатель того же колхоза Г. Абдулмеджидов. Теракты с человеческими жертвами были совершены в Кизлярском и других районах⁵⁸⁶.

Серьезный анализ причин произошедших весной 1930 г. в ряде регионов страны контрреволюционных выступлений, зачинщиками которых были кулацко-зажиточные хозяйства, дал Центральный Комитет ВКП(б). В нем отмечалось, что эти выступления свидетельствовали об обострении политической обстановки в стране. Несмотря на специальные указания ЦК партии о необходимости длительной подготовительной работы для проведения коллективизации, в отдельных национальных районах Северного Кавказа и других республиках и областях были допущены грубые извращения политики партии, заключавшиеся в подмене разъяснительной работы методами насилия в отношении середняка, командовании середняком, перенесении методов борьбы с кулаком на середняка, искусственном форсировании коллективизации.

ЦК ВКП(б) потребовал положить конец перегибам в колхозном строительстве, закрепить достигнутые успехи и этим обеспечить дальнейший его рост. Было предложено прекратить практику подмены работы в массах вмешательством органов ГПУ и милиции и принимать строгие меры вплоть до исключения из партии работников, не желающих выполнять партийные директивы⁵⁸⁷.

В свете решений Центрального Комитета партии эти вопросы были рассмотрены на заседании бюро Дагестанского обкома партии 27 апреля 1930 г. В принятом постановлении причины этих выступлений были сведены к продолжению классовой борьбы, но уже в форме вооруженного восстания, которая развивалась в ауле под влиянием возросшей активности батрацко-бедняцких слоев и решительного наступления на капиталистические элементы.

Вместе с тем бюро Дагестанского обкома ВКП(б) признало слабую работу партийных и советских организаций с бедняцкими массами, ущемление в ряде случаев интересов середняка, раскулачивание его наряду с кулацкими хозяйствами, ошибки, допущенные при проведении хлебозаготовок и коллективизации, незаконное закрытие мечетей. Частичные успехи повстанческого движения в первое время стали возможны также из-за слабости местных партийных организаций, их малочисленности. Отдельные партийные организации проявили растерянность, неорганизованность, и в силу этого они не сумели сплотить бедняцко-средняцкие массы для отпора кулацким про-
искам.

Антиколхозные выступления не получили бы какой-либо серьезной поддержки среди трудящихся крестьян, если бы колхозы сразу же сумели показать те экономические выгоды, которые от них ожидали. Более того, многие горные районы испытывали большие трудности с хлебообеспечением населения. Для коренного улучшения снабжения горных районов Наркомторгу было отпущено 50 тыс. центнеров хлеба. Обком партии обязал республиканские организации обеспечить переброску хлеба в нужном количестве и в кратчайшие сроки в Гунибский, Ботлихский, Хунзахский, Левашинский, Лакский, Цумадинский, Гляратинский, Гумбетовский, Казбековский и Дахадаевский районы.

ЦИК и Совнарком ДАССР приняли постановление о хозяйственно-культурном развитии районов Южного Дагестана, в которых состоялись наиболее крупные антиколхозные выступления. В эти районы для оказания помощи были направлены ответственные работники республиканских организаций. В Касумкентском районе были проведены досрочные перевыборы сельских советов.

Решением бюро Дагестанского обкома ВКП(б) от 10 марта 1930 г. за перегибы и ошибки при коллективизации сельского хозяйства были привлечены к партийной ответственности и сняты с работы секретари Шелковского, Ахтынского, Ботлихского, Гунибского, Казбековского райкомов партии и председатель Казбековского райисполкома.

Было усилено внимание органов прокуратуры и судов за соблюдением партийными и советскими работниками революционной законности, к пресечению ошибок и перегибов в колхозном движении. В постановлении от 3 мая 1930 г. «О состоянии ревзаконности в ДАССР» обком партии обязал судебно-следственные органы строго следить за выполнением и соблюдением директив партии и правительства, виновных в нарушении законов привлекать к ответственности.

По этой линии также были приняты суровые меры. В ряде районов республики прошли открытые судебные сессии Главсуда ДАССР, на которых были осуждены виновные в перегибах при коллективизации. На показательном судебном процессе в селении Эндирей Хасавюртовского района председатель колхоза и член его правления, давшие указания об обобществлении у крестьян домашней птицы, были осуждены к принудительным работам.

В Дербентском районе за незаконное закрытие мечети в селении Деличобан, оскорбление чувств верующих к судебной ответственности были привлечены заместитель председателя райисполкома, председатель сельсовета этого села и ряд других лиц. За аналогичные нарушения в Табасаранском районе были осуждены 7 ответственных работников⁵⁸⁸.

Несмотря на решительные меры против нарушений политики партии в деревне и тех, кто их допускал, улучшение разъяснительной работы среди трудящихся крестьян, партийные и советские органы продолжали прибегать, хотя и меньше, к прежним репрессивным мерам, объясняемым активизацией кулацких антиколхозных выступлений. Партийные организации трясло от боязни, как бы не обвинили в «правом уклоне» или в преувеличении роли

местных национальных особенностей. Любое проявление недовольства колхозами, нежелание поддержать колхозное движение продолжали восприниматься некоторыми партийными и советскими руководителями как антиколхозная, антисоветская агитация, при этом дело не шло к усилению разъяснительной работы, а принятию против недовольных репрессивных мер. В начале 1931 г. в Бабаюртовском, Хасавюртовском, Шелковском, Рутульском, Дербентском, Касумкентском и Лакском районах вновь были выявлены группировки, проводившие агитацию против мероприятий партии и ставившие своей целью подготовку нового вооруженного выступления. Несколько позднее бдительными органами ГПУ контрреволюционные группировки были выявлены в Ботлихском, Ахвахском, Кумторкалинском, Буйнакском, Ахтынском, Гумбетовском, Хунзахском и Казбековском районах⁵⁸⁹. Обвиненных в таких преступлениях по законам того времени ждало суровое наказание.

Если учесть, что с такими обвинениями были репрессированы в 1929–1930 гг. многие участники антисоветских, антиколхозных выступлений и участники группировок, а также кулаки, то становятся очевидными слишком большие масштабы оперативных и других мер, предпринимаемых против недовольных, включая в том числе и активных участников антиколхозного движения.

Эти меры касались лишь отдельных кулаков или небольшой их группы, но для некоторых политических деятелей более действенным средством влияния на антисоветские элементы было их раскулачивание и выселение за пределы местожительства. Обращаясь 16 января 1930 г. в ЦК ВКП(б), секретарь Северо-Кавказского крайкома партии А.А. Андреев сообщал о начале практического осуществления «... переселения кулаков за пределы края» и считал, что эта акция лучше других средств подействует на оставшиеся «антисоветские элементы» в деревне⁵⁹⁰.

Такие настроения испытывали и другие «ура-коллективизаторы» тех лет. Руководители затеречных районов Дагестана (Шелковской, Ачикулакский, Кизлярский), в которых скопилось немало кулацких хозяйств или кулаков, бежавших от раскулачивания из других областей и регионов страны, обращались в Дагестанский обком партии с просьбой о выселении этих хозяйств. Решение по этому поводу бюро обкома партии приняло 25 марта 1931 г., по его исполнению несколько затянулось. 16 мая по решению бюро обкома партии снова был создан штаб по выселению кулаков указанных районов. Районам также было предложено создать районные штабы. С 31 мая приступили к раскулачиванию и выселению беглых кулаков и местного кулачества. К 10 июня в Шелковском районе было задержано 127 человек – глав местных и беглых кулацких хозяйств, в Кизлярском районе – 80 человек глав местных и 51 глава беглых кулацких семей, в Ачикулакском районе – 35 глав местных и 60 глав беглых кулацких хозяйств. Кроме того, из Ачикулакского района подлежали выселению еще 85 глав беглых кулацких хозяйств.

После задержания глав кулацких хозяйств они все подверглись проверке для определения того, к какой категории отнести то или иное хозяйство: эксплуататорской или трудовой. В общей сложности из указанных трех районов были выселены 175 кулацких хозяйств⁵⁹¹.

Преодолевая огромные трудности, которые во многом объяснялись новизной дела и ошибками, допущенными партийно-советским руководством, колхозное движение продолжало развиваться. Его достижения были подведены на I Вседагестанском съезде колхозников, который состоялся 25 февраля – 2 марта 1931 г. Съезд рассмотрел вопросы о состоянии и ходе колхозного строительства, механизации сельского хозяйства и создании МТС, об организации труда и распределении доходов в колхозах. Съезд наметил меры по дальнейшему развитию в республике колхозного движения, вовлечению широких слоев трудящихся крестьян в колхозы. Большое внимание на съезде было уделено вопросам организации труда в колхозах. Бригадная форма организации труда, которая получила распространение, во многих коллективных хозяйствах страны, была признана одной из оправдавших себя форм и в условиях Дагестана⁵⁹².

Колхозная деревня все шире переходила к новым формам организации труда. Весной 1932 г. был проведен поход по укреплению колхозов. В период проведения похода в 509 колхозах из 723 была внедрена сдельщина, в 467 колхозах были организованы производственные бригады, 661 колхоз имел производственные планы⁵⁹³.

Однако новые формы организации производственной жизни колхозов не успели себя проявить, как в конце 1931 г. и весной 1932 г. в ряде районов страны, в первую очередь в Казахстане и Украине, начался массовый голод, распространившийся и на другие районы. Засуха постигла некоторые районы и Северного Кавказа, Нижнего Поволжья, урожайность упала до 3,7–4 ц с га.

Эти трудности не миновали и Дагестан. В те годы немало крестьян из Северного Кавказа в поисках хлеба бежало в Дагестан, тоже испытывавший такие проблемы.

Советское правительство пыталось несколько облегчить положение крестьян, выделяло им семена, хлеб, снизило экспорт зерна за рубеж, но всего этого было мало. В 1932–1933 гг. в указанных районах от голода погибло более 7 млн. человек⁵⁹⁴.

В этих экстремальных условиях были приняты меры, направленные на повышение производственной дисциплины, материального и морального стимулирования колхозников, производительности труда. Памятным событием в колхозной жизни стал состоявшийся в феврале 1933 г. в Москве I Всесоюзный съезд колхозников-ударников. На съезде были представлены 9 делегатов – передовиков колхозного производства Дагестана из Ачикулакского, Буйнакского, Дербентского, Касумкентского, Кизлярского, Кормаскалинского (Сергокалинского), Хасавюртовского, Гунибского районов.

Писатель П. Павленко, вместе с группой своих коллег в 1933 г. побывавший в Дагестане, писал о делегате съезда, председателе колхоза им. Сталина Буйнакского района Д. Даибове: «Он ввел систему бригад, разбил хо-

зяйство на бригадные участки, ручался, что в этом все дело, хотя кос-кто в районе сомневался в пользу бригадного метода, боясь распада колхоза на карликовые артели»⁵⁹⁵.

После Всесоюзного съезда колхозников-ударников прошли районные, областные, краевые и республиканские съезды колхозников. В начале июня 1933 г. состоялся первый съезд колхозов, МТС и совхозов ДАССР, который превратился в смотр достижений общественных хозяйств, стал стимулом для дальнейшего развития колхозного движения. На съезде отмечались большие достижения земледельцев: весенний сев был завершен в лучшие агротехнические сроки, посевные площади увеличились на 20 тыс. га и составили 223 тыс. га, улучшилась обработка земли и посевов, повысилась механизация сельхозработ. В период весеннего сева в колхозы вступили 5 тыс. единоличных хозяйств⁵⁹⁶.

Впервые на съезде передовиков колхозного и совхозного производства были широко использованы меры морального и материального поощрения сельских тружеников. Передовым районам, колхозам и совхозам, а также отдельным колхозным бригадам были вручены переходящие Красные знамена и ценные премии. Махачкалинскому району было вручено переходящее Красное знамя Северо-Кавказского крайисполкома, Буйнакскому району – переходящее Красное знамя ДагЦИКа, колхозу «Комсомолец» Махачкалинского района – знамя Дагестанского обкома комсомола. Ачикулакский район был премирован ценным подарком – легковым автомобилем⁵⁹⁷.

По решению январьского (1933 г.) объединенного Пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) при МТС и совхозах были созданы новые политические органы, призванные заниматься укреплением трудовой дисциплины работников МТС, рабочих совхозов и колхозников, воспитанием у них бережного отношения к общественной собственности, развертыванием социалистического соревнования, улучшением политико-воспитательной работы. Всего в 1933 г. в Дагестане политотделы были созданы при 11 МТС и 5 совхозах⁵⁹⁸.

Несмотря на укрепление социалистического сектора в сельском хозяйстве, на республиканском и низовом партийно-советском уровне сохранялись отголоски прежнего отношения к кулачеству и его подпевалам, как к элементам, которых надо было выкорчевывать насильственными методами. 90 крестьян селения Кумторкала, вступивших в колхоз, писали в адрес Дагестанского обкома партии: «В 1933 г. с созданием политотдела начался перелом во всех делах колхоза им. Маркова. Была произведена очистка колхоза от кулаков: чуждые и негодные руководители были осуждены пролетарским судом и в руководстве колхоза стали люди честные, преданные колхозному строю»⁵⁹⁹.

Угрозы в адрес кулачества продолжали звучать и на более высоком уровне. Выступая с докладом на V сессии ДагЦИКа, состоявшейся в марте 1933 г., председатель Совнаркома ДАССР заявил: «...Мы нанесли решительный удар капиталистическим элементам, разгромили кулачество на плоскости – но еще не добились его; сломили экономические позиции кулачества и

духовенства в горах, но не подорвали окончательно их корни», что «... кулак и его агентура еще существуют на плоскости и особенно в горах»⁶⁰⁰.

Однако к этому времени в Центральном Комитете партии возобладали новые подходы к проведению политики партии в деревне. ЦК ВКП(б) и Совнарком СССР разослали 8 мая 1933 г. всем партийно-советским организациям и судебно-следственным органам инструкцию, в которой потребовали прекратить применение массовых выселений и острых форм репрессий. Резкому осуждению были подвергнуты практика беспорядочных арестов, проводимых в деревне лицами, не имевшими на это прав, подмена в ряде мест политической работы в массах административными мерами. ЦК и СНК предложили дальнейшее выселение кулацких элементов проводить только в индивидуальном и частичном порядке и в отношении тех хозяйств, главы которых вели активную борьбу против колхозов⁶⁰¹.

Однако строгие указания партии и правительства выполнялись не всеми партийными и советскими организациями. В постановлении бюро Дагобкома партии «О проверке выполнения постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 8 мая 1933 г. о карательной политике» отмечалось, что в отдельных районах (Ботлихском, Гунибском, Хасавюртовском, Буйнакском) руководство райкомов партии и райисполкомов вмешивалось в работу судов и прокуратуры, требуя необоснованных репрессивных мер, допускало репрессии и в отношении социально-близких к советской власти людей.

Обком партии предлагал партийно-советским органам прекратить вмешательство в работу судебных органов. Неправомочные указания были даны и Главному суду ДАССР, который обязывали пересмотреть дела такого характера и исправить допущенные ошибки. Применение репрессивных мер опятьтаки допускалось по отношению к активным врагам советской власти⁶⁰², под категорию которых органы КГБ могли подвести многих, задержанных ими.

Несмотря на многократно принимаемые партийными и советскими органами, начиная от верхних их эшелонов и кончая низовыми структурами, меры по некоторому обузданию развертывающихся антикулацких репрессий, удержать их было трудно. Более того, под шум о величайших успехах колхозного строительства и вопреки инструкции ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР от 8 мая 1933 г. проводились новые репрессии против кулаков, хотя в деревне и не осталось крепких единоличных хозяйств в прежнем понимании.

О раскулачивании кулаков с подачи более высоких инстанций вспомнили и в некоторых автономиях Северного Кавказа. Сославшись на большие достижения колхозного строительства в Дагестане (на 1 января 1935 г. в колхозах было объединено 29,1% крестьян, в том числе в равнинных и предгорных районах 55,2% и в горных – 10,9% крестьян), областная парторганизация, еще в 1933 г. требовавшая от республиканских организаций отказаться от репрессивных мер, перешла к новому наступлению против кулачества. Было принято решение о выселении кулаков с 20 февраля по 1 марта 1935 г. из 8 районов: Касумкентского, Коркмаскалинского, Махачкалинского, Кайтагского, Бабаюртовского, Дербентского, Буйнакского и Хасавюртовского.

Вопрос о выселении кулацких хозяйств решался на партийно-комсомольских собраниях, собраниях колхозников и крестьян-единоличников, утверждался сельским Советом. Однако вряд ли можно было провести такие процедуры в течение 10 дней, которые отводились на подготовку и проведение такой массовой кампании, тем более что после всех этих процедур список выселяемых утверждался еще тройкой по переселению кулаков, организованно при обкоме партии в составе представителей обкома ВКП(б), СНК и НКВД⁶⁰³. Эти срочные вопросы требовали безотлагательного решения, и ими занималась в основном тройка, жестко и без задержек рассматривавшая поступающие заявки, которые представлялись в соответствии с установленными на этот счет заданиями.

Планы по выселению кулаков были выполнены. В далекую Среднюю Азию были выселены 4162 кулацких хозяйств (2010 человек), которых называть кулацкими, если судить по их имуществу, никак невозможно. У них было конфисковано 300 домов (следовательно, 116 хозяйств вообще не имели собственных домов), 2 хутора, 213 га посевов, 26 га садов и виноградников, 90 быков, 56 лошадей, 207 телят, 5 ослов, 174 овцы и козы, 13 единиц сложного сельхозинвентаря, 10 единиц сельхозинвентаря, 2864 пуда кукурузы, 529 пудов пшеницы, 1514 пудов муки, 26 фургонов, 2 мельницы, 5 ульев и еще кое-что по мелочам. В достоверность этих данных можно верить, поскольку все тщательно подсчитывалось, в чем можно убедиться даже по приведенным сведениям. При пересчете имущества на каждое хозяйство видно, что их можно отнести разве что к малоимущим, но никак не к зажиточным⁶⁰⁴.

Необходимо отметить, что выселение кулачества в тот год проводилось не по инициативе республиканских организаций Дагестана и что такие решения исходили от вышестоящих организаций. Не случайно ведь такое выселение в том году было проведено из некоторых горных районов Северной Осетии и Чечено-Ингушетии.

В этой связи напрашивается и другой вывод о том, что такое достаточно массовое раскулачивание в Дагестане послужило серьезным сигналом для оставшихся единоличных хозяйств: им не разрешат оставаться в стороне от колхозного движения. Не только еще не вступившие в колхозы единоличники равнинных районов, но и крестьяне горного Дагестана поторопились в колхозы. В течение 1935 г. в республике было организовано 127 новых животноводческих колхозов, в основном, в горных районах. 28 тыс. крестьянских хозяйств вступили в колхозы⁶⁰⁵.

Темпы колхозного движения нарастали. На 1 октября 1936 г. уровень коллективизации в республике поднялся до 72,5%, в том числе по равнинной зоне – до 88,5% и горной зоне – до 65,8%⁶⁰⁶.

Казалось, для раскулачивания и выселения больше не осталось кулаков. Тем не менее на основе решений, принятых по указанию краевых и вышестоящих организаций 17 сентября 1936 г., когда осталось около 2,5 месяца до принятия 5 декабря 1936 г. сталинской Конституции, считавшейся самой демократической в мире, было принято новое постановление бюро Дагестан-

ского обкома партии о выселении кулацких хозяйств из 21 района за пределы Северо-Кавказского края опять в Среднюю Азию⁶⁰⁷.

Опять были установлены даже более сжатые, чем в предыдущее выселение, сроки – с 20 по 24 сентября. Соответственно была создана республиканская комиссия по переселению кулаков, в районах были созданы оперативные тройки в составе секретаря райкома ВКП(б), председателя райисполкома и начальника райотделения НКВД. К выселению намечалось 1127 кулацких хозяйств, но при рассмотрении их списков на районных тройках и республиканской комиссии к выселению были утверждены лишь 650 хозяйств или 3372 человека, среди которых были и те, кто возглавлял вооруженные антисоветские выступления, участвовал в таких выступлениях, руководил антисоветскими группировками⁶⁰⁸. По истечении ряда лет за прошлые ошибки их подвергли суровой мере наказания, отправив далеко от родной земли, которой дорожил каждый дагестанец.

К этому можно добавить, что многие из них на колхозный путь встали не добровольно, хотя колхозное движение в первое время развивалось на добровольной основе, а после тех неоднократных репрессий, которые применялись как в индивидуальном, так и в массовом порядке против тех, кто допускал антиколхозные выступления или высказывание. В таких национальных регионах, как Дагестан, репрессии массового характера к кулакам были применены и накануне сталинской Конституции, провозглашенной одной из самых демократических Конституций мира.

Мероприятия по выселению кулачества и успехи колхозного движения в Дагестане и в Чечено-Ингушетии, до этих пор отстававших в решении этих задач, были высоко оценены Северо-Кавказской краевой партийной организацией. В отчете Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) на партийной конференции, состоявшейся в 1936 г., отмечалось: «Решительно встали на колхозный путь горцы Дагестана и Чечено-Ингушетии. 1935 год стал годом осуществления сплошной коллективизации в горах и ликвидации на этой основе остатков кулачества на Северном Кавказе»⁶⁰⁹.

Репрессии 30-х годов. Итоги развития сельского хозяйства к концу 1936 г., достижения республики в области коллективизации были подведены на XIV Дагестанской областной партийной конференции, состоявшейся в мае–июне 1937 г., в разгар репрессий 30-х гг. Они коснулись многих деятелей культуры и формирующейся интеллигенции, государственных и общественно-политических деятелей, рабочих и крестьян. К областной партконференции численность партийной организации Дагестана сократилась по сравнению с ее численностью накануне XIII конференции с 11819 до 7175 человек, или на 4634 человека⁶¹⁰. Это явилось результатом не только очищения партийной организации от случайных элементов, но и допускаявшихся на местах нарушений Устава партии, огульного обвинения коммунистов и партийных кадров во враждебной деятельности с привлечением их к судебной ответственности.

Шумные кампании против вредителей, «троцкистско-зиновьевских последышей», публичная критика, партийные взыскания завершались, как пра-

вило, судебными процессами и тюремным заключением. Еще в 1935 г. республиканские газеты писали о раскрытии «троцкистской организации на строящемся оборонном предприятии «Двигатель». Но уже в следующем году около 400 рабочих и служащих завода были уволены со строительства завода. Вслед за этим были арестованы начальник строительства С.Б. Урицкий, главный инженер завода Благовещенский, главный инженер-металлург В. Можеев, прораб Е.И. Монастырский, инженер Н.И. Людов, редактор заводской газеты «Даешь двигатель» Телегин.

Аресты на заводе продолжались и в последующие годы⁶¹¹. В апреле–августе были арестованы главный конструктор завода И.Г. Малышев, главный механик В.Ф.Надкок, начальник ОТК Ф.А. Неженцев, зам. директора по строительству К.К. Пога, замдиректора Г.Г. Лещинский, начальник цеха А.М. Требелев, начальник отдела кадров А.Р. Голод и, наконец, директор завода Е.М. Равинович. По руководящим кадрам строящегося крупнейшего оборонного предприятия республики был нанесен тяжелый удар, который не мог не сказаться на ходе завершения его строительства и ввода в строй.

Объектом особого внимания НКВД стало первое научное учреждение республики – Научно-исследовательский институт национальной культуры при СНК ДАССР, созданный в 1924 г. Поводом для преследования сотрудников института было использовано дело Л. Лслевица, бывшего сослуживца Л. Д. Троцкого. В 1934 г. он был выслан как троцкист в Махачкалу и работал завсектором литературы национальных культур.

Институт был объявлен рассадником троцкизма. Из 23 сотрудников института 8 (директор А. Тлюняев, его заместитель Г. Гаджибеков, сотрудники М. Чаринов, А. Каяев, Х. Гитинаев и др.) были причислены к троцкистам и арестованы. Решением бюро обкома партии от 15 февраля 1938 г. прежнее название, напоминавшее о национальной культуре, было признано не соответствующим стоящим перед ним задачам и отражавшим по существу буржуазно-националистическое содержание. Он был переименован в Институт истории, языка и литературы при СНК ДАССР⁶¹².

В конце 1936 г. и в начале 1937 г. были исключены из партии и сняты с работы ряд бывших руководящих работников республики, обвиненных в троцкизме: Г.А.-М. Нахибашев, управляющий Дагконсервтрестом, секретарь Каякентского райкома партии М. Магдиев, редактор лакской газеты Ш. Рашкуев, председатель Кулинского райисполкома Г. Штанчаев. К исходу 1936 г. по надуманным фактам троцкистской контрреволюционной деятельности были заведены дела более чем на 130 работников различной сферы деятельности.

Арестам и расстрелам были подвергнуты видные деятели республики: Дж. Коркмасов, К. Мамедбеков, М. Далгат, А. Тахо-Годи, М. Атаев, Б. Астемиров, Ю. Шовкринский, О. Османов, Д. Саидов и многие другие работники партийно-государственных структур, деятелей культуры, поэтов и писателей.

В 1937 г. секретарь Дагестанского обкома партии Н. Самурский подвергался резкой критике в печати и в партийной среде за недостаточную борьбу с «врагами народа». Видимо, пытаясь оправдать себя, он 26 сентября

1937 г. подал в ЦК ВКП(б) на имя И.В. Сталина шифровку, в которой указывал, что лимит для беглых кулаков и антисоветских элементов недостаточен, и просил увеличить лимит первой категории вместо установленного ЦК ВКП(б) с 600 до 1200 и второй категории – с 2478 до 3300. В тот же день Политбюро ЦК ВКП(б) удовлетворило запрос Н. Самурского⁶¹³.

Но это уже не помогло Н. Самурскому. 30 сентября 1937 г. бюро Дагестанского обкома партии исключило его из партии как одного «из идеологов и руководителей контрреволюционной буржуазно-националистической группы в Дагестане...»⁶¹⁴. Впоследствии сразу же после решения бюро обкома партии он был арестован и приговорен к высшей мере наказания и 1 августа 1938 г. расстрелян, как и многие его соратники по работе.

Не избежал суровой кары и организатор всех этих дел в Дагестане, нарком внутренних дел В.Г. Ломоносов. 2 января 1939 г. он был арестован и также осужден к высшей мере наказания⁶¹⁵.

Репрессии, принявшие широкомасштабный характер и коснувшиеся почти всех прослоек населения как страны, так и Дагестана, вывели из трудовой и политической деятельности наиболее активную и дееспособную часть населения, оставили тяжелый след в общественном сознании. Однако данные о количестве репрессированных по политическим мотивам многие годы были засекречены, что позволило как зарубежным, так и внутренним противникам социализма и советской власти манипулировать этими сведениями, публикуя и называя в своих выступлениях без ссылок на достоверные источники, явно искаженные и преувеличенные данные о количестве репрессированных в 9,50–60 и даже 90 млн. человек. Авторы таких сведений не принимают во внимание сведения, приведенные в записке, адресованной секретарю ЦК КПСС Н.С. Хрущеву от 1 февраля 1954 г. и подписанной Генеральным прокурором СССР Р. Руденко, министром внутренних дел СССР С. Кругловым и министром юстиции СССР К. Горшениным, Приведенные в ней данные о численности репрессированных были опубликованы в печати в 90-х гг. XX в.

Если судить по этой записке, за контрреволюционные преступления было осуждено 3777580 человек, в том числе к высшей мере наказания (ВМН) 642980 человек. Особым совещанием при НКВД, просуществовавшим с 5 ноября 1934 г. по 1 сентября 1953 г., было осуждено 442531 человек, в том числе к ВМН – 10101 человек⁶¹⁶.

Близки к этим данным, если учесть, что они охватывают несколько больший период и более широкий характер преступлений, приведенные архивные сведения в газете «Советская Россия». Число осужденных за контрреволюционную деятельность и другие особо опасные государственные преступления в 1921–1953 гг. было 4060306 человек и к ВМН – 799455 человек⁶¹⁷. В разные годы численность репрессированных то падала, то возрастала в зависимости от политической, экономической ситуации как внутри страны, так и в международном масштабе.

От репрессий серьезно пострадал интеллектуальный и политический потенциал Дагестана. По данным МВД республики, общее количество ре-

прессированных по Дагестану за 30–50-е годы, по неуточненным данным, составило 14 тыс. человек, из них осужденных по политическим мотивам было 7500 человек⁶¹⁸. По результатам следствия о нарушениях социалистической законности работниками НКВД Дагестана, проведенного в 1956 г., было установлено, что только тройкой НКВД ДАССР, функционировавшей с 29 августа 1937 г. по 10 марта 1938 г., было осуждено 5257 человек, из них 1995 были приговорены к расстрелу и 3222 человека к различным срокам⁶¹⁹.

Эти данные не вскрывают полностью всей тяжести содеянного в те годы и требуют дальнейших поисков и осмысления всего того, что произошло. Вместе с тем надо заметить, что они не остановили поступательного развития общества. Большую роль в активизации трудящихся масс играла идеологическая работа Коммунистической партии, Советов, общественных организаций, вовлечение все более широких слоев в управление государственными и общественными делами.

Принятие Конституции 1936 г. и рост общественно-политической активности трудящихся. Как одно из важных мероприятий в жизни страны отмечалось принятие в 1936 г. Конституции СССР, в котором приняли участие миллионы граждан. Проект новой Конституции после его рассмотрения и утверждения ЦИК СССР в июне 1936 г. был опубликован для всенародного обсуждения. Он также был опубликован во всех республиканских и районных газетах Дагестана. На местных языках текст Конституции был издан тиражом в 100 тыс. экз., в десятках тысяч экземпляров он был распечатан и распространен на русском языке. На собраниях рабочих, колхозников, всех трудящихся их участники не ограничивались обсуждением новой Конституции, а вносили свои предложения, принимали обязательства по выполнению и перевыполнению своих планов. На таких обсуждениях присутствовало более 350 тыс. дагестанцев. Они подали более 500 дополнений и изменений в проект Конституции⁶²⁰.

Со второй половины 1936 г. обсуждение проекта Конституции было перенесено на более высокий уровень. Он был рассмотрен на чрезвычайных районных, областных, краевых и республиканских съездах Советов. В Махачкале также состоялся чрезвычайный съезд Советов ДАССР, который подвел итоги обсуждения проекта новой Конституции в Дагестане и избрал делегатов на VIII Чрезвычайный Всесоюзный и XII Всероссийский съезд Советов. Хотя на этих обсуждениях и не были внесены существенные поправки, которые были бы учтены при принятии Конституции, однако такое участие в обсуждении оставляло у многих их участников чувство сопричастности к большому делу. После всех обсуждений 5 декабря 1936 г. VIII Чрезвычайный Всесоюзный съезд Советов единодушно одобрил и утвердил Конституцию СССР, на основе которой союзные республики также приняли свои конституции. Новая Конституция РСФСР была принята Чрезвычайным XII Всероссийским съездом Советов 21 января 1937 г.

Конституции СССР и РСФСР регламентировали вопросы правового положения автономных образований. В соответствии с ними высшим законодательным органом автономных республик был признан Верховный Совет

ДАССР. Президиум ЦИК ДАССР 5 июля 1936 г. образовал конституционную комиссию в составе 36 человек под председательством Н. Самурского. Комиссии было поручено подготовить проект Конституции ДАССР с учетом особенностей республики и в полном соответствии с Конституцией РСФСР. Работа над проектом Конституции была завершена к марту 1937 г. После обсуждения проекта Конституции ДАССР на митингах и собраниях трудящихся, а также на Чрезвычайном XI Вседагестанском съезде Советов 12 июня 1937 г. проект Конституции был утвержден. 2 июня 1940 г. третья сессия Верховного Совета РСФСР первого созыва утвердила Конституцию Дагестанской АССР⁶²¹.

Обсуждение и принятие Конституций СССР, РСФСР и ДАССР проходили в обстановке повышенной трудовой активности трудящихся. Особую активность проявляли колхозники. В ходе кампании по подготовке к выборам Верховных Советов РСФСР и ДАССР в Дагестане насчитывалось около 1000 ударников труда в полеводстве и 1375 передовиков животноводства. Всей республике в те годы стали известны имена звеньевой колхоза «Первая пятилетка» Кумторкалинского района Наны Алхановой, собравшей по 840 пудов кукурузы с гектара, комсомолки Бике Бековой, вырастившей 700 пудов кукурузы с гектара, и комсомольца-бригадира Оруджева, убравшего с 20 га по 305 пудов пшеницы⁶²².

Большую роль в развертывании социалистического соревнования играло то, что к его участникам внимание проявлялось на самых разных уровнях, как по партийной, так и по государственной линии, их приглашали участвовать в ответственных совещаниях, на которых они вместе с руководителями страны, республик, крайкомов, обкомов и райкомов решали важные вопросы хозяйственно-культурного и политического развития. Их награждали высокими правительственными наградами. Передовикам производства предоставлялась возможность участвовать в выставках, на которых они могли ознакомиться с достижениями и успехами передовиков производства.

В этом плане особенно велика была роль открывшейся в 1939 г. в Москве Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. Среди колхозников, рабочих машинно-тракторных станций, всех работников сельского хозяйства даже развернулось соревнование за право участия в ВСХВ. В 1940 г. участниками выставки стали 98 колхозов, 76 животноводческих товарных ферм, 2 машинно-тракторные станции и 667 передовиков сельского хозяйства Дагестана. Решением Главвыставкома 4 хозяйствам Дагестана были присуждены дипломы ВСХВ, 25 передовиков сельского хозяйства удостоились золотых и серебряных медалей ВСХВ⁶²³.

Пережить трудности, поддерживать хороший трудовой и политический настрой крестьянству помогали внимание, которое оказывали им власть предержащие, и особенно рост его материального благополучия. Об этом писали и они сами. Колхозница колхоза из селения Сталинаул (ныне Атлан-аул.– А.О.) Джаминат Ильясова, бывшая участница I Всесоюзного съезда колхозников-ударников, почувствовавшая, так сказать, вкус политической жизни, в 1938 г. обратилась через газету «Дагестанская правда» с письмом.

адресованным ко всем трудящимся Дагестана. В нем она писала о достижениях своего колхоза: «...Могу прямо сказать, что мы живем зажиточно и культурно, – сообщала она. – Наш колхоз напоминает маленький городок. Две электростанции, водопровод, лесопилка, черепичный завод, школа, клуб, хорошая библиотека, прекрасный дом советов, гостиница, родильный дом, детские ясли – всего не перечислить, что есть теперь в нашем колхозе. В каждом доме – электрический свет, радио. Все колхозники получают газеты и журналы. У многих велосипеды, патефоны, этажерки, книги».

Далее она сообщала о высоких доходах, получаемых колхозниками (на трудодень выдано по 4 кг и 300 г зерна и 9 руб. 53 коп. деньгами), о внимании, которое уделяется женщинам-колхозницам, о повышении их грамотности, о растущей уверенности колхозников в то, что колхозы ведут их к светлой жизни⁶²⁴.

Из колхоза им. III Интернационала Касумкентского района другой участник того же I Всесоюзного съезда 1933 г. А. Садыков с гордостью отмечал: «... Если пять лет назад в колхозе было 50 дворов, то теперь колхоз объединяет 130 хозяйств. В 1933 году трудодень стоил 4 кг пшеницы, а в этом году колхозники получили по 6,7 кг зерна, кроме того, много фруктов и других продуктов»⁶²⁵.

В том же номере газеты «Дагестанская правда» была помещена небольшая информация, в которой рассказывалось о делах колхоза «Сталинулу» («Сталинский путь») селения Каякент. На трудодень колхозники получили по 7 кг зерна, 1 кг муки, 2 кг бахчевых культур.

С ростом материального благополучия происходили изменения в культурной жизни колхозников. Во многих их домах было установлено радио, почти каждый колхозник получал газеты. В рабфаках и техникумах Махачкалы, Буйнакск и Хасавюрта учились дети колхозников. Колхоз собирался построить клуб и провести водопровод.

Восьмидесятилетний колхозник Хизри заявил: «Колхозный устав открыл для нас новую радостную жизнь, как будто бы солнце стало ярче светить, как будто бы земля наша стала другой. Несмотря на мои 80 лет, я чувствую себя еще молодым. Мне хочется сейчас прожить вторую жизнь»⁶²⁶.

Можно не сомневаться, что колхозники не столь высокопарно и не столь патриотично выражали свои чувства. Более того, их письма и высказывания прошли значительную редакторскую правку, но тем не менее, если они даже были написаны другими авторами, в целом они правильно отмечали тенденции развития колхозной жизни. Эти письма свидетельствовали о росте доверия крестьян колхозам, о том, что с ними связаны положительные изменения в их жизни и психологии.

Новая Конституция СССР как бы подвела черту под почти 20-летним развитием страны по социалистическому пути. За эти годы усилилась и окрепла политическая и экономическая мощь не только Советского государства, но и каждой союзной и автономной республики. Дагестан стал индустриально-аграрной республикой, в которой появились новые отрасли промышленности, в сельском хозяйстве утвердился колхозный строй, произошли ра-

зительные перемены в духовном мире горцев. С развитием промышленности Дагестана было связано формирование рабочего класса, увеличение в его составе прослойки из местных народностей. По данным Всесоюзной переписи 1993 г., в промышленности республики насчитывалось 35,8 тыс. рабочих. К 1940 г. около 60% рабочих крупной промышленности Дагестана составляли выходцы из числа дагестанских народов.

В 1940 г. колхозы объединяли 98,5% крестьянских хозяйств республики. В их пользовании находилось 92,2% посевных площадей, 92% площади садов, 45% крупного рогатого скота, 65% овец и коз, 61% лошадей⁶²⁷. К 1941 г. в Дагестане насчитывалось технически хорошо оснащенных 11 совхозов. Они располагали 200 тракторами, 22 комбайнами и 44 грузовыми автомашинами. Колхозы и совхозы Дагестана стали крупными производителями товарного зерна и других продуктов сельского хозяйства.

Изменения произошли и в общественно-политической жизни республики, на ее арену вышли новые политические силы и классы, общественно-политические движения. Выросла и окрепла областная партийная организация Дагестана. Сократившись к началу 1938 г. до 6752 человек в результате партийных чисток и репрессий, областная парторганизация вновь значительно возросла и к началу 1938 г. составила 14637 членов и кандидатов в члены партии⁶²⁸.

В ее составе произошли качественные изменения, чему партия уделяла постоянное внимание. Если к 1938 г. в областной парторганизации рабочие и колхозники составляли 31%, то к 1940 г. эта цифра увеличилась до 36,7%. Партия усилила свое влияние среди основных масс трудящихся горных аулов. В составе областной парторганизации более 72% коммунистов были выходцами из числа коренных народностей Дагестана⁶²⁹.

Роль Дагестанской партийной организации в решении важнейших народнохозяйственных задач все возрастала. Она поднимала трудящихся на всемерное повышение производительности труда, ускоренное развитие промышленности и сельского хозяйства. Большое внимание в деятельности партийной организации уделялось подготовке, воспитанию и выдвижению руководящих кадров. С 1937 г. по 1939 г. на руководящую партийную, советскую и хозяйственную работу было выдвинуто более 200 человек⁶³⁰.

Наряду с этим в деятельности Дагестанской областной партийной организации было немало ошибок, недоработок и упущений, имели место случаи недооценки и игнорирования национального принципа при подборе и расстановке кадров, особенно нетерпимые в условиях многонациональной республики. Нередко убеждение и воспитание людей подменялись декретированием и администрированием. Много ошибок было связано с формальным, бюрократическим отношением к судьбе отдельных коммунистов в период репрессий. Этот вопрос стал предметом специального рассмотрения на 2 пленуме Дагестанского обкома партии, в соответствии с решениями январьского (1938 г.) Пленума ЦК ВКП(б) в сентябре 1938 г., рассмотревшего вопрос «Об ошибках парторганизации при исключении коммунистов из партии и формально-бюрократическом отношении к апелляциям исключенных

из ВКП(б) и о мерах по устранению этих недостатков». На пленуме обкома партии были даны резкие оценки допущенным ошибкам, фактам бездушного отношения к судьбам коммунистов. Были приняты меры к восстановлению в партии оставшихся в живых исключенных коммунистов. В 1938 г. в партии было восстановлено свыше трехсот коммунистов, необоснованно исключенных из нее⁶³¹.

В предвоенные годы произошли изменения в структуре партийных органов. При крайкомах, обкомах, горкомах и райкомах партии были созданы военные отделы, а в ЦК компартии союзных республик, крайкомах, обкомах и горкомах – отделы промышленности. Создание этих отделов объяснялось необходимостью ускорения развития промышленности, укрепления обороноспособности СССР в условиях обострения международной обстановки и нарастания опасности нападения на нашу страну.

Военные отделы должны были заниматься подготовкой населения к возможной агрессии против СССР, а на промышленные отделы возлагалось руководство по проведению в жизнь партийных директив в промышленности и на транспорте, обеспечению действенного контроля за выполнением производственных планов, организации соревнования, стахановского движения и т.д.

Накануне Второй мировой войны, когда все явственнее обозначилось приближение военной угрозы к границам СССР, Коммунистическая партия еще более расширила свои функции политического руководства обществом и государством с целью использования своих возможностей хозяйственно-экономического и административного воздействия на различные сферы жизни общества. Расширение сфер ее деятельности происходило за счет сужения ряда функций Советов и их исполнительных органов.

После принятия Конституций СССР, РСФСР и ДАССР произошли значительные изменения в организационной структуре и деятельности Советов. Были созданы высшие законодательные органы – Верховные Советы СССР, РСФСР и ДАССР. В июне 1938 г. состоялись выборы в Верховные Советы РСФСР и ДАССР, в них участвовали 98,4 % зарегистрированных избирателей. В Верховный Совет ДАССР было избрано 113 депутатов, из них 43 рабочих, 46 колхозников и 31 женщина. Такое большое число женщин в высший орган власти республики было избрано впервые, что свидетельствовало о неизменном внимании Коммунистической партии к повышению роли женщин в общественно-политической жизни.

В предвоенные годы с учетом изменившейся обстановки в стране и мире была перестроена работа профсоюзных и других общественных организаций. Усилия профсоюзов были направлены на укрепление трудовой дисциплины, развертывание социалистического соревнования, превращение его в движение миллионов рабочих и служащих.

Профсоюзные организации Дагестана, насчитывавшие в своих рядах более 70 тыс. членов, пропагандировали передовой опыт новаторов производства, осуществляли мероприятия, направленные на развитие рационализаторского движения, рост производительности труда⁶³².

В 1938 г. в республике возникло и получило распространение комплексное социалистическое соревнование железнодорожников, моряков и рабочих нефтеперерабатывающей промышленности. Работники различных профессий, занятые добычей, переработкой и перевозкой нефти, решили установить между собой тесную связь и оказывать помощь друг другу, что положительно сказалось на работе всей цепочки.

Немалых успехов добивались передовики производства и на других участках работы. Росло число стахановцев и ударников в Каспийске, где индустриальным флагманом становилось строящееся и работающее оборонное предприятие, называвшееся просто «Двигательстрой». Если в мае 1938 г. на заводе было 260 стахановцев и ударников, то в октябре их численность увеличилась до 325. На строительстве завода 90,8 % рабочих являлись стахановцами и ударниками.

Получив сообщение о решении Пленума ЦК ВКП(б) о созыве XVIII съезда партии, рабочие стекольного завода «Дагестанские огни» решили принять участие в предсъездовском соревновании и выпустить сверх плана 95 тыс. кв м фото- и оконного стекла. Через газету «Дагестанская правда» они обратились к рабочим, колхозникам и интеллигенции республики включиться в социалистическое соревнование имени XVIII съезда ВКП(б) ⁶³³.

Такие конкретные обязательства, принимаемые рабочими, их обращения влияли и на другие коллективы, у них появлялось желание состязаться с передовиками, которые достигли больших успехов, о которых писали в газетах, говорили по радио, их портреты висели на досках почета предприятий. Следуя примеру этих передовиков, в социалистическое соревнование включались все новые отряды рабочих. Соревнования проводились между предприятиями различных отраслей промышленности и городов, росло число соревнующихся, появлялись новые формы организации соревнования. Возникшее в конце 30-х гг. движение многостаночников приняло новое направление как метод работы на различных станках. Передовые методы работы многостаночников позволяли производить тот же объем работы с меньшим числом работников.

Новое патристическое движение к концу 1940 г. охватило коллективы предприятий консервной, рыбной, легкой и металлообрабатывающей промышленности. Более половины рабочих во многих отраслях промышленности были передовиками производства ⁶³⁴.

Организаторами многих новых форм соревнований выступали профсоюзы. Они поощряли и поддерживали движение многостаночников, совмещение смежных профессий, создание школ передового опыта. Все это помогло приступить к пересмотру норм выработки, установленных в 1937 г. Дело в том, что существовавшие нормы уже не обеспечивали дальнейшего роста производительности труда, отставали от технического уровня производства и тех резервов, которые вскрыло стахановское движение. Совместно с передовиками производства, добивавшимися высокой производительности, профсоюзы сумели обеспечить освоение новых норм выработки ⁶³⁵.

Росту трудовой активности рабочих способствовали надбавки к зарплате, установленные в 1938 г. за непрерывную безупречную работу на одном предприятии, в размере от 10 до 20 % в зависимости от стажа работы. Кроме того, отличившихся передовиков производства награждали медалью «За трудовую доблесть», за особо выдающиеся достижения присваивалось звание Героя Социалистического Труда, учрежденное и установленное в 1938 г. ⁶³⁶

Широко развернувшееся соревнование рабочих, движение рационализаторов и изобретателей, повышение производительности труда стали теми факторами, которые способствовали выполнению планов. О значимости этих факторов, помимо роста технического оснащения промышленных предприятий, может свидетельствовать и то, что среднегодовая выработка рабочих в 1940 г. по сравнению с 1928 г. выросла в 6 раз, а производительность труда поднялась на 14,5 % ⁶³⁷.

Активную роль в организации социалистического соревнования в совхозном производстве играли профсоюзные организации. В 1937 г. в 22 совхозах Дагестана (овцеводческие, мясомолочные, коневодческие, хлопководческие, виноградарские, плодопитомнические) ⁶³⁸ насчитывалось 3,5 тыс. рабочих и служащих, имелись свои профсоюзные организации. В борьбе за повышение производительности труда они сочетали методы материального поощрения работников с мерами по их моральной поддержке. В 1940 г. главному агроному овцесовхоза им. 15 лет ДАССР А.И. Бабенко, впервые внедрившему в совхозе посевы люцерны, Наркоматом совхозов СССР было присвоено звание «Отличник социалистического соревнования Наркомата совхозов СССР».

После опубликования Указа Президиума Верховного Совета СССР о переходе на восьмичасовой рабочий день, семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений, принятого в связи с ростом военной опасности, профсоюзные организации совхозов совместно с партийными организациями наладили в своих коллективах оборонно-массовую и физкультурную работу, создавали различные военно-патриотические кружки. Молодые рабочие совхозов Дагестана принимали участие во всесоюзных и республиканских соревнованиях по военным специальностям снайперов, гранатометчиков, бойцов-всадников, сандружинниц ⁶³⁹.

С годами росло число молодежи, вступающей в ряды ВЛКСМ и все активнее принимавшей участие в жизни республики. Численность комсомольцев Дагестана с 25197 в 1938 г. (на 1 января) увеличилась до 44265 человек в 1940 г. (на 1 января). Из них количество комсомольцев из коренных народов в 1938 г. составляло 79,8 % и в 1941 г. – 78,3 % ⁶⁴⁰. В промышленности и сельском хозяйстве комсомольцы являлись передовиками и новаторами производства: за высокие трудовые показатели в 1940 г. 14 комсомольцев были награждены орденами и медалями СССР.

Особенно сложные и ответственные задачи стояли перед сельскими комсомольскими организациями. Ведь им приходилось брать на себя и ношу

первичных партийных организаций, поскольку в части сельских населенных пунктов партийных организаций еще не было. В таких селениях на их долю возлагались функции, которыми занимались партийные организации там, где они существовали. В таких случаях комсомольские организации решали задачи хозяйственно-культурного строительства на селе, проводили среди населения политико-массовую работу. Комсомольцы вовлекали молодежь в художественную самодеятельность, в спорт, помогали охватить детей школой. Многие комсомольцы – учителя, специалисты сельского хозяйства, инженерно-технические работники – участвовали в культурно-просветительной работе, в период выборов в Верховные Советы СССР, РСФСР и ДАССР, местные Советы проводили массово-пропагандистскую работу.

Возросла активность женщин в общественно-политической жизни довоенного Дагестана. Депутатами Верховного Совета ДАССР первого созыва (1938) была избрана 31 женщина, или более 27% его состава. Депутатами городских, районных, поселковых и сельских Советов стали 2575 женщин, или около 31% всех местных Советов.

Женщины все решительнее стали выдвигаться на руководящие должности в аппаратах республиканских, партийных, советских и общественных организаций. В восьми наркоматах и республиканских учреждениях работали 825 женщин-горянок. П. Эришева работала наркомом социального обеспечения Дагестана, С. Шапиева была избрана кандидатом в члены бюро обкома ВКП(б). Это были зримые черты тех больших изменений, которые происходили в общественно-политической жизни.

Одной из главных особенностей в общественно-политической жизни тех лет была ее антивоенная направленность. Народы Дагестана вместе с народами Советского Союза и миролюбивыми силами зарубежных стран выступали за сохранение мира и обуздание империалистических агрессоров, претендующих на мировое господство. Против надвигавшейся военной угрозы надежной опорой и первоочередным средством были наращивание экономического потенциала и оборонной мощи страны, укрепление интернационального единства и дружба народов СССР⁶⁴¹

§ 5. Общественно-политическая жизнь Дагестана военных лет

22 июня 1941 г. гитлеровцы, пришедшие к власти в Германии в 1933 г. и создавшие одну из самых мощных в мире армий, испытанную в боях против ряда европейских стран, двинули свои вооруженные силы против СССР. с которым в августе 1939 г. был подписан акт о ненападении. Советские люди восприняли нападение фашистского вермахта на СССР как вероломное вторжение. С первых же дней нападения Германии на СССР по всей стране прошли митинги советских людей, в которых они с гневом и возмущением осуждали фашистских агрессоров. В тот же день вечером в городском саду состоялся митинг трудящихся Махачкалы, на который собралось несколько тысяч человек. Митинг открыл первый секретарь Махачкалинского горкома партии Г. Саенко. Собравшиеся выслушали вначале передаваемый по радио

текст речи заместителя председателя Совнаркома СССР В.М. Молотова, воспринятой под бурные, несмолкаемые аплодисменты.

После выступления секретаря Махачкалинского горкома партии А.Н. Агапова участники митинга единогласно приняли резолюцию, в которой заклемили развязанную фашистами войну как «гнусное разбойничье нападение на нашу страну совершенно без предупреждения, без объявления войны, несмотря на договор о ненападении».

Участники митинга выражали уверенность, что Красная Армия отобьет нападение и изгонит врага с нашей территории. Они верили в нашу победу и готовы были по зову правительства выступить на защиту родины⁶⁴².

Такое отношение к начатой фашистами войне против Советов повсеместно было аналогичным. По решению бюро Дагестанского обкома партии от 22 июня 1941 г. все первичные партийные организации и политотдел Махачкалинской железной дороги обязывались провести 22 и 23 июня митинги и собрания, посвященные выступлению В.М. Молотова по радио. Такие митинги, помимо общегородского, были намечены и проведены в Махачкалинском морском порту, на Рыбконсервном заводе, стадионе «Динамо», в кино-театрах «Комсомолец» и «Темп», в саду клуба рыбаков. На этих митингах, как и на общегородском митинге, принимались резолюции, сурово осуждавшие фашистских агрессоров⁶⁴³.

Не менее гневные слова в адрес фашистов прозвучали и на митингах сельских жителей республики. Трудящиеся Карабудахкентского района, выслушав на митинге информацию о нападении на нашу страну фашистских захватчиков, поклялись еще теснее сплотиться вокруг Коммунистической партии и советского правительства. Участники митинга в Дахадаевском районе заявили: «Мы, колхозники и колхозницы, рабочие и служащие, будем работать на своих участках с удвоенной, утроенной энергией. Поднимем революционную бдительность, укрепим трудовую дисциплину»⁶⁴⁴.

Чувством высокого патриотизма были пронизаны выступления в те дни представителей дагестанской интеллигенции. В газете «Дагестанская правда» в первые же дни войны, 29 июня 1941 г., был опубликован страстный призыв народного поэта Дагестана Гамзата Цадасы. Он обращался: «Жители гор! Я призываю вас по примеру наших славных предков, не щадя своей жизни, бороться за свободу, за счастливую жизнь, за Советскую власть».

Эти слова, идущие от сердца, вдохновляли дагестанцев, с первых дней войны думающих о том, чем помочь Красной Армии и куда приложить свои силы для того, чтобы отстоять свободу и независимость своей страны. Уже на первом Махачкалинском общегородском митинге было немало молодых юношей и девушек, выяснявших, как попасть на фронт, как записаться добровольцами в Красную Армию, куда подавать заявление⁶⁴⁵.

Не только молодые, но и люди более старшего возраста просились на фронт и обращались с такими заявлениями. Секретарь партийной организации колхоза им. Энгельса Левашинского района, участник Первой мировой и Гражданской войны Мусаев, услышав по радио о нападении Германии на Советский Союз, явился в районный военкомат с заявлением: «Я участник Пер-

вой мировой войны, бил немцев на русско-германском фронте, бил я банды Гоцинского, поднявшие антисоветский мятеж, так же буду бить беспощадно германских фашистов, напавших на нашу Родину. Настоятельно прошу от-править меня на фронт».

Другой бывший красный партизан, 50-летний Гази Омаров из аула Сумбатль Кулинского района, в дни, когда над Родиной нависла опасность, не мог усидеть дома и просил райвоенкомат направить его в действующую Красную Армию.

На фронт просились не только мужчины, но и женщины, которые в минуты опасности для родного очага проявляли традиционно свойственный дагестанской горянке патриотический дух. Девушка-горянка в те дни обратилась в райвоенкомат с заявлением, в котором писала: «У матери моей нас пятеро. Я самая старшая. Обидно даже, что братья не могут быть полезными – они слишком малы. Зато я хочу сражаться с врагами моей Родины за себя и своих братьев»⁶⁴⁶.

В самые тяжелые дни начального периода войны, когда Красная Армия, оказывая ожесточенное сопротивление немецко-фашистским войскам, тем не менее все же вынуждена была отступать в глубь страны, сотни и тысячи дагестанцев подавали в военкоматы заявления с единственной просьбой направить на фронт. И в своих заявлениях они не забывали указать – на защиту большой Родины, в лице которой они воспринимали Советский Союз. В первые же пять дней войны с такими заявлениями обратились 3,5 тыс. дагестанцев⁶⁴⁷. В 1941–1942 гг. в действующую армию и военные школы из Дагестана были мобилизованы 3066 добровольцев, из них 2054 женщины. Все добровольцы, ушедшие на фронт или направленные в военные школы и училища, были членами и кандидатами в члены ВКП(б) или членами ВЛКСМ⁶⁴⁸. Это было достойное пополнение армии.

Мобилизация в действующую армию на основе поданного заявления усилилась после того, как высшестоящими органами по просьбе дагестанского руководства была разрешена мобилизация добровольцев из числа дагестанских народов. На основании указания Председателя ГКО И. Сталина, директивы заместителя наркома обороны и приказа командующего войсками Закавказского фронта было принято постановление СНК ДАССР и бюро Дагестанского обкома партии от 30 января 1943 г. «О мобилизации добровольцев из народностей Дагестана в возрасте до 45 лет и приписке призывников 1922–1925 гг. рождения к призывным участкам». Придавая исключительно большое политическое значение мобилизации в Красную Армию добровольцев из народностей Дагестана, СНК ДАССР и бюро обкома ВКП(б) обязали райгорисполкомы Советов депутатов трудящихся и горрайкомы ВКП(б) организовать широкую массово-политическую работу по разъяснению директив Наркомата обороны и командования Закавказского фронта путем проведения партийных, комсомольских и общих собраний трудящихся. Райгорисполкомы Советов и горрайкомы ВКП(б) обязаны были командировать в аулы и колхозы уполномоченных на весь период проведения мобилизации добровольцев. Для оказания помощи в проведении этой работы в районы и города респуб-

лики командировались уполномоченные СНК ДАССР и Дагобкома ВКП(б)⁶⁴⁹.

Большое внимание, которое придали в республике проведению этой работы, дало результаты. Уже к 28 марта 1943 г. было отправлено в армию 1552 добровольца, на 17 апреля 1943 г. – 1072 и к 25 мая надлежало отправить еще 2159 человек, подавших заявления о добровольной мобилизации⁶⁵⁰.

К 1 августа 1944 г. из Дагестана в Красную Армию были призваны 112601 человек сержантского и рядового состава и 1592 человека офицерского состава, всего 114193 человека. Из них 4857 человек были мобилизованы как добровольцы, обратившиеся с заявлениями в соответствующие горрайвоенкоматы. Среди мобилизованных по призыву или по собственному заявлению было 2184 женщины⁶⁵¹.

В годы Великой Отечественной войны Коммунистическая партия стала воюющей партией. Многие ее члены в рядах Красной Армии воевали против фашистских орд, вторгшихся на нашу территорию. В 1941–1945 гг. в Красную Армию и Военно-Морской Флот были мобилизованы или добровольно вступили 8929 коммунистов Дагестана⁶⁵².

Однако в час опасности задача партийных, советских, общественных и хозяйственных организаций, всех структур власти заключалась не только в том, чтобы мобилизовать на фронт все человеческие ресурсы, способные носить оружие и оказывать решительное сопротивление наступающему врагу, но также в том, чтобы обеспечить Красную Армию всем необходимым и организовать отпор фашистам. 24 июня 1941 г. было принято постановление бюро Дагестанского обкома партии «Об агитационно-массовой работе в связи с Отечественной войной СССР против разбойничьего нападения фашистской Германии». Бюро обкома партии обязало горкомы, райкомы ВКП(б) и первичные парторганизации развернуть широкую повседневную массово-политическую работу среди рабочих, колхозников, интеллигенции и всего трудящегося населения по разъяснению им Указов Президиума Верховного Совета СССР о мобилизации военнообязанных и других его указов и постановлений правительства, а также по разъяснению разбойничьего характера войны со стороны фашистской Германии и отечественного характера войны со стороны СССР. Перед партийными, советскими и общественными организациями ставилась задача призвать всех трудящихся укреплять трудовую дисциплину, повышать производительность труда, на основе социалистического соревнования добиваться выполнения и перевыполнения производственных планов, обеспечения уборки урожая без потерь и в сжатые сроки.

Предлагалось активизировать работу общественных и политико-просветительских организаций: Осоавиахима, РОКК, МОПРа, СВБ, домов сокультуры, клубов, театров, кино, изб-читален, красных уголков, библиотек и превратить их в центры военной агитации и пропаганды, увязывая ее с борьбой за выполнение хозяйственно-политических мероприятий партии и правительства.

Для проведения массово-политической работы необходимо было подобрать политически грамотных и ответственных товарищей, руководство

всей политико-массовой работой возлагалось непосредственно на секретарей горкомов и райкомов партии. Особое внимание горкомов и райкомов партии обращалось на повышение революционной бдительности трудящихся, предотвращение всевозможных слухов и провокационных выступлений враждебных элементов.

Отделу пропаганды и агитации обкома партии поручалось пересмотреть в соответствии с условиями военного времени планы работы областных и районных газет, Даградиокомитета, Даггаза, Управления искусств кинофикации и других культурно-просветительных учреждений. Главным содержанием их работы, как того требовал обком партии, должны были стать военная пропаганда и агитация, мобилизация всего населения на выполнение указов, постановлений и распоряжений партии и правительства⁶⁵³.

В последовавшем за этим постановлением бюро Дагестанского обкома партии от 28 июня 1941 г. «Об организации лекций и докладов на тему «Великая Отечественная война советского народа» была определена конкретная проблематика, по которой должны были выступать лектора и докладчики. В качестве материалов им были рекомендованы выступление по радио М.В. Молотова, опубликованное в газете «Дагестанская правда» 23 июня 1941 г., Указы Президиума Верховного Совета СССР, опубликованные в «Дагправде» 23 и 26 июня 1941 г., статья Ярославского «Великая Отечественная война советского народа», опубликованная в газете «Дагправда» 26 июня 1941 г., материалы Советского информационного бюро, публикуемые в газетах «Правда» и «Дагправда» и, наконец, передовые газеты «Правда», которые перепечатывались также в газете «Дагправда».

В постановлении давалась установка, что лекции и доклады по освещению международных событий, внутренней жизни и хода военных действий должны проводиться по тематике, рекомендуемой обкомом ВКП(б), тематика лекций и докладов по другим вопросам, а также список лекторов и докладчиков горкома и райкома ВКП(б) должны были согласовываться с отделом пропаганды и агитации Дагестанского обкома ВКП(б)⁶⁵⁴. Единые партийные установки о проведении таких мероприятий были обусловлены условиями военного времени, когда необходимо было усиливать единство и сплоченность многонационального Советского Союза перед лицом огромной опасности, нависшей над страной.

Наряду с распространением и использованием в агитационно-массовой работе партийной печати большое значение придавалось изданию и доведению до читателей литературы, посвященной военно-патриотической и антифашистской проблематике. В постановлении бюро Дагестанского обкома партии от 29 сентября 1941 г. «О распространении оборонной и антифашистской литературы» отмечались значительные недостатки в этом вопросе, заключающиеся в том, что многие издания антифашистского характера месяцами залеживались на складах культбазы Дагпотребсоюза и не поступали в торговую сеть. Всем горкомам и райкомам ВКП(б), первичным партийным организациям было предложено установить повседневный контроль за продвижением такой литературы и развернуть работу по доведению ее до каж-

дого читателя. С этой целью отделу пропаганды и агитации обкома партии было поручено организовать приобретение военной и антифашистской литературы для агитпунктов РК и ГК ВКП(б), а Наркомпросу ДАССР обеспечить регулярное и централизованное снабжение такой литературой изб-читален, библиотек и школ⁶⁵⁵.

Идеологическая работа, развернувшаяся с первых дней войны, стала действенным средством, оказывающим влияние на повышение патриотического и боевого духа солдат, идущих на фронт. Газеты тех лет стали свидетелями того, о чем думали, как себя вели те, которые покидали родные дома, отправлялись на фронт и как себя проявили на фронте. Газета «Дагестанская правда» в номере за 28 июня 1941 г. в небольшой информации сообщала, как ждали отправки на фронт первые добровольцы. 27 июня 1941 г. в 6 часов утра они собрались на сборном пункте Махачкалы. Будущие бойцы собирались группами, читали и обсуждали Указы Президиума Верховного Совета СССР и сообщения Совинформбюро. Тут же на карте они смотрели и искали, где происходят бои и, может, думали, куда же они попадут.

Перед отправкой эшелона многие выступали и заверяли до последней капли крови защищать Родину, отцов, матерей, жен, сестер и детей. Тут же артисты Даградиокомитета организовали концерт, который слушали уходившие на фронт и собравшиеся их провожать. Артисты и колонна выходят на комсомольскую улицу и идут в сторону вокзала. В рядах марширующих раздаются возгласы: «Свой долг выполним с честью; идем в бой за правое дело» и др. Родные, знакомые прощаются с уезжающими, пожелав им скорой встречи.

В другом номере «Дагправды» за 3 августа 1941 г. появилась заметка о боевых действиях интернациональной разведывательной группы сержанта Хизри Чупанова из аула Аямахи Сергокалинского района, оказавшегося далеко от родного аула – на Финском фронте. В его группе были русские, украинцы, карелы и кумык из Нижнего Казанища Алибулатов. Получив боевое задание, группа напала на немецко-финскую засаду, захватила в плен 3 финских солдат и вернулась в часть с чувством исполненного долга.

63-летний отец Хизри, председатель колхоза им. XVIII партсъезда, в Первую мировую войну воевавший против немцев и участвовавший в Гражданской войне за установление советской власти в Дагестане, с гордостью прочитал в газете о подвиге своего сына и 5 августа обратился к нему с письмом. В нем он выражал уверенность, что сын оправдает доверие Родины и будет бить фашистов до полного их уничтожения⁶⁵⁶. В Дагестане исстари повелось, что отцы и матери гордились своими сыновьями, в суровый час испытаний грудью вставшими на защиту родной земли и храбро ее отстаивавшими, но те, кто не выдерживал такое испытание и тем более мог изменить Родине, позорил не только родителей, но и весь род. Такое никому не прощалось, и многочисленные примеры из истории свидетельствуют, что не только отцы, но и матери, не стерпев такого позора, отказывались от таких детей.

Поэтому дагестанцы следили и поддерживали в тяжелой борьбе с коварным врагом не только своих детей, но и всех, кто бесстрашно воевал против фашистов на всех фронтах. Когда над колыбелью Октябрьской революции – Ленинградом нависла смертельная опасность, рабочие, колхозники и интеллигенция Дагестана 25 августа 1941 г. обратились к трудящимся города Ленинграда с письмом, которое было принято на собраниях рабочих, колхозников и интеллигенции республики. Своё обращение к своим русским братьям – ленинградцам, дагестанцы объясняли чувством благодарности к русскому народу, который принес освобождение дагестанскому народу и на протяжении двух десятилетий вел дагестанцев к простой человеческой радости и сделал равноправными членами сплоченной семьи народов СССР.

«Мы берем на себя, дорогие друзья, – писали дагестанцы, – обязательство, не покладая рук, не щадя сил, работать на трудовом фронте. У себя в тылу мы будем чувствовать себя как в суровом, по-весеннему подтянутом Ленинграде, которому грозит серьезная опасность. Каждый из нас будет, не считаясь со временем, работать у станка, работать в наших совхозах и колхозах»⁶⁵⁷.

В подтверждение своих обещаний дагестанцы сообщали о конкретных делах в помощь фронту и фронтовому Ленинграду – это миллионы рублей, тысячи голов овец, золотые и серебряные украшения, внесенные в Фонд обороны страны. Дагестанцы на своих митингах постановили: сверх сделанного отработать вседагестанский субботник в Фонд обороны Ленинграда. В выходной день, 24 августа, работницы, рабочие, инженерно-технический персонал и служащие фабрики III Интернационала, как сообщалось в газете «Дагправда», заняли свои рабочие места и самоотверженно потрудились, чтобы внести свой очередной взнос в Фонд обороны страны⁶⁵⁸, доказав тем самым, что дагестанцы пустых обещаний не дают.

Вся общественная жизнь в республике, как и в стране, была сфокусирована на решении одной главной задачи – разгроме врага. Но поскольку Красная Армия оказалась в тяжелейшем положении и с боями продолжала отступать, решение этой задачи отодвигалось. Однако забота и внимание о фронтовиках тех, кто остался в тылу, нарастали с каждым днем. От них на фронт шли как трогательные письма, так и подарки, гревшие не только тело, но и душу бойцов.

О конкретных формах и фактах такого внимания дагестанцы часто узнавали из писем самих фронтовиков. Воины Н-ской части Западного фронта благодарили домохозяйку и тимуровцев дома № 44 по улице Дахадаева г. Махачкалы, проявивших личную инициативу и приславших им подарки. «Мы дорого ценим вашу заботу о Красной Армии, – писали они. – Каждый подарок, даже самый скромный, укрепляет наши силы, вселяет в нас бодрость и лишний раз подчеркивает, что фронт и тыл в нашей стране едины, что весь народ, каждый советский гражданин борется с немецким правовым фашизмом на том участке работы, на котором он поставлен»⁶⁵⁹.

Такие письма поступали от бойцов, командиров и политработников воинской части ПХП-20 (написано не ранее 6 ноября 1941 г.), от командующе-

го 56-й армией генерал-лейтенанта Ф.Н. Релизова (4 января 1942 г.), от командиров и бойцов гвардейской батареи гвардейского артиллерийского полка (Заполярье, 1 апреля 1942 г.), от командиров, политработников и бойцов 710 артиллерийского дивизиона (не ранее 1 мая 1942 г.), от командира взвода разведки Жеребцова, замполита Корчагина и красноармейца Ходоса, обратившихся к трудящимся ДАССР по поручению взвода разведки 658 Южного фронта (8 мая 1942 г.), от комиссара батареи 76667 Рагимова и бойцов подразделения (12 мая 1942 г.) и от многих других воинских частей Красной Армии, сражавшихся на самых разных фронтах войны. Они поступали в Дагестан с самого начала и до конца войны и были преисполнены не только благодарности, но и веры в победу⁶⁶⁰.

Каждый дагестанец с нетерпением ждал писем и сообщений, будь они от близких или от незнакомых, отношение общественности и властей к ним было самое внимательное. Они публиковались в «Дагестанской правде» и республиканских газетах на национальных языках для ознакомления широкой общественности. Им придавалось огромное воспитательное значение. По письму бойцов, командиров и политработников 91-й стрелковой дивизии к трудящимся Дагестана 10 июня 1942 г. было принято специальное постановление бюро Дагестанского обкома партии. Придавая большое политическое значение их письму, бюро Дагестанского обкома партии предложило райкомам и горкомам ВКП(б) организовать обсуждение письма подшефной дивизии на собраниях рабочих, колхозников и интеллигенции, разъяснять значение связи фронта с тылом, наладить ответные письма от коллективов предприятий, колхозов и учреждений. В постановлении одобрялась инициатива коллектива Махачкалинского рыбоконсервного комбината, установившего шефство над одним из подразделений подшефной дивизии; райкомам, горкомам партии поручалось организовать такое же шефство над другими подразделениями дивизии. Было одобрено решение бойцов, командиров и политработников об учреждении переходящего Красного знамени дивизии для передового предприятия республики. Вручение знамени предлагалось проводить по представлению бюро Дагобкома ВКП(б) и Совнаркома ДАССР делегацией дивизии. Партийным организациям предлагалось организовать соревнование трудящихся за право на получение знамени. Редакции областных газет («Дагестанская правда», «Ленин елу», «Большевик гор») и Радиокomiteту было поручено опубликовать письмо и передать его по радио, периодически освещать боевые действия и подвиги бойцов подшефной дивизии, ход социалистического соревнования за право получения знамени 91-й дивизии⁶⁶¹.

Для вовлечения в переписку более широкого круга дагестанской общественности и фронтовиков-дагестанцев решено было сделать ее обоюдно. Народный поэт Дагестана Гамзат Цадаса предложил выпускать ежемесячно письмо-газету «Дагестан своим фронтовикам» и посылать его нашим землякам-фронтовикам. В первом номере газеты, выпущенной в июле 1943 г., Г. Цадаса обратился к фронтовикам-дагестанцам со словами: «...в нем Вы прочтете, как живет Ваша родная Страна гор. А тем, кто знает и помнит ме-

ня, вместе с этим коллективным листком я посылаю свой горячий привет и пожелание успехов в боях»⁶⁶².

В газете рассказывалось о жизни и делах рабочих, колхозников и деятелей культуры Дагестана, о боевых подвигах дагестанцев, находившихся на фронте. С июля 1943 г. по апрель 1945 г. вышло 12 газет-писем, каждое тиражом около 2 тыс. экземпляров⁶⁶³.

С фронтом и дагестанскими фронтовиками была налажена не только письменная, но и живая связь. Дагестанские делегации, включающие в свой состав руководителей партийных, советских, комсомольских организаций, представителей рабочих, колхозников, интеллигенции, работников искусства, были частыми гостями тех воинских частей, в которых воевали с врагом и дагестанцы. В апреле 1942 г. делегация трудящихся Дагестана 10 дней пробыла на северном участке Карельского фронта. Она встречалась с бойцами на передовых позициях, в красноармейском клубе, госпитале, столовой и вручала бойцам привезенные с собой подарки: консервы, мясо, рыбу, сушеные фрукты, вино, чудом сохраненные от мороза дагестанские яблоки. Был проведен митинг, прошедший с огромным подъемом.

Во время пребывания делегации состоялись совсем неожиданные встречи дагестанцев с земляками, воевавшими на этом фронте. Член делегации, председатель колхоза им. Микояна Карабудахкентского района встретил на передовой своего бывшего заместителя. На другом участке фронта председатель встретил двух бывших бригадиров своего колхоза. Встречи проходили очень тепло, бойцы написали и вручили делегации сотни писем с благодарностью всем дагестанцам за заботу и внимание⁶⁶⁴.

В первомаяские праздники дагестанская делегация побывала в Н-ском соединении, которым командовал полковник Рубанюк. Члены делегации передали соединению приветственное письмо Дагестанского обкома партии, Президиума Верховного Совета Дагестана и Совнаркома ДАССР и подарки. Выступления членов делегации перед воинами взволновали их сердца, звали к священной борьбе. «Мы каждодневно ощущаем, – писал командир соединения, – великую заботу трудящихся нашей Родины о фронтовиках»⁶⁶⁵.

Дагестанские делегации выезжали во многие воинские части Красной Армии, где их принимали с большим воодушевлением и после их посещения откликались теплыми благодарственными письмами в адрес руководства республики. С такими письмами обращались комиссар батареи 76667 С.П. Рагимов (12 мая 1942 г.), батальонный комиссар Н-ской дивизии Паничкин (30 мая 1942 г.), бойцы, командиры и политработники Н-ской воинской части (3 июля 1942 г.), командующий войсками Северной группы войск Закавказского фронта И. Масленников и член военного совета Северной группы войск корпусный комиссар А. Фоминых (25 ноября 1942 г.), экипаж гвардейского крейсера «Красный Крым» (27 ноября 1942 г.), командир Н-ской дивизии генерал-майор Калинин (13 марта 1943 г.), также из других фронтовых подразделений⁶⁶⁶.

Дагестанцы посылали на фронт не только посылки и теплые вещи, но и собирали средства на создание оружия, в котором очень нуждалась Красная

Армия. Эта работа приобрела поистине общенародный характер. Отмечая широко развернувшееся среди трудящихся Дагестана патриотическое движение по оказанию всемерной помощи фронту, Верховный Главнокомандующий И. Сталин в телеграмме от 8 января 1943 г., адресованной секретарю Дагестанского обкома партии А.М. Алиеву, писал: «Передайте колхозникам и колхозницам Дагестанской Автономной Советской Социалистической Республики, собравшим 25 миллионов рублей на строительство танковой колонны «Шамиль», внесшим 20 тысяч пудов сельскохозяйственных продуктов в Фонд обороны Красной Армии и для рабочих оборонных предприятий, а также комсомольцам и молодежи, собравшим средства и построившим силами три бронепоезда, мой братский привет и благодарность Красной Армии. И. Сталин»⁶⁶⁷.

В телеграмме И. Сталина была особо подчеркнута роль комсомольцев и молодежи, не только собравших средства, но и в тяжелых условиях первых лет войны построивших своими силами в кратчайшие сроки три бронепоезда, успешно отражавших атаки наступающих на Северный Кавказ частей вермахта. Молодые инженерно-технические специалисты и рабочие (начальник строительства первого бронепоезда В.Г. Штурмин, зам. начальника Н.Г. Кажлаев, главный инженер строительства С.А. Джамалов) не по приказу сверху, а по зову сердца день и ночь сверхурочно работали для того, чтобы быстрее передать Красной Армии свое грозное оружие. В конце июля 1942 г. бронепоезд «Комсомолец Дагестана» был передан командованию Закавказского фронта и участвовал в боях на Северном Кавказе⁶⁶⁸.

Бронепоезда были построены в вагонном депо станции Махачкала-Сортировочная. Кроме того, в Махачкалинском паровозном и вагонном депо только за июнь 1942 г. были отремонтированы прибывшие с фронта 6 бронепоездов, в чем опятьтаки тон задавали комсомольцы и молодежь⁶⁶⁹.

Воодушевленные успешным использованием дагестанских бронепоездов в борьбе против немецко-фашистских войск, комсомольцы и молодежь селения Меgeb Гунибского района (родина М. Гаджиева) выступили с инициативой организовать сбор средств на строительство бронепоезда имени Героя Советского Союза М. Гаджиева. Бюро Дагестанского обкома партии своим решением от 14 ноября 1942 г. одобрило инициативу мегебцев и предложило всем горкомам и райкомам партии всемерно помочь комсомольским организациям в деле сбора средств, привлекая к этому делу широкие массы колхозников и колхозниц, а также рабочих и служащих предприятий и учреждений. Обкому комсомола было рекомендовано провести воскресники и декаду по сбору средств для строительства бронепоезда им. М. Гаджиева⁶⁷⁰.

Это предложение нашло отклик не только в Дагестане, но и за его пределами среди дагестанцев, которые были на фронте. Когда об инициативе дагестанских комсомольцев стало известно в далеком Баренцевом море, то бойцы и командиры Н-ской подводной лодки, входившей в дивизион подлодок, которым командовал М. Гаджиев, решили также принять свое посильное участие в этом деле и собрали 10 тыс. руб., которые переслали в Дагестан⁶⁷¹.

Получив из Дагестана бронепоезда, командование 19-го отдельного дивизиона бронепоездов благодарило руководство Дагестана за огромный труд, который был вложен в строительство переданного им бронепоезда «Комсомолец Дагестана», построенного по инициативе комсомольцев г. Махачкалы. Бойцы, командиры и политработники бронепоездов «Комсомолец Дагестана» и «Победоносный», используемых в сражениях на Северном Кавказе, заверяли весь дагестанский народ, что «...мы выполним наш долг перед вами, мы не дадим врагу запачкать наш родной Дагестан и весь дагестанский народ его кровавыми, хищными лапами, мы разгромим и уничтожим врага на подступах к Дагестану, очистим нашу советскую землю от немецко-фашистской нечисти...»⁶⁷².

В Дагестан с фронта поступали многочисленные письма, в которых фронтовики писали как о дагестанском оружии, так и о подвигах своих однополчан-дагестанцев. Командир Н-ской части Н. Литвинчук обращался с письмом к трудящимся Каякентского района, в котором он сообщал о подвиге их земляка. Он писал: «В далеком Заполярье верный сын кумыкского народа Али Адавов истребляет фашистов. Этим самым он помогает своим братьям по борьбе и товарищам по оружию – русским, казахам, украинцам, татарам, белорусам и узбекам обескровить, а затем и разгромить фашистских гадов. Он в далеком Заполярье кует победу для Юга»⁶⁷³.

Капитан А. Фадеев писал в «Дагестанскую правду» о героическом подвиге красноармейца Рамазана Раджабова из селения Буркихан Агульского района. Немецкая танковая группировка наступала на огневые позиции противотанковых орудий. Орудийный расчет, в котором Раджабов был установщиком, сбил 2 танка. Всего артиллерийским подразделением было сбито 6 танков, но экипажи немецких танков продолжали наступление и подбили орудийный расчет и обслуживающих его артиллеристов. Раджабов остался один на один с приближавшимся танком. Он схватил гранату и подбил танк, но и сам героически погиб. Корреспонденция заканчивалась словами: «Верный сын горного Дагестана отдал свою жизнь за победу»⁶⁷⁴.

В другой корреспонденции старшего лейтенанта М. Дадашева из Сталинградского фронта, опубликованной в газете «Дагестанская правда» 29 февраля 1943 г., сообщалось о бессмертном подвиге лейтенанта М.-З. Баймурзаева и группы его бойцов, совершенном на Сталинградском фронте. В ней говорилось, что «25 августа 1943 г. горстка храбрецов во главе со своим командиром кумыком Баймурзаевым вступила в неравный бой с крупным отрядом немецкой мотопехоты. Красные воины погибли, но не пропустили врага».

Весть о подвиге Баймурзаева, по словам корреспондента, облетела тогда все части и подразделения фронта, вдохновляя бойцов и командиров на беспощадную борьбу с врагом. Правительство посмертно наградило М.-З. Баймурзаева орденом Ленина и всех его бойцов орденами Красного Знамени. После освобождения района, где героически погибли Баймурзаев и его товарищи, военный совет фронта поручил районному Совету депутатов

трудящихся увековечить подвиг храбрецов – воздвигнуть им памятник с мемориальной доской.

Очень тесные связи трудящиеся Дагестана поддерживали с подшефной 91-й стрелковой дивизией, сформированной в декабре 1941 г. по приказу Верховного Главнокомандующего в г. Махачкале. Дивизия участвовала в обороне и наступлении под Сталинградом, в освобождении Донбасса, в сентябре 1943 г. освободила г. Мелитополь, за что получила наименование Мелитопольской. Весной 1944 г. дивизия штурмовала Перскоп, Сапун-гору, форсировала Сиваш, в мае участвовала в освобождении Крыма, в том числе городов Симферополь и Севастополь. Затем дивизия была переброшена на 1-й Прибалтийский фронт и участвовала в освобождении г. Митавы.

В декабре 1944 г. в Латвии дивизию посетила делегация от трудящихся Дагестана во главе с председателем Президиума Верховного Совета ДАССР А. Тахтаровым. Делегации было поручено вручить дивизии орден Красного Знамени, которым она была награждена за освобождение Крыма.

Делегация привезла с собой письмо от секретаря Дагестанского обкома ВКП(б) А. Алиева, председателя Совнаркома ДАССР А. Даниялова и председателя Президиума Верховного Совета ДАССР А. Тахтарова, адресованное бойцам, сержантам и офицерам Краснознаменной 91-й Мелитопольской дивизии. Поздравляя воинов дивизии с 3-летием ее создания, восхищаясь ратными подвигами мелитопольцев, руководители республики сообщали о том вкладе, который вносят трудящиеся Дагестана в ускорение окончательной победы над врагом. За годы войны в Фонд обороны, на строительство самолетов трудящиеся внесли около 300 млн. руб., на свои средства построили 3 бронепоезда и танковую колонну.

Население Дагестана собрало и отправило на фронт 150 вагонов теплых вещей, до 140 вагонов подарков, в фонд Красной Армии внесло миллионы пудов зерна, мяса, сыра, шерсти. Республика решила помочь и освобожденному с участием подшефной дивизии городу русской славы – Севастополю. В фонд восстановления Севастополя дагестанцы собрали свыше 4 млн. руб. и отправили 12 вагонов продовольствия и материалов⁶⁷⁵. Такая взаимосвязь и взаимопомощь между фронтом и тылом помогала одерживать великие победы, залечивать не только физические, но и душевные раны. В единстве народа и армии заключался один из важнейших факторов победы Советского Союза в Великой Отечественной войне.

Большую работу по увековечению памяти дагестанцев, героически погибших в борьбе за свободу и независимость нашей Родины, воспитанию молодежи на их примерах проводили партийные и советские организации Дагестана. Как только в республике стало известно о присвоении командиру подводной лодки М.И. Гаджиеву звания Героя Советского Союза, так сразу последовало решение бюро Махачкалинского горкома ВКП(б) (16 ноября 1942 г.) о присвоении его имени Махачкалинскому ремонтно-механическому заводу, Дому пионеров г. Махачкалы и о переименовании Вузовской улицы в улицу М. Гаджиева. Это решение по двум пунктам было утверждено постановлением бюро Дагестанского обкома партии от 23 ноября 1942 г. и предсе-

дателью Президиума Верховного Совета ДАССР было поручено оформить в порядке постановления бюро Дагестанского обкома ВКП(б)⁶⁷⁶. Решение о переименовании Вузовской улицы оставалось в силе, поскольку этот вопрос относился к компетенции городских властей.

Вслед за М. Гаджиевым звание Героя Советского Союза было присвоено летчику В.А. Эмирову. Руководители Дагестанского обкома партии, Президиума Верховного Совета ДАССР и Совнаркома республики обратились к отцу и семье В. Эмирова с поздравлениями по случаю присвоения ему высокого звания. «Его героический подвиг, – писали они, – будет лучшим примером для нашего народа»⁶⁷⁷.

Списки дагестанцев, Героев Советского Союза, с каждым днем пополнялись. 10 апреля 1943 г. было принято постановление бюро Дагестанского обкома партии «О популяризации героических подвигов дагестанцев – участников Отечественной войны». В целях популяризации среди трудящихся масс республики героических подвигов славных сынов дагестанского народа, Героев Советского Союза М. Гаджиева, В. Эмирова, Х. Нурадилова, С. Алиева, и воспитания на их примерах широких масс, бюро обкома партии обязало горкомы, райкомы ВКП(б) организовать собрания рабочих, колхозников, интеллигенции, школьников, молодежи, студентов техникумов и вузов, популярные лекции и беседы, привлекая к этой работе опытных пропагандистов и агитаторов. Предлагалось в парткабинетах, агитпунктах, совхозах, МТС, в сельских домах культуры и избах-читальнях соорудить специальные витрины и стенды с портретами Героев СССР и орденосцев, с литературой и другими материалами о них. Об их подвигах выпустить популярные очерки, систематически освещать в печати и по радио героические подвиги дагестанцев, посвятив этому специальные страницы газет и радиопередачи⁶⁷⁸.

Кроме того, в районах, где родились Герои Советского Союза М. Гаджиев, С. Алиев, И. Гамзатов (Гунибский), Х. Нурадилов (Хасавюртовский), Р. Сулейманов (Лакский), Э. Салихов (Курахский), Ш. Алиев (Дербентский), М.-З. Абдулманапов (Ахвахский) и многие другие герои, городские и районные партийные организации проводили митинги и собрания рабочих, колхозников, интеллигенции, молодежи, пионеров, школьников, на которых собравшихся знакомили с указами Президиума Верховного Совета СССР о присвоении им высоких званий, с жизнью и героическими подвигами славных сынов Дагестана, их имена присваивались школам, улицам, устанавливались их бюсты, о них писалось в местных газетах, издавались брошюры⁶⁷⁹.

Об отважных сынах гор писали не только в дагестанских газетах, но и во фронтовых малотиражах и листовках. С ними дагестанцы могли ознакомиться через газету «Дагестанская правда», время от времени дававшую обзоры о том, что писали фронтовые СМИ. В корреспонденции журналиста Д. Трунова в «Дагправде» были приведены отзывы о дагестанских героях, опубликованные во фронтовой печати. Вице-адмирал А. Головкин писал о М. Гаджиеве: «Трезвый и ясный ум Гаджиева всегда успевал прокорректировать мгновенные решения его горячего сердца. Отсюда внезапность гаджиев-

ских ударов и этот предельный эффект атаки, который приводит к неизменной победе»⁶⁸⁰.

Командующий Северным флотом вице-адмирал Головкин хорошо знал того, о ком он писал. Дивизион подводных лодок, которым командовал М. Гаджиев до его гибели 13 июля 1942 г., в торпедных атаках и артиллерийском бою уничтожил 27 кораблей противника общим водоизмещением около 100 тыс. тонн.

О воздушном асе капитане В. Эмирове писала фронтовая газета. Герой Советского Союза В. Эмиров совершил более 200 боевых вылетов, штурмовал вражеские колонны, аэродромы, проводил воздушные разведки, уничтожил много живой силы и техники противника, сбил в боях около десятка самолетов.

Воин-богатырь, воин-орел, боец-рыцарь – такие характеристики получил пулеметчик, гвардии старший сержант, комсомолец Х. Нурадилов. Из своего пулемета он уничтожил 920 немцев и 12 вояк захватил в плен.

В корреспонденции назывались имена и других отважных сынов Дагестана (А. Мардахаев, А. Адавов, С. Алиев, А. Магомедов, А. Сефербеков, М. Зайналов), о которых писали во фронтовых газетах и листовках⁶⁸¹.

Об увековечении памяти Героя Советского Союза М. Гаджиева к трудящимся Дагестана обращались и подводники Северного флота, его боевые друзья. В принятом по этому поводу постановлении бюро Дагестанского обкома ВКП(б) от 26 марта 1943 г. горкомам, райкомам ВКП(б), начальникам политотделов МТС и совхозов, обкому ВЛКСМ, Наркомпросу было предложено организовать обсуждение письма подводников Северного флота на собраниях рабочих, колхозников, интеллигенции, молодежи, в школах и вузах. Намечались и другие меры по популяризации имени Героя Советского Союза М. Гаджиева, публикации в республиканских и районных газетах письма-обращения подводников. Поручалось провести совещание писателей, художников, на котором обсудить обращение подводников и наметить мероприятия по пропаганде подвигов М. Гаджиева в печатной и устной форме, искусстве и художественной литературе⁶⁸².

Наряду с подарками воинским частям, им вручались и красные знамена, учрежденные Дагестанским обкомом партии и Дагестанским обкомом комсомола. Комсомольцы и коммунисты, все бойцы и командиры воинской части, удостоенные знамени Дагестанского обкома комсомола, 9 декабря 1942 г. обратились с письмом ко всей молодежи Дагестана. В нем они заверяли молодежь Дагестана, что знамя обкома комсомола они приняли как высокую награду за пройденный боевой путь. Их орудия били и продолжают бить фашистов, – писали они, – в Бессарабии, под Одессой, в Крыму и в предгорьях Кавказа. Ими уничтожены десятки тысяч гитлеровцев. Они клялись и дальше сражаться с врагом храбро и умело, истреблять беспощадно гитлеровских варваров, изгнать их с нашей священной земли. Они обещали пронести знамя комсомола Дагестана от предгорий Кавказа, по полям Кубани и Дона и донести его на Запад – к победе. Горячий призыв комсомольцев и коммунистов фронта вдохновлял не только тех, к кому он был обращен не-

посредственно – молодежь Дагестана, но и тех, кто воевал против фашистов в составе других фронтовых частей.

Фронтовики обращались к молодежи Дагестана с просьбой давать фронту больше вооружения и боеприпасов, больше продовольствия, чтобы они могли стойко воевать с врагом и обрушить на его головы тысячи и тысячи тонн смертоносного металла⁶⁸³. Фронту требовалось все больше военного оружия. Комсомольцы, несоюзная молодежь, пионеры участвовали в сборе металлолома и денежных средств для строительства бронепоездов, танков, самолетов.

Комсомольцы и молодежь Дагестана с первых дней войны активно трудились на всех участках трудового фронта. На предприятиях Махачкалы среди молодежи развернулось движение двухсотников, комсомольская вахта, за совмещение профессий, по сбору рационализаторских предложений и др. Девушки-комсомолки изучали санитарное дело, противоздушную и противохимическую защиту. В первые же дни войны в городе было организовано 14 курсов медсестер, на которых занимались 427 девушек. Кроме того, было создано 9 сандружин, в которых принимали участие 288 человек⁶⁸⁴.

В апреле было принято постановление бюро Дагестанского обкома комсомола о наборе в первом полугодии 1942 г. девушек-комсомолок и не членов ВЛКСМ в санитарные дружины и на курсы медицинских сестер. Городским и районным комитетам комсомола была спущена разверстка о направлении на курсы медсестер из городов 245 девушек и из районов и городов на подготовку сандружинниц – 680 человек⁶⁸⁵. Подготовка таких специалистов проводилась и в последующие годы. С начала войны и до 25 октября 1942 г. было подготовлено 632 медсестры и 1068 сандружинниц. Более 19400 девушек были подготовлены по программе «Готов к санитарной обороне» и 4674 человека по программе «Будь готов к санитарной обороне»⁶⁸⁶. Подготовка по этим программам проводилась также в основном из числа девушек, и большинство из них добровольно или по мобилизации направлялись на фронт. Слушательницы курсов и сандружин оказывали большую помощь в разгрузке поездов, прибывших с ранеными красноармейцами. Среди комсомольцев и молодежи города получило распространение донорство. В Махачкалу привозили большие партии раненых бойцов, и для них нужно было много крови. На курсах медсестер 140 слушательниц отдавали свою кровь, на других предприятиях города также было немало доноров, и больше всего из числа девушек⁶⁸⁷.

Девушки овладевали и мужскими профессиями, чтобы заменить на работе ушедших на фронт мужчин. Молодые работницы Махачкалинского морского порта в свободное от работы время овладевали мужскими профессиями и среди них 5 девушек владели тремя специальностями, по которым раньше работали мужчины. В промартели им. Долорес Ибаррури многие девушки выполняли и перевыполняли производственные планы и без отрыва от производства овладевали мужскими профессиями. 4 девушки готовились на механиков, секретарь-машинистка овладела специальностями токаря и сле-

саря. Секретарь комитета ВЛКСМ Кабанова была выдвинута начальником цеха артели⁶⁸⁸.

Красная Армия, которая несла огромные людские потери в начальный период войны, требовала все новых пополнений, притом прошедших определенную подготовку. 18 сентября 1941 г. было принято постановление Государственного Комитета Обороны «О всеобщем обязательном обучении военному делу граждан СССР». Все граждане в возрасте от 16 до 50 лет были обязаны без отрыва от производства пройти военное обучение. В Дагестане такое обучение было начато с 1 октября 1941 г. Для этой цели была задействована сеть различных кружков⁶⁸⁹.

Большую работу по обучению молодежи военному делу проводили комсомольские организации республики. На это их нацеливало и постановление бюро Дагестанского обкома партии от 12 мая 1942 г. «О подготовке специальных кадров для Красной Армии в комсомольско-молодежных подразделениях всеобща II очереди». В нем отмечалось, что с 15 мая начинаются занятия в специальных комсомольско-молодежных подразделениях всеобща II очереди по подготовке 250 человек ручных пулеметчиков, 250 человек станковых пулеметчиков, 200 человек истребителей танков, 200 человек минометчиков, 500 человек автоматчиков из мужчин, 50 человек автоматчиков из женщин, 350 снайперов из мужчин и 350 снайперов из женщин⁶⁹⁰, всего 2150 человек.

Дагестанскому обкому комсомола и Военкомату ДАССР поручалось обеспечить тщательный подбор и укомплектование специальных подразделений лучшей частью комсомольцев и несоюзной молодежи, проведение занятий в обстановке, приближенной к фронтовой. Горкомы и райкомы партии обязаны были оказать помощь горвоенкомам в подборе бойцов специальных подразделений, организации их учебы по военной подготовке⁶⁹¹.

Кроме такой спецподготовки, проводилось всеобщее обучение военно-обязанных в возрасте от 20 до 50 лет, не обученных и мало обученных военному делу. Всеобщее по военному делу проводилось в течение 3-х месяцев по установленной очередности. Подразделения всеобща комплектовались в первую очередь за счет допризывников. Они имели целью подготовить для Красной Армии полноценные кадры, способные с оружием в руках отстаивать свободу и независимость родины. 25 августа 1942 г. было принято постановление бюро Дагестанского обкома партии о проведении с 1 сентября⁶⁹² всеобща III очереди. Всего было проведено 7 очередей. Постановление СНК ДАССР и бюро Дагобкома ВКП(б) о проведении всеобща VII очереди было принято 12 декабря 1944 г., проведение которого намечалось с 10 марта 1945 г.

О масштабах военного обучения допризывной молодежи можно судить по данным о количестве обученных за период прохождения 4-х очередей всеобща (с 1941 г. по июнь 1943 г.). За это время было подготовлено стрелков – 38503 человека, автоматчиков – 1202, минометчиков – 922, станковых пулеметчиков – 403, ручных пулеметчиков – 252, снайперов – 377, истребителей

танков – 805, а также женщин-автоматчиков – 58 и снайперов – 589. Всего было подготовлено 43111 человек⁶⁹³.

Военное обучение проводилось и в школах, но, как отмечалось в постановлении бюро Дагобкома ВКП(б) от 28 октября 1943 г., оно проходило неудовлетворительно. На бюро обкома партии были намечены меры по улучшению работы и в этой сфере⁶⁹⁴.

В планах гитлеровской Германии в войне против СССР немалая роль отводилась проведению в советском тылу разведывательной и диверсионной работы, для которой заранее были подготовлены или готовились специальные кадры как из числа немцев, так и советских военнопленных, согласившихся пойти на службу к коварному врагу. Зная о планах фашистского командования, Коммунистическая партия и советское правительство приняли ряд мер по охране тыла. 24 июня 1941 г. было принято постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по борьбе с парашютными десантами и диверсантами противника в прифронтовой полосе», организация этой работы возлагалась на органы НКВД. Для борьбы с диверсантами предлагалось создать военнизированные добровольческие формирования – истребительные батальоны – из числа проверенного партийного, советского и комсомольского актива, способного владеть оружием⁶⁹⁵.

Согласно приказу НКВД от 25 июня 1941 г. «О мероприятиях по борьбе с парашютными десантами и диверсантами противника в прифронтовой полосе», принятого в соответствии с постановлением ЦК ВКП(б), создавать истребительные батальоны следовало в районах предполагаемых военных действий или близких к ним. Дагестан в тот период не относился к прифронтовым районам и поэтому здесь не торопились с созданием таких формирований. Однако, учитывая наличие в Дагестане элементов бандитизма и вполне возможное проникновение в республику парашютных авиа- и морских десантов противника, начальник обороны зоны ДАССР полковник Соколов обратился к председателю Совнаркома ДАССР А.Д. Даниялову и секретарю Дагестанского обкома ВКП(б) Н.И. Линкуну с предложением незамедлительно приступить к формированию на территории республики подразделений истребительных батальонов.

Указывая на развернувшееся в Дагестане движение народного ополчения, в котором к августу 1941 г. числилось 10500 человек, Соколов предлагал иметь в его составе мобильные подразделения, способные как резерв Красной Армии выступить в любом направлении против вражеских вылазок⁶⁹⁶.

25 октября 1941 г. последовал приказ народного комиссара внутренних дел ДАССР А.Г. Медведева «Об организации истребительных отрядов НКВД на территории ДАССР».

Задачи этих отрядов определялись как борьба с парашютными десантами и диверсантами противника в любом направлении и вступлением в бой с вражеским десантом. К 25 августа 1941 г. были сформированы в 17 городах и районах истребительные батальоны, насчитывающие в своем составе 800 человек.

К июлю 1942 г. в Дагестане были сформированы 37 батальонов, укомплектованных в основном из числа комсомольцев и молодежи. Командиром Махачкалинского истребительного батальона был утвержден двадцатидвухлетний комсомолец В.А. Воронин⁶⁹⁷.

О том внимании, которое уделяла партийная организация республики деятельности истребительных батальонов, свидетельствует и то, что этот вопрос 13 октября 1942 г. рассматривался на бюро Дагобкома ВКП(б). В постановлении бюро обкома партии отмечалось, что истребительные батальоны проделали большую работу по борьбе с бандитизмом, дезертирством, а также с вражескими элементами. С 1 ноября 1941 г. и по октябрь 1942 г. в ряде районов Дагестана были ликвидированы бандитские группировки, задержано большое количество дезертиров и уклонившихся от призыва в Красную Армию.

Наиболее отличившиеся в борьбе с бандитизмом и дезертирством были отмечены правительственными наградами. Медалью «За отвагу» были награждены 6 человек, Почетной грамотой Президиума Верховного Совета ДАССР – 4 человека и денежными премиями – 34 человека. Лучшие образцы в работе показали бойцы Каякентского, Акушинского, Кахибского, Казбековского, Хунзахского и Буйнакского районов.

В постановлении бюро обкома партии были намечены меры по дальнейшему улучшению работы по борьбе с бандитизмом и дезертирством, направленные на военно-патриотическое воспитание молодежи, укрепление единства и сплоченности населения, усиление вклада трудящихся в победу над врагом⁶⁹⁸.

В постановлении Государственного Комитета Обороны от 9 июля 1941 г., кроме основной задачи по уничтожению вражеских десантов и диверсантов, на истребительные батальоны возлагались борьба с возможными контрреволюционными выступлениями, организация патрульной службы и оказание помощи органам милиции в поддержании общественного порядка, установление наблюдения в районах возможной высадки десантов и диверсантов противника и др. функции⁶⁹⁹.

Для усиления борьбы с дезертирами из Красной Армии Махачкалинский городской Комитет обороны в соответствии с постановлением военного совета Закавказья от 29 октября 1941 г. принял к сведению заявление командующего 44-й армии генерал-майора А.А. Хадеева о создании заградительных отрядов по борьбе с дезертирами и установлении их постов на линиях Каякент, Леваша, Гуниб, Куба, Хачмас и ст. Самур. Махачкалинский ГОК поручил НКВД ДАССР установить посты на железнодорожных станциях для проверки высаживающихся на этих станциях лиц. Городскими и районными отделам НКВД предлагалось систематически проверять всех прибывающих на территорию ДАССР⁷⁰⁰.

По постановлению Махачкалинского ГОК от 31 июля 1942 г. с 5 августа в Дагестане устанавливались новые заградительные отряды: на станции Махачкала – два отряда, на ст. Хасавюрт – один отряд, на ст. Дербент – один отряд по 10 человек каждый⁷⁰¹. Всего в Дагестане было создано 37 истреби-

тельных батальонов численностью 2400 человек, которые были подобраны из числа проверенных коммунистов и комсомольцев. Бойцы истребительных батальонов проходили обязательную военную подготовку, обучались умению владеть оружием и восвать с жестоким и коварным врагом⁷⁰².

В день нападения фашистской Германии на Советский Союз 22 июня 1941 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «О военном положении»⁷⁰³, сыгравший серьезную роль в укреплении государственной безопасности и общественного порядка в стране. Руководствуясь этим Указом Президиума Верховного Совета СССР, военный совет Закавказского фронта 7 августа 1942 г. принял постановление «О введении военного положения на территории Дагестанской, Чечено-Ингушской, Кабардино-Балкарской, Северо-Осетинской АССР и Орджоникидзевского края». Постановление вводилось в действие, учитывая срочный характер выполнения постановления, по телеграфу⁷⁰⁴.

Принятые меры были направлены не только на то, чтобы создать надежный заслон подрывной деятельности вражеской агентуры, но и дезертирам и бандитам, наносившим большой урон экономике республики. Создание военизированной охраны, усиление охраны предприятий и народнохозяйственных объектов, введение строгого пропускного режима, утверждение и введение Положения о военных трибуналах, призванных строго рассматривать преступления, совершенные против государственных интересов и институтов, способствовали укреплению тылов Красной Армии, усилению работы промышленных и сельскохозяйственных предприятий по снабжению фронта всем необходимым.

Постановлением Государственного Комитета Обороны от 17 июля 1941 г. органы Третьего управления НКВД СССР были преобразованы в особые отделы НКВД СССР, главной задачей которых была решительная борьба со шпионажем, предательством, паникерством, трусостью и дезертирством в частях Красной Армии. Изменники и дезертиры в необходимых случаях могли быть расстреляны на месте⁷⁰⁵.

Один за другим были приняты законы, очень суровые для мирного времени, но необходимые в условиях военной поры. Они были вызваны той тяжелой обстановкой, которая сложилась в стране с начала войны. Если в начале войны в Дагестане были зафиксированы 8 бандитских групп в составе 32 человек и 15 бандитов-одиночек, то в июле – августе 1941 г. их численность увеличилась до 13 бандгрупп, в которых участвовало 125 человек. От мобилизации в Красную Армию к ноябрю 1941 г. уклонились до 3 тыс. человек.

На третий день после начала войны постановлением ЦК ВКП(б) от 25 июня 1941 г. были введены должности фронтовых и армейских начальников войскового тыла. В их подчинение были переданы войска НКВД, истребительные батальоны и органы милиции прифронтовых районов. Они призваны были наряду с другими задачами заниматься обеспечением безопасности и порядка в войсковом тылу, вести розыск и задержание дезертиров, организовывать заградительную и контрольную службу, бороться с диверсантами⁷⁰⁶.

Принятые меры позволили усилить борьбу с дезертирами и бандформированиями. С начала войны по ноябрь месяц 1941 г. в Дагестане были арестованы 540 дезертиров, бежавших из армии, и 318 человек, злостных уклонистов от мобилизации в армию. С ноября 1941 г. по 25 мая 1942 г. было арестовано 717 дезертиров и уклонившихся от мобилизации в армию – 662 человека⁷⁰⁷.

Дезертиры и уклонившиеся от мобилизации не отсиживались тихо и мирно где-нибудь в глухих уголках, а вливались в действующие бандитские отряды или создавали новые самостоятельные группировки, терроризировавшие партийных, советских работников, колхозных активистов, грабившие и разгонявшие колхозы, нападавшие на людей, направленных на строительство оборонительных рубежей, разрушавшие дороги, мосты, линии связи, громившие школы, избы-читальни, проводившие антисоветскую агитацию и т. д. Оперативно-чекистские группировки, включая и бойцов истребительных батальонов, вели против них активную борьбу. К 15 апреля 1942 г. в ходе стычек с бандами ими были ликвидированы 36 бандитов, арестовано 141 бандит и 146 их пособников⁷⁰⁸.

Несмотря на принимаемые суровые меры против дезертиров и резкое осуждение в партийно-массовой пропаганде случаев проявления дезертирства, они не сокращались, а росли по мере приближения врага к Дагестану. Такие случаи имели место и в других регионах страны. Боязнь, что фашисты, захватившие пол-Европы и успевшие овладеть значительной территорией Советского Союза, могут одолеть и Красную Армию, невольно подкрадывалась к слабым духом и подстегивала их к побегу из армии, упорно и храбро сражавшейся с врагом. В истории Отечественной войны отмечены и такие позорные случаи, когда одно только слово «окружают» вызывало смятение и беспорядочное отступление, и казалось, что ничто уже не сможет остановить отступающих, превратившихся в толпу. Необходимо было переломить эти крайне опасные для жизни страны тенденции, сплотить народы нашей страны и направить их усилия на разгром врага.

В этих условиях стали создаваться заградительные отряды и штрафбаты, появился приказ № 227 от 28 июля 1942 г., подписанный наркомом обороны И. Сталиным и вошедший в историю как приказ «Ни шагу назад!». Созданные тогда воинские структуры в форме заградотрядов и штрафбатров рассматриваются ныне пиущими на эту тему и даже отдельными высокопоставленными политиками как установление беспощадной системы, заставлявшей солдат под дулами автоматов подниматься в атаку и идти на самопожертвование, как будто моральный дух и патриотизм советских людей не имели никакого значения для победы над врагом. Да, это были очень суровые меры, но они, как пишет участник обороны Сталинграда М. В. Вагабов, «оправдали свое предназначение и бесспорно, сыграли большую роль в обеспечении победы над врагом»⁷⁰⁹.

После объявления Дагестана в августе 1942 г. на военном положении здесь находились и были введены дополнительно новые воинские части, значительно укрепившие обороноспособность столицы республики и всего Да-

гестана. Кроме частей 44-й армии, размещенных в городах Махачкале, Буйнакске и Дербенте, в республике временно пребывали части резерва Верховного Главнокомандования и авиационные соединения. Из расквартированных в Дагестане 223-й и 416-й азербайджанских дивизий были отмечены многочисленные случаи дезертирства и попытки перехода на территорию Азербайджана. С 25 августа по 3 сентября 1942 г. оперативные группы НКВД арестовали 51 дезертира. 16 человек, оказавших при аресте сопротивление, были убиты. 7 дезертиров, бежавших из 223-й дивизии, 17 августа были задержаны и расстреляны перед строем⁷¹⁰.

На таких отщепенцев гитлеровцы возлагали свои надежды по разжиганию среди советских людей националистических настроений, чтобы посеять народы СССР, создать из числа военнопленных батальоны специального назначения, готовые помочь продвижению немецких войск на Кавказ. В мае 1942 г. в Берлине был созван съезд видных представителей кавказской горской эмиграции, в их числе внук Шамиля Саид-бей и др. На съезде обсуждался вопрос о подготовке специальных кадров для работы среди военнопленных из числа кавказских народов с целью их отбора для создаваемых гитлеровским военным командованием «национальных легионов». Была создана особая команда, названная «Шамиль» и выполнявшая задания немецкого командования на отдельных участках Северо-Кавказского фронта.

Один из числа таких гитлеровских подручных Осман Саиднуров (он же Губе) достаточно успешно справился с поручением и до своей заброски в СССР вместе с разведывательно-диверсионной группой успел отобрать в лагерях для военнопленных 800 человек. Они были переодеты в красноармейскую форму и группами заброшены в приграничные районы Чечни и Дагестана. Группа имела задание на месте формировать банды, взрывать мосты, дезорганизовывать снабжение частей Красной Армии и населения, чтобы вызвать среди них недовольство.

В 1943 г. на территории Польши было сформировано 7 полевых батальонов из числа северокавказских народов. Каждый батальон имел в своем составе 800–1000 человек. На вооружении батальона были 3 противотанковые пушки, 15 легких и тяжелых минометов, 52 ручных и станковых пулемета, винтовки и автоматы.

С осени 1942 г. 3 северокавказских батальона стали использоваться в босвых действиях в районе Нальчика, Моздока и Туапсе. В начале и во второй половине 1943 г. к этим силам прибавились и еще 3 северокавказских батальона, которые, помимо участия в боевых действиях, занимались пропагандистской работой по организации антисоветских выступлений в тылу Красной Армии⁷¹¹.

В ноябре 1941– марте 1942 гг. в Нойхаммере был сформирован батальон специального назначения под названием «Бергман» («Горец»). Несколько групп из этого батальона были заброшены на самолетах в советский тыл. Группа из 25 человек была высажена в районе г. Грозного с заданием захватить объекты нефтедобычи и удерживать их до подхода немецких войск. Однако намеченный на 25–27 сентября 1942 г. прорыв немецких войск в на-

правлении Махачкалы провалился. И группа была ликвидирована органами НКВД Дагестана и Чечено-Ингушетии⁷¹².

Несмотря на потери, немецкое командование продолжало создавать все новые специальные батальоны, забрасывая их не только в Советский Союз, но и в другие страны. Они воевали на Сталинградском фронте, на Северном Кавказе и в Крыму, проводили карательные операции против партизан и мирных граждан Украины, Белоруссии, Ленинградской области, а также на территориях Бельгии, Голландии, Греции, Чехословакии, Франции, Югославии и ряда других стран⁷¹³.

Планы гитлеровского руководства Германии организовать в советском тылу крупные диверсионно-террористические операции провалились. Не помогли гитлеровцам и попытки использовать религиозные чувства верующих, провозглашение с этой целью Гитлера «великим имамом», осуществление идеологических диверсий через печать, радио и кино, распространение листовок. Хотя нацисты подключили к антисоветской, антикоммунистической пропаганде все идеологические, разведывательные и карательные органы германской империи, однако они не смогли ни подорвать морально-политический потенциал советского народа, ни нанести ему упреждающего удара, чтобы переиграть идеологическую ситуацию в свою пользу. Успехи советских органов государственной безопасности в борьбе с подрывной идеологической диверсией нацистской Германии были достигнуты благодаря широкой поддержке и помощи советских людей, которые они оказывали органам государственной безопасности страны.

В связи с приближением фронта к границам республики и нарастанием угрозы ее оккупации войсками вермахта бюро Дагестанского обкома партии 5 октября 1942 г. приняло решение «немедленно приступить к созданию сети подпольных коммунистических организаций в республике». Во всех районах и городах республики намечалось создать подпольные коммунистические ячейки, для руководства которыми организовать районные комитеты ВКП(б) в составе 3–5 человек. Для удобства руководства районными организациями они разбивались на 4 куста. Предлагалось срочно приступить к организации подпольных партийных ячеек и райкомов ВКП(б), а в прифронтовых районах коммунистов-подпольщиков, не откладывая, переводить на нелегальное положение. Требовалось так же срочно решать вопросы подбора кадров секретарей и членов райкомов партии, которым поручалось организовать базы продовольствия, вооружения и боеприпасов, а также подобрать оборудование для типографии⁷¹⁴.

Положение было настолько тревожным, что 8 октября 1942 г. бюро Дагестанского ВКП(б) приняло новое постановление «О создании партизанских отрядов на территории республики». В соответствии с указанием И. Сталина, данным им 5 сентября 1942 г., бюро обкома партии постановило создать на территории республики 13 партизанских отрядов, каждый по 30–50 человек. Их дислокация намечалась в Хасавюртовском, Кумторкалинском, Буйнакском, Карабудахентском, Ботлихском, Гунибском, Сергокалинском, Дербентском, Касумкентском, Ахвахском районах и в городах Буйнакске, Ма-

хачкале, Дербенте. Намечалось также снабдить отряды продовольствием, вооружением, боеприпасами и всем необходимым на ведение военных действий в случае оккупации Дагестана⁷¹⁵.

Для народов Дагестана, для всех народов Северного Кавказа, куда провались войска вермахта, настало время суровых испытаний. В этой тяжелой обстановке партийные организации Северного Кавказа обратились к славным традициям своих народов и решили провести антифашистские митинги, собрания общественности, совещания старейших горцев, ветеранов революции и Гражданской войны, молодежи, откровенно и честно сказать им о положении, в котором оказалась страна, призвать всех высоко поднять знамя чести, мужества и человеческого достоинства, пронесенное сквозь века нашими предками, стойко и непоколебимо защищать родную советскую власть.

На высокой патриотической ноте прошли антифашистские митинги народов Северного Кавказа и национальных республик края. Антифашистский митинг народов Северного Кавказа был проведен 13 августа 1942 г. в г. Орджоникидзе. От имени дагестанских народов на нем выступили председатель Совнаркома ДАССР А.Д. Даниялов, секретарь обкома партии Г.А. Аликберов, народные поэты Дагестана Г. Цадаса и А. Гафуров. На митинг было принято обращение «Ко всем народам Северного Кавказа». В числе подписавших от Дагестана были А. Даниялов – председатель СНК ДАССР, Н. Линкун – секретарь Дагобкома ВКП(б), Г. Цадаса – народный поэт Дагестана; Р. Гаджиева – народная артистка ДАССР⁷¹⁶. Обращение, как и другие материалы такого пропагандистского характера, было опубликовано во всех местных средствах массовой информации, его содержание передавалось и по радио. Митингу были посвящены передовые газеты «Правда» и «Северный Кавказ» (2 сентября 1942 г.).

Выступления на антифашистском митинге были выдержаны в духе не допустить, чтобы фашистские громилы рыскали по кавказским горам, защитить Кавказ. Также непреклонно в защиту Кавказа в день открытия антифашистского митинга в газете «Дагестанская правда» выступил народный поэт Дагестана Гамзат Цадаса. Он писал: «Точите острее кинжалы, заряжайте ружья и седлайте коней, горцы! Враг у ворот Дагестана. Вставайте на защиту родных гор и ущелий»⁷¹⁷.

Вслед за северокавказским антифашистским митингом такой же митинг был проведен в Дагестане. Бюро Дагестанского обкома партии от 13 августа 1942 г. приняло постановление о проведении антифашистского митинга народов ДАССР в г. Махачкале 29 августа 1942 г. Горкомам и райкомам ВКП(б) было поручено подобрать и утвердить делегации на митинг в составе лучших и знатных людей района: стахановцев, красных партизан, участников Гражданской и Отечественной войн, женщин-горянок и молодежи⁷¹⁸.

В высокоэмоциональном и ярко патриотическом обращении, принятом участниками митинга, говорилось: «Друзья! Верные сыны народов Дагестана на фронтах Отечественной войны показали, на что способны горцы. Прославленный подводник Магомед Гаджив вступает в бой, какого еще не знала история. Лезгин Ибрагимов привел в плен двадцать три фашистских бан-

дита. Аварец Самед Алиев один удержал в бою целую высоту и уложил своей снайперской винтовкой уже больше ста немецких мерзавцев. Тат Мардахаяев сражался в пылающем танке до последнего своего вздоха и без счета крушил проклятую немчуру. Кумык Исаев спас жизнь семи воинам, сам истек кровью и умер, но не оставил в беде своих боевых друзей»⁷¹⁹.

Страстный призыв, обращенный ко всем дагестанским народам и подписанный видными представителями дагестанских народов: народным поэтом Дагестана аварцем Гамзатом Цадасой, лезгинским поэтом Тагиром Хрюгским, участником Гражданской войны, кумыком Биякасм Гиреевым, секретарем Дагобкома ВКП(б) русским Н.И. Линкуном, красным партизаном даргинцем Омаром Алиевым, колхозницей из Левашинского района, даргинкой Хамис Богатыревой, председателем Президиума Верховного Совета ДАССР кумыком Адиль-Гереем Тахтаровым, председателем Совнаркома ДАССР аварцем Абдурахманом Данияловым, Героем Советского Союза русским Осиповым, стахановкой артели им. Крупской г. Дербента таткой Ада-сией Мушайловой, табасаранкой Аскеровой, секретарем Дагобкома ВКП(б) лезгином Г. Аликберовым, участником Отечественной войны, аварцем Тагиром Абдуразаковым, секретарем обкома ВЛКСМ С. Измаиловым, депутатом Верховного Совета СССР, даргинцем Джамалутдином Магомедовым и представителем лакского народа Али Алиевым, не мог оставить никого равнодушным, кто ознакомился с обращением, которое было размножено на русском и национальных языках через республиканские газеты, передавалось и по радио⁷²⁰.

26 августа 1942 г. антифашистский митинг молодежи Северного Кавказа прошел в г. Грозном. Митинг вдохновенным словом открыл председательствующий прославленный летчик капитан В. Эмиров. Он напомнил собравшимся о боевой славе предков народов Северного Кавказа, борцов за свободу Георгия Цагалова, Махача Дахадаева, Уллубия Буйнакского, Асланбека Шерипова, героев Гражданской войны Ивана Кочубея, Ока Городовикова, Иосифа Апанасенко, Василия Книги.

Эмиров призывал молодых патриотов Северного Кавказа быть достойными своих предков и сделать все, чтобы остановить немцев, не дать им продвигаться к священным горам Кавказа. Свое выступление он закончил словами: « Ни шагу назад, молодой воин! Стой насмерть»⁷²¹.

Это было обращение большого патриота Родины, доказавшего это в том же году в воздушном бою под северокавказским небом. Он сбил немецкий самолет, но и сам погиб, закрыв дорогу, не пропустив врага к Кавказским горам. Посмертно В. Эмирову было присвоено звание Героя Советского Союза.

Героически сражались с врагом многие дагестанцы, где бы им ни приходилось воевать. Их вклад в победу был значительным, что можно определить и по численности тех, кто был призван в действующую армию или попал в ее ряды согласно заявления, поданного о добровольном призыве.

Однако в вопросе о численности участников войны существуют разно- речивые данные. На 1 января 1941 г. общая численность населения респуб-

лики (в границах тех лет) составляла 967,8 тыс. человек. Из них, как считают разные авторы, на фронт были призваны от 162 тыс. до 180–190 тыс. человек. В «Книге памяти» со ссылкой на данные военных комиссариатов городов и районов Дагестана в армию и на флот были призваны 126432 человека⁷²². Такой разницей общих данных о количестве призванных и добровольно вступивших в ряды действующей армии объясняется тем, что границы Дагестана в довоенные, военные и послевоенные годы несколько раз менялись и это могло отразиться на итогах таких подсчетов. Приведенные данные требуют дальнейшего уточнения.

Дагестанцев можно было видеть в самых решающих и горячих точках Великой Отечественной войны. С первых дней войны отличились и воинские формирования, которые создавались на территории Дагестана и ряды которых пополнялись дагестанцами. Славный боевой путь прошла 91-я Краснознаменная Мелитопольская стрелковая дивизия, которая была сформирована в декабре 1941 г. в Махачкале. Воины дивизии, среди которых были и дагестанцы, успешно отражали атаки фашистских войск под Сталинградом и участвовали в их пленении. Дивизия участвовала в боях за освобождение Донбасса и Мелитополя, за что получила наименование Мелитопольской, а также Севастополя, Латвии и Литвы, других регионов и городов страны.

Героически сражались с врагом воины Махачкалинской дивизии НКВД генерала В.А. Хоменко, отдельного Дагестанского кавалерийского эскадрона К. Карасва, Кизлярского кавалерийского эскадрона, экипажи бронепоездов «Комсомолец Дагестана» и имени Героя Советского Союза Магомеда Гаджиева. Около 800 девушек Дагестана в составе 747-го зенитно-артиллерийского полка обороняли г. Грозный. Артиллерийская батарея 317-й стрелковой дивизии, сформированной в августе 1941 г. в республике, с 17 по 19 ноября под руководством лейтенанта С. Оганяна и политрука С. Вавилова отражала атаки пятидесяти вражеских танков на степном кургане Бербср-Оба, неподалеку от селения Большие Салы Ростовской области. Все 15 бойцов батареи не отступили и не пропустили танки противника. Интернациональный артиллерийский расчет батареи, в котором были не только дагестанцы, но и представители других народов Советского Союза, погибли, как и герои панфиловцы, защищавшие подступы к Москве⁷²³.

Дагестанцы были участниками и таких решающих сражений, как долговременная кровопролитная оборона Брестской крепости, упорные оборонительные бои, перешедшие в наступление Красной Армии, разгром хваленых танковых дивизий вермахта под Курском, неудержимое наступление советских войск на Берлин, закончившееся капитуляцией Германии.

Во всех этих сражениях можно найти дагестанцев, совершивших героические подвиги. Среди них имя уроженца селения Чагар-отар Хасавюртовского округа Абдулхакима Исмаилова, фронтовые дороги которого начались еще с Финской кампании и завершились в Берлине, где он вместе со своими товарищами по разведгруппе Л. Горячевым из Минска и А. Ковалевым из Киева выбивали немецких вояк из рейхстага. Они поднялись на купол

рейхстага и водрузили там Красное знамя – Знамя Победы. За этот подвиг А. Исмаилов лишь в феврале 1996 г. был удостоен звания Героя России⁷²⁴.

Советские воины совершали подвиги не по принуждению, не ради званий и славы, а в силу величия духа, преданности светлым идеалам. И в этом величии народа, тысяч советских людей. Наиболее показательно в этом отношении присвоение фронтовикам, совершившим подвиг, звания Героя Советского Союза, статус которого был очень высок в общественном сознании. Оно присваивалось лишь за действительные личные или коллективные заслуги, связанные с совершением героического подвига. Хотя получить такое звание было и нелегко, но за годы войны 11635 человек стали Героями Советского Союза⁷²⁵.

Своих героев имели многие народы Советского Союза. По некоторым подсчетам, Героями Советского Союза стали представители более 30 народов страны⁷²⁶. Среди них 90 грузин, 90 армян, 8 калмыков, 7 кабардинцев, 6 адыгейцев, 5 абхазцев⁷²⁷. Из небольшого по численности Дагестана 58 человек были отмечены званием Героя Советского Союза. Из них летчик Амет-Хан Султан за успешно проведенные 602 боевых вылета, за лично сбитых 30 самолетов противника и 19 уничтоженных самолетов в группе дважды был удостоен звания Героя Советского Союза. Однако, как еще тогда считали многие летчики, А.-Х. Султан заслуживал присвоения ему третьей Золотой Звезды Героя. Сын Берия Степан Берия пишет: «И я, и мои товарищи считали, что он (Амет-Хан Султан) должен стать трижды героем. Он, бесспорно, этого заслуживал. К сожалению, на это не пошли. Амет-Хан Султан, по национальности крымский татарин (его отец был лакцем. – А.О.), был вычеркнут из списков». Так думал и сын Сталина Василий.

К высокому званию Героев приравнивались и полные кавалеры орденов Славы, которыми в Дагестане стали 7 человек. Многие дагестанцы за ратные и трудовые подвиги в годы войны были награждены государственными орденами и медалями⁷²⁸.

В героической борьбе с немецко-фашистскими войсками миллионы советских людей не дожили до победы. Хотя по Дагестану еще нет точных сведений о численности погибших на войне, но в публикациях часто отмечается, что половина мобилизованных дагестанцев не вернулась с фронта⁷²⁹.

На алтарь победы каждый народ старался внести свой посильный вклад, участвуя в разгроме врага, каждый народ на фронте и в тылу ковал нашу общую победу.

Большую роль в патриотическом воспитании дагестанцев, воюющих против фашистских войск, играла агитационно-массовая работа, проводимая с ними на родных языках, организация для них концертов с участием ведущих деятелей культуры и искусства Дагестана. С этой целью в воинские части, в которых служили дагестанцы, направлялись лекторы, артисты и певцы. С первых дней войны были приняты меры по организации концертов для частей Красной Армии. С 1 июля по 15 декабря 1941 г. по линии Концертбюро республики воинам было дано 109 концертов. Силами художественной самодеятельности за этот же период было организовано 205 концертов и по-

становок. Для демонстрации кинофильмов солдатам воинских частей, расположенных в городах, были выделены 5 кинопередвижек. Кроме того, их обслуживали и городские кинотеатры⁷³⁰.

Работники искусств республики сами проявили инициативу в организации фронтовой бригады по обслуживанию концертами частей Красной Армии, сражающихся на Северном Кавказе. Бюро Дагобкома ВКП(б) от 20 августа 1942 г. своим постановлением одобрило их инициативу и поручило Управлению по делам искусств при Совнаркоме ДАССР создать такую бригаду и укомплектовать ее из высококвалифицированных деятелей культуры. В репертуар концертной программы рекомендовано было включать как дагестанские, так и русские концертные номера⁷³¹.

2 февраля 1942 г. бюро Дагестанского обкома приняло постановление о посылке агитбригады для обслуживания бойцов-дагестанцев, находящихся в частях Кавказского фронта. С этой целью была создана агитбригада в составе 3-х лекторов, владеющих дагестанскими языками, а также группы национального ансамбля. Агитбригаду возглавила женщина, лектор Дагестанского обкома партии Х. Кабидова. Бригада командировалась на фронт сроком на две недели⁷³².

В дальнейшем такие агитбригады стали организовываться с привлечением большего круга партийно-пропагандистских работников, почетных стариков и деятелей культуры, с постановкой им более широких задач. В июне 1943 г. в Красную Армию, где служили дагестанцы, по решению бюро обкома партии была командирована агитбригада в составе ответственных работников Буйнакского, Хивского, Ахвахского, Кулинского и Левашинского райкомов партии. В агитбригаду были включены еще 10 человек-артистов и почетные старики. Они везли с собой подарки для дагестанских фронтовиков и письма от трудящихся Дагестана⁷³³.

Поддержать дагестанских воинов вдохновенным словом, описать их подвиги – с такой задачей на фронт были командированы писатели Дагестана. В постановлении бюро Дагестанского обкома партии от 12 апреля 1944 г. говорилось: «Командировать сроком на 2 месяца на фронт во 2-й гвардейский кавалерийский корпус для встречи с бойцами, командирами и политработниками и сбора материалов об участии дагестанцев в боях за Родину следующих писателей Дагестана: Аджаматова А., Гамзатова Р., Трунова Д.»⁷³⁴. Все они, включая и беспартийных А. Аджаматова и Д. Трунова, с должной ответственностью отнеслись к партийному поручению и написали немало поэтических и художественных произведений и очерков о подвигах дагестанцев в схватках с фашистами.

Дагестанский обком партии заботился не только о широком использовании материалов и документов, свидетельствующих о ратных и героических подвигах дагестанцев в годы Отечественной войны, в агитационно-массовой и воспитательной работе, но и об их сохранении для истории. С этой целью бюро Дагестанского обкома партии своим постановлением от 10 июня 1942 г. создало Комиссию по сбору, обобщению и изданию материалов, документов и фактов, характеризующих патриотизм и самоотверженную работу трудя-

щихся в годы Великой Отечественной войны в составе партийных руководителей, ученых и журналистов: Аликберова Г. (председатель), Шилова Д., Хашаева Х., Омилянчука П., Назаревича А. (ответсекретарь), Темирханова Г. и Магомедова Х. Комиссии поручалось заниматься сбором материалов, изданием сборников документов, отдельных брошюр в помощь агитаторам. Секретарям райкомов и горкомов ВКП(б) и редакторам областных газет было предложено помочь комиссии в сборе материалов, документов, писем фронтовиков, освещающих героизм дагестанцев на фронте, и направить их комиссии. На хранение материалы должны были передаваться в Научно-исследовательский институт истории, языка и литературы под ответственность и о. директора института А. Назаревича⁷³⁵.

Война и связанные с нею трудности предъявили серьезные требования к партийным и советским органам в области народного образования и здравоохранения. На фронт ушли сотни учителей и преподавателей вузов. Резко сократилось число учащихся. Здания многих учебных заведений были отданы под военные госпитали. Из-за трудностей, связанных с организацией нормального учебного процесса в двух вузах республики – Дагестанском государственном медицинском и Дагестанском государственном педагогическом институтах, Махачкалинский городской Комитет обороны 10 сентября 1942 г. принял постановление о временном переводе Дагмединститута в г. Дербент и Дагпединститута – в Касумкентский район. Поскольку институты эвакуировались вместе с профессорско-преподавательским составом и имуществом, то Дербентскому горкому ВКП(б) и горисполкому и Касумкентскому райкому ВКП(б) и райисполкому были даны поручения обеспечить институты учебными помещениями, общежитиями и квартирами⁷³⁶.

Эвакуация этих двух институтов оказалась действительно временной. Когда в городе Махачкале общая обстановка улучшилась и Махачкалинский ГКО возглавил А.М. Алиев, заменивший на этом посту Н.И. Линкуна, он с пониманием отнесся к бедственному положению, в котором оказались два крупных института республики, и поторопился их вернуть в прежнее поле деятельности. 13 октября 1942 г. с целью изменения предыдущего постановления Махачкалинский ГКО принял постановление о возвращении Дагмединститута в Махачкалу и возобновлении его работы не позднее 15 октября 1942 г. Аналогичное постановление Махачкалинского ГКО о переводе из Касумкента в Махачкалу Дагпединститута было принято 9 ноября 1942 г. Пединституту были установлены жесткие сроки начала его работы – 20 ноября 1942 г. Были даны поручения воинским частям, другим ведомствам об освобождении занятых ими помещений двух институтов, о выделении транспорта для их переезда и перевозки имущества⁷³⁷. В том же сентябре месяце 1942 г. было принято решение Махачкалинского ГКО о вывозе в г. Дербент наиболее ценных исторических экспонатов и памятников Центрального краеведческого музея и части ценного книжного фонда республиканской библиотеки имени А.С. Пушкина⁷³⁸.

Может быть, не следовало спешить с перебазированием двух вузов республики из столицы, поскольку к зиме 1942 г. угроза немецкого вторже-

ния отпала, но в то же время нельзя считать, что решение Махачкалинского ГКО было ошибочным. Оно свидетельствовало о сложной обстановке, которая сложилась на фронте, и общей озабоченности областной партийной организации сохранностью интеллектуального и культурного потенциала Дагестана.

Но после того, как Красная Армия, измотав противника в оборонительных сражениях, начавшихся на Кавказе летом 1942 г., 6 ноября 1942 г. перешла в контрнаступление под Владикавказом и нанесла немецко-фашистским войскам крупное поражение, началось изгнание их с Кавказа. Народы Кавказа, в том числе и Дагестана, получили некоторое облегчение и могли взяться за решение наряду с военными откладывавшихся на задний план мирных задач⁷³⁹.

Уже в 1943 г. удалось добиться сравнительно нормальной работы вузов. В республике работали преподаватели и профессора Крымского пединститута и других вузов. В 1944 г. по постановлению ЦК ВКП(б) в Дагестане были открыты еще женский учительский институт и женское педагогическое училище.

К концу войны в Дагестане значительно расширилась сеть школ, увеличился контингент учащихся. Несмотря на трудности военного времени, многие учителя добивались повышения качества обучения, улучшения политико-воспитательной работы среди учащихся, что также возлагалось на учительские кадры.

Вместе с тем в постановлении бюро Дагобкома ВКП(б) от 24 октября 1944 г. «О мерах по улучшению работы школ» были отмечены серьезные недостатки в их работе. В частности, указывалось на нехватку учительских кадров, из-за чего срывалось преподавание русского языка, истории, математики и т.д. Нехватало 360 учителей-предметчиков. В постановлении были намечены меры по устранению этих и других недостатков в работе школ, направлению в сельские школы учителей из городов, партийным и советским органам поручалось помочь учителям в улучшении их жилищных условий, решении бытовых вопросов⁷⁴⁰. Такие решения способствовали улучшению работы школ и положения учителей.

Большие и ответственные задачи в годы войны стояли перед медицинскими работниками республики. Они не только обслуживали госпитали, лечили раненых бойцов, но и были на страже здоровья мирного населения. На 1 февраля 1942 г. в Дагестане было 10 госпиталей, в том числе в Махачкале – 5, в Дербенте – 1, Буйнакске – 1, Хасавюрте – 1, поселке Двигательстрой – 1 и Избербаше – 1. В них насчитывалось 9000 койко-мест, на указанную дату были заняты 6500 мест⁷⁴¹.

По решению бюро Дагестанского обкома партии от 27 сентября 1943 г. для оказания помощи эвакуированным госпиталям г. Махачкалы за ними были закреплены предприятия, учреждения города Махачкалы и колхозы Кумторкалинского, Касумкентского и Магарамкентского районов. Такое же шефство было установлено и над другими эвакуированными госпиталями⁷⁴².

В 1943 г. количество госпиталей в Дагестане увеличилось до 13, а количество койко-мест в них составило 13000 коек. С осени 1942 г. до первой половины 1943 г. в госпитали Дагестана поступало до 50 поездов и отправлялось из госпиталей на юг до 40 поездов в месяц с ранеными, нуждающимися в длительном лечении. Со второй половины 1943 г. прибывающие раненые полностью долечивались в госпиталях Дагестана⁷⁴³.

За период войны в госпиталях Дагестана прошли курс лечения более 120 тыс. раненых. Три четверти из них было возвращено в строй. За большую работу по лечению раненых были награждены орденами и медалями А. Подварко, С. Алибеков, М. Дибиров, Р. Цюпак, М. Нагорный, М. Нахибашев, И. Пикуль, М. Максудов и другие врачи⁷⁴⁴.

В годы военного лихолетья советская интеллигенция не могла не призадуматься над тем грозным испытанием, которое выпало на долю Советской страны в связи с вероломным нападением Германии, и не выразить своего отношения к бредовым фашистским планам о мировом господстве. В первый же день войны известный писатель и журналист И. Эренбург выступил со статьей, в которой писал: «...мы знаем, какое горе принес фашистский захватчик другим народам. Высокая судьба выпала на нашу долю защищать нашу страну, наших детей, спасти измученный врагами мир. Наша священная война, война, которую навязали нам захватчики, станет освободительной войной поработенной Европы»⁷⁴⁵.

Как бы в унисон ему дагестанский писатель Э. Капиев, которого в январе 1942 г. не взяли в армию из-за болезни, (все же он поехал на фронт корреспондентом) говорил: «Идет жестокая, беспощадная, самая справедливая из всех войн. Здесь выбора нет. Здесь нельзя оставаться в стороне. Профессия писателя, считалась, мирная профессия... (Впрочем, как и др. творческие профессии.— А.О.). Теперь писатели в бою»⁷⁴⁶.

Так думали, так поступали многие деятели дагестанской культуры. На фронте оказались такие известные писатели и деятели культуры, как А. Салаватов, К. Меджидов, И. Утарбиев, Х. Авшалумов, М. Курбанов, Р. Динмагомаев, Б. Митаров, А. Сулейманов, С. Абдуллаев, Н. Дагиров, И. Савченко, М. Плоткин, В. Сперанский, З. Гаджиев, Б. Смирнов и др. Не все из них вернулись с войны. Особенно много людей в действующую армию ушли из театров, Ансамбля песни и танца Дагестана, а также из коллектива Даградиокомитета. Из-за ухода многих артистов и деятелей культуры в действующую армию и трудностей военного времени Русский, Лакский и Дербентский театры, музыкальное училище временно были закрыты. Оставшиеся творческие коллективы были реорганизованы и перестроили свою работу. Видные представители художественной культуры и мастера искусств работали с полной отдачей творческих сил, обслуживали воинские части и военные госпитали, выезжали с концертами и выступали перед коллективами предприятий и колхозов, строителей оборонительных сооружений и рубежей. Средства от концертов и спектаклей они отчисляли в Фонд обороны, собирали для фронтовиков теплую одежду, проявляли заботу об их семьях, в составе дагестанских делегаций выезжали на фронт, давали там концерты.

В каждом виде художественного творчества деятели культуры находили свою нишу, свое место для оказания помощи фронту и укрепления боевого духа воюющей против врага Красной Армии. Художники Дагестана оформляли общественные здания, военкоматы, призывные пункты, выпускали боевые листки, создавали городские витрины, оказывали помощь в выпуске наглядной агитации, обращенной к патриотическим чувствам трудящихся. С помощью художников в наиболее людных местах города были установлены витрины «Окна ТАСС», в которых выставлялись их карикатуры на фашистских вояк. Дагестанские художники скопировали около 10 тыс. экземпляров советских военных плакатов с переводом текста на дагестанские языки и вывешивали их на видных местах в городах и сельской местности⁷⁴⁷.

Функционирующие дагестанские театры переключают свой репертуар на военную тематику, их коллективы активно участвуют в патриотическом воспитании населения и обслуживании воинских частей, численность которых в Дагестане значительно увеличилась в 1942 г. по мере приближения фронта к горному краю.

Кумыкский театр, имевший опыт постановок в предвоенные годы таких патриотических пьес, как «Горцы» и «Айгази», организовал в Буйнакске штаб по обслуживанию призывных пунктов, ряд артистов театра записался в подразделения народного ополчения, его коллектив обслуживал воинские госпитали городов Буйнакска и Махачкалы, выезжал с концертами и спектаклями к подразделениям Красной Армии, воюющим на Северо-Кавказском фронте. Зрителями хорошо принимались одноактные спектакли военных лет, созданные советскими драматургами и переведенные на дагестанские языки.

Обновились репертуары Аварского, Лакского и Лезгинского театров. В их постановках шли литературные композиции по произведениям Г. Цадасы, А. Гафурова, С. Стальского, молодого Р. Гамзатова, других дагестанских авторов. Они обращались и к одноактным пьесам советских и дагестанских драматургов, героическим балладам и песням народного фольклора, хорошо принимавшимся зрителями.

Открытый перед самой войной молодой театральный коллектив – театр кукол сразу же после начала войны сумел перестроиться на военный репертуар. Его спектакли, остро высмеивающие несбыточные планы гитлеровских вояк, были интересны не только для детей, но и взрослых и всегда шли с аншлагом.

Работа театра стала предметом специального рассмотрения на заседании бюро обкома партии 13 марта 1943 г., отметившего его огромную роль в воспитании гражданских и эстетических чувств подрастающего поколения. Вместе с тем бюро Дагобкома ВКП(б) указало на необходимость расширения аудитории театра путем организации его гастролей в городах и сельских районах республики, а также проведения коллективных посещений на стационаре, пополнения пьесами дагестанских драматургов, а также созданными на основе многонационального дагестанского фольклора⁷⁴⁸.

Наиболее яркие страницы театральной жизни республики в годы войны связаны с деятельностью эвакуированных в Дагестан театров: Москов-

ского театра им. М. Ермоловой, Ростовского театра им. М. Горького, Харьковского театра им. Революции и других, находившихся временно в городах республики.

Театр им. М. Ермоловой находился в Махачкале с 3 сентября 1941 г. по 20 августа 1942 г. и работал в помещении Русского театра им. М. Горького. В репертуаре Московского театра были пьесы «Как вам это понравится» Шекспира. «Дети солнца» М. Горького, «Хирург Пирогов» Ю. Германа, «20 лет спустя» М. Светлова, «Бедная невеста» А. Островского, «Нахлебник» И. Тургенева и другие. Многие из них звучали по-новому и стали злободневными оборонными спектаклями, мобилизующими дух народа на разгром врага.

Среди важнейших мобилизующих постановок театра им. Ермоловой стала премьера одной из лучших предвоенных пьес «Парень из нашего города» К. Симонова, прошедшая в Махачкале 7 ноября 1941 г. в переполненном зале Русского театра. Спектакль получил высокую оценку зрителей и прессы и до конца работы театра Ермоловой в Махачкале оставался чуть ли не самым любимым и посещаемым.

За время работы в Дагестане театр показал 229 спектаклей, обслужил 147593 зрителя, провел 186 военно-шефских мероприятий в воинских частях, призывных пунктах и госпиталях. Коллектив театра помогал также своим коллегам из Кумыкского театра, с которым организовал семинар, провел просмотр и обсуждение его нового спектакля. В состав театра были приняты некоторые артисты временно закрытого Русского театра. Работа Московского театра в республике получила высокую оценку общественности. Артисты театра И.И. Соловьев, Д.П. Фивейский и Е.П. Кононенко были награждены почетными грамотами Президиума Верховного Совета ДАССР⁷⁴⁹.

Ростовский театр им. М. Горького находился в Дагестане с ноября 1941 г. по 7 августа 1942 г. За это время театр выступал с концертами и спектаклями не только в Дагестане, но и перед воинскими частями Южного фронта, театральными зрителями родного города. За время пребывания в Дагестане он обслужил около 93 тыс. зрителей. За заслуги в театрально-концертном обслуживании населения и фронтовиков, создание новых патриотических спектаклей Ростовский театр был награжден Почетной грамотой Президиума Верховного Совета ДАССР.

Обосновавшийся в Дербенте Харьковский театр работал на хозрасчете и не пользовался государственным финансированием. Тем не менее посещаемость его спектаклей была хорошей. За время его пребывания в Дагестане с декабря 1941 г. по июль 1942 г. театр обслужил около 42 тыс. зрителей поселков и городов Дербента, Дагестанских Огней, Избербаша и Буйнакска. Если учесть, что театру приходилось выступать в небольших клубах и театрах, то можно понять, что даже в таких трудных условиях общая посещаемость его постановок была высокой⁷⁵⁰.

Кроме указанных театров, к середине августа 1942 г. в Дагестане находилось более 700 работников искусства, направленных сюда из разных городов. Среди них были артисты Московского театра «Ромэн», Ростовского областного театра миниатюр, Государственного ансамбля песни и танца дон-

ских казаков, Ростовского театра им. Ленинского комсомола, Ростовского областного джаз-оркестра. К ним позднее присоединились еще коллективы Ворошиловградского театра русской драмы и Днепронетровский театр юного зрителя⁷⁵¹. Для настоящих театралов и любителей искусства в трудные годы войны выпали и такие радостные дни, когда они могли побывать на спектаклях известных в стране театров. В то же время пребывание в Дагестане известных театральных коллективов страны послужило толчком к дальнейшему творческому росту артистов местных театров республики и развитию в целом искусства.

6 февраля 1943 г. Совнарком ДАССР и бюро Дагестанского обкома партии приняли постановление «О мероприятиях по развитию искусства в республике». В постановлении отмечались наиболее значительные его достижения, особенно заметные по линии театрального искусства. Среди интересных патриотических спектаклей, постановки которых были осуществлены в те годы, были названы пьесы А. Аджаматова «Стальной капкан» и «Ансар» (Кумыкский театр), Г. Цадасы «Базалай» (Аварский театр). И на других театральных сценах шли спектакли на военно-патриотические темы как по пьесам советских, так и дагестанских авторов.

Наряду с успехами, как говорилось в партийно-советских документах, были названы и недостатки, имеющие место в развитии искусства. Серьезное внимание в постановлении обращалось на отставание национальной драматургии от запросов зрителей, отсутствие ярких драматических произведений, отображающих высокий патриотизм советских людей, их готовность на великие подвиги. Нехватка высокопрофессиональных творческих кадров, слабое внимание к их подготовке сказывались на репертуарах музыкально-художественных коллективов Даградиокомитета и Дагестанского ансамбля песни и пляски, ими недостаточно использовался богатейший фольклор народов Дагестана, а также в музыкальном коллективе почти не использовались разнообразные народные музыкальные инструменты.

В постановлении был намечен ряд мер, направленных на развитие дагестанского искусства. Управлению по делам искусства при Совнаркоме было поручено организовать в г. Махачкале Дагестанский государственный театр им. Горького в составе Кумыкского театра и театра русской драмы и в г. Буйнакске Аварский республиканский драматический театр. Было намечено восстановить в 1943 г. Лакский театр и принять меры к созданию в 1944 г. Даргинского театра. Для подготовки кадров при Дагестанском театре создать театральную студию на 20 человек и при Аварском театре – на 10 человек. Партийным и советским организациям г. Дербента и Лакского района были даны поручения обеспечить театры соответствующими помещениями.

В области музыкального творчества уделялось внимание созданию музыкальных произведений, посвященных патриотической тематике. На 1943 г. было намечено провести 4–5 экспедиций во главе с квалифицированными композиторами по выявлению, сбору и записыванию народных музыкальных произведений, восстановить работу музшколы и на ее базе к началу 1944 г.

создать музыкально-театральное училище. Махачкалинскому горисполкому было поручено в срок до 1 марта 1943 г. освободить помещение музшколы.

Была проявлена забота и о художниках Дагестана. Наркомпросу и Управлению по делам искусств поручалось обеспечить художников заказами на изготовление картин, портретов, плакатов и т.д. на тему «Участие народов Дагестана в Великой Отечественной войне». Председателю Махачкалинского горисполкома было дано задание выделить Союзу художников ДАССР помещение для организации мастерской. Наркомторг обязывался обеспечить художников необходимыми материалами (краски, полотно и т.д.). Управлению по делам искусств было дано задание разработать мероприятия по сохранению и дальнейшему развитию искусств кубачинцев, уццукульцев и балкарцев.

Ответственные задачи были поставлены и в области развития художественной самодеятельности. Это прежде всего проведение в июне 1943 г. районных и республиканского смотров художественной самодеятельности и народного творчества, издание на дагестанских языках песенников, пьес и музыкальных обработок по произведениям композиторов, районным и городским партийным и советским органам предлагалось усилить внимание развитию художественной самодеятельности, решить вопросы, связанные с обеспечением их участников помещениями и необходимыми костюмами. В постановлении рассматривались и другие вопросы⁷⁵².

Для военного времени это было наиболее крупное постановление, принятое на столь высоком уровне и заложившее серьезную базу для развития многих сфер культуры народов Дагестана.

Партийное и советское руководство республики держало под своим постоянным вниманием вопросы развития искусства. 20 декабря 1943 г. было принято постановление Совнаркома ДАССР и бюро Дагобкома ВКП(б) «Об организации Дагестанской филармонии». Предусматривалось создание на базе Дагестанского концертного бюро Дагестанской государственной филармонии с передачей ей Дагестанского государственного ансамбля песни и пляски, двух концертно-эстрадных групп (русской и национальной) и цирковой группы. Для работы филармонии передавалось помещение клуба рыбаков после освобождения его жильцами. Намечались и меры по ремонту и оборудованию здания клуба рыбаков, обеспечению филармонии художественными руководителями⁷⁵³.

Партийные и советские органы среди многочисленных забот военного времени не забывали и о мерах морального поощрения как творческих коллективов, так и отдельных деятелей культуры и искусства. 4 марта 1943 г. были приняты постановления бюро Дагестанского обкома партии о награждении почетными грамотами Президиума Верховного Совета ДАССР коллектива Дагестанского государственного национального ансамбля песни и пляски, коллектива театральной фронтовой бригады Управления по делам искусств при Совнаркоме ДАССР, а также деятелей культуры и искусства: о присвоении звания народного поэта Дагестана Т. Хрюгскому (Алимову), заслуженного деятеля искусств ДАССР Г.Ф. Алиеву, заслуженного деятеля ис-

куств ДАССР композитору А.Г. Абрамянцу, заслуженного деятеля искусств ДАССР скульптору Х.-Б. Аскару-Сарыдже, заслуженного деятеля искусств ДАССР директору нацансамбля С.Н. Сладкову, заслуженного артиста ДАССР А.А. Абубакарову, заслуженного артиста ДАССР солистке Даградиокомитета П. Данияловой. Хотя постановление по установившейся практике было принято на бюро Дагестанского обкома партии, но оно было обязательно для выполнения Президиумом Верховного Совета ДАССР, который после партийного решения без лишней волокиты выносил свои соответствующие постановления и выдавал грамоты. Они вручались, в том числе и в военные годы, в торжественной обстановке и для награжденных оставались памятным и морально значимым событием.

Такое внимание вдохновляло театральные коллективы на создание спектаклей на историко-героические темы. Крупным событием в культурной жизни республики стала постановка на сцене Кумыкского театра героической трагедии «Хочбар». Как отмечала пресса, «еще ни одна из постановок, шедших на махачкалинской сцене, не вызвала в среде зрителей такого горячего отклика, как эта первая дагестанская национальная музыкальная драма»⁷⁵⁴.

Вслед за этим Кумыкский театр осуществил постановку нового спектакля, также посвященного историко-героической тематике, — «Андадал». Эта постановка прошла с большим успехом и способствовала патриотическому воспитанию населения.

В репертуарах Русского, Аварского, Лакского, Лезгинского театров также преобладали постановки на военно-исторические темы. Кроме того, театры обращались к постановкам пьес русской и зарубежной классики. лучших произведений советских и дагестанских драматургов.

Значительную работу по патриотическому воспитанию трудящихся республики, фронтовиков, военнослужащих воинских частей, расположенных в Дагестане, раненых бойцов проводили участники художественной самодеятельности. В 1941 г., с начала войны, концертно-эстрадные бригады, созданные с привлечением участников художественной самодеятельности, дали более 430 концертов в основном в воинских частях. За счет проведения платных концертов они собрали и передали в Фонд обороны свыше 25 000 руб.

Несмотря на трудности военного времени, во исполнение постановления Совнаркома ДАССР и бюро Дагобкома ВКП(б) в ноябре 1943 г., был проведен республиканский смотр художественной самодеятельности. Смотр не только выявил новые народные таланты, но и наметил меры по дальнейшему развитию художественной самодеятельности, на что было обращено внимание и в постановлениях бюро Дагестанского обкома партии, принятых в 1944 и 1945 гг.

Деятели дагестанской культуры и искусства не только своим творчеством, но и военными подвигами на фронте способствовали воспитанию молодежи и трудящихся в духе патриотизма и преданности отчизне. На войне погибли талантливые драматурги А. Салаватов и М. Курбанов, артисты Кумык-

ского театра М. Абдуллаев, М. Гаджиев, С. Алишейхов, Д. Бекбулатов, Б. Багдаев, директор Лезгинского театра И. Менафов и артист этого театра З. Тагирбеков, артисты Аварского театра С. Алибеков, Г. Гимбатов, Д. Гусейнов, М. Испагиев, Д. Халилбеков, артист Лакского театра З. Султанов⁷⁵⁵.

Как и в других видах культуры, в развитии музыкального искусства Дагестана в годы войны имелись серьезные трудности. Тем не менее его поступательное движение не было прервано. Более того, в военные годы в таких жанрах музыкального творчества, как песня, воспеваящая ратные подвиги, имелись известные достижения. Особенно преуспевали в этом жанре П.Ф. Проскурин, Т.А. Мурадов, А. Абрамянц, Х. Ханукаев, Б. Кулиев, А. Давыдов и др. Вернувшись в 1942 г. из Ленинграда в Дагестан, Г. Гасанов также обратился к песенному жанру.

Как в этом жанре, так и в симфонической музыке тема Отечественной войны стала одной из главнейших в творчестве дагестанских композиторов. Особенно многогранна и значительна была в годы войны творческая деятельность Г. Гасанова, создавшего, кроме первых дагестанских романсов и ораторий, первые национальные произведения в жанре музыкальной комедии и балета. Творчество Гасанова и других композиторов показывало, что в годы войны развитие дагестанской музыкальной культуры продолжалось⁷⁵⁶.

В годы войны дагестанское изобразительное искусство, оказавшееся, как и другие его виды, в труднейших условиях, приобрело новое значение. Оно стало важным звеном, связующим фронт с тылом, мобилизующим советских людей на борьбу с врагом. Творчество дагестанских художников М.-А. Джемала, Х.-Б. Аскара-Сарыджи, Д. Капаницына, Ю. Моллаева, Б. Смирнова, М.-К. Юнусилау отличалось общественной злободневностью и агитационной заостренностью.

Учитывая требования сурового военного времени и понимая большую роль такого вида изобразительного искусства, как плакат, в мобилизации народных масс на героическую борьбу с немецко-фашистскими войсками, все художники Дагестана взялись за создание оригинальных плакатов. Для действенной пропаганды плакаты изготовлялись по различной тематике и на дагестанских языках. Кроме того, по инициативе художников и их силами создавались витрины «Окон ТАСС», установленных в Махачкале в клубах, у театров и на вокзалах. Ими были созданы портретная галерея участников Великой Отечественной войны, портреты деятелей культуры, крупные живописные полотна, посвященные военным событиям. В них получили свое выражение патриотическое воодушевление советских людей, их возросшее самосознание, интерес к героическому прошлому народа. Деятельность творческой интеллигенции военных лет предопределила поступательное развитие национального искусства даже в тех суровых условиях⁷⁵⁷.

Лишения и трудности военной поры, гибель близких людей на фронте и другие факторы стали причиной роста религиозности населения. Большинство верующих, в том числе мусульман, проявляли высокий патриотизм, молились за победу над врагом, с оружием в руках воевали на фронтах Великой

Отечественной войны. Вместе со всем народом они оказывали свою посильную помощь в разгроме врага, укреплении у народа веры в победу.

Учитывая заслуги верующих мусульман в годы войны, Советское государство пошло им навстречу и в 1943 г. создало три духовных управления мусульман: Духовное управление мусульман Северного Кавказа с центром в г. Буйнакске, переведенное позже в г. Махачкалу, Духовное управление мусульман Закавказья с центром в Баку, Духовное управление мусульман Средней Азии и Казахстана с центром в Ташкенте.

В мае 1944 г. при Совнаркоме СССР был создан Совет по делам религиозных культов, которому поручался контроль над религией и религиозной деятельностью мусульман. В конце 1945 г. советским мусульманам было разрешено совершать паломничество в священные для мусульман места – в города Мекка и Медина Саудовской Аравии⁷⁵⁸. Религиозная деятельность постепенно стала оживать, хотя она и была поставлена в строго определенные рамки.

В годы войны партийным и советским органам республики, кроме решения чисто внутренних задач по оказанию фронту всемерной помощи, приходилось заниматься депортацией немцев и чеченцев, а также переселением малоземельных горцев в Чечню и равнинные районы Дагестана. Все это накладывало на партийно-советские организации и органы внутренних дел республики дополнительные обязанности, отражалось на общей политической атмосфере, не всегда встречало понимание и поддержку не только у переселяемой, но и остающейся части населения.

Одними из первых выселению подверглись немцы, осевшие в Хасавюртовском округе Терской области в конце XIX – начале XX в. В те годы они образовали здесь около 15 колоний, как их тогда называли⁷⁵⁹. В период Гражданской войны они, как и часть русского и еврейского населения, выехали за пределы Дагестана, но в 20-е гг. после установления советской власти немцы (около 5000 человек)⁷⁶⁰ попросились обратно на прежнее свое местожительство и хорошо здесь обосновались. Но как только началась Отечественная война, Государственный Комитет Оборона 22 октября 1941 г. принял постановление о выселении немцев в Казахстан. Согласно принятому постановлению выселению из Дагестана подлежали 4000 человек⁷⁶¹.

К проведению этого мероприятия были подключены местные органы власти. 19 октября 1941 г. Совнарком ДАССР и бюро Дагестанского обкома ВКП(б) приняли постановление «О переселении немцев из Дагестанской АССР». В соответствии с указанием Государственного Комитета Оборона СССР, данного им еще до принятия своего постановления, и НКВД СССР Совнарком ДАССР и бюро Дагобкома партии обязали наркома внутренних дел ДАССР А.Г. Медведева провести полный учет и выселение всех немцев из пределов Дагестанской АССР до 27 октября с. г.»⁷⁶².

Секретарям горкомов и райкомов ВКП(б) и председателям райгорисполкомов поручалось оказать органам НКВД «всемерную помощь в деле учета немцев, подготовки и проведения операции по переселению немецкого населения» из пределов республики. Они обязаны были обеспечить сохран-

ность имущества выселяемых и передачу его государственным организациям. В случае невыполнения постановления им грозила уголовная ответственность. Райкомы и горкомы партии должны были потребовать от немецких членов и кандидатов в члены партии и комсомольцев ответственности за строжайшее соблюдение немцами всех указаний в пути следования.

Соответствующим ведомствам даны были поручения обеспечить перевозку переселяемых немцев к месту погрузки – Махачкалинский порт, выделить помещения для размещения переселенцев во время их концентрации в Махачкале, организовать им питание и медицинское обслуживание в пунктах ожидания, местах поездки и в пути следования до Красноводска⁷⁶³. В результате принятых мер численность выселяемых немцев значительно превысила установленное задание в 4000 человек и составила 7306 человек⁷⁶⁴. Их выселение прошло без особой общественной огласки и осталось малозаметным событием, хотя оно и коснулось немало людей. Война только началась, многие дагестанцы добровольно или по мобилизации отправлялись на фронт и в такой обстановке старались не оповещать общественность о репрессивных мерах, применяемых против отдельных народов. К тому же интерес к таким событиям не поощрялся и быстро пресекался.

Немцы выселялись в Среднюю Азию, но вначале они концентрировались в Махачкале до их отправки через Каспийское море. Партийным и советским организациям города приходилось решать эту нелегкую задачу в условиях, когда Махачкала была переполнена, как это отмечалось в постановлении Совнаркома ДАССР и бюро Дагобкома партии от 26 октября 1941 г., эвакуированным населением из прифронтовой полосы⁷⁶⁵. Со времени появления первых эвакуированных в Дагестане и до их обратного возвращения к родным очагам после изгнания оккупантов им оказывалась возможная помощь, внимание и поддержка. 12 июля 1941 г., когда еще не прошло и одного месяца после начала войны, но появились первые беженцы, было принято постановление особого заседания Совнаркома ДАССР «О мероприятиях по обслуживанию эвакуированного населения». В нем предусматривалось за счет внутренних резервов республики значительно увеличить ассигнования на оказание единовременной помощи эвакуированным. Руководителям наркоматов, учреждений, предприятий и организаций при приеме на работу эвакуированных разрешалось выдавать единовременное пособие в размере до 100 руб.

Для решения вопросов по назначению и о выдаче единовременных пособий, размещения и трудоустройства эвакуированных была создана специальная комиссия. Председателям исполкомов горсоветов Махачкалы, Буйнакска, Хасавюрта и Дербента поручалось подготовить жилые помещения для эвакуированного населения. Для размещения беженцев исполкомам было разрешено уплотнение жильцов, им же предлагалось оказывать эвакуированным медицинскую помощь, организовывать первое время бесплатное питание, помогать им одеждой, обувью. Решено было при Переселенческом управлении организовывать централизованный учет прибывающих бежен-

цев, при исполкомах создать бюро справок о местонахождении эвакуированных в городах и районах их расселения⁷⁶⁶.

Учитывая большой приток эвакуированного населения и руководствуясь постановлением Совнаркома СССР, особое заседание Совнаркома ДАССР 26 августа 1941 г. приняло постановление, которым обязало лично председателей исполкомов горсоветов Махачкалы, Дербента, Буйнакса, Хасавюрта и поссоветов Двигательстроя, Избербаша, Дагестанских Огней и Ачису в 10-дневный срок, а по остальным городам и рабочим поселкам в 5-дневный срок закончить уплотнение жильцов в жилых домах вне зависимости от ведомственного подчинения. На выявленную и освобожденную жилую площадь поселить исключительно эвакуированных и комсостав Красной Армии⁷⁶⁷.

В переполненной Махачкале с численностью населения на 1 января 1941 г. в 95,8 тыс. человек, проживающих в большой тесноте⁷⁶⁸, даже при сокращении норм жилплощади разместить все увеличивающийся поток эвакуированных не было возможности. Поэтому часть прибывших эвакуированных семей по решению Совнаркома ДАССР и бюро Дагестанского обкома ВКП(б) от 26 октября 1941 г. было намечено разместить в следующих равнинных и предгорных районах: в Касумкентском – 600 семей, Табасаранском – 400 семей, Сергокалинском – 350 семей, Карабудахкентском – 350 семей, Буйнакском – 300 семей, Бабаюртовском – 500 семей, Кумторкалинском – 500 семей и в г. Буйнаксе – 200 семей.

Совнарком ДАССР и бюро обкома партии разъясняли правлениям колхозов и колхозникам необходимость особо внимательного отношения к женщинам с малолетними детьми и командирам Красной Армии, особенно при решении вопросов их размещения и обеспечения продуктами. Районные советские и партийные организации должны были позаботиться о трудоустройстве в колхозах, оплате им за труд по установленным расценкам в денежном выражении или продуктами питания⁷⁶⁹.

Несмотря на принимаемые меры по отправке эвакуированных через Каспийское море в Среднюю Азию и расселению в районах Дагестана, их численность в Махачкале не уменьшалась ниже 40 тыс. человек. Из них в среднем 10 тыс. человек находились в крайне бедственном положении.

Отмечая сложившиеся трудности в связи с приемом, размещением и организацией питания эвакуированных, Совнарком ДАССР и бюро обкома ВКП(б) (28 ноября 1941 г.) обратились в Совет эвакуации при СНК СССР о создании в г. Махачкале эвакуопункта с организацией бесплатного питания за счет государства 10 тыс. человек и оказанием им помощи (по снабжению детей бельем, обувью и одеждой). Указывая на сокращение отправки эвакуированных из Махачкалы в Красноводск из-за нехватки пароходов, СНК и Дагобком ВКП(б) ходатайствовали перед ЦК ВКП(б), СНК СССР и Советом эвакуации дать указание НК Морфлота о выделении дополнительного количества пароходов, чтобы обеспечить ежедневную отправку в Красноводск не менее 5000 человек⁷⁷⁰.

Несмотря на обращения республиканских организаций, вопросы быстрой отправки эвакуированного населения в Среднюю Азию решались недостаточно оперативно, не хватало пароходов для их переправы через Каспий, в Махачкале не только накапливались беженцы, но и увеличивалось в связи с приближением фронта количество воинских частей.

В справке Махачкалинского горкома партии от 15 августа 1942 г. отмечалось, что в Махачкале скопилось порядка 40 тыс. неработающего эвакуированного населения, а также большое количество семей рабочих, ИТР и служащих, готовых выехать за пределы республики, но из-за отсутствия транспорта они не могли уехать. Большинство остановившихся в Махачкале по этим причинам оказалось под открытым небом в районе порта и железнодорожной станции, в парках и садах. В связи с увеличением населения города, в том числе и армейского сверх всяких нормативов, стал ощущаться острый недостаток хлеба и воды, город сильно был загрязнен, и среди детей эвакуированного населения росли заболевания дизентерией. Ни на юг, ни на север из Махачкалы поезда с эвакуированным или гражданским населением Махачкалы не пропускались, что усугубляло положение в ней. Столичный городской комитет просил Дагестанский обком партии решить вопрос о том, чтобы разрешить пассажирским поездам не задерживаться в Махачкале и продолжать свой дальнейший путь. Это могло бы облегчить положение города, в котором он оказался в такой сложившейся и без того тяжелой обстановке⁷⁷¹.

До весны 1943 г. Дагестану приходилось принимать к себе эвакуированное население с оккупированных районов страны. Весной по мере отступления немецких войск из Северного Кавказа началась реэвакуация беженцев и эвакуированных в освобожденные районы. 4 марта 1943 г. бюро Дагобкома ВКП(б) приняло постановление «Об обслуживании населения, реэвакуированного из Красноводского порта в освобожденные районы Северного Кавказа и Ростовской области». В связи с предстоящей массовой реэвакуацией из Красноводского порта населения и необходимостью его дальнейшей отправки в освобожденные районы бюро обкома партии обязало соответствующие министерства и ведомства организовать размещение, питание, медицинское обслуживание, сформировать специальные поезда для перевозки населения от станции Махачкала до места назначения⁷⁷².

В апреле 1944 г. партийным и советским организациям пришлось заняться, как это указывалось и в первой книге, решением еще одной сложной и тяжелой как по масштабам, так и по этическим соображениям задачи – переселением малоземельных горцев на территорию, освобожденную выселенными из Чечено-Ингушской АССР чеченцами, с которыми народы Дагестана жили в мире и дружбе. Сразу же после их выселения Совнарком СССР 9 марта 1941 г. принял постановление, которым обязал Совнарком Дагестанской АССР в срок до 15 апреля 1944 г. переселить в бывшие чеченские колхозы районов, включенных в состав ДАССР, 5000 хозяйств.

Во исполнение постановления Совнаркома СССР было принято совместное постановление Совнаркома ДАССР и бюро Дагестанского обкома

партии (15 марта 1944 г.). Руководители республики решили проявить заботу о малоземельных горцах, в то же время отличиться перед руководством страны и приняли более завышенные задания – были утверждены разрядки на переселение в Чечню до 15 апреля 6300 дагестанских хозяйств и 2-й очереди – еще 2860 хозяйств. Но и эти задания были перевыполнены, и всего было переселено с 15 апреля до 10 мая 1941 г. около 13000 хозяйств⁷⁷³.

Но и этого показалось мало. 12 октября и 4 ноября 1944 г. были приняты новые постановления советско-партийных органов республики о дополнительном переселении в Чечню еще 6410 хозяйств⁷⁷⁴. Почти 20 тыс. хозяйств (примерно 100 тыс. человек) этими переселениями на какое-то время были оторваны от активной хозяйственной и общественно-политической жизни республики. Не успели они там достаточно основательно обустроиться, как им пришлось вернуться обратно в Дагестан.

В этой напряженной обстановке, когда республике одновременно приходилось заниматься и решать вопросы, связанные с обустройством эвакуированного населения и их реэвакуацией, переселением такой большой массы малоземельных хозяйств и за такие кратчайшие сроки, требовались большая ответственность и высокая организованность. Все это было достигнуто благодаря напряженной организаторской работе партийных, советских и общественных организаций, добивавшихся выполнения поставленной задачи не только идеологическими средствами, но и путем применения административных методов.

Депортация отдельных народов, массовые выселения и переселения людей не являлись чисто организационной задачей, они преследовали и политические цели, которые, как видно по прошествии лет, не достигли того, чего добивались. Впоследствии пришлось разрешить вернуться всем депортированным и выселенным на прежнее местожительство. Но такие ошибки, тяжело отразившиеся на людских судьбах, даже после их признания и исправления так легко не забываются и не прощаются. Очевидно, что политические проблемы легче и правильнее решать без применения жестких и крайних мер.

Титанические усилия партийных, советских и общественных организаций СССР были направлены на перестройку народного хозяйства на военный лад, налаживание бесперебойной работы промышленности и сельского хозяйства, эвакуацию огромного числа крупных предприятий в глубь страны, на Восток, обеспечение морально-политического единства всех советских народов. Организующей и направляющей силой всей этой многогранной работы, протекавшей в крайне тяжелых условиях, при оккупации немецкими войсками значительной, экономически развитой части европейской территории страны, выступала Коммунистическая партия.

Республиканские и региональные партийные организации страны были как звенья в единой цепи Коммунистической партии, целеустремленно и безотлагательно выполнявшие поставленные партией задачи по защите Отечества. В годы войны партийные организации Дагестана изменили формы и методы агитационно-массовой работы. Вместо скучных, затяжных собраний

стали проводиться короткие, как летучки, но эмоционально насыщенные митинги, на которых с яркими и преисполненными гневом и ненависти к врагу речами выступали коммунисты, комсомольцы и беспартийные.

По инициативе и при активном участии партийных организаций проводились многочисленные массовые мероприятия трудящихся. Особенно огромное патриотическое воздействие на население оказали антифашистские митинги трудящихся и молодежи, проведенные в городах Владикавказе, Грозном и Махачкале. Вдохновляющие молодежь на подвиги слова звучали и на собраниях старейших горцев, ветеранов Гражданской войны, проведенных в Махачкале и районах республики. Агитационно-массовая работа осуществлялась на предприятиях, в колхозах, учреждениях, квартальных комитетах, клубах и организациях, что позволяло охватить все слои населения.

Наиболее важнейшие задачи партийных организаций республики рассматривались на заседаниях и пленумах Дагестанского областного комитета партии. Только в одном 1943 г. состоялись XVI, XVII, XVIII и XIX пленумы Дагестанского обкома ВКП(б), на которых были обсуждены вопросы партийно-организационной, массово-политической, идеологической и хозяйственной работы и по ним принимались соответствующие решения⁷⁷⁵.

Однако коммунисты не только силой слова поднимали трудящихся на борьбу с врагом, но и личным примером. Они одними из первых подавали заявления о призыве их на фронт в действующую Красную Армию. С июля и по 1 апреля 1943 г. в армию ушли 7786 коммунистов⁷⁷⁶.

Оставшиеся в тылу коммунисты трудились на самых важнейших участках промышленного и сельскохозяйственного производства, транспорта и строительства. Видимо, труднее и тяжелее участка, чем строительство оборонительных рубежей, в годы войны не было, когда мобилизованные на оборонительные работы люди вынуждены были днями и месяцами, в дождь и холод трудиться в открытом всем ветрам поле. На таких стройках работали 1371 коммунист и 1072 комсомолец. 30 секретарей райкомов партии были командирами батальонов и рот. Комиссарами 40 батальонов были также коммунисты⁷⁷⁷. На фронте и в тылу коммунисты были в первых рядах тех, кто защищал страну и обеспечивал армию всем необходимым.

Война и военная обстановка выдвинули новые требования к Советам и их исполнительным органам. Все свои силы Советы, как и партия, должны были направить на укрепление военной мощи страны, обеспечение фронта всем необходимым, решение задач, возникающих в связи с изменяющейся обстановкой военного времени.

По решению советского правительства при совнаркомах союзных и автономных республик и крайисполкомах на период войны были созданы отделы по учету и распределению рабочей силы. Они призваны были мобилизовать на работу в промышленность, строительство и транспорт тех, кто не был трудоустроен. Отдел по учету и распределению рабочей силы при СНК ДАССР имел своих уполномоченных при некоторых райисполкомах республики.

В начале 1942 г. был создан отдел СНК ДАССР по хозяйственному устройству эвакуированного населения, которого в республике было много в военные годы. С переходом к нормированному распределению продуктов и предметов первой необходимости было связано создание республиканского, городского и районных карточных бюро. В 1943 г. они перешли в ведение Наркомата торговли и торговых отделов исполкомов, и на их долю приходился большой объем работы⁷⁷⁸.

Советы и исполнительные органы заботились об улучшении условий труда и быта семей воинов армии и флота, обеспечении их пенсиями и пособиями, трудоустройстве и удовлетворении их материальных нужд. Под их особым вниманием были также вопросы о создании нормальных условий жизни и учебы детей фронтовиков. В годы войны в республике были открыты десятки детских домов и новых пришкольных интернатов, в которых содержались и воспитывались за государственный счет тысячи детей, оставшихся без родителей.

Значительные изменения произошли и в составе Советов всех уровней, связанные с уходом многих депутатов на фронт, однако новые выборы не проводились, поэтому приходилось ежегодно продлевать полномочия Советов и кооптировать в состав их исполнительных органов новых членов. Допускались нарушения сроков созыва сессий, заседаний исполкомов, многие комиссии бездействовали. В работе Советов происходило сужение демократии и развитие централистских тенденций. Даже в условиях военного времени принимались меры для повышения квалификации работников советского аппарата, для чего организовывались краткосрочные курсы, семинары, проводились кустовые совещания с обменом опытом работы. В 1943 г. через 3–6-месячные курсы партийно-советской работы прошли подготовку 270 человек, 100 человек окончили краткосрочные курсы председателей сельских Советов и 450 человек секретарей сельских Советов прошли семинарскую подготовку⁷⁷⁹.

Война наложила свой отпечаток и на деятельность профсоюзов. Все свои усилия профсоюзные организации Дагестана направляли на оказание всесторонней помощи фронту, укрепление производственной дисциплины, на развитие соревнования за своевременное выполнение народно-хозяйственных планов и заказов фронта. Однако в их работе были трудности: ослабление организационно-массовой и воспитательной работы, сокращение численности профсоюзов, нерегулярное проведение профсоюзных собраний и профсоюзных совещаний, как было в мирное время. Отметив эти и другие недостатки, бюро Дагобкома ВКП(б) (март 1943 г.) рекомендовало профсоюзным организациям активизировать работу и более активно привлекать в профсоюзы рабочих, которые не состояли в их рядах⁷⁸⁰.

Высокий патриотизм и преданность Родине продемонстрировали комсомольцы. На фронте и в тылу они были среди тех, кто героически сражался с врагами и самоотверженно трудился, показывая образцы высокопроизводительного труда. К октябрю 1942 г. в рядах Красной Армии воевали с врагом 7 тыс. комсомольцев из Дагестана. В 1943 г. в комсомольские органи-

зации республики обратилось свыше 10 тыс. комсомольцев с просьбой послать их на фронт⁷⁸¹.

Из-за ухода многих комсомольцев на войну их численность в составе Дагестанской областной комсомольской организации значительно поредела и сократилась, хотя в 1942 г. в ряды ВЛКСМ были приняты 2729 юношей и девушек. Если на 1 января 1940 г. комсомольцами и кандидатами в члены ВЛКСМ был 46991 человек, то на 1 января 1943 г. их численность сократилась до 21342 человек, или на 25649 человек. В последующие годы численность Дагестанской областной комсомольской организации стала расти.

Несмотря на сокращение численности своих рядов, комсомольские организации проявляли большую активность в общественной и политической жизни республики, были инициаторами многих починов, направленных на усиление своего вклада в победу над врагом. Особенно заметную роль комсомольские организации играли в жизни колхозного села. Почти в половине колхозов республики не было партийных организаций, и общественно-политической деятельностью в таких селениях приходилось заниматься комсомольским организациям. На 1 января 1941 г. в рядах комсомола было около 17 тыс. молодых колхозников⁷⁸². Многие из них ушли на фронт, а оставшиеся активно трудились на колхозном производстве, участвовали в строительстве оборонительных рубежей, в сборе теплых вещей и отправке на фронт подарков для воинов Красной Армии.

Победоносное завершение Великой Отечественной войны и огромная роль Советских Вооруженных Сил в разгроме милитаристской Японии показали всему миру, что Советский Союз сумел не только противостоять вероломно напавшей фашистской Германии и ее сателлитам, но и организовать мощный отпор врагу, сломать хребет считавшейся непобедимой гитлеровской армии, освободить от немецко-фашистских захватчиков свои территории и выполнить великую освободительную миссию в отношении народов Европы, попавших под фашистское иго. Победа Советского Союза в Великой Отечественной войне способствовала еще большему укреплению международного авторитета СССР и объединению вокруг него всех народов, боровшихся против империалистической агрессии.

§ 6. Общественно-политическая жизнь в послевоенные годы

После победы в Великой Отечественной войне советский народ получил возможность вновь приступить к мирному строительству. Но победа в войне досталась дорогой ценой – в ней погибли 27 млн. советских граждан, в основном взрослого мужского населения.

Страна понесла не только огромные людские потери, но и громадные материальные издержки, которых не имело ни одно государство в мире за всю историю человечества. Все лишения и потери советского народа были столь велики, что за рубежом многие сомневались в том, что СССР без помощи извне вряд ли сможет восстановить разрушенное хозяйство. Более то-

го, они рассчитывали, что трудности послевоенного времени породят у советских людей сомнения, неверие в собственные силы.

Наперекор таким предсказаниям советский народ проявил твердую волю идти по пути наращивания своего экономического могущества, восстановления за кратчайшие сроки народного хозяйства. Программа, направленная на послевоенное развитие страны, получила отражение в четвертом пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства на 1946–1950 гг.

Условия мирного времени потребовали перестройки внутривнутрипартийной жизни, ликвидации крайней централизации руководства, порожденных военной обстановкой, освобождения партийных организаций от несвойственных им административно-хозяйственных функций, повышения роли партийного актива, восстановления регулярности отчетов и выборов партийных органов. Большое внимание уделялось усилению массово-разъяснительной работы в связи с принятием пятилетнего плана по восстановлению и развитию народного хозяйства. Было принято специальное постановление ЦК ВКП(б) «Об агитационно-пропагандистской работе партийных организаций в связи с принятием закона о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 гг.»⁷⁸³.

Важную роль в идеологическом обеспечении выполнения заданий пятилетнего плана и мобилизации трудящихся на борьбу за восстановление народного хозяйства имели обращение ЦК ВКП(б) ко всем избирателям в связи с выборами в Верховный Совет СССР в 1946 г., а также предвыборные выступления руководителей партии и государства перед избирателями. В них были раскрыты радужные перспективы, которые открывало перед советским народом выполнение пятилетнего плана.

Перестройка хозяйственной жизни с учетом мирных условий, введение нормального трудового режима, отмена обязательных сверхурочных работ, предоставление рабочим и служащим ежегодных отпусков благоприятно влияли на общую политическую атмосферу и на трудовой настрой людей.

Однако наметившиеся реальные изменения в общественно-политической ситуации не снимали автоматически все проблемы, имевшие место в жизни общества. Оставалось еще немало трудностей, которые невозможно было устранить маневрированием волшебной палочки. Одной из таких проблем была картонная система, по которой и в 1946 г. продолжалось распределение продовольствия и промтоваров первой необходимости. Положение в стране, и в том числе и в Дагестане, усугубилось небывалой засухой 1946–1947 гг., когда многие, особенно в сельской местности, вынуждены были питаться лебедой или другими видами съедобных трав. Сохранялась большая разница между пайковыми, коммерческими и колхозно-рыночными ценами, ухудшавшимися и без того плохой рацион питания трудящихся.

Произошли изменения и в послевоенном мире. Вместо дружеских отношений союзников по антигитлеровской коалиции их развитие пошло в противоположном направлении. Советский Союз всерьез и надолго настраивался на мирное развитие, восстановление народного хозяйства, оказание

помощи зарубежным странам, сильно пострадавшим в годы войны от гитлеровцев и освобожденным Красной Армией. В силу союзнических отношений СССР, сам разоренный войной, помогал Польше, Восточной Германии, Венгрии, Румынии и другим восточно-европейским странам в восстановлении их экономики.

Политики США в поисках средств для мобилизации американского общества на поддержку силового глобалистского курса Вашингтона избрали другой курс – курс «холодной войны», начало которому было положено выступлением У. Черчилля в Фултоне (США) в марте 1946 г. И. Сталин не замедлил назвать его «поджигателем». С этого началась «холодная война» между двумя «сверхдержавами», втянувшая в свою орбиту противостояния и другие страны. Оно приняло невиданные в мировой истории масштабы гонки вооружений и привело к созданию двух военно-политических блоков⁷⁸⁴.

Несмотря на осложнение международной обстановки, Советский Союз упорно и настойчиво, без какой-либо поддержки извне продолжал свой созидательный труд по восстановлению народного хозяйства. Коммунистическая партия выдвинула перед трудящимися задачу выполнения пятилетки послевоенного восстановления народного хозяйства за 4 года. Эта была труднейшая задача, и она требовала активного участия всех трудящихся в ее выполнении.

Деятельность партийной и общественных организаций республики. Дагестанская партийная организация, насчитывающая в своих рядах в 1946 г. 17684 коммуниста, состоявших в 1135 первичных и 70 цеховых партийных организациях⁷⁸⁵, представляла серьезную политическую силу, способную решать большие задачи. Ей предстояло в соответствии с решениями ЦК ВКП(б) перестроить массово-политическую и идеологическую работу, направить творческие усилия народа на выполнение заданий пятилетки и дальнейший прогресс духовной жизни общества. В апреле 1946 г. бюро Дагобкома ВКП(б) приняло постановление, в котором партийным организациям предлагалось разъяснять трудящимся важнейшие задачи пятилетнего плана, активизировать их участие в его выполнении. Эта работа рассматривалась как составная часть агитационно-пропагандистской деятельности партии на предстоящий период⁷⁸⁶.

Главный фактор в мобилизации трудящихся масс на выполнение планов партийные организации видели в организации социалистического соревнования. Оно проводилось между коллективами предприятий, цехов, смен, колхозов, совхозов, бригадами, звеньями. При проведении этой работы партийные организации доходили до каждого рабочего, колхозника, инженерно-технических сотрудников, всех работников государственных учреждений.

Без внимания партийных организаций не оставались и вопросы развития технического прогресса, что серьезно влияло на увеличение производительности труда рабочих. Ее рост в 1947 г. по сравнению с 1946 г. составил 111%, а в 1948 г. по сравнению с 1947 г. – 116%. Для того времени темпы роста производительности труда были высокими⁷⁸⁷.

В более тяжелом положении находилось сельское хозяйство республики, усугубившемся в связи с засухой 1946 г. Важной вехой в усилении внимания партийных организаций развитию сельского хозяйства стал февральский (1947 г.) Пленум ЦК ВКП(б), который рассмотрел вопрос «О мерах подъема сельского хозяйства в послевоенный период». Вопросы о деятельности партийных организаций по восстановлению и развитию промышленности и сельского хозяйства рассматривались на бюро и секретариате Дагобкома ВКП(б), на совещаниях и семинарах. Совместными решениями республиканского руководства на постоянную работу в сельскую местность, на промышленные предприятия, в строительные и транспортные организации направлялись партийные и советские работники, специалисты народного хозяйства. К сентябрю 1947 г. в колхозы, совхозы, МТС и промышленные предприятия из городов и республиканских учреждений было направлено свыше 500 опытных партийных, инженерно-технических работников и специалистов сельского хозяйства⁷⁸⁸.

Принимались меры и для укрепления первичных партийных организаций, улучшения их работы. На должности секретарей в выборные органы партийных организаций были рекомендованы демобилизованные воины, прошедшие не только суровую школу войны, но и знакомые с партийно-политической работой.

По инициативе Дагестанского обкома партии, обратившего внимание на серьезное отставание животноводства, в 1949 г. был принят трехлетний план развития общественного животноводства на 1949–1951 гг. Состояние и ход выполнения этого плана были предметом неоднократного обсуждения на пленумах, бюро Дагобкома, горкомов и райкомов ВКП(б), на собраниях первичных партийных организаций. Такое внимание дало положительные результаты. Уже к концу 1949 г. поголовье овец в республике увеличилось по сравнению с 1940 г. на 66% и составило 3 млн. голов. План по увеличению поголовья крупного рогатого скота также был выполнен.

За успехи в развитии сельского хозяйства большая группа тружеников сельского хозяйства республики в 1947 г. была отмечена правительственными наградами. Из них две женщины – звеньевая колхоза им. Ленина Сергокалинского района Х. Магомедова, собравшая по 42, 7 ц пшеницы с га на площади 9 га, и мастер высоких урожаев винограда из Дербентского района Г. Давыдова, которые удостоились звания Героя Социалистического Труда.

Успехи сельского хозяйства позволили в конце 1947 г. отменить карточную систему. Одновременно была проведена денежная реформа, направленная на укрепление курса рубля. В 1947–1950 гг. трижды снижались цены на товары. Постепенно уменьшалось налоговое обложение населения. Росли фонды, выделяемые на социальное страхование, организацию лечения и отдых трудящихся. Эти меры свидетельствовали о том, что советский народ за короткий срок залечил раны, нанесенные войной, и добился успехов в хозяйственном, государственном и культурном строительстве⁷⁸⁹.

Достижения могли быть еще большими, если бы не трудности как внутреннего, так и международного плана. В 1946 г. страну постигла засуха, какой не было полвека. Она уничтожила посевы и всходы на огромной территории РСФСР, на Украине, в Молдавии, Дагестане и в других районах. Валовой сбор зерна оказался значительно меньшим, чем в довоенном 1940 г.⁷⁹⁰

Несмотря на эти трудности, чтобы обезопасить себя от атомного шантажа агрессивных кругов США, использовавших свою атомную бомбу в войне против Японии, Советский Союз вынужден был отвлекать значительные средства и силы на срочное создание своего атомного оружия, которое испытал в 1949 г.

В то же время стране было нелегко выделять крупные капитальные вложения на восстановление и развитие промышленности и сельского хозяйства и одновременно направлять большие средства на развитие жилого фонда, на улучшение материального благосостояния трудящихся. Многие из этого приходилось откладывать на будущее. Однако миллионы фронтовиков, прошагавшие пол-Европы и дошедшие до Берлина, познакомившись там, особенно в Германии, с более высоким, чем у себя на Родине, уровнем жизни и вернувшись с фронта победителями, не хотели ждать и надеялись на улучшение своих жизненных условий. Правительство пошло на ежегодное снижение цен и приняло ряд других мер по облегчению их положения, что было встречено трудящимися с одобрением и пониманием.

Меры по дальнейшему улучшению социально-экономического положения были намечены и в новом пятилетнем плане развития СССР на 1951–1955 гг. Проект директив ЦК ВКП(б) «Директивы XIX съезда партии по пятому пятилетнему плану развития СССР на 1951–1955 гг.» и проект ЦК ВКП(б) «Текст нового устава партии» были обсуждены, наряду с отчетами обкома ВКП(б) и ревизионной комиссии на XX Дагестанской областной партийной конференции, состоявшейся 20–22 сентября 1952 г.

Ко времени проведения конференции численный состав областной партийной организации вырос почти до 25 тыс. членов и кандидатов в члены партии⁷⁹¹. Партийную организацию республики в эти годы возглавлял А. Д. Даниялов, заменивший переведенного в 1948 г. на работу в ЦК ВКП(б) А. М. Алиева.

5–14 октября 1952 г. прошел XIX съезд партии, который утвердил «Директивы по пятому пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1951–1955 гг.», в которых наряду с развитием промышленности и сельского хозяйства была намечена широкая программа повышения материального благосостояния и культурного уровня населения. Съезд принял решение о новом названии партии. Вместо Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) она стала именоваться Коммунистическая партия Советского Союза.

В современной исторической литературе о XIX съезде КПСС вообще не упоминается, а если и упоминается, то ограничиваются лишь трафаретным перечислением даты его проведения и вопросов, которые были рассмотрены на нем. Однако съезд требует большего внимания, ведь это был

первый партийный съезд, проведенный после долгого перерыва, через тринадцать с половиной лет, прошедших после XVIII съезда партии. За эти годы в мире произошли огромные изменения. Советский Союз вышел победителем в борьбе с германским фашизмом. Разоренная страна быстро восстановила народное хозяйство и обеспечила высокие темпы его развития, повышение материального благосостояния и культурного уровня советского народа. В мире появились страны демократической ориентации, сплотившиеся вокруг Советского Союза.

Победа в Великой Отечественной войне и послевоенные успехи связывались с именем И. Сталина. Но в 1952 г. ему шел 73-й год, и он над этим, видимо, раздумывал. Не случайно в своем выступлении на пленуме ЦК КПСС, состоявшемся после XIX съезда партии, И.В. Сталин неожиданно для присутствующих напомнил о своей старости и что он не в состоянии исполнять одновременно обязанности Председателя Совета Министров, вести, как и прежде, заседания Политбюро и еще в качестве Генерального секретаря вести заседания Секретариата ЦК. Как позднее писал в своих воспоминаниях писатель К. Симонов⁷⁹², избранный кандидатом в члены ЦК КПСС и присутствовавший на этом заседании, И. Сталин заявил, что он стар и не может нести еще третьи обязанности. Он просил отпустить его с поста Генерального секретаря, но зал загодел: «Нет! Нельзя! Просим остаться! Просим взять свою просьбу обратно!».

И он остался, остался до своей смерти, последовавшей менее чем через полгода, 5 марта 1953 г. Смерть И.В. Сталина, Генерального секретаря ЦК КПСС и Председателя Совета Министров СССР, долгие годы руководившего страной и сосредоточившего в своих руках огромную власть, была воспринята многими как тяжелая потеря, ведь все успехи страны люди связывали с его именем, как об этом писал К. Симонов: «... почти все в нашем представлении шло от него и покрывалось его именем»⁷⁹³. Им казалось, как же жить без него, не породит ли смерть «отца народов», каким он представлялся и внедрялся в сознание трудящихся официальной пропагандой, колебания и неуверенность, что отразится на поступательном развитии страны.

Однако Коммунистическая партия не только не проявила колебаний, а уверенно продолжала вести страну к новым успехам. На второй день после смерти Генсека, 6 марта, было создано совместное заседание ЦК КПСС, Совета Министров СССР и Президиума Верховного Совета СССР. Были приняты решения о внесении изменений в структуру ЦК КПСС и Совета Министров СССР, перемещении некоторых руководящих работников в центральных партийных, правительственных и общественных органах. Партия и советский народ призывались к еще большей сплоченности и усилению борьбы за дальнейший подъем всех отраслей народного хозяйства⁷⁹⁴.

Партия не только продемонстрировала свою монолитность и уверенность в социалистическом развитии страны, но и повела решительную борьбу с нарушениями социалистической законности. Этот вопрос был более подробно рассмотрен на июльском (1953 г.) Пленуме ЦК КПСС. За действия, направленные на подрыв Советского государства, со всех постов был снят и

исключен из рядов партии Берия. Из партии были исключены и его ближайшие сообщники. Их дела были рассмотрены на специальном судебном присутствии Верховного суда СССР, и они были приговорены к расстрелу⁷⁹⁵. Однако, несмотря на такую официальную информацию, в народе широко были распространены слухи о том, что никакого суда над Берия не состоялось и он был арестован во время заседания в Кремле и тут же расстрелян.

Пленум ЦК КПСС подверг решительной критике недостатки в жизни партии и методы партийного руководства и потребовал устранить все отрицательные явления, порожденные условиями культа личности. На пленуме подчеркивалось, что партийные организации должны усилить руководство всеми звеньями государственного аппарата, подвергать регулярной проверке работу всех организаций и ведомств, контролировать действия каждого работника, какой бы пост он ни занимал.

Руководствуясь решениями Пленума, Центральный Комитет осуществил ряд мер, направленных на соблюдение социалистической законности во всех областях жизни. Большая работа была проведена по проверке ряда крупных судебных дел, по которым были приговорены к высшей мере наказания целые группы видных партийных, государственных, хозяйственных, комсомольских и военных работников. После тщательной проверки их начали реабилитировать. В 1954–1961 гг. было реабилитировано 737182 человека⁷⁹⁶. Этими решениями партия продемонстрировала свою сплоченность и то, что она пользуется поддержкой трудящихся масс.

ЦК КПСС стал уделять больше внимания работе местных организаций, положению дел в них. В 1954 и 1957 гг., по отчетам Дагестанского обкома партии, ЦК КПСС принял решения об улучшении организаторской и идеологической работы в областной партийной организации. В этих решениях были отмечены серьезные недостатки в работе обкома партии. В частности, обращалось внимание на то, что бюро Дагобкома партии не всегда принципиально реагирует на неблагоприятное положение, которое складывалось в ряде районных и городских партийных организаций, а также на неправильное поведение отдельных партийных и советских руководителей. Указывалось также на недостатки в подборе кадров⁷⁹⁷.

Обкому партии рекомендовалось при подборе, расстановке и воспитании кадров отказаться от канцелярско-бюрократических методов и подходов. Обращалось внимание на улучшение работы созданной в 1947 г. решением ЦК ВКП(б) двухгодичной Дагестанской областной партийной школы, выпускники которой направлялись на работу секретарями горкомов и райкомов КПСС, заведующими отделами партийных комитетов, председателями исполкомов районных и городских Советов, их заместителями. В 1953 г. областная партшкола выпустила 147 человек. Партийные кадры для Дагестанской областной парторганизации готовились и через Высшую партийную школу и Академию общественных наук при ЦК КПСС. В 1953 г. в них обучалось более 40 слушателей из Дагестана.

Для идейно-политического воспитания кадров в республике была создана широкая сеть партийного просвещения, в которую в 50-е гг. входили

школы политграмоты, кружки по изучению истории партии, политической экономии, философии, районные партийные школы, университеты марксизма-ленинизма при горкомах партии. Последние были открыты начиная с 1945 г. в городах Махачкале, Дербенте, Хасавюрте, Буйнакске, Каспийске.

К 1950 г. в партийных организациях функционировали 513 политшкол, 336 кружков по изучению истории партии, 446 кружков по изучению биографии В.И. Ленина. К концу четвертой пятилетки партийной учебной работой охвачено около 14 тыс. коммунистов. В 1952/53 учебном году численность охваченных партийным просвещением увеличилась более чем до 40 тыс. человек.

Хорошим дополнением к партийной системе просвещения была сеть комсомольского политпросвещения. В 1949/50 учебном году в сети комсомольского просвещения функционировали 1420 кружков по изучению общественного и государственного устройства СССР, Устава ВЛКСМ, школы политграмоты, кружки по изучению биографии и истории с охватом более 19 тыс. комсомольцев.

Разнообразна была тематика лекционной пропаганды, которая проводилась как лекторскими группами Дагобкома партии, городских и районных партийных и комсомольских организаций, так и обществом «Знание». Они объединяли более 3 тыс. лекторов. Если в 1948 г. в республике было прочитано 16 тыс. лекций с охватом 2 млн. человек, то в 1949 г. количество лекций увеличилось до 31740, и их прослушали свыше 3 млн. человек⁷⁹⁸.

Свою лепту в идеологическую работу вносил Институт истории партии при Дагестанском обкоме партии – филиал Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Он осуществлял переводы работ К. Маркса, Ф. Энгельса и В. Ленина, решений партии, включенных в многотомник «КПСС в резолюциях...» на дагестанские языки: аварский, даргинский, кумыкский, лакский и лезгинский языки⁷⁹⁹. Кроме того, Институт успел подготовить и издать немало статей по истории Дагестанской областной партийной организации.

Коммунистическая партия большое значение придавала пропаганде марксистско-ленинских идей не только среди трудящихся нашей страны, но и мирового сообщества. Хотя влияние этих идей ныне пытаются и вовсе отрицать, но надо признать, что они играли положительную роль в укреплении стабильности в обществе, в развитии мирового сообщества. Идеи, овладевшие массой, становились производительной силой.

В связи с новым названием партии, утвержденным XIX съездом, Центральным Комитетом партии было принято решение об обмене партийных документов коммунистов. Для партийных организаций были установлены разные сроки его проведения. В Дагестане такой обмен был произведен в 1954 г. На 1 января 1955 г. в Дагестанской областной организации КПСС было обменено 24238 партбилетов и 1211 кандидатских карточек⁸⁰⁰. Обмен проходил при высокой активности коммунистов, широко освещался в средствах массовой информации, к его проведению было приковано внимание партийных организаций. Путем обмена партийных документов партия доби-

валась повышения политической ответственности коммунистов, наведения строгого порядка в партийных рядах.

Однако недостатки были не только в партийной сфере, но и в партийном руководстве развитием народного хозяйства, о чем свидетельствовали поступающие с мест сигналы в ЦК КПСС. Это побудило Центральный Комитет партии направить в июне 1954 г. бригаду для проверки деятельности Дагестанской областной партийной организации, откуда также поступали такие сигналы. В ходе проверки были выявлены серьезные недостатки в партийном руководстве развитием сельского хозяйства. Были проблемы и во взаимоотношениях между партийным и советским руководством республики, мешавшие нормальной и стабильной работе.

Результаты инспекторской проверки были рассмотрены в ЦК КПСС с приглашением всех членов бюро Дагестанского обкома партии. Внесение в ЦК КПСС такого вопроса и его рассмотрение были связаны с крупными недостатками в руководстве народным хозяйством, в стиле и методах работы бюро Дагобкома КПСС и Совета Министров республики, которые были выявлены проверкой и вызвали беспокойство и озабоченность ЦК КПСС.

Деятельность Дагестанского обкома партии по развитию сельского хозяйства и культуры, по работе с кадрами, постановке идеологической работы были подвергнуты Центральным Комитетом резкой критике. Дагестанскому обкому было поручено провести пленум и в обстановке острой критики недостатков, болезненных явлений и пороков, имевших место в партийном и советском руководстве, всесторонне обсудить положение дел в республике. 3 июля 1954 г. состоялся пленум Дагестанского обкома партии, на котором с докладом «О положении дел в Дагестанской партийной организации» выступил первый секретарь обкома партии А.Д. Даниялов⁸⁰¹.

Коммунисты республики не ограничились рассмотрением указанных в постановлении ЦК КПСС недостатков в деятельности областной партийной организации на пленуме обкома партии, в узком, так сказать, партийном кругу, а вынесли их и на отчетно-выборные собрания, на XXIII Дагестанскую областную партийную конференцию, состоявшуюся в 1955 г. Во второй половине 1955 г. отчетно-выборные собрания прошли в 1721 первичной партийной организации. Из присутствовавших на собраниях 22,3 тыс. коммунистов в прениях выступили 11530, или 50%⁸⁰², что свидетельствовало о высокой их активности.

Собрания проходили с большой деловитостью, на них подвергались резкой критике те руководители, которые не выполняли своих прямых обязанностей, допускали нарушения законов, не соблюдали государственную дисциплину, проявляли пренебрежительное и бюрократическое отношение к правам граждан. Такие обсуждения способствовали усилению борьбы с нарушениями и укреплению социалистической законности.

Большое значение придавала партия вовлечению комсомольцев и молодежи в общественно-политическую жизнь. О высоком авторитете комсомола среди молодежи свидетельствовал тот факт, что в суровые годы войны в ряды ВЛКСМ вступили 27 тыс. юношей и девушек республики⁸⁰³. В рядах

Дагестанской областной комсомольской организации на 1 января 1946 г. насчитывался 30831 комсомолец⁸⁰⁴. Это была такая сила, которая могла играть значительную роль в решении народнохозяйственных и культурных задач, если ее правильно использовать.

Дагестанский обком партии обращал постоянное внимание повышению уровня партийного руководства комсомольскими организациями. В 1946 г. на бюро обкома партии были обсуждены отчеты Магарамкентского и Гумбетовского райкомов партии по руководству работой комсомольских организаций⁸⁰⁵. При таких обсуждениях шел острый спрос за положение дел в комсомольских организациях, воспитание молодежи на трудовых и героических традициях дагестанских народов, вовлечение молодежи в восстановление народного хозяйства.

Юноши и девушки трудились на решающих участках восстановления промышленного и сельскохозяйственного производства не только в республике, но и в тех регионах, которые были под оккупацией и в которых были разрушены крупнейшие народнохозяйственные объекты союзного значения. Комсомольцы селения Гели Карабудахкентского района призвали молодежь республики принять участие в восстановлении Сталинградского тракторного завода и сами решили участвовать в восстановлении одного из цехов завода. Призыв гелинцев был поддержан бюро Дагестанского обкома комсомола, и 250 юношей и девушек Дагестана выехали в Сталинград⁸⁰⁶.

Комсомольцы Дагестана участвовали в те годы и в восстановлении и строительстве крупных промышленных предприятий и угольных шахт. Но им хватало работы в промышленности и сельском хозяйстве республики. И многие из них выступали заповедями в производстве. На заводе им. М. Гаджиева были созданы комсомольско-молодежные бригады слесарей, токарей и других специалистов массовой квалификации, выполнявших производственные нормы на 200–300%. Комсомольская бригада поезда Махачкала-Дербент, применяя передовые методы ухода за подвижным составом, удостоилась звания бригады отличного качества. Из 93 комсомольско-молодежных бригад предприятий города Махачкалы 40 выпускали продукцию только отличного качества.

В республике как в промышленности, так и в сельском хозяйстве работали 300 комсомольско-молодежных бригад и 1240 звеньев. Свыше 850 комсомольцев и молодых рабочих досрочно завершили выполнение своих пятилетних заданий⁸⁰⁷.

Самоотверженный труд комсомольцев, широкая пропаганда их достижений становились вдохновляющим примером для несоюзной молодежи. Многие из них изъявляли желание вступить в ряды ВЛКСМ. Этим прежде всего объясняется бурный рост рядов Дагестанской комсомольской организации. С 30831 комсомольца в 1946 г. ее численность увеличилась до 77402 комсомольцев в 1955 г.⁸⁰⁸, или более чем в 2,5 раза.

Заметную роль среди рабочих и в целом в общественной жизни республики играли профессиональные союзы республики, в рядах которых к январю 1949 г. насчитывалось 69500 членов. Дагестанские профессиональные

союзы (Дагсовпроф) объединяли 19 обкомов союзов рабочих и служащих: работников начальных и средних школ, госучреждений, рыбиников, медроботников, политпросветучреждений, полиграфии и печати, пищевой промышленности, высшей школы, потребкооперации, госторговли, местной промышленности, работников искусства, коммунального хозяйства, МТС и земорганов, связи, нефтяников, финбанковских работников, работников леса и сплава, райпрофсоюза и др.⁸⁰⁹

Из названий обкомов профсоюзов просматривается круг вопросов, которыми им приходилось заниматься. X съезд профессиональных союзов СССР, состоявшийся 19–27 апреля 1949 г., определил основные направления деятельности профсоюзов страны. Профсоюз Дагестана считал одной из своих важных задач организацию социалистического соревнования трудящихся, стимулирующего их на самоотверженный труд по быстрейшему восстановлению народного хозяйства, и выполнение пятилетнего плана. Они возглавили социалистическое соревнование, развернувшееся накануне и после X съезда профсоюзов. На заседании президиума Дагсовпрофа была обсуждена работа заводком ряда предприятий по организации соревнования. Коллектив стеклозавода «Дагестанские огни», добившийся хороших трудовых результатов (перевыполнение плана 1948 г. и получение сверхплановой продукции в 948 тыс. руб.), был отмечен президиумом среди передовых.

На другом заседании президиума Дагсовпрофа был рассмотрен вопрос о руководстве заводским комитетом профсоюза Махачкалинского рыбоконсервного комбината социалистическим соревнованием. Коллектив комбината стал на трудовую вахту в честь X съезда профсоюзов и добился неплохих результатов. Этому способствовали и заводской и цеховые комитеты комбината, которые еженедельно обсуждали итоги соревнования на своих заседаниях и вывешивали их показатели в цехах. Была учреждена Книга почта, куда заносились имена передовиков, выполнивших пятилетние планы. Производительность труда на предприятии в первом квартале 1949 г. повысилась на 31%, себестоимость продукции была снижена на 4,2%.

С хорошими успехами к съезду пришел коллектив и другого крупного предприятия – фабрики им. III Интернационала. Апрельский план по выпуску валовой продукции был выполнен фабрикой за 15 дней на 110, 5%. Сверх полумесячной нормы было выработано 67,3 тыс. м ткани, 1200 кг пряжи, 680 кг ваты⁸¹⁰.

Различные формы соревнования инициировались и организовывались профсоюзами республики и в последующие годы. Кроме проведения соцсоревнования, X съезд наметил меры по усилению и укреплению связей профсоюзов с рабочими и служащими, улучшению условий труда и их материально-бытового положения, повышению культурно-технического уровня.

Профсоюзные организации с помощью инспекторов по охране труда осуществляли контроль над соблюдением хозяйственными органами законодательства по охране труда. Такой контроль не сводился к проверке состояния охраны труда на том или другом предприятии, а сопровождался оказанием им помощи. Комиссии охраны труда помогали предприятиям в разработке

планов по технике безопасности и улучшению условий труда на производстве, проверяли использование денежных средств, отпускаемых государством на эти цели, добивались соблюдения хозяйственными руководителями законодательства о рабочем времени, о выходных днях, об отпусках, об охране труда женщин и молодежи.

Профсоюзные организации практиковали проведение на предприятиях общественных смотров состояния охраны труда и техники безопасности. Такие смотры позволяли выявлять недостатки в решении вопросов, связанных с охраной труда. Смотры были хороши и тем, что смотровые комиссии, созданные при их проведении, вносили десятки предложений по устранению отмеченных недостатков.

С 1957 г. было возобновлено ежегодное заключение коллективных договоров. Они охватывали все стороны производственной деятельности предприятий и их отношений с коллективом, а также вопросы труда и быта рабочих и служащих, их жилищных условий.

Большую роль в улучшении материально-бытовых условий работников предприятий и учреждений сыграло то, что по настоянию профсоюзов государственные органы стали выделять трудящимся участки для развития коллективного и индивидуального огородничества, садоводства и животноводства. В 1950–1951 гг. при содействии профсоюзов более 10 тыс. рабочих и служащих получили участки под индивидуальные огороды. С помощью государственного кредита 8,5 тыс. рабочих и служащих обзавелись скотом. Многие стали заниматься садоводством и овощеводством. Все это принесло дополнительный доход в семейный бюджет рабочих и служащих⁸¹¹.

В 1955 г. ВЦСПС утвердил новые условия Всесоюзного и республиканского социалистического соревнования, которые предусматривали внедрение рационализаторских предложений и мероприятий по охране труда. При подведении итогов соревнования учитывалось не только выполнение предприятием производственного плана, но и планов жилищно-бытового и культурного строительства.

Все это активизировало социалистическое соревнование, способствовало выполнению планов. Промышленность Дагестана пятилетний план выполнила к 1 декабря 1955 г.⁸¹² До конца года было выработано сверхплановой продукции более чем на 80 млн. руб. К концу пятой пятилетки валовая продукция всей промышленности составила 169 % к 1950 гг.⁸¹³

Партийные и общественные организации республики под своим постоянным вниманием держали вопросы повышения общественно-политической и трудовой активности женщин. В военные и послевоенные годы значительно выросла трудовая активность женщин. В годы войны многих мужчин, ушедших на фронт, во всех сферах народного хозяйства заменили женщины. И после войны они продолжали трудиться, и все новые поколения женщин по стопам своих предшественниц вступали в хозяйственную деятельность и занимали там все более высокий удельный вес. В 1949 г. 38,7% общего количества рабочих промышленных предприятий и промышленных артелей составляли женщины. Половину всех тружеников сельскохо-

зяйственного производства также составляли женщины. Депутатами Верховного Совета СССР, РСФСР и ДАССР были избраны 42 женщины, депутатами местных советов – 2695 женщин. Более 4000 женщин работали учителями, врачами, агрономами, инженерами и по другим специальностям⁸¹⁴.

Для активизации работы с женщинами по решению ЦК КПСС в Дагестане был введен институт женорганов партийных комитетов, а в первичных парторганизациях выделялись общественные женорганизаторы. Во всех районах партии функционировали отделы по работе среди женщин. В комсомоле также создавались такие женские структуры. Все они проводили большую работу среди женщин, активизируя их участие в общественно-политической жизни и трудовой деятельности.

Выборы в Советы всех уровней. Общественная жизнь особенно активизировалась в период проведения избирательных кампаний по выборам в Советы всех уровней. В период проведения выборов в Верховный Совет РСФСР и Верховный Совет ДАССР для проведения агитационно-массовой работы среди избирателей были привлечены 13 тыс. агитаторов. Различными формами массово-политической работы были охвачены все слои населения. Для интересующихся Положением о выборах были созданы 6 тыс. кружков. В предвыборных митингах и собраниях приняли участие более 223 тыс. трудящихся. На избирательных участках было создано 847 агитпунктов. Были выделены 136 ответственных уполномоченных обкома партии, около 300 лекторов проводили лекционно-массовую работу. В театрах, клубах, домах культуры для избирателей организовывались театральные постановки, концерты, вечера. Массовыми тиражами издавались выборная литература, плакаты, биографии кандидатов в депутаты.

Избиратели под напором такой массивной предвыборной агитации и подгоняемые своими агитаторами активно участвовали в выборах, кто охотно, а кто чтобы лишь отвязаться. Уровень участия на выборах республиканских и местных Советов бывал высоким. В 1947 г. на выборы явились и приняли участие 99,5% избирателей. Также активно участвовали избиратели и в выборах в 1955 г. На проведение агитационно-массовой работы были подобраны 20 тыс. агитаторов. Они обходили все дома и квартиры, доходили до каждого избирателя⁸¹⁵. Лекции и беседы агитаторов, их настойчивые просьбы явиться на выборы, обещания решить вопросы по улучшению материально-бытовых условий избирателей, которые они ставили на предвыборных собраниях и встречах с кандидатами в депутаты, индивидуальные беседы с недовольными и выражающими нежелание участвовать в выборах, боязнь репрессий, подгонка итогов голосования под общий знаменатель, стабильная политическая ситуация в стране, доверие основной массы граждан к советской власти, проведение выборов в праздничной обстановке – все это обеспечивало высокую активность избирателей. На выборах 1955 г. в голосовании приняло участие почти сто процентов избирателей – 99,99%. За кандидатов в депутаты РСФСР отдали свои голоса 99,98%, в Верховный Совет ДАССР – 99,82% и за кандидатов в депутаты местных Советов – 99,92%⁸¹⁶.

На практике вряд ли возможно достичь таких бесподобно высоких результатов, но если судить по официальным данным, то они становились реальностью благодаря, как тогда принято было писать, мудрому руководству Коммунистической партии. Остается только гадать, как все-таки удавалось добиться таких фантастических результатов, какие механизмы приводили к этим поразительным политическим итогам – эти вопросы ждут еще своих исследователей.

Улучшению общей политической ситуации способствовало и проведение испытанных еще в Древнем Риме культурно-развлекательных мероприятий, которые больше всего проводились, притом бесплатно, в праздничные дни. В июле 1950 г. было принято решение ЦК КПСС о проведении празднования 30-летия автономии Дагестана. Центральный Комитет партии и Совет Министров СССР обратились к трудящимся республики с приветствием. В связи с юбилеем и за успехи, достигнутые в развитии промышленности, сельского хозяйства, науки, культуры и искусства, Президиум Верховного Совета СССР наградил орденами и медалями большую группу работников Дагестана⁸¹⁷. Отмечались юбилеи в республике как большой праздник. Были проведены концерты, праздничные представления и другие мероприятия.

В условиях холодной войны связи Советской страны с западным миром были сведены к максимально возможному минимуму. Прежде всего это касалось национальных регионов, которые чувствовали себя как за глухим забором, не имея каких-либо зарубежных контактов, предвестником возможного налаживания которых с зарубежными странами стало создание в Дагестане комиссии содействия Советскому комитету защиты мира, в которую вошли известные представители республики. Весной 1955 г. в Дагестане был проведен сбор подписей под Обращением Всемирного Совета мира против подготовки атомной войны. Это был как бы первый международный акт, в котором общественность республики приняла активное участие⁸¹⁸.

Перемены стучались не только в международную, но и во внутривнутриполитическую жизнь страны. На XX съезде партии (14–25 февраля 1956 г.) был заслушан и обсужден отчет ЦК КПСС (докладчик первый секретарь ЦК КПСС Н.С. Хрущев), утверждены Директивы по шестому пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1956–1960 гг. (докладчик Председатель Совета Министров СССР Н.А. Булганин), принято постановление о частичных изменениях в Уставе КПСС. Как повелось, съезд единогласно принял резолюцию, в которой целиком и полностью одобрил политическую линию и практическую деятельность ЦК КПСС и определил задачи партии во всех областях коммунистического строительства⁸¹⁹.

Однако в проведении съезда было допущено отступление от обычной практики проведения подобных форумов в советские годы. На обсуждение съезда был внесен незаявленный заранее доклад Н.С. Хрущева «О культе личности и его последствиях», по которому поспешно, но тем не менее единогласно была принята резолюция, обязывающая ЦК КПСС «последовательно осуществлять мероприятия, обеспечивающие полное преодоление чуждо-марксизму-ленинизму культа личности...»⁸²⁰.

Однако ни в партии, ни в обществе такого единодушия по этому вопросу не было. Докладчик фактически перечеркнул всю деятельность И. Сталина, руководившего партией и страной 30 лет, тем самым подорвав огромный авторитет, которым партия пользовалась в стране и за рубежом. Буржуазная печать капиталистических стран, используя приведенные в докладе факты, связанные с осуждением культа личности И. Сталина, развернула шумную антисоветскую кампанию. ЦК КПСС поторопился как-то смягчить произведенное на мировую общественность отрицательное впечатление о партии и ее деятельности и 30 июня 1956 г. принял постановление «О преодолении культа личности и его последствий», в котором были охарактеризованы условия и причины, породившие это явление. В то же время ЦК КПСС констатировал, «что обсуждение в партийных организациях и на общих собраниях трудящихся вопроса о культе личности и его последствиях прошло при большой активности членов партии и беспартийных и что линия ЦК КПСС нашла в партии и народе полное одобрение и поддержку»⁸²¹.

Однако такого оптимистического восприятия доклада о культе личности, каким его хотелось видеть Центральному Комитету партии, ни у партии, ни у народа не было. Как известно, Н.С. Хрущев выступил с докладом на закрытом заседании съезда после обсуждения всех вопросов. После окончания съезда доклад был размножен и разослан в партийные организации. Его обсуждали, правильнее было бы сказать, зачитывали на собраниях коммунистов, комсомольцев и беспартийного актива. На этих собраниях и в студенческих общежитиях, коллективах предприятий, колхозов и учреждений спонтанно возникали острые дискуссии, проявлялось недовольство навязываемыми сверху решениями. Тем не менее партийным работникам, ответственным за проведение таких собраний, удавалось переломить ход обсуждений и добиться принятия угодных решений, в целом одобряющих линию ЦК КПСС. Все понимали, чем может обернуться несогласие.

Доклад Н. С. Хрущева о культе личности И.В. Сталина, внесенный им на закрытое заседание съезда, стал для его делегатов полной неожиданностью. Не только в стране, но и за рубежом в первое время не могли понять и осознать того, что происходило в стране, масштабы и характер репрессий, коснувшихся многих его граждан. Особенно тяжелое впечатление на международное рабочее и коммунистическое движение произвели факты, которые были приведены в докладе, рисующие совсем другой образ руководителя партии и Советского государства, чем его преподносила многие годы партийная пропаганда. Не успели еще на Западе ознакомиться с материалами XX съезда, как в октябре 1956 г. в Венгрии была предпринята попытка для свержения народно-демократического строя. Хотя это событие никак нельзя напрямую связывать с решениями съезда о критике культа личности И. Сталина, тем не менее здесь какая-то взаимосвязь просматривается. На совещании представителей коммунистических и рабочих партий социалистических стран (ноябрь 1957 г.) они вынуждены были признать, что «коммунистическое движение неизбежно встречается на своем пути с трудностями и извилинами»⁸²², которые пытаются использовать империалисты. Эту провалив-

шующая попытка совещание увязало с планами империалистов, направленными «на использование контрреволюционных сил для свержения народно-демократического строя в Венгрии»⁸²³.

Для этого была предпринята достаточно серьезная попытка. К концу октября в столице Венгрии стали проводиться многочисленные демонстрации с требованиями проведения свободных выборов, вывода из страны советских войск. Толпы людей захватили здание венгерского радио, снесли памятник Сталину и несли с собой антисоветские лозунги.

В соответствии с решением правительства СССР 23–24 октября 1956 г. в Венгрию были введены достаточно крупные силы советских войск в количестве 300 тыс. человек. Одной из этих частей, отличившихся в проведении этой операции, командовал полковник М. Танкаев, родом из Дагестана. Впоследствии он дослужился до высоких воинских чинов и звания генерал-полковника. Из Дагестана в этой операции участвовали 3, 5 тыс. человек. В Венгрии было ликвидировано выступление, носившее антисоциалистический характер, и восстановлен государственный строй, ориентированный на строительство социализма⁸²⁴.

Однако успешно проведенная акция не прибавила ни славы, ни авторитета Советскому Союзу и его руководителю Хрущеву. Можно сказать, на этом закончилась, если она и была, «хрущевская оттепель».

Критика И. Сталина неоднозначно была воспринята и в международном коммунистическом движении. Китайская компартия обсудила этот вопрос еще в апреле 1956 г. и считала, что правильное понимание ошибок Сталина и правильный подход к этим ошибкам является серьезным вопросом, влияющим на внутреннее развитие коммунистических партий многих стран, на общую борьбу коммунистических сил во всем мире против империализма⁸²⁵.

Наглядным подтверждением этому послужили и события в Венгрии, явившиеся, по мнению Китайской компартии, самым серьезным после агрессивной войны в Корее наступлением империализма на социалистический лагерь. Но и после того, «как происки, направленные на реставрацию контрреволюции в Венгрии, были отбиты, империалисты во главе с США навязали ООН резолюции, направленные против Советского Союза и представлявшие вмешательство во внутренние дела Венгрии, и одновременно раздули во всем западном мире бешеную антикоммунистическую кампанию»⁸²⁶.

Статья ценна тем, что она была опубликована в конце 1956 г., 29 декабря, в газете «Женьминьжибао» на основании обсуждения этого вопроса на Политбюро ЦК КПСС и после ряда серьезных событий в международном коммунистическом движении, опубликования в китайской прессе речи Тито от 11 ноября и комментариев коммунистических партий различных стран на эту речь, вызвавших у многих людей немало вопросов. Главное внимание в статье было уделено оценке Китайской компартией заслуг и ошибок Сталина, а также «оценке основного пути революции и строительства в Советском Союзе» ... «борьбе с догматизмом и ревизионизмом...» и «международной солидарности пролетариата всех стран»⁸²⁷.

Хотя усилия Коммунистической партии СССР по исправлению ошибок Сталина были высоко оценены Китайской компартией, вместе с тем она считала, что одновременно надо видеть и его положительную сторону. «Если ошибки Сталина сопоставить с его достижениями, то ошибки окажутся на втором месте», – утверждалось в статье⁸²⁸.

Это не могло в то время понравиться Н. Хрущеву, резкая антисталинская критика которого была воспринята отрицательно и многими в стране. Эти острые дискуссии между коммунистическими партиями двух великих держав положили начало их противостоянию, продолжавшемуся долгие годы.

Партия в первое время после XX съезда развернула большую работу, направленную на преодоление культа личности, она активизировала общественно-политическую и духовную жизнь в стране. Те руководители, которые стали на путь противостояния решениям XX съезда о культе личности в этом принципиальном для Н. Хрущева вопросе, уже примерявшего на себя фрак единичного лидера партии и страны, были отстранены от занимаемых должностей, несмотря на их прошлые заслуги. Пленум ЦК КПСС, состоявшийся в июне 1957 г., принял постановление «Об антипартийной группе Г.М. Маленкова, Л.М. Кагановича, В.М. Молотова», в котором отметил их ошибочную позицию по коренным вопросам внутренней политики партии, международного коммунистического движения и осудил их фракционную деятельность. Они и ряд других их сторонников были выведены из состава ЦК КПСС⁸²⁹.

На этих примерах коммунисты стали все больше замечать отход Н. С. Хрущева от провозглашенного еще до съезда курса на широкую демократизацию советского общества, появление у него «вождистских» тенденций, суждений и решений, не оставлявших надежд на продолжение «оттепели», как «демократы» окрестили первоначальный период реформ.

Несмотря на это, в партии еще оставалось доверие к Н.С. Хрущеву и реформы, осуществляемые под его руководством, привели к большим изменениям в жизни партии и страны. Все это порождало у людей ожидания, связанные с улучшением их материального благосостояния, потепления международных отношений, укрепления мира во всем мире. Эти ожидания как будто подкреплялись. В 1957 г. и 1960 г. были проведены международные совещания коммунистических и рабочих партий. В заявлении совещания коммунистических и рабочих партий 64 стран, состоявшегося в ноябре 1960 г., отмечалось: «Исторические решения XX съезда КПСС имеют не только великое значение для КПСС и коммунистического строительства в СССР, но и положили начало новому этапу в международном коммунистическом движении, способствовали его дальнейшему развитию на основе марксизма-ленинизма»⁸³⁰.

Общественно-политическая жизнь страны после XX съезда КПСС. Произошли изменения и в национальных отношениях внутри страны. Стали оправдываться надежды на возвращение депортированных народов. В ноябре 1956 г. и в январе 1957 г. ЦК КПСС принял постановления о реабили-

тации и восстановлении национальной автономии калмыцкого, карачаевско-го, балкарского, чеченского и ингушского народов⁸³¹.

Хотя Чечено-Ингушская АССР была восстановлена в 1957 г., однако некоторым категориям чеченского населения было разрешено возвращаться к прежним местам жительства еще в 1956 г.

С восстановлением в 1957 г. Чечено-Ингушской АССР началось массовое возвращение чеченцев. С 1957 г. по 1963 г. Дагестан принял и разместил 6389 семей чеченцев (28 тыс. человек). Их надо было не только разместить, но и трудоустроить. Они были размещены в Хасавюртовском, Новолакском, Кизилюртовском, Казбековском и Хасавюртовском районах.

Вместе с тем необходимо было вернуть из Чечни дагестанцев, переселенных туда в 1944 г. Часть их возвращалась в районы своего прежнего местожительства, а большинство изъявило желание осесть на равнинных землях, более удобных для жилья. Дагестану предстояло принять около 60 тыс. человек, а считая и чеченцев – около 90 тыс. человек⁸³².

На плечи партийных, советских, общественных организаций, общест-венности республики легла огромная забота. Ведь предстояло не только их распределить по селениям, где их можно было временно разместить, построи-ть им новые дома, селения, создать там и соответствующую инфраструкту-ру, но и всех их трудоустроить, что в трудоизбыточной республике создавало немалые трудности. Благодаря огромному напряжению и большой работе, проведенной республиканскими и районными, городскими партийными, со-ветскими, комсомольскими организациями, эти вопросы были решены за ко-роткий срок.

В этом отношении наиболее показательна работа, проведенная в 1957–1960 гг. в Хасавюртовском районе по хозяйственно-бытовому и трудо-вому устройству переселенцев. В районе было построено 17 поселков, 3077 домов по типовым проектам, приобретено около 900 домов, создано 14 кол-хозов, оказана единовременная помощь на сумму более 342 тыс. руб. Общие затраты на хозяйственное устройство только чеченцев-переселенцев состави-ли 40 млн. руб.

В районе позаботились и о выдвижении чеченцев на руководящие должности. На работу в партийных, советских и хозяйственных органах было принято более 200 чеченцев. Председателями колхозов работали 13 чеченцев, зоотехниками, агрономами, ветеринарами и на других должностях – 17 чело-век⁸³³.

Население районов, в которые заселялись переселенцы – чеченцы и дагестанцы, к ним относилось с большим сочувствием и помогало им, чем могло. По инициативе колхозников селения Эндирей Хасавюртовского рай-она в равнинных районах началось движение по оказанию организованной помощи переселенцам. По решению бюро Хасавюртовского горкома партии, одобрившего эту инициативу, с 20 сентября по 20 октября 1957 г. по району был проведен месячник по устройству и размещению переселенцев. Комсо-мольцы и молодежь района бесплатно изготовили для строительства домов переселенцам около 100 тыс. шт. саманного кирпича, собрали 4000 кубов

камней. В районный фонд помощи переселенцам колхозами, колхозниками и жителями района было внесено свыше 100 тонн зерна, 1500 тонн грубых кормов, свыше 150 тыс. чубуков винограда, передано имущества на 150 тыс. руб. и т. д.⁸³⁴ Такая помощь была оказана переселенцам и в других районах, в которые они вселялись.

Эти примеры показывали возрастание роли комсомола в жизни рес-публики. Но комсомол Дагестана жил заботами не только республики, но и всей страны. Партия призвала комсомольцев и молодежь на большие дела, на восстановление и строительство крупных индустриальных объектов. Около 300 посланцев комсомольской организации республики были направлены на строительство угольных шахт в Донбассе. Прославленный шахтер Герой Со-циалистического Труда Н. Мамай в письме, адресованном Дагестанскому обкому ВЛКСМ, писал: «В декабре 1956 г. комсомол Страны гор направил к нам в Донбасс отряд молодых патриотов. Среди них аварцы, кумыки, рус-ские, представители других национальностей. Мы, шахтеры Донбасса, как братья радуемся тем патриотическим делам, которые творили комсомольцы Дагестана»⁸³⁵.

Целый эшелон молодых дагестанцев был отправлен на строительство Волюградской ГЭС. 800 человек из Дагестана трудились на строительстве железной дороги, названной «Дорогой дружбы», куда они приехали в 1958 г. И на этих стройках о дагестанских юношах и девушках шла добрая слава. На слете молодых строителей в Алма-Ате, столице Казахстана, отсюда начина-лась дорога, около 40 представителей Дагестана получили почетные грамоты Президиума Верховного Совета Казахской ССР и ценные подарки.

Благодаря усилиям молодежи и всего коллектива строителей дорога длиной в 310 км была построена за очень короткие сроки и в июле 1958 г. доведена до государственной границы. В прокладке последних километров дороги участвовали дагестанцы: Б. Алиев из Хасавюрта, В. Калинин и Д. Ре-заков из Дербента, А. Шолодубов из Избербана⁸³⁶.

Школой трудового воспитания молодежи стало начатое в 1954–1955 гг. освоение целины, превратившееся во всенародное патриотическое движение. В 1956 г. в Дагестане был сформирован отряд добровольцев в 1100 человек, изъявивших желание поехать на уборку целинного урожая в Казахстан. В Махачкале были устроены теплые проводы отряда. 4 июля 1956 г. на площади В.И. Ленина состоялся митинг, который открыл секретарь Дагобкома ВЛКСМ Д. Магомедов. На митинге выступили первый секретарь Дагестанского обкома партии А. Даниялов, студент Дагестанского государ-ственного сельскохозяйственного института С. Абдулкадыров, руководитель отряда, редактор газеты «Молодежь Дагестана» Ф. Астратянц и другие.

В следующем 1957 г. на целину из республики выехал отряд в 2000 человек, который возглавил секретарь Махачкалинского горкома комсомола А. Гончаров. Наконец в 1958 г. для поездки на целину был сформирован са-мый многочисленный отряд в 2700 человек. Его возглавил второй секретарь Дагобкома ВЛКСМ А. Алиев⁸³⁷.

Труд дагестанских целинников был высоко оценен. В телеграмме Центрального Комитета комсомола от 17 октября 1956 г., адресованной Дагобкому ВЛКСМ, говорилось: «Мы, участники собрания республиканского актива, от имени молодых покорителей целины Казахстана горячо поздравляем молодых рабочих, студентов, механизаторов, оказавших нам неоценимую помощь в уборке урожая и успешном выполнении обязательств перед Родиной – сдачей миллиарда пудов казахстанского хлеба. Желаем вам, дорогие друзья, успехов в труде и учебе»⁸³⁸.

Наиболее отличившиеся в уборке хлеба дагестанцы были отмечены утвержденными правительством знаками и почетными грамотами. 560 человек были удостоены медали «За освоение целинных земель», 900 человек были награждены почетными грамотами ЦК ВЛКСМ Казахстана, Дагестанского и Кустанайского обкомов комсомола⁸³⁹. Дагестанский обком ВЛКСМ в период отъезда молодежи на целину и их возвращения устраивал торжественные проводы и встречи целинников, героев уборки целинного урожая отмечали на собраниях трудовых и студенческих коллективов. Как и молодежь всей страны, юноши и девушки Дагестана внесли свой посильный вклад в уборку богатого урожая, который получали на целине в первые годы ее освоения.

XX съезд КПСС ориентировал комсомол на усиление идейно-воспитательной работы среди молодежи. Руководствуясь решениями съезда VII пленум ЦК ВЛКСМ (февраль 1957 г.) разработал программу, охватывавшую основные направления идейного воспитания комсомольцев и молодежи. При этом главное внимание обращалось на воспитание подрастающего поколения в духе советского патриотизма и революционных традиций рабочего класса, любви и уважения к людям, создающим материальные ценности.

По рекомендации пленума при комитетах комсомола стали создаваться нештатные комиссии из молодежного актива, занимавшиеся различными вопросами комсомольской работы. В эти годы появилось много новых интересных форм воспитательной работы: эстафеты культуры и труда, семинары и конференции по экономическим и другим вопросам, молодежные клубы. При горкомах и райкомах комсомола создавались клубы революционной славы, советы ветеранов, получили распространение университеты культуры, вечера молодежи, праздники труда и урожая, карнавалы и факельные шествия. По решению Президиума Верховного Совета СССР с 1958 г. ежегодно в конце июня в СССР стали праздновать День советской молодежи.

Также после XX съезда партии начали расширяться международные контакты советской молодежи. Этому способствовало создание Комитета молодежных организаций (КМО), в который входили молодежная комиссия Союза советских писателей, пионерская организация СССР и др. Комитет молодежных организаций являлся членом Всемирной федерации демократической молодежи.

Ярким событием в жизни юношей и девушек стал VI Всемирный фестиваль молодежи и студентов, впервые проведенный в Москве летом 1957 г. Ему предшествовали фестивали молодежи и студентов, проведенные по всем

регионам страны. Они дали большой импульс развитию художественной самодеятельности в клубах, вузах и других учебных заведениях, на предприятиях и колхозах. Победители конкурсов, проведенных на республиканском фестивале молодежи и студентов в Махачкале, получили путевки на VI Всемирный фестиваль. Такую путевку получила художественная самодеятельность Дагестанского государственного педагогического института, участники которой блестяще выступили на Международном фестивале, в котором участвовали 34 тыс. юношей и девушек из 131 страны мира⁸⁴⁰. После Московского международного фестиваля международные связи молодежи страны все более расширялись, открывая окно в Европу.

VII Всемирный фестиваль молодежи и студентов был проведен в августе 1959 г. в Вене, в капиталистической Австрии. В фестивале приняли участие более 32 тыс. юношей и девушек из 131 страны. Из Советского Союза в фестивале приняли участие 800 молодых рабочих, колхозников, студентов, артистов, спортсменов. Поехали в Вену и представители молодежи Дагестана – секретарь Дагестанского обкома комсомола Ш. Шихсаидов, редактор газеты «Комсомолец Дагестана» Ф. Астратьянц, молодой одаренный композитор М. Кажлаев, который на конкурсе по танцевальной музыке занял первое место⁸⁴¹.

Представители дагестанских молодежных и других организаций расширяли свои международные связи. В составе советских делегаций представители дагестанской молодежи в 60-е гг. побывали в Камбодже, на Цейлоне, в Австрии, Финляндии, Западной Германии, Франции, Китае и других странах. Наладили дружеские связи с зарубежными сверстниками махачкалинские пионеры и школьники. По инициативе члена Совета старейшин Махачкалинского горкома ВЛКСМ Х.У. Мухамедова они завязали переписку с пионерами и молодежью стран социалистического содружества. Они переписывались с учащимися, пионерами, студентами Венгрии, Чехословакии, Польши, Румынии, Китая, Болгарии, Кубы и др. стран.

В свою очередь представители зарубежных молодежных организаций проявляли большой интерес к Дагестану. В горный край приезжали делегации Чехословакии и Венгрии, каждое лето с поездами дружбы в республику прибывали юноши и девушки из многих стран мира.

Дагестанский обком комсомола организовывал поездки в соседние республики. Летом 1962 г. была организована поездка большой дагестанской делегации в составе комсомольских работников, лучших студентов, спортсменов и участников художественной самодеятельности с дружеским визитом в республики Северного Кавказа и Закавказья. Делегация побывала в Грозном, Нальчике, Орджоникидзе, Тбилиси и Баку, встречалась со студентами и молодыми рабочими братских республик, выступала с концертами, провела спортивные соревнования с волейболистами и борцами Азербайджана, Северной Осетии, Кабардино-Балкарии и Чечено-Ингушетии. Комсомольские работники Дагестана познакомились с опытом работы комитетов ВЛКСМ таких крупнейших вузов, как Тбилисский, Азербайджанский университеты, Грозненский нефтяной институт⁸⁴². Такие связи молодежных ор-

ганизаций по мере демократизации общественной жизни все более расширялись.

На XX съезде партии была дана высокая оценка разносторонней организаторской и воспитательной деятельности профсоюзов, определены их задачи по организации социалистического соревнования за выполнение и перевыполнение пятилетнего плана. Дагестанские профсоюзы определили свои послесъездовские задачи на IV Дагестанской областной межсоюзной конференции, состоявшейся в марте 1956 г. К этому времени членами профсоюзов состояли 117644 человека, или 91% к общему числу рабочих и служащих. В республике насчитывалось 12 областных, 26 групповых, 183 районных и городских, 179 фабрично-заводских и построечных комитетов, 37 профкомов, 1428 месткомов, 465 профорганизаций⁸⁴³.

Эта была реальная общественная сила, способная на решение задач, стоявших перед республикой. Конференция потребовала от профсоюзных организаций Дагестана в своей работе более широко использовать производственные совещания, усиливая их роль в управлении производством, последовательно и настойчиво бороться за выполнение коллективных договоров, проявлять больше заботы о бытовых условиях рабочих и служащих.

На эти вопросы обратил значительное внимание VI пленум ВЦСПС (июнь 1957 г.). Отмечая некоторое оживление в работе профсоюзов, в то же время пленум подчеркнул, что многие профсоюзные организации не проявляют должной инициативы и настойчивости в решении коренных вопросов улучшения производственной деятельности предприятий истроек, не используют в полной мере возможности для широкого привлечения рабочих и служащих к управлению хозяйством, для дальнейшего подъема материально-благосостояния и культурного уровня трудящихся⁸⁴⁴.

Верхние эшелоны партийных и профсоюзных органов принимали множество решений, направленных на обеспечение более широкого участия рабочих, колхозников, служащих в выполнении производственных планов, с чем было связано напрямую и повышение материального положения трудящихся. Одной из важных форм в решении этих задач считалось социалистическое соревнование, застрельщиком которого выступали профсоюзы. Как свое достижение профсоюзы Дагестана отмечали то, что к 50-летию профсоюзов и к 40-летию Октябрьской социалистической революции более 80% рабочих и служащих участвовали в социалистическом соревновании, повысилась их трудовая и творческая активность. Только за один год на предприятиях Дагестана было внедрено свыше 8 тыс. рационализаторских предложений, технических усовершенствований и изобретений с годовым экономическим эффектом 9,5 млн. руб. В 1957 г. за счет повышения производительности труда и сокращения непроизводительных расходов была получена сверхплановая экономия на сумму в 37,4 млн. руб.⁸⁴⁵

Рационализаторы и изобретатели не собирались останавливаться на достигнутом. На республиканском совещании изобретателей, рационализаторов и новаторов производства (30 августа 1960 г.) они решили в 1960 г. внести в фонд семилетки не менее 26 млн. руб. и обратились ко всем рабо-

чим, инженерно-техническим работникам, служащим, рационализаторам и изобретателям с призывом более активно участвовать в рационализаторском движении и в социалистическом соревновании. Такое внимание активизировало рационализаторское движение. В 1962 г. число рационализаторов составило 5096 человек, от внедрения их предложений была получена экономия на 3430 тыс. руб. (в новом исчислении цен).

Решением задач по осуществлению контроля за хозяйственной деятельностью и внедрению мероприятий по техническому прогрессу занимались и комиссии партийного контроля, созданные на всех предприятиях. Городские и партийные организации искали и другие формы для оказания влияния на внедрение в производство достижений науки и техники, рационализаторских предложений. Каспийский горком партии организовал для этой цели институт передового опыта. Эту инициативу поддержал и Дагестанский обком партии, который рекомендовал организовать институты и школы передового опыта при всех крупных предприятиях. Дагестанский совнархоз организовал межзаводскую школу по изучению передового опыта при всех крупных предприятиях, например по изучению передового опыта предприятий металлообрабатывающей промышленности, в которой строились и вводились новые предприятия, оснащенные современными станками и оборудованием, требующими квалифицированных рабочих и инженерно-технических работников⁸⁴⁶. Многие квалифицированные рабочие готовились в межзаводской школе. Кроме того, немало рабочих и инженерно-технических работников командировались на родственные предприятия других совнархозов для ознакомления с передовыми технологиями и организацией производственных процессов⁸⁴⁷.

Механизация и автоматизация производства, происходившая в ряде отраслей или участках производства, усиление технической вооруженности промышленности, применение передовых приемов труда, все более широкий охват рабочих соревнованием — все это в конечном итоге способствовало промышленному преобразованию края⁸⁴⁸.

Строительство крупнейших предприятий республиканского и союзного значения привело к росту не только промышленного производства, но и численности рабочего класса, играющего очень большую роль в общественно-политической жизни республики. По сравнению с 1950 г. численность рабочих Дагестана в 1961 г. составила 152%. Разительные перемены произошли и в национальном составе рабочих республики. Если в начале XX в. и в первые годы советской власти формирование рабочего класса и его пополнение шло преимущественно за счет русских рабочих, то с 50-х гг. его ряды активно пополнялись из числа дагестанцев. Если по переписи 1926 г. численность рабочих в промышленности, на транспорте и в строительстве составляла 6026 человек, то в 1959 г. в промышленности, включая транспорт и строительство, было занято 67253 человека⁸⁴⁹.

Быстро росло количество выходцев из числа дагестанских народов. Квалифицированные рабочие и инженерно-технические специалисты, приехавшие из Центральной России, не только оказали помощь в становлении да-

гестанской промышленности, но и проявили большую заботу о подготовке рабочих кадров из местного населения. Многие рабочие прошли подготовку в крупных промышленных центрах страны, располагавших современным оборудованием, применявших передовые технологии. Количество рабочих, представлявших дагестанские народы, выросло в 1959 г. по сравнению с 1926 г. в 4,5 раза⁸⁵⁰.

Много внимания партийные организации республики уделяли повышению политической, трудовой и творческой активности тружеников сельского хозяйства в деле успешного решения задач сельскохозяйственного производства. Главной формой решения этой задачи и здесь считалась организация социалистического соревнования. Ежегодно проводились районные и республиканские совещания и собрания, на которых подводились итоги года, определялись победители соревнования, принимались повышенные социалистические обязательства, которые были несколько выше обязательств предыдущего года, хотя многие из них по различным причинам и прежде всего из-за формального подхода к их принятию и выполнению оказывались невыполненными.

Формализация соревнования постепенно выхолащивала его главное содержание, основную суть, с чем были связаны поиски новых форм повышения трудового энтузиазма трудящихся. Партия нашла новую форму его организации – соревнование за звание коллективов коммунистического труда. Под руководством партийных и общественных организаций, активно пропагандировавших и внедрявших такую форму соревнования, она стала быстро распространяться. На республиканском совещании передовиков, состоявшемся в мае 1960 г., отмечалось, что в промышленности и сельском хозяйстве звания коммунистического труда удостоились 1296 коллективов. Уже с самого начала при проведении такого соревнования, как бы поднимаясь на более высокую ступень, также стал проявляться формалистский подход. В сельском хозяйстве, как это отмечалось на совещании передовиков сельского хозяйства Северного Кавказа (31 января 1961 г.), в 1960 г. колхозами Дагестана план продажи продуктов животноводства государству не был выполнен ни по одному показателю. Невыполнение планов было связано с имевшим место падежом большого количества крупного рогатого скота и овец особенно в хозяйствах Караногайского, Кайтагского, Гергебильского, Кизилюртовского и Бабаюртовского районов.

Несмотря на эти недостатки, в сельском хозяйстве, если судить по материалам различных совещаний, имелось немало передовиков сельскохозяйственного производства, многие сельские труженики участвовали в социалистическом соревновании, не отставали они и в новом движении за звание коллективов коммунистического труда. Это звание было присвоено 405 бригадам. Ссылаясь на успехи отдельных передовиков сельского хозяйства, можно было закрыть глаза на недостатки и рапортовать о достижениях, принимать новые обязательства. На республиканском совещании передовиков сельского хозяйства (24 февраля 1961 г.) были вновь приняты социалистические обязательства и его участники призвали всех тружеников сельского хо-

зяйства развернуть соревнование за выполнение планов производства и продажи государству мяса, молока и других продуктов сельского хозяйства⁸⁵¹.

Такая практика продолжалась и в последующие годы. На очередных подобных совещаниях, пленумах и конференциях областной партийной организации отмечались серьезные недостатки, и несмотря на это, принимались новые повышенные обязательства и ставились более ответственные задачи. Это шло по вертикали сверху донизу.

На экономической и социально-политической жизни страны стали сказываться последствия непродуманных волюнтаристских решений, навязываемых Хрущевым партийно-государственному руководству под предлогом демократических реформ. Усиление «вождизма» и администрирования Хрущева проявилось в многочисленных его реформах, на практике показавших свою несостоятельность и отрицательно отразившихся на развитии промышленности, сельского хозяйства и других отраслей. Чего стоило неудачное во многих отношениях разделение партийных организаций на городские и сельские, внесшее путаницу в слаженный механизм единого партийно-государственного управления страной. В результате престиж Хрущева стремительно падал. Не помогли и меры, которые призваны были как-то поднять его авторитет путем назначения на высшие партийные и государственные должности партийного и государственного аппарата новых людей, преданных ему, к месту и не к месту подчеркивавших его заслуги, создание к десятилетию его правления фильма «Наш Никита Сергеевич», укрепление административно-командной системы.

Сохранение Хрущева на руководящих должностях было чревато еще большими осложнениями в жизни страны. Именно в период его правления отмечался рост цен, нехватка хлеба и других продуктов, на почве которых произошли волнения среди рабочих Новочеркасска, Каспийска (Дагестан) и др. городов.

§ 7. Смещение Н.С. Хрущева со всех руководящих постов – конец «хрущевской оттепели»

В октябре 1964 г. Н. Хрущев был смещен со всех постов партийного и государственного руководства. Во главе государства был поставлен Л.И. Брежнев. Было принято решение о проведении широких социально-экономических реформ при сохранении сложившегося в Советской стране общественно-политического строя⁸⁵². Они коснулись прежде всего сельского хозяйства. По решению мартовского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС был установлен новый порядок планирования государственных закупок продуктов сельского хозяйства. Были повышены основные закупочные цены на пшеницу, рис и некоторые другие культуры.

Закупки животноводческой продукции стали планироваться на ряд лет и одновременно были повышены закупочные цены на эти продукты. В результате такого повышения цен колхозы и совхозы Дагестана получили дополнительные средства: по говядине – 6996 тыс. руб., по баранине – 7515

тыс. руб., по свинине – 592,8 тыс. руб. и по молоку – 282,2 тыс. руб.⁸⁵³ Это было значительное прибавление к доходам общественных хозяйств республики.

Кроме повышения цен на продукты сельского хозяйства, партией и государством был принят ряд мер, направленных на улучшение условий труда, культурного отдыха и быта работников сельского хозяйства. С 1 июля 1966 г. была введена ежемесячная гарантированная оплата труда в колхозах, улучшено пенсионное обеспечение колхозников и рабочих совхозов. В связи с ростом механизации сельского хозяйства и всевозрастающей востребованностью квалифицированных механизаторов увеличилась оплата их труда, были установлены доплата за классность и стаж работы, льготы для женщин, работающих на тракторах и других сельскохозяйственных машинах.

Подготовке механизаторов придавалось государственное значение. В республике функционировали 6 сельских профессионально-технических школ. Ежегодно они выпускали 1400 квалифицированных механизаторов, но их требовалось больше. Поэтому ряд районов организовывал курсы механизаторов, чтобы удовлетворить потребности сельскохозяйственного производства. Кроме того, принимались меры по профессиональной ориентации учащихся в сельских общеобразовательных школах с уклоном на воспитание у школьников интереса к сельскому хозяйству и овладению ими профессией сельского механизатора⁸⁵⁴.

Значительное внимание вопросам организационно-хозяйственного укрепления общественных хозяйств, а также укреплению состава их руководящих кадров было уделено на XXIII съезде КПСС (апрель – март 1966 г.)⁸⁵⁵. Хотя эти вопросы и не оставались без внимания партийных организаций, однако и здесь было немало недоработок. Партийные организации республики вскрыли, что в некоторых колхозах допускались нарушения демократических основ управления, основная колхозная масса не участвовала в решении важнейших вопросов их деятельности. Игнорирование уставных требований, нарушение сроков проведения общих собраний колхозников приводили к беспконтрольности в деятельности отдельных руководителей колхозов.

В жизни колхозов также произошли значительные изменения, которые не вписывались в действующий в тот период Устав колхоза, принятый Вторым съездом колхозников. Новый Устав колхоза, принятый в 1969 г. Третьим Всесоюзным съездом колхозников, оказал значительное влияние на развитие и укрепление колхозной демократии. С введением нового Устава расширилась хозяйственная самостоятельность колхозов, а колхозники получили возможность решать многие важные вопросы, касающиеся использования земли, пополнения основных и оборотных фондов, концентрации и специализации общественного производства, развития подсобных промыслов и др.⁸⁵⁶ С большой помпой были созданы советы колхозов, но так и не утвердив себя в реальной жизни, они незаметно исчезли с политической арены.

Благодаря принятым мерам в решении ряда важных задач в жизни колхозников Дагестана наметились положительные изменения. В 1965 – 1970 гг. были электрифицированы 111 совхозов, а в 1971 г. все 185 совхозов

республики стали пользоваться электричеством, из них 175 совхозов потребляли электроэнергию также на производственные нужды⁸⁵⁷.

Совхозы Дагестана, получающие от государства значительные средства на укрепление материально-технической базы, были лучше оснащены техникой, чем колхозы, и в республике старались как можно больше колхозов переводить в совхозы. Особенно это практиковалось во время планового переселения или переселения после землетрясения, часто случавшихся в Дагестане. Из них 5476 хозяйств, переселенных в 1966 г. из Юждага после землетрясения, 2000 семей к осени 1966 г. были устроены в новых совхозах. В 1966 – 1967 гг. были организованы 19 новых совхозов⁸⁵⁸.

В 1970 г. были электрифицированы 333 колхоза, или 91% от их общего количества. Более 60% колхозов могли потреблять электроэнергию на производственные цели, что обрекало членов многих хозяйств на малопродуктивный и тяжелый физический труд.

Слабые темпы роста производительности труда и повышения эффективности производства были характерны не только для сельского хозяйства, но и ряда отраслей крупной индустрии. На это обратил внимание Пленум Центрального Комитета партии (декабрь 1969 г.), который проанализировал состояние и перспективы развития экономики страны, определил задачи организационно-политической работы партии, остановился на недостатках, на преодоление которых должны были быть направлены усилия как партийных, так и государственных органов, коммунистов и всех трудящихся. В частности, отставание темпов развития ряда отраслей промышленности, медленный рост производительности труда и эффективности общественного производства объяснялись тем, что подобных недостатков много и в местных партийных организациях. К этим недостаткам прибавились и такие субъективные факторы, которые негативно отражались на экономическом развитии страны. Пленум ЦК КПСС среди них отметил потерю некоторыми работниками чувства ответственности, недобросовестность, нарушение дисциплины, безхозяйственность и расточительность и потребовал решительно бороться против косности и бюрократизма, укрепить производственную и трудовую дисциплину, усилить борьбу против таких антиобщественных явлений, как хищение социалистической собственности и прогулы⁸⁵⁹.

После таких строгих решений руководящего партийного органа страны на местах также были проведены проверки, которые также выявили аналогичные недостатки, но они как-то сглаживались и подавались в более мягкой редакции. Во время обсуждения решений Пленума ЦК на пленуме Дагестанского обкома партии констатировалось, что на ряде предприятий Дагестана в 1969 г. было допущено снижение производительности труда по сравнению с предыдущим годом. Недостаточно использовались производственные мощности. На многих предприятиях не были выполнены планы внедрения новой техники, повышения производительности труда, снижения себестоимости, улучшения качества продукции. На некоторых предприятиях Управления рыбной промышленности, объединения «Дагконсерв», головной мясокомбината и других медленно внедрялась и осваивалась новая техни-

ка. На начало 1969 г. на предприятиях пищевой промышленности республики накопилось 714 единиц неустановленного оборудования, в то же время в консервной, мясной промышленности преобладал малопроизводительный ручной труд.

Называя в общем-то очень серьезные недостатки, пленум Дагестанского обкома партии признал, что, работая старыми методами, невозможно их устранить. Однако какие же организационные формы необходимо использовать, чтобы развивать производство высокими темпами, пленум не назвал⁸⁶⁰. Все свелось, как и прежде, к общим рассуждениям о неудовлетворительной организации производства, неполном использовании оборудования, трудовых и материальных ресурсов, низкой производственной и трудовой дисциплине, слабом контроле за состоянием дел в каждом цехе, на каждом участке⁸⁶¹.

Несмотря на переживаемые промышленностью республики трудности, она развивалась сравнительно высокими темпами благодаря всесторонней помощи, которую оказывал центр. Наибольшее развитие получили такие элитные отрасли промышленности, как машиностроительная, авиационная, судостроительная, приборостроительная и др. За короткие сроки в Дагестане были построены и введены в эксплуатацию 19 машиностроительных, металлообрабатывающих, электротехнических и приборостроительных заводов. Всего за годы руководства промышленностью новой административно-региональной структурой – Дагестанским совнархозом было построено и реконструировано свыше 110 предприятий, многие из которых строились сверх союзных и федеративных народнохозяйственных планов⁸⁶².

Развитие промышленности привело к росту численности рабочего класса, игравшего всевозрастающую роль в общественно-политической жизни Дагестана. По сравнению с 1959 г. его численность увеличилась на 169,7 тыс. человек и составила 288 тыс. человек. Более половины рабочих (52,1%) приходилось на сельскую местность, что прежде всего было связано с преобразованием многих колхозов в совхозы и отнесением их работников к рабочим.

Претерпел изменения и национальный состав рабочего класса республики. Удельный вес рабочих в его составе увеличился до 69%. Такой рост рабочих-дагестанцев стал возможен за счет прироста численности отряда сельскохозяйственных рабочих, пополняемого в основном дагестанцами⁸⁶³.

Увеличению численности рабочих способствовало и создание в сельской местности филиалов крупных предприятий, расположенных как в Дагестане, так и за его пределами. В 1983 г. в республике работало 12 таких филиалов. В одном филиале астраханского завода «Прогресс», созданном в Ботлихском районе, работало свыше 1000 человек, что для района с трудозыбыточным населением решало не только экономические, но и социальные задачи⁸⁶⁴.

Среди рабочего класса, особенно строителей Дагестана, выросли высококлассные мастера своего дела, которые привлекались для работы не только на строительстве крупных объектов в республике, но и всесоюзных

комсомольских строек. Руками молодых посланцев Дагестана было построено здание вокзала на станции Кунерма Байкало-Амурской магистрали. Государственная приемная комиссия отметила, что вокзал был самым выразительным по своему архитектурному решению среди других вокзалов западного участка и принят с оценкой «отлично».

Также хорошо трудились посланцы Дагестана и на других всесоюзных комсомольских стройках. В тяжелых климатических условиях Севера на строительстве участка экспортного газопровода Уренгой – Помары – Ужгород работал коллектив сводной автоколонны Дагестанского транспортно-управления. Штаб стройки выразил коллективу автоколонны свою благодарность⁸⁶⁵.

После освобождения Н.С. Хрущева в начале 1965 г. были восстановлены единые партийные, советские и общественные организации, которые усилили внимание к повышению общественно-политической активности трудящихся. Воссоздание единых партийных организаций не означало полного возрождения старых партийных методов работы. Партия требовала совершенствовать организаторскую и воспитательную работу, подбирать и выдвигать в партийный и государственный аппарат инициативных работников, имеющих большой опыт практической работы, хорошо знающих жизнь.

Совершая идеино-политическую и организационно-партийную работу, Дагестанская областная партийная организация усиливала свое влияние на все стороны жизни, укрепляла партийную и государственную дисциплину, повышала ответственность коммунистов за порученное дело. Более широко стала использоваться важнейшая форма в повышении политического уровня коммунистов и трудящихся – система партпросвещения. В 1966/67 учебном году в республике функционировало 1397 начальных политических школ, 4 школы партийно-хозяйственного актива. Однако первоочередное значение в системе партпросвещения придавалось изучению марксистско-ленинской теории. Кроме указанных, в ней действовали 5 филиалов Махачкалинского вечернего университета марксистско-ленинской теории, 468 теоретических семинаров по важнейшим проблемам марксистско-ленинской теории, 409 школ основ марксизма-ленинизма⁸⁶⁶.

Во всех звеньях партийной учебы занималось 63 тыс. человек, из них 46690 коммунистов и 6000 комсомольцев. В 1969/70 учебном году численность охваченных партийным просвещением возросла до 157 тыс. человек, в том числе 65,8 тыс. коммунистов.

Наряду с политической повысилась внимание к экономической учебе. В 1969/70 учебном году вопросы экономической политики партии изучали более 17 тыс. человек. Было создано около 300 экономических школ, 112 школ коммунистического труда⁸⁶⁷.

Повышению эффективности идеино-воспитательной работы городских и районных партийных организаций способствовали и такие новые формы их работы, как проведение научно-практических конференций, посвященных этим проблемам. На конференции, проведенной Махачкалинским горкомом КПСС в октябре 1970 г., были заслушаны доклады на темы «Науч-

ный подход к партийной работе и повышение ее эффективности», «О политическом подходе при решении хозяйственных вопросов» и др.

Эти примеры показывали, что партийные организации пытались овладеть научными подходами к решению задач, связанных с их организаторской и воспитательной работой. Результаты работы конференции были подытожены, и на основе предложений ученых партийные организации заводов М. Гаджиева, сепараторов, стекловолокна, Дагестанского государственного университета удачно определили главные направления своей деятельности.

Осуществление мер по более полному использованию производственных мощностей, широкая пропаганда экономических знаний, внедрение хозрасчета, усиление режима экономии и других намеченных мер позволили достичь значительных успехов. Этому способствовала и усилившаяся заинтересованность рабочих и инженерно-технических кадров в результатах хозяйственной деятельности своих предприятий, их профессиональный и культурный уровень. Завод стекловолокна выполнил пятилетний план к 27 августа 1970 г. В целом по городу за пять лет фондоотдача возросла на 30%, промышленность стала рентабельной⁸⁶⁸.

В сельском хозяйстве республики также было немало хозяйств, партийные организации которых добивались развития творческой активности масс, сосредоточения их усилий на повышении эффективности общественного производства. Для этого использовались меры экономического и морального стимулирования сельских тружеников. В целях развертывания соревнования как колхозников, рабочих совхозов, так и между общественными хозяйствами и районами решением бюро Дагестанского обкома партии и Совета Министров ДАССР были разработаны условия соревнования районов, хозяйств, бригад, звеньев.

Участвуя в соревновании, немало хозяйств и сельских тружеников достигли значительных хозяйственных успехов. За выполнение условий социалистического соревнования и достижение высоких трудовых результатов в подъеме сельскохозяйственного производства в 1972 г. почетных званий «Хозяйство высокой культуры земледелия и животноводства» были удостоены колхозы им. XXII партсъезда Ленинского, «Коммунизм» Буйнакского, «Цудахарский» Левашинского и «Мокобский» Хасавюртовского районов. На республиканскую Доску почета были занесены 5 районов и 17 передовых хозяйств. Лучшим животноводом республики: чабану колхоза им. Серго Гунибского района М. Рамазанову, чабану колхоза им. Г. Саидова Кулинского района Г. Алибекову и чабану колхоза им. Свердлова Рутульского района Ш. Наврузову были присвоены звания «Заслуженный животновод Дагестанской АССР».

Самоотверженный труд передовиков сельского хозяйства республики был высоко оценен советским правительством. 12 победителей социалистического соревнования республики были удостоены звания Героев Социалистического Труда и среди них чабан колхоза им. Свердлова Рутульского района М. Рамазанов, им. Г. Саидова Кулинского района Н.-М. Адуев, ветеран колхозного движения, председатель колхоза им. К. Маркса Хасавюртовского

района С. Кулиев, председатель колхоза им. XXII партсъезда Ленинского района Н. Насрудинов. Орденами и медалями СССР было награждено всего 2822 человека, включая и работников других отраслей народного хозяйства⁸⁶⁹.

И в последующие годы соревнование использовалось как один из важнейших инструментариев в стимулировании высокопроизводительного труда работников промышленности и сельского хозяйства. Однако высокие трудовые показатели отдельных коллективов не стали достоянием всех тружеников. В ряде отраслей общественного производства, особенно в сельском хозяйстве, наметилось значительное отставание. Многие вопросы организации труда в колхозах и совхозах оставались нерешенными, и широко практикуемое одно лишь моральное поощрение не могло обеспечить удовлетворение нарастающих потребностей в продукции сельского хозяйства. В таких случаях Коммунистическая партия, провозгласившая себя руководящей и организующей силой общества, старалась найти пути и средства для преодоления возникших трудностей, однако когда это не удавалось, она требовала от руководителей партийных, государственных и общественных органов более последовательной и решительной борьбы с недостатками.

Процесс демократизации государственного аппарата, как и всей общественно-политической жизни, наметившейся, начиная с «хрущевской оттепели», нашел отражение в повышении роли Советов в хозяйственно-экономической и политической жизни страны. Местные Советы получили дополнительные права при решении вопросов утверждения бюджетов, жилищного, дорожного и культурного строительства. При них на общественных началах работали многочисленные организации: постоянные комиссии, женсоветы, уличные и квартальные комитеты, товарищеские суды и различные добровольческие общества. В 1962 г. при местных Советах республики насчитывалось 15 тыс. общественных организаций.

В марте 1963 г. состоялись выборы в верховные советы РСФСР и ДАССР, которые прошли почти при стопроцентной явке избирателей. В высший государственный орган республики были избраны, как это и ранее практиковалось, представители различных классов и социальных прослоек — рабочие, колхозники, деятели науки и культуры, руководители партийных и государственных органов. В районные сельские Советы были избраны 17873 депутата⁸⁷⁰.

Советы по своему социальному и этническому составу сверху донизу были самыми широко представительными органами власти. В 1966 г. в республике насчитывалось 638 местных Советов, способных распространить свою власть и свое влияние на все населенные пункты и население. В этом им помогли 2967 постоянных комиссий, в которых работали 12633 депутата.

В 1967 г. было принято постановление ЦК КПСС «Об улучшении работы сельских и поселковых Советов депутатов трудящихся», которое не только по своему содержанию, но и тем, что оно было принято ЦК КПСС, строго контролировавшем выполнение своих постановлений, было обязательным к исполнению. В нем были намечены меры, направленные на уси-

ление роли представительных органов во всех сферах хозяйственной, культурной и политической жизни страны.

Вслед за этим постановлением были приняты законодательные акты по развитию демократических принципов в их деятельности, более широкому вовлечению граждан в работу Советов. Благодаря принятым мерам число постоянных комиссий резко возросло и в 1986 г. составило 2967. В 1970 г. в комиссиях работали около 15 тыс. депутатов и 13021 активист⁸⁷¹.

Для повышения роли местных Советов в общественно-политической и производственной жизни коллективов депутаты были закреплены за определенными отраслями народного хозяйства, в которых они хорошо разобрались, будучи специалистами в данной области, и могли оказать им помощь. Депутаты местных Советов, избранных в 1969 г., были распределены следующим образом: в сельском хозяйстве – 63,2 % депутатов, промышленности, на транспорте и в связи – 9,3 %, торговле и общественном питании – 1,2 %, жилищно-коммунальном и бытовом обслуживании – 0,8 %, науке, культуре, здравоохранении и просвещении – 12,6 % и т.д. Сельские Советы получили дополнительные права, в частности, в решении таких вопросов, как утверждение планов культурно-бытового строительства в пределах своей территории, рассмотрение производственных планов, смет и годовых отчетов колхозов и т. д.⁸⁷²

Областной комитет партии отводил органам партийно-государственного, а в последующем – народного контроля большую роль в выявлении и приведении в действие резервов производства, создании в коллективах обстановки нетерпимости к недостаткам, фактам бесхозяйственности и расточительства. Учитывая важность решения этих задач, VIII пленум Дагестанского обкома КПСС (июль 1965 г.) обсудил вопрос «О состоянии и мерах улучшения партийного руководства органами партийно-государственного контроля». На пленуме были отмечены не только недостатки в работе органов партийно-государственного контроля, но и указаны меры, которые способствовали бы активизации их деятельности, вовлечению в борьбу против нарушителей государственной дисциплины, улучшению партийного руководства контрольными органами. В какой-то мере партийные органы добились выполнения поставленных задач и превращения их в массовые контролирующие органы. В 1970 г. в работе органов партийно-народного контроля республики участвовало более 30 тыс. человек⁸⁷³.

Демократизация общественно-политической жизни сопровождалась возрастанием влияния общественных организаций на эти процессы. Активизировалось участие профсоюзов Дагестана в решении хозяйственных и производственных задач, организации социалистического соревнования, охране здоровья и повышении материального благосостояния трудящихся. Одно то, что в 1965 г. из 223 тыс. членов профсоюзов в сфере материального производства было занято 150 тыс. членов, говорит об их очень высоком удельном весе в производстве материальных благ. В 1970 г. численность профсоюзов возросла до 353, 7 тыс. человек.

Начиная с конца 1961 г. профсоюзам были переданы государственные культурно-просветительные учреждения, находящиеся в совхозах. В 1963 г. в распоряжении профсоюзов республики имелось 80 клубов и дворцов культуры, 450 красных уголков, 123 библиотеки и 74 киноустановки.

Активизировалась работа постоянно действующих производственных совещаний, иницируемых и руководимых профсоюзами. В 1963г. в промышленности, строительстве и сельском хозяйстве было создано 380 общезаводских и цеховых производственных совещаний, в которые было избрано 17194 человека. Это был большой актив, который помогал вскрывать недостатки, выявлять резервы производства, находить пути повышения производительности труда и выполнения планов. В 1970 г. в промышленности и сельском хозяйстве работали 664 производственных совещания, а число их членов составило около 25 тыс. человек.

Большую заботу профсоюзы проявляли о здоровье трудящихся. В 1970 г. сумма средств, выделенных профсоюзами на социальное страхование, составила до 48256 тыс. руб. За счет средств социального страхования в 1968–1970 гг. на курортах и в санаториях отдохнуло свыше 24,6 тыс. человек, в домах отдыха – более 29 тыс. человек, в пансионатах – 6,4 тыс. человек⁸⁷⁴. В решении социальных вопросов трудящихся профсоюзы играли важную роль.

Одним из главных направлений в деятельности комсомольских организаций республики оставалось всевозрастающее приобщение молодежи к большим общественным и хозяйственным делам. Одним из таких практических дел городских комсомольских организаций в 60-х годах стал поход за технический прогресс, ликвидацию тяжелого, малопроизводительного ручного труда. Хороших результатов по шефству над внедрением новой техники добились Махачкалинский и Каспийский горкомы комсомола, многие первичные комсомольские организации городов Избербаша, Буйнакса, Дербента, Кизляра. На предприятиях Махачкалы в 1963 г. было внедрено более 70 единиц оборудования, подано 218 рационализаторских предложений, позволивших облегчить ручной труд. По республике свыше 2300 молодых рабочих повысили свою квалификацию и около 2700 освоили вторую смежную профессию⁸⁷⁵.

Комсомольские организации сельских районов Дагестана главным направлением своей деятельности признали создание комсомольско-молодежных звеньев и бригад, способных добиваться высоких урожаев сельскохозяйственных культур. В середине 60-х гг. выращиванием кукурузы были заняты 474 комсомольско-молодежных звена, а в садах и на виноградниках работали 243 звена⁸⁷⁶.

Выращивать высокие урожаи помогали молодежи села и всем сельским труженикам студенты Дагестанского государственного сельскохозяйственного института и сельскохозяйственных техникумов. По инициативе студентов сельхозинститута они выезжали в районы, организовывали в колхозах агрохимические кружки, выступали перед молодыми колхозниками с лекциями по агрохимии⁸⁷⁷.

В те годы на высшем партийно-советском уровне было обращено внимание на укрепление связей школы с производством, использованию общественнополезного труда как органической части школьного обучения и воспитания. В поисках таких форм обучения возникли ученические производственные бригады. Для поддержки нового движения учащихся школ обком комсомола проводил слеты ученических производственных бригад, подводил итоги их работы. Победителем в соревновании ученических бригад Дагестана за выращивание высоких урожаев кукурузы в 1963 г. стала ученическая бригада Хамаматорговской одиннадцатилетней школы Бабаюртовского района. На закрепленной площади в 25 га она вырастила по 96,8 ц кукурузы в початках с 1 га. Бригада получила приветствие Дагестанского обкома КПСС, в котором говорилось: «Положительный опыт работы вашей бригады является достойным примером для других ученических бригад...»⁸⁷⁸.

Благодаря такому вниманию число ученических бригад росло. В 1969 г. в республике работали 414 ученических производственных бригад. Комсомольцы и молодежь Дагестана продолжали участвовать в строительстве крупнейших гигантов индустрии как Дагестана, так и страны. В 1964 г. на строительство крупнейшей Чиркейской ГЭС, возводимой в республике, по комсомольским путевкам было направлено около 500 комсомольцев. На ударных стройках страны трудилось более 1500 юношей и девушек Дагестана⁸⁷⁹.

Высокий авторитет комсомола, которым он пользовался среди юношей, выражался и в росте его рядов. Если в Дагестанской областной комсомольской организации в 1960 г. насчитывалось 85473 члена, то в 1970 г. ее численность увеличилась до 101808 человек, или рост составил 16325 человек. Приток в комсомол был значительный⁸⁸⁰.

§ 8. Общественно-политическая жизнь 70 – 90-х годов

Общественно-политическая жизнь 70-х гг. Со смелой руководством страны в октябре 1964 г. был провозглашен курс на дальнейшее развитие социалистической демократии и освобождение партии от не свойственных ей хозяйственных функций. Партийными съездами и пленумами ЦК КПСС, политическим и государственным руководством страны принимались различные решения и распоряжения об активизации роли Советов в общественно-политической и хозяйственной жизни общества, их влиянии. Однако многие из этих решений оставались декларациями, поскольку местные Советы не имели необходимых средств для реализации своей власти на подведомственной территории. Их неоткуда было получать, ведь они не могли привлекать средства ни предприятий, ни населения. Этим занимались различные государственные и ведомственные органы, власть которых усиливалась.

Коммунистическая партия, признанная как руководящая и организующая сила советского общества, постоянно заботилась о расширении и укреплении своего авторитета и влиянии в стране и в международном коммунистическом движении. Это ей удавалось, особенно когда страна была в зе-

ните своего развития. Положение о возрастании руководящей и направляющей роли партии подкреплялось и форсированным ростом численности ее рядов, особенно за счет приема рабочих и колхозников. Одновременно в те годы были установлены жесткие ограничения на прием в КПСС представителей интеллигенции. Несмотря на многочисленные решения о расширении демократии, реальная политическая власть сосредоточивалась в руках партийного аппарата, партийных чиновников, ряды которых непомерно росли, что объяснялось ростом численности партийных организаций.

Прогресс в росте численности партийных организаций наблюдался повсеместно, и объяснялся этот процесс не только тем, что вступление в ряды КПСС открывало какие-то перспективы для профессиональной и политической карьеры, но и тем ее высоким авторитетом, которым она пользовалась. Для многих быть в рядах партии было почетно, и случаи отказа от приема и исключения из партии становились для многих коммунистов причиной жалоб и заявлений.

Рост рядов партии был повсеместным явлением. В Дагестане численность областной партийной организации выросла с 70395 членов и кандидатов в члены КПСС в 1970 г. до 79688 в 1980 г. или увеличилась почти на 9300 человек. При таком росте общей численности коммунистов произошло сокращение удельного веса служащих и остальных (в основном интеллигенции) в составе областной парторганизации с 41,4% в 1970 г. (29186 коммунистов) до 39,4% (31406 коммунистов) в 1980 г. Наиболее высокий удельный вес коммунистов из числа служащих был в 1956 г., когда их удельный вес поднялся до 50,7% (13639 коммунистов)⁸⁸¹.

Установление различных лимитов в приеме в партию разным категориям населения ставило их как бы в неравноправное положение, открывало возможность проникновения в ее ряды политически инертных, социально и морально незрелых людей, что находило подтверждение на практике. В принципе, несмотря на происшедшие значительные изменения в общественно-политической жизни страны и регионов, власть была сосредоточена в руках партийно-государственного аппарата. Как в конституциях прежних лет, так и в Конституции 1977 г. в законодательном порядке были определены составные элементы политической системы советского общества: Коммунистическая партия, советская власть, профсоюзы, комсомол, кооперативно-колхозные объединения, общественные организации. В Конституции 1977 г. Коммунистическая партия была провозглашена руководящей и направляющей силой общества, которая пыталась продемонстрировать свой нарастающий демократический характер, в том числе на примере принятия Конституции 1977 г. Как никогда ранее было организовано широкое и длительное обсуждение проекта Конституции, проходившее в течение 4-х месяцев, с 4 июня по 7 октября 1977 г. В обсуждении приняло участие свыше 149 млн. человек, или 80% взрослого населения страны. В ходе обсуждения было внесено около 400 тыс. поправок и дополнений⁸⁸².

Не менее активно проходили обсуждения проектов нового Основного закона в Дагестане. В них приняло участие все взрослое население. Было

проведено 50 тыс. собраний, на которых выступило более 120 тыс. человек, ими было внесено 17 тыс. предложений и замечаний. Как видим, цифры были впечатляющие, хотя за ними стояло немало формальных мероприятий и дутых данных.

Обсуждение Конституций РСФСР и ДАССР проходило в Дагестане с 16 марта по 4 апреля 1978 г. На собраниях и митингах по обсуждению проекта Основного закона РСФСР приняло участие свыше 548 тыс. человек и выступило 22,8 тыс. человек, а при обсуждении Конституции ДАССР – более 511 тыс. человек и выступило 12514 человек, ими было внесено свыше 12,5 тыс. предложений, в которых содержались дополнения, уточнения, поправки и замечания, часть которых была принята и внесена в текст обсуждения проекта Конституции. 30 мая состоялась восьмая внеочередная сессия Верховного Совета ДАССР, утвердившая Конституцию (Основной закон) ДАССР⁸⁸³.

Несмотря на эти трудности, Коммунистическая партия и советская власть стремились привлечь к решению государственных задач, в политическую и общественную работу все более широкий круг советских людей. Можно утверждать, что в 70-е гг. в Дагестане, как и в других регионах, в работе Советов, их органов управления, а также других общественных и самоуправленческих организаций (профсоюзы, комсомол, кооперативы, народный контроль, товарищеские суды и др.) принимала участие значительная, если не большая часть самодеятельного населения республики.

По мере роста населения Дагестана наблюдалось увеличение численности депутатов в составе Советов. Если в 1975 г. в местные Советы республики было избрано 19903 депутата, то в 1980 г. 20599 депутатов. Число депутатов Верховного Совета ДАССР оставалось в те годы неизменным и составляло 210 человек. 50,5% депутатов местных Советов составляли мужчины и 49,5% – женщины. 33,2% депутатов были в возрасте до 30 лет. В местные Советы были избраны представители 24 национальностей⁸⁸⁴. Партия контролировала соблюдение представительства по этим категориям и показателям.

Хотя в общественно-политической жизни назревали незаметные на первый взгляд, но усиливающиеся с годами внутренние противоречия между застывшей бюрократической партийно-политической системой и интересами общества, однако разрушить этот гордый узел, несмотря на предпринимаемые усилия, не только не удавалось, но наоборот, подобные противоречия в обществе нарастали и укреплялись. Партия пыталась снять многие вопросы за счет повышения идейно-политической подготовки коммунистов и беспартийного актива. Требования к организации партийной учебы не ослабевали, а все более усиливались, шли поиски новых форм ее организации с тем, чтобы вовлечь в учебный процесс широкий круг коммунистов, комсомольцев и общественных активистов. В 1970/71 учебном году в системе политического просвещения Дагестана работали 982 теоретических, проблемных и методических семинара, университет марксизма-ленинизма при Махачкалинском горкоме КПСС с созданными при нем семью филиалами, 1757 школ основ

марксизма-ленинизма и 746 начальных политшкол, в которых обучалось 72 тыс. слушателей, в т. ч. 52 тыс. коммунистов⁸⁸⁵.

Одновременно партийные и комсомольские организации республики уделяли большое внимание организации политического просвещения комсомольцев и молодежи. В 1972/73 учебном году в системе комсомольского политпросвещения занималось около 130 тыс. юношей и девушек, в т.ч. 110 тыс. комсомольцев.

Кроме этих форм политучебы, продолжали функционировать 256 народных университетов, которые давали более широкий круг знаний. Были и другие формы политического просвещения. В них обучалось свыше 24 тыс. человек⁸⁸⁶.

Партийные организации сельских районов позаботились и о привлечении к учебе сельских жителей, и прежде всего женщин. Еще в 60-е гг. в ряде селений Унцукульского района были созданы университеты «За культуру быта». Основными их слушателями, естественно, стали женщины, которые охотно поддерживали это начинание. В 1973 г. в Унцукульском районе в таких университетах занималось 300 женщин.⁸⁸⁷ Университеты «За культуру быта» были созданы в 6 совхозах Сулейман-Стальского района. Их посещали 182 женщины⁸⁸⁸.

Несмотря на многолетнее функционирование системы партийного просвещения, появление в ней новых форм организации учебного процесса, она страдала значительными недостатками, выхолащивающими ее основную суть. Главными из них были формализация самой учебы, начстничество, излишнее увлечение преподаванием истории и теории марксизма-ленинизма, преподносимой в отрыве от реальной жизни и текущих задач.

Большой отряд пропагандистов, ведущих занятия в системе политпросвещения (в начале 70-х гг. 8000 человек), часто сводил свои занятия к изложению прописных истин, не затрагивающих за живое слушателей, не вызывающих интереса. Многие из того, что преподносилось слушателям на таких занятиях, они знали или могли узнать из газет, научных или научно-популярных изданий, выходящих миллионными тиражами в центре и тысячными тиражами в республике и доступных читателям. Нередко это отражалось на посещаемости слушателей системы политучебы, которые, имея необходимую литературу, могли и самостоятельно повысить свою политическую подготовку, не посещая политзанятия. Многие слушатели посещали их по решению партийных организаций, партийной обязательке.

Кроме пропагандистов в идейно-политической работе участвовали 14 тыс. лекторов и свыше 25 тыс. агитаторов и политинформаторов. В 1978 г. такую работу вели более 60 тыс. человек⁸⁸⁹. Лекции на общественно-политические темы проводили члены общества «Знание», в составе которого было немало высококвалифицированных лекторов, умеющих глубоко и доходчиво преподносить слушателям материалы по актуальным общественно-политическим и другим проблемам.

В проведении лекториев, особенно в сельских районах, принимали участие и ученые республики. В те годы были популярны дни ученых, про-

водимые в районах и городах по просьбе общества «Знание», городских и районных комитетов партии. Выезды целой группы ученых в один район позволяли им выступать в коллективах колхозов, совхозов, учреждений и организовать лекции в соответствии с их заявками. Такие встречи начинались или завершались выступлениями всей группы перед районным партийным, советским, комсомольским активом. В первое время интерес к таким формам идейно-массовой работы был высоким, и долгое время он поддерживался благодаря вниманию партийных организаций. Однако в дальнейшем такие связи интеллигенции с городскими и сельскими жителями значительно ослабли.

Одним из средств общественно-политической активности сельских жителей служили общие собрания (сходы), проводимые в селах республики. За 1971–1975 гг. в Дагестане было проведено 1417 сходов сельчан, в которых участвовало более 140 тыс. человек⁸⁹⁰.

В период предвыборных собраний, на встречах с кандидатами в депутаты Советов разного уровня, начиная с верховных, кончая сельскими, избиратели давали указы будущим депутатам. За период деятельности местных Советов созыва 1977–1980 гг. депутатам Советов Дагестана было адресовано 9284 наказа. Выполнение наказов рассматривалось на сессиях Верховного и местных Советов. За 1978–1980 гг. на них были рассмотрены 3065 запросов депутатов. Свыше 90% местных Советов выступили с отчетами перед своими избирателями. 90% наказов к концу 1980 г. были выполнены⁸⁹¹.

Столь высокий уровень выполнения Советами наказов и просьб избирателей вызывает некоторые сомнения, но в то же время контроль за решением этих вопросов был строгий, и приведенные данные можно считать близкими к реальным. В этих наказах и пожеланиях нередко выражалось недовольство медлительностью их решения или же формальными ответами по поводу принимаемых мер, так до конца и не доведенных. Это обескураживало многих, вызывало безразличие, неверие властям. Поэтому гражданская и общественная активность тех, кто требовал от советских и государственных структур решения не только личных, но и общественно значимых вопросов, не повышалась, а падала.

Активное участие трудящихся республики в те годы проявлялось в деятельности такого общественного института, как народный контроль. Органы народного контроля с привлечением широких слоев трудящихся осуществляли контроль за деятельностью производственных коллективов. Органы народного контроля приобрели массовый характер. В 1971 г. в республике функционировали 2540 групп и 2093 поста содействия органам народного контроля, в них участвовали 35652 человека. Такому большому активу народного контроля были под силу проведение массовых проверок и принятие более действенных мер к коллективам предприятий, колхозов, совхозов и других организаций, их руководителям, не выполняющим планы и обязательства. В 1975 г. 5 тыс. народных контролеров проверили 200 предприятий и организаций. По результатам проверок они подали свыше 6 тыс. предложений, реализация которых сэкономила 4,5 млн. руб.

Не менее результативны были проверки, проводимые органами народного контроля в сельских районах. В период уборочной страды 1975 г. около 4 тыс. народных контролеров проверяли выполнение колхозами и совхозами планов продажи государству сельскохозяйственных продуктов. Такие проверки способствовали своевременной уборке урожая, сохранности зерна и другой сельскохозяйственной продукции.

К концу 70-х гг. органы народного контроля действовали во всех коллективах народного хозяйства и управленческих структурах. В республике были созданы 22 тыс. групп и свыше 17 тыс. постов. Они оказывали влияние не только на производственную деятельность, но и на многие сферы жизни и быта советских людей⁸⁹².

Немалый опыт в развитии производственной и политической активности масс играли профсоюзы Дагестана. Будучи значительной по численности массовой организацией, они практически охватывали всех трудящихся города, а после XXV съезда КПСС (февраль – март 1976 г.) и на селе. В соответствии с установками съезда и решениями ЦК КПСС бюро Дагестанского обкома партии 15 октября 1976 г. приняло постановление «Об увеличении массовости профсоюзных организаций в колхозах». Было признано необходимым осуществить меры по приему в члены профсоюзов колхозников, изъявивших такое желание. Вовлечение колхозников в профсоюзы проходило активно. На 1 января 1978 г. из постоянно работающих колхозников членами профсоюзов стали 43963 человека, или 55,2%. На 1 января 1980 г. в профсоюзах состояли 67176 колхозников, или 98,5%.⁸⁹³ На эту же дату численность членов профсоюзов республики увеличилась по сравнению с 1976г. в 4 раза и составила 610 тыс. человек.

Выросло и количество профсоюзных организаций. Их насчитывалось 16 областных, 226 городских и районных, 33 объединенных комитета, 13 профкомов производственных объединений, 4583 ФЗМК, 1960 цехкомов, более 10 тыс. профсоюзных групп⁸⁹⁴. В такой разветвленной структуре профсоюзов были свои положительные и отрицательные стороны. Положительная заключалась в том, что они не повторяли опыт партийного аппарата, безропотно подчинявшегося идущим сверху директивам, и по наиболее острым проблемам жизни и деятельности профсоюзные организации имели право высказывать свое мнение, принимать решения, соответствующие профилю их работы, отрицательная – в некоторой самостоятельности отраслевых профсоюзов, хотя они и объединялись в единый для всех Дагестанский профсоюз, направлявший усилия всех профсоюзов на решение наиболее важных вопросов производственной и политической жизни республики.

Руководствуясь основами законодательства Союза ССР о труде и положением о правах заводского, фабричного и местного профсоюзного комитета, профсоюзные комитеты принимали участие в разработке и реализации государственных планов, в распределении материальных и финансовых ресурсов предприятий, а также в решении вопросов улучшения условий труда, заработной платы, использования общественных фондов потребления.

Наряду с этим повышалась роль постоянно действующих производственных совещаний в управлении делами предприятий, колхозов и совхозов. В 1980 г. в промышленности, строительстве, на транспорте и в сельском хозяйстве функционировало свыше 630 постоянно действующих производственных совещаний (ПДПС)⁸⁹⁵.

Профсоюзы, как и в предыдущие годы, были запевалами и организаторами социалистического соревнования трудящихся страны. В начале 70-х гг. социалистическим соревнованием было охвачено 90% работников промышленности, транспорта и связи и более 133 тыс. человек участвовало в движении за коммунистический труд. В 1975 г. в социалистическом соревновании участвовали 298 тыс. человек, 64400 человек были удостоены звания «Ударник коммунистического труда». В 1980 г. в социалистическом соревновании участвовали все трудовые коллективы всех отраслей народного хозяйства. Звание ударника коммунистического труда носило более 87 тыс. передовиков производства⁸⁹⁶.

Однако за такими впечатляющими показателями в организации социалистического соревнования было немало показухи, губившей живое дело. Как отмечалось в отчетном докладе ЦК КПСС XXV I съезду партии, «... социалистические обязательства иногда разрабатываются не снизу, а «спускаются» сверху, вышестоящими инстанциями. Это наносит ущерб самому духу трудового соревнования»⁸⁹⁷.

Однако в докладе скромно были отмечены недостатки в этом вопросе, которому партия придавала такое огромное значение, рассматривая его как важнейший стимул в повышении производительности труда. На практике партийные организации старались охватить соревнованием как можно больше участников, не вникая особо глубоко в суть принимаемых ими обязательств. Искусственное форсирование числа участников социалистического соревнования и движения за коммунистическое отношение к труду, формальное и поспешное присвоение звания ударников социалистического соревнования и движение за коммунистическое отношение к труду подрывали саму суть этих движений, направленных на повышение производительности труда, достижение высоких производственных показателей.

Увлечение моральными факторами стимулирования труда, недостаточное внимание к повышению материальных стимулов снижали заинтересованность в результатах труда, что отражалось на производственных показателях трудящихся, особенно молодежи. В этих условиях осложнялись задачи молодежи в подъеме народного хозяйства. Дагестанская комсомольская организация была одной из самых массовых организаций республики, способной сказать свое слово в решении политических и производственных задач. Этим прежде всего объяснялась тяга несоюзной молодежи в ряды ВЛКСМ. Если на 1 января 1970 г. в областной комсомольской организации насчитывалось более 100 тыс. членов, то к январю 1985 г. ее численность увеличилась до 253884 человек. Наибольший пик численности комсомольцев выпал на 1986 г., когда в комсомольской организации республики число ее членов составило 260917 человек⁸⁹⁸.

Комсомол Дагестана, как и страны в целом, большое внимание уделял повышению роли молодежи в развитии промышленности и сельского хозяйства. Такое внимание сказалось и на том, что количество юношей и девушек, занятых в различных сферах народного хозяйства, увеличилось с 38 тыс. в начале 70-х гг. до 70 тыс. в 1980 г. Только в сельском хозяйстве было создано 488 комсомольско-молодежных коллективов. Немало таких коллективов работало в промышленности. Комсомол Дагестана шефствовал над Всесоюзной ударной комсомольской стройкой – строительством Чиркейской ГЭС. За 1978 – 1980 гг. на другие ударные комсомольские стройки по комсомольским путевкам выезжало более 2 тыс. юношей и девушек Дагестана.

В трудовую деятельность активно включалась и студенческая молодежь. Распространенной формой такого участия стали студенческие строительные отряды (ССО). В таких отрядах участвовало свыше 6 тысяч юношей и девушек. Только в 1980 г. ими было произведено строительно-монтажных работ более чем на 6 млн. руб., собрано 94 тыс. тонн винограда, с их помощью на консервных предприятиях было выработано продукции на 12,5 млн. руб.

Наряду с производственной деятельностью, комсомольские организации занимались общественно-политической и культурно-воспитательной работой среди молодежи и населения. В 1980 г. 48,5 тыс. комсомольцев и молодежи шефствовали над ветеранами войны и труда, семьями погибших на фронте. При их активном участии в Дагестане было открыто 215 памятников, обелисков и других мемориалов, созданы и пополнены экспозиции музеев⁸⁹⁹.

Вместе с тем в работе комсомольских организаций было немало недостатков, росли трудности, их ряды стали сокращаться, сказывались увлечение комсомольскими организациями формальной стороной дела, приписыванием себе производственных успехов, погоня за мнимыми достижениями, преувеличение показателей комсомольско-молодежных коллективов. Показуха и парадность, получавшие распространение в комсомольской среде, отвлекали комсомол от живой работы по воспитанию молодежи и защите ее интересов. В руководстве комсомольскими организациями все чаще оказывались малоинициативные комсомольцы, не имевшие опыта общественной работы и выдвинутые по протекции. Живую воспитательную работу они подменяли заседательской суетой, бумажными отписками и отчетами.

Заметное место в общественно-политической жизни республики в те годы стало занимать движение сторонников мира. В трудовых коллективах, учебных заведениях, творческих организациях проводились митинги, собрания, манифестации против производства нейтронной бомбы, размещения новых видов американского оружия в Европе и других действий империалистических стран, направленных против мирного сосуществования человечества. С большим успехом и при высокой активности населения прошла в Дагестане кампания по сбору подписей под стокгольским воззванием мира, прошедшая с 17 июня по 25 июля 1976 г. Более 800000 человек взрослого населения республики поставили свои подписи под воззванием, призывавшим все человечество отстоять мир на земле. В период кампании было проведено

свыше 3 тысяч митингов и собраний, на которых присутствовало более 500 тыс. человек и выступило 15 тыс. человек. В Советский фонд мира дагестанцами было собрано 100 тыс. руб.⁹⁰⁰ Это была мощная миролюбивая акция, прошедшая по всей стране.

Общественно-политическая жизнь 80-х гг. Наметившиеся в 80-е гг. в развитии экономики негативные тенденции все сильнее проявлялись и в общественно-политической жизни страны. Многим, в том числе высшему руководству страны, становилось все очевиднее, что развитое социалистическое общество, о построении которого помпезно было объявлено еще на XXIV съезде КПСС (апрель 1971 г.), не раскрывало своих преимуществ перед капитализмом во многих сферах жизни.

На 80-е гг. Коммунистическая партия выдвинула широкую для своего времени программу дальнейшего подъема благосостояния народа, которая охватывала вопросы улучшения всех сторон жизни людей – потребление, жилье, условия труда и быта, культура, отдых. Как отмечалось на XXVI съезде КПСС (февраль – март 1981 г.) на повышение заработной платы и других выплат и льгот населению предусматривалось выделить в одиннадцатой пятилетке (1981–1985 гг.) свыше 16 млрд. руб. Намечалось повысить размер пенсий, усилить помощь семьям, имеющим детей.

Значительные средства бюджета направлялись на повышение минимальной заработной платы до 80 руб. в месяц, ставок и окладов рабочих и служащих. За 1981–1985 гг. среднемесячная зарплата должна была возрасти на 13–16% и достичь 190 – 195 руб. Доходы колхозников от общественного хозяйства должны были увеличиться на 20–22%⁹⁰¹.

В государственные планы были заложены достаточно высокие темпы роста денежных доходов населения. Однако повышение жизненного уровня населения не сводилось лишь к росту денежных доходов. На первый план выдвигалась задача улучшения снабжения населения продовольствием и промышленными товарами широкого потребления. Ведь трудности со снабжением населения продовольствием приобрели повсеместный характер. Для решения этой задачи предусматривалось разработать продовольственную программу, которая была принята в 1982 г., но она так и не сняла проблему.

Прилавки продовольственных магазинов были полупустые, за колбасой и другими продуктами жители Подмосковья и даже отдаленных регионов вынуждены были ездить в столицу. Промышленность не обеспечивала растущий спрос людей на промышленные товары, одежду и обувь. Но и то, что выпускалось, далеко не соответствовало мировым образцам, и поэтому многие вынуждены были выезжать в переполненных туристических поездах для их приобретения в зарубежные страны.

Не только нехватка продуктов питания и промтоваров, но и вся сфера услуг требовала серьезного улучшения. На это обращалось большое внимание в Отчетном докладе Центрального Комитета КПСС XXVI съезду партии, с которым выступил Генеральный секретарь ЦК Л.И. Брежнев. В частности, в докладе указывалось: «То, о чем мы говорили, – продукты питания, товары народного потребления, сфера услуг – это вопросы повседневной жизни

миллионов и миллионов. Магазин, столовая, прачечная, химчистка – здесь люди бывают каждый день. Что они могут купить? Как их встречают? Как разговаривают с ними? Сколько они тратят времени на всякого рода бытовые хлопоты?»⁹⁰²

Это было внове, чтобы на высшем форуме коммунистов страны так остро ставились вопросы, которые нередко рассматривались как мелочи жизни, и предполагалось, что они утрясутся по мере экономического подъема. Однако в общественной жизни на фоне наблюдаемого замораживания и даже снижения материального уровня жизни трудящихся эти были не мелочи, но даже если и мелочи, то такие, которые усиливали наблюдаемые в те годы такие тревожные явления, как теневая экономика, хищения, коррупция, взяточничество, проникшие в высшие сферы власти. Разложение власти дошло до такой степени, что она, начиная с высших и кончая ее низкими звеньями, старалась не замечать этого и продолжала рисовать действительную картину в радужных тонах, в лучшем случае указывая лишь на отдельные недостатки. За широко распространенными по поводу или даже без повода длинными речами нередко ничего не стояло, кроме общих фраз и призывов, не подкреплявшихся конкретными делами. Выполнение принятых решений часто не контролировалось.

Замедление темпов хозяйственного развития страны не могло не отразиться на экономической и общественно-политической жизни отдельных республик. Разумеется, в Отчетном докладе ЦК КПСС этот вопрос не был обойден. В нем подчеркивалось: «Неуклонно укрепляется братская дружба всех народов нашей многонациональной Родины» и что «единство советских наций сегодня прочно, как никогда».

Констатируя эти как будто само собой разумеющиеся достижения в решении национального вопроса, тем не менее в докладе указывалось и на имевшие место серьезные недостатки. Но дело ограничилось призывом к Коммунистической партии, чтобы она решительно боролась «.. против таких чуждых природе социализма проявлений, как шовинизм и национализм, против лобных националистических вывихов, будь то, скажем, антисемитизм или шовинизм... священный долг партии – воспитывать трудящихся в духе советского патриотизма и социалистического интернационализма, гордого чувства принадлежности к единой великой Советской Родине»⁹⁰³.

Однако партийные призывы и заклинания уже не помогали. Нужны были конкретные решения и новые подходы. Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев в первые годы руководства партией немало сделал для улучшения социально-экономического положения страны, укрепления международного авторитета Советского Союза и сыграл большую роль в проведении широкопредставительного международного совещания в Хельсинки в 1975 г., завершившегося подписанием Хельсинского соглашения. Но с годами и он стал все более осторожным, окончательно уверовав в правильность своего политического кредо «не раскачивать лодку». Сказывались не только годы, но и ослабевшее здоровье, из-за чего он дважды просился, что-

бы его отпустили с высокой должности. Но в партии так просто не отпускали.

Общественно-политическая жизнь Дагестана, как и экономическая сфера, тысячами нитей связанная с общей обстановкой в стране, не могла не испытывать влияния наблюдаемых как положительных, так и негативных тенденций в ее развитии. Однако вместо решительной борьбы с недостатками в общественно-политической жизни, как того требовали решения XXVI съезда КПСС, местные партийные и советские органы умалчивали о назревших проблемах и трудностях, выпячивали успехи, хорошо представляя себе, что попытки сказать горькую правду не только не будут поощряться, но и могут резко пресекаться. В официальных выступлениях местных руководителей все чаще звучали победные реляции о выполнении и перевыполнении скорректированных в сторону снижения планов, невиданном расцвете науки и культуры.

Не только на всесоюзных форумах коммунистов, но и на областных партийных конференциях речь главным образом шла о достижениях, а многие острые проблемы замалчивались или о недостатках говорилось как об упущениях районных и городских партийных и советских органов. Чтобы отвлечь людей от горьких раздумий о товарных дефицитах, об очередях в магазинах, давке в общественном транспорте и других повседневных забот, широко отмечались различные юбилейные мероприятия, в торжественной обстановке проводилось ежегодное подведение итогов социалистического соревнования, победители соревнования награждались знаменами, вымпелами, значками, государственными наградами.

Чествования передовиков производства проводились торжественно, как большие праздники. Как один из таких праздников, в Дагестане ежегодно проводился день чабана, который отмечался летом в центре отгонных пастбищ – Кочубее. 5 мая 1980 г. республиканский День животновода был проведен на Махачкалинском ипподроме. Вместе с передовиками производства в нем приняли участие ответственные работники ЦК КПСС, Министерства сельского хозяйства России, ученые и делегации животноводов из Москвы, Армении, Азербайджана, Грузии, Казахстана, Калмыкии, Чечено-Ингушетии, Ставропольского края, Астраханской, Волгоградской, Ростовской областей и других регионов. Празднику предшествовала научно-практическая конференция по проблемам развития овцеводства⁹⁰⁴.

Такое внимание, которое было уделено животноводам Дагестана как со стороны центральных партийных и советских органов, так и соседних республик, краев и областей, было неслучайным. По итогам социалистического соревнования республика четырежды – в 1976, 1977, 1978 и 1980 гг., награждалась переходящим Красным знаменем ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ, а по итогам 1979 г. – Красным знаменем Совета Министров РСФСР и ВЦСПС⁹⁰⁵. Такими переходящими знаменами были отмечены и многие районы, колхозы и совхозы республики.

Государственными наградами труженики села отмечались не только по итогам года, но и полугодия. В первом полугодии 1980 г. за успехи, дос-

тигнутые в выполнении планов и социалистических обязательств по увеличению производства и заготовок продуктов животноводства орденами и медалями Советского Союза были награждены 40 человек. За 1970-1980 гг. за успешное выполнение заданий пятилетки 4272 человека – работника сельского хозяйства были награждены орденами и медалями, в том числе 83 человека высшим орденом страны – орденом Ленина. В колхозах и совхозах республики работали 66 Героев Социалистического Труда⁹⁰⁶.

Переходящие красные знамена были учреждены республиканскими партийными, советскими и профсоюзными органами, и ими отмечались достижения районов, колхозов и совхозов республики. Таких форм поощрения было много, и награждения приобрели массовый характер. Решения о поощрениях людей особенно высокими правительственными наградами принимались не в трудовых коллективах, а в вышестоящих партийных органах.

Как отмечается в мемуарах Р. Б. Эльдаровой, в 1967 г. переведенной с должности Председателя Президиума Верховного Совета ДАССР на должность заведомо палат Верховного Совета СССР, а в 1983 г. назначенной заведомо наград Президиума Верховного Совета СССР, сложившаяся тогда практика награждения государственными наградами страны не отвечала процессу демократизации общества, слабо стимулировала развитие трудовой и общественно-политической активности граждан. Массовые награждения по итогам пятилеток, в связи с юбилеями Советского государства, союзных и автономных республик, государственных учреждений и организаций, по многим другим случаям привели к снижению авторитета государственных наград. Само представление к наградам было формализовано, частыми были награждения не за конкретные заслуги, а в связи с юбилеями, которые стали привилегией определенной номенклатуры работников. В своих обращениях в вышестоящие органы общественные организации и трудовые коллективы указывали на эти и другие недостатки.

По инициативе Р. Б. Эльдаровой отделом были разработаны предложения, по которым представления к награждениям впредь должны были осуществляться за конкретные высокие достижения в решении задач по социально-экономическому развитию страны и культурному строительству. В дальнейшем, после принятия предложений отдела, предлагалось не производить массовых награждений, кандидатуры для награждения рассматривать на собраниях трудовых коллективов, не награждать повторно орденами Ленина, Октябрьской Революции, не присваивать также повторно званий Героев Советского Союза и Социалистического Труда, прекратить сооружение бюстов героям при жизни и т. д.⁹⁰⁷

Несмотря на некоторые ограничения, установленные для награждения государственными наградами, оно продолжало носить массовый характер. Вместе с тем падала их престижность, подрывая свое стимулирующее влияние на отношение людей к труду, к общему делу. Награжденные уже не пользовались тем вниманием, той поддержкой, которые оказывали «орденоносцам» в довоенные годы. В послевоенные годы появились другие кумиры, другие герои – герои Отечественной войны, освоения целины, всесоюзных

строек, а в дальнейшем – деятели культуры, поэты и писатели, артисты кино. Люди труда, хотя и не были совсем забыты, (их представителей продолжали избирать в партийные, советские, общественные органы), но они не чувствовали к себе прежнего отношения власти, считавшейся рабоче-крестьянской (колхозной). «О рабочем классе, – как писал в ЦК КПСС сварщик из г. Львова, коммунист А.В. Румянцев, – вспоминают лишь на собраниях и митингах»⁹⁰⁸.

Вопрос о высоких государственных наградах рассматривался и решался вначале в Политбюро ЦК КПСС, которое возглавлял Л.И. Брежнев, а после утверждался в Президиуме Верховного Совета СССР. Л.И. Брежнев был щедр на награды не только себе, но и другим. Однако его эпоха завершилась, и наступали иные времена.

Отношение к периоду его правления, как и к самой фигуре этого партийного и государственного деятеля, остается неоднозначным. Этот период одни считают временем стабильности и благополучия, «стремительного прогресса во всех основных сферах советского общества»⁹⁰⁹. Другие утверждают, что именно в эпоху Л.И. Брежнева стали проявляться отрицательные тенденции в экономической, политической, идеологической и культурной жизни страны, происходит усиление морального разложения и идейного брожения в обществе, несправедливо названные впоследствии застойными явлениями.

Несмотря на очевидные успехи социалистической системы, достижения СССР в решении жизненно важных социальных проблем, отдельные из которых были использованы цивилизованными странами мира, западной пропагандой принимались меры, чтобы опорочить советский опыт. С этой целью была развернута массированная пропаганда капиталистического образа жизни и западных ценностей, подаваемых как общечеловеческие, в которой участвовали и многие партийные и государственные деятели страны, раздавались открытые призывы деполитизации, деидеологизации общественной жизни, усыпившие политическую бдительность 18-миллионной Коммунистической партии.

Ахиллесовой пятой социалистического способа производства, отрицательно влияющего на развитие экономики, оставалось слабое использование материального стимулирования людей труда. Несмотря на многократные попытки Коммунистической партии и советской власти переломить ситуацию и усилить материальные стимулы в повышении производительности труда и обеспечении более высоких темпов развития экономики, начиная с 70-х гг. темпы экономического роста страны стали ослабевать, хотя они оставались более высокими по сравнению со многими зарубежными, в том числе с западно-европейскими странами.

Снижались не только темпы роста народного хозяйства, но и жизненного уровня населения. Советские люди под влиянием партийной пропаганды верили, что у нас в стране самый передовой общественный строй, но они никак не могли объяснить себе, почему тогда наши люди живут хуже, чем в развитых капиталистических странах.

Горбачевская перестройка. Официальное начало перестроечным процессам, изменениям в экономической и политической жизни страны, было положено апрельским (1985 г.) Пленумом ЦК КПСС по инициативе нового Генерального секретаря М.С. Горбачева. Общество, уже хорошо сознававшее необходимость реформ, вначале активно поддержало курс на ускорение социально-экономического развития страны, провозглашенного пленумом и названного перестройкой, суть которой тогдашний Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев объявил как «больше демократии, больше социализма!». Однако вместо социализма и ускорения социально-экономического развития страна получила постоянный рост цен, который охватил практически все виды товаров и услуг. В записке отделов ЦК КПСС «О росте розничных цен на товары народного потребления и тарифов на услуги, оказываемые населению», подготовленной и представленной в октябре 1988 г. в Политбюро ЦК КПСС, говорилось: «На протяжении десятой, одиннадцатой (первых трех лет) пятилеток были существенно повышены розничные цены не только на ряд престижных товаров: ювелирные изделия, хрусталь, ковры и др., но и на многие товары массового спроса..., а также тарифы на бытовые и коммунальные услуги, на услуги связи, многие виды товаров. Общее повышение цен и тарифов составило около 25 млрд. руб. Хотя с 1984 г. розничные цены официально повышались только на хлеб и на алкогольные напитки, однако скрытый рост цен на другие товары и продукты продолжался.

Очередной обзор писем, поступивших в ЦК КПСС в феврале 1989 г., показал, что цены не снижались, а продолжали повышаться. Как писал член КПСС И.Ф. Харлаев из г. Энгельса Саратовской области, «цены растут постоянно, но объяснений на этот счет никто не дает». «Экономическая реформа не приостановила рост цен, – утверждали Р.Д. Загрянская и И.А. Мордукович из Ленинграда. – Можно, пожалуй, сказать, что в ценообразовании наступил хаос. Дорожают товары, продукты, услуги...»⁹¹⁰.

В своих обращениях в ЦК партии коммунисты и беспартийные задумывались над тем, к чему может привести такой резкий скачок цен.

И.М. Конакова из Ленинграда предупреждала, что «повышение розничных цен будет, без преувеличения, «смертным приговором» малообеспеченным слоям населения». Ветеран войны и труда москвич В.А. Углов беспокоился, что «повышение цен на продукты питания, квартплату резко снизит и без того низкий жизненный уровень нашего народа». Жительница г. Измаил Одесской области О.С. Верлинская выражала уверенность, что «повышение цен на продукты питания приведет в скором времени к снижению рождаемости в стране»⁹¹¹. Прогнозы ее, к сожалению, со временем с лихвой подтвердились. Сокращение рождаемости и увеличение смертности привели к резкому сокращению численности населения страны.

Несмотря на многочисленные обращения граждан в вышестоящие инстанции, превентивные меры так и не были приняты. Все свелось к тому, что ЦК КПСС формально прореагировал на положение, которое сложилось в области ценообразования. 29 октября 1988 г. было принято постановление

Политбюро ЦК КПСС «О положении дел с розничными ценами на товары народного потребления и тарифами на услуги, оказываемые населению», в котором содержались лишь общие, ни к чему не обязывающие рекомендации. Так, Совету Министров СССР было рекомендовано рассмотреть этот вопрос и принять необходимые меры по дальнейшему совершенствованию хозяйственного механизма в целях стимулирования выпуска разнообразных товаров. ВЦСПС было рекомендовано провести комплекс мер по организации общественного контроля за работой торговли и общественного питания. Партийным организациям союзных республик, крайкомам и обкомам партии рекомендовалось всеми мерами политического воздействия добиваться неуклонного осуществления политики партии в вопросах ценообразования на товары и услуги для населения, усиления контроля со стороны местных советских органов за соблюдением дисциплины цен⁹¹².

На этих рекомендациях завершилась вся деятельность Центрального Комитета КПСС по устранению недостатков в системе торговли, ценообразования на товары и продукты, роста тарифов на оказание услуг населению, вызывающих недовольство трудящихся и сопровождающихся обострением общей политической ситуации в стране. После апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС, взявшего курс на перестройку и ускорение социально-экономического развития страны, значительно возросло количество письменных и устных обращений коммунистов и беспартийных в Центральный Комитет партии. Важное место в этих обращениях занимали проблемы экономического развития страны и отдельных регионов, совершенствования политической системы, международных отношений, партийного и советского строительства, других сторон жизни общества⁹¹³.

Хотя курс партии на обновление общества нашел понимание и поддержку у большинства населения, однако многих волновал вопрос о ценах, которые дошли до точки, когда их повышать уже больше было некуда. В ЦК КПСС вынуждены были отметить, что происходящий длительное время процесс роста розничных цен на товары и тарифов на услуги вызывает негативную реакцию населения, особенно социальных слоев с невысоким уровнем доходов. Более того, эта реакция становилась все болезненней, что требовало осуществления специальных подготовительных мер для проведения реформы розничных цен⁹¹⁴.

На фоне растущего недовольства народа экономическими трудностями публицисты и политологи обобщали: «... в общественном здании, которое мы воздвигли и нарекли «развитым», «зрелым социализмом», неудобно, неуютно жить» и требовали перемен, без которых невозможно нормальное развитие общества. Выступая от имени народа, который они плохо знали, они заявляли: «...дом, который мы построили, нуждается не в текущем и даже не в капитальном ремонте. Он нуждается именно в перестройке»⁹¹⁵.

ЦК КПСС, оказавшись в плену таких общественных настроений, спешно принялся реформировать политическую систему советского общества. Для подготовки предложений, связанных с осуществлением этой задачи, по постановлению Пленума ЦК КПСС 29 июля 1988 г. была создана большая

комиссия под председательством Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева. В нее входили представители партийных, советских, профсоюзных, комсомольских и общественных организаций страны⁹¹⁶.

Первоочередными задачами в области социально-политического развития и духовной жизни общества Политбюро ЦК КПСС признало установление памятника в Москве жертвам незаконных и репрессий, имевших место в годы культа личности, по поводу которого 4 июля 1988 г. приняло специальное постановление. Вслед за этим 11 июля 1988 г., было принято постановление «О дополнительных мерах по завершению работы, связанной с реабилитацией лиц, необоснованно репрессированных в 30 – 40-е годы и начале 50-х годов»⁹¹⁷.

20 октября 1988 г. Политбюро ЦК КПСС отменило постановление ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 г. «О журналах «Звезда» и «Ленинград», в котором были искажены ленинские принципы работы с художественной интеллигенцией». Хотя политика, проводимая партией в области литературы и искусства в годы перестройки, дезавуировала и преодолела эти выводы и положения и доброе имя писателей было восстановлено, тем не менее постановлению ЦК ВКП(б) была дана политическая оценка и оно было отменено⁹¹⁸.

В августе 1988 г. М.С. Горбачев обратился в ЦК КПСС с запиской «К вопросу о реорганизации партийного аппарата». Ссылаясь на то, что общество ждет от ЦК КПСС ясного ответа на вопрос о том, почему перестройка идет не везде одинаково и кто стоит на ее пути, он предлагал предпринять меры, чтобы великое дело перестройки шло на всех направлениях энергично и приносило результаты.

М.С. Горбачев считал необходимым решительно идти на передачу функций по оперативному управлению экономикой от соответствующих отделов ЦК правительству и постоянным его органам, отвечающим за группы отраслей⁹¹⁹.

В соответствии с предложениями М.С. Горбачева Политбюро ЦК КПСС 8 и 10 сентября 1988 г. приняло постановления «К вопросу о реорганизации партийного аппарата» и «О реорганизации аппарата местных партийных органов». По первому постановлению вместо 20 отделов ЦК КПСС оставил 9. Были сокращены в основном отделы, занимавшиеся вопросами отдельных сфер промышленности и экономики, некоторые из них были урушены.

Реформирование местных партийных органов было рекомендовано проводить по следующей схеме. В аппаратах ЦК компартий союзных республик, крайкомов и обкомов иметь 7 отделов: организационно-партийной и кадровой работы, идеологический, аграрный, государственно-правовой, общий и управление делами. В горкомах, райкомах партии иметь отделы: организационный, идеологический, общий⁹²⁰.

Сокращали не только партийные структуры, но и кадры. В обкомах, крайкомах партии, ЦК компартий союзных республик было предложено иметь не более 5 секретарей, в райкомах, горкомах партии – не более трех.

Подлежала сокращению и численность ответработников партийных аппаратов, с повышением зарплаты оставшимся на работе⁹²¹.

Судя по дальнейшему развитию страны, нельзя утверждать, что реорганизация партийного аппарата сыграла положительную роль и помогла преодолеть кризисные явления, все более четко вырисовывающиеся в общественно-политической жизни страны.

Активизировалась работа ЦК КПСС по реабилитации жертв политических репрессий, начатая в 1953 г. после смерти И.В. Сталина и с новой силой продолженная после XX съезда КПСС (1956 г.). 28 сентября 1987 г. Политбюро ЦК КПСС образовало комиссию для обстоятельного изучения фактов и документов, связанных с репрессиями в период 30-40-х и начала 50-х гг., председателем которой был утвержден член Политбюро ЦК КПСС, председатель КПК при ЦК КПСС М.С. Соломенцев. В октябре 1988 г. Политбюро произвело изменения в составе комиссии. Ее председателем был утвержден член Политбюро, секретарь ЦК КПСС, «архитектор» перестройки А.Н. Яковлев. В течение 1988 г. было проведено восемь ее заседаний. Правда, работа комиссии сводилась в основном к тому, что она заслушивала информацию об отмене приговоров военной коллегии Верховного суда СССР о прекращении дел в отношении репрессированных в те годы, принимала их к сведению, утверждала тексты сообщений для печати и рассматривала вопросы о партийности бывших членов партии, реабилитированных в уголовном порядке⁹²².

В духе горбачевской перестройки тех лет, направленной на переосмысление советского прошлого не в духе исторической правды и объективности, а в интересах политической целесообразности, Политбюро ЦК КПСС сочло необходимым опубликовать в журнале «Известия ЦК КПСС» доклад первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева на закрытом заседании XX съезда КПСС 25 февраля 1956 г. «О культе личности и его последствиях»⁹²³. Каких-либо других комментариев о причинах публикации этого доклада по прошествии 33 лет не было. Может быть, надеялись, что это, как и тогда, после съезда поможет активизировать антисоветскую кампанию в стране и за рубежом, подкрепить и усилить ряды перестройщиков, поколебает наиболее стойких сторонников советской власти, подорвет братскую дружбу народов Советского Союза, служившую его цементирующей основой.

В духе исправления ошибок прошлого советского руководства было принято решение об окончании афганской войны, которая начиналась неизвестно за какие конкретные интересы, кроме объявленного оказания интернациональной помощи демократическому Афганистану. Ради этого советским воинским частям, введенным в Афганистан 27 декабря 1979 г., пришлось воевать 9 лет, теряя молодых, еще не нюхавших пороха ребят. Лишь 15 февраля 1989 г. в период, когда горбачевская перестройка входила в полную силу, была затронута бывшая долгое время запретной тема афганской войны, и советским войскам наконец разрешили вернуться домой.

С первых дней этой ставшей непопулярной войны и до ее последних дней в ней участвовали и дагестанцы. Военную службу в Афганистане про-

шли 2958 дагестанцев, в их числе 11 офицеров и 8 прапорщиков. Из них 769 человек были награждены боевыми наградами. А.И. Исрафилов посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза. Имена многих, героически погибших на афганской войне, были присвоены школам, улицам, молодежным коллективам⁹²⁴.

Дорого обошлось советским людям выполнение интернационального долга, который многие не очень-то и понимали. Советские части покидали Афганистан, потеряв без малого 15 тыс. человек и не выполнив поставленной задачи по утверждению там демократического строя наподобие советского. Америка, давно искавшая возможности расширения в этом регионе зоны жизненных интересов, ввела свои войска в освобожденный от присутствия советских воинских частей Афганистан и до сих пор не может упрочить свое положение в стране, свободолюбивый народ которой никогда и ни перед кем не склонял своей головы.

Если это решение советского руководства того времени можно было оценить положительно, то этого не скажешь о его дальнейших действиях и планах. Горбачев и его окружение начинали пожинать плоды своей непоследовательной и непродуманной политики. Ухудшающееся социально-экономическое положение трудящихся, социальная неустроенность людей, объясняемые на бытовом уровне неодинаковым экономическим уровнем развития между народами, их неравномерным политическим положением начали приводить к межнациональным конфликтам.

В конце 1988 г. проверкой Комитета партийного контроля при ЦК КПСС с участием местных партийных, советских и правоохранительных органов были выявлены грубые нарушения конституционных прав граждан и массовые беспорядки, сопровождавшиеся расправами над лицами другой национальности, имевшие место в Армении и Азербайджане. На почве обострения национальных отношений в некоторых районах Армении беспорядки вылились в расправы над лицами другой национальности, сопровождавшиеся человеческими жертвами и массовым выездом азербайджанского населения. Аналогичные примеры произвола и нарушений социалистической законности произошли в Азербайджане. В ряде организаций и предприятий республики была создана невыносимая обстановка, из-за чего более половины работающих на них армян вынуждены были уволиться.

К должностным лицам, допустившим незаконные действия в Азербайджане и Армении, были приняты строгие меры: исключение из партии, освобождение от занимаемых должностей, партийные взыскания. Учитывая проведенную работу, Политбюро ЦК КПСС, рассматрившее 10 февраля 1989 г. вопрос «О выполнении постановления ЦК КПСС от 15 декабря 1988 г. «О незаконных действиях некоторых должностных лиц Азербайджанской ССР и Армянской ССР», ограничилось принятием к сведению информации Комитета партийного контроля при ЦК КПСС по данному вопросу, подписанной ее председателем Б.К. Пуго.

Однако записка заканчивалась настораживающим выводом: «В настоящее время ситуация в республиках постепенно стабилизируется, хотя и

продолжает оставаться взрывоопасной»⁹²⁵. Эти прогнозы не только подтвердились последующим развитием событий, но и начались конфликты в других регионах Кавказа. Госсовет Грузии потребовал распустить законно избранный Верховный Совет Абхазии, освободить его председателя В. Ардзинбу и предать его суду за «разжигание межнациональной розни в Грузии»⁹²⁶.

Чтобы принудить Абхазию выполнить свое требование, Грузия применила воинские силы. На этой почве в 1989 г. в Абхазии были начаты военные действия. Три года шла война в Абхазии, которую Грузия проиграла с большими для себя потерями. Провозглашенный экс-президентом З. Гамсахурдиа лозунг «Грузия для грузин» способствовал обострению межнациональных отношений, противопоставлению народов многонациональной грузинской республики друг другу⁹²⁷. В марте 1989 г. в Грузии началась кампания по выживанию аварцев из Кварельского района, осевших там в 1895 г. В 1944 г. они были переселены в Чечено-Ингушетию после выселения чеченцев и ингушей.

В 1957 г. они вернулись в Грузию. В марте 1989 г. «Литературная газета» опубликовала очерк поэтессы М. Кахидзе «От имени села», в котором она подтасовала факты, пытаясь нагнетать напряженность в отношениях между аварской общиной и грузинами. Этот почин подхватили неформальные объединения, печать, радио и телевидение. Участились сходы, на которых принимались решения о создании для аварцев невыносимых условий, вынудивших бы их покинуть Грузию. Официальные лица и лидеры неформальных объединений прямо заявляли им: «Мы вас не выгоняем, но вам лучше уехать»⁹²⁸.

Из-за притеснений значительная часть кварельских аварцев вынуждена была покинуть Грузию. Отток после избрания президентом Грузии Э. Шеварднадзе был несколько замедлен, хотя положение в районах их проживания оставалось напряженным⁹²⁹.

Происходившие в других кавказских регионах конфликты (армяно-азербайджанский, грузино-осетинский, грузино-абхазский) не могли не повлиять негативно и на Дагестан, на взаимоотношения его народов, проживавших традиционно компактно и исповедовавших единую для большинства религию, имевших близкий уклад жизни, элементы быта, обычаев и схожую психологию. В период радикальных реформ и смены исторических приоритетов, в условиях бездействия органов власти в решении возникающих острых национальных проблем национальные ценности как бы выдвинулись на передний план, поражая сознание многих представителей дагестанских народов националистическим ядом.

Если учесть, что многие годы на решение острейших проблем и противоречий в национальных отношениях не обращалось внимания, то можно понять всю остроту их проявления в середине 80 – 90-х гг. На фоне экономических, политических и идеологических преобразований резко ухудшилось материальное положение трудящихся, выросла безработица, началось выяснение причин, приведших к этому. В поисках путей преодоления кризиса на-

чали создаваться национальные движения, обещавшие объединить усилия своих народов ради решения практических задач. В начале 1989 г. в Махачкале возникло кумыкское национальное движение «Тенглик». 19 ноября 1989 г. был проведен первый учредительный съезд движения, на котором были приняты устав и программа «Тенглика».

Кумыкское национальное движение (КНД) наладило международные контакты, его лидер С. Алиев принял участие в сессии Ассамблеи организации непредставленных народов. Делегация КНД участвовала также в VI съезде тюркских государств и общин в г. Бурса.

По мере роста своего политического влияния на кумыкское население «Тенглик» выдвигал все более радикальные требования о федерализации Дагестана, предоставлении кумыкам национальной автономии, принятии закона об этнических территориях, что не нашло поддержки не только у других дагестанских народов, но и у большинства собственного народа⁹³⁰.

Почти все сознавали, что в силу целого ряда объективных и субъективных причин у кумыкского народа была неудовлетворенность своим положением. На своей исторической родине кумыкский народ оказался в меньшинстве. Многие населенные пункты, где проживали кумыки, были лишены возможности вести сельское хозяйство из-за ограниченности земельных ресурсов, отведенных под животноводческие пастбища горных районов⁹³¹.

Кроме земельного кумыкское народное движение требовало и более правильного решения вопросов выдвижения кумыков на руководящие должности в исторически кумыкских районах. После переселения горцев на равнину в ряде районов эти должности стали занимать представители горских народов, что задевало национальные чувства местных этносов. Такие моменты имели место и в жизни других народов, ставшие детонаторами народных выступлений.

За учредительным съездом КНД последовал объединенный съезд ногайского народа, состоявшийся под занавес 1989 г. – 23 декабря. Съезд образовал общество «Бирлик» («Единство»), уже самим названием своего объединения подчеркивая главную задачу – объединение разделенного по трем разным регионам ногайского народа. Съезд принял устав и программу, в которой провозглашалось воссоединение ногайцев и образование ногайской автономии.

Эти прецеденты дали импульс к созданию новых национальных движений, особенно активизировавшихся в 90-е гг.

Общественно-политическая жизнь 90-х гг. Последнее десятилетие XX в. в истории России следует отнести к особому, ни с чем не сравнимому периоду, когда великая мировая держава пережила потрясения, которые отбросили ее на десятилетия назад. Системный кризис, поразивший российское общество, не мог не повлиять на социально-экономическое и политическое положение страны. Шло формирование нового мирового порядка, характеризующегося слиянием национальных экономик в единую экономическую систему, которая без интеграции России с ее богатыми природными ресурсами и

дешевой рабочей силой была бы неполнокровной. Вот почему США были заинтересованы привязать к колеснице мирового экономического порядка, создаваемого под их протекторатом, и Россию, но не в качестве партнера, а клиента⁹³².

В России 90-х гг. события развивались словно по сценарию бывшего госсекретаря США А. Даллеса, создавшего целую программу по разрушению СССР изнутри. Неслучайно вопреки твердо выраженному на всесоюзном референдуме мнению (почти 90%) советских людей о том, что они хотят жить в союзном государстве, руководители трех республик (России – Б. Ельцин, Украины – Л. Кравчук и Белоруссии – С. Шушкевич) втайне от своих народов и вдали от центра подписали Беловежские соглашения, разрушившие великую державу мира. Символично, что об осуществлении своего преступного сговора они первыми сообщили не президенту СССР М.С. Горбачеву, а президенту США Д. Бушу.

За распадом Советского Союза последовали гайдаровская либерализация цен, расстрел Белого дома, ломка старых общественных ценностей и разгул криминала, приведшие к всеобщему замешательству не только в центре, но и на окраинах, куда события распространялись как круги по воде. Но переход к демократии, о которой торжественно заявляли на многочисленных митингах демократы, появление многочисленных рынков, выросших из-под земли как грибы после дождя и превративших великую державу в большой базар, не сделали жизнь простых людей ни легче, ни безопаснее.

Не оправдала новая демократия, пропагандировавшая общечеловеческие ценности и призывавшая к «социализму с человеческим лицом», надежды граждан России жить в более спокойном и благожелательном мире. Вместо «холодной войны» многие народы получили кровопролитные войны, о чем свидетельствовали варварские бомбардировки в Югославии, агрессивные действия израильской армии против Ирака. Тревоги людей усиливались участвовавшими актами международного терроризма в Израиле, Индонезии, взрывами домов в Дагестане, Москве, войной в Чечне, другими террористическими актами, от которых погибали и страдали безвинные люди.

Трудно объяснить хотя бы первопричины того, что произошло с мощной мировой державой, продолжавшей свое поступательное развитие, хотя и несколько снизившей темпы социально-экономического подъема. Несомненно и то, что на политическую ситуацию в стране повлияли расшатывание ее моральных основ, общая вседозволенность, призывы типа «разрешено все, что не запрещено законом», провозглашаемые с высоких трибун, а также раздача всем, кто не отказывался, щедрых государственных кредитов, осуществляемая якобы для создания среднего класса – опоры новой власти. Проводя политику практически дармовой приватизации общенародной собственности, конфискации всех средств населения, открывая широко дорогу к «бегству» из страны многомиллиардных капиталов за рубеж, задерживая многие месяцы зарплату, власти играли с огнем. Доверие народа к власти сильнейшим образом было подорвано новой конфискацией сбереже-

ний населения в 1998 г., ставшей нижней точкой морально-критического падения российского общества. Выросшие как на дрожжах крупнейшие бизнесмены проявили невероятную алчность и бесцеремонность в разбазаривании и расхищении национальных богатств, в повседневной деловой жизни. В погоне за невиданными в мировой практике прибылями они пренебрегали правами акционеров, стремились захватить чужую собственность, проявляли небрежность и необязательность в выполнении контрактов, что также подорвало моральный климат в стране⁹³³.

Общероссийский кризис привел к обострению межнациональных отношений. Страна скатывалась от нерушимого Союза к национальным суверенитетам, чему пример подала сама Россия, объявив в 1991 г. на 1-м съезде народных депутатов РСФСР о суверенитете России в составе обновленного Союза. Это решение и заявление Б. Ельцина в Татарстане о том, что «берите суверенитета столько, сколько сможете», подстегнули «парад суверенитетов». Межнациональные отношения обострились, сепаратистские тенденции усилились по всей стране. В этой обстановке не совсем продуманным было выступление в печати писателя А.И. Солженицына о том, как обустроить Россию. Он предлагал вместо национальных республик и автономий, краев и областей создать губернии, русским вернуться к своим этническим границам и южные границы установить по Краснодарскому и Ставропольскому краям и Астраханской области. Хотя эти идеи тогда и не были поддержаны, однако и по сей день находятся политологи, склоняющиеся к подобному решению национальной проблемы.

Все это подстегивало националистические, сепаратистские страсти. Вокруг Дагестана, в годы советской власти признанного лабораторией решения национальных отношений, бушевали межнациональные конфликты и столкновения: армяно-азербайджанские (1988–1991 гг.), грузино-осетинские (1989–1992 гг.), грузино-абхазские (1992–1993 гг.)⁹³⁴. Они не могли не повлиять на обстановку и в Дагестане. Этнополитические проблемы в республике так обострились, что Верховный Совет ДАССР 17 декабря 1992 г. принял постановление «О национальных движениях», в котором отмечал, что «в республике вследствие углубления экономического кризиса, осложнения межнациональных отношений сложилась крайне тяжелая, напряженная обстановка, возникла реальная угроза единству и целостности Дагестана»⁹³⁵.

На фоне углубляющегося социально-экономического кризиса и перестроечных процессов в политической жизни республики происходили серьезные изменения, выразившиеся прежде всего в росте общественных объединений. В начале 90-х гг. в Дагестане было зарегистрировано 566 таких объединений. Особенно много их возникло по проблемам народов Дагестана, по которым в советские времена какие-либо объединения по их проблемам были категорически запрещены, как будто тогда у них и не было никаких проблем. К этому времени были созданы 48 народных движений⁹³⁶. Одно из таких движений было создано и в столице страны.

11 февраля 1990 г. представители проживающих в Москве лезгин провели собрание и организовали общество лезгин «Самур». Был утвер-

жден и устав общества. Вслед за этим в селении Белиджи Дербенского района 14 июля был проведен учредительный съезд лезгинского народного движения «Садвал», в котором приняло участие около 200 делегатов из южных районов Дагестана и северных районов Азербайджана, а также из Махачкалы, Баку и Сумгаита. Съезд принял устав и программу движения, обращения «К лезгинскому народу» и «К братским народам СССР»⁹³⁷.

Долго тлевший очаг напряженности был и в Новолакском районе, до выселения оттуда в 1944 г. чеченцев-аккинцев называвшемся Ауховским. 25 февраля аккинцы у въезда в Новолакский район провели митинг, посвященный памяти жертв сталинских репрессий. В нем приняли участие делегации из Хасавюртовского, Новолакского, Казбековского районов и гости из Грозного, Гудермесского и Ножайюртовского районов Чечено-Ингушетии. Участники митинга приняли обращение к Дагестанскому обкому КПСС, Президиуму Верховного Совета и Совету Министров ДАССР, к ученым и деятелям культуры, призывая с пониманием отнестись к чаяниям аккинцев и помочь ускорить решение их проблем, которые сводились к тому, чтобы аккинцам возвратили их земли и восстановили бы прежнее название района⁹³⁸.

С первых дней появления народных движений и других подобных образований против них выступали многие представители интеллигенции, рабочих и других слоев населения, рассматривая их как действия, направленные против единства дагестанских народов. В «Дагестанской правде» в номере за 20 января было опубликовано «Обращение к народам Дагестана» представителей интеллигенции республики. В нем выражалась озабоченность негативными событиями в межнациональных отношениях, происходившими в ряде районов Дагестана и страны. Авторы обращения призывали дагестанцев к проявлению мудрости и взаимной доброжелательности. Первого февраля с аналогичным обращением к дагестанцам в газете «Дагестанская правда» выступили деятели искусства. Они призывали «беречь и дорожить великой исторической дружбой» народов Дагестана.

Несмотря на эти обращения, народные движения продолжали выступать за федерализацию Дагестана. Резко отрицательно к этим требованиям относились и официальные органы. Не считаясь ни с общественным мнением, ни с отношением официальных органов, съезд кумыкского народного движения, переименованного в «Тенглик» («Равенство»), состоявшийся 9 ноября 1990 г., принял Декларацию о самоопределении кумыкского народа и провозгласил образование кумыкской республики. Если учесть, что в работе съезда приняло участие 542 делегата и 311 гостей, в том числе из Чечено-Ингушетии и Карачаево-Черкесии, то следует признать, что это была серьезная заявка, встревожившая официальные власти⁹³⁹.

Настораживало и то, что в тот же день в с. Белиджи Дербентского района прошел съезд представителей лезгинского народа, принявший обращение к съездам народных депутатов Азербайджанской ССР и ДАССР, в котором предлагалось подтвердить права лезгинского народа на самоопределение и создание комиссии для выработки механизма воссоединения лез-

гин и определения границ двух республик. В случае неприятия этих требований лезгинский национальный совет грозился приступить к подготовке и проведению референдума о форме самоопределения лезгин в составе обновленной Советской Федерации. Съезд выступил против проектов об объявлении суверенитетов Дагестана и Азербайджана.

Съезд народных депутатов Дагестана не мог не прислушаться к таким заявлениям и оставить их без внимания. 15 ноября съезд народных депутатов принял постановление «О проекте Декларации о государственном суверенитете Дагестанской АССР», в котором признал нецелесообразность проведения голосования по данному вопросу. Народным депутатам было предложено вести среди избирателей разъяснительную работу, поскольку не только выражалась озабоченность по поводу участвовавших митингов экстремистского характера, но и звучало требование давать решительный отпор демагогам, подогревающим страсти в межнациональных отношениях.

В том же номере «Дагестанской правды» за 20 февраля 1990 г. был опубликован репортаж с «круглого стола», который провела редакция газеты. В нем выступили завкафедрой Дагсельхозинститута, профессор А.М. Аджиев, замминистра здравоохранения, кандидат медицинских наук А.С. Арсланов, ректор Дагмединститута, профессор А.М. Голубев, завкафедрой ДМИ, профессор М.А. Омаров, завкафедрой Даггосуниверситета, профессор Р.М. Магомедов, заведомом газеты Н.А. Гаджимурадов и консультант идеологического отдела обкома КПСС Н.Э. Казиев. Широко известные в республике деятели указывали на те тяжелые экономические, политические и социальные последствия, к которым может привести разъединение народов Дагестана по национальным квартирам.

25 февраля 1990 г. в «Дагестанской правде» было опубликовано обращение участников многотысячного митинга коллектива Махачкалинского производственного объединения «Авиаагрегат». Рабочие и служащие завода призвали народы Дагестана крепить дружбу между всеми народами, давать отпор тем, кто сеет рознь и вражду, создает нестабильность в дагестанском обществе.

Разумеется, эти акции не проходили без какого-то влияния партийных инстанций. Более того, некоторые из них могли ими непосредственно организовываться, но в то же время те, кто выступал против попыток расшатать, поколебать единство дагестанских народов, хорошо понимали, к каким тяжким последствиям могут привести такие действия, и предостерегали людей от этого.

Однако мало кто внял этим предостережениям, и по-прежнему продолжалось создание народных фронтов и движений. Обеспокоенные созданием таких движений, нижнетерские казаки 20 сентября создали свой Учредительный круг. Около 600 делегатов представляли город Кизляр, Кизлярский и Тарумовский районы. На круг приехали и делегации казаков из Северной Осетии, Чечено-Ингушетии и Ставропольского края. В этом мероприятии приняли участие и представители общественно-политических орга-

низаций Дагестана. Было принято уложение, избраны атаман круга и его заместители⁹⁴⁰.

Существующие народные движения предпринимали меры к распространению своего влияния, укреплению социальной базы, расширению связей и объединению с другими движениями. 4 ноября в Червленых Бурунах Ногайского района состоялся чрезвычайный съезд Ногайского народа и терского казачества. В работе съезда приняли участие более 300 делегатов из Ногайского, Тарумовского, Бабаюртовского, Кизлярского районов, а также из Карачаево-Черкесии, Ставропольского края, Чечено-Ингушетии. Были приняты «Декларация о самоопределении коренных народов Ногайской степи», обращения к властям ДАССР, ЧИАССР и Ставропольского края и другие решения.

Такие требования звучали не только на различных общественных мероприятиях в регионах, но и в столице республики. В связи с этим был разработан проект декларации о суверенитете ДАССР, который рассматривался на съезде народных депутатов Дагестана 15 ноября. Съезд решил не проводить голосования по этому вопросу и предложил народным депутатам глубже изучить общественное мнение по вопросу о суверенитете и согласительной комиссии поручил продолжить доработку проектов Декларации о государственном суверенитете Дагестанской АССР.

Были приняты меры для решения конкретных проблем, поднимаемых ногайским народом. Правительством Республики Дагестан 31 августа 1993 г. было принято постановление «О социально-экономическом развитии ногайского народа». Много делалось и для развития культуры и образования ногайцев. В Государственном Совете Республики Дагестан был представлен ногаец. Администрации Ногайского и Бабаюртовского районов возглавляли ногайцы⁹⁴¹.

Понимая нарастающую актуальность и остроту национально-территориальных отношений и проблем, Верховный Совет ДАССР 22 ноября принял Закон «О порядке решения вопросов административно-территориального устройства Дагестанской АССР». Бесспорно, хорошим дополнением к этому закону послужило постановление Верховного Совета ДАССР об образовании соответствующего органа – Государственного комитета Дагестанской АССР по делам национальностей, призванного оперативно решать проблемы, возникающие в межнациональных отношениях⁹⁴².

Сепаратистским настроениям дагестанцы дали отповедь при проведении референдумов СССР и РСФСР 17 марта 1990 г. Из 81 % граждан Дагестана, участвовавших в референдумах, за сохранение обновленного Союза суверенных республик высказались 82 % участвовавших в голосовании. На вопрос о введении поста президента РСФСР положительно ответили более 70 % голосовавших⁹⁴³. Это означало, что народы Дагестана, как и в целом Советского Союза, были против суверенизации республик и голосовали за сохранение обновленного Советского Союза, преобразованного на демократических принципах.

Между тем Грузией продолжали предприниматься меры по выселению аварцев из Кварельского района. 21 февраля 1990 г. Верховный Совет ДАССР, учитывая требование грузинской стороны выселить аварцев из Грузии, принял постановление «О положении дагестанцев, проживающих в Кварельском районе Республики Грузия»⁹⁴⁴. В этой связи было решено переселить аварцев в Дагестан, на земли отгонных зимних пастбищ.

Возмущение действиями грузинских властей выразили жители Ногайского района, которые обратились в Верховный Совет ДАССР с письмом. В нем они писали, что действия грузинской стороны направлены на разжигание национальной вражды между соседними народами, в том числе и к дагестанцам Кварельского района. Они были недовольны и решением Верховного Совета ДАССР о переселении на территорию Ногайского района дагестанцев из Грузии, рассматривая его «как целенаправленный акт на растворение и медленное уничтожение ногайского этноса»⁹⁴⁵. В связи с этими требованиями Совет Министров ДАССР 16 октября 1991 г. принял постановление «О компактном переселении лиц аварской национальности из Кварельского района Республики Грузия на территорию Дагестанской АССР» – г. Южно-Сухокумск⁹⁴⁶.

С правительством Республики Грузия ещё в мае 1991 г. правительство Дагестана подписало договор о неотложных мерах по обеспечению организованного переселения жителей аварской национальности, проживающих в Кварельском районе Грузии⁹⁴⁷. Заключив договор с Грузией и приняв решение о переселении 4-х тыс. аварцев в Южно-Сухокумск, правительство РД исчерпало инцидент с Грузией по этому вопросу, хотя грузинская сторона не выполнила своих обязательств выкупить их дома и помочь при переселении.

Если этот вопрос дагестанскому правительству удалось сравнительно легко решить, то затянувшейся и грозившей перейти в острые формы оставалась проблема репрессированных чеченцев-аккинцев. Их представители добились встречи у высшего руководства России. 6 апреля 1991 г. Председатель Верховного Совета РСФСР Б.Н. Ельцин принял дагестанскую делегацию в составе Председателя Верховного Совета ДАССР М. Магомедова, 1-го заместителя Председателя Совета Министров ДАССР М. Абдулбасирова, а также представителя чеченцев-аккинцев, народного депутата РСФСР С. Джамалдинова. Во встрече принял участие и Председатель Совета национальностей Верховного Совета РСФСР Р.Г. Абдулатипов.

Уже сам уровень встречи свидетельствовал об особой остроте рассматриваемой проблемы. На ней речь шла о разрешении депортированным в 1944 г. чеченцам-аккинцам вернуться в Новолакский район и ряд селений Казбковского района, заселенных аварцами, и о восстановлении бывшего Ауховского района. На встрече была достигнута договоренность создать комиссию, которой поручить изучить вопрос с выездом на место⁹⁴⁸.

В период этой встречи республиканский комитет кумыкского народного движения, располагавший информацией о том, что в правительстве республики рассматривается вопрос о переселении жителей Новолакского

района на Прикаспийскую низменность, в один из кумыкских районов, принял заявление⁹⁴⁹. В нем отмечалось, что переселение новолакцев в район севернее г. Махачкалы или в какой-либо сельский регион кумыкской равнины может вызвать ответную реакцию со стороны проживающего населения и выразиться в межнациональных столкновениях»⁹⁵⁰.

Прогнозы комитета кумыкского народного движения оправдались, видимо, не без его помощи. 13 апреля 1991 г. на площади Ленина в г. Махачкале состоялся многотысячный митинг, посвященный событиям в Хасавюртовском районе, где обстановка накалялась, грозя перейти в насильственные действия вплоть до военных столкновений. В митинге приняли участие и делегации из Казбековского и Новолакского районов. Участники митинга приняли резолюцию, в которой требовали отставки правительства, немедленного объявления суверенитета Дагестана. Главную проблему, связанную с требованиями чеченцев-аккинцев, предлагалось решить на основе шариата и справедливо⁹⁵¹.

Однако это был не лучший путь решения трудной и потому затянувшейся проблемы. После этих событий более активно в ее решение включились федеральные структуры власти. В Дагестан прибыла рабочая группа, возглавляемая председателем Комиссии по национально-государственному устройству и межнациональным отношениям Верховного Совета РСФСР Н.П. Медведевым. Члены комиссии встречались с представителями народов, проживающих в Хасавюртовском, Новолакском и Казбековском районах⁹⁵².

На втором этапе съезда народных депутатов ДАССР, состоявшемся 23 июля 1991 г., с докладом «О ходе осуществления практических мер по выполнению постановлений съездов народных депутатов ДАССР по стабилизации обстановки в Хасавюртовском регионе и Закона РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» выступил Председатель Верховного Совета ДАССР М.М. Магомедов. Съездом народных депутатов были приняты постановления «О практических мерах по выполнению решений съездов народных депутатов Дагестанской ССР и реализации Закона РСФСР «О реабилитации репрессированных народов», «Об отводе земель вновь образуемого Новолакского района», «Об изъятии и передаче земель на расширение сельских населенных пунктов».

В соответствии с решениями съезда было принято постановление Совета Министров Дагестана «О создании организационных комитетов по восстановлению Ауховского района и по переселению лакского населения Новолакского района с образованием одноименного района на новом месте». Были утверждены временные положения об оргкомитете, определен их состав⁹⁵³.

Несмотря на принимаемые меры, обстановка в Хасавюртовском регионе не только не стабилизировалась, а вновь приняла более острые формы. В селении Ленинаул Казбековского района в связи с распределением земельных участков под жилищное строительство между аварцами и чеченцами возник конфликт, в котором участвовали по несколько тысяч человек с каждой стороны. Президиум Верховного Совета ДАССР 10 сентяб-

ря 1991 г. принял постановление «Об обстановке в Казбековском районе Дагестанской ССР» и обратился к враждующим на этой почве жителям селений Ленинаул и Калининаул с призывом прекратить противостояние.

Однако противостояние не только не прекратилось, а наоборот, обострилось. Учитывая это и принимая во внимание, что возможности для нормализации обстановки без применения чрезвычайных мер исчерпаны, Президиум Верховного Совета ДАССР издал Указ о введении на территории Казбековского района чрезвычайного положения сроком на один месяц⁹⁵⁴.

Несмотря на введение чрезвычайного положения, руководство республики принимало меры к тому, чтобы уладить конфликт мирными средствами, путем переговоров, обращений от имени высших органов как Дагестана, так и России к конфликтующим группам аварского и чеченского населения, посредством поиска путей решения их проблем. 18 сентября 1991 г. Верховный Совет ДАССР принял обращение к гражданам аварской и чеченской национальностей, находящимся в зоне чрезвычайного положения в Казбековском районе. В обращении высший орган республики настойчиво предлагал прекратить противостояние, вернуться к состоянию до событий 5 сентября. После этого 20 сентября Верховный Совет ДАССР принял специальное постановление «Об обстановке в Казбековском районе Дагестанской ССР». Ссылаясь на сложившуюся в регионе крайне напряженную обстановку, Верховный Совет ДАССР поручил Президиуму Верховного Совета, Совету Министров ДАССР, депутатской группе с привлечением религиозных авторитетов, представителей общественных организаций и национальных движений продолжить работу по урегулированию обстановки в Казбековском районе. В постановлении содержалась просьба к руководству Верховного Совета РСФСР принять участие в стабилизации положения в Казбековском районе⁹⁵⁵.

Верховный Совет РСФСР не замедлил откликнуться на просьбу республики. 24 сентября 1991 г. в Махачкалу прибыли исполняющий обязанности Председателя Верховного Совета РСФСР Р.И. Хасбулатов (выходец из Чечни) и председатель Совета национальностей Верховного Совета РСФСР Р.Г. Абдулатипов (выходец из Дагестана). После кратковременной остановки в Махачкале они выехали в Казбековский район, где вступили в переговоры между сторонами, которые длились 10 часов. В итоге был подписан протокол согласительной встречи Р.И. Хасбулатова и Р.Г. Абдулатипова с представителями чеченцев-аккинцев и аварцев селений Ленинаул и Калининаул.

Благодаря принятым мерам конфликт, грозивший перерасти в вооруженное столкновение, был улажен путем переговоров. Президиум Верховного Совета ДАССР (27.09.1991 г.) принял постановление о досрочной отмене чрезвычайного положения на территории Казбековского района⁹⁵⁶.

В республике только погасили этот очаг напряженности, как в соседнем Хасавюртовском районе разгорелся новый. Здесь собрались участники забастовки, проводимой против намечаемого переселения жителей Новолакского района на равнину. Они прибыли из Буйнакса, Хасавюрта, Ба-

баюрта, Кизилюрта и в конце октября 1991 г. разбили палаточный городок недалеко от железной дороги, в районе Хасавюртовского аэродрома. Число участников протестного движения, перекрывавших автомобильные и железную дороги, не уменьшалось, а увеличивалось и доходило до 30 и более тысяч человек. В городке были разбиты палатки, установлены вагончики, в которых жили забастовщики. Они приезжали на повозках, автомашинах, добирались пешком. На пустом месте вырос небольшой поселок, названный «Тенглик» («Равенство»).

Руководством республики снова был запущен проверенный переговорный механизм. 29 октября штаб забастовщиков посетил заместитель Председателя Совета Министров республики Л. Гладыш с группой народных депутатов ДАССР, председателями и членами постоянных комиссий Верховного Совета ДАССР. Поскольку результатов от такого посещения не было, решили продолжить переговоры и на других уровнях.

Председатель Совета Министров Дагестана А.М. Мирзабеков встретился с руководителями Хасавюртовского района и г. Хасавюрта, членами забастовочного комитета, депутатами Верховного Совета ДАССР, представителями кумыкского народного движения «Тенглик», с которыми обсудил положение в Хасавюртовском районе.

31 октября было принято постановление Президиума Верховного Совета и Совета Министров ДАССР «Об обстановке в Хасавюртовском регионе и мерах по ее нормализации». В нем отмечалось, что забастовка и другие противоправные акции отдельных групп населения в регионе значительно осложнили общественно-политическую обстановку, нанесли невосполнимый ущерб хозяйству республики. Забастовочному комитету было предложено прекратить забастовку⁹⁵⁷.

В защиту бастующих выступили женщины, которые 21 ноября на площади им. Ленина в г. Махачкале организовали многотысячный митинг, продолжавшийся около 5 часов. Они поддержали требования участников забастовочного лагеря, собравшихся в окрестностях Хасавюрта. После митинга многие разошлись, но осталась группа женщин, которые объявили бессрочную голодовку, грозя продолжать её до удовлетворения требований забастовщиков. Против забастовщиков и женщин, объявивших голодовку, были предприняты меры общественного воздействия. Президиум Верховного Совета ДАССР 27 ноября выступил с обращением к женщинам, продолжающим голодовку и днем и ночью остающимся на площади⁹⁵⁸.

29 ноября в «Дагестанской правде» было опубликовано обращение народных депутатов Махачкалинского городского Совета народных депутатов к населению Республики Дагестан. В нем говорилось, что в связи с противостоянием народов Дагестана в город не завозятся продукты. Депутаты призывали прекратить забастовки и митинги, ведущие к развалу экономики. Но отношение к таким призывам, в которых необходимость отмены политических выступлений объяснялась экономическими соображениями, у большинства населения было недоверчивое. Тем более что рынки не за-

крывались, колхозники и частники продолжали завоз продуктов, торговля шла бойко.

В той же «Дагестанской правде» 5 декабря выступила группа народных депутатов, народный фронт им. имама Шамиля, даргинское общество «Маслихат», которые подвергли резкой критике действия кумыкского народного движения «Тенглик». Офицерское собрание хорошо информированного о политической ситуации в республике Агентства федеральной безопасности Дагестана выступило с обращением. В нем отмечалось, что обстановка в республике приблизилась к скользкой грани национальных конфликтов. Это было серьезным предупреждением тем, кто не сознавал всю глубину опасности, в которую могли быть втянуты народы Дагестана.

13 декабря 1991 г. в «Дагестанской правде» было опубликовано также обращение собрания кумыкской интеллигенции. Она безоговорочно признавала необходимость решать возникшие проблемы конституционным путем и поэтому призывала распустить вооруженные формирования, приостановить деятельность лагеря забастовщиков в Хасавюртовском регионе, хотя их требования ей представлялись обоснованными.

Эти и другие обращения, которых было много, видимо, подействовали на лидеров кумыкского народного движения. 14 декабря КНД «Тенглик» и республиканский общенациональный забастовочный комитет кумыков выступили в «Дагестанской правде» с обращением к народам Дагестана и парламенту республики (Верховному Совету ДАССР. — А.О.). В нем они заявили о своем решении объявить мораторий на все акты гражданского неповиновения во время проведения сессии Верховного Совета и призвали к этому все общественные движения, партии и народные фронты Дагестана⁹⁵⁹.

После этого заявления участники забастовки в Хасавюртовском регионе провели коллективное моление (мавлид) и решили вернуться из лагеря в места своего постоянного проживания и трудовой деятельности. Но лагерь не закрывался, поскольку они решили не прекращать забастовку, а прервать ее на время. Группа людей оставалась в лагере до тех пор, пока представители забастовочного комитета не убедятся в том, что руководители предприятий и организаций, колхозов и совхозов, участвовавшие в забастовочном движении, не будут преследоваться⁹⁶⁰.

Кумыкское народное движение вроде успокоилось, как обострился вопрос об удовлетворении требований чеченцев-аккинцев о восстановлении Ауховского района. Необходимо было переселить жителей Новолакского района, которые согласились на такой шаг лишь при условии о выделении им земель на равнине для создания там нового административного района с тем же названием. Однако против такого решения не раз выступало КНД, заявляя, что это может обострить обстановку.

Как только стало известно о намечающемся переселении лакцев на земли селений Тарки, Кяхулай и Альбурикент, потерянные в результате выселения жителей этих сел в 1944 г. в Хасавюртовский район, то забастовочный комитет, уже решивший прекратить забастовку, вместе с оставшимися в

лагере людьми переехал в селение Коркмаскала, чтобы быть поближе к территории, которая отводилась лакским переселенцам.

Эти события побудили кумыкское народное движение, уже как будто пережившее пик своего успеха, к более активным действиям, чтобы отстаивать земельные интересы переселенных равнинных районов и добиваться своего главного требования – создания кумыкской автономии в составе Дагестана. С этой целью на заседании кумыкского милли-маджлиса в начале декабря 1991 г. было принято решение о проведении общенационального референдума кумыкского народа⁹⁶¹, на котором намечалось внести вопрос о создании кумыкской республики. Все это настолько обострило ситуацию, что председатель Госкомитета ДАССР по делам национальностей М.С. Гусаев на встрече с журналистами заявил, что это – «путь, ведущий к гражданской войне»⁹⁶².

Однако такие предупреждения не могли уже остановить лидеров КНД, окрыленных поддержкой значительной части кумыкской общественности и надеявшихся в условиях разрастающихся национальных движений добиться от власти серьезных уступок. Они предпринимали все новые шаги, направленные на достижение своей цели.

1-2 февраля 1992 г. в с. Коркмаскала КНД провел конференцию тюркских народов, в которой приняли участие представители четырех партий Азербайджана, общества «Бирлик» («Единство») ногайского народа, лиги «Возрождения Балкарии», КНД «Тенглик». Конференция приняла политические решения, хотя на это она не была уполномочена своими народами. На конференции было учреждено Кавказско-Черноморское сообщество Ассамблеи тюркских народов (КЧС АТН). Были приняты статус АТН, коммюнике, обращения⁹⁶³.

21 марта состоялся общенациональный съезд кумыкского народа, прошедший не без влияния решений вышеуказанной конференции тюркских народов. Его созыв был ускорен и решением правительства республики о создании нового административного района на переселенной кумыкской равнине. Съезд рассмотрел также вопросы «О путях реализации национального суверенитета кумыкским народом», «О проведении референдума и избрании комиссии по его подготовке». По рассмотренным вопросам были приняты соответствующие решения. Съезд уполномочил милли-маджлис приостановить решения Верховного Совета и правительства РД, хотя он не обладал для таких действий юридическими основаниями.

В газете «Тенглик», которую издавал КНД, был опубликован проект «Конституции кумыкской автономии в составе Дагестана и Российской Федерации». В этом документе повторялась высказанная на съезде и не совсем продуманная и практически нерализуемая идея, согласно которой милли-маджлис кумыкской автономии вправе приостанавливать действие актов министерств, государственных комитетов и ведомств РФ, «если они нарушают и ущемляют права кумыкской автономии»⁹⁶⁴.

Руководство республики предприняло меры для опротестования и отмены решений и действий КНД, а также для пресечения попыток захватить

земли, отведенные под переселение лакцев. Прокурор республики внес протест Верховному суду РД на противоречащие закону акты, принятые II съездом кумыкского народа. 25 апреля было принято постановление Президиума Верховного Совета и Совета Министров РД «О факте самовольного захвата земель, отведенных под переселение лакского населения Новолакского района».

Несмотря на эти решения, люди, организовавшие лагерь на этих землях, не разошлись, что чуть было не привело к кровопролитию. Вечером 26 апреля 1992 г. группа лиц на 2-х грузовых автомашинах и на других видах автотранспорта подъехала к лагерю, чтобы разогнать собравшихся. Произошел конфликт с сотрудниками поста милиции, установленный при палаточном лагере для предотвращения возможных столкновений. Двое человек из числа собравшихся в лагере во время стычки с приехавшими получили ранения.

На другой день, 27 апреля, состоялась встреча руководителей Верховного Совета и Совета Министров РД с представителями национальных движений и общественно-политических объединений Дагестана. На встрече речь шла о том, чтобы договориться с комитетом защиты прав выселенных кумыков и представителями лакской общественности распустить противостоящие лагеря и решить все вопросы путем переговоров.

30 апреля переговоры между представителями двух противостоящих сторон были продолжены вначале в Совете Министров РД, а вечером в лагере, в котором расположились участники движения в защиту прав выселенных кумыков. Поздно вечером обе стороны сумели договориться о роспуске лагерей и отводе людей оттуда, они согласились все вопросы решить путем переговоров. 7 мая из лагерей ушло большинство собравшихся⁹⁶⁵. На этом была поставлена точка, однако, не самая последняя по одной из медленно тлеющих горячих проблем.

Чеченцы-аккинцы продолжали выражать недовольство медленным решением их проблем. В соответствии с Законом Российской Федерации «О реабилитации репрессированных народов», принятым в апреле 1991 г., в июле 1991 г. III съезд народных депутатов ДАССР принял решение о восстановлении Ауховского района и прежних исторических названий его населенных пунктов⁹⁶⁶. Но главное их требование – переселение лакского населения Новолакского района и восстановление Ауховского района выполнялось слабо, что объяснялось недостаточным финансированием. Аккинцы, несмотря на неоднократные решения партийных и советских органов, были слабо представлены во властных структурах района, не говоря уже о республиканских. В конце 90-х гг. в 37 организациях и учреждениях Новолакского района не было ни одного чеченца в качестве руководителя⁹⁶⁷. Чеченцы требовали быстрого восстановления Ауховского района и разрешения им вернуться.

Не успел утихнуть один конфликт, как появился очаг нового напряжения. 13 мая 1992 г. на заседании Президиума Верховного Совета РД была заслушана информация об обстановке в Новолакском районе, куда чеченцы-аккинцы хотели переселиться без разрешения властей стихийно. Президиум

Верховного Совета РД принял постановление, в котором призвал чеченцев-аккинцев проявить благоразумие и терпение, дать возможность органам государственной власти решить проблему восстановления Ауховского района и связанные с ней другие сложные вопросы в соответствии с решениями III съезда народных депутатов Дагестана. Для разъяснения путей решения этих проблем в г. Хасавюрте была проведена встреча членов комиссии Верховного Совета РД с представителями чеченцев-аккинцев⁹⁶⁸.

Действительно, решение этой проблемы представляло серьезные трудности, чем объяснялось затягивание сроков ее реализации. Предстояло переселить 4000 хозяйств Новолакского района общей численностью более 15000 человек. Их переселение осуществлялось на необжитую территорию, солончаковые земли, требовавшие проведения крупных мелиоративных работ. Необходимо было построить новые поселки. Переселенцы требовали строительства 9 поселков с сохранением их прежних лакских названий, что обостряло отношения между ними и прежними хозяевами этих земель – жителями трех кумыкских сел.

Преодолевая эти трудности, руководство России и Дагестана шаг за шагом принимало меры для их решения. В 1992 г. было принято решение о выделении 165 млн. руб. на обустройство переселенцев из Новолакского района и развитие производственной базы строительства. В 90-е гг. на новые земли было переселено более 450 лакских хозяйств (1500 человек)⁹⁶⁹.

Эти меры, особенно строительство поселков для переселения лакского населения, продолжались и после 1999 г., когда на территорию Новолакского района вторглись банды международных террористов в купе с террористами Чечни и Дагестана, несколько приостановили темпы строительства. Тем не менее они повлияли на улучшение межнациональных отношений. Страсти, которые буквально бушевали вокруг этих проблем и чуть не довели развитие событий до кровопролития, несколько поутихли. Пришло понимание того, что их надо решать путем переговоров, взаимопонимания и согласия.

В это же время в Дагестане оставалось немало очагов напряженности, которые тлели в тот и последующие периоды, готовые вспыхнуть ярким пламенем. Одним из очагов на севере республики была проблема разделенного ногайского народа и на юге разделенного лезгинского и частично аварского народов.

На общем самочувствии ногайского народа негативно сказывались его разбросанность по трем субъектам, а также сложное экономическое положение ногайцев в регионах проживания. В 90-е гг. это проявилось в обострении национального самосознания ногайцев. Дагестанские ногайцы, как мы уже говорили выше, создали общественное объединение «Бирлик» («Единство»), выдвигавшее социальные, этнокультурные и политические задачи. Главным условием их решения общество считало объединение усилий всех ногайцев для воссоединения отторгнутых в 1957 г. и поделенных между ДАССР, ЧИАССР и Ставропольским краем исторических территорий ногайцев. «Бирлик» был согласен на поэтапное решение этой проблемы, первым шагом ко-

торого могло бы стать повышение статуса территорий в Дагестане, Ставропольском крае и в Чеченской Республике. Быстрый рост национального самосознания ногайцев способствовал развитию и распространению идей о создании ногайской государственности.

С этой идеей «Бирлик» тесно увязывал решение проблемы экономики и экологии ногайцев, оказавшихся в тяжелейшем положении. Более 52 тыс. га Ногайской степи были превращены в пески. На митингах, проведенных «Бирликом», поднимались проблемы кадров и трудоустройства ногайцев, которые больше были вызваны растущей миграцией в ногайские районы в основном выходцев из Дагестана и Чечено-Ингушетии. Решение этих проблем могло благоприятно отразиться и на межнациональных отношениях в районах проживания ногайцев⁹⁷⁰.

В ходе таких выступлений приходило понимание, что для решения своих проблем необходимо выработать общие позиции ногайцев, проживавших в различных районах Северного Кавказа. В частности, речь шла о создании национально-культурной автономии ногайцев, которая отстаивала бы на федеральном уровне интересы ногайского народа⁹⁷¹. В административно-территориальном устройстве России эта была новая идея, и она не сразу была воспринята. Лишь в начале XXI в. она была реализована и создана ногайская культурная национальная автономия с центром в с. Терекли-Мектеб ДАССР.

К образованию автономии стремилось и лезгинское народное движение «Садвал» («Единство»), которое 21 мая 1992 г. было зарегистрировано как международная организация. Это движение, как это видно из его названия, ставило своей задачей объединение разделенного лезгинского народа⁹⁷². В июне 1992 г. в селении Магарамкент был проведен вселезгинский митинг, который ограничился обращением к правительствам России и Азербайджана о признании республики лезгин⁹⁷³.

Дальше таких обращений лезгинское народное движение не пошло. Однако руководство Азербайджана и Дагестана большое внимание стало обращать решению культурно-этнополитических проблем лезгинского народа. В июле 1991 г. делегация Верховного Совета ДАССР побывала в Азербайджане и провела переговоры с Председателем Верховного Совета Азербайджана Э.М. Кафаровой. Был подписан совместный протокол о намерениях сторон по развитию и углублению двусторонних отношений, обеспечению гарантий неуклонного и последовательного обеспечения конституционных прав и национально-культурных запросов лезгинского, аварского и других народов Дагестана, проживающих в Азербайджане, и азербайджанцев, проживающих в Дагестане.

Обсудив итоги переговоров на своем заседании, Президиум Верховного Совета ДАССР поручил Совету Министров республики установить связи с Советом Министров Азербайджана, совместно с ним разработать и приступить к осуществлению долгосрочной программы сотрудничества в области развития экономики, культуры, народного образования, увеличения выпуска на лезгинском языке художественной и учебной литературы, подготов-

ки национальных кадров, особенно педагогов языка и литературы для школ с обучением на родном языке⁹⁷⁴.

Такие переговоры на правительственном уровне проводились и в дальнейшем. В ходе этих встреч уточнялась и расширялась программа сотрудничества. Эти вопросы решала и азербайджанская сторона. В 1991 г. в г. Баку был создан Лезгинский центр, который выпускал газету «Самур» на лезгинском языке, проводил культурные мероприятия с участием лезгинского населения⁹⁷⁵.

Однако, несмотря на договоренности, положение лезгинского языка в Азербайджане оставалось без изменений, он по-прежнему выполнял роль домашнего языка, языка семейного общения. Отсутствие школьного обучения на лезгинском языке подталкивало азербайджанских лезгин на различные выступления, поддерживаемые и дагестанскими лезгинами. Азербайджанские власти, вопреки договоренностям с Дагестаном, продолжали свою линию на ассимиляцию тюркских народов. Соглашаясь на переговорах с лезгинским народным движением «Садвал» и дагестанскими властями на принятие мер по культурному развитию азербайджанских лезгин, азербайджанское правительство не подтверждало это ни в своих действиях, ни в концепции национальной политики.

В программе «Садвал» были сформированы и другие актуальные проблемы разделенных лезгин. Обращалось внимание на замедленные темпы этнокультурного развития азербайджанских лезгин, компактно проживающих в Кубинском, Хачмасском, Кусарском и других районах Азербайджана, по сравнению с уровнем социально-экономического развития южных районов Дагестана, в которых проживал большой массив лезгин. Это было одной из главных причин оттока лезгинского населения из мест традиционного проживания в нефтедобывающие регионы страны. Когда лезгины, работающие на нефтяных промыслах Казахстана, были вытеснены и оттуда, многие из них вынуждены были вернуться в лезгинские районы, усугубляя их проблемы.

С распадом СССР и осложнением межнациональных отношений в Азербайджане и Российской Федерации вопросы этнического развития лезгин и объединения их в единое государство получили новый всплеск⁹⁷⁶. Поэтому как дагестанские, так и российские власти уделяли большое внимание решению проблем разделенного лезгинского народа.

В Дагестане продолжали функционировать и другие народные движения. К ним можно отнести и «Народный фронт Дагестана имени Шамиля» (зарегистрирован 30 сентября 1991 г.), даргинское культурно-просветительное общество «Цадеш» («Единство») (зарегистрировано 28 октября 1991 г.), перезарегистрированное 28 июля 1992 г. в Даргинское демократическое движение («Цадеш») («Единство») ⁹⁷⁷, Лакское народное движение (зарегистрировано 13 февраля 1992 г.)».

Одни из них могли быстро собираться для выработки требований в решении каких-то кадровых вопросов или оказания влияния на урегулирование общественно-политических событий в интересах своего народа, выдвигая

достаточно значительные силы, в том числе вооруженных людей, что было внове. Другие движения занимались главным образом решением задач культурного строительства, хотя могли вмешиваться и в политические события. В целом политическая активность народных движений в 1991-1992 гг. была высокой.

В обстановке общей нестабильности, переживаемой страной и Дагестаном, наблюдался отток из республики русского населения, ставший серьезной политической и экономической проблемой. Если в 1959 г., в наивысший пик численности русских в Дагестане, их насчитывалось 213754 человека, то в 1995 г. численность русского населения составила 150054 человека, или снизилась на 63700 человек, их удельный вес упал до 7,3% населения республики. На такое резкое сокращение русскоязычного населения в Дагестане повлияли: конверсия оборонных отраслей промышленности, в которых в основном были заняты русские, высокий уровень безработицы, низкая рождаемость, когда большинство семей имели по 1 и реже по 2 ребенка, в то время как у дагестанских семей по 2-3 и более детей, невысокий уровень заработной платы, не обеспечивающий прожиточный минимум, общая напряженная политическая ситуация, наблюдаемая не только в Дагестане, но и в соседних республиках, и другие факторы⁹⁷⁸.

В этой связи был принят ряд мер для снижения остроты проблемы. 1 сентября 1993 г. было принято постановление Совета Министров РД «О мерах по стабилизации социально-экономической и общественно-политической ситуации в г. Кизляре, Южно-Сухокумске, Тарумовском и Ногайском районах республики», из которых происходил значительный отток русского населения. Для координации работы местных органов власти по решению проблем Северного региона был создан Координационный совет.

В том же году по решению правительства была создана Правительственная комиссия республики по проблемам русскоязычного населения. 24 января 1994 г. Совет Министров РД принял новое постановление «О мероприятиях Совета Министров Республики Дагестан по предупреждению оттока лиц русской национальности за пределы республики»⁹⁷⁹.

Принимаемые меры обратили внимание общественности республики на всю серьезность проблемы оттока из Дагестана русского населения, игравшего огромную роль в его социально-экономическом развитии, способствовавшего интергрированию, сближению и стабилизации дагестанского общества. Однако кардинально изменить ситуацию в республике в те годы не удалось, с чем в прямой зависимости находилось и решение этой проблемы.

Не без влияния крупных народных движений и общей политической ситуации наметились тенденции к росту этнического самосознания среди многочисленных народов Дагестана (андоцезская группа, арчинцы, кайтагцы, кубачинцы). Их численность в 1989 г., по данным Всесоюзной переписи, сократилась по сравнению с переписью 1926 г., но они не исчезли. У них сохранилось двойное этническое самосознание (к примеру – я андиец, я аварец). На бытовом уровне у них функционировали их родные языки. Кроме родного языка они владели аварским или даргинским и русским языками. В

последние годы у них появилась тяга к возрождению родных языков и культуры, созданию письменности на родных языках. Социально-экономическое положение этих народов было тяжелым. У них не было промышленных предприятий, цехов по переработке животноводческой продукции, отсутствовали типовые школы, очаги культуры, магазины, на низком уровне находилась система здравоохранения, телефонная сеть и радиификация этих районов, не было автомобильных дорог. Все это служило причиной сильного оттока населения этих районов.

Республиканские органы приняли программу «Горы», рассчитанную на 1991–1995 гг., а потом продленную и на последующие годы. Эта программа предусматривала решение экономических и социальных задач, сохранение и развитие родных языков и традиционной культуры, строительство больниц, школ, клубов, телефонизацию, создание лесоперерабатывающих предприятий, развитие традиционных промыслов и т.д.⁹⁸⁰

Хотя выполнение таких программ затягивалось, однако они открыли перед малочисленными народами какие-то перспективы, обнадеживали их. Поэтому они не требовали, как некоторые титульные народы, предоставления им автономии, а ограничивались просьбами в решении их социально-экономических проблем.

Общественно-политический кризис 90-х гг., политическая ситуация в бывших советских республиках, резкое обострение межнациональных отношений вызвали в них волну вынужденной миграции представителей неродного населения, покидающих их в поисках более безопасных мест и возвращающихся в родные места.

Первым с этой проблемой столкнулся Дагестан, когда в течение 1989–1990 гг. сюда вернулось около 10 тыс. дагестанцев, проживавших в Гурьевской области Казахстана. Они вынуждены были покинуть Казахстан в результате угроз и погромов, устроенных хулиганствующей молодежью против выходцев из Кавказа. Всего же около 15 тыс. человек, вернувшихся в республику, были признаны вынужденными переселенцами⁹⁸¹. Это создавало дополнительные трудности по их приему, обустройству и трудоустройству в республике, в которой и без этого был высокий уровень безработицы.

После 1991–1992 гг. накал народных движений несколько поутих. Национальные движения на практике больше стали заниматься культурно-просветительной деятельностью. Но даже в периоды наивысшего подъема народных движений опросы показывали, что они не пользуются полным доверием дагестанской общественности. На вопрос об отношении к национальным движениям, предложенный респондентам при социологическом опросе, проведенном 10–11 декабря 1991 г. Статуправлением ДАССР и учеными социологами Института истории, языка и литературы ДНЦ АН СССР, 60,6% опрошенных считали, что «национальные движения и фронты не нужны: они ссорят народы между собой». Только 23,4% опрошенных считали, что национальные движения и фронты нужны и что они защищают интересы своих народов⁹⁸².

Однако эти данные по отдельным народам выражались по-разному, хотя у всех у них преобладало негативное отношение к национальным объединениям. Среди опрошенных респондентов лакской национальности отрицательное отношение к этнодвижениям выразили 79,5% и позитивное – 12,8%, среди русских соответственно 80,3% и 13,2%, даргинцев – 74,7% и 13,9%, лезгин – 50,8% и 27,7%, аварцев – 47,1% и 25,8 и кумыков – 52,4% и 40,5%.

Высокий процент негативного отношения к народным движениям показали городская интеллигенция и служащие. 70% интеллигенции выразили отрицательное отношение к таким движениям⁹⁸³.

Народ мало что знал о движениях, именуемых народными, и судил о них из той скудной информации, которую получал о них на митингах и встречах. Известный дагестанский журналист Д. Ахмедханов (31 января 1992 г.) писал: «А у нас, в Дагестане, насчитывается уже 36 общественных объединений, партий, движений. И все они заявляют о себе от имени народа. Вот только о существовании большинства из них, кроме, разумеется, самых крупных, национальных – народ даже не подозревает»⁹⁸⁴.

Народные движения встречали непонимание не только среди значительной части населения, но и у появившихся в условиях осложняющихся межнациональных отношений общественно-политических движений. Многие из них своей важнейшей задачей рассматривали сохранение единства дагестанских народов. В этот период возникли новая общеполитическая партия демократического направления «Народная партия реформ Дагестана», общедагестанская партия «Единство», которая ставила своей целью добиваться гармоничного развития национальных интересов всех народов Дагестана⁹⁸⁵.

Таких целей придерживались и некоторые другие национальные движения. IV съезд лакского народа (июль 1992 г.), выражая волю всего лакского народа, подтвердил «свою приверженность к концепции единого, неделимого Дагестана». Вместе с тем для сохранения этнической самобытности народа съезд допускал возможность создания культурно- национальных автономий без административных границ⁹⁸⁶.

Как в национальных движениях, так и общественно-политических объединениях идея развития Дагестана как единой республики в составе Российской Федерации занимала все больше места. Кроме национальных движений в 1990 – 1992 гг. в Дагестане были созданы и функционировали общественно-политические объединения или объединения, близкие к ним: Дагестанский союз ветеранов Афганистана, Социал-демократическая партия Дагестана, народный фронт Дагестана, народно-демократическое движение Дагестана «Сталин», лакское общество культуры «Шубарз», общество «Табасаран», Дагестанская ассоциация по связям с соотечественниками за рубежом (ассоциация «Ватан»), фонд «Белье журавли», Союз демократической молодежи Дагестана, даргинское культурно-просветительное общество «Цадеш» («Единство»), народное движение Дагестана «Национализм и стабильность», Партия трудящихся Дагестана (была переименована в коммунистическую партию Дагестана), Совет молодежного движения, общественное движение «Единый Дагестан», Партия народного единства Дагестана, общественно-

политическое движение «Демократический Дагестан», культурно-историческое общество «Фонд Шамиля»⁹⁸⁷ – всего 17 объединений, которые признавали историческое единство народов Дагестана и в своих программах и заявлениях выступали за сохранение единства Дагестана в составе обновленного Союза.

В обстановке растущего недоверия общественности к народным движениям и неприятия продекларированных ими целей национально-культурного строительства председатель Государственного Совета РД на сессии Народного Собрания РД в 1998 г. задался вопросом: «Не обратиться ли нам к дагестанскому народу и к самим национальным движениям с тем, чтобы начать работу по самороспуску этих национальных движений?». Ответа на свой вопрос он не получил. Видимо, к этому были готовы еще не все народные движения, и самороспуск многих из них произошел несколько позже.

Религиозные движения. С конца 80-х гг. в Дагестане начался процесс реисламизации, обусловленный социально-экономическими, идеологическими и политическими причинами и факторами. Распространению ислама, игравшего в дореволюционном Дагестане активную роль во всех сферах жизни, но к 40-м гг. XX в. вытесненного из общественно-политической сферы, способствовал экономический кризис, вызвавший у людей чувство неуверенности в завтрашнем дне, их страх перед растущими социальными проблемами, в решении которых они были бессильны.

Как представители мусульманского духовенства, так и многие деятели дагестанской интеллигенции, среди которых было и немало вчерашних атеистов, вдруг поверили в нравственный авторитет ислама, его возможности обуздать агрессивные устремления людей, улучшить отношения между ними, способствовать нравственному совершенствованию человека и стали не только ревностно поддерживать мусульманскую религию, но и соблюдать все ее требования.

Интерес к исламу подогревали десятки зарубежных мусульманских миссионеров, приехавших в Дагестан. До августа 1999 г. в Дагестане были представлены 18 международных благотворительных мусульманских фондов, десятки исламских общественных организаций. Надо сказать, что им активно помогали средства массовой информации, с конца 80-х гг. развернувшие исламскую пропаганду в Дагестане. Массовыми тиражами на русском и дагестанских языках издавались газеты «Ассалам» (выходила на 6 языках), «Нурул ислам», «Исламский вестник», «Исламские новости», «Халиф», «Путь ислама», «Аль-Муджахед», «Исламан Низам», журналы «Мусульманская цивилизация» и «Мусульмане». Их тиражи росли, в то время как тиражи советских изданий сокращались⁹⁸⁸. В республике распространялись и издания ваххабитского, экстремистского толка, а также исламские издания, выходившие в Москве.

В стране создавалась благоприятная обстановка для роста религиозного сознания и духовных учреждений, активно пропагандирующих и религиозное мировоззрение. В 2000 г. количество мечетей в республике стреми-

тельно выросло и составило 1588. В Махачкале была построена самая крупная в России джума-мечеть вместимостью 7,5 тыс. человек⁹⁸⁹.

Можно сказать, они выросли на пустом месте. В конце 20 – начале 30-х гг. в административном порядке многие мечети были закрыты. На 1 января 1933 г. оставалось 910 действующих мечетей, а к началу 40-х гг. они тоже были закрыты⁹⁹⁰.

Рост исламского сознания в массах, как показала практика, успешно использовался местными элитами, которые задабривали политическими уступками и материальной поддержкой мусульманское духовенство, заигрывали с национальными и религиозными чувствами верующих. Сложившаяся общественно-политическая ситуация способствовала появлению исламских и околоисламских общественных объединений, создание которых в годы советской власти не разрешалось и жестко преследовалось.

Управление религиозными делами в республике до середины 90-х гг. осуществлялось в основном Духовным управлением мусульман Северного Кавказа, созданным еще в годы войны. После его преобразования оно распалось на ряд национально-республиканских духовных управлений. Но создание новых духовных управлений не способствовало объединению дагестанских народов, а наоборот, подталкивало их к разобщению. Более того, и в ряде вновь созданных ДУМ отсутствовало внутреннее единство⁹⁹¹.

В 90-е гг. в республике возник ряд исламских организаций: Дагестанское отделение общероссийского мусульманского общественного движения «Нур», Дагестанское отделение общероссийского общественно-политического движения «Союз мусульман России», Исламская демократическая партия Дагестана, Дагестанское региональное отделение Исламской партии России (позже «Истинные патриоты России») и Дагестанское отделение партии «Справедливость и развитие России». Пять партий и движений для республики, долгие годы не знавшей ничего подобного, – это был серьезный показатель, свидетельствующий о политической активизации верующей части мусульманского населения Дагестана⁹⁹².

На Северном Кавказе традиционный тип религиозного сознания верующих, преобладающий в горных и предгорных зонах региона, стал тяготеть к фундаментализму. В условиях социально-экономического кризиса элементы фундаменталистского сознания оказались благодатной почвой для развития на их базе радикального исламского сознания неоваххабитского толка. Соответственно, религиозное сознание горцев-мусульман оказалось представленным двумя его типами: традиционным, тяготеющим к фундаментализму, и экстремистско-ваххабитским⁹⁹³.

Хотя в Дагестане главным действующим субъектом в духовной сфере оставался традиционный ислам, однако в результате кризиса официальных исламских структур – духовных управлений мусульман, последние в ходе борьбы со своими оппонентами, прежде всего с неоваххабитами, стали все более политизироваться и отдаляться от рядовых верующих. Среди них наиболее влиятельным центром общественно-политической жизни стало Духовное управление мусульман Дагестана, контролируемое мюридами шейха

Саида-апанди Чиркейского. Свое влияние на общественную жизнь ДУМД поддерживало и усиливало не только путем создания конфессиональной вертикали власти в республике, но и продвижением своих сторонников в органы власти.

Сторонники ДУМД в отличие от неоваххабитов не стремились строить исламское государство, а добивались усиления роли ислама в дагестанском обществе с тем, чтобы в конечном итоге провести исламизацию парламентскими методами.

Вместе с тем мусульмане Северного Кавказа, в том числе и Дагестана, все активнее вовлекались в известный для них восточный культурный пласт, включались в сферу влияния традиционных центров Ближнего Востока, все больше отдаляясь от российской, соответственно и европейских культур. Бурное духовное возрождение мусульман, рост национального самосознания, деятельность представителей местных элит и националистических организаций, спекулировавших трагедиями прошлого и современными трудностями, способствовали появлению территориальных и межнациональных конфликтов, пробуждению среди некоторой части населения Дагестана националистических, сепаратистских и антироссийских настроений⁹⁹⁴. Распространяемые среди народов Дагестана и Северного Кавказа националистические идеи и призывы об отделении от России, эмансипации их от «старшего брата» находили отклик среди незначительной малообразованной части населения, подогревали у нее клановые, националистические и сепаратистские интересы и тенденции.

Со стороны оппозиционных сил, возглавляемых братьями М. и Н. Хачалаевыми и Ш. Мусаевым, активно противостоящими руководству республики, в мае 1998 г., когда руководитель Государственного Совета Дагестана М.М. Магомедов находился в командировке в Москве, была предпринята массовая акция с целью захвата Дома правительства и низложения легитимного правительства. По возвращении М.М. Магомедова острый конфликт, грозивший перейти в вооруженное столкновение, был ликвидирован.

В обстановке роста экстремистских проявлений стали появляться работы, претендующие на научность и возлагающие на мусульманскую религию, особенно на ваххабизм, ответственность за экстремизм, который распространился не только на Северном Кавказе, но и во всем мире. Некоторые исламоведы, хотя и оговаривались, что ислам – это религия мира, милосердия и терпимости, однако подчеркивали его радикализм, особенно если речь шла о ваххабизме. Авторы таких сочинений предлагали радикальный и надежный, на их взгляд, способ борьбы против распространения ваххабизма – объявление его вне закона. Под влиянием таких выступлений в Дагестане в 1999 г. был принят Закон «О запрете ваххабитской и иной экстремистской деятельности на территории Республики Дагестан». Правда, еще тогда звучали голоса против проявления такой нетерпимости по отношению к этому радикальному религиозно-политическому течению ислама, но после они поутихли⁹⁹⁵.

Как отмечает известный исламовед В.В. Наумкин, в мире растет число критиков ваххабизма, в том числе на его родине – Саудовской Аравии. Мно-

гие исламоведы сходятся на необходимости пересмотра официальной ваххабитской доктрины и призывают к модернизации и демократизации религиозной жизни⁹⁹⁶. Такие модернистские идеи проникали и в Дагестан и находили отклик среди верующих.

Кроме ислама в Дагестане из наиболее крупных конфессий были распространены христианство и иудаизм. Они также подверглись гонениям. С 1932 г. по 1939 г. были закрыты 29 православных церквей. К началу 1940 г. перестали функционировать все церкви и синагоги. Их восстановление началось в послевоенные годы, однако их рост в связи с оттоком русского и еврейского населения шел более медленными темпами по сравнению с мусульманскими мечетями. В 2000 г. в Дагестане действовало 10 православных церквей, из них 7 – в городах и 3 – в сельской местности⁹⁹⁷.

В связи с коренными изменениями внешнеполитических интересов России в южном направлении геополитическая значимость Дагестана значительно возросла. Дагестан с геополитической точки зрения стал важнейшей опорной точкой стратегических интересов России не только на Северном Кавказе, но и на всем Кавказе. Присутствие России на Северном Кавказе обеспечивало ее влияние как на страны СНГ, так Ближнего и Среднего Востока⁹⁹⁸. Это подтвердилось и в конце XX в., когда чеченские сепаратисты вкупе с дагестанскими ваххабитами, поощряемые зарубежными центрами, попытались силой оружия навязать Дагестану свою волю, превратить его в исламскую республику и оторвать от России. Решению этой задачи было подчинено и хорошо подготовленное вторжение в Дагестан в августе 1999 г. бандформирований, сформированных на территории Чечни из числа наиболее радикальных, фанатичных сил, привлеченных как на месте, так и из Дагестана. Среди них можно было найти и международных террористов, обладающих опытом осуществления терактов. Неслучайно среди убитых в боях на дагестанской земле были обнаружены трупы 37 иностранных наемников, подтвердивших довольно активную роль зарубежных центров в организации таких диверсий⁹⁹⁹.

В Дагестане были расположены небольшие воинские формирования федеральных войск и МВД РФ, которые оказались неподготовленными к отражению агрессии, как будто до этого не было ошеломивших всю страну басасевских и радуевских рейдов в Буденновск, Кизляр и Первомайск. Чтобы оправдать невиданную в истории дагестанско-чеченских взаимоотношений агрессивную акцию против Дагестана, функционирующая в Чечне исламская шура Дагестана от имени мусульман нашей республики выступила с заявлением о восстановлении независимого исламского государства Дагестан. Она же обратилась к «амиру маджалиса мусульман Чечни и Дагестана» Басаеву с просьбой «возглавить священный джихад в Дагестане на период до полного изгнания кафирцев с мусульманской земли Дагестана». К тому же Ш. Басасев, который, возвращаясь из Буденновска через Хасавюрт, на вопрос тележурналиста, не может ли такое повториться и против Дагестана, категорически отвергал подобное.

Однако Басаев не только не сдержал своего слова, но и возглавил вторжение в Дагестан, оправдывая свой поступок религиозными и политическими целями. Накануне нападения на Дагестан в интервью корреспонденту ливанского журнала «Ал-Ватап ал-арабий» он говорил: «То, что происходит сейчас, – это великий джихад, священная война ради изгнания неверных с исламской земли, пребывавшей в лоне ислама целых тринадцать веков... Мы боремся за очищение Дагестана от русских войск... за провозглашение исламской республики и создание великой Чеченской империи в Чечне и Дагестане и на земле Ингушетии»¹⁰⁰⁰.

Несоблюдению данному слову страдали и другие руководители Чеченской Республики более высокого ранга. Один из таких деятелей Масхадов, вместе с генералом Лебедем подписавший позорное Хасавюртовское соглашение, поспешил отречься от басаевского разбойного нападения на Дагестан, как он ранее отрекался от радеевского рейда на Кизляр, а впоследствии признавал, что он организовал его.

Для вторжения в Дагестан в Чечне была организована тысячная армия, которая направила свои удары против Ботлихского, Новолакского, Цумадинского, Казбековского, Хасавюртовского районов, имея планы захватить территорию всего Дагестана и создать единое исламское государство. Но на защиту Дагестана встали представители всех дагестанских народов. В Махачкале, Хасавюрте и в ряде районов были созданы отряды народных ополченцев, против бандитов героически сражались милиционеры, местные ополченцы, молодые юноши, все, кто имел оружие, а кто его не имел, отнимал у бандитов. 19-летний парень из селения Ансалта Ботлихского района Х. Нурахмаев выхватил автомат у одного из бандитов и расстрелял четырех боевиков, но и сам погиб. Впоследствии ему посмертно было присвоено звание Героя России¹⁰⁰¹. Звания Героев России были удостоены также Х. Омаров, М.-З. Загидов и З. Давудов¹⁰⁰².

Все жители республики, люди разных возрастов, профессий и национальностей, встали на защиту своей родной земли. По примеру махачкалинской городской администрации, которая по инициативе мэра столицы С. Амирова создала интернациональную бригаду добровольцев, во всех городах и районах были организованы и отправлены в зону боевых действий отряды самообороны ополченцев. Они вместе с солдатами и офицерами частей Минобороны и внутренних войск МВД РФ заняли стратегические позиции и не дали бандформированиям возможности проникнуть в глубь республики.

Благодаря их усилиям бандформирования были отброшены туда, откуда они пришли, и война закончилась с малыми людскими потерями и незначительным экономическим ущербом. Потери мирных граждан в войне составили 108 человек, пострадало 31569 человек. Материальный ущерб превысил почти 3 млрд. руб., около 4500 семей остались без крова¹⁰⁰³.

События августа – сентября 1999 г., решительный отпор, который дали дагестанцы и федеральные войска вторгшимся с территории Чечни бандформированиям, и высокая оценка, которую дали им Президент Российской Фе-

дерации В.В. Путин и российская общественность, позволили осознать большую роль Дагестана не только в Северо-Кавказском регионе, но и во всей России.

Чтобы выразить свое отношение к этим событиям и поблагодарить дагестанцев, Президент Российской Федерации В.В. Путин 29 декабря 2000 г. провел в Кремле встречу с делегацией Республики Дагестан. В составе делегации были представители 14 конституционных народов республики, интеллигенции, духовенства, Совета старейшин, молодежных организаций, правоохранительных органов, а также отрядов самообороны, принимавших активное участие в борьбе с бандформированиями.

На встрече выступил Президент РФ В.В. Путин, который сказал: «Мы хорошо помним события 1999 г., когда народ Дагестана противостоял вооруженным бандитам, мужественно сопротивлялся агрессии, – а если абстрагироваться от юридических формул – агрессии международного терроризма». При этом В.В. Путин подчеркивал, что бандитам противостояли не только правоохранительные органы, но и народ, и что «ваши действия в целом помогли сплотить общество в республике и стране»¹⁰⁰⁴.

Как историческое событие расценил эту встречу Государственный Совет РД, который 5 января 2001 г. принял постановление «Об итогах встречи делегации Республики Дагестан с Президентом Российской Федерации Путиным В.В.». В постановлении отмечалось, что прием делегации РД Президентом Российской Федерации и данная им оценка значительной роли Республики Дагестан и ее народов в укреплении российской государственности являются историческим событием в общественно-политической жизни республики. В связи с этим Правительству РД было поручено подготовить соответствующие предложения по реализации задач, вытекающих из выступления Президента РФ. Министерству по национальной политике, информации и внешним связям РД, пресс-центру Госсовета РД и Правительства РД предлагалось обеспечить широкое освещение в средствах массовой информации итогов встречи Президента РФ В.В. Путина с делегацией Дагестана¹⁰⁰⁵.

Общественно-политическая жизнь Дагестана в XX веке завершилась событиями, положившими начало выкорчевыванию экстремистских выступлений и утверждению в республике обстановки, благоприятной для социально-экономического развития дагестанских народов.

- ¹ Сахаров А.Н. Новая политизация истории или научный плюрализм? // Россия в XX веке: Судьбы исторической науки. М., 1996. С. 12.
- ² Богомолов О.Т. Экономика и социальная среда // Вестник Российской академии наук. М., 2005. № 9. С. 779.
- ³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 16. С. 417.
- ⁴ Мунчаев Ш.М., Устинов В.М. История России. М.: Изд. «Норма», 2005. С. 193.
- ⁵ Данилов В.П. Аграрные реформы и аграрные революции в России (1861–2001) // Россия в XX в.: Реформы и революции. Т. 1. М.: Наука, 2002. С. 22.
- ⁶ Лекции по истории КПСС. Вып. 1. М.: Мысль, 1969. С. 77.
- ⁷ Милованов Г.И. Очерк формирования и развития рабочего класса в Дагестане. Махачкала, 1963. С. 40.
- ⁸ Османов Г.Г. Социально-экономическое развитие дагестанского доколхозного аула. М., 1965. С. 42.
- ⁹ Нахшунов И. Прогрессивное влияние России на экономику дореволюционного Дагестана. Махачкала, 1956. С. 19.
- ¹⁰ Очерки истории Дагестана. Т. 1. Махачкала, 1957. С. 350, 351.
- ¹¹ Там же. С. 351.
- ¹² Обзор Дагестанской области за 1913 г. Темир-Хан-Шура., 1915.
- ¹³ Перепись населения Баку 1913 г. Ч. 3. Вып. 4. Баку, 1915. С. 40.
- ¹⁴ Обзор Дагестанской области за 1914 г. С. 25.
- ¹⁵ Губаханова Р.А. Из истории становления буржуазии в Дагестане во второй половине XIX – начале XX века. Махачкала, 2003. С. 25.
- ¹⁶ Обзор Дагестанской области за 1913 г... С. 3, 7.
- ¹⁷ Очерки истории партийной организации Дагестана. Макет // Институт ИЯЛ. 1970. С. 11, 12.
- ¹⁸ Шигабудинов М.Ш. Борьба рабочих Северного Кавказа накануне и в период революции 1905–1907 гг. Махачкала, 1964. С. 60.
- ¹⁹ Очерки истории партийной организации Дагестана... С. 12.
- ²⁰ Цит. по: Шигабудинов М.Ш. Указ. соч. С. 59; Искра. 1901, июнь, №6.
- ²¹ Шигабудинов М.Ш. Указ. соч. С. 60–65.
- ²² Гаджиев А.С. Роль русского народа в исторических судьбах народов Дагестана. Махачкала, 1964. С. 75.
- ²³ Очерки истории партийной организации Дагестана... С. 15.
- ²⁴ Там же. С. 16.
- ²⁵ Шигабудинов М.Ш. Указ. соч. С. 69.
- ²⁶ Цит. по: Очерки истории партийной организации Дагестана... С. 16.
- ²⁷ Там же. С. 17.
- ²⁸ Там же. С. 18.
- ²⁹ Шигабудинов М.Ш. Указ. соч. С. 72.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Там же. С. 76.
- ³² Очерки истории партийной организации Дагестана... С. 12.
- ³³ Там же. С. 13.

- ³⁴ Гаджиев А.С. Указ. соч. С. 90.
- ³⁵ Ленин В.И. ПСС. Т. 23. С. 146.
- ³⁶ Очерки истории партийной организации Дагестана... С. 22.
- ³⁷ Там же. С. 23; Шигабудинов М.Ш. Указ. соч. С. 83.
- ³⁸ Шигабудинов М.Ш. Указ. соч. С. 116.
- ³⁹ Революционное движение в Дагестане в 1905–1907 годы. Махачкала, 1956. С. 103.
- ⁴⁰ Очерки истории партийной организации Дагестана... С. 28.
- ⁴¹ Шигабудинов М.Ш. Указ. соч. С. 121.
- ⁴² Очерки истории партийной организации Дагестана... С. 28.
- ⁴³ История СССР с древнейших времен до наших дней. В 12 томах. Т. 6. М.: Наука. 1968. С. 161.
- ⁴⁴ Шигабудинов М.Ш. Указ. соч. С. 129.
- ⁴⁵ Очерки истории партийной организации Дагестана... С. 29.
- ⁴⁶ Шигабудинов М.Ш. Указ. соч. С. 133.
- ⁴⁷ Очерки истории партийной организации Дагестана... С. 29.
- ⁴⁸ Шигабудинов М.Ш. Указ. соч. С. 157–158.
- ⁴⁹ Борцы за власть Советов в Дагестане. Сб. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1987. С. 171–172.
- ⁵⁰ Кашкаев Б.О. Вечен в сердце народа. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1987. С. 10–11.
- ⁵¹ Очерки истории партийной организации Дагестана... С. 34.
- ⁵² Дарчиева С.В. Государственная дума и кавказское наместничество в 1906–1914 гг. // Вестник Владикавказского научного центра. 2006. № 1 (6 Т.) С. 9–10.
- ⁵³ Революционное движение в Дагестане в 1905–1907 гг... С. 171.
- ⁵⁴ Очерки истории партийной организации Дагестана... С. 37–38.
- ⁵⁵ Революционное движение в Дагестане в 1905–1907 гг... С. 134–135.
- ⁵⁶ История СССР. Т. 6. М.: Наука, 1968. С. 232; Магомедов Ш.М. Северный Кавказ в трех революциях. М: Наука, 1986. С. 41.
- ⁵⁷ Очерки истории партийной организации Дагестана... С. 36.
- ⁵⁸ Шигабудинов М.Ш. Указ. соч. С. 211.
- ⁵⁹ Цит. по: Шигабудинов М.Ш. Указ. соч. С. 219.
- ⁶⁰ Там же. С. 230.
- ⁶¹ Труды Дагестанского филиала Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Махачкала, 1957. С. 54.
- ⁶² Цит. по: Магомедов Ш.М. Указ. соч. С. 44–45.
- ⁶³ Шигабудинов М.Ш. Указ. соч. С. 228.
- ⁶⁴ Очерки истории партийной организации Дагестана... С. 37.
- ⁶⁵ Цит. по: Борцы за власть Советов в Дагестане... С. 120.
- ⁶⁶ История Дагестана с древнейших времен до наших дней. Т. 2. Махачкала: Изд-во «Юпитер», 2005. С. 36.
- ⁶⁷ Губаханова Р.А. Указ. соч. С. 88.

- ⁶⁸ Шигабудинов М.Ш. Рабочее движение на Северном Кавказе в годы реакции (1907-1910 гг.) Махачкала, 1973. С. 43-44.
- ⁶⁹ История Дагестана... Т. 2. С. 37.
- ⁷⁰ Булатов Б.Б. Дагестан на рубеже XIX-XX вв. Махачкала, 1996. С. 30.
- ⁷¹ Османов Г.Г. Социально-экономическое развитие дагестанского доколхозного аула. М., 1965. С. 26.
- ⁷² Очерки истории партийной организации Дагестана... С. 41-42.
- ⁷³ Магомедов Ш.М. Указ. соч. С. 47; Очерки истории партийной организации Дагестана... С. 43.
- ⁷⁴ Очерки истории партийной организации Дагестана... С. 44.
- ⁷⁵ Мунчаев Ш.М., Устинов В.М. Указ. соч. С. 228.
- ⁷⁶ История Дагестана. 2... С. 38.
- ⁷⁷ Там же. С. 38-39.
- ⁷⁸ Булатов Б.Б. Указ. соч. С. 36-37; История Дагестана. Т. 2. С. 39.
- ⁷⁹ Очерки истории Дагестана. Т.1. Махачкала, 1957. С. 361.
- ⁸⁰ Очерки истории партийной организации Дагестана... С. 49.
- ⁸¹ Абдуллаев М. Смелость мыслей и действий // Дагестанская правда. 2006. 19 августа.
- ⁸² Борцы за власть Советов в Дагестане... С. 232.
- ⁸³ Печать Дагестана. Справочник. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1983. - С. 99; Гаджиев В.Г. Мастера отечественного кавказоведения. Махачкала: Дагкнигоиздат, 2005. С. 173.
- ⁸⁴ История Дагестана... Т. 2. Махачкала, 2005. С. 40.
- ⁸⁵ Гаджиев В.Г. Указ. соч. С. 165.
- ⁸⁶ Абдулатипов Р. Великий парламентарий из Дагестана // Эхо Кавказа. 1995. № 3. С. 24, 25.
- ⁸⁷ Дагестанская правда. 2003. 3 октября.
- ⁸⁸ История Дагестана. Т. 2... С. 40-42.
- ⁸⁹ Шигабудинов М.Ш. Рабочее движение на Северном Кавказе в годы нового революционного подъема и Первой мировой войны (1910-февраль 1917 гг.) Махачкала, 1970. С. 148-151.
- ⁹⁰ Цит. по: История Дагестана. Т. 2... С. 45.
- ⁹¹ История Дагестана. Т. 2... С. 45.
- ⁹² Очерки истории партийной организации Дагестана... С. 51, 52, 53.
- ⁹³ Очерки истории партийной организации Дагестана... С. 52; История Дагестана. Т. 2... С. 40, 47.
- ⁹⁴ История Коммунистической партии Советского Союза. М.: Политиздат, 1970. С. 183.
- ⁹⁵ Цит. по: Тютюкин С.В. Десять лет в журнале «Отечественная история». М.: Собрание, 2005. С. 169.
- ⁹⁶ История Коммунистической партии Советского Союза... С. 184, 195.
- ⁹⁷ Мунчаев Ш.М., Устинов В.М. История России. Учебник для вузов. М.: Норма, 2005. С. 235, 237.
- ⁹⁸ Ленин В.И. ПСС. Т. 31. С. 115.

- ⁹⁹ История Дагестана. Т. 3. М., 1968. С. 12,13.
- ¹⁰⁰ История партийной организации Дагестана... С. 56, 57.
- ¹⁰¹ История Дагестана. Т. 2... С. 47-49.
- ¹⁰² Аликберов Г.А. Победа социалистической революции в Дагестане. Махачкала, 1968. С. 34.
- ¹⁰³ Борьба за установление и упрочение Советской власти в Дагестане. Сб. док. и материалов. М., 1958. С. 22.
- ¹⁰⁴ Орджоникидзе Г.К. Избранные статьи и речи. М., 1939. С. 56.
- ¹⁰⁵ Медушевский А.Н. Проекты аграрных реформ в России XVI-начала XXI века. М.: Наука, 2005. С. 333-335.
- ¹⁰⁶ Рид Джон. 10 дней, которые потрясли мир. М.: Политиздат, 1957. С. 10.
- ¹⁰⁷ Дибиров М.-К. История Дагестана (события после революции) // Рукописный фонд Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2394. Л. 18.
- ¹⁰⁸ Цит. по: Кашкаев Б.О. Вечен в сердце народа. Махачкала, 1987. С. 34,35.
- ¹⁰⁹ История Дагестана. Т. 3... С. 19, 20.
- ¹¹⁰ История Дагестана. Т. 3. ...С. 18.
- ¹¹¹ История Дагестана. Т. 2. Махачкала, 2005. С. 66.
- ¹¹² Кашкаев Б.О. Борьба трудящихся Дагестана за установление Советской власти (март 1917- август 1918). Махачкала, 1985. С. 30,31.
- ¹¹³ Гаджиев А.С. Молодежь Дагестана в борьбе за установление Советской власти. Махачкала, 1961. С. 24, 25.
- ¹¹⁴ История Дагестана. Т. 3... С. 22.
- ¹¹⁵ Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917-1918 гг.), Горская республика (1918-1920 гг.) (Док. и мат.) Махачкала, 1994. С. 4-5.
- ¹¹⁶ Там же С. 46, 45, 50-53.
- ¹¹⁷ Кузнецов Б. 1918 год в Дагестане // Елдаш. Газета в газете. 2006. 14 июля. С. 12.
- ¹¹⁸ Дибиров М.-К. История Дагестана... // Рук. фонд ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2394. Л. 22.
- ¹¹⁹ Союз объединенных горцев Северного Кавказа... С. 62, 63; Газета «Время» 1917, не ранее 2 августа.
- ¹²⁰ «Горская жизнь» – еженедельная общественно-политическая, экономическая и литературная газета, издаваемая Союзом объединенных горцев. Первый номер вышел 4 августа 1917 г., издание прекратилось в конце 1918 г.
- ¹²¹ Мунчаев Ш.М., Устинов В.М. Указ. соч. С. 245.
- ¹²² Поляков А., Фурсова Л. Партия и национальные резервы в Октябрьской революции. М., 1958. С. 50, 51.
- ¹²³ Аликберов Г.А., Гаджиев А.С., Кашкаев Б.О., Эмиров Н.П. Борьба за победу и упрочение Советской власти в Дагестане. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1960. С. 41.
- ¹²⁴ Там же. С. 42, 43.
- ¹²⁵ Аликберов Г.А. Указ. соч. С. 37.

- ¹²⁶ Борьба за победу и упрочение Советской власти в Дагестане... С. 43.
- ¹²⁷ Аликберов Г.А. Указ. соч. С. 37, 38.
- ¹²⁸ Керимов И.К. К истории профсоюзного движения в Дагестане // Ученые записки Института ИЯЛ Дагфилиала АН СССР. Т. 5. 1958. С. 63.
- ¹²⁹ Красный Дагестан. 1927. 1 августа.
- ¹³⁰ Аликберов Г.А. Указ. соч. С. 36.
- ¹³¹ Борьба за установление Советской власти в Дагестане: Сб. док. и мат. М., 1958. С. 23, 24.
- ¹³² Там же. С. 25.
- ¹³³ Аликберов Г.А. Указ. соч. С. 39.
- ¹³⁴ История Дагестана. Т. 2...С. 67.
- ¹³⁵ Союз объединенных горцев Северного Кавказа... С. 76, 77.
- ¹³⁶ «Кристаллизация» горского освободительного движения // Б. Байтуганов об истории мусульман Северного Кавказа // Вопросы истории. 2001. № 5 С. 4.
- ¹³⁷ Горская жизнь. 1917. 14 ноября; Союз объединенных горцев Северного Кавказа... С. 85, 86.
- ¹³⁸ Союз объединенных горцев Северного Кавказа... С. 89, 90.
- ¹³⁹ Время. 1917. 20 сентября. Союз объединенных горцев Северного Кавказа (1917–1918гг.)... С. 70-73.
- ¹⁴⁰ Рид Джон. 10 дней, которые потрясли мир... С. 60, 61.
- ¹⁴¹ Мунчаев Ш.М., Устинов В.М. Указ. соч. С. 247.
- ¹⁴² Рид Джон. Указ. соч. С. 89.
- ¹⁴³ Аликберов Г.А. Указ. соч. С. 92, 93.
- ¹⁴⁴ Борьба за установление Советской власти в Дагестане. Сб. док. и мат. М. 1958. С. 42, 43.
- ¹⁴⁵ Там же. С. 44, 45.
- ¹⁴⁶ Там же. С. 48.
- ¹⁴⁷ Борьба за победу и упрочение Советской власти в Дагестане... С. 73.
- ¹⁴⁸ Там же. С. 50; Горская жизнь. 1917. 9 декабря.
- ¹⁴⁹ Там же. С. 51; Бакинский рабочий. 1917. 17 декабря.
- ¹⁵⁰ Борьба за победу и упрочение Советской власти в Дагестане... С. 73,74.
- ¹⁵¹ Там же. С. 56, 57.
- ¹⁵² Там же.
- ¹⁵³ Там же. С. 58, 59.
- ¹⁵⁴ Там же. С. 60, 61.
- ¹⁵⁵ Там же. С. 61, 62.
- ¹⁵⁶ Там же. С. 63-65.
- ¹⁵⁷ Кузнецов Б. 1918 год в Дагестане // «Елдаш». Газета в газете. 2006. – 28 июля. С. 12; Гамзатов Г.Г. Дагестан: историко-литературный процесс. Вопросы истории, теории, методологии. Махачкала: Дагучпедгиз, 1990. С. 285.
- ¹⁵⁸ Танг-Чолпан. 1918. № 9. февраль.
- ¹⁵⁹ Газета «Джаридату Дагестан». 1918. 5 февраля.
- ¹⁶⁰ Борьба за победу и упрочение Советской власти... С. 83.

- ¹⁶¹ Танг-Чолпан. 1918. № 9. февраль.
- ¹⁶² Борьба за победу и упрочение Советской власти в Дагестане... С. 84.
- ¹⁶³ Кашкаев Б.О. Борьба трудящихся Дагестана за установление Советской власти (март 1917 г.– август 1918 г.). Махачкала, 1985. С. 65.
- ¹⁶⁴ Кузнецов Б. Указ. соч. //«Елдаш». Газета в газете. 2006. 21 июля. - С. 12.
- ¹⁶⁵ Борьба за победу и упрочение Советской власти в Дагестане... С. 86.
- ¹⁶⁶ Борьба за установление Советской власти в Дагестане... С. 83.
- ¹⁶⁷ Там же.
- ¹⁶⁸ Борьба за победу и упрочение Советской власти в Дагестане. С. 87.
- ¹⁶⁹ Борьба за установление Советской власти в Дагестане. С. 82....
- ¹⁷⁰ Борьба за победу и упрочение Советской власти в Дагестане... С. 88.
- ¹⁷¹ Там же. С. 89.
- ¹⁷² Там же. С. 90, 91.
- ¹⁷³ Борьба за установление Советской власти в Дагестане... С. 114.
- ¹⁷⁴ Борьба за победу и упрочение Советской власти в Дагестане... С. 93.
- ¹⁷⁵ Борьба за установление Советской власти в Дагестане... С. 110, 111.
- ¹⁷⁶ Там же. С. 119.
- ¹⁷⁷ В международной конференции участвовали Германия, Турция, Австро-Венгрия и Болгария.
- ¹⁷⁸ Борьба за установление Советской власти в Дагестане...С. 108-116.
- ¹⁷⁹ Там же. С. 104.
- ¹⁸⁰ Тахо-Годи А. Революция и контрреволюция в Дагестане. Махачкала, 1927. С. 61, 62.
- ¹⁸¹ Союз объединенных горцев. ..С. 124, 125.
- ¹⁸² Сталин И. Сочинения. Т. 4. М., 1947. С. 99, 100.
- ¹⁸³ Борьба за победу и упрочение Советской власти в Дагестане... С. 179.
- ¹⁸⁴ История Коммунистической партии Советского Союза. В 6-ти томах. Т. 1. М., 1967. С. 419, 420; Съезды народов Терека: Сб. док. и материалов. В 2-х томах. Т. 1. Орджоникидзе, 1977. С. 98, 99.
- ¹⁸⁵ Борьба за победу и упрочение Советской власти в Дагестане. С. 196, 197.
- ¹⁸⁶ Борьба за установление Советской власти в Дагестане. С. 149-151.
- ¹⁸⁷ Известия Астраханского Совета рабочих, солдатских, крестьянских и левецких депутатов. 1918-10 июля; Борьба за установление Советской власти в Дагестане... С. 165, 166.
- ¹⁸⁸ Борьба за победу и упрочение Советской власти в Дагестане... С. 181, 182.
- ¹⁸⁹ Там же. С. 189.
- ¹⁹⁰ Там же. С. 190.
- ¹⁹¹ Там же.
- ¹⁹² Там же. С. 191.
- ¹⁹³ Аликберов Г.А. Указ. соч. С. 144.
- ¹⁹⁴ Там же. С. 145.
- ¹⁹⁵ Борьба за установление Советской власти в Дагестане. С. 129. Цит. по: Аликберов Г.А. Указ. соч. С. 145.
- ¹⁹⁶ Там же.

- ¹⁹⁷ Аликберов Г.А. Указ. соч. С. 146, 147.
¹⁹⁸ Борьба за победу и упрочение Советской власти в Дагестане... С. 195, 196.
¹⁹⁹ Аликберов Г.А. Указ. соч. С. 148.
²⁰⁰ Борьба за установление Советской власти в Дагестане... С. 176.
²⁰¹ Там же. С. 179.
²⁰² В боях за власть Советов. Воспоминания участников революции и Гражданской войны в Дагестане. Махачкала, 1957. С. 92.
²⁰³ Аликберов Г.А. Указ. соч. С. 151.
²⁰⁴ Там же С. 153.
²⁰⁵ Там же. С. 154.
²⁰⁶ Там же. С. 155.
²⁰⁷ Там же. С. 156.
²⁰⁸ Там же. С. 157.
²⁰⁹ Аликберов Г.А. Указ. соч. С. 159.
²¹⁰ Борьба за установление Советской власти в Дагестане... С. 183.
²¹¹ Там же. С. 184, 185; Сталин И.В. Сочинения. Т. 4. С. 127.
²¹² Аликберов Г.А. Указ. соч. С. 159.
²¹³ Там же.
²¹⁴ Очерки истории партийной организации Дагестана... С. 110.
²¹⁵ Аликберов Г.А. Указ. соч. С. 161.
²¹⁶ Там же. С. 163.
²¹⁷ Цит. по: Аликберов Г.А. Указ. соч. С. 164.
²¹⁸ Труды Института истории партии при Дагестанском обкоме КПСС. Т. 2. Махачкала, 1958. С. 188.
²¹⁹ В боях за власть Советов. Воспоминания участников революции и Гражданской войны в Дагестане. Махачкала, 1957. С. 49.
²²⁰ Тахо-Годи А. Указ. соч. С. 72-73.
²²¹ Аликберов Г.А. Указ. соч. С. 167, 168; Орджоникидзе Г. К. Избранные статьи и речи. М., 1939. С. 45.
²²² Борьба за установление Советской власти в Дагестане... С. 190, 191.
²²³ Там же. С. 191.
²²⁴ Там же. С. 186.
²²⁵ Кашкаев Б.О. Гражданская война в Дагестане в 1918-1920 гг. М.: Наука, 1976. С. 112-113.
²²⁶ Там же. С. 114, 115.
²²⁷ Гиоев М.И. Кавказский крайком РКП(б) и Октябрь на Северном Кавказе. Орджоникидзе. // Изд. «Ир». 1978. С. 176.
²²⁸ Аликберов Г.А. Указ. соч. С. 109-171.
²²⁹ Там же. Указ. соч. С. 172-174.
²³⁰ Орджоникидзе Г.К. Указ. соч. С. 59.
²³¹ Аликберов Г.А. Указ. соч. С. 179.
²³² Кашкаев Б.О. Гражданская война в Дагестане. С. 130, 131.
²³³ Аликберов Г.А. Указ. соч. С. 177; примерно то же самое в кн.: Борцы за власть Советов в Дагестане... С. 21.

- ²³⁴ Аликберов Г.А. Указ. соч. С. 178.
²³⁵ Кашкаев Б.О. Указ. соч. С. 151, 152.
²³⁶ История Дагестана Т. 3. С. 75.
²³⁷ Там же.
²³⁸ Кашкаев Б.О. Указ. соч. С. 150.
²³⁹ Исхаков С.М. «Кристаллизация» горского освободительного движения. Размышления Б. Байтугана об истории мусульман Северного Кавказа // Вопросы истории. 2001. № 5. С. 25.
²⁴⁰ Кашкаев Б.О. Указ. соч. С. 155-157.
²⁴¹ Союз объединенных горцев Северного Кавказа... С. 104-106, 108, 104.
²⁴² Там же. С. 124, 125.
²⁴³ Там же. С. 126.
²⁴⁴ Там же. С. 173, 174.
²⁴⁵ Там же.
²⁴⁶ История Дагестана. Т. 3. С. 76.
²⁴⁷ Народная власть. 1918. 3 декабря.
²⁴⁸ Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана... С. 175.
²⁴⁹ Кашкаев Б.О. Указ. соч. С. 158.
²⁵⁰ Союз объединенных горцев... С. 176, 177.
²⁵¹ Там же. С. 178, 179.
²⁵² Там же. С. 187, 188, 190, 191.
²⁵³ Известия Академии наук Азербайджана. 1990. № 2. С. 69-71.
²⁵⁴ Там же. С. 191.
²⁵⁵ Там же С. 222-225.
²⁵⁶ Там же. С. 225-227.
²⁵⁷ Там же. С. 228-230.
²⁵⁸ Там же. С. 232, 233.
²⁵⁹ Ленин В.И. ПСС. Т. 37. С. 127.
²⁶⁰ Там же. Т. 50. С. 205.
²⁶¹ Победа Советов на Тереке. Торжество ленинского интернационализма// Орджоникидзе. «Ир». 1983. С. 154, 155.
²⁶² Аликберов Г.А. Указ. соч. С. 182.
²⁶³ Дзидзоев В.Д. Белый и красный террор на Северном Кавказе в 1917-1918 годах. Владикавказ: Алания, 2000. С. 23, 129, 134, 135.
²⁶⁴ Борьба за установление Советской власти в Дагестане... С. 234-236.
²⁶⁵ Там же. С. 240.
²⁶⁶ Там же. С. 240-242.
²⁶⁷ Кашкаев Б.О. Указ. соч. С. 180, 181.
²⁶⁸ Там же. С. 182.
²⁶⁹ Дагестанская правда. 1925. 1 апреля.
²⁷⁰ Кашкаев Б.О. Указ. соч. С. 189.
²⁷¹ Там же. С. 190, 191.
²⁷² Борьба за установление Советской власти в Дагестане... С. 242, 245.
²⁷³ Там же. С. 214.

- ²⁷⁴ Борьба за установление Советской власти в Дагестане... С. 214, 215, 218.
²⁷⁵ Там же. С. 215.
²⁷⁶ Там же. С. 224, 225; Кашкаев Б.О. Указ. соч. С. 192.
²⁷⁷ Борьба за установление Советской власти в Дагестане... С. 225.
²⁷⁸ Аликберов Г.А. Указ. соч. С. 208.
²⁷⁹ Там же. С. 210, 211.
²⁸⁰ По информации участника обороны Кизляра Аванеса Астратянца (в архиве автора).
²⁸¹ Борцы за власть Советов в Дагестане... С. 55.
²⁸² Там же.
²⁸³ Дзидзоев В.Д. Белый и красный террор на Северном Кавказе... С. 14, 15.
²⁸⁴ Борьба за установление Советской власти в Дагестане... С. 234.
²⁸⁵ Там же. С. 239.
²⁸⁶ Там же С. 258, 259.
²⁸⁷ Аликберов Г.А. Указ. соч. С. 217.
²⁸⁸ Там же. С. 218.
²⁸⁹ Там же. С. 218, 219; Кашкаев Б.О. Указ. соч. С. 200.
²⁹⁰ Кашкаев Б.О. Указ. соч. С. 201.
²⁹¹ Борцы за власть Советов в Дагестане... С. 58.
²⁹² Борьба за установление Советской власти в Дагестане... С. 248.
²⁹³ Там же.
²⁹⁴ Османов А.И. Жизнь в революции // Жизнь светлая и трагическая. Махачкала, 1991. С. 221.
²⁹⁵ Аликберов Г.А. Указ. соч. С. 221.
²⁹⁶ Османов А.И. Указ. соч. С. 14.
²⁹⁷ Борцы за власть Советов в Дагестане. С. 234.
²⁹⁸ Там же. С. 274.
²⁹⁹ Борьба за установление Советской власти в Дагестане. С. 268; Молот. 1919. 31 июля.
³⁰⁰ Молот. 1919. 8 августа; Борьба за установление Советской власти в Дагестане. С. 273.
³⁰¹ Борьба за установление Советской власти в Дагестане... С. 278.
³⁰² Там же. С. 279-282.
³⁰³ Там же. С. 283.
³⁰⁴ Там же С. 282-283.
³⁰⁵ Там же.
³⁰⁶ Там же.
³⁰⁷ Там же. С. 282.
³⁰⁸ Аликберов Г.А. Указ. соч. С. 228.
³⁰⁹ Борьба за установление Советской власти в Дагестане... С. 291.
³¹⁰ Аликберов Г.А. Указ. соч. С. 227.
³¹¹ Там же. С. 232-233.
³¹² Аликберов Г.А. Указ. соч. С. 232, 234, 236.
³¹³ Рукописный фонд Института ИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 29. Л. 6.

- ³¹⁴ Там же. Лл. 7 – 8.
³¹⁵ Борьба за установление Советской власти в Дагестане... С. 302 – 303.
³¹⁶ Аликберов Г. А. Указ. соч. С. 242.
³¹⁷ Рукописный фонд Института ИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 29. Лл. 28-30.
³¹⁸ Кашкаев Б.О. Указ. соч. С. 229.
³¹⁹ Борьба за установление Советской власти в Дагестане... С. 293.
³²⁰ Там же. С. 296.
³²¹ Там же. С. 308.
³²² Там же. С. 296.
³²³ Там же. С. 309.
³²⁴ Там же. С. 310 – 314.
³²⁵ Там же. С. 315.
³²⁶ Там же. С. 316.
³²⁷ Там же. С. 319.
³²⁸ Там же. С. 318, 319.
³²⁹ Цит. по: Борьба за установление Советской власти в Дагестане... С. 320-322.
³³⁰ Там же. С. 330, 331; Азербайджан. 1919. 26 ноября.
³³¹ Борьба за Советскую власть в Дагестане... С. 334, 335.
³³² Там же. С. 339.
³³³ Там же. С. 340, 341.
³³⁴ Там же. С. 345.
³³⁵ Там же. С. 347, 348.
³³⁶ Там же. С. 349.
³³⁷ Там же. С. 356-359.
³³⁸ Кашкаев Б. О. Указ. соч. С. 246-249.
³³⁹ Магомедов Ш. М. Солтан-Саид Казбеков. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1972. С. 117, 119, 123, 124.
³⁴⁰ Кашкаев Б. О. Указ. соч. С. 251, 252.
³⁴¹ Аликберов Г. А. Указ. соч. С. 274, 275.
³⁴² Там же. С. 275.
³⁴³ Там же. С. 277.
³⁴⁴ Кашкаев Б. О. Указ. Соч. С. 258, 259.
³⁴⁵ Там же. С. 260.
³⁴⁶ Там же. С. 259.
³⁴⁷ Ленин В. И. ПСС. Т. 39. С. 232.
³⁴⁸ Цит. по: Кашкаев Б. О. Указ. соч. С. 252 ; Новый мир . 1920. 21 января.
³⁴⁹ Отечественные записки. 2006 . Вып. 89. Советская Россия. 2006. 30 марта.
³⁵⁰ Орджоникидзе Г. К. Статьи и речи. Т. 1. М., 1956. С. 111; Красный Дагестан // 1925.-1 апреля.
³⁵¹ Кристаллизация горского освободительного движения. Размышления Б. Байтугана об истории мусульман Северного Кавказа. С. 5
³⁵² Мунчаев Ш.М., Устинов В.М. История России... С. 293.

- ³⁵³ Революционные комитеты Дагестана. Март 1920-декабрь 1921г. Сб. документов. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1960. С. 6, 35-38.
- ³⁵⁴ Там же. С. 56.
- ³⁵⁵ Цит. по: Бугай Н.Ф. Ревкомы в национальных округах Северного Кавказа (1919-1920). Нальчик: Эльбрус, 1977. С. 47.
- ³⁵⁶ Революционные комитеты Дагестана... С. 11.
- ³⁵⁷ Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 14. Д. 199. Л. 6-8.
- ³⁵⁸ Революционные комитеты Дагестана... С. 62, 63.
- ³⁵⁹ Борьба за установление Советской власти в Дагестане... С. 409.
- ³⁶⁰ Революционные комитеты Дагестана... С. 49
- ³⁶¹ Борьба за установление Советской власти в Дагестане... С. 411,412
- ³⁶² Там же. С. 412, 413.
- ³⁶³ Рукописный фонд Института ИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Д. 1445. Л. 5, 6.
- ³⁶⁴ Революционные комитеты Дагестана... С. 51, 52.
- ³⁶⁵ Там же. С. 52, 53.
- ³⁶⁶ Там же. С. 72.
- ³⁶⁷ Там же.
- ³⁶⁸ Там же. С. 61.
- ³⁶⁹ Борьба за установление Советской власти в Дагестане... С. 426.
- ³⁷⁰ Там же.
- ³⁷¹ Там же. С. 434.
- ³⁷² Революционные комитеты Дагестана... С. 55, 56.
- ³⁷³ Борьба за установление Советской власти в Дагестане... С. 424; Коммунист. 1920. № 15 от 25 апреля 1920 г.
- ³⁷⁴ Борьба за установление Советской власти в Дагестане... С. 436.
- ³⁷⁵ Там же. С. 430, 432.
- ³⁷⁶ Там же. С. 430, 432.
- ³⁷⁷ Борьба за победу и упрочение Советской власти в Дагестане. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1960. С. 536-538.
- ³⁷⁸ Борьба за установление Советской власти в Дагестане ... С. 430.
- ³⁷⁹ Борьба за победу и упрочение Советской власти в Дагестане... С. 541, 542.
- ³⁸⁰ Мемуары полковника Джафарова Магомеда из сел. Кудади. Революция и Гражданская война в Дагестане. 1917-1921 гг. Махачкала, 2002. С. 35.
- ³⁸¹ Борьба за установление Советской власти в Дагестане... С. 425, 435.
- ³⁸² Революционные комитеты Дагестана... С. 110, 111, 113.
- ³⁸³ Борьба за победу и упрочение Советской власти в Дагестане... С. 542.
- ³⁸⁴ Киров С.М. Избранные статьи и речи. М., 1939. С. 153.
- ³⁸⁵ Революционные комитеты Дагестана... С. 81.
- ³⁸⁶ Там же. С. 113.
- ³⁸⁷ Борьба за победу и упрочение Советской власти в Дагестане... С. 544, 545.
- ³⁸⁸ Борьба за установление Советской власти в Дагестане... С. 437.
- ³⁸⁹ «Елдаш». Газета в газете. 2006. 31 марта. С. 12.
- ³⁹⁰ Борьба за установление Советской власти в Дагестане... С. 437, 438.

- ³⁹¹ Там же. С. 437, 438; Советский Юг. 1920. 22 октября.
- ³⁹² Борьба за победу и упрочение Советской власти в Дагестане... С. 546, 547.
- ³⁹³ Революционные комитеты Дагестана... С. 114.
- ³⁹⁴ Борьба за установление Советской власти в Дагестане... С. 439.
- ³⁹⁵ Борьба за установление Советской власти в Дагестане. С. 508, 509; В боях за власть Советов. Воспоминания участников социалистической революции и Гражданской войны в Дагестане. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1970. С. 242.
- ³⁹⁶ Джафаров М. Указ. соч. С. 177.
- ³⁹⁷ Борьба за установление Советской власти в Дагестане... С. 443, 444.
- ³⁹⁸ Борьба за победу и упрочение Советской власти в Дагестане... С. 550.
- ³⁹⁹ Революционные комитеты Дагестана... С. 118.
- ⁴⁰⁰ Борьба за победу и упрочение Советской власти в Дагестане... С. 551.
- ⁴⁰¹ Борьба за установление Советской власти в Дагестане... С. 445.
- ⁴⁰² Борьба за победу и упрочение Советской власти в Дагестане... С. 552, 553.
- ⁴⁰³ Цит. по: Борьба за победу и упрочение Советской власти в Дагестане... С. 554; Советский Дагестан. 1920. 24 октября.
- ⁴⁰⁴ Джунусов М.С. Из истории начального этапа осуществления национальной политики Советского государства // История СССР. 1988. 3. С. 39-53.
- ⁴⁰⁵ Цит. по: Борьба за победу и упрочение Советской власти в Дагестане. С. 516.
- ⁴⁰⁶ Бугай Н.Ф. Г.К. Орджоникидзе на Северном Кавказе. 1918-1920 гг.
- ⁴⁰⁷ Там же. С. 98.
- ⁴⁰⁸ Коркмасов А. Как был подписан первый советско-турецкий договор. «Елдаш». Газета в газете. 2006. 5 мая. С. 13.
- ⁴⁰⁹ Коркмасов А. Указ. соч.; Газета в газете. «Елдаш». 2006. 12 мая. С. 12.
- ⁴¹⁰ Там же.
- ⁴¹¹ Там же.
- ⁴¹² Там же.
- ⁴¹³ Там же.
- ⁴¹⁴ Казанбиев М.А. Создание и укрепление национальной государственности народов Дагестана. Махачкала, 1970. С. 34.
- ⁴¹⁵ Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 14. Д. 199. Л. 195.
- ⁴¹⁶ Борьба за установление Советской власти в Дагестане... С. 453, 454.
- ⁴¹⁷ Там же. С. 454, 455.
- ⁴¹⁸ Там же. С. 496.
- ⁴¹⁹ «Елдаш». Газета в газете. 2006. 28 апреля. С. 12.
- ⁴²⁰ Борьба за победу и упрочение Советской власти в Дагестане... С. 527.
- ⁴²¹ Борьба за установление Советской власти в Дагестане... С. 456.
- ⁴²² Борьба за победу и упрочение Советской власти в Дагестане... С. 556.
- ⁴²³ Там же. С. 463, 467.
- ⁴²⁴ Там же. С. 467.
- ⁴²⁵ Там же. С. 557, 558.
- ⁴²⁶ Там же. С. 554.

- ⁴²⁷ Борьба за установление Советской власти в Дагестане... С. 468.
⁴²⁸ Там же.
⁴²⁹ Борьба за победу и упрочение советской власти в Дагестане... С. 559.
⁴³⁰ Там же. С. 560.
⁴³¹ Российский государственный архив социально-политической истории (ЦПА ИМЛ). Ф. 17. Оп. 16. Д. 182. Л. 2.
⁴³² В боях за власть Советов... С. 263.
⁴³³ Республика Дагестан: административное устройство, территория... С. 74.
⁴³⁴ Ленин В.И. ПСС. Т. 39. С. 113, 114.
⁴³⁵ Из истории ВЧК. М. 1958. С. 11.
⁴³⁶ Махач Дахадаев. Сб. документов, статей, воспоминаний о жизни и общественно-политической деятельности. Махачкала, 1999. С. 319.
⁴³⁷ Бугай Н.Ф. Г.К. Орджоникидзе на Северном Кавказе. 1918-1920 гг. Нальчик. 1986. С. 99.
⁴³⁸ Борьба за установление Советской власти в Дагестане... С. 339.
⁴³⁹ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 5. М., 1991. С. 242.
⁴⁴⁰ Знамя хранится в Дагестанском государственном объединенном историческом и архитектурном музее.
⁴⁴¹ Красный Дагестан. 1925. 1 апреля.
⁴⁴² Коргмасов А. Как был подписан первый советско-турецкий договор // «Елдаш». Газета в газете. 2006. 14 апреля. С. 12.
⁴⁴³ Там же.
⁴⁴⁴ Образование Дагестанской АССР (1920-1921 гг.). Сб. док. Махачкала, 1962. С. 95.
⁴⁴⁵ Ленин В.И. ПСС. Т. 42. С. 420.
⁴⁴⁶ Там же. С. 103.
⁴⁴⁷ Казанбиев М.А. Указ. соч. С. 40.
⁴⁴⁸ Образование Дагестанской АССР (1920-1921 гг.). Сб. док. С. 168, 169.
⁴⁴⁹ Даниялов Г.Д. Социалистические преобразования в Дагестане 1920-1941 гг. Махачкала, 1960. С. 121-122.
⁴⁵⁰ Борьба за победу и упрочение Советской власти в Дагестане... С. 573.
⁴⁵¹ Образование Дагестанской АССР (1920-1921 гг.). Сб. док... С. 171.
⁴⁵² Там же. С. 173, 174, 175, 177, 191.
⁴⁵³ Там же. С. 175, 177-193.
⁴⁵⁴ Там же. С. 190.
⁴⁵⁵ Там же. С. 195.
⁴⁵⁶ Там же.
⁴⁵⁷ Там же. С. 196-200.
⁴⁵⁸ Казанбиев М. А. Указ. соч. С. 73, 74.
⁴⁵⁹ Там же. С. 42, 43.
⁴⁶⁰ Ленин В.И. ПСС. Т. 43. С. 199; Ленин с нами. Сб. док. и мат. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1965. С. 22, 23.
⁴⁶¹ КПСС в резолюциях... Т. 2. С. 252.
⁴⁶² Очерки истории партийной организации Дагестана... С. 203.

- ⁴⁶³ КПСС в резолюциях... Т. 2. С. 337.
⁴⁶⁴ Османов А.И. Осуществление новой экономической политики в Дагестане. 1921-1925. М.: Наука, 1978. С. 146, 147.
⁴⁶⁵ Ленинский призыв в партию в Дагестане. Сб. док. и материалов. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1987. С. 4, 6.
⁴⁶⁶ ЦГА РД. Ф. 1. Оп. 5. Д. 71. Л. 2.
⁴⁶⁷ Османов А.И. Указ. соч. С. 143.
⁴⁶⁸ Дагестанская областная организация КПСС. Стат. сб. Махачкала. 1978. С. 29.
⁴⁶⁹ КПСС в резолюциях... Т. 2. С. 252.
⁴⁷⁰ Амирханова-Кулиш А.С. Красная Армия в социалистическом строительстве на Северном Кавказе. 1920-1923 гг. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1978. С. 116, 117.
⁴⁷¹ Цит. по: Амирханова-Кулиш А.С. Указ. соч. С. 28.
⁴⁷² Там же. С. 30.
⁴⁷³ Сулейманов С.И. На страже завоеваний Октября. Махачкала, 1974. С. 7, 8; Османов А.И. Указ. соч. С. 175.
⁴⁷⁴ Красный Дагестан. 1923. 16 декабря.
⁴⁷⁵ Там же.
⁴⁷⁶ Османов А.И. Указ. соч. С. 175.
⁴⁷⁷ Дагестанская правда. 1999. 7 августа.
⁴⁷⁸ Османов А.И. Указ. соч. С. 184, 185; Сулейманов С.И. Указ. соч. С. 75.
⁴⁷⁹ Сулейманов С.И. Указ. соч. С. 43-45.
⁴⁸⁰ ЦГА РД. Ф. 1. Оп. 6. Д. 48. Л. 67.
⁴⁸¹ Очерки истории партийной организации Дагестана. С. 244.
⁴⁸² Аквердиев Э.Т. Важный этап большого исторического пути. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1981. С. 16.
⁴⁸³ КПСС в резолюциях... Т. 3. С. 234, 239.
⁴⁸⁴ Очерки истории партийной организации Дагестана... С. 245.
⁴⁸⁵ Османов А. И. Указ. соч. С. 171-172.
⁴⁸⁶ Каймаразов Г.Ш. Указ. соч. С. 126.
⁴⁸⁷ Османов А.И. Указ. соч. С. 191.
⁴⁸⁸ Какагаганов Г.И. Религиозная политика органов власти Дагестана... С. 158; Курбанов М.Р., Курбанов Г.М. Религия в культуре народов Дагестана. Махачкала, 1966. С. 15.
⁴⁸⁹ Османов А.И. Ликвидация кулачества как класса в Дагестане. Махачкала, 1972. С. 59.
⁴⁹⁰ Там же. С. 60.
⁴⁹¹ Там же. С. 61.
⁴⁹² Там же. С. 61.
⁴⁹³ ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 192. Л. 297.
⁴⁹⁴ ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 9. Д. 104. Лл. 206, 207.
⁴⁹⁵ Османов А.И. Указ. соч. С. 63.
⁴⁹⁶ ЦГА РД. Ф. 37-р. Оп. 19. Д. 66. Л. 144.

- ⁴⁹⁷ Там же. Оп. 23. Д. 43. Л. 8.
⁴⁹⁸ Там же. Ф. 1-п. Оп. 6. Д. 9. Л. 21.
⁴⁹⁹ Эльдарова Р.А. Женщина гор. М.: Из-во «Советская Россия», 1963. С. 21.
⁵⁰⁰ Даниялов Г.Д. Социалистические преобразования в Дагестане... С. 444-445.
⁵⁰¹ Красный Дагестан. 1924. 23 апреля.
⁵⁰² История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 4. Кн. 1. М.: Политиздат, 1970. С. 117, 118.
⁵⁰³ Аликберов З.М. Комсомол Дагестана в цифрах и фактах. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1960. С. 17.
⁵⁰⁴ Аликберов З.М. Комсомол Дагестана в цифрах и фактах. Махачкала. Дагкнигоиздат, 1960. С. 17.
⁵⁰⁵ Подсчитано по: Борьба за победу и упрочение Советской власти в Дагестане... С. 608.
⁵⁰⁶ Цит. по: Керимов И.К. История профсоюзного движения в Дагестане (1905-1941 гг.). Махачкала, 1963. С. 91-92.
⁵⁰⁷ ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 1. Л. 6.; Д. 9. Л. 22.
⁵⁰⁸ Керимов И.К. Указ. соч. С. 118.
⁵⁰⁹ Османов А.И. Осуществление новой экономической политики в Дагестане... С. 169.
⁵¹⁰ Искендеров Г.А. Роль кресткомов в восстановлении и развитии сельского хозяйства Дагестана (1921-1925 гг.). Вопросы истории Дагестана и Северного Кавказа. Махачкала, 1973. С. 70-71.
⁵¹¹ Османов А.И. Указ. соч. С. 169.
⁵¹² Ленин с нами. Сб. док. и материалов. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1965. С. 19.
⁵¹³ История советского крестьянства Дагестана. Т.1. Махачкала, 1986. С. 86-87.
⁵¹⁴ Гаджиев А.С. Первые коммунистические субботники и их влияние на формирование социалистического сознания народов Дагестана // Вопросы истории социалистического и коммунистического строительства в Дагестане. Махачкала, 1976. С. 59.
⁵¹⁵ Ленин с нами. Сб. док. и материалов. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1965. С. 23.
⁵¹⁶ История советского крестьянства Дагестана. Кн.1. С. 87.
⁵¹⁷ Даниялов А.Д. Указ. соч. С. 473-474.
⁵¹⁸ Юсуфов Р.Ю. Пионерия Дагестана. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1963. С. 24, 25, 35.
⁵¹⁹ Там же. С. 46-47.
⁵²⁰ Там же. С. 47-48.
⁵²¹ КПСС в резолюциях и решениях... Т. 2. М. 1970. С. 443.
⁵²² Ленин В.И. ПСС. Т. 45. С. 76.
⁵²³ Даниялов Г.Д. Указ. соч. С. 201, 207-208.
⁵²⁴ Ленин В.И. ПСС. Т. 39. С. 314.

- ⁵²⁵ КПСС в резолюциях... Т. 4. С. 57.
⁵²⁶ Иванцов В.И. В едином строю. Махачкала, 1984. С. 22-23.
⁵²⁷ Там же. С. 12, 15, 16.
⁵²⁸ Плановое хозяйство Дагестана. 1928. № 3-4. С. 62-59.
⁵²⁹ Дагестанская областная организация КПСС... С. 29.
⁵³⁰ Казанбиев М.А. Административно-территориальное устройство Дагестанской АССР // Ученые записки Института ИЯЛ Дагфилиала АН СССР. Махачкала, 1960. С. 125, 127, 128.
⁵³¹ 10 лет социалистического строительства ДАССР... С. 7, 12.
⁵³² Казанбиев М.А. Очерки истории советского строительства в Дагестанской АССР (1921-1937 гг.). Махачкала, 1965. – С. 34.
⁵³³ Казанбиев М.А. Указ. соч. С. 35.
⁵³⁴ 10 лет социалистического строительства ДАССР... С. 10, 14.
⁵³⁵ Казанбиев М. А. Указ. соч. С. 36, 41.
⁵³⁶ Резолюции IX Дагестанской областной партийной конференции. Махачкала, 1927. С. 12.
⁵³⁷ Красный Дагестан. 1926. 25 апреля; 15 апреля.
⁵³⁸ Керимов И. К. История профсоюзного движения в Дагестане (1905 – июнь 1941 г.) Махачкала, 1963. С. 151.
⁵³⁹ Керимов И. К. Указ. соч. С. 152.
⁵⁴⁰ Там же. С. 165, 173, 187.
⁵⁴¹ Там же. С. 202.
⁵⁴² Османов А. И. Комсомол Дагестана в годы коллективизации. Махачкала, 1968. С. 6.
⁵⁴³ Там же.
⁵⁴⁴ Там же. С. 41-42.
⁵⁴⁵ Кичев М. И. Очерки истории комсомола Дагестана. 1920-1932 гг. Махачкала, 1970. С. 70.
⁵⁴⁶ Османов А. И. Указ. соч. С. 42.
⁵⁴⁷ Даниялов Г. Д. Указ. соч. С. 288-289.
⁵⁴⁸ Красный Дагестан. 1929. 15 августа.
⁵⁴⁹ Красный Дагестан. 1930. 17, 11 марта.
⁵⁵⁰ Османов А. И. Указ. соч. С. 74.
⁵⁵¹ Залесский М. Я. Налоговая политика Советского государства в деревне. М.: Госфиниздат, 1940. С. 79-80.
⁵⁵² Османов А. И. Указ. соч. С. 41-42.
⁵⁵³ Залесский М. Я. Указ. соч. С. 85, 87.
⁵⁵⁴ Османов А. И. Указ. соч. С. 45.
⁵⁵⁵ Османов Г. Г. Социально-экономическое развитие дагестанского доколхозного аула. М., 1965. С. 285.
⁵⁵⁶ Даниялов Г.Д. Указ. соч. С. 295.
⁵⁵⁷ Там же. С. 305-306.
⁵⁵⁸ Османов А. И. Указ. соч. С. 40-47.
⁵⁵⁹ Там же. С. 48.

- ⁵⁶⁰ Там же. С. 68.
- ⁵⁶¹ Поиск. 2006. 30 июня. С. 13.
- ⁵⁶² Османов А. И. Указ. соч. С. 68.
- ⁵⁶³ Там же. С. 74-75.
- ⁵⁶⁴ Османов Г.Г. Социально-экономическое развитие дагестанского доколхозного аула. С. 345.
- ⁵⁶⁵ Османов А.И. Указ. соч. С. 77.
- ⁵⁶⁶ Гаджиев А.С. Роль русского народа в исторических судьбах народов Дагестана. Махачкала, 1964. С. 149; ЦГА РД. Ф. 1. Оп. 10. Д. 234. Л. 144.
- ⁵⁶⁷ Калинин М.И. Путь подъема сельского хозяйства и налоговое облегчение середняка. (Доклад и заключительное слово на XVI конференции ВКП(б) 26 апреля 1929г.) Статьи и речи 1919-1935 гг. М., 1936. С. 325.
- ⁵⁶⁸ Османов А.И. Указ. соч. С. 83.
- ⁵⁶⁹ Красный Дагестан. 1931. 19 марта.
- ⁵⁷⁰ О работе комиссии Политбюро ЦК ВКП(б) по вопросам сплошной коллективизации.: Из материалов многотомной истории КПСС. // Вопросы истории КПСС. 1964. № 1. С. 37.
- ⁵⁷¹ Там же. С. 34, 37-38.
- ⁵⁷² Там же. С. 42.
- ⁵⁷³ Османов А.И. Указ. соч. С.99.
- ⁵⁷⁴ ЦГА РД. Ф.1. Оп. 10. Д. 43. Л. 139; Д. 28. Л. 269.
- ⁵⁷⁵ Звезда. 1930. № 1-2. С.7.
- ⁵⁷⁶ Османов А.И. Указ. соч. С. 102.
- ⁵⁷⁷ Там же. С. 103.
- ⁵⁷⁸ Там же. С.104.
- ⁵⁷⁹ Там же.
- ⁵⁸⁰ Там же. С. 105.
- ⁵⁸¹ Лекции по истории КПСС. Вып. 2. М., Мысль. 1968. С. 531.
- ⁵⁸² ЦГА РД. Ф. 1.п. Оп. 11. Д. 2. Л.16.
- ⁵⁸³ Вылцан М.А., Ивницкий Н.А., Поляков Ю.А. Некоторые проблемы коллективизации в СССР // Вопросы истории. 1965. № 3. С.18.
- ⁵⁸⁴ Османов А. И. Указ. соч. С. 112.
- ⁵⁸⁵ Там же.
- ⁵⁸⁶ Османов А.И. Дагестан в XX веке: Исторический опыт регионального развития. В 2-х кн. Кн. 1. Махачкала: «Юпитер», 2006. С. 391.
- ⁵⁸⁷ ЦГА РД. Ф. 1. Оп. 11. Д. 2. Л. 27.
- ⁵⁸⁸ Османов А.И. Указ. соч. С. 112-115.
- ⁵⁸⁹ Там же. С. 121.
- ⁵⁹⁰ Бейбулатов А.Ш. Роль Северокавказской партийной организации в активизации борьбы с кулачеством (декабрь 1929- январь 1930г.// Вестник Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН. 2006. № 2. С. 31.
- ⁵⁹¹ Османов А.И. Указ. соч. С. 122-124.
- ⁵⁹² Османов А.И. Дагестан в XXв... Кн. 1. С. 398.

- ⁵⁹³ Коллективизация сельского хозяйства Дагестанской АССР. Сб. док. Ч. 1. Махачкала, 1976. С. 441.
- ⁵⁹⁴ Зеленев Е.И. Организованный голод (1932-1933гг.) // Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР. К 70-летию голода 1932-1933 годов. Материалы II региональной научной конференции. Краснодар. 2004. С. 52, 57, 64.
- ⁵⁹⁵ Дагестанская правда. 1933. 26 марта, 9, 11, 15 февраля, 3 октября.
- ⁵⁹⁶ Там же. 3-5 марта.
- ⁵⁹⁷ Там же. 5 июня.
- ⁵⁹⁸ Там же. 2 июня.
- ⁵⁹⁹ Там же. 2 июня.
- ⁶⁰⁰ Там же. 10 марта.
- ⁶⁰¹ Османов А.И. Дагестан в XX веке... К. 1. С. 405, 406.
- ⁶⁰² ЦГА РД. Ф. 1. Оп. 14. Д. 15. Л. 27-29.
- ⁶⁰³ Османов А.И. Ликвидация кулачества как класса... С. 168.
- ⁶⁰⁴ Там же. С. 170.
- ⁶⁰⁵ Дагестанская правда. 1936. 9 марта.
- ⁶⁰⁶ Даниялов Г.Д. Социалистические преобразования в Дагестане... С. 397.
- ⁶⁰⁷ Османов А.И. Указ. соч. С. 173.
- ⁶⁰⁸ Там же. С. 174-175.
- ⁶⁰⁹ ЦГА РД. Ф. 1. Оп. 18. Д. 2. Л. 253.
- ⁶¹⁰ Дагестанская областная организация КПСС. Статист. справочник. Махачкала, 1978. С. 8.
- ⁶¹¹ Репрессии 30-х годов в Дагестане (Док. и мат.). Махачкала: «Юпитер», 1997. С. 7.
- ⁶¹² Там же. С. 8-9.
- ⁶¹³ Там же. С. 277-278.
- ⁶¹⁴ Там же. С. 284.
- ⁶¹⁵ Там же. С. 444-445.
- ⁶¹⁶ Дугин Л. Сталинизм. Легенды и факты // Слово. 1990. № 7. С. 22-26.
- ⁶¹⁷ Советская Россия. 2006. 27 июля.
- ⁶¹⁸ Дагестанская правда. 1992. 6 июня.
- ⁶¹⁹ Иванцов В.Г. Трагические страницы истории Дагестана: 1936-1939 гг. Проблемы истории массовых и политических репрессий в СССР. Краснодар, 2004. С. 103.
- ⁶²⁰ Казанбиев М.А. Создание и укрепление национальной государственности народов Дагестана. Махачкала, 1970. С. 182.
- ⁶²¹ Там же. С.183-186.
- ⁶²² Даниялов Г.Д. Указ. соч. С. 398-399.
- ⁶²³ Там же. С. 409.
- ⁶²⁴ Дагестанская правда. 1938. 15 февраля.
- ⁶²⁵ Там же.
- ⁶²⁶ Там же.
- ⁶²⁷ История Дагестана. Т. 2... С. 218, 220, 221.

- ⁶²⁸ Дагестанская областная организация КПСС... С. 29.
- ⁶²⁹ Очерки истории партийной организации Дагестана. С. 343.
- ⁶³⁰ Там же. С.344.
- ⁶³¹ Там же.
- ⁶³² История Дагестана. Т. 2. С. 224-225.
- ⁶³³ Юнаева В.Д. Социалистическое соревнование рабочих Дагестана в предвоенные годы (1938-1940 гг.) // Рабочий класс Дагестана в период строительства Социализма (1920-1940). Махачкала, 1983. С. 79.
- ⁶³⁴ Юнаева В.Д. Указ. соч. С. 80, 90.
- ⁶³⁵ Там же. С. 93, 94.
- ⁶³⁶ Там же. С. 84.
- ⁶³⁷ Даниялов Г.Д. Указ. соч. С. 209.
- ⁶³⁸ Искендеров Г.А. История совхозного строительства в Дагестане 1920-1980гг. М., 1982. С.35.
- ⁶³⁹ Акимова А.А. Роль профсоюзных организаций в усилении социально-политической и трудовой активности работников совхозов Дагестана в предвоенные годы // Годы суровых испытаний и народного подвига. Махачкала, 1995. С. 20, 21, 26.
- ⁶⁴⁰ Дагестанская областная организация ВЛКСМ. 1920-1987 гг. Статист. сб. Махачкала, 1988. С. 15, 36.
- ⁶⁴¹ История Дагестана... Т. 2. С. 296.
- ⁶⁴² Народы Дагестана в годы Великой Отечественной войны. 1941-1945 гг. (док. и мат.) Махачкала, 2005. С. 253-255.
- ⁶⁴³ Там же. С. 256-257.
- ⁶⁴⁴ История Дагестана. Т. 2. С. 236.
- ⁶⁴⁵ Дагестанская правда. 1941. 23 июня.
- ⁶⁴⁶ Дагестанская правда. 1941. 1 ноября.
- ⁶⁴⁷ История Дагестана. Т.2. С. 237.
- ⁶⁴⁸ Дагестан в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.) (док. и мат.). Махачкала, 1995. С. 567.
- ⁶⁴⁹ Дагестан в годы ВОВ. С. 327-329.
- ⁶⁵⁰ Народы Дагестана в годы ВОВ. С. 351.
- ⁶⁵¹ Там же. С. 367.
- ⁶⁵² Дагестан в годы ВОВ... С. 648.
- ⁶⁵³ Там же. Махачкала, 2005. С. 259-261.
- ⁶⁵⁴ Там же. С. 723.
- ⁶⁵⁵ Там же. С. 262-263.
- ⁶⁵⁶ Дагестан в годы ВОВ. Махачкала. 1995. С. 568.
- ⁶⁵⁷ Там же. С. 569.
- ⁶⁵⁸ Дагестанская правда. 1941. 25 августа; Дагестан в годы ВОВ С. 570.
- ⁶⁵⁹ Дагестанская правда. 1941. 2 сентября.
- ⁶⁶⁰ Дагестан в годы ВОВ. Махачкала, 1995. С. 573-575, 577-579, 581.
- ⁶⁶¹ Дагестан в годы ВОВ. 1995. С. 586-587.
- ⁶⁶² Народы Дагестана в годы ВОВ. 2005. С. 289.

- ⁶⁶³ Каймаразов Г.Ш., Керимов И.К., Койстинен Г.С., Мелешко А.Г. Дагестан в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Махачкала, 1963. С. 307.
- ⁶⁶⁴ Дагестанская правда. 1942. 9 апреля.
- ⁶⁶⁵ Народы Дагестана в годы ВОВ... С. 579-580.
- ⁶⁶⁶ Там же. С. 584-585, 589-590, 595-597.
- ⁶⁶⁷ Народы Дагестана в годы ВОВ... С. 523-524.
- ⁶⁶⁸ Дагестан в годы ВОВ... С. 213.
- ⁶⁶⁹ Каймаразов Г.Ш., Керимов И.К., Койстинен Г.С., Мелешко А.Г. Указ. соч. С. 199.
- ⁶⁷⁰ Народы Дагестана в годы ВОВ... С. 633.
- ⁶⁷¹ Дагестанская правда. 1943. 23 февраля.
- ⁶⁷² Там же. С. 591.
- ⁶⁷³ Там же. С. 597-598.
- ⁶⁷⁴ Дагестанская правда. 1943. 10 января.
- ⁶⁷⁵ Дагестанская правда. 1944. 20 декабря; Дагестан в годы ВОВ... С. 634-636.
- ⁶⁷⁶ Народы Дагестана в годы ВОВ. Махачкала, 2005. С. 276.
- ⁶⁷⁷ Дагестан в годы ВОВ... С. 600.
- ⁶⁷⁸ Народы Дагестана в годы ВОВ... С. 608-609.
- ⁶⁷⁹ Дагестан в годы ВОВ... С. 609-611, 620-621, 627-628.
- ⁶⁸⁰ Дагестанская правда. 1943. 28 марта; Дагестан в годы ВОВ... С. 583-584, 605-606.
- ⁶⁸¹ Дагестан в годы ВОВ... С. 605-606.
- ⁶⁸² Народы Дагестана в годы ВОВ... С. 284-285.
- ⁶⁸³ Дагестан в годы ВОВ... С. 598.
- ⁶⁸⁴ Народы Дагестана в годы ВОВ... С. 394-397.
- ⁶⁸⁵ Дагестан в годы ВОВ... С. 403-404.
- ⁶⁸⁶ Там же.
- ⁶⁸⁷ Там же. С. 420-421.
- ⁶⁸⁸ Там же С. 396.
- ⁶⁸⁹ История Дагестана. Т. 2. Махачкала, 2005. С. 250
- ⁶⁹⁰ Народы Дагестана в годы ВОВ... С. 406-407
- ⁶⁹¹ Там же. С. 409-410.
- ⁶⁹² Там же. С. 455-457.
- ⁶⁹³ Там же. С. 438-439.
- ⁶⁹⁴ Там же. С. 441-442.
- ⁶⁹⁵ Сулейманов С.И. Чекисты на войне. Махачкала, 2005. С. 167.
- ⁶⁹⁶ Народы Дагестана в годы ВОВ... С. 381-382.
- ⁶⁹⁷ Там же. С. 387-388.
- ⁶⁹⁸ Дагестан в годы ВОВ... С. 73-75.
- ⁶⁹⁹ Сулейманов С.И. Указ. соч. С. 169-170.
- ⁷⁰⁰ Народы Дагестана в годы ВОВ... С. 601-602.
- ⁷⁰¹ Там же. С. 623-624.
- ⁷⁰² Сулейманов С.И. Указ. соч. С. 173.
- ⁷⁰³ Там же. С. 119.

- ⁷⁰⁴ Народы Дагестана в годы ВОВ... С. 128.
⁷⁰⁵ Сулейманов С. И. Указ. соч. С. 121.
⁷⁰⁶ Там же. С. 120, 126.
⁷⁰⁷ Народы Дагестана в годы ВОВ... С. 616.
⁷⁰⁸ Сулейманов С.И. Указ. соч. С. 129.
⁷⁰⁹ Вагабов М.В. Сталинградская битва глазами участника. Махачкала, 2002. С. 42.
⁷¹⁰ Сулейманов С.И. Указ. соч. С. 132.
⁷¹¹ Там же. С. 99, 99-100.
⁷¹² Там же. С. 102.
⁷¹³ Там же. С. 104.
⁷¹⁴ Народы Дагестана в годы ВОВ... С. 413-415.
⁷¹⁵ Там же. С. 415-416.
⁷¹⁶ Дагестан в годы ВОВ. С. 217-222; С. 657.
⁷¹⁷ Дагестанская правда. 1942. 13 августа.
⁷¹⁸ Народы Дагестана в годы ВОВ... С. 268-269.
⁷¹⁹ Дагестан в годы ВОВ... С. 247.
⁷²⁰ Там же. С. 246-249; Дагестанская правда. 1942. 30 августа.
⁷²¹ Дагестан в годы ВОВ... С. 233.
⁷²² Бабаев А.М. Боевое содружество народов СССР – залог великой победы над фашистской Германией в годы Великой Отечественной войны // Народы Кавказа в Великой Отечественной войне. 1941-1945 гг. – Мат. конф. Махачкала. 2005. С. 108-109; Тинамагомедов М.Т. О вкладе военных комиссариатов Республики Дагестан в победу в Великой Отечественной войне. С. 84; Ибрагимов М.-Р.А. Этнодемографические процессы в Дагестане в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.) // Там же. С. 298; Сулейманов С.И. Указ. соч. С. 115; Муртузалиев О. В памяти народной // Назовем поименно. Книга памяти. Т. VI. Махачкала, 2001. С. 31, 32.
⁷²³ Бабаев А.М. Указ. соч. С. 809; Дагестанская правда. 2001. 5 мая.
⁷²⁴ Магидов Ш.Г. Трудное признание подвига. Народы Кавказа в Великой Отечественной войне. Мат. конф. Махачкала, 2005. С. 159-160.
⁷²⁵ Герои Советского Союза. В 2 т. Т. 1. М., 1987. С. 47.
⁷²⁶ Советская Россия. 2004. 17 апреля.
⁷²⁷ Великая Отечественная война. 1941-1945 гг. // Энциклопедия. 1985. С. 205.
⁷²⁸ Народы Дагестана в годы ВОВ... С. 721-722; Бутаев Б. Амет-Хан Султан. М.: «Патриот», 2005. С. 302-303; Смыслов О.С. Василий Сталин. Заложник имени М.: «Вече», 2003. С. 11; Берия С. Мой отец Лаврентий. М: Современник, 1994. С. 430.
⁷²⁹ Дагестанская правда. 2001. 9 мая.
⁷³⁰ Народы Дагестана в годы ВОВ... С. 264.
⁷³¹ Там же. С. 228.
⁷³² Там же. С. 266.
⁷³³ Народы Дагестана в годы ВОВ... С. 288.
⁷³⁴ Дагестан в годы ВОВ. С. 623.

- ⁷³⁵ Там же. С. 164.
⁷³⁶ Народы Дагестана в годы ВОВ... С. 271-272.
⁷³⁷ Там же. С. 271-272, 274-276.
⁷³⁸ Там же. С. 270-271.
⁷³⁹ Очерки истории партийной организации Дагестана. С. 401.
⁷⁴⁰ Дагестан в годы ВОВ. С. 523-524.
⁷⁴¹ Народы Дагестана в годы ВОВ... С. 615.
⁷⁴² Там же. С. 458.
⁷⁴³ О работе военного отдела обкома за 1943 г. Из отчета Дагобкома ВКП(б) в ЦК ВКП(б). Народы Дагестана в годы ВОВ... С. 540.
⁷⁴⁴ Очерки истории Дагестана. Т. II. 1950. С. 226.
⁷⁴⁵ Куманев В.А. Деятели культуры против войны и фашизма. М.: Наука, 1987. С. 235.
⁷⁴⁶ Искусство Дагестана в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Очерки истории. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1984. С. 20.
⁷⁴⁷ Искусство Дагестана в годы ВОВ. С. 21.
⁷⁴⁸ Там же. С. 27-29.
⁷⁴⁹ Там же. С. 29-31; Дагестанская правда. 1942. 8 марта.
⁷⁵⁰ Искусство Дагестана в годы ВОВ. С. 31.
⁷⁵¹ Там же. С. 32.
⁷⁵² Дагестан в годы ВОВ... С. 333-336.
⁷⁵³ Там же. С. 513-514.
⁷⁵⁴ Цит. по: Искусство Дагестана в годы ВОВ. С. 36.
⁷⁵⁵ Там же. С. 45-46.
⁷⁵⁶ Искусство Дагестана в годы ВОВ. С. 51, 74.
⁷⁵⁷ Там же. С. 75, 99.
⁷⁵⁸ Какагаганов Г.И. Религиозные конфессии в Дагестане. С. 76.
⁷⁵⁹ Корнилова М.В. Немецкие поселения на Северном Кавказе в XIX-начале XX вв. Автореферат на соискание уч. степени к.и.н. Владикавказ, 2006. С. 13.
⁷⁶⁰ Османов А.И. Аграрные преобразования в Дагестане и переселение горцев на равнину (20-70 годы XX в.) Махачкала, 2000. С. 68.
⁷⁶¹ Бугай Н.Ф., Гонов А.М. Кавказ: Народы в эшелонах (20-60-е годы). М.: «Инсан», 1998. С. 174, 178-179.
⁷⁶² Народы Дагестана в годы ВОВ... С. 598.
⁷⁶³ Там же. С. 598-600.
⁷⁶⁴ Бугай Н.Ф., Гонов А.М. В Казахстан и Киргизию из Приэльбрусья (20-50-е годы). Нальчик, 1997. С. 30.
⁷⁶⁵ Народы Дагестана в годы ВОВ... С. 600.
⁷⁶⁶ Там же. С. 576-579.
⁷⁶⁷ Там же. С. 584-585.
⁷⁶⁸ Ибрагимов М.-Р.А. Указ. соч. С. 298.
⁷⁶⁹ Народы Дагестана в годы войны. С. 600-601.
⁷⁷⁰ Там же. С. 603-604.

- 771 Там же. С. 628-630.
- 772 Там же. С. 644-645; Дагестан в годы ВОВ. С. 230.
- 773 Османов А.И. Аграрные преобразования в Дагестане. С. 181, 183.
- 774 Османов А.И. Дагестан в XX веке. Кн. 1. Махачкала, 2006. С. 465.
- 775 История Дагестана. Т. 2. С. 270
- 776 История Дагестана. Т. 3. М. 1968. С. 364.
- 777 История Дагестана. В 4 т. Т. 3. М., 1968. С. 364.
- 778 История Дагестана Т. 2. С. 271.
- 779 Там же. С. 98, 101.
- 780 История Дагестана. Т. 2. С. 273
- 781 Каймаразов Г.Ш., Керимов И.К. и др. Указ. соч. С. 328
- 782 Дагестанская областная организация ВЛКСМ. 1920-1987 гг. Статистический справочник. Махачкала, 1988. С. 15, 29.
- 783 Лекции по истории КПСС. Вып. 3. М., 1969. С. 202.
- 784 Мунчаев Ш.М., Устинов В.М. Указ. соч. С. 390.
- 785 Дагестанская областная организация КПСС. 1921-1981 гг. Стат. справочник. Махачкала, 1982. С. 44, 76.
- 786 Очерки истории Дагестана. Т. 2. С. 349.
- 787 Кашкаев Б.О. Деятельность партийной организации Дагестана в послевоенный период. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1968. С. 15.
- 788 Очерки истории Дагестана. Т. 2. С. 345.
- 789 Очерки истории КПСС. М., 1988. С. 366.
- 790 Там же. С. 363.
- 791 Дагестанская областная организация КПСС. Стат. справочник. С. 44.
- 792 Лекции по истории КПСС. Вып. третий. С. 265.
- 793 Симонов К. Глазами человека моего поколения. Размышления о И.В. Сталине. М.: «Книга», 1990. С. 214-215; Он же. Глазами человека моего поколения. Размышления о И.В. Сталине. М., 1988. С. 74.
- 794 Лекции по истории КПСС. Выпуск 3. С. 265-266.
- 795 Там же.
- 796 Мунчаев Ш.М., Устинов В.М. Указ. соч. С. 421.
- 797 Там же. С. 68, 72-73.
- 798 Там же. С. 86-90.
- 799 Там же. С. 77
- 800 Там же. С. 78
- 801 Там же. С. 81.
- 802 Там же. С. 84.
- 803 Там же. С. 74.
- 804 Дагестанская областная организация ВЛКСМ. С. 16.
- 805 Кашкаев Б.О. Указ. соч. С. 74.
- 806 Комсомол Дагестана в цифрах и фактах. С. 58.
- 807 Кашкаев Б.О. Указ. соч. С. 75-76.
- 808 Дагестанская областная комсомольская организация. С. 15.
- 809 Кашкаев Б.О. Указ. соч. С. 77.

- 810 Керимов И.К. Профсоюзы Дагестана в период Великой Отечественной войны и послевоенные годы (июнь 1941-1965 гг.). Махачкала, 1967. С. 62.
- 811 Керимов А. К. Указ соч. С. 74, 77.
- 812 Там же. С. 115.
- 813 Там же. С. 115.
- 814 Кашкаев Б.О. Указ. соч. С. 104.
- 815 Там же. С. 96.
- 816 Там же. С. 97.
- 817 Дагестанская правда. 1950. 13 октября.
- 818 Кашкаев Б.О. Указ. соч. С. 98.
- 819 История СССР. В 12 томах. Т. 11. М., 1980. С. 380-381.
- 820 КПСС в резолюциях... Т. 7. С. 181.
- 821 О преодолении культа личности и его последствий. Постановление Центрального Комитета КПСС. М.: Госкомиздат, 1956. С. 9.
- 822 Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм // Документы совещаний представителей ком. и рабочих партий, состоявшихся в Москве в ноябре 1957 г., в Бухаресте в июне 1960 г., в Москве в ноябре 1960 г. М.: Госполитиздат, 1961. С. 20.
- 823 Там же. С. 8-9.
- 824 «Елдаш». Газета в газете. 2006. 1 декабря.
- 825 Еще раз об историческом опыте диктатуры пролетариата (Статья в газете «Женьминьжибао»). М.: Изд. «Правда», 1956. С. 3, 12.
- 826 Там же. С. 4.
- 827 Там же. С. 3.
- 828 Там же. С. 18-19.
- 829 История СССР. В 12 томах. Т. 11. С. 389-390.
- 830 Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм. М., 1961. С. 84.
- 831 Архипова Е. Границы между Азербайджаном, Грузией и Россией: советское наследие // Центральная Азия и Кавказ. № 6 (42). 2005. С. 45.
- 832 Османов А.И. Аграрные преобразования в Дагестане. С. 228, 232.
- 833 Даниялов Г.Д. Указ. соч. Развитие экономики и культуры Дагестана (1945-1965 гг. М.: Наука, 1966. С. 216-217.
- 834 Османов А.И. Аграрные преобразования сельского хозяйства в Дагестане... С. 232-233.
- 835 Шихсаидов Ш. Юность прославляется в труде. Махачкала, 1964. С. 44.
- 836 Там же. С. 44, 49-50.
- 837 Там же. С. 51-52.
- 838 Джамбулатова Р. Патриарх. Махачкала. 2005. С. 71, 75, 77.
- 839 Шихсаидов Ш. Указ. соч. С. 51-52.
- 840 История СССР. Т. 11. С. 424-426.
- 841 Шихсаидов Ш. По велению сердца. Махачкала, 2003. С. 255-256.
- 842 Османов А. Ярче гори костер нашей дружбы. Юсуфов Р.Ю. Пионеры Дагестана. Махачкала. С. 134-136.

- ⁸⁴³ Керимов И.К. Указ. соч. С. 118.
⁸⁴⁴ Правда. 1957. 11 июня.
⁸⁴⁵ Керимов И.К. Указ. соч. С. 123-124.
⁸⁴⁶ Даниялов Г.Д. Развитие экономики и культуры Дагестана. С. 135.
⁸⁴⁷ Там же. С. 139-140.
⁸⁴⁸ Там же. С. 144.
⁸⁴⁹ Подсчитано по: Даниялов Г.Д. Указ. соч. С. 142.
⁸⁵⁰ Там же.
⁸⁵¹ Там же. С. 184-186.
⁸⁵² Мунчаев Ш.М., Устинов В.М. Указ. соч. С. 426-427.
⁸⁵³ Мусаев А.М. В авангарде строителей коммунизма. Махачкала, 1973. С. 60.
⁸⁵⁴ Мусаев А.М. Указ. соч. С. 62.
⁸⁵⁵ Материалы XXIII съезда КПСС. М.: Госполитиздат, 1966.
⁸⁵⁶ Мусаев А.М. Указ. соч. С. 65.
⁸⁵⁷ История Дагестана. Т. 2. С. 389-390.
⁸⁵⁸ Талибова Д.Б. Переселенческая политика государства и ее осуществление в Дагестане в 60-70-е годы XX века: опыт и уроки. Махачкала, 2001. С. 69.
⁸⁵⁹ Правда. 1970. 13 января.
⁸⁶⁰ Мусаев А.М. Указ. соч. С. 31.
⁸⁶¹ Там же.
⁸⁶² Шамхалов Ш.М. Дагестан: моя судьба и любовь. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1995. С. 49-50.
⁸⁶³ Милованов Г.И. Рабочий класс Дагестана. Махачкала. Дагкнигоиздат. 1991. С. 107, 109.
⁸⁶⁴ Османов А.И. Дагестан в XX веке. Кн. 1. С. 302.
⁸⁶⁵ Дагестанская правда. 1981. 18 декабря; 1982. 3 февраля; 1984. 24 февраля.
⁸⁶⁶ Дагестанская правда. 1967. 18 октября.
⁸⁶⁷ В братской семье советских народов. Махачкала, 1973. С. 123, 126.
⁸⁶⁸ Мусаев А.М. Указ. соч. С. 104-105.
⁸⁶⁹ История советского крестьянства Дагестана. Т. 2. Махачкала, 1989. С. 294-295.
⁸⁷⁰ История Дагестана. Т. 4. С. 170; История Дагестана. Т. 2. Махачкала, 2005. С. 401.
⁸⁷¹ Там же.
⁸⁷² История советского крестьянства Дагестана. Т. 2. С. 248.
⁸⁷³ История советского крестьянства Дагестана. С. 250; История Дагестана. Т. 2. С. 405.
⁸⁷⁴ Алиев О.А. Человек проходит как хозяин. Махачкала, 1967. С. 50.
⁸⁷⁵ Османов А.И. Место комсомола на переднем крае. Махачкала, 1964. С. 6-7.
⁸⁷⁶ История Дагестана. Т. 2. С. 404.
⁸⁷⁷ Османов А.И. Указ. соч. С. 14.
⁸⁷⁸ Там же. С. 20.
⁸⁷⁹ История Дагестана. Т. 2. С. 405.

- ⁸⁸⁰ Дагестанская областная организация ВЛКСМ. С. 15.
⁸⁸¹ Дагестанская областная организация КПСС. 1921-1981 гг. Статист. сб. Махачкала, 1982. С. 45, 50-51.
⁸⁸² СССР в 70-е годы. М. 1981. С. 10.
⁸⁸³ Умалатов А.Дж. Советы Дагестана в действии. Махачкала, 1983. С. 12.
⁸⁸⁴ Умалатов А.Дж. Указ. соч. С. 15, 20.
⁸⁸⁵ В братской семье советских народов. Махачкала, 1973. С. 121.
⁸⁸⁶ Советский Дагестан. 1971. № 5. С. 3.
⁸⁸⁷ Дагестанская правда. 1973. 16 марта.
⁸⁸⁸ История Дагестана. Т. 2. С. 472.
⁸⁸⁹ Там же. С. 472.
⁸⁹⁰ Там же. С. 479.
⁸⁹¹ Там же. С. 478.
⁸⁹² Там же. С. 480.
⁸⁹³ Казбекова Г.А. Профсоюзное движение в колхозной деревне – важный этап в социальном развитии села // Социальное развитие сельского населения Дагестана. Махачкала, 1980. С. 104, 106.
⁸⁹⁴ История Дагестана. Т. 2. С. 481.
⁸⁹⁵ Там же. С. 482.
⁸⁹⁶ Там же.
⁸⁹⁷ Материалы XXVI съезда КПСС. М.: Госполитиздат, 1981. С. 58
⁸⁹⁸ Дагестанская областная организация ВЛКСМ. С. 52, 54-55.
⁸⁹⁹ История Дагестана. Т. 2. С. 485.
⁹⁰⁰ История Дагестана. Т. 2. С. 486.
⁹⁰¹ Материалы XXVI съезда КПСС. С. 44-45.
⁹⁰² Там же. С. 49.
⁹⁰³ Материалы XXVI съезда КПСС. С. 56-57.
⁹⁰⁴ Дагестанская правда. 1980. 6 июня.
⁹⁰⁵ Дагестанская правда: 1977. 27 февраля; 1980 - 14 марта, 19 марта, 29 июля; Блокнот агитатора и политинформатора. 1981. № 4. С. 2.
⁹⁰⁶ Дагестанская правда. 1980. 31 декабря; Абдулбасиров М.М. Жизненная сила ленинской аграрной политики КПСС // В семье народов-братьев. Махачкала, 1981. С. 157.
⁹⁰⁷ Эльдаров Р.Б. У людей разные звезды. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1998. С. 46-47.
⁹⁰⁸ Известия ЦК КПСС 1989. № 3 (290). С. 79.
⁹⁰⁹ Литературная газета. 2006. 13-19 декабря. С. 4.
⁹¹⁰ Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 98-99.
⁹¹¹ Там же. С. 90-91.
⁹¹² Там же. С. 62.
⁹¹³ Там же. № 1 С. 154, 169.
⁹¹⁴ Там же. № 1. С. 67.

- ⁹¹⁵ Бовин А. Перестройка: правда о социализме и судьба социализма // Перестройка: гласность, демократия, социализм // Иного не дано. М.: «Прогресс», 1988. С. 520, 521.
- ⁹¹⁶ Известия ЦК КПСС. 1989. №1. С. 39-42.
- ⁹¹⁷ Там же. № 4 С. 43.
- ⁹¹⁸ Там же. С. 45.
- ⁹¹⁹ Там же. № 1. С. 84.
- ⁹²⁰ Там же. № 1. С. 86-87.
- ⁹²¹ Там же. № 1. С. 87.
- ⁹²² Там же. С. 107-108.
- ⁹²³ Там же. С. 107-108.
- ⁹²⁴ Арипов Г. Вечная память мужеству. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1993. С. 5-6.
- ⁹²⁵ Известия ЦК КПСС. 1989. № 3(290). С. 10-11.
- ⁹²⁶ Дзидзоев В.Д. Кавказ конца XX века: тенденции этнополитического развития // Владикавказ. 2004. С. 47.
- ⁹²⁷ Дзидзоев В.Д. Указ. соч. С. 27.
- ⁹²⁸ Дагестан: этнополитический портрет. Очерки. Документы. Хроника. Т. 4. М. 1995. С. 66-67.
- ⁹²⁹ Бугай В.Ф., Гонов А.М. Северный Кавказ: новые ориентиры национальной политики. (90-е годы XX века). 2004. С. 203.
- ⁹³⁰ Мусаева С.И. Межнациональные отношения в Дагестане: история и современность. Махачкала: «Юпитер», С. 114.
- ⁹³¹ Абдуллаев М-З.Н. Национальный вопрос в Республике Дагестан: политико-правовой аспект. Махачкала, 2004. С. 36.
- ⁹³² Фроянов И.Я. Глобализация под знаком молота и мастера. // Советская Россия. 2002. 6 июля. С. 3-4.
- ⁹³³ Шмелев Н.П. Духовное здоровье российского общества // Вестник Российской академии наук. 2004. № 5. С. 452.
- ⁹³⁴ Дзидзоев В.Д. Геополитическое противостояние на Кавказе в конце XX-нач. XXI в. // Вестник Владикавказского научного центра. 2006. № 2 (6 т.) С. 2.
- ⁹³⁵ Алиева Х.М. Национально-культурные объединения и общественные движения // Этнополитические исследования на Северном Кавказе: состояние, проблемы, перспективы. Махачкала, 2005. С. 237.
- ⁹³⁶ Алиева Х.М. Указ. соч. С. 237.
- ⁹³⁷ Дагестан: этнополитический портрет. С. 167, 169.
- ⁹³⁸ Там же. С. 168.
- ⁹³⁹ Дагестан: этнополитический портрет. С. 174.
- ⁹⁴⁰ Там же. С. 172.
- ⁹⁴¹ Республика Дагестан: современные проблемы национальных отношений. Махачкала, 1995. С. 200
- ⁹⁴² Дагестан: этнополитический портрет. С. 174-175.
- ⁹⁴³ Там же. С. 180.

- ⁹⁴⁴ Там же. С. 178.
- ⁹⁴⁵ Там же. С. 181.
- ⁹⁴⁶ Там же. С. 199.
- ⁹⁴⁷ Там же. С. 184.
- ⁹⁴⁸ Муслимов Т.К. Дагестан: этнополитика, геополитика, гражданское общество. Махачкала, 2005. С. 7-8.
- ⁹⁴⁹ Дагестан: этнополитический портрет. С. 181.
- ⁹⁵⁰ Там же. С. 182.
- ⁹⁵¹ Там же. С. 182-183.
- ⁹⁵² Там же. С. 189.
- ⁹⁵³ Дагестанская правда. 1991. 23 августа.
- ⁹⁵⁴ Дагестан: этнополитический портрет. С. 194-195.
- ⁹⁵⁵ Там же. С. 200-202.
- ⁹⁵⁶ Там же. С. 197.
- ⁹⁵⁷ Там же. С. 202.
- ⁹⁵⁸ Там же. С. 204-205.
- ⁹⁵⁹ Там же. С. 207.
- ⁹⁶⁰ Дагестанская правда. 1992. 1 января.
- ⁹⁶¹ Дагестан: этнополитический портрет. С. 211.
- ⁹⁶² Там же.
- ⁹⁶³ Там же. С. 214.
- ⁹⁶⁴ Там же. С. 219-220.
- ⁹⁶⁵ Там же. С. 222-223, 225
- ⁹⁶⁶ Бугай Н.Ф., Гонов А.М. Северный Кавказ: новые ориентиры национальной политики (90-е годы XX века). М., 2004. С.169.
- ⁹⁶⁷ Шахбанова М.М. Проблемы реабилитации репрессированных народов Дагестана (на примере чеченцев - аккинцев). Махачкала, 2006. С. 126.
- ⁹⁶⁸ Дагестан: этнополитический портрет... С. 225-226.
- ⁹⁶⁹ Бугай Н.Ф., Гонов А.И. Северный Кавказ: новые ориентиры национальной политики. С. 176-177, 186
- ⁹⁷⁰ Дагестан: этнополитический портрет. Очерки, документы, хроника. Т. 3. М., 1995. С. 30-31
- ⁹⁷¹ Бугай Н.Ф., Гонов А.М. Указ. Соч. С. 283.
- ⁹⁷² Дагестан: этнополитический портрет... С. 254, 169-170
- ⁹⁷³ Там же. С. 229.
- ⁹⁷⁴ Дагестанская правда. 1991. 7 сентября.
- ⁹⁷⁵ Там же 1992. 25 января.
- ⁹⁷⁶ Дагестан: этнополитический портрет... С. 32-34
- ⁹⁷⁷ Там же. С. 198, 201, 215, 231
- ⁹⁷⁸ Алиева В.Ф. Русское население Дагестана. Махачкала, 2001. С. 8; Ризаханова М.Ш. Дагестанские русские. XIX-нач. XXв. Махачкала, 2001. С. 30.
- ⁹⁷⁹ Муслимов Т.К. Указ. соч. С. 18.
- ⁹⁸⁰ Дагестан: этнополитический портрет... Т. 3. С. 37-38.

- ⁹⁸¹ Абдулатипов Р.Г. Особенности миграционных процессов в Республике Дагестан // Этнополитические исследования на Северном Кавказе: состояние, проблемы, перспективы. Махачкала, 2005. С. 404.
- ⁹⁸² Дагестан: этнополитический портрет... Т. 4. С. 21.
- ⁹⁸³ Там же. С. 22.
- ⁹⁸⁴ Ахмедханов Д. Смута в моем зеркале. Махачкала. 2003. С. 31.
- ⁹⁸⁵ Абдуллаев М.-З. Этнополитические процессы в Республике Дагестан: историко-правовые условия эволюции. Махачкала, 2004. С. 41.
- ⁹⁸⁶ Дагестан: этнополитический портрет... Т. 3. С. 233-234.
- ⁹⁸⁷ Там же. С. 249-255.
- ⁹⁸⁸ Ханбабаев К. Реисламизация в Дагестане: причины и факты // Дагестанская правда. 2001. 24 февраля.
- ⁹⁸⁹ Абдулагатов З.М. Проблемы и тенденции становления современных государственно-конфессиональных отношений в России. Махачкала. 2006. С. 36.
- ⁹⁹⁰ Салахбекова З.А. Власть и мусульманское духовенство Дагестана: История взаимоотношений. Автореферат дис. на соискание уч. степени к.и.н. Махачкала, 2003. С. 23.
- ⁹⁹¹ Бугай Н.Ф., Гонов А.М. Указ. соч. С. 361.
- ⁹⁹² Абдулагатов З.М. Указ. соч. С. 37-38.
- ⁹⁹³ Добаев И. Указ. соч. // Россия и мусульманский мир. 2006. № 8 (170). С. 46.
- ⁹⁹⁴ Гатеев В. Межнац. противоречия на Северном Кавказе и поиски вариантов их решения // Россия и мусульманский мир. 2006. № 7(169). С. 41, 42.
- ⁹⁹⁵ Наумкин В. Исламский радикализм в зеркале новых концепций и подходов // Россия и мусульманский мир. 2006. № 7. С. 202; Муслимов Т., Муслимова Н. Указ. соч. С. 127; Черновик. 2007. 12 января.
- ⁹⁹⁶ Наумкин В. Указ. соч. С. 215.
- ⁹⁹⁷ Ханбабаев К.М. Христианство в Дагестане в XVIII – начале XXI в. (Эволюция и современное состояние) // Православие в исторических судьбах Юга России. Сб. научных статей. Ростов-на-Дону. Изд. СКНЦ ВШ. 2003. С. 231-234.
- ⁹⁹⁸ Арухов З.С. Россия и Дагестан в новом геополитическом пространстве. Махачкала, 2006. С. 38.
- ⁹⁹⁹ Муслимов Т., Муслимова Н. Дагестан: особый регион России // Северный Кавказ. Институт региональных проблем российской государственности на Северном Кавказе. С. 127, 130.
- ¹⁰⁰⁰ Дагестанская правда. 2004. 30 декабря; Бобровников В.О. Мусульмане Северного Кавказа: обычай, право, насилие. М.: Восточная литература. 2002. С. 93-94.
- ¹⁰⁰¹ Абдулатипов Р. Дагестан в час испытания: уроки агрессии и подвига. Махачкала: «Юпитер» 2000. С. 3.
- ¹⁰⁰² История Дагестана. Т. 2. С. 631.
- ¹⁰⁰³ Дагестанская правда. 2000. 25 октября.
- ¹⁰⁰⁴ Дагестанская правда. 2001. 1 января.
- ¹⁰⁰⁵ Дагестанская правда. 2001. 11 января.

ГЛАВА VI

КУЛЬТУРА И ОБРАЗОВАНИЕ В ДАГЕСТАНЕ

Культура каждого народа, большого или малого, имеет право на сохранение своей уникальности и самобытности.

Д. С. Лихачев

§ 1. Состояние и развитие просвещения и культуры Дагестана в начале XX века

Длительное существование крепостнической системы обрекло Россию на социально-экономическую и культурную отсталость. Но и после ее отмены, развития капиталистических отношений в дореволюционной России существовал глубокий разрыв между культурным богатством страны и массами народа. Образовательный уровень населения оставался низким. По этому показателю еще большее отставание имели национальные окраины.

Присоединение Дагестана к России со сравнительно высоким уровнем культуры, строительство Владикавказской железной дороги, прошедшей через Порт-Петровск и Дербент, вовлечение горцев в общероссийский рынок создавали объективные условия для прогресса во всех сферах культурной жизни дагестанских народов. Автор большого исторического труда «Асаридагестан», написанного в конце XIX в. на тюркском языке, Г. Алкадари отмечал, что с присоединением Дагестана к России «для дагестанцев открылись двери к просвещению и открылось поприще для честного мирного труда»¹.

Эти надежды были связаны и с тем, что царь Николай II 26 февраля 1903 г. принял «Высочайший манифест», который предоставил «всем подданным... инославных и иноверных исповеданий» право... на свободное отправление их веры и богослужение по обрядам оной»².

В многоконфессиональной России было немало мусульман, и власти не могли не считаться с этим. В этом смысле показательно и то, что мусульманской общине Санкт-Петербурга разрешено было организовать чтение Корана по случаю смерти брата Николая II Великого князя Георгия (1899 г.) и при закладке Санкт-Петербургской соборной (джума) мечети (1910)³. Такие показательные политические акции не могли не повлиять на религиозные чувства мусульманского населения.

Еще дальше пошла власть под влиянием первой российской революции 1905–1907 гг., в которой активное участие принял и мусульманский мир. Исламское движение получило официальный статус. Были созданы различного рода всероссийские исламские организации, требовавшие улучшения

социально-экономического положения мусульманских народов, создания условий для их культурного и духовного роста.

Однако все это не меняло колонизаторской сути политики царизма, направленной на то, чтобы обречь подавляющую массу населения национальных окраин на темноту и безграмотность. Если царизм и разрешал готовить грамотных лиц, то в ограниченном количестве и главным образом для несения службы в качестве верных слуг царского режима. Об этом свидетельствует и огромная разница в численности грамотных (умеющих читать) среди русских и кавказских народов в дореволюционной России. Если среди русских на каждую тысячу человек приходилось 291 мужчина и 84 женщины, то среди кавказских народов эти показатели составляли соответственно 91 мужчина и 13 женщин⁴.

В деле просвещения особое пренебрежение наблюдалось по отношению к малым народам, у которых слабо была развита экономика, отсутствовали культурно-просветительные очаги, сильны были феодально-патриархальные устои. Система школьного образования в дореволюционном Дагестане состояла из двух форм. Это духовные школы с преподаванием на арабском языке, сформировавшиеся на протяжении многих веков и получившие широкое распространение. С другой стороны, появившиеся в Дагестане с конца первой половины XIX в. общеобразовательные школы с преподаванием на русском языке. Русификаторская политика царского строя была направлена на запрещение преподавания на родных языках, и преподавание в мусульманских школах велось на арабском языке, школы оказались не в равных условиях и в финансовом отношении. Первые учреждались частными лицами или содержались за счет населения, а вторые открывались государственными органами и содержались за счет казны⁵.

Хотя перед общеобразовательными школами по сравнению с духовными открывались более широкие перспективы, но последние оставались наиболее распространенными и продолжали оказывать значительное влияние на культурную жизнь регионов Кавказа, где большинство населения исповедовало мусульманскую религию. В этой связи И.О. Крачковский в одной из своих публикаций очень метко заметил: «Несмотря на то, что «исламизация» некоторых областей Кавказа относится к достаточно поздним периодам, «арабизация» их произошла так основательно, что в известных случаях арабский язык оказался главным литературным языком целого ряда областей. Так было, например, в Дагестане или Ингушетии, где это положение оставалось неизменным, можно сказать, до 20-х гг. текущего (XX. – А.О.) столетия»⁶.

Это утверждение подтверждается и тем, что и в первом десятилетии XX в. наиболее распространенной формой обучения детей в Дагестане оставались примечетские школы с преподаванием на арабском языке. Правда, резкого роста количества школ не было. Если в 1902 г. в Дагестане было 644 примечетских школы, то за одиннадцать лет их количество увеличилось до 766, или на 122 школы, а учащихся в них соответственно возросло с 5581 до 6727 человек, или на 1146 человек, что далеко не соответствовало растущим образовательным потребностям дагестанского общества. Основные звенья

исламской системы образования состояли из коранической школы, мектеба и медресе. Первой ступенью была кораническая школа, которая создавалась почти во всех аулах. Специальных помещений для проведения занятий у таких школ не было. Не было также учебников и учебного оборудования. Главное внимание уделялось чтению Корана и заучиванию отдельных его разделов. В этих школах обучали преимущественно мальчиков, редко – девочек. Детей обучали чтению Корана до их поступления в мектеб.

Второй ступенью мусульманской школы был мектеб (мактаб). Это была начальная школа, где детей учили читать, писать и считать. Основное внимание уделялось изучению арабского языка, его грамматики. Не было и определенного срока обучения. Обучение могло продолжаться 2–3 года и более. В них не было ни единых программ, ни учебников, ни учебно-письменных принадлежностей. Следующей ступенью мусульманского образования являлись медресе – школы повышенного типа. Медресе открывались главным образом при мечетях крупных населенных пунктов и в домах самих муэдзин-преподавателей. В медресе поступала наиболее способная часть тех, кто окончил мектеб, преимущественно дети состоятельных родителей, которые могли нести расходы, связанные с обучением своих детей в другом ауле. Срок обучения в медресе составлял 10 и более лет. Большое внимание в медресе уделялось изучению арабского языка, логики, риторики. В некоторых медресе содержание образования дополнялось элементами светских наук: математики, астрономии и философии⁷.

Барон П.К. Услар, известный исследователь этнографии и языков Дагестана и ряда других регионов Кавказа, в XIX в. писал с некоторым пафосом: «Если об образовании народном судить по соразмерности числа школ с массой народонаселения, то дагестанские горцы в этом отношении опередили даже многие просвещенные европейские науки. Учение доступно каждому мальчику. В каждом ауле найдутся один, два человека, которые учат детей читать и писать из-за куска хлеба; при каждой мечети находится школа, где желающим учиться можно продолжить свое учение»⁸.

Если даже данные о состоянии образования в Дагестанской области по сравнению с европейскими странами и выглядели несколько лучше, однако действительное положение дел в сфере просвещения в Дагестане было не столь блестяще. Большие трудности представляло обучение арабскому языку, на котором велись занятия в мусульманских (примечетских) школах, и обучение учащихся затягивалось, начиная с их 8-летнего возраста и до достижения ими 30 и более лет. Количество мусульманских школ по области в 1913 г. составило 766, что не так уж и много. Учащихся в них было 6727 человек. Кроме мечетских школ, имелись школы и при еврейских синагогах. В Дербенте и Кюринском округе при синагогах имелась 21 школа с числом учащихся около 500 человек⁹.

Образовательный уровень окончивших такие школы был не так высок, что признавали и официальные власти. Но их устраивало то, что «при всей ничтожности в смысле образовательных заведений, мектабы и медресе име-

ют важное значение в жизни дагестанских горцев и в смысле поддержания религиозного фанатизма и отчуждения»¹⁰.

Поэтому не приходится удивляться тому, что новометодные школы не получили в Дагестане широкого распространения и по свидетельству официальных властей они «мало чем отличались от мечетских»¹¹.

Вопреки требованиям реакционного духовенства лишь наиболее состоятельные и стремившиеся к более широким знаниям могли продолжать свою учебу и после окончания религиозных школ. Один из таких Юсуф Муркелинский из Кумуха, получив в родном ауле первоначальное образование, продолжил свою учебу в Салтах, Ботлихе, Кумторкале, Тарках и других селениях. Удостоившись в Темир-Хан-Шуре звания кадия, он проработал в этой должности некоторое время в Казии-Кумухе и в 1904 г. переехал в Ашхабад, где работал в Среднеазиатском издательстве переводчиком с арабского. Одновременно он изучал персидский, тюркский и русский языки.

В 1907 г. Ю. Муркелинский переехал в г. Владикавказ и на общем съезде северокавказских мусульман был избран главным муллой мечети. Мусульманский комитет, который был создан здесь под руководством депутата Государственной думы М. Далгата, по инициативе Юсуфа обратился к властям с просьбой о создании Духовного управления мусульман Северного Кавказа, и такое управление благодаря их усилиям было организовано. В 1916 г. Юсуф-эфенди переехал в Кумух и до 1918 г., до своей смерти, работал учителем арабского языка в Казикумухском высшем начальном училище¹².

Примерно такой путь проходили и те дагестанцы, которые старались получить высшее мусульманское образование. Наряду с примечетскими школами в Дагестанской области стали открываться и общеобразовательные школы с преподаванием на русском языке, о создании которых мечтал Алкадари. Первое русское учебное заведение – уездное училище было открыто в 1837 г. в Дербенте¹³. В 1861 г. первая сельская школа с преподаванием на русском языке возникла в высокогорном селении Ахты.

К концу XIX в. более чем за тридцать лет царизму удалось открыть в сельских округах 12 школ, в которых обучалось 493 человека, в том числе 25 девочек, и 14 школ в трех городах с числом учащихся 1403 человека, из них 470 девочек¹⁴.

По количеству школ Дагестан отставал от многих российских губерний. По сообщению газеты «Кавказ», в 1905 г. в Дагестане на 35439 человек населения приходилась одна школа, в Черноморской губернии – одна школа на тысячу человек, в Кубанской области и Ставропольской губернии – одна школа на 3700 человек¹⁵.

Несмотря на отставание от многих русских губерний, в том числе от соседних, школьная сеть Дагестана росла медленно. В 1913 г. в городах Дагестана было 31 училище с 4349 учащимися в них, в округах 53 школы с 2301 учащимся, итого по области 84 школы и 6650 учащихся. По национальному составу среди учащихся было: русских – 2735 человек, или 41%, горцев – 2275, или 34%, татар – 329, или 5%, армян – 415, или 6%, евреев – 322, или

5% и грузин – 58, или 1%. На их содержание были выделены 204549 руб. 90 коп. из казны, 90017 руб. 58 коп. от городских и сельских обществ и 92815 руб. 12 коп. от сборов за воспитание и обучение¹⁶.

Однако выделяемых средств было так мало, что их нередко не хватало не только на открытие новых, но и на достаточно полное содержание существующих школ. Это было одной из главных причин медленного роста количества русских школ. Были случаи, когда в отдельные годы новые школы вообще не открывались. Этим объясняется и то, что в 1915 г. в Дагестане одна школа приходилась на 7,5 тыс. человек, а в сельской местности – на 10,5 тыс. человек. К февральской буржуазно-демократической революции 1917 г. в сельской местности в области функционировали 60 школ с 2360 учащимися и в городах – 33 школы с 4621 учащимся. Кроме того, имелись 6 училищ, дающих профессиональное образование¹⁷.

Но даже наличие такого в целом немногочисленного количества школ, дающих более широкий по сравнению с примечетскими школами круг знаний, оказывало значительное влияние на образовательные процессы в Дагестанской области. По мере роста русских школ отмечалось некоторое сокращение религиозных мусульманских школ. К 1917 г. в Дагестанской области насчитывалось немногим более 740 мусульманских и 20 горскоеврейских школ, охватывающих 7,5 тыс. учащихся. Дагестан оставался отсталой окраиной царской России, в которой более 90% населения было неграмотным¹⁸.

Не лучше было положение с состоянием просвещения мусульманских народов Терской области, куда входил и Хасавюртовский округ. Начальник Терской области в отчете за 1904 г. причины слабого развития просвещения в национальных округах с преимущественно мусульманским населением усматривал в его негативном отношении к русской школе, а также выражал свое несогласие с тем, что средства на открытие школ требовались от самого населения. Но бедствующее мусульманское население не могло ни открывать школы, ни тем более содержать их. Поэтому грамотность среди горского населения Терской области была низкой и составляла в среднем 2,7%¹⁹.

Представители русской и горской интеллигенции и даже отдельные депутаты Государственной думы резко критиковали такое безразличие властей к культурному развитию окраин. Депутат II и IV Государственных дум от Терского казачьего войска, выступая в Думе, дал резкую характеристику состояния культурного развития народов Кавказа. Он говорил: «До сих пор более чем полумиллионная масса горского населения не имеет ни одной лечебницы... население коснеет на самых первобытных степенях культуры. Школ почти нет, и население почти поголовно неграмотно, за исключением осетин»²⁰.

С такой нелестной характеристикой совпадало и мнение депутата от Дагестанской области и Закатальского округа И. Гайдарова, который, характеризуя положение в Дагестане и округе, в своем выступлении в Думе (1910 г.) говорил: «Школ у нас почти нет... О врачебной помощи и толковать нечего, этой роскоши у нас нет, больниц совсем нет, а в аптеках – одна апте-

ка на округ – даже хинина нельзя найти. Один доктор приходится на 70 тыс. населения»²¹.

По мере развития школьной сети росла потребность в учительских кадрах. В 1900 г. для подготовки учителей начальной школы при Порт-Петровском городском училище были открыты одногодичные педагогические курсы, которые в 1911 г. были преобразованы в двухгодичные.

Такие курсы были открыты в 1909 г. и в столице Дагестанской области Темир-Хан-Шуре. Через педагогические курсы были подготовлены несколько десятков учителей.

Окончившие педагогические курсы С. Омаров, М. Темирханов, А. Селимханов, М. Рамазанов, П. Маликова, А.-К. Алкадарский, ставшие впоследствии известными учителями, сыграли большую роль в развитии народного образования Дагестана²².

Особенно большую роль в изучении дагестанскими учащимися русского языка и получении ими светского образования сыграли русские учителя, которых приглашали для работы в светских школах. Если была необходимость, они не отказывались работать и в самых отдаленных горных округах. Только в школах Казии-Кумухского округа работали русские учителя И.П. Зубков, И.С. Овечкин, Е.П. Лукьянов, А.Б. Заневская, М.В. Березовский. Кроме них, в Дагестанской и Терской областях хорошо были известны имена учителей Г. Мустанова, Э. Бризник-Упита (латыш), Л. Воробьева, Г. Абозина, Г. Бурчуладзе²³, П.А. Егорова, О.С. Лопухина, С.М. Иванова, И.В. Машкова, А.П. Молоткова, Н.Ф. Тарасевича, М.Е. Афанасьева, И.Я. Яковлева и других. А.П. Скрабе проработал в Дагестане в 1906–1950 гг., вначале в Карабудахкенте, потом в Ишкартах²⁴.

Дети состоятельных родителей могли получить образование и в соседних губерниях, в частности, в Ставропольской и Бакинской гимназиях, а также в открытых после них Владикавказской и Екатеринодарской гимназиях. Больше всего мест горцам отводилось в Ставропольской гимназии, в которой в 1890 г. из Дагестана обучалось 43 человека. Учитывая распространенность в Дагестане и некоторых регионах Северного Кавказа татарского (кумыкского) языка, в 1840 г. в гимназии было введено преподавание и изучение татарского языка. В конце XIX в. здесь учились 29 дагестанцев, из среды которых вышли такие видные политические и государственные деятели Дагестана, как Д. Коркмасов, М.-М. Хизроев, А.-М. Зулъпукаров, У. Буйнакский, С. Габиев, Т. Бейбулатов²⁵.

Вакансии для обучения дагестанцев имелись и при Владикавказской и Бакинской гимназиях. В начале XX в. Владикавказскую гимназию окончили А. Далгат, С. Казбеков, М. Далгат, А. Тахо-Годи, Р. Нуоров, Г.А. Гасанов. В 1901 г. в Бакинское реальное училище поступили 3 дагестанца, в 1902 г. в училище было разрешено зачислить сына капитана А. Мусаева – жителя с. Чох Гунибского округа. Самый большой набор дагестанцев в Бакинскую гимназию был в 1878 г. после подавления известного восстания в Дагестане 1877 г., когда туда набрали сразу 12 человек²⁶.

Первые дагестанские специалисты, получившие высшее образование в российских университетах и институтах, работали не только в Дагестане, но и в других регионах России. Г. Казанфаров после окончания Петербургского института путей сообщения работал почти 40 лет в Белоруссии, Польше, на Дальнем Востоке, а потом и в Дагестане строил дороги и мосты. М. Дахадаев, окончивший тот же институт, строил железную дорогу на Северном Кавказе. В Петербурге учился и М.-М. Хизроев, который окончил Петербургский институт гражданских инженеров. В 1913 г. после окончания института он устроился на работу в Саратове и до 1917 г. строил там элеваторы. А.-М. Зулъпукаров, окончив Харьковский технологический институт, вернулся в Дагестан и строил дороги и мосты, в частности, крупный железобетонный мост через реку Самур. В 1914 г. он был назначен архитектором г. Дербента. Высшее образование в Петербурге получил А.-М. Гасаноглы из Алкадара. Эмиров окончил Петербургский технологический институт. Г. Далгат, получив юридическое образование в Петербургском университете, стал заниматься наукой, юрист А. Тахо-Годи, выпускник Московского университета, был одним из активных участников революционных движений в Дагестане. Будучи еще студентом МГУ, У. Буйнакский активно включился в революционное движение. Малачиханов с отличием окончил Имперское высшее техническое училище. В 1904 г. С. Габиев поступил на физико-математический факультет Петербургского университета, однако в 1905 г. его исключают из университета за активное участие в революционных выступлениях петербургских и владикавказских рабочих. В 1912–1914 гг. С. Габиев стал издавать газеты «Заря Дагестана» на русском и на некоторых дагестанских языках и «Мусульманскую газету».

Отдельным дагестанцам в начале XX в. удалось окончить и лучшие европейские вузы. Д. Коркмасов, учившийся на естественном факультете Московского университета, чтобы не быть сосланным в Сибирь за участие в революционных выступлениях в Дагестане, выехал в Париж и поступил в Сорбоннский университет. Дауд, сын генерала Махмуда-шейх-Али, после окончания Института путей сообщения продолжил свое образование в Париже. В 1907 г. на юридический факультет Сорбоннского университета поступил Г. Бамматов, который после его окончания работал чиновником по особым поручениям при наместнике Кавказа.

Из числа дагестанцев сформировалась небольшая, но достаточно известная прослойка военной интеллигенции. Среди них были и те, которые дослужились до высоких военных чинов, вплоть до генеральских званий.²⁷

Кроме того, дореволюционная интеллигенция Дагестана состояла еще из представителей мусульманского духовенства, получивших образование в мусульманских религиозных школах. Их привлекали для работы в административном и судебном аппарате царизма, они преподавали в духовных школах и составляли довольно многочисленную группу местной интеллигенции.

Указывая на наметившееся улучшение просвещения народа, появление в Дагестане первых светских школ и тонкой прослойки интеллигенции, вместе с тем следует подчеркнуть, что политика просвещения мусульманского

населения, осуществляемая царским правительством прежде всего за счет средств местного населения и небольших подачек от властей на создание русских школ. была направлена на использование возможностей российской модели образования для ослабления влияния арабско-восточной культуры и воздействия на духовный мир и мышление дагестанцев с целью сдерживания их возможных антиросийских выступлений. Но независимо от целей и задач имперской политики светское образование объективно способствовало экономическому прогрессу Дагестана и усилению взаимосвязей его народов с народами России.

Однако более интенсивное и полноценное культурное развитие дагестанских народов тормозилось колониальной политикой царского правительства, которое, как указывал депутат 3-й Государственной думы в 1907–1912 гг. от Дагестанской области и Закатальского округа И.И. Гайдаров, из политических соображений мешало просвещению горцев и открытию университетов. «Подлинная причина – опасение, что университет станет очагом революции», – заключал он²⁸.

§ 2. Литература и искусство. Первые научные изыскания

Хотя мусульманская школа в Дагестане давала своим воспитанникам образование главным образом по богословским дисциплинам и в ней не было строго обозначенных ступеней или классов, степень освоения науки и сфера научных интересов муталимов находились в зависимости как от кругозора наставника, так и пытливости самих учащихся.

Как отмечает Г.Г. Гамзатов, в муталимской среде была популярна художественная литература на арабском языке. Широкое хождение среди читающей общественности Дагестана имел изданный в 1909 г. в Стамбуле сборник *касыд* на арабском языке, принадлежавший Хаджи-Мухамеду Согратлинскому, Мухаммеду Тахиру ал-Карахи и Курбан-Али Асалинскому²⁹.

Литература на арабском языке преимущественно теологического содержания выходила в основном в типографии М. Мавраева, открывшейся в 1903 г. в Темир-Хан-Шуре. Объясняя причины, побудившие его построить собственную типографию, он писал: «Знание – это самое драгоценное сокровище любого народа; занятие по приобретению знаний – самая почитаемая деятельность; а книги – источник знаний. Чтобы приумножить знания, обогатить мир книгами и способствовать их распространению среди людей, я открыл в Темир-Хан-Шуре «Исламскую типографию». В ней я издал много книг, пользующихся популярностью в Дагестане и других регионах. В целях оказания помощи, кто не знает арабского языка, я организовал издание книг на местных языках»³⁰.

М.-М. Маврасв издавал книги не только на арабском, но и на местных дагестанских и русском языках. В Дагестане были и другие типографии, открытые русскими предпринимателями. В 1901 г. в области функционировали 10 типографий, в которых на русском и частично на русском языке печата-

лись официальные документы, учебные пособия, статистические сборники типа обзора Дагестанской области, газеты и другие периодические издания.

До появления в Дагестане типографий литературу на языках дагестанских народов приходилось издавать в Баку, Бахчисарае, Екатеринославе, Петербурге, Симферополе, Тифлисе и за границей – в Стамбуле, Берлине, Вене, Каире, Лондоне и других городах³¹. Это отнимало много времени, затягивало сроки издания, доставляло немало трудностей. С открытием типографий в городах Дагестана поэты и ученые быстрее могли доводить до читателей свои произведения и труды.

Благодаря развитию издательского дела широкая общественность знакомится с литературой дагестанских народностей, издававшейся большими тиражами. Она несла на себе печать идейно-тематических и эстетических веяний арабоязычной традиции, вместе с тем зарождались как устнопоэтическое творчество, так и единая дагестанская литература. Арабский язык, став языком литературы и науки, «сыграл известную роль в преодолении разобщенности населяющих его народностей». Знание арабского языка, по праву считавшегося одним из мировых международных языков, становилось необходимостью и воспринималось как показатель образованности. Не случайно классики дагестанской литературы и даже просветители русской ориентации (А. Омаров, А. Черкеевский, М.-О. Османов и др.) были выходцами из арабских школ. У основных народностей Дагестана, как и у многих мусульманских национальных меньшинств, письменность появилась на арабской графической основе, на которой была создана большая рукописная литература, издавались книги и газеты³².

Однако до последнего времени наблюдалось пренебрежительное, доходившее до полного отрицания отношение к роли арабско-восточной культуры в судьбах дагестанской литературы и культуры. Одним из первых в научной литературе это отметил М.А. Абдуллаев, который в своей монографии «Мыслители Дагестана XIX–начала XX в.» вышедшей в 1963 г., писал: «В исторической и другой литературе, вышедшей до последнего времени в Дагестане, отрицалось даже наличие у горцев в досоветский период письменности и письменной литературы. Признание культурного наследия прошлых времен рассматривалось чуть ли не как проявление национализма в условиях Дагестана, где научное, литературное и философское наследие было тесно перемешано с религиозными предрассудками и выражено на арабском языке – как проявление панисламизма и пантюркизма»³³.

С присоединением Дагестана к России, его закреплением в составе российской государственности, появлением первых представителей дагестанской интеллигенции все явственнее стала проявляться цивилизаторская роль русского народа в отношении народов Кавказа. Переориентация дагестанских народов с восточной на российско-западную культуру была не однодневным событием и обозначилась она еще в XIX в., усилившись после 50-х гг., когда появилась литература местных авторов на русском языке (Д. Шихалиев, А. Черкеевский, А. Омаров, М.-Э. Османов, М. Алибеков, С. Габиев и др.)³⁴. Создателей дагестанских литературно-публицистических

произведений на русском языке литературовед Р. Юсуфов назвал первыми полпредами Дагестана в русской культуре³⁵.

Более близкое знакомство с русской культурой позволило дагестанцам оценить ее огромное значение не только в жизни русского народа, но и других народов России. Революционер С. Габиев, активно участвовавший во всех революционных движениях XX в. против царского самодержавия, в 1912 г. выражал уверенность в том, что «русская культура приведет нас к более справедливому осмыслению жизни»³⁶.

«Осмысление справедливой жизни» шло через русскую литературу, с которой имели возможность знакомиться студенты университетов и институтов, учащиеся русских школ, рабочие-отходники, выезжавшие на заработки в соседние губернии. Они доставляли в Дагестан русскую литературу, которая поступала и другими путями. Грамотные дагестанцы охотно знакомились с произведениями русских поэтов и писателей.

Исследователи отмечают, что в начале XX в. влияние русской литературы на становление и развитие дагестанской национальной литературы стало более заметным и ощутимым, что можно проследить и по творчеству известного кумыкского писателя Абдул-Гусейна Ибрагимова (1890–1964 гг.). Он рос и воспитывался в русской среде в Кизляре, учился на родном и русском языках.

В начале XX в. им был написан первый в истории дагестанской литературы роман «Аманхор», в основу которого легли реальные события, разыгравшиеся в конце XVIII–начале XIX в. В романе речь идет о восстании крестьян Притеречья под предводительством Аманхора. В нем много сходных линий с повестью А. Пушкина «Дубровский». Аманхор, как и Дубровский, из состоятельной семьи, получил образование на тюркском и русском языках. Дубровский после смерти матери надолго оторван от родной деревни, Аманхор покидает родные места после смерти отца. Оба они расправляются с крепостниками за чинимые ими над крестьянами издевательства. В романе можно встретить и другие сюжеты, позволяющие думать о знакомстве А.Г. Ибрагимова с произведениями А.С. Пушкина, что положительно сказалось на его творчестве³⁷.

Поэты и писатели Дагестана испытывали влияние не только русской литературы, но и литератур других народов России. Как пишет Г.Г. Гамзатов, «еще более поучителен опыт Г. Тукая, М.-Ф. Ахундова, К. Хетагурова, Дм. Гулиа и многих других представителей нерусских народов страны, в чьих художественных исканиях и находках налицо контуры и приметы нового стиля в национальных литературах...»³⁸.

Среди дагестанских поэтов и писателей высоко ценилось творчество татарского поэта Г. Тукая. Его личное и творческое влияние испытали Н. Батырмурзаев, познакомившийся с татарским поэтом в начале XX в., в период, когда он жил и работал в Казани, лакский поэт И.-Х. Курбаналиев, поступивший в те годы на учебу в медресе «Галлия» в Уфе, сын Нухая Зайналабид Батырмурзаев и другие.

Когда умер Г. Тукай (15 апреля 1913 г.), С. Габиев написал некролог «Памяти поэта Г. Тукая», в котором высоко оценивал воздействие его творчества на развитие культуры народов России. «То замирая, то раздаваясь звучней и звучней, указывал он, – они (произведения Тукая) разносились по Башкирии, всему татарскому Поволжью, залетая в Крым, и в Каспийские степи, и в Туркестан. Его звукам внимали, и уже в этом внимании чуялась близость светлых дней мусульманской России»³⁹.

Особое внимание первых представителей дагестанской интеллигенции, получивших высшее образование в российских учебных заведениях, было обращено на изучение истории, этнографии и культуры своих народов. В 1906 г. была издана работа С. Габиева «Лаки, их прошлое и быт», в которой приводятся очень ценные сведения о материальной культуре и быте лакцев, их истории с древнейших времен до начала XX в. Большое внимание в ней уделяется рассмотрению политической истории лакцев, их совместной с другими народами Дагестана борьбе против иноземных завоевателей. Его сочинения проникнуты духом борьбы против местных угнетателей, пронизаны симпатией к обездоленным горским грудящимся.

В те годы он издал также брошюру «Арабы, ислам и арабо-мусульманская культура» (1915 г.), свидетельствующую о широте его научных интересов. Им был издан целый ряд статей в периодических изданиях (1910–1914 гг.), в которых он подвергал резкой критике горские адатные суды, разоблачал всю систему военно-народного управления, навязанную Дагестанской области.

Юрист-правовед Б. Далгат стал известен своими этнографическими исследованиями по дагестанским и северокавказским народам. Его опубликованные и неопубликованные исследования «Цудахарские песни», «Материалы по обычному праву даргинцев», «Первобытная религия чеченцев», «Страничка из северокавказского богатырского эпоса», «Материалы по обычному праву ингушей» издавались в журнале «Этнографическое обозрение», газетах «Русская жизнь», «Кавказ», «Северный Кавказ», «Каспий», выходивших в Москве, Тифлисе, Ставрополе и Баку. Они по сей день не потеряли своей научной значимости и актуальности.

Человек широко известный и высокообразованный, Б. Далгат поддерживал творческие связи и добрые отношения с такими видными русскими учеными, как М.М. Ковалевский и В.Ф. Миллер, поэты К. Хетагуров (Осетия) и А. Казбеги (Грузия). Дружба деятелей науки и культуры, представляющих разные народы, была плодотворной и помогала их творческому росту.

Как и Б. Далгат, в конце XIX в. к научной деятельности приступил и другой дагестанец – Д. Бутаев. В начале XX в. им были опубликованы этнографические и краеведческие статьи «Грамотность в горах Дагестана», «Свадьба лаков», «Дорога из Кумуха в Гуниб через Чох» и «Верхний Гуниб и гунибская березовая роща». В них описывались хозяйственная жизнь, быт и обряды лакцев. Они ценны тем, что в них содержатся материалы, собранные лично автором, а также народные предания. Они публиковались не только в

газетах «Дагестанские областные ведомости» (Темир-Хан-Шура), «Каспий» (Баку), но и в издаваемом в Москве журнале «Этнографическое обозрение»⁴⁰.

В творчестве первых дагестанских просветителей, начинавших свое образование часто с примечетских школ, чувствовалось влияние конфессионального образования. Не избежал этого и Али Каяев (1878–1943 гг.), творчество которого стало значительным достижением дореволюционного Дагестана и сыграло положительную роль в советское время.

В начальный период его деятельности (1908–1915 гг.) он был увлечен естественнонаучной проблематикой. Каяевым были написаны «Трактат о новой астрономии», «Физическая география» на родном лакском языке, серия очерков по экономической географии на арабском языке, статьи, посвященные отдельным вопросам естествознания, опубликованные им в газете «Джаридату Дагъистан». Не оставлял он без внимания и историю, о чем свидетельствует его большой труд на лакском языке «Рассказы о прошлом». В последующие годы своей жизни он увлекся исторической проблематикой, по которой им было написано немало работ⁴¹.

Большой вклад в изучение Дагестана и просвещение его народов внесли русские специалисты. Среди них особое место занимает Е. И. Козубский (1851–1911 гг.), развернувший в неведомом ему горном крае многогранную деятельность. После окончания Новороссийского университета в 1880 г. он приехал в Дагестан. В течение 26 лет преподавал историю и географию в Темир-Хан-Шурином училище, в 1899 г. одновременно работал секретарем Дагестанского статистического комитета при канцелярии военного губернатора, собрал и опубликовал статистические сведения, данные, характеризующие экономическое и культурное развитие края за многие годы, ставшие значительным материалом для исследователей. Им были изданы капитальные труды «История города Дербента» (1906 г.), «Очерки истории Темир-Хан-Шуры» (1907 г.) и другие работы⁴².

Благодаря усилиям и нередко на средства Е.И. Козубского в Темир-Хан-Шуре были открыты библиотека, краеведческий уголок и областной кустарный музей, которым заведовал он сам. Под его редакцией издавались «Обзоры Дагестанской области», «Дагестанские сборники», «Памятные книжки Дагестанской области», свидетельствующие о его разносторонних талантах, богатом творческом наследии, организаторских способностях.

Начало XX в. характеризуется ростом национального самосознания дагестанских народов, усилением влияния русской культуры на местную, изменениями, происходившими под влиянием развития капиталистических отношений в общественно-политической и культурной жизни Дагестана. В литературе этот период отмечен эволюцией романтизма в гражданско-личностный. Наиболее яркими представителями этого прогрессивного романтизма были О. Батырай и Махмуд из Кахаб-Росо⁴³. Махмуд, как и его предшественники по романтической поэзии, отвергал «корысть и равнодушные, будничность и прозаичность, покорность и умиротворенность». Тема любви в его творчестве стала знаменем времени, обрела социальное и гражданское звучание. Обращаясь к своей любимой Муи, он восклицает: «Смотри на тебя, перед чудом немея: Весь мир, словно в зеркале, вижу в тебе я»⁴⁴.

Новая эпоха с ее существенными сдвигами в общественной жизни привела к переоценке ценностей, эволюции романтизма, появлению нового реалистического литературного направления, которое, как считает Г.Г. Гамзатов, ярко проявилось в творчестве Сулеймана Стальского и Гамзата Цада-сы. Вслед за ними появилась целая плеяда поэтов, выходящих из горского трудового крестьянства, известных в литературе как «рабочие поэты»: Мунги Ахмед (1843–1915 гг.), Гаджи Ахтынский (1860–1914 гг.), Магомед Тлохский (1868–1944 гг.), Азиз Иминагаев (1885–1945 гг.), Рабадан Нуров (1890–1937 гг.), Гаджи Саидов (1891–1919 гг.), Зайналабид Батырмурзаев (1897–1919 гг.) и др.⁴⁵

В связи с созданием в 1852 г. в Н. Дженгутае Дагестанского иррегулярного конного полка для подавления народно-освободительного движения горцев под руководством Шамиля, формированием в последующем из дагестанцев Первого и Второго дагестанских конных полков, принимавших участие в русско-турецкой (1877–1878 гг.), русско-японской и Первой мировой (1914–1918 гг.) войнах, потребность в офицерских кадрах, в том числе из инородцев, значительно выросла. В среде формирующейся дагестанской военной интеллигенции были не только способные военачальники, дослужившиеся до высоких воинских чинов, но и ставшие известными учеными, внесшие свою лепту в изучение истории и этнографии Дагестана.

Среди военных деятелей Дагестана неординарна судьба генерала Максуда Алиханова-Аварского (1846–1907 гг.). После блестящего окончания Тифлисской гимназии для дворян он был отправлен в Санкт-Петербург, затем он студент Константиновского военного училища, которое он также окончил успешно. В 1871 г. в чине штаб-ротмистра М. Алиханов был переведен в Дагестан адъютантом генерал-губернатора. В этой должности ему пришлось принимать участие в подавлении восстания горцев Уикратля. Его старания были замечены, и в 1873 г. он был направлен для участия в Хивинском походе царских войск, а в 1874 г. – в Узбойской экспедиции. Как военный и дипломат М. Алиханов особенно проявил себя в мирном присоединении Мервского оазиса к России, за что его произвели в подполковники и вернули ему все прежние ордена, которых он был лишен за дисциплинарные нарушения. Свои походы по покорению Средней Азии М. Алиханов описал в ряде своих работ. В 1873 г. по свежим следам Хивского похода он выпустил книгу «Поход в Хиву» (Кавказский отряд, 1873 г.), вслед за ней книги «Мервский оазис и дороги, ведущие к нему» (СПб, 1883 г.) и «Степь и оазис» (СПб, 1899), 28 исторических очерков о Дагестане, опубликованных в газете «Кавказ», и другие работы.

В 1890 г. М. Алиханов вернулся в Дагестан, но когда в соседней Грузии народ поднялся на революционную борьбу против царской власти, о нем вспомнили. 18 февраля 1905 г. он был назначен временным губернатором отдельных территорий Кутаисской губернии и Батумской области, 26 декабря 1905 г. временным генерал-губернатором города Тифлиса и Тифлисского

езда, 8 января 1906 г. – временным генерал-губернатором Кутаисской губернии и города Потти, а затем и Сухумского округа. Жестокая расправа с восставшими вызвала ненависть к нему и его деяниям. 3 июля 1907 г. на него было организовано покушение, в результате которого он погиб. Так завершилась блестяще начатая карьера М. Алиханова⁴⁶, заслуги которого за верную службу царской России были высоко оценены. Он был удостоен звания генерал-лейтенанта, занимал высокие государственные должности, имел 30 высочайших наград, его имя золотыми буквами запечатлено на мраморной плите главного мемориала боевой славы России, которая установлена в Георгиевском зале Большого Кремлевского дворца.

Несколько иначе сложилась судьба Гасана Маллачиханова (1856–1931 гг.), выпускника второго Константиновского военного училища. В 1909 г. в Варшаву, где он служил, приехал дядя царя, который провел смотр войск. Великий князь обратил внимание на то, что одним из подразделений командует «иноверец». Он не удержался, чтобы не высказать своего удивления по этому поводу. На что последовал дерзкий ответ Г. Маллачиханова, что и в жилах русских царских персон течет не только истинно русская кровь. Этого было достаточно для того, чтобы оборвать карьеру молодого офицера. Он тут же был переведен из Варшавы в Дагестан комендантом Хунзахской крепости. В 1910 г. он вышел в отставку и поселился в с. Ашильта, а затем переехал в с. Эрпели, где жил безвыездно, писал научные труды, увлекался садоводством.

Февральскую революцию 1917 г. Г. Маллачиханов встретил восторженно и считал вступление России на путь буржуазно-демократического развития важнейшим событием. Но оно не состоялось, а переросло в Октябрьскую социалистическую революцию. В своих политических взглядах он проявлял непоследовательность. В статье «Последние из могикан шамхалов Тарковских» он указывал на прогрессивный характер присоединения Дагестана к России, в то же время к борьбе имамов против России относился двойственно. Причины народно-освободительных движений горцев против царского самодержавия и местных феодалов он объяснял тем, что эта борьба была навязана усилиями имамов, хотя народ, поднявшийся против царизма, не испытывал его гнета.

В годы Гражданской войны в Дагестане Г. Маллачиханов критиковал денкинцев за мародерство и глумление над местным населением, критиковал командование Добровольческой армии за поражение в Аякинском сражении, вместе с тем обвинял А.-Г. Акушинского в том, что он не выступил против красногвардейцев из Баку и Астрахани, когда те устанавливали здесь советскую власть. В своем отношении к последней он проявлял последовательность и не признавал ее. Выступал против создания в Дагестане колхозов, осуждал политику ликвидации кулачества как класса. В феврале 1930 г. он был арестован и осужден на 5 лет с отбыванием наказания в лагере Татма Вологодской области, где и умер в 1931 г.⁴⁷

Судьба даже наиболее ярких представителей прорусски настроенной дагестанской военной интеллигенции была незавидной. Царские власти не

поощряли их выдвижения, если они не проявляли исключительной преданности трону и незаурядных способностей. Начальники административных округов и участков Дагестанской области назначались из среды военных чинов, но на эти должности назначались в основном русские. Известно лишь несколько случаев, когда на таких должностях оказались дагестанцы. 2 декабря 1913 г. генерал-губернатор области Вольский издал приказ, которым извещал, что начальник Темир-Хан-Шурина округа статский советник округа Эмиров сдал, а полковник Халилов принял дела, имущество и деньги управления и вступил в должность начальника округа.

В том же 1913 г. получили повышение по должности начальник Лучекского участка Самурского округа Ахмед-Ага Венилов, переведенный в мировые посредники, и переводчик мирового посредника Магомед Гайдаров. Они оба были переведены из губернских в коллежские секретари⁴⁸. Но даже таких незначительных повышений дагестанцев по службе было мало, что наряду с другими причинами не стимулировало роста рядов военной интеллигенции из числа горцев.

Состояние духовной культуры народов Дагестана на рубеже XIX–XX вв. характеризуется исследователями неравномерностью и противоречивостью ее развития, формированием в начале XX в. в среде творческой интеллигенции революционно-демократического крыла, представленного С. Габиевым, З. Батырмурзаевым, Г. Саидовым и другими⁴⁹.

Начало века отмечено зарождением в дагестанской культуре театральных форм европейского типа. Большое воздействие на этот процесс оказали русская сценическая традиция и театры соседнего Азербайджана. Еще в конце XIX в. любительские концертные и театральные кружки возникают в Темир-Хан-Шуре, Ахта, Хасавюрте, Дербенте, Порт-Петровске, Хунзахе. В военных гарнизонах и училищах еще со второй половины XIX в. стали осуществляться постановки русской классики, различных водевилей, комедий, которые приобщали местное население к этим новым и непривычным для дагестанцев формам искусства⁵⁰.

С этой целью создавались различные любительские кружки, ставящие своей целью проведение культурно-просветительской работы среди населения, организацию концертов и театральных постановок. Газета «Таржуман» («Переводчик»), издававшаяся в Крыму, в одном из номеров за 1884 г. сообщала, что прогрессивные мусульмане Терской области Шихалиев, Джантемиров, Джакаев, Далгат, Магомед-Эфенди Османов, Адильгерей Мансуров и другие организовали общество содействия молодежи горских национальностей для поступления в высшие и средние учебные заведения. Примечательно, что средства на эти цели намечалось собирать путем проведения концертов, публичных лекций, спектаклей, народных праздников, маскарадов и других мероприятий.

В 1906 г. в Темир-Хан-Шуре работал кружок художественной самодеятельности под названием «Той» («Свадьба»). Газета «Дагестан» 4 февраля 1906 г. сообщала, что члены общества устроили вечер с танцами и театрализованными представлениями. Вечер был организован в целях сбора средств

для общества. Лицам, внесшим больше всех средств, – Хизри Гаджиеву, Буньямину Атаеву, Муртузали Аликберову, Н.К. Вишневному, А.Б. Тальш-кину, Л.Ф. Яковлеву и другим от имени председателя общества П. Эмирбекова и секретаря А. Даитбекова объявлялась благодарность⁵¹.

В 1906 г. в Баку, на нефтяных промыслах которого работало много дагестанцев, было организовано общество взаимопомощи горцев, ставящее своей задачей проведение среди них культурно-просветительской работы. В том же году в с. Ахты под руководством Идриса Шамхалова, работавшего до этого в Баку, был создан театральный кружок. Первой постановкой кружка стала пьеса «Бурж-Али» на лезгинском языке. Но деятельность кружка в дальнейшем была запрещена полицией, увидевшей в этом опасную крамолу. Лишь в 1914 г. кружок возобновил свою работу и за 1914–1916 гг. показал несколько пьес из русского, азербайджанского и местного репертуара, в том числе пьес Л.Н. Толстого «Первый винокур», известную музыкальную комедию Узаира Гаджибекова «Аршин-мал-алан».

В 1912–1913 гг. любительские театральные кружки возникают и в Кази-Кумухском округе. В Кумухе такой кружок был создан в 1914 г., который осуществил постановку пьесы Гаруна Саидова «Лудильщики», обретшей широкую известность⁵². В 1916 г. в слободе Хасавюрт З. Батырмурзаев вместе со своим отцом Нухаем Батырмурзаевым и Ш. Даветовым организовали общественно-литературный кружок «Танг-Чолпан» («Утренняя звезда»)⁵³. С помощью кружка были осуществлены постановки пьес З. Батырмурзаева «Даниялбек», «Наперекор муллам», «В медресе пришел мулла»⁵⁴. Как отмечает известный культуролог Г.Ш. Каймаразов, эти спектакли были важным шагом в развитии дагестанского театрального искусства. Произведения Г. Саидова и З. Батырмурзаева оказали значительное влияние на последующее становление дагестанской национальной драматургии⁵⁵.

Европейские формы культуры в Дагестане зарождались не только в театральном искусстве, но и в других его видах. В новом его виде – музыкальном пример подала молодая горянка, дочь депутата IV Государственной думы от Дагестанской области и Закатальского округа Магомеда Далгата Джанет, которая в 19 лет поступила в Лейпцигскую консерваторию (Германия) и в 1909 г. окончила ее на золотую медаль⁵⁶.

Это была первая в Дагестане женщина, получившая высшее образование. После установления советской власти в Дагестане к музыкальному творчеству устремились и другие горцы.

Печать в период революционного подъема в стране. В связи с общественно-политическим подъемом в стране в начале XX в. повсеместно усиливается интерес к периодической печати. Особенно значима ее роль была для народов Северного Кавказа и Дагестана, которые владели полуголодное существование. Многие горцы, лишенные земли и скота, в поисках куска хлеба уходили на заработки, как это с глубокой болью в сердце и сочувствием описал С.И. Габиев в своем историко-этнографическом очерке «Лаки, их прошлое и быт», вышедшем в 1905 г. в Петербурге. Причины тяжелого положения горцев С. Габиев видел в отсутствии работы, что толкало их на от-

ходничество. В издававшейся им в 1912 г. в Петербурге газете «Заря Дагестана» он задавался вопросом, где же выход из того тяжелого положения, в котором оказались горцы, и сам же указывал, что они нашли выход в том, чтобы идти за счастьем за пределы родины: «... Дагестанца вы встретите во Владикавказе, Ташкенте, Одессе, Петербурге, Варшаве, Багдаде, Стамбуле, Марокко, Египте, Абиссинии, Париже, Лондоне, даже в Америке. И везде он голоден, хотя безупречно трудолюбив»⁵⁷, – заключал С. Габиев.

Экономическая отсталость области предопределяла и отставание социально-культурной зрелости трудящихся. Даже буржуазно-либеральная печать вынуждена была отмечать, что большинство горцев было неграмотно, дети, особенно в сельской местности, если и учились, то в примечетских или частных школах на арабском языке, не было светских школ на родном языке.

Положение с учебой детей было не лучше и в городах области. В 1902 г. газета «Каспий» сообщала, что в г. Порт-Петровске «ни на одной из фабрик нет школы и масса детворы остается в мраке...»⁵⁸.

Оснований не верить таким сообщениям нет. Ведь даже за более робкую критику положения дел газеты могли закрываться, и не имея серьезных оснований, они не решились бы так выступать. А примеры для этого были. Газета «Дагестан», начавшая выходить в феврале 1906 г. в том же Порт-Петровске, что и газета «Каспий», издавалась всего около года. Ее издателем был М.А. Ильин. В газете публиковались острые политические заметки, не обходила она стороной и вопросы культуры, просвещения народа. 10 марта в ней за подписью «Дагестанец» была опубликована статья «Народное образование в Дагестане», в которой подверглась острой критике «просветительная миссия» царской администрации. После публикации в газете 9 марта статьи «Прогресс и мусульмане» на ее страницах в нескольких номерах завязалась дискуссия. Выступавшие обвиняли мусульманское духовенство в создании ими препятствий для развития светского образования, выступили против «отживших свой век» пережитков, мешавших горцам в их стремлении к свету, знаниям, разоблачали бюрократизм местных представителей администрации, ратовали за предоставление женщинам равноправия. Как местная, так и областная администрация чинила препятствия по выпуску газеты, и издатель вынужден был ее закрыть в 1907 г.⁵⁹

Еще меньше продержалась газета «Дагестанский вестник», которую начали издавать в 1907 г. в Дербенте. Причины ее закрытия были несколько иные, чем «Каспия». Дербентская газета, претендующая на общedaгестанское издание, старалась выражать интересы местного дворянства, пытавшегося приспособиться к рыночным условиям. То ли они не прижились в новых условиях, то ли не имели средств для поддержки газеты, но она не нашла необходимого количества подписчиков и в том же году закрылась⁶⁰.

Не встречали понимания и поддержки официальных властей обращения горцев об издании газет на родных языках. В 1905 г. житель с. Ахты Абдул Керим оглы, проживавший в Балаханах Бакинской губернии, обратился к бакинскому градоначальнику с просьбой о выдаче разрешения на издание газеты «Саадал Дагестан» («Голос Дагестана») на лезгинском языке, од-

нако разрешения он не получил. Такой же отказ получили представители кумыкской интеллигенции, обратившиеся в 1910 г. к властям с просьбой разрешить им издание «Кумыкской газеты» («Къумукъ газети»). Царизм не проявлял заинтересованности в издании газет для народов национальных окраин, боясь роста их национального самосознания⁶¹.

Несмотря на трудности, с которыми сталкивались издатели газет, попытки к их выпуску не проходили зря. Долгожителем по тем временам оказалась еженедельная газета «Дагестанские областные ведомости» – орган областной администрации. Она выходила в Темир-Хан-Шуре по воскресеньям с 15 февраля 1909 г. по 16 апреля 1917 г. на русском языке. В ней публиковались правительственные распоряжения и объявления, корреспонденции, заметки, статьи по истории края, перепечатывались материалы из центральных газет «Утро России», «Нева», «Речь» и др. В газете были опубликованы статьи, касающиеся не только политической, но и культурной жизни Дагестана. В ней выступал и С. Габиев, поднимавший в своих статьях вопросы об упразднении горского суда, ликвидации «военно-народного управления», широком распространении просвещения среди населения.

Несмотря на ряд удачных статей, появившихся на страницах газеты за период ее издания, в целом она слабо отражала жизнь трудящихся горцев. Зато много места в ней отводилось крупным собственникам и чиновникам, вершившим судьбами Дагестана⁶².

С января 1912 г. на арабском языке стала выходить газета «Джаридат Дагестан» («Дагестанская газета»), которая в свое время получила у исследователей различные, порой противоположные оценки, вплоть до того, что она выражала интересы имущих классов, являлась органом помещичье-клерикального блока, проповедовала самые реакционные взгляды или в лучшем случае занималась дублированием «Дагестанских областных ведомостей». Переводы газеты с арабского на русский язык, осуществленные А.А. Кандауровым, а также исследования специалистов М.Д. Бутаева, Ю.В. Меджидова и М.А. Абдуллаева, а также кандидатская диссертация А.Р. Наврузова помогли более объективно оценить роль и место газеты в культурной жизни Дагестана в 90-е гг. XX в.⁶³

Созданная по инициативе царской администрации, газета «Джаридат Дагестан» не стала перепечаткой с «Дагестанских областных ведомостей», а приобрела независимый характер и старалась давать объективную информацию о происходивших изменениях в жизни Дагестана и по возможности в России. Она способствовала сближению различных общественных групп и прослойек, формированию общественного мнения, особенно интеллигенции, которая собралась вокруг нее.

Благодаря усилиям Бадави Саидова, Али Каева и М.-М. Мавраева круг журнала объединились и ему помогли А. Акаев, Аскер Кади из Дженгутая, Г. Цадаса, Мухаммад Дибиров, Масуд из Могоха, Муртада из Кудали, Масуд из Чечни, Ахмед Закуев, Саид Габиев, Сейфулла Башларов и другие.

Газета хотя и имела небольшой тираж, но доходила до читателей Дагестана, Чечни, Черкесии, Притеречья, Кубани, Ставрополя, Туркестана и Азербайджана.

В годы Гражданской войны в газете стали печататься корреспонденции, отображавшие революционные события тех лет, появлялись статьи просветительского и научного характера. В номере за 8 июня 1917 г. была помещена перепечатанная из газеты «Правда» в переводе с русского на арабский язык большая статья об итогах Апрельской конференции РСДРП (б), нацелившей партию на социалистическую революцию. После победы советской власти в Дагестане с 31 марта 1918 г. газета перестала существовать⁶⁴.

Продолжала издаваться в Санкт-Петербурге еженедельная общенационально-политическая газета «Заря Дагестана», выпускаемая С. Габиевым на русском языке. Некоторые наиболее интересные для дагестанских читателей статьи и материалы печатались на аварском, даргинском, лакском, лезгинском языках. Демократическая направленность газеты обеспечивала ей поддержку и внимание не только дагестанских, но и читателей других регионов. Хотя газета не выходила за пределы обличительства, однако власти в ней видели крамольное издание и поэтому постановлением Санкт-Петербургской судебной палаты «Заря Дагестана» была закрыта в первых числах сентября 1913 г. С 12 октября 1912 г. С. Габиев выпускал также «Мусульманскую газету». Три страницы газеты издавались на русском и одна страница на лакском языках. В газете появлялись сообщения и стихи, напечатанные на тюркском и лакском языках. Но и ее постигла судьба первой. 8 июня 1914 г. она была закрыта постановлением той же судебной палаты⁶⁵.

Газеты С.И. Габиева явились предтечей революционно-демократической печати, появление которой было связано с деятельностью Дагестанского просветительно-агитационного бюро, созданного вскоре после Февральской революции в Темир-Хан-Шуре. Деятели бюро, в состав которого входили представители различных народов Дагестана, хорошо сознавали, что пропаганда революционных идей без собственного печатного органа невозможна. На средства бюро стала издаваться газета «Илчи» («Вестник») на лакском языке. Несколько позднее стала выходить газета «Чана цуку» («Утренняя звезда») тоже на лакском языке. Бюро использовало в своей просветительской работе также газету «Заман» на аварском языке и литературно-художественный журнал «Танг-Чолпан» («Утренняя звезда») на кумыкском языке. Основателями журнала были Нухай и Зайналабид Батырмурзаевы и Темирболат Бейболатов. Первый его номер вышел в августе 1917 г. С журналом активно сотрудничали известные революционеры У. Буйнакский, Д. Коркмасов, С. Казбеков, просветитель А. Акаев, художники Х. Мусаев и Е. Лансерс, врач Х.-О. Булач и другие.

В первом же номере журнала редакция объявила о его программе, имеющей своей главной целью просвещение народа. Намечалось опубликовать романы, рассказы, пьесы, статьи о различных сферах искусства и эстетики, школах и медресе, учебно-воспитательной работе, преподавании разных дисциплин, собирать и записывать дагестанские мелодии, помещать в

журнале портреты древних храбрецов и отдавших свою жизнь за родину героев, чтобы прививать нашим детям любовь к своему отечеству⁶⁶.

Через журнал со специальной статьей к литераторам обратился Н. Батырмурзаев, в который высоко оценивал значение творчества выдающихся поэтов и писателей Пушкина, Гоголя, Горького, Л. Толстого и других не только в истории культуры русского, но и других народов России. З. Батырмурзаев в своей статье «Что такое театр» осветил свое видение театра, его значение в культурной жизни народа. Представляется, что особенно полезным для редакции журнала было сотрудничество с Д. Коркмасовым, который имел большой опыт журналистской деятельности, наработанный им на далекой чужбине. В 1909 г. в Стамбуле, куда он приехал из Парижа по приглашению видного турецкого социалиста, будущего организатора коммунистической партии Турции М. Субхи, Д. Коркмасов начал издание иллюстрированного русскоязычного еженедельника «Стамбульские новости». Первый номер еженедельника вышел в свет 23 октября 1909 г. Русский посол в Константинополе (Стамбуле) поспешил сообщить министру иностранных дел России об этом событии. В своем донесении он писал: «За все время существования Турции это первая русская газета, возникшая в Константинополе. Выход ее является для нас несомненным культурным успехом». Для подтверждения сказанного посол приложил к своему донесению второй номер газеты от 30 октября.

С 23 октября по 4 июня 1910 г. было издано 33 номера газеты. Газета печаталась на 16 страницах журнального формата и распространялась в Турции, России (Киев, Одесса, Ялта, Казань, Баку и Коканд) и за рубежом. Она имела демократическую направленность, что вызывало недовольство властей как России, так и Турции. В июне 1910 г. был наложен запрет на ввоз ее в Россию, в связи с чем пришлось прекратить выпуск «Стамбульских новостей». Кроме издания газеты, Д. Коркмасов вместе с польской революционеркой М. Скаковской подготовил и выпустил «Путеводитель по Константинополю»⁶⁷.

Опыт, приобретенный Д. Коркмасовым в Турции, пригодился ему как в его революционной борьбе и созидательной деятельности, так и в его блестящих публикациях, организации издательского дела в Дагестане.

Близость редакции журнала к видным революционным деятелям помогла ей преодолевать свою одностороннюю направленность, больше публиковать в журнале статей и материалов, освещавших события того времени, показывающих растущую революционную активность горцев. Журнал не мог оставаться в стороне от событий своего бурного времени⁶⁸.

Революционно-демократические издания и прежде всего газета «Чана Цуку» и журнал «Танг-Чолпан» под влиянием событий, происходивших в стране, все более активно стали откликаться на злободневные вопросы времени. При всей своей идейной ограниченности они сыграли положительную роль в пропаганде передовых идей⁶⁹.

§ 3. Развитие народного образования с 20-х до 40-х годов

Победа социалистической революции пробудила у трудящихся масс России неодолимую тягу к культуре и знаниям, доступа к которым они были лишены при эксплуататорском строе. «Раньше весь человеческий ум, весь его гений творил только для того, чтобы дать одним все блага техники и культуры, а других лишить самого необходимого – просвещения и развития»⁷⁰ – говорил В.И. Ленин через три месяца после установления советской власти в январе 1918 г. на III Всероссийском съезде Советов. Он выражал твердую уверенность в том, что теперь все чудеса техники, все завоевания культуры станут общенародным достоянием. Для этого наряду с преобразованиями в социальных отношениях, политике и экономике советская власть начала коренную перестройку культурной жизни России.

Хотя в России, как отмечал В.И. Ленин, «политический и социальный переворот оказался предшественником тому культурному перевороту, той культурной революции, перед лицом которой мы все-таки стоим»⁷¹, однако задачи строительства новой социалистической культуры стали неотделимой составной частью огромной созидательной работы⁷², которую надо было решать в многонациональной, многоконфессиональной стране с еще большим многообразием политических, экономических, социальных и культурных проблем.

Тем своим политическим оппонентам, которые не верили в способность пролетариата построить социализм из-за неимения «образовательного ценза», создаваемого в недрах старого общества, он отвечал: «... и трудящиеся совершат эту титаническую историческую работу, ибо в них заложены дремлющие великие силы революции, возрождения и обновления»⁷³.

Советская власть предусматривала беспрецедентную в мировой практике программу культурно-политического возрождения мусульман России. В обращении «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока», принятом на заседании Совнаркома России 20 ноября (3 декабря) 1917 г., указывалось: «Отныне ваши верования и обычаи, ваши национальные и культурные учреждения объявляются свободными и неприкосновенными. Устраивайте свою национальную жизнь свободно и беспрепятственно... знайте, что ваши права, как и права всех народов России, охраняются всей мощью революции...»⁷⁴. Такое обращение имело великую мобилизующую силу.

Задачи строительства новой культуры, борьбы с темнотой и неграмотностью Советскому государству приходилось решать в необычайно сложных условиях, в обстановке яростного сопротивления сторонников старого строя, Гражданской войны, голода и разрухи. Трудности усугублялись и тем, что культурное строительство надо было осуществлять в многонациональном государстве, народы которого находились на различных ступенях социально-экономического и исторического развития. В Дагестане население говорило свыше чем на 30 языках, разделявшихся в общей сложности более чем на 80 наречий⁷⁵. Некоторые народности Дагестана не имели даже своей письменности⁷⁵.

С первых дней установления советской власти в Дагестане (май 1918 г.) просвещение народа, повышение его образовательного уровня стали одной из главных ее задач. Не успела утвердиться в Дагестане советская власть, как в августе 1918 г. был созван Первый съезд учителей, на котором обсуждались вопросы школьного строительства. В резолюции съезда отмечалось, что школа должна «быть единой, трудовой, общедоступной, обязательной для всех и бесплатной на всех ступенях обучения»⁷⁶. Съезд обратил также внимание на трудовое и дошкольное воспитание детей, принял устав областного союза учителей. Съезд дагестанских учителей не прошел мимо и декрета советского правительства «О свободе совести, церковных и религиозных обществах», принятого 20 января 1918 г. и известного как декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви»⁷⁷.

При обсуждении этого вопроса съезд учителей под влиянием мусульманской секции не проявил принципиального подхода. Мусульманская секция выразила пожелание «...о признании обязательности преподавания (для дагестанских детей) мусульманского вероучения на всех ступенях обучения; о недопустимости совместного обучения детей мусульман обоего пола ни в одном из типов школ; об открытии в Дагестане мусульманской духовной семинарии»⁷⁸.

Начатая перестройка школьного образования была прервана Гражданской войной и интервенцией вооруженных сил как зарубежных стран, так и белогвардейских армий, мечтавших о восстановлении «единой и неделимой России». В ходе Гражданской войны все начинания советской власти в области народного образования были ликвидированы, школы не финансировались, учителя не получали зарплату, союз учителей был распущен, преподавание в школах велось только на русском языке, многие школьные здания были разрушены, их оборудование и инвентарь расхищены или приведены в негодность.

Ко времени вторичного установления советской власти в Дагестане весной 1920 г. ни одна из существовавших школ не работала. Большинство школьных зданий в период Гражданской войны было разрушено, а инвентарь растащен⁷⁹.

Однако трудности не остановили культурное строительство прежде всего потому, что трудящиеся массы поняли что, знания являются главным орудием в их борьбе за освобождение. Обязательной и первой ступенью культурного роста и профессионального образования была ликвидация неграмотности. Наступление на безграмотность началось сразу после победы социалистической революции, и в этой работе участвовали не только школьные учреждения, но и советские, партийные, профсоюзные, комсомольские и другие массовые организации трудящихся. Особенно целенаправленный характер борьба с неграмотностью приобрела после принятия декрета Совнаркома от 26 декабря 1919 г. «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР»⁸⁰.

Революционные комитеты Дагестана, созданные в конце марта 1920 г., сразу же приступили к восстановлению имевшихся и новых школьных по-

мещений, детских домов, домов ребенка, детских столовых и т. д. К концу 1920 г. в Дагестане были 302 школы, из них 298 школ первой ступени и 4 школы – второй. Для ликвидации неграмотности при всех окружных подотделах были организованы секции школ грамоты, которых насчитывалось 145. Однако работа таких школ тормозилась отсутствием книг и учебных пособий, нехваткой педагогических кадров, особенно в сельской местности. В этой связи было разрешено привлекать к преподавательской работе в сельских школах людей, получивших образование в примечетских школах. Преподавание в школах велось на родном языке на основе арабской письменности⁸¹.

Советская власть большое внимание как в центре, так и на местах придавала привлечению к культурно-хозяйственному строительству старой интеллигенции. В постановлении Революционного Совета обороны Северного Кавказа и Дагестана от 28 марта 1920 г. «О привлечении интеллигентных сил к работе в отделах» всем заведующим отделам Совета обороны предоставлялось право «приглашать интеллигентных работников-специалистов к работе на соответствующие должности, если они не принимали активного участия в выступлениях против советской власти и за «добрармию»⁸².

Во всей полноте вопрос об использовании кадров старой интеллигенции в национальных республиках нашел отражение в директивах четвертого совещания ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей (июнь 1923 г.). Учитывая чрезвычайную бедность национальных регионов пролетарскими кадрами, совещание указало в своем решении на необходимость здесь в большей мере, чем в центре, идти навстречу более или менее лояльным элементам местной интеллигенции и привлекать их к работе в советском государственном аппарате и общественных организациях.

Во многих сферах народного хозяйства Дагестана с первых лет советской власти трудились кадры старой интеллигенции. Особенно много их было в сфере образования. В советских школах работали старые учителя-дагестанцы М. Темирханов, А. Селимханов, И. Абдуллаев, А.М. Магомедов, А. Насиров, Ю. Акаев, М. Изиев, а также русские педагоги М.И. Кочмержевская, А.О. Тимошенко, П.А. Егорова, С.М. Иванова, Д. Невядомский, Барыкин и другие⁸³.

Одновременно с этим были приняты меры по подготовке учительских кадров в Дагестане. В городах Дербенте и Темир-Хан-Шуре, в селениях Ахты, Касумкент и Леваша были открыты педагогические курсы, которые в 1920 г. окончили 300 человек.

В деятельность школьных коллективов, всей образовательной системы стали внедряться демократические начала. В соответствии с инструкциями создавались школьные советы, детские клубы, школы для подростков. В сентябре 1920 г. было проведено совещание учащихся городов Дербента, Петровска и Темир-Хан-Шуры по вопросу об установлении заданий для Единой трудовой школы. Вслед за этим в ноябре было проведено совещание дагестанских учителей и заведующих окружными отделами образования.

При Дагестанском областном отделе образования была организована комиссия по сбору материалов и созданию учебников, хрестоматий и сборников рассказов на местных языках. Через окружные отделы образования всем школьным работникам было предложено также собирать предания, сказки, песни, рассказы, характеризующие традиции и бытовые обряды народов Дагестана, и передавать их в областную комиссию.

Без внимания не оставались и вопросы дошкольного образования детей. В нескольких селениях и городах Дагестана были открыты детские сады и детские площадки, а также дома ребенка. Были открыты краткосрочные курсы по дошкольному воспитанию, которые окончили 15 горянок. Они были направлены на работу в сельские округа. Был открыт Дом дошкольников и при нем музей по дошкольному воспитанию. Было налажено снабжение детей питанием и мануфактурой. В конце сентября была устроена Неделя ребенка по сбору пожертвований для детских садов и Дома ребенка. Собранные вещи были отправлены в детский дом. Намечалось открытие в Темир-Хан-Шуре третьего детского дома.

Открывались и другие учреждения культуры. В городах Темир-Хан-Шуре, Петровске и Дербенте, в селениях Леваша и Кумторкала были открыты библиотеки и несколько изб-читален в округах. В Темир-Хан-Шуре и Кайтаго-Табасаранском округе открылись 3 дома крестьянина с общежитием, библиотекой-читальней и другими удобствами для культурного отдыха приезжих крестьян. Для них в домах крестьянина устраивались лекции, концерты, показывали спектакли. В городах и округах отмечался рост интереса к театру. Организовывались любительские театральные труппы, ставились на дагестанских языках спектакли, открывались театры. В некоторых селениях впервые были показаны кинофильмы⁸⁴.

Вся эта работа проводилась в условиях, когда Дагестан переживал серьезные экономические трудности, когда еще не закончилась Гражданская война, многие промышленные предприятия были разрушены, сельское хозяйство подорвано.

В связи с тем, что в Дагестане оказалось много детей-сирот, Дагестанский революционный комитет 10 января 1921 г. разослал окружным отделам народного образования циркулярное письмо, в котором предлагал немедленно организовать в округах возможное количество детских домов. Для этого требовалось провести перепись всех сирот школьного и дошкольного возрастов, подыскать подходящие помещения и оборудовать их. При отделе народного образования поручалось создать подотдел снабжения, в обязанности которого входила организация детского питания в окружном масштабе⁸⁵.

Наряду с обучением детей советская власть не снимала с повестки дня работу по ликвидации неграмотности, которая на местах приобретала характер борьбы за ее упорочение и становление нового быта. Особенно она усилилась после создания в июле 1920 г. при Народном комиссариате просвещения Всероссийской чрезвычайной комиссии по ликвидации неграмотности (ВЧК ликбеза)⁸⁶.

Соответствующая комиссия в Дагестане была создана декретом Дагестанского ревкома от 26 августа 1921 г. В Дагестанскую чрезвычайную комиссию по ликвидации неграмотности были включены 5 человек: один представитель от Дагревкома, один – от Главполитпросвета, один – от Дагестанского комитета РКП(б), один – от Дагестанского совета профсоюзов и один – от Дагестанского областного комитета комсомола.

На такой же основе создавались и окружные и районные чрезвычайные комиссии. К участию в работе по ликвидации неграмотности должны были привлекаться все общественные и государственные организации. Решения чрезвычайных комиссий по ликвидации неграмотности имели обязательный характер и за их неисполнение или уклонение от обучения могли привлекать к уголовной ответственности⁸⁷.

Надо сказать, что в те годы под угрозой уголовной ответственности приходилось решать и более мелкие вопросы. Когда перед началом нового учебного года (1921 г.) оказалось, что школьное имущество: парты, столы, стулья, скамьи, доски были разбросаны по различным учреждениям и занятия могли сорваться, Дагестанский ревком 8 сентября 1921 г. издал приказ срочно в течение трех дней сдать школьное имущество Наркомпросу. Невыполнение приказа грозило передачей дел на виновных суду Ревтрибунала за злостное сокрытие имущества, «необходимого подрастающему поколению – нашей светлой надежде будущего»⁸⁸. Вот под таким политическим углом рассматривалось тогда все, что касалось детей.

Перед народным просвещением Дагестана стояло немало проблем, что видно из материалов пленума Дагестанского ревкома, состоявшегося 6 октября 1921 г. Пленум заслушал доклад народного комиссара С.И. Габиева, который остановился главным образом на трудностях и нерешенных вопросах.

Аппарат Наркомпроса, состоявший в основном из старых педагогов, плохо представлял себе административную работу и был увлечен обеспечением количественного роста школ. Их число по республике выросло до 700. Школы располагались в частных небольших домах, куда собирались дети, и их учили Корану. Детей учили в основном муллы и муталимы, они получали жалованье у государства, хотя республика и испытывала серьезные финансовые трудности. На основании постановления съезда занаробразов количество школ было сокращено до 230. Наркомпрос наметил их дальнейшее сокращение.

В школе отмечался большой наплыв детей, желающих учиться. В связи с этим была установлена очередность при приеме в школы. В первую очередь стали принимать детей, отцы которых погибли в борьбе за советскую власть, потом детей-сирот, детей бедняков и в последнюю очередь детей зажиточных семей.

Обучение в школах мальчиков и девочек было совместное. Они снабжались мануфактурой в потребных объемах, но снабжение обувью не обеспечивалось полностью. Полученные в 1921 г. 700 пар обуви были распределены среди учащихся.

В школах обращалось внимание и на физическую подготовку учащихся. Им преподавалась гимнастика. Преподаватели школ всецело посвящали свое время обучению и воспитанию детей. Однако, как отмечалось в докладе, они оказались в тяжелых материальных условиях. Ставился вопрос о необходимости поставить их на снабжение как ударников труда.

В докладе отмечалось, что Наркомпросом в Махачкале открыт техникум и такой же техникум открывается в Буйнакске, создается музей. Габиев поднял и такой важный для Дагестана вопрос, как установление государственного языка, который рассматривался на съезде заведующих отделами народного образования округов. Большинство участников съезда высказывались в поддержку русского, но принимать решение они не могли. Поэтому его рассмотрение они передали съезду бедноты.

Пленум Дагестанского ревкома по этому вопросу принял постановление в следующей редакции: «Вопрос о государственном языке и преподавании на нем передать на обсуждение Дагестанского комитета РКП (б)». Вопрос оказался не из легких, и его рассмотрение затянулось на целый ряд лет.

По другим предложениям, которые прозвучали в докладе, пленум ревкома полностью поддержал и выразил благодарность наркомпросу С. Габиеву за проведенную им работу⁸⁹.

Несмотря на все старания советской власти, экономические трудности, острая нехватка финансовых средств мешала созданию необходимой материальной базы для развертывания школьного строительства. К тому же создание светских школ столкнулось с открытым и скрытым сопротивлением мусульманского духовенства, представлявшего серьезную политическую силу. Даже авторитетный в Дагестане шейх А.-Г. Акушинский, поддержавший советскую власть в период Гражданской войны, воспротивился открытию в родном ауле светской школы. Выступая перед верующими, он призывал их посылать своих детей не в школы, а в медресе. По его указанию школьные парты, привезенные для новой школы, были выброшены в реку. В 1924 г. джамаат (общество) селения Каякент принял решение о закрытии школы и открытии мечети⁹⁰.

Такие случаи имели место и в других аулах. Однако органы власти не пошли по пути принятия каких-то административных решений против таких требований. Более того, учитывая значительное влияние на крестьянские массы мусульманской религии, они не препятствовали открытию религиозных школ. К тому же в светских школах было разрешено преподавание Корана. Попытки на местах административными мерами не допускать обучение детей мусульманскому вероучению пресекались, Юго-Восточное бюро РКП(б) на основании директивы ЦК разослало 17 мая 1924 г. циркуляр Дагестанскому и другим обкомам партии. В нем предлагалось «не чинить препятствия групповому преподаванию мусульманского вероучения в мечетях детям, окончившим светскую школу 1-й степени или же достигшим 14-летнего возраста, с тем, чтобы такое преподавание происходило во внеучебное время»⁹¹.

Светская система образования в первые годы советской власти утверждалась не путем ее административного насаждения или запрета на религиозное обучение, а при помощи проведения атеистической работы с верующими, убеждения их в необходимости дать детям современные знания. Как отмечал Тахо-Годи, работавший наркомом просвещения ДАССР с 1922 г. по 1929 г., советская школа в течение ряда лет изживала из своих недр Коран и изжила его примерно к 1924 г., сохранив, однако, в своих стенах учителей-арабистов⁹².

При решении и других вопросов школьной жизни Наркомат просвещения больше опирался на демократические принципы их решения, нежели на административные. Хотя на заседании пленума Дагестанского ревкома шла речь о необходимости дальнейшего сокращения из-за нехватки финансовых возможностей сильно разросшейся сети школ, однако для практического осуществления этого мероприятия была создана комиссия⁹³. Она обследовала большое количество школ и на основании ее предложений их количество к весне 1922 г. было доведено до 144 школ, в которых обучалось 890 учащихся⁹⁴.

Одновременно с сокращением малокомплектных школ обращалось внимание на улучшение работы существующих школ, обеспечение их подготовленными педагогическими кадрами, учебниками и учебными пособиями, литературой на родных языках. Функционирующие в городах Буйнакске и Дербенте краткосрочные курсы были реорганизованы в педагогические техникумы. В Левашах, Ахтах, Касумкенте и Кумухе были открыты курсы. В 1922/23 учебном году они подготовили более 200 учителей. С 1920 г. по 1924 г. в вузы и техникумы за пределы республики с целью подготовки учителей было направлено около 250 человек⁹⁵.

Важное значение для развития школьного образования и просвещения имело то, что Второй Вседагестанский съезд Советов, состоявшийся в декабре 1922 г., обсудил доклад «О мерах поднятия народного просвещения в Дагестане». Съезд не только рассмотрел состояние народного просвещения в республике, но и определил наиболее важные задачи в этой области. Задачи просвещения съезд признал «ударными» и потребовал от всех исполнительных органов удовлетворять все нужды школьного строительства. Улучшение материального положения учителей, ликвидация задолженности по выплате им заработной платы, возвращение в школу всех педагогов, перешедших на другую работу, выделение всем школам и детским учреждениям земельных участков для показательных культурных работ и «материальной поддержки учащихся и учащихся», возвращение Наркомпросу школьных зданий, занятых другими учреждениями, расширение сети профтехучилищ – вот неполный перечень рассмотренных на съезде вопросов, сыгравших позитивную роль в становлении и развитии школ республики.

В соответствии с установками Дагестанской областной партийной конференции, предшествовавшей Вседагестанскому съезду и рассмотревшей те же вопросы в партийном порядке, съезд Советов постановил организовать

сеть горских интернатов для девочек-мусульманок, открыть ряд школ для женщин-мусульманок, сыгравших большую роль в обучении женщин⁹⁶.

По мере улучшения экономического положения государства увеличивалась финансовая поддержка школам. Если на развитие народного образования в Дагестане в 1921 г. было выделено 165 тыс. руб., то в 1923/24 учебном году финансирование увеличилось до 562 тыс. руб., в 1924/25 г. – свыше 840 тыс. руб. и в 1925/26 учебном году – уже до 1685 тыс. руб.⁹⁷ Рост был заметный и положительно повлиял на все стороны школьного строительства и охват детей обучением. В городе и на селе все активнее утверждалась советская школа. В 1926 г. 80% городских и 18% сельских детей были охвачены светской школой⁹⁸. Произошло также важное в условиях Дагестана событие – большая разъяснительная работа среди родителей и открытие специальных женских школ помогли увеличить охват школой девочек-горянок. В 1925/26 учебном году по сравнению с 1924/25 годом число девочек в школах Дагестана увеличилось в 1,5 раза⁹⁹.

Большую заботу проявляло государство и о детях, лишившихся родителей. Для них в республике открывались детские дома и интернаты, принимавшие детей на полное содержание, обучение и воспитание. К 1923 г. открыто 32 детских дома и 11 интернатов, в которых содержалось свыше 4,5 тыс. детей¹⁰⁰.

Расширение сети школ, необходимость издания для них учебных программ и учебников со всей остротой поставили вопрос о языке преподавания, который дискутировался с первых лет советской власти и никак не решался. Более того, этот вопрос, носивший как будто чисто практический интерес, постепенно приобретал политическую окраску. Он продолжал обсуждаться на различных уровнях. С одной стороны, были предложения, учитывая многонациональный характер республики и распространенность среди народов Дагестана кумыкского и азербайджанского языков, вести преподавание в школах на родных и тюркском языках и утвердить тюркский язык в ранге единого государственного языка. Однако такое предложение встречало резкое возражение со стороны значительной части интеллигенции, которая указывала на то, что тюркский язык был непонятен населению горных районов. Тем не менее пленум Дагестанского обкома партии, состоявшийся в ноябре 1923 г. и обсуждавший вопрос о языковом строительстве, объявил тюркский язык единым государственным языком.

Видимо, не случайно, когда в октябре 1921 г. этот вопрос рассматривался на пленуме Дагестанского ревкома, учитывая политический его аспект, он был передан на рассмотрение областной партийной организации. В этом усматривается и личный субъективный момент. Председатель Дагестанского ревкома Дж. Коргмасов, кумык по национальности, понимая, каким может быть решение данного вопроса, не хотел связывать это со своим именем. Как писал о том времени его ближайший соратник, тогдашний народный комиссар просвещения А. Тахо-Годи, русский язык «еще не успел завоевать симпатии населения, к нему относились, так как с ним было связано в

представлении горца вся ненавистная русификаторская политика старого режима»¹⁰¹.

В этих условиях Коммунистическая партия, отстаивавшая принцип полного равноправия наций и национальных языков, не торопилась с внедрением обучения детей в школах на русском языке. Но несмотря на решение пленума Дагестанского областного комитета партии, делопроизводство на местах и обучение детей в школах проводилось на дагестанских языках. Попытка навязать в партийном порядке большинству населения республики тюркский язык как единый общеупотребительный не прошла. Дагестанцы все больше склонялись к русскому языку, что показало и последующее развитие событий.

Отношение населения к советской школе менялось. Газета «Красный Дагестан» в номере за 15 декабря 1924 г. в корреспонденции об участии сельского населения Махачкалинского района в школьном строительстве подчеркивала: «В нынешнем году отмечается большой сдвиг в отношении населения к школе. Среди сельчан прямо какое-то соревнование в деле восстановления школ...». Газеты тех лет буквально пестрели сообщениями о ходе восстановления и строительства школ силами и на средства сельских обществ разных селений почти всех округов и районов Дагестана. Благодаря такому активному участию населения и помощи государства количество школ и численность учащихся росли заметными темпами. В 1924/25 учебном году в республике имелось уже 211 школ, в них училось 16783 учащихся. В школах работали 537 учителей.

Однако рост светских школ, охват ими детей, отношение населения к школе не стали еще такими факторами, которые привели бы к резкому сокращению и изжитию примечетских школ. В 1925 г. функционировало значительное число примечетских школ и медресе, в которых обучалось более 11630 учащихся¹⁰².

Занимая свою заметную нишу в образовательном процессе, духовенство не успокаивалось на этом и пыталось расширить свое влияние, и не только не допустить дальнейшего распространения школьной системы, но и по возможности сократить ее. Кое-где это ему удавалось. В 1925 г. под влиянием агитации кулаков и духовенства с. Мулебки Даргинского округа около половины учащихся перестали ходить в школу. Жители селения Унцукуль отказались открыть советскую школу. На 1 октября 1925 г. в Андийском округе насчитывалось 4 советских и 47 религиозных школ.

В селении Акуша, где в 1924 г. были антишкольные выступления духовенства, комиссия, обследовавшая в 1926 г. этот аул, вынуждена была отметить, что «ни советская школа, ни крестком, ни изба-читальня, ни ликпункты немислимы здесь благодаря сильному противодействию со стороны духовенства и кулаков»¹⁰³.

Как отмечал А. Тахо-Годи в своей статье «В борьбе за советскую школу в Дагестане» («Просвещение национальностей». 1931. № 1), еще в 1925 г. некоторые участники совещания по народному образованию ставили вопрос о преподавании Корана в школе. К этому времени он относил и разговоры о

том, чтобы «советизировать» и коранские школы, реформируя их путем введения светских предметов¹⁰⁴.

Хотя на практике такие «прожекты» показывали свою несостоятельность, но тем не менее они не могли не тревожить руководителей и политических деятелей республики.

Председатель ДагЦИКа Н. Самурский в своей книге «Дагестан», вышедшей в 1925 г., отмечал: «Нигде на пространстве СССР (разве только в Бухаре) духовенство не пользуется таким влиянием на население, как в Дагестане»¹⁰⁵. Это не могло не беспокоить Центральный Комитет РКП (б), проявлявший особую заботу о политическом положении национальных окраин. В июне 1925 г. ЦК РКП (б) заслушал отчет о деятельности Дагестанской областной парторганизации и по итогам обсуждения обратился с письмом к коммунистам республики. В письме отмечалось «огромное влияние духовенства на население Дагестана, могущее в дальнейшем превратиться в оплот и базу мусульманского движения на всем Северном Кавказе и Закавказье»... и с учетом этого рекомендовалось, продолжая использовать разногласия среди духовенства, «одновременно иметь в виду необходимость усиления работы по борьбе с духовенством за влияние на массы не на основе антирелигиозной пропаганды, а советской и общественной работы по улучшению материального положения».

Не случайно в письме обращалось внимание на улучшение материального положения крестьянских масс, переживавших хозяйственные трудности. Осенью 1923 г. в стране наступил хозяйственный кризис, возникший в условиях в целом успешного развития народного хозяйства. Но его развитие шло неравномерно. Сельское хозяйство, требовавшее меньше капиталовложений, чем промышленность, росло быстрее. Цены на его продукцию снижались. Многие же промышленные предприятия работали еще с недогрузкой, лишая рабочих стимула к повышению производительности труда. Это приводило к высокой себестоимости продукции, росту цен на промышленные товары. Так возникло и все более усиливалось расхождение цен на промышленные и сельскохозяйственные товары («ножницы цен»), больно ударившее по крестьянству.

Отголоском этих противоречий нэпа было восстание в Гурийском уезде Грузии в 1924 г., когда бывшим дворянам удалось спровоцировать на антисоветское выступление часть крестьян, недовольных соотношением цен на сельскохозяйственные и промышленные товары¹⁰⁶. Глава грузинского эмигрантского меньшевистского «правительства» Жордания, отвечая своим сторонникам, приглашавшим его возглавить готовящееся выступление, советовал не начинать восстание без поддержки дагестанских контрреволюционеров. В письме из-за кордона он наставлял: «Наилучшая боевая сила — это горцы, на которых нужно обратить серьезное внимание»¹⁰⁷.

Из Дагестана восставшие какой-либо поддержки не получили, здесь и не знали об этом событии, оно было быстро подавлено. Однако превентивные меры в республике были приняты. В 1928 г. на север, в районы Усольска и Сольвычегодска, что в Архангельской области, были сосланы 800 служите-

лей мечетей и духовных деятелей Дагестана. Среди них был и очень популярный в Дагестане просветитель и реформатор ислама А. Акаев, который ратовал за создание новометодных школ и поддерживал введение светского образования¹⁰⁸.

Для пожилого А. Акаева сибирские морозы и лагерные условия оказались невыносимыми, он болел, обращался к хорошо ему знакомому председателю Совнаркома ДАССР Д. Коркмасову с просьбой выволить его из концлагеря, но это было не в его силах. Он был арестован вышестоящими правоохранительными органами.

Установки о проведении таких операций могли идти как из Центра, так и от Северо-Кавказского крайкома партии. В 1929 г. по его решению была образована Специальная комиссия для всестороннего изучения влияния религии на население и поведения проповедников ислама на местах. В состав комиссии был включен и заведомо пропаганды и агитации крайкома партии М. Кундухов, хорошо знавший Дагестан, активно участвовавший в установлении здесь советской власти, работавший на различных ответственных государственных и партийных должностях. Его мнение в решении таких вопросов было авторитетным. Результаты работы комиссии были обсуждены на расширенном заседании национальной комиссии крайкома партии, на котором было принято постановление «Об антирелигиозной кампании в национальных областях»¹⁰⁹.

Для проработки вопросов по усилению антирелигиозной кампании в июне 1929 г. был проведен Северокавказский съезд Союза воинствующих безбожников, на котором с докладом выступил М. Кундухов. Он требовал, чтобы коммунисты и комсомольцы более активно участвовали в антирелигиозной работе. «Пока основная масса коммунистов и комсомольцев не откажется от выполнения религиозных обрядов и не станет в ряды воинствующих безбожников, — наставлял он, — нельзя серьезно говорить о полном разоружении духовенства»¹¹⁰.

Коммунисты, занимавшие ключевые посты в государственном и партийном аппарате, старались выполнять партийные установки. В конце 1929 — начале 1930 г. на заседаниях Президиума Центрального Исполнительного Комитета ДАССР рассматривались вопросы о закрытии молитвенных домов. Однако мотивы такого решения объяснялись необходимостью ликвидировать жилищный кризис. Постановление гласило: «Учитывая жилищный кризис в Махачкале, острую нужду для размещения культурно-просветительных учреждений, требование трудящихся масс... в порядке статьи 36-й постановления ВЦИК 1929 г. «О религиозных объединениях» молитвенные дома верующих изъять и отвести их под культурные учреждения города: 1. Никольскую церковь, 2. Армянскую церковь, 3. Горско-еврейскую синагогу, 4. Еврейскую синагогу»¹¹¹.

Нельзя не согласиться с тем, что жилищный кризис в городе был. Но эти здания не подходили не только под культурные учреждения, но и под жилье. Если они даже подходили, то четыре небольших молитвенных помещения не могли бы снять кризис. Сомнительно и то, что с заявлениями о за-

крытии таких помещений обращались трудящиеся. Эти заявления были организованы под диктовку властей, о чем свидетельствует то, что они были написаны на заранее изготовленных в типографии бланках.

Подобные факты принятия репрессивных мер против религиозных деятелей и закрытия церквей и молитвенных домов имели место и в других регионах. Вместо того, чтобы разобраться конкретно, кем и когда принимались такие решения, некоторые исследователи главным виновником таких действий считают И. Сталина, установившего в стране жестокую диктатуру. Между тем в начале XXI в. в научный оборот было введено письмо И. В. Сталина В. Р. Менжинскому, которое несколько иначе характеризует его отношение к таким вопросам. В письме, написанном 12 сентября 1933 г., он указывал: «В период с 1920 до 1930 годов в Москве и на территории прилегающих районов полностью уничтожены 150 храмов. 300 из них (оставшихся) переоборудованы в заводские цеха, клубы, общежития, тюрьмы, изоляторы и колонии для подростков и беспризорников.

Планы архитектурных застроек предусматривают снос более чем 500 оставшихся строений храмов и церквей.

ЦК считает невозможным проектирование застроек за счет разрушения храмов и церквей...»¹¹².

Строгое предупреждение Генерального секретаря ЦК ВКП (б) И.В. Сталина сыграло свою роль и приостановило в дальнейшем подобную практику. В этом плане усилилось внимание к ликвидации неграмотности населения: XV съезд партии (декабрь 1927 г.) выдвинул задачу культурного строительства как одну из задач реконструктивного периода. В постановлении съезда подчеркивалось: «Пятилетний план в связи с задачами социалистического строительства должен учесть необходимость решительного повышения культурного уровня населения города и деревни, развития национальных культур народностей СССР и увязать план культурного строительства с индустриализацией страны как неотъемлемую часть общего плана социалистического строительства СССР. В основу плана культурного строительства должны быть положены те задачи народного образования, которые обеспечивают культурный рост широких масс трудящихся (всеобщее обучение, ликвидация неграмотности, массовое профтехническое образование и т. п.) и задачу подготовки квалифицированных специалистов и научных работников»¹¹³.

На решение этих слагаемых культурного роста населения было обращено первоочередное внимание. 17 мая 1929 г. было принято постановление ЦК ВКП(б) «О работе по ликвидации неграмотности», которое потребовало коренным образом перестроить всю работу по ликвидации неграмотности. Повсеместно по республике на собраниях партийных, комсомольских, профсоюзных организаций было обсуждено постановление ЦК ВКП (б) и намечены меры по усилению этой работы. Активизировал свою деятельность и совет общества «Долой неграмотность» (ОДН). При районных и городских исполкомах Советов и местных Советах были созданы в начале 1930 г. комиссии в составе представителей партийных, комсомольских, профсоюзных ор-

ганизаций, работавших на общественных началах. Московское общество «Долой неграмотность» взяло шефство и решило оказать помощь Дагестану в работе по ликвидации неграмотности. Многие ячейки ОДН Москвы наладили связи с ячейками ОДН Дагестана. Приехавшие из Москвы инструкторы помогли организовать в горах школу ликбеза, провели семинары для преподавателей по вопросам обучения неграмотных.

В результате в охвате населения всеобщем произошли заметные сдвиги. В 1929/30 учебном году в 2044 ликпунктах и школах малограмотных обучалось 61300 человек, в том числе 16300 женщин – горянок¹¹⁴.

По мере ликвидации неграмотности населения все очевиднее становилась необходимость реформирования письменности дагестанских народов. Арабская письменность, в том числе «аджамский» вариант, созданный на основе арабской графики, имела серьезные недостатки, представляла значительные трудности для чтения. Не помогло и его реформирование, проведенное в 1920 г. по инициативе партийной организации Дагестана. Новый алфавит, получивший название «новый аджам», показал, что он не устранил всех недостатков, присущих арабскому письму и не решает проблему национальной письменности. Реформированный алфавит не отражал фонетических особенностей горских языков.

Как отмечал в своей работе «История пророка Мухаммеда» дагестанский просветитель М. А.-Р. Талыбов, «дети-мусульмане почти все неграмотны на своем родном языке, частью потому, что принятая почти всеми мусульманами арабская азбука, за неизменением строчных гласных и обилием подстрочных точек представляет большие трудности для скорого изучения».

Арабский алфавит, сыгравший в свое время положительную роль в создании письменности у мусульманских народов России, ввиду очевидных трудностей его усвоения по сравнению с алфавитами других мировых языков постепенно терял свой былой авторитет. Он не мог стать алфавитом всеобщей грамотности населения республики. Советская власть взамен арабского не навязывала мусульманским народам тот или иной алфавит, тем более русский, а давала возможность самим народам выбрать подходящий для них алфавит.

В этой связи вопросы замены арабской письменности другой, более доступной письменностью обсуждались на различных совещаниях, в коллективах творческих организаций, в местных партийных и советских органах. При этом предстояло выбрать новый алфавит из числа трех алфавитов – арабского, русского и латинского.

Тон в этой работе задавало Юго-Восточное бюро ЦК РКП(б), которое в июне 1923 г. провело совещание по вопросам просвещения горских народов Северного Кавказа. Обсудив вопрос о горской письменности, оно четко заняло принципиальную позицию, подчеркнув, что «... право выбора той или иной графики для национальной письменности всецело принадлежит данной национальности. Всякое воздействие свыше в данном вопросе является совершенно недопустимым»¹¹⁵.

Однако совещание не ограничивалось такой общей постановкой, а выразило свое отношение еще по трем позициям. Во-первых, оно указало, что по соображениям политического, экономического, культурного и педагогического характера желательнее принятие общей основы графики всеми горскими народами Северного Кавказа. Во-вторых, совещание высказалось за латинскую графику. И в-третьих, учитывая особую популярность у отдельных народностей арабской графики, совещание вынесло компромиссное решение и разрешило вести в таких регионах педагогическую работу параллельно на арабской и латинской графических основах. Было очень важно, что резолюция совещания по вопросу о письменности горских народов была утверждена Юго-Восточным бюро ЦК РКП(б).

Наркомпрос Горской республики после неоднократных обсуждений в 1923 г. принял решение о латинизации осетинского письма. В 1925 г. вышел первый букварь на чеченском языке на латинской графической основе. Оргбюро Чеченского обкома ВКП(б) совместно с партийным активом 13 марта 1926 г. приняло постановление о переводе с начала 1926/27 учебного года на латинскую графику всех национальных школ. Позже всех на латинскую графическую основу перешли народы Дагестана¹¹⁶.

Несомненное влияние на переход народов Дагестана на новую письменность оказали решения первого Всесоюзного тюркологического съезда, состоявшегося 26 февраля 1926 г. в г. Баку. На съезде были представлены делегаты разных республик и регионов СССР, а также известные ученые-тюркологи из Австрии, Турции, Венгрии, Германии и Южного Азербайджана.

В самом начале работы съезда делегаты от Азербайджана поставили вопрос об актуальности перехода к новому алфавиту – латинице. Они обосновывали такую постановку, ссылаясь на то, что переход к новому алфавиту, начатый в Азербайджане с 1922 г., уже приносит свои плоды, ускорив ликвидацию неграмотности.

На съезде выявились три различающихся между собой течения: в первую группу вошли те, кто выступал за сохранение арабского письма, вторая группа предлагала внедрять новоарабский (реформированный) алфавит и третью группу составили горячие сторонники перехода к латинице. На съезде звучали предложения о переходе на русскую графику письма, но их было мало. По этому поводу выступавшие на съезде русские ученые Л. Жирков, Н. Яковлев говорили, что вопрос о русском алфавите был отвергнут по причине неусвоенности и неприемлемости из-за национального вопроса. Из-за необходимости быстрее решить задачи ликвидации неграмотности горских народов они поддержали переход на латинскую графику.

Проект резолюции съезда по переходу на латинский алфавит огласил руководитель дагестанской делегации Дж. Коркмасов. В целом постановление съезда по вопросу о новом алфавите носило компромиссный характер и содержало два пункта: «1. Введение нового алфавита съезд считает делом каждой республики и каждого народа; 2. Изучить опыт Азербайджана и других республик и областей, где был введен латинский алфавит...». Резолюция

была принята более чем ста голосами и повлияла на внедрение нового алфавита и в других регионах страны¹¹⁷.

Новым толчком к решению вопроса об алфавите послужило решение пленума Дагестанского обкома партии (февраль 1928 г.) о создании комиссии по разработке алфавита. С учетом опыта соседних национальных республик и автономий был подготовлен алфавит на основе латинской графики для аварского, даргинского, кумыкского, лезгинского, лакского, азербайджанского и татского языков. 6 августа 1928 г. ДагЦИК и Совнарком ДАССР приняли постановление «О введении нового дагестанского алфавита», в соответствии с которым латинизированный алфавит вводился начиная с 1928/29 учебного года в школах 1 ступени. Ликвидация неграмотности населения также должна была осуществляться на основе нового алфавита¹¹⁸.

Переход к латинскому алфавиту был достаточно продуманным шагом, и он сыграл в тех конкретных условиях положительную роль в развитии письменности народов Северного Кавказа. Замена графической основы письменности способствовала ликвидации всякой почвы для возможных политических спекуляций по поводу рецидивов русификаторской политики царизма. В постановлении Президиума Совета национальностей ЦИК СССР, принятом 15 августа 1930 г., отмечалось, что латинизированный алфавит «одержал полную победу над арабской графикой» и латинизация письменности была охарактеризована как мощное орудие культурной революции на Советском Востоке¹¹⁹.

По мере роста национального самосознания дагестанских народов, создания для них новых алфавитов все более острый характер приобретали вопросы преподавания в школах родных языков. Принятое в июле 1928 г. постановление Президиума ЦИК и Совнаркома ДАССР «О реализации прав родных языков» плохо выполнялось, преподавание в школах родных языков внедрялось слабо, в школах 1 ступени учащиеся изучали родной, русский и тюркские языки.

Серьезное внимание устранению недостатков в изучении родных языков в школах было уделено на пленуме Дагестанского обкома партии (июль 1930 г.). Пленум предложил с начала 1931/32 учебного года перевести школы 1 ступени на родные языки (аварский, лезгинский, кумыкский, лакский, татский, ногайский и др.). Намечалось также перевести курсы и школы повышенного типа на родные языки. Наркомпросу было предложено изучить возможности создания школ и письменности для таких небольших по численности народов, как агульцы, рутульцы, дидойцы и др.¹²⁰

В многонациональном Дагестане, испытывавшем значительные финансовые трудности по внедрению в школах обучения детей на родных языках, пошли по пути создания школ на родных языках и для представителей местных народностей. В 1931 г. в республике функционировали школы с татарским, грузинским, немецким, армянским, осетинским языками обучения¹²¹.

Советская власть выдвигала перед школой все более новые ответственные задачи. 25 июля 1930 г. было принято постановление ЦК ВКП(б) «О всеобщем обязательном начальном обучении». 14 августа 1930 г. аналогичное

постановление ЦИК и СНК СССР, подтвердившее в законодательном порядке постановление ЦК ВКП (б).

В соответствии с этими решениями сессия ЦИК ДАССР в сентябре 1930 г. заслушала доклад наркома просвещения республики И. Алиева «О языке и обязательном всеобщем обучении». На сессии были отмечены как положительные, так и негативные тенденции в развитии народного образования. По темпам прироста числа учащихся начальных классов Дагестан занимал одно из первых мест в РСФСР. Общий годовой прирост численности учащихся по Дагестану составлял 34,4%. Однако, несмотря на высокие темпы прироста общего числа учащихся, достигнутый уровень охвата детей школьного возраста обучением был низким. По количеству учащихся в начальных школах на каждую тысячу жителей республика занимала предпоследнее место среди 51-й территориальной единицы СССР.

Одним из серьезных недостатков начальной школы было и то, что из нее до окончания курса обучения отсеивалось большое количество учащихся. Начальные классы были переполнены переростками, что тормозило вовлечение детей школьного возраста в учебу.

Устранению этих и других недостатков школьного образования способствовали введение всеобщего обязательного начального обучения и проведение всеобща. Вопросы всеобща рассматривались на районных съездах Советов, прошедших в конце 1930 – начале 1931 г., между районами проводилось соревнование за лучшую подготовку к введению всеобща. Благодаря такой активной работе в Буйнакском районе к ноябрю 1930 г. всеобщем было охвачено 80% всех детей школьного возраста. В 1930/31 учебном году в Хунзахском районе всеобщ был введен в десяти аулах. К началу 1932 г. 74,2% городских и 63,8% аульских детей было охвачено всеобщем¹²².

С ростом школ увеличился спрос на педагогические кадры. На 1 января 1931 г. в школах работали 2864 учителя, однако из них только 1191 учитель, или 41,6%, имел специальное высшее или среднее образование. В республике не хватало до тысячи учителей¹²³.

Предпринимались большие усилия для подготовки учительских кадров. В 1931 г. был открыт Дагестанский педагогический институт, на первый курс которого было принято 75 студентов. Учителей со средним специальным образованием готовили 8 педтехникумов¹²⁴.

Партийными, советскими образовательными органами проводилась большая работа по созданию условий для введения всеобщего начального образования. В постановлении СНК РСФСР от 7 октября 1932 г. «О ходе всеобща» отмечалось: «Впереди всех по охвату в количественном отношении детей всеобщем и в качественном отношении идут Дагестан, Башкирия, Бурят-Монголия».

Всеобщее начальное обучение в Дагестане было осуществлено в основном в 1932/33 учебном году. В 1932 г. функционировали 1198 начальных школ с охватом 131200 учащихся (в том числе 48167 девочек, или 41,3% к общему числу), в 1934 г. количество начальных школ увеличилось до 1340 и

учащихся в них до 140800 (в том числе 50282 девочки, или 42,6% к общему числу).

Одновременно с охватом детей всеобщем последовательно проводилась работа по ликвидации неграмотности и малограмотности взрослого населения. IV сессия ДагЦИКа (декабрь 1932 г.) отмечала, что за время культсанпохода было выпущено из ликпунктов 111328 человек, из них более половины – женщины.

Высокую активность в проведении культсанпохода проявили комсомольцы. Как отмечалось на XIII областной комсомольской конференции (июнь 1932 г.), 3660 культармейцев-комсомольцев обучили грамоте 48 тыс. человек. Вместе с комсомольцами 2300 пионеров работали культармейцами. В 26 районах из имеющихся 28 комсомольцы и молодежь собрали свыше 32 тыс. руб. в фонд культсанпохода. Конференция призвала комсомольцев более активно участвовать в решении ответственной задачи по превращению Дагестана в республику сплошной грамотности¹²⁵.

Движение культармейцев расширялось, вовлекая все более широкие массы населения в обучение грамоте. В 1933 г. в ликпунктах обучалось 122802 неграмотных и 122803 малограмотных, в 1934 г. – соответственно 76542 неграмотных и 80533 малограмотных¹²⁶.

Большое участие в проведении мероприятий по ликвидации неграмотности, проведении культсанштурма, объявленного по решению бюро Дагестанского обкома партии в октябре 1931 г., принимали коммунисты, комсомольцы и трудящиеся массы. Важнейшими задачами культсанпохода были определены превращение Дагестана в республику сплошной грамотности, развитие здравоохранения, мобилизация трудящихся масс на борьбу с антисанитарией, строительство культурно-бытовых и лечебных учреждений, водопроводов.

В решении этих непростых задач большую помощь республике оказали рабочие Москвы, Ленинграда, других городов, а также трудящиеся республик и областей Северного Кавказа. Московское общество «Долой неграмотность» собирало средства в фонд ликвидации неграмотности населения Дагестана, для оказания помощи направляло сюда своих представителей, посылало книги, карандаши, учебные пособия, в которых испытывался острый недостаток¹²⁷.

Для участия в проведении культсанпохода по направлению северокавказских краевых организаций в Дагестан прибыли 325 человек и на постоянную работу в школах и органах народного образования – 46 человек. Ростовский горсовет выделил Дагестану 300 тыс. руб., 5200 учебников и методических пособий, 272 комплекта одежды и обуви для детей и разной одежды на сумму в 20600 руб., послал в Дагестан 2 бригады культармейцев. Такие бригады в Дагестан были посланы также из Кабарды, Северной Осетии, Карачая, Адыгеи.

В проведении культсанпохода активное участие принимали дагестанские поэты Г. Цадаса, А. Аджаматов, А. Фаттахов, художники М.Ю. Юнусилау, М. Джамал и другие творческие работники. Трудной, но благодарной

работе культурмейцев было посвящено стихотворение Г. Цадасы «Призыв культурмейцев», написанное в 1932 г. В том же году вышло стихотворение А. Фаттахова «Культсанштурм»¹²⁸.

Посильную помощь в проведении культсанпохода оказывало население республики. Жители многих аулов устраивали субботники по заготовке топлива для школ и ликпунктов, собирали средства на покупку необходимого инвентаря, передавали столы, стулья, скамьи, в которых нуждались школы. Добровольные взносы трудящихся на культсанштурм составили 375000 руб. На эти цели Центральный штаб по культсанпоходу изыскал для республики 360000 руб.¹²⁹

В годы второй пятилетки были приняты меры к повышению грамотности взрослого населения. В 1934/35 гг. вместо 6-месячных ликпунктов были созданы трехгодичные школы взрослых. В них на первом году обучения должна была ликвидироваться неграмотность, на втором – малограмотность и на третьем году давалась общеобразовательная подготовка в объеме начальной школы.

Обучение грамоте взрослых оставалось под постоянным вниманием партийных и советских органов. 16 января 1936 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление «О работе по обучению неграмотных и малограмотных», вслед за этим 30 декабря 1936 г. было принято постановление «О ходе работы по обучению неграмотности и малограмотности в Дагестанской и Адыгейской автономной области». Выполняя решения вышестоящих организаций, партийные, советские, комсомольские и общественные организации, органы народного образования республики стали проводить специальные рейды по выявлению недостатков в проведении культсанпохода и охватываемых взрослых всеобщим. Был проведен персональный учет неграмотных и малограмотных по районам, составлены конкретные планы по их обучению. В результате к концу второй пятилетки удалось ликвидировать неграмотность среди 75,4% населения республики и малограмотность – среди 82% взрослых¹³⁰.

Выполнение программы по всеобщему начальному образованию позволило перейти к новому этапу образования – семилетнему. В течение первой пятилетки в городах Дагестана в основном был осуществлен переход к семилетнему образованию. X Вседагестанский съезд Советов, состоявшийся в январе 1935 г., поручил правительству осуществить всеобщее обязательное обучение в объеме семилетки и на селе.

Решение таких больших задач требовало подготовки педагогических кадров, соответствующих новым требованиям. Для удовлетворения потребностей в квалифицированных национальных кадрах педагогов в 1934 г. педкомбинаты были реорганизованы в педагогические техникумы с переводом преподавания в них на русский язык. В имеющихся и вновь организованных педтехникумах резко увеличился прием учащихся из числа представителей народов Дагестана. В 1935–1936 г. в 7 педтехникумах обучалось 2644 человека, в 1936 г. педтехникумы окончил 471 человек, что значительно пополнило учительские кадры¹³¹.

В республике расширилась учебная база подготовки учительских кадров. В предвоенные годы в Дагестане функционировали педагогический и учительский институты, педагогические училища. Кроме них имелись рабфаки, годичные и двухгодичные курсы, которые также вели подготовку учителей. Существовала и заочная форма обучения, пополнявшая кадры учителей. В 1940/41 учебном году в школах работали 7347 учителей, в том числе на селе 6271 человек¹³².

В 1938 г. в культурной жизни Дагестана произошло важное событие, связанное с переводом письменности дагестанских народов с латинского на русский алфавит. Однако и этот переход, как и переход в 1928 г. с арабского шрифта на латинский, не был осуществлен по приказу сверху, как пишут ныне некоторые исследователи¹³³. Решение этих вопросов рассматривалось на разных уровнях и заняло немало времени.

25 июля 1937 г. бюро Дагестанского обкома партии, учитывая интересы экономического, политического и культурного развития республики, а также пожелания трудящихся, приняло постановление «О переходе письменности дагестанских народов на русскую графику»¹³⁴. Вслед за этим вопрос о переводе дагестанских народов на русский алфавит рассматривался на Президиуме ДагЦИКа, на котором с основным докладом выступил директор национальной культуры Г. Гаджибеков. Необходимость перехода на новый алфавит он обосновывал тем, что параллельное существование двух алфавитов – латинского и русского, создавало большую путаницу в школах, учащиеся часто путали и смешивали буквы русского и латинского начертаний, такой переход помог бы быстрее создать современную полиграфическую базу и, наконец, дагестанские народы испытывали огромную тягу к изучению русского языка, что также нельзя было сбрасывать со счетов¹³⁵.

На основе таких обсуждений и учитывая, что Кабардино-Балкария и ряд других республик начали переход на русский алфавит, Дагестанский обком партии 31 августа 1937 г. обратился с письмом к секретарю ЦК ВКП(б) А. Андрееву с просьбой перевести письменность дагестанских народов с латинизированного на русский алфавит. 1 октября 1937 г. ходатайство Дагестана было рассмотрено на заседании Президиума ВЦИК под председательством М.И. Калинина. ВЦИК разрешил перевод письменности дагестанских народов, за исключением тюркского, с латинизированного на русский алфавит¹³⁶.

Подобные обращения ускорили решение вопросов, связанных с переходом на русскую письменность. Плепум ЦК ВКП(б), состоявшийся в октябре 1937 г., дал поручение начать разработку проекта закона об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей.

Вопросы введения обязательного преподавания русского языка в нерусских школах обсуждались на совещании в Центральном Комитете партии 7 марта 1938 г. К этому же дню относится обращение Н.К. Крупской, работавшей в то время в Наркомате просвещения РСФСР, с письмом к И.В. Сталину, в котором она высказала поддержку введению обучения на русском языке во всех школах СССР. Вместе с тем она выразила беспокойство тем,

как это обучение будет проводиться. Введение преподавания письма и чтения на первом году обучения, введение единого для всех народностей букваря, переведенного с русского, она считала вредным в связи с тем, «...что начинает показывать немного рожки великодержавный шовинизм».

После совещания в Центральном Комитете было принято постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей»,¹³⁷ сыгравшее огромную роль в изучении русского языка и превращении его в язык межнационального общения в стране.

Но и после таких обсуждений и решений переход на новую письменность не мог быть осуществлен сразу. На местах необходимо было провести подготовительную работу для обеспечения перевода школ на русскую письменность. Специальная комиссия, созданная правительством республики в составе представителей печати, школ, научных учреждений и других специалистов, разработала проекты алфавитов на основе русской графики для аварского, даргинского, лезгинского, кумыкского, лакского, табасаранского, ногайского и татского языков. Проекты алфавитов были направлены на ознакомление специалистов Ленинградского института языка и мышления, которые их одобрили.

После такой большой работы 4 февраля 1938 г. бюро Дагестанского обкома партии и ЦИК ДАССР приняли постановление «О переводе письменности народностей Дагестана с латинизированного на русский алфавит»¹³⁸. Для перевода газет, а также делопроизводства в местных Советах на русский алфавит устанавливался срок до 1 июля 1938 г. В школах перевод письменности на русский алфавит должны были завершить к началу 1938/39 учебного года.

Для быстрого освоения нового алфавита райисполкомы организовывали специальные курсы, семинары. В республиканской печати на русском и родных языках публиковались статьи, разъясняющие значимость ожидаемого перехода на русскую письменность, ее преимущества по сравнению с латинским алфавитом. Русский алфавит, по убеждению многих представителей дагестанской интеллигенции, выступавших в печати, облегчит работу учителей по преподаванию и изучению как русского языка, так и других предметов, ускорит его усвоение учащимися, поможет дагестанцам знакомиться и приобщаться к выдающимся достижениям русской культуры.

Вместе с тем в переходе на русский язык было сделано одно исключение в отношении тюркоязычного населения Дербентского, Табасаранского и Рутульского районов. Преподавание и обучение в школах этих районов на новом алфавите начиналось с 1 сентября 1940 г., в первую очередь в младших классах после подготовки учителей и обеспечения школ необходимыми учебниками и учебными пособиями. Делопроизводство в сельских Советах в тех же районах переводилось на русский язык с 1 января 1940 г.¹³⁹

Приведенные факты показывают, что переходы от одной письменности к другой в Дагестане, как и в других регионах страны с мусульманским населением, не проводились скоропалительно и такие решения подготавливались

и принимались после многократных обсуждений с привлечением специалистов. В то же время трехкратное изменение письменности дагестанцев в течение 30 лет не могло пройти без накладок, отразившихся негативно на темпах культурного строительства. Возможно, если не наверняка, то переход к русской письменности с самого начала без промежуточного латинского алфавита помог бы еще более ускорить культурное развитие дагестанских народов. Однако политические и другие соображения, о которых говорилось выше, повлияли на то, чтобы осуществить переход на русскую письменность в том варианте, в котором он был осуществлен.

В связи с тем, что в Дагестане учителей, знающих русский язык, было мало, то в решении этой проблемы большую помощь оказал центр. Только в 1940 г. в школы республики было направлено более 320 учителей русского языка для начальных классов и свыше 500 преподавателей семилетней и средней школы.

К этому надо добавить, что дагестанские вузы и техникумы в том же году дали школам, лечебным и культурно-просветительным учреждениям 529 учителей, работников народного здравоохранения, искусства¹⁴⁰. В республике в 1939 г. имелся 2751 человек с законченным высшим образованием. Грамотность населения по переписи населения 1939 г. представляла в следующем виде: в возрасте 9–49 лет грамотных насчитывалось 82,3%, в том числе мужчин – 89% и среди женщин – 75,5%¹⁴¹. В предвоенные годы средние школы функционировали не только в городах, но и во многих районных центрах и крупных сельских населенных пунктах. Общее количество школ составляло 1329 с охватом 214,3 тыс. учащихся¹⁴².

В 20–30-е гг. XX в. в развитии народного образования в Дагестане, ликвидации неграмотности взрослого населения были достигнуты большие успехи. Как партийные, советские, общественные организации и органы народного образования, так и все население уделяли постоянное внимание строительству школ, завершению перехода к всеобщему обязательному начальному образованию, расширению сети школ, открытию средних школ в городах и во многих районах. Значительное внимание уделялось подготовке и изданию учебников, учебных пособий на родных и русском языках, подготовке и повышению квалификации учительских кадров. Серьезным достижением тех лет стало открытие в Махачкале педагогического и учительского институтов, функционирование в Махачкале и других городах республики педтехникумов, ослабивших остроту вопроса о подготовке учительских кадров.

В довоенные годы в развитии дагестанской советской школы были достигнуты огромные успехи. Менее чем за 20 лет, несмотря на то, что в Дагестане от аджама перешли вначале на латиницу, затем на русскую графическую основу, на что уходила масса времени, все же в образовании народа были достигнуты определенные успехи, на которые при иной общественно-политической системе ушли бы десятилетия и столетия. Достаточно сказать, что за эти годы в Дагестане было введено всеобщее начальное обучение, начат переход к всеобщему семилетнему обучению детей, грамотность населения достигла 80%. В 1940/41 учебном году в республике насчитывалось

свыше 1300 школ, в которых обучалось более 210 тыс. учащихся, или в 30 раз больше, чем в 1915/16 учебном году¹⁴³.

Одним из важнейших орудий в борьбе за новую культуру в Дагестане стал русский язык. В 1938/39 учебном году преподавание в 5–10-х классах дагестанских школ было переведено на русский язык, а родной язык сохранялся как учебный предмет. Это помогло ликвидировать тот пробел в знаниях выпускников школ, который мешал им при поступлении в высшие и средние специальные учебные заведения.

Большие изменения произошли в количестве и составе преподавательских кадров школ. В 1940 г. их численность доходила почти до 6 тыс. человек, или в 15 раз больше, чем до революции. В своей основной массе это были новые кадры, вышедшие из гуши народа, получившие высшее или среднее специальное образование, прошедшие подготовку в педагогических учебных заведениях. Среди них было и немало преподавателей, направленных в Дагестан из центральных регионов и имеющих хорошую подготовку.

Вместе с тем основной базой подготовки педагогических кадров для республики стали местные учебные заведения. В 1934 г. были реорганизованы педкомбинаты, они были переведены на русский язык обучения. Аварский педтехникум был переведен в Буйнакск, а лезгинский – в Дербент. Были открыты еще 4 педтехникума – Сергокалинский, Хасавюртовский, Лакский и 2-й Буйнакский. В довоенные годы в них обучалось более 2780 учащихся.

Открытый в 1931 г. агропедагогический институт в 1932–1933 гг. был преобразован в педагогический с отделениями математики, физики, химии, истории, биологии, языка и литературы. В 1935 г. на базе пединститута был создан Дагестанский учительский институт с двухлетним сроком обучения. При обоих институтах были открыты заочные отделения¹⁴⁴.

Советская власть проявляла постоянную заботу о повышении роли учителя в деле просвещения широких народных масс, всемерном улучшении его жизненных условий и потребностей. В годы двух послевоенных пятилеток учителям и другим школьным работникам была повышена заработная плата, введены периодические надбавки за выслугу лет, установлена дифференцированная оплата в зависимости от образования, качества работы и повышения ими квалификации, установлены почетные звания и награды отличникам народного образования.

Большая группа учителей Дагестана (35 человек) в 1939 г. за особые заслуги в деле обучения и воспитания подрастающего поколения была награждена орденами и медалями СССР. Среди них были и такие опытные педагоги, как М. Муталимов, А. Тучкова, Т. Нагиев, А. Абакаров, Б. Алиев, К. Гасанов и другие. В 1940 г. старейшим работникам народного образования Дагестана С. Омарову, М. Петровой, В. Криштопе и М. Меджидову были присвоены почетные звания заслуженного учителя ДАССР¹⁴⁵.

Достигнутые за эти годы успехи в развитии общеобразовательных школ, подготовке учительских кадров сыграли значительную роль в росте

общеобразовательных знаний и культуры населения, формировании советской интеллигенции Дагестана.

§ 4. Становление и развитие литературы, науки и искусства

Советская власть открыла невиданные ранее возможности для раскрытия и расцвета многонациональной литературы Дагестана, вобравшей в себя лучшие традиции народной поэзии. Дагестанская литература 20-х гг. XX в. переживала новый этап в своем развитии, связанный с эстетическим освоением новой социальной действительности. Героем эпохи становился человек, начавший сознавать свою высокую миссию в жизни и уверенно входивший в литературу. Не обратить на это внимания не могла и новая литература, которая устами М. Горького в начале XX в. провозгласила: «Человек!.. Это звучит гордо!.. Надо уважать человека»¹⁴⁶.

Призыв пролетарского писателя не остался безответным. Идейно близкие к народу поэты и писатели старались изображать в своих произведениях человека-героя, раскрывая его отличительные черты и психологию. После победы пролетарской революции литература стремилась изображать нового героя эпохи – пролетария. Однако в Дагестане, где пролетариат был представлен еще слабо, главным героем литературы долгое время оставался горец-крестьянин¹⁴⁷.

Вторая половина 20-х гг. была временем большого перелома, когда трудящиеся Дагестана приступали к социалистическому строительству, утверждению новых общественных отношений, литература искала в буднях новостроев свое место, свою нишу. Главную свою задачу она видела в развенчании религиозных пережитков, отсталых и вредных обычаев, кровной мести, борьбе за раскрепощение горянки и утверждение в быту новых отношений. Наиболее ярко эти задачи звучали в произведениях поэтов старшего поколения: С. Стальского, Г. Цадасы, А. Магомедова, А. Иминагасва, Р. Нурова, Т. Хрюгского, Н. Ханмурзаева и других.

Уже сами названия стихотворений С. Стальского тех лет: «Наша власть», «Наставление», «Выдача девушки за старика», «Против поста», «О невежде, мнящем себя знатоком» и другие – свидетельствуют о проблемах, которые волновали поэта. Эти вопросы были созвучны интересам широких крестьянских масс, находили у них отклик. Они получили широкую известность и были изданы отдельными сборниками как на лезгинском, так и на русском и дагестанских языках.

Жизнь и быт горцев, переход на новые алфавиты, ликвидация неграмотности, радиофикация и благоустройство аула заняли большое место в произведениях другого широко известного поэта – Г. Цадасы. Его остро критическое высмеивание в своих стихотворениях таких пережитков прошлого,

как кровная месть, ношение чохбы, кинжала, находили отклик в сердцах его многочисленных поклонников.

В горниле гражданской борьбы появилась целая плеяда поэтов и писателей, которые активно включились в революционное движение, а некоторые из них погибли в схватке с внутренней контрреволюцией и внешней интервенцией. Как писал журналист, писатель и ученый С. Габиев, «1919 г. был годом настоящей революции на Северном Кавказе и в Дагестане, когда все живые силы, какие только были, оказались втянутыми в борьбу за свободу и Советскую власть...»¹⁴⁸.

Активный участник борьбы за установление советской власти в Дагестане кумыкский поэт З. Батырмурзаев в первом номере журнала «Танг-Чолпан», вышедшем в августе 1917 г., опубликовал стихотворение, в котором выражалась уверенность в пробуждении Дагестана к новой жизни¹⁴⁹. Лакский поэт и драматург Г. Саидов в 1919 г. написал стихи, ставшие революционной песней красных партизан¹⁵⁰. Оба они, З. Батырмурзаев и Г. Саидов, осенью 1919 г. были расстреляны денкинцами и их пособниками из Дагестана.

Главным пафосом в творчестве даргинского поэта Р. Нурова, как и других участников борьбы за власть Советов, стал призыв к борьбе за свободу. В стихотворении «Проснись, Дагестан» (1919 г.) он призывал дагестанцев к восстанию против денкинцев, установивших в горном крае свою жестокую антинародную власть.

Отзвуки Гражданской войны можно найти и в произведениях других, более молодых участников тех революционных событий: Б. Астемирова, З. Гаджиева, А.К. Закуева, И.-Х. Курбаналиева и других¹⁵¹.

Если в годы Гражданской войны в творчестве дагестанских поэтов преобладали мотивы, призванные воодушевить народы на борьбу за свое социальное освобождение, то в 20-е годы их пафос переключился на мирное строительство, утверждение новых общественных отношений, охватывающих широкий круг вопросов, в том числе семьи, быта, общества в целом. В соответствии с новыми задачами расширилась и тематика дагестанской литературы. С этим было связано появление в этот период новых жанров и стихотворных форм, выявление новых талантов.

Особое место в творчестве дагестанских поэтов тех лет заняли вопросы просветительства. В поэзии С. Стальского, М. Чаринова А. Иминагаева, Н. Ханмурзаева, Т. Бейбулатова тема просвещения затрагивается в связи с революционным преобразованием действительности. Наиболее ярко такая постановка этой проблемы звучала у А. Иминагаева, который призывал: «Учись, товарищ», ибо знание служит верной защитой от врагов. Табаранский поэт, просветитель З. Курихи возлагал на просвещение все надежды. В одном из стихотворений он писал: «Дети, постигающие науку, – вот наше богатство, они наше будущее, свет и счастье»¹⁵².

Нужно заметить, что такие агитационно-призывные мотивы присутствовали в произведениях многих поэтов тех лет. Несмотря на такую прямолинейность, они хорошо воспринимались крестьянской массой, жаждавшей по-

этического слова, и способствовали повышению интереса детей и взрослых к учебе и образованию.

Советская власть оказывала большую помощь развитию творчества дагестанских поэтов и писателей. Многие их произведения публиковались в периодической печати. Аварская газета «Красные горы» («Горец» – публиковала стихи Г. Цадасы, кумыкская газета «Елдаш» – стихи А. Магомедова, даргинская газета «Дарган» – стихи А. Иминагаева, стихи и рассказы С. Абдуллаева. Да и сама публикация стихотворений воспринималась поэтами с большим воодушевлением. Поэт А.-В. Сулейманов после опубликования в газете «Елдаш» своего стихотворения признавался, что он встретил это событие как праздник¹⁵³.

Благодаря газетам с творчеством поэтов знакомились многие жители Страны гор. Их тиражи в 1929 г. доходили соответственно до 2200, 4500 и 1300 экземпляров¹⁵⁴.

Другой формой знакомства читателей с творчеством полюбившихся им поэтов стали издания их произведений отдельными книгами. В 1926 г. были изданы «Сборник кумыкских песен», «Сочинения» М. Алибекова и «Сочинения» М.-Э. Османова, а также несколько кумыкских пьес. В 1927 – 1928 гг. вышли сборники стихов С. Габиева, А. Салаватова, Махмуда из Кахаб-Росо и О. Батырая¹⁵⁵.

С развитием издательского дела в республике появились более широкие возможности для популяризации произведений художественной литературы. В 1931 г. были изданы книга З. Гаджиева «Аварские песни», сборник стихов Н. Ханмурзаева «Смех сквозь слезы», повесть А.-В. Сулейманова «Герой победы», в 1932 г. сборники стихов А. Магомедова «Слушайте, о чем поет поэт» на кумыкском языке и А. Фаттахова «К победе» на лезгинском языке, пьесы З. Гаджиева и другие. В том же году был издан сборник «Дагестанские поэты». Это было первое издание произведений дагестанских поэтов, переведенных на русский язык.

Но особенно большое значение в культурной жизни Дагестана имели переводы произведений русских поэтов и писателей на дагестанские языки. Как отмечал литературовед Э. Ю. Кассиев, «связь с русской культурой ускорила развитие отечественной (дагестанской. – А.О.) культуры и объективно способствовала формированию новой идеологии, отвечавшей национальной действительности, ее потребностям...»¹⁵⁶.

Расширению и углублению таких связей способствовали переводы на дагестанские языки произведений русских писателей и поэтов и их издание. Наряду с произведениями Л. Н. Толстого на разных дагестанских языках были изданы переводы стихотворений Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Кольцова и Маяковского¹⁵⁷.

Более широкие возможности для освоения опыта русской литературы поэтами и писателями национальных республик и областей открылись после создания в соответствии с постановлением ЦК ВКП (б) от 23 апреля 1932 г. «О перестройке литературно-художественных организаций» Союза писателей СССР.

Создание союза писателей республики. Дагестанский обком партии, руководствуясь постановлением ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций» (апрель 1932 г.), принял решение об организации Союза писателей Дагестана. Был создан оргкомитет, который приступил к объединению писательских сил республики, вовлечению в литературный процесс талантливых певцов и поэтов из рабоче-крестьянской среды. Во многие районы республики были направлены бригады литературных работников, которые помогали создавать там литературные кружки. Оргкомитет Союза писателей Дагестана, учитывая его многонациональный характер, организовал литературные секции: русскую, аварскую, даргинскую, кумыкскую, лезгинскую и лакскую¹⁵⁸. 3 декабря кумыкская секция оргкомитета организовала вечер встречи с кумыкскими поэтами А. Магомедовым и А. Казияу. Такие вечера проводили и другие секции. В июне прошли вечера С. Стальского, З. Гаджиева¹⁵⁹.

Было усилено внимание к изданию произведений дагестанских поэтов и писателей. В 1933–1934 гг. вышли из печати: «Избранные произведения» С. Стальского, сборники стихов «Метла адатов» Г. Цадасы, «Новый мир» А. Гафурова, а также произведения Н. Ханмурзаева, А. Аджаматова, А. Фатахова, Р. Нунова и других¹⁶⁰.

Большую помощь молодым дагестанским литераторам оказывали русские поэты и писатели. В январе 1934 г. по инициативе председателя Всесоюзного оргкомитета Союза писателей М. Горького в Дагестан была направлена бригада писателей и литераторов в составе А. Аршаруни, профессора Ю. Соколова, А. Смирнова, Р. Фатуева и Л. Пасынкова. В Дагестане в состав бригады был введен ответственный секретарь оргкомитета Союза писателей Дагестана Э. Капиев¹⁶¹.

Вторая бригада писателей прибыла в Дагестан летом того же года. В ее составе были такие известные поэты и писатели, как П. Павленко, Н. Тихонов, В. Луговской и др. Они посетили многие районы и города республики, проводили встречи с местными творческими силами, знакомили молодых литераторов со своими планами, выступали с лекциями перед научной общественностью и литераторами.

В период их пребывания и с участием гостей проходили творческие вечера по вопросам литературы. Все это способствовало активизации молодых литераторов, росту их культурного уровня и взаимных связей.

Крупным событием в культурной жизни Дагестана стал Первый съезд писателей Дагестана, состоявшийся в июне 1934 г. в Махачкале. (июнь 1934 г.). В нем участвовало 100 делегатов, что само по себе свидетельствовало о значимости события. Съезд продемонстрировал рост литературных сил Дагестана, подытожил работу по объединению писательских сил и наметил пути более быстрого развития литературы. В дни работы съезда старейшим поэтам Сулейману Стальскому, Гамзату Цадасе и Абдулле Магомедову было присвоено почетное звание народного поэта Дагестана. Им были установлены персональные пенсии в размере 200 руб. в месяц и выдано по-

сobie по 500 руб. каждому. Это была большая материальная и моральная поддержка старейшим поэтам¹⁶².

В августе 1934 г. состоялся Первый съезд советских писателей СССР. От писателей Дагестана на съезде приняли участие С. Стальский, Г. Цадаса, А. Магомедов, Б. Астемиров, А. Аджаматов. В дни работы съезда произошла встреча М. Горького с С. Стальским¹⁶³, которого на съезде он назвал «Гомером XX века» и призвал беречь людей, «способных создавать такие жемчужины поэзии, какие создает Сулейман»¹⁶⁴.

Два этих крупных общественно-политических мероприятия сыграли благотворную роль в жизни и творческой деятельности дагестанских поэтов и писателей. Творчество С. Стальского стало широко известно не только в Дагестане, но и во всем Союзе. В 1936–1940 гг. в издательствах Москвы на русском языке были изданы 6 раз стихи С. Стальского тиражом около 70 тыс. экземпляров.

Родоначальник аварской литературы Г. Цадаса в своих поэтических и драматургических произведениях, созданных в предвоенные годы, отобразил те крупные преобразования, которые произошли в общественно-политической и культурной жизни горцев. Как и сама жизнь, тематика его творчества была разнообразна, что показывает и название его стихотворений: «Привет Украине», «Книга», «Новый алфавит», «Водопровод в ауле Цада» и другие. В те годы проявились и новые грани таланта Цадасы, обратившегося к драматургии. Его пьесы «Дети Хирача» и «Разоблаченный шейх» тепло были приняты зрителем¹⁶⁵.

Немалый вклад в развитие дагестанской литературы в период перехода к мирному строительству вносили такие видные ее представители, как А. Гафуров, А. Иминагаев, А. Салаватов, З. Гаджиев, Н. Ханмурзаев, а вслед за ними более молодые литературные силы А. Фаттахов, Р. Динмагомасв, А.-В. Сулейманов, Ю. Гереев, Э. Капиев, А. Аджаматов, М. Хуршилов и многие другие¹⁶⁶.

Ярко о себе заявил молодой писатель Э. Капиев (1909–1944 гг.), несмотря на молодость прошедший большую жизненную школу: сельский учитель, литературный работник республиканской кумыкской газеты «Елдаш», редактор Дагестанского книжного издательства, ответственный секретарь Союза советских писателей, он начал с собирания и популяризации дагестанского фольклора¹⁶⁷. Сборники «Дагестанские поэты» (1932 г.), «Антология дагестанской литературы» (1934 г.), «Резьба по камню» (1939 г.) и «Песни гор» (1940 г.) были изданы в его переводах на русский язык¹⁶⁸. Писатель Э. Капиев, на Первом съезде писателей Дагестана воскликнувший «Да здравствует зрелость и никаких скидок»¹⁶⁹, требовательно относился не только к творчеству своих коллег, но и к собственным творениям. Его талантливая книга «Поэт» (1940 г.), зародившаяся у него в результате длительного общения с народным поэтом Дагестана С. Стальским, получила всесоюзную известность. Крылатая капиевская фраза стала мерилом самооценки дагестанских поэтов и писателей, писавших как на родных, так и на русском языках.

Русская культура и русский язык оказали благотворное влияние на развитие многонациональной литературы и искусства Дагестана.

Формирование в Дагестане системы государственной организации науки. Одной из труднейших задач молодой дагестанской советской республики стало восстановление народного хозяйства, изучение природных богатств, что позволило бы быстрее поднять экономику. Руководство республики хорошо сознавало, что решение этой задачи без науки невозможно. В период Гражданской войны те незначительные научные силы, которые были в Дагестане, или погибли, или эмигрировали за границу. В этой связи за помощью пришлось обратиться в Москву. В 1921 г. там была организована первая научно-техническая экспедиция для изучения природных богатств Дагестана, на которую возлагались большие надежды. Однако, закончив срок пребывания в республике, участники экспедиции разбежались, не предоставив даже отчета о своей работе.

Неудача с организацией первой экспедиции привела к необходимости создания в Москве такой постоянной организации, которая могла бы объединить научные силы, способные вести такую работу. В апреле 1922 г. Совнарком ДАССР при Московском пречистенском практическом институте организовал Институт по изучению Дагестана. Если судить по уставу института, он должен был заниматься исследованием природных ресурсов, сельского хозяйства, промышленности, кустарного производства, населения, демографических проблем, истории горного края, организацией экспедиций в Дагестан и другими вопросами¹⁷⁰.

Благодаря созданному в Москве институту и усилиям дагестанского правительства число организуемых в республику экспедиций и масштабы их работы увеличились и расширились. Только с 1921 по 1927 гг. Дагестан посетили 156 экспедиций. В 1922 г. экспедиции занимались в основном изучением почвенного покрова Дагестана.

С 1923 г. по 1927 г. большая работа была проведена по геологическому изучению Дагестана. Геологическая экспедиция под руководством В.Д. Голубятникова обследовала выходы газов в районе Дагестанских Огней, Дузлака и др. Нефтеразведочные работы на территории Хасавюртовского округа и Махачкалинского района проводились К.П. Калицким, А.С. Либровичем, Д.В. Дробышевым и другими. Геологоразведочные работы в Дагестане осуществляли Грознефть, Нефтяной институт и другие организации.

Особенно значительные работы развернулись по изучению истории, археологии, языка, фольклора народов Дагестана. В 1923–1927 гг. состоялись экспедиции в Дагестан лингвистов Н.Ф. Яковлева, Л.И. Жиркова, искусствоведов А.С. Башкирова, Н.Б. Бакланова, этнографов Измайлова, Барькина и других, приезжавших из Москвы. Они побывали в Кайтаго-Табасаранском, Лакском, Гунибском, Андийском, Кюринском, Самурском округах, Дербентском, Карангайском районах. Они собрали большой материал по дагестанским языкам, этнографии, материальной культуре, провели археологические разведывательные раскопки, обследовали состояние художественных промыслов аула Кубачи и т. д. По итогам экспедиций были изданы «Грамматика

даггинского языка», «Язык аула Кубачи», «Грамматика аварского языка», «В Лакском округе Дагестана», «Аул Кули», «Средневековый памятник дагестанского аула Кала-Корейш», «Петрографика Аварии», «Искусство Дагестана» и другие.

Экспедиция 1-го Московского университета произвела географические, геологические и этнографические обследования района Андийского Койсу и его истоков¹⁷¹. Ассоциацией востоковедения, организованной по инициативе Наркомпроса и руководимой профессором А. Башкировым, в 1923 г. была проведена археологическая разведка в Буйнакском, Аварском, Гунибском и Андийском округах. Она выявила до 50 интересных памятников V–XV веков¹⁷².

К работе экспедиций проявляли постоянное внимание руководящие органы республики, которые финансировали и заслушивали их отчеты. 24 августа 1923 г. в здании Совнаркома состоялось совещание ответственных работников республики, на котором с отчетами выступили Н.Ф. Яковлев, Н.Б. Бакланов и А.С. Башкиров. На совещании решено было наиболее интересную часть собранного экспедицией материала отправить на выставку. Кроме того, «в целях возбуждения к Дагестану общественного интереса, развития туризма и, главное, ввиду постановки изучения нашей страны на твердую научную почву», решили научные труды экспедиции издать отдельной книгой тиражом 1000 экземпляров на русском и 500 экземпляров на французском языках.

Совещание не полностью было удовлетворено работой экспедиции. В частности, отмечалось, что экспедицией была проделана меньшая часть взятая на себя работы, большая же часть ее работы была отложена на 1924 г.¹⁷³

23 августа 1923 г. на расширенном заседании Президиума ЦИКа и Совнаркома ДАССР был заслушан вопрос «О результатах Дагестанской экспедиции под руководством профессора Н.Ф. Яковлева». Экспедиция работала в основном в Дербентском районе и Кайтаго-Табасаранском округе. Она изучала и собирала материалы по языкам, архитектуре, археологии. Особое внимание было уделено изучению кустарно-ювелирного искусства кубачинцев.

На заседании результаты работы экспедиции были признаны удовлетворительными и отмечена необходимость организации в 1924–1925 гг. выставок кубачинских ювелирных изделий в Москве, Ленинграде и за границей, а также дагестанской выставки в этих городах. Также решено было издать материалы работы конференции¹⁷⁴.

Два года работы института в составе Московского пречистенского института, когда была предпринята попытка с привлечением небольших научных сил охватить как можно более широкий спектр исследований, без соответствующего финансового обеспечения не дали ожидаемых результатов. Сказывалась и отдаленность института от исследуемого объекта.

В 1924 г. при Наркомате просвещения ДАССР был организован Научно-исследовательский институт, призванный заниматься главным образом изучением истории и культуры дагестанских народов¹⁷⁵. Как видно из отчета

за 1925 г., институт создал совет по обследованию и изучению Дагестана, на котором были заслушаны 24 доклада. С участием института были организованы 7 экспедиций, в них приняли участие крупные научные силы из центра ¹⁷⁶.

Такое внимание в республике к науке пробудило у дагестанских студентов, обучающихся в центральных вузах, интерес к научным исследованиям. Как сообщала газета «Красный Дагестан» в номере за 9 февраля 1925 г., горское студенчество, разбросанное по крупным университетским центрам СССР, стремится к совместному, более углубленному изучению своего края. Особую активность в этом плане развил кружок горского студенчества в Ленинграде, которым руководил академик Марр. Работе кружка помогали такие крупные кавказоведы, как профессор А.А. Миллер, директор Эрмитажа И.А. Орбели и др.

Кружок был организован по инициативе дагестанского студенчества. Заниматься краеведением и научными исследованиями выражали желание и студенты Дагестана, обучавшиеся в Москве, Ростове, Баку и других городах.

Студенты-дагестанцы, обучающиеся в московских вузах, для связи с республикой и налаживания краеведческой работы организовали бюро связи и краеведения (Добрынин, Саид Омаров, Пашасв). В рамках краеведения они решили заниматься следующими проблемами: географические и геологические особенности края; этнографические и этнологические особенности края; экономические и культурные особенности края; история края. Бюро связи и краеведения обратилось с соответствующими предложениями в Дагестанский обком партии.

Студентов, обучавшихся в крупных вузах страны, было немало, и республика поддерживала с ними связь. В 1920–1924 гг. для подготовки работников разных специальностей в различные учебные заведения страны из Дагестана было командировано 245 человек ¹⁷⁷. В 1925/26 учебном году число студентов-дагестанцев выросло до 329 человек ¹⁷⁸.

Для налаживания постоянных связей со студентами Дагестана, обучающимися в вузах страны, бюро Дагестанского обкома партии в 1922 г. приняло ряд решений, направленных на выделение им республиканских стипендий, посылку газет, дачу различных поручений по изучению Дагестана, во время их приезда на каникулы они привлекались к практической работе. 9 наркоматов и хозяйственных организаций республики выделили к марту 1923 г. 81 стипендию в размере от 75 до 500 руб. в золотом исчислении.

Наркомзем Дагестана «...8 июля 1922 г. принял решение ввиду оказания помощи и молодым людям, желающим получить высшее сельскохозяйственное образование» установить десять стипендий в триста довоенных золотых рублей. Они были распределены студентам, обучающимся в Петровско-Разумовской академии, Новоалександровском институте (г. Харьков), в межевом институте (Москва) ¹⁷⁹.

Начиная с 1920 г. в республике были открыты учреждения, призванные собирать и охранять памятники истории и культуры дагестанских народов, широко знакомить с ними общественность. Секция охраны памятников ис-

кусства и старины Дагевкома в июле 1920 г. открыла в Темир-Хан-Шуре «народный музей Дагестана» ¹⁸⁰.

Газета «Красный Дагестан» 8 октября 1923 г. сообщала, что в Махачкалу из Буйнакска доставлены остатки «народного музея» – 70 предметов, снимков и рисунков. 14 ноября 1923 г. в той же газете сообщалось о возникновении двух новых учреждений научного характера – музея дагестановедения и Центрального архивного управления. К середине 1924 г. Центральный архив республики располагал свыше 15 тыс. дел, 650 планами и картами и около 2 тыс. наименований печатных изданий.

Одновременно с музеем была открыта Дагестанская государственная научная библиотека. К апрелю 1926 г. в ней насчитывалось около 18 тыс. экземпляров книг ¹⁸¹.

В октябре 1925 г. открылась Дагестанская областная сельскохозяйственная селекционная станция, которой была отведена земельная территория в районе г. Дербента. В других отраслях организовывались опытные станции и научные лаборатории: Дагестанская научно-промышленная лаборатория (1925 г.), Станция защиты растений НКЗема (1926 г.), Кизлярская опытно-мелиоративная станция (1924 г.), опытный участок по сортоиспытанию зерновых культур в Хасавюрте (1927 г.), Хасавюртовское опытное хлопковое поле (1925 г.), Опытный рассадник американских виноградных лоз и другие ¹⁸².

Страшным бичом для населения Дагестана были массовые заболевания малярией. Для научной организации работы по борьбе с малярией 28 апреля 1928 г. был создан Дагестанский тропический институт Наркомздрава ДАССР ¹⁸³. Институт объединил усилия медицинских работников по борьбе с малярией и другими тропическими заболеваниями, руководил работой малярийных станций и малярийных отрядов. Благодаря такому объединению усилий всех служб и работников, занятых решением этой задачи, за короткий срок в Дагестане удалось ликвидировать малярию.

В начале 30-х гг. сеть научно-исследовательских учреждений республики расширилась. В 1930 г. был открыт Институт повышения квалификации работников народного просвещения, в 1931 г. – еще два научно-исследовательских института: промышленности и сельского хозяйства ¹⁸⁴.

Бюро Дагестанского обкома партии 26 июня 1928 г. приняло постановление о создании Института дагестанской культуры. В нем указывалось: «В целях расширения и планомерной организации научно-исследовательской работы признать необходимым создание Института дагестанской культуры (путем расширения существующего научно-исследовательского института)».

На институт возлагалась задача объединения под своим руководством всех научно-исследовательских работ в Дагестане и популяризации научных сведений среди широких масс. Все планы научных исследований других научных учреждений и ведомств должны были утверждаться Институтом дагестанской культуры. Без этого средства на научно-исследовательские работы не отпускались, что возлагало на институт большую ответственность за работу науч-

ных учреждений. Председателем бюро по организации института был назначен Тахо-Годи¹⁸⁵.

Большую помощь развитию дагестанской науки оказывала Академия наук СССР. 11 мая 1933 г. Совет по изучению производительных сил АН СССР провел особое совещание, на котором рассматривался вопрос об изучении и использовании природных богатств Дагестана. На совещании были заслушаны доклады председателя ЦИК ДАССР Далгата, зампреда СНК и председателя Даггосплана Федорова, уполномоченного Хан-Магомедова, директора Института соцреконструкции сельского хозяйства Ковалева, директора Института культуры Алиева, от Дагнаркомздрава профессора Байрашевского.

После обсуждения этих докладов и на основе ознакомления с письменными материалами по Дагестану было принято развернутое решение. В нем отмечалось, что Дагестан является «интересным участком Союза ССР благодаря имеющимся на территории крупнейшим, общесоюзного значения естественным природным богатствам и многим, выгодно отличающим ее от других районов Советского Союза особенностям».

Ввиду недостатка и по ряду отраслей отсутствия в Дагестане квалифицированных научно-исследовательских и технических кадров было признано необходимым объединение усилий правительства ДАССР, Академии наук и других научно-исследовательских учреждений и хозяйственных организаций, что позволило обеспечить форсированное изучение и использование природных богатств края. С этой целью намечалось проведение в начале 1934 г. конференции по изучению производительных сил Дагестана¹⁸⁶.

Такое внимание к изучению природных ресурсов Дагестана, сосредоточению усилий науки на решении этих проблем стимулировало подготовку научных кадров, создание и расширение соответствующих научных учреждений. К началу 1934 г. в республике работало 22 научно-исследовательских учреждения. В них трудилось 236 научных и научно-технических сотрудников¹⁸⁷.

В период репрессий 30-х гг. над институтом культуры и его научными кадрами был учинен серьезный погром. Как сторонники троцкиста Л.Г. Левича, некоторое время работавшего в институте завсектором литературы и арестованного по трафаретному тогда обвинению «враг народа», были репрессированы директор института А.К. Глюняев, заменивший его Г. Гаджибеков, сотрудники М. Чаринов, А. Каяев, Х. Гитинаев и другие, всего 23 человека.

Один из активных организаторов репрессий, народный комиссар НКВД ДАССР В.Г. Ломоносов, не доверяя результатам проверок, инспирированных им, лично ознакомился с работой одного из крупных и известных уже в республике научных учреждений – Института национальной культуры, признал его рассадником национализма. Этого было достаточно, чтобы бюро Дагестанского обкома партии 15 февраля 1938 г. приняло специальное постановление о работе института, в котором отмечалось, что его работа носила «по существу буржуазно-националистическое содержание». Было предложено

переименовать его в институт истории, языка и литературы с переподчинением ЦИК ДАССР, что незамедлительно и было исполнено.

Эти репрессии подрывали силы растущего молодого научного коллектива, затормозили поступательное развитие науки. Однако жизнь продолжалась, брала свое: перед институтом, представляющим общественные науки, появились новые задачи, связанные с осложнением международной обстановки, нарастающей угрозой новой мировой войны. Вся идеологическая работа в стране была направлена на патриотическое воспитание населения, особенно молодежи.

Обществоведы не могли стоять в стороне от этой задачи. В предвоенные годы историки Дагестана работали в основном по тематике, раскрывающей на конкретных исторических примерах героическое прошлое дагестанских народов. Одной из первых работ такого плана стала вышедшая в 1939 г. книга директора института Р.М. Магомедова «Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля». Хорошей доказательной базой к этому изданию Р. Магомедова стал сборник документов «Материалы по истории Дагестана и Чечни». (Т. 3. Ч. 1.; 1801–1839 гг.), вышедший в 1940 г. под его редакцией¹⁸⁸.

Научные учреждения по естественным наукам не испытали такого политического прессинга, который пришлось пережить Институту истории, языка и литературы. В 30-е гг. численность таких институтов увеличилась. В 1933 г. в республике функционировали 22 научно-исследовательских учреждения, 5 институтов, 17 опытных станций и лабораторий, в которых работали 135 научных сотрудников. Кроме того, имелось 3 вуза – Дагестанский педагогический, Дагестанский медицинский и Дагестанский сельскохозяйственный институты. В 1936 г. в них работали 68 профессоров и доцентов и 94 преподавателя и ассистента¹⁸⁹.

Становление и развитие искусства народов Дагестана. Советская власть пробудила народы Дагестана, как и другие народы России, к творчеству в самых различных сферах, в том числе в тех из них, которые не получили своего развития в дореволюционный период. Профессиональное национальное искусство дагестанских народов стало развиваться с первых дней установления советской власти в Дагестане. Вопросы культурного строительства рассматривались на Первом съезде городских, окружных и участковых ревкомов (8–15 июня 1920 г.), на съезде заведующих городскими отделами и подотделами народного образования городов Темир-Хан-Шуры, Порт-Петровска, Дербента (2–6 июня 1920 г.). Комиссариаты (отделы) просвещения и печати, внешкольного образования, подотделы искусств Дагревкома, городских и окружных ревкомов занимались открытием клубов, библиотек, читален, развитием художественного творчества, проводили массово-разъяснительную работу среди трудящихся, приобщали их к художественному творчеству. Поддерживая культурно-просветительную работу, проводимую местными советами, коммунистическая ячейка селения Манас на своем организационном собрании, проведенном в феврале 1921 г., приняла резолюцию, в которой говорилось: «Единственная власть, которая обратила свой

взор на нашу темноту, на нашу отсталость, единственная власть, которая хочет осветить наши дни, открыть наши слепые глаза, — это Советская власть»¹⁹⁰.

Назначенный 10 апреля 1920 г. заведующим подотделом искусств Казань-Кумухского округа А. Катаев 17 марта 1921 г. отчетывался о своей работе. За год с небольшим при подотделе были созданы секции: театральная, музыкальная, хоровая и переводческая. С помощью комсомольцев округа и путем проведения субботников, на которых были собраны средства, был создан театр. На открытии театра присутствовали председатель окружного ревкома, представители советских органов, а также местные жители. После его организации каждую неделю ставился спектакль или проводился митинг-концерт на местном и русском языках. Театральные представления для женщин устраивались отдельно¹⁹¹.

Отдел просвещения и печати Темир-Хан-Шурина приступил к организации театральной секции, народного музея, сбору изделий старинного искусства. Отдел народного образования Порт-Петровского ревкома намечал создание театральной, певческой и театральной секций, открытие народных университетов. Певческая секция проводила концерты-митинги, ставила спектакли. Такая работа осуществлялась ревкомом и других городов и районов¹⁹².

Органы власти старались, чтобы искусство стало доступным для широких масс. В июне 1920 г. Дагревком принял решение о выделении отделу просвещения 10 млн. руб. с тем, чтобы эти средства расходовались на организацию кампании по борьбе с безграмотностью, на устройство театров, кинематографов и других культурно-просветительных учреждений «для беднейшего населения». Отделу просвещения предлагалось дать распоряжение о передаче горотделу просвещения всех частных театров и кинематографов. На спектакли и киносеансы рабочие и служащие советских учреждений должны были допускаться по удешевленным ценам¹⁹³.

1921 год был тяжелым как для страны, так и Дагестана. Послевоенная разруха, нерешенные хозяйственно-культурные задачи, страшный голод, когда в республике голодало в общей сложности 250 тыс. человек, казалось, отодвигали вопросы культуры на задний план. Тем не менее эти трудности не ослабили стремления советской власти и в этих условиях продолжать культурное строительство. В декабре 1921 г. на Вседагестанском съезде народов Дагестана было создано первое правительство, в его структуре был образован Народный комиссариат просвещения и при нем — Главное управление политико-просветительской работы. Главполитпросвет был призван координировать работу советских учреждений, профсоюзных организаций, воинских частей по проведению политико-просветительской работы в республике.

Эту работу возглавили первые наркомы просвещения С. Габиев (1922 г.) и А. Тахо-Годи (1922–1929 гг.). К работе по строительству новой культуры были привлечены разносторонне одаренный Т. Бейбулатов, народный самородок, певец, энергичный организатор концертных ансамблей

Т. Мурадов. Благодаря их усилиям стали проводиться районные, городские и республиканские олимпиады, смотр художественной самодеятельности¹⁹⁴.

Широкою известностью среди дагестанских ансамблей художественной самодеятельности получил ансамбль Буйнакского фруктово-консервного завода. В 1936 г. этот коллектив выступал в Москве, где, как писала газета «Известия», наряду с ансамблями из Узбекистана, Армении, с Украины буйнакский ансамбль национальной пляски (Дагестан) восторженно принимался публикой¹⁹⁵. В 1935 г. под руководством Татама Мурадова был организован Ансамбль песни и танца Дагестана¹⁹⁶.

В довоенные годы хорошая художественная самодеятельность была создана и функционировала в домах культуры Кумторкалинского, Хасавюртовского, Буйнакского и ряда других районов. В селениях Сталин-аул и В. Казанище были созданы духовые оркестры. Сильные коллективы художественной самодеятельности функционировали в клубах железнодорожников г. Дербента, профсоюза работников советской торговли, рыбников г. Махачкалы. Всего в 1940 г. в Дагестане насчитывалось 532 коллектива художественной самодеятельности, из них 424 — в районах республики. В них принимало участие свыше 10 тыс. человек¹⁹⁷.

Становление и развитие театрального искусства. В 20-е гг. наметился подъем и в развитии театрального искусства, когда не только в городах, но и в сельских округах предпринимаются все более настойчивые попытки создания театров, как это было в Казикумухском, Кайтаго-Табасаранском и других округах. Но местные органы в этом вопросе сталкивались с большими трудностями. На съезде заведующих отделами Темир-Хан-Шурина, Петровского и Дербентского отделов и подотделов искусств ревкомов отмечались трудности, с которыми им приходилось сталкиваться. Съезд предложил взять театральные здания и расходы по их содержанию, а также по содержанию артистов на счет государства, установить специальные дни для посещения театров учащимися. Летом 1920 г. труппа Петровского театра была пополнена новыми артистами. В 1920–1922 гг. в Порт-Петровске действовал также татский театральный кружок. 15 апреля 1921 г. состоялся первый спектакль в отремонтированном здании театра в с. Н. Дженгутай Темир-Хан-Шурина округа. Как сообщалось в печати, «местное население сочувственно относится к этому делу»¹⁹⁸. В других селениях также возникли театральные кружки.

25 августа 1921 г. Дагестанский ревком, признавая «высококультурное значение театра в деле агитации и просвещения широких масс...», издал декрет о создании в г. Буйнакске образцовой труппы артистов, присвоив ей название первой дагестанской показательной передвижной труппы. Буйнакский городской театр был преобразован в Государственный театр ДАССР¹⁹⁹. Однако в условиях нехватки средств и артистических сил такие преобразования не дали ожидаемых результатов.

В 1924 г. Президиум ЦИК ДАССР принял решение о переименовании Махачкалинского русского театра в Республиканский государственный театр с освобождением его от налогов и сборов. Наркомпрос в 1925 г. позаботился

о перестройке театра, реконструкции его здания и технических помещений, пересмотре и пополнении театральной труппы артистами, хорошо заявившими о себе в других театрах. При театре решено было открыть 6-месячные курсы по подготовке клубных работников и руководителей драматических кружков.

8 октября 1925 г. состоялась премьера спектакля «Горе от ума» А. Грибоедова. В репертуаре театра были такие пьесы, как «Ревизор» Н. Гоголя, «Разбойники» Ф. Шиллера и др. Для их постановок были приглашены режиссеры из крупных театров: Тифлисского, Харьковского, Ростовского и Владикавказского.

При театре была организована студия для подготовки актеров под руководством Н. Шатрова и Н. Маргаритова. В 1926 г. она была преобразована в театральный техникум и переведена в г. Буйнакск²⁰⁰.

Русский театр стал основной базой формирования национальных театров Дагестана. В декабре 1925 г. при Русском театре была открыта 6-месячная национальная театральная студия, которой руководили артисты русского театра Н.Т. Шатров и Б.П. Байков. В студию были приняты 80 дагестанских юношей и девушек, со временем их осталось 30 человек. Весной 1926 г. эта студия также была переведена в г. Буйнакск, в театральный техникум. С января 1927 г. техникум был возвращен в Махачкалу²⁰¹.

В театральном техникуме, несмотря на трудности, шла подготовка будущих артистов национального театра, учащиеся техникума со своими учебными спектаклями ездили по районам республики. Они передвигались на фургонах, нагруженных декорациями. В ясную погоду они выступали под открытым небом, а в случае непогоды – в закрытых помещениях. Молодых артистов почти везде принимали тепло. Большую роль в подготовке национальных артистов сыграл талантливый организатор, музыкант и драматург Т. Бейбулатов²⁰².

Примечательно, что к драматургии обратился и учащийся театрального техникума А. Курбанов, написавший в 1928 г. пьесу «Горные соколы». Несмотря на отдельные недостатки пьесы, ее перегруженность политической терминологией, растянута в развитии событий, она все же явилась первым шагом в воплощении революционной тематики в национальной драматургии. Со второй половины 20-х гг. в дагестанской драматургии появляются новые имена: кумык А.-П. Салаватов, даргинец Р. Нуров, аварец Ш. Микаилов, лакец М. Алиев, лезгин Х.-Б. Аскар-Сарыджа и русский Р. Фатуев. Их пьесы были посвящены революционным событиям и отражали изменения семейно-бытового уклада, психологии людей, поднимали проблемы бесправия женщин.

24 октября 1930 г. стало днем рождения нового дагестанского национального театра. Его открытие состоялось в помещении Русского театра премьерой пьесы А.Х. Гамида «Дочь Индии». Основные роли исполняли выпускники техникума Г. Рустамов, А. Курумов, У. Сафаралиева, Х. Магомедова и отдельные участники художественной самодеятельности. Режиссером театра стал Н. Шатров. Театр стал называться Центральным театром народов

Дагестана, но в первое время в его труппе состояли в основном артисты кумыкской национальности. На его базе впоследствии сформировались национальные театры других народов Дагестана²⁰³.

Творческим отчетом работников искусства перед народом в те годы стали олимпиады. В ноябре 1931 г. в Махачкале была проведена первая Вседагестанская олимпиада, целью которой были смотр достижений в области искусства и отбор лучших сил на краевую Олимпиаду искусств Северного Кавказа. На важность этого мероприятия для дальнейшего развития национального искусства указывал на заседании правительства его председатель Дж. А. Коркмасов.

Первое место на республиканской олимпиаде занял коллектив Кумыкского театра, который принял участие на Северокавказской краевой олимпиаде, где выступил со спектаклем «Красное знамя». Театр занял одно из первых мест, и в знак поощрения его коллектив был командирован в Тбилиси для знакомства с театральным искусством Грузии²⁰⁴.

На активизацию драматургических поисков был направлен республиканский конкурс на лучшее драматургическое произведение, проведенный весной 1932 г. На конкурс всего было подано 26 пьес, из которых пять были отмечены премиями: драма А.-П. Салаватова «Красные партизаны», комедия Р. Нурова «Разоблаченный шейх», пьесы Ш. Микаилова и З. Гаджиева «Шляпа», Г. Рустамова «В жизнь», Ю. Гереева «Кто кого»²⁰⁵.

Появление новых драматургических произведений помогло национальному театру окрепнуть, завоевать зрительские симпатии. На совещании, которое было проведено в августе 1932 г. Дагестанским обкомом партии с работниками искусства, особо подчеркивалась ведущая роль Кумыкского театра в культурной жизни республики, который заявил о себе как о театре, имеющем общедагестанское значение. Его коллектив гастролировал по Южному Дагестану со спектаклем «Святая Мукминат», активно участвовал в общественно-политической жизни, в «воспитании зрителя».

На республиканском смотре был отмечен спектакль Кумыкского театра, поставленный по пьесе Г. Рустамова «В жизнь». Успеху спектакля способствовала талантливая игра артистов А. Курумова и Б. Мурадовой²⁰⁶.

К 15-летию автономии Дагестана (1935 г.) в республике работало 5 национальных театров: кумыкский – в Буйнакске, аварский – в Хунзахе, азербайджанский – в Дербенте, лезгинский – в с. Ахты и лакский – в с. Кумух. К юбилею республики Кумыкский театр осуществил постановку пьесы А.-П. Салаватова «Красные партизаны», любившуюся зрителям. С 1935 г. по 1940 г. она была показана театром 150 раз.

Интересные постановки были осуществлены на сценах национальных театров: азербайджанский театр осуществил постановки пьес «Без вины виноватые» А. Островского, «Скупой» Мольера, «Вагиф» С. Вургуня, лезгинский – «Платон Кречет» А. Корнейчука, лакский – «Разлом» Б. Лавренива, «Горцы» Р. Фатуева и др.

В связи с 10-летием Кумыкского театра (1940 г.) его работникам за заслуги в области театрального искусства были присвоены звания заслуженных

деятели искусств и заслуженных артистов ДАССР. Среди удостоенных этих званий были драматург А. Салаватов, художественный руководитель театра Г. Рустамов, артистки Г. Ахмедова, Е. Легомонида, Х. Магомедова²⁰⁷.

В 1932 г. Русский драматический театр стал носить имя М. Горького. В его репертуаре появились пьесы как русской и советской, так и зарубежной драматургии. На его сцене шли пьесы «Егор Булычов и другие» М. Горького, «Любовь Яровая» К. Тренева, «Бесприданница» и «Доходное место» А. Островского, «Ревизор» Н. Гоголя и другие спектакли. Театр обратился и к дагестанской действительности, осуществив постановку пьесы С. Мстиславского «Судьба гор»²⁰⁸.

Учитывая текучесть кадров, частую смену художественного руководства, отсутствие в репертуаре театров пьес на современную тематику, Управление по делам искусств СНК ДАССР приняло ряд мер. В сентябре 1940 г. Управление издало приказ «О переподготовке творческого и административного состава национальных театров». Для подготовки более квалифицированных художественных руководителей на курсы в Москву были отправлены: А. Магаев из Аварского театра, Г. Рамазанов из Лезгинского, а на курсы режиссеров – А. Курумов из Кумыкского театра и З. Авшалумов из Татского.

В декабре 1940 г. на заседании художественного совета при Управлении по делам искусств СНК ДАССР был обсужден вопрос о репертуаре театров. В частности, отмечалось ослабление работы театров с местными драматургами, указывалось на отсутствие в их репертуаре пьес на современную тему и спектаклей для детей.

По решению совещания был проведен конкурс на лучшую пьесу. В числе лучших и интересных произведений, поданных на конкурс, были названы «Сундук бедствий» Г. Цадасы, «Земля» М. Бахшиева, «Карачач» А.-П. Салаватова. Был рекомендован список пьес для постановки в национальных театрах, в котором, кроме пьес дагестанских авторов, указывались произведения русских и зарубежных драматургов²⁰⁹.

Расширился репертуар Русского театра. К столетию со дня смерти великого поэта А.С. Пушкина театр осуществил постановку трагедии «Борис Годунов». Его артисты выступали на предприятиях и в учебных заведениях города с чтением пушкинских произведений. Артисты театра оказали помощь национальным театрам в подготовке спектаклей по произведениям А.С. Пушкина.

К следующему сезону (1937–1938 г.) театром были подготовлены спектакли «Мятеж» по Д. Фурманову, «Анна Каренина» по Л. Толстому, «Оптимистическая трагедия» В. Вишневского, «Без вины виноватые» А. Островского и другие.

В предвоенные годы в театральной культуре возрастает интерес к пьесам патриотической направленности. Русский театр обращается в основном к пьесам, посвященным героическим темам из отечественной истории: «Фельдмаршал Кутузов» В. Соловьева, «Кремлевские куранты» Н. Погодина, «Путь к победе» А. Толстого, «Строгие времена» С. Герасимова, «Двадцать

лет спустя» М. Светлова. Наряду с ними ставились драматургические произведения отечественной и зарубежной классики.

Русский театр обратился к постановке пьесы на дагестанскую тему – «Горцы» Р. Фатуева. В качестве режиссера-постановщика этой пьесы был приглашен художественный руководитель Кумыкского театра Г. Рустамов. Эта постановка стала наиболее заметным явлением в театральной жизни тех лет²¹⁰.

Впервые пьеса Р. Фатуева (это «национальный спектакль в самом высоком смысле этого слова», как писала «Дагестанская правда») ²¹¹ прозвучала на сцене Кумыкского театра и стала значительным событием в творчестве его коллектива. К юбилею театра была осуществлена постановка героической драмы А.-П. Салаватова «Айгази», овеянная бунтарским пафосом, а также его пьеса «Карачач», выдвинувшая его в ряды талантливых драматургов.

На сцене театра успешно шла комедия М. Курбанова «Мола Насретдин», обреченная на долгую жизнь. В главных ролях комедии – Молы Насретдина и его жены Джумайсат – наиболее ярко проявились незаурядные таланты артистов Т. Гаджиева и Б. Мурадовой. Театр с успехом показывал этот спектакль на всех своих предвоенных гастролях²¹².

Вторая половина 30-х гг. стала временем становления и роста Аварского театра, труппа которого выросла с 8 человек до 16. Не считаясь с трудностями горных дорог, театр объездил с гастрольями многие аварские районы: Хунзахский, Гумбетовский, Ботлихский, Цумадинский, Ахвахский, Кахибский и другие. В его репертуаре были спектакли «Пограничники». В. Билль-Белоцерковского, «Иса Андийский» А. Магаева, являвшегося тогда художественным руководителем театра, «Шамиль и Хаскиль» З. Гаджиева.

Когда в театр были приглашены выпускники ГИТИСа братья П. и П. Шияновские, возглавившие его художественную часть, то театр обратился к драме К. Тренева «Любовь Яровая». На смотре национальных театров в Махачкале этот спектакль получил высокую оценку. Режиссер П. Шияновский и исполнитель роли Кошкина А. Магаев были удостоены звания «Заслуженный артист ДАССР»²¹³.

Наиболее удачными постановками Аварского театра в предвоенные годы стали его спектакли по драматургическим произведениям Г. Цадасы «Сундук бедствий» и «Айдемир и Умайганат». Поднимаемые в них многие важнейшие творческие, эстетические и нравственные проблемы волновали аварского зрителя. Республиканская печать отмечала не только добротность драматургического материала спектаклей, но и талантливую игру ряда исполнителей, воплотивших запоминающиеся образы Асмы (З. Набиева), Гази (Д. Халилбеков) и других²¹⁴.

Наряду с этими спектаклями в репертуаре Аварского театра были постановки по пьесам «Горцы» Р. Фатуева, «Бесприданница» А. Островского, «Забавный случай» К. Гольдони, «Падь серебряная» Н. Погодина. Весной 1941 г., в канун войны, театр проводил свои гастролы по высокогорным авар-

ским районам, и когда началась война, ряд актеров добровольно ушли на фронт²¹⁵.

Молодым и небольшим творческим коллективам национальных театров, не имевших добротных и вместительных помещений, очень часто приходилось гастролировать по населенным пунктам, чтобы обслужить своих зрителей. В начале 1937 г. Лакский театр осуществил постановку героической драмы М. Алиева «Аздар», которая пользовалась большим успехом. Артисты театра с этим спектаклем побывали во многих селениях высокогорных Лакского и Кулинского районов.

В 1938 г. в театр режиссером был приглашен выпускник Тбилисского театрального института П.В. Джапаридзе, который осуществил постановку пьесы Г. Мдивани «Честь». Проблематика и характеры пьесы были близки и понятны артистам.

Вслед за этим к республиканскому фестивалю театров он осуществил постановку спектакля «Любовь Яровая», который хорошо был принят и зрителем и критикой. О нем писали как о серьезном творческом успехе театра.

С начала 1940 г. художественную часть театра возглавил режиссер А.П. Васильева. В его постановке шла пьеса «Горцы». Кроме того, в репертуаре театра были «Аршин мал-алан» У. Гаджибекова, «Падь серебряная» Н. Погодина, «Слуга двух господ» и «Забавный случай» К. Гольдони, «Севиль» Д. Джабарлы, «Мола Насретдин» М. Курбанова²¹⁶.

В 30-е гг. в Лезгинском театре выросла целая плеяда ярких артистических индивидуальностей, о творческом росте театра свидетельствовали сценические работы артистов М. Кухмазова, Э. Эмирджанова, С. Велиханова, М. Рамазанова. На сцене театра успешно шла историческая драма «Невеста огня» Д. Джабарлы, освещавшая события IX-X вв. В репертуаре театра были и спектакли «Аршин-мал-алан», «Горцы», «Любовь Яровая», «Намус» А. Ширванзаде, «Севиль» Д. Джабарлы. Начавшаяся война приостановила успешное продвижение театра к новым творческим высотам. Большая часть артистов театра ушла на фронт.

Партийные и советские органы республики большое внимание уделяли работе Татского и Тюркского театров, организованных в Дербенте. В июне 1938 г. было принято постановление бюро Дагестанского обкома партии и Совнаркома ДАССР «О состоянии Татского и Тюркского театров и национального ансамбля г. Дербента». Этим постановлением было предусмотрено их функционирование как двух самостоятельных театров. Дербентскому райкому ВКП(б) было поручено проявлять о коллективах театров повседневную заботу, что в те годы значило много.

В Татском театре в предвоенные годы шли спектакли «Севиль» Д. Джабарлы, «Анзор» А. Шаншиашвили, «Платон Кречет» А. Корнейчука, «Без вины виноватые» А. Островского. В начале 1941 г. Татский театр подготовил спектакли «Разлом» Б. Лавренива и «Айдын» Д. Джабарлы, Тюркский театр – «Любовь Яровую» и детский спектакль «Золотая птица» М. Сеидзаде.

1941 г. стал годом рождения и детского театра кукол. Размещался он в Махачкале в Доме художественного воспитания детей. Его художественный

руководитель молодой режиссер Я. Суторшин поставил три детские сказки: «Репка», «Гусенок» и «Колобок». Первые выступления театра были тепло встречены как юными, так и взрослыми зрителями²¹⁷.

В 30-е гг. у ряда народов Дагестана происходили становление и развитие профессиональных национальных театров. Однако этот процесс был не таким гладким и легким, на их пути встречалось немало трудностей. Этому мешали не только пережитки прошлого, поскольку артистическая деятельность считалась неподобающей для мужчины, оскорбляющей его достоинство и строго запретной для женской части населения, но и отсутствие порой общественного интереса к этому виду человеческого творчества. Приходилось готовить артистические и драматургические кадры, воспитывать зрителя, полюбившего новые для него виды искусства. Благодаря усилиям государственных органов и пробуждению общественного интереса удалось переломить ситуацию, открыть театры, подготовить артистические силы, создать национальную драматургию, привлечь к художественному руководству театрами национальные кадры квалифицированных режиссеров с высшим театральным образованием, окончивших вузы России и Грузии. Они помогли повысить творческое мастерство актеров национальных театров, поставить на их сценах спектакли классической русской и зарубежной драматургии, а также дагестанских драматургов, повысить творческую зрелость актерских коллективов.

Успехи Дагестана в области культурного строительства можно объяснить огромной материальной, моральной, организационной поддержкой, оказываемой Советским государством развитию культуры вообще, и особенно национальных окраин. Выдающиеся деятели культуры пользовались в стране большим вниманием и всеобщей известностью, что вдохновляло их на новые творческие достижения.

Из всех видов искусств важнейшим советской властью было признано кино, и развитию кинодела уделялось большое внимание. За короткие сроки кино стало наиболее популярным и массовым. В 1925 г. в республике функционировали 5 стационарных кинотеатров и 2 передвижные киноустановки.

Начиная с 20-х гг. принимались меры к созданию документальных и художественных фильмов о Дагестане. В 1928 г. был снят документальный фильм «Страна гор – Дагестан» в пяти частях. В нем получили отражение успехи Дагестана в культурном строительстве, здравоохранении, кооперировании, развитии промышленности и сельского хозяйства. 11 ноября 1928 г. состоялся просмотр фильма на совещании, созванном агитпропотделом Дагестанского обкома партии. С небольшими замечаниями фильм был принят²¹⁸.

Фильмы снимали студии «Роскино» и «Востокфильм», работой которых в Дагестане были недовольны. В «Дагестанской правде» (1932 г. 22 октября) отмечалось их «возмутительное» отношение к этому важному вопросу. Из 8 фильмов, снятых ими, только один можно было признать удовлетворительным, подчеркивалось в статье. Слабо велась и съемка кинохроники. Даже съемки документального фильма о культсанштурме приостановились из-за нехватки киноплёнки.

Несмотря на трудности, кино всюду имело необычайный успех, и с каждым годом оно получало все большее распространение не только в городах, но и в районных центрах и ряде крупных аулов, где были созданы кинотеатры. К 1940 г. в республике насчитывалось 98 киноустановок, в том числе стационарных – 60 и кинопередвижек – 38²¹⁹.

Музыкальная культура. Советская власть проявляла большую заботу о развитии музыкального искусства народов Дагестана. Немалую роль в решении этой задачи сыграла организация системы музыкального образования в Дагестане. Начиная с 20-х гг. органы народного образования приступили к налаживанию в школах музыкального воспитания. В городах Дагестана весной и летом 1920 г. были открыты музыкальные школы или классы. В Дербенте вначале был открыт класс музыки, на базе которого была открыта первая в Дагестане музыкальная школа. Музыкальная студия, объединившая детей и взрослых, стала функционировать в Темир-Хан-Шуре. В январе 1921 г. в студии насчитывалось около 200 учащихся, существовали оркестр и хор. В 1926 г. студия была преобразована в первое в республике музыкальное училище.

Концертно-музыкальная жизнь дагестанских городов в послереволюционное время была неоднородна и противоречива. В начале 20-х гг. концерты были большой редкостью и организовывались они приезжими музыкантами. Но все чаще к концертной деятельности подключались местные музыкальные силы. В июне 1920 г. Коллегия народного просвещения Дербентского ревкома приняла решение об организации в городе симфонического оркестра. Небольшой оркестр с 1921 г. существовал в Темир-Хан-Шуре. С 1923 г. в Махачкале начал функционировать симфонический оркестр под управлением А. М. Клейзмера²²⁰. 22 июня 1923 г. молодой пианист Г. Гасанов в Махачкале дал концерт, посвященный творчеству Ф. Шопена. В рецензии, опубликованной в газете «Красный Дагестан» 6 июля 1923 г., провидчески отмечалось: «Пианист Г. А. Гасанов представляет собой такую музыкальную величину, которая достойна всякого внимания, которым смело может гордиться Дагестан, как своим, кажется, пока единственным музыкальным детищем».

Стали организовываться более широкие концертные программы. В феврале 1921 г. в Темир-Хан-Шуре был организован концерт для участников съезда окружных завнешкольными подотделами, на котором были исполнены вокальные и инструментальные произведения выдающихся композиторов, русские романсы и кавказские мелодии.

В созданном еще до революции журнале «Танг-Чолпан» одной из программных задач признавалась необходимость собирать и помещать на его страницах старые народные песни. После революции уже в 1921 г. была организована первая музыкально-художественная экспедиция, которая охватила за месяц около 30 селений (преимущественно аварских). Молодые музыканты Г. Гасанов и Х. Аскараров (будущий известный скульптор) записали около 100 песен²²¹.

Впоследствии Г.А. Гасанов поступил в Ленинградскую консерваторию и после ее окончания в 1926 г. был назначен директором Махачкалинского музыкального техникума. В 1927 г. в техникуме начала работать и Д.М. Далгат, много сделавшая для развития дагестанской музыкальной культуры.

В 1925 г. и 1926 г. были продолжены экспедиции по записи народных песен. В 1925 г. Г. Гасанов в Южном Дагестане записал на фонографические валики 126 мотивов и собрал коллекцию народных музыкальных инструментов. Материалы экспедиций помогли Г. Гасанову приступить к созданию крупных музыкальных произведений. В 1927 г. он создал первую в истории дагестанской музыкальной культуры оперу «Хочбар».

Большую работу по подготовке музыкальных кадров, проведению концертов и сочинению песен проводили А.Я. Клейзмер, И.Г. Савченко, Х.М. Ханукаев. В 1940 г. они были удостоены почетных званий заслуженного деятеля искусств Дагестана²²².

Музыкальная жизнь Дагестана будет неполной, если не сказать о концертных гастроях приезжих музыкантов. Летом 1921 г. в Махачкале выступала группа ростовских музыкантов, возглавляемая известным пианистом профессором М. Пресманом. В течение двух сезонов, в 1922 – 1923 гг., в Дагестане гастролеровала украинская труппа под управлением И. С. Савченко-Львовского и Г. Незнамова. В их репертуаре были опера «Запорожец за Дунаем» С. Гулак-Артемовского, оперетты «Сильва» И. Кальмана, «Веселая вдова» Ф. Легара и другие. В 1924–1925 гг. в Махачкале давали концерты московские скрипач И.В. Сафонов и певец А.В. Александров.

Попытки к созданию оригинальных музыкально-сценических произведений предпринимали и местные музыкальные силы. Автором первых оперных произведений в Дагестане стал М.М. Шувалов. В 1922–1925 гг. им были сочинены оперы «Сказка о рыбаке и рыбке», «Степан Разин», музыкальная драма «Хаджи-Мурат»²²³.

Со второй половины 20-х гг. отмечается зарождение национального композиторского творчества, в котором национальные песенные и танцевальные мелодии сочетались с формами европейского искусства. В этом плане миниатюры Е. Юдиной «Дагестанским детям» стали ценным приобретением национального искусства, когда народные песни Дагестана были применены в роли учебно-педагогического пособия. Подлинно народные мелодии легли и в основу другого камерного сочинения — «Сюиты на народные дагестанские темы» И.В. Сафонова, написанной, видимо, в конце 20-х гг.

В середине 20-х гг. к композиторскому творчеству обращается Д.М. Далгат. Первым в дагестанской музыке инструментальным сочинением явилась ее фортепианная сюита «Искры Ленина». К десятилетию Октября она создала цикл для солиста и хора под названием «Из песен первых лет революции» (на слова русских поэтов). В конце 20 – начале 30-х гг. в творчестве Д. Далгата наметился поворот, связанный с обращением к дагестанскому фольклору, к образцам национального искусства.

Яркий след в музыкальной жизни Дагестана оставил Темирболат Бейболатов (1879–1942 гг.), человек разносторонне одаренный, прошедший в

чине офицера русско-японскую и Первую мировую войны, драматург, поэт, собиратель музыкального фольклора, в середине 30-х гг. руководитель хора Государственного национального этнографического ансамбля, проявивший себя и как композитор. Он сочинил музыку ко многим спектаклям Кумыкского театра, а также опере «Танг-Чолпан» и «Шамиль в Ахульго». Его вклад в развитие многих сфер дагестанского искусства неocenим²²⁴.

Кроме указанных композиторов в развитие музыкальной культуры Дагестана значительный вклад внесли педагоги С. И. Иванова, В. Е. Дитковский, Е.И. Троицкая, В.П. Селевко, В.И. Андреев и др.²²⁵

Первая половина 30-х гг. явилась переломным этапом в истории становления профессиональной музыкальной культуры Дагестана. В октябре 1934 г. было принято решение бюро Дагестанского обкома партии об организации Центрального этнографического музыкально-хорового ансамбля. Через несколько месяцев ансамбль был укомплектован из числа одаренных участников художественной самодеятельности и начал работать. Его возглавили наиболее значительные творческие фигуры тех лет. Директором ансамбля был назначен Т.А. Мурадов, художественным руководителем – Г.А. Гасанов, директором оркестра – Х.М. Ханукаев, хормейстером – Т. Бейболатов, балетмейстером – А. Ибрагимов²²⁶.

Ансамбль сыграл большую роль в профессионализации хореографического искусства народов Дагестана. Его балетмейстер, актер Кумыкского театра Акашим Ибрагимов, поставил групповые и массовые танцы. Указывая на то, что А. Ибрагимов создал первые дагестанские коллективные танцы по опыту других народов Кавказа, газеты тех лет писали, что «эти танцы таят в себе много упрощенства и наивности и мало содержания»²²⁷.

Но газеты ошиблись. Ансамбль приобрел всесоюзную известность, особенно после его выступления в июле 1936 г. на первой Всесоюзной хоровой олимпиаде в Москве. Как писала газета «Правда» (1936. 4 июля), «выступление хора и оркестра народных инструментов Дагестана – одно из сильных впечатлений первого вечера. Под управлением дирижера и певца Мурадова, который является и автором исполняемых песен, на кумыкском языке поется «Привет Красной Москве» и ряд народных мелодий»²²⁸.

Народная артистка России Бурлият Ибрагимова вспоминает, что еще девочкой в паре с мальчиком выступала в составе этого ансамбля, куда ее взял отец Акишим. После их выступления в Кремле на сцену вышел И.В. Сталин, подошел к ней и ее напарнику, вместе с ней танцевавшему лезгинку, поднял ее на руки и поздравил их с таким ярким выступлением. Им были вручены наручные часы. Вожди умели делать такие впечатляющие, запоминающиеся жесты.

Из Москвы ансамбль выехал с гастрольями в Московскую, Ленинградскую, Мурманскую области, Карельскую АССР и на Урал. И везде артисты молодого Дагестанского ансамбля песни и танца принимались тепло. «Ансамбль показал богатство и многообразие творчества народов советского Дагестана» – писала газета «Полярная звезда», орган Мурманского обкома партии и облисполкома.

Успешные выступления ансамбля были высоко оценены и в республике. В 1936 г. руководителю ансамбля Т. Мурадову было присвоено звание заслуженного деятеля ДАССР, солистам ансамбля Б. Мурадовой, С. Измайловой, П. Нуцаловой – звание народных артисток и О. Орашеву – народного певца ДАССР.

В 1939 г. Дагестанский ансамбль еще раз продемонстрировал свое искусство в Москве в составе 10 ансамблей песни и пляски народов РСФСР. Ансамбль дал 15 концертов, которые получили положительные отзывы.

После возвращения в Дагестан ансамбль показал свое возросшее мастерство трудящимся республики. В 1940 г. ансамбль дал в городах и районах Дагестана 186 концертов и обслужил 72 тыс. зрителей, из них 61 тыс. сельских²²⁹.

В условиях общего роста культуры народов Дагестана наблюдается небывалый расцвет художественной самодеятельности, получавшей поддержку на государственном уровне. Большую роль в повышении художественного творчества трудящихся играли олимпиады, проводившиеся в те годы по всей стране, в районах и городах, областях и краях, национальных республиках.

В 1936 и 1938 гг. в Махачкале прошли республиканские олимпиады художественной самодеятельности. 36 участников второй олимпиады были награждены ценными подарками, 70 человек – почетными грамотами ЦИК ДАССР. Почетные грамоты получили 7 коллективов художественной самодеятельности. Переходящее Красное знамя было присуждено коллективу художественной самодеятельности Карабудахкентского района. Лучшие певцы, музыканты, танцоры, акробаты отбирались на работу в национальные театры и Ансамбль песни и танца Дагестана²³⁰.

После таких массовых мероприятий отмечался значительный рост участников художественной самодеятельности как в городах, так и в сельской местности. В 1940 г. в Дагестане насчитывалось более 500 самодеятельных коллективов, объединявших около 10 тыс. человек. 20% самодеятельных коллективов были организованы в сельской местности.

Активное участие в музыкальном исполнительстве принимали женщины-горянки. В 30-е гг. широкую известность получают исполнительницы П. Нуцалова, Э. Адиебекова, Р. Гаджиева, Р. Гуриелашвили, С. Измайлова, А. Ибрагимова, Р. Бабаева, П. Даниялова и многие другие.

В 1939 г. в Москве состоялся первый Всесоюзный конкурс исполнителей на народных инструментах, в котором приняли участие и дагестанские исполнители. В жюри конкурса азербайджанским композитором У. Гаджибековым был приглашен Х.М. Ханукаев. Несколько участников конкурса, представлявших Дагестан, стали его лауреатами²³¹.

На фоне роста художественной самодеятельности населения многие местные композиторы обращаются к народному песенному творчеству – его обработке, созданию песен, полюбившихся народу. В этом плане широкую известность получили музыкальные произведения Х. Ханукаева, Б. Кулиева, Д. Ашурова. В Дагестанском музыкальном училище обучаются Н. Дагиров, С. Керимов, впоследствии ставшие видными композиторами.

Образы музыкально-поэтического творчества народов Дагестана служили основой для создания музыкальных произведений не только дагестанскими композиторами, но и композиторами русского и других народов Союза. В своей симфонической сюите «Советский Восток» (1932 г.) композитор С.Н. Василенко использовал и дагестанские танцевальные мелодии. В 1936 г. в Москве вышел вокальный цикл З. Левиной «Шесть дагестанских песен» («Песни о Дагестане») на слова А. Глобы по мотивам народной поэзии.

Попытки создания крупных музыкальных произведений различного жанра предпринимались и музыкантами, некоторое время работавшими или приезжавшими в Дагестан. Среди них можно назвать «Дагестанскую сюиту» (1939 г.) композитора И.И. Рогальского, созданную специально для симфонического ансамбля Дагестанского радиокомитета, сюиту на темы лакских народных песен В.М. Тарнопольского (1939 г.), «Дагестанскую сюиту» Ниязы, «Дагестанскую рапсодию» (1939 г.) И.К. Шапошникова, кантату «Поэма о Дагестане» (1940 г.) на стихи С. Стальского композитора А. Маиляна²³².

Обращение к дагестанской тематике русских музыкантов, а также музыкантов других народов, особенно кавказских, хорошо знакомых с дагестанским музыкальным материалом, мелодиями его народов, получило значительное развитие и принесло в целом положительные результаты. С одной стороны, музыкальные произведения, созданные на этой основе, вносили новые штрихи и краски в «русскую музыку о Востоке», с другой – стимулировали местных композиторов на создание крупных музыкальных произведений.

Большое влияние на развитие музыкальной культуры оказал сбор народной музыки и освоение богатств песенного фольклора. Это в значительной мере определило успех исполнительских коллективов, но оставаться на таком уровне музыкальная культура не могла. В стране росла тенденция к овладению высшими формами классического искусства. Удовлетвориться одной оперой «Хочбар», созданной Г.А. Гасановым и принятой музыкальной общественностью как выдающееся произведение, было нельзя. Не случайно 9 января 1937 г. было проведено совещание работников культуры по вопросу о состоянии музыкального искусства в Дагестане и его перспективах в создании дагестанской оперы.

Управление по делам искусств объявило конкурс на создание национальной оперы²³³, видимо, надеясь, что после написания первой дагестанской оперы композиторы быстрее возьмутся за сочинение новых опер. Но создание большого музыкального произведения, обозначившего переход к европейскому композиторскому творчеству, четко выделялось на фоне музыкального творчества Дагестана 30-х гг. и в основном определило противоречия музыкальной жизни того периода. Отсутствие оперного театра, разрыв между уровнем композиторского творчества и возможностями исполнительства накладывали свой отпечаток на музыкальную культуру, ее развитие.

Изобразительное искусство. В Дагестане издревле было развито народно-декоративное искусство, получившее мировое признание, однако сам

метод отображения действительности получил развитие в советское время. Эта вековая система, насаждаемая исламом и ставшая национальной традицией, не была разрушена, и на ее основе стало формироваться изобразительное искусство Дагестана советского времени.

Другим фактором, благоприятно повлиявшим и ускорившим становление новой изобразительной культуры, стало богатейшее и получившее мировое признание наследие русских художников. В этом плане особо следует отметить роль таких русских художников, как Г. Гарин, В. Тимм, Ф. Рубо, Т. Горшельдт, Е. Лансере и другие. Они писали свои выдающиеся картины на дагестанском материале, и картины эти стали образцами и связующим звеном русско-дагестанских культурных связей.

Молодое дагестанское правительство, начиная с Дагревкома, созданного в 1920 г., для принятия конкретных мер по развитию профессионального искусства учредило специальный подотдел искусств. При подотделе была открыта декоративно-оформительская мастерская, занимавшаяся изготовлением различных плакатов, знамен, театральных декораций, оформлением различных клубов и др. видами работ.

Из-за отсутствия местных кадров в Дагестан приглашались специалисты и художники из Москвы, Петрограда, Баку, Владикавказа и других городов. Из Москвы был приглашен Туганов, окончивший Московскую школу живописи, ваяния и зодчества, выпускник Художественно-промышленной школы Петрограда, художник-археолог С. Полторацкий. Однако они недолго задерживались в Дагестане из-за плохих материальных условий.

По примеру центральных городов в Дагестане также появились «Даг-росты». Для организации их работы из Ростова-на-Дону и других городов Северного Кавказа были приглашены русские художники Д. Федоров, Б. Покровский, Я. Кочетков, И. Брюннели. Они имели большой опыт работы и были знакомы с достижениями мировой графики и передовой русской живописи.

Вся работа дагестанских художников в те годы проходила в «ДагРО-СТе». Ими создавались плакаты на злобу дня, сатирические рисунки, высмеивавшие пережитки прошлого, плакаты на спортивные и бытовые темы²³⁴.

В 1917 г. в Дагестане вместе с семьей поселился художник Е. Лансере, француз по происхождению, который еще в 1913 г. занимался изготовлением иллюстраций для готовящейся тогда к изданию повести Л.Н. Толстого «Хаджи-Мурат». С этой целью в 1913 г. он приезжал в Дагестан и успел сделать многочисленные этюды в аулах, в которых прошли детские и юношеские годы Хаджи-Мурата, и другие зарисовки гор по долине Аварского Койсу, окрестностям Гуниба и т. д.

Еще более успешными в творческом плане для Лансере были 1917 – начало 1920 гг., когда он жил в Дагестане. Он создает множество картин с зарисовками горных пейзажей, картины с бытовыми сценами жизни, памятниками горской архитектуры, а также превосходные портреты горцев, поли-

тических деятелей. Многие графические работы Е. Лансере печатаются в журнале «Танг-Чолпан»²³⁵.

Вместе с Е. Лансере в 1917 г. в журнале «Танг-Чолпан» сотрудничал и уроженец Чоха Халил Мусаев (1896–1949 гг.). В 1913 г. он учился в Мюнхенской Королевской академии художеств, куда попал в 1912 г. после окончания Тифлисского училища изящных искусств – филиала Петроградской академии художеств. После начала Первой мировой войны он вернулся домой и здесь был принят как художник самой высокой квалификации. Его иллюстрации, появляющиеся на страницах журнала, были высоко оценены, он стал признанным художником среди видных представителей дагестанской интеллигенции. В третьем номере журнала (1917 г.) Т. Бейболатов писал, что редакция счастлива тем, что его иллюстрирует художник Х. Мусаев.

Однако Х. Мусаев не остановился на полпути своей учебы и вернулся в Германию, чтобы продолжить учебу. После окончания Мюнхенской академии в 1926 г. Х. Мусаев обратился к советскому правительству с просьбой оставить его на 2 года на стажировке в Германии, но ему отказали в просьбе²³⁶. Так до конца жизни он жил за границей, став за эти годы выдающимся художником с мировым именем.

Правительство Дагестана предпринимало меры для подготовки местных кадров художественной интеллигенции в престижных вузах страны. И. А. Джемал был направлен на учебу в Грузинскую академию художеств. М. А. Джемал, Ю. Моллаев – в Высшие художественно-технические мастерские (Ленинград), Х.-Б. Аскар-Сарыджа – Ленинградскую академию художеств, Н. Капаницын – Ленинградский художественно-промышленный техникум. За период учебы им, как и другим студентам, обучавшимся по направлению, правительство выдавало стипендии. В результате, в 1929 – 1931 гг. для Дагестана были подготовлены профессиональные кадры по изобразительному искусству²³⁷.

Главным направлением их творческой деятельности становятся поиски и обогащение новой тематикой, обращение к актуальным проблемам современности. Наибольшее развитие в изобразительном искусстве приобретает графика.

С ростом профессионального мастерства и на примере Е. Лансере, создавшем в 1929–1931 гг. по своим прежним дагестанским эскизам триптих «Красные партизаны Дагестана спускаются с гор на защиту Советской власти», в котором изображен собирательный образ народа, дагестанские художники уходят от поверхностного бытописательства к поиску тематических решений композиции. Наиболее типичный образец такого решения – триптих М.-А. Джемала «В ауле», датированный первой половиной 30-х гг.

М.-К. Юнусилау еще в годы учебы в Московском едином художественном рабфаке, куда он поступил в 1928 г., проявил незаурядные способности к рисунку и живописи. Его учебные работы были рекомендованы на Всемирную выставку в Париже. В своей картине «Кровавая свадьба» (30-е гг.) он отобразил острую психологическую драму, обнажил проблему конфликта между новым и старым.

С 1928 г. начинается период активного творчества художника Ю. Моллаева. Обучаясь в художественных учебных заведениях Москвы, затем Ленинграда, он организует свою выставку. В 1930 г. он написал картину «Купцы из Гиляна», которая была одобрена художественной комиссией дагестанского музея²³⁸.

После окончания в 1927 г. Московского Высшего художественно-технического института молодой скульптор Х.-Б. Аскар-Сарыджа был командирован для продолжения учебы в Италию. Возвратившись из Италии, он возглавил Дагестанский музей краеведения и много сделал для пополнения его новыми экспонатами. Продолжалась и его творческая деятельность. Им были созданы бюсты У. Буйнакского, М. Дахадаева и других. Они свидетельствовали о том, что в его лице Дагестан приобрел родоначальника национального вааяния.

Уроженец Дербента Д.А. Капаницын, получив профессиональную подготовку в Ленинграде, проявил свое высокое дарование в жанре живописи. В его картинах тех лет изображены окрестности Дербента, старинные улочки города, передающие неповторимую красоту родных ему мест.

Большой вклад в развитие изобразительного искусства республики внес русский художник Н. Лаков, который был тесно связан с Дагестаном и его художниками. Он подолгу путешествовал по дагестанским аулам, бывал на рыбных промыслах, создавал портреты лучших производителей республики, в которых сумел передать физические и духовные качества личности²³⁹.

Росту творческого мастерства дагестанских художников способствовали различные выставки, в которых им приходилось участвовать. К Первому Вседагестанскому съезду Советов (1 декабря 1921 г.) была организована выставка начинающих художников. В 1924 г. была организована выставка работ М.А. Джемала, выполненных им в период участия в этнографической экспедиции, в 1925 г. выставка работ Н. Капаницына в Дагмузее, выполненных им в этнографической экспедиции, участие М. Джемала в выставке «Искусство национальностей СССР» в Москве (1927 г.), участие Джемала и М.-К. Юнусилау на 1-й Олимпиаде искусств народов ДАССР (1931 г.) и др.²⁴⁰

Изобразительное искусство Дагестана на рубеже 20–30-х гг. характеризовалось расширением его тематики, появлением одаренных художников, в творчестве которых классические европейские и русские традиции, пропущенные через призму национального мировосприятия, дали новые стилевые качества.

Постановление ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций» от 23 апреля 1932 г. оказало большое влияние и на решение актуальных задач развития изобразительного искусства Дагестана. В декабре 1932 г. было принято постановление Совнаркома ДАССР «О состоянии и развитии национального искусства», в соответствии с которым был проведен ряд организационных мер, направленных на повышение общественной активности художников. В 1933 г. открылась первая выставка работ

дагестанских художников. В экспозициях выставки были представлены живописные произведения М.-А. Джемала и Ю. Моллаева, портреты и зарисовки М.-К. Юнусилау, работы скульптора Х.-Б. Аскара-Сарыджи и ряда других художников²⁴¹.

Большой успех на долю дагестанских художников выпал на Первой Северо-Кавказской художественной выставке в г. Пятигорске (1935 г.). Здесь были представлены картины Джемала «Чабаны», «Первое мая», Ю. Моллаева – «Примирение кровников», портреты Н. Лакова, пейзажи Д. Капаницына, сатирические рисунки М.-К. Юнусилау, работы скульптора Х.-Б. Аскара-Сарыджи и ряда других художников. Первые премии выставки получили М.-А. Джемал и Н.Лаков, третью – Д. Капаницын, Ю. Моллаев, Х.-Б. Аскар-сарыджа и четвертой премии был удостоен М.-К. Юнусилау²⁴².

Правительство принимало меры, направленные на творческое объединение и усиление роли интеллигенции в общественной жизни. В январе 1936 г. по постановлению ЦИК и Совнаркома СССР при СНК СССР был организован Всесоюзный комитет по делам искусств. Такая структура была создана и при Совнаркоме ДАССР. По постановлению ЦИК и Совнаркома ДАССР от 9 марта 1936 г. было создано Управление по делам искусств, на которое было возложено руководство «всеми делами искусств» с подчинением новой структуре театра и зрелищных заведений, кинотеатров, музыкальных, художественных, культурных и других учреждений и т. д.²⁴³

Были приняты меры и к созданию общественных организаций, призванных более активно решать задачи объединения творческих усилий художников. В соответствии с постановлением Совнаркома ДАССР (апрель 1936 г.) был создан оргкомитет Союза художников Дагестана под председательством М.-А. Джемала.

Во второй половине 30-х гг. в творчестве дагестанских художников все больше места занимает решение задач, связанных с осмыслением и отображением в их произведениях событий Гражданской войны, колхозного строительства, формирования нового человека. Историко-революционному жанру отводится ведущее место в изобразительном искусстве. Немалое место в творчестве художников получают различные формы живописи и валяния. Произведения М.-А. Джемала, Ю. Моллаева, М.-К. Юнусилау, Д. Капаницына, Н. Лакова, Х.-Б. Аскара-Сарыджи отличались жизненной достоверностью и возрастающей глубиной раскрытия темы²⁴⁴.

Положительное влияние на их творчество оказывали возрастающее расширение культурных связей, многообразные формы культурного обмена, которые поддерживались и пропагандировались на партийно-государственном уровне. Решению этой задачи во многом способствовало участие дагестанских художников на различных выставках как республиканского, так и краевого и союзного уровней. В 1936 г. дагестанские художники принимают участие в передвижной выставке Северо-Кавказского края. В 1938 г. работы художников М.-А. Джемала и Х.-Б. Аскара-Сарыджи экспонировались на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке. В 1938 г. проводится выставка работ художников (Джемал, Юнусилау и Смирнова), посвя-

щенная 70-летию С. Стальского, в 1939 г. – выставка работ дагестанских художников в Дагмузес, в 1940 г. организуется передвижная выставка Дагмузея, посвященная 20-летию автономии Дагестана²⁴⁵.

Наряду с профессиональными художниками все более заметное место в общественно-культурной жизни республики стало занимать творчество самодельных художников. Увеличивается число занимающихся в кружках и студиях изобразительного искусства. Ряд работ самодельных скульпторов получили широкую известность.

В высокогорном ауле Дагестана – Чохе устанавливается памятник руководителю чохского отряда красных партизан М. Омарову-Чохскому, высеченный из камня местным скульптором-самоучкой О. Мусалиевым. Он создал и скульптуры других видных деятелей страны. Известность приобрели имена некоторых скульпторов-самоучек: М. Муртузалиева, братьев Кардашевых из селения Убра Лакского района²⁴⁶.

Увеличивается число детей и подростков, занимающихся в детских кружках и студиях изобразительного искусства. Много своего времени и сил эстетическому воспитанию детей и молодежи посвящают художники М.-К. Юнусилау и Д.А. Капаницын. Ряд лет Юнусилау возглавлял детскую изостудию при Доме художественного воспитания детей и Капаницын – студию изобразительного искусства при Доме народного творчества. Картины воспитанников изостудии Махачкалинского дома пионеров и школьников выставлялись на всемирных выставках в Париже и Нью-Йорке и получили 10 премий на всесоюзных выставках²⁴⁷.

Приведенные факты показывают, что изобразительное искусство Дагестана, находившееся в дореволюционный период под строгим запретом изображать что-либо живое и сведенное к стилизации на рисунках растительного мира, получило большой простор для своего развития. Благодаря усилиям советской власти были выявлены и поддержаны государством талантливые люди, получившие высшее образование в престижных учебных заведениях страны и за рубежом и внесшие значительный вклад в развитие изобразительного искусства.

Декоративно-прикладное искусство. Советская власть с первых дней своего существования придавала большое значение изучению древней самобытной материальной и духовной культуры народа. В июне 1920 г. Дагестанский ревком обратился к населению области с призывом хранить все «существующие в пределах Дагестана памятники искусств глубокой старины, дорогие каждому горцу, как творчество и идеалы его предков».

Все произведения искусств как древних, так и современных мастеров, имеющие художественно-историческую и научную ценность, как отмечалось в обращении, подлежали сдаче и хранению в Народном музее охраны памятников искусств и старины Дагестана в целях изучения и развития народного искусства. Никакие раскопки, реставрации без разрешения подотдела искусств Дагревкома не допускались²⁴⁸.

С тех лет Дербент стал объектом постоянного внимания республиканских, а впоследствии федеральных и союзных органов. 18 ноября 1928 г. бы-

ло принято постановление ЦИК ДАССР, согласно которому дербентские древности, учитывая их исключительную историческую и научную ценность, подлежали особой охране, в том числе цитадель, стена на всем протяжении, кладбище Кырхляр, выдающиеся памятники на других кладбищах, землянка Петра Великого, дом, где жил поэт Бесгужев-Марлинский. Они не подлежали хозяйственному или иному использованию и состояли на учете Дагестанского музея и его Дербентского филиала. Дербентскому горсовету и исполкому предлагалось предусматривать соответствующие средства на охрану и реставрацию дербентских памятников²⁴⁹.

Это постановление сыграло большую роль в сохранении и реставрации дербентских древностей. Но все же значительных средств на эти цели государство еще не могло выделить. Однако в трудном положении находились и другие памятники, а также производство изделий народно-прикладного искусства Дагестана. Пришли в упадок художественные промыслы, в которых были заняты более 100 тыс. людей. Нужны были срочные меры по их восстановлению.

В 1923 г. Совнарком ДАССР составил план восстановления кустарных, в том числе художественных, промыслов республики. Организация кустарно-промысловых артелей намечалась и в таких известных центрах народного искусства, как Кубачи, Кумух, Микрах, Чох и другие.

В январе 1924 г. правительство обратилось с воззванием «К дагестанским кустарям», приглашая их объединяться в художественные артели, обещая им помощь всеми силами и средствами. В апреле 1925 г. было принято постановление Президиума ЦИК ДАССР «О налоговых льготах кустарям и ремесленникам». Они освобождались от обязательного приобретения патента и от налогового обложения, могли свободно заниматься промыслом, продавать свои изделия на рынках. Благодаря этим мерам за небольшой период было организовано 39 кустарно-промысловых кооперативов, в которые были объединены 1547 кустарей. Для руководства работой промысловых артелей создается Дагестанский союз кустарно-промысловых кооперативов (Дагкустпромсоюз).

Кустарно-промысловые артели с каждым годом расширяли свое производство, их продукция появлялась не только на рынках, она экспонировалась и на выставках. Письменные приборы, пудреницы, бокалы, кубки для вина, стаканы для карандашей унцукульских мастеров, сахарницы, подстаканники, подносы, чайные приборы, ручки, портсигары кубачинских мастеров экспонировались на Всесоюзной сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставке 1923 г. и на Парижской художественно-промышленной выставке 1925 г.²⁵⁰

По мере того как богатела страна, улучшалось материальное положение трудящихся, усиливалась помощь государства промысловым артелям, повышался спрос на кустарные изделия. В конце 30-х гг. было построено новое здание на 200 рабочих мест для кубачинской художественной артели. Работники получили возможность увеличить производство своих традиционных изделий: чайных ложек, портсигаров, молочников, перечниц, подносов,

кинжалов и других изделий, пользующихся растущим спросом в Дагестане и за его пределами.

Получило развитие и традиционное искусство художественной обработки дерева в Унцукуле, где также была создана промысловая артель. Артели были созданы в селениях Балхар, Сулевкент, в Кумухе, Дербенте и других. К началу 1941 г. только по ковроделию насчитывалось 15 артелей. Для художественных промыслов республики были построены новые или капитально отремонтированы имевшиеся производственные мастерские, улучшилась их оснащенность оборудованием и инструментами²⁵¹.

Все это позволило увеличить выпуск продукции промысловыми артелями. Так, только артели по ковроделию увеличили производство ковров с 1938 г. по 1940 г. до 37000 м², или в 2 раза.

Кроме кооперативных промысловых объединений, существовали небольшие художественные промыслы, которые медленно угасали, но продолжали производить кустарные изделия. Однако в них все меньше оставалось мастеров, владевших художественной и технологической культурой. Даже в таких известных в прошлом промысловых пунктах, как Чох, Согратль, Ругуджа, Кумух, Унчукатль, Сутбук, оставшихся вне кооперативной системы Дагестана, все меньше оставалось мастеров, владеющих художественной и технологической культурой бывших промыслов²⁵².

В то же время поиски лучших мастеров народных промыслов развивались по пути дальнейшего усложнения композиций своих работ, создания изделий новых форм с использованием в их отделке художественных приемов и орнаментальных мотивов народно-прикладного искусства.

Лучшие мастера народно-прикладного искусства старались подготовить себе хорошую смену, передать секреты своего мастерства. И в этом плане также были определенные успехи. В 1939 г. по решению союзного правительства для готовящейся в Нью-Йорке международной выставки были отобраны изделия дагестанских школьников. Среди отобранных изделий были серебряные кумган и рюмка 16-летнего школьника из с. Кубачи Р. Алиханова и серебряный футляр для карандаша Г. Магомедова из того же селения, деревянный чернильный прибор учеников селения Унцукуль Г. Гаджи Магома и Н. Магомедова, коврик работы школьниц селения Микрах 14-летней Ф. Рашидовой и 13-летней М. Аллахвердиевой²⁵³.

В довоенный период дагестанские мастера создали изделия, не имеющие аналогий в прошлом, отмеченные различными дипломами на всемирных и всесоюзных выставках и вошедшие в золотой фонд декоративно-прикладного искусства.

Возникновение и становление дагестанского радиовещания. Огромное значение как в Центре, так и на национальных окраинах имело появление радио, как это подчеркивалось в постановлении ДагЦИКа «О радио» (январь 1926 г.), развитию которого придавали колоссальное значение «для установления связи с населением и поднятия его культурного уровня...»²⁵⁴

Радиостанция официально была открыта 7 ноября 1927 г. в день 10-й годовщины Октябрьской революции. В тот же день в городах и ряде насе-

ленных пунктов республики заговорили радиоточки. Радиопередачи велись на родных и русском языках.

Большое место в радиопередачах уделялось пропаганде достижений музыкального искусства народов Дагестана. В программах радиовещания ей отводилось не менее половины всего времени. С этой целью при радио были созданы симфонический оркестр (1931 г.) и оркестр народных инструментов (1938 г.), которым руководил П.Д. Проскурин. Широкая популярность получили концерты популярных исполнителей и музыкантов, концерты по заглавкам передовиков производства. По радио часто выступали поэты и писатели С. Стальский, Г. Цадаса, А. Магомедов, А. Иминагаев, А. Фаттахов, Э. Капиев и другие.

Такие передачи вызывали огромный интерес радиослушателей и способствовали более активному решению вопросов радиофикации и радиовещания. В 1937 г. было принято постановление Совнаркома ДАССР о строительстве радиоузлов в отдаленных высокогорных районах: Цунтинском, Агульском, Ахвахском, Кулинском и других. С 1938 г. продолжительность работы районных радиоузлов была увеличена с 7 до 10 часов в сутки. К началу войны почти во всех районных центрах Дагестана функционировали радиоузлы, общее количество радиоточек достигло почти 14 тысяч²⁵⁵.

Организация периодической печати Дагестана на русском и национальных языках. Одним из важнейших средств культурно-политического просвещения и воспитания масс служила периодическая печать, ставшая в годы социалистического строительства активным пропагандистом марксистско-ленинских идей. Советская власть с первых лет своего существования приняла меры к изданию газет не только на русском, но и на дагестанских языках. Начиная с августа 1920 г. стали выходить газеты – органы Дагестанского ревкома: «Албайрак» («Красное знамя») на кумыкском языке (издаваемая в 1921–1922 гг. как «Дагестан фукарасы» – «Дагестанская беднота») и с 1922 г. переименованная в «Елдаш» – «Товарищ»), «Баараб байрак» («Красное знамя») на аварском языке (в 1921 г. переименована в «Баарал» – «Красные горы»), «Красный Дагестан», которая издавалась с мая в 1920 г. на русском языке в 1921 г. была переименована в «Советский Дагестан», с января 1932 г. – «Дагестанская правда». С 1922 г. начинает выходить первая даргинская газета «Дагистанна мухтария» («Автономный Дагестан») – орган дагестанского правительства. В марте 1922 г. появилась новая даргинская газета «Дарган» («Даргинец») – орган Дагобкома партии, ДагЦИКа и Дагсовпрофа²⁵⁶. Выходили также газеты «Красный Дагестан» на лакском и «Дагестанская беднота» на тюркском языках²⁵⁷.

Газеты отводили страницы для выхода первых комсомольских газет на аварском, кумыкском и даргинском языках под названием «Молодой дагестанец». Выпускался также комсомольский журнал «Юные борцы». Газеты знакомили молодежь с событиями в стране и за рубежом.

С февраля 1921 г. по март 1922 г. в Дагестане выходила ежедневная газета «Порт - Петровский пролетарий» – орган Порт-Петровского горкома РКП(б) и Дагсовпрофа. Газета ставила своей задачей освещать злободнев-

ных вопросов не только городской жизни, но и всей жизни республики и страны, а также международных вопросов. Один номер газеты (№ 124) целиком был посвящен задачам Дагестана в области просвещения. Газета призывала: «Итак, вперед, товарищи, к свету, к знанию, к просвещению, ибо только таким путем вы сможете удержать власть, за которую вы столько пролили крови, – власть рабочих и крестьян»²⁵⁸.

Надо сказать, что вопросам просвещения трудящихся масс много внимания уделяли и другие газеты. В статье «Роль народного просвещения в революции», опубликованной 16 сентября 1920 г. в газете «Советский Дагестан», отмечалось: «Наряду с усилением военной мощи Советской России, Красной Армии нужна работа не менее усиленная на фронте просвещения»²⁵⁹.

18 марта 1922 г. газеты «Советский Дагестан» и «Порт-Петровский пролетарий» были объединены в одну газету, выходившую под названием «Красный Дагестан». Эта и другие газеты много писали о вопросах культурного строительства. Однако после перехода к новой экономической политике газеты, особенно национальные, оказались в трудном положении. Из-за отсутствия средств многие из них позакрывались. В марте 1922 г. в Дагестане кроме «Красного Дагестана» не выходила ни одна газета.

Руководством республики были приняты меры для возобновления работы газет. С 1 апреля 1922 г. вновь начали выходить еженедельные газеты «Красные горы» на аварском, «Дагестанская беднота» на кумыкском и «Шура Дагъыстан» на тюркском языках. В 1923 г. в Кумухе выходит лакская газета «Захматчи» («Труженик»), в Ахта на тюркском языке – «Самур фукарасы» («Самурская беднота»). В 1925 г. впервые начали издавать табасаранскую газету на тюркском языке «Голос табасаранца». В 1928 г. появились еще две национальные газеты: «Зехметкеш» («Трудящийся») на татском и «Ций и дунья» («Новый мир») на лезгинском языке. В 1931 г. в Терекли-Мектебе стала издаваться первая ногайская газета «Кызыл байрак» («Красное знамя»), в 1932 г. в Бурганкенте – «Уьру Табасаран» («Красный Табасаран»).

В соответствии с принятым постановлением ЦК ВКП(б) от 18 января 1931 г. «О сельской районной и низовой печати» во всех районах, имеющих письменность, на крупных предприятиях, в колхозах и совхозах были созданы многотиражки и стенгазеты. В 1936 г. в республике издавались 5 республиканских и 26 районных газет на 10 языках. На своих страницах они поднимали много проблемных вопросов индустриализации, коллективизации и культурной революции²⁶⁰.

Кроме газет, издавались и журналы: в 1923 г. вышли два выпуска журнала «Звезда», в 1923–1925 гг. на русском и тюркском языках выходил журнал «Дагестанский кооператор». Помимо этих периодических изданий, выходивших нерегулярно, издавались бюллетени НКВД, Наркомпроса, Госплана ДАССР, Дагестанского управления рыбной промышленности, Дагестанского музея. Более регулярно и в течение десяти лет выходил журнал Наркомпроса «Маариф юлы» («Путь к просвещению») на тюркском языке. В них публиковались и статьи, отражающие состояние и меры по развитию народ-

ного просвещения. Девизом журнала «Маариф юлы» стало «Посредством трудовой школы можно добиться расцвета культуры и общества».

Растущий престиж газет, их роль в жизни общества росли благодаря тому вниманию, которое уделяло руководство республики их работе. Когда в ноябре 1925 г. состоялась 1-я Вседагестанская конференция работников печати и рабселькоров, на ней с большим докладом «Роль и значение печати в Дагестане» выступил председатель Совнаркома ДАССР Дж.А. Коркмасов. Доклад был опубликован в виде небольшой брошюры.

Среди задач, на которые следовало обратить внимание печати, он особо подчеркивал, что «... надо найти путь к массе, нужно договориться с ней на понятном для нее языке, показать ей содержание, перспективы новой советской культуры, вовлечь ее в это новое культурное строительство, с другой стороны, надо научить использовать старые культурные завоевания для нового быта»²⁶¹.

Следует признать довольно смелым и рискованным в условиях всеобщего отрицания в прошлом культуры у народов, особенно национальных окраин, высказывание Дж. Коркмасова по этому поводу. Часто повторяющиеся заявления о том, что у Дагестана в прошлом не было культуры, он назвал пустой, выдуманной фразой и выразил свое убеждение коротко и ясно: «... культура была и есть»²⁶².

Человек, имевший опыт по созданию русской газеты «Стамбульские новости» в далекой Турции, высоко ценил роль печати, особенно в период строительства новой жизни. Как говорил Дж. Коркмасов, «новая общественность и новая культура могут создаваться только при ее (печати. — А.О.) помощи...»²⁶³.

В 30-е гг. широкий размах приняла издательская деятельность. В постановлении бюро Дагестанского обкома партии (декабрь 1931 г.) «О реорганизации и постановке издательской работы в ДАССР» подчеркивалось решающее значение издательской работы в проведении культурной революции, необходимость повышения качества издаваемой литературы, чтобы она отвечала возрастающим культурным запросам масс. О росте издательского дела в республике можно судить по следующим показателям роста объема выпускаемой литературы. В 1925 г. Дагестанское книжное издательство выпустило всего 19 наименований книг общим объемом 41 печатный лист. В 1938 г. тем же издательством было выпущено 190 названий книг, из них 177 названий были изданы на аварском, даргинском, кумыкском, лезгинском, лакском и табасаранском языках. За двадцать лет (1920–1940 гг.) Дагкнигоиздат, не считая другие издательства, выпустил более 10 млн. экземпляров книг.

Массовыми тиражами издавалась переводная художественная литература. Горцы могли читать на родных языках произведения А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова, А.М. Горького, Т.Г. Шевченко, М.А. Шолохова, Д. Джамбула и других дореволюционных и советских писателей.

Немало художественной литературы издавалось с произведениями дагестанских поэтов и писателей. Только в 1940 г. вышло 41 название книг народных поэтов С. Стальского, Г. Цадасы, А. Магомедова, А. Гафурова, Т. Хрюгского. Издавались и произведения азербайджанского поэта Низами, осетинского поэта Хетагурова и др. С 1930 г. по 1940 г. Даггосиздатом было выпущено 264 названия произведений тиражом свыше полумиллиона экземпляров²⁶⁴.

Создание сети культурно-просветительных учреждений. В повышении культурного уровня населения, его политическом просвещении большое значение имели культурно-просветительные учреждения. Коммунистическая партия и советская власть принимали меры к созданию широкой сети клубов, библиотек, изб-читален. X съезд РКП(б) (март 1921 г.) в области культурного строительства в национальных республиках выдвинул задачу помочь трудовым массам национальных окраин «... развить у себя прессу, школу, театр, клубное дело и вообще культурнопросветительные учреждения на родном языке...»²⁶⁵.

Однако создание в республике культпросветучреждений наталкивалось не только на материальные трудности и отсутствие кадров, но и на сопротивление отсталой части населения, выступавшей против нововведений. Этим можно объяснить очень медленные темпы их роста как в городах, так особенно в сельской местности. В 1925–1926 гг. в республике было 135 клубов, из них в сельской местности 5 клубов, 85 изб-читален²⁶⁶.

Хотя численность культпросветучреждений была незначительна, однако их сеть с каждым годом расширялась. В них проводились лекции и беседы, показывались спектакли, организовывались вечера вопросов и ответов, концерты художественной самодеятельности, проводилась работа по ликвидации неграмотности и малограмотности.

10-я Дагестанская областная партийная конференция (1929 г.) приняла программу преодоления культурного отставания Дагестана, улучшения работы культпросветучреждений. Принятые меры позволили значительно расширить сеть культурно-просветительных учреждений. К концу 1940 г. в республике было всего 952 клубных учреждения, в том числе 915 в сельской местности. В библиотеках насчитывалось более 590 тыс. книг. Театров было 8, из них 1 русский театр, детский театр, остальные национальные театры. Музеев было 5²⁶⁷.

Для размещения Республиканской библиотеки им. А.С. Пушкина в 1936 г. в центре г. Махачкалы было построено новое здание с книгохранилищем на 50 тыс. томов. Библиотека превратилась в центр методического руководства районными и сельскими библиотеками, а также повышения квалификации работников массовых библиотек и изб-читален. В 1936 г. библиотека имела до 6 тыс. человек своих читателей²⁶⁸.

Советское государство, занятое мирным, созидательным трудом, огромное внимание уделяло развитию культуры. За исторически короткий срок Дагестан с помощью центра совершил невиданный в мировой практике рывок во всех сферах культурного строительства. За 20 довоенных лет для даге-

станских народов были созданы новые алфавиты, основанные вначале на латинице, а потом на кириллице, ликвидирована неграмотность, открыты светские школы, вытеснившие примечетские мусульманские школы, театры, высшие и средние специальные учебные заведения, научно-исследовательские институты, была сформирована национальная интеллигенция, многие представители которой стали известны не только в республике, но и в Союзе и за рубежом. Газеты выходили на многих национальных языках, в домах заговорило радио.

Повышение жизненного уровня и культуры населения происходило в условиях, когда вся страна строила социализм, находясь во враждебном капиталистическом окружении. Это отражалось на темпах осуществления культурной революции. Хотя было сделано гигантски много, но предстояло сделать еще гораздо больше. Однако мирные планы советских людей были прерваны вероломным нападением на Советский Союз фашистской Германии, мечтавшей о мировом господстве.

§ 5. Культура в годы Великой Отечественной войны

Начавшаяся война прервала мирный созидательный труд советских людей. За кратчайший срок надо было перестроить всю жизнь страны на военный лад, мобилизовать материальные и людские ресурсы, культурно-интеллектуальный потенциал страны на отпор врагу.

В Дагестане проводилась большая работа по перестройке народного хозяйства и мобилизации усилий рабочих, колхозников, интеллигенции на самоотверженный труд для обеспечения нужд фронта. Интеллигенция, как и все советские люди, испытывала высокий патриотический подъем, ее передовые представители обращались с заявлениями, чтобы их призвали в ряды Красной Армии для борьбы с зарвавшимися фашистами. Кто не попал на фронт – старался обеспечить более эффективную работу учреждений культуры, просвещения, искусства.

Литература. В первые же дни войны поэты и писатели Дагестана обратились к дагестанцам с пламенным призывом встать на защиту общей Родины советских людей – Советского Союза. Как писал в своих «Воспоминаниях о Великой Отечественной войне» народный поэт Дагестана, руководивший тогда Союзом писателей Дагестана А.-В.Б. Сулейманов, утром 22 июня 1941 г. он находился на городском пляже, куда пошел, чтобы искупаться в море. Там он узнал о нападении Германии на Советский Союз.

Сразу же вернувшись с моря в Союз писателей Дагестана, он созвал собрание писателей. На собрании договорились писать патриотические стихи, рассказы, организовывать встречи с трудящимися города, выступать перед ними с новыми своими произведениями. В те дни А.-В. Сулейманов написал стихотворение «Дослагъа» («Друзьям»), в котором призывал всех своих сограждан подняться на борьбу с врагом. Стихотворение было опубликовано в печати. Он, как и другие поэты, выступал на предприятиях, в учреж-

дениях с чтением своих стихов, агитируя слушателей участвовать во всенародной борьбе против фашизма.

Как пишет дальше А.-В. Сулейманов, он подумал: «Вот ты написал стихи, призывающие людей на фронт, и читаешь им, опубликовал их и в газетах! Но почему сам не идешь на фронт? Почему дома лежишь?».

После таких раздумий он обратился в горвоенкомат с заявлением отправить его на фронт. Ему отказали. После этого с таким же заявлением трижды он обращался в Дагвоенкомат, но и там отказались удовлетворить его просьбу, поскольку он имел бронь.

Тогда Сулейманов пошел на хитрость и попросил Дагвоенкомат назначить его сопровождающим призванных в Красную Армию новобранцев к месту их назначения. Это ему разрешили, и 12 декабря 1941 г. закрепленную за ним группу солдат он повез в Грузию и передал их в 370-й артиллерийский полк, входивший в 37-ю запасную бригаду Закавказского фронта²⁶⁹.

Выполнив свое задание, А.-В. Сулейманов должен был возвратиться домой, но убедил командование оставить его на фронте и воевал до конца войны. Также до конца войны воевали его друзья, поэты и писатели Миши Бахшиев, Сагид Абдуллаев, Хизгил Авшалумов, Ибрагим Керимов, Магомед Сулиманов, Абузагир Батыров и другие. На фронте погибли драматург Алим-Паша Салаватов, сын С. Стальского – Мусаиб, Раджаб Динмагомаев, Багаутдин Мигаров, Мемей Эфендиев, Манувах Дадашев, Мухтар Абакаров²⁷⁰.

Можно утверждать, что ни один писатель, способный носить оружие, не остался в стороне от тяжелых сражений, которые вела Красная Армия против фашистских полчищ. Несмотря на тяжелую болезнь, писатель Э. Капиев добровольцем отправился на фронт и стал военным корреспондентом. Он сотрудничал с фронтовыми газетами, собирал материалы для своих будущих произведений. Первым его военным произведением стали «Фронтвые очерки».

Как писатель, выросший в многонациональной дагестанской семье, где русский язык становился языком межнационального общения, и сам великолепно владевший этим языком, на фронте он много писал о дружбе народов. В очерке «Легенда и жизнь» Э. Капиев писал: «Осетин Хазаев, единственный горец в отряде, воспринял от русских своих бойцов русскую волю и душу, русское спокойствие и широту души, русскую жизнерадостность, а русские бойцы... в свою очередь восприняли от командира-горца осетинское упорство и гибкость, осетинскую нетерпеливость. Народы наши взаимно дополняют и обогащают друг друга. Сформировалась многогранная, испытанная и великая в каждой мелочи общая душа нашего обновленного советского народа. Именно это и есть одна из тайн непобедимости нашей страны»²⁷¹.

Но Э. Капиеву, твердо верившему в победу советского народа, не удалось дожить до нее. Он умер 27 января 1944 г.

Поэты и писатели старшего поколения, которые не могли носить оружие, служили родине своим не менее грозным оружием – словом. Любимец горцев Гамзат Цадаса в годы войны стал поэтом-трибуном. 29 июня 1941 г.

он выступил по дагестанскому радио с обращением к работникам литературы и искусства с призывом создавать яркие, боевые произведения, воспитывающие в широких массах любовь к Родине, мобилизующие их на борьбу с фашизмом.

Подавая пример своим собратьям по перу, он написал много патристических и антифашистских произведений различных жанров: поэму «Шамиль», пьесу «Базалай», стихотворения «Письмо сыну на фронт и его ответ», «Если убьют мужа, займу его место», «Песня уходящих в армию», «Жизнь и Родина», «За Москву», «Герои Дагестана» и другие.

За заслуги в развитии дагестанской литературы и в связи 50-летием литературной деятельности Г. Цадаса в 1944 г. в условиях еще продолжавшейся войны был награжден орденом Ленина. Это была высокая оценка литературного дарования поэта, его вклада в борьбу против германских фашистов²⁷².

Военное лихолетье выдвинуло перед писателями новые темы и вдохновило на новые творческие свершения других старейших поэтов Дагестана – Абуталиба Гафурова, Казияу Али, Тагира Хрюгского. Прикованный к постели, народный сказитель А. Акавов на основе народных сказок и песен создал новые произведения, которые метко били по непрошеным завоевателям. Тяжело больной Магомед Хуршилов, автор широко известного романа «Сулак – свидетель», написал пьесу для спектакля «Андалальцы», которая шла на сцене аварского и кумыкского театров²⁷³.

Старейшие поэты не ограничивались поэтическим словом, а стремились внести свою конкретную лепту в общенародную борьбу советских народов против завоевателей. В 1942 г., когда враг приблизился к Северному Кавказу, поэты Дагестана Г. Цадаса, А. Гафуров и Т. Хрюгский выехали на фронт, где выступали перед защитниками Кавказа. Шестидесятилетний А. Гафуров добился того, чтобы ему разрешили, наряду с другими, более молодыми, участвовать в строительстве оборонительных рубежей.

Старейшие поэты не отставали от других и в своем поэтическом творчестве. Стихи А. Гафурова вышли двумя сборниками: «За Родину» в 1942 г. и «Голос Дагестана» в 1943 г. Широко известными дагестанскому читателю стали лирические поэмы Т. Хрюгского о своих земляках Героях Советского Союза Валентине Эмирове и Гасрете Алиеве. В 1943 г. выходит сборник стихов Т. Хрюгского «Голос поэта».

А. Гафурову и Т. Хрюгскому были присвоены звания народного поэта Дагестана. Их литературная деятельность в военные годы высоко была оценена советским правительством – они были награждены орденами Трудового Красного Знамени²⁷⁴.

Поэтические и прозаические произведения военных лет Анвара Аджиева, Юсупа Хаппалаева, Аткая Аджаматова, Гаджи Залова, Шах-Эмира Мурадова, молодого Расула Гамзатова, их выступления в передачах по радио, печати, перед коллективами предприятий, колхозов, совхозов, воинских частей сыграли большую роль в патристическом воспитании трудящихся.

На создание писателями произведений, вдохновляющих советских людей на героические подвиги во имя защиты родины, нацеливал Союз писате-

лей республики, возглавляемый в те годы литературным критиком Камилем Султановым. Многие подвиги дагестанцев на фронтах Великой Отечественной войны стали известны благодаря любимой всеми дагестанскими фронтовиками периодической газете-письму «Дагестан – своим фронтовикам», душой и вдохновителем которой был литературовед Александр Назаревич. Журналист-очеркист Дмитрий Трунов стал как бы военным корреспондентом Дагестана, побывал на многих фронтах и написал о многих дагестанцах, совершивших героические подвиги²⁷⁵.

Уже после войны фронтовик М.Д. Буцаев, сам получавший эти письма-газеты и ставший писателем, доктором исторических наук, писал в 1983 г.: «...В какой-то степени нам даже по-доброму завидовали наши боевые друзья, видя, что мы получаем такие душевные письма. Фактически эти вестники из родного края сражались вместе с нами...»²⁷⁶.

Писательская интеллигенция Дагестана, как и все советские люди, с честью выдержала испытания, которые пережили наши народы в годы войны. Как писал Э. Капиев, «профессия писателя считалась мирной профессией... но теперь и писатели в бою»²⁷⁷. В бою были не только те писатели, которые непосредственно воевали на фронтах Великой Отечественной войны, но и те, которые остались дома. Они сражались с врагом своим главным оружием – словом. Они воспевали героика фронта и тыла, героическое прошлое и мужественное настоящее дагестанских народов. По новизне и насыщенности тематики, по разнообразию жанров и росту идейного уровня, по своеобразию приемов и средств раскрытия содержания дагестанская литература военных лет поднялась на более высокий по сравнению с довоенным уровнем этап своего развития.

Война тяжело отразилась на всех сферах народного хозяйства и духовной жизни советского общества. Образовательная система, обучение детей, чему советская власть всегда уделяла огромное внимание, переживали большие трудности. Резко сократилось количество педагогических кадров, главного звена в школьной образовательной системе. Только за первые два года на войну ушло более 3,5 тыс. учителей Дагестана. Ухудшилась материально-техническая база школ. Многие здания городских школ были переданы под госпитали и другие нужды воинских частей, расквартированных в Дагестане. Из-за нехватки помещений школы переходили на двух- и даже трехсменные занятия. В условиях военного времени труд школьников широко использовался в производстве, и особенно в сельскохозяйственном. По этим причинам резко возрос отсев учащихся из школ.

Серьезные изменения произошли и в учебно-воспитательной работе. Значительное время отводилось военно-патристическому и трудовому воспитанию учащихся, обучению старшеклассников военному делу. Под руководством учителей учащиеся трудились на колхозных и совхозных полях, собирали пшеничные колосья, работали на различных сельскохозяйственных машинах. В 1942 г. в колхозах и совхозах работали 1600 учителей и 32400 школьников. В 1943–1944 гг. в сельхозработах участвовало свыше 63,5 тыс. учащихся и учителей Дагестана²⁷⁸.

Трудности военного времени привели к сокращению сети школ и численности учащихся. Если в 1940/41 учебном году насчитывалось 1207 школ и 168515 учащихся в них, то в 1944/45 учебному году количество школ составило 1134, в которых обучалось 138000 учащихся²⁷⁹.

Сокращение школьной сети наметилось с начала войны, и тогда же были приняты срочные меры по оказанию помощи народному образованию. 15 декабря 1942 г. было принято постановление бюро обкома ВКП (б) и СНК ДАССР, в котором были намечены меры по укреплению материально-технической базы педагогических училищ, улучшению бытовых условий преподавателей и учащихся, созданию с этой целью учебно-опытных хозяйств.

Это позволило увеличить прием учащихся в педучилища. К концу 1943 г. численность учащихся педучилищ по сравнению с соответствующим периодом 1942 г. выросла в 2,4 раза и достигла 667 человек. Большинство их были выходцами из народностей Дагестана. Немало учителей готовилось на полугода-, трех- и шестимесячных республиканских курсах²⁸⁰, что несколько ослабило остроту проблемы с педагогическими кадрами.

Хотя учителя трудились самоотверженно, их не хватало. На 1 января 1943 г. в Дагестане функционировали педагогический и учительский институты, 6 педагогических училищ: Буйнакское, Хасавюртовское, Дербентское, Гунибское, Сергокалиновское и Кумухское²⁸¹. В 1941 г. педагогических училищ было 7 и одно из них к 1943 г. было сокращено. За этот же период количество обучающихся в педучилищах сократилось с 1585 до 585 человек.

Примерно такие же сокращения произошли и в вузовской системе образования. Если в 1941 г. было 4 вуза (педагогический, учительский, медицинский и сельскохозяйственный институты), то к началу 1943 г. осталось 3 вуза (сельскохозяйственный институт уже не функционировал), а количество студентов в них уменьшилось с 1836 до 718 человек²⁸².

Такое большое сокращение педагогов, студентов и учащихся, произошедшее в первое время после начала войны, несмотря на принимаемые меры, сразу не удалось ликвидировать. Позитивные сдвиги в этом вопросе наметились лишь к концу войны, когда государство увеличило финансирование народного образования. На 1 июля 1945 г. в школах числилось 5790 учителей, но среди них многие не имели большого опыта работы. Из них с высшим образованием было 378 человек, с незаконченным высшим образованием – 468 человек, остальные – со средним и незаконченным средним образованием. 3170 человек имели стаж работы в школе от одного до 5 лет.

Чтобы повысить знания учащихся, следовало оказать молодым учителям методическую помощь. На эти вопросы стали обращать все больше внимания, в городах работали постоянно действующие школьные и общегородские методические объединения, в школах проводились открытые уроки с приглашением учителей других классов и школ, в печати лучшие учителя выступали со статьями, где делились своим опытом, давали методические советы.

Оказанию методической помощи и переподготовке учителей много внимания уделял Дагестанский институт усовершенствования учителей. Институтом были изданы 6 сборников статей, в которых был обобщен опыт лучших учителей Дагестана, для усиления методической помощи учителям, разработан учебник и учебные пособия. В 1944 г. в Махачкале был открыт второй научно-исследовательский институт – Институт школ при Наркомпросе²⁸³.

В решении этих вопросов всевозрастающую помощь республике оказывал центр. По постановлению Государственного Комитета Обороны СССР в 1942 г. почти все районы Дагестана (за исключением 4-х равнинных) были освобождены от налогов. В 1943 г. дополнительно к этому 3 горных района и 100 колхозов были освобождены от налогов и госпоставок. Если на развитие народного образования республики в 1941 г. было израсходовано 60407 тыс. руб. и в 1943 г. – 56201, 3 тыс. руб., то в 1945 г. на эти же цели были использованы 91270 тыс. руб.

Вне сомнения, школы находились на государственном содержании. Но немаловажное значение в этом деле имело то внимание, которое уделяли им общественность, колхозы и совхозы. Ежегодно они оказывали органам народного образования помощь в ремонте школ и подготовке их к новому учебному году, обеспечении школьников-детей фронтовиков горячими завтраками, обувью, теплой одеждой. На средства колхозов и силами колхозников в годы войны были построены новые школьные здания в Кулинском, Ахвахском, Казбековском, Гумбетовском, Цумадинском и других районах²⁸⁴.

В годы войны произошли изменения в учебном процессе и школьных программах, направленных на улучшение образования. В 1941/42 учебном году в 7 – 10 классах было введено обучение основам агротехники для подготовки учащихся к сельскохозяйственным работам. По постановлению Совнаркома СССР от 1 декабря 1943 г. было введено обучение детей с семилетнего возраста. Для снятия перегрузок, которые выпадали в связи с этим на учащихся, из учебных планов 2 и 3 классов начальной школы были сняты естествознание и география. Была введена пятибалльная система оценки знаний учащихся, установлены выпускные экзамены по окончании начальной и семилетней школы и экзамены на аттестат зрелости, утверждены «Правила для учащихся», учреждены золотые и серебряные медали для оканчивающих школы с отличными оценками.

В годы войны во всех школах повысилось внимание к военно-физкультурной и оборонно-массовой работе. В школах проводились подготовка значкистов в кружках противоздушной и противохимической обороны и др., военные игры, тактические занятия.

Несмотря на всевозрастающий объем задач, большие материальные трудности, отсутствие многих учебников, школьных и ученических принадлежностей при сочетании педагогической деятельности с общественно-политической работой, дагестанские учителя обучали грамоте и давали знания подрастающему поколению. Их труд был высоко оценен. В 1944 г. 14 учителям республики было присвоено звание заслуженного учителя

ДАССР. В 1985 г. 32 учителя были награждены орденами и медалями СССР²⁸⁵.

Положение дел в школах Дагестана было рассмотрено на совместном заседании Совнаркома ДАССР и бюро Дагестанского обкома 4 декабря 1943 г. В ходе обсуждения было принято совместное постановление «О мероприятиях по улучшению работы школ республики». В нем был намечен целый ряд мероприятий, направленных на улучшение работы школ. Исполкомом городских и районных Советов депутатов трудящихся, городским и районным комитетам ВКП(б) поручалось провести сплошную проверку выполнения закона о всеобщем обучении и принять меры к полному охвату детей учебной, проверить готовность школ к зимним условиям работы и принять срочные меры к устранению недостатков. Наркомпросу для оказания методической помощи учителям предлагалось организовать с 1 января 1944 г. педагогические кабинеты в каждом районе, а также создать при Наркомате учебно-педагогическое издательство. Кроме того, Наркомпросу было предложено обеспечить организацию с 1 сентября в г. Махачкале женского педагогического училища (прием – 90 человек) и в те же сроки создать в Махачкале учительский институт (прием – 120 человек). Были намечены меры по составлению учебников для родных языков, увеличению выпуска учебников, обеспечению школ преподавателями по родным языкам и литературе, изданию детской художественной литературы и т. д.²⁸⁶

Подготовка учительских кадров, повышение их педагогического мастерства, укрепление материально-технической базы школ, более полный охват детей учебной деятельностью способствовали улучшению работы школьной сети. По сравнению с довоенным временем увеличилась сеть школьных интернатов. В 1945/46 учебном году в республике функционировали 104 школьных интерната, в которых обучалось 5225 учащихся. Были созданы десятки детских домов, в которых воспитывались тысячи детей фронтовиков и детей, оставшихся без родителей. Если в 1940 г. в республике было 7 детских домов с контингентом 608 детей, то в 1945 г. их количество увеличилось до 33, и в них было охвачено 4059 детей²⁸⁷.

Несмотря на принимаемые меры, закон о всеобщем обучении детей в военные годы плохо выполнялся. Если в 1940–1941 гг. в Дагестане было охвачено обучением не более 14 тыс. детей, то к 1944–1945 гг. эти показатели хотя и несколько снизились, однако оставались все еще высокими. К концу войны 8 тыс. детей не посещали школу. Другим серьезным недостатком в деле осуществления всеобщего обучения детей был их отсев в течение учебного года²⁸⁸. На решение этой задачи были направлены усилия партийных, советских и школьных организаций республики в послевоенные годы.

Наука и научные исследования. В довоенные годы наука и научные учреждения набрали хорошие темпы роста. В 1941 г. в Дагестане насчитывалось 9 научно-исследовательских учреждений и организаций: 4 научно-исследовательских института (Институт истории, языка и литературы, Институт промышленности, тропический институт, санитарно-бактериологический институт); опытная станция по животноводству, зональ-

ная опытная станция по виноградарству и овощеводству, зональная опытная станция по плодоводству, лесомелиоративная опытная селекционная хлопковая станция²⁸⁹.

Война, все более приближавшаяся к Северному Кавказу, серьезно изменила характер и содержание работы научно-исследовательских учреждений и их научного потенциала. Многие ученые добровольно ушли или были мобилизованы на фронт. Часть программ научных исследований пришлось переориентировать в соответствии с требованиями военного времени или сократить. Немало ученых перестроили свои научно-исследовательские планы и стали разрабатывать темы, имеющие оборонное значение. Дагестанский научно-исследовательский институт промышленности разработал новый технологический процесс, позволивший наладить производство цемента из местного сырья.

В Махачкалинской химической лаборатории Наркомата местной промышленности Дагестана было налажено производство мыла, одеколona, вазелина, зубного порошка и других предметов ширпотреба, до войны ввозившихся в республику из других регионов страны²⁹⁰.

Преподаватели Дагестанского государственного педагогического института, занятые напряженной учебной работой, находили время и интерес для разработки проектов, востребованных военной обстановкой. У.А. Мамип был занят разработкой темы «Учет геологических особенностей при земляных работах, связанных с обороной городов», профессор Б.П. Дитмар – темы «Геоморфология в военном деле», профессор В.М. Боровский – «Биологические основы обучаемости животных», доцент П.Л. Дитмар – «Лекарственные растения в Дагестане». В институте проводились и другие исследования.

За большую работу в годы войны 2 научных работника Дагпединститута были награждены орденами, 14 работников – медалью «За оборону Кавказа» и 4 – почетными грамотами Президиума Верховного Совета ДАССР²⁹¹.

В трудный для горного края период войны, когда фронт приблизился к Дагестану, профессора Дагестанского медицинского института В.Р. Божовский, О.А. Байрашевский, В.Г. Будылин, М.С. Доброхотов, В.А. Глазов, В.А. Чудносоветов, С.М. Некрасов, Х.О. Булач, доцент А.Г. Подвирко, И.Н. Пиккуль и другие организовали налаженный прием раненых, успешно их лечили. Многие из них вновь возвращались в строй, медицинские работники госпиталей, среди которых было немало молодых врачей, сутками не покидали раненых и помогали им быстрее выздоравливать.

Профессора и преподаватели в нелегких условиях продолжали научную работу, которая помогала в лечении больных. Профессор В.Г. Будылин исследовал тему «Лечение ран бактериофагом», профессор О.А. Байрашевский – «Питание раненых и хирургических больных», Х.О. Булач – «К диагностике симпатического воспаления», профессор С.М. Некрасов – «Лечение огнестрельных переломов плечевой кости», М.Т. Нагорный – «Огнестрельные переломы бедра» и т. д.²⁹²

Самоотверженный труд врачей и работников здравоохранения республики был высоко оценен. Сотни медицинских работников были награждены

орденами, медалями СССР и Почетной грамотой Президиума Верховного Совета ДАСС. Среди них 223 человека являлись работниками эвакогоспиталей. 12 врачам было присвоено звание заслуженного врача РСФСР, 10 врачам – заслуженного врача ДАССР, 2 – заслуженного деятеля науки ДАССР²⁹³.

Вузы и научные учреждения Дагестана начали перестраивать свою работу с учетом потребностей и нужд фронта. Тем не менее некоторые из них пришлось в начале войны закрывать, в том числе и экспедиции, организованные Академией наук СССР. Летом 1940 г. в Дагестане и на Северном Кавказе начала работать самая крупная комплексная экспедиция Академии наук, возглавляемая академиком Н.И. Вавиловым. Она была занята изучением широкого круга научных проблем растениеводства, почвоведения, животноводства, геологии, геоботаники и др. Работа экспедиции была прервана в связи с началом войны²⁹⁴.

Начавшаяся война прервала с таким трудом налаживавшуюся после репрессий 1936 г. жизнь коллектива Института истории, языка и литературы. «В связи с неактуальностью работы института в условиях военного времени...», как отмечалось в постановлении Совнаркома ДАССР и бюро Дагестанского обкома партии от 27 августа 1941 г., была приостановлена его деятельность²⁹⁵. Однако институт не заслуживал такого отношения к своей работе, ведь исследования его ученых были посвящены героическим страницам истории Дагестана. В 1940 г. вышла монография директора Института, к. и. н. Р. Магомедова «Восстание горцев в 1877 г.». В том же году под его редакцией вышел сборник документов «Материалы по истории Дагестана и Чечни» (Т. 3. Ч. 1 ; 1801–1839 гг.)). Кроме того, им были опубликованы работы «Завоевание арабами Дагестана в VII–IX веках», «Дагестан в эпоху татаро-монгольского ига», «Разгром войск персидского завоевателя Надир-шаха в горах Дагестана», «Шамиль» и др.

К этой тематике подключился работавший в институте Н.П. Эмиров, начавший исследования по истории Гражданской войны в Дагестане. Им были подготовлены небольшие книги о видных революционерах горного края – У. Буйнакском, М. Дахадаеве, К.-М. Агасиеве²⁹⁶.

Власти быстро осознали важность работы института, и с 10 июня 1942 г. его деятельность была возобновлена. Однако численность сотрудников института сократилась более чем наполовину, да и работали они по совместительству. В полную силу институт начал работать с 1944 г. В трех секторах его трудились 10 научных сотрудников, в том числе 4 историка, 4 лингвиста и 2 литературоведа. С учеными степенями кандидатов наук было 3 человека.

В 1944 г. по указанию Дагестанского областного комитета партии при институте была создана комиссия по истории Великой Отечественной войны. Она проводила большую работу по установлению связей тыла с фронтом, изданию ежемесячного письма-газеты для воинов-дагестанцев, выпускаемого массовыми тиражами.

В июле 1944 г. Институт истории, языка и литературы совместно с Дагестанским педагогическим институтом провел научную сессию, на которой с докладами выступили известные ученые из Москвы и Дагестана. Академик И.И. Мещанинов (Москва) представил доклад «Современное состояние изучения истории Дагестана и его языков и дальнейшие перспективы в этом направлении», профессор Н. Ф. Яковлев (Москва) – доклад «О древности культуры в Дагестане по данным материальной культуры». Доклады ученых Дагестана были посвящены темам: «О героическом прошлом народов Дагестана» (к. и. н. Р.М. Магомедов), «Аффиксация и словообразование в аварском языке» (к. фил. н. М.Д. Саидов), «Исторические истоки формирования кумыкского языка» (к. филол. н. А.Н. Батырмурзаев), «Лексика Великой Отечественной войны» (старший преподаватель Дагпединститута Д. Шейнгауз)²⁹⁷.

Научная сессия показала возросший уровень научного потенциала республики и сыграла важную роль в развитии дагестанской науки. После этого стало возможным ставить и решать вопрос о создании в октябре 1945 г. Дагестанской базы Академии наук СССР.

Надо сказать, что выполняя напряженные планы и задания по выпуску военной промышленной и сельскохозяйственной продукции, партийные и советские организации республики проявляли заботу о подготовке специалистов народного хозяйства, преподавателей школ, инженеров, агрономов и др. В 1944 г. был организован Научно-исследовательский институт школ, открыты женский учительский институт, женское педагогическое училище. За годы войны и первый послевоенный год в республике было подготовлено свыше 1600 специалистов с высшим и средним специальным образованием²⁹⁸.

Искусство. Большую патриотическую работу в годы Великой Отечественной войны проводили работники культуры и искусства. Культурные учреждения, театральные коллективы, деятели искусства перестроили свою работу, стали создавать произведения, отвечающие духу и задачам военного времени, отражающие славные страницы прошлого, героическую борьбу советского народа против фашистских захватчиков. Изменились репертуарные планы театров, концертные программы ансамблей, в них больше стало патриотических постановок.

Необычайно широкий размах не только для тяжелого военного времени, но и для мирных условий приняла концертная деятельность Дагестанского национального ансамбля песни и пляски. Ежегодно, разделившись на несколько групп, в теплое время года ансамбль выезжал в районы республики и обслуживал колхозников, занятых на сельскохозяйственных работах. За 1942–1945 гг. ансамбль выступил перед 400 тыс. зрителей.

В феврале 1942 г. Ансамбль песни и пляски Дагестана был приглашен для выступлений с концертами перед воинами Закавказского фронта. Выступления ансамбля прошли успешно, и командование фронта попросило продлить сроки пребывания ансамбля на фронте еще на неделю. Дагестанский национальный ансамбль выезжал на этот фронт вторично.

В июне 1943 г. по просьбе Центрального дома Советской Армии Дагхансамбль выехал на Центральный фронт, дал 62 концерта, за что получил благодарность от командования фронта²⁹⁹.

Дагестанский национальный ансамбль выступал в военных госпиталях, призывных пунктах, воинских частях, расположенных в Дагестане. За годы войны он дал 469 концертов. Кроме того, с концертами перед ранеными, военнослужащими и населением выступали артисты театров, певцы, музыканты, участники художественной самодеятельности клубов и школ. Их силами было организовано около 4000 концертов³⁰⁰.

Когда летом 1942 г. враг приближался к границам Дагестана, работники искусства республики по своей инициативе, поддержанной областной партийной организацией и правительством, организовали фронтовую бригаду, в которую вошли представители различных видов и жанров искусства. Первым выступлением коллектива бригады перед воинами Красной Армии состоялось 27 сентября 1942 г. Бригада провела на фронте около 3-х месяцев и дала около 100 концертов. К 25-й годовщине Красной Армии все члены концертной бригады были награждены Почетной грамотой Президиума Верховного Совета ДАССР,

В обслуживании фронта и тыла активно включились театры Дагестана. Большую помощь в решении этой задачи им оказали известные театры страны, эвакуированные в Махачкалу. В республике работали Московский театр им. М. Ермоловой, Ростовский драматический театр им. М. Горького, Московский цыганский театр «Ромэн», Харьковский драматический театр и другие театры, показавшие зрителям сотни спектаклей.

Спектакли театра им. Ермоловой, поставленные им по пьесам В. Соловьева «Фельдмаршал Кутузов», К. Симонова «Русские люди», «Парень из нашего города» и другие, были тепло приняты дагестанскими зрителями³⁰¹. Особенно высокую оценку дагестанской прессы и зрителей получил спектакль «Парень из нашего города», премьера которого состоялась в Махачкале 7 ноября 1941 г., в тот день, когда в Москве был проведен военный парад, посвященный 24 годовщине Великой Октябрьской социалистической революции и вызвавший по всей стране широкий патриотический подъем. Это событие, вдохновленная игра артистов сделали спектакль самым любимым и посещаемым³⁰². Артисты театра проводили также встречи с артистами дагестанских театров, делились с ними своим опытом. Все это стало большой школой для дагестанских артистов.

В 1941 г. в республике имелись 8 драматических театров: Русский драматический театр, Дагестанский государственный кумыкский театр (оба в Махачкале), Дагестанский драматический аварский театр в г. Буйнакске, Лезгинский драматический театр (сел. Ахты), Азербайджанский театр драмы и Татский театр драмы (оба в г. Дербенте), детский кукольный театр в Махачкале³⁰³. В 1942 г. на базе Дагестанской филармонии был создан театр миниатюр.

В начале войны азербайджанский, татский и лакский театры вынуждены были временно прекратить свою деятельность. Остальные театры, а с

1943 г. включая и театры, прекратившие свою деятельность, направили свои усилия на более полное обслуживание фронта и тыла. На это их нацеливало и постановление Совнаркома ДАССР и бюро Дагестанского обкома партии от 6 февраля 1943 г. «О мероприятиях по развитию искусства в республике». Высоко оценивая работу театров в первые годы войны, Совнарком и обком партии тем не менее указали на недостатки в их работе, отставание тематики от современности, отсутствие в репертуаре пьес об Отечественной войне³⁰⁴.

От театров требовалось, чтобы более активнее решались задачи военного времени. Репертуар довоенного мирного сезона постепенно стал заменяться военными и патриотическими пьесами. Кумыкский театр включается в обслуживание населения и воинских частей с большой и многогранной программой. Его антивоенный репертуар состоял из одноактных пьес, сатирических стихов и фельетонов на Гитлера и его окружение, басен и рассказов дагестанских авторов, из лучших одноактных военных пьес, созданных советскими драматургами³⁰⁵. В 1943 г. театр впервые осуществил постановку музыкальной драмы о легендарном Хочбаре, а также пьесы «Намус» Ширван-Заде, «Айгази» А.-И. Салаватова.

Кроме театральных постановок, Кумыкский театр выделил группу из 12–13 артистов театра, которая организовывала концерты на призывных пунктах. Ряд сотрудников театра вступили в народное ополчение, несколько человек записалось на курсы медицинских сестер.

Военная тематика Аварского театра была составлена на основе поэтических памфлетов и басен Г. Цадасы. На сцене театра шли с прежним успехом пьесы Г. Цадасы «Базалай» и «Айдемир и Умайганат», М. Хуршилова «Андалальцы». Театром была создана небольшая труппа, которая с одноактными пьесами, песнями и стихами Р. Гамзатова выступала в районах, госпиталях, воинских частях. Артисты театра успевали участвовать и в строительстве оборонительных рубежей.

В репертуарах Лакского и Лезгинского театров тема войны была представлена пьесами или литературными композициями по произведениям А. Гафурова, С. Стальского, Г. Цадасы и других поэтов.

Хотя дагестанские театры старались осуществлять постановки пьес дагестанских авторов, но из-за слабого развития дагестанской драматургии пьес на актуальные темы не хватало. Поэтому в поисках пьес театры обращались к драматургии других народов, особенно русского народа. Ставились пьесы советских драматургов С.К. Симонова, Крона, Шейнина, Рахманова, Ю. Германа и др., а также произведения русских и зарубежных классиков (Л. Толстого, А. Островского, Н. Гоголя, М. Горького, Мольера, Шекспира и др.).

В 1942 г. театры дали 1500 спектаклей и концертов, которыми было охвачено 500 тыс. человек. За первые два с половиной года театры обслужили 1,5 млн. зрителей³⁰⁶.

В годы войны театры в целом успешно решали задачи по обслуживанию дагестанского зрителя, военнослужащих воинских частей, расположенных в Дагестане, а также военных госпиталей. Однако театры испытывали

большие трудности, особенно связанные с их материальным положением. Эти вопросы рассматривались и решались в ходе подготовки и проведения первого Всероссийского совещания по вопросам искусства (январь 1945 г.), чтобы проанализировать деятельность театров в годы войны и определить задачи по дальнейшему повышению профессиональной квалификации и их творческого уровня. Управление по делам искусств при Совнарком РСФСР и ВТО провели смотр театров автономных республик РСФСР. На смотре, состоявшемся в марте 1945 г., Кумыкский театр показал спектакли «Айгази» А.-П. Салаватова, «Андалал» М. Хуршилова, «Намус» А. Ширванзаде, «Ходжа Насреддин в Бухаре» В. Соловьева и Витковича; Аварский театр показал зрителям спектакли «Встреча в темноте» Ф. Кнорре и «Хочбар» Н. Славинской (Н. Капиевой); Дербентский – «Невеста огня» Д. Джабарлы, «Качак Наби» С. Рустама, «Ашуг Гариб» З. Гаджибекова; Лакский – «Севиль» Д. Джабарлы, «Омар и Айшат» М.-Х. Пашасева, «Лекарь поневоле» Мольера, Лезгинский – «Мешади Ибад», «Севиль», «Ашуг Гариб», «Кыз сатан».

Как по разнообразию репертуара, так и по тематике представленные на смотре спектакли свидетельствовали о росте творческого и художественного уровня национальных театров. В конце апреля были подведены итоги смотра театров. Лучшим театром республики был признан Кумыкский театр, главным режиссером которого был Г.А. Рустамов. Сотрудничал в театре заслуженный артист Крымской АССР, режиссер и артист С. Джетере. Ведущими актерами театра были Б. Мурадова, А. Курумов, А. Курбанов, Е. Легомениди, Т. Гаджиев, Г. Ахмедова, Х. Магомедова.

На совещании по итогам отмечался возросший уровень постановок Аварского театра. Театр рос от спектакля к спектаклю, он обращался все более к сложным драматургическим произведениям. Удачным оказалось и его обращение к пьесе О. Ахундова «Любовь и месть», в которой рассказывалось о социальных конфликтах в обществе, характерных для дореволюционного Дагестана.

Творческий подъем был отмечен и в работе Лезгинского и Лакского театров. Наиболее удачными сценическими постановками этих театров были соответственно «Мешади Ибад» и «Лекарь поневоле». После 2-летнего перерыва возобновилась работа Русского театра, игравшего важную роль в подъеме национального театрального искусства³⁰⁷.

Смотр театров дал возможность критически оценить работу театров за годы войны, определить наиболее важные задачи организационной и репертуарной политики, развития театральной культуры, подготовки актерских кадров.

Культурно-просветительные учреждения. Большое внимание работе дагестанских культурно-просветительных учреждений в военное время уделяла областная партийная организация. В первые же дни войны 24 июня 1941 г. бюро областного комитета ВКП(б) приняло постановление «Об агитации и массовой работе в связи с Отечественной войной СССР против разбойничье-

го нападения фашистской Германии». В постановлении были определены задачи культурно-просветительной работы среди населения³⁰⁸.

В соответствии с постановлением были пересмотрены составы агитколлективов, к их работе были подключены учителя, медработники, колхозный актив. В домах культуры, клубах и избах-читальнях проводились громкие читки газет, ознакомление посетителей с сообщениями Советского информбюро, новостями о ходе военных действий, положении на фронте и в тылу.

Значительная работа была проведена по обновлению кружков художественной самодеятельности, пополнению численности их участников, укреплению материальной базы культпросветучреждений. В 1942 г. в республике работали 568 изб-читален, 142 колхозных клуба, 35 домов культуры, 82 массовые библиотеки и 5 музеев.

При многих клубах, районных домах культуры, колхозах работали кружки художественной самодеятельности. В 1943 г. насчитывалось 179 драматических, 281 хоровой, 222 танцевальных, 40 кружков народных инструментов. В них принимали участие 3658 человек.

О том внимании, которое им уделялось, свидетельствует то, что в 1943 г. проводились городские, районные и республиканский смотры художественной самодеятельности. На республиканский смотр художественной самодеятельности, который состоялся 25 октября – 7 ноября 1943 г., съехался 431 человек. Смотр показал, что, несмотря на трудности военного времени, художественная самодеятельность народа растет и развивается³⁰⁹.

В годы войны численность этих культурно-просветительных учреждений хотя и несколько сократилась, тем не менее в основном они сохранились. Количество клубных учреждений в 1945 г. выросло до 790, а в сельской местности – до 758³¹⁰. Однако их численность не дошла еще до довоенного уровня. Что касается других учреждений, то их количество в основном удалось сохранить на довоенном уровне.

Музыкальная культура. Все виды дагестанского искусства в предвоенные годы находились на подъеме, и намечались планы дальнейшего его развития. Менее чем за месяц до начала войны 27 мая 1941 г. в Махачкале была проведена первая республиканская конференция работников искусства, а также республиканское совещание ашугов и сказителей. В проведении этих мероприятий, подготовке принятых ими рекомендаций большую роль сыграл известный композитор Дагестана и музыкальный работник П. Ф. Проскурин. Не без его влияния были приняты рекомендации, направленные на решение важных задач музыкальной культуры республики. В них предусматривались такие мероприятия, как организация Дагестанской государственной филармонии, симфонического оркестра (40–50 человек), хора (24–30 человек), создание оперной и балетной студий на базе Кумыкского театра, введение госзаказов композиторам на создание музыкальных произведений крупных жанров (опера, балет, музыкальные произведения) на дагестанские темы, организация экспедиций для записей и сбора народной музыки и фольклора и др.³¹¹

Выполнению смелых для своего времени планов помешала война. Композиторы и музыкальные деятели М. И. Плоткин, Н.С. Дагиров, И.Г. Савченко, В.В. Сперанский, З.М. Гаджиев и другие были мобилизованы на фронт. Некоторые из них погибли.

С началом войны пришлось приостановить деятельность отдельных музыкальных учреждений. 25 августа 1941 г. было принято постановление Совнаркома ДАССР о временном прекращении работы единственного в республике музыкального училища. Вслед за этим, 22 ноября того же года было принято постановление о передаче духовых инструментов училища воинским частям³¹².

Поредешие ряды композиторов республики были объединены в единую организацию. В 1942 г. был создан Союз композиторов Дагестана, перед которым была поставлена вдохновляющая задача создания новых высокохудожественных произведений, отражающих современную действительность³¹³. Уже в первые месяцы войны появились песни «оборонного жанра», написанные широко понравившимися дагестанцам с еще довоенных лет («Песенниками») П.Ф. Проскуриным и Т.А. Мурадовым.

Тема войны звучала в песенном творчестве всех дагестанских композиторов. Это прежде всего относится к творчеству таких композиторов, как П. Проскурин, А. Абрамянц, Х. Ханукаев, Т. Мурадов, Б. Кулиев, А. Давыдов и т. д. Автор оперы «Хочбар» и других крупных произведений Г. Гасанов, возвратившись в 1942 г. из Ленинграда в Дагестан, также обратился к песенному творчеству («Песнь о герое» – о М. Гаджиеве, «Герой Эмиров» и др.).

Для песенного творчества дагестанских композиторов военных лет было характерно обращение к разнообразным жанрам песен. Среди них можно отметить песни героического характера, патристические, воинские песни-марши, песни-гимны и другие жанры. Даже в самих названиях песен отражалась их жанровая и тематическая направленность: «Оседлайте, горцы, боевых коней», «На врага за Родину, вперед» (Проскурин), «Бить врага до победного конца», «Конец фашизму» (Абрамянц), «Непобедимая Красная Армия» (Мурадов), «Всенародная война» (Борисов) и другие³¹⁴. В них звучала всенародная любовь к отчизне и твердая вера в победу над врагом.

Изобразительное искусство. В годы войны поступательное развитие изобразительного искусства хотя и не приостановилось, однако перед ним возникли новые задачи, обусловленные требованиями суровых военных лет. Художники М.-А. Джемал, Х.-Б. Аскар-Сарыджа, Д. Капаницын, Ю. Моллаев, Б. Смирнов от имени Союза художников Дагестана предложили по опыту Москвы организовать мастерскую «Окон ТАСС» и выпускать агитплакаты. Они выпускались на аварском, даргинском, кумыкском, лезгинском, лакском и других языках и рассылались в городские, районные и сельские агитпункты, а также вывешивались в местах строительства оборонительных сооружений. На эти стройки выезжали и художники, чтобы там на месте организовать выпуск плакатов, отражающих самоотверженный трудо-

вой подвиг трудящихся. Уже к концу 1941 г. только в городах и райцентрах было установлено 40 витрин «Окон ТАСС»³¹⁵.

По мере нарастания всенародной борьбы против гитлеровских войск, проявлений советскими людьми беспримерных подвигов на фронтах Великой Отечественной войны художники обращаются к созданию героических образов. В этом преуспел М.-А. Джемал. Его живописные полотна были посвящены Героям Советского Союза С. Алиеву, А. Ситковскому, Э. Джумагулову, Л. Гальченко, Ю. Акаеву, Ш. Абрамову, А. Абдуллаеву, Г. Буганову, Р. Сулейманову, М. Гамзатову, Н. Подорожному³¹⁶.

Успехи на фронтах Великой Отечественной войны воодушевляли художников, они возвращались, как и в мирные годы, к различным жанрам и видам изобразительного искусства, которые были отодвинуты в связи с необходимостью в условиях военного положения республики концентрировать свои усилия на создание агитационно-массовых форм искусства. М.-А. Джемал создал картину «Бой подводной лодки с немецко-фашистскими кораблями», Ю. Моллаев – «Передача бронепоезда им. М. Гаджиева воинской части», М.-К. Юнусилау – «Отец идет с сыновьями на фронт».

К созданию таких художественных полотен обращаются и художники Д. Капаницын, Д. Беспалов и др. Скульптор Х.-Б. Аскар-Сарыджа создал бюсты Героя Советского Союза В. Эмирова, народного поэта Дагестана Г. Цадасы и другие произведения³¹⁷.

Искусство Дагестана военных лет при всех недостатках и трудностях, с которыми оно столкнулось, в целом правильно и достаточно полно отражало общественные явления, героический и ратный подвиг народов Дагестана. В произведениях дагестанских художников получили выражение патристическое воодушевление, возросшее самосознание и интерес к прошлому народа. Их художественные достижения завершают период военной эпохи в истории изобразительного искусства Дагестана.

Декоративно-прикладное искусство. Война и связанная с нею концентрация усилий всего народа на решение задач обороны страны внесла существенные перемены в деятельность артелей художественных промыслов. Производство художественных изделий ими было приостановлено. В то же время расширялось производство товаров массового спроса. С начала войны госпредприятия местной промышленности и кооперация стали получать большое число заказов Государственного Комитета Обороны на изготовление продукции на нужды фронта и тыла (теплая одежда, упаковочные материалы, сумки для боеприпасов и т. д.)³¹⁸.

С августа 1941 г. Дербентская шерстепрядильная фабрика, выпускавшая ранее пряжу для ковровых артелей, перешла на изготовление специальной пряжи для подшлемников. Буйнакский кожбумкомбинат наладил производство седел. Артели освоили производство шерстяных носков и перчаток для бойцов Красной Армии. Мастерницы бурочного дела селений Анди, Рахата, Ансалта, Гоцатль расширили производство бурок, поставлявшихся для кавалерийских частей армии.

В 1941 г. в г. Орджоникидзе (Владикавказ) при вагоноремонтном заводе было организовано изготовление и реставрация трофейных клинков для бойцов кавалерийских частей. Одним из организаторов этого производства был потомственный кубачинский оружейник М. Кулиев. Ему в помощь из селений Кубачи и Амузги было приглашено около 60 мастеров этого дела.

Колхозники Дахадаевского района собрали серебряный лом, из которого мастера Кубачинской артели изготовили боевые шашки с художественной отделкой для подарков выдающимся советским военачальникам. Одна из шашек руководством республики была преподнесена маршалу А. М. Василевскому. В телеграмме, направленной в адрес Дагестанского обкома ВКП(б), А. М. Василевский писал: «Я с благодарностью принимаю подарок как знак признательности трудящихся Дагестана всем бойцам, офицерам и генералам Красной Армии за их героический ратный труд в деле разгрома немецко-фашистских захватчиков...»³¹⁹. Такие шашки были вручены и другим советским военачальникам, отличившимся в боях с войсками вермахта.

Женщины, мастерицы художественных промыслов республики, участвовали в патриотическом движении по обеспечению бойцов Красной Армии вязаными изделиями – джурабами и варежками. За 1941–1945 гг. они передали в действующую армию до 4-х млн. пар вязаных носков и варежек.

По мере улучшения положения дел на фронтах Великой Отечественной войны советское правительство принимало меры, чтобы художественные промысловые артели постепенно начинали выпускать свою продукцию для внутреннего рынка и на экспорт. В июне 1942 г. промышленной кооперации Дагестана было поручено приступить к выпуску ковровых изделий. Уже в 1943 г. они изготовили 1, 3 тыс. кв. м ковров. В 1944 г. производство ковров увеличилось до 8,8 тыс. кв. м, в 1945 г. более 10 тыс. кв. м, что составило около четверти производства 1940 г. При этом около 50% ковровых изделий шло на экспорт³²⁰.

Большую роль в улучшении работы промысловых артелей сыграло постановление Совнаркома СССР (апрель 1944 г.) «О мероприятиях по улучшению и дальнейшему развитию в ДАССР кустарных художественных промыслов». Правительство не только нашло время для обсуждения в годы войны такого постановления, но и оказало республике помощь в расширении традиционных ремесел ковроткачества, ювелирного дела, обработки дерева. Была расширена Кубачинская артель «Художник», здесь была организована школа фабрично-заводского ученичества для молодых мастеров, был создан музей кустарно-художественных изделий. Намечалась организация школы по художественной обработке металла в Буйнакске, школы ФЗО по художественному ковроделию в Дербенте.

Были организованы новые ковровые артели в селениях Испик, Черк, городе Хасавюрте (артель по изготовлению войлочных ковров), восстановлены артели в Халаге, Челикаре, Кандыке. Развивается производство в Унцукульской промышленной артели. Изделия унцукульских мастеров – трости, мундштуки, шкатулки, портсигары и другие – находили спрос не только в стране, но и за рубежом.

В начале 1945 г. в Дагестане прошла вседагестанская выставка изделий народно-прикладного искусства, посвященная 25-летию образования ДАССР. Активное участие в ней приняли мастера из многих промысловых артелей.

Дагестанские мастера подготовили свои традиционные изделия для представления на конкурсе лучших изделий из кости, камня и дерева, проведенном в 1945 г. в Москве. Многие экспонаты дагестанских художественных промыслов были высоко оценены жюри конкурса. Коллективу Унцукульской артели была присуждена вторая премия. В резьбе по кости жюри отметило работы А. Шамова, одного из лучших мастеров Кубачинской артели. Были отмечены работы мастеров из других артелей³²¹.

Большую помощь в восстановлении и развитии промысловых артелей, в повышении художественного уровня их изделий оказывали Научно-исследовательский институт художественной промышленности (НИИХП), другие центральные учреждения. В 1943–1944 гг. в Дагестане проводились экспедиции Е.М. Шиллинга, Н.Ф. Яковлева, имевших многолетний опыт работы здесь. В 1945 г. в течение двух месяцев экспедиция НИИХП под руководством С.И. Тюляева обследовала многие промыслы и почти все артели Южного Дагестана. По итогам обследования были подготовлены рекомендации по дальнейшему развитию ковровых артелей Дагестана, изучению орнамента старых ковров, возрождению производства войлочных ковров – арбабашей и других видов ковроделия³²².

Добываясь от промысловых артелей повышения производства изделий, необходимых непосредственно фронту, государство стало помогать постепенному восстановлению производства художественных изделий, идущих на внутренний рынок и на экспорт. К концу войны производство таких изделий было налажено почти во всех артелях, однако объем их производства еще значительно отставал от довоенного уровня.

Печать Дагестана, как и печать всей страны, в годы войны стала острейшим оружием в борьбе за победу над врагом. В республике издавались газеты «Дагестанская правда», «Ленин елу» («Ленинский путь») на кумыкском языке. В 1943 г. Дагестанский обком партии обратился в ЦК ВКП(б) с просьбой об издании двух республиканских газет на даргинском и лезгинском языках. Просьба обкома партии была удовлетворена, и с 1943 г. стали издаваться газеты «Колхозла байрахъ» («Колхозное знамя») на даргинском и «Социализмдин пайдах» («Знамя социализма») на лезгинском языках. Они выходили тиражом по 5 тыс. экземпляров и периодичностью 10 раз в месяц.

Кроме республиканских издавались районные и межрайонные газеты: лакская районная газета «Новый путь», кулинская районная газета «Утренняя звезда», новолакская районная газета «Новолакский колхозник» (стала издаваться с 1944 г.), межрайонная ногайская газета «Красное знамя», табасаранская газета «Жизнь колхоза» для Табасаранского и Хивского районов и др. Махачкалинское отделение Северо-Кавказской железной дороги издавало многотиражи³²³.

Периодические издания республики с первых дней войны активно подключились к освещению героических подвигов дагестанцев на фронтах Великой Отечественной войны, мобилизации трудящихся масс на помощь фронту, на преодоление трудностей военного времени. Многие сотрудники газет пошли на фронт, чтобы кто с оружием, кто словом, работая в армейских фронтовых и дивизионных газетах, сражаться с врагом. Работник «Дагестанской правды» В. Бибигов, попав на фронт, работал заведующим отделом, а затем и редактором газеты «На боевом посту». Он часто писал и в «Дагестанскую правду» статьи о фронтовых буднях и героических подвигах солдат.

На фронт был мобилизован и ответсекретарь «Дагестанской правды» А. Годник, не забывавший писать в свою родную газету. До самой смерти на фронте в 1944 г. поддерживал связь с «Дагестанской правдой» ее бывший работник М. Сухер. В ноябре 1942 г. Э. Капиев был принят на работу собственным корреспондентом «Дагестанской правды». Его корреспонденции были посвящены тем, кто ковал победу: «Бронепоезд в бою», «Письма с Кавказа», «Талисман», «Разведчики», «Кара-Караев», «Легенда и жизнь» и др.³²⁴

В первые дни войны многие статьи в «Дагправде» были посвящены теме, как помочь отстоять независимость страны, в них говорилось о патриотическом движении, развернувшемся среди всех слоев боеспособной части населения. 24 июня 1941 г. в статье «Первый день» «Дагестанская правда» писала: «Нет, это не мобилизация в общепринятом смысле слова, люди приходят в военкомат без всяких повесток. Приходят и буквально умоляют послать их как добровольцев обязательно на передовые позиции».

Этими чувствами жили и женщины Дагестана. Акушерка Амосова 3 августа 1941 г. писала в газету из Дылыма: «У меня ребенок на руках, но я, кажется, тоже пошла бы (и даже с ним). Только бы помочь фронту – санитаркой, с винтовкой в руках – как угодно, только бы бороться с этой гитлеровской гадиной, как все»³²⁵.

Такие публикации появлялись и на страницах национальных газет, помогая в патриотическом воспитании трудящихся.

Коллектив «Дагестанской правды», не имея достаточной полиграфической базы даже для выпуска своей газеты, прилагал большие усилия к изданию ряда центральных газет. Начиная с 1942 г. «Дагправда» обеспечила печатание в своей типографии по матрицам, доставляемым на самолетах, газет «Правда», «Известия» и «Красная звезда», которые рассылались по всему Кавказу и всему фронту³²⁶.

В годы войны неизмеримо выросла роль радио не только как средства оперативного информирования населения о положении на фронтах, но и как одного из сильных средств пропаганды и агитации, патриотического воспитания населения. Его значение возросло и в силу того, что из-за нехватки бумаги тиражи газет сокращались и их задачи могли взять на себя газеты «без бумаги и расстояний». Учитывая огромную и всевозрастающую роль радио, даже в трудное военное время обращалось внимание на увеличение радиоточек и продолжительности работы районных радиоузлов. В 1943 г. число

радиоточек в Дагестане по сравнению с довоенным периодом увеличилось почти на 3 тыс. и составило 16,7 тыс.

Как и другие средства массовой информации, работа радиовещания была перестроена так, чтобы обеспечить ежедневную информированность населения республики о событиях, происходящих на фронтах, в тылу, в зарубежных странах. В программах радиопередач на всех языках появились рубрики «Письма с фронта», «Слушай, фронт», «Все для победы», «Мы победим», «Герои не умирают» и др.

В связи с тем, что некоторые районные газеты были закрыты или сократились их тиражи, повысилась роль радио как важнейшего средства оперативной информации и агитации. В 19 крупных районах республики были созданы редакции радиовещания с тремя штатными работниками в каждой, что позволило обеспечить информированность населения, в том числе сельского, о последних событиях, происходивших на фронтах Великой Отечественной войны. Передачам последних известий из 4-часового объема передач общественно-политического вещания им отводилось 3 час. 25 мин.³²⁷

Дагестанское радиовещание многое сделало для того, чтобы донести до жителей республики вести с фронта о героических подвигах М. Гаджиева, В. Эмирова, Х. Нурадилова, А.-Х. Султана и других, о беспредельной храбрости, о железной стойкости защитников Ленинграда, Сталинграда и других городов-героев.

По радио широко освещалось патриотическое движение трудящихся Дагестана по сбору средств в помощь фронту. На эти темы по радио часто выступали известные деятели культуры и искусства, поэты и писатели. Широкий отклик получали музыкальные передачи, песни в исполнении любимых певцов и певиц. Передачи радио вдохновляли людей на ратные и трудовые подвиги.

Работники радио выполняли не только свой профессиональный долг, они, как и многие граждане страны, становились в ряды защитников отечества, чтобы стать преградой рвавшимся вперед фашистским войскам. Шестеро из работников Дагестанского радио не вернулись с фронта³²⁸.

Как периодической печати и радиовещанию, так и изданию книжной продукции в годы войны придавалось большое значение. Перестройка издательского дела была направлена прежде всего на увеличение издания книг на политические и оборонные темы. В 1941 г. Даггоскнигоиздат выпустил 110 названий книг политической литературы (против 64 названий в 1940 г.). За первые два месяца войны было выпущено большими тиражами 28 названий антифашистских брошюр. За это же время было напечатано и распространено 300 тыс. антифашистских листовок.

Кроме того, на дагестанских и русском языках издавались десятки названий книг художественной литературы и учебников. В 1943 г. Даггоскнигоиздатом было выпущено 211 названий книг политической, художественной, учебной и сельскохозяйственной литературы общим тиражом более 300 тыс. экземпляров.

В 1944 г. был издан ряд сборников стихов и рассказов дагестанских поэтов и писателей: Г. Цадасы, А. Гафурова, Т. Хрюгского, Н. Ханмурзасва, А. Аджаматова, А. Назарова, А. Акавова, А. Шмонина, Д. Трунова и др. На русском языке вышла книга «Поэты Дагестана», в которую вошли произведения дагестанских поэтов в переводах Н. Асеева, С. Липкина и других³²⁹.

Работники Дагестанского государственного книжного издательства, а также Дагестанского государственного детского книжного издательства, созданного в годы войны, старались обеспечить запросы населения, военнослужащих и учащихся школ литературой по оборонной, художественной и учебной тематикам. Хотя спрос в этом вопросе полностью и не удовлетворялся, но издаваемая литература помогала решать главную задачу военных лет – патриотического воспитания рабочих, колхозников, интеллигенции, молодежи, учащихся школ.

С первых же дней нападения германского вермахта все народы Советского Союза поднялись на защиту отечества. Расчеты врага на раскол союза народов нашей многонациональной страны потерпели полный провал. Дружба народов СССР явилась одним из главных источников победы над фашистскими захватчиками, стремившимися к мировому господству.

§ 6. Культура Дагестана в период послевоенного восстановления и развития народного хозяйства

После окончания Великой Отечественной войны перед страной встали задачи быстрого восстановления промышленности и сельского хозяйства, развертывание культурного строительства, повышения уровня идейно-воспитательной работы и духовного облика человека.

Война с гитлеровской Германией нанесла Советскому Союзу колоссальный ущерб, и коснулось это не только его экономического положения, но и духовного развития советского общества. Ограничения внутрипартийной демократии, обусловленные военным временем, ослабление политической работы, принижение роли местных Советов, превращение некоторых партийных органов из политических организаций в своеобразные административно-распорядительные учреждения свидетельствовали о появлении в партийной практике тех порочных методов работы, которые насторожили Коммунистическую партию, указавшую на необходимость их преодоления.

Были и другие причины, потребовавшие усиления идейно-политической и культурно-массовой работы. В годы войны десятки миллионов людей оказались на территории, временно захваченной врагом. Миллионы людей были угнаны гитлеровцами в Германию, немало военнослужащих попало в плен. Они были оторваны от Родины и подверглись антисоветской обработке, проявляли идеологическую неустойчивость.

Учитывая общие потребности социалистического развития в послевоенное время, партийные и общественные организации усилили внимание на улучшение идеологической работы и культурное строительство³³⁰.

Школьное образование. На фоне этих общих для страны задач развертывалось культурное строительство в Дагестане. Особое внимание было обращено на школьное строительство, переживавшее немало трудностей: недостаточное выполнение намеченных в мирное время планов по развитию народного образования, осуществлению закона о всеобщем обязательном обучении, снижение качества учебно-воспитательной работы, сокращение подготовки педагогических кадров, нехватка учителей, ухудшение и без того слабой учебно-материальной базы школ и т. д.

Несмотря на материально-финансовую поддержку государства и общественности, создание сети детских домов и школ-интернатов, к окончанию войны количество учащихся, школ сократилось. Из-за отсутствия кадров педагогов во многих школах республики в течение длительного времени не преподавались такие предметы, как русский язык и литература, математика, химия, физика и др. Было немало случаев, когда преподавание важнейших учебных дисциплин поручалось лицам, не имеющим достаточного образования.

Вопросы развития школьного образования встали перед партийными и общественными организациями, органами народного образования в первые же дни мирного строительства. В 1945 и 1946 гг. мероприятия по подготовке школ к новому учебному году, улучшению их работы обсуждались на сессиях Верховного Совета ДАССР³³¹.

В республике развернулась работа по развитию школьного образования, укреплению материальной базы школ. В 1946–1950 гг. при активном участии колхозов, совхозов и населения было построено школьных помещений на 8089 ученических мест.

Важнейшее значение придавалось охвату учебой всех детей школьного возраста, уменьшению отсева учащихся. Особое внимание уделялось охвату учебой горянок. Для них открывались специальные школы-интернаты, которые полностью содержались за счет государства. В 1950 г. в интернатах воспитывалось 700 девочек³³².

Были приняты меры к пополнению педколлективов школ за счет учителей, направляемых в республику Министерством просвещения РСФСР. Такое внимание к школам позволило расширить школьную сеть, улучшить охват детей школьного возраста учебой. В 1950/51 учебном году в Дагестане насчитывалось 1433 общеобразовательных школы с 189,8 тыс. учащихся вместо 1157 школ с 143,3 тыс. учащихся в 1945/46 учебном году³³³.

Несмотря на значительный рост численности детей, охваченных учебой, за пятилетку не удалось полностью восстановить довоенный уровень охвата детей обучением. Возросла и численность педагогов, но их профессиональный уровень не отвечал новым задачам. Из 5917 учителей, работавших в школах Дагестана на 1 января 1946 г., высшее образование имели только 244 учителя, незаконченное высшее и среднее образование – 2396 человек и незаконченное среднее образование – 3277 человек или 55%.

Были приняты срочные меры по подготовке учительских кадров. Уже в 1947 г. в педагогический и учительский институты республики были приня-

ты около 400 студентов. Особое внимание уделялось подготовке учителей из числа девушек. В женском учительском институте в 1947/48 учебном году обучалась 161 девушка, в педучилищах и других средних специальных учебных заведениях учились 579 девушек. В Дагестанском педагогическом институте обучались 725 студентов.

Но даже при таком возросшем внимании к подготовке учительских кадров республика не могла быстро решить вопрос об обеспечении школ учителями. Советское правительство оказало Дагестану большую помощь. На работу в школы республики были направлены сотни молодых специалистов, окончивших вузы и средние специальные учебные заведения страны. К началу 1947/48 учебного года из различных районов страны на работу в Дагестан приехали 800 молодых педагогов³³⁴.

В дальнейшем вопросы обеспечения школ республики учительскими кадрами стали решаться более оперативно и качественно. Всего в 1950/51 учебном году в школах ДАССР работали 9000 учителей. Число педагогов с высшим образованием и окончивших учительские институты возросло с 846 до 2059, или в 2,4 раза.

Органы народного образования более активно стали заниматься вопросами прерванного войной введения в сельской местности всеобщего семилетнего обучения. К концу 4-й пятилетки в Дагестане насчитывалось 518 семилетних и средних школ, из них 476 в сельской местности. В них обучалось 141,1 тыс. детей.³³⁵

Были приняты меры, направленные на улучшение изучения учащимися дагестанских школ русского языка. Начиная с 1947/48 учебного года изучение русского языка в нерусских школах вводилось со второго полугодия подготовительного класса. Раньше обучение русскому языку в нерусской школе начиналось в начальных школах со второго класса и в средних и семилетних – с третьего класса, что не давало возможности овладеть русским языком в объемах, который был необходим для продолжения образования после окончания начальных классов³³⁶.

Обеспокоенная этим родительская общественность Агульского и Рутульского районов в 1953 г. поставила вопрос о переводе преподавания в школах своих районов на русский язык, начиная с 1-го класса. Совнарком ДАССР и бюро Дагестанского обкома КПСС 28 августа 1953 г. приняли постановление «О переводе обучения в школах с агульским, рутульским и цахурским составом учащихся на русский язык с первого года обучения». Министерству просвещения ДАССР было разрешено с начала 1953/54 учебного года перевести обучение в подготовительных классах в школах с агульским, рутульским и цахурским составом учащихся на русский язык.

Это было новым шагом в развитии дагестанской нерусской школы, получившим распространение и в других школах. Учитывая обращения партийных и советских органов и родителей учащихся Дербентского района и города Дербента, бюро Дагестанского обкома партии 27 августа 1954 г. разрешило Министерству просвещения ДАССР перевести с начала 1954/55

учебного года школы Дербентского района и города Дербента с обучения на азербайджанском языке на русский язык.

Областной комитет партии в 1957 г. изучил вопрос о состоянии преподавания русского и дагестанских языков в школах республики. В постановлении бюро обкома партии от 22 февраля отмечалась большая работа, проведенная органами народного образования по улучшению преподавания русского языка в школах республики, обеспечению их учителями с соответствующим образованием³³⁷.

Однако в вопросе о введении преподавания в школах республики на русском языке на этом не остановились. В «Дагестанской правде» была перепечатана статья секретаря Акушинского райкома партии Р. Омарова, опубликованная 28 ноября 1958 г. в даргинской газете «Колхозное знамя». В ней речь шла о том, чтобы перейти к преподаванию всех предметов, начиная с первого класса, на русском языке, а изучение родного языка оставить как предмет.

Появление этой статьи вызвало бурную дискуссию. Министр просвещения ДАССР М. Меджидов, выступивший 30 ноября в «Дагестанской правде» со статьей «Новый этап в развитии советской школы», определивший свое позитивное отношение к такой реформе в дагестанской школе уже самим названием статьи, считал, что без знания русского языка молодежь не сумеет самостоятельно одолеть курс средней школы и продолжать свое образование в вузе.

К дискуссии подключились партийные, советские работники, работники органов народного образования, учителя школ, преподаватели вузов, поэты, писатели, литературоведы, в своих выступлениях затронувшие самые различные аспекты проблемы. Завкафедрой методики русского языка Дагестанского государственного университета доцент Н. Судакова в своей статье обосновывала преимущества начального обучения детей на родном языке и выступала против перевода начальных классов дагестанских школ на русский язык обучения. Такой перевод она допускала в тех школах, где родной язык является бесписьменным. Главный ее вывод сводился к тому, что, на каком бы языке ни проходило обучение в школе, основным условием успешного обучения является качество самого обучения³³⁸.

Против перехода начальных классов на русский язык обучения решительно высказался редактор газеты «Красное знамя» (на аварском языке) М. Шамхалов, выступивший со статьей «Укреплять национальную школу»³³⁹. Он заявлял, что перевод дагестанской начальной школы на русский язык обучения никакой пользы не принесет.

Однако за такими заявлениями нельзя усматривать проявлений национализма, как могли это сделать, скажем, в 30-е гг. Автор указанной статьи – высокообразованный журналист, писатель, пишущий на родном аварском языке и прекрасно владевший русским языком, женатый на представительнице русского народа Фаине Александровне, работавшей многие годы секретарем Махачкалинского горкома партии по идеологии, создал прекрасную семью. Члены его семьи не только пропагандировали интернациональные

отношения между народами, но и сами были воспитаны на интернациональных традициях. И если М. Шамхалов и обращался к этой теме, то высказывал мысли с тем, чтобы молодежь получила хорошее образование на русском языке, не забывая при этом родные языки.

В ходе дискуссии прозвучали и другие точки зрения о языке обучения в дагестанской начальной школе, вплоть до того, что для ускорения культурного развития андо-дидойской и андо-цезской групп народностей предлагалось отменить преподавание аварского языка как родного языка в начальных, семилетних и средних школах и ввести преподавание в них всех дисциплин на русском языке, начиная с первого года обучения³⁴⁰.

Дискуссия показала, что общественность республики, сознававшая возросшую тягу народов Дагестана к русскому языку, ратовала за принятие мер, направленных на облегчение овладения широкими слоями населения русским языком. Вместе с тем многие выступали за то, чтобы не перегнуть палку, одновременно создать условия для того, чтобы подрастающая молодежь не забыла родные языки, знала бы их. Кое-где эти голоса не были услышаны, что привело в последующем к тому, что почти повсеместно, особенно в городских школах, обучение в начальных классах стало вестись на русском языке. Хотя в дальнейшем пришло понимание необходимости знания родных языков и принимались меры к их преподаванию, однако целые поколения, особенно городской молодежи, плохо их знали.

Была еще одна проблема, которая беспокоила педагогическую общественность, в том числе дагестанскую. В годы войны в городах было введено раздельное обучение мальчиков и девочек. В Дагестане отдельные мужские и женские школы были организованы в городах Махачкале, Дербенте и Хасавюрте. В послевоенное время педагогическая и родительская общественность поднимала вопрос о нецелесообразности такого раздельного обучения мальчиков и девочек. По решению ЦК КПСС и Совета Министров СССР с 1954/55 учебного года было восстановлено их совместное обучение³⁴¹.

В послевоенные годы в школьном образовании происходили и другие позитивные изменения, которые повлияли в последующем на улучшение качественных показателей образования. В 1950 г. советским правительством было принято единое для всех республик «Положение о переводных и выпускных экзаменах в начальной, семилетней и средней школах и экзаменах на аттестат зрелости». Согласно новому «Положению...» учащихся 6–8-х классов освобождали от сдачи экзаменов по некоторым учебным предметам, а десятиклассникам, не выдержавшим экзамен по одному и двум предметам, в отличие от прошлых лет разрешалась повторная сдача экзаменов по этим предметам.

Принимаемые меры способствовали росту школьной сети, увеличению численности учащихся. В 1950/51 учебном году в 1259 школах Дагестана обучалось 181,2 тыс. учащихся, или на 43,2 тыс. человек больше, чем в 1945/46 учебном году³⁴².

Государство, партийные и общественные организации проявляли заботу об улучшении материальных и бытовых условий учителей, их моральной

поддержке. 12 февраля 1948 г. Президиумом Верховного Совета СССР был принят Указ о награждении учителей орденами и медалями СССР. В соответствии с этим указом в 1949–1950 гг. несколько сот учителей и работников органов народного образования Дагестана были награждены орденами и медалями СССР.

Проводилась большая работа по обеспечению учителей жильем. Для учителей, приехавших в республику на работу в сельских школах, строились жилые дома поблизости от школ. Только в 1950 г. в Дагестане с этой целью было построено 50 домов. Но несмотря на это, их было мало и не хватало, поэтому строительство жилья для учителей расширялось.

Увеличивалось и финансирование школьного образования. В 1954 г. расходы на просвещение по Дагестану составили около 227 млн. руб. Значительные средства государством направлялись на укрепление учебно-материальной базы школ. В этом деле активное участие принимали колхозы, совхозы, многочисленные шефы школ, комсомольские и профсоюзные организации. В те годы школы больше всего нуждались в помещениях. В 1951–1955 гг. в Дагестане было построено школ на 9 тыс. ученических мест и в 1956–1960 гг. – 28 школ более чем на 10 тыс. ученических мест³⁴³.

С 1959 г. было начато строительство школ-интернатов. За пять лет (1959–1963 гг.) намечалось построить школы-интернаты в городах Махачкале, Дербенте, Каспийске, Кизляре, Хасавюрте и Избербаше. Кроме того, планировалось открыть в республике 7 специальных школ-интернатов для обучения детей с дефектами умственного и физического развития, организовать 4 межрайонных интерната горянок³⁴⁴.

В 50-е гг. партийные, советские, комсомольские организации, органы народного образования усилили внимание к охвату учебной девушкой, получению ими среднего образования. Как отмечалось в постановлении Совета Министров ДАССР и бюро Дагестанского обкома партии «О состоянии учебно-воспитательной работы с учащимися девушками горянками и мерах по сохранению их контингентов в старших классах школ республики» (10 марта 1961 г.), количество девушек-горянок, обучавшихся в старших классах, за последние пять лет возросло в 2 раза. Это позволило увеличить подготовку педагогов из числа девушек-горянок. Если в 1953 г. педучилища окончили 127 девушек и женский пединститут – 88, то в 1960 г. педучилища окончили 270 девушек и женский институт – 88 девушек.

Однако в решении этой задачи было немало недостатков. Во многих районах республики охват обучением девушек-горянок, сохранение их в старших классах, постановка учебно-воспитательной работы в постановлении оценивались как неудовлетворительные. В Агульском, Советском, Гумбетовском, Табасаранском, Казбековском, Гляртинском, Цунтинском, Цумадинском, Хивском, Рутульском, Кизилюрговском и ряде других районов в 10–11 классах средних школ в 1960–1961 гг. обучалась 101 девушка-горянка, или 16% к общему числу учащихся.

Указывалось и на другие недостатки в этом важном для республики вопросе. Райгорисполкомам, райкомам, горкомам партии, Министерству про-

свещения и отделам народного образования поручалось осуществить практические меры, обеспечивающие устранение отмеченных недостатков и добиться полного охвата девушек школьного возраста обучением, сохранение их контингентов до окончания ими восьмилетних и средних школ³⁴⁵.

Недостатки имелись не только в охвате учебной девушками-горянок, но также мальчиков, особенно при охвате обучением тех из них, которые проживали на кутанах. Проверкой было установлено, что в 1960/61 учебном году свыше 350 детей школьного возраста, проживающих на кутанах, не были охвачены учебной.

Казалось, более чем для миллионного населения Дагестана (на 1959 г.) это была не такая уж большая цифра. Но тогда на такие факты реакция партийно-советских организаций и общественности была достаточно резкой. По этому факту было принято постановление Совета Министров ДАССР «О мероприятиях по охвату обучением детей школьного возраста, проживающих на кутанах» (ноябрь 1961 г.). Министерству просвещения ДАССР и исполкомам райсоветов депутатов трудящихся было предложено устранить отмеченные недостатки, провести учет всех детей животноводов, проживающих на кутанах и до 1 января 1962 г. обеспечить охват всех детей учебной. Были намечены меры и по укреплению учебно-материальной базы прикутаных школ³⁴⁶.

В декабре 1958 г. Верховным Советом СССР был принят Закон «Об укреплении связи школы с жизнью и дальнейшем развитии системы народного образования СССР», поставивший перед школой ряд новых задач по обучению и воспитанию подрастающего поколения. Одной из важнейших задач школы признавалось производственное обучение учащихся. К 1961 г. в республике были открыты 33 школы с производственным обучением, оборудовано 700 учебных мастерских и 661 учебный кабинет, организовано 811 учебно-опытных участков³⁴⁷.

Вопросы укрепления связи школы с жизнью и обучения с производительным трудом правильно решались в махачкалинской средней общеобразовательной трудовой политехнической школе № 5. За три года обучения учащихся по новому учебному плану 90 учащихся вместе с аттестатом зрелости получили свидетельства о присвоении им разряда по специальностям токаря, слесаря, фрезеровщика, 45 человек получили права шофера. Учащиеся 9–11 классов проходили производственное обучение на заводе им. М. Гаджиева, на сепараторном заводе, на швейной фабрике, предприятиях общественного питания города.

В сельских школах республики занимались созданием ученических производственных бригад, получивших широкое распространение. Особенно активно это движение развивалось в Бабаюртовском, Буйнакском и Хасавюртовском районах. В 1958 г. 15 ученических бригад и звеньев Бабаюртовского района собрали в среднем по 48,5 ц зерна кукурузы с га. В Хасавюртовском районе было создано 5 ученических бригад, в которых состояли 330 школьников. За ними было закреплено 346 га земли, из них на 314 га выращивалась кукуруза. С этих площадей учащиеся собрали по 54 ц кукурузы с каждого

гектара³⁴⁸. Члены ученических бригад проявляли не только огромное трудолюбие, но и большое мастерство, получая недоступные для многих кукурузоводов республики высокие урожаи.

В результате престиж ученических производственных бригад и звеньев на селе сильно вырос. В 1960 г. в республике было 600 ученических бригад и звеньев, в них трудились 15 тыс. учащихся и они обрабатывали 15 тыс. га земли³⁴⁹.

Развитие вузовского и среднего специального образования. Объектом постоянного внимания как партийных, так и советских органов Дагестана были вопросы подготовки высококвалифицированных специалистов. В конце 1957 г. бюро Дагестанского обкома партии и Совет Министров ДАССР на основании постановлений Советов Министров СССР и РСФСР приняли постановление «Об организации Дагестанского государственного университета», что явилось показателем культурного роста республики³⁵⁰.

Университет был создан на базе Дагестанского государственного педагогического института, в котором функционировали 15 кафедр со штатом 88 профессорско-преподавательских работников. Из них 18 человек имели ученые степени и звания. За 1945–1957 гг. институт подготовил 2640 молодых специалистов.

Большую помощь в становлении и укреплении учебно-материальной базы нового университета оказали Московский государственный университет, Ленинградский государственный университет, Академия наук Азербайджанской ССР, Азербайджанский государственный университет, Академия наук Грузинской ССР, Тбилисский государственный университет, Академия наук Армянской ССР, Ереванский государственный университет, научные учреждения и вузы республик Северного Кавказа. Каждая республика, каждый регион хотели помочь чем-нибудь университету, который становился в ряд ведущих вузов страны³⁵¹.

Помощь Центра и регионов помогла Дагестанскому государственному университету за короткие сроки укрепить свою учебно-материальную базу, пополнить состав преподавательских кадров высококвалифицированными специалистами, организовать современные лаборатории. В 1958/59 учебном году на 5 факультетах университета было создано 26 кафедр, на которых работало 172 преподавателя, в том числе 4 доктора и профессора, более 60 кандидатов и доцентов. В университете обучалось 3745 студентов, в том числе около 2000 человек на заочном отделении. При университете была создана аспирантура. Дагестанский госуниверситет стал самым крупным учебным заведением республики³⁵².

За послевоенные годы значительно окрепли и выросли и другие учебные заведения республики. Дагестанский государственный медицинский институт за 1945–1958 гг. выпустил свыше 2000 врачей. Было подготовлено 11 докторов и 34 кандидата наук. В Дагестанском государственном сельскохозяйственном институте в 1952–1957 гг. преподавателями было защищено 15 диссертаций, подготовлено к защите 5 докторских диссертаций. В 1957/58 учебном году количество студентов сельхозинститута выросло по сравнению

с 1950/51 учебным годом почти в 2,3 раза – с 635 до 1428 человек, женского педагогического института – в 2,2 раза (237–529), медицинского института – более чем в 1,8 раза (614–1134)³⁵³.

Наряду с вузами подготовку специалистов среднего звена осуществляли средние специальные учебные заведения республики. Дополнительно к существующим средним специальным учебным заведениям в 1954 г. были открыты медицинские училища в городах Махачкале, Хасавюрте, Дербенте и Буйнакске, техническое училище в Каспийске. В 1957 г. в Дербенте была открыта культурно-просветительная школа, в Махачкале в 1958 г. – художественное училище.

В 1950/51 учебном году в республике функционировали 18 средних специальных учебных заведений, в них обучалось 7100 учащихся. В 1960/61 учебном году число таких учебных заведений выросло до 27, а учащихся в них – до 10800 человек³⁵⁴.

В подготовке кадров высшей квалификации республика по-прежнему получала помощь от крупных вузов страны. В соответствии с решением советского правительства многие высшие учебные заведения страны зачисляли на учебу юношей и девушек Дагестана на льготных условиях. Десятки дагестанцев ежегодно оканчивали вузы Москвы, Ленинграда, Ростова-на-Дону, Баку, Тбилиси, Еревана, Харькова, Орджоникидзе, Грозного и других городов. В 1958 г. высшие учебные заведения только Москвы окончили 35 представителей Дагестана, в том числе 7 горянок.

Кроме того, выпускники вузов этих и других городов приезжали в Дагестан по направлениям различных министерств и ведомств других республик и областей. В 1950–1959 гг. из других республик и областей в Дагестан прибыло свыше 12 тыс. специалистов.

Большая помощь, которую оказали Дагестану другие республики и регионы страны, давала возможность горному краю обеспечить за короткие сроки многие отрасли народного хозяйства необходимыми кадрами. К концу 1957 г. в народном хозяйстве республики было занято 25,8 тыс. специалистов с высшим и средним специальным образованием³⁵⁵. Они способствовали не только лучшей организации промышленного и сельскохозяйственного производства, но и росту культурного уровня общества. Специалисты не ограничивались выполнением своих прямых производственных обязанностей, на общественных началах они обучали молодежь в вечерних школах, работали в клубах, избах-читальнях, помогали в создании коллективов художественной самодеятельности на предприятиях, в колхозах и совхозах, проводили массово-разъяснительную работу. По линии организованного в 1947 г. общества «Знание» дагестанская интеллигенция участвовала в распространении политических и научных знаний³⁵⁶.

Развитие науки. В победоносный 1945 г. в жизни республики произошло важное событие – в ознаменование 25-летия автономии Дагестана постановлением Совнаркома СССР от 30 октября 1945 г. была создана Дагестанская научно-исследовательская база Академии наук СССР. Её директором был назначен выдающийся ученый-филолог, академик И.И. Мещанинов

³⁵⁷. В состав базы входили Институт истории, языка и литературы и сектора: геологии, энергетики, химии, почвоведения, зоологии и животноводства, ботаники, а также республиканская опытная станция по животноводству и Махачкалинская химическая лаборатория.

Постановлением Совета Министров ДАССР и бюро обкома ВКП(б) «О Дагестанской научно-исследовательской базе Академии наук СССР» были утверждены основные направления деятельности базы. Среди этих направлений были названы изучение геологического строения и полезных ископаемых Дагестана, выявление местных видов минерального сырья, разработка вопросов, связанных с развитием ведущих отраслей сельского хозяйства, изучение биологии промысловых видов рыб Каспийского моря и озер, изучение почвенного и растительного покрова, водных и энергетических ресурсов республики, разработка происхождения и развития языков дагестанских народов, изучение культуры, истории, археологии и этнографии и другие.

Дагестанской базе были предоставлены здание Института истории, языка и литературы и помещение бывшей гостиницы «Дагестан», 10 квартир для сотрудников базы и оказана финансовая и иная помощь³⁵⁸.

В становлении Дагестанской базы как комплексного академического центра, занимающегося решением крупных научных проблем, большую роль сыграли как российские, так и дагестанские ученые. Еще до создания базы в июле 1945 г. в Дагестане начала работать историко-этнографическая и антропологическая экспедиция Академии наук СССР, возглавляемая профессором Е.М. Шиллингом. Экспедиция проводилась в Кахибском, Ботлихском, Ахвахском, Тляринском и Цумадинском районах, советским и партийным руководителям которых Совнарком ДАССР и бюро обкома партии поручили оказать ей помощь. Правительство республики также оказало экспедиции финансовую помощь, дало разнарядку на приобретение продуктов в снабженческих госструктурах ввиду дороговизны рыночных цен³⁵⁹.

Непосредственно в деятельности Дагестанской базы, помимо И.И. Мещанинова, участвовали работники центральных институтов и вузов профессора В.Д. Голубятников, Н.Ф. Яковлев, В.В. Акимцев. В научных учреждениях базы трудились дагестанские ученые Р.М. Магомедов, Г.Б. Муркелинский, Ш.И. Микаилов, М.М. Гаджиев, А.А. Аливердиев, С.Н. Абдуллаев, М.С. Саидов, Н.П. Эмиров и другие. К 1947 г. в Дагестанской базе работали 40 человек, в том числе 16 докторов и кандидатов наук. Одновременно принимались меры по подготовке кадров высшей квалификации. В 1947 и 1948 гг. в аспирантуру при центральных институтах АН СССР были направлены около 30 дагестанцев, проходивших подготовку по различным специальностям³⁶⁰.

Первые разработки ученых Дагестанской научно-исследовательской базы были тесно связаны с интересами народного хозяйства республики и оказывали существенную помощь в его развитии. В 1947 г. были завершены исследования по 25 программам, результаты которых могли быть использованы в различных областях народного хозяйства. 3 работы, выполненные сотрудниками сектора химии и геологии, были отмечены дипломами первой

степени Государственным комитетом Совета Министров СССР по внедрению передовой техники в народное хозяйство. В химический сектор базы обращались за консультацией ученые Москвы, нефтяники Средней Азии и Саратова.

Проводились работы по составлению геоботанической карты Дагестана, по изучению летних и зимних пастбищ, выведению новой тонкорунной породы овец, составлению генеральной схемы электрификации сельского хозяйства и другие. Успешная деятельность Дагестанской базы позволила решить вопрос о ее реорганизации.

В октябре 1949 г. президиум АН СССР в соответствии с постановлением Совета Министров СССР реорганизовал Дагестанскую научно-исследовательскую базу в Дагестанский филиал АН СССР³⁶¹. Первым председателем президиума Дагфилиала был назначен академик АН Азербайджанской ССР Х.И. Амирханов³⁶².

Успехи дагестанской науки тех лет были связаны не только с деятельностью ученых Дагестанской базы, но и вузов, других научно-исследовательских учреждений республики, а также помощью и центральных институтов АН СССР. Сотрудники Института материальной культуры РАН возглавили археологические экспедиции, проводимые в Дагестане с 1947 г. по инициативе Дагестанского музея краеведения.

В 1947 г. под руководством Е.И. Крупнова были проведены раскопки могильника близ селения Тарки. В 1948–1950 гг. раскопки в этом же районе проводились под руководством К.Ф. Смирнова. В 1949 г. раскопки были организованы около селения Агачаул. Материалы, найденные в Таркинском могильнике, позволили охарактеризовать материальную культуру Албанского государства в его раннее время (1 тысячелетие до нашей эры) и особенно в период наивысшего расцвета (I–III вв. н. э.)³⁶³.

По результатам археологических исследований были опубликованы научные статьи и крупные монографические работы. В 1949 г. в Москве вышла монография Е.М. Шиллинга «Кубачинцы и их культура», написанная по итогам его многолетних этнографических экспедиций. Она и по сей день остается одной из лучших работ по этнографии кубачинцев.

Значительная научная работа проводилась также вузами и научно-исследовательскими учреждениями Дагестана. В 1947 г. Дагестанский медицинский институт издал третий том своих научных трудов, в который вошло более 80 работ по различным вопросам медицинской науки и практики. К 1947 г. Дагестанский сельскохозяйственный институт издал три тома научных трудов. Кроме того, профессора и преподаватели института в помощь работникам сельского хозяйства издали десятки брошюр и плакатов, провели ряд научно-практических конференций.

Оживление научной жизни приводит к расширению сети научных учреждений и увеличению численности квалифицированных научных кадров. В Дагестанском филиале АН СССР открываются институты геологии (1956 г.) и физики (1957 г.), создается отдел экономики (1957 г.). При инсти-

тутах создаются новые сектора и лаборатории, растет количество сотрудников.

Усиливается внимание к подготовке высококвалифицированных кадров. В 1951–1958 гг. Дагфилиал АН СССР подготовил 78 кандидатов и 5 докторов наук, в их числе свыше 70 представителей из числа коренных национальностей республики. Кроме того, за 1951–1955 гг. вузами и другими научными учреждениями Дагестана было подготовлено 63 кандидата наук, из них 57 человек были выходцами из числа коренных национальностей Дагестана³⁶⁴.

Укрепление научного потенциала научно-исследовательских учреждений и вузов привело к расширению тематики и росту научно-теоретического уровня проводимых исследований. В Институте физики добились усовершенствования радиоактивного метода определения абсолютного возраста геологических образований, получившего широкое научное признание. В 1954 г. исследование дагестанских физиков во главе с Х.И. Амирхановым было отмечено премией АН СССР³⁶⁵.

Ученые института занимались также изучением теплового режима доступных глубин земли, проблем физики полупроводников. Были приняты меры и к укреплению материально-технической базы института. Здесь были запущены установки по сжигению азота, водорода, а затем и гелия, приобретались зарубежные установки, заказывалось и устанавливалось новое отечественное оборудование, создававшее хорошую базу для проведения серьезных научных исследований³⁶⁶.

В Институте геологии, начиная со дня его образования в 1956 г., проводились систематические исследования геотермического поля земной коры, ресурсов термальных, минеральных и артезианских вод. Одновременно ученые института занимались и тем, чтобы эти ресурсы получили практическое использование для теплоснабжения городов Махачкалы, Избербаша, Кизляра и др.

Ученые Института геологии обосновали промышленную нефтегазонасыщенность мезозойских отложений восточной части Предкавказья. Новые газонефтяные месторождения были открыты не только в районе Сухокумска, но и на юге, и в предгорном Дагестане³⁶⁷.

Усилиями ученых отдела почвоведения и отдела растительных ресурсов Дагфилиала были созданы почвенные карты ДАССР, Терско-Сулакской низменности и карты растительности Дагестана с пояснительным текстом. На основе этих карт была проведена научная инвентаризация земельных фондов республики, разработаны практические рекомендации работникам сельского хозяйства.

В соответствии с заданиями правительства республики сотрудники отдела энергетики филиала занимались исследованиями проблем, связанных с комплексным использованием энергии рек Терека, Сулака и Самура. Их исследования позволили определить возможность получения до 10 млрд. кВт·ч гидроэнергии и установить, что сулакские ГЭС могут функционировать в

общекавказском и южнороссийском кольцах единых высоковольтных сетей³⁶⁸.

Неровной и гладкой была дорога в науку ученых первого научно-исследовательского института республики – Института истории, языка и литературы. После репрессий 30-х гг. его поредевшие ряды вновь начали пополняться. В 1949 г. в нем работали 17 человек, в том числе 6 кандидатов наук. В начале 50-х гг. было принято постановление Совета Министров СССР об отмене присуждения Сталинской премии азербайджанскому ученому Г. Гусейнову за книгу по истории общественной мысли Азербайджана в XIX в. Автор работы был подвергнут резкой критике за ошибки, как отмечалось в постановлении, допущенные при освещении движения Шамиля.

Под эту критику подпали и работы заместителя председателя президиума Дагестанского филиала РАН Р.М. Магомедова, изданные им в довоенные годы, будучи директором Института ЯЛИ, а также его докторская диссертация «Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля». Их автор вынужден был перейти на другую работу и с трудом избежал дальнейших репрессий. Дорога к объективному изучению актуальной исторической проблемы была закрыта.

Хотя такие политические гонения и мешали работе, однако они не могли остановить растущий научный потенциал института. Его новое руководство в лице Г.Д. Даниялова в 1954 г. переориентировало коллектив на создание «Очерков истории Дагестана» в 2-х томах, а также «Очерков дагестанской советской литературы», которые вышли из печати в 1957 г. Кроме того, был издан ряд сборников документов и воспоминаний участников Октябрьской социалистической революции, с 1956 г. стали выходить «Ученые записки» Института ИЯЛ³⁶⁹.

Решению крупных научных проблем способствовали проведенные в те годы Институтом ЯЛИ научные сессии с участием ученых вузов Дагестана и представителей научной общественности Москвы, Ленинграда, республик Закавказья и Северного Кавказа. Среди них следует отметить сессию историков, посвященную обсуждению характера движения горцев Северо-Восточного Кавказа в 20–50-х гг. XIX в. (октябрь 1956 г.), сессию, посвященную актуальным проблемам дагестанского языкознания (февраль 1958 г.) и сессию археологов (май 1959 г.), собравшихся для обсуждения итогов и задач археологического изучения Дагестана и Северного Кавказа³⁷⁰.

В Дагестане принимались меры и к дальнейшему расширению сети научных учреждений. По распоряжению Совета Министров СССР от 23 июля 1956 г. на базе Дагестанской зональной опытной станции и Института животноводства Дагфилиала АН СССР был организован Дагестанский научно-исследовательский институт сельского хозяйства. Вначале институт находился в ведении Министерства сельского хозяйства РСФСР, а в 1959 г. был передан в непосредственное подчинение Министерства сельского хозяйства ДАССР³⁷¹.

Новый институт очень быстро вырос в крупное научное учреждение. К концу 50-х гг. здесь насчитывалось 17 отделов и 2 опорных пункта. В нем ра-

ботали 160 человек, в том числе 30 кандидатов и докторов наук. Это позволило институту охватить своей научной деятельностью почти все отрасли сельского хозяйства республики. Институту были разработаны новая технология искусственного осеменения на открытом воздухе, сконструированы новые установки и приспособления для механизации трудоемких процессов в животноводстве и виноградарстве, созданы более 30 новых сортов винограда, многие из которых были внедрены в практику виноградарства³⁷².

В конце 1951 г. в республике был учрежден Дагестанский филиал Института марксизма-ленинизма при ЦК ВКП(б). С 1952 г. по февраль 1959 г. филиал ИМЛ занимался в основном переводом на аварский, даргинский, кумыкский, лезгинский, лакский и табасаранский языки произведений марксизма-ленинизма, материалов и решений съездов, конференций и пленумов ЦК Коммунистической партии и другой партийной литературы. В 1958 г. при филиале ИМЛ был создан сектор истории партии, который приступил к написанию очерков истории партийной организации республики, которое намечалось завершить в 1960 г. Однако в начале 1960 г. в соответствии с постановлением ЦК КПСС от 29 декабря 1959 г. Дагестанский филиал Института марксизма-ленинизма был закрыт³⁷³. Такое решение, по всей вероятности, было вызвано тем, что интересующиеся марксистской литературой свободно могли с нею ознакомиться на русском языке, которым они хорошо владели.

В 1952 г. в республике появился еще один новый институт. На базе бывшего института эпидемиологии и микробиологии был создан Институт питательных сред Министерства здравоохранения СССР, призванный проводить исследования по совершенствованию и получению сухих питательных сред для микробиологических работ, осуществляемых в санитарно-бактериологических институтах и лабораториях всей страны³⁷⁴.

Большую помощь учителям республики в организации учебно-воспитательной работы оказывал научно-исследовательский институт школ Министерства просвещения ДАССР. В 1958–1959 гг. он издал более 40 методических пособий, посвященных актуальным вопросам преподавания дагестанских и русского языков³⁷⁵.

Даже неполное перечисление дагестанских научно-исследовательских учреждений республики показывает, что за эти годы было создано немало достаточно крупных научных учреждений, способных решать научные проблемы как теоретического, так и прикладного характера, получивших широкий резонанс в Дагестане и вызвавших интерес и за его пределами. В 1958 г. в республике работали 740 научных и научно-педагогических работников, из них 265 человек имели ученую степень доктора или кандидата наук³⁷⁶.

Однако наука развивалась не только в стенах научных учреждений, но и вузов Дагестана. В Дагестанском государственном университете с момента его создания было усилено внимание к расширению и укреплению его научно-лабораторной базы для развертывания научных исследований. В дополнение к существующим лабораториям в 1958/59 учебном году в нем были открыты лаборатории по машиноведению, органической и биологической хи-

мии, сопротивлению материалов, кабинет черчения и геодезии; в 1959/60 учебном году – лаборатории по атомной и ядерной физике, строительных материалов, вычислительной технике, фонетический кабинет, в 1960/61 учебном году – лаборатории по теплотехнике, электротехнике, вакуумная. кабинет архитектуры, курсового проектирования, теплица, виварий³⁷⁷.

На физических кафедрах университета велись исследования импульсного пробоя газов по полупроводникам, изучалась радиоактивность минеральных вод Дагестана, по результатам которой ученые составили картину радиоактивности этих водных источников. Кафедра ботаники университета занималась обследованием растительного покрова.

В апреле 1959 г. в Даггосуниверситете была проведена первая межвузовская научно-методическая конференция, привлекавшая внимание ученых вузов Москвы, Ростова-на-Дону, Баку, Нальчика, Орджоникидзе, Грозного и Черкесска. Такой интерес к конференции объяснялся тем, что она была посвящена проблемам подготовки учителей русского языка для нерусской школы из представителей народов Дагестана. В этом вопросе университет имел известные наработки и его опыт мог помочь вузам других регионов Северного Кавказа, которым приходилось заниматься аналогичными проблемами. Кроме того, ежегодно в ДГУ проводились методические конференции учителей Дагестана – бывших выпускников³⁷⁸.

Путевку в жизнь получили многие научные разработки, ведущиеся в Дагестанском государственном медицинском институте. Ветеран здравоохранения Дагестана, завкафедрой глазных болезней ДМИ Х.О. Булач вместе с работниками кафедры много сделал для того, чтобы резко снизить заболеваемость населения трахомой.

Под руководством профессора Р.П. Аскерханова коллектив факультетской клиники, занимающийся хирургией легких, сердца, достиг ощутимых успехов в проведении сложных операций по лечению врожденных пороков сердца. Плодотворно трудился коллектив кафедры инфекционных болезней по борьбе с инфекционными болезнями.

Большинство исследований ученых Дагестанского сельскохозяйственного института были направлены на оказание помощи колхозам и совхозам республики. Кафедры ветеринарного факультета разрабатывали эффективные методы борьбы с болезнями ягнят, бесплодием животных, занимались изучением анатомии и физиологии животных, в частности, буйволов.

Институтом совместно с Дагестанским научно-исследовательским сельскохозяйственным институтом разрабатывались рекомендации по районированию плодовых культур и винограда, проблемы применения микродобрений, возделывания кукурузы в условиях Дагестана.³⁷⁹

Такой широкий размах научные исследования приобрели благодаря подготовке в республике высококвалифицированных кадров интеллигенции. Высокую оценку научной общественности страны получили работы «Естественные науки в жизни общества» и «Диалектический материализм и вопросы естествознания» талантливого дагестанского ученого, доктора физико-математических наук, профессора Х.М. Фаталиева, 7 лет до своей трагиче-

ской смерти в 1959 г. возглавлявшего кафедру Московского государственного университета. За свои работы он был удостоен Ломоносовской премии АН СССР.

Председателем Дагестанского филиала АН СССР был приглашен уроженец Дагестана, доктор физико-математических наук, профессор, академик АН Азербайджанской АН Х.И. Амирханов. Доктор геологоминералогических наук, член-корреспондент АН Азербайджана А.Г. Алиев также был приглашен и утвержден директором Института геологии Дагфилиала АН СССР. Заместителем председателя президиума Дагфилиала АН СССР работал доктор исторических наук Х.О. Хашасв.

Многое сделали для развития дагестанской науки также доктора наук Р.М. Магомедов, А.А. Абилов, Х.О. Булач, Р.П. Аскерханов, М.М. Халимбеков, М.М. Гаджиев, Г.Б. Муркелинский, кандидаты наук Ф.Г. Кисриев, Г.Д. Даниялов, С.Ю. Алибеков, Г.А. Аликберов, С.М. Омаров, С. Гусейнов и др.³⁸⁰

Литература и искусство Дагестана на подъеме. Вступая в послевоенный период развития, деятелям культуры и искусства не пришлось переживать в том плане, чтобы в условиях перехода к мирному созидательному труду крепче оттачивать свое идейное оружие и начинать создавать произведения, отличающиеся высокой одухотворенностью, навеянной героической победой народов Советского Союза над фашистской Германией. Не случайно в центре внимания дагестанских поэтов и писателей, испытывавших творческий подъем после тяжелой, но победоносной войны, был вчерашний воин, на долю которого выпали тяжелые испытания, не сломившие его волю к жизни и победе. Литераторы, как побывавшие на войне, так и работавшие в тылу, в своем творчестве обратились к глубоким раздумьям над вопросами войны и мира, старались раскрыть богатый внутренний мир советского человека, прошагавшего пол-Европы.

Ведущее место в дагестанской литературе послевоенного периода заняла поэзия. В эти годы дагестанскими поэтами было написано такое количество поэм, какого не было ни за один предшествующий период развития литературы Дагестана. Особое место в послевоенной поэзии заняла поэма Г. Цадасы «Сказание о чабане» (1950 г.), в которой автор описал жизнь горской семьи Хирачевых. В поэме показывается, как вместе с революционными преобразованиями, которые происходили в республике, преображалась и жизнь ее героев, в горах утверждались новый быт и культура. Новое произведение Цадасы понравилось не только дагестанскому читателю, но и читателям других регионов страны³⁸¹. Оно было переведено на русский и другие языки народов Советского Союза и ряда зарубежных стран. В 1950 г. творчество народного поэта Дагестана Г. Цадасы было отмечено Государственной премией, он был избран депутатом Верховного Совета СССР.

Плодотворно продолжали трудиться и другие поэты старшего поколения. В послевоенный период были опубликованы сборники стихов «Родные горы», «Счастливая жизнь», «Достигнутое желание» народного поэта А. Гафурова, стихи «Мой аул», «Ахты», «Есть у нас» народного поэта Т. Хрюг-

ского, сборники стихов «Горный орел», «Птичья долина», «Звезды над горами», «День счастливый, здравствуй» З. Гаджиева и другие, они анализировали духовный мир горцев, их отношение к общечеловеческим ценностям, раскрывали особенности эстетического восприятия народом действительности.

С поэтическими произведениями, посвященными актуальным темам послевоенного периода, выступили поэты А. Аджиев, А.-В. Сулейманов, Ю. Хаппалаев, Р. Гамзатов, Р. Рашидов, М. Гаирбекова, Д. Атнилов и другие. Широкою известность получает творчество Р. Гамзатова, издавшего целый ряд сборников своих стихотворений («Земля моя», «Песня гор», «Родной простор»).

За крупное поэтическое произведение берется Р. Рашидов. В его поэме «Ая-Кака» воспроизводится героическая страница трудящихся Дагестана в годы Гражданской войны, в которой историческая канва соответствует реальным событиям тех лет.

Машидат Гаирбекова, вступившая на литературный путь в послевоенный период, своим первым же сборником стихов «Слово горянки», изданном в 1950 г., заявила о себе как сложившаяся поэтесса. Ее сборник стихов был переведен на русский язык. Однако она не остановилась на достигнутом и обратилась к новому для нее жанру – драматургии. В том же году она написала свою первую пьесу «Счастливый день»³⁸².

После войны наряду с такими известными мастерами художественного слова, как М. Хуршилов, А. Аджаматов, З. Эфендиев, Х. Авшалумов, С. Абдуллаев, И. Керимов, М. Бахшиев, М. Яхьяев, М. Сулиманов, пробуют свои силы в прозе и молодые писатели. В их рассказах и повестях раскрываются глубинные побудительные мотивы созидательного труда людей, история их духовного роста. Сборники «Алый горизонт» и «Большой Урал» И. Керимова, «Родные люди» М. Бахшиева, «В горах» К. Меджидова воспевают труд человека и человека в труде.

В бытовых зарисовках М. Гаджиева и З. Эфендиева, в рассказах М.-С. Яхьяева и М. Магомедова поднимаются вопросы преодоления въевшихся в души людей, как ржавчина, пережитков прошлого, семейно-бытовых отношений, морально-этических поведенческих норм («воспитания детей»).

Последняя тема особенно много места заняла в те годы в детской литературе. Она была отражена в рассказах «Живой поток» И. Керимова, «Серебряный карандаш» М.-С. Яхьяева, «Друзья Алиджана» К. Меджидова и др. Вместе с тем в них просматривается упрощение писателями решения этой темы. Детские рассказы были несколько оторваны от жизни, надуманы и нереальны. В этом отношении от них отличалась детская поэзия А. Аджиева, Р. Гамзатова и Р. Рашидова, имевшая известные достижения³⁸³.

На этом фоне надо отметить, что наиболее крупным произведением в послевоенной дагестанской прозе стал роман М. Хуршилова «Сулак-свидетель», вышедший в исправленном и дополненном варианте в 1950 г. Роман, рисуемый на добротном историческом материале жизнь дореволюционного крестьянства Дагестана, тепло был принят широкой читательской общественностью республики³⁸⁴.

Главное место в литературе 50-х гг. занимает образ положительного героя. В повестях «Блеск воды» И. Керимова, «На путях перегона скота» Н. Хангишиева, «В кумыкской степи» А. Аджаматова, «Гюлейбат» М.-С. Яхьяева, «В родном селе» А. Мудунова, «Увенчанное счастье» Мирзы Магомедова, «Горянка» А. Магомаева, «Горячие сердца» Мусы Магомедова, «Умуд» А. Агаева рассказывается о животрепещущих темах сельской жизни, о людях труда, животноводов, учителях, судьбе горянки.

В дагестанской драматургии послевоенных лет развивается героическая тематика. Драматург Г. Залов в своей пьесе «Вдохновенная певица» воссоздал героический образ аварской поэтессы XIX в. А. Марин, которой за вольнолюбивые песни зашили рот. Спектакль, поставленный Аварским театром по пьесе Залова, был тепло принят зрителями.

Народный поэт Дагестана Т. Хрюгский вместе с писателем К. Меджидовым написал драматургическое произведение героического плана «Ашуг Саид», опирающееся на действительную историческую фактуру. Драматург М. Алиев также обратился к исторической проблематике, воссоздав в своей пьесе легендарный образ Парту Патима, воспетой в народном фольклоре.

Такое увлечение творческих деятелей героикой прошлого в послевоенные годы было неслучайным. Они находились под влиянием того огромного вдохновения, которое вызвала у интеллигенции, как и всего народа, величайшая победа над фашистской Германией. Тем не менее Дагестанский областной комитет партии был несколько обеспокоен таким креном литературы в прошлое и порекомендовал Министерству культуры, Союзу писателей и обкому комсомола обратить внимание на эти вопросы и принять соответствующие меры. В мае 1957 г. Министерство культуры и Союз писателей провели совещание драматургов, главным девизом которого стало «Темы современности – на передний план!»

Сознавая, что одними лозунгами проблему не решить, в республике объявили конкурс на лучшую пьесу, посвященную современности. Итоги конкурса в целом оказались положительными: три пьесы были отмечены премиями, шесть – рекомендованы для театра.

Теме современности в литературе было посвящено и совещание молодых писателей, проведенное Союзом писателей и обкомом комсомола в июне 1957 г.³⁸⁵ Такие встречи помогали молодым писателям в повышении их творческого мастерства, отображении действительности, укреплении связей с жизнью народа.

Успехам дагестанской литературы способствовал и начавшийся издаваться с 1952 г. на аварском, даргинском, кумыкском, лезгинском и лакском языках литературный альманах «Дружба». Альманах знакомил своих читателей с переводами на родные языки произведений русских писателей Л. Толстого, Н. Гоголя, В. Короленко, В. Маяковского, М. Исаковского, Е. Долматовского, П. Павленко и других. В нем были опубликованы и произведения украинских писателей Я. Голана и О. Гончара, татарского поэта М. Джалиля, туркменского писателя Б. Кербабаева, а также произведения писателей рес-

публик Закавказья и Северного Кавказа С. Вургуна, Г. Абашидзе, Г. Кайтукова, Б. Куашева и многих других³⁸⁶.

Вместе с тем такой интерес в Дагестане к литературам других народов находил у них понимание и вызывал интерес к многонациональной дагестанской литературе. Лучшие произведения дагестанских прозаиков и поэтов издавались большими тиражами на русском и многих языках народов Советского Союза, а также зарубежных стран. Начиная с 50-х и в последующие годы произведения дагестанских поэтов и писателей на русский язык переводились С. Липкиным, Н. Гребневым, Я. Козловским и другими переводчиками, которые сами хорошо владели литературным творчеством. Благодаря переводам их произведения приобретали всесоюзную известность.

Помимо этого, многие произведения С. Стальского, Г. Цадасы, Р. Гамзатова, А. Гафурова, А. Аджиева, А.-В. Сулейманова, Р. Рашидова звучали на грузинском, азербайджанском, украинском, осетинском, кабардинском и других языках. Их переводы осуществлялись лучшими поэтами и переводчиками союзных и автономных республик страны, они издавались большими тиражами, включались в учебные хрестоматии³⁸⁷.

Рост поэтического творчества дагестанских мастеров художественного слова был заметным явлением. В то же время на этом фоне наблюдалась некоторая «звездная болезнь», когда отдельные поэты и писатели, восторгаясь полученными положительными откликами на написанные и изданные книги, не видели в них никаких недостатков. Обсуждения и дискуссии новых литературных произведений, проводимые Союзом писателей, большое количество статей, опубликованных в газете «Дагестанская правда» в 1958 г., накануне III съезда писателей республики, помогали разбираться в проблемах развития дагестанской литературы, повышения ее художественного уровня, творческого роста молодых поэтов и писателей. Высок авторитетный литературовед Камиль Султанов выступил в газете со статьей «Нужна ли писателям самоуспокоенность?», в которой остановился на вопросах о взаимоотношении писателя и переводчика, «улучшении» переводчиками переводимых произведений, определении критериев национальных литератур, которые необходимо переводить на русский язык. В целом высоко оценивая достижения дагестанских литератур, особенно таких ее представителей, как С. Стальский, Г. Цадаса, Э. Капиев, Р. Гамзатов, он в то же время выступал против того, когда молодые писатели, не успевшие завоевать известность у своего народа и не научившись как следует писать на родном языке, из кожи вон лезли, «чтобы «организовать» переводы своих произведений на русский язык»³⁸⁸. Он был за то, чтобы на русский язык переводить те произведения, которые наиболее полно отражают дух и национальные особенности того народа, на языке которого они написаны.

Такая требовательность своих же коллег-писателей, партийная и творческая критика, звучавшая со страниц газет и литературоведческих изданий, на совещаниях и съездах писателей Дагестана помогали писателям преодолевать недостатки. Состоявшиеся в 1954 и 1958 гг. второй и третий съезды писателей республики прошли также под знаком повышения требовательности

к мастерам художественного слова, усиления связи литературы с жизнью народа. Благодаря такому внимательному отношению шло пополнение рядов писательской организации Дагестана. Между вторым и третьим съездами в члены Союза писателей СССР было принято 16 писателей Дагестана, и в 1958 г. их численность выросла до 54 человек³⁸⁹.

Дагестанское театральное искусство за годы советской власти достигло профессионального уровня. В репертуаре Русского государственного и 4-х государственных национальных театров (кумыкского, аварского, лезгинского и лакского) были классические и историко-революционные произведения, а также пьесы дагестанских драматургов. Такой подбор репертуара театров объяснялся тем, что в них выросли крупные коллективы, состоявшие из квалифицированных артистических сил, способных ставить пьесы как классического, так и современного плана.

После войны дагестанские зрители с большим воодушевлением воспринимали спектакли, отображавшие героизм советских людей в годы Великой Отечественной войны: «За тех, кто в море» Б. Лавренива, «Минувшие дни» М. Хуршилова, инсценировку «Молодой гвардии» А. Фадеева. Наряду с ними в репертуаре русского театра значительное место занимала русская и зарубежная хроника.

Дагестанские театры чаще обращаются к пьесам дагестанских драматургов. В 50-е гг. на сценах республиканских театров ставятся пьесы А. Салаватова «Айгази» и «Карачач», Г. Рустамова «Подарок Салимат» и «Уллубий», А. Курбанова «У снежных гор», А. Аджаматова «Невесты», М. Гаирбековой «Счастливый день», А.-В. Сулейманова «Айбике», А. Абакарова «В стране гор», Ф. Алиевой и М. Магомедова «Рассвет» и другие.

Было обращено внимание на подготовку молодых актеров из числа коренных народов Дагестана. В 1952 г. для подготовки таких кадров при Государственном институте театрального искусства им. А. В. Луначарского были созданы специальные студии. В 1955 г. более 20 молодых актеров, окончивших этот институт, дополнили актерские коллективы аварского и лезгинского театров. Молодые актеры, получившие специальное театральное образование, дополнили также коллективы русского, кумыкского и лакского драматических театров³⁹⁰.

Укрепление материальной базы театров, приход молодой, способной молодежи, получившей хорошее театральное образование, позволило активизировать удовлетворение духовных запросов населения. Театры Дагестана в 1946–1950 гг. обслужили 1085 тыс. зрителей, из них 649,5 тыс. человек сельских жителей³⁹¹.

Для стимулирования развития литературы и искусства Дагестана по решению Совета Министров ДАССР и бюро Дагестанского обкома партии от 3 июня 1958 г. были установлены шесть ежегодных премий за лучшие произведения в области литературы и искусства: премия им. С. Стальского – за лучшую поэму или стихотворение; премия им. Г. Цадасы – за лучшее драматическое произведение; премия им. Э. Капиева – за лучшее прозаическое произведение; премия им. А.-П. Салаватова – за лучшую театральную или

эстрадную постановку или исполнение отдельных ролей; премия за лучшее музыкальное произведение; премия за лучшее произведение в области изобразительного и прикладного искусства³⁹².

Выдвижение кандидатов на премии производилось общественными и творческими организациями, их кандидатуры публиковались в печати для широкого обсуждения. Лауреатам премии выдавалось пусть небольшое, но заметное при тех уровнях зарплаты денежное вознаграждение. Все это способствовало повышению морального престижа работников литературы и искусства, вносило в их деятельность здоровый соревновательный дух.

13 июня 1959 г. Совет Министров ДАССР на основании материалов, представленных Комитетом по премиям в области литературы и искусства, присудил премии: им. С. Стальского – Гамзатову Расулу за поэму «Горянка», опубликованную в 1958 г. в журнале «Дружба народов»; им. Э. Капиева-Агаева Ахеду за монографию «Сулейман Стальский» и критико-биографические очерки «Творчество А. Фаттахова» и «Етим Эмин», опубликованные в 1957–1958 гг.; им. А.-П. Салаватова – постановщику спектакля «Дочь Ганга» Рустамову Гамиду и исполнителям главных ролей: Б.С. Мурадовой, С.Т. Мурадовой, А.С. Курумому, Е.Д. Легомениди и Хайбат Казимагомедовой; премии за лучшие музыкальные произведения Наби Дагирова за кантату «Советский Дагестан», созданную в 1958 г.; премии за лучшие произведения в области изобразительного и прикладного искусства Магомедову Гаджи-Бахмуду за «Сервиз для вина», «Вазу для цветов», «Сахарницу», «Набор для мороженого», экспонировавшиеся на Международной Брюссельской выставке в 1958 г.

Кроме того, по четырем видам республиканских премий из пяти были присуждены еще по две поощрительные премии за лучшие произведения по литературе и искусству³⁹³.

В эти годы в стране широко стала известна музыка молодого дагестанского композитора, выпускника Азербайджанской консерватории Мурада Кажлаева. Его музыка звучала по московскому радио, в крупнейших концертных залах и парках Москвы. Симфонические произведения Кажлаева исполнялись крупнейшими оркестрами страны. На VII Всемирном фестивале молодежи и студентов в Вене (июнь 1959 г.) по конкурсу музыкальных произведений, присланных из 18 стран, по группе «Танцевальная музыка» М. Кажлаев был удостоен первой премии. Это был большой успех дагестанского композитора, открывший перед ним широкие перспективы³⁹⁴.

Всеобщее признание в республике и за ее пределами получили произведения композитора Г. Гасанова, а также Н. Дагирова, С. Керимова, С. Агабабова и других.

В связи с тем, что республика готовилась к проведению дней литературы и искусства Дагестана в Москве, было принято постановление Совета Министров ДАССР от 13 января 1959 г. «О создании нового профессионального ансамбля народного танца Дагестана «Лезгинка»» в составе 44 человек. Основу ансамбля составили участники художественной самодеятельности и второго республиканского фестиваля молодежи республики 1958 г., ото-

бранные по конкурсу. Руководителем ансамбля был назначен Танхо Израилов, выступавший в Ансамбле танцев народов СССР Моисеева. Первое выступление ансамбля состоялось в Махачкале 9 мая 1959 г., которое было принято на ура³⁹⁵.

Наряду с вновь созданным ансамблем продолжал демонстрировать высокое хореографическое мастерство и Ансамбль песни и танца народов Дагестана. Для повышения его художественного уровня руководителем ансамбля был направлен композитор Н. Дагиров.

В республике с большим успехом проходили концерты народной артистки РСФСР Б. Мурадовой, заслуженной артистки РСФСР Р. Гаджиевой, народной артистки ДАССР, лауреата Государственной премии СССР И. Баталбековой, заслуженной артистки республики М. Гасановой. Они и многие другие представители дагестанской творческой интеллигенции могли представить на самом высоком уровне искусство народов Дагестана. В этот период шла большая подготовительная работа к поездке в Москву, где началось проведение Декады литературы и искусства Дагестана. Участники декады проходили тщательный отбор.

Развитие дагестанской культуры в 60-е гг. Декада проходила 8–9 апреля 1960 г. в столице Советского Союза в г. Москве, что одно это уже придавало большой смысл и значимость такому мероприятию. Открытие декады состоялось в Кремлевском дворце Съездов. Открывал декаду Кумыкский театр спектаклем «Под деревом». Театры показали всего 8 спектаклей, из которых 5 были посвящены различным сторонам современной жизни Дагестана: «Под деревом», «Горянка», «В родном ауле», «По горным дорогам» и «Сердца друзей». Высокое мастерство показали артисты Кумыкского театра в постановке русской классики – «Каменного гостя» А. С. Пушкина.

На декаде прозвучали произведения симфонической, камерной и эстрадной музыки дагестанских композиторов. Они получили хорошую оценку музыкальной общественности столицы.

С интересной и разнообразной программой выступили на декаде Государственный ансамбль песни и танца Дагестана и Государственный ансамбль народного танца Дагестана «Лезгинка». Москвичи высоко оценили самобытные, яркие танцы и наряды республики, исполненные ансамблем «Лезгинка»³⁹⁶.

Были организованы выставки произведений художников, изделий народных умельцев. Природную одаренность, любовь к музыке, танцу, песне продемонстрировали участники художественной самодеятельности Дагестана, приехавшие в Москву и показавшие свое мастерство: женский хор клуба работников рыбной промышленности, танцевальная группа Кизлярского Дома культуры, коллективы художественной самодеятельности Буйнакского, Чародинского, Рутульского районов, города Каспийска, Дагестанского государственного университета и педагогического института, группа барабанщиков Касумкентского района, детский танцевальный коллектив Махачкалинского Дома пионеров и другие коллективы и исполнители.

Заключительный концерт декады, художественно отобразивший тему дружбы народов Дагестана и отличившийся глубоким содержанием и яркой художественной формой, имел заслуженный успех у москвичей и получил хорошую оценку.

Признанием выдающегося успеха первой Декады литературы и искусства Дагестана в Москве стали высокие правительственные награды и присвоение почетных званий большой группе деятелей культуры ДАССР. За большие заслуги в развитии искусства и в связи с декадой были удостоены звания народного артиста РСФСР 5 человек, заслуженного артиста РСФСР – 13 человек. Звания народного артиста ДАССР удостоились 18 человек, заслуженного артиста ДАССР – 33 человека, заслуженного деятеля искусств ДАССР – 3 человека.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 4 мая 1960 г. звание народной артистки СССР было присвоено артистке Кумыкского театра Б.С.-М. Мурадовой. Орденом Ленина были награждены Гаджиева Р.А., солистка Даградио и телевидения, Р.Г. Гамзатов и А.Г. Гафуров – народные поэты Дагестана, и Г.-Б. Магомедов, мастер кубачинской артели «Художник».

Почетными грамотами Президиума Верховного Совета РСФСР и Президиума Верховного Совета ДАССР были награждены многие участники декады – как отдельные творческие деятели, так и целые коллективы. Наряду с такими высокими оценками при обсуждении по окончании декады спектаклей, музыкальных произведений, концертных программ, произведений живописи, скульптуры и графики с участием высококвалифицированных московских специалистов было высказано немало критических замечаний, намечены меры по устранению недостатков.

Министерство культуры наметило целый ряд мероприятий по оказанию помощи республике. В частности, было решено направить в Дагестан во II полугодии 1960 г. группу творческих работников для помощи в разработке перспективного плана развития искусства республики, а также командировать бригаду Главного управления культурно-просветительных учреждений для оказания помощи Министерству культуры ДАССР в перестройке работы клубных учреждений. Большая помощь Дагестану оказывалась в подготовке творческих кадров. В 1960–1965 гг. для внеконкурсного приема дагестанской молодежи в ведущие высшие и средние учебные заведения Москвы, Ленинграда и Астраханской области было выделено 60 мест. Были намечены также меры по увеличению штатов театров и филармонии, укреплению материально-технической базы, учреждений культуры. Главному управлению производства фильмов совместно с Министерством культуры было поручено на одной из киностудий РСФСР в течение 1961–1962 гг. создать художественный фильм о Дагестане на современную тему³⁹⁷.

Надо думать, что, принимая такое решение, Министерство культуры имело в виду наличие в Дагестане какого-то опыта в этом вопросе. С помощью Азербайджанской, Свердловской, Североосетинской и других киностудий по сценариям дагестанских писателей были созданы художественные, документальные и мультипликационные фильмы: «Так рождается песня»,

«Искусство, рожденное в горах», «В Стране гор», «День рождения», «Тучи покидают небо», «Слон и муравей», «Лев и заяц», которые демонстрировались и на декаде в Москве.

Декада литературы и искусства оказала разностороннее позитивное влияние на развитие дагестанской культуры. Впервые большому творческому коллективу республики – государственному ансамблю танца «Лезгинка», выросшему до 52 человек, была предоставлена возможность по приглашению общества германо-советской дружбы поехать с концертами в Германскую Демократическую Республику.

Первоначально срок пребывания ансамбля в ГДР был обговорен с 5 мая и до 6 июня 1961 г., однако по просьбе германской стороны он был продлен по 16 июня. 8 мая ансамбль выступил в самом крупном зале Берлина «Фридрихштатпалас» перед участниками торжественного собрания, посвященного 16-й годовщине освобождения Германии от фашизма и началу Недели германо-советской дружбы. На концерте присутствовали высшие руководители ГДР.

За время пребывания в ГДР ансамбль выступил в 25 городах и дал 34 концерта, на которых присутствовало около 100 тыс. зрителей. Заклучительный концерт ансамбля состоялся в помещении Государственной оперы Берлина. Зрители и здесь оказали танцорам Дагестана восторженный прием.

Концерт, состоявшийся в Берлине 8 мая, передавался по телевидению не только в ГДР, но и восьми других странах Западной Европы, что послужило хорошей рекламой для ансамбля «Лезгинка». В 1961 г. ансамбль гастролировал во Франции, в 1962 г. – в Венгрии и Китае, в 1963 и 1967 гг. – в Чехословакии, в 1963 г. – Югославии, в 1965 г. – Сирии, Иордании, Ливане, Ираке, Кувейте, в 1969 г. – в Англии и т. д.³⁹⁸

Опыт, приобретенный по проведению Декады литературы и искусства Дагестана в Москве, подтолкнул дагестанских деятелей культуры на проведение аналогичного мероприятия и в Ленинграде. Добрым предзнаменованием перед таким крупным событием стала премьера балета «Горянка», поставленного балетмейстером О. Виноградовым по мотивам поэмы Р. Гамзатова в Ленинградском театре оперы и балета им. С. М. Кирова в марте 1968 г. В постановке спектакля участвовали аварец Р. Гамзатов (автор поэмы), лакец М. Кажлаев (композитор), даргинец Д. Далгат (дирижер), русский О. Виноградов (балетмейстер). Ленинградские зрители горячо приняли спектакль и долго не отпускали со сцены артистов³⁹⁹.

Через год, 1–8 февраля 1969 г. в Ленинграде состоялась Неделя искусства и литературы Дагестана. В ней приняли участие около 400 работников искусства и литературы, участников художественной самодеятельности, коллективы ансамбля танца Дагестана «Лезгинка», ансамбля песни и танца Дагестана, камерная группа Дагфилармонии, ансамбль «Гуниб» и другие группы и творческие деятели.

В дни недели было проведено 22 различных мероприятия, 43 платных концерта профессиональных коллективов и исполнителей, 11 концертов художественной самодеятельности, на которых присутствовало в общей слож-

ности более 90 тыс. человек. Деятели культуры Дагестана встречались с коллективами крупных ленинградских предприятий, Высшего военно-морского училища им. Фрунзе, где учился М. Гаджиев, ветеранами театральной сцены. Были организованы выставки произведений дагестанских художников, народно-прикладного искусства, большая выставка «Книги Дагестана», которую посетило свыше 15 тыс. человек.

В течение недели в кинотеатрах Ленинграда демонстрировались короткометражные фильмы о Дагестане, состоялось 133 киносеанса, которые просмотрели около 200 тыс. человек. В Ленинградском цирке в дни Недели проводились выступления дагестанских канатоходцев под руководством народного артиста РСФСР и ДАССР Я. Гаджикурбанова⁴⁰⁰.

Неделя искусства и литературы продемонстрировала высокое исполнительское мастерство дагестанских мастеров и хорошо была принята ленинградцами.

Ответный визит в Дагестан ленинградские мастера искусств нанесли в мае 1969 г. Неделя искусств и литературы Ленинграда в Дагестане проходила с 15 по 22 мая. Она явилась важным событием в культурной и политической жизни республики. Дагестанский зритель имел возможность посетить концерты ведущих художественных коллективов Ленинграда, познакомиться с выдающимися произведениями из собраний Государственного Русского музея и наиболее значительными работами современных художников Ленинграда.

Вместе с тем одним из центральных событий недели стал приезд в Дагестан балетной группы и оркестра Кировского театра оперы и балета, показ в Махачкале первого дагестанского балета М. Кажласва «Горянка».

Концерты камерной и симфонической музыки, выступления ведущих эстрадных коллективов и исполнителей эстрадной песни Э. Пьехи, Э. Хилая, Бен Бенцианова, П. Кравецкого и др. собирали переполненные залы. Всего было дано около 60 спектаклей и концертов, на которых присутствовало около 50 тыс. человек. Участники художественной самодеятельности ленинградского Дома культуры им. Горького выступали с концертами в сельхозинституте, клубе рыбаков, Карабудахкенте, Кизляре, Тарумовке и винсовхозе «Кизлярский»⁴⁰¹. Деятелей литературы и искусства Ленинграда везде в Дагестане встречали и принимали как дорогих гостей. Это была не только обычная дагестанская вежливость, но и ответная реакция, вызванная прикосновением к высокому искусству.

Успешные выступления деятелей дагестанской культуры в столице и Ленинграде, высокие оценки, которые они получили, выразившиеся прежде всего в присуждении впервые звания народной артистки СССР артистке Кумыкского театра Б. С.-М. Мурадовой, усилили внимание как федеральных, так особенно республиканских органов на развитие культуры, расширение сети культурно-просветительских и театральных учреждений. На основании ходатайства республики Совет Министров РСФСР 4 июня 1960 г. принял постановление «О создании Государственного даргинского драматического театра». Однако провести это решение в жизнь удалось с 1 июня 1961 г., после

принятия соответствующего постановления бюро Дагестанского обкома партии и Совета Министров ДАССР. Театр решено было разместить в помещении клуба нефтяников в г. Избарбаше.

Для театра все необходимое приходилось собирать по нитке из других театров. Творческий состав театра предлагалось укомплектовать за счет участников художественной самодеятельности, из существующих театров передать новому театру часть костюмов, бутафории и реквизиты, для оборудования сценической части театра выделить Даргинскому театру 20 тыс. руб. за счет экономии средств, в третьем квартале выделить театру один автобус и одну грузовую автомашину и т. д.⁴⁰² В таких трудностях родился театр, испытывавший недостаток всего необходимого для функционирования творческого коллектива даргинского народа, долго не имевшего своего театра.

Не случайно, что после таких праздников культуры больше внимания было обращено на репертуары театров, осовременивание их. Пример в этом плане подавал Русский драматический театр им. М. Горького, в репертуаре которого ведущее место занимала тема современности. На его сцене были осуществлены постановки пьес известного драматурга страны В. Розова «В добрый час», «В поисках радости», «Перед ужином». Спектакли по этим пьесам (режиссер И.М. Сапожников) пользовались большим успехом и у дагестанских зрителей, особенно молодых.

Театр обращался и к пьесам других советских драматургов. Значительными спектаклями театра стали «Иркутская история» Арбузова, «Барабанщица» Салынского, «Совесть» Павловой и другие. Большое место в репертуаре театра занимала русская классика, а его спектакли «Последние» и «Враги» (пьесы М. Горького) были отмечены дипломами 1-й и 2-й степени Министерства культуры РСФСР.

Русский театр регулярно обращался к постановке пьес дагестанских драматургов. В 60-е гг. были осуществлены постановки спектаклей «Сердца друзей» (М. и З. Зульфукуровы), «Девушка с гор» (Н. Алиев), «Мечты перед зеркалом» (А. Алиев), «В волчьей пасти» (М. и З. Зульфукуровы). В 1970 г. театр поставил дагестанскую пьесу «Итальянская баллада», посвященную сыну лакского народа, герою итальянского сопротивления против фашистских захватчиков Д. Камалову.

Насыщенной творческой жизнью жил коллектив Кумыкского драматического театра им. А.-П. Салаватова, в котором трудились известные мастера сценического искусства Б. Мурадова, А. Курумов, Д. Саидуров, Х. Магомедова, Т. Гаджиев, Ю. Мурадбеков и др., пользовавшиеся большой любовью своего народа.

В 1962 г. Кумыкский театр получил хорошее пополнение. В ряды его коллектива влились выпускники Московского высшего театрального училища им. Щукина. С помощью своих старших опытных коллег молодые артисты быстро утвердились в коллективе и получили известность.

Зрителями театра на высокой эмоционально-патриотической ноте были восприняты его постановки на исторические и историко-революционные темы. В его репертуаре были такие спектакли, как «Ирчи Казак» М.-С. Яхьяева,

«Солтан-Саид» Б. Атаева, «Сквозь бурю» М.-С. Яхьяева. На темы Великой Отечественной войны театр откликнулся постановкой спектакля «Свадьба на войне» по пьесе участника войны, писателя А.-В. Сулейманова. За эту постановку театр одним из первых среди театров республики был удостоен республиканской премии им. Г. Цадасы.

Кумыкский театр осуществил немало постановок комедийного плана. Наиболее любимым зрителям спектаклем такого плана оставался спектакль «Молла Насретдин», поставленный еще в довоенные годы по пьесе М. Курбанова. Хорошо принимались зрителем и другие комедии театра: «Под окном», «Под деревом», «Свадьба бандита» Р. Рустамова, «Бомж Али» осетинского драматурга Талибова.

В репертуаре театра была представлена и зарубежная классика. На его сцене шли спектакли «Кровавая свадьба» (Г. Лорка), «Принцесса Турандот» (Ф. Шиллер), «Король Лир» и «Укрощение строптивой» (В. Шекспир). Театр обращался и к пьесам драматургов национальных республик. Кумыкские артисты с подъемом играли в спектакле «В ночь лунного затмения» по пьесе башкирского поэта М. Карима.

Для Аварского драматического театра им. Г. Цадасы хорошей творческой школой стала московская Декада литературы и искусства Дагестана. На постановку пьесы Р. Гамзатова «Горянка» для показа на декаде в Москве театр пригласил народного артиста СССР А.Я. Чхарташвили. «Горянка» принесла театру широкую известность и открыла целую галерею одаренных артистов, таких, как народная артистка РСФСР З. Набиева, заслуженный артист РСФСР М. Абдулхаликов, заслуженные артистки РСФСР А. Мамаева и П. Хизроева, народная артистка ДАССР С. Меджидова и другие. В 1955, 1964 и 1964 гг. Аварский театр пополнился выпускниками ГИТИСа и Тбилисского театрального института. В начале 70-х гг. в этом институте обучалась еще одна группа студентов из Дагестана.

В те годы этапными в жизни театра стали спектакли «Отелло» (В. Шекспир), «Горы в огне» (А. Курбанов), «Командир русской роты» (Трунов), «Горцы» (Р. Фатуев), «В ночь лунного затмения» (М. Карим). Литературно-музыкальная композиция «Мой Дагестан», поставленная в 1970 г. по произведениям Р. Гамзатова, получила высшую оценку правительства.

Лезгинский государственный драматический театр им. С. Стальского имел в своем репертуаре спектакли «Казимагомед» Айдаева и Эфендиева, «Цветок России» Н. Ахмедова, «Тревожная весна» Махмудова, «Сулейман Стальский» Айдаева и Эфендиева. В 1968 г. спектакль Лезгинского театра «Казимагомед» был удостоен республиканской премии им. С. Стальского. Для театра были подготовлены две группы профессиональных актеров с высшим образованием, окончивших Московский и Бакинский театральные институты.

Лакский драматический театр им. Э. Капиева в 60-е годы в своем репертуаре имел в основном постановки по пьесам лакских драматургов: «Гарун Саидов» Б. Рамазанова, «В родном ауле» М. Алиева, «Поток» Ш. Абдул-

лаева, «Судьба» Ц. Камалова, а также «Фатиму», поставленную по произведениям осетинского поэта К. Хетагурова.

В Лакском театре, как и в других театрах, коллектив пополнялся актерами с высшим образованием. В 1965 г. в театр пришли выпускники Московского высшего театрального училища им. Щукина. Еще одна группа актеров для театра обучалась в Ереванском художественно-театральном институте.

Самый молодой Даргинский драматический театр им. О. Батырая привлек в свои ряды профессиональных актеров с высшим образованием, окончивших Ереванский театральный институт. За короткий срок театр успел завоевать признание даргинских зрителей. В его репертуаре были спектакли «Отелло» В. Шекспира, «Их четверо» Запольской, «Горские зори» и «По велению сердца» М. Халиловой, «Насилие» Р. Нунова, «Извините» Ф. Алиевой и М. Абдулхаликова и другие ⁴⁰³.

Особенно большую роль в театральной жизни республики играл Русский театр, на спектакли которого ходили не только русские зрители, но и дагестанские. За 50 лет, с 1920 г. по 1971 г., театром было поставлено около 18 тыс. спектаклей, на которых побывало более 7 млн. зрителей. На сцене театра было поставлено около 370 пьес классической русской и зарубежной драматургии и 16 пьес дагестанских авторов ⁴⁰⁴. Только в 1971 г. спектакли Русского театра посмотрело свыше 147 тыс. зрителей. По количеству зрителей второе место занял Дагестанский театр кукол, спектакли которого посмотрели около 120 тыс. детей и взрослых. В 1971 г. спектакли дагестанских театров посмотрело более 721 тыс. зрителей ⁴⁰⁵.

Коллективы театров стремились расширить свои связи с сельским населением, которое любило и уважало театральное искусство, но не всегда имело возможности побывать в городах и посмотреть их спектакли. С этой целью театры стали практиковать гастрольные поездки в летнее время в сельские районы республики. Лакский театр в 1963 г. в аулах Лакского района дал 200 спектаклей по пьесам «Горянка» Р. Гамзатова, «Прощай мой старый аул» А. Грача, «Палата» С. Алешина, «Смертный приговор» И. Соболева и др. ⁴⁰⁶

Кроме государственных театров на общественных началах функционировали табасаранский, ногайский, кизлярский русский и дербентский татский театры, известные под названием народных. Они были популярны в своих районах и имели постоянных зрителей.

Театры республики обслуживали не только дагестанского зрителя, они совершали периодические гастрольные поездки в Украинскую ССР, республики Закавказья и Северного Кавказа, Среднюю Азию, другие регионы и крупные города страны. Чаще всех такие гастрольные поездки совершал коллектив Русского театра. С его творчеством ознакомились зрители около 20 республик, краев, областей и крупных городов (Молдавия, Украина, Белоруссия, Латвия, Азербайджан, Грузия, Чувашия, Северная Осетия, Москва, Ростов, Брянск и др.) ⁴⁰⁷.

С дагестанским искусством в других республиках и регионах страны ознакомились также через Ансамбли песни и танца Дагестана и «Лезгинка». В

1961 г. Ансамбль песни и танца Дагестана побывал в 30 городах страны, дал 80 концертов и обслужил более 50 тыс. зрителей. Как в стране, так и особенно за рубежом очень часто выступал ансамбль «Лезгинка», на что указывалось выше. Где бы ни выступал этот коллектив, он с большим профессиональным мастерством демонстрировал достижения дагестанского национального искусства⁴⁰⁸.

Большое влияние на творческое развитие ансамблей, музыкальное сопровождение их концертов оказало музыкальное искусство Дагестана. Композитор Н. Дагиров в 1952–1963 гг. был художественным руководителем Дагестанского ансамбля песни и танца. Именно в те годы им были сочинены такие произведения, как «Дагестанские танцы», «Мужской танец», «Лезгинка», «Харс» на тему народного танца, которые не могли не быть использованы ансамблем для музыкального сопровождения своих концертов.

В репертуаре Ансамбля песни и танца были популярны в стране песни С.А. Агабабова «По горным дорогам», «Моя Москва», «Я славлю тебя, Дагестан»⁴⁰⁹, исполняемые и другими музыкальными коллективами и известными певцами.

Эти композиторы были известны не только своим песенным творчеством, но и крупными произведениями. Их произведения, а также произведения Г. Гасанова, М. Кажлаева, С. Керимова, Ш. Чалаева шагнули за пределы Дагестана. К их творчеству обращались крупные театральные и концертные организации страны. Они знакомили со своими постановками и дагестанских слушателей и зрителей. Так, постановка двух крупных произведений дагестанских композиторов была осуществлена в Ленинграде. В 1968 г. балет М. Кажлаева был поставлен на сцене Ленинградского театра оперы и балета, а в феврале 1971 г. в Ленинградском Малом театре оперы и балета состоялась премьера оперы Ш. Чалаева «Горцы». С 6 по 14 сентября 1971 г. Малый театр показал дагестанскую оперу и в Махачкале, дополнив свои концерты еще двумя одноактными балетами⁴¹⁰.

Произведения дагестанских композиторов исполнялись во многих странах Европы – Польше, Болгарии, ГДР, Венгрии, Чехословакии.

Добиваясь творческого роста профессионального музыкального искусства, советские органы и творческие общественные организации стимулировали и добивались развития самодеятельного искусства. На это были направлены ставшие традиционными смотры, фестивали, праздники песни и танца, фестивали молодежи и студенчества, к участию в которых привлекались почти все коллективы художественной самодеятельности.

Такие встречи представителей самодеятельного искусства проводились как на районном, областном, республиканском, региональном, так и на российском и союзном уровнях. В сентябре 1963 г. в г. Ordжоникидзе прошел фестиваль самодеятельного хорового и музыкального искусства народов Северного Кавказа. На фестивале выступили коллектив художественной самодеятельности Дагестанского госуниверситета и солистки Дагестанского радио и телевидения И. Баталбекова, М. Гасанова, Б. Ибрагимова, а также композиторы М. Кажлаев, Н. Дагиров и С. Керимов.

В 1963–1964 гг. праздники литературы и искусства с участием писателей, композиторов, артистов республики прошли в городах Каспийске, Буйнакске, Кизляре, поселке нефтяников Южно-Сухокумске, селениях Карабудахкент, Гурбуки, Тарумовка, Крайновка, Хучни, Хунзах⁴¹¹.

Они как бы стали подготовкой к более крупным праздникам и смотрам коллективов художественной самодеятельности. Особенно с большим размахом они проходили на федеральном и союзном уровнях.

В конце ноября 1964 г. в рамках Всероссийского смотра сельской художественной самодеятельности прошел республиканский смотр художественной самодеятельности. На смотре были представлены все районы республики, в нем приняло участие более 30 тыс. человек. В период проведения таких мероприятий особенно большое внимание уделялось расширению сети коллективов художественной самодеятельности, созданию их на промышленных предприятиях, в колхозах, совхозах, учреждениях, вовлечению в самодеятельность все новых участников, укреплению материальной базы учреждений культуры. За время проведения смотра были созданы 1195 кружков художественной самодеятельности, построено в основном за счет колхозов, совхозов 119 зданий учреждений культуры, в том числе 80 клубов, 39 библиотек, открыто 696 новых уголков, приобретено 1219 музыкальных инструментов, 1552 национальных костюма, театральные и другие учреждения культуры сельским клубам передали различного оборудования и реквизитов на 25 тыс. руб.

За большую работу по подготовке и проведению Всероссийского смотра художественной самодеятельности и укреплению ее материальной базы Министерство культуры ДАССР и обком профсоюза работников культуры, Дагестанский обком комсомола наградили дипломами 1, 2 и 3 степеней Всероссийского оргкомитета 190 человек. Президиум Верховного Совета ДАССР наградил 50 человек почетными грамотами. Большая группа участников смотра была награждена ценными подарками⁴¹².

Еще более успешно прошел в 1966 г. Всесоюзный смотр художественной самодеятельности, в котором участвовало около 50 тыс. населения республики. Многие коллективы Дагестана стали лауреатами Всероссийского и Всесоюзного фестивалей самодеятельного искусства. А на втором Международном фестивале фольклора горных земель в Польше в сентябре 1969 г. коллектив художественной самодеятельности Акушинского дома культуры и Дагестанского госуниверситета занял первое место. Ему была вручена высшая награда – «Золотой топорик» и денежная премия⁴¹³.

Новые веяния, связанные с партийными установками на укрепление связи искусства с жизнью народа, оказывали свое влияние на развитие изобразительного искусства. Это выражалось не только в том, чтобы художники создавали на своих полотнах портреты людей труда, но и чтобы они могли правдиво отображать их быт, глубоко раскрывать образ и психологию людей труда. С этой целью дагестанские художники в начале 60-х годов провели встречи с тружениками села. Во время этой поездки они собрали большой

материал, на основе которого создали серию портретов чабанов, садоводов, виноградарей, механизаторов, ковровщиц.

В 1961 г. художники открыли картинную галерею в крупном переселенческом колхозе им. К. Маркса селения Куруш Хасавюртовского района. Этот факт колхозниками был воспринят как большое событие, как праздник изобразительного искусства в селе. Художники преподнесли колхозу в подарок большое число произведений живописи и графики.

Картины художников Дагестана В. Горькова «Балхарские мастерицы», Г. Конопацкой «Ковровщицы», Августовича «Лезгинка» и «Зарождение сада» демонстрировались на выставках «Советский Юг» (1964 г.) и «Художники Юга России» (1965 г.). Работы дагестанских художников экспонировались на местных, московских и ленинградских выставках. Свыше 100 их произведений было представлено на выставке, организованной в дни Недели дагестанского искусства и литературы в Ленинграде (1969 г.).

Дальнейшее развитие получили художественно-промышленные артели республики. Об этом свидетельствовали высокие оценки, которые получали произведения кубачинских златокузнецов и унцукульских мастеров по обработке дерева на различных выставках, в том числе зарубежных. Кубачинские изделия демонстрировались и получали высокие оценки на выставках в Москве (1960 г.), Ростове (1964 г.), Махачкале (1965 г.), в Ленинграде (1969 г.). В 1962–1963 гг. дагестанские ювелирные изделия экспонировались на международных выставках в 23 странах Европы, Азии, Америки и Африки. Их произведения вызвали восхищение и тех, кто побывал на международных выставках в Монреале (1967 г.) и Осаке (1970 г.). На всесоюзных и международных выставках высокие оценки получали и изделия унцукульских народных умельцев⁴¹⁴.

Советское государство придавало огромное значение работе культурно-просветительных учреждений, которые призваны были сыграть большую роль в идейно-воспитательной работе, повышении культурного уровня трудящихся масс, развитии их талантов и дарований. Ежегодно в развитие сети клубов, дворцов и домов культуры, библиотек, музеев и других культурно-просветительных учреждений вкладывались большие средства.

Благодаря такому вниманию быстро развивалась сеть культурно-просветительных учреждений. Если в 1951 г. в республике насчитывалось 920 клубных учреждений, то к 1971 г. их численность увеличилась до 1130, библиотек соответственно с 471 до 842. Их книжный фонд вырос с 1102 тыс. экземпляров книг до 6410 тыс. книг. Количество киноустановок в республике за эти годы выросло с 187 до 898 единиц⁴¹⁵.

В строительстве клубных учреждений стали больше внимания уделять возведению крупных очагов культуры—дворцов. В 1963–1966 гг. за счет государства дворцы культуры были построены в Гунибском, Левашинском, Хунзахском, Курахском, Дахадаевском, Сергокалипском районах.

Крупные дворцы и сельские клубы вместимостью 500–800 человек были построены на колхозные средства в селениях Эндирей Хасавюртовского, Цудахар и Хаджал-Махи Левашинского, Карабудахкент и Кака-Шура Ленин-

ского районов. За эти годы колхозами построено всего 160 клубов и домов культуры.

В деятельности учреждений культуры и библиотек все большее распространение получала работа на общественных началах. В них работал многотысячный актив. Только работникам библиотек на общественных началах помогало более 8 тыс. человек⁴¹⁶.

Большую работу по пропаганде достижений народного хозяйства, науки и культуры, ознакомлению трудящихся с событиями, происходящими в республике, стране и за рубежом проводило Дагестанское радио. Его передачи в 1957 г. были увеличены до 10 час. в сутки или в объеме всех республик Северного Кавказа вместе взятых. Но наряду с радио и периодическими изданиями появились более оперативные электронные средства массовой информации. 28 сентября 1960 г. было принято постановление Совета Министров ДАССР об организации в Махачкале студии телевидения при Комитете по радиовещанию и телевидению Совета Министров ДАССР, созданном в 1957 г.⁴¹⁷

Телевидение быстро развивалось. В 1969 г. на горе Анджи-арка, высокой точке махачкалинской возвышенности, ударными темпами были построены двухэтажное здание студии телевидения и рядом с ним телебашня, до сих пор остающаяся одной из достопримечательностей Махачкалы⁴¹⁸. К 1967 г. были построены 9 ретрансляционных станций и строились еще 6, что позволило довести телепередачи до отдаленных горных аулов. В республике насчитывалось более 30 тыс. телевизоров и около 140 тыс. радиоточек⁴¹⁹. Но у голубых экранов собиралось, наверно, значительно больше телезрителей, чем было слушателей у радио. Ведь с момента появления телевидение стало самым массовым и популярным информационным средством.

Дальнейшее развитие в республике получила периодическая печать. В 1964 г. в Дагестане издавались 6 областных и 41 районная и городская газета, 6 многотиражек. Разовый тираж районных и городских газет достиг 112500 экземпляров, республиканских – 158300⁴²⁰. В 1970 г. количество газет увеличилось до 22 изданий, а их тираж составил 30,5 тыс. экземпляров.

5 октября 1965 г. вышел первый номер общественно-политического и литературного журнала «Советский Дагестан». Он быстро завоевал признание читателей. Первый номер журнала вышел 8-тысячным тиражом и с каждым годом его тираж наращивался⁴²¹.

Чтобы увеличить тиражи газет, много старались партийные организации, которые настойчиво пропагандировали и навязывали читателям подписку на газеты и журналы. Да и стоимость их была невысокой, каждый работающий мог выписывать периодические издания без особого ущерба для своего материального положения.

Создание большого количества газет и журналов и увеличение их численности привели к росту численности журналистов. Для введения каких-то плановых начал в их работу и решения специфических задач работников печати в 1959 г. был создан Союз журналистов Дагестана, объединивший в своих рядах свыше 140 журналистов⁴²². Новая структура стала со временем

более многочисленной и довольно авторитетной общественной организацией, члены которой активно участвовали в отображении социально-экономических достижений республики, критике недостатков в ее развитии.

В республике функционировали 2 книжных издательства – Дагестанское книжное издательство, выпускавшее политическую, художественную, сельскохозяйственную и другие виды литературы, и Дагестанское учебно-педагогическое издательство, выпускавшее учебно-методическую литературу. Если в 1960 г., когда в связи с проведением Декады литературы и искусства в Москве, выпуск книг и брошюр многократно возрос и было выпущено 408 названий книг и брошюр тиражом 981 тыс. экземпляров, то в 1970 г. выпуск книг и брошюр сократился до 286 названий, а тираж их немного превысил показатели 1960 г. и составил 999 тыс. экземпляров⁴²³.

В издательской деятельности большое внимание уделялось изданию сочинений классиков дагестанской литературы дореволюционных времен. Большими тиражами выходили книги Ирчи Казака, Махмуда из Кахаб-Росо, Омарла Батырая, Етима Эмина. На родных и русском языках регулярно издавались поэтические и прозаические произведения и книги С. Стальского, Г. Цадасы, Р. Гамзатова, Э. Капиева, А. Гафурова, М. Хуршилова, А. Аджиева, Т. Хрюгского, Э. Гаджиева, Р. Рашидова, А. Абу-Бакара, И. Керимова, Д. Атнолова, М. Бахшиева, Д. Трунова и др.

Издание их книг особенно активизировалось в период подготовки к Декаде литературы и искусства Дагестана в Москве. За 1960–1961 гг. число книг, изданных на русском языке, значительно превышало число книг, изданных за 20–30 предыдущих лет.

Интерес к дагестанской литературе проявляли и на Западе. Многие книги или отдельные произведения С. Стальского, Г. Цадасы, Э. Капиева, А. Гамзатова, А. Абу-Бакара были изданы на немецком, чешском, венгерском, польском, румынском, болгарском, китайском и монгольском языках.

Дагестанские поэты и писатели переводили с русского на родные языки многие произведения А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, И.А. Крылова, Н.В. Гоголя, И.С. Тургенева, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова, М. Горького, Н. Островского и других. На аварский язык М. Сулеймановым была переведена поэма Пушкина «Евгений Онегин», на лезгинский язык М. Гаджиев перевел роман Горького «Мать». Хорошие переводы не залеживались, издавались и доводились до читателей.

Определенную нишу в культурной жизни республики занимали музеи. В 1957 г. в Дагестане имелись 3 музея: Республиканский краеведческий музей в Махачкале, Дербентский и Ахтынский краеведческие музеи. В 1958 г. в Махачкале был открыт еще один музей – изобразительного искусства⁴²⁴.

При всем внимании к названным сферам культуры наиважнейшей задачей партийных и советских органов республики и в 60-е гг. оставались вопросы развития образования и воспитания подрастающего поколения. Охват детей обучением с каждым годом рос. Если в 1960/61 учебном году численность учащихся составляла 217, 5 тыс. человек, то в 1970/71 учебном году в

1636 общеобразовательных школах обучением было охвачено почти 399 тыс. человек, или рост составил более 181 тыс. человек⁴²⁵.

В связи с тем, что выпуск учащихся, окончивших полную среднюю школу, с каждым годом увеличивался, а количество вузов в республике оставалось без изменений, это сказалось на росте конкурсов при поступлении их в высшие учебные заведения. В 1965 г. полную среднюю школу окончил 2051 учащийся, но до 1975 г. в Дагестане было всего 4 вуза и в них обучалось 12,9 тыс. человек⁴²⁶. При таких соотношениях они не могли принять на учебу всех выпускников общеобразовательных школ. Правительство направляло часть выпускников для учебы в крупные вузы страны, но вступительные экзамены сдавались в Махачкале. Тем не менее все желающие не могли учиться в вузах.

Не спасали положения и средние специальные учебные заведения, которых в 1965/66 учебном году было 27 и в них обучалось 18,8 тыс. учащихся. Во-первых, не все выпускники средних школ изъявляли желание в них учиться. В то же время число окончивших неполную среднюю школу и имеющих право поступления в учебные заведения было гораздо больше – в 1965 г. неполную среднюю школу окончили почти 14,5 тыс. человек. Хотя прием в вузы и средние специальные учебные заведения и увеличивался, однако проблема и в последующие годы оставалась недостаточно решенной. Более того, разрыв между количеством выпускников средних школ и возможностями вузов их принять усиливался в связи с Директивами XXIII съезда КПСС (1966 г.) о переходе к всеобщему среднему образованию, которое следовало завершить в основном в течение пятилетия (1966–1970 гг.).

Пути и средства практического осуществления всеобщего среднего образования были намечены в постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 10 ноября 1966 г. «О мерах дальнейшего улучшения работы средней общеобразовательной школы». В соответствии с этим постановлением срок обучения в начальной школе был сокращен на один год. При таком сокращении сроков обучения в национальных школах ущемлялись интересы преподавания родных языков.

Об этих и других недостатках речь шла на V съезде учителей Дагестана (апрель 1968 г.), на котором особое внимание уделялось созданию необходимых условий для повсеместного перехода ко всеобщему среднему образованию, укреплению в районах и городах материальной базы школ, комплектованию их квалифицированными педагогическими кадрами, улучшению работы пришкольных интернатов, школ-интернатов, детских домов, изданию необходимого количества учебников и учебно-наглядных пособий, повышению качества знаний учащихся⁴²⁷.

Съезд учителей отметил недостатки в работе общеобразовательных школ, особенно по части комплектования их педагогическими кадрами с соответствующим образованием, а также поставил задачи по их устранению и улучшению работы.

Вопросы перехода ко всеобщему обязательному среднему образованию рассматривались и на Всесоюзном съезде учителей, состоявшемся 24 июля

1968 г. в Москве. В нем приняли участие и делегаты из Дагестана (26 человек). В дни работы съезда директору Усишинской школы Акушинского района ДАССР Х.А. Казиевой была вручена Золотая звезда Героя Социалистического Труда.

Итоги Всесоюзного и Дагестанского съездов учителей обсуждались во всех педагогических коллективах и образовательной системе республики, они стимулировали работу по осуществлению всеобщего среднего образования, совершенствованию воспитания подрастающего поколения. Это отразилось и на росте численности средних школ и учащихся в них. Если в 1965/66 учебном году средних школ было 213 при численности учащихся в них 135472 человека, то в 1969/70 учебном году количество средних школ выросло до 392 и учащихся в них до 231405 человек⁴²⁸. Дагестан стал набирать неплохие темпы к переходу ко всеобщему среднему образованию.

Развитие культуры в 70–80-х гг. Успешно начатая работа по переходу ко всеобщему образованию серьезно осложнилась в связи с сильным землетрясением, случившемся в Дагестане 14 мая 1970 г., которое республике нанесло огромный ущерб, в том числе школам. Было разрушено 70 школ, в которых обучалось около 25 тыс. учащихся, значительные повреждения получили здания 125 школ, в которых обучалось 57 тыс. учащихся, немало школ подверглось частичным разрушениям. Много повреждений получили и другие учреждения народного образования. Под обломками разрушенных зданий остались и вышли из строя школьное оборудование и учебно-наглядные пособия.

Несмотря на огромные разрушения в республике, первоочередными задачами стали обустройство детей, которым негде было даже проживать, принятие мер для продолжения их учебы. Очень оперативно в 18 пионерских лагерях Дагестана по бесплатным путевкам были размещены 5700 школьников из пострадавших районов и городов.

Республика не осталась одна со своими тяжелыми проблемами, ей помогали народы всей страны. Особенно ярко это выразилось в оказании помощи школьникам. 5500 дагестанских школьников все лето отдыхали в лучших пионерских лагерях страны: «Артеке» – 200, «Орленке» – 250, Московской области – 450, Азербайджане – 1000, Грузии – 250, Армении – 300, Ульяновской области – 250, Волгоградской области – 300, Чечено-Ингушской АССР – 250, Тульской, Тамбовской, Саратовской областях по 150 и т. д.⁴²⁹ Кроме того, 5040 учащихся Дагестана были направлены для продолжения учебы в лучшие школы-интернаты 16 областей Российской Федерации. Дети из Буйнакского, Казбековского, Кизилюртовского, Гумбетовского, Новолакского, Унцукульского районов и городов Буйнакса и Кизилюрта обучались в школах Москвы, Ленинграда, Воронежа, Иванова, Тулы, Ярославля, Горького, Ростова-на-Дону, Краснодарского и Ставропольского краев, Рязанской, Куйбышевской, Московской и Калининской областей, Северо-Осетинской и Кабардино-Балкарской АССР.

Это была огромная забота о дагестанских детях. Они учились в лучших школах-интернатах, находились под постоянным вниманием педагогических

коллективов, партийных, советских, профсоюзных, комсомольских и пионерских организаций, органов народного образования. Постоянную связь со школами, в которых учились дагестанские дети, поддерживали Министерство просвещения ДАССР, районы и города, школы Дагестана. Они посылали им библиотеки дагестанских поэтов и писателей, организовывали им подписку на газеты и журналы, отправляли национальные костюмы для детской художественной самодеятельности, музыкальные инструменты⁴³⁰.

Со второй половины 1970 г. началось восстановление разрушенных зданий школ и учреждений народного образования. Большую помощь в их восстановлении, ремонте и строительстве школьных зданий оказали многие республики, края и области. В 1971–1975 гг. было построено много новых школ, однако план школьного строительства за этот период не был выполнен. Объяснялось это тем, что колхозы республики ослабили внимание к школьному строительству.

Вместе с тем многие другие вопросы народного образования решались успешно. С 1 сентября 1972 г. была повышена зарплата работникам здравоохранения и просвещения. Принимались меры по повышению квалификационного уровня педагогических кадров. В 1971–1975 гг. в школы республики было направлено 8843 учителя, в том числе 4298 учителей с высшим образованием. Такое крупное пополнение учительских кадров высококвалифицированными специалистами позволило сократить отсевы учащихся старших классов, увеличить количество средних школ. Если в 1970/71 учебном году было 373 средних школы с количеством учащихся 229645 человек, то в 1984/85 учебном году их численность увеличилась до 728 единиц, а количество учащихся в них – до 345609 человек.

Однако, начиная с 1979/80 учебного года, численность учащихся в средних школах стала сокращаться. В том году их численность в средних школах поднималась до 351513 человек⁴³¹.

Школьное образование в 80-е гг. За двадцать лет, с 1964/65 по 1984/85 учебный год, рост средних школ составил 515 единиц. За это время дневные школы окончил 343431 человек. Кроме того, среднее образование получили и многие молодые люди через обучение в вечерних, заочных школах, в средних специальных учебных заведениях и в средних профессионально-технических училищах (ПТУ)⁴³².

В дагестанских школах работало немало энтузиастов своего дела, благодаря усилиям которых их выпускники получали хорошее образование. Среди учителей Дагестана двое имели звание Героя Социалистического Труда, 22 – звание заслуженного учителя школы РСФСР, 807 – заслуженного учителя школы ДАССР, 51 учитель был награжден знаком «Отличник просвещения СССР»⁴³³.

За годы советской власти школьное образование получило неплохую для своего времени финансово-экономическую и материальную базу. Вместе с тем нельзя отрицать того, что существующая база не всегда и не в полном объеме удовлетворяла возросшие научно-культурные и образовательные запросы общества. Нередко при решении вопросов укрепления материальной

базы культуры и образования превалировал «остаточный принцип». Даже те минимальные средства, которые выделялись на строительство объектов культурно-бытового назначения и народного образования, из года в год не осваивались.

В 1981–1985 гг. планировалось построить школ на 23 тыс. ученических мест (вместо 53 тыс. мест, введенных в 1976–1980 гг.), но и эти заниженные планы плохо выполнялись. Выделенные на 1981 г. по линии местных Советов на строительство объектов образования более 7 млн руб. не осваивались. Школа на 964 мест в с. Яхсай Хасавюртовского района строилась более пяти лет, но так и не была завершена, в райцентре Рутульского района новая школа за три года строительства так и не была построена. Такая картина наблюдалась и на других строящихся объектах образования⁴³⁴.

Из-за нехватки школьных помещений занятия учащихся приходилось организовывать в две и даже три смены. Из 1508 дневных общеобразовательных школ республики в 807 школах занятия проводились в две смены, а в 9 школах городов Махачкалы и Дербента – в три смены.

Многие школы были расположены в аварийных и непригодных зданиях, не хватало инвентаря, мебели, стульев, столов, классных досок. По состоянию школьной базы общеобразовательная школа республики занимала одно из последних мест в РСФСР⁴³⁵.

Не было достаточного внимания главной фигуре образовательного процесса – учителю. Мера ответственности, выпадающей на долю учителя, была очень высокой, и от общества требовались большая чуткость и забота, но в действительности была низкая заработная плата при полной самоотдаче, свойственной многим учителям, квартиры им предоставлялись чуть ли не в последнюю очередь, из-за чего им приходилось годами ждать решения жилищной проблемы. Местные органы власти и хозяйства мало заботились об обеспечении сельских учителей топливом и продуктами, хотя это и предусматривалось законом. В результате среди учительских кадров наметилась большая текучесть⁴³⁶.

Серьезные недостатки были связаны и с работой самой школы. Все еще велик был отсев учащихся из старших классов (в 1981 г. 0,5% выпускников 8-х классов бросили учебу), не всегда и не во всех школах был достаточным уровень их знаний, особенно по таким предметам, как русский язык, математика, физика, химия, иностранные языки и др.⁴³⁷

В школах получили распространение такие негативные явления, как процентомания, очковитательство, формализм, бюрократизм, которые в конечном счете отрицательно влияли на глубину и прочность знаний. Время предьявляло к школе новые требования, направленные на то, чтобы вывести народное хозяйство, науку и технику на мировой уровень, осуществить широкую автоматизацию производства, обеспечить более высокий уровень производительности труда, добиться выпуска продукции, отвечающей лучшим мировым образцам.

Наболевшие вопросы школьного образования поднимались и рассматривались на съездах учителей республики, на ежегодных августовских сове-

даниях педагогов, проводимых в районах и городах. Если судить по форме, то делалось очень многое для того, чтобы поднять роль школы, учителя в повышении общеобразовательного уровня учащихся. Но многое не срабатывало, оказывалось недейственным, а школе были присущи одни и те же недостатки. Все еще высоким оставался отсев учащихся из общеобразовательных школ, был низким уровень знаний многих школьников. В 1985 г. из 130 выпускников школ республики, представленных к награждению золотой медалью, свои знания подтвердили только 7 человек⁴³⁸.

Большие надежды на улучшение учебно-воспитательного процесса, трудового воспитания и профессиональной ориентации учащихся возлагались на реформу школы, осуществляемую согласно Закону «Основные направления реформы общеобразовательной и профессиональной школы», принятому Верховным Советом СССР 12 апреля 1984 г. Верховный Совет ДАССР, обсудив новый закон о школьной реформе, принял постановление «О задачах советских органов республики по реализации реформы общеобразовательной и профессиональной школы»⁴³⁹.

В постановлении главное внимание уделялось улучшению общеобразовательной и профессиональной подготовки учащихся, повышению престижа учителя, укреплению материальной базы школ, широкому использованию в учебном процессе компьютерной техники, усилению помощи предприятий, организаций, колхозов, совхозов школам республики. Была повышена зарплата учителям, приняты меры по улучшению их подготовки.

Произошли существенные изменения и в системе формирования школьных классов. Впервые в стране было введено обучение детей в 1-м классе с 6-ти лет. Начальная школа вновь стала четырехклассной. Средняя неполная школа охватывала 5–9 классы, полная общеобразовательная школа – 10–11 классы. Школьная структура Советского Союза была явно приближена к общемировым стандартам.

При реформировании школы большое значение придавалось трудовому воспитанию учащихся. Трудовая практика начиналась с 5 класса. К окончанию средней школы учащиеся должны были овладеть определенной профессией и в установленном порядке сдать квалификационные экзамены. В основных направлениях реформы школы вообще не упоминалось об обязательности всеобщего среднего образования, и в ноябре 1985 г. требование о переходе ко всеобщему среднему образованию вовсе было отменено⁴⁴⁰.

Основное пополнение учительских кадров школы получали из вузов республики. За 1981–1985 гг. было подготовлено 2, 1 тыс. учителей, в 1985 г. в школах работало около 30 тыс. педагогов. Однако количество учащихся в школах сократилось до 425 тыс. человек⁴⁴¹.

С началом реформы активизировалась работа по профессиональной ориентации учащихся, их трудовому обучению. С этой целью создавались трудовые объединения школьников, проводилось их обучение различным профессиям в учебно-производственных комбинатах, при крупных предприятиях. В 1984 г. в республике функционировало 854 ученические производственные бригады, 256 лагерей труда и отдыха, 110 школьных лесничеств,

1025 трудовых отрядов старшеклассников. В 2242 трудовых объединениях школьников было охвачено 95,4 тыс. учащихся, или 94% от всего контингента учащихся 7–9 классов. В основном они были заняты в сельском хозяйстве и произвели валовой продукции на 6,5 млн. руб.⁴⁴²

Рабочих массовых квалификаций готовили профессионально-технические училища. Их количество в республике за 1982–1985 гг. увеличилось на 4 и составило в 1985 г. 28 училищ. В них насчитывалось 13644 учащихся. За пятилетие было подготовлено 35822 квалифицированных рабочих⁴⁴³.

После смены политического руководства страны в 1985 г. произошли дальнейшие изменения в системе народного образования, которая стала подвергаться резкой критике. В частности, выступавшие по этим вопросам, в том числе из среды учительской общественности, в ряду негативных моментов отмечали авторитарные методы в руководстве школой, единообразие в ее работе, слабую материальную базу, нехватку классных помещений, кабинетов, мастерских, технических средств обучения⁴⁴⁴.

Вопросы, поднимаемые учительской и более широкой общественностью по развитию народного образования, стали предметом рассмотрения на февральском (1988 г.) Пленуме ЦК КПСС, который, в отличие от предшествующих подобных партийных мероприятий, не стал принимать решения, выполнение которых было обязательным для всех. Его решения носили рекомендательный характер, при их выполнении надо было считаться и с местными особенностями и трудностями. В частности, в постановлении пленума ЦК КПСС был выдвинут тезис о приоритетном характере образования в государственной политике, но школа как-то не успела этого почувствовать.

Другая рекомендация Пленума ЦК провозгласила решающей фигурой в школе учителя, что было воспринято учительством с одобрением. С этой целью выдвигалась задача в корне и решительно изменить отношение к учителю, разгрузить его от чуждых ему обязанностей. При оценке деятельности учителя школа должна была прежде всего учитывать качество знаний учащихся, чтобы восстановить престиж учебы как общественно значимого явления.

Рекомендации и решения Пленума ЦК КПСС обсуждались на Всесоюзном съезде работников образования. В работе школ и отделов народного образования появилось немало нового. Стали создаваться советы общеобразовательных школ. Школам и отделам народного образования была предоставлена определенная самостоятельность. Директора школ избирались на собраниях коллективов.

Изменения коснулись и учебно-воспитательного процесса. В школах республики как самостоятельные предметы стали изучаться история и география Дагестана, а с 1991/92 учебного года был введен еще один новый предмет – «Культура и традиции народов Дагестана». В сельских национальных школах преподавание в 1–4 классах велось на родных языках. В 5–11 классах родные языки стали изучаться как предмет. Появились группы по

изучению родных языков и в городских школах. В 90-е гг. впервые на родных языках стали обучаться агульцы, рутульцы и цахурцы.

В республике появились первые гимназии, колледжи и лицеи. В школьном образовании республики произошли и другие изменения⁴⁴⁵.

Еще более разительны успехи школьного образования, если их сравнить с данными, от которых стартовало советское образование. В начале 20-х гг. советская власть стала внедрять взамен мусульманского образования светское и вместо медресе открывать светские школы. За 70 лет произошли громадные изменения в образовательном уровне прежде неграмотного или малограмотного населения. Переписью населения 1989 г. по Дагестану было учтено 1802,2 тыс. человек постоянного населения, из них занятое население – 767,1 тыс. человек. За годы между Всесоюзными переписями населения 1959 и 1989 гг. резко возросла грамотность населения. Если в 1959 г. на 1000 человек занятого населения приходилось 322 человека с высшим, незаконченным высшим и средним (полным и неполным) образованием, то эти показатели в 1989 г. поднялись до 859 человек, или рост составил на 537 человек⁴⁴⁶. Достижения Дагестана в области образования следует считать выдающимися, тем более если учесть, что советская школа давала довольно хорошее образование. Это отмечали и западные страны. После запуска в космос первого советского космонавта Ю. А. Гагарина американские ученые объяснили отставание США в этой области тем, что система образования США отстает от системы образования в СССР.

Перестройка, коснувшаяся всех сфер экономической, политической и культурной жизни общества, последовавшие за ней кардинальные реформы тяжело отразились как на материальном положении учителей, так и всей образовательной системе. Правда, в июле 1991 г. президентом РСФСР был принят Указ № 1 «О первоочередных мерах по развитию образования в РСФСР». Указ обнадежил учительскую общественность, включив пункт об обеспечении приоритетности образования, который имелся и в советских законах⁴⁴⁷. Были и другие позитивные пункты в указе, как приоритетное государственное обеспечение учреждений образования материально-техническими ресурсами, доведение размеров средних ставок и должностных окладов профессорско-преподавательского состава высших учебных заведений до уровня, в 2 раза превышающего уровень средней зарплаты в промышленности, а учителей и других педагогических работников – не ниже средней заработной платы в промышленности РСФСР⁴⁴⁸.

Но ни указ, ни закон, принятый впоследствии, не выполнялись. Более того, материальное положение учителей все более ухудшалось, их средняя зарплата была значительно ниже зарплаты работников промышленности и все более падала. Еще ниже упала средняя зарплата учителей Дагестана.

Полуголодные учителя не могли с полной отдачей трудиться и передавать учащимся хорошие знания. Ухудшение материального положения учителей определяло их отношение к любимому делу, ставшему постылым, и влияло на уровень знаний, получаемых учащимися, который опускался все ниже.

Несмотря на большие трудности, система образования развивалась, росло число школ и количество учащихся в них. В 2000 г. насчитывалось 1664 школы, в которых обучалось свыше 463 тыс. учащихся. Появились новые школьные учебные заведения, как негосударственные школы, их было 4, гимназии – их было 15 и один кадетский корпус.

При таком в общем как будто благополучном положении школьной системы она испытывала немалые проблемы, объясняемые радикальными реформами. В 1999/2000 учебном году 57% школ работали в 2–3 смены, а 25 школ вынуждены были проводить занятия в 3 смены. Увеличивался отсев учащихся из школ, который в 1999/2000 учебном году равнялся 38091 учащемуся, или около 2%. По сравнению с 1996/97 учебным годом отсев учащихся составил 119,7%⁴⁴⁹.

Низкой оставалась заработная плата работников образования, хотя она к концу XX в. начала и расти. Среднемесячная зарплата работников этой системы в 1997 г. была 395 руб., в 1998 г. – 399 руб., в 1999 г. – 441 руб. и в 2000 г. – 777 руб. Если сопоставить эти данные с прожиточным минимумом за те же годы, то можно заметить довольно бедственное положение работников этой системы. Их прожиточный минимум составлял соответственно 282,3 руб., 341,6 руб., 666,6 руб. и 717,8 руб.⁴⁵⁰ Такие минимальные оклады работников образования, к тому же выдаваемые с большими задержками, вынуждали их выходить на митинги и демонстрации с единственным требованием о выдаче зарплаты. С приходом к власти В.В. Путина зарплата бюджетников стала выдаваться своевременно, однако у учителей она была ниже прожиточного минимума, обрекая их на нелегкую жизнь.

При таком неблагоприятном материальном положении трудно было ожидать от них прежней самоотдачи в работе и выполнения своего профессионального долга на высоком уровне. Да и власти не старались использовать накопленный школой мощный воспитательный ресурс, способный если не снять полностью, то хотя бы ослабить негативное влияние «улицы» на подрастающее поколение, обеспечить высокий уровень образования.

80-е гг. отмечены дальнейшим расширением фундаментальных исследований, созданием в Дагестане новых научных учреждений. В Дагестанском филиале АН СССР, возглавляемом членом-корреспондентом АН СССР, академиком АН Азербайджанской ССР Х.И. Амирхановым, функционировало 4 академических института, 48 отделов, секторов и лабораторий, в которых трудилось 1050 человек, в том числе 23 доктора и 173 кандидата наук⁴⁵¹.

В Институте физики ДагФАН СССР был разработан и внедрен в производство кремниевый умножитель напряжения, не имеющий аналога в стране и отвечающий мировым стандартам. Были получены свидетельства Госстандарта СССР на таблицы теплофизических свойств технически важных жидкостей, патент из Канады на способ выпрямления переменного тока и устройство для его осуществления. В институт из зарубежных стран поступали заказы на работы по определению возраста образцов⁴⁵².

Учеными Института геологии был изучен новый тип сложных нефтегазоносных коллекторов в Прикумской нефтегазоносной области. Эти исследо-

вания нашли практическое применение при расчете промышленных запасов углеводородов на месторождениях нефти «Юбилейное» и др.

В отделах биологии и экономики Дагфилиала АН СССР проводились исследования, способствующие выполнению продовольственной программы, разработке комплексной программы научно-технического прогресса на перспективу.

В 1981 г. в составе Дагфилиала АН СССР был открыт новый и первый в стране Институт проблем геотермии, сотрудники которого в основном были подобраны из действующих подразделений филиала. Это позволило институту сразу же приступить к активным научным исследованиям. Разработанный институтом метод и установка импульсного зондирования земной коры до глубины 4–5 км был принят Министерством геологии РСФСР и внедрен в производство⁴⁵³.

Самое крупное на Северном Кавказе научное учреждение гуманитарных наук – ордена Почета Институт истории, языка и литературы, проводил разносторонние исследования по истории и культуре народов Дагестана, их социально-экономического развития, взаимосвязей и взаимодействий с соседними народами и зарубежными странами. Большое место в исследованиях института занимали подготовка научных изданий: памятников литературы и устнопоэтического творчества, изучение закономерностей развития и взаимодействия литературных и бесписьменных языков, их грамматического строя, лексики и лексикографии; создание национально-русских и русско-национальных словарей и другие проблемы⁴⁵⁴.

За пятилетие институтом были изданы крупные обобщающие труды, сборники научных статей, справочники, учебные пособия и иная литература, в том числе 32 монографические работы. Среди них такие фундаментальные труды, как «Проблемы культурно-исторического и хозяйственного развития населения древнего Дагестана» (В.Г. Котович М., 1982), «Древний Дербент» (А.А. Кудрявцев. М., 1982), «Образование Хазарского каганата» (М.Г. Магомедов. М., 1983), «Одежда народов Дагестана. XIX – нач. XX в.» и «Семья и брак у народов Дагестана. XIX – нач. XX в.» (С.Ш. Гаджиева. М., 1981. М., 1985), «Эпиграфические памятники Дагестана X–XVII вв. как исторический источник» (А.Р. Шихсаидов. М., 1984), «Генезис капитализма в сельском хозяйстве Дагестана» (Г.Г. Османов. М., 1984), «История совхозного строительства в Дагестане (1920–1980 гг.)» (Г.А. Искендеров. М. 1982), «Резьба по дереву в Дагестане» (П.М. Дебиrow, М., 1982), «Будухско-русский словарь» (У.А. Мейланова. М., 1984) и др.⁴⁵⁵

Важнейшей работой, к которой приступили ученые Института ИЯЛ и после выхода 4-томной «Истории Дагестана», было участие в подготовке 4-томной «Истории народов Северного Кавказа с древнейших времен до наших дней». Работа такого крупного плана, посвященная большому региону, осуществлялась в Советском Союзе впервые и проводилась по распоряжению секции общественных наук и бюро Отделения истории АН СССР. Наряду с учеными Москвы, Санкт-Петербурга, республик, краев и областей Северного Кавказа в ее подготовке принимали участие и ученые Института

ИЯЛ и вузов республики. Из института в ее подготовке участвовали 24 сотрудника, из них 8 человек курировали написание отдельных глав. Завсектором института доктор исторических наук, профессор В.Г. Гаджиев был привлечен к редактированию первых двух томов «Истории народов Северного Кавказа» в качестве заместителя главного редактора издания.

В 1988 г. два первых тома «Истории народов Северного Кавказа», доведенные по времени до 1917 г., были изданы издательством «Наука» в Москве. Два оставшихся тома, подготовленные авторскими коллективами в первоначальном варианте и не доведенные до издательской кондиции, так и остались неизданными⁴⁵⁶. Помешали наступившая горбачевская перестройка, резкое сокращение финансирования науки, духовный кризис общества, всеобщее увлечение пересмотром, переосмыслением исторической науки. В этой обстановке ни времени, ни сил, ни средств для создания таких обобщающих исторических трудов не было.

Кроме Дагестанского филиала АН СССР в республике имелись еще 16 научных учреждений, в которых были сосредоточены значительные научные силы, проводившие интересные научные исследования. В 1981 г. на ВДНХ демонстрировались 4 разработки Дагестанского ветеринарного института, 5 работ были отмечены медалями, а сам институт – дипломом 3 степени. Совместно с Всесоюзным научно-контрольным институтом Дагестанский ветеринарный институт разработал новую высоко эффективную вакцину-полианатоксин против 5 инфекционных болезней скота. За разработку и внедрение в практику мероприятий по борьбе с подкожно-оводовым заболеванием группе ученых страны, в том числе директору Научно-исследовательского института ветеринарии Н.Х. Мамаеву, была присуждена премия Совета Министров СССР⁴⁵⁷.

Расширилась тематика исследований Дагестанского научно-исследовательского сельскохозяйственного института и его опытных станций, расположенных в различных почвенно-климатических зонах республики. Здесь создавались новые местные сорта, разрабатывались рекомендации по повышению урожайности сельхозкультур, улучшению породности и росту продуктивности животноводства.

Институт виноградарства и виноделия при научно-исследовательском объединении «Дагагровинпром» стал инициатором разработки и внедрения в производство новой технологии выращивания винограда – ширококорядного метода его возделывания, открывающего путь к широкой механизации. На базе этого объединения проводились всесоюзные семинары, его опыт изучался и применялся многими виноградарскими хозяйствами юга страны.

Среди отраслевых научных учреждений можно также отметить Дагестанский филиал Научно-исследовательского института имени Г.М. Кржижановского. Здесь велись поиски путей использования в народном хозяйстве возобновляемых источников энергии, создания электростанций, рассчитанных на геотермальную, солнечную и ветровую энергию⁴⁵⁸.

Однако эти отдельные успехи не могли заслонить и крупные недостатки, имевшиеся в работе отраслевых институтов, их слабую отдачу, недоста-

точное внимание к решению практических задач, стоящих перед республикой. Именно с этих позиций критиковалась в те годы деятельность Дагестанского научно-исследовательского института сельского хозяйства. Недостатки отмечались и в работе других научных учреждений⁴⁵⁹.

Науке, научным исследованиям большое внимание уделяли в вузах Дагестана. В Дагестанском государственном университете, Дагестанском политехническом институте, Дагестанском государственном педагогическом институте 85–90% преподавателей участвовало в проведении научных разработок. Было создано 7 межвузовских лабораторий, занимающихся научными исследованиями по актуальным проблемам фундаментального и прикладного характера. В 1984 г. выполнялись научно-исследовательские разработки по хоздоговору на 2,2 млн руб., в народное хозяйство было внедрено 60 законченных разработок с экономическим эффектом более 3 млн руб. Было получено 38 авторских свидетельств на изобретения, защищено 5 докторских и 49 кандидатских диссертаций⁴⁶⁰. Установка ультразвуковой полировки, разработанная в ДГУ, демонстрировалась в павильоне «Народное образование» ВДНХ, на выставке «Университеты – ведущие учебно-методические центры страны», организованной в 1984 г.⁴⁶¹

В 1983 г. группе ученых-медиков страны, в составе которой был и проректор Дагестанского медицинского института, доктор медицинских наук, профессор А.И. Шамов, была присуждена Государственная премия СССР 1983 г. за исследование проблемы амилопидоза⁴⁶².

Вузы и средние специальные учебные заведения Дагестана готовили специалистов разного профиля, количественный состав и специальность их определялись потребностями республики, а по ряду специальностей – потребностями в целом страны.

За 1981–1985 гг. вузы республики подготовили 21,4 тыс. специалистов, и средними специальными учебными заведениями – 36,3 тыс. специалистов. Если в 1980 г. в народном хозяйстве Дагестана было занято специалистов с высшим образованием 52,3 тыс. человек, то в 1985 г. их численность увеличилась до 66,8 тыс. человек, специалистов со специальным средним образованием – соответственно с 70,6 тыс. до 87,1 тыс. человек⁴⁶³.

Вузы республики готовили специалистов и для зарубежных стран. В 1981 г. в Дагестанском государственном университете обучались студенты из Кубы, Лаоса и Монголии⁴⁶⁴.

В республике и за ее пределами широкой известностью пользовались имена таких ученых, как член-корреспондент Академии медицинских наук Р.П. Аскерханов, член-корреспондент Академии педагогических наук А.М. Магомедов, докторов наук, профессоров А.А. Абилова, А.Г. Агаева, С.Ш. Гаджиевой, В.Г. Гаджиева, М.Г. Гаджиева, Г.Г. Гамзатова, М.М. Джамбулатова, И.К. Камилова, Г.Ш. Каймаразова, Б.О. Кашкаева, Р.М. Магомедова, К.М. Магомедова, Ш.М. Магомедова, А.М. Масуева, У.А. Мейлановой, Г.Б. Муркелинского, Х.М. Мухтарова, М.Г. Нагорного, М.А. Омарова, М.-З.О. Османова, И.А. Шамова, А.Р. Шихсаидова, М.Г. Шигабудинова и многих других.

В период радикальных реформ 90-х гг. в тяжелом положении оказалась не только Российская академия наук, но и вся отечественная наука. Резкое сокращение финансирования науки, коснувшееся всех аспектов жизнедеятельности налаженной за годы советской власти научной сферы, включая заработную плату ученых, выдаваемую с задержками, принудило многих ученых искать себе работу за рубежом, что вошло в историю под названием «утечка умов».

Еще в более худшем материальном положении оказались дагестанские ученые, среднемесячная зарплата которых была ниже, чем в ведущих научных центрах страны. Среднемесячная зарплата работников, занятых в дагестанской науке, составила в 1997 г. 461 руб., в 1998 г. – 398 руб., в 1999 г. – 919 руб. и в 2000 г. – 1577 руб.⁴⁶⁵ Тем не менее мало кто покинул Дагестан. Правда, частыми были случаи, когда научные работники переходили в дагестанские вузы, где зарплата была несколько выше, чем в научной сфере.

Тем не менее большинство ученых, особенно работающих в Дагестанском научном центре РАН (с 1990 г.), продолжали успешно трудиться и заниматься наукой. В начале 90-х гг. в Дагестанском научном центре были созданы новые научные институты, некоторые из существующих научных подразделений были преобразованы в институты. На базе отдела биологии был создан Прикаспийский институт биологических ресурсов (1990 г.) и в 1992 г. – Горный ботанический сад. В 1991 г. на базе отдела экономики был создан Институт социально-экономических исследований и в 1992 г. на базе Института истории, языка и литературы были созданы два института – Институт истории, археологии и этнографии и Институт языка, литературы и искусства. Региональный центр этнополитических исследований вошел в состав Дагестанского научного центра РАН (1992 г.).

Выросла численность и квалификационный уровень сотрудников Дагестанского научного центра. В конце XX в. в нем работало более 1000 человек, в том числе 78 докторов и около 300 кандидатов наук⁴⁶⁶. В 2000 г. директор Института ЯЛИ, член-корреспондент РАН Г.Г. Гамзатов был избран действительным членом Российской академии наук. Членами-корреспондентами РАН стали И.К. Камилов, М.-Р.Д. Магомедов, работавшие в ДНЦ РАН. Из числа ученых, работавших в других научных учреждениях Российской академии наук, членами-корреспондентами были М.А. Дандамаев, Р.М. Мунчаев, А.А. Гусейнов.

Несмотря на переживаемые наукой трудности, научные сотрудники республики трудились над решением крупных научных проблем. Институт физики сконцентрировал свою деятельность на перспективных научных направлениях, таких как: физика сверхпроводимости и низких температур, нелинейной динамики и хаоса, физика фазовых переходов и критических явлений в конденсированных средах, физика полупроводников, теоретической и вычислительной физике, физика высоких давлений и др.

Институт физики расширил сотрудничество с известными научными институтами России и зарубежных стран. По исследованию квантово-размерных наноструктур ученые института проводили исследования с уче-

ными Физико-технического института им. А.Ф. Иоффе (Санкт-Петербург) и Института физики университета Гумбольдта (Берлин). Институт участвовал также в выполнении государственных конкурсных программ («Сверхпроводимость», «Физика конденсированного состояния вещества», «Образование и структура кристаллов», «Экология Каспия» и др.), а также в проведении научно-исследовательских работ по грантам Российского фонда фундаментальных исследований.

При Институте физики в 1997 г. был открыт специализированный совет по защите кандидатских, а в 2000 г. – докторских диссертаций по трем специальностям. В нем функционирует также аспирантура. Институтом проводятся международные, всероссийские и республиканские конференции по актуальным научным проблемам. Его сотрудники участвуют во многих международных научных конференциях. За 40 лет своей деятельности Институт физики ДНЦ РАН превратился в крупный центр физической науки на Северном Кавказе⁴⁶⁷.

Единственный в стране Институт проблем геотермии Дагфилиала АН СССР в 1980–1985 гг. участвовал в составлении и выполнении ряда крупных разделов трех важнейших Всесоюзных государственных программ по развитию геотермальной энергетики, изучению и комплексному освоению геотермальных ресурсов Дагестана и Северного Кавказа, по прогнозу сейсмотектонических процессов, а также по разработке и усовершенствованию геотермических и геофизических методов и аппаратуры поиска полезных ископаемых в земной коре.

По этим направлениям были достигнуты существенные результаты. Был усовершенствован и апробирован на ряде площадей метод терморазведки (В.В. Суетнов). Выявлена и оконтурена уникальная Дагестанская провинция паротермальных вод с прогнозными ресурсами. Разработана новая методика оценки запасов термальных вод глубоких горизонтов. Усовершенствована методика оценки прогнозных ресурсов термальных вод, исследован процесс термолифта в геотермальных скважинах и др. открытия (М.К. Курбанов, Г.М. Гайдаров, М.Г. Алишаев)⁴⁶⁸.

В 1987 г. в Институте проблем геотермии были утверждены новые направления научных поисков, в частности, по таким проблемам, как теплофизика и гидродинамика систем геотермальной энергетики, изучение пространственно-временной структуры геотермальных полей, научно-технические основы извлечения и комплексного освоения геотермальных ресурсов. По всем этим направлениям исследований получены результаты научно-теоретического и прикладного характера.

Большой вклад в постановку и организацию выполнения этих программ внесли К.М. Магомедов, С.С. Сардаров, Р.М. Алиев, Р.П. Мейланов, А.С. Батырмурзаев, М.И. Ибрагимов, А.М. Бойков, И.М. Абдулагатов, А.Ш. Рамазанов, А.Р. Базаев, С.Н. Эмиров и др.⁴⁶⁹

При институте функционируют аспирантура, диссертационный совет по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора наук. Институтом проводятся международные и всероссийские научные конференции.

Основные усилия коллектива Института геологии ДНЦ РАН были направлены на изучение геологической структуры, закономерностей формирования и размещения полезных ископаемых Дагестана, изучение сейсмического режима Восточного Предкавказья и сопредельных районов, выявление предвестников землетрясений, проведение комплексных гидрогеологических, инженерно-геологических работ, исследование гидрогеологии, рудной и нерудной геологии, геоэкологии Дагестана и др. проблем.

Все большее место в тематике исследований института занимают вопросы, связанные с изучением полезных ископаемых, проблем нефтегазообразования и нефтегазоаккумуляции на территории Восточного Кавказа и в прилегающей акватории Каспия, формирования и размещения подземных вод, рудного и нерудного сырья, новейшей тектонической активизации недр. Большое внимание институтом уделяется и вопросам охраны геологической среды и главного ее компонента – подземных вод.

Значительным вкладом в геологическую науку явилось издание институтом совместно с ВНИГНИ серии тектонической и калеотектонических карт юга СССР (ответственный по Восточному Кавказу Д.А. Мирзоев, В.М. Пирбудагов), а также около 25 монографий и других работ, авторами которых стали многие ученые института⁴⁷⁰.

Со времени своей организации в 1990 г. Прикаспийский институт биологических ресурсов (ПИБР) занялся изучением экологических проблем освоения и рационального использования ресурсов почвенного покрова, растительного и животного мира, биоразнообразия экосистем и разработкой проблем борьбы с опустыниванием. Эти проблемы исследуются в тесной координации как на федеральном, так и международном уровне. Бюро отделения общей биологии РАН в 1994 г. при институте создало секцию проблем изучения аридных экосистем и борьбы с опустыниванием. В нее вошли видные ученые России и зарубежных стран, работающие по проблемам аридных земель.

Институтом были получены важные результаты по исследованиям, проведенным учеными по этой проблеме. В этой связи при организации секции было принято решение о создании при ней журнала «Аридные экосистемы».

В 1999 г. ПИБР стал членом Международного союза охраны природы. При институте была создана Кочубейская биосферная станция, получившая международное признание. Важные эксперименты проводились и на ихтиологической станции института⁴⁷¹.

Учеными института были опубликованы монографии, тематические сборники, сборники материалов научных сессий, конференций. Они участвовали в разработке международных программ: «Экологические проблемы Каспийского моря и окружающих его регионов», «Биологические ресурсы аридных экосистем и проблемы борьбы с опустыниванием и аридной деградацией», «Охрана и восстановление почвенного и биологического разнообразия», «Эколого-биогеохимические и медико-биогеохимические исследования основных компонентов биосферы в зоне распространения эпидемических за-

болеваний»⁴⁷². Институт располагал крупным научным потенциалом. В нем работали 128 человек, в том числе 6 докторов и 36 кандидатов наук, 1 член-корреспондент РАН (М.-Р. Магомедов), 1 член-корреспондент АН России (Ш.А. Абрамов), 2 заслуженных деятеля науки РФ (Ш.А. Абрамов и З.Г. Залибеков).

Естественно-исторические условия Дагестана, многообразие биологических объектов обусловили многоплановый характер исследований, с помощью Российской академии наук проводимых широкомасштабно и на достаточно высоком научном уровне.

В тесном сотрудничестве с Дагестанским государственным университетом и Дагестанским государственным техническим университетом крупные научные исследования проводились Объединенным научно-исследовательским и производственным центром по изучению и использованию нетрадиционных источников энергии (ОНИПЦ ОИВТ РАН). Ученые трех научно-учебных учреждений участвовали в качестве головного исполнителя в разработке проекта «Научно-образовательный комплекс по подготовке кадров и развитию фундаментальных исследований в области нетрадиционных возобновляемых источников энергии», выполняемого в рамках Федеральной целевой программы «Государственная поддержка интеграции высшего образования и фундаментальной науки». В свою очередь, этот проект вошел и в программу ЮНЕСКО. В выполнении этой большой программы участвовали ученые Дагестанского государственного педагогического университета, Дагестанской сельскохозяйственной академии, Института высоких температур РАН, Института проблем геотермии и Института физики ДНЦ РАН и работники некоторых предприятий республики.

ОНИПЦ ОИВТ РАН проводились работы по исследованию и созданию активных и пассивных систем солнечного горячего водоснабжения и отопления в жилищном и гражданском строительстве, комбинированных систем энергоснабжения на основе солнечной и геотермальной энергии, созданию перспективных насосов и многих других уникальных установок для использования нетрадиционных источников энергии.

Возглавлял коллектив ученых, занятых решением таких многообразных и сложных теоретических задач, кандидат технических наук А.М. Амадиев⁴⁷³.

Горный ботанический сад ДНЦ РАН работал над перспективными направлениями горного растениеводства, проводил испытания многих видов и сортов растений самого разного происхождения. Здесь были достигнуты определенные успехи в теории интродукции, в изучении репродуктивных стратегий растений⁴⁷⁴.

В трудные перестроечные и постперестроечные годы коллективу Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН удалось выжить и сохранить научный потенциал. В 90-е гг. в нем работали 124 человека, в том числе 1 член-корреспондент РАН, 23 доктора и 41 кандидат наук.

Не имея базового финансирования на издательскую деятельность, институт продолжал готовить и публиковать крупные обобщающие исследова-

ния по истории Дагестана, в основном за счет грантов российских научных фондов, финансовой помощи Правительства РД, отдельных ведомств и спонсоров. После создания института в 1992 г. вышли коллективные работы «История Дагестана с древнейших времен до XV в. включительно» (Гаджиев М.Г., Давудов О.М., Шихсаидов А. Р.), «Дагестанские исторические сочинения» (Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М.), «Одежда народов Дагестана: историко-этнографический атлас» (Булатова А.Г., Гаджиева С.Ш., Сергеева Г.А.), «Ислам и исламская культура в Дагестане» (Шихсаидов А.Р. – руководитель авторского коллектива), «Арабская рукописная книга в Дагестане» (Шихсаидов А.Р., Тагирова Н.А., Гаджиева Д.Х.), «Народы Дагестана» (сборник материалов и документов), монографические издания «Материальная культура Дагестана албанского времени» (Давудов О.М.), «Хозяйственно-культурные типы (ареалы) Дагестана в советскую эпоху» (Османов М.-З.О.), «Прикаспийский Дагестан в эпоху великого переселения народов» (Гмыря Л.Б.), «Археологическая карта Дагестана» (Абакаров А.И., Давудов О.М.), «Сельская община Нагорного Дагестана» (Агларов М.А.), «Историческая география Дагестана» в 3 томах (Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К.), «Аграрные преобразования в Дагестане и переселение горцев на равнину (20–70-е гг. XX в.)» (Османов А.И.), «Немеркнувший подвиг народа» (Каймаразов Г.Ш.), «Дагестанское село: экономика, культура, социальная структура. 70–80-е гг. XX в.» (Османов А.И., Искендеров Г.А.), «Тюркоязычная деловая переписка в Дагестане XV в.» (Оразасв Г.М.-Р.), «Сто писем Шамиля» (перевод Омарова Х.), «Ногайцы в XV–XVIII вв.» (Кидирниязов Д.С.) и много других сборников статей, статей в различных изданиях, учебных пособий для школ, спецкурсов для студентов вузов и средних специальных учебных заведений⁴⁷⁵.

Растут научные связи института с зарубежными учеными, которые сводятся не только к проведению научных конференций, но и осуществлению совместных исследований, а также изданию их результатов. В 1994 г. в «Энциклопедию мировых культур», издаваемую в Бостоне (США), вошли статьи о народах Дагестана, подготовленные в основном сотрудниками института (координатор работ по Кавказу М.А. Агларов).

Отмечается рост интереса зарубежных ученых к исследованиям, проводимым институтом. В институте побывали ученые из Вьетнама, Венгрии, Китая, Индии, Франции, Болгарии, Чехословакии, ФРГ, Польши, Англии, США, Швеции и других стран.

Ученые института получают приглашения на научные конференции и другие мероприятия из зарубежных стран. Выступления ученых института слушали на конференциях в Англии, Турции, Болгарии, Иордании, Иране, Испании, Чехословакии, Швеции.

Сотрудники института принимали участие в зарубежных экспедициях, организуемых институтами РАН. Ведущий научный сотрудник института М.А. Агларов несколько лет выезжал в Южный Йемен в составе Советско-Южноюменской археологической экспедиции, проводимой заведомо Института археологии Х.А. Амирхановым. Старший научный сотрудник ин-

ститута много лет работает в Российско-Сирийской экспедиции, возглавлявшейся тогда директором, ныне научным руководителем Института археологии РАН Р.М. Мунчаевым. Группа сотрудников отдела этнографии под руководством М.М. Магомедханова выезжала в Турцию для сбора полевого материала в местах компактного проживания выходцев из Дагестана. Такие поездки в Турцию совершали и востоковеды института.

Многолетние связи с зарубежными коллегами налажены и у археологов института. В 1994 г. институтом совместно с американскими археологами была создана Дагестано-Американская археологическая экспедиция, работа которой продолжается и по сей день. Руководителями экспедиции были назначены с дагестанской стороны заведомо археологии института М.Г. Гаджиев (ныне – Р.Г. Магомедов) и с американской стороны – Ф. Кол.

Экспедиция провела широкомасштабные полевые работы по изучению объектов известного Великентского комплекса, памятников эпохи ранней бронзы Кобаз-кутан, а также большие разведочные исследования в Южном Дагестане. На Великентских могильниках ДАЭ вскрыла целый ряд катакомбных захоронений, в которых обнаружены целые коллекции инвентаря, которые наряду с неординарным погребальным обрядом позволяют совершенно по-новому взглянуть на уровень развития местного населения того времени и очертить круг их взаимоотношений с окружающим степным миром и с культурами и цивилизациями юга. Результаты работы экспедиции частично обобщены и подготовлены к изданию на немецком языке.

В дагестано-американских археологических исследованиях в приморском Дагестане приняли участие специалисты разного направления и различных стран. В частности, к этим исследованиям привлекались антропологи, археозоологи, архитекторы, палеогеоморфологи и другие специалисты из России, США, Испании, Англии, Грузии и др. стран, что могло бы служить примером плодотворного международного сотрудничества в области гуманитарных наук⁴⁷⁶.

Институтом проводятся и собственные экспедиции, организуемые на гранты российских научных фондов. Большие полевые исследования были проведены Дербентской археологической экспедицией (начальник – Гаджиев М.С.) как в самой Дербентской крепости, так и в районе Дербента (вдоль горной стены «Даг-бары» и городища Торпах-кала, Центрально-дагестанской археологической экспедицией (начальник – Давудов О.М.), проводившей раскопки Шахсенгерского городища и Акярского могильника, Кумторкалинской новостроечной экспедицией (начальник – Магомедов Р.Г.), проводившей раскопки крупного кургана Хумтуп, расположенного в зоне трассы нефтепровода Баку–Тихорецк, а также археологической экспедицией (начальник – Шихсаидов А.Р.), многие годы занимающейся выявлением, фиксацией и каталогизацией памятников письменной культуры народов Дагестана и с этой целью объездившей многие районы республики⁴⁷⁷.

Много внимания институт уделял подготовке высококвалифицированных научных кадров. В 1993 г. по решению ВАКа при нем был создан диссертационный совет по защите докторских диссертаций по специ-

альностям отечественная история, археология и этнография. Членами совета были утверждены высококвалифицированные специалисты как института, так и вузов республики. За 1993–2000 гг. на диссовете были защищены, утверждены и одобрены ВАКом 23 докторские и 39 кандидатских диссертаций, представленных из научных учреждений и вузов Дагестана, Адыгеи, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Чечни и Краснодарара.

Благодаря наличию такого совета научный потенциал института пополняется за счет тех, кто окончил аспирантуру и защитил диссертацию в диссовете института. Молодое поколение ученых активно участвует в выполнении планов института, их усилиями издаются сборники статей. Ассоциацией молодых ученых было опубликовано более 20 таких сборников.

Подготовке молодых специалистов много сил и внимания отдавали ученые старшего поколения института М.А. Агларов, Б.Г. Алиев, Б.М. Алимова, М.Д. Бутаев, А.С. Гаджиев, В.Г. Гаджиев, М.Г. Гаджиев, С.Ш. Гаджиева, Г.А. Искендеров, Г.Ш. Каймаразов, М.-З.О. Османов, М.-Н.О. Османов, А.Р. Шихсаидов и др.

Ветераны института подавали пример трудовой неустойчивости, и многие из них отмечены государственными наградами, удостоены российских премий. Главный научный сотрудник института, доктор исторических наук М.-Н. Османов за перевод Корана на русский язык был удостоен Государственной премии РФ. Лауреатом премии Правительства РФ стал и главный научный сотрудник института А.Р. Шихсаидов.

Главный научный сотрудник института, д. и. н., участник Великой Отечественной войны М.Д. Бутаев активно участвует как в научной, так и общественной жизни института и республики. Много лет он является заместителем председателя Совета старейшин Дагестана, членом редколлегии многолетнего издания «Книга памяти».

Многим ученым института присвоены высокие звания заслуженных деятелей науки РФ и РД, немало из них награждены государственными орденами и медалями. Коллективу института по плечу решение более сложных и ответственных научных задач.

Другим крупным и известным гуманитарным научным центром республики является Институт языка, литературы и искусства, в котором трудятся 107 человек, среди них 1 действительный член РАН, 23 доктора наук и 35 кандидатов наук.

При институте с 1979 г. по 1987 г. функционировал специализированный совет по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата филологических наук. С 1991 г. был создан диссертационный совет по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальностям: литература народов России, фольклористика, языки народов РСФСР. Через совет защищено свыше 100 диссертаций учеными научных учреждений и вузов не только Дагестана, но также Поволжья, Москвы и др.⁴⁷⁸

По инициативе Г.Г. Гамзатова в институте проводилась работа по составлению национально-русских словарей по бесписьменным языкам, новых

русско-национальных и национально-русских словарей по литературным языкам Дагестана. В начале 90-х гг. составлены и изданы краткие русско-национальные словари по 6 литературным языкам Дагестана (редактор Н.С. Джидалаев). В 1997 г. издан «Русско-кумыкский словарь» (ответственный – Б.Г. Бамматов).

На утверждение Правительства РД институтом переданы новые своды орфографических правил дагестанских литературных языков с новыми орфографическими словарями академического типа – по 20 п. л. каждый. Ведется работа и по составлению других типов словарей.

Основное внимание языковедов было сосредоточено на изучении грамматических явлений и грамматической системы литературных языков. Была создана научно-апробированная теория языка. Были выяснены и описаны специфические особенности грамматического строя дагестанских языков. По этим проблемам были опубликованы монографические исследования: «Грамматика даргинского языка. Фонетика и морфология» (С.Н. Абдуллаев); «Даргинский язык» (З.Г. Абдуллаев), «Грамматика лакского языка» Ч. 1. (Г.Б. Муркелинский), «Очерки по синтаксису табасаранского языка» (Б.-Г.К. Ханмагомедов), «Очерки по истории формирования аварского литературного языка» (Б.М. Атаев) «Сравнительная фонетика лезгинских языков» (Д.Б. Талибов), подготовлены к изданию монографии «Кумыкский язык» (Ф.А. Муратчаева) и «Очерки фонетики чеченского языка» (А.Г. Магомедов) и др.

В серии «Языки народов России» издан справочник «Языки Дагестана» под редакцией Г.Г. Гамзатова и Н.С. Джидалаева. В него вошли историко-лингвистические очерки по всем распространенным на территории Дагестана языкам (31 языковая единица).

В области фольклористики шла подготовка к изданию многотомного двуязычного национально-русского свода «Памятники фольклора народов Дагестана». Подготовлены 4 тома свода: «Сказки о животных», «Волшебные сказки», «Бытовые сказки», «Несказочная проза Дагестана»⁴⁷⁹.

Изданы национальные очерки фольклора: аварцев (М.Р. Халидова), даргинцев (Ф.О. Абакарова, Ф.А. Алиева), кумыков (А.М. Аджиев), лакцев (Х.М. Халилов), лезгин (А.М. Ганиева), табасаранцев (М.М. Курбанов). Издан также коллективный труд «Традиционный фольклор народов Дагестана», авторский коллектив которого (Г.Г. Гамзатов, А.М. Аджиев, Ф.О. Абакарова, М.Р. Халидова, А.М. Ганиева, Х.М. Халилов, М.М. Гасанов) удостоен Государственной премии Республики Дагестан (1995г.)⁴⁸⁰.

Вышедшие из печати в 80–90-х гг. очерки табасаранской (М.М. Юсуфов), татской (Г.Б. Мусаханова), лакской (С.Х. Ахмедов) литератур опровергли ошибочные утверждения о младописьменности литератур народов Дагестана, раскрыли их древние корни, доказали наличие у этих литератур развитой художественной системы. В 1999 г. была издана коллективная работа «Дагестанская литература: закономерности развития (1965–1985 гг.)» (ответственный редактор Ч.С. Юсупова), занявшая свое место в системе обобщающих трудов по литературоведению. Дагестанские литературоведы

приняли участие в выполнении ряда крупных работ, осуществляемых под эгидой Института мировой литературы им. М. Горького. В их числе «История советской многонациональной литературы», «Дооктябрьская литература народов СССР», «История всемирной литературы».

К крупным достижениям дагестанского литературоведения можно отнести труды Г.Г. Гамзатова «Формирование многонациональной литературной системы в дореволюционном Дагестане. Истоки, традиции и своеобразие художественной системы», «Литература народов Дагестана дооктябрьского периода. Типология и своеобразие художественного опыта». За цикл работ по истории и теории региональной литературы – «Формирование многонациональной литературной системы в дореволюционном Дагестане», «Преодоление. Становление. Обновление. На путях формирования дагестанской советской литературы» – в 1988 г. Г.Г. Гамзатову присуждена премия АН СССР им. В.Г. Белинского.

За ними последовали и другие труды Г.Г. Гамзатова, такие как «Дагестан: историко-литературный процесс. Вопросы истории, теории, методологии», «Национальная художественная культура в калейдоскопе памяти» и др., явившиеся новым этапом в исследовании многонациональной литературы. В них нашли отражение концептуальные подходы автора к литературному процессу в горном крае, прослежены пути формирования генетической и типологической общности литератур народов Дагестана⁴⁸¹.

Новым направлением научных поисков института стало изучение генезиса и развития дагестанской литературы. С начала третьего тысячелетия институт приступил к крупному проекту – истории национальных литератур народов Дагестана – аварской, даргинской, кумыкской, лакской, лезгинской, табасаранской и других письменных народов.

В области искусствознания, представляющего сравнительно молодую отрасль дагестанской гуманитарной науки, были достигнуты успехи, отмеченные общественностью республики. Коллективный труд искусствоведов «Искусство Дагестана в годы Великой Отечественной войны» (авторский коллектив Д.М. Магомедов, Г.А. Султанова, А.Д. Магомедов, М.А. Якубов, З.А. Гейбатова) в 1984 г. был удостоен Республиканской премии им. Г. Цадавы. Такие же фундаментальные труды были созданы по многим основным видам и проблемам традиционного декоративно-прикладного искусства народов Дагестана – резьба по камню, дереву, металлообработка, ковроткачество, национальный орнамент, хореографическое искусство, художественное ремесло, народная архитектура и монументальное искусство.

Кроме монографических исследований искусствоведами института изданы сборники статей, справочники, альбомы, сборники нотных расшифровок, статьи и отдельные издания о музыкальных деятелях Дагестана и т. д.

За последние десятилетия, несмотря на финансовые трудности, институтом проведены научные конференции, сессии, семинары различного уровня – международные, всероссийские и республиканские, касающиеся самых актуальных научных проблем. В частности, на базе института в 1998 г. был проведен Международный colloquium Европейского общества кавказоведов,

рассмотревший важнейшие итоги и перспективы лингвистического дагестановедения.

Специалисты института принимали участие и в конференциях, организуемых в зарубежных странах – примерно в 50 научных конференциях, прошедших в Англии, Швеции, Турции, Сирии, Израиле, Иордании, США, Голландии, Испании, Иране, Германии, Франции, Японии, Индии, Китае, Венгрии, Грузии, Азербайджане, Казахстане и т. д., которые участвовали на рубеже XX и XXI вв.

В 90-е гг. международные связи института значительно расширились. Они носили обоюдный характер, немало ученых зарубежных стран стремились поближе познакомиться с историей и культурой дагестанских народов. С рядом зарубежных институтов и университетов Голландии, Германии, Швеции, США, Венгрии, Азербайджана, Грузии институт наладил тесные связи, с отдельными из них заключил договоры о научном сотрудничестве⁴⁸², которые предусматривали проведение совместных исследований, конференций и других мероприятий.

Научный потенциал Института ЯЛИ имеет хорошие возможности для дальнейшего развития научных исследований и повышения своего научного престижа как в стране, так и за рубежом.

Созданный в 1991 г. Институт социально-экономических исследований сосредоточил свои усилия в направлении решения проблем формирования северокавказского экономического рынка, использования особых геополитических условий региона и развития его экономических связей с Россией. Главное внимание при этом отводилось рассмотрению проблем социально-экономического развития Республики Дагестан как приграничного региона, имеющего слабые стартовые параметры для построения рыночной экономики.

Небольшой коллектив института, насчитывающий 50 сотрудников, в том числе 8 докторов и 17 кандидатов экономических наук, под руководством своего директора, доктора экономических наук Ю. М. Сагидова принял участие в разработке 25 региональных и федеральных программ, представил в руководящие органы республики свыше 40 методических рекомендаций, 30 экономических обзоров и другие материалы, необходимые для разработки и принятия законодательными и исполнительными органами новых законов, положений, программ, ориентированных на вхождение в рынок. Среди них особо следует отметить разрабатываемую институтом целостную концепцию социально-экономического развития Республики Дагестан.

В своей научной деятельности институт активно сотрудничает с отечественными и зарубежными научными организациями и учеными. В этой связи можно отметить такие наиболее известные научные учреждения и вузы, как институт экономики РАН, Московский государственный университет, Массачусетский университет (США), Эссенский университет (Англия), Лейденский университет (Нидерланды) и др.

При институте функционирует специализированный совет по защите кандидатских диссертаций. Здесь подготовлено около 100 кандидатов эконо-

мических наук, работающих в основном в различных сферах экономики Дагестана и других регионов.

Успешная работа коллектива института подтверждена и той высокой оценкой, которую дало ему Министерство науки и технологии, наградив его Почетной грамотой. Многие сотрудники института удостоены государственных наград, званий заслуженного экономиста РФ и РД⁴⁸³.

В соответствии с решением Верховного Совета РФ в июле 1992 г. был создан Региональный центр этнополитических исследований, который в мае 2001 г. был включен в состав Дагестанского научного центра. Инициатором создания и руководителем центра является доктор философских наук А.-Г.К. Алиев.

С момента организации деятельность РЦЭИ была нацелена на решение реальных проблем Дагестана и Северо-Кавказского региона. Были проведены исследования современных этнополитических процессов, происходящих в регионе, национально-культурного развития его народов.

Впервые в стране РЦЭИ обратился к проблеме патриотического воспитания молодежи, которое за перестроечные и постперестроечные годы было предано забвению, якобы за ненадобностью. Этой теме были посвящены две научно-практические конференции: «Патриотизм: истоки и современные проблемы» (1995 г.) и «Патриотическое воспитание населения Дагестана в современных условиях» (2000 г.).

Широкий резонанс вызвала республиканская научно-практическая конференция «Дагестан на рубеже веков: приоритеты устойчивого и безопасного развития». По итогам работы конференции в 1998 г. в Москве была издана под тем же названием большая работа, в которой был сосредоточен уникальный аналитический материал по всем вопросам социально-экономического, политического, национально-культурного развития Дагестана⁴⁸⁴. Дальнейшие научные исследования и научные форумы РЦЭИ были направлены на решение этих задач.

Крупные научные исследования проводились в вузах республики. За успехи в развитии науки и подготовке кадров орденами Дружбы народов были награждены Дагестанский государственный университет (1981 г.), Дагестанский медицинский институт (1982 г.) и Дагестанский сельскохозяйственный институт (1983 г.).

Важные научные разработки проводились в Дагестанском государственном университете, ученые которого совместно с исследователями Франции и Санкт-Петербурга участвовали в программе евразийского экономического сообщества «ИНТАС». В рамках международного проекта ученые Даггосуниверситета и университетов американских штатов Южная Каролина и Канзас участвовали в выполнении международного проекта по внеэлектронной электронике.

Ряд исследований в Даггосуниверситете проводился по грантам российских научных фондов. В частности, по гранту РФФИ здесь выполнялись проекты: «Проблема охраны и использования Каспийского моря», «Международные проблемы в современных условиях» и «Университеты России».

В таких исследованиях участвовали и специалисты вузов и научных учреждений республики и других регионов.

По результатам исследований учеными Даггосуниверситета только за 1994–1995 гг. было опубликовано 37 монографий, 53 учебника и учебных пособия с грифом Госкомвуза, свыше 700 научных статей, проведено 12 конференций, запатентовано 210 изобретений⁴⁸⁵.

Следует отметить, что научные разработки проводились и во всех остальных государственных вузах республики, которых в 1990/91 учебном году все еще оставалось 5 единиц, считая и ДГУ. Однако главной задачей вузов и в те годы оставалась подготовка кадров высшей квалификации. В том же 1990/91 учебном году количество студентов оставалось почти на уровне доперестроечных времен и составило 28 тыс. человек.

С 1995 г. государственное вузовское образование значительно разрослось. В 1995–1996 гг. в Дагестане стало 6 вузов, не считая их филиалов. Численность студентов в них увеличилась до 30,9 тыс. человек. В 2000/01 учебном году количество студентов в 6 вузах составило 60,3 тыс. человек, или выросло почти в 2 раза, число государственных вузов с филиалами 21, и общая численность их студентов увеличилась в 1997 г. до 144,8 тыс. человек, которая сократилась в 1999 г. до 110, 6 тыс. человек. Увеличение численности студентов происходило на коммерческой основе, что объясняет такие перепады их численности⁴⁸⁶.

Выросло число негосударственных высших учебных заведений. Если в 1995/96 учебном году насчитывалось 5 вузов частного характера, то в 2000/01 учебном году их число увеличилось до 16. В них соответственно обучалось 4403 и 8413 студентов, или численность их студентов за шесть лет увеличилась примерно в два раза⁴⁸⁷.

Однако рост численности вузов и их студентов не сопровождался повышением престижа вузовского образования. Более того, повсеместно отмечалось, что выпускники вузов, особенно те из них, кто заканчивал негосударственные вузы, имели слабые знания. По меткому и едкому замечанию академика Г.Г. Гамзатова, «...так называемые новые вузы» – зачастую видимость, имитация развития и нередко зло современного «гуманитарного местничества». Мы свидетели процесса провинциализации страны. Заодно – провинциализации образования. К сожалению, Дагестан не исключение»⁴⁸⁸.

По окончании вузов их выпускников никто не ждал. Прежняя система распределения молодых специалистов была отменена, и многие из них не могли трудоустроиться не только по специальности, но даже на какую-либо работу. Тем не менее вузы продолжали наращивать подготовку специалистов, к тому же не всегда заботясь о получении ими необходимого круга знаний. В результате престиж высшего образования в отличие от былых времен терял свою значимость.

В 80-е гг. дагестанская литература все более уверенно включалась во всесоюзный и мировой литературный процесс. Как отмечалось в приветствии Дагестанского обкома КПСС VII съезду писателей Дагестана (17 июня 1980 г.), с которым на съезде выступил первый секретарь обкома партии

М.-С.И. Умаханов, «произведения писателей с каждым годом все больше выходят на всесоюзную и мировую арену, завоевывая заслуженное признание у взыскательного читателя»⁴⁸⁹.

Съезду писателей республики предшествовали прошедшие с 9 по 16 июня с огромным успехом Дни литературы Российской Федерации в Дагестане. Ответный визит дагестанских писателей в Россию проводился в 1981 г. в связи с 60-летием образования ДАССР. Открытие Дней дагестанской литературы и искусства в Москве состоялось 24 марта 1981 г. в Центральном государственном концертном зале «Россия». На открытии присутствовали делегации творческих деятелей России и Дагестана. Вступительным словом встречу открыл председатель Союза писателей РСФСР, Герой Социалистического Труда С.В. Михалков, с ответным словом выступила заместитель председателя Совета Министров ДАССР З.М. Хизроева. Вечер завершился большим концертом деятелей дагестанской культуры⁴⁹⁰. В нем приняли участие не только профессиональные коллективы, но и народные ансамбли из городов и районов республики.

Деятели культуры и искусства выступили с концертами и в ряде крупных концертных залов Москвы. В залах имени П.И. Чайковского и Олимпийской деревни состоялись концерты ансамблей песни и танца Дагестана и «Лезгинка», в Доме-музее П.И. Чайковского в Клину и Доме композиторов – концерты дагестанской камерной и симфонической музыки, в Центральном доме литераторов – литературно-музыкальный вечер. Встречи деятелей культуры Дагестана прошли с рабочими завода «Памяти революции 1905 года», студентами Московского государственного университета и Литературного института. В кинотеатре «Новороссийск» состоялась премьера кинофильма «Снежная свадьба», отснятого по повести народного писателя Дагестана А. Абу-Бакара⁴⁹¹. Дни литературы и искусства продемонстрировали возросший уровень литературы, профессионального искусства и самостоятельного народного творчества.

Дагестанская литература была известна в стране и за ее пределами прежде всего и больше всего своей поэзией. Произведения Р. Гамзатова, Ф. Алиевой, А. Аджаматова, А. Аджиева, А. Сулейманова, Р. Рашидова, Н. Юсупова, Ю. Хаппалаева, С. Рабаданова, М. Муталибова, Х.-Б. Хаметовой, М. Атабаева и других поэтов были популярны в республике, их читали в переводах на русский и другие языки народов нашей страны, а также зарубежных стран⁴⁹².

Вместе с тем дагестанскую многонациональную литературу тех лет трудно представить без учета того вклада, который внесли в нее дагестанские писатели, литературоведы и критики. Книги «Горы и степь», «В тени убегающей лани» М. Магомедова, «Мама, зажги солнце», «Два месяца до звонка» А. Абу-Бакара, «Отец пророка» Магомед-Расула, «Белый аист» Ф. Бахшиева и др. свидетельствовали о переходе писателей от увлечения экзотикой к исследованию внутреннего мира человека, стремлению раскрыть этическое, нравственное содержание современника, отобразить общее и особенное в жизни дагестанских народов.

Неслучайно эти книги пользовались широким читательским спросом⁴⁹³ и издавались крупными издательствами страны, выпускавшими их большими тиражами. В издательстве «Художественная литература» в Москве в 1980 г. вышло полное собрание сочинений Р. Гамзатова в 5 томах тиражом в 100 тыс. экземпляров. В московских издательствах часто и также большими тиражами выходили книги Ф. Алиевой, А. Абу-Бакара и других⁴⁹⁴.

В 1982 г. в издательстве «Молодая гвардия» вышел роман Ф.Г. Алиевой «День добра», посвященный теме Великой Отечественной войны⁴⁹⁵. Однако в романе речь идет не о самой войне, а о том, как повлияло и отразилось это бедствие на поведении горцев, на их жизни и быте.

В другом не менее известном московском издательстве «Советский писатель» вышли 2 книги дагестанских авторов – народного поэта Дагестана Ю. Хаппалаева «Долг» и поэтессы Х. Хаметовой «Гордая волна». В «Современник» вышла в свет книга писателя А. Арипова «Оглянись в пути», «Детская литература», крупнейшее издательство, выпускавшее книги для детей, издала сборник антологии детской литературы «Гости с гор»⁴⁹⁶.

Все это вышло только в течение одного 1982 г. Особенно часто и много издавались произведения Р. Гамзатова. По данным на 1 января 1983г., его книги были изданы в Советском Союзе 217 раз общим тиражом 13, 3 млн. экземпляров на 35 языках народов СССР и зарубежных стран⁴⁹⁷.

Таковыми большими тиражами издавались книги и других известных и популярных поэтов, хотя по количеству изданий редко кто мог бы сравниться с Р. Гамзатовым. Спрос на поэзию был велик вообще, а на гамзатовскую особенно. В те годы лучшим подарком считался сборник стихов Р. Гамзатова, который в магазинах, несмотря на тысячные тиражи, достать было невозможно. Его книга «Мой Дагестан» стала своего рода визиткой. Ведь даже в столице страны многие не знали о Дагестане и где он находится, но если называли имя Расула, то все кивали головой и вспоминали его книгу «Мой Дагестан», написанную им в прозе, но поэтическую по манере изложения и подаче материала.

Однако без государственной финансовой помощи, государственного подхода такие вопросы было бы невозможно решить. Как говорил сам Р. Гамзатов в одном из своих выступлений, «у нас поэзия стала государственным явлением»⁴⁹⁸.

Но это не означало, что только партийные и государственные органы выражали беспокойство о состоянии и путях развития литературы, оттесняя общественность от вмешательства в подобные дела. Более того, на съездах писательских организаций не только говорили об успехах, но и резко критиковали за недостатки. На VIII съезде Дагестана (1985 г.) состоялся большой разговор о проблемах, которые мешали и сдерживали развитие литературы. В частности, отмечалось увлечение писателей крупными, престижными жанрами без необходимой взыскательности, утверждение в поэзии преимущественно малых жанров, легковесное отношение к художественному воспроизведению социальных явлений, упрощенные методы поисков правды жизни, подмена содержания формой, уход от острых проблем современности, отсут-

стве в драматургии сильных впечатляющих характеров, частое обращение театров к комедийным спектаклям в ущерб серьезным постановкам. Эти и другие вопросы, поднимаемые на съезде, свидетельствовали об озабоченности положением дел в одной из важных областей духовной жизни – в сфере, называемой человековедением⁴⁹⁹.

Выходило немало произведений, поэтических и прозаических, которые не стали заметным литературным событием. Они нередко были оторваны от реальной жизни, страдали увлечением архаизмами и экзотикой горского быта. Сложные социальные явления в иных произведениях писателей приобретали поверхностный, легковесный оттенок, в них не хватало глубины и широты раскрытия жизни во всей ее многомерности и многосторонности, свидетельствуя о недостатке жизненного опыта их авторов⁵⁰⁰.

Если в 80-е гг. писатели еще радели о качестве своей литературной продукции, то с переходом к рыночным отношениям серьезная литература стала недоступной для массового читателя, что отразилось на ее качестве. Для удовлетворения потребностей читателя дешевым чтением издатели стали выпускать массовыми тиражами детективы и любовно-эротические подделки.

В этих условиях трудно стало издаваться не только начинающим поэтам и писателям, но и таким известным дагестанским авторам, как Р. Гамзатов, Р. Рашидов, Ф. Алиева, Магомед-Расул, Х. Авшалумов, Х. Хаметова, К. Абуков, С. Рабаданов, И. Гусейнов и другие⁵⁰¹.

Многие из них вынуждены были ограничиваться публикацией своих произведений в периодических изданиях. Газета «Дагестанская правда» охотно печатала полюбившиеся читателям рассказы Х. Авшалумова о Шими Дербенди, в которых воссоздавались жизнь и поступки, думы и размышления неунывающего даже в непростое перестроечное время смекалистого и находчивого человека. В начале 90-х гг. на страницах газеты были опубликованы последние рассказы Х. Авшалумова на эту тему⁵⁰².

Писатели искали и другие пути, чтобы представить свое творчество более полно и донести его до читателя. Близкому к издательским делам писателю Магомед-Расулу удалось под несколько интригующим названием издать свою книгу «Ясновидающий дурак. Антиповесть. Письма дилетанта» (Махачкала, 1994). Но не своим названием, а всем своим содержанием, всей своей сюжетной линией повесть Магомед-Расула привлекла внимание читателей всех возрастов. Книга, написанная даргинским писателем на русском языке, направлена на достижение одной большой цели – побудить человека быть Человеком с большой буквы, как его величал М. Горький⁵⁰³.

И в 90-е гг. московские издательства продолжали обращаться к изданию прозаических произведений дагестанских писателей. В 1990 г. в издательстве «Советский писатель» вышли повести М. Магомедова, изданные под названием «Предисловие к горному эху»⁵⁰⁴. В книге были помещены повести «Предисловие к горному эху», «Моя тетя», «Повесть о поварихе Загидат, бригадире да о старом пастухе Далгате», «Июльский дождь» и «Аварская повесть». В них нашли отражение образы отдельных представителей

сельской интеллигенции и колхозников, испытавших в жизни различные коллизии, но целеустремленных и преодолевших жизненные невзгоды.

Начинавший свою трудовую биографию как актер и киноактер, сразу же понравившийся зрителям, а затем успешно проявивший себя в качестве режиссера театра и кинорежиссера, И. Казиев попробовал себя и в прозе. Написанные им повести «Ротозей» и «Кто убил человека из рая?» были переведены на русский язык и изданы в 1991 г.⁵⁰⁵ В первой повести он попытался путем использования различных форм психологического изображения раскрыть внутренний мир «маленького человека». Во второй повести И. Казиев создал групповой образ браконьеров и через них стремился показать изменения, которые происходили в обществе и сознании людей в перестроечное время⁵⁰⁶.

Доминирующим принципом эстетического и психологического постижения человека в повестях и рассказах К. Абукова, изданных им под общим заголовком «Луна во сне» в 1992 г. в издательстве «Советский писатель»⁵⁰⁷, выступает его изображение через детали его поведения. В них нередко ставятся проблемы общечеловеческой значимости, решаются философские вопросы о человеческом счастье, взаимоотношениях людей. В его произведениях появляются и «герои» нового времени, готовые разрушить моральные устои общества, проявляющие непристойную напористость в достижении своих карыстных интересов.

Писатели не обошли стороной и историческое прошлое народов Дагестана. Автор исторического романа «Рождение государства» А. Соловьев обратился к истории древнего Хазарского каганата, название которого все чаще упоминается сегодня в названиях стадионов, ресторанов, магазинов и прочих заведений. Тема оказалась интересной не только для историков, но и литературоведов и широкого круга читателей⁵⁰⁸.

Почти на всех съездах, совещаниях и встречах писателей отмечалось, что дагестанские театры остро нуждаются в интересных драматических произведениях, написанных местными авторами и на жизненно актуальные темы. И сам Р. Гамзатов подавал в этом пример, начиная с поэмы «Горянка», по которой были сняты кинофильмы и осуществлены театральные постановки, долгие годы не сходящие со сцены. Очень известный в аварской литературе поэт М. Абасил написал пьесы «Махмуд из Кахабросо», «Камалил Башир», «Легенда о любви»⁵⁰⁹. Даргинский писатель Магомед-Расул, пишущий и на русском языке, был автором пьес «Гюльжанат», «Кто виноват» и опубликованной на русском языке в книге «Драматургия Дагестана»⁵¹⁰ драмы «Потерявшая себя». Лакский писатель К. Мазаев в той же книге издал свою новую пьесу «Тетушка Удрида». Известный дагестанский русскоязычный поэт-сатирик Н. Алиев, автор целого ряда пьес, поставленных в театрах Дагестана, опубликовал в указанном сборнике комедию в 4-х картинах «С чистой совестью мальчишка». Кумыкский писатель А. Атаев, получивший известность и своими драматическими произведениями, поставленными на сцене Кумыкского театра, представил в сборнике свою пьесу «Кресло», ставшую новым словом в дагестанской драматургии⁵¹¹. Поэт Б. Аджиев по

рассказам Х. Авшалумова о Шими Дербенди написал пьесу «Хитроумный Шими Дербенди», которая была поставлена на сцене Кумыкского театра и прошла с большим успехом.

На «широкий экран» вышли и дагестанские киносценаристы. При этом особо следует подчеркнуть роль в развитии этого вида творчества народного писателя Дагестана Ахмедхана Абу-Бакара, первым получившего это звание. За свои неполные шестьдесят лет (1931–1991 гг.), из которых тридцать были связаны с литературой⁵¹², он написал 8 пьес и сценарии 12 кинофильмов⁵¹³. Старт, взятый им на Днях литературы и искусства республики в Москве демонстрацией фильма «Снежная свадьба», снятого по его сценарию, оказался удачным. В Дагестане состоялись кинопремьеры и других фильмов, также снятых по его сценариям: в 1981 г. «Чегери», в 1982 г. – «Пора красных яблок», в 1983 г. – «Загадка кубачинского браслета». В 1984 г. «Мосфильмом» был снят художественный фильм по сценарию режиссера Кумыкского театра И. Казиева «Талисман любви»⁵¹⁴.

Предпринимались попытки к киносъемкам о горцах Дагестана и по другим сценариям. Из воспоминаний известного кинорежиссера Георгия Дanelия следует, что в 80-е гг. он собирался снять фильм по сценарию видного литературоведа В. Огнева и народного поэта Р. Гамзатова о Хаджи-Мурате, о чем он договорился и с киностудией «Ленфильм». После этого он объездил Дагестан, чтобы определить места, в которых намечал проводить киносъемки. Но после возвращения в Москву, когда он обратился к директору киностудии «Мосфильм», чтобы заказать киносъемочные павильоны, ему сообщили, что его «закрыли» еще два месяца назад. Но ни он, ни Р. Гамзатов, тогда еще член Президиума Верховного Совета СССР, так и не смогли даже выяснить, кто «закрыл» съемки этого фильма, и они так и не состоялись⁵¹⁵.

Сегодня нелегко объяснить подлинную причину такого грубого вмешательства в творческие планы известных деятелей советской культуры и даже стремление замахнуться на выдающееся произведение классика русской литературы Л.Н. Толстого. Но ясно одно: партийные функционеры 80-х гг. не отказались от прежних идеологических штампов и стереотипов, свойственных 50–70-м гг., и продолжали прибегать к административному нажиму и политической шантажу в отношении тех, кто пытался обратиться к теме Кавказской войны, на которую в середине 50-х гг. было наложено табу.

Однако даже этот не очень-то лестный для Коммунистической партии пример, без ведома которой такие вопросы не решались, показывает, что интерес к Дагестану в киноискусстве был очень высок. Не имея собственной базы для съемок фильмов, но располагая творческим потенциалом, с помощью киностудий других республик и регионов Дагестан становился одним из кинопроизводителей, фильмы которого получили доступ к всесоюзному кинопрокату. Однако отсутствие кинобазы, о создании которой общественность не раз поднимала вопрос, сдерживало развитие киноискусства. Тем не менее благодаря поддержке на государственном уровне отдельным энтузиастам и киносценаристам удавалось ставить фильмы.

Разносторонне одаренный А. Абу-Бакар оставил яркий след не только в кинодраматургии, но и в других сферах духовной культуры. Можно сказать, что и в прозе и поэзии он был так же силен, как и в драматургии. Его повести были опубликованы миллионными тиражами как на страницах центральных журналов, так и отдельными изданиями во многих издательствах Советского Союза и зарубежных стран. После появления первых повестей А. Абу-Бакара в центральной печати известный советский писатель Георгий Гулия писал: «Этот замечательный прозаик уверенно вошел в многонациональную советскую литературу. Он возвестил о том, что дагестанская литература сильна не только поэзией, но – что очень важно – и прозой»⁵¹⁶.

Но и в поэзии А. Абу-Бакар оставил свой ахмедхановский след. Им были изданы 3 сборника стихотворений, нашедших дорогу к читателю. Творчество А. Абу-Бакара показывало, что при всех успехах писателей и драматургов Дагестана наиболее любимым детищем дагестанской литературы оставалась поэзия, которая, несмотря на духовное обеднение общества, набирала новые высоты. В 90-е годы ярко проявился талант поэта А. Джачаева, издавшего свои избранные произведения в двух томах – на кумыкском и русском языках⁵¹⁷. «Ахмед Джачаев на коне, – как о нем писал литературовед К. Абуков во вступительной статье к его двухтомнику, – на добротном коне...». Хотя А. Джачаев являлся автором многих сборников на родном и русском языках, но такой двухтомник он выпустил впервые, и в этом ему в то трудное время помогли спонсоры и друзья, полюбившие его поэзию.

В двухтомнике А. Джачаева представлены стихотворения разной тематики и жанровой специфики. Малая и большая Родина, родной язык и родная мать, смысл жизни и призвание человека, природа и животный мир, нравственная чистота человека и другие темы волнуют большого поэта, раздумывающего о судьбах не только своего народа, но и других народов Дагестана и России.

В незаурядную по содержанию книгу народного поэта Дагестана, общественного и государственного деятеля республики М. Х. Гамидова «Осенние туманы»⁵¹⁸ вошли его лучшие поэтические произведения, написанные им в 60–90-е гг. XX в. Двадцатая по счету книга поэта стала не только вехой в творчестве автора, своей поэзией и гражданским поведением восстававшего против социально уродливых явлений в жизни общества, но и показателем уровня развития современной даргинской, да и всей дагестанской поэзии⁵¹⁹.

Свое заметное место в дагестанской поэзии занял поэт, по определению А.М. Вагидова «философского склада мышления»⁵²⁰, Бадрутдин Маго-медов, о чем он заявил и своей новой книгой стихов «Благая весть»⁵²¹. Личность героя его стихов наделена многими положительными свойствами, но главное его свойство – стремление постичь суть жизни.

Оригинальным нестандартным мышлением отличается поэтесса Ш.-Х. Алишева, автор многих поэтических сборников. В 1990 г. в издательстве «Советский писатель» вышла ее книга «Плачь, люби, вспоминай», ставшая этапной в ее творческой биографии⁵²².

Поэту Жамидину (Гаджимурадову Ж.Г.), работающему в сатирическом жанре, широкую известность принесли его публикации в таких журналах, как «Крокодил», «Новый мир», «Дон», «Современник», «Дружба народов» и газетах «Литературная Россия» и «Литературная газета», распространяемых тысячами и миллионными тиражами. В Москве и Махачкале у него были изданы в переводах на русский язык 6 сборников, в том числе «Есть обычай в горах» (1986), «День жены» (1988) и «Ты его не знаешь» (1995).

В своих произведениях Жамидин не только «боролся», как принято было говорить тогда, с отрицательными явлениями в жизни, но и пытался найти и подсказать выход из создавшейся ситуации. Выбирая предметом изображения обычные явления жизни, он мог обратить внимание читателя на то, что достойно осмеяния и осуждения⁵²³.

В Дагестане и за его пределами широкий общественный резонанс имели вечера поэзии, организуемые Союзом писателей Дагестана. Они проходили в переполненных залах, на них с чтением своих произведений выступали как старейшие, так и молодые поэты и писатели. Такие встречи превращались в своего рода отчеты творческой интеллигенции перед читателями и завершались большим концертом мастеров дагестанской эстрады. Для проведения вечера поэзии, посвященного 60-летию образования ДАССР, был выбран самый крупный зал г. Махачкалы – Дворец спорта Дагестанского пединститута, но и он не мог вместить всех желающих. В переполненном зале были вручены дипломы новым лауреатам республиканских премий – заслуженному учителю РСФСР и ДАССР, краеведу и писателю Б. Гаджиеву, поэту М. Гамидову, скульпторам Г. Гейбатову и А. Газалиеву, скрипачу М. Абуеву. После вручения дипломов поэты и писатели выступили со своими новыми произведениями⁵²⁴.

В декабре 1982 г. в Москве, во дворце спорта в Лужниках, состоялся творческий вечер лауреата Ленинской, Государственной, Российской и международных премий, Героя Социалистического Труда, народного поэта Дагестана Р. Гамзатова. Зал, вмещающий 15 тыс. человек, был переполнен. Средства, вырученные от вечера, посвященного 60-летию образования СССР, были переданы в Советский фонд мира⁵²⁵.

По инициативе Союза писателей Дагестана в республике были проведены Дни литературы и искусства Российской Федерации, Ленинграда, республик Северного Кавказа, Каракалпакии.

С 9 по 15 июня 1982 г. в Дагестане прошла Неделя таджикской литературы, посвященная 60-летию образования СССР. Это был уже второй приезд в горный край таджикских писателей. Гости побывали на предприятиях и в учебных заведениях Махачкалы, Дербента, Буйнакска, в колхозах и совхозах Сулейман-Стальского района. Всюду их принимали с большой теплотой и радушием.

К Неделе литературы Таджикистана была издана антология таджикской литературы на 5 языках народов Дагестана. По Дагестанскому телевидению и радиовещанию были организованы теле- и радиопередачи, в респуб-

ликанских, городских и районных газетах были отведены специальные страницы, рассказывающие о жизни и делах таджикских трудящихся, в кинотеатрах республики демонстрировались художественные фильмы студии «Таджикфильм».

В сентябре состоялся ответный визит в Таджикистан дагестанских литераторов, принятых на таджикской земле с таким же гостеприимством. Взаимные обмены поездками писательских и творческих сил, кроме указанных республик и регионов, состоялись также с творческими деятелями городов Кирова, Вологды и Волгограда⁵²⁶.

Общественно-политическая активность писателей поддерживалась и поощрялась Советским государством. В 1983 г. три дагестанских поэта были удостоены высоких государственных наград. За заслуги в развитии литературы и в связи с 60-летием Р. Гамзатов был награжден орденом Ленина, Фазу Алиева – орденом Дружбы народов. В связи с 70-летием ордена «Знак Почета» был вручен поэту Ш.-Э. Мурадову.

Музыкальная жизнь. Все серьезнее о себе заявляла дагестанская музыка, получившая благодаря своей популярности постоянную прописку в таких музыкальных центрах страны, как Москва, Ленинград, Ростов-на-Дону и др. На традиционном фестивале «Майские звезды» в Ленинграде в 1982 г. большое место заняли номера, знакомящие с творчеством дагестанского композитора М. Кажлаева, в том же году удостоенного звания «Народный артист СССР».

Весной 1982 г. в Москве в Государственном детском музыкальном театре состоялась премьера оперы «Джунгли» («Маугли»), которую написал дагестанский композитор, заслуженный деятель культуры РСФСР Ш. Чалаев⁵²⁷. В июне 1984 г. Ленинградский государственный академический театр оперы и балета осуществил постановку балета «Асият» на музыку М. Кажлаева⁵²⁸. Артисты театра показали свою постановку в г. Махачкале, где она прошла с большим успехом.

В мае 1985 г. в Московском камерном музыкальном театре прозвучала опера Ш. Чалаева «Читая дневники поэта». Она была написана по фронтальным дневникам писателя Э. Капиева⁵²⁹, «поэта настоящего, жизнелюбца страстного», как о нем писал Расул Гамзатов⁵³⁰.

Как и писатели, дагестанские композиторы также проводили дни дагестанской музыки в других республиках. Летом 1982 г. такие дни были проведены в Армении. Делегация дагестанских композиторов тепло была встречена армянской музыкальной общественностью. Состоялись концерты дагестанской камерной музыки в Доме композиторов в Ереване, в музее этнографии недалеко от Октемберяна, Кировакане, Дилижане, Иджеване⁵³¹.

С ответным визитом в Дагестан прибыла делегация деятелей музыкального искусства Армении. Она ознакомилась с работой музыкальных школ и библиотек г. Махачкалы, побывала в Дербентском и Казбековском районах, на концертах и спектаклях и сама дала концерты⁵³².

Несмотря на трудности, переживаемые в 90-е гг. музыкальной интеллигенцией, наиболее известные ее представители продолжали плодотворно

трудиться во всех жанрах музыки – опере, симфонии, балете, на эстраде, в камерной и вокальной музыке, музыке к кинофильмам и театральным постановкам. Н. Дагиров создал в те годы такие масштабные музыкальные сочинения, как 4-я симфония, опера «Ирчи Казак», балет «Парту Патима». Новую оперу «Хаджи Мурад», цикл инструментальных концертов и другие произведения создал Ш. Чалаев. В музыкальной культуре широко стали известны имена композиторов М. Гусейнова, М. Касумова. Свой индивидуальный почерк в музыке проявила А. Джафарова. Свой путь в музыкальном искусстве искали и молодые композиторы В. Шаулов, Г. Джавлалов⁵³³.

Вместе с тем традиционная этническая музыкальная культура потеряла в 90-е гг. очень много. Дагестанские старинные песни, инструментальные наигрыши стали редко слышны. Экраны телевидения и эфирное время по радио заполнила современная городская музыка, западная «маскультура», «согнанная» из мелодий и ритмов, которые при обильном смешении привели к утере своего национального лица и звучания. Похожие друг на друга как близнецы братья, для истинных любителей музыки они становятся утомительными из-за своего однообразия.

Все меньше стало привлекательной эстрадной песни, ансамблей художественной самодеятельности, певцов, исполняющих хорошие народные и эстрадные песни. К жанру эстрадной песни меньше стали обращаться дагестанские композиторы. Сократилась посещаемость концертов, и театральные спектакли значительно поубавилось.

При всех недостатках в музыкальной жизни Дагестана 90-х гг. произошли два примечательных события, которые вселили надежду в ее будущее. Благодаря усилиям Министерства культуры (министр Н.А. Абдулгамидова) в апреле 1994 г. состоялась премьера балета композитора Н.С. Дагирова и в июне 1996 г. оперы Г.А. Гасанова «Хочбар» (оркестровка Н.С. Дагирова). Обе постановки были осуществлены творческими силами республики. В балете участвовали ансамбль «Лезгинка», симфонический оркестр Гостелерадиокомпании «Дагестан».

В постановке оперы «Хочбар», как и в балете, были задействованы ансамбль «Лезгинка», симфонический оркестр Гостелерадиокомпании «Дагестан», Ансамбль песни и танца Дагестана, солисты Даггосфилармонии, солисты и хор Гостелерадиокомпании, преподаватели Дагестанского госпедуниверситета, педагоги и учащиеся музыкального училища, а также актеры Кумыкского, Русского, Лакского и Аварского театров⁵³⁴.

То, что многие годы казалось несбыточной надеждой, удалось осуществить в трудные, особенно для музыкальной культуры, 90-е годы. Это придало деятелям культуры уверенности в свои силы, веру в возможность решения таких крупных задач.

Театральная жизнь. Одним из массовых каналов приобщения людей к культуре и искусству были и театры. В республике функционировали 1 русский, 5 национальных и 1 детский (русский) театр. Посещаемость театров за пятилетие оставалась устойчивой, на уровне 503–545 тыс. посещений в год⁵³⁵.

В августе 1981 г. было принято постановление бюро Дагестанского обкома партии и Совета Министров ДАССР «О состоянии и мерах по дальнейшему развитию театрального искусства Дагестанской АССР», в котором был намечен ряд мер по обновлению репертуара театров, пополнению артистических трупп молодежью, окончившей театральные училища, укреплению базы театров. Хотя намеченные меры и не привели к крупным изменениям в театральной жизни, но какие-то сдвиги произошли.

В театральном сезоне 1983/84 года русская, советская и зарубежная классика была представлена в репертуаре театров республики именами Гоголя, Горького, Тургенева, Мольера, Мозма, Скриба, Шиллера и др. Впервые Кумыкский музыкально-драматический театр обратился к драматургии М. Горького, осуществив постановку его пьесы «Фальшивая монета». Аварский театр поставил спектакль по пьесе С. Мозма «Непокоренная». Удачной работой Даргинского театра стал спектакль по пьесе Н. Гоголя «Женитьба».

Такие постановки театры могли осуществить благодаря известным в республике и стране актерам, как например, народная артистка СССР Б.С. Мурадова, народные артисты РСФСР М. Абдулхаликов, П.Х. Хизроева, С.Т. Мурадова, Ш.-Дж. Кухмазов. Спектакли с их участием, несмотря даже на их возраст, становились подлинным праздником для театралов.

В 80-е гг. русский и национальные театры получили новое пополнение из числа выпускников театральных институтов. В 1981 г. Тбилисский театральный институт окончила лезгинская студия, направленная на учебу Советом Министров ДАССР. В 1983 г. выпускники Московского театрального училища дополнили Кумыкский театр. Среди его выпускников были А. Айгунов, И. Казиев, И. Курумова, ярко проявившие себя в театральной и культурной жизни республики. В 1984 г. Тбилисский театральный институт окончила аварская студия, внесшая новую струю в свой родной Аварский театр. Был проведен новый набор в лакскую студию, также направленную на учебу в Тбилисский театральный институт⁵³⁶.

Заметные успехи делала и драматургия Дагестана. На произведения дагестанских авторов обратили внимание и театры других республик. Известный в Советском Союзе и за рубежом театр «Ванемуйне» (г. Тарту, Эстония) осуществил постановку музыкальной комедии «Подарок Бахадура своей невесте» по повести А. Абу-Бакара «Ожерелье для мосей Серминаз». Спектакль тепло был принят эстонскими зрителями⁵³⁷.

Дагестанские театры завязали первые контакты со своими коллегами из стран народной демократии. На сцене Аварского музыкально-драматического театра была осуществлена постановка пьесы болгарского драматурга Пойчева «В каждый осенний вечер». Ансамбли художественной самодеятельности многих городов и районов республики исполняли песню болгарского композитора «Все на планете»⁵³⁸.

И другие дагестанские театры более активно стали включать в свой репертуар пьесы драматургов иных республик и зарубежных стран. В 1987 г. в Кумыкском музыкально-драматическом театре режиссером И. Казиевым была поставлена пьеса югославского автора И. Буковчана «Пока не пропоет

петух», в Лакском театре – пьеса грузинского драматурга А. Чхеидзе «Чинарский манифест», в Театре кукол – сказка Г.-Х. Андерсена «Соловей». Ставились пьесы и местных драматургов.

Несмотря на тяжелейшее финансовое положение, в котором театры оказались в 90-х гг., они сохранили не только свои коллективы, но и зрителей. Как заметное событие в культурной жизни было воспринято завершение строительства самого большого в республике двухзального здания (на 800 и 400 мест) Русского театра, начатого после землетрясения 1970 г. Театр строился с помощью других республик и областей. Его проект был подготовлен грузинскими архитекторами, люстры для театра были выполнены кубачинкой М. Магомедовой, жившей и работавшей в Тбилиси. Мрамор на облицовку театра поступал из России, Грузии, Украины и Узбекистана. Открытие театра состоялось в торжественной обстановке, многие строители, участвовавшие в его сооружении, в том числе из других регионов страны, были награждены почетными грамотами Президиума Верховного Совета ДАССР, отдельным из них были присвоены звания заслуженного строителя Дагестана⁵³⁹. В 7 театрах республики трудились 412 творческих работников. В 1998 г. был открыт и еще один театр – оперы и балета, который стал осуществлять оперные постановки силами дагестанских певцов и актеров.

В 1990 г. театры республики обслужили рекордное число зрителей – около 500 тыс. человек. В последующие годы из-за нестабильной политической обстановки, ночных взрывов, финансовых трудностей посещаемость театров резко упала. В 1996 г. театры потеряли около 100 тыс. зрителей, что сильно ухудшило и без того их трудное финансовое положение⁵⁴⁰.

Народное творчество. В культуре и искусстве, достигших немалых профессиональных высот, оказались живучими и традиционные народные истоки, чему в значительной мере способствовали широко отмечаемые в районах народные праздники: весны, цветов, урожая, первой борозды, день садовода, день рыбака, виноградарей и др. Общереспубликанский характер приобрел ежегодно отмечаемый в Кочубее – центре отгонного животноводства – праздник чабана.

Ни один такой праздник не обходился без песен, зажигательной лезгинки и других танцев, выступлений канатоходцев, спортивных состязаний, которыми традиционно сопровождалась народные гуляния. В то же время сами народные праздники не оставались в первозданном виде, они наполнялись новым содержанием, новыми элементами, на их основе возникали новые обряды.

Популярным у жителей Ахты был «Яран Сувар» – праздник весны и «Цукер сувар» – праздник цветов. Последний отмечался в теплое время года, когда появлялись первые цветы. Молодежь встречала праздник в живописном урочище недалеко от Ахтов, куда она собиралась еще накануне вечером. А ранним утром жителей села о празднике оповещали зурначи и барабанщики. Все собравшиеся устремлялись в урочище, где перед ними в сопровождении джигитов на белом коне появлялась хозяйка праздника – королева цветов. Увитая венком из альпийских ромашек, она совершала круг почета и

пышными букетами одаривала гостей – знатных доярок, садоводов, животноводов.

Затем начинались концерт, игры, веселья. Самодеятельные артисты, ашуги выступали с новыми песнями и танцами, подготовленными специально к этому дню. До позднего вечера продолжались народные представления, выступления канатоходцев и силачей, состязания по национальным видам спорта⁵⁴¹.

Во многих районах проводился праздник первой борозды. В марте 1982 г. такой праздник был проведен в колхозе им. Коминтерна с. Леваши. Празднику предшествовал митинг, на котором были подведены итоги года. Затем впрягали коней, украшенных разноцветными лентами, в плуг и ехали в поле. После проведения первой борозды тут же на поле начинались спортивные соревнования, конные скачки, выступления художественной самодеятельности.

По инициативе известного композитора М. Кажлаева, поддержанной местными органами власти, в Табасаранском районе, в крепости «Семь братьев и одна сестра», было решено провести фольклорный фестиваль. Идея понравилась, и каждый аул старался подготовить к фестивалю свою самодеятельность, в программе которой была представлена самобытная культура народа.

Первый фестиваль был проведен в середине июля 1981 г., и собрал он огромное множество зрителей, приехавших не только из данного, но и других районов и городов республики. На временной сцене, сооруженной на горе рядом с крепостью, словно ожила сама легенда, давшая название крепости. Прибывших на праздник верхом на конях в национальной одежде гостей встречали семь братьев и их сестра. На праздничном концерте выступали школьники, юноши и девушки, ветераны войны и труда, белобородые старики. Все участники концерта были одеты в старинную национальную одежду и представили фольклорные произведения, которые бытовали в народе.

Фольклорный фестиваль стал проводиться через каждые два года. Расширилась география его участников, разнообразнее стал репертуар. В нем стали принимать участие коллективы художественной самодеятельности из других районов, а также гости из Баку и Москвы.

Фольклорные фестивали, смотры художественной самодеятельности проводились и в республиканском масштабе. С ноября 1981 г. по апрель 1982 г. были проведены кустовые смотры патриотической песни. Проводились смотры коллективов художественной самодеятельности республики. В период таких смотров создавались новые коллективы. В 1982 г. в республике действовало 5195 кружков художественной самодеятельности, охватывающих примерно 600 тыс. участников⁵⁴².

Массовый характер художественной самодеятельности обеспечивался постоянным вниманием партийных, советских, комсомольских организаций к развитию народного творчества, созданию для этого необходимых материальных условий. Кроме того, культурные и духовные запросы населения республики удовлетворялись целой системой очагов культуры, распространен-

ностью и доступностью через массовые библиотеки, а также возможностью приобретения выпускаемых большими тиражами произведений дагестанской, русской и зарубежной художественной и учебной литературы, периодических изданий и др. На начало 1981 г. в Дагестане функционировали 1194 клубных учреждения, 1031 библиотека, 10 музеев, 1145 киноустановок. Издавалась 61 газета, в том числе 6 республиканских, 19 журналов и других периодических изданий⁵⁴³. С начала 1980 г. стал выходить журнал для детей дошкольного и школьного возраста «Соколенок»⁵⁴⁴. Кроме театров работали государственная филармония, Ансамбль песни и танца Дагестана, заслуженный ансамбль танца «Лезгинка», широко известный как в Союзе, так и зарубежом⁵⁴⁵.

Наиболее яркие и самобытные коллективы художественной самодеятельности стали получать возможность выступать на международных фестивалях народного творчества, проводимых за рубежом, куда такие выезды раньше были ограничены. С разнообразной программой выступил фольклорный ансамбль из Дагестана в составе 39 человек из Цунгинского, Акушинского, Дахадаевского, Ахтынского районов, г. Дербента и республиканского культпросветучилища на Международном фестивале фольклора в Гане и Франции (1985 г.). В Гане в фестивале участвовали фольклорные ансамбли из 11 и во Франции – из 13 стран мира.

Выступления дагестанцев вызвали живой интерес к жизни республики, народному творчеству горного края. Президент французского фестиваля Жан Рош при его закрытии отметил: «Самый дружелюбный и организованный коллектив на фестивале, я считаю, – ансамбль Советского Дагестана. В отличие от других он показывает на сцене истинный и самобытный фольклор и высокую хореографическую культуру»⁵⁴⁶.

На XIII Международном Карфагенском фестивале народного искусства в Тунисе выступил Государственный заслуженный ансамбль танца Дагестана «Лезгинка». Ансамбль дал концерты и в других городах Туниса и везде встречал восторженный прием. На фестивале ансамбль получил два самых почетных приза – за лучшую женскую танцевальную группу и за лучшую мужскую танцевальную группу.

После Туниса «Лезгинка» дала еще 20 концертов в Ливии. Концерты и здесь прошли с огромным успехом⁵⁴⁷.

В большой семье советских народов в условиях единства экономической и политической жизни происходило сближение национальных культур, их взаимообогащение. В то же время «остаточный» принцип, превалировавший при решении вопросов культурного строительства, оказывал негативное влияние на эти процессы как в республиках и регионах, так и целом по стране. Следствием такой политики стали слабая материальная база культпросветучреждений, финансовая необеспеченность, низкая заработная плата работников культуры, недостаток внимания со стороны советских органов.

Культурно-просветительные учреждения не везде были центрами культурно-массовой работы на селе, уровень многих проводимых ими мероприятий и их посещаемость оставались низкими, медленно внедрялись новые

формы клубной и библиотечной работы. Слабая материальная база учреждений культуры, отсутствие во многих населенных пунктах типовых клубных помещений, неприглядный внешний вид большинства существующих клубов и библиотек, нехватка квалифицированных кадров-энтузиастов своего дела были теми факторами, которые тормозили их работу, ограничивали сферу влияния и воздействия искусства на массы.

Несмотря на обострившиеся финансовые проблемы, в конце 90-х гг. стали проводиться массовые зрелищные мероприятия: республиканские и зональные фестивали, конкурсы, выставки, концерты с участием коллективов художественной самодеятельности районов. В целях поддержки молодых дарований проводились республиканские и зональные конкурсы – фестивали: конкурс им. Г. Гасанова, концерт-презентация стипендиатов России и Дагестана «Юные дарования», «Перепелочка».

Значительным событием в культурной жизни стал проведенный в Дагестане в 2000 г. IV межрегиональный фестиваль мастеров искусств «Мир Кавказу» с участием профессиональных творческих коллективов из 11 регионов Северного Кавказа⁵⁴⁸.

В условиях развития рыночных отношений эти трудности в работе учреждений культуры усилились. Резкое сокращение финансирования культуры болезненно отразилось на положении клубных учреждений и привело к уменьшению их численности. С 1985 г. по 2000 г. их число сократилось с 1193 до 1043, или на 150 единиц⁵⁴⁹. Из сферы культуры по сокращению или вынужденно только в 1993 г. ушли около 350 работников. Число массовых мероприятий в сельских учреждениях клубного типа, находящихся в ведении Министерства культуры Дагестана, снизилось с 1985 г. по 1989 г. почти в 2 раза, а количество их посетителей уменьшилось еще более – с 15622 тыс. до 8890 человек.

В постперестроечное время стала сокращаться созданная за многие годы обширная сеть массовых библиотек. Если до 90-х гг. библиотечная сеть и расширялась (с 999 в 1985 г. до 1085 в 1990 г.), то после этого она поредела. В 2000 г. осталась 1031 библиотека. Еще более резко снизилось поступление книг в библиотечную сеть. Если в 1993 г. библиотеки получили свыше 113 тыс. экземпляров книг, то в 1996 г. эти поступления сократились почти вдвое. В 1996 г. книжный фонд библиотек Дагестана составлял 8526 тыс. экземпляров, или на 674 тыс. экземпляров меньше, чем в 1985 г.

Фактически новая литература поступала в библиотеки очень ограниченно, что отбивало у читателей желание обращаться к ним. Это незамедлительно отразилось на их численности. В 1996 г. массовые библиотеки имели 793 тыс. читателей, или более чем на 90 тыс. читателей меньше, чем в 1985 г.⁵⁵⁰

В этих непростых условиях продолжалось строительство начатого еще в 70-е гг. по проекту архитектора Ахмедова нового современного здания республиканской Пушкинской библиотеки на 1 млн. томов книг. Интересна и поучительна судьба этой библиотеки, отразившей исторические перемены, происходившие в Дагестане в XX в. Первая в Дагестанской области публичная библиотека с бесплатной читальней при ней была открыта в г. Порт-

Петровске 9 мая 1900 г. по частной инициативе. Петровское городское управление на ее содержание отпускало 400 руб. и 100 руб. на выпуск книг и журналов⁵⁵¹.

В годы советской власти финансирование и обеспечение библиотеки литературой было переведено на государственный уровень, в 30-е гг. в центре столицы республики было построено специальное двухэтажное здание, к 70-м гг. не вмещавшее с каждым годом увеличивавшийся книжный фонд и растущий поток читателей и посетителей, в связи с чем пришлось начать строительство нового здания.

Однако из-за финансового кризиса строительство нового здания библиотеки пришлось законсервировать, и лишь в 1995 г. руководство республики изыскало возможности для продолжения его строительства. В 1997 г. строительные работы на этом объекте были завершены, после чего началось техническое оснащение и комплектование книжного фонда библиотеки, которая с начала XXI в. стала работать на полную мощность.

Республиканская библиотека стала крупным очагом культуры, известным не только в Дагестане, но и за его пределами. Библиотеку посещают многочисленные читатели (в 2001 г. – 22270 читателей), в ней проводятся научные конференции, отмечаются юбилеи выдающихся деятелей Дагестана, библиотекой издаются библиографические указатели, календари знаменательных дат, организуются выставки духовных и культурных ценностей⁵⁵².

Важным и все расширяющимся каналом пропаганды, информирования широких масс населения, оказания на него огромного влияния являлись печать, радио и телевидение, находившиеся всецело в руках государства.

В 1981 г. в республике выходило 58 газет, издавались журналы «Советский Дагестан» на русском, «Женщина Дагестана» и альманах «Дружба» на аварском, даргинском, лакском и лезгинских языках и др.⁵⁵³ В начале 1985 г. альманах «Дружба» был преобразован в литературно-художественный и общественно-политический журнал на тех же пяти языках периодичностью 6 номеров в год. Количество журналов и других изданий такого рода увеличилось с 18 в 1980 г. до 20 в 1985 г., а количество газет – до 63⁵⁵⁴.

Одним из наиболее популярных средств массовой информации в республике становилось телерадиовещание, доходившее почти до каждой семьи. Общий объем телерадиовещаний Дагестана к началу 80-х гг. составлял более 124 час. в сутки. Радиовещание велось на 9, а затем и на 11 языках. Свыше 1 млн. 380 тыс. человек смотрели и слушали Махачкалу. С завершением строительства в январе 1984 г. мощной радиотелевизионной станции на горе Зуберха телевидением были охвачены многие горные районы⁵⁵⁵.

Большое внимание в программах республиканских теле- и радиовещаний занимали достижения трудящихся в различных отраслях народного хозяйства, во всех сферах культурной жизни. Интерес телезрителей вызывали информационная программа «Дагестан», встречи, проводимые на телестудии со знатными людьми, деятелями науки и культуры, а также программы, специально подготовленные соседними республиками, краями и областями Се-

верного Кавказа и других регионов для передачи дагестанским телевидением.

Радикальные реформы 90-х гг. внесли существенные изменения в положение и роль средств массовой информации. Начало этим изменениям положили принятые в 1991 г. законы «О печати и других средствах массовой информации» и «О средствах массовой информации». В Дагестане, как и в стране, начался процесс децентрализации и демонаполизации средств массовой информации. Новые законы провозгласили гласность, свободу слова, независимость СМИ, однако реализация этих принципов натолкнулась на большие трудности.

Тем не менее реформы, коснувшиеся средств массовой информации (СМИ), позволили создать новую структуру периодических изданий. На 1 января 2001 г. в Дагестане было зарегистрировано более 200 печатных и электронных средств массовой информации. На 14 языках издавалось 147 газет и журналов. Кроме того, выходили 34 районных и 12 городских, 14 ведомственных и частных изданий⁵⁵⁶, что было новым явлением в общественно-политической жизни.

Несмотря на рост периодических изданий, их тиражи значительно сократились. Если в 1990 г. общий годовой тираж газет составил 97 млн. экземпляров, то в 2001 г. он уменьшился до 9,3 млн. экземпляров⁵⁵⁷.

В лице государства дагестанская журналистика сохранила гарантированного заказчика. Более 70 газет издавались с государственным участием. Сюда относились 14 республиканских газет на 12 языках и журнал «Женщина Дагестана» на 7 языках, а также зональная газета «Степные вести», издаваемая для работников отгонного животноводства. Разовый тираж республиканских изданий составлял 81, 5 тыс. экземпляров.

Финансовая поддержка государством оказывалась газете «Молодежь Дагестана», журналам Союза писателей Дагестана «Соколенок» (для детей) на 7 языках и «Литературный Дагестан» на 5 языках, общественно-политическому журналу «Наш Дагестан». С государственным участием издавался и журнал «Народы Дагестана»⁵⁵⁸.

В этом потоке периодических изданий заметное место заняли религиозные газеты. В 90-е гг. издавались газеты «Исламские новости», «Зов ислама», «Путь ислама», «Мудрость», «Прозрение», «Знамя ислама», «Борец за веру», «Ислам», «Ассалам», «Шариат», «Свет ислама», «Халиф» и журнал «Мусульманская цивилизация». После долгих лет запрета религиозных изданий мусульманские организации получили возможность для широкой религиозной пропаганды среди населения⁵⁵⁹.

В 90-е гг. появились и новые журналы: «Лезгистан», «Новости Дагестана», «Народы Дагестана», «Возрождение», «Тарих», «Имамат» (на аварском языке) и др. Однако, несмотря на увеличение количества издаваемых журналов, их общий тираж с 1992 г. по 2002 г. сократился в 45 раз (с 1667 тыс. в 1992 г. до 37 тыс. в 2002 г.)⁵⁶⁰.

По своей доступности и влиянию на население первое место среди СМИ занимало, в том числе и в Дагестане, телевидение. Согласно опросу

60% времени, затрачиваемого на получение информации, дагестанцы отдавали просмотру ТВ, а остальное на прослушивание радио и чтение периодики. Особенно доступным телевидение было для сельских жителей, которые часто не имели возможности для приобретения газет и журналов. Однако 11 горных районов все еще оставались вне охвата их телевидением. В республике были зарегистрированы 26 телепрограмм. Наиболее крупные из них «Дагестан» – вещающая на всю республику, «Прометей» – транслировавшаяся на Кизлярскую зону и «Самур» – на Южный Дагестан.

Изменения затронули и радиовещание. Здесь появились радиoproграммы «Европа-Плюс», «Караван», «Волна», «Серебряный дождь», «Прибой» и др. Они больше становились чисто музыкально-рекламными программами. При этом в республике, особенно горной части, быстро сокращалось количество радиоточек. Все активнее в информационную сеть включалась Интернет-пресса⁵⁶¹.

Привычным явлением как городской, так и сельской жизни было кино. С каждым годом увеличивалось количество киноустановок и кинотеатров республики. Если в 1981 г. было 1218 киноустановок, то в 1982 г. их стало 1600. Ими ежегодно обслуживалось 23 млн. зрителей, в том числе свыше 10 млн. сельских жителей. Со второй половины 80-х гг. продолжался рост киноустановок и зрительских мест в кинотеатрах и клубах. В 1989 г. в республике была 1301 киноустановка на 214, 9 тыс. зрительских мест⁵⁶². Однако, как и в других регионах страны, в Дагестане происходило ощутимое сокращение кинопосещений. Это объяснялось в целом кризисным положением страны, а также неудовлетворительным состоянием многих кинотеатров, развитием телевидения, появлением голубых экранов почти в каждой квартире и доме, распространением видеотехники, сокращением производства современных художественных фильмов, заполнением киноэкрана западными киноблестями, чуждыми российскому зрителю.

Религиозные конфессии. Социально-экономические реформы, активные проводившиеся со второй половины 80-х гг., привели к резкому ухудшению материального положения общества. В поисках выхода из трудностей люди обратились к религии. Несмотря на многолетнюю последовательную атеистическую пропаганду и преследования за религиозные убеждения, оставалось немало верующих, исповедующих в Дагестане в основном три наиболее крупных религиозных учения: мусульманское, христианское и иудейское. Каждая из этих религий имела ограниченное число соответствующих культовых учреждений и помещений.

В г. Махачкале располагалось Духовное управление мусульман Северного Кавказа, распространявшее свое влияние на верующих мусульман автономий Северного Кавказа. В Дагестане функционировало 27 мусульманских мечетей – в городах Махачкале, Дербенте, Буйнакске, Хасавюрте и районах Акушинском, Ботлихском, Буйнакском, Гергебильском, Гумбетовском, Дахадаевском, Левашинском, Ленинском, Сергокалинском, Советском, Унцукальском, Хасавюртовском, Цумадинском.

Помимо мусульманских мечетей действовали православные церкви в Махачкале, Хасавюрте, Дербенте, Кизляре и в с. Крайновка, синагоги в Дербенте, Махачкале и Буйнакске. В Махачкале было зарегистрировано общество свангельских христиан-баптистов. Существовали еще общество сторонников Совета церквей евангельских христиан-баптистов и группа адвентистов 7 дня.

Наиболее распространенной оставалась мусульманская религия. В обычные дни посещаемость мечетей составляла 850 верующих мусульман. Но эти данные не определяли еще полностью численность верующих, поскольку многочисленные обращения в советские органы об открытии мечетей не удовлетворялись, и многие верующие вынуждены были исполнять молитвенные обряды у себя дома. Почти все умершие хоронились с соблюдением религиозных обрядов, требующих обременительных расходов. Более половины молодоженов регистрировали браки не только в советских органах, но и у духовенства⁵⁶³.

Несмотря на многочисленные постановления официальных органов, направленные на подрыв религиозного влияния, количество зарегистрированных объединений не сокращалось, а оставалось стабильным, что в значительной мере достигалось запретительными мерами и антирелигиозной пропагандой. Вместе с тем число исполняющих религиозные обряды, особенно среди молодежи, увеличивалось. Не уменьшалась посещаемость мечетей, церквей, синагог. Несмотря на жесткую регламентацию всей деятельности религиозных организаций, они занимали определенное место в общественной жизни республики, оставаясь до перестройки как бы в тени.

Новые веяния, демократизация общественной жизни, осуществляемая согласно горбачевской сентенции «Разрешено все, что не запрещено законом», открыли шлюзы для активизации деятельности в Дагестане религиозных конфессий. Многие, в том числе отдельные представители дагестанской интеллигенции, надеялись, что религиозные организации будут способствовать духовно-нравственному воспитанию населения, установлению межнационального и межконфессионального мира.

За каких-то шесть лет, с 1985 г. и по 1 января 2001 г., количество мусульманских мечетей увеличилось с 27 до 1585, а численность их служителей составила 2400 человек. В одной только Махачкале мечетей стало больше, чем во всей республике. Здесь функционировали 37 мечетей.

Верующие мусульмане получили возможность совершать хадж в Саудовскую Аравию к исламским святыням. В 2000 г. 5, 5 тыс. человек совершили хадж, а в последующие годы численность совершающих хадж возросла в 2 и более раза.

Наибольшее число совершающих хадж из мусульманских регионов России приходилось на Дагестан. В 1991 г. хадж совершили 1200 дагестанских мусульман, в 1998 г. их численность возросла до 13268 человек.

В Дагестане возникли многочисленные исламские организации и объединения. Кроме Духовного управления мусульман были созданы Дагестанское отделение общероссийского мусульманского движения «Нур», Даге-

станское отделение общероссийского общественно-политического движения «Союз мусульман России», исламская партия Дагестана, отделение Всемирного исламского конгресса. Издавались религиозные газеты «Ассалам», «Нур-ул Ислам», «Исламский вестник» и др.

ДУМД и другие религиозные объединения старались приобщить все более широкий круг молодежи к исламу, открывали с этой целью учебные заведения. На начало 2001 г. в республике функционировали 16 исламских вузов, 33 филиала вузов, 136 медресе, 203 начальные примечетские школы.

Однако не все исламские организации Дагестана старались использовать свой авторитет и влияние для укрепления единства дагестанских народов, развития их связей и сотрудничества с русским и другими народами России. Не было единства в этих и других вопросах и внутри самой исламской конфессии, чем пользовались различные политические силы, в том числе и те, которые, не считаясь с важнейшими интересами своих народов, выступали за суверенитет Дагестана и создание исламской республики. Одним из таких идеологов был уроженец Дагестана М. Тагаев, ставший активным сподвижником З. Яндарбиева и Ш. Басаева. Он претендовал на роль исламского идеолога и написал книгу «Газават, или как стать бессмертным», в которой требовал ни много ни мало создания «собственного государства – Исламской Республики Дагестан в составе Кавказской конфедерации»⁵⁶⁴, которая, конечно, тоже должна была стать исламской, а Дагестан – ее пешкой в этой грязной игре.

Но дагестанцы не уполномочивали ни его, ни подобных ему выступать с такими заявлениями и тем более принимать за них решения. Когда они попытались силой оружия навязать Дагестану свои идеи о создании исламской республики и организовали вторжение сюда из Чечни хорошо вооруженных бандформирований, то дагестанские народы дали им решительный отпор.

На возросшую активность сепаратистских тенденций среди части мусульман Северного Кавказа не могли не повлиять те процессы, которые происходили в исламском мире. Это коснулось прежде всего демографии ислама, ставшего одной из ведущих конфессий мира. В 1980 г. число мусульман во всем мире равнялось 780 млн., а на начало 2004 г. оно превысило 1,3 млрд., что составляет приблизительно 22% от 6,1 млрд. населения планеты. Такой рост озадачивал одних, вызывал восхищение у других, привлекал все новых сторонников.

Количественный рост населения, исповедующего ислам или считающего себя мусульманином, наблюдался и в России. Правда, точного учета мусульман в России не было, да и само понятие «мусульманин» толковалось здесь по-разному⁵⁶⁵. Не стоит удивляться и тому, что данные о численности мусульман назывались разные: от 3 – 15 млн. до 20 млн. Последнюю цифру в 20 млн. мусульман назвал также Президент России. В.В. Путин в своем выступлении на заседании организации «Исламская конференция» в Куала-Лумпуре и в других своих выступлениях. Хотя разночтения по этому вопросу сохраняются и поныне, но они колеблются в пределах этих данных, что сви-

детельствует о растущем удельном весе мусульман в составе населения России и повышении их роли в общественной жизни страны⁵⁶⁶.

Особенно быстро численность мусульманского анклава растет в политически нестабильном Северном Кавказе. За последние два десятилетия количество мусульман в северо-кавказских республиках возросло почти вдвое и составляет свыше 70% населения, в то время как доля славянского населения сократилась с 29,3% в 1980 г. до 19% в 2000 г.⁵⁶⁷

Нельзя рассматривать увеличение численности мусульман само по себе как угрозу межнациональной стабильности в регионе, однако оно способно накладывать свой отпечаток на межнациональные отношения, усиление межэтнической напряженности.

Зарубежные мусульманские организации и центры стараются обратить создавшуюся ситуацию в свою пользу. В Дагестане были отмечены многочисленные случаи приезда представителей различных международных фондов из арабских стран и Турции, которые свою поездку объясняли благотворительными целями, желанием оказать помощь в подготовке специалистов, в обучении детей. Но часто таких миссионеров можно было видеть в составе боевиков, воюющих против России. Они финансировали подготовку боевиков, создавали для этой цели специальные центры, снабжали их оружием. Принимая такую помощь, мусульманские организации и их члены переступали российские законы и совершали уголовно наказуемые преступления. Однако понимание этого мусульманскими общинами происходило не сразу.

Помимо мусульманских религиозных организаций в Дагестане функционировали и организации других конфессий. На территории республики находилось 10 приходов Русской православной церкви, а также 23 церкви (адвентистов седьмого дня, евангельских христиан-баптистов, свидетелей Иеговы, христиан веры евангельской – пятидесятников, евангельских христиан, старообрядцев). Кроме них имелись Армянское религиозное культурное общество и Римско-католический приход. Общее число служителей христианских культовых учреждений составило 106 человек.

В Дагестане действовали 4 иудейские синагоги с 10 служителями⁵⁶⁸. Немногочисленность еврейских религиозных организаций объяснялась отъездом многих из них в Израиль и в другие страны. Если евреев (в их число включены евреи, таты и горские евреи) по переписи 1989 г. насчитывалось около 26 тыс. человек⁵⁶⁹, то на рубеже XX—XXI вв. их численность сократилась до 18,5 тыс. человек.

В перестроечное и постперестроечное время появились и получили широкое распространение национальные движения, стремившиеся втянуть в эти движения верующих мусульман. В этой ситуации от Духовного управления мусульман Дагестана и Северного Кавказа отпочковалось Духовное управление Дагестана, в руководстве которого оказались представители мусульманского духовенства аварцев, вслед за ним было создано Духовное управление мусульман, в руководстве которого были представлены духовные деятели кумыкских мусульман. Все это происходило на фоне роста религиозного влияния всех конфессий, которые долгие годы были под запретом, но,

как известно, запретный плод бывает слаще. Все кинулись в этот бурно разлившийся по всей стране религиозный поток, боясь, как бы не опоздать. Бывшие убежденные атеисты, ученые, политики и другой просвещенный люд вдруг как будто прозрел и стал убежденно доказывать высокие нравственные идеалы, которые несет с собой религия. Они как будто напрочь забыли историю и ту роль, которую играла в ней всякая религия, старавшаяся освятить частную собственность и право сильных мира сего господствовать над народом.

История повторилась, но она повторилась как бы по спирали. В общественных процессах все активнее участвовали православная церковь, мусульманское духовенство и иудейские раввины, старавшиеся привлечь население не только к духовным, но и мирским делам. Их влияние на население старались использовать политические деятели, что особенно проявлялось в период выборных кампаний.

¹ Алкадари Г. Асари Дагестан. Махачкала. 1929. С. 16.

² Добаев И.П. Северный Кавказ и российский ислам: изучения // Наука о Кавказе: проблемы и перспективы. Мат. I съезда ученых-кавказоведов. 27-28 августа 1999 г. Ростов-на-Дону. Изд. Академии госслужбы. 2000. С. 67-68.

³ Резван Е. Коран. СП (6). 2001. С. 605.

⁴ Куманев В.А. Революция и просвещение масс. М.: Наука, 1973. С. 54.

⁵ Каймаразов Г.Ш. Школьное образование в Дагестане. Махачкала: Дагучпедгиз, 1968. С. 11.

⁶ Крачковский И.Ю. Арабская рукопись воспоминаний о Шамиле // Избранные сочинения. Т. У1. М. 1960. С. 560.

⁷ Джандарова А.-К. Духовная культура лакцев во второй половине XIX – начале XX в. Автореферат дис. на соискание ученой степени к.и.н. Махачкала, 2006. С. 18-20.

⁸ Обзор Дагестанской области за 1913 г. Темир-Хан-Шура, 1915. С. 59.

⁹ Там же. С. 60-61.

¹⁰ Обзор Дагестанской области за 1889 г. Темир-Хан-Шура, 1900. С. 7.

¹¹ Каймаразов Г.Ш. Очерки истории культуры народов Дагестана. С. 139.

¹² Дагестанская правда. 2001. 19 января.

¹³ Козубский Е.И. Дагестанский сборник. Вып. 1. Темир-Хан-Шура, 1902. С. 189.

¹⁴ Каймаразов Г.Ш. Школьное образование в Дагестане. Махачкала, 1968. С. 41.

¹⁵ Омаров А.И. Политика России на Северо-Восточном Кавказе в XIX – начале XXв. Махачкала. 2004. С. 322; Кавказ. 1905. 23 апреля.

¹⁶ Обзор Дагестанской области за 1913 год. Темир-Хан-Шура, 1915. С. 60-61

¹⁷ Каймаразов Г.Ш. Указ. соч. С. 52-53.

¹⁸ Каймаразов Г.Ш. Очерки истории культуры народов Дагестана. М.: Наука, 1971.-С. 138.

¹⁹ Кемнинский Э.В. Развитие системы начального образования в Ставропольской губернии и Терской области в конце XIX – начале XXв. // Северный Кавказ: Геополитика, история, культура. Мат. Всероссийской науч. конф.: 11-14 сент. 2001.

²⁰ Дарчиева С.В. Государственная дума и кавказское наместничество в 1906-1914 гг. // Вестник Владикавказского научного центра. № 1 (6 Т.) 2006. С. 6.

²¹ Абдуллаев М.А. Ибрагим-Бек Гайдаров. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1999. С. 196.

²² Каймаразов Г.Ш. Очерки истории народов Дагестана. С. 138-140.

²³ Джанфарова А.-К. Указ. соч. С. 22; Зульпукаров Э.М. Указ. соч. С. 210.

²⁴ Свистунова А.И. Прогрессивная деятельность русской интеллигенции в Дагестане (вторая половина XIX – начало XX в.). Махачкала, 1973. С. 80-83.

²⁵ Зульпукарова Э.М.-Г. Формирование и деятельность дагестанской интеллигенции. Конец XIX – середина XX в. Махачкала: «Юпитер», 2003. С. 172-173; 175 – 176; Борцы за власть Советов в Дагестане. Махачкала, 1987. С. 63.

- ²⁶ Зулпукарова Э.М.-Г. Указ. соч. С. 180-186.
- ²⁷ Рамаханов А.Х. Указ. соч. С. 200-201, 203; Борцы за власть Советов в Дагестане. С. 63, 78.
- ²⁸ Дагестанская правда. 2006. 19 августа.
- ²⁹ Гамзатов Г.Г. Формирование многонациональной литературной системы в дореволюционном Дагестане. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1978. С. 115, 126.
- ³⁰ Исаев А.А. Магомедмирза Мавраев – первопечатник и просветитель Дагестана. Махачкала, 2003. С. 18, 14.
- ³¹ Там же. С. 15.
- ³² Гамзатов Г.Г. Указ. соч. С. 127, 129.
- ³³ Абдуллаев М.А. Мыслители Дагестана XIX–нач. XX в. Махачкала, 1963.- С. 3.
- ³⁴ Гамзатов Г.Г. Указ. соч. С. 157.
- ³⁵ Юсуфов Р.Ф. Дагестан и русская литература конца XVIII – первой половины XIX в. М.: Наука. 1964.-С. 265.
- ³⁶ Заря Дагестана № 14. 1912.-31 мая.
- ³⁷ Акбиев С.-М. Верность дружбе. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1989. С. 7-9.
- ³⁸ Гамзатов Г.Г. Художественное наследие и современность. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1982. С. 53.
- ³⁹ Акбиев С.-М. Указ. соч. С. 68, 70, 73, 75.
- ⁴⁰ Каймаразов Г.Ш. Указ. соч. С. 143-145.
- ⁴¹ Меджидов Ю.В., Абдуллаев М.А. Али Каяев. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1993. С. 86-87.
- ⁴² Свистунова А.И. Прогрессивная деятельность русской интеллигенции в Дагестане: вторая половина XIX – начало XX в. Махачкала, 1973. С. 43-44.
- ⁴³ Гамзатов Г.Г. Литература народов дооктябрьского периода. Типология и своеобразие художественного опыта. М., Наука. 1982. С. 220.
- ⁴⁴ Там же. С. 222-223.
- ⁴⁵ Там же. С. 251, 254.
- ⁴⁶ Доного Х.-М. Генерал Максуд Алиханов-Аварский: Сборник исторических материалов. Махачкала. 2002. С. 25, 7-8, 9-10, 22, 40, 42; Иванов Р.Н. Генерал Максуд Алиханов: Триумф и трагедия. Махачкала. Изд. Дом «Эпоха». С. 704-707.
- ⁴⁷ Зулпукарова Э.М.-Г. Указ. соч. С. 260-262.
- ⁴⁸ Там же. С. 265.
- ⁴⁹ Очерки истории советского искусства Дагестана. 1917-1941. М.:Наука. 1987. С. 31-32.
- ⁵⁰ Там же. С. 52.
- ⁵¹ Акбиев С.-М. Указ. соч. С. 112-113.
- ⁵² Там же. С. 53.
- ⁵³ Бугаев М.Д. Большевистская печать Дагестана. Махачкала.: Дагкнигоиздат, 1988. С. 91.
- ⁵⁴ Зулпукарова Э.М.-Г. Указ. соч. С. 274.
- ⁵⁵ Каймаразов Г.Ш. Очерки истории культуры. С. 148.

- ⁵⁶ Зулпукарова Э.М.-Г. Указ. соч. С. 286-287.
- ⁵⁷ Бугаев М.Д. Указ. соч. С. 26.
- ⁵⁸ Там же. С. 28.
- ⁵⁹ Ахмедов Д.-Р. Первая ласточка дагестанской прессы // Дагестанская правда. 2006. 27 февраля.
- ⁶⁰ Каймаразов Г.Ш. Указ. соч. С. 149.
- ⁶¹ Бугаев М.Д. Указ. соч. С. 29; На службе просвещения. Кумыкская национальная печать / Сост. Алиев К. М. Махачкала, 2007. С. 27.
- ⁶² Печать Дагестана. Справочник Сост. Алиханова А. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1983. С. 98.
- ⁶³ Ахмедов Дж. Н. Периодическая печать Дагестана (1900-1940 г.) Махачкала, 1965; Меджидов Ю.В., Абдуллаев М.А. Али Каяев. Махачкала, 1993; Наврузов А.Р. Газета «Джаридат Дагестан» – историко-культурный памятник (1913-1918). Автореферат дис. на соискание уч. степени к. и. н. Махачкала, 2000.
- ⁶⁴ Бугаев М.Д. Указ. соч. С. 30, 256.
- ⁶⁵ Печать Дагестана. С. 99.
- ⁶⁶ Бугаев М.Д. Указ. соч. С. 124.
- ⁶⁷ Коркмасов А. «Стамбульские новости»: образ истины и свободы // «Елдаш». Газета в газете. 2007. 1 января; Раджабова П.Д. «Стамбульские новости» Джелал Эд-Дина Коркмасова // Вестник Дагестанского научного центра РАН. 2007. № 11 С. 80-81.
- ⁶⁸ Печать Дагестана. С. 101.
- ⁶⁹ Бугаев М.Д. Указ. соч. С. 141.
- ⁷⁰ Ленин В.И. ПСС Т. 35. С. 289.
- ⁷¹ Там же. С. 377.
- ⁷² История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 3. Кн. 2. М.: Политиздат, 1968. С. 410.
- ⁷³ Ленин В.И. ПСС. Т. 35. С. 289.
- ⁷⁴ Декреты Советской власти. Т.1. 25 октября 1917 г. 16 марта 1918. М., 1957. С. 114.
- ⁷⁵ История КПСС. Т. 3. Кн. 2.С. 413.
- ⁷⁶ Магидов Х.Г. Очерки краткой истории развития образования в Дагестане. Махачкала: Изд. «Юпитер», 1988. С. 87.
- ⁷⁷ Салахбекова З.А. Власть и мусульманское духовенство Дагестана: история взаимоотношений (1920-1940 гг.). Автореферат дис. на соискание уч. степени к. и. н. Махачкала, 2003. С. 15.
- ⁷⁸ Каймаразов Г.Ш. Очерки истории культуры народов Дагестана. С. 165-166.
- ⁷⁹ Революционные комитеты Дагестана и их деятельность по упрочению советской власти и организации социалистического строительства (март 1920 г.– декабрь 1921 г.) Сб. док. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1960. С. 18.
- ⁸⁰ История КПСС. Т. 3. Кн. 2. С. 413.
- ⁸¹ Ревкомы Дагестана. С. 19.
- ⁸² Революционные комитеты Дагестана.С. 52-53.

- ⁸³ Эфендиев А.-К. И. Формирование советской интеллигенции в Дагестане (1920-1940 гг.) Махачкала, 1960. С. 29.
- ⁸⁴ Ревкомы Дагестана. Док. № 216. С. 309-311.
- ⁸⁵ Там же. С. 312.
- ⁸⁶ История КПСС Т. 3. Кн. 2. С. 414.
- ⁸⁷ Дагестанский ревком. С. 329-330.
- ⁸⁸ Там же. С. 330.
- ⁸⁹ Там же. С. 331-335.
- ⁹⁰ Алиев А.И. Исторический опыт строительства социализма в Дагестане. Махачкала. 1969. С. 152.
- ⁹¹ Османов А.И. Осуществление новой экономической политики в Дагестане. 1921-1925. М.: Наука, 1978. С. 191.
- ⁹² «Просвещение национальностей». 1931. № 1. С. 55. •
- ⁹³ Красный Дагестан. 1923. 5 октября.
- ⁹⁴ Каймаразов Г.Ш. Указ. соч. С. 172.
- ⁹⁵ Исмаилов А.Р. Дагестан – страна сплошной грамотности. Махачкала, 1968. С. 7.
- ⁹⁶ Каймаразов Г.Ш. Указ. соч. С. 172-173.
- ⁹⁷ ЦГА РД. Ф 37. Оп. 19. Д. 113. Л. 105.
- ⁹⁸ ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 6. Д. 112. Л. 47.
- ⁹⁹ Каймаразов Г.Ш. Культурное строительство в Дагестане (1920-1940). Махачкала, 1960. С. 27.
- ¹⁰⁰ Омаров С.М. Первые годы строительства советской школы в Дагестане. Махачкала, 1968. С. 21.
- ¹⁰¹ Тахо-Годи А. В борьбе за советскую школу в Дагестане // Просвещение национальностей. 1931. № 1. С. 59.
- ¹⁰² Каймаразов Г.Ш. Указ. соч. С. 177.
- ¹⁰³ Там же. С. 177-178;
- ¹⁰⁴ Тахо-Годи А. В борьбе за советскую школу в Дагестане // Просвещение национальностей. 1931. № 1. С. 56.
- ¹⁰⁵ ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 8. Д. 37. Лл. 32-33.
- ¹⁰⁶ Очерки истории КПСС. М.: Политиздат. 1966. С. 241, 250.
- ¹⁰⁷ Цит. по: Османов А.И. Осуществление новой экономической политики в Дагестане. 1921-1925 гг. М.: Наука, 1978. С. 175.
- ¹⁰⁸ Абдулатипов А.-К. Ю., Абусуфьян Акаев // Наследие, возвращенное народу. Материалы о жизни и творчестве репрессированных поэтов и писателей Дагестана. Махачкала, 1990. С. 104.
- ¹⁰⁹ ЦГА РД. Ф. 7. Оп. 1. Д. 835. Л. 489.
- ¹¹⁰ Там же. Д. 837. Л. 249.
- ¹¹¹ Там же. Оп. 20. Д. 129. Л. 1.
- ¹¹² Карпов В. Генералиссимус. В 2 кн. Кн. 1. М.: Вече, 2002. С. 84.
- ¹¹³ КПСС в резолюциях... Т. 4. С. 46.

- ¹¹⁴ Цит. по: Гаджиев А.-Г. Великий русский язык – средство межнационального общения и приобщения народов Дагестана к достижениям научно-технической революции. Махачкала, 1981. С. 50.
- ¹¹⁵ Цит. по: Мачидов Ш.Г. Осуществление ленинской национально-языковой политики на Северном Кавказе. Махачкала, 1979. С. 24.
- ¹¹⁶ Магидов Ш.Г. Указ. соч. С. 25-28.
- ¹¹⁷ «Елдаш». Газета в газете. 2006. 7 апреля.
- ¹¹⁸ Магидов Ш.Г. Указ. соч. С. 28.
- ¹¹⁹ Там же. С. 36-37.
- ¹²⁰ Каймаразов Г.Ш. Указ. соч. С. 190-191.
- ¹²¹ Статистико-экономический справочник по ДАССР Ростов-на-Дону, 1932. С. 240, 228, 231.
- ¹²² Каймаразов Г.Ш. Указ. соч. С. 196-197.
- ¹²³ Статистико-экономический справочник по Дагестану. С. 240, 228, 231.
- ¹²⁴ Цит. по: Магидов Х.Г. Указ. соч. С. 95, 98.
- ¹²⁵ Османов А.И. Комсомол Дагестана в годы коллективизации. Махачкала, 1968. С. 30-31.
- ¹²⁶ Магидов Х.Г. Указ. соч. С. 96.
- ¹²⁷ Красный Дагестан. 1930. 1 января.
- ¹²⁸ Красный Дагестан. 1931. 21 октября.
- ¹²⁹ «Революция и горец». 1932. № 10-12. С. 183.
- ¹³⁰ ЦГА РД. Ф. 37-р. Оп. 21. Д. 181. Л. 11.
- ¹³¹ История Дагестана. Т. 2. Махачкала, 2005. С. 201-202.
- ¹³² Магидов Х.Г. Указ. соч. С. 99.
- ¹³³ Читательская конференция в Паланге. Выступление К.Н.Нурпенсова – чл.-корр. АН Казахской ССР // Вопросы истории. 1990. № 2. С. 155-156.
- ¹³⁴ Дагестанская правда. 1937. 16 ноября.
- ¹³⁵ Там же. 1937. 16 ноября.
- ¹³⁶ Гаджиев А.-Г. Указ. соч. С. 133.
- ¹³⁷ Известия ЦК КПСС. 1989. № 3 (290). С. 178-179.
- ¹³⁸ Гаджиев А.-Г. Указ. соч. С.
- ¹³⁹ Дагестанская правда. 1940. 6 января.
- ¹⁴⁰ Каймаразов Г.Ш. Указ. соч. С. 239.
- ¹⁴¹ Погорельский П.В. Население Дагестана // Сельское хозяйство Дагестана. М.-л. Изд. СССР. 1964. С. 32.
- ¹⁴² Магидов Г.Х. Указ. соч. С. 101.
- ¹⁴³ Каймаразов Г.Ш. Очерки истории культуры народов Дагестана. С. 209-210, 224.
- ¹⁴⁴ Абилов А.А. Очерки советской культуры народов Дагестана. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1959. С. 90, 94-95.
- ¹⁴⁵ Эфендиев А.-К. И. Указ. соч. С. 85.
- ¹⁴⁶ Горький М. Собрание сочинений. В 16 т. Т.15. М.: Изд. «Правда», 1979. С. 159.

- ¹⁴⁷ История дагестанской советской литературы. В 2 т. Т.1. Махачкала, 1967. С. 28.
- ¹⁴⁸ В боях за власть Советов. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1957. С. 100.
- ¹⁴⁹ Борцы за власть Советов в Дагестане. С. 55-56.
- ¹⁵⁰ История дагестанской советской литературы. Т.1. С. 39.
- ¹⁵¹ Там же. С. 39, 41.
- ¹⁵² Юсуфов М. Г. Табасаранская национальная литература. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1994. С. 115.
- ¹⁵³ Каймаразов Г.Ш. Указ. соч. С. 250, 252.
- ¹⁵⁴ Абилов А.А. Очерки советской культуры народов Дагестана. Махачкала. Дагкнигоиздат. 1959. С. 52.
- ¹⁵⁵ Каймаразов Г.Ш. Указ. соч. С.
- ¹⁵⁶ Кассиев Э.Ю. Дагестанская литература на пути к социалистическому реализму. Махачкала, 1982. С. 17.
- ¹⁵⁷ Каймаразов Г.Ш. Указ. соч. С. 252.
- ¹⁵⁸ Дагестанская правда. 1932. 22 октября.
- ¹⁵⁹ Дагестанская правда. 1933. 5 декабря; 1934. 11, 14 июня.
- ¹⁶⁰ Очерки дагестанской советской литературы. Махачкала, 1957. С. 76.
- ¹⁶¹ Дагестанская правда. 1934. 20 января.
- ¹⁶² Культурное строительство в Дагестанской АССР. 1918-1941 гг. Т. 1. Сб. док. Махачкала. 1980. С. 462-463.
- ¹⁶³ Абилов А.А. Указ. соч. С. 118.
- ¹⁶⁴ Культурное строительство в Дагестанской АССР. С. 466-467.
- ¹⁶⁵ Абилов А.А. Указ. соч. С. 120-121, 128.
- ¹⁶⁶ Каймаразов Г.Ш. Указ. соч. С. 256-257.
- ¹⁶⁷ Абилов А.А. Указ. соч. С. 121.
- ¹⁶⁸ Там же. С. 122.
- ¹⁶⁹ Дагестанская правда. 2007. 28 февраля.
- ¹⁷⁰ Наука и высшая школа в Дагестане. Док. и мат. Т.1. Махачкала, 2003. С. 32-34, 39-39.
- ¹⁷¹ Красный Дагестан. 1929. № 217.
- ¹⁷² Наука и высшая школа в Дагестане. С. 58.
- ¹⁷³ Там же. С. 52-53.
- ¹⁷⁴ Там же. С. 60-61.
- ¹⁷⁵ Османов А.И. Центр исторической науки Дагестана // Флагман исторической науки Дагестана. Махачкала, 1998. С.3.
- ¹⁷⁶ Наука и высшая школа в Дагестане. С. 69.
- ¹⁷⁷ Там же. С. 67-69.
- ¹⁷⁸ Эфендиев А-К.И. Указ. соч. С. 60.
- ¹⁷⁹ Там же. С. 45-46, 42-43.
- ¹⁸⁰ Каймаразов Г.Ш. Указ. соч. С. 243.
- ¹⁸¹ Наука и высшая школа в Дагестане. С. 53, 55-56, 71-73.
- ¹⁸² Там же. С. 102-103.
- ¹⁸³ Там же. С. 105.

- ¹⁸⁴ Каймаразов Г.Ш. Указ. соч. С. 246.
- ¹⁸⁵ Наука и высшая школа в Дагестане. С. 77.
- ¹⁸⁶ Культурное строительство в Дагестанской АССР. С. 429-432.
- ¹⁸⁷ Каймаразов Г.Ш. Указ. соч. С. 248.
- ¹⁸⁸ Османов А.И. Указ. соч. С. 10-11.
- ¹⁸⁹ Аджимурадов З., Исмаилов Ш. История науки. Махачкала, 2003. С. 217.
- ¹⁹⁰ Революционные комитеты Дагестана (март 1920–декабрь 1921 г.) С. 319-320.
- ¹⁹¹ Там же. С. 320-321.
- ¹⁹² Очерки истории советского искусства народов Дагестана. 1917-1941 гг. С. 71.
- ¹⁹³ Ревкомы Дагестана. С. 299.
- ¹⁹⁴ Там же. С. 299.
- ¹⁹⁵ Абилов А.А. Указ. соч. С. 126.
- ¹⁹⁶ «Елдаш». Газета в газете. 2007. 16 марта. С. 14.
- ¹⁹⁷ Абилов А.А. Указ. соч. С. 126.
- ¹⁹⁸ Султанова Г. Многонациональный театр Дагестана. Очерки истории. Ч.1. Махачкала. Дагкнигоиздат. 1993. С. 19-21.
- ¹⁹⁹ Культурное строительство в ДАССР. С. 97-98.
- ²⁰⁰ Там же. С. 28-29.
- ²⁰¹ Очерки истории советского искусства Дагестана. С. 132-133.
- ²⁰² Султанова Г. Указ. соч. С. 48.
- ²⁰³ Очерки истории советского искусства Дагестана. С. 136, 139, 140.
- ²⁰⁴ Там же. С. 143; Султанова Г. Указ. соч. С. 67.
- ²⁰⁵ Очерки истории советского искусства Дагестана. С. 186.
- ²⁰⁶ Там же. С. 188, 193.
- ²⁰⁷ Каймаразов Г.Ш. Указ. соч. С. 259-260.
- ²⁰⁸ Очерки истории советского искусства Дагестана. С. 193.
- ²⁰⁹ Султанова Г. Указ. соч. С. 113-114.
- ²¹⁰ Очерки истории советского искусства Дагестана. С. 245, 247.
- ²¹¹ Дагестанская правда. 1940. 22 июня.
- ²¹² Дагестанская правда. 1937. 18 октября.
- ²¹³ Очерки истории советского искусства Дагестана. С. 252.
- ²¹⁴ Султанова Г. Указ. соч. С. 132.
- ²¹⁵ Очерки истории советского искусства Дагестана. С. 253.
- ²¹⁶ Султанова Г. Указ. соч. С. 134, 138-139.
- ²¹⁷ Очерки истории советского искусства Дагестана. С. 255-256.
- ²¹⁸ Культурное строительство в ДАССР. С. 293.
- ²¹⁹ Каймаразов Г.Ш. Указ. соч. С. 260-261.
- ²²⁰ Очерки истории советского искусства Дагестана. С. 94-96.
- ²²¹ Там же. С. 95, 101.
- ²²² Каймаразов Г.Ш. Указ. соч. С. 261-262.
- ²²³ Очерки истории советского искусства Дагестана. С. 96-98.
- ²²⁴ Там же. С. 148-152; Абдуллатипов А-К. Темирболат Бейболатов. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1995. С. 7, 30, 35.

- ²²⁵ Шабасва Алла. Деятели музыкальной культуры Дагестана. Махачкала, 2006. С. 11.
- ²²⁶ Там же. С. 200-201, 205.
- ²²⁷ Умаханова А.М. Хореографическое искусство кумыков. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1991. С. 76.
- ²²⁸ Каймаразов Г.Ш. Указ. соч. С. 262.
- ²²⁹ Абилов А.А. Указ. соч. С. 130-131.
- ²³⁰ Каймаразов Г.Ш. Указ. соч. С. 262.
- ²³¹ Очерки истории советского искусства народов Дагестана. С. 258-259.
- ²³² Очерки истории искусств народов Дагестана. С. 259-260.
- ²³³ Очерки истории советского искусства народов Дагестана. С. 261.
- ²³⁴ Там же. С. 102-103.
- ²³⁵ Там же. С. 104-105.
- ²³⁶ Акиев С.-М. Братья Мусаясул. Махачкала, 1995. С. 16, 18-19, 26.
- ²³⁷ Очерки истории советского искусства народов Дагестана. С. 106, 158; Культурное строительство в Дагестанской АССР. 1918-1941 г.
- ²³⁸ Очерки истории советского искусства народов Дагестана. С. 160-161, 163.
- ²³⁹ Там же. С. 166-167, 164-165.
- ²⁴⁰ Культурное строительство в ДАССР. С. 582.
- ²⁴¹ Очерки истории советского искусства народов Дагестана. С. 212.
- ²⁴² Там же. С. 214; Каймаразов Г.Ш. Указ. соч. С. 264.
- ²⁴³ Культурное строительство в Дагестанской АССР. 1918-1941 гг. Т.1. Сб. док. Махачкала, 1980. С. 500.
- ²⁴⁴ Очерки истории советского искусства народов Дагестана. С. 213.
- ²⁴⁵ Культурное строительство в Дагестанской АССР 1918-1941 гг. Т. 1. Сб. док. Махачкала, 1980. С. 583.
- ²⁴⁶ Очерки истории советского искусства народов Дагестана. С. 272.
- ²⁴⁷ Культурное строительство в ДАССР. С. 584.
- ²⁴⁸ Там же. С. 63.
- ²⁴⁹ Там же. С. 295-296.
- ²⁵⁰ Очерки истории советского искусства народов Дагестана.... С. 112-114.
- ²⁵¹ Там же. С. 284-285.
- ²⁵² Там же. С. 291-292.
- ²⁵³ Дагестанская правда. 1939-28 марта.
- ²⁵⁴ Гамидов М. Без бумаги и расстояния. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1977. С. 16.
- ²⁵⁵ Там же. С. 23, 25, 40-42.
- ²⁵⁶ Печать Дагестана. Справочник.... С. 103, 104, 108, 109, 117.
- ²⁵⁷ Каймаразов Г.Ш. Указ. соч. С. 267.
- ²⁵⁸ Ахмедов Джонрид, Камалов Али. Столетие дагестанской прессы (история возникновения, становления и развития журналистики Страны гор). Махачкала. 2006. С. 140, 130, 132, 135.
- ²⁵⁹ Цит.по: Ахмедов Дж., Камалов А. Указ. соч. С. 126.

- ²⁶⁰ Ахмедов Дж., Камалов А. Указ. соч. С. 142-144; Культурное строительство в Дагестанской АССР. С. 507.
- ²⁶¹ Роль и значение печати в Дагестане. (Доклад т. Коркмасова на 1-й Вседагестанской конференции работников печати и рабселькоров). Махачкала. 1925. С. 17.
- ²⁶² Там же. С. 24.
- ²⁶³ Там же. С. 25.
- ²⁶⁴ Каймаразов Г.Ш. Указ. соч. С. 275-276.
- ²⁶⁵ КПСС в резолюциях... Т. 2. С. 252.
- ²⁶⁶ Каймаразов Г.Ш. Указ. соч. С. 277.
- ²⁶⁷ Дагестан за 50 лет. Стат. сб. Махачкала.: Статистика, 1967. С. 100-102.
- ²⁶⁸ Каймаразов Г.Ш. Указ. соч. С. 283.
- ²⁶⁹ Рукописный фонд Института ИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 854. Л. 1, 2, 4 (перевод с кумыкского – А. О.).
- ²⁷⁰ История дагестанской советской литературы. С. 135-136.
- ²⁷¹ Цит. по: Абилов А. Указ. соч. С. 165.
- ²⁷² Там же. С. 162-163.
- ²⁷³ История дагестанской советской литературы. С. 136; Абилов А. Указ. соч. С. 165.
- ²⁷⁴ Абилов А. Указ. соч. С. 163-164.
- ²⁷⁵ История дагестанской советской литературы. С. 136.
- ²⁷⁶ Дагестанская правда. 1983.-3 сентября.
- ²⁷⁷ История дагестанской советской литературы. С. 138.
- ²⁷⁸ Каймаразов Г. Немеркнувший подвиг народа. Махачкала: «Юпитер», 2000. С. 130, 133.
- ²⁷⁹ Абилов А. Указ. соч. С. 180.
- ²⁸⁰ Каймаразов Г.Ш. Указ. соч. С. 132.
- ²⁸¹ Культурное строительство в Дагестанской АССР. 1941-1977 гг. Сб. док. Дагкнигоиздат. 1988. С. 19.
- ²⁸² Там же. С.24.
- ²⁸³ Абилов А. Указ. соч. С. 188-189, 191.
- ²⁸⁴ Там же. С. 183-184, 189.
- ²⁸⁵ Там же. С. 183-184, 189.
- ²⁸⁶ Культурное строительство в Дагестанской АССР. С. 33-36.
- ²⁸⁷ Абилов А. Указ. соч. С. 187.
- ²⁸⁸ Культурное строительство в Дагестанской АССР. С. 23.
- ²⁸⁹ Там же. С. 19.
- ²⁹⁰ Каймаразов Г.Ш. Указ. соч. С. 326.
- ²⁹¹ Абилов А. Указ. соч. С. 160.
- ²⁹² Каймаразов Г.Ш. Указ. соч. С. 327.
- ²⁹³ Каймаразов Г.Ш. Указ. соч. С. 300; Абилов А. Указ. соч. С. 159-160.
- ²⁹⁴ Каймаразов Г.Ш. Указ. соч. С. 250.
- ²⁹⁵ Наука и высшая школа в Дагестане. С. 352.

- ²⁹⁶ Османов А.И. Центр исторической науки Дагестана. Флагман исторической науки Дагестана. Махачкала, 1999. С.11.
- ²⁹⁷ Абилов А. Указ. соч. С. 160-161.
- ²⁹⁸ Алиев Азиз Магомедкеримович: годы работы в Дагестане (1942-1948). Офиц. док., доклады, речи. Махачкала, 1997. С.11.
- ²⁹⁹ Там же. С. 166; Культурное строительство в ДАССР. С. 22.
- ³⁰⁰ Абилов А. Указ. соч. С. 166.
- ³⁰¹ Каймаразов Г.Ш. Указ. соч. С. 319, 321.
- ³⁰² Искусство Дагестана в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Очерки истории. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1984. С. 30.
- ³⁰³ Культурное строительство в ДАССР. С. 20.
- ³⁰⁴ Абилов А. Указ. соч. С. 167.
- ³⁰⁵ Султанова Г. Указ. соч. С. 148.
- ³⁰⁶ Абилов А. Указ. соч. С. 167; Каймаразов Г.Ш. Указ. соч. С. 320.
- ³⁰⁷ Искусство Дагестана в годы ВОВ. С. 41-44.
- ³⁰⁸ Абилов А. Указ. соч. С. 169.
- ³⁰⁹ Там же. С. 169-170.
- ³¹⁰ Дагестан за 50 лет. Стат. сб. С. 101.
- ³¹¹ Искусство Дагестана в годы Великой Отечественной войны. С. 47.
- ³¹² Там же. С. 48.
- ³¹³ Каймаразов Г.Ш. Указ. соч. С. 322.
- ³¹⁴ Искусство Дагестана в годы ВОВ. С. 51-52.
- ³¹⁵ Каймаразов Г.Ш. Указ. соч. С. 323.
- ³¹⁶ Искусство Дагестана в годы ВОВ... С. 84.
- ³¹⁷ Каймаразов Г.Ш. Указ. соч. С. 323; Искусство Дагестана в годы ВОВ. С. 89.
- ³¹⁸ Магомедов А.Дж. Художественные промыслы Дагестана в XX веке. Махачкала, 2003. С. 79-80.
- ³¹⁹ Искусство Дагестана в годы ВОВ. С. 101.
- ³²⁰ Магомедов А.Дж. Указ. соч. С. 83.
- ³²¹ Искусство Дагестана в годы ВОВ... С. 102-104, 112.
- ³²² Там же. С. 110-111.
- ³²³ Ахмедов Дж., Камалов А. Указ. соч. 183, 199, 211-212, 216, 236, 239; Каймаразов Г.Ш. Указ. соч. С. 334.
- ³²⁴ Ахмедов Дж., Камалов А. Указ. соч. С. 147-148.
- ³²⁵ Там же. С. 150.
- ³²⁶ Там же. С. 152.
- ³²⁷ Гамидов М. Без бумаги и расстояний. Махачкала, 1977. С. 43, 45.
- ³²⁸ Там же. С. 49.
- ³²⁹ Каймаразов Г.Ш. Указ. соч. С. 335-336.
- ³³⁰ История Коммунистической партии Советского Союза. М.: Политиздат, 1970. С. 546.
- ³³¹ Каймаразов Г.Ш. Указ. соч. С. 337-338.

- ³³² Народное хозяйство Дагестанской АССР к 50-летию образования СССР. Юбил. стат. сб. Махачкала, 1972. С. 202, 204.
- ³³³ Каймаразов Г.Ш. Указ. соч. С. 339.
- ³³⁴ Там же. С. 340.
- ³³⁵ История Дагестана. Т. 2. С. 348; Народное хозяйство ДАССР к 50-летию образования СССР. С. 204.
- ³³⁶ Каймаразов Г.Ш. Указ. соч. С. 340-341.
- ³³⁷ Гаджиев А.Г. Великий русский язык – средство межнационального общения и приобщения народов Дагестана к достижениям научно-технической революции. Махачкала.
- ³³⁸ Дагестанская правда. 1958. – 4 декабря.
- ³³⁹ Там же. 8 декабря.
- ³⁴⁰ Гаджиев А.Г. Указ. соч. С. 254.
- ³⁴¹ Каймаразов Г.Ш. Указ. соч. С. 350.
- ³⁴² Там же. С. 341, 343.
- ³⁴³ История Дагестана. Т. 2. С. 349.
- ³⁴⁴ Магидов Х.Г. Очерки краткой истории развития образования в Дагестане. С. 113.
- ³⁴⁵ Культурное строительство в ДАССР. С. 53-54.
- ³⁴⁶ Там же. С. 61-62; Народное хозяйство СССР. 1922-1982. Юбил. стат. ежегодник. М., 1982. С. 14.
- ³⁴⁷ Даниялов Г.Д. Развитие экономики и культуры Дагестана (1945-1965 гг.) М: Наука, 1966. С. 268.
- ³⁴⁸ Там же. С. 269.
- ³⁴⁹ Там же. С. 270.
- ³⁵⁰ Магидов Х.Г. Указ. соч. С. 114.
- ³⁵¹ Абилов А.А. Дагестанский университет. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1973. С. 36, 46, 64-66.
- ³⁵² Абилов А.А. Очерки советской культуры народов Дагестана. С. 208.
- ³⁵³ Советский Дагестан за 40 лет... С. 131; Культурное строительство в ДАССР. С. 50.
- ³⁵⁴ Каймаразов Г.Ш. Указ. соч. С. 361; Народное хозяйство ДАССР к 50-летию образования СССР. С. 209.
- ³⁵⁵ Каймаразов Г.Ш. Указ. соч. С. 364.
- ³⁵⁶ Культурное строительство в ДАССР. С. 101-102; Дагестанская правда. 1947. – 16 мая.
- ³⁵⁷ Дагестанский научный центр Российской академии наук. 60 лет. Махачкала: Изд. ДНЦ РАН, 2005. С. 11.
- ³⁵⁸ Культурное строительство в ДАССР... С. 97-101.
- ³⁵⁹ Там же. С. 94.
- ³⁶⁰ Каймаразов Г.Ш. Указ. соч. С. 369; Труды первой научной сессии Дагестанской базы Академии наук СССР. 8-11 октября 1947г. Махачкала, 1948. С. 10.
- ³⁶¹ Культурное строительство в Дагестанской АССР. С. 104-106.

- ³⁶² ДНЦ РАН. 60 лет. С. 4.
- ³⁶³ Там же. С. 106-108.
- ³⁶⁴ Каймаразов Г.Ш. Указ. соч. С. 372-374.
- ³⁶⁵ Хашаев О.Х. Наука и культура Дагестана за 40 лет. // Ученые записки ИИЯЛ Даг. филиала АН СССР. Т. 8. 1960. С. 239.
- ³⁶⁶ Камиллов И.К. Институт физики им. Х.И. Амирханова // Дагестанский научный центр РАН. 60 лет. С. 63.
- ³⁶⁷ Черкашин В.И. Институт геологии // ДНЦ РАН. 60 лет.
- ³⁶⁸ Каймаразов Г.Ш. Указ. соч. С. 376.
- ³⁶⁹ Османов А.И. Институт истории, археологии и этнографии // ДНЦ РАН. 60 лет. С. 231-232.
- ³⁷⁰ Каймаразов Г.Ш. Указ. соч. С. 377.
- ³⁷¹ Культурное строительство в ДАССР. С. 112-113.
- ³⁷² Каймаразов Г.Ш. Указ. соч. С. 378.
- ³⁷³ Культурное строительство в ДАССР. С. 118.
- ³⁷⁴ Каймаразов Г.Ш. Указ. соч. С. 378.
- ³⁷⁵ Хашаев Х.О. Указ. соч. С. 249.
- ³⁷⁶ Каймаразов Г.Ш. Указ. соч. С. 380.
- ³⁷⁷ Абилов А.А. Дагестанский государственный университет. С. 87.
- ³⁷⁸ Каймаразов Г.Ш. Указ. соч. С. 378-379.
- ³⁷⁹ Абилов А.А. Очерки советской культуры народов Дагестана. С. 220-222.
- ³⁸⁰ Там же. С. 224.
- ³⁸¹ История дагестанской советской литературы. Т. 2. С. 186.
- ³⁸² История дагестанской советской литературы. С. 194; Каймаразов Г.Ш. Указ. соч. С. 383-384.
- ³⁸³ История дагестанской советской литературы. С. 210-213.
- ³⁸⁴ Каймаразов Г.Ш. Указ. соч. С. 384-385.
- ³⁸⁵ Эльдарова Р. Литература и жизнь народа // Литература и жизнь Дагестана. Сб. статей. Махачкала, 1958. С. 59.
- ³⁸⁶ Каймаразов Г.Ш. Указ. соч. С. 387.
- ³⁸⁷ Там же. С. 388.
- ³⁸⁸ Султанов К. Нужна ли писателям самоуспокоенность? // Литература и жизнь Дагестана. Махачкала, 1958. С. 53.
- ³⁸⁹ Каймаразов Г.Ш. Указ. соч. С. 389.
- ³⁹⁰ Там же. С. 390-391.
- ³⁹¹ Мирзабеков М.Я. Культура дагестанского села. XX век: история, проблемы. Махачкала, 1998. С. 230.
- ³⁹² Культурное строительство в ДАССР. С. 180-181.
- ³⁹³ Там же. С. 185-186.
- ³⁹⁴ Дагестанская правда. 1959. 14 июня.
- ³⁹⁵ Культурное строительство в ДАССР. С. 182-183, 189.
- ³⁹⁶ Там же. С. 195, 191.
- ³⁹⁷ Там же. С. 192-197.
- ³⁹⁸ Там же. С. 200-201.

- ³⁹⁹ Комсомолец Дагестана. 1968. 26 марта.
- ⁴⁰⁰ Культурное строительство в ДАССР. С. 216-218.
- ⁴⁰¹ Там же. С. 219-220.
- ⁴⁰² Там же. С. 199.
- ⁴⁰³ Из справки замминистра культуры ДАССР Г.А. Палчаева о работе театров республики за 1961-1970 гг. Не ранее 1 января 1971 г. // Культурное строительство в ДАССР. С. 223-227.
- ⁴⁰⁴ Культурное строительство в ДАССР. С. 227.
- ⁴⁰⁵ Подсчитано по: Народное хозяйство ДАССР к 50-летию образования СССР. С. 217.
- ⁴⁰⁶ Абилов А.А. В семье братских народов. Махачкала. 19 ноября.
- ⁴⁰⁷ Дагестанская правда. 1975. -19 ноября.
- ⁴⁰⁸ Каймаразов Г.Ш. Указ. соч. С. 441.
- ⁴⁰⁹ Шабаева А. Указ. соч. С. 60, 29.
- ⁴¹⁰ Культурное строительство в ДАССР. С. 214-215, 227-229.
- ⁴¹¹ Даниялов Г.Д. Указ. соч. С. 326.
- ⁴¹² Там же. С. 322.
- ⁴¹³ Каймаразов Г.Ш. Указ. соч. С. 442.
- ⁴¹⁴ Там же. С. 444-445.
- ⁴¹⁵ Культурное строительство в Дагестанской АССР. С. 328.
- ⁴¹⁶ Там же. С. 296.
- ⁴¹⁷ Там же. С. 268, 272.
- ⁴¹⁸ Хавчаев С., Погорельская Л. Махачкала: «Юпитер». С. 6.
- ⁴¹⁹ Культурное строительство в ДАССР. С. 293-294.
- ⁴²⁰ Даниялов Г.Д. Указ. соч. С. 310.
- ⁴²¹ Народное хозяйство Дагестанской АССР в одиннадцатой пятилетке. Статист. сб. Махачкала, 1987. С. 219.
- ⁴²² Даниялов Г.Д. Указ. соч. С. 310.
- ⁴²³ Народное хозяйство ДАССР в 11-й пятилетке. С. 218.
- ⁴²⁴ Даниялов Г.Д. Указ. соч. С. 311-312, 314.
- ⁴²⁵ Народное хозяйство ДАССР в 11-й пятилетке... С. 204-205.
- ⁴²⁶ Народное хозяйство за 60 лет. Юбил. стат. сб. Махачкала, 1981. С. 182-183.
- ⁴²⁷ Магидов Х.Г. Очерки краткой истории развития образования в Дагестане... С. 118.
- ⁴²⁸ Магидов Х.Г. Указ. соч. С. 120-121.
- ⁴²⁹ Там же. С. 123.
- ⁴³⁰ Там же. С. 124.
- ⁴³¹ Там же. С. 126, 128, 137.
- ⁴³² Там же. С. 137.
- ⁴³³ ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 173. Д. 67. Л. 16; Дагестанская правда. 1983. 2 октября.
- ⁴³⁴ Дагестанская правда. 1982. -15 августа.

- ⁴³⁵ ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 173. Д. 67. Л. 34; Народное хозяйство ДАССР в 11-й пятилетке. С. 204.
- ⁴³⁶ ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 173. Д. 67. Л. 107-109.
- ⁴³⁷ Там же. 139. Дагестанская правда. 1983. 2 октября.
- ⁴³⁸ Дагестанская правда. 1986. -11 января.
- ⁴³⁹ Там же. 1984. 15 апреля, 27 мая.
- ⁴⁴⁰ Магидов Х.Г. Указ. соч. С. 253-254.
- ⁴⁴¹ Народное хозяйство ДАССР в 11-й пятилетке. С. 204-205, 214.
- ⁴⁴² ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 186. Д. 72. Л. 1-2.
- ⁴⁴³ Подсчитано по: Народное хозяйство ДАССР в 11-й пятилетке. С. 179.
- ⁴⁴⁴ Магидов Г.Х. Указ. соч. С. 253-254.
- ⁴⁴⁵ Там же. С. 255-257.
- ⁴⁴⁶ Уровень образования занятого населения (итоги Всесоюзной переписи населения 1989 года // Махачкала, 1991. С. 2.
- ⁴⁴⁷ Магидов Г.Х. Указ. соч. С. 260.
- ⁴⁴⁸ Там же. С. 262.
- ⁴⁴⁹ Дагестан-2000. Махачкала. Госкомитет РД по статистике. 2000. С. 276-277.
- ⁴⁵⁰ Там же. С. 220, 225.
- ⁴⁵¹ Дагестанская правда. 1982. 14 апреля.
- ⁴⁵² Там же. 1984. 1 января.
- ⁴⁵³ История Дагестана. Т. 2. С. 573.
- ⁴⁵⁴ ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 180. Д. 2. Л. 35.
- ⁴⁵⁵ Рук. фонд ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 7. Д. 1473. Л. 6-9.
- ⁴⁵⁶ Османов А.И. Институт истории, археологии и этнографии. Дагестанский научный центр Российской академии наук 60 лет. Махачкала, 2005. С. 243.
- ⁴⁵⁷ ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1769. Д. 123. Л. 1-3; Дагестанская правда. 1981. -2 мая.
- ⁴⁵⁸ Гамзатов Г.Г. Наука на службе народу // Советский Дагестан. 1982. № 6. С. 39.
- ⁴⁵⁹ Дагестанская правда. 1983. 1 ноября.
- ⁴⁶⁰ ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 180-Д. 126. Л. 22-24.
- ⁴⁶¹ Дагестанская правда. 1984. 15 марта.
- ⁴⁶² Там же. 1983. 15 ноября.
- ⁴⁶³ Народное хозяйство ДАССР в 11-й пятилетке. С. 213-214, 168; Дагестанская правда. 1983. 15 ноября.
- ⁴⁶⁴ Абилов А. ДГУ полвека // Советский Дагестан. 1981. № 5. С.6.
- ⁴⁶⁵ Дагестан-2000. Махачкала, 2000. С. 225.
- ⁴⁶⁶ Камиллов И.К. Российская академия наук и наука Дагестана. Махачкала, 2001. С. 17.
- ⁴⁶⁷ Камиллов И.К. Указ. соч. С. 88, 89, 92, 90, 95.
- ⁴⁶⁸ Там же. С. 124, 128, 132, 133.
- ⁴⁶⁹ Там же. С. 107, 108, 113-115.
- ⁴⁷⁰ Там же. С. 134.

- ⁴⁷¹ Там же. С. 137.
- ⁴⁷² Там же. С. 138, 139.
- ⁴⁷³ Там же. С. 152-153.
- ⁴⁷⁴ Там же. С. 151.
- ⁴⁷⁵ Османов А.И. Указ. соч. С. 246-247.
- ⁴⁷⁶ Там же. С. 248-250.
- ⁴⁷⁷ Там же. С. 236-242.
- ⁴⁷⁸ Камиллов И.К. Дагестанский научный центр Российской академии наук... ИЯЛИ им. Гамзата Цадасы. С. 270, 275.
- ⁴⁷⁹ Там же. С. 277-279.
- ⁴⁸⁰ Там же. С. 280-283.
- ⁴⁸¹ Там же. С. 284-285.
- ⁴⁸² Там же. С. 293, 296.
- ⁴⁸³ Там же. С. 311-312, 317-319.
- ⁴⁸⁴ Там же. С. 325-326.
- ⁴⁸⁵ История Дагестана. Т. 2. С. 644.
- ⁴⁸⁶ Дагестан-2000. Махачкала, 2000. С. 278-279.
- ⁴⁸⁷ Там же. С. 278; Социальное положение и уровень жизни населения Дагестана. Статист. сб. за 2001. Махачкала, 2002. С. 273.
- ⁴⁸⁸ Гамзатов Г.Г. Дагестан: духовное и художественное наследие. Махачкала, 2002. С. 461.
- ⁴⁸⁹ От съезда к съезду. 1980-1985 гг. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1985. С. 3.
- ⁴⁹⁰ От съезда к съезду... С. 16-18.
- ⁴⁹¹ Советский Дагестан. 1981. № 2. С. 62-64.
- ⁴⁹² Гамзатов Р.Г. Понять и воспеть величие лег. Махачкала, 1985. С.6.
- ⁴⁹³ ЦГА РД. Ф. 1252-р. Оп. 13. Д. 229. Л. 67; Д. 226. Л. 101.
- ⁴⁹⁴ Дагестанская правда. 1981. 9 января.
- ⁴⁹⁵ Вагидов А. Поиск продолжается. Махачкала: Дагкнигоиздат, 2000. С. 60.
- ⁴⁹⁶ От съезда к съезду. С. 34-35.
- ⁴⁹⁷ Там же. С. 55
- ⁴⁹⁸ Там же. С. 50.
- ⁴⁹⁹ Гамзатов Р. Указ. соч. С. 5, 7.
- ⁵⁰⁰ Дагестанская правда. 1982. 4 июня.
- ⁵⁰¹ Вагидов А. Указ. соч. С. 72.
- ⁵⁰² Там же. С. 111.
- ⁵⁰³ Там же. С. 72, 90.
- ⁵⁰⁴ Там же. С. 154-168.
- ⁵⁰⁵ Казиев И. Ротозей. Махачкала, 1991.
- ⁵⁰⁶ Вагидов А. Указ. соч. С. 180, 188.
- ⁵⁰⁷ Там же. С. 203, 206.
- ⁵⁰⁸ Соловьев А.П. Рождение государства. Исторический роман. Махачкала, 1992.
- ⁵⁰⁹ Вагидов А. Указ. соч. С. 291.
- ⁵¹⁰ Драматургия Дагестана. Пьесы. В двух частях. Махачкала, 1993-1994.
- ⁵¹¹ Вагидов А. Указ. соч. С. 297, 301, 303, 306.

- ⁵¹² Алиева Ф. Дело всей жизни // Грани таланта. Махачкала, 1984. С. 94.
- ⁵¹³ Вагидов А. Указ. соч. С. 394.
- ⁵¹⁴ Дагестанская правда. 1981. 7 мая; 1984. 3 апреля.
- ⁵¹⁵ РГБК «Дагестан». 2003. 8 июня.
- ⁵¹⁶ Цит. по: Алиева Ф. Первый народный писатель Дагестана. // Ахмедхан Абу-Бакар. Собрание сочинений. Т.1. Махачкала, 1997. С.8.
- ⁵¹⁷ Джачасв А.М. Избранные произведения. В 2 т. Махачкала, 1994.
- ⁵¹⁸ Гамидов М.Х. Осенние туманы. Переводы. Махачкала, 1997.
- ⁵¹⁹ Вагидов А. Указ. соч. С. 371-372.
- ⁵²⁰ Там же. С. 145.
- ⁵²¹ Бадрутдин. Благая весть. Книга стихов. (Перевод с кумыкского). Ярославль, 1991.
- ⁵²² Вагидов А. Указ. соч. С. 129.
- ⁵²³ Там же. С. 352.
- ⁵²⁴ Дагестанская правда. 1981. 9 января.
- ⁵²⁵ Там же. 1982. 9 декабря.
- ⁵²⁶ Османов А.И., Искендеров Г.А. Дагестанское село: экономика, культура, социальная инфраструктура (70-80-е годы XX века). Махачкала. 1997. С. 247.
- ⁵²⁷ Дагестанская правда. 1982. 4 июня.
- ⁵²⁸ Там же. 1984. 29 июня.
- ⁵²⁹ Там же. 1985. 16 мая.
- ⁵³⁰ Гамзатов Р. Слово о поэте. Махачкала, 1979. С. 3.
- ⁵³¹ Там же. 1982. 2 июля.
- ⁵³² Там же. 1982. 23 июля.
- ⁵³³ Абдулгамидова Н.А. Вопросы развития культуры Дагестана в период 80-90-х годов Махачкала, 1998. С. 50-51.
- ⁵³⁴ Абдулгамидова Н.А. Указ. соч. С. 79, 84-85.
- ⁵³⁵ Дагестанская правда. 1981. 30 августа, 8 ноября; 1982. 14 февраля; 1983. 24 февраля; 1985. 1 января.
- ⁵³⁶ ЦГА РД. Ф-р. 1252. Оп. 13. Д. 225. Лл.89-90.
- ⁵³⁷ ЦГА РД. Ф-р. 1252. Оп. 13. Д. 265. Лл. 1-3.
- ⁵³⁸ Якубов М. Дальние странствия дагестанской музыки // Советский Дагестан. 1981. № 4. С. 46-47.
- ⁵³⁹ ЦГА РД. Ф-р. 1252. Оп. 13. Д. 225. Лл. 89-90
- ⁵⁴⁰ История Дагестана. Т. 2. С. 645-646.
- ⁵⁴¹ Дагестанская правда. 1984. – 17 марта.
- ⁵⁴² История Дагестана. Т. 2. С. 579.
- ⁵⁴³ Народное хозяйство ДАССР в 11-й пятилетке. С. 216-219.
- ⁵⁴⁴ Дагестанская правда. 1981. 20 января.
- ⁵⁴⁵ Там же. 1981. 21 февраля.
- ⁵⁴⁶ Дагестанская правда. 1985. 31 июля, 29 сентября.
- ⁵⁴⁷ Там же.
- ⁵⁴⁸ Дагестан -2000 г. С. 284.

- ⁵⁴⁹ Народное хозяйство ДАССР в 11-й пятилетке. С. 217; Дагестан-2000. С. 281.
- ⁵⁵⁰ История Дагестана. Т. 2. С. 647; Дагестан-2000. С. 281.
- ⁵⁵¹ Обзор Дагестанской области за 1902 год. Приложение ко все- подданнейшему отчету губернатора Дагестанской области. Темир-Хан-Шура. 1903.
- ⁵⁵² Очаг мудрости. Прошлое и настоящее Дагестанской республиканской библиотеки. Махачкала: «Юпитер», 2002. С. 8-9, 57, 59.
- ⁵⁵³ Дагестанская правда. 1981. 7 января.
- ⁵⁵⁴ Народное хозяйство ДАССР в 11-й пятилетке. С. 217.
- ⁵⁵⁵ Дагестанская правда. 1981. 7 мая.; 1984. 3 апреля.
- ⁵⁵⁶ Дагестан-2000.С. 340.
- ⁵⁵⁷ Гебеков Г.Ф. Культура Дагестана на современном этапе: основные тенденции и противоречия развития (1992-2005 гг.) Махачкала: ИПЦ ДГУ, 2006. С. 112-113.
- ⁵⁵⁸ Дагестан-2000. С. 340.
- ⁵⁵⁹ Гебеков Г.Ф. Указ. соч. С. 117.
- ⁵⁶⁰ Там же. С. 120.
- ⁵⁶¹ Дагестан-2000. С. 344-345.
- ⁵⁶² История Дагестана. Т. 2. С. 647.
- ⁵⁶³ Дагестанская правда. 1985. 17 мая.
- ⁵⁶⁴ Тагаев М. Газават, или как стать бессмертным. 1999. С. 5.
- ⁵⁶⁵ Малашенко А. Демография ислама // Россия и мусульманский мир. 2006. № 9. С. 47-48.
- ⁵⁶⁶ Там же. С. 54.
- ⁵⁶⁷ Там же. С. 56
- ⁵⁶⁸ Подсчитано по: Национальный состав населения Дагестанской АССР (по данным Всесоюзной переписи населения 1989года). Махачкала. 1990. С. 3
- ⁵⁶⁹ Алиева В.Ф. Население Дагестана на рубеже веков. Махачкала: «Юпитер», 1999. С. 26.

УСЛОВИЯ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ ДАГЕСТАНА И РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ

Россия вошла в XX в. аграрной страной с помещичьим землевладением, общинно-патриархальным укладом жизни, мешавшим и препятствовавшим ее модернизации и экономическому прорыву. С этим были связаны низкий уровень доходов на душу населения, плохие бытовые условия, отсутствие налаженной системы медицинского обслуживания, которые свидетельствовали о глубоком кризисе, который переживало «российское общество на рубеже XIX–XX веков»¹.

Не лучшие времена переживал и Дагестан, присоединенный к России со второй половины XVIII в. Для Дагестана были характерны еще более низкий уровень развития производительных сил в сельском хозяйстве, зачаточное состояние промышленности, отсутствие квалифицированного промышленного рабочего класса, неграмотность и отсталость широких масс.

Большинство населения Дагестанской области (в 1901 г. всего было населения 639307 человек, из них городского 41570 и сельского – 596480 человек)² вело тяжелый образ жизни. Среднегодовое потребление горцем мяса составляло 6,32 кг, жиров – 1,7 кг, сахара – 2,55 кг, что было в два с лишним раза меньше потребления этих продуктов сельским населением центральных губерний России³.

Даже в благоприятные для сельского хозяйства годы население Дагестана не могло обеспечить себя хлебом, которое в период засух или других экстремальных бедствий оказывалось в еще более бедственном положении. В обзоре Дагестанской области за 1902 г., являющемся приложением ко всеподданнейшему отчету военного губернатора Дагестанской области, не заинтересованного в подаче негативной информации, тем не менее отмечалось, правда, в осторожных тонах, что в Петровске и Темир-Хан-Шуре происходило закрытие торговых заведений в связи с общим застоем в торговле и промышленности и ожиданием неурожая в области в 1902 г., который в действительности и произошел, подорвав и без того бедственное экономическое положение населения⁴.

Такие бедствия, в том числе и еще более тяжелые, повторялись из года в год если не в масштабах области, то по многим округам. Убытки от климатических условий терпели не только земледельцы, но и садоводы. В том же 1902 г. в Аварском округе с 4 по 22 апреля от выпавшего снега, от морозов и сильного ветра пострадали виноградные и фруктовые сады. Убытки от этого понесли садоводы селений Аракани на 300000 руб., Обода – 8000 руб., Гоцатль – 5000 руб., Моксох – 5025 руб., Амуши и Хунзах – по 3000 руб. и т.д. В Андийском округе от повреждений фруктовых садов были нанесены

убытки более чем на 14 тыс. руб., в Кайтаго-Табасаранском округе – до 14735 руб., в Кюринском округе – почти на 15000 руб., в Темир-Хан-Шуринском округе на 14770 руб. и т.д.⁵

Потери крестьян от стихийных бедствий, повторявшихся ежегодно, часто оставались без внимания государства, а если и предпринимались какие-то меры по оказанию им помощи, то они были незначительны.

В Аварском округе в 1905 г. из-за дождей и разливов рек население понесло немалые убытки. Потери жителей аула Балахани составили 5000 руб., Гимры – 40 тыс. руб., В. Харадырых – 1500 руб., Гоцатль – 20 тыс. руб., Ках – 2550 руб., Геничутль – 50000 руб., Батлаич – 8800 руб., Цада – 300 руб., Хариколо – 5000 руб., Тад-Коло – 200 руб., Харахи – 700 руб., Орота – 3000 руб., Аракани – 3000 руб. и т.д.

Такие же потери понесли жители Андийского, Даргинского, Кайтаго-Табасаранского, Кюринского, Самурского, Гунибского, Темир-Хан-Шуринского округов. Правительственная помощь по этим экстремальным случаям совпала с указом императора от 5 апреля 1905 г. «О даровании сельскому населению Империи облегчений по уплате продовольственных и на обсеменение полей долгов», на основании которого были начислены недоимки по ссуде в 25000 руб., выданной жителям области в 1899 г. на продовольствие в количестве 3494 руб. капитала, 84 руб. 57 коп. процентов и 5 руб. 68 коп. штрафов. Этой «милостью» воспользовались 11 селений Андийского, 23 селения Аварского, 11 селений Гунибского и 2 селения Кайтаго-Табасаранского округов.

На оказание помощи были выделены незначительные суммы и то на списание небольшой части прошлых недоимок. О характере этой помощи можно судить и по такому примеру. Самым бедным жителям селения Мекеги Кайтаго-Табасаранского округа, пострадавшим от градобития, было выдано взаимобразно из общественных сельских сумм на обсеменение полей на 1 год без процентов 1500 руб.⁶

Еще больший урон от стихийных бедствий выпал на дагестанских крестьян в 1913 г. В Аварском округе из-за недорода хлебов жители некоторых селений оказались в тяжелом положении. В Андийском округе убытки от градобития составляли 160698 руб. В Даргинском округе ливни и градобитие причинили убытков на 14570 руб. В Казикумухском округе вследствие неурожая была продана значительная часть скота. В Кюринском округе из-за засухи был недород хлебов. Значительный недород был и в Темир-Хан-Шуринском округе⁷.

Как отмечалось в том же отчете за 1913 г., «в продовольственном отношении Дагестанская область, особенно нагорная часть ее, находится в крайне тяжелых условиях. Местное земледелие, находящееся в неблагоприятных почвенных, климатических и технических условиях и ежегодно подвергающееся разным стихийным бедствиям, свойственным всякой горной стране, не обеспечивает существования земледельца. Благодаря этому местного хлеба, даже в урожайные годы, далеко не хватает на продовольствие населения в продолжение целого года»⁸.

Тем не менее государственные органы не проявляли необходимой заботы, ограничиваясь мелкими подачками, которые не спасали крестьян. Нужда заставляла их недостававшее продовольствие приобретать на деньги, если они были, обменивать продукты скотоводства, кустарные изделия или фрукты на хлеб. С этой целью горцы выезжали в Терскую область, Бакинскую губернию и другие места. Хлеб доставляли также из Астрахани.

О масштабах этих операций можно судить даже по одному такому примеру. В 1912 г. население Гунибского округа прикупило хлеба разных сортов более 60 тыс. пудов на сумму в 67104 руб.⁹

Несмотря на острую нужду Дагестана в хлебе и других продуктах сельского хозяйства, их производство по ряду отраслей сокращалось. С 1886 г. по 1915 г. производство зерна в области уменьшилось на 14,1%, количество поголовья скота (в пересчете на крупный рогатый скот) – на 37,2%. Одновременно с этим возрос вывоз из Дагестана продукции животноводства. Вывоз шерсти возрос на 7,2%, кожи – на 27,2%, овец – более чем в 2 раза и других продуктов животноводства – на 18,5%¹⁰.

Такой перекокс в развитии сельского хозяйства, когда оно не удовлетворяло потребности сельского населения, вынужденного часть своей продукции вывозить за пределы области, при отмечаемом снижении производства важнейших сельхозпродуктов все более ухудшало положение крестьянства. Из сельскохозяйственного производства выталкивалось все больше крестьян, в поисках работы направлявшихся в города Дагестана и на рыбные промыслы Каспия. Но ни рыбные промыслы, ни малочисленные мелкие предприятия области не могли обеспечить огромную армию безземельных крестьян. Из 707959 человек области в городах проживало 78427 человек, а в сельской местности 629532 человека. Из их среды вышло немало полунищих, безземельных крестьян, численность которых росла и доходила до 80–100 тыс. человек. Они занимались отходничеством, в поисках работы уходили в Баку, Грозный, Астрахань и другие города. В 1913 г. на отхожие промыслы отправилось 83317 человек. Они уходили на заработки осенью после уборки урожая, а в конце весны следующего года возвращались к себе домой для обработки своих полей и садов.

В поисках работы отходники отправлялись по губерниям и областям Кавказского края, в Закаспийскую область, а также во внутренние губернии России. Они больше привлекались к физическому труду, и их заработок составлял примерно от 80 до 130 руб., что служило неплохим подспорьем для крестьянского хозяйства¹¹.

В Дагестане пролетариата было мало, и его самосознание не было классово оформленным. Одним из главных источников народного благосостояния служила кустарная промышленность, распространенная в области повсюду. В 1912 г. в Дагестане насчитывалось 27764 кустаря, в том числе в городах 2213 ремесленников.

Некоторые кустари, особенно из таких аулов, как Кубачи, Унцукуль, Кумух, Харбук и других, известных своим кустарным мастерством, имели неплохие заработки. Кустари сел. Унцукуль Аварского округа получали зака-

зы от заграничных фирм, некоторые из унцукульцев, дела которых шли хорошо, проживали за границей. Особые сорта войлоков, ковров и паласов выделяли кустари сел. Ахальчи, Глох и Акуша. Ими было продано своих изделий на 21800 руб. Ругуджинские мастера-кустари изготавливали деревянные точеные мелкие изделия, и сумма их заработка составляла 57554 руб. В Дагестанском округе выделяли из овечьей шерсти сукно, паласы и войлоки. Продав часть продукции, они выручили 84123 руб. Были и другие случаи более или менее успешной работы кустарей. Однако большая часть не могла полностью себя прокормить, потому что им приходилось значительную часть выручки отдавать в оплату сырья.

Все большее значение в экономической жизни области приобретало рыболовство. Города Петровск и Дербент превратились в крупные центры рыбной торговли, куда весною, во время лова сельди, съезжалась масса промышленников и торговцев рыбой и стекалось несколько тысяч рабочих. В 1913 г. число рабочих на рыболовных промыслах составило около 10000 человек.

Первое место по лову приходилось на сельдь. Ее было выловлено 3315 чанов. Улов частиковой рыбы составил 12532 пуда, красной рыбы – 63116 пудов. Цены на рыбу для того времени были неплохие – от 3 до 4 руб. 15 коп. за пуд икры¹². Но они оседали в карманах рыбопромышленников и торговцев и мало перепали рабочим, непосредственно ловившим рыбу.

Увеличение лова рыбы, расширение рыбной промышленности привели к росту работников, занятых в этой отрасли. К 1915 г. на дагестанских сельдяных промыслах было занято до 15831 работника, не считая занятых на лове красной рыбы. Большинство работников рыбных промыслов составляли русские – 7641 человек, за ними шли дагестанцы – 4593 человека и персы – 3597 человек.

Условия найма и оплаты труда рабочих разных национальностей сильно отличались. Русские рабочие, работавшие неводчиками и бондарями, получали от 20 до 40 руб. в месяц, пекарями – 18–20 руб., солильщики зарабатывали в месяц от 70 до 200 руб. и т.д. Горцы, выполняя примерно ту же работу, зарабатывали значительно меньше, чем русские рабочие. Лямочники получали от 16 до 17 руб. в месяц, весельщики и бахильщики – 18–20 руб. и корищики 22–25 руб.¹³

Так же обстояло дело и с оплатой труда в других отраслях промышленности Дагестана. На дагестанских предприятиях рабочие получали от 14 до 17 руб. в месяц, в то время как квалифицированные рабочие в России зарабатывали от 25 до 70 руб. По размерам дохода на душу населения Россия в начале XX в. стояла на последнем месте в Европе, а по росту дороговизны – на первом.

Обследование материального положения рабочих, в частности их жилищных условий, показывало тяжелое положение, в котором находились промышленные рабочие Дагестана. Более 62% рабочих проживали на частных квартирах или в небольших собственных домах. То и другое жилье было далеко не благоустроенным. Только около 38% рабочих проживали в поме-

шениях от предприятий, также далеко не благоустроенных. Об этом писали в «Обзорах Дагестанской области» и в газетах, однако мер не принималось.

Законов о страховании рабочих от несчастных случаев до их издания в 1912 г. не было. Рабочий, получивший увечье на производстве, мог получить возмещение только через суд. На предприятиях Дагестана не было не только врача, но даже фельдшера¹⁴.

Медицинское обслуживание населения было поставлено плохо как на отдельных предприятиях, так и в городах всей области. В 1902 г. в 3-х городах Дагестана имелось по одному «городовому врачу» с 4-мя фельдшерами и 3-мя повивальными бабками, которым вменялись «медико-полицейские и санитарные обязанности»¹⁵.

В болсе лучшем положении оказалась медицинская служба городов Дербента и Петровска. В первом из них, кроме указанного количества медработников, были еще и 1 больничный врач, 2 фельдшера и 1 повивальная бабака, во втором – 1 санитарный врач и 2 фельдшера.

В каждом из округов области состояло по 1 окружному врачу, при которых были 13 фельдшеров. В сел. Карабудахкент Темир-Хан-Шуринского и Каякент Кайтаго-Табасаранского округов было по одному сельскому врачу. Всего в Дагестанской области в 1902 г. было 37 врачей, 50 фельдшеров и 18 повивальных бабок. Они обслужили амбулаторно 91236 больных и в больницах 2922 человска, всего 94158 человек.

Для стационарного лечения больных не хватало больниц. Самая крупная больница на 40 кроватей была в Петровске, и то при исправительном арестантском отделении. Здесь же Владикавказская железная дорога открыла свой покой на 5 кроватей. При Темир-Хан-Шурином училище была одна больница, и в Дербенте в 1902 г. были открыты 1 городская и 1 железнодорожная больницы. Кроме них в селениях Касумкент, Акуша, Карабудахкент, Рутул, Тилитль (Телетль) имелись приемные покои. На двух предприятиях были открыты еще 2 частных приемных покоя. Больничных коек во всех больницах области насчитывалось 177.

Такова была вся медицинская служба Дагестана на начало века. Ее было явно недостаточно на почти 640-тысячное население области. Нехватка медицинских кадров особенно наглядно проявлялась в случаях массовых заболеваний людей. Одно из таких заболеваний было отмечено в 1902 г. И это была оспа. В Темир-Хан-Шурином округе от оспы заболело 1957 человек и из них 666 человек умерли. В Андийском округе больных оспой было 766, в Кюринском – 722 и Кайтаго-Табасаранском – 218 человек.

Борьба с такими болезнями тогда еще только начиналась, и потому результаты были малоутешительны. В том же году прививка от оспы была сделана только 22098 детям, чего было явно недостаточно. В то же время борьба против такой болезни, как сифилис, сводилась к проведению разъяснительной работы среди населения с объяснением способов лечения. Но самого лечения не проводилось, тем более оно не было бесплатным. На бесплатное лечение каждый из окружных врачей имел в своем распоряжении по

одной аптечке, приобретаемой на штрафные суммы. На эти цели в 1902 г. было израсходовано 2033 руб. 82 коп.¹⁶

Положение с медицинским обслуживанием населения Дагестана несколько улучшилось к 1913 г., когда отмечалось 300-летие царствования в России дома Романовых. В каждом из 9 округов для бесплатной медицинской помощи населению было положено по 2 участковых сельских врача, при каждом из них должна была быть лечебница на 6 коек и 1 фельдшерский пункт.

В городах имелись больницы и приемные покои: в Темир-Хан-Шуре – 4, в Петровске – 5, в Дербенте – 2. Сельское население пользовалось бесплатным лечением в 18 сельских лечебницах, в каждой из которых имелось по 6 коек.

Всего в Дагестане насчитывалось 38 врачей, 98 фельдшеров и 32 повивальные бабки. Кроме того, были 4 зубных врача, 4 дантиста, 14 фармацевтов. Всего было обслужено 235234 больных. Хотя количество медработников в области и увеличилось, но их было мало для более чем 693-тысячного населения Дагестана¹⁷.

Оспа, сифилис, сыпной тиф, малярия и другие болезни часто выводили людей из здорового состояния, и были случаи, когда болезнь заканчивалась для них летальным исходом.

В дагестанском обществе нарастали социальные противоречия, зрели предпосылки для антифеодальной и национально-освободительной борьбы, решения социальных проблем. Победа Февральской буржуазно-демократической революции в стране не решила не только национальных, но и социальных проблем, которые наиболее остро проявляли себя на национальных окраинах.

После победы Октябрьской революции и установления советской власти занялись решением наиболее острых проблем, связанных с материальным положением трудящихся. Был принят целый ряд законодательных актов, направленных на улучшение положения трудящихся: декрет ВЦИК о страховании на случай болезни от 22 декабря 1917 г., введены денежные пособия по материнству для работающих женщин, для кормящих матерей рабочий день был сокращен до 6 часов.

В 1918 г. были приняты законодательные акты, закладывающие новые подходы к вопросам социальной политики советской власти: «О страховании от несчастных случаев» и «О страховании на случай болезни» (23 июля 1918 г.), «Положение о социальном обеспечении трудящихся» (18 октября 1918 г.) и другие¹⁸.

После установления советской власти в Дагестане эти и другие законодательные акты ВЦИК стали применяться и здесь. Одним из первых мероприятий советской власти после ее установления в Дагестане в апреле 1920 г. было решение Дагестанского ревкома от 17 апреля 1920 г. о создании отдела здравоохранения при ревкоме, о предоставлении отделу права на мобилизацию лиц, окончивших в 1919 г. фельдшерские курсы при Темир-Хан-Шурином лазарете, на борьбу с эпидемиями тифа, оспы и других болезней,

выдачу аванса в размере 170 тыс. руб. для содержания медицинского персонала, командированного в Дагестан для оказания медицинской помощи населению области, а также о передаче всей имевшейся в контрразведке бязи от-делу здравоохранения для ее распределения между медико-санитарными пунктами¹⁹.

Для улучшения снабжения населения медикаментами местные органы власти стали принимать меры к национализации аптечных учреждений. Ревком Дербента 19 апреля 1920 г. принял постановление о национализации аптек и аптекарских магазинов. Было предложено объявить аптеки национализированными, взять на учет все медикаменты и распределить их между лазаретами и населением. Исключения были сделаны для аптекарских магазинов и складов, из которых лекарства должны были изыматься по твердым ценам²⁰.

Вслед за этим появилось постановление Дагестанского ревкома от 8 мая 1920 г. об организации бесплатного лечения трудящихся, для чего было принято решение о национализации аптек и лечебных учреждений. На том же заседании Дагревком постановил утвердить и открыть отделу здравоохранения кредит на сумму в 500 тыс. руб. на приобретение инвентаря и белья для больницы, отпускать беднейшему населению лекарства бесплатно²¹.

Со времени своего образования отдел здравоохранения Дагревкома занимался восстановлением разрушенных больниц, привлечением извне в Дагестан медицинских кадров как высшей квалификации, так и среднего звена, обеспечением медперсонала медицинскими инструментами и инвентарем.

Работа отдела здравоохранения облегчалась и тем вниманием, которое придавал вопросам здравоохранения первый съезд городских, окружных и участковых ревкомов, проходивший с 8 по 15 июня 1920 г. в Темир-Хан-Шуре. Съездом было решено учредить в каждом округе лечебницу в первое время на 10 коек, назначить врачей и соответствующий штат среднего медицинского персонала, немедленно приступить к ремонту зданий больниц и фельдшерских пунктов, установить медработникам в горах двойное содержание до создания там таких же условий, как и в городах²². К октябрю 1920 г. в округах области имелись больницы по 10 коек каждая и 5 фельдшерских пунктов, обслуживаемых 2 врачами, 18 лекпомами, 1 акушеркой и 8 сестрами.

В городах лечебных учреждений насчитывалось относительно больше, чем в сельской местности. В г. Буйнакске была 1 сельская лечебница на 10 коек, психиатрическое отделение на 30 коек и 1 лаборатория. В Махачкале были 2 больницы на 120 коек и 1 лаборатория, в Дербенте – 1 больница на 50 коек и 1 лаборатория. В городах имелось всего 9 врачей, 12 лекпомов, 6 акушерок и 15 сестер. Благодаря привлечению медицинского персонала по приглашению из других областей России и использованию местных возможностей кадры медицинского персонала в Дагестане постепенно увеличивались²³.

Как видно из доклада народного комиссара здравоохранения Дагестанской АССР Рзаева от 25 ноября 1921 г., в округах, хотя сеть лечебных

учреждений и расширилась, однако она была еще очень далека от программы минимума, которую наметил наркомат. Больница в Ботлихе (Андийский округ) была разрушена и разграблена и требовала значительного ремонта. С большим трудом она могла принимать 20 человек.

В Аварском округе со 102 населенными пунктами функционировала окружная больница на 24 койки, рассчитанная на 30 коек. В таком же положении были больницы в Гунибском, Кайтаго-Табасаранском, Кюринском, Самурском округах.

В несколько лучшем положении находились больницы в Буйнакском, Казикумухском и Даргинском округах, в которых принимали больных в том же количестве, как они были рассчитаны при открытии. Больше всего лечебных учреждений было в Хасавюртовском округе. Здесь функционировали: слободская амбулатория в г. Хасавюрте, участковая больница в сел. Костек на 30 коек, фельдшерский пункт в сел. Бабаюрт, участковая больница в Аксае, фельдшерский участок в сел. Кишенаул, фельдшерский пункт в сел. Бабаюрт и Гуни. В районе работали 3 врача, 10 лекпомов, 4 сестры и 1 акушерка.

В г. Буйнакске и Буйнакском округе функционировали ишкартинская здравница, казанищенский санаторий и буйнакский детский туберкулезный санаторий. В казанищенском санатории отдохнули 246 детей и 45 взрослых, в буйнакском детском туберкулезном санатории на лечении были 28 детей.

В ведении Махачкалинского районного здравотдела имелись следующие лечебные учреждения: остро-заразная больница на 40 коек, 1-я и 2-я городские больницы по 70 коек, больница «Каспобластьрыбы», тюремная больница на 40 коек, железнодорожная больница на 80 коек, лазарет № 1025 и местный госпиталь. Общее количество мест в них было до 650.

В Махачкале имелись 8 амбулаторий, амбулатории были также при фельдшерских пунктах в Тарках, Чирюрте и Карабудахкенте. Во всех перечисленных амбулаториях за месяц проходило до 2000 человек первичных больных. Всего махачкалинский район обслуживали 32 врача и 68 человек среднего медперсонала.

В ведении курортной станции Махачкалинского здравотдела имелись миатлинский курорт и водогрязелечебница в Махачкале. В ней за летние месяцы было принято 5564 ванны.

Помимо них в Махачкалинском промышленном районе были мелкие больницы и фельдшерские пункты с общим количеством до 60 коек. В докладе отмечалось преступно-халатное отношение к своим обязанностям большинства лиц, занимающих ответственные должности вплоть до заведующего отделом района.

В ведении Дербентского районного здравотдела имелось 5 лечебных заведений с общим количеством коек 360. Имевшиеся 8 эвакогоспиталей на 220 коек были закрыты с прекращением эпидемии. На излечении в госпитале находилось 188 человек. Отмечалась образцовая постановка работы госпиталя.

Кроме того, имелись акушерско-гинекологическая больница, 2 зубные амбулатории и общие амбулатории. Число медработников Дербентского райздравотдела составляло 11 врачей, 16 лекомов, 16 сестер²⁴.

Приведенные данные показывают ту большую работу, которую проводили органы здравоохранения по созданию и расширению системы охраны здоровья людей. Все это осуществлялось в условиях продолжающейся Гражданской войны и голодания значительной части населения республики. Приехавшее в Дагестан большое число детей из голодающих регионов России занесло в республику кожные заболевания. При общении со здоровыми детьми это дало вспышку заболеваемости, сравнимую с эпидемией. До 25–30% детей школьного возраста в городах оказались больны кожными заболеваниями. Для ликвидации эпидемии были приняты срочные меры. В Буйнакске была открыта детская больница на 50 коек. Была создана также специальная школьная амбулатория, принимались меры к изоляции больных детей от здоровых в школах и детских домах, увеличен специальный медицинский персонал в школах. Такие же меры принимались в Дербенте и Махачкале.

Особое внимание обращалось на принятие мер для того, чтобы эпидемические заболевания не перекинулись в округа и не распространились на сельских детей. Был предусмотрен регулярный поголовный осмотр детей для отделения здоровых от больных, установлен постоянный санитарный надзор над школами, проявлялась забота о физическом развитии детей.

Следует отметить, что борьба с эпидемическими заболеваниями не только детей, но и взрослых была под постоянным контролем. С этой целью с момента организации здравотдела был создан санитарно-эпидемический отдел республиканского масштаба. Его отделения были учреждены в Махачкале и Дербенте. Имея при себе дезинфекционный отряд, отдел и его отделения производили регулярно дезинфекции помещений, в которых были выявлены больные заразными заболеваниями. Проводились периодические осмотры базаров, вокзалов, продовольственных лавок, пекарен, столовых, дворов, людных мест, где могли обнаружиться такие больные и где быстрее могли распространяться эпидемические заболевания.

Благодаря принятым мерам ни в 1920, ни в 1921 гг. холерная эпидемия в Дагестане не получила большого распространения, хотя и были опасные для этого периоды. В большинстве округов заболеваний холерой не было. В 1921 г. таких заболеваний всего было зарегистрировано 1845, из них смертные случаи составили 50%. Тиф дал меньшее число заболеваний и протекал в более легкой форме. Благодаря проведенным массовым прививкам от оспы, специальными прививочными отрядами в округах ее вспышки также не было²⁵.

Большую помощь в деле улучшения медицинского обслуживания населения Дагестана оказывало правительство Российской Федерации. Учитывая, что население Дагестана после Гражданской войны находилось на грани голодного существования (питание на одного человека составляло 1800 калорий в сутки) и оказалось в тяжелых жилищно-бытовых условиях, дополняемых отсутствием бань, водопровода, грозивших распространением эпи-

демических заболеваний, правительство РСФСР в 1921 г. отпустило Дагестану 25 млн. руб. на приобретение медицинского оборудования и медикаментов. Из центра в Дагестан была направлена санитарная экспедиция для борьбы с эпидемиями и оказания помощи в организации здравоохранения²⁶.

Население Дагестана понесло огромные убытки от интервенции и Гражданской войны. Были разорены Дербентский, Темир-Хан-Шуринский, Хасавюртовский, Даргинский и другие округа. Всего было разрушено 32 селения. Еще в апреле 1920 г. по указанию председателя Совнаркома РСФСР В.И. Ленина Дагестану было выделено 200 млн. руб. на нужды горцев, пострадавших от деникинских банд. По постановлению Дагревкома 1 млн. руб. из этих средств был отпущен на благоустройство сел. Хаджал-Махи, в том числе на проведение водопровода, строительство мечети и школы и на возмещение убытков, понесенных обществом²⁷.

Благодаря помощи центра Дагревком сумел более активно взяться за восстановление разрушенных аулов. С этой целью в аулах проводились субботники, «недели труда» и другие формы привлечения населения к восстановлению своих сел²⁸. По решению Дагревкома от 16 июня 1920 г. при нем был образован временный Особый отдел по восстановлению разрушенных селений, руководство которым возлагалось на председателя и завотделами Дагревкома.

Жители многих аулов принимали живое участие в таких работах. Им помогали рабочие городов. В субботниках по восстановлению разрушенных домов в аулах Кадар и Губден (даргинские), Доргели и Параул (кумыкские) вместе с их жителями участвовали также горцы Дагестана, русские из городов и части Красной Армии. В субботниках в Дербентском и Хасавюртовском районах участвовали жители близлежащих селений, а также городов Дербента и Хасавюрта. В неделе труда приняли участие 8126 человек, в том числе 780 красноармейцев и 611 горожан. Было восстановлено 837 домов²⁹. Работа, выполненная участниками недели труда только в названных аулах, была оценена в 32 млн. руб.

Как отмечалось в отчете особого отдела по восстановлению разрушенных селений, «со стороны жителей не только разрушенных сел, но и прочих констатируется самое теплое, сочувственное отношение к этому делу, которое воочию убеждает их в том, что Советская власть, восстанавливая в первую голову разрушения белогвардейцев, является властью, действительно служащей интересам трудового народа...»³⁰.

В традициях дагестанцев было оказание помощи друг другу при строительстве или ремонте домов, мостов, водопроводов и других видах работ, но это была помощь соседей и родственников. Однако такие формы коллективного труда, в котором принимали бы участие жители близлежащих аулов, не практиковались.

В этом плане можно сказать, что советская власть показала горцам новые формы взаимопомощи, которые сразу же получили у населения поддержку. Представители правлений профсоюзов и фабрично-заводских комитетов Порт-Петровска, собравшись 25 апреля 1920 г. на совещание, привет-

ствовали «такое благое дело, сознавая всю важность этих нововведений для социалистической революции, ...призывали всех к работе в «неделе труда» и субботниках. Рабочие и служащие Хасавюртовского округа 28 сентября 1920 г. заявили о своем единодушном желании исправно посещать субботники. В Хасавюртовском районе во время субботников, в которых приняли участие десятки тысяч людей из разных районов республики, был восстановлен 161 дом, в Дербентском районе восстановили 13 селений»³¹.

Материальное положение горцев оставалось тяжелым. Газета «Красный Дагестан» в номере от 28 июля 1920 г. сообщала, что население Аварского округа, особенно беднота, «весьма остро нуждается в мануфактуре». Работавшие женщины не могли ходить на работу из-за отсутствия одежды и голые сидели дома. Окружной ревком вынужден был издать приказ, чтобы мужчины до 12 часов не выходили на улицу, чтобы женщины могли в это время заняться хотя бы домашними делами.

Президиум Дагестанского ревкома 12 сентября 1920 г. срочно телеграфировал наркомнацу И. Сталину. В телеграмме говорилось: «Трехлетняя гражданская война до того истощила Дагестан, что горская беднота питается травой, продает своих детей, разводится с женами. Полное отсутствие мануфактуры вынуждает горцев одеваться в шкуры, а женщины почти голые сидят дома. На этой почве развиваются болезни, массовые смертельные случаи, самоубийства и недовольства... выезжает делегация во главе с товарищем Коркмасовым, которая сделает Вам подробный доклад»³².

Помощь не замедлила прийти. 19 февраля 1921 г. газета «Советский Юг»³³ информировала читателей, что центр приступил к планомерному снабжению Дагестана мануфактурой. 120 тыс. аршин мануфактуры, поступивших в республику, были распределены следующим образом: Даргинскому округу – 25 тыс. аршин, Кази-Кумухскому – 25 тыс., Гунибскому – 15 тыс., Темир-Хан-Шуриному – 30 тыс., Кайтаго-Табасаранскому – 15 тыс. и Хасавюртовскому округу – 10 тыс. аршин. Остальным округам мануфактуру намечалось выделить по мере ее поступления из центра.

Мануфактура должна была распределяться среди беднейшей части населения, и этим должны были заниматься особые комиссии на местах, составленные из представителей продорганов, компартии и ревкомов.

Советская власть принимала меры и для улучшения условий жизни рабочих. 27 августа 1921 г. был принят декрет ВЦИК «Об отмене взимания платы за жилищные помещения с рабочих и служащих и за пользование водопроводом, канализацией и очисткой, газом и электричеством и общественными банями с государственных учреждений и их рабочих и служащих...».

Городские ревкомы и партийные органы старались решать вопросы улучшения материального положения рабочих в меру своих возможностей. Порт-Петровский горком РКП(б), учитывая тяжелое положение промышленных рабочих, в июне 1920 г. принял постановление, в котором обратил внимание городского совета ревкома на принятие срочных мер по улучшению положения рабочих промышленных предприятий, в первую очередь по обеспечению их продовольствием и керосином. В июне 1920 г. на совещании

председателей промбюро и совнархозов Горской республики обсуждался вопрос о снабжении рабочих продовольствием и профодеждой. Из-за неудовлетворительного снабжения населения маслом, мясом, сахаром, мылом совещание признало «необходимым снабжать указанными продуктами в первую очередь рабочих национализированных предприятий»³⁴.

В улучшении условий труда и быта рабочих большую роль стала играть государственная инспекция труда. После проверки инспекции на заводе «Дагестанские огни» установили перевозку листового стекла, вследствие чего прекратились несчастные случаи, связанные с ручным переносом. На фабрике им. III Интернационала увеличили свеговую поверхность главного корпуса, оборудовали вентиляцию, улучшили условия труда. Для рабочих и работниц построили новые жилые дома и больницу, произвели ремонт жилых помещений. На бондарном заводе установили электрическую вентиляцию, поставили ограждения трансляционных валов и ремней, в рабочих помещениях улучшили освещение. По заключениям санитарной инспекции в 1921–1922 гг. на многих предприятиях Махачкалы, Дербента и Буйнакска были приняты меры по созданию необходимых удобств на рабочих местах и соблюдению требований техники безопасности.

Профсоюзные организации также проводили работу по обследованию предприятий с целью улучшения условий труда рабочих. При таких проверках выявилось немало случаев нарушений техники безопасности, санитарно-гигиенических условий, законов о труде, факты ущемления интересов рабочих со стороны администрации.

На IV съезде профсоюзов Дагестана (2–5 августа 1923 г.) очень внимательно был рассмотрен вопрос о тарифно-экономической политике различных наркоматов и связанный с ними вопрос о заработной плате промышленных рабочих и инженерно-технических работников. Съезд профсоюзов Дагестана настаивал на закреплении достигнутого уровня зарплаты и недопущении снижения ее реальных размеров. Съезд высказался за ликвидацию оставшейся кое-где смешанной формы зарплаты и за переход к чисто денежной форме оплаты труда.

Позже на основании постановления НК труда от 9 января 1924 г. в Дагестане была установлена минимальная зарплата в размере 6 червонных рублей. Все предприятия и учреждения должны были выплачивать зарплату не позднее 20-го числа каждого месяца. Эти вопросы нашли отражение и в коллективных договорах, которые заключались между профсоюзами и предприятиями и учреждениями. Их выполнение проверялось и при проведении обследований, которые организовывали инспекции труда³⁵.

С развитием промышленности и ростом производительности труда росла заработная плата рабочих и служащих, улучшались их жилищно-коммунальные условия, снизились цены на предметы широкого потребления. В 1923/24 хозяйственном году среднемесячная зарплата одного рабочего по всем промышленным предприятиям составила 24 руб., в 1924/25 – 33 руб. и в 1925/26 хозяйственном году она выросла до 44 руб., или увеличилась более

чем на 80% по сравнению с 1923/24 гг.,³⁶ имея тенденцию к дальнейшему росту.

Со второй половины 30-х гг. XX в. были приняты меры, направленные на повышение реальной заработной платы рабочих и служащих, повышение материального благосостояния колхозников. Среднегодовая заработная плата рабочих на предприятиях крупной промышленности республики в 1936 г. по сравнению с 1934 г. увеличилась на 133%, на строительстве – на 126,4%, в совхозах и МТС – на 145%. Одновременно происходило систематическое снижение цен на товары народного потребления, а также квартирной платы.

В годы второй пятилетки была отменена карточная система на продовольственные товары, обеспечена полная занятость населения. Трудящиеся имели право на оплачиваемый отпуск, бесплатную медицинскую помощь. Им выдавались льготные и бесплатные путевки в санатории и дома отдыха.

Созданные в округах отделы здравоохранения обращали большое внимание на лечебно-санитарную и лечебно-профилактическую работу. Особенно много сил и внимания было обращено на ликвидацию таких распространённых в Дагестане болезней, как малярия, которой в 1923 г. заболели 32295 человек и в 1924 г. – 33277³⁷. На борьбу с этой болезнью были направлены усилия всех медицинских работников республики, которые достигли каких-то результатов в решении такой трудной задачи.

Однако советская власть требовала от медиков большего. Состоявшийся в 1925 г. V Вседагестанский съезд Советов по отчетному докладу народного комиссара здравоохранения признал «здравоохранение ДАССР 3-им ударным фронтом»³⁸, подчеркнув этим всю значимость для Дагестана улучшения медицинского обслуживания населения.

Выполняя решения съезда, правительство республики расширяло сеть медицинских учреждений. Уже в 1925 г. в больницах появилось дополнительно 50 коек. В 1924–1925 гг. амбулаторное лечение прошли 600705 человек³⁹.

Все это позволило обеспечить высокие темпы роста сети лечебных учреждений. В 1940 г. медицинское обслуживание населения Дагестана осуществляли 86 больничных учреждений, 258 фельдшерско-акушерских пунктов, 38 женских, детских консультаций и детских поликлиник. В медицинской системе работали 592 врача и 1741 средний медицинский персонал.

В 1939 г. в городах и аулах Дагестана функционировали 38 аптек и аптечных пунктов.

Широкое наступление велось против таких болезней, как холера, оспа, сифилис, дизентерия и др. Для борьбы с ними в Махачкале был открыт кожно-венерический диспансер, венкабинеты при больницах в городах Буйнакске, Дербенте, Хасавюрте и Каспийске, кожно-венерические отделения при городских больницах. В Махачкале и Дербенте были открыты туберкулезные диспансеры, при Буйнакской, Дербентской и Каспийской больницах работали туберкулезные больницы, в Буйнакске и Дербенте, в Гунибе функ-

ционировал детский санаторий на 75 коек, где лечились дети, больные костным туберкулезом⁴⁰.

В результате наметилось снижение смертности. В 1940 г. на 1000 человек населения родилось 37 детей, из них умерло 22. Естественный прирост населения составил 15 человек. К 1940 г. в Дагестане были ликвидированы условия для вспышек таких заболеваний, как оспа, холера и другие.

Развитие физкультурного движения. Велика была роль спорта, занятий физкультурой в укреплении здоровья населения. Здоровье трудящихся, их физическое развитие стали предметом особого внимания советской власти с первых же лет ее установления. Развитие физкультуры и спорта наряду со здравоохранением стало составной частью государственной политики. Первым советским органом, руководившим в Дагестане спортивно-массовой работой, был всеобуч. 7 мая 1918 г. в начале установления советской власти и при недолгом ее существовании в Дагестане был учрежден орган руководства всеобщим военным обучением трудящихся – Центральный отдел всеобщего военного обучения (всеобуч).

Органы всеобуча вместе с комсомолом развернули работу по допризывной физической подготовке молодежи. Была разработана программа, по которой на физическую подготовку в городах отводилось 480 часов, а в сельской местности – 380 часов. В ней предусматривались занятия гимнастикой, легкой атлетикой и плаванием, стрельбой, спортивными играми, лыжами и конькобежным спортом.

Создавались клубы всеобуча, футбольные лиги, возникли футбольные команды в городах Махачкале, Буйнакске, Дербенте, а также при воинских частях. Проводились соревнования по легкой атлетике, футболу, скачкам, джигитовке, борьбе, баскетболу и др. В сентябре 1923 г. был проведен праздник юности. В сентябре 1924 г. состоялся спортивный праздник с участием 24 лучших физкультурников. В этот день были проведены соревнования легкоатлетов, выступления гимнастов, встречи футбольных команд⁴¹.

Такие праздники физкультурников стали осуществляться не только в городах, но и сельской местности. В марте 1925 г., когда в республике отмечали 5-летие установления советской власти в Дагестане, в сел. Костек Хасавюртовского округа был проведен спортивный праздник, в котором приняли участие гости из Махачкалы, а также из других округов, из Чечено-Ингушетии. В программу были включены соревнования по легкой атлетике, конные скачки и джигитовка⁴².

В 1926–1930 гг. в республике отмечался значительный рост спортивных мероприятий. С 16 по 19 ноября 1927 г. была проведена Вседагестанская спартакиада. В ней приняли участие спортивные команды городов Махачкалы, Дербента и Кизляра. Сельские спортсмены не принимали в ней участия.

Для развития спортивной работы в республике и вовлечения в физкультурное движение сельской молодежи Совнарком ДАССР принял постановление о проведении в 1928 г. дагестанского праздника физкультурника, который состоялся в мас. В торжественной обстановке был открыт новый стадион «Динамо», где прошли спортивные соревнования⁴³.

В 1931 г. был введен комплекс «Готов к труду и обороне», игравший большую роль в развитии физкультурного движения в стране. В его развитии активное участие принимали физкультурные и комсомольские организации, сельские советы. Этому движению придавали большое государственное значение, не только как мероприятию чисто оздоровительного, спортивного характера, но и как патриотического, призванного подготовить молодежь на случай войны.

Особое внимание обращалось вовлечению в физкультурное движение сельской молодежи. На это была направлена и Северо-Кавказская краевая колхозно-совхозная спартакиада, которая прошла в октябре 1934 г. в г. Пятигорске. В течение шести дней сельские спортсмены из Ставрополя, Кубани, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии, Чечено-Ингушетии, Дагестана, Карачаево-Черкесии соревновались по легкой атлетике, борьбе, волейболу, футболу, конным скачкам. Кроме них участие в спартакиаде приняли и лучшие танцоры из национальных республик и автономий Северного Кавказа. Свое высокое спортивное мастерство показали и спортсмены, приехавшие из Москвы, Ленинграда и Минска⁴⁴.

На эти соревнования был направлен О. Абдурахманов, известный всему Дагестану своим богатырским сложением и огромной силой, который метнул гранату на 65 м, чуть не побив всесоюзный рекорд. На соревнованиях по метанию камня в Пятигорске он стал чемпионом. Его пригласили в Москву и устроили на работу на заводе «Серп и молот». Одновременно он начал тренироваться по классической борьбе у знаменитого тогда борца А.З. Катулина. В 1936 г. на чемпионате Москвы в этом новом для него виде борьбы О. Абдурахманов стал чемпионом.

О. Абдурахманов встречался со многими прославленными борцами (И. Поддубный, К. Буль, О. Ярчак, М. Бурев и др.), побеждал на 15 чемпионатах, выступал в цирках, его приглашали сниматься в кинофильмах «Остров сокровищ», «Детство», «Богдан Хмельницкий» и др.⁴⁵. У всех, кто видел и знал О. Абдурахманова, вызывала восхищение титаническая сила этого гиганта, его желание учиться и освоить новые для него виды спорта, добиваться в них выдающихся результатов.

Массовые спортивные мероприятия в те годы проводились часто и они способствовали все более широкому охвату населения физкультурным движением. Учитывая возрастающую роль, которую стало играть физкультурное движение в жизни общества, а также обращая внимание на необходимость более полного удовлетворения запросов трудящихся, 21 июля 1936 г. правительство приняло решение о создании при Совнарком СССР Всесоюзного комитета по делам физической культуры и спорта. В том же году был создан Республиканский комитет по делам физической культуры и спорта при Совнарком ДАССР. Были образованы также городские и районные комитеты физкультуры и спорта.

Одновременно с созданием городского комитета уделялось внимание более активному участию общественности в развитии физкультурного движения. На основании постановления Совнаркома СССР от 14 мая 1936 г. в

Дагестане были созданы спортивные общества «Локомотив», «Водник», «Буревестник», «Учитель», «Строитель» и др. Все это позволило приблизить спорт к массам, которым стали заниматься тысячи юношей и девушек. Физкультура стала обязательным предметом для учащихся школ, средних специальных и высших учебных заведений⁴⁶.

В основе успехов физкультурного движения на селе, высоких спортивных достижений сельских спортсменов лежали подъем материального благосостояния и культурного уровня колхозного крестьянства, появление у колхозников свободного времени для занятий спортом.

В 1938–1940 гг. в колхозах Дагестана средняя оплата одного трудодня колхозника выросла и составила: в 1938 г. деньгами 1,27 руб. и натурой – 4,1 кг, в равнинных – 3,08 руб. и 0,5 кг в горных районах. В 1939 г. соответственно 1,90 руб. и 4,8 кг в равнинных и 1,74 руб. и 2,4 кг в горных районах. В 1940 г. – 1,21 руб. и 2,3 кг в равнинных и 1,49 руб. деньгами в горных районах. Сравнительное уменьшение размеров денежных выплат в 1939 или 1940 гг. не означало уменьшения общего объема денежных доходов и фонда оплаты труда колхозников. Для оплаты труда колхозников в 1939 г. было выделено почти на 8 млн. руб. больше, чем в 1938⁴⁷.

О росте материального благополучия свидетельствовала возрастающая покупательная способность колхозного крестьянства: в 1938 г. по сравнению с 1937 г. она поднялась более чем на 66%, а в 1940 г. составила 162060 тыс. руб., т.е. почти удвоилась. Торговое обслуживание сельского населения осуществляла потребительская кооперация, большинство членов которой составляли колхозники⁴⁸.

Имея высокие доходы, коллективные хозяйства и колхозники старались благоустроить свои селения, улучшить свои жилищные условия и внести изменения в условия жизни дагестанского села, где появились новые жилые дома, более удобные для жилья, были построены или открыты в имеющихся зданиях школы, клубы, библиотеки, больницы, детские учреждения, магазины. В домах колхозников появились книги, газеты, журналы, загорелись лампочки, они могли послушать радио.

Для примера можно сказать об изменениях, которые произошли в селении Каякент Дербентского района. В нем до революции имелись 4 мечети, 3 медресе, 11 мулл и 9 кадиев. 97% жителей было неграмотно. В 1934 г. социальная инфраструктура села изменилась, в нем функционировали 3 школы, больница, детсад, был разбит парк культуры и отдыха, где был сооружен памятник В.И. Ленину. В села был проведен телефон, построена шоссеная дорога, электростанция. 75% жителей села владели грамотой, неграмотные были охвачены ликбезами⁴⁹.

В отличие от прошлых лет, когда крестьяне жили в маленьких домах с плоскими крышами и земляными полами, неостекленными окнами или отверстиями в потолке вместо окон и дымовых труб, в которых не было удобства и мебели, у колхозников наиболее распространенным типом жилищ стали просторные дома с большими светлыми окнами. Строились дома, покрытые черепицей, изменилось их убранство, в них появились фабричная мебель

и посуда. В районных центрах открывались мастерские, столовые, чайные, сеть магазинов.⁵⁰

Крупные капитальные вложения государство направляло на улучшение жилищных условий рабочих. С 1932 г. по 1937 г. капвложения в жилищное строительство в республике выросли с 3412,7 тыс. руб. до 7945,2 тыс. руб. За 1935–1938 гг. для работников промышленных предприятий Махачкалы было построено 191 тыс. кв. м жилья. В результате жилплощадь на одного члена семьи рабочего увеличилась с 2,1 кв. м в 1935 г. до 5,3 кв. м в 1938. В конце 30-х гг. жилищная обеспеченность рабочих промышленных предприятий примерно в 1,7 раза превысила дореволюционную, а обеспеченность жильем увеличилась с 2 до 6,5 кв. м на одного человека. Принимались меры и по благоустройству городов и рабочих поселков. За 3 года третьей пятилетки в жилищно-коммунальное хозяйство Дагестана было вложено 13 млн. руб., была проведена реконструкция водопроводов в Махачкале, Дербенте и Кизляре. На благоустройство рабочих поселков в 1939–1940 гг. было затрачено 2 млн. руб.⁵¹

В условиях общего улучшения экономического благосостояния народа и требования воспитания поколения, более сильного, чем потенциальные враги, стало возможным и развитие в стране массового спорта. На осуществление этой задачи было направлено решение Совнаркома СССР в 1939 г. об установлении Дня физкультурника. Благодаря таким мерам и физкультура, и спорт еще больше приблизились к массам и стали массовыми.⁵²

В предвоенные годы были достигнуты значительные успехи в экономическом и культурном развитии страны, повышении материального благосостояния народа. Состоявшийся в марте 1939 г. XVIII съезд ВКП(б) выдвинул чрезмерно смелую для своего времени задачу на третью пятилетку (1938–1942 гг.) – это догнать и перегнать наиболее развитые капиталистические страны по производству продукции на душу населения.

Громадье планов на новую пятилетку вдохновляло трудящихся. Они активно трудились, стараясь не только выполнять, но и перевыполнять намеченное. Однако вероломное нападение фашистской Германии на СССР превало мирный труд советских людей.

На борьбу с врагом поднялись все советские люди, верившие в идеалы социализма и готовые их защитить. Активное участие в ней приняли и спортсмены. Первый мастер спорта из Дагестана, чемпион спартакиады народов Северного Кавказа, занявший второе место на чемпионате Советского Союза и живший в начале войны в Москве, А. Исаев добровольцем записался в особый отряд спортсменов, готовившийся для заброски в тыл врага. Всю войну он вместе с другими спортсменами доблестно сражался против гитлеровских войск.

После войны А. Исаев вновь вернулся в спорт. Работал тренером легкой атлетики московского «Динамо», преподавателем физкультуры Дворца пионеров на Ленинских горах⁵³, не порывал связей с Дагестаном и в конце жизни вернулся домой. Немало и других спортсменов участвовало в Великой

Отечественной войне. Война нанесла стране тяжелейший, трудновосполнимый урон.

Развитие материальной сферы в послевоенные годы. Принимая меры, направленные на быстрейшее восстановление и развитие промышленности и сельского хозяйства, Советское государство одновременно заботилось о росте благосостояния народа. В декабре 1947 г. была проведена денежная реформа и отменены карточки на продовольственные и промышленные товары. Были снижены цены на товары широкого потребления, увеличены размеры пенсионного обеспечения, отпуска женщинам по беременности и родам.

Был сокращен рабочий день в предвыходные и предпраздничные дни и рабочий день для подростков, отменена плата за обучение в высших учебных заведениях и средних школах, увеличена заработная плата низкооплачиваемых рабочих и служащих, повышены заготовительные и закупочные цены на ряд сельскохозяйственных продуктов.

В 1964–1965 гг. была повышена заработная плата работникам просвещения, здравоохранения, жилищно-коммунального хозяйства, предприятий бытового обслуживания, торговли, общественного питания и другим категориям. С 1 января 1968 г. минимальный размер заработной платы рабочих и служащих всех отраслей народного хозяйства был увеличен до 60 руб. в месяц. Среднемесячная заработная плата рабочих и служащих в 1950 г. по сравнению с 1940 г. возросла на 45%.

Много внимания уделялось и повышению материального благосостояния тружеников сельского хозяйства. В 1953 г. Верховный Совет СССР принял закон об уменьшении в 2,5 раза размера сельскохозяйственного налога с колхозников. В январе 1956 г. было опубликовано постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об отмене обязательных поставок за работы МТС, о новом порядке, ценах и условиях заготовок сельскохозяйственных продуктов». Полностью отменялись обязательные поставки государству всех сельскохозяйственных продуктов хозяйствами колхозников, членами промысловых рыболовецких артелей, хозяйствами рабочих и служащих, занятых на постоянной работе на предприятиях, учреждениях и в других организациях, ложившихся на них тяжелым бременем.

Эти меры улучшили материальное положение колхозного крестьянства Дагестана, способствовали росту денежных доходов колхозов. Доходы колхозов с 32,1 млн. руб. в 1955 г. выросли до 77,9 млн. руб. в 1960 г. В среднем на один колхоз денежные доходы составили в 1955 г. 49,5 тыс. руб., а в 1960 г. они выросли до 103,8 тыс. руб.

Передовые колхозы республики, получающие большие денежные доходы, как и в других регионах страны, стали переходить на гарантированную ежемесячную денежную оплату труда, которая повысила заинтересованность колхозников в результатах труда, их трудовую активность.⁵⁴

После войны огромное значение придавалось решению жилищной проблемы, особенно в тех регионах страны, которые оказались оккупированы и где многие дома были разрушены. В Дагестане в первые послевоенные

годы жилье строилось в основном в сельской местности на средства колхозников и сельской интеллигенции. В 1946–1950 гг. ими было построено 6,9 тыс. домов. За десять лет, с 1951 г. по 1960 г. было построено 38,9 тыс. домов. В городах республики средств на строительство жилья по государственной линии выделялось мало, и потому его строилось немного. Так, за 1959 и 1960 гг. в Махачкале, где в 1959 г. проживало 119 тыс. человек, было построено жилых домов общей площадью 105,8 тыс. кв. м.⁵⁵ Из них более 40 тыс. кв. м были построены рабочими и служащими за свой счет и с помощью государственного кредита, а остальные – государственными и кооперативными предприятиями и организациями. В других городах республики строилось и того меньше.

Одним из определяющих показателей роста благосостояния трудящихся принято было считать рост выделяемых из бюджета средств на здравоохранение и бесплатную медицинскую помощь. По этим показателям в республике как будто все обстояло благополучно. Если в 1950 г. на эти цели было израсходовано 73,2 млн. руб., то в 1955 г. расходы на медицину выросли до 89 млн. руб. и в 1961 г. почти до 17 млн. руб. (в новом масштабе цен, что изначально больше, чем в 1955 г.)⁵⁶.

Увеличилась и сеть лечебных учреждений. Если в 1945 г. больниц было 92, то в 1960 г. их стало 196. Число амбулаторно-поликлинических учреждений в 1960 г. составило 218, фельдшерских, фельдшерско-акушерских пунктов – 876 и число женских, детских консультаций и детских поликлиник – 67. Намечился значительный рост медицинского персонала. В 1945 г. врачей было 594, а в 1960 г. их численность увеличилась до 1731 человека. Еще больше выросла численность среднего медперсонала. В 1945 г. их было 1481 человек, а в 1960 г. их численность выросла до 5405 человек⁵⁷.

В эти годы были построены больницы в Бабаюрте и Новолаке, противотуберкулезные учреждения в Избербане, Хасавюртовском и Акушинском районах, развернуты медчасти для работников отгонного животноводства в Бабаюртовском и Хасавюртовском районах, больничный корпус детского лечебного объединения и родильный дом в Махачкале⁵⁸.

Все это позволило улучшить медицинское обслуживание, сократить смертность. В 1960 г. на 1000 человек населения республики число родившихся составило 39,9, число умерших сократилось до 7,2 и естественный прирост вырос до 32,7⁵⁹.

Рост благосостояния и здоровья населения был хотя и не напрямую, но взаимосвязан со спортом, развитием физкультурного движения. Они дополняли друг друга. В трудные послевоенные годы государство не жалело средств на развитие физической культуры и спорта.

Немалые средства на поддержку физкультурного движения выделялись из бюджета республики. В 1951 г. на эти цели в бюджете были предусмотрены 100 тыс. руб., в 1956 г. – 1489 тыс. руб. и в 1962 г. – 200 тыс. руб. (в новом масштабе цен)⁶⁰. Это не считая тех средств (и немалых), которые выделяли профсоюзные организации республики на проведение различных спортивных мероприятий.

Благодаря такой поддержке и вниманию, которые оказывали в республике растущим спортсменам, они завоевывали все новые спортивные высоты. В 1957 г. трое дагестанских спортсменов-борцов – С.Х. Асиятилов, А.М. Ганиев и А.А. Карапетян удостоились высоких спортивных званий – мастеров спорта СССР⁶¹.

Это было начало трудного пути дагестанских спортсменов в большой спорт. Крупнейший успех выпал на долю дагестанского спортсмена Али Алиева на мировом первенстве по вольной борьбе в Тегеране в 1959 г. Выступая в наилегчайшем весе, он стал чемпионом мира. Еще четырежды А. Алиев был удостоен этого высокого звания. Он участвовал в XVII (Рим), XVIII (Токио) и XIX (Мехико) Олимпийских играх. Шесть раз он удаивался золотых медалей чемпиона страны, был заслуженным мастером спорта СССР⁶². С каждым годом пополнялись ряды дагестанских спортсменов, поднимавшихся на высшую ступеньку спортивного мастерства среди многочисленных спортсменов страны. В 1961 г. в Дагестане было 7 мастеров Советского Союза, 278 перворазрядников, более 165 тыс. занимающихся физкультурой, участвующих в различных спортивных секциях и выступлениях⁶³.

В 1961 г. на XXII съезде Коммунистической партии была принята широко разрекламированная Программа КПСС, в которой высшей целью партии провозглашалось строительство коммунистического общества, на знамени которого было начертано: «От каждого – по способности, каждому – по потребностям»⁶⁴. В ней действительно были поставлены такие задачи, которые, будь они выполнены, приблизили бы общество к коммунизму.

В частности, в Программе КПСС были намечены такие конкретные пути повышения благосостояния народа, как повышение оплаты по количеству и качеству труда, увеличение и расширение общественных фондов потребления, быстрый рост производства товаров народного потребления, широкое развертывание жилищного и культурно-бытового строительства, сокращение различий в доходах рабочих и крестьян, а также разных регионов страны.

Хотя программу в целом и не удалось выполнить, однако было сделано немало. В 1960–1970 гг. наблюдалось ускоренное развитие экономики страны, значительный рост благосостояния всего общества. Средняя заработная плата рабочих и служащих возросла в 1975 г. до 146 руб. в месяц, а оплата труда колхозников составила 93 руб. в месяц⁶⁵. В Дагестане среднемесячная зарплата рабочих и служащих отставала от общесоюзных показателей. В 1976 г., на год позже, чем по стране, здесь среднемесячная зарплата этих категорий работников выросла до 124,2 руб⁶⁶. Но к этому времени зарплата по стране, несомненно, несколько увеличилась, и реальная разница в уровне оплаты их труда была более заметной.

Все весомее на реальную оплату труда всех категорий работников влияли выплаты из фонда материального поощрения, которые из года в год росли. Если в 1966 г. выплаты из фонда материального поощрения по Дагестану составили 13,7 млн. руб., то в 1979 г. они увеличились до 36,6 млн. руб. Кроме того, на реальную зарплату рабочих и служащих влияли также выпла-

ты и льготы, которые они получали из общественных фондов потребления. Если в 1978 г. среднемесячная зарплата рабочих и служащих составила 160 руб., то они из общественных фондов дополнительно получили 59 руб.⁶⁷

Государственные дотации в различной форме приходились и на долю колхозного крестьянства. Начатый в 1959–1962 гг. переход колхозов на гарантированную денежную оплату труда, а также повышение закупочных цен на продукцию сельского хозяйства позволили многим общественным хозяйствам повысить своим работникам оплату труда и стимулировать их материальную заинтересованность. Положительный опыт в таком плане был накоплен в колхозе им. XX съезда КПСС Тарумовского района. Если в 1962 г. среднемесячный заработок колхозника, занятого в растениеводстве, составлял 40–50 руб., доярки – 60–70 руб., чабана – 70–80 руб., то в 1965 г. он стал соответственно 60–70 руб., 100–120 руб., 130–150 и более рублей в месяц⁶⁸.

Гарантированная оплата, введенная вначале в передовых общественных хозяйствах, была принята колхозниками положительно и поддержана партией и правительством. ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление «О повышении материальной заинтересованности колхозников в развитии общественного производства»⁶⁹. В нем всем колхозам было рекомендовано ввести с 1 июля 1966 г. гарантированную оплату труда деньгами (не реже одного раза в месяц) и натурой (по мере получения продукции).

В Дагестане в 1968 г. был завершён переход колхозов на гарантированную оплату труда. Среднемесячная оплата труда в колхозах выросла с 21,6 руб. в 1960 г. до 60,5 руб. в 1970 г., в совхозах соответственно с 55,6 руб. до 99,2 руб. Наблюдалось сближение заработка колхозников со среднемесячной зарплатой рабочих и служащих, как это намечалось Программой КПСС. Для сравнения можно отметить, что среднемесячная зарплата рабочих и служащих по Дагестану в 1970 г. составляла 99,3 руб., а заработок механизаторов – в пределах 100–150 руб.⁷⁰

На сближение уровня и образа жизни сельских тружеников и рабочих большое влияние оказали меры, принятые правительством по социальному обеспечению трудящихся. 15 июля 1964 г. Верховный Совет СССР принял закон о пенсиях и пособиях членам сельскохозяйственных артелей. С января 1965 г. все колхозники получили право на пенсию по старости, по инвалидности, в случае потери кормильца, на пособие по беременности и родам.

Расходы на выплату пенсий и содержание учреждений социального обеспечения по Дагестану за годы семилетки составили 8709 тыс. руб., или в 4 раза больше, чем в 1949–1955 гг. Все виды пенсий и пособий в 1969 г. получили 64880 человек на сумму в 50,3 млн. руб.

Семьи колхозников имели доходы и от личных подсобных хозяйств. Они составляли в среднем за год от 600 до 800 руб. В равнинной зоне доходы от личных подсобных хозяйств были ниже, в предгорных 200–400 руб., и они поднимались до 1200 руб. в хозяйствах, занимающихся садоводством и огородничеством⁷¹.

Бюджетное обследование колхозных семей, проведенное Дагестанским статистическим управлением в годы восьмой пятилетки (1966–1970 гг.), показало, что в общей сумме реальных доходов колхозников доходы от общественного хозяйства составляют в среднем 64,7%, а от личного хозяйства – 26%. Личное подсобное хозяйство являлось, с одной стороны, необходимым источником доходов колхозной семьи и, с другой – обеспечивало занятость трудоизбыточного населения, особенно горных районов.

В решении аграрных и социальных проблем горцев огромную роль продолжало играть переселение горцев на равнину, принявшее большой размах в 50–70-е годы. За 1955–1965 гг. на равнину было переселено свыше 22 тыс. семей, или около 90 тыс. человек. За это время для них было создано 50 новых населенных пунктов, 57 колхозов и построено около 20 тыс. домов⁷².

Несмотря на очевидные экономические преимущества, которые получали горцы, переселившись на равнину, они трудно соглашались на такой шаг и очень неохотно покидали отцовский очаг. В этом вопросе партийным и советским органам помогли, если так можно выразиться, стихийные бедствия – землетрясения 1966 и 1970 гг. После них горцы легче соглашались покидать разрушенные аулы и обустраиваться в равнинных районах. В те годы на равнину было переселено около 10 тыс. семей с общим количеством населения в 40–50 тыс. человек. Все затраты по их переселению государство взяло на себя. Только обустройство жителей 24 населенных пунктов, пострадавших от землетрясения, государству обошлось почти в 63 млн. руб.⁷³

Переселение существенно смягчило остроту аграрного вопроса в горах, внесло значительные изменения в этносоциальную ситуацию в равнинной и приморских частях Дагестана. 280 колхозов и совхозов 21 горного района республики получили на равнине дополнительно к имеющимся у них земельным ресурсам около 1,5 млн. га сельхозугодий, из них 137 тыс. га пашни.

В процессе переселения бывшие одно- и двухнациональные районы превратились в многонациональные. Как видно, по итогам Всесоюзной переписи 1926 г., Бабаюртовский, Кизлярский, Караногайский (Ногайский) районы в современных административных границах были одно- или двухнациональные. Основное население этих районов составляли соответственно кумыки, русские и ногайцы.

Материалы же Всесоюзной переписи 1979 г., отражающие итоги всех предшествующих переселений, показывают, что за полвека в этих районах появилось около десяти новых относительно крупных этнических массивов. Прежде всего это аварцы, даргинцы, лезгины, лакцы и табасаранцы, которые вместе составляют около половины всего населения равнины. Полиэтничность, включающая около 20 этносов, стала одной из характерных особенностей расселения народов в равнинном Дагестане.

Однако последствия переселения проявились не только в смешении национального состава населения, они затронули многие стороны хозяйственно-бытовой жизни как местных, так и переселенцев, привели к унификации материальной и духовной сфер, интернационализации общественной

жизни. Появление многонациональных коллективов, сел, городов и районов ускорило переход к единому языку межнационального общения, в роли которого стал выступать русский язык. Материалы переписи последних лет неизменно показывают высокий процент владеющих русским языком, в том числе в сельских районах⁷⁴.

Нивелировке подверглась и одежда переселенцев и местного населения, которая в прошлом служила одним из характерных признаков принадлежности человека к тому или иному этносу, селу, обществу. Теперь она стала похожей у всех, особенно в районах с этнически смешанным населением, на городскую одежду. В культуру и быт переселенцев внедрялись новые элементы, национальные по форме, но отличающиеся по содержанию от традиций прошлых поколений. Традиционные элементы сохранялись в культуре и быте переселенцев, в их пище⁷⁵.

Официальные органы и находившиеся в их подчинении средства массовой информации проводили массированную пропаганду переселения горцев на равнину как единственный путь к изобилию и современной культуре, одновременно утверждая в сознании части горского населения бесперспективность земледелия в горах.

В результате многие высокоурожайные террасные земли, сады и другие сельскохозяйственные угодья, истари обрабатывавшиеся в горах и обеспечивавшие жизненные потребности значительной части горцев, были заброшены. Из сельскохозяйственного оборота в горах было выведено более 100 тыс. га пашни, что составляло 42% обрабатываемой земли. В горах появились не только заброшенные поля, но и целые аулы, жители которых переселились на равнину, жили в городах или ушли на заработки в другие регионы страны.

Наплыв переселенцев на равнину в результате планового или стихийного переселения вызвал значительные изменения и в равнинных районах. С 1926 г. по 1979 г. население равнины увеличилось примерно на 200 тыс. человек⁷⁶. Это увеличение происходило при одновременном оттоке определенной части местного населения, преимущественно русской, за пределы Дагестана. В таком массовом переселении не все было обдуманно, при его проведении было допущено немало ошибок, имевших серьезные антигуманные последствия. В результате проведения переселения оголили горы и создали ущербную для равнинных жителей тесноту⁷⁷.

В 70-е гг. главными задачами социальной политики Советского государства являлись повышение благосостояния, улучшение условий труда и быта людей, преодоление существенных различий между умственным и физическим трудом, городом и деревней. Планировалось увеличить денежные доходы населения страны по сравнению с 1970 г. на 22 млрд. руб. Если в предыдущие годы развитие промышленности происходило с преимущественным ростом производства средств производства, то в 1971 – 1975 гг. темпы роста производства средств потребления планировалось увеличить на 48,6%, а средств производства – на 46,3%. В 1975 г. намечалось произвести товаров народного потребления почти в 2 раза больше, чем 1970 г.⁷⁸

Большую помощь республике в увеличении капитальных вложений в жилищное строительство оказали Центральный Комитет КПСС и Совет Министров СССР. В соответствии с их решениями в пострадавших от землетрясения городах и районах Дагестана только в 1970–1971 гг. было построено жилых домов площадью 330 тыс. кв. м, школ на 16 тыс. ученических мест, магазинов на 208 рабочих мест, 32 водопроводные линии, 21 км дорог, 40 км электросетей, газифицировано 11 тыс. квартир⁷⁹.

Помимо строительства жилья для пострадавших от землетрясения, в республике продолжалось плановое строительство. Все это дало весомую прибавку в решении жилищных проблем трудящихся. Городской жилищный фонд в республике с 4494,5 тыс. кв. м увеличился к 1980 г. до 7105,9 тыс. кв. м, кроме того, жилищный фонд, находящийся в личной собственности, за эти годы вырос с 2386,6 тыс. кв. м до 2725,1 тыс. кв. м⁸⁰.

В республике обратили внимание и на улучшение жилищно-бытовых условий животноводов, занятых в отгонном животноводстве. В 70-е гг. в Дагестане было 1140 кутанов, 620 колхозов и совхозов, в которых трудилось свыше 26 тыс. животноводов. В соответствии с постановлением бюро Дагестанского обкома партии и Совета Министров ДАССР (апрель 1972 г.) намечалось построить прикутанские школы на 1000 ученических мест, клубных учреждений на 3390 мест, детских дошкольных учреждений на 280 мест, медицинских пунктов площадью 600 кв. м, домов для животноводов общей площадью 8242 кв. м⁸¹.

Основным источником доходов населения оставалась заработная плата. По мере развития экономики страны заработная плата имела тенденцию к росту. Советское государство со второй половины 60-х гг. приняло целый ряд решений, направленных на повышение заработной платы. С января 1965 г. минимальная зарплата рабочих и служащих была повышена до 40–45 руб. в месяц, с января 1968 г. – до 60 руб. в месяц. Среднемесячная зарплата по всему народному хозяйству в 1968 г. составила 113 руб., в 1975 г. – 145,8 руб. в месяц. В 1976 г. минимальная зарплата была повышена до 70 руб. в месяц.

За 10-летие, с 1966 г. по 1975 г., численность населения с доходом 100 и более руб. в месяц на члена семьи возросла в 8,5 раза. Если в 1965 г. доход в 100 и более руб. имели 4% населения, то в 1976 г. их доля увеличилась до 38%⁸². Эти меры распространялись и на Дагестан. Среднемесячная денежная заработная плата рабочих и служащих республики с 99,3 руб. в 1970 г. выросла до 126,5 руб. в 1979 г. У рабочих, занятых в промышленности, этот рост был еще выше со 114,6 руб. в 1970 г. до 146,7 руб. в 1979 г. Более высокие доходы были и у работников транспорта и строительства⁸³.

Заработная плата не оставалась постоянной, на одном уровне. Время от времени она повышалась. В 1972 г. с 1 сентября была повышена заработная плата учителям, воспитателям детских учреждений и врачам. С декабря 1977 г. была увеличена заработная плата рабочих непроизводственных отраслей на 18%.

Росло значение личных подсобных хозяйств как в общем производстве сельскохозяйственной продукции, так и в качестве источника доходной части семейного бюджета. На долю приусадебных хозяйств колхозников, рабочих и служащих совхозов в 1970–1976 гг. приходилось 31,2% всей валовой продукции Дагестана. В 1979 г. в общем объеме личного потребления сельского населения доля продуктов питания, производимых на приусадебных участках, составила по Дагестану 47,6%.

Был принят ряд законодательных актов, направленных на повышение социального обеспечения населения. В ноябре 1975 г. было принято постановление Совета Министров СССР «О дальнейшем повышении размеров пенсий инвалидам и семьям, потерявшим кормильца». В марте 1975 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР, а затем было принято постановление Совпаркома СССР «О внесении изменений в положение о порядке назначения и выплаты пенсий членам колхозов». С января 1980 г. минимальные размеры пенсий колхозников были повышены на 40%.

Эти законы и постановления коснулись и многих трудящихся республики. 5350 дагестанских семей, потерявших кормильца, стали получать пенсии в новых повышенных размерах. К 1980 г. государственную пенсию в Дагестане получали 124 тыс. человек. Средний размер их пенсии составлял около 52 руб. в месяц. За 1976–1980 гг. в республике на выплату пенсий и пособий пенсионерам по возрасту, инвалидам войны, многодетным матерям было израсходовано 554 млн. руб.⁸⁴

Заботу об улучшении социального положения своих членов проявляли и профсоюзы Дагестана. На улучшение их жилищных условий и социальное страхование профсоюзы в 1976–1980 гг. израсходовали более 400 млн. руб.⁸⁵

Рост реальных доходов населения и увеличение производства сельскохозяйственных продуктов отразились на улучшении его питания. Потребление основных продуктов питания на душу населения из расчета на год (в кг) составило по стране: мяса и сала в 1960 г. – 40, в 1975 г. – 57; молока – соответственно 240 и 316; яиц (штук) – 118 и 216; рыбы – 9,9 и 16,8; сахара – 28 и 40,9; растительного масла – 5,3 и 7,6; фруктов – 22 и 39; овощей и бахчевых – 70 и 89; картофеля – 143 и 120; хлебопродуктов – 164 и 141 кг.⁸⁶ По всем продуктам, за исключением хлебопродуктов, отмечался рост потребления. Сокращение в рационе питания населения хлеба объяснялось просто – при таком разнообразии питания люди меньше стали его потреблять. Следует также отметить, что продукты сельского хозяйства были не импортные, а выращенные на колхозных и совхозных полях, а также в личных подсобных хозяйствах колхозников, рабочих и служащих и экологически чистые.

В решении многих социальных вопросов семьи, женщины, матери детские дошкольные учреждения и пионерские лагеря играли не последнюю роль. Если в 1970 г. насчитывался 231 постоянный детский сад и ясли, то в 1980 г. их число возросло до 396. В них в 1970 г. воспитывалось 26 тыс. детей, а в 1980 г. их численность выросла до 51,9 тыс., или почти в 2 раза. Несмотря на такой рост детских яслей и садов, их не хватало, особенно в сель-

ской местности. И принимаемые меры далеко не удовлетворяли потребности в них. Как ни странно, выделяемые государством средства на строительство детских дошкольных учреждений из года в год не осваивались.

Профсоюзы Дагестана совместно с комсомолом, промышленными и сельскохозяйственными организациями, органами народного образования заботились о создании условий для летнего отдыха детей-школьников. В 1970 г. была организована работа 159 пионерских лагерей. В 1980 г. их число сократилось и составило 123. Однако при меньшей численности они приняли значительно больше детей. Если в 1970 г. в лагерях отдохнуло 29240 детей, то в 1980 г. в них отдыхали 3147 детей⁸⁷.

В 70-е гг. выросли показатели системы здравоохранения и медицинского обслуживания населения республики. Если в 1970 г. численность врачей составляла 2977 человек, то в 1980 г. их было 5584 человека. За это же время численность среднего медицинского персонала выросла с 8728 человек до 13219 человек в 1980 г.⁸⁸

С каждым годом в республике все более популярным становился спорт, развивалось физкультурное движение. В рядах физкультурников к 1976 г. числилось 286 тыс. человек. Для занятий спортом имелись 3163 спортивные площадки, 338 спортивных залов, 10 стадионов.

Особенно оживилась спортивная жизнь в связи с подготовкой к XXII Олимпийским играм в Москве в 1980 г. В Дагестане проводились детские спортивные игры, спартакиады, смотри-конкурсы на лучшую постановку физкультурно-массовой работы по месту жительства. Многие дагестанские спортсмены участвовали в различных спортивных соревнованиях и играх, проводимых как в стране, так и за рубежом.

С охватом большого количества детей, юношей и девушек в республике проводились спортивные игры. В V детских спортивных играх «Старты и надежды», посвященных Олимпиаде, приняло участие более 90% учащихся 9–10 классов. В ходе игр подготовкой и сдачей норм ГТО было охвачено 135 тыс. учащихся. Из них каждый второй стал значкистом Всесоюзного физкультурного комплекса.

С большим размахом прошла III спартакиада профсоюзов Дагестана (октябрь 1980 г.). В финал этой спартакиады вышли 3000 спортсменов. В ходе ее проведения значкистами ГТО разной степени стало свыше 22,5 тыс. человек, около 22 тыс. человек выполнили нормативы массовых разрядов, а 315 спортсменов стали перворазрядниками⁸⁹.

Была проведена большая работа и по подготовке спортсменов, которые имели шансы попасть на Олимпиаду 80 и могли претендовать на высокие результаты. Их участие в Олимпиаде было в целом успешным. Олимпийскими чемпионами по борьбе стали Магомед-Гасан Абушев, Сайпулла Абсаидов и по фехтованию – Владимир Назлымов, добившийся чемпионского звания в составе команды из пяти человек. Вместе с ним чемпионами стали В. Кровопусков, М. Бурцев, В. Сидяк и Н. Алехин⁹⁰.

Продолжая олимпийский успех, дагестанские спортсмены успешно выступали на всесоюзных и международных соревнованиях. За 1976–1980 гг.

спортивные общества подготовили 92 мастера спорта СССР и международного класса, 3700 кандидатов в мастера и перворазрядников. Из рядов дагестанских спортсменов вышли такие прославленные мастера спорта, как А. Алиев, четырехкратный чемпион мира, олимпийские чемпионы З. Абдулбеков, В. Юмин, В. Назлымов, М. Абушев, С. Абсаидов, призеры Олимпийских игр, чемпионы СССР, Европы и мира Ю. Шахмурадов, М. Арацилов, Р. Ашуралиев, А. Аллахвердиев, Я. Шугаев, М. Магомедов и др.⁹¹

В 80-е гг. продолжался рост денежных доходов населения. Среднемесячная заработная плата рабочих и служащих Дагестана в 1985 г. составляла 145,9 руб., в строительстве – 190,4 руб., промышленности – 165,1 руб., в сельском хозяйстве – 124,6 руб.⁹² Для сравнения можно указать, что среднемесячная зарплата рабочих и служащих по СССР к началу 1986 г. составила 190,1 руб.⁹³

Были приняты меры для повышения средних размеров пенсий. В 1981 г. минимальные размеры пенсий были увеличены у 56 тыс. пенсионеров. В 1983 г. пенсии были пересчитаны с учетом надбавки за непрерывный стаж работы на одном предприятии 9 тыс. граждан и обеспечена их выплата. На средства, выделяемые государством на социальные нужды, содержались 5 домов-интернатов для престарелых, общий годовой расход которых составлял 1,2 млн. руб.⁹⁴ По линии Министерства социального обеспечения ДАССР оказывались и другие виды помощи социально нуждающимся категориям населения.

Однако некоторый рост денежных доходов населения сводился на нет повышением цен на промышленные товары и рыночных цен на продукты питания. В феврале 1983 г. были повышены цены на отдельные виды товаров на общую сумму примерно в 4 млрд. руб.

Учитывая непопулярность таких мер, правительство пыталось нейтрализовать их возможные негативные последствия путем снижения цен на ряд товаров. В апреле 1983 г. дважды проводилось снижение цен на некоторые товары на общую сумму около 3 млрд. руб., в 1984 г. – еще на 2,2 млрд. руб. Это было четвертое за пятилетие снижение цен на сумму свыше 9 млрд. руб.⁹⁵

Широкая реклама, которой сопровождалось каждое снижение цен и негласное проведение повышения цен, создавали у общественности не совсем ясное и правильное понимание характера и последствий этих мер. Проводимое снижение цен распространялось прежде всего на неходовые, не пользующиеся спросом товары. Они не компенсировали потери населения от неоднократных повышений цен и отражались на его доходах.

В то же время предприятиям было дано право устанавливать более высокие цены на новые товары, получившие так называемый индекс «Н» (новинка), чем они широко пользовались. Хотя «новинки» нередко мало чем отличались от старых товаров по качественным характеристикам, тем не менее цены на них оказывались значительно выше старых. Однако это не рассматривалось как повышение цен, хотя также отражалось на бюджете почти каждой семьи.

Дополнительным бременем на доходы населения ложился рост рыночных цен на сельскохозяйственные продукты. Учитывая нерентабельность производства сельскохозяйственных продуктов, государство, стараясь помочь колхозам и совхозам, многократно повышало закупочные цены, одновременно разрешая общественным хозяйствам продавать часть продукции на рынках в счет плана. Реализация такой продукции шла уже по рыночным ценам, более высоким, чем в государственных магазинах.

При низких доходах населения Дагестан оставался одним из районов с довольно высоким удельным весом незанятой части населения. По расчетам Госплана и Статистического управления ДАССР, численность трудовых ресурсов республики на 1983 г. составила 905,2 тыс. человек при общей численности населения 1704 тыс. человек. Из них в общественном производстве было занято 635,5 тыс. человек (72,1%), учились с отрывом от производства 86,6 тыс. человек (9,7%), было занято в домашнем и подсобном хозяйстве 165,1 тыс. человек (18,2%).

Обычно в последнюю категорию включались лица неработающие и занимавшие большой удельный вес. Их учет не проводился. В занятую часть населения без документального подтверждения включались лица трудоспособного возраста, выезжавшие на заработки, а их насчитывалось более 40 тыс. человек, и лица, выезжавшие на учебу. Отсутствие такого учета не позволяло давать действительную картину трудовой занятости населения республики.

Приблизительные подсчеты показывали, что для полной занятости населения следовало ежегодно готовить не менее 50 тыс. рабочих мест. Для решения этой задачи намечалось строить промышленные предприятия особенно в сельской местности, укреплять и расширять строительные организации, развивать туризм и т.д.⁹⁶

Такие меры планировались ежегодно, однако многое из намеченного оставалось на бумаге. Особенно неудовлетворительно решались вопросы трудоустройства молодежи. На 1985 г. было запланировано трудоустроить 15234 юноши и девушки, оканчивающих школу. Но планы оказались невыполненными, и к концу года было трудоустроено примерно 35% выпускников школ.⁹⁷

Ограниченность сферы приложения труда, нерациональное использование с этой целью местных резервов приводили к росту «отходничества» и выезду значительного числа людей на заработки в другие регионы страны. Отток населения из Дагестана в одиннадцатой пятилетке составил около 100 тыс. человек.⁹⁸

Попытки решить административно-командными методами вопросы трудоустройства трудозбыточной части населения без крупных социальных перемен, широкого развития сферы обслуживания оказывались обреченными на неудачу. Принимаемые решения о строительстве новых предприятий, расширении рабочих мест по линии министерств местной промышленности, бытового обслуживания и других ведомств не выполнялись.

Продолжали углубляться наметившиеся в развитии народного хозяйства негативные процессы и диспропорции. Достигнутый за годы пятилетки рост розничного товарооборота государственной и кооперативной торговли на 28% свидетельствовал не только о росте благосостояния населения, как это нередко преподносилось, но и о неудовлетворенном спросе. Правда, в те годы данные о неудовлетворенном спросе населения не публиковались, они особо и не изучались. В какой-то мере о них можно судить по вкладам населения республики в сберегательные кассы. Если в 1980 г. вклады населения в сберкассy оставили 686,9 млн. руб., то в 1985 г. они увеличились до 987,6 млн. руб., хотя за это время и не произошло повышения зарплаты⁹⁹. К этому следует добавить, что у населения в руках находились суммы, видимо, не меньшие, чем их вклады в сберкассy. Все эти средства не находили ни товаров, ни услуг.

Одной из острых проблем в социальной сфере оставалось жилье. Несмотря на остроту проблемы, ее решение затягивалось. При заведомо огромных очередях на получение жилья капитальные вложения и планы жилищного строительства из года в год сокращались и с 3200 тыс. кв. м жилой площади, построенных в республике в 1971–1975 гг., упали до 2465,3 тыс. кв. м, сданных в 1981–1985 гг. При этом выделяемые средства на строительство жилья не осваивались.

Много жалоб от населения поступало на плохое отопление домов государственного жилого фонда, неудовлетворительное водо- и газоснабжение, низкий уровень содержания жилья, дворовых территорий и улиц городов и сел¹⁰⁰. В жилищном фонде сохранялось немало старых домов, лишенных каких-либо удобств, в городах встречались целые районы трущоб, в которых население проживало в страшной тесноте.

Во второй половине 80-х гг., несмотря на значительные трудности и нерешенные проблемы в развитии экономики, в стране продолжала осуществляться политика на последовательное улучшение материального благосостояния населения, проводились мероприятия по упорядочению заработной платы и повышению ее низкооплачиваемым категориям работников.

В двенадцатой пятилетке в результате поэтапного повышения минимальных размеров оплаты труда рабочих и служащих, тарифных ставок и окладов низкооплачиваемых и среднеоплачиваемых работников различных отраслей экономики продолжался рост реальных доходов населения Дагестана. В 1989 г. среднемесячная заработная плата рабочих и служащих в республике по сравнению с 1985 г. возросла на 75% и составила 193 руб., в том числе в промышленности 222 руб. и в сельском хозяйстве 147 руб.¹⁰¹ Одновременно продолжали расти выплаты и льготы, предоставляемые трудящимся за счет общественных фондов.

В течение пятилетия основным источником доходов населения Дагестана оставались заработная плата и выплаты из общественных фондов. По данным материалов выборочного обследования домашних хозяйств, проведенного в 1991 г., в среднем на домохозяйство в год в республике на оплату труда приходилось 53,8% денежных доходов¹⁰². Как было отмечено ранее,

продукция сельского хозяйства, получаемая в личных подсобных хозяйствах населения Дагестана, продолжала возрастать. Произведенная в них продукция не только использовалась для личного потребления, но и продавалась, пополняя семейный бюджет трудящихся республики.

Несмотря на позитивные изменения и результаты, достигнутые в двенадцатой пятилетке, по уровню материального благосостояния населения Дагестан оставался одним из самых отсталых регионов Российской Федерации. В 1980 г. по показателю среднедушевых доходов Дагестан занял 73 место среди регионов России. В 1985 г. Республика Дагестан занимала одно из последних мест в России по среднедушевому уровню потребления основных продуктов питания. В 1988 г. стоимость основных фондов непроизводственного назначения на одного жителя республики была самой низкой в РСФСР и 1,6 раза ниже, чем в среднем по Северному Кавказу¹⁰³.

Важнейшим направлением повышения материального благосостояния населения республики оставались дальнейшее развертывание жилищного строительства, улучшение жилищных условий городских и сельских семей.

В соответствии с установками XXVII съезда КПСС об обеспечении каждой советской семьи до 2000 г. отдельной квартирой или домом 5 февраля 1989 г. было принято постановление Совета Министров ДАССР «О мерах по ускорению строительства жилья в республике в 12-й пятилетке и на период до 2000 г.», в котором предусматривалось до 2000 г. ввести в эксплуатацию 137,5 тыс. квартир общей площадью 16768 тыс. кв. м, из них строительство 111,4 тыс. квартир, или 81% от их общего числа, предусматривалось осуществить за счет индивидуального сектора.

Эти оптимистические планы были нереальными и носили скорее декларативный характер, нежели реальный. За годы 12-й пятилетки (1986–1990 гг.) план по вводу жилья был выполнен только в 1986 г. В дальнейшем намеченные планы по жилищному строительству были сорваны, население республики недополучило приблизительно 25 тыс. кв. м жилья.

В начале 90-х годов практически было заморожено строительство всех домов жилищно-строительных контор¹⁰⁴. По уровню обеспечения городского населения жильем Дагестан к концу 80-х гг. занимал 76 место в Российской Федерации.

На охрану здоровья людей Советское государство ежегодно выделяло огромные средства, однако они не везде и не всегда использовались эффективно. В центральные органы поступали жалобы и заявления граждан, свидетельствующие о недостатках в деятельности органов здравоохранения. Об этом шла речь и в постановлении ЦК КПСС от 9 июня 1981 г. «О письмах трудящихся по вопросам дальнейшего улучшения медицинского обслуживания населения в свете решений XXVI съезда КПСС».

Выполняя решения ЦК КПСС, Дагестанский обком партии и Совет Министров ДАССР в октябре 1981 г. приняли аналогичное постановление. В нем отмечались те меры, которые осуществлены по укреплению материальной базы здравоохранения. В 1981 г. были сданы в эксплуатацию больницы

на 450 коек, строились 4 городские и 4 сельские больницы на 1455 коек, в том числе республиканская клиническая больница на 1080 коек.

Однако имеющаяся база не удовлетворяла потребности нуждающихся в стационарном лечении, имелись недостатки и в обеспечении населения поликлинической помощью, кадрами медицинских работников. В 1981 г. в системе народного здравоохранения в республике насчитывалось 5955 врачей и 13863 медицинских работника, функционировало 186 больничных учреждений на 18640 коек, 213 врачебных учреждений, оказывающих амбулаторно-поликлиническую помощь населению.

Однако всего этого, хотя и несравнимого с положением здравоохранения в дореволюционном прошлом, было недостаточно для республики с населением более чем в 1670 тыс. человек. Очереди в поликлиниках, нехватка больничных коек для больных были, пожалуй, самым тревожным и заметным сигналом бедственного положения, в котором оказалось здравоохранение.

Очень высокой оставалась детская смертность. Но, несмотря на столь тревожное положение, количество женских консультаций, детских поликлиник и амбулаторий росло медленно. За двадцать два года, с 1960 г. по 1982 г., их численность выросла с 67 до 87, число коек для беременных женщин и рожениц составляло всего 2099.

Имеющиеся учреждения здравоохранения в плане технического обеспечения не выдерживали никакой критики, организация питания и ухода за больными, санитарное состояние больниц и других учреждений требовали коренного улучшения. Имели место факты невнимательного отношения к больным со стороны врачей и средних медицинских работников, порой невыполнение ими своих прямых обязанностей¹⁰⁵.

Но, невзирая на трудности, в работе учреждений здравоохранения благодаря принимаемым мерам были заметны сдвиги. К началу 1984 г. были введены в строй республиканская многопрофильная детская больница на 360 коек, туберкулезная больница на 125 коек, поликлиника автотранспортников и строителей¹⁰⁶. Хотя их введение в строй не снимало все проблемы здравоохранения, но достичь некоторого улучшения медицинского обслуживания населения удалось.

В двенадцатой пятилетке продолжала укрепляться материально-техническая база учреждений здравоохранения Дагестана. За четыре года пятилетки (1986–1989) в республике по сравнению с соответствующим периодом одиннадцатой пятилетки строительство и ввод в эксплуатацию больничных коек увеличилось на 140 мест¹⁰⁷. В целом обеспеченность койко-местами в расчете на 1000 человек населения в Дагестане со 121,3 в 1985 г. возросла до 128,9 в 1990 г.¹⁰⁸ Расширение коечной сети сопровождалось усилением внимания к организации специализированной медицинской помощи населению.

Продолжался рост численности врачей и среднего медицинского персонала в учреждениях здравоохранения. В 1990 г. в расчете на 1000 человек населения в республике приходилось 43,1 врача и 110,5 среднего медицин-

ского работника, что на 3,6 врача и 16,9 среднего медицинского работника больше по сравнению с 1985 г. Однако по многим важнейшим показателям здравоохранения республика продолжала существенно отставать от общедеративных показателей. Достаточно отметить, что в 1990 г. Дагестан по обеспеченности населения больничными койками (на 10000 человек населения) занимал 68 место в Российской Федерации¹⁰⁹.

Республика располагала большими возможностями и благоприятными климатическими условиями для организации санаторно-курортного лечения трудящихся и туризма. К 1981 г. в республике функционировали 2 санатория на 811 мест, дом отдыха на 700 мест и 8 туристических баз на 1200 туристов¹¹⁰.

За пятилетие несколько улучшилась и материальная база санаторно-курортных учреждений Дагестана. В 1981 г. завершилась реконструкция санатория «Талги», на которую было вложено 2,4 млн. руб. Строительство новых корпусов санатория продолжалось, а в санаториях «Чайка» и «Каякент» было начато новое строительство. В 1985 г. санатории республики могли принять до 2680 человек, а 10 туристских баз – около 3600 человек одновременно¹¹¹.

Дагестан становился все более притягательным для туристов из других регионов страны. Здесь проходило несколько всесоюзных туристических маршрутов. Сочетание моря и гор, золотисто-песчаных пляжей и снежных вершин, полиэтничное, разноязычное население, встречавшее всех приезжих с традиционно искренним, теплым гостеприимством, не оставляли никого равнодушным, многие уезжали с мыслью хотя бы еще раз повторить встречу со Страной гор.

Дагестанское областное бюро по туризму и путешествиям организовывало для жителей республики туристические поездки для поездок в крупные города, культурные и научные центры страны, в республики Прибалтики, Средней Азии и другие регионы страны. Наиболее популярными и, можно сказать, самыми массовыми, несмотря на ограничения, стали туристические поездки за рубеж. Их популярность объяснялась не только желанием посмотреть новые страны, ознакомиться с памятниками мировой культуры, хотя это было одной из главных причин, но и возможностью приобрести, притом дешевле, чем у себя на родине, товары, на которые в стране ощущался острый дефицит. Людей не останавливали ни растущие цены на путевки, ни всевозможные ограничения в виде жестких лимитов и различных препятствий при оформлении разрешения на выезд за границу. Представления предприятий и организаций о выдаче такого разрешения рассматривались и решались специальными комиссиями, созданными при обкомах партии и возглавляемыми, как правило, секретарем обкома партии по идеологии.

Ежегодно из Дагестана в зарубежную туристическую поездку выезжало примерно 2500 человек. Однако эти данные далеко не полностью отражали число желающих поехать в турпоездки в зарубежные страны. В 1980 г. комиссией Дагестанского обкома партии были рассмотрены представления министерств, ведомств и организаций о предоставлении разрешения на по-

ездку в зарубежные страны 3141 человеку. Но разрешение на выезд было оформлено на 2544 человека, в том числе на 1482 человека в туристическую поездку, из них 989 человек в соцстраны и 494 человека – в капстраны. Остальные выезды совершались по служебным и частным делам, по линии партийных организаций и на лечение¹¹². В 1981 г. за границу выехало 2527 туристов (1755 человек – в соцстраны и 722 – в капстраны) и 498 специалистов, в 1984 г. – 2520 и в первом полугодии 1985 г. – 1174 человека¹¹³.

На укрепление здоровья людей была направлена и разветвленная сеть физкультурно-оздоровительных учреждений. Дальнейшее оживление их работы было связано с постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 11 сентября 1981 г. «О дальнейшем подъеме массовости физической культуры и спорта». Усилилось внимание общественности к этим вопросам, были выделены дополнительные средства на укрепление материальной базы спорта, стали чаще проводиться массовые спортивные мероприятия.

В XXIX летней спартакиаде народов Дагестана (октябрь 1981 г.) и IV спартакиаде профсоюзов Дагестана (октябрь 1982 г.) приняло участие более 900 тыс. человек. В ходе их подготовки и проведения вновь было создано 60 коллективов физкультуры с привлечением свыше 57 тыс. человек.

Укреплялась материальная база спорта. В 1982 г. было построено 9 спортивных залов, 52 спортивные площадки. В республике насчитывалось 11 стадионов, 346 спортивных залов, 2900 площадок. В секциях занималось 320 тыс. человек. За 1981–1982 гг. было подготовлено 78 мастеров спорта СССР, 15 спортсменов выполнили или подтвердили нормативы мастера спорта международного класса. Спортсмены Дагестана, выступая на чемпионатах мира, Европы и СССР, в 1981 г. завоевали 129, а в 1982 г. – 69 медалей¹¹⁴.

Выдающихся результатов добивались дагестанские спортсмены по вольной борьбе. В 1981 г. звание сильнейшего борца подтвердил чемпион Олимпийских игр, Европы и СССР С. Абсаидов, став чемпионом мира по вольной борьбе в Югославии (1981 г.). Серебряным призером чемпионата по вольной борьбе в Канаде (1982 г.) стал дебютант сборной СССР махачкалец О. Эфендиев. На чемпионате Европы по вольной борьбе в 1983 г. М. Магомедов, двукратный чемпион Европы, в третий раз подтвердил титул сильнейшего борца Европы, завоевав золотую медаль¹¹⁵.

Все более широкой популярностью стал пользоваться проводившийся с 1967 г. в г. Махачкале международный турнир на приз неоднократного чемпиона мира Али Алиева. На XII Международный турнир, состоявшийся в сентябре 1981 г., съехались 150 спортсменов из Афганистана, Болгарии, ГДР, Монголии, Польши, Румынии, Чехословакии и Советского Союза. На этих соревнованиях дагестанские борцы завоевали 6 первых, 3 вторых и 3 третьих места¹¹⁶.

Много делалось для привлечения детей и учащейся молодежи к физкультурно-оздоровительной работе. Широкой популярностью среди них пользовались соревнования, организуемые комсомольскими организациями республики и обкомом комсомола. По их инициативе проводились соревнования и турниры на призы ЦК ВЛКСМ «Белая ладья», «Чудо-шашки», «Ко-

жаный мяч», «Колосок», детские спортивные игры «Старты надежд», «Стартуют все», пионерское четырехборье «Дружба». Проводимые поэтапно, с подведением городских, районных, республиканских финалов, они охватывали основную массу детей и подростков¹¹⁷.

В 1983 г. по итогам Всероссийского соревнования на лучшую организацию физкультурно-массовой и спортивной работы на основе комплекса ГТО республика завоевала первое место и была награждена переходящим Красным знаменем Совета Министров РСФСР¹¹⁸. За пятилетие вновь было создано 216 коллективов физкультуры, подготовлено 165 мастеров спорта СССР, 24 спортсмена выполнили и повторили нормы мастера СССР международного класса, 105 человек завоевали медали, в том числе 55 золотых на чемпионатах мира, Европы и СССР. В 1985 г. самый крупный успех в боксе выпал на долю дагестанского боксера Н. Шанавазова. На 4-м розыгрыше кубка мира по боксу двукратный чемпион СССР, чемпион Европы стал еще и обладателем кубка мира по боксу¹¹⁹.

Республика могла гордиться своими спортивными достижениями. Вместе с тем в спортивно-физкультурной работе было много недостатков и нерешенных проблем. Спортивные организации нередко упускали из виду главную свою задачу – обеспечение массовости физкультуры и спорта в угоду подготовке спортсменов высшего класса, способных добиваться престижных результатов и медалей на чемпионатах мирового и всесоюзного уровня, так красящих их отчеты.

Слабой оставалась материальная база физкультуры и спорта, особенно в сельской местности. По показателям обеспеченности производственных коллективов физической культуры основными спортивными сооружениями Дагестан занимал одно из последних мест в Российской Федерации. Острой проблемой было обеспечение спортивной одежды. Физическая подготовленность значительной части населения не отвечала в полной мере задачам гармонического развития человека и достижениям в этой области в развитых странах¹²⁰.

В последнем десятилетии XX в. страна оказалась втянутой в череду не всегда продуманных общественно-политических и экономических реформ, поставивших вопрос о дальнейшем ее существовании как великой державы. Спустя всего несколько месяцев после референдума, проведенного весной 1991 г., в ходе которого большинство населения страны высказалось за сохранение единства, последовало решение о роспуске СССР, принятое в Беловежской пуше, что пробило первую крупную брешь в ее дальнейшем функционировании. Другую незаживающую рану в народном сознании оставил октябрьский (1993 г.) политический конфликт, когда на глазах изумленного мира из танков расстреливали депутатов Государственной Думы, не покидавших здание. Не менее тяжкий след в сознании общества оставил возникший по вине верховной власти чеченский конфликт, который попытались подавить также силой оружия.

Особенно очевидными и наиболее тяжелыми оказались действия властей в экономической и социально-культурной сферах. Дармовая приватиза-

ция общенародной собственности, едко названная в народе «прихватазация»; без каких-либо объяснений общественности государственная конфискация сбережений населения в 1992 г.; пресловутая афера с «ваучерами», сопровождавшаяся обещанием тогда еще мало кому известного Чубайса за каждый ваучер выдать их держателям по две автомашины «Волга»; откровенное и беззастенчивое субсидирование под предлогом создания среднего класса различных преступных компаний, банков и прочих группировок; преднамеренная беспомощность властей в борьбе с коррупцией и криминалом, открывшая дорогу для бегства капитала за рубеж; падение и многомесячные задержки выдачи зарплат, пенсий и пособий; крах устойчивой государственной финансовой системы и новая конфискация сбережений населения, приведшие к обнищанию значительной его части,— все это породило в стране всеобщее убеждение в том, что новая демократическая власть, как и прежняя советская, ведет с народом двойную игру без правил и нравственных устоев.

По оценкам директора Института социально-экономических проблем РАН, члена-корреспондента РАН Н.М. Римашевской, выводы которой подкреплялись данными Госкомстата РФ, старавшегося не давать худшую картину, «вследствие реформ в выигрыше оказалась одна пятая часть населения, большинство же в основном проиграло»¹²¹. Это имело острые демографические и социальные последствия, повлиявшие на социально-экономическое развитие всех регионов России.

В 90-е гг. Дагестан оставался единственным из высокостатусных республик, средства которого в доходах собственного бюджета составили лишь 15%. Главной частью доходов бюджета республики оставались дотации из бюджета Российской Федерации. Финансовая помощь федерального бюджета составляла 84,3% в общей сумме доходов Дагестана.

Стабильное финансирование республики из федерального бюджета позволило несколько сдерживать возможные более негативные последствия экономического кризиса, покрыть некоторую задолженность по бюджету. Была ликвидирована задолженность по детским пособиям, пособиям детям-сиротам, долги по коммунальным услугам бюджетных учреждений, по задолженности по заработной плате предприятий и организаций. Однако заработная плата в Дагестане по-прежнему была в 3 раза ниже среднероссийской¹²².

В 2000 г. при численности населения 2160,3 тыс. человек (по итогам 2006 г.), 936,2 тыс. человек, или 43,7% населения республики, имели денежные доходы ниже прожиточного минимума. Общая численность безработных составила 212,2 тыс. человек. Эти и другие трудности привели к росту миграции населения из Дагестана. Число выбывших из республики в 2000 г. было в 1,3 раза выше, чем в 1999 г.

Больше всего из Дагестана мигрировали русские. Их отток наиболее высокими темпами продолжался во 2-й половине 90-х гг. В 1995 г. из республики уехали 3,97% русских по отношению к их общей численности. В 1996–2000 гг. поток выезжающих русских колебался от 2,5 до 3,2 % в год.

Русские уезжали в основном из городов Махачкалы, Кизляра, Каспийска, Дербента и Хасавюрта.

Демографическая ситуация характеризовалась также негативными тенденциями, снижением рождаемости и сокращением продолжительности жизни населения. Коэффициент рождаемости на 1000 человек в республике сократился с 26,2 в 1990 г. до 17,7 в 2000 г. Если в 1990 г. родилось 48209 детей, то эти показатели в 2000 г. уменьшились почти на 10 тыс. человек и составили 38229 человек. Падение рождаемости объяснялись ухудшением социально-экономического положения республики, медицинского обслуживания и политической нестабильностью региона. Коэффициент смертности в 2000 г. по сравнению с 1990 г. увеличился на 1,3% промилле (на 21%). Вместе с тем смертность в Дагестане была в 2 раза ниже, чем в целом по Российской Федерации¹²³.

Тяжелый финансовый кризис обострил жилищные условия населения республики. Как показывают материалы Всесоюзной переписи населения 1989 г., в программу которой были включены вопросы, характеризующие жилищные условия населения, ответы на эти вопросы дали 1535345 человек (85,2%) из 1802188 человек постоянного населения. Вкратце их жилищное положение представало в следующем виде. В среднем на одного жителя республики приходилось 14 кв. м общей и 9 жилой площади. По районам республики эти данные колебались и составляли от 11 до 23 кв. м общей и от 8 до 14 кв. м жилой площади. Показатели по России были несколько выше среднедагестанских данных. В среднем на одного жителя в России приходилось 15 кв. общей и 10 кв. м жилой площади¹²⁴.

Как по Дагестану, так и по России жилищные условия людей были стесненные. На начало 1990 г. жилищный фонд республики составлял 28,1 млн. кв. м. В отдельных квартирах проживали лишь 376 тыс. человек, или 24,5%, в индивидуальных домах – 922 тыс. человек, или 60%, часть индивидуального дома занимали 153 тыс. человек, или 10%, в общих (коммунальных) квартирах проживали 44,9 тыс. человек, или 2,9%, в общежитиях – 39,5 тыс. человек, или 2,6%. 42,1 тыс. человек вообще не имели жилья и снимали его у отдельных граждан, 5,9 тыс. человек жили в помещениях, кое-как приспособленных под жилье¹²⁵. По обеспеченности жильем городского населения Дагестан занимал среди регионов России 76 место¹²⁶.

Но и то жилье, которое имелось, не всегда располагало необходимыми санитарно-бытовыми условиями. Значительная часть жилищного фонда по условиям благоустройства оставалась в неудовлетворительном состоянии. Только 320,5 тыс. человек, или 20,9%, проживали в квартирах, оборудованных ванной или душем, 224,3 тыс. человек, или 14,6%, – горячим водоснабжением, 429,3 тыс. человек, или 28%, – канализацией, 564,2 тыс. человек, или 367%, – водопроводом, 376,4 тыс. человек, или 24,5%, – центральным отоплением, 1144,9 тыс. человек, или 74,6%, – газом или напольной электроплитой.

Уровень благоустройства жилищ сельских жителей республики был значительно хуже, чем городских. Показатели благоустройства жилья в сель-

ских домах колебались от 0,8% (горячее водоснабжение) до 69,5% (газ или напольная электроплита). Но получение квартир или строительство домов даже с отсутствием бытовых удобств надо было ждать годами. Жилищная проблема оставалась очень острой. Выборочное социально-демографическое обследование, проведенное в республике в 1985 г., показало, что население ставит эту проблему на второе место после обеспечения продуктами питания¹²⁷.

Принятое во исполнение решений XXVII съезда КПСС об обеспечении отдельной квартирой или домом постановление Совета Министров ДАССР от 5 февраля 1988 г. не выполнялось. За исключением 1986 г. планы по строительству жилья были сорваны. Население республики недополучило примерно 25 тыс. кв. м жилья. На начало 1990 г. на учете для получения квартир состояло 60 тыс. семей. В 1989 г. дополнительно на учет для получения жилья были приняты 6,4 тыс. семей или одиночек¹²⁸. Несмотря на растущие очереди на жилье, темпы его строительства снижались. В 2000 г. было построено 3336 новых домов общей площадью 433,1 тыс. кв. м, что было меньше, чем в 1997 г. При этом индивидуальными застройщиками было построено 3322 жилых дома общей площадью 396,2 тыс. кв. м, ввод жилья по государственной линии упал до низкого уровня в 37 тыс. кв. м¹²⁹.

На темпы жилищного строительства негативно влияли разброс капитальных вложений по многочисленным строительным объектам, затягивание сроков их сдачи, резкое подорожание расценок на строительные работы. В 2000 г. средняя стоимость 1 кв. м жилья по всем формам собственности достигла невиданной ранее цены в 2366 руб. Все это не облегчало, а заостряло жилищную проблему. Цены росли не только на жилье, но и на все промышленные товары и продукты. Потребительские цены в 2000 г. по сравнению с 1997 г. выросли в 3,1 раза. Только в 2000 г., когда в экономике Дагестана наметились некоторые положительные моменты, продовольственные товары подорожали на 9,7%. Правда, этот рост был ниже, чем по России, где цены на продовольствие выросли на 17,9%. Наиболее подорожали цены на сахар – на 60%, консервы фруктово-ягодные – на 31,2%, молоко и молочные продукты – на 19%, хлеб и хлебобулочные изделия – на 18,2%. Цена на такой деликатес, как икра, выросла в 2,2 раза.

Стоимость набора из 25 основных продуктов питания, составляющего продовольственную часть прожиточного минимума, в среднем по Дагестану в конце 2000 г. составила 598,6 руб. в расчете на душу населения. По России этот набор по цене был выше и составлял 635,9 руб.¹³⁰

Наметившийся откат в социально-экономическом развитии Дагестана привел к тому, что уровень бедности его населения опустился к самому низкому порогу. Согласно расчетам Госкомстата РД, численность малоимущего населения, то есть населения, имеющего среднедушевые доходы ниже величины прожиточного минимума, установленного по Республике Дагестан, в 1999 г. составила 1340,1 тыс. человек, или 63,2% от общей численности населения. В 2000 г. этот показатель несколько сократился, но оставался еще

очень высоким. В 2000 г. численность населения составила 936,2 тыс. человек, или 43,7% от его общей численности.

На фоне роста потребительских цен одной из острых социальных проблем 90-х гг. оставалась задолженность по заработной плате. В 1997 г. она по республике составила 155,9 млн. руб., в 1998 г. – 193,4 млн., в 1999 г. – 184,6 млн. и в 2000 г. – 132,7 млн. руб.

Еще более в худшем положении оказались те, кто не мог найти работу по своим возможностям и интересам. Численность самодельного населения к концу 2000 г. оценивалась в 972,8 тыс. человек, или 45% общей численности населения республики. Из них в экономике были заняты 760,6 тыс. человек, или 78,2%. Без работы оставалось около 22% экономически активного населения, способного принести пользу обществу.

Задолженность по зарплате и безработица спокойно воспринимались государственными органами как явления, сопутствующие переходному периоду и способные усилить экономические стимулы по мере развития рыночных отношений. Хотя с приходом к власти В.В. Путина задолженность по зарплате была быстро ликвидирована и против нее были приняты законодательные меры, однако трансформация занятости оказалась более длительным и сложным процессом.

Растущая дороговизна жизни, безработица и другие социально-экономические факторы, угнетающе влияли не только на духовное состояние, но и на здоровье людей. В республике отмечался рост болезненности и заболеваемости взрослого населения (соответственно 2% и 5%), приближавшихся к среднефедеративным показателям. А по заболеваниям органов дыхания, кровообращения, пищеварения число заболевших в два раза превышало среднефедеративные показатели. Острейшими медико-социальными проблемами стали тенденции роста эндокринных заболеваний, числа больных злокачественными образованиями. Наблюдались вспышки массовых инфекционных заболеваний: крымской геморрагической лихорадки, проявления которой ранее в республике не регистрировались, сибирской язвы, малярии, брюшного тифа, кишечных и других инфекций, а также болезни «социального неблагополучия» (туберкулез, сифилис, гонорея, педикулез).

Среди детей и подростков также отмечался рост социально обусловленных болезней, в том числе алкоголизма и наркомании, ранее не имевших или почти не имевших места среди подросткового возраста. По данным специально проведенных исследований, была выявлена тревожная картина распространения среди детей и подростков вредных и опасных для их здоровья болезней. Оказалось, что 70% школьников употребляли алкоголь, из них 10% были отнесены в группу риска, до 30% детей-школьников курили и до 6% прибегали к употреблению наркотиков. Главными причинами такого увлечения были социально-экономические факторы, отягощенная наследственность, недостаточно полноценное питание, несвоевременная медико-психологическая и педагогическая помощь и влияние.

Однако республика не располагала в необходимых количествах медицинской техникой и оборудованием для оснащения учреждений здравоохранения.

нения и организации лечебно-диагностического центра. В больницах и поликлиниках использовалась медицинская техника, на 80% физически и морально устаревшая. Ряд приборов эксплуатировался 15–20 лет и выработал свой ресурс. Но заявки на поставки новой техники выполнялись на 30–40% и не снимали проблему замены устаревшей аппаратуры.

Руководством республики и органами здравоохранения с помощью центра были приняты меры по устранению недостатков и улучшению медицинского обслуживания населения. Только в 1998 г. было приобретено медицинского оборудования на 31,2 млн. руб. (67% средств были выделены Министерством здравоохранения РФ). Кроме того, в республику поступили 19 санитарных машин¹³¹.

В Дагестане насчитывалось 194 самостоятельные поликлиники, 165 больниц (из них 129 – в сельской местности), 16 диспансеров, 3 станции переливания крови, 48 – «скорой помощи».

С января 1998 г. в стране было введено обязательное медицинское страхование, позволившее собрать у работающих дополнительные средства на улучшение медицинского обслуживания населения и оказание финансовой поддержки лечебным учреждениям. Однако оно мало чем помогло медицине, но зато фонды медстрахования обзавелись современными офисами и большими штатами, получающими высокие оклады.

В условиях экономических, социальных и политических реформ остались без внимания вопросы организации оздоровительного отдыха населения, ухудшилось положение в туристической и санаторно-курортной системе республики. В 90-е гг. полностью было «законсервировано» начатое строительство профилакториев, баз отдыха, туристических баз, детских оздоровительных учреждений. Приморские и туристические базы отдыха понесли значительный ущерб в результате ряда стихийных бедствий, особенно резкого подъема уровня Каспийского моря.

Сокращение или прекращение финансирования из федерального и республиканского бюджетов не позволили сохранить даже имеющийся коечный фонд здравниц и обеспечить необходимый уровень обслуживания отдыхающих. Нестабильная политическая ситуация отпугнула многих туристов от поездок в Дагестан, что еще более ухудшило и без того трудное финансовое положение туристических баз. Сокращению подверглись не только обслуживающий персонал курортов и здравниц, но и высококвалифицированные специалисты. Большие потери понесла существующая рекреационная инфраструктура республики.

В республике продолжала ухудшаться экологическая обстановка, плохо влияющая на здоровье человека. В 1995 г. из имевшихся в республике 12,5 тыс. источников загрязнения лишь четверть была оснащена пылеулавливающими установками, к тому же треть из них была неисправна или не задействована. При валовом выбросе стационарных и передвижных источников в 101 тыс. тонн в год из выбросов в атмосферу улавливалась лишь седьмая часть¹³².

Наиболее острой экологической проблемой оставалось также загрязнение рек и других водоемов бассейна Каспийского моря сточными водами, остатками ядохимикатов и минеральных удобрений, промышленными и бытовыми отходами. Ежегодно с территории республики в море сбрасывалось более 1,5 кубокилометров неочищенных сточных вод, содержащих большие массы хозяйственно-фекальных отходов¹³³.

Говоря о здоровье народа, нельзя промолчать о таком явлении, как пьянство, не только получившим широкое распространение в среде взрослого населения, но и коснувшимся детей и подростков. Пьянство превращалось в серьезное общественное зло, требующее внимания на государственном уровне. В мае 1985 г. в печати были опубликованы постановления ЦК КПСС «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма», Совета Министров СССР «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма, искоренению самогонарения», Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении борьбы с пьянством»¹³⁴.

В принятых на таком высоком уровне постановлениях по решению этих вопросов большое значение придавалось антиалкогольной пропаганде. Однако при проведении их в жизнь разъяснительная работа не получила должного размаха, в ней стали преобладать командно-административные и запретительные меры. Досрочно стали выполняться распоряжения о ежегодном сокращении производства водки на 30 млн. декалитров и крепких виноградных вин на 20 млн. декалитров.

Строгие запреты были установлены на производство и реализацию вино-водочных изделий, под корень вырубались огромные площади виноградников, винозаводы перепрофилировались на выпуск виноградных соков, что нанесло большой ущерб экономике республики, производившей до 40% винопродукции России.

Там, где продавались спиртные напитки, появились длинные очереди, вызывавшие большое недовольство людей, вынужденных часами выстаивать в очередях. В этих условиях на реализацию пошли суррогаты, изготовленные в домашних условиях и неизвестно из каких спиртоматериалов. Употребление различных фальсифицированных вино-водочных изделий и их суррогатов привело к многочисленным случаям отравлений, заболеваний, росту наркомании. Организаторы этой шумной антиалкогольной кампании, увидев ее опасные для общества последствия, вынуждены были спустить ее на тормозах.

Этому общественному злу необходимо было противопоставить здоровый образ жизни, привлечь к занятиям спортом и физкультурой как можно больше людей. Несмотря на немалые финансово-материальные трудности, физкультурное движение в республике продолжало развиваться. В начале 2001 г. в 1797 коллективах физкультуры занятиями физической культурой и спортом было охвачено свыше 250 тыс. человек¹³⁵.

Всего в соревнованиях в 2000 г. приняли участие 12,6 тыс. дагестанских спортсменов, в 1997 г. их было 8,3 тыс. человек. Была проведена вторая спартакиада народов Дагестана «За единую и здоровую Республику Дагестан

в XXI веке». Дагестанские спортсмены участвовали в 84 российских, 49 международных, 57 республиканских соревнованиях и завоевали 138 медалей, в том числе 65 золотых, 44 серебряных и 29 бронзовых. На XXVII Олимпийских играх в Сиднее (Австралия) дагестанские борцы завоевали 8 медалей: С. Муртузалиев, М. Умаханов и А. Сайтиев выиграли золотые медали; Г. Гайдарбеков, С. Ибрагимов, А. Гитинов заняли вторые места и получили серебряные медали; К. Джамалутдинов и М. Ибрагимов, заняв третьи места, были удостоены бронзовых медалей. Это был лучший результат среди всех регионов России, в целом успешно выступавших на Олимпийских играх.

Большую волю к победе проявила новая футбольная команда республики «Анжи». В 2000 г. она впервые в истории дагестанского спорта на футбольном чемпионате вошла в четверку лучших футбольных команд России и завоевала право на участие в европейских кубковых чемпионатах 2001 г.¹³⁶

Если судить по спортивному потенциалу, республика имела возможности для достижения высоких показателей как на всесоюзных, так и на международных соревнованиях. Однако оценка результатов физкультурной работы не сводилась только к тому, чтобы добиваться впечатляющих побед, хотя их значение, стимулирующая роль были велики, но и в том, чтобы обеспечить ее массовость, что положительно могло повлиять на укрепление здоровья дагестанских народов.

В целом по большинству показателей развития социальной сферы в первой половине 90-х гг. республика занимала последние места среди регионов России¹³⁷. Лишь к концу 90-х гг. она стала выходить из столь кризисного положения. Социальной политикой государства, тем более такого, как Российская Федерация, провозгласившего себя социально ориентированным, должна была стать высокая конечная цель – полное удовлетворение общественного спроса и потребления населением произведенной продукции. Люди не только рабочие руки, но еще и цель, смысл экономики. Государство существует для того, чтобы жизнь людей становилась лучше, разнообразней, благоприятней для развития гармоничной, всесторонне образованной и физически здоровой личности.

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН

instituteofhistory.ru

¹ Алексеев В.В. Ключевая проблема российской истории XX века. // Труды Отделения историко-филологических наук. М., 2005. С. 285.

² Обзор Дагестанской области за 1902 год. Темир-Хан-Шура. Русская типография В.М. Сорокина. 1903. С. 3.

³ 10 лет социалистического строительства Дагестанской АССР. Махачкала, 1931. С. 7.

⁴ Обзор Дагестанской области за 1902 год. С. 43.

⁵ Там же. С. 79-82.

⁶ Обзор Дагестанской области за 1905 год. Темир-Хан-Шура. 1905. С. 54-56.

⁷ Там же. С. 43-44.

⁸ Там же. С. 17.

⁹ Там же.

¹⁰ История Дагестана. Т. 2. 1968. С. 128.

¹¹ Обзор Дагестанской области за 1913 год. С. 4, 20.

¹² Там же. С. 21-23.

¹³ Османов А.И. Дагестан в XX веке: исторический опыт регионального развития. В 2 кн. Кн. 1. Махачкала, 2006. С. 157.

¹⁴ Булатов А.Г. Индустриальное развитие и промышленные рабочие Дагестана. Махачкала, 2003. С. 310-311.

¹⁵ Обзор Дагестанской области за 1902 год. С. 82.

¹⁶ Там же. С. 83-86, 88.

¹⁷ Обзор Дагестанской области за 1913 год. Темир-Хан-Шура. 1915. С. 3, 45-48.

¹⁸ Булатов А.А. Указ. соч. С. 313.

¹⁹ Революционные комитеты Дагестана (март 1921 – декабрь 1921 г.). Махачкала, 1960. С. 336-337.

²⁰ Там же. С. 337.

²¹ Там же. С. 340-342.

²² История Дагестана. Т. 3. М., 1968. С. 116-117.

²³ Ревкомы Дагестана. С. 350-351.

²⁴ Там же. С. 356-359.

²⁵ Там же. С. 362-363.

²⁶ Там же. С. 364-365.

²⁷ Ревкомы Дагестана. С. 369-370.

²⁸ История Дагестана. Т. 3. С. 147.

²⁹ Даниялов Г.Д. Социалистическое преобразование в Дагестане (1921-1941 гг.)... С. 265.

³⁰ История Дагестана. Т. 3. С. 147.

³¹ Там же. С. 148.

³² Ревкомы Дагестана. С. 381.

³³ См.: Ревкомы Дагестана. С. 386.

³⁴ Булатов А.А. Указ. соч. С. 313.

³⁵ Там же. С. 316-317.

³⁶ История Дагестана. Т. 3. С. 287.

³⁷ ЦГА РД. Ф. 37-р. Оп. 21. Д. 137. Л. 7.

- ³⁸ Там же. Ф 37-р. Оп. 23. Д. 45. Л. 18.
- ³⁹ Даниялов Г.Д. Социалистические преобразования в Дагестане (1920-1941 гг.). Махачкала, 1960. С. 491.
- ⁴⁰ Даниялов Г.Д. Указ. соч. С. 492-493.
- ⁴¹ Агапов Ф.А. Очерки развития физической культуры в Дагестане. Махачкала: Дагучпедгиз, 1966. С. 72-73, 75.
- ⁴² Там же. С. 77.
- ⁴³ Там же. С. 80.
- ⁴⁴ Там же. С. 81.
- ⁴⁵ Ахмедов М.Ш. Знаменосцы дагестанского спорта. Махачкала. Дагкнигоиздат, 1972. С. 11-13.
- ⁴⁶ Агапов Ф.А. Указ. соч. С. 81-83.
- ⁴⁷ История советского крестьянства Дагестана. Т.1. С. 281.
- ⁴⁸ Бучаев Г.А. Уровень жизни и торговли на селе. Махачкала, 1975. С. 70, 118.
- ⁴⁹ Дагестанская правда. 1934. 3 декабря.
- ⁵⁰ Современный Дагестан. Махачкала, 1925. С. 24-25; История советского крестьянства Дагестана. Т. 1. Махачкала, 1986. С. 232.
- ⁵¹ Булатов А.А. Указ. соч. С. 331-332.
- ⁵² Советская Россия. 2007. 11 августа.
- ⁵³ Ахмедов М.-Т. Указ. соч. С. 50.
- ⁵⁴ История Дагестана. Т. 4. М. 1969. С. 250- 252; Даниялов Г.Д. Развитие экономики и культуры Дагестана. М.: Наука, 1966. С. 332-333.
- ⁵⁵ Подсчитано по: ДАССР за 50 лет... С. 90.
- ⁵⁶ История Дагестана. Т.4. С. 256.
- ⁵⁷ ДАССР за 50 лет. С. 86-87.
- ⁵⁸ История Дагестана. Т. 4. С. 257.
- ⁵⁹ ДАССР за 50 лет. С. 87.
- ⁶⁰ Даниялов Г.Д. Указ. соч. С. 314.
- ⁶¹ Агапов Ф.А. Указ. соч. С. 86.
- ⁶² Агапов Ф.А. Указ. соч. С. 88; Ахмедов М.-Ш. Указ. соч. С. 23.
- ⁶³ Агапов Ф.А. Указ. соч. С. 89.
- ⁶⁴ Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., 1976. С. 6.
- ⁶⁵ Гаджиев А.Г. Пути повышения народного благосостояния. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1981. С. 12.
- ⁶⁶ Бучаев Г.А. Указ. соч. С. 81.
- ⁶⁷ Там же. С. 82, 100.
- ⁶⁸ Дагестанская правда. 1965. 6 апреля.
- ⁶⁹ Решения партии и правительства по сельскому хозяйству (1965-1971 гг.) М., 1971. С. 123.
- ⁷⁰ История советского крестьянства Дагестана. Т. 2... С. 254-255.
- ⁷¹ Там же. С. 255, 257.
- ⁷² Дагестанская правда. 1965. 4 апреля
- ⁷³ История советского крестьянства Дагестана. Т. 2. С. 261.

- ⁷⁴ Османов А.И., Искендеров Г.А. Дагестанское село: экономика, культура, социальная инфраструктура (70-80-е годы XX века). Махачкала, 1997. С. 294-295.
- ⁷⁵ Традиционное и новое в современном быте и культуре дагестанцев-переселенцев. М.: «Наука», 1988. С. 311.
- ⁷⁶ Османов А.И., Искендеров Г.А. Указ. соч. С. 298-299.
- ⁷⁷ Абдуллаев М. Этнические процессы в современном Дагестане // Дагестанская правда. 2007. 5 сентября.
- ⁷⁸ История Дагестана. Т. 2. С. 487.
- ⁷⁹ Дагестанская правда. 1972. 14 июня.
- ⁸⁰ Народное хозяйство ДАССР за 60 лет. Юбил. стат. сб. Махачкала, 1981. С. 176.
- ⁸¹ История Дагестана. Т. 2. С. 488.
- ⁸² Чернявский У.Г. Доходы населения и потребление материальных благ в развитом социалистическом обществе // История СССР. 1978. № 1. С. 6-7, 12.
- ⁸³ Народное хозяйство ДАССР за 60 лет. С. 147.
- ⁸⁴ История Дагестана. Т. 2. С. 490-491.
- ⁸⁵ В семье народов – братьев. Махачкала, 1981. С. 169.
- ⁸⁶ Чернявский У.Г. Указ. соч. С. 15.
- ⁸⁷ Народное хозяйство ДАССР в 11-й пятилетке. С. 208.
- ⁸⁸ Там же. С. 219.
- ⁸⁹ Дагестанская правда. 1980. 28 декабря; 22 октября.
- ⁹⁰ Олимпийское созвездие. Чемпионы игр XXII Олимпиады. Москва. 1980; Справочник. М.: Физкультура и спорт, 1982. С. 25, 26, 192.
- ⁹¹ История Дагестана. Т. 2. С. 510-511.
- ⁹² Народное хозяйство ДАССР в 11-й пятилетке. С. 169-170.
- ⁹³ Гамзатов М.Г., Квинт В.А., Юзбеков З.К. Научно-техническое развитие экономики Дагестана. Махачкала, 1988. С. 36.
- ⁹⁴ Дагестанская правда. 1986. 30 января.
- ⁹⁵ Там же. 1984. 13 февраля.
- ⁹⁶ Там же. 1983. 1 декабря; 1984. 1 сентября.
- ⁹⁷ ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 180. Д. 88. Лл. 22-34.
- ⁹⁸ Там же. Оп. 186. Д. 6. Л. 10.
- ⁹⁹ Дагестанская правда. 1986. 12 сентября.
- ¹⁰⁰ Народное хозяйство ДАССР в 11-й пятилетке. С. 8, 10.
- ¹⁰¹ Там же.
- ¹⁰² Там же. С. 169.
- ¹⁰³ Уровень жизни населения Дагестана. Стат. сб. Махачкала, 1997. С. 78.
- ¹⁰⁴ Османов А.И., Искендеров Г.А. Указ. соч. С. 300.
- ¹⁰⁵ Дагестанская правда. 1985. 17 октября.
- ¹⁰⁶ Народное хозяйство ДАССР в 11-й пятилетке. С. 219-220; ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 176. Д. 3. Лл. 11-14.
- ¹⁰⁷ ЦГА РД. Оп. 180. Д. 161. Л. 90.
- ¹⁰⁸ ЦГА РД. Ф. р.- 352. Оп. 52. Д. 676. Л. 3.

- ¹⁰⁹ Образование, культура, здравоохранение. Стат. сб. Махачкала, 1995. С.2; Уровень жизни населения Дагестана. С. 10.
- ¹¹⁰ Советская культура. 1981. 6 февраля.
- ¹¹¹ Советский Дагестан. 1981. № 4. С. 22; Дагестанская правда. 1985. 19 декабря.
- ¹¹² ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 173. Д. 3. Лл. 110, 113.
- ¹¹³ Там же. Оп. 176. Д. 3. Л. 3; Оп. 186. Д. 82. Л. 6.
- ¹¹⁴ Дагестанская правда. 1981. 15 марта; 1982. 13 февраля; 14 августа.
- ¹¹⁵ Там же. 1981. 29 сентября; 1982. 15 августа; 1983. 23 апреля.
- ¹¹⁶ Дагестанская правда. 1981. 29 сентября; 1982. 15 августа; 1983. 23 апреля.
- ¹¹⁷ Там же. 1981.- 8 и 10 сентября; 1982. 3 сентября.
- ¹¹⁸ ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 180. Д. 115. Лл. 46-47.
- ¹¹⁹ Там же. Л. 45.
- ¹²⁰ Дагестанская правда. 1985. – 4 августа, 12 ноября. *
- ¹²¹ Римащевская Н.М. Социально-экономические и демографические проблемы современной России // Вестник Российской академии наук. 2004. Т. 74. № 3. С. 209.
- ¹²² Дагестан – 2000. 261, 6-8, 269.
- ¹²³ Там же. С. 262-263.
- ¹²⁴ О жилищных условиях населения Дагестана (по итогам переписи населения 1989 года). Махачкала: Дагстатуправление, 1991. С. 2, 9.
- ¹²⁵ Жилищные условия населения Дагестанской АССР. Дагстатуправление. Махачкала, 1990. С. 2, 4-5.
- ¹²⁶ Социально-экономическое положение Республики Дагестан. 1995 г. Махачкала. Комитет РД по государственной статистике. С. 176.
- ¹²⁷ Жилищные условия населения Дагестанской АССР. С. 4-5.
- ¹²⁸ Там же. С. 7-9.
- ¹²⁹ Дагестан – 2000. 70-71.
- ¹³⁰ Там же. С. 168-169, 171-172.
- ¹³¹ Дагестан – 2000. С. 286, 287, 284.
- ¹³² Дагестан – 2000... С. 294.
- ¹³³ История Дагестана. Т. 2... С. 636.
- ¹³⁴ Дагестанская правда. 1985. -17 мая.
- ¹³⁵ Дагестан – 2000... С. 296.
- ¹³⁶ Дагестанская правда. 2001.- 16 февраля; Дагестан-2000... С. 297.
- ¹³⁷ Социально-экономическое положение Республики Дагестан. 1995 год. Махачкала. С. 175.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ушел в историю XX в. с его невиданно жестокими двумя мировыми войнами и многочисленными более мелкими военными конфликтами и столкновениями, принесшими не сравнимые с предыдущими столетиями людские потери. Вместе с тем в минувшем столетии в экономическом, культурном, политическом развитии человечества произошли громадные изменения, облегчившие его существование, продлившие среднюю продолжительность жизни, определившие духовный и интеллектуальный рост человека. Но развитие человечества было неравномерным: где-то оно происходило высокими темпами, где-то отставало даже от среднемировых показателей.

В этом смысле Россия с ее народами, находившимися на различных ступенях социально-экономического развития и познавшая в XX в. высочайшие взлеты и болезненные падения, дает поучительные уроки, которые требуют серьезного изучения и использования для того, чтобы выбрать правильное направление для ее дальнейшего развития. Такими поисками заняты и многие зарубежные ученые, исследующие в мировом масштабе эти проблемы. Некоторые из них выдвинули новую теорию о возможных кровавых столкновениях в местах разломов цивилизаций. По их мнению, такие линии проходят на Балканах, Кавказе, Средней Азии и Ближнем Востоке.

С учетом опыта прошлого столетия проблема взаимодействия наций и культур в начале XXI в. становится одним из центральных вопросов развития мировой цивилизации, в понимании которой среди ученых нет единого мнения. Как считают такие мировые авторитеты по вопросам истории, как Тойнби и Хандингтон, в основе формирования цивилизаций лежит тип религии, что якобы прослеживается на примере противостояния между христианским и исламским мирами¹. Повод к таким концепциям как будто дает множество мелких региональных конфликтов, возникших на рубеже двух тысячелетий и имеющих этнонациональную и конфессиональную окраску.

Авторы таких теоретических изысков обходят молчанием советскую цивилизацию, продемонстрировавшую миру выдающиеся достижения в области культуры и искусства. Это и понятно, ведь она не вписывается в их теорию о противостоянии цивилизаций на религиозной почве. Как известно, советская цивилизация формировалась в «безбожной», в их понимании, стране, где все религии были поставлены в определенные рамки и одинаковые условия, и именно потому не враждовали между собой.

С распадом СССР религия пыльным цветом «расцвела» на всей его территории, в том числе и у тех народов, которые территориально и политически отделились от России. Однако она не принесла мира «хижинам», спокойствия народам.

Церковь, как и культовые учреждения мировых конфессий, обладала большим материальным и кадровым потенциалом, имела огромное влияние на широкие массы, и тем не менее не могла решить жгучие проблемы народов России, пребывавших в состоянии культурной отсталости и невежества. Однако в условиях советской действительности, несмотря на гонения про-

тив церкви и пропаганду массового атеизма, духовно-культурная жизнь развивалась на здоровой основе, все народы приобщались к современному образованию, науке и искусству. Сегодня, несмотря на масштабное повышение роли церкви, отмечается не улучшение положения в сфере культуры, а его ухудшение.

Возрождая религию в многоконфессиональной стране и отказываясь от коммунистической идеологии, постсоветская Россия приоткрыла дорогу центробежным тенденциям и развязала путы, сдерживавшие ее единство. Провозглашение государственного суверенитета Российской Федерацией стало началом нового этапа российской истории. Политические процессы, происходившие на Северном Кавказе вслед за суверенитетом России, приобрели этнический характер. Кроме Кабардино-Балкарии и Дагестана, все остальные республики провозгласили о своем государственном суверенитете. Во всех республиках, кроме Дагестана, была принята президентская форма правления во главе с избираемым главой республики.

В Дагестане дольше всех в регионе сохранялись советские органы власти. В июле 1994 г. ДАССР была переименована в Республику Дагестан, Верховный Совет был заменен Народным Собранием, избираемым через каждые 4 года. Высшим органом исполнительной власти стал Государственный Совет, в который входили 14 членов, по одному от каждой из коренных национальностей. Главой республики являлся председатель Госсовета². В начале XXI в. Дагестан также перешел к президентской форме правления, поравнявшись с остальными республиками Северного Кавказа.

Политические процессы на Северном Кавказе нельзя рассматривать изолированно от тех событий, которые происходили в соседних регионах. В постсоветское время в Центральной Азии и на Южном Кавказе появились независимые государства. В первом из этих регионов Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и во втором – Армения, Азербайджан, Грузия. Все они для России имели исторически исключительную важность. Обнаружение здесь достаточно больших запасов нефтяных и газовых ресурсов превратило оба региона в объект острого геополитического соперничества различных стран.

В новой геополитической ситуации оказалась и Республика Дагестан, ставшая в составе России самым южным ее субъектом, граничащим с Азербайджаном и Грузией. По Каспийскому морю Дагестан имел большие возможности для развития торгово-экономического сотрудничества с Казахстаном, Туркменистаном и Ираном. В этом была заинтересована и Россия, которая могла через него усилить свое влияние на эти страны.

Наличие в шельфе Каспийского моря больших запасов углеводородного сырья и уникальное географическое положение Страны гор вызывали повышенный интерес США и западно-европейских стран, надеявшихся привлечь к решению своих «глобальных геополитических, геоэкономических и геостратегических задач» местные политические силы³. Такие попытки предпринимались и в первое двадцатилетие XX в., однако они заканчивались провалом.

Распад СССР всколыхнул новые надежды тех, кто мечтал о Кавказе. Финалом этого послужили события августа 1999 г., когда хорошо вооруженные отряды, сформированные в Чечне под руководством Ш. Басаева и Э. Хаттаба, вторглись в Дагестан, чтобы провозгласить о создании здесь «исламского халифата»⁴. Им казалось, что в Дагестане для этого подготовлены все условия. Здесь функционировали 1585 мечетей с 2400 имамами и муэдзинами, 15 исламских вузов с 33 филиалами, 136 медресе, 203 мактаба с общим числом обучающихся в исламских учебных заведениях более 14000 человек, около 30000 суфиев нахшбандийского, кадирийского и шазилийского тарикатов, исламские партии и движения, 18 мусульманских благотворительных фондов, десятки исламских общественных учреждений, в том числе и филиалы международных исламских фондов и организаций, часть которых в 1990–1999 гг. вела подрывную работу в республике. В 1999–2000 гг. по решению судов была прекращена незаконная деятельность таких международных благотворительных организаций, как «Беневоликс Интернэшнл Фаундейшн» (СИПА), «Аль-Хайрия» (ОАЭ), «Катар» (Катар). Реисламизацию в Дагестане поддерживали и десятки исламских миссионеров, зачистивших в республику, дагестанские студенты, обучающиеся в исламских вузах и центрах Ближнего Востока, Африки, Пакистана, Малайзии⁵.

Но организаторы этих провокаций вновь просчитались, и непрошенные гости, потерпев фиаско, вынуждены были быстро покинуть Дагестан. Этнолог В.А. Тишков отмечает трудно объяснимую ситуацию, которая сложилась в Дагестане. Он пишет: «Со стороны может показаться парадоксальным, но это факт. Дагестан имеет сегодня больше всего мечетей и дает 80% всех паломников России, выезжающих в Мекку. И в то же время здесь сильны установки в пользу российской государственности»⁶.

Однако с разгромом этих бандформирований опасность наступления радикального ислама не снята не только для Дагестана, она угрожает и остальным исламским регионам Северного Кавказа⁷. Это на руку тем американским и западно-европейским политическим силам, которые пытаются развести, разблокировать бывшие советские республики и региональные коалиции с Россией. Пролить свет на американские устремления на Кавказ и в Центральную Азию помогают и исследования зарубежных прогрессивных ученых, посвященные кризису советской системы. Джеймс Петрас, представляющий Международный центр глобальных исследований, писал: «С конца 1980-х годов, но в особенности после 1991-го, ЦРУ отдавало наивысший приоритет содействию в развале Советского Союза, финансируя и вооружая местные сепаратистские движения. Первая волна отделений прошла в Казахстане, Узбекистане и Грузии. Вашингтон и Лондон вовсе не заботились, будут ли новые лидеры исламскими фундаменталистами, экстремистскими деспотами или мафиозными гангстерами. Первоочередной задачей было разрушить СССР и подорвать российское влияние на Кавказе и в Средней Азии»⁸.

Присутствие России на Кавказе и в Центральной Азии мешало осуществлению американских и западно-европейских планов, обеспечивало ее эко-

номическое и военное влияние как на страны СНГ, так и Ближнего и Среднего Востока. С этой точки зрения Северный Кавказ остается зоной жизненно важных геостратегических интересов России. Вместе с тем для Дагестана, как и для всего Северного Кавказа, Россия является не только крупным экономическим партнером, оказывающим огромную помощь его народам, но и гарантом политической стабильности крупного полиэтнического и многоконфессионального региона.

Но постсоветская Россия, провозгласившая себя правопреемницей Советского Союза, сама переживавшая глубокий социально-экономический кризис, не могла в прежних масштабах оказывать помощь регионам, чтобы вывести их из того же кризиса. В 2005 г. промышленность России произвела продукции на 70% от уровня 1990 г. На таком же примерно уровне находилось и сельскохозяйственное производство. Характеризуя положение страны, академик Д. Львов в своем докладе на секции экономики РАН 14 ноября 2006 г. говорил: «Нынешняя экономика России уступает своему дореформенному аналогу: по темпам экономического роста, по качеству отраслевой структуры, по эффективности используемого производственного аппарата страны, по уровню заработной платы, по дифференциации доходов населения, эффективности и качеству государственного управления, уровню социально-политической стабильности, зато многократно превосходит масштабы криминализации и коррупции в экономике и во всей общественной жизни»⁹.

В этой обстановке, когда демократам явно не хватало амбициозных успехов, им оставалось критиковать бывших коммунистических руководителей страны и вину за все свои просчеты перекладывать на них. Любая тема на российском телевидении ныне сопровождается антисоветскими выпадами и комментариями. Даже ошибки и недоработки, произошедшие по вине современных демократов, стали приписываться советскому прошлому. Узкая часть интеллигенции также поддавалась глубокой неприязни к советскому строю, которую вскормили не без помощи западной пропаганды. Патология ненависти против всего советского поразила почти «всю политически активную» интеллигенцию и власть. Они поняли одно, что надо Ленина как можно сильнее «пинать и проклинать», что они и делают. Но делают это крайне невежественно и амбициозно.

Да, в советское время тоже критиковали царское прошлое, но критиковали по крайней мере с цифрами и фактами в руках. Для такой критики были и серьезные основания. В противовес царской власти Советы сделали неизмеримо много для подъема экономики страны, улучшения жизни народа, подъема его культуры и превращения России в великую державу. Нынешняя власть мало что может противопоставить Советам, хотя такие попытки и предпринимаются. Так, пишут, что распад Союза в конечном счете был все-таки не к худшему, а к лучшему, ибо он открыл общество – и российское и других стран содружества, дал людям новые возможности хозяйствования, политические и интеллектуальные свободы, которых до этого не было.

Хотя это и не совсем верно, с этим многие уже свыклись. Но как быть со следующими перлами о том, что граждане СССР освоили много вещей,

которые раньше им были недоступны, начиная с тех же автомобилей. Произошла практически всеобщая автомобилизация – на 35 млн. семей имеются почти 30 млн. машин. Построено 20 млн. коттеджей и новых дач. И строили их не только те 2% новых русских, а в первую очередь наши обычные сограждане. В 2 раза выросло число студентов. В десятки раз больше, чем в советское время, выпускается периодики журналов, книг.

В общество вернулась церковь: открылись тысячи православных храмов, сотни монастырей, 5 тыс. мечетей, возродилось полоническое движение¹⁰.

Такие заявления можно воспринимать как попытку всеми способами доказать выигрешность современного политического курса нашего государства по сравнению с советским социализмом. Но при внимательном чтении оказывается, что современное положение страны не такое радужное, каким оно видится или хочется видеть таким наблюдателям.

Действительно, можно согласиться с тем, что «демократы», придя к власти, дали людям новые возможности для хозяйствования, однако после этого экономическое развитие страны не продвинулось вперед, а откатилось на несколько десятилетий назад и никак не может подняться до уровня 1990 г. СССР произвел в том году 9–10 млн. штук телевизоров (10,9% мирового производства), 6 млн. электропылесосов (12,4% мирового производства), 16 млн. шт. утюгов (15% мирового производства), 6 млн. шт. стиральных машин (12,6% мирового производства), 3 млн. шт. фотоаппаратов (4,4% мирового производства), 72 млн. шт. часов (17,1% мирового производства). В СССР изготавливалось 27% мирового производства кожаной обуви, 22% мирового производства трикотажных изделий. Много производилось тканей и других товаров. Автомобилей, которые были «недоступны» для граждан, в 1991 г. было продано в стране 200 тыс. штук и вывезено за рубеж 720 тыс. шт.¹¹

Эти показатели свидетельствуют, что, несмотря на некоторое снижение темпов развития народного хозяйства СССР, его экономика была в целом устойчивой. Без сбоя работали фабрики и заводы, которые в достаточном количестве выпускали доступные по своей цене колхозам и совхозам тракторы и комбайны, другую технику, обеспечивали машинами и оборудованием промышленность и другие отрасли. Производилось вооружение, поддерживавшее обороноспособность страны на должном уровне, с чем были вынуждены считаться и США. СССР достиг стратегического паритета с НАТО, став одной из двух мировых сверхдержав.

Но развитие промышленности и сельского хозяйства в годы реформ приняло иной характер, они не улучшались, а ухудшались. Если в 1989 г. добывалось 552 млн. т нефти, то ее добыча в 2002 г. упала до 379 млн. т, угля соответственно с 410 млн. т до 256 млн. т, выпуск металлорежущих станков снизился с 64,6 тыс. до 6,5 тыс., грузовых автомобилей – с 697 тыс. шт. до 173 тыс., тракторов – с 235 тыс. до 9,2 тыс., зерноуборочных комбайнов – с 62,2 тыс. шт. до 7,5 тыс. шт. Такая нерадостная картина наблюдалась и в сельском хозяйстве. Валовые сборы зерна в среднем за 1986–1990-х гг. со-

ставили 104, 3 млн. т, а в 1998–2002 гг. – 68 млн. т в среднем за год. Производство мяса составило в 1989 г. 9,7 млн. т, а в 2002 г. – 4,7 млн. т, соответственно молока 54,2 млн. т и 33, 5 млн. т, яиц – 47,9 млрд. шт. и 36,3 млрд. шт.¹²

На этих примерах можно убедиться в том, что рыночная экономика велела страну не к расцвету, а к падению, реставрации капитализма, которая негативно влияла на все остальные сферы развития общества.

К началу 90-х гг. по индексу человеческого развития (уровню жизни) СССР находился на 34 месте в мировом рейтинге. Через год радикальных реформ Россия очутилась на 52-м месте, а через 15 лет – на 65-м. В то же время в тех странах, в которых реформы проводились в интересах большинства, даже в тех, которые не располагали такими сырьевыми ресурсами, как Россия, положительные результаты появлялись через 3–4 года. За примерами далеко ходить не надо, достаточно назвать Чехию, Польшу, Словению¹³, которые преуспели по многим позициям своего экономического развития.

Экономическое положение населения в значительной мере определяется его демографическими показателями. При социализме численность населения неуклонно росла, несмотря на все лишения того времени. После начала переходного периода к капитализму ежегодно стало умирать по миллиону и более человек в год. За 15 лет реформ умерло 14 млн. россиян¹⁴. Высокая смертность населения России подтверждается и во многих выступлениях официальных высокопоставленных лиц.

Западные демографы также обеспокоены, особенно наиболее добросовестные из них, теми демографическими проблемами, которые переживает Россия. Они замечают, что «россияне просто иссякают». Как же иначе воспринимать то, что численность населения России снизилась со 147 млн. человек, по данным переписи 1989 г., до 145,2 млн. человек согласно данным переписи 2002 г. У них пассивное отношение и к перспективам численности российского населения и на будущее¹⁵.

Причину такого дисбаланса в демографическом росте нации надо усматривать в плохом питании россиян, что отметили и эксперты ООН. По сравнению с 1991 г. потребление продуктов питания по количественным и качественным показателям резко упало: мяса и мясопродуктов – на 32–40%, молочных продуктов – на 35%, рыбы – на 45%, овощей – на 35–40%. Уровень потребления наиболее ценных продуктов питания в России составляет по отношению к западным странам 59%, а по биологическим нормам – 63%.

Наибольшее падение питания пришлось на самые ценные продукты, содержащие белок, жиры и витамины. При этом резко снизилось качество питания, особенно за счет ввозимых из-за рубежа низкокачественных и генетически модифицированных продуктов.¹⁶ Несмотря на возможные опасные для здоровья последствия потребления таких продуктов, их завоз в Россию растет. Около 70% сельскохозяйственного продовольствия закупается за границей, что подрывает продовольственную безопасность России¹⁷.

При таком состоянии продовольственного обеспечения не приходится удивляться увеличению смертности и сокращению населения, особенно ката-

строфичным по сравнению с показателями даже времен «застоя». В 1970 г. естественный прирост РСФСР составил 772,5 тыс. человек, в 1980 г. – 677 тыс., в 1990 г. – 332,9 тыс. В 1970 г. в России умерло 1131,2 тыс. человек, в 2005 г. – 2303,9 тыс. Вымирание населения никак не может свидетельствовать о возрождении государства, а, наоборот, говорить о его упадке¹⁸.

Политические свободы, которыми так часто и безмерно кичатся «демократы», нередко нарушаются, хотя многие из них провозглашены и зафиксированы в Конституции РФ. Таких фактов много, и на всех них останавливаться нет возможности. Но об одном из них необходимо сказать особо. Одной из форм выражения народной воли является возможность проведения по наиболее жгучим вопросам современности референдумов, что гарантируется Конституцией РФ. Однако проведение не только таких, но и других подобных общественных мероприятий ограничивается различными поправками и часто сводится на нет. То же касается проведения митингов, шествий, предоставления эфирного времени различным партиям, в том числе оппозиционным. Однако эфир ограничивали не только оппозиционным партиям, но и тем из них, которые были представлены в Государственной думе самостоятельной фракцией¹⁹.

Можно согласиться с тем, что построено много коттеджей и дач, особенно в Москве, где строительный бум бросается в глаза всем приезжим. В них все удобства, которые советским людям и не снились: зимние сады, бассейны с теплой водой, подземные гаражи и т. д. Особняки огорожены высокими заборами и крутая охрана оберегает покой «новых русских». При этом миллионы жителей Москвы и огромной страны не имеют не только таких особняков, но и элементарного жилья. К ним, таким избирателям, обращался известный лидер ЛДПР Жириновский со словами: «Они для вас не построили ни одной квартиры!». И с этим нельзя не согласиться.

Можно поспорить и по поводу других достижений демократов, например, что в общество вернулась церковь. Она никогда и не уходила из общества. Правильнее будет сказать, что поле ее деятельности в 30-е гг. было резко сокращено. Многие церкви, мечети, синагоги и другие культовые заведения были закрыты. В годы войны советская власть предоставила возможность многим из них вновь функционировать. В настоящее время идут острые дискуссии о месте и роли церкви в обществе.

В сложном социально-экономическом положении оказался и Дагестан, который, несмотря на огромные финансовые дотации из центра (80–90% республиканского бюджета), не мог преодолеть накопившиеся острые проблемы, связанные с восстановлением и развитием промышленности и сельского хозяйства. В целом объем промышленной продукции в 2006 г. составлял лишь 59% к уровню 1990 г. Фактически за 16 лет она топталась на месте.

В сельском хозяйстве благодаря усилиям личных подсобных хозяйств в 2003 г. был достигнут объем валовой продукции сельского хозяйства докризисного 1990 г. Однако в сельском хозяйстве по отдельным важным видам продукции объемы производства в 2006 г. были еще существенно ниже уровня 1990 г.: по зерну на 46,4%, винограду – на 36%, плодам – на 21,9%²⁰.

Отставание наблюдалось не только в экономике, но и в культурной сфере. С этим прежде всего связаны и те серьезные негативные тенденции, которые происходили в формировании и функционировании человеческого потенциала. Низкая трудовая занятость населения, невысокий уровень жизни граждан, девальвация духовно-нравственных человеческих факторов, неудовлетворительная работа культурно-образовательных учреждений, отсутствие воспитательной работы способствовали тому, что часть малосознательных людей становилась на путь политического и религиозного экстремизма. Получив решительный отпор в период событий 1999 г. и убедившись, что силовыми методами невозможно оторвать Дагестан от России, экстремисты изменили тактику и методы своей борьбы. Они стремятся посеять в обществе страх и рознь, для этого прибегают к бесчеловечным террористическим актам, пытаются разжечь религиозную и этнонациональную вражду. Основные удары таких группировок направлялись против сотрудников правоохранительных органов. За 2003–2005 гг. было убито и ранено более трехсот их сотрудников²¹.

Криминализация жизни происходила не только в Дагестане, она была общероссийским явлением. Если считать скрытую преступность, то в России ежегодно совершалось около 25 млн. преступлений²².

Главные причины, порождающие экстремизм, по всеобщему признанию, объяснялись резкой поляризацией общества, низким уровнем жизни значительной части населения, имущественным расслоением граждан, широко распространившимися и разлагающе влияющими на моральные устои людей коррупцией и взяточничеством, поставившей многих в бедственное положение безработицей, получившей в Дагестане до этого невиданные масштабы. По данным Госкомстата России, на начало XXI в. численность безработных в Дагестане составляла около 210 тыс. человек, или 27% трудоспособного населения, что было почти в 3 раза выше среднероссийского уровня.

Кроме дагестанских безработных в республике оседали, начиная с 1992 г., беженцы из Чеченской Республики, дагестанцы вынуждены были выехать из Таджикистана, Казахстана, Азербайджана и Грузии, и вернуться в Дагестан, где их трудно было устроить на работу. Их наплыв ухудшал и без того тяжелое материальное положение населения республики. По сравнению даже с очень трудным для Дагестана 1999 г. реальные денежные доходы населения в 2000 г. уменьшились на 10%²³.

К этому следовало бы добавить и международные факторы, когда в Дагестане активизировалась деятельность различных международных и исламских фондов и подрывных центров, финансируемых или поощряемых политическими силами стран Ближнего Востока.

Несмотря на некоторое ужесточение законодательной базы в борьбе с преступностью и экстремизмом, на предпринимаемые правоохранительными органами меры по их устранению, общий рост преступности продолжал повышаться. В 2005 г. преступность выросла на 21,7%. Особенно высокими темпами росли насильственные формы преступлений. Более чем в 4 раза увеличилось количество террористических актов. Каждое третье совершенное в

Дагестане преступление относилось к категории тяжких и особо тяжких. Их рост шел на фоне снижения раскрываемости преступлений²⁴.

В результате вооруженных конфликтов и террористических актов серьезно пострадал имидж Дагестана не только в глазах российской общественности, но и на международной арене. Этому немало способствовали центральные средства массовой информации, запустившие в ход уничижительно надменное понятие «лица кавказской национальности». Потенциальные инвесторы, особенно зарубежные, учитывая в целом политическую ситуацию в Дагестане и на Северном Кавказе, не решаются инвестировать регион, считая его чрезвычайно рискованным.

Негативный образ республики остается одной из серьезных проблем, которую необходимо преодолеть. Этого можно добиться, работая прежде всего над созданием ее позитивного будущего, подъемом промышленности, сельского хозяйства, культуры, образования, обеспечивая высокий уровень занятости населения. Особое внимание необходимо уделять вовлечению в этот процесс молодежи, составляющей значительную часть населения. Ведь в Дагестане, несмотря на социально-экономические трудности, рождаемость остается одной из высоких в стране, обеспечивая омоложение ее населения. Между двумя переписями 1989 и 2002 гг. население республики увеличилось с 2180 тыс. до 2584, 2 тыс., или на 404200 человек. Подрастающее поколение, если оставить его без внимания, может пополнить ряды различных национальных, клановых и религиозных группировок и стать очагом возможных опасных конфликтов²⁵. Его надо активно вовлекать в общественно-политическую и трудовую деятельность.

Чтобы выйти из кризиса, нужна стратегическая концепция развития Дагестана, ориентированная на обеспечение устойчивого экономического роста на основе дальнейшей интеграции региона в общероссийские и мировые рыночные отношения, развитие сельского хозяйства и традиционного производства. В то же время решение таких кардинальных народнохозяйственных задач будет способствовать искоренению социально-экономических основ политического, религиозного и национального экстремизма. Одновременно следует усилить противодействие попыткам подорвать безопасность государства, создавать незаконные вооруженные формирования, вести пропаганду с целью разжигания религиозной и национальной розни, ненависти и вражды.

Принять и осуществлять меры, направленные на решение наиболее острых проблем дагестанских народов: проблемы «разделенных народов» (лезгины, аварцы, ногайцы), репрессированных ауховцев, переселенных новолакцев, земельных требований кумыков, значительная часть земель которых передана малоземельным горным районам. Проводить продуманную и целенаправленную политику по приостановлению и прекращению оттока русского населения, созданию им условий, гарантирующих уверенность в своем будущем в составе Дагестана.

Обеспечить развитие лучших духовных и культурных традиций народов республики, создать условия для сохранения и развития их языков. Под-

держивать и развивать общественные объединения, в том числе ветеранов, женщин, молодежи, инвалидов, религиозных конфессий и многих других, выступающих за сохранение и обеспечение безопасности, стабильности и согласия в обществе, единства и целостности Дагестана как неотъемлемой части Российской Федерации. Формирование нового цивилизованного гражданского общества, о чем в Дагестане много говорят, требует такого человеческого потенциала, который включает в себя качественные общее и профессиональное образование, научные знания, накопленный опыт, трудолюбие, физическое здоровье, высокую культуру, нравственную и духовную чистоту и другие качества, при развитии и утверждении которых можно будет говорить о новом обществе.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

- ¹ Волова Л.А. Межкультурная коммуникация на Северном Кавказе // Северный Кавказ: геополитика, история и культура. Материалы Всероссийской науч. конференции (Ставрополь, 1-14 сентября 2001г.) М.-Ставрополь, 2001. С. 125.
- ² Российский Кавказ. Книга для политиков. М. 2007. С. 133.
- ³ Арухов З.С. Россия и Дагестан в новом геополитическом пространстве. Махачкала, 2006. С. 25-26.
- ⁴ Российский Кавказ. С. 140.
- ⁵ Дагестанская правда. 2001. 24 февраля.
- ⁶ Цит. по: Муслимов Т., Муслимова Н. Указ. соч. С. 130.
- ⁷ Сухов И. Новый Кавказ: унификация или распад? // Россия и мусульманский мир. 2006. № 10. С. 72.
- ⁸ Советская Россия. 2005. 22 октября.
- ⁹ Там же. 2007. 28 июня.
- ¹⁰ Развод народов. Поиск. 29 декабря 2006 г.
- ¹¹ Советская Россия. 2003. 25 января.
- ¹² Там же. 2004. 6 марта.
- ¹³ Советская Россия. 2007. 2 августа.
- ¹⁴ Там же. 2007. 12 августа.
- ¹⁵ Хилл Ф., Гэдди К. Сибирское время. Просчеты советского планирования и будущее России / Перевод с английского. М., 2007. С. 213.
- ¹⁶ Там же. 2007. 30 января.
- ¹⁷ Там же. 2007. 12 августа.
- ¹⁸ Там же. 2007. 2 августа.
- ¹⁹ Там же. 2007. 30 января.
- ²⁰ Дагестанская правда. 2007 г. 24 августа.
- ²¹ Дагестанская правда. 2006 г. 31 марта.
- ²² Советская Россия. 2007. 18 января.
- ²³ Северный Кавказ: новые ориентиры национальной политики (90-е годы XX в.) М., 2004. С.161.
- ²⁴ Дагестанская правда. 2006. 31 марта.
- ²⁵ Российский Кавказ. С. 353, 357.

Алфавитный указатель имен

Книга I

Абакаров А. (с.410)
Абакаров К.А. (с.469)
Абалкин Л.И. (с.15)
Абдулаев А.А. (с.470)
Абдулаев Н. (с.478)
Абдулатипов М. (с.432)
Абдулбасир (с.175)
Абдуллаев Г. (с.154; 183)
Абдулманапов М.-З.А. (с.469; 470)
Абдулмеджидов А. (с.470)
Абдулмеджидов Г. (с.391)
Абдулхаликов Г. (с.432)
Абдулхан (с.175)
Абдуразаков А. (с.431)
Абдурахманов З. (с.470)
Абих Г.В. (с.151; 165)
Абрамов (с.336)
Абрамова (с.206)
Абуков С. (с.478)
Авторханов А. (с.39)
Агамедов (с.228)
Аджаматов Х. (с.358)
Аджиев А. (с.271)
Аджиев М. (с.299)
Азарьянц О. (с.162)
Азимов М.М. (с.8)
Акавов И. (с.411; 431)
Акаев П. (с.478)
Алаватов Ш. (с.477)
Александр II (с.140; 151)
Александр III (с.91)
Александров А.П. (с.19)
Алексеев (с.228)
Алескеров А. (с.172)
Али-Ада (с.207)
Аливердиев А. (с.271)
Алиев А. (с.100)
Алиев А. (с.471)
Алиев А.И. (с.8)
Алиев А.М. (с.244; 453)
Алиев Г. (с.218)
Алиев Г.А. (с.471)
Алиев Д. (с.416; 432)
Алиев И. (с.105)
Алиев М. (с.478)
Алиев М.Г. (с.124)

Алиев Н.А. (с.556)
Алиев С. (с.471)
Алиева А. (с.207)
Алисултанов С. (с.471)
Алиханов (с.102)
Алиханов М. (с.432)
Алферов Ж.И. (с.18; 19)
Амаду Ж.. (с.42)
Амаев А.Д. (с.595)
Амирханов М. (с.478)
Амсден А. (с.34)
Андрусов Н.И. (с.165)
Анохин (с.207)
Антонов-Овсенко А. (с.38)
Анучин Д.Н. (с.165)
Арзуманов (с.154)
Аскерханов У. (с.478)
Атаев А. (с.478)
Атаев В. (с.172)
Афанасьев (с.154)
Афонов (с.232)
Ахвердов (с.172)
Ахундов М. (с.67; 105; 172; 365; 369; 371; 372)
Ашурбеков М. (с.525)
Багиров М.А. (с.452)
Бадурев С. (с.528)
Базалаев И. (с.391)
Бакунов Г.Г. (с.478)
Барятинский А.И. (с.85; 87)
Басаев Ш. (с.36)
Басов Н.Г. (с.18)
Батраев М. (с.528)
Батыров М. (с.478; 479)
Беверидж (с.20)
Бейбулатов И. (с.471)
Бенкендорф О.А. (с.168)
Берже Ад. (с.158)
Берия Л.П. (с.452; 463)
Бехтерев В.М. (с.18)
Бичерахов Л. (с.101)
Близначенко В.И. (с.497)
Бобров А. (с.42)
Ботвар А.Д. (с.18)
Бочкова (с.207)
Брежнев Л.И. (с.284)

Брод И. (с.260)
Бугай Н.Ф. (с.463)
Булатов Б.Б. (с.8)
Быдтаев (с.260)
Вагабов М.М. (с.8)
Ванецовы (с.154; 155)
Вейнер (с.172)
Венжер В.Г. (с.257)
Вербенко А.А. (с.270)
Вернадский В.И. (с.18)
Висаидов А. (с.528)
Власов (с.208)
Вознесенский Н.А. (с.256)
Войтович А. (с.19)
Волков (с.161)
Вольский С.В. (с.90; 91)
Вольцев В. (с.175)
Воробьев (с.154)
Воронцов-Дашков И.И. (с.91; 152; 161; 162; 339; 347)
Габиев С. (с.100)
Гагарин Ю.А. (с.18; 316)
Гаджибеков Г. (с.107)
Гаджибеков И. (с.172)
Гаджиев А.И. (с.497)
Гаджиев А.С. (с.8)
Гаджиев Г. (с.105)
Гаджиев З. (с.172)
Гаджиев М. (с.472)
Гаджиев М. (с.528)
Гаджиев С. (с.478)
Гаджиев Х. (с.172)
Галбаев И. (с.91)
Гамзатов А. (с.478)
Гамзатов М.У. (с.468)
Гамзатов М.Ю. (с.472)
Гамзатов Р. (с.43)
Гамзатова Р.М. (с.299)
Гамидов М. (с.436)
Гарданов В.К. (с.141)
Гарифулин Х. (с.208)
Гасан (с.175)
Гасаналиев Э. (с.556)
Гасанбеков М. (с.478)
Гасанов М. (с.416)
Гасанов М. (с.478)
Гасанов С.М. (с.8)
Гелинский (с.355)
Геллер М.Я. (с.28)
Геллинский М.М. (с.93)
Герасимова С.Ш. (с.299)
Гердаев Г. (с.520)

Гереев М.-З. (с.288)
Герейханов Г. (с.436)
Герейханов Ю. (с.391)
Гитлер А. (с.14; 38; 235)
Гоголев Е. (с.100)
Голицын (с.348)
Голубятников В.Д. (с.190; 192)
Голубятников Д.В. (с.165)
Гонов А.М. (с.463)
Гордницкий А. (с.43)
Горбачев М.С. (с.26; 28; 34; 559)
Горшенин К. (с.40)
Горячев Л. (с.467; 468)
Гоцинский Н. (с.96; 97; 102)
Грачкова Ф. (с.410; 411)
Григорьев (с.161)
Губины (с.172)
Гужаловский А. (с.167)
Гужев (с.208)
Гусейнов С.И. (с.497)
Давыдова (с.206)
Давыдова Г. (с.496)
Дадачев Х.-М. (с.411)
Дадашев А. (с.163)
Дадашев М. (с.162)
Дадешкеллиани Г.Т. (с.93)
Даилов Д. (с.403; 410; 411)
Даидбеков А.-Г. А.-К. (с.90)
Даитбеков А. (с.364)
Далгат М. (с.102; 115; 200; 407)
Даниялов А.Д. (с.248; 452; 462)
Дахадаев М. (с.100)
Деникин (с.99; 101; 102)
Дерметдинов М. (с.478)
Джапилов (с.228)
Джамагулов Э. (с.473)
Джамбеков М. (с.411)
Дзержинский Ф.Э. (с.186)
Дибиров М.-К. (с.94; 98)
Динник Н.Я. (с.345)
Добрынин Б.Ф. (с.49; 51; 54)
Докучаев В.В. (с.334)
Долгов (с.162)
Доронин Т.В. (с.33)
Дроздов (с.207)
Дударов С. (с.102)
Егоркин (с.207)
Егоров М. (с.468)
Екатерина II (с.13)
Ельцин Б.Н. (с.28; 30; 468; 560)
Ермолов (с.94)
Есенин С. (с.41)

Ефремов Ф. (с.175)
Жиромская В.Б. (с.69)
Жуковский Н.Е. (с.18)
Забабихин Е.И. (с.19)
Заворотынский А.А. (с.537)
Заирбеков А. (с.410)
Закаев (с.409)
Зельдин В.М. (с.431)
Зельдович Я.Б. (с.18; 19)
Зелькин Р.Г. (с.375)
Золотарев Н.А. (с.497)
Зубаиров М. (с.379)
Ибашев А.М. (с.497)
Ибрагимов (с.207)
Ибрагимов Г. (с.437)
Ибрагимов М. (с.445)
Изгияев (с.172)
Изитдинов А. (с.478)
Измайлов (с.232)
Израилов (с.172)
Иллазаров И.И. (с.473)
Исаков Л. (с.169)
Исламов И. (с.445; 460)
Исмаилов А. (с.100)
Исмаилов А.И. (с.467; 468)
Исмаилов И. (с.426)
Итихан Кади-оглы М.-Б. (с.161)
Казак И. (с.141)
Казаналипов (с.349)
Казаналипов А.-С. (с.93)
Казанбиев К. (с.462)
Казанбиев М.А. (с.8)
Казбеков С. (с.100)
Казиев (с.349)
Каймаразов Г.Ш. (с.8)
Калинин К.Н. (с.473)
Калинин М.И. (с.186)
Камалов Г.М. (с.477)
Камбулатов Г. (303)
Кантария М. (с.468)
Капбаймагомедова Х. (с.527)
Кариб (с.67)
Касимов с. (с.218)
Кашкаев Б.О. (с.8)
Квестрам (с.172)
Келдыш М.В. (с.18)
Кельбелиев А. (с.484)
Керенский А.Ф. (с.96)
Керимов А.-М. (с.175)
Кириченко (с.375)
Киселев (с.453)
Китчаев С. (с.432)

Кларк П. (с.171)
Климов (с.207)
Ковалев А. (с.468)
Ковалев П. (с.67)
Кожжевников (с.347)
Козляковская (с.162)
Козюмин (с.207)
Кокен Франсуа (с.13; 14)
Кольцов Н.К. (с.18)
Конквест Р. (с.39)
Коркмасов Д. (с.100; 102; 103; 105; 107; 183; 190; 360; 365)
Коробкин М. (с.67)
Королев С.П. (с.18)
Коснер А.К. (с.163)
Косыгин А.Н. (с.279; 307)
Котров И.А. (с.26)
Козн С. (с.29; 33; 39)
Кравчук Л.М. (с.28)
Кривенко (с.347)
Кривоспицкая Л.С. (с.461)
Кропоткин (с.206)
Круглов С. (с.40)
Крутов П. (с.473)
Крылов (с.38)
Кудрявцев В.Н. (с.40)
Кузнецов Н.И. (с.7; 48)
Кулиев С. (с.527)
Кундухов М. (с.105)
Кунтуганов И. (с.432)
Куняев С. (с.41)
Курахмаев М. (с.172)
Курбанов С.С. (с.473)
Кургосов (с.260)
Курчатова И.В. (с.18; 19; 595)
Кушаев Г. (с.478)
Ладынина М. (с.431)
Лазарев (с.162; 347)
Ларин Н.П. (с.375)
Латинов М. (с.478)
Лачуев М.-Ш. (с.90)
Ленин В.И. (с.12; 139; 143; 180; 360; 365; 378; 432)
Леонтьев Л.А. (с.256)
Линкун Н. (с.452; 453)
Лихов С. (с.410)
Лунев В.В. (с.40)
Мавраев М. (с.172)
Магомаев Ю.-М. (с.102)
Магомед (с.175)
Магомедбеков К. (с.105)
Магомедов (с.226)

Магомедов А. (с.496)
Магомедов Г. (с.423)
Магомедов Д.М. (с.232)
Магомедов И. (с.478)
Магомедов К. (с.478)
Магомедов К. (с.496)
Магомедов М. (с.172)
Магомедов М. (с.556)
Магомедов М.-А. (с.124)
Магомедов О. (с.478)
Магомедов С. (с.288; 299)
Магомедова М. (с.426)
Магомедова Х. (с.484; 485; 496)
Мазолеский (с.228)
Машловы (с.154; 155)
Макаев И.М. (с.474)
Макаров Н.П. (с.375)
Максимов Н.К. (с.219)
Максимов Н.И. (с.511)
Малыгин И.В. (с.20; 24)
Мамедбеков К.Г. (с.102; 115; 407)
Манаров М. (с.595)
Мандел У. (с.15)
Маркс К. (с.11; 317)
Марчук Г.И. (с.19)
Маскин И. (с.105)
Матросов А. (с.475)
Махачханов М. (с.432)
Медведев Р. (с.38)
Меджидов Ш. (с.477)
Межлумов О. (с.260)
Мейснер В. (с.158)
Менделеев Д.И. (с.18)
Милне С. (с.29)
Милованов Г.И. (с.8; 173; 174; 196; 213)
Мирзабеков А.М. (с.124)
Мирзабеков М.Я. (с.8)
Мирзоев (с.154; 162)
Мирзоев А. (с.410)
Миронов С. (с.597)
Митин М.Б. (с.256)
Михайлов (с.171)
Михайлов В.А. (с.29)
Можуга (с.205)
Моисеев П.В. (с.555)
Моллаев А. (с.547)
Молотов В.М. (с.225; 226)
Мурзаев У.А.-М. (с.91)
Муртузалиев М. (с.426)
Муртузалиев С.М. (с.537)
Мусаев С.И. (с.474; 475)
Мусаева С.М. (с.299)

Муташев И. (с.413)
Мухитинов З. (с.478)
Надирадзе А.А. (с.158)
Нажмутдинов З. (с.432)
Нансен Ф. (с.569)
Наушкин (с.171)
Нахибаева А. (с.105)
Нахиунов И.Р. (с.8; 350)
Некпелов А.Д. (с.30)
Неяровский (с.343)
Нобель (с.167; 172)
Ноткин А.И. (с.257)
Нукеров А. (с.478)
Нурадилов Х. (с.475)
Нурулаев Д. (с.478)
Нуцал И. (с.172)
Оганов (с.171)
Ожегов С.И. (с.21)
Омаров М. (с.403)
Омаров С. (с.478)
Орджоникидзе Г.К. (с.94; 103; 104; 204; 206; 207)
Орлянский К. (с.218)
Осипов (с.375)
Османов А.И. (с.8)
Османов О. (с.102)
Остремский Р.М. (с.240)
Павленко П. (с.403)
Павлов (с.28)
Павлов И.П. (с.18)
Папаевы (с.162)
Петрококин О.И. (с.170)
Петросов (с.171)
Питаньянц (с.162; 164)
Погорельский П.В. (с.460)
Погосов (с.162)
Полин К. (с.105)
Поляков Ю.А. (с.8; 43)
Попов А.С. (с.18)
Потанина А.В. (с.497)
Проценко Ю.П. (с.151)
Путин В.В. (с.36; 597)
Пыльцов (с.347)
Рабаева (с.206)
Рабаева М. (с.461)
Рабинович (с.206)
Рамазанов Х.Х. (с.8)
Рамалданов Б. (с.478)
Рафи Мухаммед (с.48)
Решетников С.И. (с.170)
Рзаева Ф.Г. (с.461)
Родионова А. (с.207)

Розенберг А. (с.235)
Романовы (с.12; 16; 90)
Руденко Р. (с.40)
Рузвельт (с.20)
Рустамбеков (с.260)
Саадулаев С. (с.478)
Сабутов А. (с.520)
Сагателян А.А. (с.405)
Садыков А. (с.403)
Саидов Бадави С. (с.90; 93)
Саидов Г. (с.100)
Саидов Г. (с.478)
Салаватов А.-Г. (с.461)
Салаватов М. (с.478)
Салихов Э.Б. (с.475)
Самурский Н. (с.102; 105; 107; 118; 161; 191; 345; 363; 366; 371)
Санина А.В. (с.257)
Сафаровы (с.172)
Сахаров А.Д. (с.18; 19)
Свидерский Л.Ф. (с.7; 48)
Семенов Н.Н. (с.18; 164)
Серебряковы (с.164)
Сергпутовский А.К. (с.334)
Сиротин А.Г. (с.244)
Скиварди Б. (с.477)
Смирнов (с.172)
Солженицын А.И. (с.38)
Сретинский (172)
Ставский Е.П. (с.18)
Сталин И.В. (с.13; 38; 39; 74; 103; 104; 255; 256; 257; 456; 463; 502,511)
Стаханов А. (с.206; 218)
Сулейманов Р.Б. (с.475)
Сулейманов С. (с.300)
Сулейманов Я. (с.475)
Султан А. (с.478)
Султан А.-Х. (с.469)
Султанов И.К. (с.476)
Сурхайханов А. (с.477)
Сутаев Р.З. (с.176)
Табасаранский А. (с.355)
Табасаранский М. (с.355)
Тагиев Г. (с.154; 155; 157; 171; 172; 175)
Талибов (с.172)
Тамазов (с.162; 164)
Тамм И.Е. (с.18)
Тарковский Н. (с.91; 101)
Тарковский С.-А.3 (с.93)
Тартаров (с.163)
Тахо-Годи А. (с.105; 107)
Тахтаров А. (с.118; 459; 461)

Тейлор Л. (с.34;
Темиров (с.349; 355)
Темирханов З. (с.95; 364)
Толбоев М. (с.595)
Трофимчук А.А. (32)
Троцкий Л.Б. (с.47)
Трусов А.И. (с.40)
Тумаевы (с.161)
Туполев А.Н. (с.18)
Тутышкин Н. (с.102)
Тюленев И.В. (с.232; 452)
Умалатов Н. (с.431)
Умаханов М.-С.И. (с.296; 461)
Умциев А.М. (с.93)
Умциев З. (с.358)
Умциев М. (с.358)
Умциев Т. (с.358)*
Унгерн-Штернберг В.Л. (с.88)
Урусилов М. (с.410)
Усаев (с.556)
Файнсберг (с.163)
Фалеева К. (с.218)
Фараджев Д.З. (с.163; 164)
Федоров (с.163)
Фейзулаев (с.498)
Фокин Н. (с.218)
Фолиау А. (с.163)
Фрумкин М.И. (с.378)
Хакамада И. (с.39)
Халдей Е. (с.468)
Халилов М. (с.99)
Халифаев Р. (с.525)
Хаматов Ш. (с.478)
Ханахмедов Х. (с.478)
Хангишиев (с.409)
Ханмагомедов Х. (с.105)
Харитон (Ю.Б. (с.18; 19)
Харичков К.В. (с.7; 48)
Хаттаб (с.36)
Хашимова Б. (с.207)
Хизриев Б. (с.477)
Хизроев М. (с.100; 105)
Хохлов (с.206)
Хрущев Н.С. (с.39; 121; 122; 271; 530)
Хрущев С.Н. (с.271)
Худаев (с.232)
Хурахов (с.206)
Хьюз Э.Д. (с.20)
Цехер А. (с.407)
Цехер А.А. (с.115)
Циолковский Э. (с.18)
Чавчавадзе Н. (с.152)

Челомей В.Н. (с.271)
Четурная (с.228)
Черевашенко (с.208)
Черенков П.А. (с.18)
Чудаков М. (с.38)
Чуйков В.И. (с.473)
Шаймарданов С.К. (с.375)
Шаманов А. (с.547)
Шамиль(имам) (с.91; 169)
Шамхалов Ш.М. (с.270)
Шандиев К. (с.416; 431)
Шарапилов (с.445)
Шаумциян С. (с.271)
Шахбанов М. (с.432)
Шахмарданов Ш. (с.303)
Шашаев Т. (с.437)
Швейцер П. (с.33)
Шевченко (с.467)
Шетилов Д.Т. (с.256)
Шигабудинов М.Ш. (с.8)

Ширинбеков М. (с.478)
Шюмаров А.К. (с.537)
Штульский (с.391)
Шульц Л. (с.42)
Шустов (с.164)
Шушанов (с.349)
Шушкевич С.С. (с.29)
Щелкин К.И. (с.19)
Эйзенхауэр Д. (с.80)
Эмиров В. (с.364)
Эмиров В.А. (с.476)
Эмиров Э. (с.484)
Энгельс Ф. (с.11; 317)
Энеев М. (с.102)
Эстеров А. (с.484)
Эфендиев А. (с.364)
Юсутов М.Ю. (с.559)
Яковлев А.Н. (с.28)
Янаев Г.И. (с.28)
Ярошенко Л.Д. (с.257)

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН

instituteofhistory.ru

Книга II

Абакаров А. (с.396)
 Абакаров А. (с.471)
 Абакаров А.И. (с.500)
 Абакиров М. (с.433)
 Абакарова Ф.О. (с.503)
 Абасил М. (с.511)
 Абашидзе Г. (с.470)
 Абдул Керим оглы (с.371)
 Абдулагатов И.М. (с.497)
 Абдулатипов Р.Г. (с.307; 309)
 Абдулбасиров М. (с.307)
 Абдулбеков З. (с.572)
 Абдулгалимов С. (с.99)
 Абдулгамидова Н.А. (с.516)
 Абдулкадыров С. (с.267)
 Абдуллаев А. (с.447)
 Абдуллаев З.Г. (с.503)
 Абдуллаев И. (с.377)
 Абдуллаев М. (с.241)
 Абдуллаев М.А. (с.363; 372)
 Абдуллаев С. (с.235; 399; 433; 468)
 Абдуллаев С.Н. (с.461; 503)
 Абдуллаев Ш. (с.478)
 Абдулмананов М.-З. (с.218)
 Абдулмеджидов А. (с.58)
 Абдулмеджидов Г. (с.189)
 Абдулхаликов М. (с.478; 479; 517)
 Абдулхалимов С. (с.94)
 Абдуразаков Т. (с.229)
 Абдурахманов О. (с.560)
 Абилов А.А. (с.467; 495)
 Абозин Г. (с.360)
 Абрамов Ш.А. (с.447; 499)
 Абрамянц А.Г. (с.240; 241; 446)
 Абсаидов С. (с.571; 572)
 Абу-Бакар А. (с.484; 508; 509; 512; 513; 517)
 Абубакаров А.А. (с.240)
 Абуев М. (с.514)
 Абуков К. (с.510; 511; 513)
 Абушев М.-Г. (с.571; 572)
 Августович (с.482)
 Авербух З. (с.71; 72)
 Авшалумов Х. (с.235; 412; 433; 468; 510; 512)
 Агабабов С.А. (с.472; 480)
 Агаев А. (с.469)
 Агаев А.Г. (с.472; 495)

Агапов А.Н. (с.207)
 Агасиев Г. (с.80)
 Агасиев К.-М. (с.13; 51; 52; 57; 79; 440)
 Агларов М.А. (с.500; 502)
 Адавов А. (с.216; 219)
 Аджаматов А. (с.232; 238; 391; 400; 401; 434; 451; 468; 469; 471; 503; 508)
 Аджиев А. (с.434; 468; 470; 484; 508)
 Аджиев А.М. (с.305)
 Аджиев Б. (с.511)
 Адиева Э. (с.419)
 Адуев Н.-М. (с.278)
 Атаев Б.М. (с.503)
 Айзумов А. (с.517)
 Айдаев (с.478)
 Айдинбеков М. (с.13; 51)
 Айтберов Т.М. (с.500)
 Акавов А. (с.434; 451)
 Акаев А. (с.372; 373; 384; 385)
 Акаев Ю. (с.377; 447)
 Акимцев В.В. (с.461)
 Акушинский А.-Г. (с.100; 102; 106; 108; 112; 368; 380)
 Акушинский А.-Х. (с.54; 58)
 Александров А.В. (с.417)
 Алехин Н. (с.571)
 Алешин С. (с.479)
 Али фуад-паша (с.145)
 Алибеков Г. (с.278)
 Алибеков М. (с.363; 399)
 Алибеков С. (с.235;)
 Алибеков С. (с.241)
 Алибеков С.Ю. (с.467)
 Алибулатов (с.211)
 Аливердиев А.А. (с.461)
 Алиев (с.406)
 Алиев А. (с.229)
 Алиев А. (с.267)
 Алиев А. (с.565; 572; 578)
 Алиев А. (с.94; 99)
 Алиев А.Г. (с.467)
 Алиев А.-Г.К. (с.506)
 Алиев А.М. (с.215; 217; 233; 253)
 Алиев Б. (с.396)
 Алиев Б.Г. (с.500; 502)
 Алиев Г. (с.434)
 Алиев Г.Ф. (с.240)
 Алиев И. (с.389)

Алиев М. (с.410; 413; 469; 478)
 Алиев Н. (с.511)
 Алиев О. (с.229)
 Алиев Р.М. (с.497)
 Алиев С. (с.218; 219; 229; 447)
 Алиев С. (с.301)
 Алиев У. (с.113)
 Алиев У. (с.88; 114)
 Алиев Ш. (с.218)
 Алиева Ф. (с.471; 479; 508; 509; 510; 515)
 Алиева Ф.А. (с.503)
 Аликберов Г.А. (с.228; 229; 233.)
 Аликберов Г.А. (с.467)
 Аликберов М. (с.369)
 Алимова Б.М. (с.502)
 Алиханов К. (с.54; 62; 106; 110; 125; 126; 127; 128; 129; 131; 132; 138)
 Алиханов Р. (с.427)
 Алиханов-Аварский М. (с.367; 368)
 Алишаев М.Г. (с.497)
 Алишева Ш.-Х. (с.513)
 Алишейхов С. (с.241)
 Алкадари Г. (с.355; 358)
 Алкадарский А.-К. (с.360)
 Аллахвердиев А. (с.572)
 Аллахвердиева М. (с.427)
 Алхазов А. (с.27)
 Алханова Н. (с.200)
 Алхасов Б. (с.114)
 Амадзиев А.М. (с.499)
 Аманхор (с.364)
 Амирханов Х.А. (с.500)
 Амирханов Х.И. (с.462; 463; 467; 492)
 Амосова (с.450)
 Андерсен Г.Х. (с.518)
 Андреев А.А. (с.191; 393)
 Андреев В.И. (с.418)
 Аниер (с.41)
 Аникин (с.41)
 Анисимов М.А. (с.49)
 Анисимов Н.А. (с.42; 69; 75)
 Анпер (с.72)
 Апанасенко И. (с.229)
 Апашев Д. (с.34; 54; 80)
 Арацилов М. (с.572)
 Арацханов Х. (с.62; 67)
 Арбузов (с.477)
 Ардзимба В. (с.300)
 Арипов А. (с.509)
 Арсланов А.С. (с.305)
 Артамохов И. (с.41; 55)
 Артамохов-старший (с.26)

Аршаруни А. (с.400)
 Асалинский К.-А. (с.362)
 Асеев Н. (с.451)
 Асиятилов С.Х. (с.565)
 Аскараров Х. (с.416)
 Аскар-Сарыджа Х.-Б. (с.240; 241; 410; 422; 423; 424; 446; 447)
 Аскер Кади из Дженгутая (с.372)
 Аскерова (с.229)
 Аскерханов Р.П. (с.466; 467; 495)
 Астемиров Б. (с.197; 398; 400)
 Астратъянц Ф. (с.267; 269)
 Атаев А. (с.511)
 Атаев Б. (с.369; 478)
 Атаев Д.А. (с.55; 72; 91)
 Атаев М. Г. (с.139; 141; 197)
 Атнаилов Д. (с.468; 484)
 Афанасьев М.Е. (с.360)
 Ахмедбей (с.79)
 Ахмедов (с.521)
 Ахмедов Н. (с.478)
 Ахмедов С.Х. (с.503)
 Ахмедова Г. (с.411; 444)
 Ахмедханов Д. (с.319)
 Ахтынский Г. (с.367)
 Ахундов М.Т. (с.27; 37; 112; 113; 119)
 Ахундов М.-Ф. (с.364)
 Ахундов О. (с.444)
 Ашуралиев Р. (с.572)
 Бабаева Р. (с.419)
 Бабенко А.И. (с.205)
 Багдаев Б. (с.241)
 Багдасаров-Дурасьянц (с.41)
 Базаев А.Р. (с.497)
 Базалаев И. (с.189)
 Байков Б.П. (с.410)
 Баймурзаев М.-З. (с.216)
 Байрашевский О.А. (с.406; 439)
 Байтуган Б. (с.117)
 Байтуганов Б. (с.45)
 Бакланов Н.Б. (с.402; 403)
 Бамматов Б.Г. (с.503)
 Бамматов Г. (с.34; 46; 54; 59; 60; 82; 83; 85; 97; 117; 361)
 Барыкин (с.377; 402)
 Басиев Ш. (с.323; 324; 526; 589)
 Баталбекова И. (с.473; 480)
 Батырай О. (с.366; 399; 484)
 Батырмурзаев А.Н. (с.441)
 Батырмурзаев А.С. (с.497)

Батырмурзаев З.Н. (с.32; 37; 42; 53; 58; 91; 95; 98; 364; 367; 369; 370; 373; 374; 398.)
Батырмурзаев Н. (с. 98; 364; 370; 373)
Батыров А. (с.433)
Бахметьев (с.95)
Бахшиев М. (с.412; 433; 468; 484)
Бахшиев Ф. (с.508)
Башкиров А.С. (с.402; 403)
Башларов С. (с.372)
Бейболатов Т. (с.373; 417; 418; 422)
Бейбулатов Т. (с.360; 398; 408; 410)
Бекбулатов Д. (с.241)
Бекова Б. (с.200)
Бекович-Черкасский (с.138)
Бенцианов Б. (с.476)
Березовский М.В. (с.360)
Берия Л.П. (с.255)
Берия С. (с.231)
Беспалов Д. (с.447)
Бестужев-Марлинский (с.426)
Бешенцев В. (с.72)
Бибиков В. (с.450)
Билль-Белоцерковский В. (с.413)
Бичерахов Г. (с.75; 76; 86; 102)
Бичерахов Л. (с.67; 68; 69; 70; 71; 72; 73; 74; 75; 76; 77; 78; 117)
Богатырев А. (с.139)
Богатырева Х. (с.229)
Богомолов О.Т. (с.7)
Божовский В.Р. (с.439)
Бойков А.М. (с.497)
Борисов (с.446)
Боровский В.М. (с.439)
Браиловский Я. (с.72)
Брежнев Л.И. (с.273; 290; 291; 294)
Бризник-Упита Э. (с.360)
Брусилов А.А. (с.115; 116)
Брюннели И. (с.421)
Бубнов А.С. (с.155)
Буганов Г. (с.447)
Будылин В.Г. (с.439)
Буйнакский У. (с.22; 37; 41; 42; 44; 49; 50; 54; 56; 57; 58; 69; 72; 73; 74; 88; 91; 93; 94; 99; 161; 229; 360; 361; 373; 423; 440)
Буковчан И. (с.517)
Булатова А.Г. (с.500)
Булач Тату (с.27; 161)
Булач Х.О. (с.373; 439; 466; 467)
Булганин Н.А. (с.262)
Буль К. (с.560)

Бурев М. (с.560)
Бурун (с.62)
Бурцев М. (с.571)
Бурчуладзе Г. (с.360)
Бутаев А. (с.85)
Бутаев Д. (с.365)
Бутаев М.Д. (с.6; 372; 435; 502)
Бутягин Ю.П. (с.111; 112)
Буш Д. (с.302)
Вавилов Н.И. (с.440)
Вавилов С. (с.230)
Вагабов М.В. (с.225)
Вагидов А.М. (с.513)
Вартамянц Т. (с.29)
Василевский А.М. (с.448)
Василенко С.Н. (с.419)
Васильев А.П. (с.414)
Велиханов С. (с.414)
Венилов А.-А. (с.369)
Верлинская О.С. (с.295)
Виноградов О. (с.475)
Виткович (с.444)
Витте С.Ю. (с.7; 16)
Вишневский В. (с.412)
Вишневский Н.К. (с.369)
Вольский (с.28)
Воробьев Л. (с.360)
Воронин (с.73)
Воронин В.А. (с.223)
Воронцов-Дашков И.И. (с.18)
Врангель П.Н. (с.129; 133; 136)
Вургун С. (с.411; 470)
Габиев С.И. (с.27; 34; 37; 39; 58; 68; 72; 75; 119; 122; 123; 128; 131; 133; 134; 135; 145; 360; 361; 363; 364; 365; 369; 370; 371; 372; 373; 379; 380; 397; 399; 408)
Гавриленко В. (с.94; 114)
Гавриленко Н. (с.72)
Гагарин Г. (с.421)
Гагарин Ю.А. (с.491)
Гаджи Магома Г. (с.427)
Гаджибеков Г. (с.197; 393; 406; 419)
Гаджибеков З. (с.444)
Гаджибеков У. (с.370; 414)
Гаджиев А. (с.91)
Гаджиев А.С. (с.502)
Гаджиев Б. (с.113)
Гаджиев Б. (с.514)
Гаджиев В.Г. (с.131; 494; 495; 502)
Гаджиев Г.А. (с.131)
Гаджиев З. (с.235; 398; 399; 400; 401; 411; 413; 468)

Гаджиев З.М. (с.445)
Гаджиев М. (с.241)
Гаджиев М. (с.468; 484)
Гаджиев М. (с.72)
Гаджиев М.Г. (с.495; 500; 501; 502)
Гаджиев М.И. (с.215; 217; 218; 219; 228; 446; 451; 476)
Гаджиев М.М. (с.461; 467)
Гаджиев М.-Н. (с.31)
Гаджиев М.С. (с.501)
Гаджиев Т. (с.413; 444; 477)
Гаджиев Х. (с.369)
Гаджиев Э. (с.484)
Гаджиева Д.Х. (с.500)
Гаджиева Р. (с.228; 419; 473; 474)
Гаджиева С.Ш. (с.493; 495; 500; 502)
Гаджикурбанов Я. (с.476)
Гаджи-Магома-оглы А.-В. (с.94)
Гаджимурадов Н.А. (с.305)
Газалиев А. (с.514)
Гаирбекова М. (с.468; 471)
Гайдарбеков Г. (с.586)
Гайдаров Г.М. (с.497)
Гайдаров И. (с.35; 39; 44; 85)
Гайдаров И.-Б. (с.27; 359; 362)
Гайдаров М. (с.369)
Гальченко Л. (с.447)
Гамбаров В.Г. (с.12)
Гамзатов Г.Г. (с.362; 364; 367; 495; 496; 502; 503; 504; 507)
Гамзатов М. (с.218; 447)
Гамзатов Р. (с.232; 236; 434; 443; 468; 470; 472; 474; 475; 478; 479; 484; 508; 509; 510; 511; 512; 514; 515)
Гамид А.Х. (с.410)
Гамидов М.Х. (с.513; 514)
Гамсахурдиа З. (с.300)
Ганиев А.М. (с.565)
Ганиева А.М. (с.503)
Гасанов А. (с.34)
Гасанов Г. (с.241; 416; 418; 420; 446; 472; 480; 516)
Гасанов Г.А. (с.360)
Гасанов К. (с.396)
Гасанов М.М. (с.503)
Гасанова М. (с.473; 480)
Гасаноглы А.-М. (с.361)
Гафуров А.Г. (с.228; 236; 400; 401; 430; 434; 443; 451; 467; 470; 474; 484)
Гацунаев (с.78)
Гегечкори Е.П. (с.46)
Гейбатов Г. (с.514)

Гейбатова З.А. (с.504)
Геккер А. (с.129)
Георгий (Великий князь) (с.355)
Герасимов (с.72)
Герасимов С. (с.412)
Гереев Ю. (с.401; 411)
Герейханов Ю. (с.189)
Герман Ю. (с.237; 443)
Гикало Н. (с.110; 114)
Гимбатов Г. (с.241)
Гиреев Б. (с.229)
Гитинаев Х. (с.197; 406)
Гитинов А. (с.586)
Гитиновасов К.-М. (с.29)
Гитлер А. (с.227; 443)
Гладыш Л. (с.310)
Глазов В.А. (с.439)
Глоба А. (с.420)
Глюняев А.К. (с.406)
Гмыря Л.Б. (с.500)
Гобачев М.С. (с.302)
Гоголев Е.Г. (с.42; 91)
Гоголь Н.В. (с.374; 409; 412; 443; 469; 484; 517)
Годник А. (с.450)
Голан Я. (с.469)
Головачевский (с.16)
Головка А. (с.218; 219)
Голод А.Р. (с.197)
Голубев А.М. (с.305)
Голубятников (с.19)
Голубятников В.Д. (с.402; 461)
Гольдберг (с.24)
Гольдони К. (с.413; 414)
Гончар О. (с.469)
Гончаров А. (с.267)
Горбачев М.С. (с.295; 297)
Горбунов (с.20)
Городовиков О. (с.229)
Горшельдт Т. (с.421)
Горшенин К. (с.198)
Горький М. (с.237; 374; 397; 400; 411; 430; 443; 477; 484; 510; 517)
Горьков В. (с.482)
Горячев Л. (с.230)
Гоцинский Н. (с.34; 38; 39; 40; 44; 45; 50; 53; 54; 55; 57; 58; 61; 62; 63; 64; 66; 67; 70; 102; 124; 125; 126; 127; 128; 129; 131; 132; 133; 138; 140; 141; 154; 155; 208)
Грач А. (с.479)
Гребнев Н. (с.470)
Грибоедов А.С. (с.409)

Гулак-Артемковский С. (с.417)
Гулиа Г. (с.513)
Гулиа Дм.(с.364)
Гунибский И.-Х. (с.106)
Гуриелашвили Р. (с.419)
Гусаев М.С. (с.312)
Гусейнов (с.185)
Гусейнов А. (с.114)
Гусейнов А.А. (с.496)
Гусейнов Г. (с.464)
Гусейнов Д. (с.241)
Гусейнов И. (с.510)
Гусейнов М. (с.516)
Гусейнов С. (с.467)
Даветов Ш. (с.370)
Давудов З. (с.324)
Давудов О.М. (с.500; 501)
Давыдов (с.95)
Давыдов А. (с.241; 446)
Давыдова Г. (с.252)
Дагаева Е.М. (с.160)
Дагиров Н.С. (с.235; 419; 445; 472; 473; 480; 516)
Дадашев М. (с.216; 433)
Даибов Д. (с.192)
Даитбеков А. (с.370)
Далгат (с.369)
Далгат (с.405)
Далгат А. (с.34; 39; 360)
Далгат Б. (с.39; 365)
Далгат Г. (с.37; 51; 66; 69; 91; 104; 361)
Далгат Д. (с.475)
Далгат Д.М. (с.370; 416; 417)
Далгат М. (с.35; 91; 92; 112; 114; 119; 156; 197; 358; 360; 370)
Далгат М.А. (с.27)
Далгат М.М. (с.27; 28)
Далгат Э.М. (с.6)
Даллес А. (с.302)
Дандамаев М.А. (с.496)
Даниялов А.Д. (с.217; 222; 228; 229; 253; 257; 267)
Даниялов Г.Д. (с.464; 467)
Даниялова П. (с.240; 419)
Дахадаев М. (с.17; 22; 27; 34; 36; 37; 51; 54; 58; 66; 67; 69; 70; 71; 73; 143; 229; 361; 423; 440)
Дебиров П.М. (с.493)
Деникин А.И. (с.74; 84; 85; 86; 87; 89; 90; 97; 99; 100; 102; 103; 104; 106; 107; 109; 110; 111; 114; 115; 116; 129; 144)
Дервиш-Хаджи (с.126)

Джабагиев В.-Г. (с.39; 85; 117)
Джабарлы Д. (с.414; 444)
Джавлалов Г. (с.516)
Джакаев (с.369)
Джамиль М.(с.469)
Джамалдинов С. (с.307)
Джамалов С.А. (с.215)
Джамалутдинов К. (с.586)
Джамбул Д. (с.430)
Джамбулатов М.М. (с.495)
Джантемиров (с.369)
Джанапаридзе П.А. (с.56; 57; 65)
Джанапаридзе П.В. (с.414)
Джафаров М. (с.57; 126; 131; 138)
Джафарова А. (с.516)
Джачаев А. (с.513)
Джемал И.А. (с.422)
Джемал М.-А. (с.241; 391; 422; 423; 424; 446; 447)
Джетере С. (с.444)
Джидалаев Н.С. (с.503)
Джоргов (с.70)
Джумагулов Э. (с.447)
Дзержинский (с.143)
Дибир М. (с.127)
Дибиров М. (с.235; 372)
Дибиров М.-К. (с.34; 40; 59)
Динмагомаев Р. (с.401; 433)
Динмагомедов Р. (с.235)
Дитковский В.Е.. (с.418)
Дитмар Б.П. (с.439)
Дитмар П.Л. (с.439)
Доброхотов М.С. (с.439)
Добрынин (с.404)
Доветов Ш. (с.113; 114)
Долматовский Е. (с.469)
Доценко А. (с.95)
Дрожин С. (с.91)
Дударов С. (с.112; 113; 119)
Евдокимов Е.Г. (с.155)
Егоров П.А. (с.360)
Егорова П.А. (с.377)
Ельцин Б.Н. (с.302; 303; 307)
Ермошкин Н.Г. (с.31; 41; 51; 72; 78)
Есейнин М.В. (с.26)
Жамидин (Гаджимурадов Ж.Г.) (с.514)
Жан Рош (с.520)
Жеребцов (с.213)
Жириновский В.В. (с.593)
Жирков Л.И. (с.388; 402)
Жордания (с.156)
Загидов М.-З. (с.324)

Загрянская Р.Д. (с.295)
Зайналов М. (с.219)
Закуев А.К. (с.37; 372; 398.)
Залибеков З.Г. (с.499)
Залов Г. (с.434; 469)
Заневская А.Б. (с.360)
Запольская (с.479)
Захарочкин З. (с.41; 51; 54; 70; 72; 73; 78)
Заяц (с.73)
Зиновьев Г.Е. (с.47)
Зубков И.П. (с.360)
Зуев (с.95)
Зульпукаров А. (с.37)
Зульпукаров А.-М. (с.360; 361)
Зульфукаровы М.и З. (с.477)
Ибрагимов (с.228)
Ибрагимов А. (с.418)
Ибрагимов А.-Г. (с.364)
Ибрагимов М. (с.586)
Ибрагимов С. (с.586)
Ибрагимова А. (с.419)
Ибрагимова Б. (с.418; 480)
Иванов С.М. (с.360)
Иванова С.И. (с.418)
Иванова С.М. (с.377)
Иззет-Паша Юсуф (с.64; 67)
Изиев М. (с.377)
Измаилов С. (с.229)
Измаилов (с.402)
Измаилова С. (418; 419)
Израилов Т. (с.473)
Ильин М.А. (с.371)
Ильинова Дж. (с.200)
Иминагаев А. (с.367; 397; 398; 399; 401; 428)
Исаев (с.229)
Исаев А. (с.562)
Исаковский М. (с.469)
Искендеров Г.А. (с.6; 493; 500; 502)
Исмаил Хаки (с.129)
Исмаилов А. (с.230; 231)
Исмаилов А. (с.41; 42; 58; 68; 91; 94; 99)
Исмаилов А.Ф. (с.27)
Испагиев М. (с.241)
Исраилов М.И. (с.497)
Исрафилов А.И. (с.299)
Кабанов (с.219)
Кабидов Х. (с.232)
Каганович Л.М. (с.265)
Кажлаев М. (с.269; 472; 475; 476; 480; 515; 519)
Кажлаев Н.Г. (с.215)

Казак И. (с.484)
Казанфаров Г. (с.360)
Казаринов (с.16)
Казбанов Д. (с.72)
Казбеги А. (с.365)
Казбеков С.-С. (с.27; 37; 66; 112; 113; 360; 373)
Казиев И. (с.511; 517)
Казиев Н.Э. (с.305)
Казиева Х.А. (с.485)
Казимагомедова Х. (с.472)
Казим-бей (с.113)
Казияу А. (с.400; 434)
Каймаразов Г.Ш. (с.6; 370; 495; 500; 502)
Кайтмаз (с.130)
Кайтуков Г. (с.470)
Какагасанов Г.И. (с.6)
Калинин (с.214)
Калинин В.(с.267)
Калинин М.И. (с.181; 182; 393)
Калицкий К.П. (с.402)
Кальман И. (с.417)
Камалов Д. (с.477)
Камалов Ц. (с.479)
Каманев Л.Б. (с.47)
Камиллов И.К. (с.495; 496)
Кандауров А.А. (с.372)
Канделаки Г. (с.72)
Кантемиров А. (с.85; 87; 97)
Капаницын Д.А. (с.241; 423; 424; 425; 446; 447)
Катиев Э. (с.235; 400; 401; 428; 433; 435; 470; 484; 515)
Капланов Р. (с.39; 62; 85)
Карабудагов М. (с.139)
Караев К. (с.230)
Карапетян А.А. (с.565)
Карась К. (с.139)
Кардашевы (с.425)
Карим М. (с.478)
Кассиев Э.Ю. (с.399)
Касумов М. (с.516)
Катаев А. (с.407)
Катулин А.З. (с.560)
Кафарова Э.М. (с.315)
Кахидзе М. (с.300)
Кашкаев Б.О. (с.495)
Каяев А. (с.37; 197; 366; 372; 406)
Квицинг (с.130)
Кемаль М. (с.137)
Кербабаяв Б. (с.469)
Керенский А.Ф. (с.33; 36; 47; 48)

- Керимов И (с.433; 468; 469; 484)
 Керимов С. (с.419; 472; 480)
 Керимова У. (с.159)
 Кидирниязов Д.С. (с.500)
 Кирильцев (с.154)
 Киров С.М. (с.42; 107; 108; 109; 111; 114; 121; 127; 134)
 Кисриев Ф.Г. (с.467)
 Клейзмер А.М. (с.416; 417)
 Кленин (с.43)
 Климова Е.А. (с.31)
 Книга В. (с.229)
 Кнопт (с.23)
 Кнорре Ф. (с.444)
 Кобяков И. (с.72)
 Ковалев А. (с.230)
 Ковалев И.В. (с.22)
 Ковалев П.И. (с.17; 22; 68; 72; 73)
 Ковалевский М.М. (с.365)
 Козлов (с.72)
 Козловский Я. (с.470)
 Козубский Е.И. (с.366)
 Кол Ф. (с.501)
 Колчак А.В. (с.107; 129)
 Кольшикин М.М. (с.91)
 Кольцов А.В. (с.399)
 Конакова И.М. (с.295)
 Кондратенко А. (с.41)
 Кононенко Е.П. (с.237)
 Конопацкая Г. (с.482)
 Корганов Г.Н. (с.51; 66)
 Коркмасов Д.А. (с.17; 22; 34; 36; 39; 51; 54; 58; 70; 73; 112; 113; 114; 119; 121; 123; 128; 129; 130; 134; 135; 145; 147; 149; 155; 165; 185; 197; 360; 361; 373; 374; 382; 385; 388; 411; 430)
 Коркмасов Д.Э. (с.91)
 Корнейчук А. (с.411; 414)
 Корншиов Г. (с.78)
 Корнилов Л.Г. (с.41)
 Коробов Я.В. (с.41; 55; 91)
 Короленко В. (с.469)
 Корчагин (с.213)
 Косицин М. (с.72)
 Котович В.Г. (с.493)
 Котров И.А. (с.26; 41; 42; 72; 78)
 Коцев П. (с.39; 85; 87; 97; 117)
 Кочетков Я. (с.421)
 Кочмержевская М.И. (с.377)
 Кочубей И. (с.94; 229)
 Кравецкий П. (с.476)
 Кравчук Л. (с.302)
- Крачковский И.О. (с.356)
 Криштопа В. (с.396)
 Кривоусов В. (с.571)
 Крон (с.443)
 Круглов С. (с.198)
 Крупнов Е.И. (с.462)
 Крупская Н.К. (с.393)
 Крылов И.А. (с.484)
 Куашиев Б. (с.470)
 Кубатиев У. (с.88)
 Кудряцев А.А. (с.493)
 Кузнецов Б. (с.55)
 Кулиев Б. (с.419; 446)
 Кулиев К. (с.241; 447)
 Кулиев С. (с.279)
 Кундухов М. (с.385)
 Куратов (с.95)
 Курбаналиев И.-Х. (с.364; 398)
 Курбанов А. (с.410; 444; 471; 478)
 Курбанов М. (с.235; 241; 413; 414; 478)
 Курбанов М.К. (с.497)
 Курбанов М.М. (с.503)
 Курихи З. (с.398)
 Курумов А. (с.410; 411; 412; 444; 472; 477)
 Курумова И. (с.517)
 Кухмазов М. (с.414)
 Кухмазов Ш.-Дж. (с.517)
 Лавренев Б. (с.411; 414; 471)
 Лавров (с.105)
 Лагода С.В. (с.55; 72)
 Лазарев Н. (с.20)
 Лаков Н. (с.423; 424)
 Лансере Е. (с.373; 421; 422)
 Лапин А. (с.62; 139)
 Лебедь А. (с.324)
 Левина З. (с.420)
 Легар Ф. (с.417)
 Легомоници Е.Д. (с.411; 444; 472)
 Лелевич Л.Г. (с.197; 406)
 Ленин В.И. (с.13; 33; 46; 47; 57; 61; 66; 70; 73; 88; 108; 115; 116; 120; 123; 128; 133; 137; 138; 140; 143; 145; 150; 152; 164; 165; 168; 256; 375; 555)
 Лермонтов М.Ю. (с.399; 430; 484)
 Лецинский Г.Г. (с.197)
 Лецинский О. (с.94; 99)
 Либрович А.С. (с.402)
 Линкун Н.И. (с.222; 228; 229; 233)
 Литкин С. (с.451; 470)
 Литвинчук Н. (с.216)
 Лихачев Д.С. (с.355)
- Ломоносов В.Г. (с.198; 406)
 Лотухин О.С. (с.360)
 Лорка Г. (с.478)
 Лоссов фон (с.61; 81)
 Луговской В. (с.400)
 Лукьянов Е.П. (с.360)
 Луцкович Н. (с.43; 72)
 Лысенко Ю.М. (с.6)
 Львов Г.Е. (с.33)
 Львов Д. (с.589)
 Любименко У.Е. (с.182)
 Людов Н.И. (с.197)
 Ляхов В.П. (с.87; 66; 69; 72)
 Мавраев М.-М. (с.34; 37; 362; 372)
 Магаев А. (с.412; 413)
 Магарамов Н. (с.51)
 Магдиев М. (с.197)
 Магома Н. (с.126)
 Магомаев А. (с.469)
 Магомаев А.-В. (с.99)
 Магомедов (с.97; 102)
 Магомедов А. (с.219)
 Магомедов А. (с.397; 398; 399; 400; 428; 430)
 Магомедов А. (с.41; 72)
 Магомедов А.Д. (с.504)
 Магомедов А.М. (с.377)
 Магомедов А.М. (с.495)
 Магомедов Б. (с.513)
 Магомедов Г.-Б. (с.427; 472; 474)
 Магомедов Д. (с.267)
 Магомедов Д.М. (с.504)
 Магомедов Дж. (с.229)
 Магомедов К.М. (с.495; 497)
 Магомедов М.М. (с.307; 322)
 Магомедов М. (с.468; 469; 471; 508; 510)
 Магомедов М. (с.572; 578)
 Магомедов М.Г. (с.493)
 Магомедов М.-П.Д. (с.496; 499)
 Магомедов Н. (с.427)
 Магомедов Р. (с.440; 441)
 Магомедов Р.Г. (с.501)
 Магомедов Р.М. (с.305; 495)
 Магомедов Р.М. (с.407; 461; 464; 467)
 Магомедов Т. (с.105)
 Магомедов Х. (с.233)
 Магомедов Ш.М. (с.495)
 Магомедова М. (с.518)
 Магомедова Х. (с.252; 410; 411; 444; 477)
 Магомед-Расул (с.508; 510; 511)
 Мазаев К. (с.511)
 Машля А. (с.420)
- Максудов М. (с.235)
 Малачиханов Б. (с.85)
 Малачиханов Г. (с.361; 368)
 Маленков Г.М. (с.265)
 Маликова П. (с.360)
 Малыгин И.В. (с.20; 24; 51)
 Малышев И.Г. (с.197)
 Малышевский (с.34)
 Мамаев Н.Х. (с.494)
 Мамаева А. (с.478)
 Мамай Н. (с.267)
 Мамедбеков К. (с.197)
 Мамедов (с.69)
 Мамин У.А. (с.439)
 Мансуров А. (с.369)
 Маргаритов Н. (с.410)
 Мардахаев А. (с.219)
 Марин А. (с.469)
 Маркс К. (с.256)
 Маркус Я.И. (с.42)
 Марр (с.404)
 Маскин И.Т. (с.26; 41; 42; 57; 72)
 Масленников И. (с.214)
 Масуд из Могоха (с.372)
 Масуд из Чечни (с.372)
 Масуев А.М. (с.495)
 Масхадов (с.324)
 Махмуд из Кахаб-Росо (с.366; 399; 484)
 Махмудов (с.478)
 Махмуд-шейх-Али (с.361)
 Машков И.В. (с.360)
 Маяковский В.В. (с.399; 469)
 Мдивани Г. (с.145; 414)
 Медведев А.Г. (с.222; 242)
 Медведев Н.П. (с.308)
 Меджидов А. (с.94)
 Меджидов К. (с.235; 468; 469)
 Меджидов М. (с.396; 455)
 Меджидов Ю.В. (с.372)
 Меджидова С. (с.478)
 Мезиков К. (с.72)
 Мезинов К. (с.55)
 Мейланов Р.П. (с.497)
 Мейланова У.А. (с.493; 495)
 Мелконовы (с.44)
 Менафов И. (с.241)
 Менжинский В.Р. (с.386)
 Мерзевский (с.114)
 Мещанинов И.И. (с.441; 460; 461)
 Микашов Ш.И. (с.410; 411; 461)
 Микоян А.И. (с.52; 116; 140; 144)
 Мишер В.Ф. (с.365)

- Миллер А.А. (с.404)
Милованов Г.И. (с.9)
Мирбах (с.60; 63; 82)
Мирзабеков А.М. (с.310)
Мирзов Д.А. (с.498)
Митаров Б. (с.235; 433)
Михаил (Романов) (с.33)
Михалков С.В. (с.508)
Можеев В. (с.197)
Моисеев И. (с.473)
Мола-Оглы Ю.-М.М. (с.119)
Моллаев Ю. (с.241; 422; 423; 424; 446; 447)
Молла-Магомедов Ю. (с.114)
Молотков А.П. (с.360)
Молотов В.М. (с.207; 210; 265)
Мольер (с.411; 443; 444; 517)
Монастырский Е.П. (с.197)
Мордукович И.А. (с.295)
Мстиславский С. (с.412)
Мудунов А. (с.469)
Муи (с.366)
Мунги Ахмед (с.367)
Мунчаев Р.М. (с.496; 501)
Муравьев (с.184)
Мурадбеков Ю. (с.477)
Мурадов А.Т. (с.418)
Мурадов Т.А. (с.241; 408; 409; 446)
Мурадов Ш.-Э. (с.434; 515)
Мурадова Б.С. (с.411; 413; 418; 444; 472; 473; 474; 476; 477; 517)
Мурадова С.Т. (с.472; 517)
Муратчаева Ф.А. (с.503)
Муркелинский Г.Б. (с.461; 467; 495; 503)
Муркелинский Ю. (с.358)
Мурсалов Г. (с.51; 80)
Муртада из Кудали (с.372)
Муртузалиев М. (с.425)
Муртузалиев С. (с.586)
Мусаев (с.207)
Мусаев А. (с.360)
Мусаев М. (с.69)
Мусаев Х. (с.373; 421; 422)
Мусаев Ш. (с.322)
Мусалаев Д. (с.57)
Мусалалиев О. (с.425)
Мусаханова Г.М. (с.503)
Мустанов Г. (с.360)
Мустафаев Х. (с.69; 104)
Муталибов М. (с.508)
Муталимов М. (с.396)
Мутушев А. (с.45)
- Мухамедов Х.У. (с.269)
Мухаммед Тахир ал-Карахи (с.362)
Мухтадыр (Айдинбеков) (с.52)
Мухтаров Х.М. (с.495)
Мушашилова А. (с.229)
Набиева З. (с.413; 478)
Наврузов А.Р. (с.372)
Наврузов Ш. (с.278)
Нагиев Т. (с.396)
Нагорный М.Г. (с.495)
Нагорный М.Т. (с.235; 439)
Надежкин В.К. (с.12)
Надкок В.Ф. (с.197)
Назаревич А. (с.233; 435)
Назаров А. (с.451)
Назлымов В. (с.571; 572)
Намитокоев А. (с.117)
Нанейшвили В.Н. (с.66; 67; 69; 70; 73; 107)
Нариманов Н. (с.65; 147)
Насиров А. (с.377)
Насрудинов Н. (с.279)
Наумкин В.В. (с.322)
Нахибашев Г.А. (с.27; 197)
Нахибашев М. (с.235)
Невядомский Д. (с.377)
Неженцев Ф.А. (с.197)
Незнамов Г. (с.417)
Некрасов Н.А. (с.399)
Некрасов С.М. (с.439)
Низами (с.431)
Николаева В.Н. (с.160)
Николай II (с.16; 28; 29; 32; 33; 355)
Николай Кровавый (с.95)
Ниязы (с.420)
Нога (с.19)
Нурадилов Х. (с.218; 219; 451)
Нурахмаев Х. (с.324)
Нури-Пашиа (с.64; 112; 113)
Нуров Р. (с.104; 360; 367; 397; 398; 400; 410; 411; 479)
Нуцалова П. (с.418; 419)
Нувалиев И.С. (с.360)
Оганян С. (с.230)
Огнев В. (с.512)
Озекковы (с.44)
Омаров А. (с.363)
Омаров Г. (с.208)
Омаров М.А. (с.305; 495)
Омаров Р. (с.455)
Омаров С.М. (с.360; 396; 467)
Омаров Саид (с.404)
- Омаров Х. (с.324)
Омаров Х. (с.500)
Омаров-Чохский М. (с.139; 425)
Омелянчук П. (с.233)
Онанов Д. (с.72)
Оразаев Г.М.-Р. (с.500)
Орашев О. (с.418)
Орбели И.А. (с.404)
Орджоникидзе Г.К. (с.35; 73; 78; 87; 88; 93; 114; 116; 119; 121; 123; 124; 128; 129; 131; 132; 133; 134; 135; 136; 137; 144; 147)
Оруджев (с.200)
Осипов (с.229)
Осканов (с.72)
Османов А. (с.51)
Османов А.И. (с.500)
Османов Г.Г. (с.493)
Османов М. (с.66; 94)
Османов М.-З.О. (с.495; 500; 502)
Османов М.-Н.О. (с.502)
Османов М.-Э. (с.363; 369; 399)
Османов О. (с.104; 114; 119; 197)
Островский А. (с.237; 411; 412; 413; 414; 443; 484)
Павленко П. (с.192; 400; 469)
Павлова (с.477)
Павлович М. (с.129; 137)
Паничкин (с.214)
Парту Патима (с.469)
Пасынков Л. (с.400)
Пашаев (с.404)
Пашаев М.-Х. (с.444)
Петерсон Н. (с.24)
Петр I (с.29)
Петрас Дж. (с.589)
Петренко Г. (с.20)
Петренко Я. (с.20)
Петров (с.19)
Петрова М. (с.396)
Пикуль И.Н. (с.235; 439)
Пилсудский (с.116)
Пирбуазов В.М. (с.498)
Плоткин М.И. (с.235; 445)
Пога К.К. (с.197)
Погодин Н. (с.412; 413; 414)
Подварко А. (с.235)
Подвирко А.Г. (с.439)
Поддубный И. (с.560)
Подойницын (с.41)
Подорожный Н. (с.447)
Покровский Б. (с.428)
- Полин К. (с.72)
Полторацкий С. (с.421)
Пресман М. (с.417)
Пророк Мухаммад (с.387)
Проскурин П.Ф. (с.241; 428; 445; 446)
Пузин Д.Н. (с.34; 42; 72)
Пуго Б.К. (с.299)
Путин В.В. (с.325; 492; 526; 583)
Пушкин А.С. (с.364; 374; 399; 412; 430; 473; 484)
Пиеницын (с.158)
Пьеха Э. (с.476)
Рабданов С. (с.508; 510)
Равинович Е.М. (с.197)
Рагимов С.П. (с.213; 214)
Раджабов Р. (с.216)
Рамазанов А.Ш. (с.497)
Рамазанов Б. (с.478)
Рамазанов Г. (с.412)
Рамазанов М. (с.114)
Рамазанов М. (с.278)
Рамазанов М. (с.360)
Рамазанов М. (с.414)
Рахманов (с.443)
Рахманов Л. (с.80)
Рашидов Р. (с.468; 470; 484; 508; 510)
Рашидова Ф. (с.427)
Рашиков Ш. (с.197)
Резаков Д. (с.267)
Релизов Ф.Н. (с.213)
Решель (с.138)
Риза Нур-бей (с.145)
Римашевская Н.М. (с.580)
Рогальский И.И. (с.420)
Розов В. (с.477)
Ротенко Н.И. (с.91)
Роуландсон (с.86; 87; 97; 103)
Рубанюк (с.214)
Рубо Ф. (с.421)
Руденко Р. (с.198)
Румянцев А.В. (с.294)
Рустам С. (с.444)
Рустамов Г.А. (с.410; 411; 412; 444; 471; 472)
Савченко И.Г. (с.235; 417; 445)
Савченко-Львовский И.С. (с.417)
Саидов Ю.М. (с.505)
Садыков А. (с.201)
Саенко Г. (с.206)
Саид-бек (с.127; 138; 139; 140; 156 226)
Саиднуров Д. (с.477)
Саиднуров О. (с.226)

Саидов (с.73)
Саидов Б. (с.34; 372)
Саидов Г. (с.27; 37; 42; 58; 91; 100; 367; 369; 398)
Саидов Г. (с.370)
Саидов Д. (с.197)
Саидов М.Д. (с.431)
Саидов М.С. (с.461)
Сайтиев А. (с.586)
Салаватов А.-П. (с.235; 241; 399; 401; 410; 411; 412; 413; 433; 443; 444; 471)
Салихов Ш. (с.139)
Салихов Э. (с.218)
Салынский (с.477)
Самойленко (с.19)
Самурский Н. (с.128; 130; 135; 149; 155; 197; 198; 200; 384)
Сатожников И.М. (с.477)
Сардаров С.С. (с.497)
Сафаралиев У. (с.410)
Сафонов И.В. (с.417)
Свердлов Я.М. (с.88)
Светлов М. (с.237; 412)
Сеидзаде М. (с.414)
Селевко В.П. (с.418)
Селимханов А. (с.360; 377)
Сельтенов А. (с.41)
Сергеева Г.А. (с.500)
Сергунин (с.55)
Сефербеков А. (с.219)
Сидяк В. (с.571)
Симонов К. (с.237; 254; 442)
Симонов С.К. (с.443)
Ситковский А. (с.447)
Скаковская М. (с.374)
Скриб (с.517)
Скритников А. (с.31)
Славинская Н. (с.444)
Сладков С.Н. (с.240)
Слесарев (с.77)
Смирнов (с.124; 130)
Смирнов А. (с.400)
Смирнов Б. (с.235; 241; 424; 446)
Смирнов К.Ф. (с.462)
Соболев И. (с.479)
Согратинский Х.-М. (с.362)
Соколов (с.222)
Соколов Ю. (с.400)
Солженицын А.И. (с.303)
Соловьев А. (с.511)
Соловьев В. (с.412; 442; 444)
Соловьев И.И. (с.237)

Соломенцев М.С. (с.298)
Сперанский В.В. (с.235; 445)
Сталин И.В. (с.47; 60; 61; 70; 123; 131; 132; 133; 134; 135; 136; 137; 138; 198; 215; 225; 227; 231; 251; 254; 263; 264; 298; 385; 393; 418; 556)
Стальский М. (с.433)
Стальский С. (с.367; 397; 398; 400; 401; 420; 424; 428; 430; 443; 470; 484)
Стуруа Г. (с.57)
Субхи М. (с.374)
Судакова И.И. (с.160)
Судакова Н. (с.455)
Суетнов В.В. (с.497)
Сулейманов А.-В. (с.235; 399; 401; 432; 433; 468; 470; 471; 478; 508)
Сулейманов Р. (с.218; 447)
Сулейманов С. (с.51; 80)
Сулиманов М. (с.433; 468)
Султан А.-С. (с.231; 451)
Султанов З. (с.241)
Султанов К. (с.434; 470)
Султанова Г.А. (с.504)
Суторшин Я. (с.414)
Сухер М. (с.450)
Тагаев М. (с.526)
Тагиев (с.43)
Тагиев Г. (с.23)
Таги-Заде Г. (с.72)
Тагирбеков З. (с.241)
Тагирова Н.А. (с.500)
Такаютдинбей (с.80)
Талибов Д.Б. (с.503)
Талыбов М.А.-Р. (с.387)
Талышкин А.Б. (с.369)
Танкаев М. (с.264)
Тарасевич Н.Ф. (с.360)
Тарковские Н.и А. (с.49; 99; 155; 156)
Тарковский Н. (с.15; 34; 39; 44; 57; 62; 72; 73; 85; 94; 99; 102)
Тарковский З. (с.29)
Тарнопольский В.М. (с.420)
Тахо-Годи А. (с.34; 37; 39; 145; 157; 197; 360; 361; 381; 382; 383; 405; 408)
Тахтаров А.-Г. (с.217; 229)
Телегин (с.197)
Телепин Н.А. (с.31)
Темирханов Г. (с.233)
Темирханов З. (с.34; 54; 59)
Темирханов М. (с.360; 377)
Тимм В. (с.421)
Тимошев В. (с.94)

Тимошенко А.О. (с.377)
Тимошин (с.66)
Тихонов Н. (с.400)
Тишков В.А. (с.589)
Тлохский М. (с.367)
Толстой А. (с.412)
Толстой Л.Н. (с.370; 374; 399; 412; 421; 430; 443; 469; 484; 512)
Томсон В.М. (с.85; 86)
Требелев А.М. (с.197)
Тренев К. (с.411; 413)
Троицкая Е.И. (с.418)
Троцкий Л.Д. (с.197)
Трунов Д. (с.218; 232; 435; 451; 478; 484)
Туганов (с.421)
Тукай Г. (с.364)
Тургенев И.С. (с.237; 484; 517)
Тутышкин Н. (с.72; 73)
Тухачевский М.Н. (с.121)
Тучкова А. (с.396)
Тюляев С.И. (с.449)
Уборевич И.П. (с.155)
Углов В.А. (с.295)
Узун-Хаджи (с.40; 45; 53; 54; 59; 62; 63; 67; 106; 107; 110)
Умаханов М. (с.586)
Умаханов М.-С.И. (с.508)
Умаханов М.-С.К. (с.500)
Уоллинг У.И. (с.36)
Урицкий С.Б. (с.197)
Урчушин (с.77)
Усанов Ф. (с.26)
Услар П.К. (с.357)
Утарбиев И. (с.235)
Фадеев А. (с.216; 471)
Фаталиев Х.М. (с.466)
Фаттахов А. (с.391; 399; 400; 401; 428)
Фатуев Р. (с.400; 410; 411; 412; 413; 478)
Федоров (с.405)
Федоров Д. (с.421)
Фивейский Д.П. (с.237)
Фоминых А. (с.214)
Франт М.Т. (с.112)
Фрибус Л. (с.43; 72)
Фуат-бей (с.113)
Фурманов Д. (с.412)
Хабаев (с.138)
Хадеев А.А. (с.223)
Хаджи-Мурат (с.421)
Хакки-бей Исмаил (с.77)
Халидова М.Р. (с.503)
Халилбеков Д. (с.241; 413)

Халилов М. (с.90; 57; 97; 98; 99; 100; 102; 103; 138)
Халилов Х.М. (с.503)
Халилова М. (с.479)
Халилбеков М.М. (с.467)
Хаметова Х.-Б. (с.508; 509; 510)
Хан-Аварский А. (с.155; 156)
Хангишиев Н. (с.469)
Хан-Магомедов (с.405)
Ханмагомедов Б.-Г.К. (с.503)
Ханмурзаев Н. (с.397; 398; 399; 400; 401; 451)
Ханукаев Х.М. (с.241; 417; 418; 419; 446)
Ханпалаев Ю. (с.434; 468; 508; 509)
Харлаев И.Ф. (с.295)
Хасаев Дж. (с.96)
Хасбулатов Р.И. (с.309)
Хаттаб Э. (с.589)
Хачалаевы М.и Н. (с.322)
Хашаев Х.О. (с.233; 467)
Хетагуров К. (с.364; 365; 431; 479)
Хизри (с.201)
Хизроев М.-М. (с.37; 58; 72; 73; 91; 125; 145; 360; 361)
Хизроева З.М. (с.508)
Хизроева П.Х. (с.478; 517)
Хиль Э. (с.476)
Ходос (с.213)
Хоменко В.А. (с.230)
Хорошев А.Ф. (с.77; 114)
Хочбар (с.443)
Хрущев Н.С. (с.198; 262; 263; 264; 265; 273; 277; 298)
Хрозский Т. (с.229; 239; 397; 431; 434; 452; 467; 469; 484)
Хуришилов М. (с.401; 434; 443; 444; 468; 471; 484)
Хутинаев М.Г. (с.114)
Хуцесов И.Н. (с.29)
Цагалов Г. (с.229)
Цадаса Г. (с.207; 213; 228; 229; 236; 238; 367; 372; 391; 397; 398; 400; 401; 412; 413; 428; 430; 433; 434; 443; 447; 451; 467; 470; 484)
Цаликов (с.97)
Цюпак Р. (с.235)
Чалаев Ш. (с.480; 515; 516)
Чаринов М. (с.197; 398; 406)
Черкеевский А. (с.363).
Чермоев А.-М. (с.39; 59; 60; 78; 117)
Чернов В. (с.36)
Черчиль У. (с.107; 251)

Чехов А.П. (с.430; 484)	Штанчаев Г. (с.197)
Чилаки (с.81)	Штурмин В.Г. (с.215)
Чиркейский С.-А. (с.322)	Шувалов М.М. (с.417)
Чичерин Г. (с.145)	Шугаев Я. (с.572)
Чудносветов В.А. (с.439)	Шукри-бей (с.113)
Чутанов Х. (с.211)	Шушкевич С. (с.302)
Чусов (с.19)	Шахсуваров Н. (с.85)
Чхарташвили А.Я. (с.478)	Щербачев (с.107)
Чхеидзе А. (с.518)	Эльдарава Р.Б. (с.293)
Шамилев (с.138)	Эмирджанов Э. (с.414)
Шамиль (с.101; 127; 138; 226; 367; 464)	Эмин Е. (с.484)
Шамов А.И. (с.449; 495)	Эмирбеков П. (370)
Шамов И.А. (с.495)	Эмиров В.А. (с.218; 219; 229; 434; 447; 451)
Шамхалов И. (с.370)	Эмиров Н.П. (с.440; 461)
Шамхалов М. (с.455)	Эмиров П. (с.34)
Шанавадзе О. (с.29)	Эмиров С.Н. (с.497)
Шанавазов Н. (с.579)	Энгельс Ф. (с.256)
Шаницишвили А. (с.414)	Энеев М. (с.119)
Шапиева С. (с.206)	Эрдели (с.86; 87; 97; 102; 104; 129)
Шапошников И.К. (с.420)	Эренбург И. (с.235)
Шаратилов М. (с.185)	Эришева П. (с.206)
Шатров Н.Т. (с.410)	Эрлих А. (с.72)
Шаулов В. (с.516)	Эфендиев А. (с.52; 73; 112; 119; 139)
Шаумян С.Г. (с.53; 57; 65; 66; 68)	Эфендиев З. (с.468; 478)
Шаханов Б. (с.39; 54)	Эфендиев М. (с.433)
Шахмурадов Ю. (с.572)	Эфендиев О. (с.578)
Шахтахтинский (с.145)	Юденич Н.Н. (с.115; 129)
Швырчков (с.41)	Юдина Е. (с.417)
Шеболдаев Б.П. (с. 77; 94; 100; 112; 119)	Юмин В. (с.572)
Шеварднадзе Э. (с.300)	Юнусилау М.-К. (с.241; 422; 423; 424; 425; 447)
Шевелев С.С. (с.77)	Юнусилау М.Ю. (с.391)
Шевченко Т.Г. (с.430)	Юсупов Н. (с.508)
Шейнгауз Д. (с.441)	Юсупова Ч.С. (с.503)
Шейнин (с.443)	Юсуф Кемаль-бей (с.145)
Шекспир В. (с. 237; 443; 478; 479)	Юсуфзанов Г. (с.34)
Шерипов А. (с.229)	Юсуф-Иззет-паша (с.81; 83)
Шигабудинов М.Г. (с.495)	Юсуфов М.М. (с.503)
Шиллер Ф. (с.410; 478; 517)	Юсуфов Р. (с.363)
Шиллинг Е.М. (с. 449; 461; 462)	Яковенко (с.19)
Шилов Д. (с.233)	Яковлев А.Н. (с.298)
Ширванзаде А. (с. 414; 443; 444)	Яковлев И.Я. (с.360)
Шихалиев Д. (с.363; 369)	Яковлев Л.Ф. (с.370)
Шихсаидов А.Р. (с.493.; 495; 500; 501; 502)	Яковлев Н.Ф. (с.388; 402; 403; 441; 449; 461)
Шихсаидов Ш. (с.269)	Якубов М.А. (с.504)
Шияновские П.и П. (с.413)	Яндарбиев З. (с.526)
Шкуро (с.108; 115; 144)	Ярославский (с.210)
Шмонин А. (с.451)	Ярчак О. (с.560)
Шовкринский Ю. (с.197)	Яхьяев М.-С. (с.468; 469; 477; 478)
Шолодубов А. (с.267)	
Шолохов М.А. (с.430)	
Шопен Ф. (с.416)	

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	5
ГЛАВА V. XX ВЕК: ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ ДАГЕСТАНА.....	7
§1. Вовлечение Дагестана в общероссийский рынок и обострение политических противоречий в общественной жизни.....	8
§2. Первая мировая война и Февральская революция в судьбах Дагестана.....	28
§3. Установление в Дагестане советской власти.....	58
§4. Образование Дагестанской АССР.....	133
§5. Общественно-политическая жизнь Дагестана военных лет.....	206
§6. Общественно-политическая жизнь в послевоенные годы.....	249
§7. Смещение Н.С. Хрущева со всех руководящих постов – конец «хрущевской оттепели».....	273
§8. Общественно-политическая жизнь 70-х – 90-х годов.....	282
ГЛАВА VI. КУЛЬТУРА И ОБРАЗОВАНИЕ В ДАГЕСТАНЕ.....	355
§1. Состояние и развитие просвещения и культуры Дагестана в начале XX века.....	355
§2. Литература и искусство. Первые научные изыскания.....	362
§3. Развитие народного образования с 20-х до 40-х годов.....	374
§4. Становление и развитие литературы, науки и искусства.....	397
§5. Культура в годы Великой Отечественной войны.....	432
§6. Культура Дагестана в период послевоенного восстановления и развития народного хозяйства.....	452
ГЛАВА VII. УСЛОВИЯ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ ДАГЕСТАНА И РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ.....	546
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	591
АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	602

ОСМАНОВ АХМЕД ИБРАГИМОВИЧ

**ДАГЕСТАН В XX ВЕКЕ:
ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ
РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ**

Книга вторая

Редактор *И. Бородина*
Дизайн обложки *О. Шамаева*
Компьютерная верстка *А. Гаджиев*

Подписано в печать 10.12.07.
Формат 60×90 ¹/₁₆. Гарнитура «Times New Roman».
Печать офсетная. Усл. п.л. 37,6. Уч.-изд. л. 37,1.
Тираж 400 экз. Заказ № 07/1

ООО «ДИНЭМ»
367030, РД, г. Махачкала, ул. М. Ярагского, 75
Тел.: 8-928-874-57-53

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru